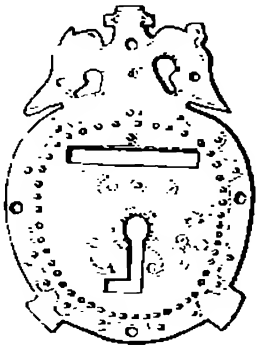
АРХЕОЛОГИЯ

Древняя Русь



Быт и культура

Ответственные редакторы тома
Б. А. КОЛЧИН, Т. И. МАКАРОВА

МОСКВА «НАУКА» 1997

АРХЕОЛОГИЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

АКАДЕМИКА

Б.А. РЫБАКОВА

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик Б.А. РЫБАКОВ (главный редактор),

Р.М. МУНЧАЕВ (зам. главного редактора),

В.А. БАШИЛОВ (зам. главного редактора),

П.Г. ГАЙДУКОВ (зам. главного редактора),

Д.С. КОРОБОВ (ответственный секретарь)

МОСКВА "НАУКА" 1997

Оглавление

Введение (*Т.И. Макарова*) 5

Глава 1

Интерьер древнерусского жилища 8

Предметы жилого помещения (*А.С. Хорошев*) 8

Осветительные приборы (*Р.Л. Розенфельдт*) 10

Глава 2

Домашняя утварь 13

Предметы обихода, кухонная утварь (*А.С. Хорошев*) 13

Замки, ключи и замочные принадлежности (*А.С. Хорошев*) 14

Ножи, бритвы, ножницы (*А.С. Хорошев*) 17

Гребни, расчески (*Е.А. Рыбина, Р.Л. Розенфельдт*) 19

Керамика (*Р.Л. Розенфельдт*) 22

Поливная керамика (*Т.И. Макарова, Р.Л. Розенфельдт*) 28

Стеклянная посуда (*Ю.Л. Щапова*) 31

Привозная керамика. Амфоры и красноглиняные кувшины (*Р.Л. Розенфельдт*) 33

Керамика с поливой, люстром и другими способами орнаментации (*Р.Л. Розенфельдт*) 36

Металлическая посуда, кухонная и столовая (*Р.Л. Розенфельдт*) 38

Ложки (*Р.Л. Розенфельдт*) 41

Бытовые изделия: деревянная тара и посуда (*Р.Л. Розенфельдт*) 43

Изделия из кожи (*Е.А. Рыбина*) 46

Изделия из бересты (*Е.А. Рыбина*) 47

Глава 3

Украшения из драгоценных металлов, сплавов, стекла 49

Парадный женский убор (*Т.И. Макарова*) 49

Украшения с перегородчатой эмалью (*Т.И. Макарова*) 55

Украшения с чернью (*Т.И. Макарова*) 60

Украшения из меди и сплавов (*М.В. Седова*) 63

Поясной набор (*В.В. Мурашова*) 79

Украшения из стекла (*Ю.Л. Щапова*) 80

Глава 4

Древнерусский костюм 93

Одежда (*М.А. Сабурова*) 93

Обувь (*М.А. Сабурова*) 103

Реконструкция древнерусской одежды (*М.А. Сабурова*) 106

Глава 5

Игры взрослых и детей 110

Шашки, "мельница", шахматы (*Е.А. Рыбина*) 110

Игры детей (*Р.Л. Розенфельдт*) 114

Глава 6

Средства передвижения (*А.С. Хорошев*) 120

Глава 7

Новгородские берестяные грамоты (*В.Л. Янин*) 130

Глава 8

Эпиграфика, писала (стили) и церы (*А.А. Медынцева*) 140

Глава 9

Амулеты (*Л.А. Голубева*) 153

Глава 10

Предметы христианского культа (*Т.В. Николаева, Н.Г. Недошивина*) 166

Глава 11

Музыкальные инструменты (*В.И. Поветкин*) 179

Глава 12

Архитектурный декор Руси X–XIII веков (*Г.К. Вагнер, Е.В. Воробьева*) 186

Глава 13

Орнамент Древней Руси 205

Методика изучения орнамента (*Т.И. Макарова*) 205

Зооморфные мотивы в орнаменте (*А.В. Чернецов*) 209

Глава 14

Русские вещи и мастера в Золотой Орде (*М.Д. Полубояринова*) 216

Глава 15

Наследие домонгольской Руси в ремесле XIV–XV веков (*Д.А. Беленькая*) 221

Заключение (*Т.И. Макарова*) 226

Литература (*А.А. Атавин, И.Н. Мержанова*) 232

Список сокращений 246

АРХЕОЛОГИЯ

Древняя Русь. Быт и культура

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Заведующая редакцией "Наука – история" *Н.Л. Петрова*

Редактор *Л.А. Зуева*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *Н.Л. Голубцова, Г.В. Дубовицкая, Р.В. Молоканова*

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 26.09.97. Формат 60 × 90 1/8. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 46,0. Усл.кр.-отт. 47,0. Уч.-изд.л. 54,6
Тираж 1300 экз. Тип. зак. 3316

Издательство "Наука". 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография "Наука". 199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

УДК 902/904
ББК 63.4(2)
А 87

Археология
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах

*ПАЛЕОЛИТ СССР
1984
*МЕЗОЛИТ СССР
1989
*НЕОЛИТ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ
1996
*ЭНЕОЛИТ СССР
1982
*РАННЯЯ И СРЕДНЯЯ БРОНЗА КАВКАЗА
1994
ПОЗДНЯЯ БРОНЗА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ
ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
*ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
1987
*ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ
1985
*АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
1984
*СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР И СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
1992
*СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
1989
*СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.
1993
*ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI–VIII вв.
1982
*ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД. ЗАМОК СЕЛО
1985
*ДРЕВНЯЯ РУСЬ. БЫТ И КУЛЬТУРА
1997
*ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
1987
*СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
1981
КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

*Звездочкой отмечены вышедшие тома.

Настоящий том является продолжением тома «Древняя Русь. Город. Замок. Село» (М., 1985) и посвящен повседневной жизни человека на Руси в IX–XIV вв., от которой до нас дошли предметы обихода, разнообразная утварь, одежда, обувь, украшения, средства передвижения. О духовных запросах людей мы можем судить по произведениям религиозного культа, убранству храмов, музыкальным инструментам, богатой орнаментации, объединяющей все виды искусств. Окном в духовный мир человека стали берестяные грамоты и надписи на различных предметах. Все, о чем рассказано в томе, свидетельствует о том, что бытовые и культурные традиции Древней Руси не были прерваны трагическими событиями середины XIII в., а стали основой, на которой сформировалась Русь Московская.

Для археологов, историков, краеведов, специалистов смежных дисциплин

Рецензенты:

В.П. ДАРКЕВИЧ
Б.А. ТИМОЩУК

Авторы выпуска:

Д.А. БЕЛЕНЬКАЯ
Г.К. ВАГНЕР
Е.В. ВОРОБЬЕВА
Л.А. ГОЛУБЕВА
Т.И. МАКАРОВА
А.А. МЕДЫНЦЕВА
В.В. МУРАШОВА
Н.Г. НЕДОШИВИНА
Т.В. НИКОЛАЕВА
М.Д. ПОЛУБОЯРИНОВА
Р.Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ
Е.А. РЫБИНА
М.А. САБУРОВА
М.В. СЕДОВА
А.С. ХОРОШЕВ
А.В. ЧЕРНЕЦОВ
Ю.Л. ЩАПОВА
В.Л. ЯНИН

Художники:

С.А. БЕДНЯКОВА
В.В. ЛЕНИВКИН
Е.Ф. МАРАКУЛИНА
С.А. СУДЖАЕВА

Археология. Древняя Русь. Быт и культура. – М.: Наука, 1997. – 368 с., ил.
ISBN 5-02-010174-5

Очередной том многотомного фундаментального издания по археологии.

ТП-96-II-№ 30
ISBN 5-02-010174-5

© Коллектив авторов, 1997
© Издательство «Наука», художественное оформление, 1997
© Российская академия наук, 1997

Введение

Настоящий том «Археологии» посвящен культуре и быту Древней Руси. О литературе, архитектуре, монументальном и прикладном искусстве написаны книги и статьи, о быте разных сословий Древней Руси известно значительно меньше. Именно о нем рассказано в этом томе. Он продолжает том, включивший характеристику и анализ городищ, селищ, фортификаций, жилищного строительства, земледелия, вооружения, промыслов и основных ремесел, денежного обращения, международных связей Руси (Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село, 1985).

Знакомство с культурой обычно начинается с выдающихся произведений, которые оставила нам изучаемая эпоха. Такие произведения становятся символами, как, например, церковь Покрова на Нерли, «Слово о полку Игореве» или Рублевская Троица. Но начиналось это высокое искусство с мира вещей, которые создавали безымянные мастера, с предметов обихода, повседневных спутников человека. Они формировали его вкус и звали к подражанию.

Большинство из добытых археологами вещей позволяют воссоздать тот мир, в котором воспитывались великие художники и простые мастера, и оценить их вклад в общую сокровищницу культуры.

Основу этого тома составляет обильный археологический материал: керамика, украшения, фрагменты одежд, детские игрушки и игры для взрослых, разнообразные предметы каждодневного обихода.

Впервые материалы, относящиеся к культуре Древней Руси были обобщены в 1948–1951 гг. в двухтомной коллективной монографии «История культуры Древней Руси» (ИКДР. Т. 1, 2). Очерки, посвященные культуре, написаны в ней крупными специалистами. Этот серьезный труд не устарел и по наши дни. Но за прошедшие с тех пор более чем три десятилетия объем материалов по культуре Древней Руси увеличился.

Особенно это касается археологии: постоянные полевые исследования дают каждый год новые материалы. Стадия накопления при этом сменилась систематизацией и разносторонним анализом. После выхода в свет в 1948 г. капитальной обобщающей работы Б.А. Рыбакова (*Рыбаков Б.А.*, 1948), археологи занялись монографическим исследованием отдельных отраслей ремесла.

Прежде всего, – ведущего ремесла Руси – железообрабатывающего, история и технология которого была разработана Б.А. Колчиными на материале раскопок в Новгороде (*Колчин Б.А.*, 1959. С. 7–119). На материале новгородских раскопок прослежена история кожевенного и сапожного ремесел (*Изюмова С.А.*, 1959. С. 192–222), ювелирного дела (*Седова М.В.*, 1959. С. 223–261; *Рындина Н.В.*, 1963. С. 200–268), стеклоделия (*Щапова Ю.Л.*, 1963. С. 104–163; *Полубояринова М.Д.*, 1963а. С. 164–199).

Изучение ремесла Древней Руси не ограничивалось рамками Новгорода. Археологи обращались к хорошо известным категориям вещей из других центров, исследуя такие сложные техники ювелирного дела, как эмаль или чернь (*Макарова Т.И.*, 1975, 1986), и к самой массовой из всех категорий находок – к керамической (*Смирнова Г.П.*, 1956; *Розенфельд Р.Л.*, 1968; *Макарова Т.И.*, 1967) и деревянной посуде (*Колчин Б.А.*, 1968).

Открытие в Новгороде письменности на бересте (*Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.*, 1953) стало началом новой науки – берестологии. Ее успехи, в свою очередь, придали новый импульс эпиграфике (*Рыбаков Б.А.*, 1964; *Медынцева А.А.*, 1978; *Николаева Т.В.*, 1971). Находки при раскопках в Новгороде и других городах музыкальных инструментов, работы в области каменной пластики (*Вагнер Г.К.*, 1964) и прикладного искусства Московской Руси (*Николаева Т.В.*, 1960; 1976; 1983) позволили сделать всеобщим достоянием многие произведения древних мастеров и по-новому представить древнерусскую музыкальную культуру, каменную монументальную и мелкую пластику, ювелирное мастерство.

Все эти достижения археологии последних десятилетий сделали необходимым обобщение их на страницах одной книги. Но не только количественное накопление материала побуждает нас к этому, но и качественный скачок в методике исследований. Это касается прежде всего новых методов датировок, среди которых первое место занимает дендрохронология (*Колчин Б.А.*, 1963. С. 5–91; *Черных Н.Б.*, 1997).

Хронологическая шкала, разработанная дендрохронологическим методом, дала возможность узкой и точной датировки всех категорий находок в новгородском культурном слое. Разработанная для других городов (Киева, Ладоги, Пскова, Минска, Белоозера, Полоцка, Москвы), она обеспечила надежную хронологию для разнообразных вещей, бытовавших на обширной территории Руси, вплоть до позднего времени.

Не менее важны и новые методы исследований самих вещей (*Колчин Б.А.*, 1959. С. 7–9).

Применение металлографического, спектрального, термического и петрографического анализов для исследования продукции новгородских ювелиров позволило выявить круг технических приемов, с которыми они были знакомы; приемы эти сохранились с X по XV в., в совершенствовании и развитии их ощущается постоянная преемственность (*Рындина Н.В.*, 1963. С. 105, 106, 266).

Спектральный анализ стекла позволил всесторонне изучить стеклянные изделия Новгорода, а потом и стеклоделие Руси в целом (*Щапова Ю.Л.*, 1963, 1972). Спектральный и петрографический анализы позволили по-новому подойти к изучению такой интересной отрасли керамического ремесла, как поливное дело (*Макарова Т.И.*, 1967).

Все это вместе взятое делает целесообразным обобщение достижений в области археологии Древней Руси в отдельной книге, какой и призван стать данный том «Археологии».

Над томом работали восемнадцать авторов, преимущественно сотрудников Института археологии, а также кафедры археологии МГУ (В.Л. Янин, А.С. Хорошев. Е.А. Рыбина) и специалисты из Новгорода и Харькова

© Т.И. Макарова

(В.И. Поветкин и Е.В. Воробьева). Для освещения отдельных частных вопросов были привлечены молодые сотрудники Института археологии (В.И. Завьялов), библиография к тому составлена А.Г. Атавиным, И.Н. Мержановой, раздел главы третьей о поясных наборах написан сотрудницей Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства В.В. Мурашовой. Важные дополнения в главу о предметах христианского культа внесены сотрудницей РИМ Н.Г. Недошивиной.

Содержание тома не охватывает всех сторон быта и культурной жизни Древней Руси. Так, остались без освещения такие важные темы, как книгописание и книжная миниатюра, общее и профессиональное образование, золотное шитье, косторезное ремесло. На это есть объяснения.

Объем сведений о книжной культуре Древней Руси в последнее время значительно увеличился за счет колоссальной работы Археологической комиссии Отделения истории АН РАН, создавшей сводный каталог 494 рукописных книг из разных собраний (Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, 1984). Они дополняют картину культурной жизни русского человека, которую рисует археологический материал – берестяные грамоты и эпиграфика.

Вопросы образования в Древней Руси освещены коллективом авторов (в том числе археологов) в первом томе "Истории педагогики" и поэтому не нуждаются в дополнительном рассмотрении в нашей книге (История педагогики, 1988).

Золотное шитье могло бы стать предметом исследования: остатки его обнаружены археологическим путем. Но все же самые значительные произведения дошли до нас из ризниц и частных коллекций и давно стали предметом пристального внимания искусствоведов. К их работам мы и отсылаем заинтересованного читателя, добавив этот список рядом серьезных исследований археологов (*Свирин А.Н.*, 1963; *Новицкая М.А., Маясова Н.А.*, 1968, 1970; *Фехнер М.В.*, 1979). Отдельные предметы золотного шитья, найденные в раскопках, будут рассмотрены в главах об одежде, написанных М.А. Сабуровой.

Сложнее объяснить отсутствие исследования по косторезному мастерству, так как оно почти целиком представлено изделиями, найденными при раскопках. Однако специально изучены только гребни Старой Ладоги (*Давидан О.И.*, 1962). Опубликованы отдельные костяные изделия из новгородских раскопок (*Медведев А.Ф.*, 1960. С. 63–88). В нашем томе представлены предметы широкого обихода, сделанные из кости – гребни, писала, шахматы. Художественная кость Древней Руси в целом еще ждет своего исследователя.

Тематически том распадается на две части. В первую (главы 1–6) включены статьи, освещающие быт русского горожанина – начиная с интерьера его жилища и кончая транспортом, которым он пользовался, покидая свой дом по хозяйственным делам.

Еще автор «Руководства по славянским древностям» Любор Нидерле справедливо отмечал, что о смерти славян нам известно больше, чем о жизни (*Нидерле Л.*, 1956. С. 180). Это понятно. Погребальные памятники, будь то курган или погребение на городском кладбище, представляют собой целые, нетронутые с момента захоронения комплексы, и археолог может восстановить все детали происходившего здесь в древности погребального обряда. Не так обстоит дело с жилищем. От него в лучшем случае остается только нижняя часть сруба, а от внутреннего убранства – лишь отдельные детали. Поэтому воссоздание интерьера древнерусского жилища – задача со многими неизвестными. Естественно, что надежнее всего она решается на материале раскопок в Новгороде. При этом надо подчеркнуть, что реконструкция интерьера имеет в данном случае не узко региональное значение: деревянная жилая архитектура теперь открыта во многих городах, в том числе и в Киеве (Новое в археологии Киева, 1981. С. 80–121).

Преимущество новгородских материалов для данной темы очевидно: земля этого города сохранила настилы всех уличных мостовых, срубы всех домов и хозяйственных построек от времени возникновения города до конца XV в. В более поздних слоях дерево в Новгороде не сохраняется (*Засурцев П.И.*, 1967. С. 19). Самое же главное состоит в том, что раскопки широкими площадями позволили исследовать целые усадьбы со всеми входившими в нее постройками, т.е. те самые дворы, которые были известны по писцовым книгам и грамотам XVI–XVII вв. (Там же. С. 44).

Средствам передвижения в «Истории культуры древней Руси» посвящен раздел, написанный Н.Н. Ворониным (ИКДР. Т. 1. 1948. С. 280–314). Раскопки в Новгороде дали новые материалы, что позволило вернуться к этой теме.

Но самую массовую категорию находок в культурном слое древнерусского города составляют бытовые вещи: посуда кухонная – горшки, латки, сковородки, противни, в которых готовили пищу; столовая – миски, чаши, керамические и деревянные, кубки, кружки, кувшины; тарная: бочки, амфоры, кадки. Вся эта многочисленная утварь имела не только практическое, но и эстетическое назначение: судя по продуманным пропорциям разных ее типов, по изысканным формам и тщательности декора, она служила и украшением жилища, как это было во времена более поздние, в Московской Руси.

За последние десятилетия разнообразная продукция горшечников и бондарей Древней Руси была тщательно изучена. В результате в предлагаемом вниманию читателей томе впервые дается общая типология и хронология всех видов посуды, бытовавшей на Руси. Очень ценны и серьезные наблюдения о своеобразии гончарного дела в разных географических зонах Древней Руси.

В томе нашлось место и таким принадлежностям стола, как ножи и ложки, питьевые рога и стеклянные кубки. В результате создается полное представление о продукции такого своеобразного ремесла, как ложкорезное дело, с анализом разных типов ложек с самых ранних типов до XVI в. Уделено внимание таким предметам повседневного быта, как гребни, бритвы, пинцеты, копоушки, – реальные вещи, дающие представление о том месте, которое занимала в жизни человека в Древней Руси элементарная гигиена. При этом каждый из этих предметов находит свое место в хронологической шкале древностей, добавляя живые краски к тому «портрету эпохи», который можно воссоздать только с помощью археологии.

Особенно выразительно говорят о вкусах представителей княжеско-боярской среды и разноликого населе-

ния древнерусского города украшения. Хорошо известно, что именно украшения в разных общественных структурах отражают место человека в обществе, его социальный ранг (*Леви-Стросс К.*, 1985. С. 228, 236). Украшения, дошедшие до нас в кладах XI–XIII вв., становятся своеобразным социальным опознавателем.

Не менее важно и то, что именно многие украшения отражают древние верования и традиционные или усвоенные извне ремесленные приемы.

Наконец, украшения как бы аккумулируют в себе эстетические склонности своего времени, являются важным звеном в цепи, связывающей частности в то целое, которое и называется стилем эпохи.

Интересную категорию украшений Древней Руси представляют собой браслеты и перстни из стекла – типичные украшения горожан, продукция новой для XI–XII вв., своеобразной отрасли ремесла – стекловарения. Естественнонаучные методы исследования позволяют характеризовать его технологию и региональные особенности, дают возможность узких датировок разноцветных стеклянных изделий.

Такую же важную социальную функцию, как украшения, выполняла и одежда. Древнерусская одежда не обойдена вниманием ученых (*Арциховский А.В.*, 1948в. С. 234–260; Древняя одежда народов Восточной Европы, 1986). Основным материалом для ее изучения долгое время служили данные этнографии и разнообразный изобразительный материал – миниатюры, фрески, иконопись. Естественно, что при этом основным методом воссоздания костюма Древней Руси была ретроспекция.

Археологические раскопки дали возможность опереться при этом на реальные остатки одежды, находимые чаще всего в погребениях. Это детали головных уборов, поясов, рукавиц, чулок, находки которых насчитываются уже сотнями; это редкие находки целых платьев и десятки сотен фрагментов и целых экземпляров кожаной обуви, огромное количество которых обнаружено в городских слоях, в подавляющем числе – в Новгороде.

Обогащение источниковедческой базы привело к тому, что реконструкция древнерусского костюма проводится с опорой на реальные его остатки, а этнографические и изобразительные материалы служат необходимой для проверки аналогией.

В настоящем томе древнерусская одежда впервые рассматривается преимущественно на археологическом материале.

Существенно дополняют картину повседневного быта Древней Руси игры, о чем свидетельствуют игрушки, от примитивных детских погремушек до шахмат, широко распространенных не только в образованных кругах, но и среди рядовых горожан (*Линдер М.И.*, 1975). Находки последних лет позволили внести много нового в историю шахмат на Руси.

Вторая часть тома (главы 7–15) посвящена духовной культуре Древней Руси. Она открывается исследованием, связанным с крупнейшим событием в археологии XX в. – открытием берестяных грамот. Эта глава вместе со следующей (Эпиграфика. Церы. Писала) проливает свет на те сферы жизни древнерусского человека, о которых мы до недавнего времени почти ничего не знали. Это переписка рядового горожанина, деловая и частная, которая, как оказалось, была повседневным явлением; это обучение детей, достаточно хорошо налаженное в городском быту.

Говоря о духовной культуре, нельзя обойти религиозные представления. Естественно, что том наш, построенный на археологических источниках, решает проблему через призму этих источников. Так, пережитки язычества в Древней Руси рассмотрены на примере реального их свидетельства – широко распространенных в X–XIII вв. амулетах, а христианство – на примере произведений прикладного искусства, применявшихся в храме во время богослужения и дома.

И амулеты, и предметы христианского культа дошли до нас в огромном количестве. Амулеты находят и в погребениях, и в культурном слое городов и селищ. Важнейшим методом их изучения является картографирование, выявляющее отдельные регионы бытования тех или иных типов амулетов. Помимо свидетельства живой языческой старины в христианское время, они становятся еще и показателями сложных этнических процессов, происходивших на просторах Восточной Европы.

Совершенно ясно, что в эпоху феодализма эстетические устремления народа ярче всего реализовались в произведениях, связанных с христианским мировоззрением. Этому способствовало покровительство верховной власти, светской и церковной, выражавшееся, прежде всего, в устройстве постоянных мастерских при княжьих и митрополичьих дворах, при монастырях. Там собирались наиболее талантливые мастера из других стран, там работали с драгоценным материалом по специальным заказам.

За последнее время вышло много работ, посвященных произведениям, созданным в таких мастерских (*Николаева Т.В.*, 1960; 1976; 1983; *Маясова Н.А.*, 1968; *Рындина А.В.*, 1972). Однако общей сводки их с описанием функциональной типологии не было. Раздел, написанный Т.В. Николаевой, восполнил этот пробел.

Раздел о музыкальных инструментах Древней Руси освещает другую сторону ее жизни – светскую, праздничную культуру. Он целиком основан на находках археологов. Это свидетели и участники народных празднеств – сопели, гудки, варганы – и непременные атрибуты богатых пиров – гусли.

Общеизвестно, как губительно отразилось на развитии культуры Древней Руси монголо-татарское нашествие. Археологические материалы рассказывают об этом с документальной очевидностью.

Авторы этого тома хотели показать, анализируя предметы материальной культуры, как выходило русское государство из постигшей его катастрофы. Упорными усилиями оно стремилось сохранить преемственность от древнерусского государства поры его процветания. Поэтому мы не ограничили анализ различных предметов быта только первой половиной XIII в., а продолжили его и на материалах второй половины XIII–XIV в., и даже отчасти XV в. Обыденные вещи и произведения искусства, сделанные простыми мастерами и настоящими художниками в эти столетия, донесли традиции ремесла и искусства Древней Руси до своих потомков.

Глава 1
Интерьер древнерусского жилища

Предметы жилого помещения

Детальная реконструкция внутренней обстановки и меблировки древнерусского дома затруднена разрозненностью археологического материала, который, правда, весьма незначительно компенсируют данные этнографии, иконографии, письменных источников. Впрочем, эта компенсация, в частности отмеченная исследователями стандартизация композиционных и конструктивных приемов, дает возможность наметить устойчивые черты жилого интерьера (*Бломквист Е.Э.*, 1956; *Габе Р.*, 1955; *Маковецкий И.В.*, 1962; *Рабинович М.Г.*, 1964; 1968): ограниченные объемы жилища, единство планировки и меблировки, основной поделочной материал – дерево. Именно эти составляющие наряду с вековыми традициями уклада определили то удивительное однообразие внутреннего устройства домов, которое характерно для всего восточнославянского мира.

Стремление минимальными средствами создать максимум удобств обусловливало лаконизм интерьера, основными элементами которого были печь, неподвижная мебель – лавки, полати, разнообразные поставцы и подвижная – стол, скамья, столец, кресла, различные укладки – коробья, сундуки, кубелы. Цельность восприятия такого интерьера достигалась благодаря нерасчлененности пространства помещения. Деление ее стенками либо переборками не практиковалось.

Древнерусская печь, вся целиком включенная в помещение избы, являлась и в прямом и в переносном смысле домашним очагом – источником тепла и уюта. Недаром в лексикологии древнерусского периода понятие «жилище» ассоциировалось не только со словами «дом», «изба», но и «истьба», «истобька» или «истопка» (НПЛ под 1093; Лавр. л. под 1074, 1097 и др.), которые подчеркивают главенствующее положение печи в помещении.

Печь очень рано превратилась в важный элемент украшения интерьера. Присущее русским мастеровым стремление к красоте способствовало выработке лаконичных средств оформления очага и припечного пространства. При этом использовались различные материалы: глина, дерево, кирпич, изразец. Обычай белить печи и расписывать их разнообразными узорами и рисунками, по-видимому, весьма древний. В XVI–XVII вв. широкое распространение получили сплошные изразцовые плоскости. Включение отдельных изразцов известно с раннего средневековья: немногочисленные обломки изразцовых кирпичей находят в городских напластованиях, нередко внутри построек, начиная с XI в. Непременным элементом декора печи являлись припечные доски, закрывавшие устье истопки. Их нередко украшали резьбой, что придавало им изысканность. Изредка декорировались даже наружные части столбов опечка. В одной из новгородских построек XIV в. плоскость столбов опечка в нижней, выступающей над поверхностью пола части была декорирована простым геометричным прорезным орнаментом (зубчиком).

Околопечное пространство, как правило, выделялось грядкой, т.е. двумя брусами или перекладинами, которые укреплялись над челом печи. Опорой им служил массивный печной или опечный столб (стамик), торцы заводились в стены дома. Стамик, обычно его верхний конец (приголовок), обтесывали в виде плавного мягкого завитка или в форме лошадиной головы, или шарика, на который вешали полотенце. Позднее стамик по наиболее распространенному декоративному элементу стали называть коником или боранкой.

Возможно, в ряде построек невысокая перегородка могла отделять стряпущую (шомнушу) от остального пространства избы. Аналогичный конструктивный прием известен по этнографическим материалам Севера и Северо-Запада (*Бломквист Е.Э.*, 1956. С. 20–23; *Габе Р.* 1955. С. 82, 83). Подобная перегородка представляла собою красивую ширму с архитектурно обработанными филенчатыми плоскостями или резными приголовными фигурами. Таким образом перегородка органически включалась в состав неподвижной, врубленной в стены мебели.

Неподвижная мебель встраивалась и рубилась одновременно с избой, образуя с ней одно неразрывное целое: лавки, поставцы, посудники, полати и весь остальной деревянный «наряд» избы.

Встроенные в стены лавки являлись важнейшим элементом дома. Впервые укрепленные от осыпания подпорными стенками земляные лавки были зафиксированы в полуземляночных жилищах роменской культуры (*Рыбаков Б.А.*, 1939. С. 324). Днем они использовались для сидения, а ночью как ложе. Такие лавки были традиционными в древнерусских жилищах Рязани, Вышгорода, Суздаля и других городов.

В ряде построек в конце XII в. прослежены остатки столбов, вкопанных внутри помещения на некотором расстоянии от стен; их можно трактовать как опоры лавок (Древняя Русь. Город, замок, село. 1985. С. 150, 151). Подобным же образом можно интерпретировать остатки столбов, удаленные от стен избы. Вероятно, с опорных столбов перекидывались брусья, торцы которых заводили в стену сруба. На них укладывались доски лавок.

Встроенные стационарные лавки нередко дополняли лаконичными деталями, органично вписанными в архитектонику помещения, в том числе резными досками (опушками), которые пришивались к наружному торцу лавки (табл. 1, *25*), подставками – стамиками (балясинами), подпиравшими лавку в двух-трех местах. Подобные детали нередко выразительно декорировали (табл. 1, *6*).

Плоскость стен оптимально использовалась под различные полки – залавники, полавники, посудники, судники, блюдники, мисники, поставцы. Последний термин наиболее употребителен для множества посудных по-

© А.С. Хорошев, Р.Л. Розенфельдт

лок. Стационарные поставцы нередко врубались в пристенные столбы. При этом книзу их делали шире, а вверху – у́же. На нижних полках держали массивную посуду, на верхних – мелкую (*Костомаров Н.И.*, 1860. С. 54).

Вероятно, поставцам придавалась выразительная декоративная форма. В любом случае, генетически восходящие к поставцам «шафы» «шахвы», «шкафы» были предметом особого внимания мастеров XVII–XIX вв., что подтверждается этнографическим материалом.

О широком распространении в древнерусском быту поставцов, вписанных в архитектонику внутренних пространств даже парадных приемных залов, писал еще С. Герберштейн (1908. С. 204).

Однако в археологических коллекциях детали поставцов не вычленены из массы разрозненных деталей меблировки. Единственное, о чем можно говорить с уверенностью, так это о специальных полочках для хранения деревянных ложек (*ложечники, лжичники* (табл. 2, *1*); вполне достоверна и их конструкция, известная по этнографическим материалам (см. табл. 2, *2*). Помимо стационарных лжичников, использовались и переносные стояны для ложек.

К стационарным предметам древнерусской избы следует также отнести настенные крюки-спицы и подвесные крюки. Они служили вешалками для одежды, головных уборов, всякой утвари, в том числе посуды, конской сбруи и т.п. Устройство спиц и подвесных крюков однотипно: клин либо палка с сучком. Верхняя часть подвесных крюков нередко дополнительно обрабатывалась под крепление (табл. 2, *3–4*). Настенные крюки-спицы вбивали клином в паз или трещину стены (табл. 2, *8–10*). Им часто придавали форму птичьих головок, звериных мордочек и даже человеческих личин. Этнографически известен шапочник – специальная доска с крюками-спицами, прикреплявшаяся у входа. Редки находки металлических подвесных крюков, в верхнюю часть которых вставлялось подвижное кольцо для крепления (табл. 2, *11*).

Помимо встроенных лавок, древней формой мебели были переносные скамьи. Обычное место скамеек – у стола. Наиболее архаичный вариант – скамья, сделанная из тесаного древесного ствола с обрубленными сучьями-ножками (табл. 1, *14*). Нередко использовались приставные скамьи с двумя ножками на одном торце, другим торцом клавшиеся на стационарную лавку либо вставлявшиеся в соответствующие пазы в стене (табл. 1, *17*). Принцип изготовления приставных скамей аналогичен архаичным образом переносной скамьи. Впрочем, имелись переносные скамьи современного типа (табл. 1, *22, 24*) – с четырьмя ножками или с заменяющими их глухими досками по концам (*Павлович Ю.*, 1929. С. 46–51). Скамьи дополнялись спинками. Их делали из тонких липовых досок, которые затем пришивались лозой к брусьям спинки скамьи либо прикреплялись балясинами. В городском быту позднейшего времени были известны переметные скамьи с откидной спинкой-переметом. Обычно спинки скамей орнаментировались (табл. 1, 22). Боковины скамей украшались прорезным орнаментом (табл. 1, *8*), а возможно, дополнялись подлокотниками, оформлявшимися объемными скульптурными изображениями. Так мы склонны объяснять различные части зооморфных скульптур новгородской коллекции со следами скола от какого-то крупного предмета (табл. 1, *24*; *2, 6–7*).

Столы, подобно лавкам, восходят к стационарным образцам. Впрочем, их роднит не только происхождение, но и значение древнерусского слова «стол»: оно адекватно в отношении таких предметов, как скамья, сиденье, ложе (Синод. Пат. XI в., Жит. Нифонта и др.). Изначальное значение термина – «нечто застланное», «застланное чем-нибудь (тканью, ковром) место» (*Черных П.Я.*, 1956. С. 82).

Прообраз передвижного стола – неподвижные глинобитные столы с глинобитными лавками около них – известен в пронских жилищах XI–XIII в. в Рязанской области (*Милонов Н.П.*, 1931) и в киевской землянке XII в. (*Каргер М.К.*, 1958. С. 310–312). Передвижной стол унаследовал от своего архаического предшественника постоянное место в интерьере древнерусского жилища – в переднем углу.

Этнографический и иконографический материал дает возможность реконструировать его облик. Такой стол имел забранное досками подстолье (раму, связывающую ножки стола) и толстые короткие ножки. Массивная столешница из плотно скрепленных, хорошо подогнанных досок всегда делалась съемной. Края столешницы значительно выступали за подстолье, иначе за столом было бы неудобно сидеть. Подстолье использовалось рационально: верхнюю часть, забранную боковинами, приспосабливали под расхожую обеденную посуду. Иногда низ стола обносили деревянной решеткой – здесь зимой держали кур.

Вероятным переходным типом от неподвижного к передвижному столу (со стационарным местом в интерьере) является стол, врубленный узкой торцевой стороной в фасад сруба, противоположной стороной опиравшийся на две массивные ножки. Этнографически подобный вариант стола известен.

К скудной подвижной мебели относятся стульчики – род невысокого табурета. Их варианты многообразны. Известны табуреты, сделанные из комля сосны с корнями-ножками, обрезанными до нужной высоты. Для тех же целей использовались части дупла или выдолбленного ствола, а затем обшивали их сверху кожей или тканью. Близки к ним по форме табуреты-стулья, известные по новгородским материалам. Подобные стулья делали из четырех гнутых прутьев со специальными пазами. Остов такого стула-табурета был кубическим. Его верхнюю плоскость перекрывали досками, забранными в продольные пазы верхних планок (табл. 1, *21*).

Возможны были табуреты и другой, более сложной формы. Косвенное свидетельство в пользу бытования разных вариантов стульев-табуретов – обширная терминология подобных предметов. Слово «стул» в письменных памятниках известно только с XVI в. (И.И. Срезневский цитирует послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь ок. 1578 г.). Но это не значит, что предмет, названный данным словом, не был известен ранее. В книжных памятниках древнерусского периода для обозначения этого понятия употребляются такие слова, как «седло» (ПВЛ под 6582 г.), «селище» и, конечно, «столец». Но трудно сказать, каким словом это понятие выражалось в просторечии. Не называли ли предмет

словом, которое Даль отмечает как областное новгородское «ослон-стул»?

С давнего времени употреблялось слово «кресло». Именно с ним связывает Б.А. Колчин происхождение ряда находок резных спинок из новгородской коллекции дерева (*Колчин Б.А.*, 1971. С. 25–27). Они разнообразны по форме и орнаментации (табл. 1, *9, 11–13*). В задней стенке сделаны специальные пазы для крепления на высоких ножках. Подобные варианты сидений могли иметь резные скульптурные боковины и даже подлокотники с художественно обработанными поверхностями (табл. 2, *6*).

В древнерусском быту кровать была редким явлением, хотя само слово встречается в ранних древнерусских текстах, например в «Слове о полку Игореве»: «Одеваху мя, рече, чръною паполомою на кровати тисовой...». Вероятно, подобные предметы были роскошью, доступной только знати. Впрочем, кровать могли называть ложем, легалом, постелей, одром.

Непременной частью обихода была колыбель (люлька, зыбка), подвешенная на гибком шесте (оцепе) укрепленном под потолком. Сама люлька представляла собой невысокий ящик без дна, иногда согнутый из луба, либо просто раму, сбитую из четырех планок. Вместо дна натягивали холст, бересту или луб. Иногда к краям зыбки пришивали деревянные стенки (табл. 1, *15*).

В этнографическом материале восточных славян известны многочисленные приспособления для обучения малышей сидеть, стоять и ходить: седухи (седульки), стояки (стоюнки), ходульки (ходушки), возочки и т.д. Впрочем, в археологическом материале остатки подобных предметов не встречены, а их детали почти не отличимы в массе деревянного бытового инвентаря.

Особое место в интерьере древнерусского жилища занимали различные укладки, коробьи, сундуки, кубелы, скрыни для хранения одежды, белья, ценных вещей. Термин «укладка» употребляли для обозначения почти всякого переносного хранилища для одежды и других вещей – это и лубяной короб, и деревянный сундук, и липовая кадка с крышкой и замком (кубел).

Наиболее совершенная форма кубла – высокая, узкая, почти цилиндрическая долбленая кадка с ушками, отдельной крышкой и накладной-проушиной для заклинивания (табл. 1, *23, 26*). Применялись для подобных целей также бондарные сосуды из клепок. Деревянные хранилища закрывались на замок (табл. 1, *16, 19, 20*), а их плоскости (стенки и крышки) украшались снаружи резным рисунком (табл. 1, *18*).

Древняя форма сундука – простой деревянный ящик с плоской крышкой. Подобный (без крышки) был обнаружен в новгородских напластованиях XI в. Безусловно, размеры сундуков варьировались в зависимости от назначения. Об этом свидетельствуют разные размеры нутряных замков. Наверняка, сундуки дополнительно оковывали железными полосами, накладками, жуковинами. В коллекциях из городских напластований есть образцы, использовавшиеся для подобных предметов.

Безусловно, в интерьере древнерусского жилища были предметы, совмещавшие разные функции. К таковым следует отнести «рундуки» (вероятно, длинные лавкилари), упомянутые среди убранства княжеского терема на страницах «Сказания о Мамаевом побоище».

Особое место в древнерусской избе занимали предметы религиозного культа как христианского, так и языческого, причем нередко они соседствовали. С. Герберштейн писал: «В каждом доме и жилище на более почетном месте у них имеются образы святых, нарисованные или литые; и когда один приходит к другому, то, войдя в жилище, он тотчас обнажает голову и оглядывается кругом, ища, где образ...» (*Герберштейн С.*, 1908. С. 86, 87).

Впрочем, столь же традиционными в интерьерах жилищ были предметы домашнего рукоделия; представить в зимнее время избу без ткацкого станка и прялки невозможно.

Необходимо учитывать социальную поляризацию древнерусского общества, которая отражалась и на внешней, и на внутренней характеристике жилища. Это было очевидным уже для книжника XI в., укорявшего хозяина богатой «храмины»: «ты же жив дому, повалуше испьсав, а убогый не иметь, къде главы подъклонити» и призывавшего подумать «...о убогыхъ, како льжать нынине, дождевыми каплями, яко стрелами пронжаеми, а другыя от неусповения седяща, водою подъяты» (Изборник Святослава). Эти сопоставления отражают реалии тогдашней жизни, когда убогие жилища одних ютились в непосредственной близости от деревянных хором и каменных дворцов других.

Однако мы не вправе исключать стремление бедняков обиходить свое жилище. Некоторые из них, не имея достаточных материальных средств, обладали другим ценным качеством – умением не только преодолеть пространственную ограниченность помещения, но и украсить его. Этнографический материал крестьянской избы это подтверждает.

Осветительные приборы

Важным декоративным элементов древнерусского жилища были светильники. Им придавали особое значение потому, что естественный свет слабо проникал сквозь волоковые окна и внутренность дома большую часть дня оставалась темной.

Все осветительные приборы можно разделить на три группы: это сосуды для масла, подсвечники и светцы-лучинодержатели.

Масляные светильники использовали на Руси с раннего времени. Целая коллекция их была найдена в славянском слое Саркела–Белой Вежи (*Плетнева С.А.*, 1959. С. 253. Рис. 38, 38). Их делали из обычной горшечной глины, округлыми или подчетырехугольными, на стояках или без них, иногда они предназначались для подвешивания.

Примечательно, что основная масса светильников первой группы происходит из южных районов Руси,

связь их с традицией, идущей из городов Северного Причерноморья, несомненна (История культуры Древней Руси, 1948. С. 232). Среди масляных светильников раннего времени нужно упомянуть бронзовый светильник иранского происхождения, найденный в одном из курганов Гнездовского могильника (*Сизов В.И.*, 1902. С. 60. Табл. VIII, 4; *Даркевич В.П.*, 1976. С. 52. Табл. 45, 4–6). Он датируется IX–X вв.

Начиная с X в., широко распространяются в южнорусских городах светильники в форме кувшина, к верхней части которого примазано плоское блюдце для масла (табл. 3, *1–4*). В боковой части основания такого светильника делался овальный вырез для того, чтобы сосуд не попортился при обжиге.

Прототипы подобных светильников известны среди керамических изделий Крыма X в., есть они и в хазарском слое Саркела. На Киевщине они доживают до XIII в. Их формовали на круге, доказательством чего служит линейно-волнистый орнамент на боковых поверхностях. В Новгороде с XI в. распространились керамические светильники иного вида. Наиболее ранние из них имеют конический стояк, открытый снизу. К верхней части примазано довольно глубокое блюдце для масла (табл. 3, *5, 8*). Очевидно, такие светильники ставились не прямо на стол, а на глиняное блюдце. Изготовлялись они всегда на круге, а в XII–XIV вв. их покрывали поливой (табл. 3, *6*).

С XII в. в Новгороде стали пользоваться масляными лампами такой же формы, но с глиняным блюдцем, примазанным уже к нижней части стояка (табл. 3, *7, 9*). Иногда их тоже покрывали поливой, обычн зеленой. Такого типа лампа XII в. из Пскова была приспособлена для подвешивания.

С XI в. в Киеве и Киевщине появляется большая серия масляных ламп, так называемые светильники киевского типа – поначалу их считали характерными только для этого города. Это полые, открытые снизу стояки, к которым прикреплены два блюдца – одно вверху, другое – в верхней трети стояка. При горении в нижнее блюдце с верхнего стекало масло.

Стояки таких светильников украшались линейно-волнистым орнаментом, все они изготовлялись на круге гончарами. Наиболее ранние делали из обычной горшечной глины; светильники XII–XIII вв. – из светложгущейся глины. Их высота варьировалась, иногда их покрывали поливой (табл. 3, *12, 14, 26, 27, 33, 34*).

За пределами Киева подобные светильники были найдены в Вышгороде и Гришенцах (*Мезенцева Г.Г.*, 1973. С. 72–77), в Смоленске и Смоленской области (*Седов В.В.*, 1960, С. 87) (табл. 3, *15*). Судя по всему, они там местного производства. Такой светильник найден в нижних горизонтах культурного слоя Москвы (*Розенфельдт Р.Д.*, 1968) (табл. 1, *19*; табл. 3, *13*).

В других городах Руси с XI в. бытовали масляные лампы более примитивной конструкции. Они имели вид плоского блюдца, примазанного сверху к трубчатому стояку конической формы, обычно открытому снизу. Вероятно, они ставились на керамические блюдца. Такие светильники формовались на круге из горшечной глины. Их находили при раскопках в Ржищеве в 1963 г. в урочище Монастырек (табл. 3, *22*), в Старой Рязани (*Монгайт А.Л.*, 1955. Рис. 93. Табл. 3, 11), в Галиче (*Пастернак Я.*, 1944. Рис. 81, 7). У последнего стояк граненый (табл. 3, *10*).

Широко были распространены на Руси масляные лампы в форме низких мисок с загнутым внутрь краем и ручкой (табл. 3, *16, 20, 23*). Ручки имели вид длинных выступов или петли (табл. 3, *18, 19, 24, 23, 16, 20*). Подавляющее большинство светильников этого типа было найдено в Киеве (рис. 3, *17*). Но находили их и в Смоленске, Полоцке, Новгороде, а в Любече была найдена серия таких ламп. Необычный светильник в форме горшка со сквозными отверстиями для фитилей и петлевидной ручкой найден в городище Ивань на Киевщине (табл. 3, *21*).

Своеобразный вариант керамических светильников домонгольского времени представлен закрытыми сосудами ладьевидной формы с носиком для фитиля и довольно узким горлом (табл. 3, *25, 32*). Иногда их называют «петушками». Два таких светильника конца XII в. были найдены в Киеве, их часто интерпретировали как умывальники. Еще один подобный формы сосуд найден в слое того же времени в Рязанской области (*Монгайт А.Л.*, 1961. С. 284. Рис. 123).

Вторую группу светильников составляют подсвечники. Они использовались для восковых свечей, сальные свечи появились гораздо позднее. О свечах постоянно упоминается в письменных источниках, начиная с X в. (свечая). Находят свечи и при раскопках, целая коллекция их происходит из Новгорода. Для освещения рядовых жилищ использовали свечи диаметром от 0,8 до 2,5 см, в церковном обиходе – диаметром до 4–5 см.

Известны находки кругов воска, из которых не отливали, а скручивали свечи: фитиль плотно обматывали по спирали размягченной полоской воска, а потом окунали в жидкий воск, который заполнял стыки полосы и неровности поверхности. Примечательно, что свечники были довольно многочисленной в городах ремесленной профессией (*Арциховский А.В.*, 1939. С. 12). Богатые дома и культовые сооружения на Руси располагали для освещения бронзовыми подсвечниками. Один такой подсвечник лиможской работы XIII в. был найден во Вщиже, там же был найден бронзовый подсвечник с ажурным основанием XII в. (*Рыбаков Б.А.*, 1953б, вклейка к с. 104; *Даркевич В.П.*, 1966. С. 20, 21, табл. 22, 4, 5) (табл. 8, *2, 37*). В алтаре храма окольного города Переяславля в 1953 г. были обнаружены части бронзового литого подсвечника XII–XIII вв., видимо французской работы (*Даркевич В.П.*, 1966. С. 16, табл. 10, 5). На городище Княжья Гора найден бронзовый подсвечник с богатым орнаментом. По мнению В.П. Даркевича, он сделан во Франции в XII–XIII вв. (*Ханенко Б.Н.* и *В.И.*, 1902. Табл. IX, 243; *Даркевич В.П.*, 1966. С. 14. № 18. Табл. 8, 4). Там же был найден подсвечник, украшенный головками животных (*Ханенко Б.Н.* и *В.И.*, 1902. Табл. IX, 242; *Даркевич В.П.*, 1966. С. 14. Табл. X, 1–3). Он попал на Русь из Северной Германии или Скандинавии XII–XIII вв.

При археологических работах на территории Суздальского собора были найдены шесть фигурок львов со следами железных штырей на спинах. Н.Н. Воронин предполагал, что эти фигурки, выполненные русскими мастерами, служили подножьями двум большим подсвечникам, каждый из которых покоился на спинах трех львов (*Воронин Н.Н.*, 1956. С. 23, 24. Рис. 11).

В рядовых жилищах Древней Руси подсвечники делались из дерева, глины, иногда из камня.

Деревянные подсвечники состояли из круглого в сечении стержня с гнездом для свечи. Нижний конец его был округлым или прямоугольным (табл. 3, *30, 29*). Находки таких подсвечников многочисленны в культурном слое Новгорода с X по XIV в. (*Колчин Б.А.*, 1968. С. 80; 1968–а. С. 219, 220). Несколько деревянных подсвечников были найдены в Новгороде на Готском дворе. На их подставках изображены тамгообразные знаки (табл. 3, *28, 31*).

Для свечей небольшого диаметра широко использовали железные подсвечники, значительное число которых было найдено при раскопках в Новгороде (*Колчин Б.А.*, 1959. С. 97–99). Они имеют вид уплощенного штыря, который забивали в стенку сруба, другой его конец представлял собой отогнутую под углом трубку. Такие подсвечники появились в Новгороде в XIII в., найдены они и в Пскове (табл. 3, *41–43*). Бытовали они долго: их много в слоях XV–XVII вв. в Москве (*Рабинович М.Г.*, 1964. С. 246. Рис. 105, 5).

В Новгороде с XII в. распространяются железные подсвечники с отходящими от стояка двумя-тремя ветвями, снабженными трубками для свечей. Подобные подсвечники во множестве находят в Москве, в слоях XV–XVI вв.

Судя по новгородским материалам, с XIII в. дома на Руси освещались лучинами, с помощью приспособления для их удержания – светцов. Это стержень, заканчивающийся парными пружинами, в которых зажималась лучина. Стержень забивался в деревянный стояк, а под лучиной ставилось корыто с водой.

В XIII в. были распространены железные светцы с одной парой пружин (табл. 3, *37, 39, 40, 41*). Иногда светцы снабжались подсвечниками для свечи. Форма светцов со времени усложнялась, в XV в. светцы стали делать с тремя парами пружин, сразу для трех лучин.

Классифицировал светцы по материалам Новгорода Б.А. Колчин (*Колчин Б.А.*, 1959. С. 97, 98. Рис. 83). Их находили и в других городах: в Пскове, Старой Руссе, Белоозере. Л.А. Голубева полагает, что они бытовали и в XII в., а наиболее ранние – в XI в. (*Голубева Л.А.*, 1973а. С. 126. Рис. 44, 5, 7).

В Древней Руси были широко распространены и такие не бытового назначения осветительные приборы, как хоросы и лампады, но они связаны не с каждодневным хозяйственным бытом, а с христианским культом.

Глава 2

Домашняя утварь

Предметы обихода, кухонная утварь

Коллекция домашней утвари обширна и многообразна. Рациональные формы предметов быта вырабатывались чрезвычайно рано и стабильно повторялись, практически без модификаций, на протяжении столетий. Большинство из них сохраняется в быту современной деревни. Их описание позволит в этом убедиться.

Коромысла. Как известно, это дугообразная дубовая планка, стесанная на концах по центру. Длина коромысла колебалась от 140 до 170 см. Длина средней (плечевой) уплощенной части составляла 45–55 см. На концах коромысло имело прямоугольное сечение 2,5 × 5см. Более широкие плоскости – исключительны. Для навешивания ведер на концах делались вырезы – крючки. Иногда спинку коромысла декорировали валикообразными выступами, что, впрочем, нетипично (табл. 4, *13*, *14*).

Мутовки. Это еловые палки с коротко срезанными на одном конце разветвлениями нескольких сучков для вымешивания теста, смешивания разных жидкостей, мытья круп, взбивания масла и других операций. В деревне ими пользуются до настоящего времени. В древнерусских напластованиях подобные находки повсеместны и многочисленны (табл. 4, *6*). Размеры их разнообразны: от 70 до 15 см длиной.

Ступа и пест. Использовались для измельчения зерна в крупу, толчения льна и других полуфабрикатов. Песты встречаются значительно чаще, чем ступы. Их конструкция совершенно аналогична современным деревенским образцам (табл. 4, *4*, *5*). Внутренний диаметр ступы равнялся 22–26 см. Длина пестов колебалась от 70 до 120 см. Диаметр песта в наиболее широкой части составлял 8–10 см. Длина перехвата – разная. Песты были как двуручные, так и одноручные. Рабочая часть стержня либо цилиндрическая, либо вытянута к концам.

Помимо ручных ступ, использовали ножные. Они хорошо известны по археологическим материалам Белоруссии. Основу ступы составляет полукруглая плаха из толстого ствола, в переднем конце которой выдолблено углубление для засыпки зерна. Обдирка его от шелухи производилась деревянным пестом, который крепился в переднем конце длинного бруса-рычага поперек плахи-колоды. Движение песта вокруг оси колоды производилось нажимом ноги. В заднем конце колоды прорубался сквозной паз.

Корыта. В современном значении это слово встречается в литературных средневековых памятниках. В частности, в переводе Библии по списку XIV в. сказано: «Въ корытехъ поилъныхъ». Их применение в хозяйстве было широким: для приготовления начинок, сеяния муки, замешивания теста, рубки капусты, стирки. Находки корыт достаточно часты в напластованиях X–XV вв. Форма стабильна – деревянная полуцилиндрическая емкость, выдолбленная с плоской стороны (табл. 4, *7*). Размеры корыта варьировались в зависимости от функциональной необходимости: большие – длиной около 120 см и шириной до 40 см; средние – соответственно около 80 и 30 см и малые – 40–50 и около 20 см. У малых корыт с торцевой стороны иногда есть ручка. Были и двухсекционные корыта – с перегородкой в середине выема.

Совки. Ими черпали зерно и муку. Они имели желобчатую, немного уплощенную форму. С одной стороны находился открытый край, с другой – короткая рукоятка (табл. 4, *8*). Их находки в целом состоянии достаточно редки, хотя широкое и повсеместное использование в быту – безусловно.

Вальки. Одни из самых распространенных предметов обихода. Это круглый деревянный болван с рукояткой (табл. 4, *10*). Вальки использовали при стирке одежды и белья, белении холстов, обмолоте льна, раскатывании теста и тому подобных работах. Так как валек не предназначался для удара по твердой поверхности клина или долота, то болван его был всегда без изъянов. Поэтому по состоянию поверхности валек легко отличить от маленького чекмаря. Средние размеры валька таковы: диаметр – 7–9 см, длина болвана – 23–25 см, длина круглой ручки – 10–12 см. Вариации незначительны. Вальки были не только круглыми, но и плоскими (пральники). Размеры плоских вальков таковы: длина – 27–30 см, ширина – 9 см, толщина – 3 см. Длина круглой рукоятки – 14 см. Впрочем, их находки значительно реже.

Сковородник-чапельник. По-прежнему необходимая вещь на кухне. Древнерусские находки отличаются от современных размерами и формой развилья, но функциональное назначение то же: приспособление для посадки и выемки сковороды из печи. Чапельники представляли собой длинные (от 45 до 50 см) железные стержни с небольшим развильем на конце (табл. 4, *3*). Ширина развилья (паза) – 6–7 см, глубина – 20–30 мм. Стержень чапельника насаживался или вставлялся острым черенком, или надевался втулкой на деревянную рукоятку (втульчатый сковородник).

Железный таганок. Это или обруч на ножках служивший подставкой для посуды, если пищу готовили прямо на огне, или плоское железное кольцо (диаметром 175 мм) на трех ножках (табл. 4, *1*); ножки (высотой 60 мм) приваривались к кольцу.

Угольные совки. Из предметов, связанных с топкой печей, найдены угольные совки и помелья. Такой совок представляет собой небольшую деревянную колодку, насаженную поперек на длинную палку (табл. 4, *9*). Им задвигали в печь дрова и разгребали угли. Изначальная длина колодки достигала 20–25 см; но постепенно совок обугливался и укорачивался. Деревянные

© А.С. Хорошев, Е.А. Рыбина, Р.Л. Розенфельдт, Т.И. Макарова, Ю.Л. Щапова

совки аналогичной формы дожили до наших дней. Печное помело всегда составлялось из еловых прутьев.

Пивные ковши. Среди многообразных по формам и емкости образцов деревянной посуды особо можно выделить большие пивные черпаки (табл. 4, *12*). Их использовали при варке пива. Емкость таких черпаков равна примерно 6 л. Подобные ковши используют в быту современной деревни.

Для варки пива в открытых деревянных кадках использовали пивные клещи. По форме они не отличаются от крипичных клещей – специализированного инструмента металлурга-кричника (табл. 4, *11*). Клещи имеют большие, характерно закругленные губы для обхвата раскаленных камней и длинные рукояти (до 60 см).

Указанные предметы не исчерпывают перечень кухонной утвари. Пищу варили в больших медных котлах – наиболее распространенное название металлической посуды вообще. Термин часто встречается в переводных и оригинальных памятниках (*Срезневский И.И.*, 1893. Т. 1. С. 1304). Клепаный корпус котлов всегда делали из толстой листовой меди. Их находки в городских напластованиях практически исключены: при остром дефиците цветных металлов лом шел в переплавку. О широком использовании котлов свидетельствуют многочисленные находки железных ушек, приклепывавшихся к их корпусу медными заклепками, которые нередко сохраняются в отверстиях ушек. Изготовление котлов выделилось в отдельную профессию: в Новгородской I летописи под 1216 г. упомянут Антон-котельник.

В обиходе (начиная с X в.) широко использовались железные сковороды. Упоминания о них в древнерусских текстах немногочисленны (*Срезневский И.И.*, 1903. С. 377), но тем не менее этот тип посуды был хорошо известен в быту. Сковороды ставили непосредственно на угли, поэтому они быстро изнашивались (железо пригорало); археологи обычно находят их обломки. Древнерусские железные кованые сковороды несколько отличались от современных чугунных: они имели форму шарового сегмента с довольно большим радиусом, плоского дна у них не было (табл. 4, *2*). Изготовлялись сковороды разных размеров – диаметром от 15 до 30 см; их расковывали до толщины – 2–1,5 мм.

Замки, ключи и замочные принадлежности

Замки появились одновременно с частной собственностью. В древнерусском городе и деревне они широко представлены уже в напластованиях IX–X вв., а в позднейших – это уже неотъемлемый атрибут быта горожан (*Колчин В.А.*, 1959. С. 78–93).

Замки древнерусских ремесленников представляли собой сложные механизмы; их основной элемент – система расходящихся пружин, которая фиксировала разные положения рабочего элемента замка (дужки либо засова). Подобная конструкция замков была известна в Древнем Китае, Японии, в Древнем Риме, в Восточной и Малой Азии. Варьировались и изменялись лишь внешние формы корпуса замка и дужки. Древнерусские замочники, вероятнее всего, заимствовали кое-какие приемы античной техники. Вообще, изготовление пружинных замков предполагало высокий профессионализм и технологическую изощренность.

Технологически пружинные замки подразделялись на два класса: съемные (навесные, висячие) и неподвижные (нутряные). Конструкция и тех и других с течением времени видоизменялась. Новые типы приходили на смену устаревшим конструкциям.

Коллекция древних замков важна не только как часть истории техники и материал, характеризующий городской быт, но и как хорошо датированное изделие.

Конструкцию съемных замков определяли ключ, корпус и дужка. Детали эти, в целом и по отдельности, характеризуют тип замка. Со временем основные детали совершенствовались: усложнялось запирающее пружинное устройство, а следовательно, и ключ, повышался уровень надежности корпуса.

Основной вариант съемного замка имел сложное устройство: замок состоял из корпуса и дужки с пружинными механизмами. В свою очередь, корпус состоял из двух жестко соединенных между собой цилиндров (отсюда название – цилиндрический). Большой цилиндр с торцевых концов был закрыт круглыми крышками со строго размеченными и выдержанными отверстиями для ключа и запирающей пружины-дужки. Гладкий конец дужки свободно входил в малый цилиндр, а другой с пружинами – в верхнее донце большого цилиндра.

Наиболее древний тип цилиндрических съемных замков с продольной ключевой щелью (тип А), известный на Руси уже в IX–X вв., эксплуатировался на протяжении XI–XII вв., а в середине XIII в. начал постепенно выходить из употребления. Конструктивной особенностью замков данного типа являются две детали: припай малого цилиндра (служившего для «утопления» в нем гладкого конца дужки) непосредственно к стенке основного цилиндра и наличие на противоположной стороне стенки корпуса прорези во всю высоту цилиндра, оканчивающейся внизу поперечным выемом в форме перевернутой буквы Т (табл. 5, *13–15*). Лопатообразный ключ, в зависимости от формы корпуса замка, имел прямоугольную (табл. 5, *2–8*) либо круглую лопасть с отверстиями (табл. 5, *10, 11, 16–20*), число и размещение которых соответствовало количеству и расположению пружинных штифтов на дужке (табл. 5, *2–11*).

В самом начале XII в. появилась новая конструкция цилиндрического замка с поперечной ключевой прорезью, расположенной в нижней части корпуса (тип Б). Изменения коснулись всех основных деталей замка. Корпус начали делать только цилиндрическим. Дужка замка стала более крупной и массивной. Последнее новшество потребовало несколько отодвинуть малый цилиндр (куда входил свободный конец дужки) от большого. Теперь малый цилиндр стали припаивать на корпус большого посредством промежуточной пластины (табл. 5, *22, 24, 26*). Лопатообразная форма ключа была заменена коленчатой (табл. 5, *21, 23, 25, 27*). Новая конструкция замка быстро вошла в обиход и к середине XIII в. совсем вытеснила замок типа А. Замки типа Б бытовали до сере-

дины XIV в., постепенно выходя из употребления в первой половине столетия.

Ко второй половине XII в. следует отнести конструкцию замка с более сложным ключевым устройством (тип В). Конструкция эта имеет два варианта, в которых ключевое устройство последовательно усложняется. У такого замка единственная ключевая щель располагается в донце большого цилиндра (табл. 6, *3, 4, 5*). Усложнение конструкции шло сначала по линии увеличения количества пружинных стержней на дужке замка (вариант I), в связи с чем усложнялась конфигурация ключа (табл. 6, *6, 7*). Затем, в начале XIII в., около ключевой щели в корпусе стали ставить контрольный штифт (табл. 6, *9, 10*), иногда фигурный (вариант 2), соответственно которому на стержне ключа делались отверстия (табл. 6, *8, 11, 12*). В начале XV в. замки всех трех вариантов вышли из употребления.

В середине XIII в. появилась еще одна модификация замка, имевшая в основе ключевую схему замка типа Б, но при этом более сложную и надежную конструкцию (тип. Г): донце цилиндра было усилено, а ключевое отверстие закрыто вертикальными предохранительными щитками (табл. 6, *16–18*). Ключ с обычной лопастью имел плоский стержень, толщина которого соответствовала ширине щели между щитками (табл. 6, *15, 19*). К такому замку труднее подобрать ключ, что повышало надежность конструкции. Замки этого типа бытовали до XV в. включительно.

Наличие единой конструкции коленчатого ключа съемных замков типов Б, В (классического варианта и его модификаций) и Г, а также определенная хронологическая близость позволяет объединить их в единую группу цилиндрических замков с коленчатым ключом. Примечательно, что замки этой группы почти одновременно выходят из употребления в первой половине – середине XV в.

В начале XIV в. появилась новая форма ключа, а следовательно, изменилась форма ключевого отверстия в замке (тип Д). Прорезь в донце стала лабиринтообразной, соответствующей торцевому рисунку ключа, а корпус и механизм замка по-прежнему – старой классической формы (табл. 6, *24*). Ключ к такому замку изготовлялся в виде стержня, спаянного из нескольких прямых пластин, и имел в сечении фигуру, подобную ключевой скважине цилиндра. Ключ вставлялся в скважину торцом и вдвигался в корпус замка, при этом пластины ключа сжимали пружины и освобождали дужку (табл. 6, *25*). Такими замками пользовались в течение столетия. В начале XV в. изменилось конструктивное оформление дужки и корпуса, хотя механизм замка оставался прежним – с лабиринтообразным отверстием для торцевого ключа. Такие замки (тип Е), бытовавшие весь XV в., встречаются и в слоях XVI в.

У замков типа Е отсутствует малый цилиндр – его заменяют две проушины, выступающие из большого корпуса. Дужка замка приобретает вид прямого соединительного стержня, на одном конце которого имеется пружинный механизм (табл. 6, *21, 22*).

В конце XIV в. разрабатывается новая форма пружинного замка – с торцевым поворотным ключом (тип Ж). Его дужка аналогична дужкам замков ранних систем, отличаясь от последних плоскостным расположением пружинных штифтов. Но корпус замка совершенно иной. Ключевое отверстие расположено не в нижней части корпуса, а в боковой стенке, почти у самого верха (табл. 6, *13*). Форма бородчатого ключа необычна. Он похож на ключи от нутряных замков. В зависимости от количества пружинных штифтов ключ имеет 2,3 и 4 выступа. Открыть этот замок, как и ранние типы, можно только сжав пружины. Вставленный в отверстие ключ нужно повернуть в сторону дужки; тогда выступы ключа своими боковыми гранями сожмут пружины и откроют замок (табл. 6, *14*). Эта особенность (сжатие ключом пружины дужки) отличает замки типа Ж от поздних систем замков с поворотным ключом. Эта конструкция бытовала в XV в. и позже.

При всех изменениях формы корпуса и рисунка ключа замки типов Д, Е и Ж сходны наличием торцевых ключей, что делает возможным объединить их в группу цилиндрических пружинных замков с торцевым ключом.

Описанные типы съемных заков не исчерпывают всего многообразия модификаций данной категории. Существовало и несколько индивидуальных форм пружинных замков, т.е. единичные экземпляры. Они отличались от прочих главным образом конструкцией ключа и ключевого отверстия в корпусе замка. Одна из таких форм требует специального описания.

В новгородских напластованиях середины XIII в. были обнаружены замок и ключ оригинальной конструкции. Это пружинный цилиндрический замок; ключ вставляется в его нижнее донце, точнее в маленькое круглое отверстие (в центре) и небольшую винтообразную щель. Ключ – торцевой трехлопастной, его лопасти располагались винтообразно. Подобный ключ ввинчивался в круглое отверстие в корпусе замка, а затем передвигался вверх и сжимал пружину (табл. 6, *26*).

Кроме новгородского экземпляра, шесть ключей к замкам подобной конструкции обнаружены в Смоленске в напластованиях 50–70-х годов XIII в. (сообщено Н.И. Асташовой), в Берестье – в напластованиях XIV в. (*Лысенко П.Ф.*, 1986. С. 241). Типологическое и хронологическое единство группы позволяет объединить их в своеобразный переходный тип навесных замков, промежуточный между цилиндрическими замками с коленчатым ключом и формами замков с торцевым ключом. Вполне допустимо, что подобная форма бытовала очень ограниченное время и не получила массового распространения.

В слоях XIII в. найден экземпляр навесного пружинного замка с шарнирным ключом. У пружинного замка обычной цилиндрической формы в нижнем конце располагалось небольшое круглое отверстие, окаймленное вытянутой втулкой. Ключ, вставлявшийся в корпус такого замка, должен был иметь вытянутую форму, что достигалось шарнирным креплением рабочей лопасти к стержню. Когда ключ вставляли в замок, лопасть была откинута (как у торцевого) и свободно проходила в узкую втулку. Внутри замка лопасть проворачивали на 90°, а она, образовав колено, своими выступами сжимала пружину при движении ключа вверх (табл. 6, *28*).

Итак, типы пружинных съемных замков в древнерусских городских напластованиях распределялись по векам следующим образом:

– в IX–XI вв. бытует единственная конструкция – тип А;

– в XII в. продолжают использовать тип А; кроме того, в самом начале века появляется замок типа Б и бытует весь век; во второй половине XII в. начинают эксплуатировать новую конструкцию – тип В, а в конце века – его усложненные варианты;

– в начале XIII в. исчезает конструкция типа А; в течение всего столетия продолжают бытовать замки типов Б, В (всех его модификаций); в середине XIII в. появляется, но быстро выходит из употребления замок с винтообразным ключом; тогда же появляется замок типа Г, которому была суждена более продолжительная жизнь;

– XIV в. – продолжают бытовать все варианты замка типа В и Г; в середине столетия замок типа Б исчезает; в самом начале века появляется и постоянно эксплуатируется замок типа Д; а в середине века появляется новая модификация – тип Е;

– в XV в. замки с коленчатым ключом исчезают (тип В с вариантами в самом начале столетия), тип Г доживает до середины века; доминируют замки с торцевыми ключами типов Е и Ж, впрочем, тип Д, исчезает одновременно с замками типа Г;

– в XVI в. обнаружены только модификации замков типа Е. Правда, сохранность металла в данных напластованиях неудовлетворительная.

Размеры висячих замков разнообразны – от больших «амбарных» до миниатюрных диаметром в 10 мм и высотой 30 мм. Технология их изготовления была сложной (табл. 5, *28–30*). Некоторые типы замков имели более 40 отдельных деталей, изготовление и сборка которых требовали высокого уровня мастерства и определенных навыков. Отдельные детали замков спаивали медным припоем. Очень тонкие замочные пружины (толщиной от 0,8 до 2 мм) делали сварными из стали и железа. Замочники знали, что цельностальные пружины в данной конструкции замков легко ломались, поэтому соединяли в пружине упругую сталь с вязким железом и получали таким образцам надежную деталь. Довольно часто корпус замка, скобу дужки и стержни ключей обмедняли или лудили, т.е. покрывали оловянным сплавом. Нередко корпус замка и стержень ключа орнаментировали.

Все неподвижные (нутряные) древнерусские замки по способу их крепления относят к типу накладных (прирезных). Среди широко распространенных нутряных замков выделяются четыре типа, из них один тип – в двух вариантах.

Первый тип – цельнодеревянный замок с «желудями», у которого единственной железной деталью был ключ (табл. 7, *8*). Подобные замки бытовали с древнейших времен (например, в Древнем Египте) и сохранились как в русской деревне XX в., так и в деревнях Эстонии, Латвии, Польши, Чехословакии, Швеции. В древнерусских городах деревянные замки бытовали в течение IX–XI вв., а в XII в. начали постепенно выходить из употребления.

Судя по форме железных ключей, такие замки изготовляли одно-, двух- и трехштифтовыми (табл. 7, *1–7*). Штифты в механизме замков выполняли функцию задержки – сувальды.

В XII–XIV вв. пользовались иногда упрощенными деревянными замками – задвижками, которые открывались конструктивно простыми крючкообразными ключами (табл. 7, *9, 10*). Среди поздних вариантов этой группы замков представляет интерес конструкция ключа, лопасть которого прикреплялась к стержню на шарнире (табл. 7, *9*). Для такого ключа достаточно было небольшого отверстия в двери, куда его вставляли в выпрямленном виде.

Второй вид нутряных замков – это комбинированный замок с деревянным засовом, металлическим механизмом и ключом. Конструктивная схема этих замков такая же, как у съемных самозапирающихся пружинных замков, т.е. она основана на принципе расходящихся замков. К массивному деревянному запорному засову прикреплялась стальная пружина. В положение закрытого состояния засов приводился движением руки. В это время пружина на засове была сжата. Когда засов доходил до крайнего состояния, пружина расправлялась, заскакивала за упорную планку механизма и замок запирался. Открыть замок можно было специальным ключом, сжав пружины и отведя засов обратно рукою. Эти замки имели систему предохранительных пластин, штифтов и отверстий, соответственно которым на лопасти ключа изготовлялись в затейливом рисунке отверстия и выступы (табл. 7, *24*).

Такой замок появился в конце X в. Он представлен двумя вариантами. Первый характеризуется втульчатым ключом и механизмом с ключевым штифтом. Подобный вариант применялся в XI, XII и первой половине XIII в. (табл. 7, *19–23*). В конце XI в. сложился второй вариант комбинированного замка. Его отпирали стержневым ключом, следовательно, в задней стенке полочки замка имелось отверстие для заостренного стержня ключа. Система предохранительных штифтов и отверстий не претерпела изменений в сравнении с конструкцией первого варианта (табл. 7, *12–16*).

Замки второго варианта врезного замка с деревянным засовом к середине XIV в. вышли из обихода.

В конце XIII в. появляется ряд систем нутряных замков, в которых запирающий засов передвигался не рукой, как в замках предшествующих вариантов, а непосредственно ключом. Замки этой системы изготовлялись цельнометаллическими. К стержням большеразмерных ригелей приваривались специальные выступы – щечки для передвижения ригеля ключом. Представить себе полностью конструкцию таких замков мы пока не можем, так как отсутствуют находки целых механизмов: найдены только упомянутые выше ригели и ключи (табл. 7, *33–36*). Замки этой системы бытовали в XIV–XV вв. и дожили до современности.

Третий тип нутряных замков – цельнометаллический замок для сундуков и ларцов бытовал в XII, XIII и начале XIV в. Конструкцию замка определяют такие детали, как сам механизм (табл. 7, *38*), ключ (табл. 7, *25–32*), замочная накладка (табл. 7, *37*), один конце которой крепился на крышке, а другой, с петлей, вводился в корпус и запирался засовом.

В XIV в. конструкция сундучных замков, подобно дверным вариантам, изменилась. Появились замки, в которых засов передвигался самим ключом. Схема подобных замков принципиально не отличается от современных систем.

С неподвижными дверными замками связаны несколько категорий массовых находок. Одна из них – пружина от

комбинированных замков – характерна для системы обоих вариантов замка, чем и определяется их хронологический диапазон – с X до середины XIV в. (табл. 7, *11, 17*).

Другая категория находок – замочные личины, дверные ручки и накладки под последние – последовательно обнаружена во всех городских напластованиях. В массе замочных личин можно выделить находки, соответствующие типам замка (табл. 8).

Замки, ключи, личины, как и многие другие кованые предметы, отвечая требованиям и нормам утилитарной целесообразности, в то же время, как правило, не были лишены художественной выразительности и представляют благоприятный материал для характеристики прикладного искусства Древней Руси. Эти изделия из черного металла – железа и стали – очень часто в художественных целях обмедняли либо лудили, т.е. покрывали тонким слоем меди или олова. Корпус замка украшали всевозможными фигурными прорезными накладками. Широко применялась инкрустация замков и ключей металлом медных или оловянистых сплавов. Излюбленными украшениями были цветные валики и ободки или геометрический орнамент, выполненный техникой точечной инкрустации. Использовалась и горячая гравировка, при которой на горячей поверхности металла зубильцами разной формы выбивали растительные и геометрические узоры, фигуры фантастических зверей и птиц.

Ножи, бритвы, ножницы

Ножи – самые универсальные орудия труда в Древней Руси – чрезвычайно широко использовались в быту и хозяйстве, в ремесле и на промыслах (*Колчин Б.А.*, 1959. С. 48–58). Специальные ножи делали для воинов. Как известно, нож состоит из лезвия, черенка и рукояти. Соотношение длины клинка и черенка определялось назначением инструмента. Наиболее распространен и поныне черенок клиновидной формы. Костяные либо деревянные рукояти насаживались на черенок. Позднее немногочисленные экземпляры имели плоский черенок, который заключался между (чаще) костяными (реже) деревянными обкладками, скреплявшимися сквозными заклепками (табл. 9, *48, 50, 56*).

Исключительная по количеству (около 5000 экземпляров) и сохранности находок коллекция новгородских ножей позволила сделать ряд наблюдений относительно конструкции и функциональной дифференциации типов, выявить технологические принципы их производства, характерные для всей древнерусской территории (Там же. С. 53, 54). Значительным по объему и разнообразию находок являются коллекции ножей других древнерусских городов (Киев, Старая Рязань, Изяславль, Берестье и др.).

В конструкции ножей в первую очередь выявлено пять основных технологических схем. Древнейшей (X–XI вв.) была техника изготовления многослойных лезвий ножей, так называемый пакет: основу клинка составляла стальная полоса, по бокам – железные полосы. Технология пакета обеспечивала прочность и остроту лезвия при одновременной пластичности и эластичности за счет боковых полос. Изготовленные из пакетных заготовок ножи имели характерные пропорции: узкое клиновидно удлиненное лезвие с довольно широким обушком (спинкой); закругленное на конце лезвие придавало ножу кинжалообразный вид. Длина клинка у подавляющей массы ножей раннего типа – 70–80 мм, но изготовлялись также малые ножи с длиной лезвия 40 мм и больше – до 120 мм. Клинок всегда насаживался на массивную деревянную или костяную рукоятку, которая была длиннее лезвия и редко – короче 100 м (табл. 9, *1–21*).

Массовое изготовление ножей из пакетных заготовок закончилось в середине XII в., впрочем, употребление ножей с многослойным лезвием зафиксировано позднее, правда, в единичных экземплярах.

В начале XII в. древнерусские «ножевники» изменяют технологию массовой продукции и «рационализируют» конструкцию ножей. Ведущей технологической схемой становится наварка (сочетание твердого стального лезвия и мягкой железной основы), зафиксированная в двух вариантах – в виде торцевой и косой боковой. С середины XII в. и вплоть до начала XIV в. доминировала торцевая сварка, позднее – косой шов. Одновременно использовали простейшие технологические схемы: целиком из железа, целиком из стали (как правило, сталь неравномерно науглероженная), в виде сварных полос железа и стали, доля которых в XIV–XV вв. постепенно увеличивалась. Впрочем, использование простых технологических схем ремесленниками Южной Руси (Киев, Старая Рязань, Серенск) традиционно с домонгольского времени.

Технологическая эволюция обеспечивала интенсификацию производства ремесленников – «ножевников» и удешевление продукции.

«Рационализированный» нож с наварным лезвием изменил классические формы изделий, характерные для ранних экземпляров: клиновидное лезвие стало шире и значительно тоньше. Отношение ширины клинка к его толщине увеличилось вдвое. Ширина лезвия у наиболее массовых экземпляров равнялась 18–20 мм. Стал более длинным – в сравнении с ножами X–XI вв. – и сам клинок в целом. Спинку ножа чаще делали прямой. Закругленная к концу спинка – довольно редкое явление, но все же встречается. Деревянная или костяная ручка стала короче (табл. 9, *27, 30, 31, 33*).

В X–XIV вв. изготовлялись ножи разного назначения кухонные, столовые, сапожные, костерезные, бондарные, боевые, складные, типа перочинных, бритвы. Каждый тип имел определенные конструктивные особенности.

Ножи универсальные – одна из наиболее массовых форм ножа. Для нее характерна прямая ручка – ее ось идет параллельно прямой спинке клинка. Деревянные и костяные рукояти, чаще всего без каких-либо украшений (табл. 9, *1–10, 12–14, 17–18, 21, 24, 27, 30, 31*).

Столовые ножи отличались от кухонных размерами клинка – они удлиненные, более крупные, – а также количеством отделки лезвий и рукояток. Костяные и деревянные рукояти украшали резным орнаментом (табл. 9, *19, 25*).

Сапожные ножи по форме сходны с обычными хозяйственными ножами, но более короткие, с широким полотном и плавно закругленным острым концом клинка. Лезвие всегда имеет стальную наварку (табл. 9, *34, 38*).

Для кроя кожи использовались специальные раскроечные ножи двух типов: 1) с широким дугообразным лезвием и ручкой в виде выпуклой подушки, 2) с коленчатой черенковой рукоятью. Наварное лезвие ножа – стальное. Этими ножами было удобно раскраивать кожу, резать движением от себя (табл. 9, *41*).

Лезвие специальных ножей для резьбы по дереву имело особую форму: его режущий край был оттянут вниз с таким расчетом, чтобы острие находилось значительно ниже оси рукоятки ножа (табл. 9, *45*).

Инструментарий костореза состоял из набора ножей, что обеспечивало выполнение разнообразных операций по изготовлению обширной номенклатуры продукции. Вероятно, в этот набор входили ножи, выделяющиеся из массы находок малыми размерами клинка и рукояти, а также формой клинка – с горбатой спинкой, прямым лезвием и расположенными под углом осями черенка и лезвия (табл. 9, *44, 45*). Возможно, в инструментарий костореза входили маленькие ножи с миниатюрными (30–40 мм) лезвиями (табл. 9, *15, 16, 23*).

Особую группу составляют ножи, целиком сделанные из металла. Лезвие ножа – узкое и длинное со стальной наваркой (табл. 9, *51*). Подобные находки известны из напластований Волковыска (XII в.), Берестья (XIII в.), Новгорода (XIV в.). Их интерпретируют как хирургические инструменты, применявшиеся при ампутациях (табл. 9, *37*).

Нож был непременной принадлежностью воина – универсальным хозяйственным и походным инструментом. В большинстве случаев воинские ножи не отличаются (это видно по погребениям) от обычных бытовых. Специальные боевые ножи изготовлялись, по-видимому, довольно редко. Возможно, к ним следует отнести некоторые ножи с массивным удлиненным клинком и, как правило, с большими костяными рукоятками. Конец клинка боевого ножа на длину 20–40 мм имел двустороннее колющее и режущее лезвие (табл. 9, *50*). Боевые ножи вкладывали в жесткие кожаные футляры и носили либо у пояса, либо за голенищем сапога («засапожники»).

Боевым метательным ножом, возможно, был большой массивный нож, железная рукоять которого заканчивается диском с шестью отверстиями, с продетыми в них колечками, происходящий из Старой Рязани (табл. 9, *57*).

Особую группу составляют складные двулезвийные ножи типа перочинных с костяными рукоятками – футлярами (табл. 9, *22, 26, 32, 36*). Основная масса подобных находок приходится на конец XI – начало XIII в. Лезвия складных ножей представляют собой удлиненный клинок с отверстием в середине стыка лезвий. Части клинка несоразмерны, в пропорции 1 : 3. Большая часть клинка имеет прямую спинку и плавно загнутое лезвие; меньшая часть – прямолезвийная с закругленной спинкой. Около отверстия, в которое входил штифт, крепящий клинок в рукояти, – два выреза для фиксации рабочего положения лезвия; внутри рукоятки – штифты, препятствующие круговому вращению клинка. В пропил, сделанный в рукояти, входило одно из двух лезвий клинка. Трудно определить назначение ножей такого вида. Не исключено, что их использовали в ремесленном производстве, возможно, при плетении из бересты.

Несколькими экземплярами представлен тип ножа характерных очертаний: широколезвийный клинок с загнутым концом переходит в железную рукоять аналогичной ширины, которая завершается загнутыми в виде спирали двумя концами (табл. 9, *53, 54*).

Необходимо упомянуть и о бритвах. В новгородских напластованиях они широко распространены в XIII в. Единичные находки обнаружены в других древнерусских центрах. Типологически они делятся на два типа (*Колчин Б.А.*, 1959. С. 57, 58).

Первый тип – маленькие бритвы с ручкой в виде петли, заключенные в широкий футляр (табл. 9, *35, 42, 43*). Бритва с плавным дугообразным лезвием свободно закреплялась на оси в железном футляре, имевшем только две боковые стенки. Близки к новгородским экземплярам берестейские находки. Различия малосущественны. Важнее более ранняя датировка одного из экземпляров, обнаруженная в слоях рубежа XI–XII вв. (*Лысенко Н.Р.*, 1985. С. 248, 249). В середине XIII в. эти бритвы заменяются более совершенными образцами. По конструкции бритвы второго типа близки современным опасным бритвам. Различие заключается лишь в форме полотна. У современных бритв лезвие прямолинейное, а у бритв второй половины XIII в. дугообразное. Тонкая режущая часть полотна бритвы длиной около 100 мм имела стальное закаленное лезвие (табл. 9, *40, 46, 47*).

Ножницы, как и ножи, относятся к группе универсальных инструментов, широко применявшихся в Древней Руси в повседневном быту и ремесленном производстве (*Колчин Б.А.*, 1959. С. 58–64). Существовало два типа ножниц, имевших одновременное и приблизительно равное распространение – пружинные и шарнирные. В пружинных два удлиненных, клинообразных стержня – режущие полотна соединены дугообразной пружиной в конце ножек – рукоятей (табл. 10, *1–12*). В шарнирных два лезвия соединены осью (шарниром либо штифтом) примерно посередине общей длины ножниц, между рабочей частью лезвий и рычагами (табл. 10, *13–24*). Оба типа существуют и в настоящее время, хотя решительное преобладание в быту получили ножницы шарнирного типа.

Какие-либо хронологические, функциональные и конструктивные различия среди пружинных ножниц не отмечены. Можно лишь предположить туалетное назначение миниатюрных (длина полотна около 30 мм) экземпляров. Ножницы средних размеров, возможно, имели хозяйственное назначение, а большие ножницы, вероятно, использовались ремесленниками (портными, суконовалами).

Выделяют несколько отличительных черт ножниц раннего времени (X–XI вв.): во-первых, широкие полотна с тупыми (круто закругленными) концами; во-вторых, наличие одной или трех петель с маленькими кольцами на пружинном конце ножниц; и, в-третьих, наличие двух орнаментальных (луженых) венчиков – выступов, расположенных на стержнях лезвия. Однако данные черты не являются твердыми типологическими признаками, так как и в X в. и в XI в. были распространены и другие ножницы.

Шарнирными ножницами, вероятно, пользовались преимущественно в домашнем быту. Косвенное тому свидетельство – широкое применение орнаментации (чаще точечным либо линейным рисунком) и примерно одинаковые размеры большинства экземпляров. Исключение составляют большие портновские ножницы (табл. 10, *20*), которыми резали тяжелые ткани, войлок и т.п.

Типичной технологической схемой древнерусских ножниц, как шарнирных, так и пружинных, являлась наварка стальных лезвий на железную основу полотна ножниц. Некоторые вариации технологии в целом не существенны.

Выше отмечалась орнаментика таких универсальных инструментов, каковыми являлись ножи и ножницы. Коллекция этих предметов сугубо утилитарного назначения представляет значительный интерес для характеристики художественного уровня древнерусских ремесленников.

Основной и единственно возможный прием изготовления инструментария – свободная ковка горячего металла – предрасполагала мастера к максимальному выявлению декоративных качеств материала и изделий из него.

Древнерусские мастера широко применяли технологию дамаскированного металла, используя ее для создания художественной выразительности полотен ножей и ножниц. Путем механического соединения в горячем состоянии полос железа и стали мастер получал металл, на поверхности которого после шлифовки и травления появлялся узор в виде полос, елочек, ромбов и всевозможных переплетающихся орнаментов. Куски дамаскированного металла вваривались в лезвие ножей и ножниц. В итоге получались изделия с очень красивой текстурой материала.

Нередко мастера использовали пластические приемы. Ножницы, в частности, пружинные варианты, в этом отношении предоставляли ремесленнику большой выбор. Применялось кручение стержня, линию перехода лезвия в стержень подчеркивали ступенчатым уступом (табл. 10, *11*, *18*) либо придавали ей дугообразный вид с небольшим язычком (табл. 10, *12*, *4,2*). Пружинящий стержень в ранних экземплярах нередко декорировали одной или тремя петлями с продетыми в них маленькими кольцами (табл. 10, *7*).

Полотна, чаще концы ножниц, декорировали насечками, линейными точечными орнаментами.

В массе бытовых находок встречаются изысканные художественные образцы. Подобным представляется экземпляр шарнирных ножниц конца XIII в. (табл. 10, *17*). У них обычное лезвие и художественно оформленные ручки. Выполнены эти ножницы в сложной кузнечной технике с применением технологии пайки медью. К каждому тонкому стержню рукоятки у шейки были припаяны две S-образные фигурки и две продольные пластины. Внешние пластинки, конструктивно составляющие часть кольца рукоятки, были приварены в пружинящем состоянии. Благодаря этому при работе ножницами пальцы уставали меньше, чем обычно.

Полотна ножей декорировались меньше. Здесь орнаментальная нагрузка была возложена на рукоять, чему способствовала сама фактура материала (дерево, кость, реже – бронза). Варианты и приемы декорирования рукоятей столовых ножей разнообразны, но всегда выразительны. Наиболее распространенным приемом работы по дереву была плетенка, декоративные пояски плетенки располагались по краям рукояти, реже использовалась вся плоскость. Излюбленным приемом косторезов был циркульный орнамент, применялось и травление. Впрочем, ремесленники нередко избегали декорирования костяных рукояток, предпочитая тщательную полировку поверхностей. Декорировать поверхность лезвий было излишне; иногда наносили насечку на обушок; еще реже – точечный линейный узор на полотно. Впрочем, бывали исключения. Подобным представляется богато декорированное лезвие ножа, обнаруженное в новгородских напластованиях XIII в. Его обушок и оба полотна клинка инкрустированы впаянной (после предварительного травления) серебряной нитью (табл. 9, *33*). Изысканный орнамент полотна, возможно, подражание посвятительным надписям на арабских клинках.

Естественно, что наибольшее количество художественных образцов в массе утилитарных предметов обнаруживается в напластованиях X–XI вв., чему способствовала работа ремесленника на заказ. В начале XII в., в связи с бурным развитием городского ремесла, его высокой дифференциацией и работой ремесленника на рынок, менялось представление о декоративности. Орнаментика изделия, как и форма предмета, становятся более лаконичной, утилитарной.

Наконец, в XIV в. массовость и рационализация производства лишает рыночную продукцию декоративности и художественности. Высокий уровень исполнения тех или иных изделий сохраняется лишь в узкой среде профессиональных ремесленников – художников.

Гребни, расчески

При раскопках древнерусских городов постоянно находят костяные и деревянные гребни. За время многолетних раскопок только в Новгороде обнаружено более 1000 гребней, что в сочетании с четкой датировкой слоев, в которых они найдены, позволяет проследить изменение их форм во времени, т.е. установить эволюцию и хронологию различных их типов.

Отметим, что костяные и роговые гребни в каждом городе делали местные ремесленники, поскольку сырья для них всюду было достаточно. В Новгороде и других городах, кроме готовых изделий, встречаются и заготовки гребней – пластины с непропиленными зубьями. Для деревянных гребней сырьем служил главным образом такой плотный и прочный материал, как самшит. Только изредка попадаются гребни, изготовленные из местных пород дерева, но они обычно при высыхании растрескиваются. Гребни из самшита, напротив, после высыхания прекрасно сохраняют форму.

Технология изготовления костяных гребней была, несомненно, труднее и сложнее, чем деревянных. Прежде чем получить из рога пластину, его подвергали специальной обработке: распаривали в горячей воде, отделяли внутреннюю часть, распрямляли и только после этого разрезали на пластины. Технология эта хорошо известна по кустарным промыслам, сохранившимся до начала XX в.

По археологическим материалам удалось восстановить последнюю стадию изготовления костяных и деревянных гребней. На обеих сторонах подготовленной из рога или дерева пластине двумя параллельными линиями отмечалась середина и только после этого делались пропилы: с одной стороны редкие, с другой – частые. Те и другие пропилы производили двусторонним способом, т.е. пластину сначала пропиливали до середины зуба, с одной стороны, потом – с другой. Наборные костяные гребни, которые собирали из отдельных пластин и скрепляли накладками, пропиливали уже после того, как все пластины были собраны и соединены вместе накладками. Это хорошо прослеживается на самих предметах, поскольку на накладках, находящихся в середине таких гребней, заметны следы пропиловки.

И костяные, и деревянные гребни известны с IX–X вв., однако дальнейшее их использование существенным образом зависело от доставки на Русь самшита. Установлено, что самшит, произраставший на склонах Кавказских гор в районе Талыша (там до сих пор сохранились самшитовые рощи), поступал на территорию Руси волжским путем. Так, исследования показали (*Рыбина Е.А.*, 1978. С. 46) сокращение находок деревянных гребней в слоях XIII в., тогда как в предыдущие века костяные гребни использовались примерно наравне с деревянными с некоторым преимуществом костяных. Почти полное исчезновение деревянных гребней в XII в. – следствие сложной политической обстановки, сложившейся в то время в Поволжье. Здесь в течение всего века русские крестьяне постоянно воевали со своими восточными соседями, половцами, которые тревожили их набегами и чрезвычайно затрудняли торговлю на Волге, зачастую делая ее просто невозможной. Лишь в конце века политическая ситуация в районе Волги стабилизировалась, с начала XIII в. число самшитовых гребней возрастает. В 1238–1268 гг. оно вновь заметно сокращается, ибо в это время торговое движение по Волге из-за ордынского нашествия совсем прекратилось; в последующие годы производство самшитовых гребней возрастает, достигая в XIV в. своего максимума. Использование костяных гребней в XIV в., напротив, резко сокращается. Предпочтение, которое отдавалось дереву, очевидно, диктовалось тем, что оно легче поддается обработке, что, в свою очередь, было важно при массовом производстве этих изделий.

Что касается формы гребней, то она претерпевала изменения, особенно заметные для костяных изделий. Для IX – первой половины XI в. характерны односторонние расчески с футлярами (табл. 11, *1–5*). Расчески длиной от 5 до 8 см делали из одной пластины, но наибольшее распространение получили расчески, собранные из нескольких, двух-трех, иногда четырех пластин, скрепленных накладкой, которая орнаментировалась разнообразным узором из прямых линий или маленьких кружочков-глазков. Иногда накладки украшали сложным растительным или геометрическим орнаментом, аналогичным образом украшали футляры, с которыми расчески соединялись специальным шарниром.

На смену односторонним расческам пришли двусторонние цельные гребни прямоугольной и трапециевидной формы, среди них можно выделить несколько типов (*Колчин Б.А.*, 1982. С. 164, 165. Рис. 5) (табл. 11, *10–22*). Самые ранние из них, почти прямоугольной формы, появились еще в конце X в. и бытовали до начала XIII в. В этой группе наряду с гребнями обычных размеров – 9 × 7 см, 7 × 6 см – выделяются гребни маленькие, у которых каждая из сторон равняется 4–5, иногда 3 см. Очевидно, такие гребни предназначались либо для детей, либо для расчесывания бороды и усов. Среднюю часть таких гребней украшали, как правило, геометрическим орнаментом, а чаще всего несколькими параллельными или зигзагообразными линиями.

Во второй половине XI в. распространилась новая разновидность цельных двусторонних гребней, имевших трапециевидную форму с соотношениями сторон: 9–6 × 7,5 см; 9–5 × 7,5 см; 9,5–4,5 × 7,5 см и т.д. (табл. 11, *11, 12*). Такими гребнями пользовались до конца XIII в. На полстолетие позднее, в начале XII в., появились гребни с резко наклоненными сторонами, иногда с выгнутыми (табл. 11, *13, 14*). Их форма напоминает треугольник с усеченной вершиной, а размеры варьируются в следующих пределах: 11–4,5 × 9,5 см; 10–4 × 8 см; 8–3 × 7 см где две первые цифры обозначают нижнюю и верхнюю стороны, третья – боковую сторону гребня. Гребнями этого типа пользовались до конца XIV в. Оба типа гребней трапециевидной формы обычно украшали глазковым орнаментом, т.е. разнообразными композициями из небольших кружков. В некоторых случаях их дополняли рядами прямых линий. Нередко боковые грани гребней украшали насечками.

Наконец, с конца XIV в. распространились двусторонние гребни правильной прямоугольной формы без орнамента – 5,5 × 8 см (табл. 11, *15, 16*).

Кроме перечисленных типов двусторонних гребней, в начале XII в. появились гребни с накладками посередине. Среди них выделяется два типа – трапециевидный и прямоугольный. В первом случае это гребень, состоящий из одной или нескольких пластин (табл. 11, *17, 18*), соединенный с накладкой бронзовыми заклепками. К концу XIII в. такие гребни исчезли из обихода.

Одновременно с описанным типом гребней бытовали составленные из нескольких пластин наборные гребни прямоугольной формы с накладками (табл. 11, *19–21*), которые в данном случае выполняли не только декоративные функции. Большая часть таких гребней распространилась во второй половине XII в. и просуществовала до начала XIV в., а гребни с круглыми сторонами (табл. 11, *20, 21*) – до конца XIV в. Наборные прямоугольные гребни имели длину 10–12 см, ширину – от 3,5 до 5 см. Гребни с накладками, и цельные и наборные, тоже украшали, правда в отличие от других типов – простым незатейливым орнаментом: прямыми пересекающимися линиями или рядом глазков.

Деревянные гребни тоже можно объединить в несколько типов. Самые распространенные плоские гребни прямоугольной формы имели следующие размеры: 8,5 × 8; 7,5 × 8,2; 7,5 × 10; 7 × 8,7; 7 × 7 см (табл. 10, *1–8*).

Этот тип гребней бытовал с X по XIX в. (за исключением XII в.).

Во второй половине XIII в. появилась мода на деревянные гребни с выгнутыми сторонами, как правило, удлиненной формы размером 8 × 9 см; 7 × 9,5; 6 × 9, даже 5 × 9 см (табл. 12, *9–12*). Эти гребни были в употреблении до XV в. И наконец, короткое время во второй половине XIII в. были модными гребни с выпуклыми сторонами (табл. 12, *13–16*).

Как и костяные, деревянные гребни украшали орнаментом, т.е. композициями из прямых, зигзагообразных линий и глазков. Однако наряду с простыми композициями встречаются гребни с богатым растительным орнаментом или плетенкой, а иногда с изображением зверей или человеческих лиц. Кроме того, известны гребни с азбукой и надписями, указывающими имя владельца (табл. 12, *1, 2*).

Гребни – частая находка не только в Новгороде, но и в других городах Руси, на селищах и в могильниках. Их типология и хронология, разработанная на новгородских материалах, помогает составить хронологическую шкалу гребней на Руси (табл. 12).

Односторонние расчески с футлярами, бытовавшие в Новгороде с IX в. до первой половины XI в., были широко распространены по всей Руси. Большая их коллекция была найдена при раскопках в Старой Ладоге (*Давидан О.И.*, 1962. С. 95–108; 1968. С. 54–63). Наиболее ранние разновидности односторонних расчесок попали на север Руси в качестве импорта из Дании, Северной Польши, Швеции. Не исключено также их производство в Старой Ладоге по привозным образцам.

Расчески и футляры к ним нередко украшались орнаментом, в частности, концы расчесок – схематическими головками зверей. Футляры украшали линейным орнаментом из кружков, кроме того, концы расчесок и футляров покрывали поперечными насечками (табл. 13, *2, 3*).

Односторонние расчески или футляры от них были найдены на городище Воинская Гребля (Воинь) (*Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О.*, 1966. Табл. 2, *4,5*), в Новогрудке (*Гуревич Ф.Д.*, 1981. С. 20. Рис. 8, 5), Лукомле (*Штыхов Г.А.*, 1978. Рис. 7), Киеве (*Каргер М.К.*, 1958. Т. 1. Табл. XCIII), Пинске (*Лысенко П.Ф.*, 1974. Рис. 30, 18), Саркеле (*Артамонов М.И.*, 1958. Рис. 49). Похожая расческа была найдена в марийском Веселовском могильнике (*Архипов Г.А.*, 1973. Рис. 71, 14).

Часть расчесок делали из костей животных; они были гораздо дешевле и отличались от роговых формой полукруглых накладок и слегка суженными концами. Футляры к ним делали из двух костяных планок и украшали орнаментом из поперечных полос и различного вида косых крестов (табл. 13, *6,7*).

В отличие от роговых расчесок, изготовлявшихся преимущественно в северорусских городах – Старой Ладоге, Новгороде, Пскове, Белоозере – костяные расчески делали во множестве центров – особенно много таких расчесок найдено в Гнездовском, Михайловском, Тимеревском, Шастовицком курганных могильниках (*Давидан О.И.*, 1966. С. 100; *Станкевич Я.В.*, 1967. С. 17. Рис. 8, 2; *Блифельд Д.И.*, 1977. Табл. V, 2; XI, 9; XVII, 10; XXI, 3; XXVI, 3). Они есть на Тимеревском поселении (*Дубов И.В.*, 1982. Рис. 9,2). Расческа такого типа с футляром была найдена в 1959 г. в Белоозере (*Голубева Л.А.*, 1962. Рис. 7), в слое X – начала XI в. Большую серию костяных расчесок удалось собрать на Саранском городище (*Эдинг Д.*, 1928. С. 38, 39. Табл. IV, 8, 11, 12, 13), а еще одна была найдена в могильнике на Белом озере (*Голубева Л.А.*, 1961. С. 209. Рис. 7). Серия расчесок и их обломков была найдена при исследовании Новогрудка (*Гуревич Ф.Д.*, 1981. Рис. 5, 4; 8, 6); несколько штук – в Полоцке, довольно много – в Пскове (*Тараканова С.А.*, 1949. Рис. 38, 3). Часть спинки расчески этого вида была найдена на Федяшевском городище (*Никольская Т.Н.*, 1981. Рис. 8, 13). В Гнездовском курганном могильнике Д.А. Авдусин нашел около двух десятков таких расчесок, несколько штук нашел В.И. Сизов (*Сизов В.И.*, 1902. Табл. VI, 10, 12).

Большая серия расчесок была найдена и в Киевщине. В самом Киеве они постоянно встречаются в культурном слое, в горизонтах и сооружениях преимущественно X в. (*Шовкопляс А.М.*, 1954. С. 27, 32). Интересна находка расчески с футляром в Киеве в погребении конца IX – первой половины X в. В отличие от прочих, ее футляр сделан не из двух боковых костяных пластин, а из одной (*Каргер М.К.*, 1958. Табл. VI, I). Костяные расчески широко бытовали на территории Прибалтики и в Поволжье (Танкеевском могильнике). Много расчесок этого вида обнаружено и в северной Польше, например в Гнездно и в Колобжеге (*Лецеевич Л.*, 1955. Рис. 56).

Относительно редко и преимущественно в более северных районах находят односторонние наборные расчески как с широкими, так и с узкими накладками на спинке, у которых концевые пластинки выступают выше спинки (табл. 13, *1*). Такие экземпляры были найдены в Старой Ладоге (*Гроздилов Г.П.*, 1950. С. 143. Рис. 4), Новгороде (*Колчин Б.А.*, 1956. Рис. 12, 3); сходного вида – в Прибалтике (*Бривикайте Э.П.*, 1959. Рис. 4).

Разновидностью наборных односторонних расчесок являются гребенки с полукруглыми в сечении бронзовыми накладками. Одна такая накладка была найдена в Гнездовском могильнике (*Сизов В.И.*, 1902. С.89. Рис. 50). Поверхность ее украшена плетенкой. Другие расчески с бронзовыми накладками происходят из Тимеревского курганного могильника, из Новгорода, из Старой Ладоги (*Давидан О.Н.*, 1962. Рис. 3, 10). М.Ф. Фехнер отмечает, что костяные наборные расчески или гребни с бронзовыми накладками более характерны для Западной Европы (*Фехнер М.В.*, 1963а. С. 40. Рис. 23, 15). Находки их были зафиксированы на о. Готланд, в могильнике Бирка на территории Голландии и в Хайтхабу (Германия). В последнем пункте, кроме того, найдены литейные формы для отливки бронзовых накладок. Это дает основание предполагать, что Хайтхабу было центром изготовления таких гребней или значительной их части.

Особую группу составляют односторонние гребни с высокими спинками. Они были распространены в северных районах Восточной Европы до прихода сюда славян. Представления о них дают находки в Пскове (*Тараканова С.А.*, 1950. С. 53. Рис. 25, 6), в бывшей Витебской губернии (Архив А.А. Спицына. ЛОИА, 0464, 40). Есть находки подобных гребней в Северной Белоруссии и Латвии. Выступы на спинках некоторых из них похожи на стилизованные фигурки животных. По материалам Пскова подобные гребни можно датировать концом VIII – началом IX в.

В IX – начале X в. появляются гребни с реалистической зооморфной орнаментацией. Спинки их декорированы фигурками обращенных друг к другу лошадей (табл. 13, *12*). Похожий гребень найден на поселении у с. Городище Кирилловского района Вологодской области (табл. 13, *8*). Иногда высокие спинки гребней украшает штриховка или чешуйчатый орнамент (*Голубева Л.А.*, 1979а. С. 136. Рис. 2).

Гребни с изображениями лошадей на высоких спинках находили и во Владимирских курганах (*Спицын А.А.*, 1905. Рис. 377) и в Старой Ладоге (*Равдоникас В.И.*, 1949. С. 45. Рис. 33, 1), и в древнерусском Плесненском могильнике. Они найдены на Сарском городище (*Эдинг Д.*, 1928. С. 37. Рис. 4, 10), на Тимеревском селище (*Дубов И.В.*, 1979. С. 116. Рис. 3, 5) (табл. 13, *9*).

Описанные гребни стилистически примыкают к гребням с зооморфными изображениями из финских могильников (Подболотьевский, Варнинский, Поломский). Они использовались и финноязычным, и славянским населением на протяжении IX–X вв., образцы гребней с зооморфной орнаментацией более позднего времени, очевидно, являются их отголоском (табл. 13, *13*).

Как мы видели на материале Новгорода, с конца X в. широкое распространение получили двусторонние гребни из цельной пластины, прямой или трапециевидной. На одной стороне они снабжены частыми, на другой стороне редкими зубьями. Кроме Новгорода, огромные коллекции гребней получены при раскопках Старой Руссы, Пскова, Старой Ладоги, Киева, Смоленска, Новогрудка, Галича, Ярополча Залесского.

Менее значительные коллекции двусторонних гребней собраны при изучении сельских поселений, относительно редко они встречаются в составе погребальных комплексов. Новгородская хронология и отдельные хорошо датированные находки в других городах позволят представить их эволюцию (рис. 13, *14–26*). Ранние экземпляры двусторонних гребней, относящиеся к X в., найдены в Саркеле и Екимаутцах (табл. 13, *14,15*). В XI–XII вв. гребни получают более выраженную трапециевидную форму и более вытянутые пропорции (табл. 13, *16–19*).

Дальнейшая эволюция шла в двух направлениях. В XII в. одновременно бытуют гребни с вогнутыми боковыми сторонами (табл. 13, *20, 21*) и гребни с почти прямыми стенками (табл. 13, *22, 23*). Последние продолжают делать в XIII в. и позже. Одновременно с ними изготовляют гребни составные, с двумя поперечными накладными планками в середине щитка, как традиционно трапециевидные (табл. 13, *24*), так и прямоугольные (табл. 13, *25, 26*). Появляются составные гребни в XII в., бытуют весь XIII в.; отдельными их разновидностями (по материалам Новгорода) пользовались в XIV–XV вв.

Находок составных гребней на Руси множество, например Райковецкое городище (*Гончаров В.К.*, 1950. С. 144. Табл. XXXI, 29), Городец на Волге, Старая Рязань, Пронск, городища Осовик и Воинщинское (*Седов В.В.*, 1960. Рис. 41, 6,7), но этот перечень, конечно, не исчерпывает всех мест находок.

Гребни с накладными планками иногда украшали простым кружковым орнаментом, однако большую их часть не орнаментировали.

Итак, расчески и гребни Древней Руси детально изучены и хорошо датированы многими исследователями. Они могут служить надежной опорой для датировки слоев и сооружений, в которых их находят археологи. Не менее интересны они и в качестве массовой продукции городского ремесла, постоянно существовавшего на Руси с IX–X до XIX–XV вв.

Керамика

Наиболее раннюю группу древнерусской керамики составляют сосуды, изготовленные вручную, без помощи гончарного круга, техникой спирального и кольцевого налепа. Лепные сосуды обжигали на кострах и в печах. Для предотвращения их чрезмерной усадки при сушке сосуды лепили из относительно густой глины, добавляя в тесто различные примеси. В северозападных и центральных областях дресву, в южных – преимущественно шамот.

В различных регионах Восточной Европы, куда расселялись восточнославянские племена, сохранялось местное, неславянское население, имевшее свои традиции изготовления керамических сосудов (*Шмидт Е.А.*, 1970. С. 102–108). Этим отчасти объясняется сложившееся к началу – середине IX в. своеобразие в ассортименте и способах орнаментации лепной славянской керамики, унаследовавшей разные традиции.

Ранняя лепная славянская керамика изготовлялась домашним способом для одной семьи или группы семей. Существует мнение, что гончарство в то время было женским домашним ремеслом. Разобщенность тех, кто занимался керамическим производством, конечно, не способствовала большому прогрессу в технике этого производства и порождала множество местных форм.

Однако в IX – первой половине X в. наметились области, где производство лепной керамики проходило в технически близких условиях. Поэтому изделия, найденные на разных поселениях и в могильниках этих областей, имеют сходные формы и приемы орнаментации. Эта унификация производства лепной керамики особенно усилилась в южнорусских областях, когда здесь появились первые специальные печи для обжига.

Большая коллекция лепной керамики была получена с раннеславянских памятников левобережья Днепра из области распространения памятников так называемых роменской и боршевской культур. Основные коллекции керамики происходят из Боршевского, Новотроицкого, Опошнянского, Титчихского городищ, городищ Монастырище, Горналь и др. (*Ефименко П.П., Третьяков П.Н.*, 1948; *Ляпушкин И.И.*, 1958; 1961. С. 295–304; *Москаленко А.Н.*, 1965; *Макаренко М.О.*, 1925. С. 9–14).

Много керамического материала дали раскопки курганных могильников, синхронных перечисленным городищам, – Боршевском, Гочевском, Лебедке, Западненском, Лысогорском и др. (*Ефименко П.П., Третьяков П.Н.*, 1948; *Самоквасов Д.Я.*, 1915а, б; *Никольская Т.Н.*, 1959. С. 67–69; *Изюмова С.А.*, 1964.

С. 151–163; *Винников А.З.*, 1984 и др.). Каждый из исследователей дал подробное описание лепной керамики, а некоторые и ее классификацию (П.Н. Третьяков, И.И. Ляпушкин, А.М. Москаленко). А.З. Винников подробно классифицировал боршевскую керамику (*Винников А.З.*, 1982. С. 165–181), И.И. Ляпушкин и О.В. Сухобоков – роменскую (*Сухобоков О.В.*, 1975. С. 75–82).

Самый массовый вид керамики – горшки, в целом очень устойчивых форм и пропорций (табл. 14, *10, 12, 13, 15–17, 25, 26, 28, 30*), хотя для роменской группы весьма характерен и другой тип горшка – с высоким прямым венчиком и крутыми плечиками (табл. 14, *9*). Орнаментация горшков очень устойчива – это пальцевые вдавления по краю венчика или отпечатки «веревочки на палочке» на венчиках и плечиках.

Другой, также очень распространенный вид роменско-боршевской посуды – миски, вылепленные в виде низких горшков. Нередко встречаются также конусовидные, «боченковидные», остроребериые миски (табл. 14, *18–20*), а иногда – миски изысканных очертаний, напоминающие восточные или византийские сосуды (табл. 14, *23*).

Третьим видом лепной керамики являются толстостенные сковородки для выпечки хлеба. На дне многих из них по сырой еще глине пальцами проведены крест-накрест полосы (табл. 14, *11*).

В зоне контактов с салтовским населением и роменцы, и боршевцы нередко делали лепные кувшины, напоминающие салтовские лощеные «парадные». Кроме того, на роменско-боршевских поселениях очень часто попадаются обломки «сырниц» – сосудов усеченно-конической формы с отверстиями в нижней части стенок и противни, имеющие вид прямоугольных толстостенных больших сковородок.

Благодаря большому числу обнаруженных на роменских и боршевских памятниках сосудов мы можем довольно четко представить, как распространялся здесь ручной гончарный круг и лепная керамика постепенно заменялась раннекруговой с характерной для нее орнаментацией сосудов линейным и волнистым орнаментами. Форма же сосудов, выработанная в IX в. в лепной технике, продолжала сохраняться и в раннекруговой керамике, широко распространившейся во второй половине IX в. (табл. 14, *26–28*).

Исследования памятников VIII–IX вв. на правобережье Днепра проводились на относительно небольших площадях и потому коллекции лепной керамики этого времени здесь тоже относительно небольшие (табл. 14, *1–8*).

Поселений, раскопки которых дали какие-то более или менее крупные керамические комплексы, также значительно меньше, чем на левом берегу Днепра и в Подонье. Это поселения Буки, Лука-Райковецкая, Шумск, Каневское, городище Хотомель, городище и поселение Бабка (*Русанова И.П.* 1973; *Гончаров В.К.*, 1963. С. 298–315; *Мезенцева Г.Г.*, 1965. С. 71–98). Все сосуды с этой территории изготовлены из глины с примесью песка или мелкой дресвы. Что касается форм, то они являются дальнейшим развитием славянской лепной керамики VI–VII вв. Наиболее распространенной формой сосудов здесь были горшки высоких пропорций с максимальным расширением тулова в верхней части. Поверхность горшков обычно не орнаментирована, только на более поздних экземплярах зафиксирован линейно-волнистый узор, свидетельствующий о появлении гончарного круга.

Наличие круга в первой половине IX в. особенно выразительно подтверждается материалом поселений Лука-Райковецкая и Каневское. Лепная керамика более северных областей (современной Белоруссии, Смоленской обл.) известна в основном по находкам в курганных могильниках. Самые ранние сосуды происходят из длинных курганов и синхронных им групп круглых курганов (*Седов В.В.*, 1974. Табл. 19–22). Данные о лепных сосудах из этих памятников опубликованы А.Н. Лявданским и Г.В. Штыховым (*Лявданский А.Н.*, 1930. С. 306. Табл. IX; 1930а. С. 184; *Штыхов Г.В.*, 1966. С. 268, 275; 1966. С. 240. Рис. 3, 1,4; 1969. С. 324. Рис. 3, 3а; 1978; С. 8). Г.В. Штыхов включил в свои работы и материалы со славянских поселений.

Большое количество лепной керамики было обнаружено при раскопках Гнездовского могильника (*Сизов В.И.*, 1902. С. 101–105; *Пушкина Т.А.*, 1973. С. 83). Ведущий тип сосудов для этой территории в IX – первой половине X в. – горшок конусовидной формы, высота которого превышает диаметр горла. Венчики таких горшков, как правило, плавно отогнуты наружу. Край венчиков округлый (табл. 15). Бо́льшая часть таких сосудов не орнаментирована, но отдельные сосуды украшены штампом «веревочка на палочке», характерным для керамики роменской культуры и позднедьяковской керамики Подмосковья (VII–VIII). Есть лепные горшки, орнаментированные многозубым штампом, т.е. узором в виде зигзага (табл. 15, *1, 36*).

Второй тип горшков представлен сосудами, высота и диаметр горловины которых равны между собой. Они более приземистые, иногда «раздутые» (табл. 15, *10, 11, 19*).

Помимо этих наиболее распространенных типов, известны горшки баночной формы, горшочки с ребром по плечикам, сосуды с круглым дном (табл. 15, *21, 24, 25, 28, 45, 46* и др.). В отличие от южных памятников здесь встречается большое количество мисок, самых разнообразных пропорций и очертаний (табл. 15, *6, 7, 20, 22, 26, 30, 31, 33, 44, 48–51*).

В курганах никогда не попадаются лепные сковороды, хотя в данном регионе их изготовляли не только в IX, но и в X в. Обломки их в большом количестве находят на поселениях.

В целом для региона характерно исчезновение лепной посуды уже к середине X в., т.е. ко времени широкого распространения ручного гончарного круга. Только в отдельных, наиболее глухих местах сосуды лепили вручную до конца X в.

Лепная славянская керамика северо-западных и северных областей Восточной Европы представлена коллекциями из раскопок Новгорода, Рюрикова городища, Старой Ладоги, Пскова, Изборска, Белоозера, Тимеревских поселения и могильника и некоторых других памятников, расположенных в окрестностях древних русских городов (*Смирнова Г.П.*, 1967; С. 3–10; *Носов Е.Н.*, 1977. С. 95–98; *Орлов С.Н.*, 1972. С. 130. Рис. 3; 1973; С. 77–79; *Седов В.В.*, 1978. С. 63–67; *Голубева Л.А.*, 1973а. С. 146. Рис. 53, 11, 20; *Станкевич Я.В.*, 1950. С. 191, 192; 1951. С. 221–230; *Кирпичников А.Н.*, 1985. С. 64. Рис. 25, 26; *Белецкий С.В.*, 1978. С. 57–62; *Макаров Н.А.*, 1983. С. 18–25; *Мальм В.А.*, 1963; *Седых В.Н.*, 1982. С. 192–197).

Особенно значительна коллекция из Новгорода и Рюрикова городища. Датируется она IX – первой четвертью X в. Керамика, найденная на Рюриковом городище, аналогична новгородской. Самой характерной формой сосудов здесь являются разные по размерам горшки с туловом конусовидной формы, ребром, расположенным в верхней части тулова или на середине высоты и с плавно отогнутым наружу венчиком (табл. 15, *43, 44*).

Большой серией представлены также горшки с расширенной примерно на середине высоты тулова горловиной, равной диаметру днища и с плавно отогнутым наружу венчиком (табл. 15, *41, 42*).

Иногда горшки с Рюрикова городища орнаментированы ногтевым узором, пальцевыми вдавлениями или «веревочкой на палочке». Исследователи справедливо отмечают сходство лепной керамики Новгорода с керамикой Старой Ладоги и Приладожья.

Наибольшее распространение получили в Приладожье в конце VIII – первой половине X в. горшки конической формы, диаметр горловины которых почти равен диаметру тулова, с прямыми, короткими, слегка отогнутыми венчиками (табл. 15, *25*). Эти крупные горшки предназначались, видимо, для хранения пищевых запасов. Попадаются такие сосуды и в новгородских сопках, но они несколько более раннего времени (*Седов В.В.*, 1970. Табл. XIII, 3, 4). У некоторых из них весьма заметна ребристость при переходе венчика в тулово. Кроме того, известны они и значительно восточнее, в частности в Белоозере (*Голубева Л.А.*, 1973а. С. 146. Рис. 53, 11, 20). Там эти лепные сосуды бытовали вплоть до конца X – первой половины XI в. (табл. 15, *17, 18*). Сосуды этого типа в Белоозере нередко покрыты орнаментом из отпечатков гребенчатого штампа, что вообще характерно для керамики Белоозера (табл. 15, *19*).

Другой распространенный тип горшков (обычно небольших, диаметр их днища равен диаметру горловины) – сосуды, близкие по форме баночным, но со слегка наклоненным внутрь прямым утонченным краем (табл. 15, *28*).

Помимо этих горшков, найдено значительное число горшочков с конусовидным туловом, со слегка ребристыми плечиками и прямым венчиком. На большинстве из них, на наружной поверхности, есть нагар: очевидно, они предназначались для приготовления пищи. Иногда их украшали орнаментом в виде гребенчатого штампа.

Весьма характерными для керамики этого региона являются лепные миски разнообразных форм: полусферические, плоскодонные с ребром на тулове, конусовидные (табл. 15, *26, 29, 30*). Некоторые из них орнаментированы по краю венчика и на середине высоты отпечатками гребенчатого или решетчатого штампов. Обломки таких мисок обнаружены в Старой Ладоге, в Новгороде особенно много их найдено в Пскове.

Изредка в слоях Старой Ладоги и Пскова IX в. встречаются и обломки лепных сковородок диаметром в 12–18 см. Представляют несомненный интерес находки в культурном слое X в. Белоозера, Старой Ладоги, Пскова и др. лепных круглодонных мисок (табл. 15, *33, 48–51*). Это небольшие сосудики с округлыми стенками, почти вертикальными венчиками, нередко отделенными ребром от тулова. Считается, что эти сосуды повторяют формы местных сосудов финского происхождения. Однако в финских древностях этой территории таких сосудов нет. Поэтому представляется более вероятным, что эти формы проникли в Белоозеро и Приладожье, в курганные комплексы Михайловского и Тимеревского могильников (табл. 15, *21, 22*) в результате инфильтрации в эти районы населения из Прикамья и Вычегодья, где они были обычными в VIII–IX вв.

Основными типами лепных горшков на Псковщине являются конусовидные небольшие сосуды со слегка отогнутым наружу венчиком и конусовидные, но с ребром на плечиках и обычно прямым венчиком (табл. 15, *45, 46*). В целом они близки по форме и пропорциям сосудам из Старой Ладоги и Новгорода.

Лепная керамика Изборска, происходящая из слоев IX – первой половины X в. (табл. 15, *31–34*), представлена прежде всего горшками тех же форм, что и в Пскове, но вместе с ними встречаются лепные сосуды и в виде высокого конуса и со слегка суженым, плохо выделенным венчиком; горшки банковидной формы; чаши с округлыми днищами и обычно ребром в верхней трети сосуда, о типе и распространении которых мы говорили выше. Однако изборские чаши несколько отличаются от найденных в Приладожье и Прионежье и имеют аналогии с местными, также лепными сосудами прибалтийского происхождения (табл. 15, *31*).

Горшки из славянских курганных могильников Ярославского Поволжья IX–X вв. очень разнообразны как по форме, так и по пропорциям (табл. 15, *1–16, 22, 23*). Датируются они преимущественно IX – первой половиной X в. Это довольно большие баночные сосуды с невыделенным прямым венчиком; горшки с «раздутым» в верхней трети туловом, пологими плечиками и коротким венчиком; усеченноконической формы с венчиками различных очертаний (от короткого прямого до высокого, сильно отогнутого); горшочки с ребром под венчиком (близкие к ладожским сосудам); небольшие тюльпановидные горшки и миски, которые использовали в качестве столовой посуды (табл. 15, *6, 7*).

Кроме того, в Тимереве были широко распространены горшки различной величины со слегка раздутыми стенками и отогнутым внутрь венчиком. На Тимеревском поселении были найдены обломки и целые экземпляры миниатюрных сосудиков (детских?) и глиняных сковородок.

Лепная керамика в славянских поселениях и могильниках лесной полосы бытует в некоторых районах в течение сравнительно долгого времени, синхронно с пришедшей ей на смену примитивной круговой керамикой. Наиболее длительным сосуществование этих двух групп керамики было в Белоозере. Первые образцы круговой керамики появляются здесь в слоях X в., а лепная керамика исчезает только в слоях XII в. Примерно такая же картина наблюдается в Подмосковье и в Поволжье.

Что касается распространения гончарства у славян лесостепи, то по керамическим материалам оно начинает прослеживаться там с IX в. (лука-райковецкая, роменская и боршевская культуры). Здесь хорошо прослеживается постепенное распространение кружальной керамики от примитивных ее форм, являющихся развитием лепных, до прекрасно сформованных сосудов.

С появлением гончарного круга сосуды стали орнаментировать характерными прямыми и волнистыми ли-

ниями, нанося их многозубой гребенкой. Появление круговой керамики (в Смоленщине и Белоруссии) следует относить к середине X в., причем в более северных областях количество керамики переходных типов (от лепной к гончарной) относительно невелико.

Широкое распространение техники изготовления глиняных сосудов на круге было, видимо, связано с зарождением городов и невозможностью на уровне домашнего ремесла удовлетворить потребность населения в посуде. Мастера-керамисты специализируются на изготовлении сосудов, осваивают их формовку и обжиг не в кострах и печах, а в специальных гончарных горнах. Вместе с кругом появляется тенденция использовать в качестве сырья специальные месторождения глин с примесями песка, которые при сушке давали относительно небольшую усадку сосудов, а в качестве примесей в северных областях сильно измельченную дресву. Масса глины для изготовления одного сосуда уменьшалась, в то же время прочность таких сосудов по сравнению с лепными сильно возрастала.

Одной из трудоемких и тяжелых операций была подготовка глины для производства горшков. Есть все основания считать, что этим занимались исключительно мужчины. Несмотря на то что производство круговой керамики было обычно сезонным (осенним), в ряде особенно густо населенных районов гончары работали почти круглогодично.

Керамические горны имели вид двухъярусного сооружения с топочной камерой внизу и обжигальной камерой наверху, отделенной от нижней камеры довольно массивной перемычкой с продухами. В больших горнах перемычка поддерживалась глиняным столбом, называвшимся, судя по данным этнографии, «козлом». Этот тип горна возник еще в римское время. Самой ранней древнерусской находкой горна является горн, обнаруженный на городище Ревно II Черновицкой области. Он датируется X в. (*Тимощук Б.А.*, 1976. С. 163. Рис. 68).

Горны, относящиеся к XI–XII вв., были открыты в Киеве на Старокиевской горе (*Толочко П.П., Килиевич С.Р., Дяденко В.Я.*, 1968. С. 188, 190). Этим же временем следует датировать горны Донецкого городища (*Шрамко Б.А.*, 1962. С. 306, 341, 342); немного более поздним временем (XII–XIII) – горны, найденные во Вщиже (*Рыбаков Б.А.*, 1953б. С. 104–106) и древнерусском городе Василеве (*Тимощук Б.А.*, 1968. С. 241, 242). В Киеве, на территории Софийского заповедника, был открыт горн XIII в., загруженный амфорками «киевского типа».

К тому же домонгольскому периоду относят горны, обнаруженные у с. Заболоч на реке Снопоти, горн в Белгороде, раскопанный еще в 1910 г. В.В. Хвойко (*Полонский Н.Д.*, 1911. С. 64; *Розенфельдт Р.Л.*, 1962. С. 108–111).

Интересно, что в лесной зоне Древнерусского государства керамических горнов X–XI вв. почти неизвестно. Возможно, здесь сосуды по-прежнему обжигали в печах или же горны ставились на деревянные срубы и потому остатки их не сохранились.

Остатки сильно разрушенного горна домонгольского периода были найдены на селище у Грехова ручья в Ярославской области (*Мальм В.А.*, 1959. С. 136. Рис. 6). К послемонгольскому времени (XIV в.) относятся горны, обнаруженные на Верейском и Рузском городищах Л.А. Голубевой и во Владимире (*Седов В.В.*, 1958. С. 78–83).

С внедрением гончарного круга основным видом керамических сосудов по-прежнему оставался горшок.

В лесостепной зоне Киевской Руси круговая керамика конца IX – начала XI в. представлена большими коллекциями из раскопок ряда поселений и курганных могильников. Поскольку в могильниках сосуды обычно находят целыми (*Блифельд Д.И.*, 1977 и др.), то именно они дали археологам первое представление о горшках этого времени; в литературе за ними закрепилось условное название – «сосуды курганных типов» (курганная керамика). Однако в настоящее время керамика хорошо изучена и по материалам поселений (табл. 16).

Преобладающая форма горшков – коническая, с максимальной шириной в верхней трети сосуда, с прямым, а чаще плавно отогнутым венчиком, обычно со срезанным краем. Поверхность сосудов, как правило, покрывали линейным и линейно-волнистым орнаментом (сплошным или зональным). Его наносили острой палочкой (в таком случае линии были разделены друг от друга свободным от орнамента пространством) или острозубым пяти-десятизубым штампом – тогда линии образовывали сплошные плотные полосы.

Наряду с орнаментированными сосудами изготовляли гладкие горшки, чаще использовавшиеся для приготовления пищи. Размеры горшков самые разнообразные – от очень крупных, высотой до 30 см, служившие для хранения запасов, и совсем маленькие, высотой 10 см. Небольшие сосуды чаще не орнаментировали, так как в них варили пищу.

Этот общий для всех памятников тип горшка, естественно, несколько видоизменялся в разных районах лесостепи. Так, в Плесненске горшки преимущественно высокие (табл. 16, *1–6*) с довольно низко расположенными плечиками и зональным орнаментом (*Кучера М.П.*, 1962. С. 292–294). Близки к ним сосуды из древнерусских городищ Молдавии (Алчедар, Екимауцы) (табл. 16, *18–21*), а также горшки с поселения Лука-Райковецкая (*Гончаров В.К.*, 1950. Табл. 1, 1, 8, 10).

В Киеве, Чернигове и на левобережье Днепра преобладают горшки более приземистые с широкими плечиками и горлом и узким дном. Венчики у них чаще «рельсовидные», а не срезанные, хотя нередко попадаются и последние (табл. 16, *7, 9, 10–12*).

Конечно, в городах, помимо горшков, изготовляли и другие сосуды, в частности кувшины (табл. 16, *8*), горшочки с ручками (табл. 16, *19*), иногда сковородки и плошечки, однако в первые столетия освоения круга преимущественно делали горшки, в производстве которых гончары достигли несомненных успехов. Тонкостенные, разнообразных пропорций, с разными вариантами венчиков и орнаментов, эти сосуды являются свидетельством полного овладения древнерусскими мастерами гончарным делом.

Уже в это время получили распространение крышки к горшкам с парным вертикальным венчиком. Наиболее распространенными были крышки полусферической формы с выступом-ручкой наверху и с суженной или цилиндрической нижней частью, вставлявшейся в прямую горловину сосуда. Серия таких крышек была найдена

при раскопках в Вышгороде, встречаются они и в Киеве, Плиснеске, и на городищах Волыни.

К сожалению, вся эта великолепная посуда до сих пор исследована явно недостаточно. Нет ее общей типологии, не построены эволюционные ряды, не выделены достаточно обоснованные локальные варианты. Поэтому раннегончарную керамику датируют так широко – двумя столетиями, поэтому и сейчас не умолкают споры о хронологии отдельных памятников, если, кроме керамики, нет на них достаточно убедительных датирующих предметов.

Немногим лучше обстоит дело с изучением синхронной керамики лесных областей Древнерусского государства. В основе изучений этой керамики лежат работы по типологии коллекций в Новгороде (*Смирнова Г.П.*, 1967), Новогрудка (*Малевская М.В.*, 1972), большая коллекция целых сосудов из Гнездовского могильника, к которой постоянно обращаются исследователи, занимающиеся древностями конца IX–X вв. (табл. 17).

Как и в лесостепной зоне, ведущим видом керамики были горшки. Они делятся на пять типов. К первому относят довольно большие (высотой до 25 см) конические сосуды с крутыми плечиками в верхней трети тулова и отогнутым венчиком – обычно с обрезанным краем. Это наиболее распространенный тип горшков, особенно часто он встречается в курганных захоронениях (табл. 17, *3, 4, 10, 14, 16–20, 26, 27* и др.). Как отмечают исследователи, тип этот еще более характерен для лесостепных памятников; в северных же районах, например в Новгороде, такие горшки являются исключением. Второй тип близок к первому по размерам и пропорциям, но венчик у горшков этогот типа прямой, вертикальный с закругленным краем (табл. 17, *2, 28*). Третий тип отличается от второго только меньшими размерами и более раздутым туловом – сосуды приземистые, плечики у них находятся чуть выше середины высоты (табл. 17, *5, 32*). Такие горшки весьма типичны для Новгорода и Новогрудка. М.В. Малевская находит аналогии этому типу сосудов на волынских памятниках, для которых они особенно характерны. В четвертый и пятый типы включены также приземистые сосуды, высота которых меньше или равна их ширине (табл. 17, *7, 9*), а венчики слегка отогнуты наружу.

Горшки всех типов, как правило, орнаментировались линейным или волнистым орнаментом, нанесенным острой палочкой (иногда использовали палочку с плоским концом) или многозубым штампом. Горшки без орнаментации в лесных областях Руси встречались реже, чем на южных памятниках.

В Новгородской коллекции есть группа горшков X – первой половины XI в. с широким горлом и дном, высота которых равна ширине (или даже меньше), с вертикальным венчиком, отделенным от тулова валиком (табл. 17, *30, 37*). Обычно они орнаментированы, как и остальные горшки, линейным орнаментом, волнами, иногда насечками или наколками. Такие сосуды встречаются не только в Новгороде, но и в Старой Ладоге, и в Пскове. Г.П. Смирнова считает, что их изготовляли местные мастера по образцам привозных, попадавших в Северозападную Русь из Германских земель, в частности из Мекленбурга.

Гораздо хуже известны другие виды керамических сосудов этого времени. Среди них, как и на юге, наиболее распространенными были яйцевидные кувшины с короткой ручкой, прикрепленной к верхней части тулова и к середине высоты горловины. Такой кувшин был найден в Новгороде в слое первой половины XI в. (табл. 17, *29*), а обломки аналогичных кувшинов – в Пскове.

Весьма характерным изделием X – начала XI в. были глиняные миски с плоским дном и отогнутым под углом и в сторону прямым широким бортом, впервые выделенные в Новогрудке М.В. Малевской. Аналогичные миски были найдены и в других древнерусских городах, например в Изборске (табл. 15, *22*), Минске, Новгороде и др. В целом ассортимент посуды этих памятников менее разнообразен, чем в синхронных им областях юга Руси. В частности, здесь очень редки находки сковородок, крышки встречаются в виде исключения только в Новогрудке, равно как и небольшие плошки.

Анализ форм и техники выработки керамических сосудов, изготовленных на ручном круге X – первой половине XI в., позволяет говорить прежде всего о том, что в это время уровень керамического производства в городах и близкой к ним округе был одинаков. Весьма важным представляется также факт сложения в гончарном производстве региональных особенностей керамических комплексов северо-запада, Волыни, Киева и т.д. Мы видели, что не только состав комплексов, но и самые формы горшков, сделанных в этих регионах, имеют ярко выраженные отличия, позволяющие говорить о существовании в каждом из них достаточно оформившихся к началу XI в. ремесленных гончарных мастерских.

Характерная особенность керамики, изготовленной на круге (начиная с середины X в.) на территории Восточной Европы – керамические клейма (табл. 18). Их наносили на дно сосуда в процессе формовки на ручном гончарном круге с укрепленной съемной подставкой с вырезанным клеймом. Существует обширная литература, посвященная смысловому значению клейм, а также довольно значительная серия публикаций клейм, обнаруженных в культурных слоях различных городов и районов (*Тышкевич К.П.*, 1865. С. 166; *Сизов В.И.*, 1902. С. 101–110; *Рыбаков Б.А.*, 1940. С. 227–257; 1948. С. 175–182; *Розенфельдт Р.Л.*, 1963. С. 121–130; *Тухтина Н.В.*, 1960. С. 148–155; *Шовкопляс Г.М.*, 1946. С. 56–73; *Мансуров А.А.*, 1946. С. 293, 294; *Каргер М.К.*, 1958. С. 427–450; *Кучера М.П.*, 1960. С. 118; *Гупало В.Д.*, 1985. С. 236–242 и др.).

Многочисленные соображения относительно смыслового значения клейм можно в основном свести к трем гипотезам: 1) их ставили с магической целью, охраняя пищу и благополучие владельца сосуда; 2) как знак заказчиков, удостоверяющий принадлежность сосуда тому или иному из них; 3) наиболее доказательная версия, предлагает считать их знаками мастеров, изготовлявших сосуды.

Клейма весьма разнообразны, однако среди них можно выделить несколько групп по общему рисунку клейм (табл. 18). Одни клейма распространены очень широко – на всей территории производства керамики у славян Восточной Европы и даже много шире; другие – характерны только для определенных областей, иные – лишь для отдельных населенных пунктов. К первым относятся круг, крест в круге, колесо, квадрат, разделенный диаго-

налями, крест, пятиконечная звезда. К локальным относятся клейма с изображением ключей, знаков «рюриковичей», букв алфавита и др. Давно было отмечено на поселениях и в погребальных комплексах одновременное существование серий горшков с клеймами и без них, большой процент клейменой посуды на одних поселениях и меньший на других, синхронных им поселениях, наконец, постепенное полное исчезновение клейм на керамике в слоях XII в. крупных городов, таких, как Новгород, Псков, Киев и др.

Конец XI – начало XII в. было временем интенсивного роста и совершенствования древнерусского керамического производства. Об этом можно судить благодаря значительным коллекциям керамики из различных городов и поселений сельского типа, большая часть которых датируется концом XI – серединой XIII в. (*Гончаров В.К.*, 1950. С. 118–120; *Смирнова Г.П.*, 1956. С. 228–248; *Каргер М.К.*, 1958. С. 400–450; *Малевская М.В.*, 1971. С. 34; *Павлова К.В., Раппопорт П.К.*, 1972. С. 200–216; *Каменецкая Е.В.*, 1976; *Пескова А.А.*, 1978. С. 87–93; *Пачкова С.В., Петрашенко В.О.*, 1982. С. 51–63; *Белецкий С.В.*, 1983. С. 51–80 и др.).

Городскими гончарами южной Руси в середине XI в. был освоен новый тип кухонного горшка с туловом усеченно-конической формы с хорошо выделенной шейкой и плавно отогнутым венчиком, край которого утолщен и загнут внутрь, образуя по всему периметру как бы канавку. Популярность этого типа сосудов, быстро распространившихся по всему государству, объясняется, по-видимому, их большей прочностью, которая достигалась утолщением края венчика (табл. 19, *1–3, 10–14, 16, 17, 24, 28, 29, 31, 34, 35, 40*; табл. 20, *1, 3, 5–8, 22, 27, 43–47*).

Наиболее крупные горшки этой серии были предназначены для хранения припасов, а горшки средних и малых размеров – для приготовления пищи. Кроме того, среди них выделяется группа горшков, диаметр венчика которых больше их высоты. Их, видимо, использовали в качестве мисок для еды. Их особенно много в вятичских и кривичских курганных могильниках XII – первой половины XIII в. (табл. 20, *42, 47, 48*). Что касается орнаментации горшков этого типа, то в XII в. их обычно почти полностью покрывали витками линейного орнамента. Во второй половине XII в., особенно в городах, аналогичные витки наносили на верхнюю часть тулова (табл. 19, *18, 41*). Впрочем, как в конце XI в., так и в первой половине XIII в., есть горшки вообще не орнаментированные, особенно крупные, предназначенные для хранения запасов. Керамика этого типа в деревнях изготовлялась из обычных красножгущихся глин, а в некоторых городах, например в Киеве, Чернигове, попадаются сосуды, изготовленные из светложгущихся глин, которые после обжига имеют вид светлосерых, белесых. Постепенно к XIII в. толщина стенок утончалась, соответственно более тонкими становились примеси в керамическом тесте. Несколько таких тонкостенных горшков было найдено при раскопках гончарной печи во Вщиже, где они датируются временем монгольского нашествия.

Другой тип горшков, встречающихся на тех же древнерусских памятниках XI–XIII вв., близкий или идентичный первому, но с сильно завернутым наружу венчиком. Среди сосудов этого типа очень редко попадаются крупные, как правило, они средние или совсем небольшие. И те, и другие использовали для приготовления пищи (табл. 19, *5, 23, 27, 38, 39*; табл. 20, *14, 23, 45, 46*).

Широкое распространение получили в это время глиняные сосуды с шаровидным или яйцевидным туловом, верх которых переходил в горловину цилиндрической формы. Сосуды этого вида сильно отличались друг от друга размерами, орнаментацией и пропорциями. Так, в южнорусских городах преобладали сосуды вытянутых пропорций (табл. 19, *6, 21, 33*), в северных и северо-западных поселениях – более приземистые (табл. 20, *17*). Подавляющее большинство таких сосудов обнаружено в городских слоях (Звенигород на Белке, Городск, Владимир-Волынский, Киев, Переяславль Хмельницкий, Воинь и др.), но попадаются они и в курганных могильниках.

Сосуды этого вида предназначались для хранения и отстоя молочных продуктов, поэтому у них и были довольно высокие вертикально поставленные горловины. Исследователи справедливо полагают, что все они являются прообразом более поздних молочных крынок или безручных кувшинов. Впрочем, среди этих сосудов встречаются экземпляры с ручками в виде налепов клювовидной формы (табл. 19, *21*). В них были проколоты горизонтальные каналы для ношения сосуда или привязывания к нему крышки.

Крышки получили большое распространение в XII–XIII вв. Ими закрывали сосуды всех типов: кухонные горшки, миски, горшки для хранения продуктов и др. (табл. 20, *18, 26*). Диаметры их точно соответствуют стандартным диаметрам горшков: края крышки укладывались в «канавку» венчика, которая, очевидно, для этого и предназначалась.

К концу XII – первой половине XIII в. относятся низкие горшковидные сосудики с петлевидными ручками, прикрепленными одним концом к верхней части тулова, другим – к краю венчика. Профиль их аналогичен профилю горшков первого типа, только ширина горла у них обычно равна (или много больше) их высоты. Производство этих мисок сложилось в XII в. в гончарных мастерских Киева и распространилось затем по всей Киевской земле и отчасти – Черниговской (в Любече).

Несомненно, продукцией городских гончаров конца XI–XIII вв. являются глиняные сосуды, получившие название «корчажцев киевского типа». Особенно много их в слоях второй половины XII – начала XIII в. (табл. 19, *14*; табл. 20, *34, 36*). В послемонгольское время их совсем нет. Тулово корчажцев имеет бутылкообразную форму, горловина достаточно высокая и слегка расширенная к обрезу, венчик простой или усложненной профилировки. В верхней части сосуда – ручки-налепы. Орнамент на них или отсутствует, или ограничивается двумя-тремя витками, вырезанными на плечиках.

Корчажцы «киевского типа» относятся к столовой посуде, в них выставляли на стол напитки, возможно, пили из них. Часть их использовали в качестве фляжек.

Помимо горшкообразных мисок, о которых говорилось выше, городские мастера изготовляли миски самых различных форм и пропорций (табл. 19, *8, 9, 15, 22–24, 26, 32*; табл. 20, *20, 31–33, 35, 37, 38, 40, 49, 54*) и столь же разнообразные кувшины с ручками и без них (табл. 19, *12, 13*; табл. 20, *5, 15, 16*).

Наиболее крупными изделиями городских мастерских в XI–XIII вв. были корчаги – пифосообразные сосуды для хранения зерна, приготовления пива и пр. Емкость их достигала 100–120 л (табл. 19, *6, 20*). Их нередко закапывали в пол жилища, где их и находят обычно при раскопках (см., например: *Каргер М.К.*, 1958. С. 420, 421. Рис. 100, 102). Сосуды эти обычно совсем не покрывали орнаментом, только отдельные экземпляры украшали несколькими витками линейного или волнистого орнамента по плечикам.

Из других видов бытовой посуды, изготовлявшейся в то время, надо назвать глиняные жаровни – латки – в виде низких мисок обычно с трубчатыми ручками (табл. 19, *19*; табл. 20, *53*). Продолжали широко использовать и глиняные сковородки (диаметром 30–35 см), отличавшиеся от более ранних большей тонкостенностью. По-видимому, их использовали для выпечки хлеба.

В XII–XIII вв. в городах наряду с общерусскими типами керамики бытовали собственные типы, создаваемые местными гончарами; они различались преимущественно деталями профилировки венчиков сосудов. Ассортимент посуды в разных регионах Древней Руси тоже весьма существенно отличался. Однако явно недостаточная изученность керамических материалов из древнерусских памятников XI–XIII вв. не позволяет пока четко выделить локальные керамические комплексы, а следовательно, полно изучить гончарное производство в городах и сельских местностях Древней Руси.

Монгольское нашествие пагубным образом повлияло на керамическое ремесло южных городов. Что касается северо-западных городов Руси, то с XIII в. там вырабатывались новые типы сосудов, продолжающие развитие керамических форм домонгольского времени (табл. 20). Хорошо изучена керамика этого времени только в Новгороде, Новогрудке, Орешке, Пскове, Изборске (*Кильдюшевский В.И.*, 1980. С. 111–116; *Белецкий С.В.*, 1983. С. 43–80).

Что касается областей, расположенных в центральной части Восточной Европы (Москва, Владимир, Муром, Пронск), то здесь нашествие совпало с резкими изменениями в технологии обжига керамики: на этой территории появились новые большие керамические горны болгарского типа и соответственно заметно улучшилось качество обжига. Формы сосудов XIV–XV вв. в основном являются развитием так называемой курганной керамики местных типов. Кроме них, с XIV в. на Северо-Востоке распространяются и другие виды сосудов, неизвестные здесь ранее и сходные по формам с сосудами, изготовлявшимися в Волжской Болгарии (табл. 20, *52, 54*). Видимо, в сложении керамического производства Московской Руси определенное участие приняли гончары, пришедшие из Волжской Болгарии до ее гибели или бежавшие на Русь от монгольского нашествия (*Розенфельдт Р.Л.*, 1968. С. 12–19).

Поливная керамика

Заметной отраслью древнерусского городского гончарства было изготовление поливной посуды. Образцы ее находят обычно при раскопках городов, ее почти нет в сельских поселениях и совсем мало в составе курганных инвентарей. Поливная керамика древнерусского производства конца X – XI в. сосредоточена преимущественно в южнорусских городах – Киеве, Чернигове, Вышгороде. Любече, т.е. в древнейших центрах древнерусского государства. Известно, что поливные облицовочные плитки использовали в убранстве Десятинной церкви в Киеве (991–996). Очевидно, среди «мастеров от грек», привлеченных Владимиром Святославичем для строительства храма, были мастера, делавшие эти плитки. Петрографические исследования показали, что плитки из Десятинной церкви и Софии Киевской изготовляли из одинаковой по составу глины, а спектральный анализ поливы убеждает в том, что она сварена по одному рецепту. Это значит, что поливные плитки X в. Десятинной церкви и XI в. из Софии Киевской – результат непрерывной работы керамических мастерских, знакомых с техникой глазурования. Действительно, строительство первых русских храмов было школой различных ремесел (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 430), и они не могли существовать без привлечения местных сил (*Айналов Д.В.*, 1917. С. 39). Именно в таких мастерских и было налажено производство поливной керамики (*Макарова Т.И.*, 1963; 1967. С. 36–40).

При раскопках М.К. Каргера в усадьбе Софии Киевской вместе с обычной круговой керамикой XI в. были найдены обломки поливных блюд из белой глины, похожие на византийские блюда со штампованным орнаментом, но вполне своеобразные: характерный «рельсовидный» венчик византийских блюд (IX–XI) заменен горизонтально отогнутым венчиком; блюда покрыты пятнами зеленой поливы – это подражание византийским образцам. Русское происхождение этих блюд не вызывает сомнений: они сделаны из местного сырья. Однако подражание византийской керамике свойственно только первым мастерам поливного дела на Руси. Основная масса белоглиняной посуды по форме аналогична обычной круговой керамике древнерусских городов: это кувшины и горшки разных форм.

Фрагменты белоглиняных поливных кувшинов были найдены в слоях XI в. в Киеве при раскопках близ Софийского собора, не территории Киево-Печерской лавры, в Любече, в Чернигове, в Вышгороде, Городске. У них было шаровидно-вытянутое тулово, отделенное от горла налепным валиком (*Макарова Т.И.*, 1967. Табл. XIII).

Поливные горшки повторяют простую посуду того времени. Обычно это небольшие горшочки с прямым или слегка отогнутым венчиком. Особенностью белоглиняной керамики является плотная непрозрачная полива, яркозеленая, реже – желтая. Такая посуда найдена в небольшом количестве в Вышгороде, Чернигове, Городске, в с. Волосском Днепропетровской области (Там же. Рис. 5). Стилистическое единство белоглиняной керамики с яркой зеленой и желтой поливой свидетельствует об изготовлении ее в узкий хронологический период. Очевидно, это XI в., что подтверждается орнаментацией в виде густой волны, проведенной многорядной гребенкой, характерной именно для ранней круговой керамики. Позже, в XII–XIII вв., ее вытеснил линейно-волнистый орнамент.

Белоглиняную керамику XI в. иногда покрывали надглазурной росписью. При этом имитировали процесс литья жидкого расплава из тигля на плиту – основной в производстве мозаичных стекол и смальты (*Безбородов М.А.*, 1956. С. 177). Естественно, что роспись на обломках сосудов с надглазурной росписью из Чернигова, Воинской Гребли и Белоозера стилистически аналогична росписи плиток пола из Десятинной церкви и Софии (*Каргер М.К.*, 1958. Табл. LXXXVIII–LXXXIX; 1961. С. 58. Рис. 18). Анализы посуды с надглазурной росписью показали, что полива для них сварена по византийскому рецепту, но с типичным для смальт мозаичных композиций Софии Киевской содержанием олова. Малочисленны, но очень интересны фрагменты посуды из бело-серой глины с подглазурной росписью из Новгорода. На одном из них – фрагменте чаши, найденной в слое XI в., – роспись сочетается с рельефной орнаментацией и металлическим блеском поливы. Вероятно, в Новгороде поливное дело тоже складывалось одновременно со строительством Софийского собора в 1045–1050 гг. с участием мастеров из греко-русских киевских мастерских. Некоторые из чаш с толстым слоем поливы и металлическим блеском служили не бытовым, а производственным целям.

Белоглиняная поливная керамика все же сравнительно малочисленна. С XII в. во многих городах Руси стали изготовлять поливную посуду из местных светложгущихся глин, дающих после обжига черепок серого цвета. Где такой глины не было, использовали красножгущуюся глину. Перед нанесением поливы сосуд покрывали ангобом – слоем глины более светлой, чем основная.

Ассортимент посуды в XII в. резко увеличивался, появляются серии изделий с ярко выраженными региональными признаками. В самом Киеве к этому времени, видимо, истощились месторождения каолиновых глин, и поливную керамику начинают делать из светложгущихся глин, идущих на изготовление неполивной посуды. Киевская поливная посуда XII–XIII вв. повторяет ассортимент более ранней белоглиняной: это горшки, миски, кувшины (табл. 21, *8*), однако открытых блюд на поддонах, подражающих ранней византийской керамике, уже нет.

Наиболее полно поливная керамика XII–XIII вв. представлена в Любече. Чаще всего это низкие горшки, целые и в обломках, с прямым или отогнутым округлым венчиком (табл. 21, *11, 12*), иногда они закрывались крышками. Такие сосуды служили для хранения и подачи на стол еды. Формы их повторяются в неполивной керамике. Более разнообразны миски. Некоторые из них – подражание деревянным и металлическим чашам (табл. 21, *16, 17*). Своеобразным видоизменением мисок были латки – открытые сосуды с тремя ножками-выступами на дне и полой ручкой. Они использовались для подогревания пищи, в них могли подавать на стол горячие блюда.

Самую многочисленную посуду для питья составляют кубки, чашки, бокалы. Кубки снабжены орнаментальным рифлением стенок, как бы повторяющих ободки боченков, в которых могли хранить медовые напитки и квас (табл. 21, *15*). Один из любеческих бокалов с довольно тонкими стенками повторяет форму стеклянных бокалов (*Макарова Т.И.*, 1967. Табл. XVI, 13).

Кувшины в Любече представлены незначительными фрагментами, принадлежали они не менее чем 20 сосудам различных размеров.

Вся любечская поливная посуда (судя по ассортименту) была столовой – стилистически это единый комплекс; сделана она из той же глины, что и простая круговая керамика Любеча. Это позволяет считать ее продукцией местной мастерской. Большая часть найденного была сосредоточена на месте княжего двора и его хозяйственных построек, что прямо указывает на заказчика.

Поливной посуды в Чернигове найдено немного. Она изготовлена из глины, дающей после обжига розовый, серовато-белый и серый в изломе черепок. Посуду покрывали светло-желтой, реже – зеленой поливой. Черниговские горшки с ручками мало отличаются от любечских (табл. 21, *9, 10*). Фрагменты двух других сосудов – кувшина и кубышки баночной формы (Там же. Табл. XVIII, 3, 6) – не имеют аналогий среди поливной посуды других городов. Это позволяет предполагать, что они местного производства. О знакомстве керамистов Черниговского княжества с поливным делом косвенно свидетельствует продукция мастеров, делавших подобную керамику не только в Любече, но и в другом феодальном замке Черниговской земли XII–XIII вв., раскопанном у д. Слободка (*Никольская Т.Н.*, 1981. С. 161, 162). Поливная посуда здесь сделана из тех же глин, что и обычная гончарная керамика, и отличается лишь некоторыми местными особенностями формы и технологии.

Поливная керамика Вышгорода представлена очень незначительным количеством экземпляров. Она изготовлялась из серой, белой и розовой в изломе глины, оригинальность ее составляло цветовое разнообразие поливы – светло-желтой, оранжевой, зеленой, бурой, коричневой. Это разнообразие придавали поливе цветные ангобы, которыми покрывали сосуд перед глазурованием. Из вышгородских поливных сосудов более других известен большой кувшин из светлой глины, хранящийся в ГИМ (табл. 21, *20*). Здесь же найдены сероглиняные поливные горшки, двуручные кубышки (табл. 21, *19*), чаши на поддонах и поливной глиняный подсвечник, от которого сохранилась нижняя часть стояка и блюдце (*Макарова Т.И.*, 1967. Табл. XX).

Вышгородская коллекция поливной керамики слишком малочисленна, чтобы дать полное представление о собственно поливном деле. Но все же она говорит о его существовании: недаром, на простой гончарной посуде Вышгорода, как и на посуде Киева и Любеча, часто встречаются случайные капли поливы.

Оригинальна посуда, собранная при раскопках у хутора Половецкого на реке Роси, на территории небольшого феодального замка, построенного в IX–X вв. (*Довженок В.И.*, 1955. С. 53, 54; 1959. С. 154). Поливная посуда найдена в слоях X–XIII вв., правда, это только сосуды для питья – кувшины, кубки, чаши. Последние особенно интересны: стенки их сферические, а дно уплощено, чем они более всего напоминают чары из металла (*Макарова Т.И.*, 1967. Табл. XXII, 1, 4). Работу мастера, знакомого с поливным делом, здесь, очевидно, стимулировали потребности хозяина замка, князя или боярина.

Самые южные пункты распространения поливного дела на Руси – с. Воинская Гребля на Суле (*Гончаров В.К., Богусевич В.А., Юра Р.А.*, 1959), с. Старая Игрень и с. Кичкас в Запорожье (*Брайчевская А.Т.*, 1962. С. 180).

Город Воинь, располагавшийся у с. Воинская Гребля, представлял собой гавань, куда заходили купеческие суда с разнообразными товарами. Основной материал авторы раскопок датируют XI–XII вв.

Как и в Киеве, Вышгороде и Воине поливную керамику делали из глины, дающей при обжиге почти белый, серый, розовый цвета. Разноцветные ангобы придавали прозрачной кроющей поливе разнообразные оттенки. Помимо горшков, в Воине найдены сосуды оригинальных форм: чаша, похожая по форме на деревянные или керамические чаши на поддонах; нижняя часть маленькой амфорки; кувшины своеобразной бутылевидной формы с валиками. Петрографический анализ показал, что амфорка сделана из местной глины. Сосуды, похожие одновременно на кувшин и бутыль, найдены на городище Осовик в Подесенье (*Павлова К.В., Раппопорт П.А.*, 1973. С. 200–216). Украшены они в отличие от воинского не валиками, а орнаментом, нанесенным многозубой гребенкой (табл. 21, *31–33*).

Столь оригинальные формы, встречающиеся наряду со стандартными, могут трактоваться как свидетельство наличия в тех или иных местах поливного дела. Это относится не только к областям, близким к Киеву, – места первоначального освоения стеклоделия в целом и его ответвления – поливного дела. Это относится и к городам северо-востока Руси.

Поливная керамика Смоленска повторяет бытовавшие в XII–XIII вв. формы гончарной посуды. Это горшки из местной красножгущейся глины буроватой в изломе, что и объясняет цвет поливы, чаще всего бурый (*Сергина Т.В.*, 1981. С. 233–244). Горшки часто снабжены петлеобразной ручкой (табл. 21, *25–26*). Кроме горшков, изготовляли мисочки и плошки (табл. 21, *28–29*), кувшины с налепными валиками по тулову и горловине. Особенно интересны открытые блюда на плитчатом поддоне (табл. 21, *30*).

Поливную посуду в Мстиславе и Друцке делали из серой глины и покрывали буро-зеленой и буро-желтой поливой. Это горшки, кувшины, миски, очень близкие по формам поливной посуде южных приднепровских городов, но обладающие определенными чертами своеобразия (табл. 21, *22*). Найдены они в слоях XII–XIII вв.

В Пинске поливная посуда зафиксирована в слоях начала XII в. Это небольшая серия горшков и кувшинов вышла, вероятно, из местных мастерских, изготовлявших поливные плитки (*Равдина Т.В.*, 1963. С. 110–112).

Впрочем, в XII–XIII вв. изготовление бытовой поливной керамики всюду уже выделилось в особую отрасль ремесла, независимую от производства архитектурной керамики. Развитие ее связано с потребностями городского или боярского феодального хозяйства. Примером последнего служит богатая коллекция поливной посуды из Новогрудка, где раскопана боярская усадьба XII в. (*Гуревич Ф.Д.*, 1981. С. 99–109; *Малевская М.В.*, 1969а. С. 194–204). Помимо ранней и белоглиняной керамики, привезенной, видимо, из Киева, в Новогрудке найдено немного сероглиняной керамики и значительно больше – красноглиняной, ангобированной, явно местного происхождения. Полива новогрудской посуды – хорошего качества с большим содержанием свинца. Ассортимент ее разнообразен: это небольших размеров горшки, обычно без орнамента (табл. 21, *37*), миски и чаши на кольцевых поддонах (табл. 21, *40, 41*), кубки (табл. 21, *38*). Своеобразны найденные в Новогрудке поливные кувшины, отличающиеся от кувшинов южно-русских городов формой горловины (табл. 21, *53, 39*), орнаментацией (табл. 21, *34*) или полыми трубчатыми ручками – деталь, нигде пока не встреченная (табл. 21, *36*).

Есть поливная посуда и в Новгороде. Ее отличает пятнистость поливы, зеленой с желтыми или коричневыми пятнами. Это в основном горшки, близкие по форме новгородской посуде XII–XIII вв. Самые ранние из них встречаются в слоях XI–XII вв., керамика все с той же пятнистой поливой продолжала бытовать и в XIV–XVII вв.: это горшки, водолеи, игрушки. Не был утрачен в Новгороде и способ получения поливы с металлическим блеском; помимо писанок (*Макарва Т.И.*, 1966. С. 141–145), здесь в XII–XIII вв. производили плитки с надглазурной росписью белгородского типа, от которых они отличаются синеватым или красноватым оттенком фона и металлическим блеском поливы.

Представление о поливной керамике северных областей Руси дают находки в Белоозере. Наряду с привозной керамикой из Киева здесь найдены вполне своеобразные тонкостенные сосуды с жидкой пятнистой зеленой поливой, писанки, погремушки, костяшки от счетов (*Голубева Л.А.*, 1973. С. 167–169. Рис. 60, 2, 3).

По находкам в Новгороде ясно, что традиции поливного дела после XIII в. утрачены не были. Подтверждается это и материалами из Москвы и Подмосковья. В московских слоях домонгольского времени встречаются отдельные обломки поливной керамики из серой глины. Особенно интересны поливные чарки из погребений XIV–XVII вв. По формам они повторяют деревянные точечные чарки, лучше всего известные по новгородским находкам. Ими пользовались в быту и ставили в качестве слезниц в погребения (табл. 21, *42–45*). Вероятно, производство поливной керамики в Москве было достаточно развито уже в середине XIV в. Роль киевских традиций в нем несомненна (*Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д.*, 1984. С. 48–50).

Стеклянная посуда

В известном памятнике древнерусской литературы «Вопрошании Кириковом» перечисляются в порядке возрастающей ценности материалы, из которых в Древней Руси делали посуду: «Яко же древяноу так же глиняноу, тако же меди, и стеклоу, среброу, и всему творитися молитва» (*Калайдович К.Ф.*, 1821. С. 165–204, 2). Следуя этому высказыванию, нужно признать, что в XII в. стеклянная посуда занимала высокое место в иерархии ценностей, и только серебро можно поставить выше него.

Стекло – это искусственный материал, представляющий собою расплав кремнезема (песок) с такими стеклообразующими, как щелочи, щелочные земли, окись свинца и глинозем. Дополнительные или вспомогательные материалы делают стекло разноцветным, непрозрачным и, напротив, прозрачным и бесцветным.

Стеклянная посуда появилась на Руси на рубеже X–XI вв., она известна только благодаря археологам. Представлена она главным образом обломками; целые экземпляры, сохраняющиеся обычно в ризницах церквей и среди дворцового имущества, до нас не дошли; ставить стеклянную посуду в могилу не было принято, найден лишь один целый сосуд в женском погребении рядом с гробницей Ярослава Осмомысла (в Галиче), но и тот не дошел до нас.

Первые сосуды из стекла были найдены в Киеве в конце прошлого – начале нашего века (*Хойновский И.А.*, 1899; *Ханенко Б.Н.* и *В.И.*, 1902; *Хвойка В.В.*, 1913). До самого недавнего времени представления о древнерусской посуде, особенно зарубежными учеными, черпались из этих источников. «К великокняжеской поре» отнесены кружки, чашки, бутылки с большим количеством накладных деталей из серо-зеленого стекла (плохой сохранности), которые на самом деле являлись изделиями украинских гут XVII в. Вместе с ними были найдены действительно домонгольские обломки сосудов: в основном тяжелые, в виде наперстка донца, ибо хрупкие стенки сохранялись редко.

По традиции, закрепившейся в музейных инвентарях и общей археологической литературе, такие сосуды называют «слезницами». Древняя литература сохранила другие названия стеклянных сосудов: «стекляница», «стькляница масти», «скляница благовонна масла», «стекляница с вином», «кандило скляное» и «скляное блюдо» (*Срезневский И.И.*, 1903. Т. III. С. 586). Соотнести эти названия с современными им реалиями затруднительно. Все формы древнерусской посуды восстановлены, одни реконструкции достаточно надежны (*Полубояринова М.Д.*, 1963в; *Щапова Ю.Л.*, 1963), другие дискуссионны. Что касается названий, то древние их варианты мало употребительны; наряду с современными – стаканы, рюмки, бутылки – употребляются несколько архаизированные названия – чаши, кубки, бутылки.

По традиции считалось, что тяжелые донца диаметром 1–1,3 м (табл. 22, *1–5*) принадлежат слезницам, напоминающим отчасти рог для питья (табл. 23, *1–3*) (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 396–400; *Щапова Ю.Л.*, 1972. С. 41–47). Однако из дальнейших изысканий стало ясно, что более близкими оказываются параллели среди раннесредневековых византийских ламп (*Groufoot G.M., Harden D.B.*, 1931. P. 202–204. T. XXIX 31). Рядом с этими донцами ламп нужно поставить и недавно найденные ножки-бусины (табл. 22, *6, 7*).

Донца-ножки таких неустойчивых сосудов встречаются очень широко: кроме Киева, Новгорода, Смоленска, Туров, Пинск, Полоцк, Суздаль, Владимир, Старая Рязань, Переславль, Москва, Серенск, Вщиж, Минск, Друцк... Сосуды этого вида в обеих своих разновидностях (с рифлением на стенках и без него) известны во всех слоях XI–XII вв. По новгородским находкам выявлена их более детальная хронология. Их распределение во времени отражает кривая (рис. 1). Восходящая ветвь кривой более пологая и протяженная, нисходящая – крутая и короткая, вершина кривой находится в середине временного отрезка (на котором кривая построена). Основная масса находок, более половины, относится ко второй и третьей четвертям XII в. Наибольшая вероятность (0,6–0,5) единичных находок предполагаемых ламп приходится именно на это время. Вероятность находок их в более позднее время уменьшается втрое, вероятность для более раннего времени, для XI в., еще меньше (0,02–0,07).

Вогнутые донца диаметром 5–7 см (табл. 22, *8–14*) соответствуют другому виду сосудов (табл. 23, *4–11*). Реальные формы таких сосудов не известны. Достоверно реконструирован один (табл. 23, *8*). Направление стенок, прилегающих к донцу части тулова, подсказывает два возможных варианта реконструкции – цилиндр или бочонок (табл. 23, *9, 8*). Диаметр устья цилиндрических (бочковидных) сосудов равен диаметру дна, а высота восстанавливается по расчету. Согласно исследованиям Брожовой и Хейдовой (*Brózova J.*, 1973; *Hejdová D.*, 1973), диаметр устья средневековых стеклянных сосудов – модуль, от которого рассчитывается их высота. Форма сосуда может быть вписана в квадрат, тогда высота сосуда равна модулю, диаметру устья (диаметру дна в нашем частном случае); высота сосуда может быть равна половине модуля или диагонали квадрата, второй стороной которого является тот же модуль; двум модулям, т.е. двум диаметрам устья, трем модулям, пяти и т.д. У одних сосудов (табл. 23, *4–6*) высота в реконструкциях равна диаметру дна (устья), у других (табл. 23, *7, 8, 10, 11*; табл. 24, *33*), по аналогии с восстановленным, высота составляет 5–7 диаметра дна, у одного высота – диагональ квадрата (табл. 23, *9*), еще у одного – половина модуля (табл. 23, *30*). Сосудам с диаметром дна 5–7 см принадлежат гладкие стенки толщиною 1,5–2 мм. На некоторых, окрашенных в желтый слабый цвет, сохранился декор – накладной цветной (бирюзовый или фиолетовый) в виде нитей, змеек (табл. 23, *8, 11*; табл. 24, *30*), росписи и металлических вкраплений (табл. 23, *10*).

Большая часть таких сосудов похожа на глубокие чаши, несколько маленьких ручек превращают такую чашу в «кандило стькляное» (табл. 23, *5*). Кандило стькляное – редкость на Руси, два, найденных в Новгороде, византийской работы (середина XI в. и самый канун монголо-татарского нашествия). Из Византии происходят и все другие известные нам «кандила».

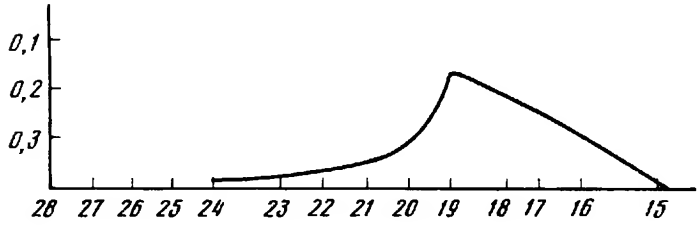


Рис. 1. Распределение во времени стеклянных сосудов XI–XII вв. (по находкам в Новгороде)

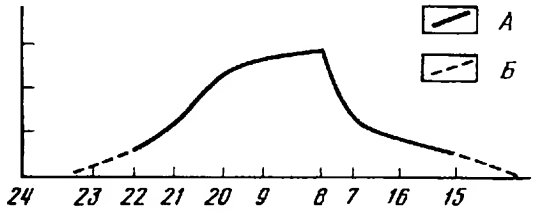


Рис. 2. Распределение во времени стеклянных сосудов XI–XII вв. по данным Неревского раскопа в Новгороде: А – документальная линия распределения; Б – вероятная линия распределения

Большая часть византийских чаш изготовлена из прозрачного разноцветного стекла: синего (полученного с помощью окиси кобальта), темного оливкового, синефиолетового, пурпурного, слабого синего (едва голубого) и совсем бесцветного голубоватого (*Гуревич Ф.Д., Джанполадян Р.М., Малевская М.В.*, 1968). Византийские чаши от собственно древнерусских отличает не только цвет, но и богатая полихромная роспись (табл. 25, *1–7*), иногда декор получали вгорячую в форме (табл. 25, *8*), иногда выполняли вхолодную (табл. 25, *9*). Один стакан с резным декором (табл. 25, *10*) аналогичен принадлежащему княгине Ядвиге, жене Генриха Бородатого Пяста. Согласно легенде, в сосуде княгини Ядвиги вода превращалась в вино. Такому сосуду могло соответствовать название «стекляница с вином». Подобный сосуд, близкий по форме и декору, взамен утраченного на рубеже XVII–XVIII вв., был выполнен на фабрике (близ Вроцлава), принадлежавшей графу Шафгочу, немецким мастером Фридрихом Винтером (*Щапова Ю.Л.*, 1976, 1978). Сосуд-копия, хранящийся в настоящее время в ризнице кафедрального собора на Вавеле, вместе с серией стилистически ему родственных входит в группу сосудов, известных под общим названием кубки святой Ядвиги. Находка оригинального средневекового сосуда византийской работы позволила разгадать научную загадку, которая почти сто лет не поддавалась решению.

География находок византийских чаш на территории Древней Руси трудно объяснима: их относительно много (но не более десятка в каждом случае) в Новгороде, Старой Рязани, Новогрудке; единичные находки происходят из Старой Ладоги, Вщижа, Смоленска, Киева, Москвы... Византийские чаши встречаются главным образом в комплексах середины – второй половины XII в. В XI в. и первой половине XIII в. они относительная редкость. Донца диаметром около 3 см с высоким вогнутым конусом (табл. 22, *15–17*) представляют самую характерную часть сосудов иного вида (табл. 23, *11–15*). Восстановлен только один (табл. 23, *16*) (*Полубояринова М.Д.*, 1963б). Все остальные, приводимые в таблице, – результат расчетов. Для реконструкции использованы детали форм (венчики, стенки) и декора, сочетание же деталей в каждом отдельном случае не более чем вероятное. Донца этого вида встречаются реже, чем донца-«наперстки», но в тех же широких территориальных пределах. Появляются они на полстолетия позже, во второй половине XI в. Новгородские находки дают детальное представление об их хронологии. Плоские широкие донца, будучи известными с середины XI в., до начала XIII в. (табл. 22, *14*) наиболее характерны все же для конца XI – середины XII в. На это время падает наибольшая вероятность (0,6) их находок. Пик кривой (рис. 1), построенный с учетом находок на Неревском раскопе, приходится на 18-й ярус, а основная масса находок – на конец XI – первую четверть XII в. И во второй половине XI в., и во второй половине XII в. они редки.

Во второй половине XII в. появилась новая форма древнерусской посуды, характерная особенность которой – донце с высоким вогнутым конусом, с полым поддоном диаметром 3–4 см. (табл. 22, *18–22*). В качестве исходных образцов для этой формы донца могут служить византийские сосуды (табл. 22, *23*), известные с более раннего времени. Возможность следовать этой форме существовала долгое время, но только во второй половине XII в. она была реализована. Очевидно, ранее необходимых условий для реализации еще не существовало. Новая форма сосудов сохраняла все характерные признаки сосудов более раннего времени (табл. 23, *12–16*): размер донца с поддоном 3 см (в более позднее время – 3–5 см), высокий конус, тонкие гладкие стенки, редкий декор в виде накладных нитей. Не исключено, что новая форма в качестве исходной могла бы иметь эту более раннюю собственно древнерусскую модификацию (табл. 22, *15–16*). Один целый сосуд, снабженный донцем новой формы, имел форму усеченного конуса, высота его 7,8 см, диаметр устья 7,8 см. Именно он и был найден в Старом Галиче, в церкви, в женском погребении, расположенном близ гробницы Ярослава Осмомысла (*Пастернак Я.*, 1944). Обращает на себя внимание, что равенство высоты и диаметра устья (в данном случае максимального диаметра) было соблюдено строго. Этому же правилу подчинены и наши реконструкции (табл. 24, *21, 22, 26, 31*), для некоторых использована высота, равная диагонали квадрата (табл. 24, *20*). Стаканы на поддоне, назовем эту форму «стекляница» или лучше – «стекляница вина», встречаются в Древней Руси повсеместно, но преимущественно в южных городах.

Вторая половина XII в. и первые десятилетия XIII в. отмечены появлением сосудов самых разных форм: одни (табл. 24, *18, 19, 34*) повторяют византийские образцы, другие – и византийскую стеклянную и древнерусскую глиняную посуду (табл. 24, *27, 28*); кроме того, появляются тарелки «скляное блюдо» (табл. 24, *23. 29*), миски (табл. 24, *35*), в XIII в. – бутылки (табл. 24, *32*), рюмки (табл. 24, *36*). Венчики не изменяются на всем протяжении истории древнерусских сосудов: вертикальные наклонные или согнутые (табл. 22, *24–26*), оплавленные по краю (табл. 22, *24, 27*), изогнутые наружу (табл. 22, *28*) или внутрь (табл. 22, *29*), некоторые отогнутые снабже-

Вид сосуда	Число находок				Находки (%)			
	Новгород			Новогрудок	Новгород			Новогрудок
	общее число	XI–п. п. XII в.	XII – п.	п. XIII в.	Общее число	XI – п. п. XI в.	XII – п.	п. XII в.
Лампы	38	17	21	4	50,6	48,57	52,5	7
Чаши	4	3	1	–	5,4	8,57	2,5	–
Чаши особые	4	1	3	7	5,4	2,85	7,5	12,9
Стаканы	22	12	10	6	29,3	34,3	25,0	11,1
Стаканы на поддоне	5	–	5	30	6,6	–	12,5	54,5
Бутылки	2	2	–	4	2,7	5,71	–	7,4
Рюмки	–	–	–	2	–	–	–	3,5
Тарелки	–	–	–	2	–	–	–	3,6
Итого	75	35	40	55	100	100	100	100

ны по краю нитью (табл. 22, *26, 30*). Во второй половине XII в. собственно у древнерусских сосудов появляются новые конструктивные элементы: ножки, ручки, горла (табл. 22, *26, 27*); новые формы поддонов (табл. 24, *24, 25*) и донец (табл. 23, *17*).

Раскопки древнерусских городов ведутся давно и очень интенсивно, но стеклянную посуду в них, как правило, находят редко. Исключение составляют Новгород, Старая Рязань и Новогрудок (*Щапова Ю.Л.*, 1963, 1975). В Новогрудке и Рязани посуда более поздняя, второй половины XII – начала XIII в.

В наборе форм новогородской стеклянной посуды доля ламп (лампад, кади́л), сосудов специального назначения, остается постоянной: около половины. Другая половина – сосуды разного назначения, среди которых главное место занимают сосуды для питья: стаканы, а в поздний период, кроме них, стаканы на поддоне; заметим, что последних в Новгороде значительно меньше, чем в южных городах или городах, тесно связанных с Киевом; количество чаш остается постоянным на протяжении всего времени в Новгороде, примерно такую же (около десятой части) их долю составляют чаши из Новогрудка. Доля бутылок с коротким горлом невелика, они византийского происхождения (табл. 25, *23,24*) «biold cum extendo collo» и могут, вероятно, соответствовать «склянице благовонна масла».

В Новогрудке общий набор форм иной: ламп мало – не более, чем бутылок; три четверти всех находок – сосуды для питья, среди них привозные стаканы и чаши, а стаканы на поддоне – почти половина. Сходен с новогрудским набор сосудов из Старой Рязани.

Новогрудский (и старорязанский) комплекс стеклянной посуды отражает не только «веяние времени», на него повлияли степень и характер связей с Киевом, а также условия находки: и новогрудский и старорязанский набор посуды характеризуют аристократический быт. Заметим, что владелец усадьбы Б на перекрестке Великой и Холопьей улиц в Новгороде также имел византийские чаши, бутылки и даже «кандило» в полном соответствии с нормой быта боярской аристократии в других частях Древней Руси.

Лампы киевского изготовления – предмет роскоши другого, более широкого круга новгородского феодального общества; они более или менее равномерно распределены по всей исследованной части неревского, славенского и людина конца. В других городах стеклянной посуды немного и в домонгольских слоях и в слоях XIV–XV вв. Все поздние сосуды принадлежат к импортам из Западной Европы (изделия северно-немецких мастерских и мастерских Подунавья) и с Ближнего Востока, среди последних – первоклассные изделия сирийских мастеров из городов Ракка и Алеппо и египетского Фустата. Данные таблицы дают представление о соотношении стеклянных сосудов разных форм с учетом времени и места их находок.

Привозная керамика. Амфоры и красноглиняные кувшины

В культурных слоях древнерусских городов довольно типичной находкой являются обломки амфорной тарной керамики. Амфоры отличаются от обычной древнерусской посуды не только своеобразием форм (двуручные круглодонные кувшины), но и составом глины, из которой они формовались без видимых примесей или с включением мелкодробленого шамота и мела, а также качеством обжига (ровного оранжевого цвета).

Вся амфорная керамика в Древней Руси, очевидно, была привозной, она поступала в города в качестве тары для перевозки жидких и сыпучих продуктов из различных южных центров (Крым, Византия, Балканы).

В древнерусских письменных источниках амфоры упоминаются неоднократно и называются «корчагами» (корчагъ, кърчагъ), причем всегда как вместилища для вина. В миниатюрах Радзивилловской летописи, рисунки которой восходят к XIII в., в сцене, изображающей легенду об осаде Белгорода печенегами в 997 г., помещены изображения двух амфор-корчаг.

В Киеве была найдена горловина амфоры с остатками надписи: «... неша плона корчага си...», прочитано Б.А. Рыбаковым как «благодатнеша полна корчага сия» (*Козловская В.*, 1931. С. 51; *Рыбаков Б.А.*, 1946. С. 138; *Каргер М.К.*, 1958. С. 425). Таким образом, о большой популярности амфор в Древней Руси свидетельствуют

разнообразные источники – археологические, изобразительные, эпиграфические.

Основную массу амфор, попадавших на Русь, производили в крымских мастерских. Естественно, что обнаруженные в древнерусских памятниках амфоры идентичны крымским. В настоящее время мы располагаем достаточно обоснованными типологией и хронологией амфорной крымской тары (*Якобсон А.Л.*, 1955; 1979. С. 29–31, 71–75, 109–112; *Плетнева С.А.*, 1959. С. 244; 1963. С. 46–55; *Антонова И.А.*, 1971. С. 81–100).

Наиболее ранними типами амфор, встречающихся на роменско-боршевских поселениях левобережья Днепра и среднего Дона, являются амфоры так называемого «салтовского типа», как назвал их И.И. Ляпушкин (*Ляпушкин И.И.*, 1961. С. 241, 303). Это небольшие (высотой обычно не более 45 см), немного сужающиеся к круглому дну сосуды с коротким гладким горлом и двумя ручками, прикрепленными одним концом к плечикам, а другим – к горлу под венчиком (табл. 26, *1*). Изготовлены они из теста с примесью мелкого шамота, обжиг оранжевый. В сечении ручки овальные с ребром на наружной стороне. Обломки таких амфор и нередко целые экземпляры в огромном количестве попадаются на поселениях салтово-маяцкой культуры.

Распространение их на всей территории культуры неравномерно: на близких к центрам изготовления памятниках процент их обломков достигает 50–70 от общего количества керамического лома, в отдельных районах их намного меньше (10–25%) (*Плетнева С.А.*, 1967. С. 129–132). Примерно такой же процент амфорных обломков характерен и для роменско-боршевских славянских поселений, расположенных довольно далеко от южных центров амфорного производства.

Наряду с этим типом несколько в меньшем количестве попадаются на памятниках обломки другого типа амфор, изготовленных из тонко отмученной глины, с гладкой, часто ангобированной поверхностью, украшенной по плечикам ровным линейным орнаментом. Амфоры эти больше размерами, с раздутым или, наоборот, удлиненным туловом, довольно высоким горлом, к которому ручки примыкают (в отличие от предыдущего типа) почти на середине его высоты (табл. 26, *2*). Производили эти амфоры, как и первые, также в Крыму (*Якобсон А.Л.*, 1979. С. 30). Что же касается амфор первого типа, то не исключено, что мастерские по их изготовлению находились и на территории Хазарского каганата (на Нижнем Дону, в Тамани и других южных центрах).

Амфоры X в., датированные в Крыму по монетам Романа I, Константина Багрянородного, Романа II и Василия II, представляют собой сосуды (высотой 30–40 см) темно-красного обжига. Тулово их короткое, приземистое, немного «грушевидное», дно округлое, горло широкое и короткое, ручки массивные, овальные в разрезе, прикреплены к плечикам и к горлу – под венчиком (табл. 26, *3*). Эти амфоры были очень широко распространены по всем Причерноморью. Проникали они и на Русь. Такова, в частности, амфора, обнаруженная в Гнездовском могильнике с процарапанной на ней надписью «ГОРУШНА» (табл. 26, 4). Вместе с ней были найдены монеты первой четверти X в. (*Авдусин Д.А.*, 1957. С. 21; *Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н.*, 1950; *Черных П.Я.*, 1950; *Корзухина Г.Ф.*, 1961. С. 229; *Львов А.С.*, 1971).

К X в. относятся также близкие к предыдущим амфоры с сильно раздутым туловом и слабо выделяющимися низким горлом. Находят их на тех же памятниках, и в тех же слоях.Такая целая амфора была обнаружена в Киеве (табл. 26, *5*). Аналогичные амфоры известны в Вышгороде и Саркеле-Белой Веже (табл. 26, *6*), где они также датируются X в. и, возможно, началом XI в.

В конце X – начале XI в. появляются амфоры весьма характерного облика: они грушевидные, с рифленой поверхностью, довольно хорошо выделенным горлом, массивными уплощенно-овальными в разрезе ручками и своеобразным отогнутым венчиком-«воротничком» (табл. 26, *6*). Такие амфоры были широко распространены на протяжении всего XI в., причем у более ранних изгибы ручек почти не возвышаются над венчиком или даже ниже его, у поздних (конца XI в.) поднимаются над ним (табл. 26, *7*). Находки целых экземпляров таких амфор известны в Киеве, в раскопках на Подоле, и в Чернигове. В последнем случае одна амфора использовалась в качестве голосника Пятницкой церкви (*Рыбаков Б.А.*, 1949. Рис. 42).

Близки этим сосудам небольшие амфорки с вытянутым туловом и «заостренным» дном. Ручки у них не выступают за линию венчика, но последний без характерного «воротничка» (табл. 26, *9–10*). Такие сосуды известны из раскопок в Киеве (4 экземпляра), на черниговщине (1 экземпляр), в Новгороде (2 экземпляра). Интересно, что в крымских городах аналогичных амфор не обнаружено, вероятнее всего, они попали на Русь непосредственно из Византии.

Амфоры следующего типа относятся к XII – началу XIII в. Это большие грушевидные сосуды с вытянутым борозчатым туловом, довольно высоким горлом и массивными овальными в разрезе, высоко поднятыми над венчиком ручками (табл. 26, *14, 16*). Обломки подобных амфор XII в. в большом количестве найдены в Киеве (*Каргер М.К.*, 1958. С. 425. Рис. 105), в Новгороде, на усадьбе Олесия Гречина (*Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л.*, 1981. Рис. 40), целые экземпляры – на городище Воинь (*Довженок В.И., Гончаров В.К., Юра Р.О.*, 1966. Табл. XII, 1, 2) и в Белоозере (*Голубева Л.А.*, 1973а. С. 108. Рис. 68, 1, 2). Этот тип представлен также совсем небольшими амфорками (высотой до 35 см), которые были использованы в качестве голосников в храме во Владимире Волынском, построенном в 1160 г. (табл. 26, *13*).

К периоду XII–XIII вв. следует отнести крупные амфоры с сильно расширенным, раздутым также борозчатым туловом, с почти отсутствующим горлом (обычно без венчика) и небольшими короткими, но поднятыми над горловиной массивными ручками. Иногда высота их достигает 65 см, а диаметр – 47 см (табл. 26, *11, 12, 15*). Поверхность одних покрыта мелким рифлением, они датируются XII в.; гладкостенные амфоры этого типа с белой ангобированной поверхностью относятся к более позднему времени – второй половине XII – первой половине XIII в.

Характерно, что большинство целых экземпляров найдены в постройках городов, разрушенных во время монгольского нашествия. Вариантом этого типа являются также очень раздутые большие амфоры с довольно высоким горлом и поднимающимися над венчиком ручками.

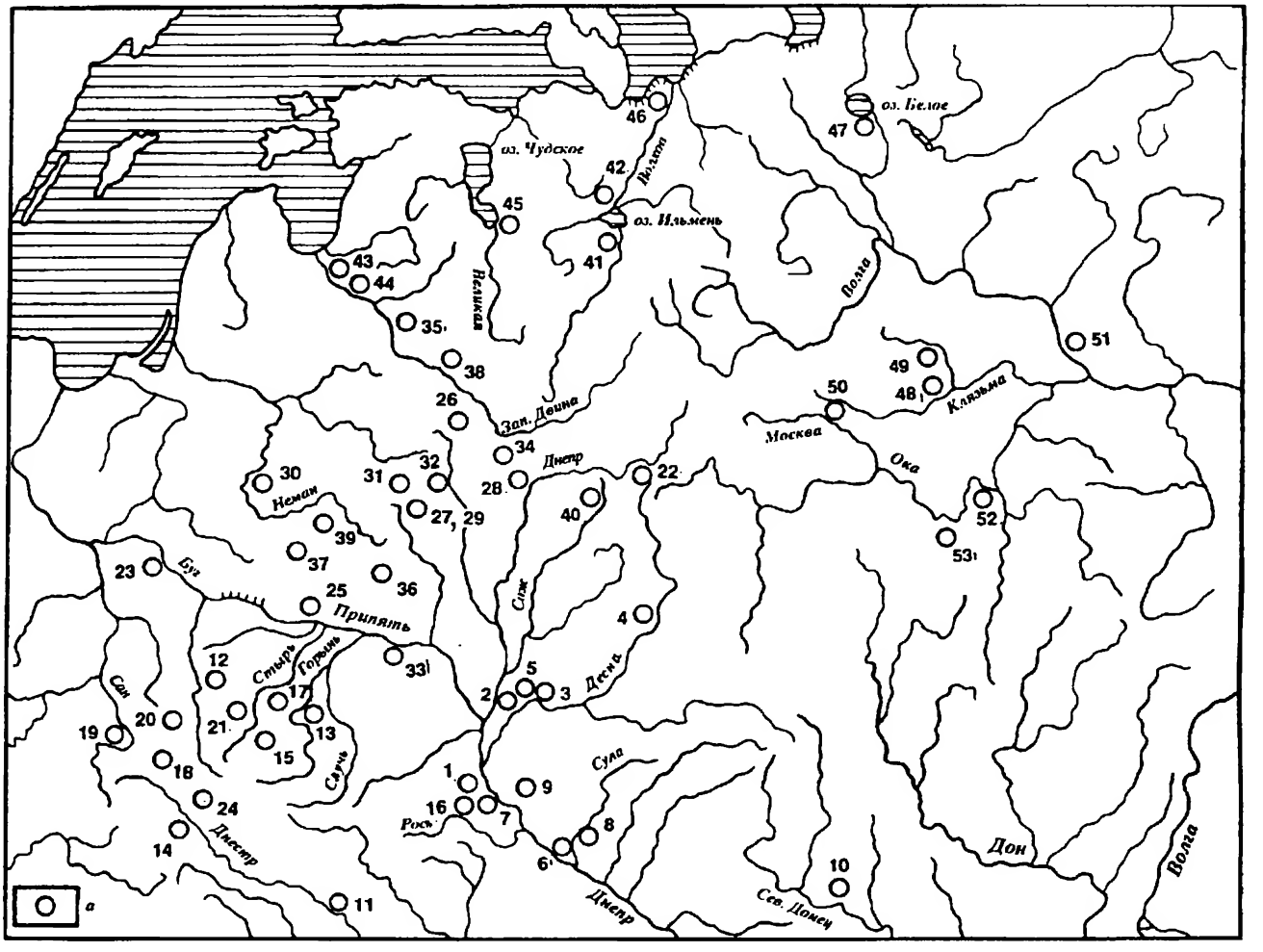


Рис. 3. Памятники с находками обломков и целых экземпляров амфор

1 – Киев; *2* – Любеч; *3* – Чернигов; *4* – Новгород Северский; *5* – Малый Листвен; *6* – Воинь; *7* – Иван-Гора; *8* – Жовнинское городище; *9* – Переяславль Хмельницкий; *10* – Донецкое городище; *11* – Бакота; *12* – Владимир Волынский; *13* – Дорогобуж; *14* – Галич; *15* – Муравица; *16* – Белая церковь; *17* – Пересопница; *18* – Львов; *19* – Перемышль Южный; *20* – Белз; *21* – Луцк; *22* – Кончанцы; *23* – Дрогичин; *24* – Звенигород Южный; 25 – Пинск; *26* – Лукомль; *27* – Минск; *28* – Орша; *29* – городище Строчицкое на р. Менке; *30* – Гродно; *31* – Заславль; *32* – Борисов; *33* – Туров; *34* – Друцк; *35* – Полоцк; *36* – Слуцк; *37* – Слоним; *38* – Витебск; *39* – Новогрудок; *40* – Ковшаровское городище; *41* – Старая Русса; *42* – Новгород; *43* – Кокнесе; *44* – Асоте; *45* – Псков; *46* – Старая Ладога; *47* – Белоозеро; *48* – Владимир; *49* – Суздаль; *50* – Москва; *51* – Городец на Волге; *52* – Рязань; *53* – Пронск.

Такая амфора найдена в Новгороде, аналогии ей известны в Византии, на островах Эгейского моря, откуда она, очевидно, и была привезена в Новгород (табл. 26, *17*).

Итак, обломки амфор, целые экземпляры этой популярной тарной посуды, небольшие амфорки, использовавшиеся в качестве голосников в сводах христианских храмов, встречаются фактически на всей территории государства, в слоях всех крупных древнерусских городов. Далеко не всегда, а вернее, только в редких случаях представляется возможность идентифицировать обломки с определенным типом амфоры. Поэтому на карте (рис. 3) можно указать лишь места находок на Руси остатков амфорной тары.

Важно помнить, что амфор, как правило, нет на сельских поселениях. Это и естественно: торговые связи осуществлялись в городах, туда на купеческих судах привозили из далеких стран эти своеобразные сосуды, сама форма которых определялась способом перевозки водным путем, по морям и рекам.

Покупателями заморских пряностей, вина и масла, содержавшихся в амфорах, были наиболее богатые горожане, в основном феодальная знать. Последнее обстоятельство – причина того, что отдельные амфоры попадались и на небольших городищах на месте оставленных феодальных замков, например в Любече.

О распространении амфор именно среди городского населения, причем из вполне обеспеченного слоя, свидетельствуют также нередко попадающиеся на стенках амфор самые разнообразные надписи, публикации которых посвящена обширная литература (*Козловская В.*, 1931. С. 51; *Рыбаков Б.А.*, 1946. С. 138; *Каргер М.К.*, 1958. С. 421–424; *Ратич О.О.*, 1976. С. 197, 198; *Гроздилов Г.П.*, 1962. С. 76. Рис. 59; *Белецкий С.В.*, 1981. С. 41. Рис. 12; *Монгайт А.Л.*, 1955. С. 187, 188. Рис. 145; *Се-*

дов В.В., 1971. С. 83; *Равдина Т.В.*, 1957. С. 150–153; *Гупало К.Н.*, 1982. С. 60, 61; *Высоцкий С.А.*, 1985. С. 105; *Голубева Л.А.*, 1960 и др.), а также раздел в настоящем томе, написанный А.А. Медынцевой.

В южнорусских городах и замках амфоры встречаются очень часто, тогда как в северных – лесных областях – их находки обычно единичны. Таким образом, чем ближе к центрам производства этой керамической тары и продуктов, перевозившихся в них, тем больше находок амфор на памятниках, чем дальше, тем труднее было доставлять их в этой бьющейся, неустойчивой и неудобной для сухопутной перевозки таре. Поэтому в отдаленных от Причерноморья городах их значительно меньше, чем на юге.

На крымских материалах (у обжигательных печей близ д. Морское) М.А. Фронджуло подсчитал, что каждая амфора разбивается в среднем на сто обломков. Благодаря этому представляется вполне возможным провести серьезное сравнительное исследование этого массового материала (обычно тысячи и десятки тысяч обломков) и дать реальные цифры распространенности амфор на территории Древней Руси и в каждом отдельном городе по периодам (стратиграфические подсчеты).

Пока эта чрезвычайно трудоемкая работа проведена только по данным двух древнерусских городов – Тмутаракани и Белой Вежи (*Плетнева С.А.*, 1959. С. 241–249; 1963. С. 46–52). Подобные исследования могут дать интереснейшие выводы о периодах расцвета и упадка торговых связей Руси с Крымом и Византией с конца VIII по XIII в., о направлении этих связей в разные периоды, могут помочь уточнению дат разных типов амфор или же, наоборот, дать четкую хронологию культурных напластований городов и отдельных комплексов в них. Эта работа еще впереди.

К другому виду тарной привозной посуды относятся так называемые красноглиняные кувшины тмутараканского типа. Это высокие стройные сосуды с удлиненным горлом и небольшими в диаметре дном и горлом. Плечики у них покатые, венчик – в виде однорядного или двухрядного валика. По плечикам и иногда горлу проведен орнамент – одна или две линии. Характерными особенностями кувшинов являются плоские широкие ручки, одним концом прикрепленные к плечикам, а другим – примерно к середине горла, а также темно-красный обжиг рыхлого песчанистого глиняного теста с примесью тонкого песка (табл. 26, 8). В настоящее время мы можем достаточно уверенно говорить о центре их изготовления – это Таматарха и Тмутараканское княжество, и о времени их бытования – это IX–XI вв. с преимущественным распространением в X в. (*Плетнева С.А.*, 1963. С. 52–58).

Помимо Тамани, делали их в мастерских, расположенных у Саркела-Белой Вежи, хотя там глиняное тесто было более слоистым и хрупким, а обжиг – неровным (*Плетнева С.А.*, 1959. С. 249–251). С Таманского полуострова и нижнего Дона эти кувшины распространялись в крымские приморские города, в Херсонес, на поселения Прикубанья и Предкавказья, на салтовские и славянские поселения роменской и боршевской культур (*Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л.*, 1953. С. 221; *Якобсон А.Л.*, 1950. С. 311; *Ефименко П.П., Третьяков П.Н.*, 1948. С. 42, 108; *Москаленко А.Н.*, 1965. С. 123–125; *Винников А.З.*, 1984. С. 76. Рис. 23; *Ляпушкин И.И.* 1958. С. 44, 45). Часто на дне внутри кувшинов сохраняется слой черной массы – смолистого вещества. Исследования на кувшинах средневековой Тмутаракани показали, что это действительно остатки смолы, которую виноделы применяли с древности для водонепроницаемости сосудов, улучшения сохранности вина и даже его вкусовых качеств (*Кострин К.В.*, 1967. С. 228 и сл.).

«Смоление» на внутренней поверхности, особенно на дне красноглиняных кувшинов, связывают и с перевозкой и хранением в них нефти, использовали их и для хранения продуктов: мелкой соленой рыбы, сыпучих или вязких специй.

На примере такой трудно экспортируемой категории изделий, как керамика, тарной, а иногда и кухонной, мы можем убедиться, что различные регионы древнерусского государства были не так уже разобщены даже в начальный период его существования. Главным связующим звеном при этом оказывались торговые связи.

Керамика с поливой, люстром и другими способами орнаментации

С раннего времени на Русь проникала керамика из древних и хорошо известных в разных странах центров, в первую очередь – из Византии. Самая ранняя – это белоглиняная посуда с полихромной росписью, начало изготовления которой в Византии относят к IX в. Роспись на ней выполнялась минеральными красками в трехцветной (коричнево-розовой) или пятицветной гаммах (с добавлением синего, зеленого и красного цветов). Роспись на одной группе сосудов ограничивалась четким контуром черно-коричневого тона, на другой контур отсутствовал.

Полихромная византийская керамика была заметным явлением в художественной жизни IX–X вв. Процесс ее изготовления был даже описан в сочинении пресвитера Теофила (*Макарова Т.И.*, 1967. С. 12; *Залесская В.Н.*, 1985. С. 4). Основные находки белоглиняной расписной керамики сосредоточены в районе Константинополя, а также в окрестностях древней столицы Болгарии Преславле, где она изготовлялась, образуя особую самостоятельную ветвь константинопольской керамической полихромии (*Mijatev Kr.* Preslavskata keramika. Sofia, 1936; *Akrabova-Zandova Iv.* Preslavskata risuvana trapezna keramika. Preslav. Sofia, 1976. II; *Totev T.* Manastirat v«Tuzlalaka» – centar na risuvana keramika v Preslav prez IX–XV v. Sofia, 1982).

Больше всего полихромной византийской керамики известно по находкам в Херсонесе (*Залесская В.Н.*, 1985). Только немногочисленные ее экземпляры попадали на Русь – в Киев, Гнездово, Новгород, есть они и в южных городах – в Тмутаракани, Керчи и в Саркела-Бе-

лой Веже (*Макарова Т.И.*, 1976. С. 13–20. Табл. II–IV). В настоящее время керамика с полихромной росписью под прозрачной бесцветной глазурью (а иногда и без нее, как это видно по находкам в Херсонесе и сведениям пресвитера Теофила) хорошо изучена. В ее византийском происхождении сомнений нет. Это касается скромных кружек или чашек, проникавших с IX в. в далекие северные регионы Руси и связанных с литургической практикой у населения, приобщавшегося к христианству (*Залесская В.Н.*, 1985. С. 8, 9). Это относится и к таким редким произведениям керамического ремесла, как тарелка с сэнмурвом и кружка, найденные в кургане Гнездова (табл. 27, *3*), и выполненное в более богатой гамме блюдо из Киева (табл. 27, *2*).

Одновременно с полихромной на Русь проникала и более простая по способу изготовления византийская посуда, чаще мелкая – открытые блюда с характерным рельсовидным венчиком и пятнистой зеленой, реже желтой поливой. В центре их размещается оттиснутый в штампе рельефный орнамент с раннехристианскими символами. Формы этой посуды восходят к позднеримской керамике с красным лаком, на сложение орнаментации большое влияние оказал Ближний Восток (*Якобсон А.Л.*, 1959. С. 350–357).

Больше всего такой керамики найдено в слоях IX–XI вв. Тмутаракани, Корчева и Саркела-Белой Вежи. Вероятно, к такой посуде относились обломки сосудов, найденные Э.В. Хвойкой в Белгородке (*Хвойка В.В.*, 1913. С. 85) и М.К. Каргером в Киеве (*Макарова Т.И.*, 1967. С. 11). Эта керамика составляет большую часть всей византийской поливной посуды, попадавшей в Восточную Европу в IX–XI вв. Помимо указанных городов, она встречается во многих местах южного побережья Крыма и на памятниках салтовского времени. Как мы видели, знакомство с нею не прошло бесследно для становления собственного поливного дела на Руси.

Попадала на территорию Руси и Византии и красноглиняная керамика, покрытая зеленой или желтой поливами по ангобу. Орнаментировалась она чаще всего гравировкой (граффито). Это преимущественно блюда на кольцевых поддонах, иногда довольно крупные. Встречаются и красноглиняные поливные кувшины или бутыли. Обломок такого сосуда был найден в Старой Рязани, на Пронском городище (*Монгайт А.Л.*, 1955. С. 158. Рис. 123). Есть обломки красноглиняных поливных сосудов с орнаментом граффито и в Серенске (*Никольская Т.Н.*, 1968, 1971). Большинство находок подобной керамики с желтой, зеленой и бесцветной глазурью в древнерусских городах связано с послемонгольскими слоями.

С XI в. на Русь начинает проникать высокого качества фаянс из различных центров Ирана и Закавказья. Большая коллекция такой керамики с росписью люстром была собрана в Новогрудке. Не менее 10 пиал, найденных там, изготовлены в знаменитых мастерских Ирана, в Рее, Кашане (*Гуревич Ф.Д.*, 1968. С. 34–36).

Большая серия сосудов, похожих на иранские сосуды с люстром, была найдена в культурном слое Новгорода (*Медведев А.Ф.*, 1963. С. 269–285). Некоторые из них правильнее было бы назвать люстровидными: люстр, обладающий характерным блеском, заменен на них росписью оливкового и коричневого тонов. Такая имитация настоящего иранского люстра производилась в Средней Азии с IX–X вв. (*Большаков О.Г.*, 1954. С. 9). Определенное число сосудов с люстром концентрировалось в районе богатой боярской усадьбы, принадлежавшей, вероятно, боярской семье Лукиничей. Обломки чаш и блюд, найденных здесь, датируются XI–XII вв.

Особенно интересная коллекция иранской посуды с люстром была найдена при раскопках Старорязанского городища (*Монгайт А.Л.*, 1974. С. 43. Примеч. 48; *Даркевич В.П., Стародуб Т.Х.*, 1983. С. 183–194). Кроме обломков пиал и чаш, здесь были найдены фрагменты иранских кувшинов и бутылей. Роспись этих сосудов разнообразна и по характеру ее устанавливается, что их изготовляли не только в Рее и Кашане, но и в Херсонесе и Закавказье. В.П. Даркевич предполагает, что пути, по которым поступала эта керамика в Рязанское княжество, были не только днепровский и волжский, но и караванные дороги из Средней Азии в Поволжье.

Находки иранской керамики есть и в других древнерусских городах домонгольского времени, есть они и в Волжской Болгарии.

Особый интерес представляет находка иранского кувшина в землянке XII в. в Суздале. Он сделан из хорошо отмученной серой глины и покрыт полихромным эпиграфическим орнаментом, размещенным на тулове сосуда (табл. 27, *9*). Близкий по форме иранский кувшин найден в обломках в одном из погребений Гнездовского могильника (табл. 27, *4*). Трудно с уверенностью определить происхождение глиняного водолея, найденного в кургане конца X в. Шестовицкого могильника (табл. 27, *5*). У водолея три ручки в верхней части и трубчатый слив. На дне сосуда орнамент из трех переплетающихся змей (*Блифельд Д.И.*, 1977. С. 174. Рис. XXIX). Судя по тесту, похожему на тесто крымских корчаг, крымское происхождение этого оригинального сосуда не исключено.

С раннего времени на территорию северо-восточной Руси проникала керамика, изготовленная в Волжской Болгарии. Это преимущественно красноглиняные кувшины с вертикальным лощением, встречается и посуда из белой глины. Кувшины из красной глины с лощением найдены в курганных погребениях Михайловского и Тимиревского могильников Ярославского Поволжья (табл. 27, *6–7*). Находки таких кувшинов есть и на Тимеревском поселении (*Мальм В.А.*, 1963. С. 49. Рис. 28). Болгарская керамика есть и в Белоозере в слоях X–XII вв. Попадали сюда из Волжской Болгарии и сфероконусы (*Голубева Л.А.*, 1969. С. 40–43. Рис. 1, 3; 1973. С. 179).

Хорошо известны находки болгарской керамики на славянских и муромских поселениях и в окрестностях Мурома (*Горюнова Е.И.*, 1961. С. 179). Особенно большое количество различных видов столовой болгарской керамики – кувшинов, горшков, фляг, мисок – распространилось на территории Владимиро-Суздальского и Рязанского княжеств. Проникновение ее началось с XI в. и продолжалось в XII–XIII вв. Болгарская керамика известна по многочисленным находкам во Владимире, Суздале, Старой Рязани, Пронске, Переяславле Рязанском, Ярополче Залесском (*Седова М.В.*, 1973. С. 42; 1978. С. 96; *Седов В.В.*, 1963. С. 40; *Монгайт А.Л.*, 1961. С. 327; *Хлебникова Т.А.* 1962. С. 137, 138).

Под влиянием болгарского керамического производства местные керамические центры начинают выделы-

вать керамику, которая по качеству обжига посуды сравнялась с болгарской, а по формам явилась дальнейшим развитием местных традиций. В изготовлении столовой керамики (кувшины, миски, блюда) местные мастера даже добились некоторых усовершенствований. Вероятно, среди них работали и болгарские керамисты, переселившиеся на Русь после разрушения Волжской Болгарии татарами.

Вероятно, через Волжскую Болгарию в древнерусские города проникали из Хорезма фляги и кувшины, украшенные отпечатками мелких штампов. Обломки фляг со штампованной орнаментацией найдены в Переяславле Рязанском и Пронске (*Монгайт А.Л.*, 1961. С. 326. Рис. 146, 4,5). Образцы подобной керамики были обнаружены в мастерской керамиста XII–XIII вв. в Мерве (*Пугаченкова Г.А.*, 1958. С. 78–91). Такую керамику, как в Мерве, так и в Иране, украшают зооморфные мотивы, в частности рельефные изображения рыбок, размещенные по кругу на тулове сосудов.

Фрагменты керамики, найденные в Переяславле, отличаются от мервских заполнением фона мелкими точками. Такая керамика относится к более позднему времени – XIV в., когда в Хоросане изготовление штампованной керамики прекратилось, но аналогичное производство возникло в Хорезме и городах Поволжья. В Куня Ургенче, Шемаха-Кале, Сарае-Берке, Булгарах найдены остатки мастерских и большое количество керамики с орнаментами, нанесенными мелкими штампами (*Хованская О.С.*, 1954. С. 353–355). Вероятно, образцы штампованной керамики, обнаруженные в Переяславле Рязанском, происходят из городов Поволжья или из Хорезма.

Со второй половины XIII в. в культурных напластованиях древнерусских городов появляются образцы высококачественной поливной керамики из городов Золотой Орды. Тесто ее резко отличается от теста более ранних групп керамики розоватым цветом и наличием в нем песка, а на поверхности – подглазурной росписи по ангобу. Полива на сосудах имеет зеленоватый или голубоватый оттенки. Сосуды, изготовленные в этой технике, – разновидности пиал и относительно глубоких мисок, реже – обломки поливных кувшинов.

Интересна поливная чаша, найденная в 1946 г. при раскопках в Софийском соборе в Новгороде. Орнамент, контуры которого обведены кобальтом, исполнен в рельефе, отформованном по сырой глине. Кроме растительных сюжетов, чашу украшает арабская надпись, повторяющая одно слово «успех» (*Монгайт А.Л.*, 1948. С. 70–72).

Находки золотоордынской керамики довольно многочисленны в новгородских слоях XIII–XIV вв. (*Медведев А.В.*, 1963. С. 269–285), в Переяславле Рязанском (*Монгайт А.Л.*, 1961. С. 324–326. Рис. 146). Значительная коллекция ее собрана в Москве (*Латышева Г.П.*, 1971. С. 213–226). Эта керамика необычайно разнообразна по декору и цветовой гамме поливы. Две чаши из Москвы, выполненные в разных художественных манерах, удалось реконструировать (рис. 27, *10,11*).

Характерно почти полное отсутствие на Руси в домонгольское время художественной керамики, привезенной из стран Западной Европы. Исключением является фрисландский кувшин, найденный в одном из курганов Старой Ладоги (урочище Плакун) (табл. 27, *1*). Это сосуд грушевидной формы с короткой горловиной. Поверхность его покрыта черной краской, по которой вклеен орнамент из серебряной фольги. Подобный кувшин найден в одном из погребений Бирки, остальные находки концентрируются в Швеции и прирейнской области. Предполагают, что центр производства подобной керамики находился в низовьях Рейна, во Фризии.

При исследовании территории Готского двора в Новгороде, в слоях XI–XV вв., была найдена серия сосудов рейнской керамики («каменный товар»). Это кувшины с одной или двумя ручками, узким горлом и кольцевым поддоном, украшенным защипами (табл. 27, *12*). Тесто сосудов серое, поверхность выглядит глазурованной, на самом же деле она оплавлена (*Рыбина Е.А.*, 1978а. С. 138–140. Рис. 25–27). Такая керамика изготовлялась в городах на Рейне, откуда распространялась по всей средневековой Германии. Находки такой керамики в городах Прибалтики относятся к XIV в. Более поздние разновидности каменного рейнского товара известны во множестве в городах Польши. Есть они и в Москве, в слоях XV–XVI вв. (*Рыбина Е.А.* 1978. С. 211. Рис. 10,11).

Как мы видели, на Русь, начиная с первых веков ее государственного существования, проникали керамические изделия из очень отдаленных стран. Тарные сосуды – амфоры и кувшины – приходили с товаром, что подтверждается концентрацией их находок на торговых путях (рис. 3).

Столовая, особенно парадная посуда, с поливой и люстром, судя по сравнительной малочисленности находок, не могла быть сколько-нибудь постоянной статьей импорта. Скорее всего, она попадала на Русь спорадически, в качестве заморских даров приезжих купцов или раритетов, привезенных русскими людьми из далеких стран. Именно с этой точки зрения как показатель многообразных связей с соседями – Византией, городами Крыма, Средней Азии, Ирана, позже Западной Европы – интересны находки этой разнообразной по происхождению и технологии продукции керамического ремесла.

Металлическая посуда, кухонная и столовая

В домонгольское время на Руси широко использовали металлическую посуду – прежде всего котлы для варки пищи. Изготовляли их из железа, меди, бронзы, как правило, из нескольких пластин металла, соединенных заклепками и снабженных дужками полукруглой формы. По форме и способу изготовления они сходны с котлами, распространенными у соседних народов, как северных (марийцы, коми-пермяки, корелы), так и южных, кочевых – торков, половцев, печенегов. Часть кочевнических котлов, как представляется, была изготовлена русскими кузнецами.

Форма древнерусских котлов различна: они бывают сферическими, усеченно-коническими, цилиндрическими. Они явно играли определенную роль в погребальном

ритуале, лучшие их экземпляры найдены в курганных могильниках. Это котлы из курганных групп у с. Заозерье, Усть-Рыбежна, Кириллино и Приладожье (табл. 28, *1, 3, 4, 5*), датирующиеся X в. Котел, похожий на один из них, усеченно-конической формы, был найден в знаменитой Черной могиле в Чернигове (табл. 28, *2*), захоронение которой относится ко второй половине X в. (*Рыбаков Б.А.*, 1949. С. 41. Рис. 15). Второй половиной X – началом XI в. датируется железный клепаный котел из Гнездовского могильника (*Сизов В.И.*, 1902. С. 89. Рис. 52). Из того же могильника происходит железный клепаный котел в виде низкого цилиндра с утолщением по краю и хорошо сохранившейся ручкой (табл. 28, *6*). Наконец, еще один котел, очень похожий на гнездовский, был найден в курганном погребении у д. Сязнига, в Приладожье (табл. 28, *7*). В погребениях рядом с котлами обычно находят и крюки с цепями, на которых эти котлы подвешивали над очагом.

Несколько реже встречаются котлы и котелки, изготовленные из бронзы. Два бронзовых котелка цилиндрической формы найдены на городище Сатинка Тульской области (табл. 28, *9,10*). Дно их уплощено, а по верхнему краю идет плоский бортик. Ручки у котелков железные. Медный котелок с туловом цилиндрической формы найден в Гнездовском могильнике (*Сизов В.И.*, 1902. С. 89. Рис. 53). Места петель, на которых крепилась ручка, не видны. Котелок этот датируется, видимо, XI в.

Два больших медных котла с железными ушками – петлями и ручками – найдены на Вщижском городище (табл. 28, *11, 12*). Стенки их составлены из кусков листовой меди, днища – из одного куска медного листа, на внутренней стороне котлов остались следы лужения. Они предназначались для приготовления пищи большому числу людей. Время их изготовления – XIII в. (*Рыбаков Б.А.*, 1953б. С. 114).

Среди аналогичных изделий стоит упомянуть медный котел, найденный на Старорязанском городище в 1888 г. Он оригинален тем, что днище его сделано из листа бронзы (*Монгайт А.Л.*, 1955. С. 135, 136).

В культурных слоях поселений от котлов обычно сохраняются только тонкие листы бронзы. Иногда в них закапывали клады, например Щигровский (*Монгайт А.Л.*, 1961. С. 302, 303).

Интересен бронзовый котелок, найденный в Карелии в погребении XI в. В отличие от всех перечисленных он, видимо, литой (*Кочкуркина С.И.*, 1981. Табл. 16, 9).

Из котлов более позднего времени стоит упомянуть о бронзовом котелке из кочевнического погребения XIII–XIV вв. под Азовым. У него усеченно-коническое тулово и днище из одного куска бронзы. Сохранились ручка и петли, сделанные из железа (*Горбенко А.А., Кореняко В.А.*, 1975. Рис. 1, 1). Из того же погребения происходит и цепь с крюком для подвешивания котла над огнем.

Как видно, формы котлов довольно традиционны, и на тех материалах, которыми мы располагаем, наметить определенные пути ее эволюции во времени не удается.

Особенно широко представлен в древнерусских памятниках другой вид металлической посуды – сковородки. Целые экземпляры железных сковородок и их обломки – частая находка в культурном слое поселений, городов и в погребальных комплексах. В отличие от современных у древнерусских сковородок дно имеет сферическую форму, а диаметр варьирует от 12–13 до 30 см. Судя по новгородским материалам, сковородки бытовали в городе с начала XI по XV в. (табл. 28, *16*).

Более раннюю дату бытования этого вида металлической посуды дают курганные древности. Самая ранняя сковородка найдена в сопке у д. Репьи Лужского района Ленинградской области (*Лебедев Г.С.*, 1978. С. 96. Рис. 1, IX). Автор раскопок датирует ее VII–VIII вв., но больше оснований для датировки ее более поздним временем – VIII–IX вв. Находят железные сковородки и в других погребальных памятниках – в Горелухинских курганах (*Крупейченко И.*, 1978), в Тихвинских курганах, где их использовали в качестве покрышек на глиняные урны (*Колмогоров А.*, 1914. С. 426. Рис. 47).

Две железные сковородки найдены на Сарском городище, где они датируются X–XI вв. ((*Эдинг Д.*, 1928. С. 46. Табл. VI, 10). Известны находки железных сковородок в Белоозере, в слоях XIII в. (*Голубева Л.А.*, 1976. С. 96); в южнорусских городах: в Киеве, Воине, Городске, Лукомпле, на Райковецком городище (Новое в археологии Киева, 1981. С. 271–272; *Довженок В.И., Гончаров В.К., Юра Р.О.*, 1966. С. 86; *Гончаров В.К.*, 1952. С. 169–180. Табл. 1, 12; *Штыхов Г.В.*, 1969. С. 316. Рис. 9; 1978. С. 119. Рис. 51, 3).

Обязательной и существенной бытовой принадлежностью древнерусского человека были ведра. Основу их делали из дерева, наружную сторону облицовывали железным футляром с петлями для железных дужек. Поэтому логично остановиться на них в настоящем разделе. Полное представление об этих изделиях дает ведро, найденное Н.А. Бранденбургом в кургане у с. Усть-Рыбежна (табл. 29, *16*); оно цилиндрической формы и продуманных пропорций (высота его равна диаметру), очень декоративно: его металлический кожух украшен горизонтальными валиками и полосами треугольных просечек. Иногда на деревянную основу ведра надевали железные обручи, сплошь покрывавшие его внешнюю поверхность. Такое ведро было найдено Н.И. Булычевым в курганной группе Шатуны на Угре (*Булычев Н.И.*, 1913).

Довольно часто в культурном слое городов находят бронзовые черпачки с пластинчатыми или трубчатыми ручками. Некоторые из них могли иметь производственное назначение, но часть из них относилась к кухонной посуде. Форма их устойчива, как и форма прочей домашней утвари. Бытовали они в течение длительного времени, большое количество черпаков было найдено в Новгороде (рис. 28, *13,15*). Небольшой черпачок был найден в Ярополче Залесском (табл. 28, *14*) (*Седова М.В.*, 1978. Табл. 5, 14), известны находки черпаков в других городах – в Белоозере (*Голубева Л.А.*, 1957. С. 39. Рис. 5, 7), в Новогрудке (*Гуревич Ф.Д.*, 1981. С. 104. Рис. 80, 2).

Среди столовой посуды, изготовленной из металла, самыми распространенными были чаши, их делали из меди, бронзы, серебра и золота, но изделия из двух последних металлов почти не известны, их берегли и в последующее время, они были почти все переплавлены.

Медные чаши сильно варьируют по форме и размерам. На внутренней стороне отдельных из них были обнаружены следы полуды, реже – следы серебрения. Ча-

ши ковали из одного куска металла независимо от материала, из которого их делали.

Среди бронзовых чаш есть экземпляры, достаточно хорошо датированные. Одна из них найдена в кургане с монетами X в. (табл. 29, *6*). Края ее отогнуты и имеют вид горизонтально поставленной палочки. Приближается к ней по форме чаша из Новогрудка (табл. 29, *7*), значительная по размерам (*Гуревич Ф.Д.*, 1981. Рис. 82). Чаша с округлым дном и сферическими стенками была найдена в Дмитрове, в слоях XII–XIII вв. (*Никитин А.В.*, 1971. С. 282 Рис. 4,3) (табл. 29, *8*). В бронзовую чашу был положен клад, найденный в Киеве на Михайловской площади в 1938 г. (*Самойловський І.М.*, 1948. С. 193. Рис. 1). Она отличается округлыми стенками, плавно переходящими в днище, и прямым утолщенным краем (табл. 29, *5*).

Серебряные чаши найдены преимущественно в составе кладов. Они, как правило, богато орнаментированы. На дне чаши, с внутренней стороны, помещались орнаментальные и сюжетные композиции, варьировались и края чаш. Так, чашу из киевского клада 1949 г. (*Корзухина Г.Ф.*, 1954, клад № 109) украшает розетка с шестью лепестками (табл. 29, *10*), чашу из Каменнобродского клада (Там же. Клад 138. Рис. 58) – изображение птицы в геральдической позе, обрамленной лентой геометрического орнамента, повторенного и по краю чаши (табл. 29, *13*). Из Киева происходит еще одна чаша с восьмилепестковой розеткой на дне (табл. 29, *9*). К этому кругу изделий принадлежит серебряная чаша, найденная на Старорязанском городище (*Монгайт А.Л.*, 1955. С. 139. Рис. 104). Тулово ее разделено на четыре зоны, вычлененные дугообразными линиями, в центре, в круглой розетке, изображен олень.

Большими художественными достоинствами обладают две серебряные чаши из Шигровского клада (*Ерохин В.С.*, 1954. С. 145–147; *Монгайт А.Л.*, 1961. С. 302, 303). На одной из них изображен в круглом клейме лев (табл. 29, *11*), на другом – грифон. Время клада определялось XII–XIII вв., но, скорее, это все же XIII–XIV вв.

Уникальным изделием древнерусского ремесла является серебряная позолоченная чаша черниговского князя Владимира Давыдовича, найденная в Сарае-Берке. Надпись, идущая по краю сосуда, сделала ее знаменитой. Чаше Владимира Давыдовича посвящена большая литература (*Бычков А.Ф.*, 1851. Табл. VII; *Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 279. Рис. 64; *Рыбаков Б.А.*, 1964. С. 28, 29. Табл. XXIX и др.).

Чаши, подобные описанным, использовались для питья на пирах, сам термин «чаша» постоянно упоминается при описании пиров с X в. С древних времен была распространена на Руси другая посуда для питья – питьевые рога. Питье из рогов – не только непременная часть пира, но и обряд похоронной тризны. Поэтому все находки питьевых рогов были сделаны в куганных погребениях, причем погребениях княжеских или боярских.

Три питьевых рога происходят из Чернигова. Первый был найден в кургане «княжны Черной», разрушенном при строительных работах 1851 г. В нем была найдена серебряная оковка большого рога с резьбой и чернью тонкой работы, узкий конец ее был отделан в виде «орлиной головы» (*Самоквасов Д.Я.*, 1908). Эта оковка, как и все находки из кургана, не сохранились (*Самоквасов Д.Я.*, 1917; 1916).

Два других рога найдены при раскопках Черной могилы Д.Я. Самоквасовым в 1872–1873 гг. Горловина меньшего из них украшена серебряной оковкой с богатым растительным орнаментом, на тулове рога – квадратная орнаментированная пластина (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 289, 290. Рис. 70; *Седов В.В.*, 1982. С. 253. Рис. 17). Орнамент из растительного плетения на этом роге по стилю перекликается с орнаментацией аварских сумок Венгрии и оружия из могильников Нижнего Прикамья.

Большой рог Черной могилы знаменит сложной сценой из 12 фигур, украшающих его оковку. Б.А. Рыбаков расшифровывает ее как иллюстрацию к былине черниговского происхождения об Иване Годиновиче (*Рыбаков Б.А.*, 1984. С. 283–289; Рис. 68, 69; 1949. С. 47–50. Рис. 20; 1987. С. 320–349. Рис. 67). Многочисленные и недавние публикации питьевых рогов Черной могилы позволяют нам не воспроизводить их вновь в нашем томе, тем более что в одном из томов Археологии СССР они воспроизведены на хороших фотографиях (*Седов В.В.*, 1982. С. 252, 253. Рис. 16,17).

Меньше известны питьевые рога из других курганных могильников. В одном из Шестовицких курганов найдена оковка из серебра с геометрическим орнаментом, выполненным полосами отпечатков пуансона (табл. 19, *3*) (*Блифельдт Д.И.*, 1977. С. 176. Рис. 43). Оковка из серебра от еще одного рога была обнаружена в кургане XI в. у с. Усть-Рыбежна Н.Б. Бранденбургом (табл. 28, *4*). Городчатые фестоны в нижней части оковки сочетаются с Т-образными прорезями, ограниченными выпуклыми валиками. Участвуют в декоре и отпечатки пуансона.

Есть находки питьевых рогов и в Гнездовских курганах. Одна из оковок рога тоже украшена городчатым орнаментом с прорезями, дополненным пуансонным декором (*Сизов В.И.*, 1902. Табл. IV, 5) (табл. 29, *1*). Из того же могильника известна и серия бляшек, набивавшихся по горловине питьевых рогов. При раскопках Д.А.Авдусин обнаружил во фрагментах еще один рог для питья, устье которого было оковано узкой серебряной пластиной с обращенными вниз клиновидной формы фестонами (табл. 29, *2*) (*Авдусин Д.А.*, 1951. С. 72. Рис. 35). Эта оковка напоминает оковки питьевых рогов из Прибалтики.

Представляет несомненный интерес и изготовленный из железа питьевой рог, найденный на Подоле в Киеве. Его поверхность украшают позолоченные прорезные пластины (*Гупало К.Н.*, 1982. С. 84, 85).

Еще она любопытная разновидность металлической посуды Древней Руси – фляги. В одной из них был найден киевский клад 1876 г. (*Корзухина Г.Ф.*, 1954. С. 111, клад 80). Это цилиндрической формы сосуд из красной меди с низкой горловиной и крышкой (табл. 29, *15*). При раскопках в Старой Рязани была найдена бронзовая фляжка такой же формы, с орнаментом в виде розетки на боковых сторонах (табл. 29, *14*).

Ложки

Ложки – одна из наиболее массовых категорий бытовых находок на Руси в домонгольское время. Они изготовлялись из металла, рога (или кости) и дерева. Основная масса ложек была деревянной.

Металлические ложки на Руси нам почти не известны. В Киевском Историческом музее хранится всего одна металлическая ложка с миндалевидным черпаком и витой рукоятью, расположенной с ним в разных плоскостях (табл. 30, *4*). При раскопках их находят редко. Это можно объяснить тем, что те из них, которые изготовляли из серебра, часто попадали в переплавку. Однако о их формах мы можем судить по ложечкам из бронзы, которые использовали как амулеты; их достаточно часто находят в славянских погребениях и культурном слое поселений X–XII вв. Судя по ним можно утверждать, что в то время бытовали металлические ложки двух типов.

К первому типу, наиболее распространенному, относятся ложки с округлым черпаком, соединенным коленчатой перемычкой с плоской равноширокой или слегка расширяющейся к концу рукоятью (табл. 30, *5–8, 10, 12, 13*). Рукояти с наружной стороны украшали косичкой, плетенкой, циркульным орнаментом. Ложки-амулеты этого типа были найдены при раскопках в Новгороде (*Седова М.В.*, 1981. С. 229. Рис. 2. 12; Рис. 7, 10, 11), в курганах у д. Сухомля Смоленской области (*Лявданский А.Н.*, 1932. Табл. IV, 13), в кургане у д. Жилые горы Московской области (табл. 30, *8*) (*Спицын А.А.*, 1905. Рис. 69), в Остенецком курганном могильнике (*Подвигина Н.Л.*, 1965. С. 296. Рис. 1, 20).

Близкая по форме ложечка-амулет была найдена в курганных группах у с. Шишмарово Московской области (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 195), д. Кузнецы Ленинградской области (*Raudonikas V.I.*, 1930. С. 41, 42), у д. Сарагожа Калининской области (*Репников Н.И.*, 1904. С. 16. Табл. III), у д. Калихновщина и Павлов Погост (*Спицын А.А.*, 1903а. Табл. XXI, 3,6) (табл. 30, *13*).

Ложка-амулет с уплощенной ручкой была найдена в кургане у д. Грязивец под Оршей (*Бранденбург Н.Е.*, 1908. С. 200; *Лявданский А.Н.*, 1930. С. 34), две ложечки – в Сарагожских курганах (*Репников Н.И.*, 1904. С. 16. Табл. III). Несколько амулетов этого типа найдено во Владимирских курганах (*Спицын А.А.*, 1905. Рис. 40), в Полтаве, Старой Рязани, в Нередицком курганном могильнике. В общей сложности в настоящее время известно около 50 пунктов находок ложек-амулетов первого типа на славянских землях и сопредельных территориях.

Второй тип металлических ложек-амулетов представлен ложечками с черпаком миндалевидной формы, с прямой, круглой в сечении рукоятью, соединенной с черпаком без перехвата. Такие ложечки были найдены в Новгороде (*Седова М.В.*, 1981. С. 229) (табл. 30, *14*), на Лукомльском городище (*Штыхов Г.В.*, 1978. Рис. 17, 20), в курганной группе рядом с д. Акулин Бор (табл. 30, *11*) (*Савин Н.І.*, 1930. Рис. IV, 7); подобный же амулет-ложечка была найдена в славянском слое Донецкого городища (*Шрамко Б.А.*, 1962. С. 348. Рис. 143, 17). Верхняя часть ложечки из бронзы, найденной в Кветунских курганах (табл. 30, *9*), трактована как человеческая фигурка (*Падин В.А.*, 1958. С. 222. Рис. 4). Ложечка с Микулинского городища, датированная XIV в., вероятно, использовалась для причастия (*Жизневский А.К.*, 1898. С. 120, 527) (рис. 30, *2*), равно как и ложка с округлым черпаком из Новгорода (*Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л.*, 1981. С. 95) (табл. 30, *1*). Стратиграфически новгородская ложка датируется XII в. К этому же типу ложек относится и ложка из Берестья (табл. 30, *3*).

Более многочисленны на Руси ложки из рога или кости, найденные при раскопках в Новгороде, Старой Ладоге, Пскове, Старой Руссе, Киеве (табл. 30, *15–19, 29*). Реже костяные ложки находят в составе погребальных инвентарей. Костяные ложки появились на Руси в IX в. и широко бытовали до середины XIII в. Часто эти массовые предметы довольно грубо сделаны.

Ложки из рога, напротив, делали преимущественно на заказ, большая их часть украшена высокохудожественной резьбой.

Среди костяных ложек выделяются две, с круглыми черпаками. Изготовлены они, видимо, на токарном станке. Одна из них найдена в Новгороде (табл. 30, *21*), другая – в Старой Ладоге (*Давидан О.И.*, 1966. С. 111. Рис. 4, 20). Предполагают, что прототипы подобных ложек есть в Бирке.

К ранним разновидностям костяных ложек относится ложечка, найденная в детском погребении X в. в Киеве (*Каргер М.К.*, 1958. Табл. XVII). У нее неглубокий овальный черпак, а рукоять украшена плетенкой. XI в. датируется маленькая костяная ложка из Белоозера с круглым черпаком и плоской ручкой (*Голубева Л.А.*, 1973. Рис. 63, 1). Остальные ложки из Белоозера датируются XII–XIII вв. Черпаки их иногда украшены. Многие ложки носили на поясе на шнуре, поэтому на конце их ручек есть круглые отверстия (табл. 30, *23, 24, 29*) (*Голубева Л.А.*, 1961а. С. 45. Рис. 4; 1973а. Рис. 63, 2–6).

В массе своей роговые ложки Старой Ладоги относят к тем же разновидностям, что и белозерские. У них плоские ручки, часто с лицевой стороны украшенные плетенкой (*Давидан О.И.*, 1966. С. 11. Рис. 4, 18, 19).

Особенно высокими художественными достоинствами обладает серия костяных ложек из Новгорода с круглыми и миндалевидными черпаками. Большинство ручек у этих ложек украшены прекрасной резьбой, обычно разного рисунка плетением (рис. 30, *19*) (*Колчин Б.А.*, 1956. Рис. 12, 2). Известны находки костяных ложек на Ленковецком городище. На одной из них, с круглой в сечении ручкой и миндалевидным черпаком, прочерчены инициалы владельца (*Тимощук Б.А.*, 1959. Рис. 4). Хорошей сохранности костяные ложки с круглой в сечении рукоятью были найдены в Волковыске (*Зверуго Я.Г.*, 1982. С. 117) и Турове (*Лысенко П.Ф.*, 1974. Рис. 10,2) (табл. 30, *45*).

Интересна оригинальная ложка, найденная случайно в с. Юровчицы Калининского района. Она небольшого размера, с миндалевидной формы черпаком и круглой в сечении ручкой. Конец ее оформлен в виде фигурки животного, а на внутреннюю сторону черпака нанесен княжеский знак второй половины XII в. (табл. 30, *17*) (*Штыхов Г.В., Захаренко П.Н.*, 1971. № 52).

Наиболее распространенными на Руси в домонгольское время были деревянные ложки. При раскопках неоднократно находили заготовки ложек, испорченные при обработке. Ложки делали специальными инструмен-

тами – ложкарями, их тоже часто находят в культурном слое, что подтверждает широкое распространение этого ремесла. Ложки резали преимущественно из клена – дерева вязкого и с красивой текстурой. Есть, однако, ложки, сделанные из липы и даже из березы.

Огромная коллекция деревянных ложек, классифицированных Б.А. Колчиным, была получена при раскопках в Новгороде (*Колчин Б.А.*, 1968. С. 43, 44. Рис. 32. Табл. 27–29; 1971. С. 11–13. Табл. 2, 3, 45, 46). Из этой классификации следует, что в новгородских слоях X – начала XII в. были широко распространены ложки с черпаком овальной формы, как с уплощенными, так и круглыми в сечении ручками (табл. 30, *30, 31*). Черпак у этих ложек поставлен под углом к рукояти. Такие ложки имеют вид миниатюрного половника, черпак их относительно уплощен. В XI – начале XII в. вместе с ними бытуют деревянные ложки второго типа – с круглыми в сечении рукоятями, с черпаком той же формы, но отогнутым к рукояти под меньшим углом (табл. 30, *32, 33*).

Ложки первого типа, как правило, не орнаментировали, а на рукоятях ложек второго типа, в месте прикрепления их к черпаку, делали одну-две зоны поперечно расположенной плетенки. Гораздо реже орнаментировали головку ручек таких ложек. Однако есть и исключения: одна из новгородских ложек этого типа имеет навершие в виде шара (табл. 30, *32*).

Эти типы деревянных ложек бытовали не только в Новгороде. Подобные ложки найдены в Пскове, в слое XI–XII вв. (*Гроздилов Г.П.*, 1962. Рис. 57), в Старой Руссе (*Медведев А.Ф.*, 1967. С. 282). Есть они и в других городах Древней Руси, например в Изяславле (табл. 30, *46*).

В первой трети XI в. в Новгороде складывается еще один, третий тип деревянных ложек с черпаком овальной формы и круглой в сечении рукоятью, расположенной в одной плоскости с черпаком. Эти ложки без особых изменений продолжают бытовать в XII в. и в последующее вплоть до XV в. Они необычайно разнообразны по декору, который обычно располагался в месте соединения рукояти с черпаком. Обычно это плетенка, но часть ложек начинают расписывать. Узоры разного вида наносят краской на черпак ложки с обеих сторон, а иногда и на рукоять.

Такие ложки найдены во множестве и за пределами Новгорода – в Пскове, Старой Ладоге, Старой Руссе, Изяславле. В Переяславле Рязанском они датируются преимущественно XIV в. (*Монгайт А.Л.*, 1961. С. 186. Рис. 75, 3). В Киеве черпак такой ложки найден в землянке художника (*Каргер М.К.*, 1958. С. 469. Рис. 133). Ясно, что они изготовлялись ремесленниками для продажи широкому покупателю. Но отдельные экземпляры делали и по специальному заказу. Особенно интересна ложка, изготовленная для сына новгородского посадника Варфоломея – Ивана Варфоломеевича (табл. 30, *36*). На ее круглой в сечении рукояти есть запись о принадлежности изделия и декор в виде плетенки и побегов растительного орнамента; на черпаке с одной стороны – изображение воина с мечом и щитом, на другой – парные головы драконов в обрамлении растительного орнамента (*Арциховский А.В.*, 1965. С. 266–270). Дата изделия – XIV в.

Интересно, что в Новгороде в слоях XIV в. была найдена еще одна ложка, изготовленная, видимо, тем же мастером (табл. 30, *35*). На ее черпаке изображен человек с булавой в руке, сидящий на льве, на внешней стороне – богатая растительная орнаментация. Обе ложки, очевидно, были крашеными.

Орнаментированные ложки третьего типа встречаются и в других городах: в Давид-Городке (*Лысенко П.Ф.*, 1974. Рис. 40), в Полоцке, где она датируется XIII в. (*Штыхов Г.В.*, 1975. Рис. 49).

Наряду с тремя описанными типами деревянных ложек бытовали и так называемые дорожные ложки с укороченной рукоятью (табл. 30, *38, 39, 44*). У них овальной формы черпаки и уплощенные рукояти, украшенные с наружной стороны орнаментом, обычно плетенкой. В Новгороде, в слоях конца X–XI вв., часто находят такие ложки с характерным орнаментом из врезных треугольников. Очевидно, это местная особенность, за пределами города они почти не встречаются.

Поздним вариантом дорожных ложек можно считать деревянные ложки с овальным черпаком, соединенным коленчатой перемычкой с круглой в сечении короткой рукоятью (табл. 30, *47*). Обычно они не орнаментировались. Десятки их были найдены в Новгороде, в слоях конца XIII-XV вв. (*Колчин Б.А.*, 1968. Рис. 32. Табл. 29, 1, 2, 5, 7–10, 13). Такие дорожные ложки хорошо известны не только по новгородским материалам, но и по раскопкам в Москве, Переяславле Рязанском и других городах. Там они датируются и более поздним временем. Например, в Москве такие ложки встречаются не только в слоях XIII–XIV вв., но и в напластованиях XV–XVI вв. (*Шеляпина Н.С.*, 1971. Рис. 15).

Не все найденные при раскопках ложки можно определенно отнести к выделенным выше типам. Встречаются и индивидуальные формы (табл. 30, *40, 45, 49*), что легко объяснить способностью каждого человека, владеющего навыком работы с деревом, вырезать ложку по собственному вкусу.

Ложкорезное ремесло было занятием большой группы городских ремесленников в разных городах. В Новгороде в XVI в., например, их насчитывалось несколько десятков.

Бытовые изделия: деревянная тара и посуда

В Древней Руси излюбленным материалом для изготовления домашней утвари было дерево. Использовали разные сорта дерева, преимущественно листовидных пород. По способу изготовления деревянные изделия делятся на бондарные, резаные и долбленые от руки, точеные на токарном станке, составленные из клепок и стянутые обручами.

Бондарная тара. Наиболее ранние бондарные изделия были найдены в слоях второй половины VIII в. в Старой Ладоге. Огромная коллекция таких изделий собрана при раскопках Новгорода. Здесь они датируются с X в. и до самого позднего времени. Много остатков бондарных изделий было найдено при раскопках Пскова, Старой Руссы, Берестья, Витебска, Полоцка и других городов с влажным культурным слоем. Находки бондарной посуды есть в Смоленске, Москве, Киеве (на Подоле). Реже изделия из дерева находят в южнорусских городах, где они сохраняются обычно только в обугленном виде.

Ассортимент бондарной посуды разнообразен. Это бочки, кадки, ведра, жбаны, ушаты, шайки, лохани, стаканы, чаши, маслобойки, подойники и др. По размерам и прочим особенностям они подразделяются на более мелкие группы.

Бочки. Вместилище с двумя днищами и боковыми стенками из клепок, соединенных обручами (табл. 31, *16, 19, 20–22*). Бочки – БЪЧКА, БЪЧЪВЬ, БЧЕЛКА – упоминаются в древнерусских письменных документах с начала XI в. Например, в житие Феодосия Печерского говорится: «Обрете бъчвь... пелену сущю меду» (*Срезневский И.И.*, 1893. С. 202). В бочках делали одно отверстие в донце или в одной из клепок, которое затыкалось круглой в сечении деревянной втулкой. Б.А. Колчин, проведший фундаментальное исследование всех деревянных изделий, извлеченных из культурного слоя Новгорода (*Колчин Б.А.*, 1968), разделил бочки на несколько типов. Наиболее крупными по размерам оказались так называемые водовозные бочки диаметром до 70 см и с клепками длиной до 135 см (первый тип). В Новгороде их было особенно много в слоях XIII–XIV вв. Они существовали и ранее (табл. 81, *17*). О широком их распространении на Руси, свидетельствует керамическая поливная игрушка, найденная в Изяславле, изображающая мужчину, сидящего верхом на такой бочке. Бочки эти перевозили зимой на санях. Полоз от саней, изготовленный из массивной доски, был найден Л.А. Голубевой в Белоозере. Он ошибочно трактуется как полоз от детских санок (*Голубева Л.А.*, 1973а. С. 174). Водовозные бочки, как и другие типы бочек на Руси, в домонгольское время обычно стягивали деревянными обручами. Причем на водовозных бочках обычно бывало по четыре обруча: два с одного и два с другого конца бочки. Второй тип бочек, выделенный Б.А. Колчиным, это так называемые десятиведерные бочки (табл. 31). По новгородским материалам их делали обычно из дуба. В Новгороде такие бочки в массовом количестве появились в XII в. и широко бытовали в XIII–XIV вв. Диаметр таких бочек устойчив и равнялся 45 см при высоте бочки 72–57 см. Бочки такой конструкции служили для транспортировки различных грузов – зерна, муки, рыбы, крупы, меда. Особенно удобны они были при транспортировке воды. В более позднее время в такой таре возили и различные изделия (например, ножи). Клепки от таких бочек – частая находка в культурном слое Старой Ладоги, Пскова, Москвы. На клепках бочек или на днищах довольно часто вырезали тамги их владельцев, часто заменяли их отдельные буквы.

К третьему типу Б.А. Колчин отнес бочки малых размеров с клепками длиной 30–35 см и диаметром 30–35 см. Емкость таких бочек равнялась одному-двум ведрам. Число клепок в таких бочках обычно 10–12.

Очевидно, разновидностью древнерусских бочек были бочки с днищами не круглой, а овальной формы. Одна такая бочка с днищами, изготовленными из одного куска дерева, была найдена на Райковецком городище. Размер дна такой бочки оказался 35 × 25 см при длине клепок 60 см. Видимо, подобные бочки предназначались для транспортировки грузов на коле-телеге (*Гончаров В.К.*, 1950. С. 124).

К следующему, четвертому типу бондарных изделий Б.А. Колчин отнес баклаги. Это бочки высотой 10–20 см с днищами диаметром до 30–40 см. Емкость их около ведра. Их ставили на бок, и некоторые экземпляры, видимо, были снабжены ручками для переноса.

Кадки. Это особая группа бондарных изделий. По существу, это бочки с одним дном. Форма их обычно или цилиндрическая с небольшим раздутием на середине высоты, или усеченно-коническая (табл. 31, *8*). Их, как правило, находят в разрушенном виде, и клепки их отличаются от клепок обычных бочек наличием только одного поперечного пропила у конца с внутренней стороны (табл. 31, *1,6*). Кади (кадки) в древнерусских письменных источниках упоминаются постоянно с XI в. «И вставити тамо кадь, а нальяти цежа кадь» (Повесть временных лет. С. 87). Существование кадей по находкам прослеживается с IX в. Кадки в Новгороде изготовляли разных размеров в зависимости от назначения. Диаметр их колебался от 60 до 100 см при высоте в 55–110 см. Клепки кадок скрепляли парой обручей, а более крупных – двумя парами обручей. Кадки разных размеров найдены в культурном слое Москвы. Есть клепки от кадок в Старой Ладоге, Переяславле Рязанском (*Монгайт А.Л.*, 1961. С. 176).

Предполагается, что наиболее крупные кади использовали для варки пива. Клепок от таких кадок длиной до 110–11 см в Новгороде найдено было особенно много в слоях XIII–XIV вв. Кадки плохой сохранности часто использовались как отстойники в дренажных системах и в погребах для сбора воды. Кадки среднего размера с клепками длиной в 50–70 см – обычная емкость для хранения зерна, муки. Диаметр этих кадок обычно равнялся 40–50 см. Некоторые кадки закрывали деревянными крышками с ручками, составленными из нескольких досок, соединенных шпонками. У крышек были ручки.

Ведра. Один из самых распространенных видов бондарных изделий, ведра, известны на Руси с IX в. Это обручная посуда с открытым верхом, деревянными или железными ушками и железной или прямой деревянной

дужкой. Часть ведер с деревянными дужками закрывали крышками. Обручи для ведер делали как деревянные, так и довольно часто железные. Высота ведер обычно равнялась 30 см при диаметре в 27 см. Но были ведра и большей высоты и меньшего диаметра. Обычно древнерусские ведра были цилиндрической формы, но много найдено и с суженным верхом. Емкость ведра равнялась примерно 11,5-12 л. Если дужка у ведра была железной, то концы ее вставлялись в специальные железные ушки, заправленные под железные обручи или в отверстиях двух клепок, выступающих над верхним обрезом ведра. Если деревянная ручка ведра тоже вставлялась в отверстия двух клепок, выступающих над обрезом ведра, то эти отверстия делались большими (табл. 31, *9*). На поселениях, где органические остатки сохраняются плохо, дужки от ведер и куски железных обручей от них – одна из наиболее распространенных категорий находок. Особое отношение к воде предопределило присутствие ведра в погребальном ритуале. Остатки деревянных ведер в виде дужек от них и обручей – наиболее частая находка в погребениях Гнездовского, Михайловского, Петровского, Шестовицкого могильников (*Станкевич Я.В.*, 1962. С. 24. Рис. 10,3; *Блифельд Л.*, 1977. С. 89. Табл. IV, 10; X, 4; XVIII, 12; XXIII, 4, XXVII, 8 и др.) При относительно хорошей сохранности обручей и дужек несложно представить форму и размер ведер, к которым они относились. Для переноса ведер на Руси широко использовали коромысла. Они имели дугообразную форму со средней уплощенной частью и зарубками на концах для дужек ведер. Длина коромысел, найденных в Новгороде, – в среднем 140–170 см. Коромысло всегда было несколько короче длины разведенных рук человека. В Новгороде находки коромысел особенно часты в слоях XI–XV вв. (табл. 4, *13–14*).

Б.А. Колчин по новгородским материалам выделяет и жбаны – однодонные обручные сосуды цилиндрической формы или слегка суженные вверху. В зависимости от назначения у них делались носики-сливы, ручки. Высота жбанов 25–38 см при диаметре в 15–20 см (табл. 31, *10*). Подражали им по форме изготовители деревянных пивных кружек с ручками, вырезанными из одного куска дерева вместе с клепкой. Обручи к пивным кружкам обычно делали деревянными.

У ш а т ы. Это сосуды (табл. 31, *15*) цилиндрической формы с одним дном и двумя клепками, выступающими высоко над верхним обрезом сосуда. В выступающих частях этих клепок были большие отверстия. Это сосуды для воды, пива. Высота их 30–35 см при диаметре ушата до 40 см. Емкость ушатов равнялась примерно двум ведрам, т.е. 22–25 л. Ушаты переносились двумя людьми на жерди, продернутой в отверстия в клепках. В Новгороде ушаты особенно хорошо известны из слоев XIII–XV вв. Они опознаются в основном по клепкам с отверстиями в верхней части. Без особых изменений сосуды этого типа существовали и в более поздние времена. В слоях Москвы XVI в. найдено несколько клепок от ушатов, которые по размерам совпадали с новгородскими.

Л о х а н и. Это бондарная посуда круглой или овальной формы низких пропорций и с одним дном. Высота их 10–20 см, диаметр дна – 40–50 см. В лоханях мыли посуду, стирали белье. Диаметр горловины лохани был обычно немного большим, чем ее дно (табл. 31, *2*). Существовали лохани и на ножках. Ими служили выступающие ниже обреза дна клепки сосуда. Обычно у лохани было три таких ножки (табл. 31, *3*). Много деталей лоханей было найдено в Новгороде в слоях XI–XV вв. Разновидностью лоханей были шайки. Это примерно той же формы и несколько меньших размеров сосуды, у которых одна из клепок выступала выше обреза верха сосуда, иногда – наполовину своей длины – и служила ручкой для переноса. Иногда край ее был расширен (табл. 31, *11, 12*). Емкость лоханей 1/2 – 1 ведра. Шайки были найдены в Новгороде, в горизонтах XII–XV вв., ручки шаек – в Берестье, Полоцке и Москве (Московский сосуд датируется XVI в.).

Очень редко при раскопках находят остатки маслобоек. Это кадушечка цилиндрической формы, иногда слегка суженная вверху. Высота маслобоек около 40 см при диаметре 12–16 см. Изделия эти выделяются с трудом по сильной профилировке клепок. Обычно у маслобоек были круглые крышки с центральным отверстием в ней. Они хорошо известны по этнографическим материалам. В них вставлялась мутовка. При раскопках крышки к маслобойкам пока не найдены. Остатки маслобоек из Новгорода были найдены в слоях XII–XIV вв. (табл. 31, *4*).

Бондарные стаканы обычно цилиндрической формы имели высоту 12–15 см при диаметре в 7–10 см. Клепки от них – постоянная находка в слоях XI–XIV вв. в Новгороде. Есть они и в Старой Руссе, Пскове; в Москве, в горизонтах культурного слоя XVI–XVII вв., найдены остатки таких стаканов тех же размеров, что в Новгороде. Не исключено, что у части таких стаканов были ручки и на самом деле они являлись пивными кружками. Для того чтобы маленькие обручи не соскакивали со стаканов, на клепках с наружной стороны делались поперечные пазы (табл. 31, *14*).

Своеобразным бондарным изделием были сделанные из клепок чашечки. Они имеют вид усеченного конуса, расширенного кверху. Диаметр их по верху около 10 см, по низу 6 см, высота около 5 см. Здесь для того чтобы обручи не соскочили с чашечки, на клепках с наружной стороны делались уступы (табл. 31, *13*). Этот вид посуды на Руси, очевидно, западного происхождения. В Новгороде такие чашечки найдены были на Готском дворе. При раскопках в Любеке в слоях XIII–XV вв. было найдено около сотни таких чашечек. Такие изделия есть и в Прибалтике, в частности в Эстонии в слоях несколько более позднего времени.

Т о ч е н а я п о с у д а. Деревянная посуда, изготовленная на токарном станке, была повседневной и широкое распространение не только в Новгороде, но и в других древнерусских городах. В Новгороде она есть во всех горизонтах культурного слоя, ее ассортимент сложился еще в X в. Формы сосудов и их размеры весьма устойчивы. Одним из наиболее распространенных типов точеной посуды были чаши полусферической формы, обычно с прямым краем и низким плоским или кольцевым поддоном. Они разных размеров, но наиболее распространенными были чаши диаметром в 14–19 см высотой, равной 1/3 максимального диаметра (табл. 32, *6–13, 20–30*). Б.А. Колчин выделяет среди них две разновидности – одну со стенками, плавно переходящими в плоское днище, и другую – с резким перегибом от стенки сосуда

к днищу. Кроме Новгорода, такие чаши были найдены в Берестье, в Полоцке (*Штыхов Г.В.*, 1975. С. 90, 91), в Белоозере (*Голубева Л.А.*, 1973а. С. 174). Всюду они происходят преимущественно из слоев XII–XIII вв.

Разновидностью чаш являются чарки. Это сосуды для напитков (табл. 32, *1–5*). По форме они сходны с чашами и отличаются от них преимущественно размерами. Их диаметр 10–15 см при высоте сосуда 4–6 см. Кроме Новгорода, известны находки чаш-чарок в Старой Руссе и Пскове.

Под этим названием "мисы", или "миски", понимают точеные деревянные сосуды, по форме и размерам сходные с чашами, но помещенные на средней высоте поддонов. Б.А. Колчин для Новгорода выделяет три их разновидности. К наиболее ранней, относящейся к X–XI вв., он относит массивные миски диаметром 25–40 см и высотой 9–12 см; форма их характеризуется выпуклыми стенками и венчиком округлой формы с перехватом. Ко второй разновидности он относит миски с прямым краем и канавкой с наружной стороны венчика. Диаметр этих судов 17–23 см при высоте 5–7 см. Такого вида миски появляются в Новгороде в конце XI и бытуют в XII–XIII вв. (табл. 32, *14–19*). К третьей группе, появившейся в Новгороде XIII в., отнесены миски с округлым краем и слегка отогнутым наружу венчиком, по форме и профилировке сходные с чашами. Они бытовали и в XIV в. Обычный размер мисок этой разновидности 28–35 см в диаметре при высоте сосуда 10–12 см. Нам известны такие же миски, происходящие из Старой Руссы.

Деревянные точеные блюда в Новгороде известны из слоев X–XV вв. Это низкие открытые сосуды, часто большого диаметра, на которых подавали пироги, мясо, рыбу (табл. 33, *1, 6, 12, 13, 20–23*). Наряду с открытыми блюдами есть и блюда сравнительно глубокие, приближающиеся по пропорциям к чашам (табл. 33, *14–19*). Блюдо нередко внизу имело массивный невысокий кольцевой поддон (табл. 33). Наиболее крупные блюда имели диаметр до 40 см, но более распространенными – около 30 см (табл. 33, *24–29*). Ввиду того что эти сосуды являлись парадными, на некоторых из них есть вырезанный от руки орнамент или даже отдельные сюжетные изображения (*Колчин Б.А.*, 1971. С. 60. Табл. 47; *Алексеев Л.В.*, 1980. Рис. 28, 1). Часть блюд красили.

Точеные миски-чарки – это небольшие ручные сосуды с вертикальными немного расширяющимися стенками (табл. 34, *1–13*) на низком сплошном или кольцевом поддоне. В Новгороде, по Б.А. Колчину, сосуды этого вида широко вошли в быт в XIII в. Размеры и емкость сосудов стабильны. Средний максимальный диаметр около 13 см, высота 6–8 см. Боковые стенки мисок-чарок этого вида почти вертикальные, а край плавно отогнут наружу. Такие чарки бытовали в Новгороде в XIV–XV вв. По подобию этих чарок сначала в Новгороде, а потом в Москве в то же время появляется большая серия поливных сосудиков той же формы. Они в качестве слезниц попадали в богатые погребения москвичей и новгородцев (*Розенфельдт Р.Л.*, 1968. Табл. 17, 3, 9, 13, 14, 16; *Авдусина Т.А., Владимирская Н.С., Панова Т.Д.*, 1984. С. 201–211).

В Новгороде найдено много и ставцов. Это глубокие сосуды в виде чаши полусферической формы на низком плоском поддоне и со сферической крышкой. Край чаши ставца имеет с наружной стороны угловой паз для сочленения края сосуда с крышкой. Диаметр сосудов около 30 см при высоте ставца вместе с крышкой до 25 см (табл. 34, *18–20*). Ставцы появляются в новгородском культурном слое в XI в. и примерно в том же столетии в Белоозере. В слоях XII–XV вв., по данным Б.А. Колчина, ставцов такого вида в Новгороде нет. Сосуды эти использовали для подачи на стол жидкой пищи, а может быть, и хлеба.

Очень распространенной формой деревянной точеной посуды были братины. Видимо, первоначально их делали из металла. У братин тулово шаровидной формы на небольшом поддоне. Их использовали для подачи на стол напитков. Братины бытовали долго, с X–XV вв., их разновидности известны в более позднее время. Диаметр тулова новгородских братин – от 14 до 21 см, высота – 13–19 см. Изображения братин часты в иконописи и фресковой живописи (табл. 34, *21–23*).

Среди точеной посуды из дерева есть серия сосудов средней высоты на высоких стояках (стоянах). К ним в первую очередь относятся кубки. В Новгороде они есть в слоях XI–XV вв. (табл. 34, *14–17*). По форме эта чаша с краем слегка загнутым внутрь или прямым, диаметр их достигал 10–17 см, глубина – 4–5 см при высоте стояка 4–5 см. Основание стояка, как это выяснил Б.А. Колчин, всегда равнялось 1/3 диаметра чаши. Обломки таких кубков есть в Пскове, Полоцке, Бресте в разновременных слоях домонгольского времени. Довольно часто кубок с наружной стороны украшали продольными канавками и плоской резьбой. Другой вид сосудов этого типа – чаши на стояках, сходные с современными вазами. Они разнообразны по диаметру, глубине и высоте стояка. Наиболее крупные из них имели чашу диаметром до 35–40 см. По наблюдениям Б.А. Колчина, у более ранних из них были стояки простой конструкции, а у бытовавших в XII–XIV вв. стояки делали фигурными, профилированными, с канавками и валиками.

Особо надо выделить среди точеных деревянных изделий плоскодонные чаши (табл. 33, *7–11*). У них близкое к шаровидному тулово, почти прямой, еле намеченный венчик с округлым краем. Они бытовали преимущественно в X–XI вв. Диаметр чаш – 13–18 см, высота – 6–7 см. Форма этих чаш перекликается с формой керамических чаш, распространенных на памятниках того же времени в северных землях Руси (*Макаров Н.А.*, 1983. С. 18–25). С XII в. распространяются несколько иного вида плоскодонные чаши с небольшим ребром с наружной стороны и переходом стенки в плоский венчик.

Кроме того, из дерева вытачивали сосуды особой формы, например солонки, в виде низкой чаши с бортиком у основания корпуса, на который опиралась деревянная крышка (табл. 34, *25*). Такого вида солонки найдены в Новгороде, в слоях XI–XIII вв. В Пскове подобной формы солонка происходит из слоя XII в. (*Гроздилов Г.П.*, 1962. С. 72. Рис. 58, 13). Еще одна солонка такого же вида была найдена в Полоцке (*Штыхов Г.В.*, 1975. С. 90, 91). Специфична и похожа на солонку деревянная кисельница. Ее емкость окружена широкой полкой для хлеба. Максимальный диаметр такого сосуда – около 40 см, высот – 9–10 см (табл. 34, *24*).

Широко бытовали на Руси деревянные сосуды, вырезанные от руки с помощью ножа, ложкаря и тесла.

Обычно изделия эти асимметричной формы, их невозможно изготовить на токарном станке. Большую группу среди них составляют чаши, которые обычно делали из капа или корневища дерева. Такие чаши были особенно распространены в Новгороде в X–XI вв. Они, как правило, относительно грубой работы, толстостенные с простым венчиком, без подддона или на небольшом поддоне (табл. 35, *1–10*). Обычный диаметр таких чаш – 12–20 см, высота – 4–5 см. Их использовали для подачи еды на стол. Обломки таких чаш есть в Белоозере, Старой Ладоге, Пскове, Полоцке. Несколько маленьких сосудов в форме резных чаш диаметром 6–7 см и высотой 4–5 см были найдены в слоях Новгорода X–XIV вв. Б.А. Колчин предполагает, что они использовались как солонки. Хорошо известным видом деревянной посуды, исполненным от руки, были скобкари. Это ладьевидные, круглые или овальные в плане большие сосуды с двумя ручками. Длина столовых скобкарей достигала 17–35 см высота около – 23 см. В них подавали напитки (табл. 35, *14*).

К о в ш и. Это резные сосуды средней величины с одной ручкой. Они служили для зачерпывания воды и напитков. Наиболее древние новгородские ковши имели изогнутые ручки, концы которых завершались мордами драконов и других животных (*Колчин Б.А.*, 1971). Они происходят из слоев X – начала XII в. На смену им пришли ковши с прямыми или круглыми в сечении ручками, от которых отходил крюк, за который ковш вешали на стенку. Емкость таких ковшей – от 0,5 до 1 л (табл. 35, *11–13, 15, 17*). В XIII–XIV вв. появились крупные ковши емкостью до 1,5–2 л. В XII в. вместе с крупными ковшами в Новгороде получают распространение и малые ковшики с петлевидными или уплощенными ручками.

Еще одну группу резных изделий составляют черпаки. Наиболее крупные и с длинными ручками служили, видимо, для вычерпывания пива из бочек. Их емкость достигала 5–6 л (табл. 35, *16, 18, 19*). Перечисленные типы точеной и резкой посуды в основном представлены находками из Новгорода. В других древнерусских городах наряду с перечисленными были и свои типы деревянных сосудов.

Изделия из кожи

В средневековой Руси из кожи не только шили обувь, но и использовали ее для производства самых разнообразных предметов – кошельков и сумок, ножен, футляров, поясов и ремней, рукавиц и масок, мячей, из нее делали разного рода аппликации и накладки. Самая большая коллекция кожаных изделий собрана в Новгороде и в других древнерусских городах, где, как и там, в культурном слое сохраняется органика.

К о ш е л ь к и. Известные по археологическим находкам кошельки, которых в Новгороде найдено за годы раскопок более 200 экземпляров, можно разделить на два типа: I – круглые (или полукруглые) типа «кисет»; II – плоские кошельки, обычно прямоугольной формы с верхним закрывающимся клапаном. Круглые кошельки делали из цельного куска кожи, стянутого вверху ремешком, для чего по краю пробивали отверстия (табл. 36, *7*). Другой вид подобных кошельков кроился из двух кусков кожи и имел полукруглую нижнюю часть. Оба куска сшивали выворотным швом, иногда дополнительно вшивали кожаный кант, в верхней части пробивали отверстия, через которые продевали шнурок (табл. 36, *3*). Ширина подобных кошельков равнялась 11–14 см, высота колебалась от 12 до 20 см. Кошельки типа «кисет» были распространены в XII–XIV вв. Все известные экземпляры не имеют орнамента или других украшений (аппликаций, накладок).

Плоские кошельки прямоугольной (иногда квадратной) или слегка трапециевидной формы кроили из целого куска кожи или из двух частей (табл. 36, *2, 4, 6–8*). Обязательной принадлежностью этого типа кошелька был верхний клапан, закрывающий его отверстие. Таким образом, одна часть такого кошелька всегда была длинней, ибо ее верхний край загибался и служил крышкой. В некоторых случаях крышку пришивали отдельно, но это усложняло изготовление кошельков. Для ремешка наверху в задней половине кошелька делали отверстия, в которых закрепляли ремешок. Очень часто кошельки данного типа украшали разнообразным тисненым или прорезным орнаментом, представляющим собой различные плетенки, зубчатые полоски или сложное чешуйчатое тиснение. Размер плоских прямоугольных кошельков колеблется в пределах прямоугольника или квадрата со сторонами 7 × 6,9 × 9,7 × 9,11 × 8,5 × 4 см. Как правило, кошельки находят пустыми, поэтому трудно сказать, что в них носили, но иногда встречаются кошельки с заполнением. Например, при раскопках в Новгородском кремле был найден кошелек с гирьками и весами. Подобный кошелек был найден и при раскопках погребения купца. В Новгороде, в слое XI в., обнаружили кошелек с шестью западноевропейскими денариями и бронзовой пуговицей. В одном из кошельков, найденных на Ярославовом Дворище в Новгороде, в большом количестве находились цветы осоки, которые имели, по предположению А.В. Арциховского, колдовское или медицинское предназначение (*Арциховский А.В.*, 1949б. С. 120).

Иногда за кошельки принимают футляры для тех или иных предметов, в частности для гребней. По форме и размерам они были чрезвычайно похожи на плоские кошельки. Особенно осторожно следует интерпретировать кошельки маленьких размеров – примерно 5 × 6 см. Такой футляр, несомненно, предназначался для маленьких гребней, что подтверждает, например, находка в Новгороде совершенно целого маленького гребня в прекрасно сохранившемся футляре (табл. 11, *6*). Очевидно, и другие подобные предметы были футлярами, а не кошельками (табл. 36, *1*).

С у м к и. Кроме кошельков, известны находки сумок, по форме похожие на кошельки типа II, но отличающиеся от них бóльшими размерами, ширина их равнялась 20–22 см, высота – 13–14 см. Прекрасный образец такой сумки был обнаружен в Новгороде, на древней Нутной улице, в слое XIV в., на усадьбе богатого новгородского боярина. К сожалению, сумка сильно пострадала от пожара, но верхний клапан со всеми деталями сохранился (табл. 36, *10*). Внутренняя сторона клапана

имеет богатый растительный орнамент, сделанный тиснением. Лицевая сторона больше пострадала от пожара, и орнамент на ней читается плохо, хотя следы его заметны. Зато на лицевой стороне хорошо сохранились металлические детали. Нижние углы клапана были снабжены железными луженными накладками, а в верхней части находились накладки с петельками для крепления ремня. Прекрасно сохранился замок этой сумки со всеми деталями, из которых особенно интересна бронзовая бляшка, прикрывающая замок снаружи. Она представляет собой шестилепестковую розетку, в центре которой находится изображение зверя с головой, повернутой к хвосту. Аналогичная бляшка найдена в свое время на Неревском раскопе, но тогда она, найденная отдельно от самого предмета, не была атрибутирована (*Седова М.В.*, 1981. С. 162. Рис. 64, 10). Теперь очевидно, что она также прикреплялась к подобной сумке и служила одновременно прикрытием замка и декоративным украшением.

Часть сумки в виде верхнего клапана с богатым растительным орнаментом происходит из раскопок в Москве (*Колчин Б.А., Рыбина Е.А.*, 1982. С. 218. Рис. 30, 1). Среди опубликованных С.А. Изюмовой кожаных изделий (*Изюмова С.А.*, 1959. С. 220. Рис. 12, I. С. 219. Рис. 11, 14) автор выделяет футляр для колчана. На самом деле это – сумка, скроенная из одного куска кожи.

Ножны. Большую часть кожаных футляров составляют ножны разнообразных форм и размеров. Ножны предназначались для ножей, мечей, кинжалов. Их делались, как правило, из цельного куска кожи, сложенного пополам, с широкой верхней частью и сужающейся нижней. Самые обычные для XI–XV вв. – ножны с боковым швом. (табл. 36, *11, 12*). Среди них ножны с ровным краем, одним прошитым рядом стежков, но нередко и с фигурным краем, имевшие чаще всего двойной ряд прошивки и несложный узор из завитков. Иногда край ножен скрепляли бронзовыми заклепками для прочности. Чтобы острое лезвие ножа или другого инструмента или оружия не прорезало нитки и кожу, в шов для прочности вставляли прокладку из бересты или толстой кожи, имевшую ту же фигурную форму, что и боковой край ножен. Ножны этого типа часто бывали орнаментированы с двух сторон рельефным чешуйчатым тиснением или тиснением в виде косых клеточек. В некоторых случаях нижний суживающийся конец ножен укрепляли дополнительным куском кожи, вырезанным по форме ножен.

Другой тип ножен кроился из цельного куска кожи, но скрепляющий шов находился по середине тыльной стороны, он был наружным или тачным (табл. 36, *13–15*). Такие ножны известны только с XIII в., они были распространены до XV в. Очевидно, этот тип ножен предназначался для обшивки или обкладки деревянных футляров кинжалов, больших ножей и подсобных предметов, так как иначе кожа была бы прорезана острой частью инструментов или оружия. В Новгороде, например, известны находки таких ножен с остатками деревянной основы. Ножны со швом посередине украшали тисненым, прорезным или ажурным орнаментом, чаще геометрическим, но иногда растительным. Кроме того, обнаружены такие ножны со съемной аппликацией.

Несколько раз в Новгороде были найдены большие ножны для меча, также имевшие шов в середине тыльной стороны. Все найденные экземпляры сохранились не полностью, их длина – 40–44 см, ширина – 4–5 см.

Футляры. Наряду с ножнами при раскопках находят самые разнообразные футляры для топоров, ложек, ножниц, гребней, проколок, писал (табл. 36, *11, 15*). Все они приблизительно соответствуют форме этих предметов и часто украшены тиснением или ажурным орнаментом, иногда лицевая сторона футляра орнаментирована аппликациями. Особенно нарядный и сложный орнамент имеет футляр для топора, происходящий с Неревского раскопа в Новгороде (*Изюмова С.А.*, 1959. Рис. 10, 1). Футляры писал, проколок похожи на ножны с боковым швом, но меньших размеров. Перечисленные предметы не раз встречались при раскопках Новгорода в кожаных футлярах.

Ремни. При раскопках обнаруживают обрывки самых разнообразных ремней: для подвешивания различных предметов (узкие ремешки, шнурки), для конской упряжи, ремни-пояса, равномерно распределенные по всем хронологическим горизонтам.

Аппликации. Довольно часто в слоях XIV–XV вв. встречаются разного рода аппликации: иногда они представляют собой геометрический или растительный узор, иногда – изображения животных.

Прокладки. При раскопках обнаруживаются многочисленные прокладки из кожи, выполненные в виде круга с отверстием в середине.

Изделия из бересты

В Древней Руси наряду с деревом одним из основных поделочных материалов была береста. На ней писали письма и вели деловые записи, обучали детей грамоте; из нее делали самые разнообразные сосуды от небольших туесков до огромных коробов; береста шла на изготовление поплавков и прокладок для ножен и задников сапог; берестой оплетали треснувшие глиняные горшки.

Плотная эластичная береста, обладающая антисептическими свойствами, была надежным хранилищем для различных продуктов (муки, соли, зерна и др.), одежды и других тканых изделий. Сосуды из бересты не пропускали влагу, поэтому в них могли храниться моченая ягода и, возможно, напитки.

Самой частой находкой из берестяных предметов при городских раскопках являются днища сосудов, иногда фрагменты стенок, по ним трудно определить тип сосуда. Однако по аналогии с этнографическими материалами можно выделить несколько типов берестяных сосудов: это различные туески, лукошки, коробы, кошели и т.д. Названия даются по этнографическим параллелям, но иногда встречаются и археологические указания. Так, на одном из донышков, обнаруженных в Новгороде, было написано: «федкино лукошко» (*Янин В.Л., Зализняк А.А.*, 1986. С. 59, 60). Кроме того, в берестяной грамоте № 671 в качестве меры веса упоминается лукно (большое лукошко). Судя по приведенным фактам, этно-

графические названия берестяных сосудов являются традиционными, идущими из средневековья.

Определяющий признак при выделении типа сосуда – его размер. Туеса были небольшими, диаметром от 9–10 см до 14–15 см, чаще цилиндрическими и высокими; лукна и лукошки – невысокими. Они предназначались для сбора ягод, хранения небольших запасов сыпучих продуктов. Днища туесков, как и всех остальных берестяных сосудов, делали из нескольких слоев бересты и прошивали по краю лыком или прочной ниткой; стенки, как правило, – из цельного куска бересты, свернутого в трубу. Место стыка соединяли специальным замком (заходящими один за другой вырезанными зубцами) или приклеивали. Снизу или сверху укрепляли ободки; нередко верхний ободок украшали каким-нибудь орнаментом и вырезали зубчиками. Известен ободок туеса с надписью-загадкой: «Есть град между небом и землей, а к нему еде посол без пути. Сам ним, везе грамоту непсану» (*Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.*, 1953. С. 43). Крышки туесов, особенно в раннее время, украшали сложным геометрическим, а иногда прорезным орнаментом (табл. 37, *4, 5*).

Другой разновидностью берестяных сосудов были различного размера коробы (табл. 37, *1–3, 6–7*), диаметры днищ этих сосудов варьировались от 17–20 см до 50–60 см, иногда достигая 1 м. Самыми распространенными были сосуды диаметром от 25 до 40 см, они составляют почти половину всех находок из бересты. Наряду с круглыми встречаются днища овальной и прямоугольной формы. Целых берестяных сосудов при раскопках не обнаружено, но иногда находят донышки или большие днища с остатками стенок, высота которых в отдельных случаях сохраняется на 20–30 см. Если туеса и лукошки делали из нескольких слоев бересты, то большие коробы дополнительно укрепляли прокладкой из луба, причем не только дно, но и стенки. Луб был как бы основой сосуда. Стенки короба снаружи и внутри обшивали цельным листом бересты, после чего украшали. При раскопках в Новгороде обнаружены куски бересты, очевидно, стенки больших коробов, расписанные красками (*Колчин Б.А.*, 1971. Табл. 44). Известны коробы с тисненым или прорезным орнаментом. Иногда стенки и крышку больших сосудов делали из переплетенных узких полос бересты, что придавало сосудам дополнительную прочность и одновременно их украшало.

Благодаря находкам в Новгороде удалось познакомиться с системой росписи берестяных сосудов, их композицией и цветовой гаммой. Набор красок, применявшихся при росписи, был невелик, всего пять оттенков: черный, коричневый, красный, синий и желтый. Геометрическая роспись состояла из трех цветных поясков различной ширины. Верхний и нижний пояса были окаймляющими и представляли собой чередование цветных параллельных или зигзагообразных линий. Пояса эти никогда не повторяли один другой, а всегда отличались по рисунку и ширине. Средний пояс иногда не расписывали, иногда покрывали плетенкой или переплетающимся геометрическим узором из квадратов и ромбов.

Другая разновидность берестяных находок – кошели, представляющие собой, по определению В.И. Даля, мягкую складную корзину. В отличие от туесов и коробов с жесткой основой кошели – это плоские сумы, которые обычно делали из переплетенных полос бересты шириной 2–3 см. Кошели встречаются в раскопках поздних слоев, не раньше XIV в., известны находки целых кошелей.

Наряду с берестяными встречаются и плетеные сосуды. При раскопках найдены крышки или днища таких сосудов и лишь частично стенки, по которым можно судить о их размерах и технике изготовления. Находки демонстрируют следующую технику: основу сосуда составлял прут диаметром 3–4 см, идущий по спирали, который оплетали лозой из тонких сосновых корней. Плетеные сосуды могли иметь любые формы и размеры. Судя по этнографическим материалам, бытовали большие пузатые сосуды для хранения зерна, огромные корзины с крышками для одежды и прочее. Среди археологических находок обнаружены крышки плетеных сосудов, диаметр которых колеблется от 5 до 15 см, днища – до 28 см. Плетеные сосуды, найденные в Новгороде, были распространены с XIII в., в слоях X–XII вв. они не встречаются.

Бе́ресту широко использовали и для изготовления поплавков, которые в большом количестве обнаруживают при раскопках. Они были двух видов – плоские и скрученные. Плоские поплавки делали из двух или трех кусков бересты овальной или круглой формы диаметром 9–12 см. Эти куски скрепляли по краю широкими стежками лыком, часто для прочности прошивали и середину поплавка по диаметру. На таких поплавках довольно часто изображены какой-нибудь знак или буква самой разнообразной формы. Очевидно, это знаки или инициалы владельцев сетей, к которым прикрепляли эти поплавки, что свидетельствует о существовании специальных рыболовецких артелей, владевших общими снастями.

Кроме плоских, бытовали поплавки, свернутые в трубочку. Их делали из плотного длинного куска бересты шириной 5–7 см. В Новгороде поплавков обоих видов найдено несколько сот экземпляров, они равномерно распределены во всех слоях с X по XV в.

Массовые находки в Новгороде кожаной обуви и разнообразных ножен свидетельствуют об использовании бересты в качестве прокладок. Задники сапог, составленные из нескольких слоев кожи, имели еще и прокладку из бересты. Кожаные ножны с боковым швом также содержали берестяную прокладку.

Неоднократны находки оплетенных берестой горшков, а также мотков берестяных лент, приготовленных для оплетения горшков, частей лука и других предметов.

Глава 3

Украшения из драгоценных металлов, сплавов, стекла

Парадный женский убор

Украшения – один из важнейших археологических источников. Следуя за развитием костюма, они постоянно менялись. Это самый благодарный материал для разработки вопросов хронологии. Украшения всегда соответствуют социальному рангу их владельца, что делает их выразительным показателем социального устройства общества.

Не менее важны украшения для изучения верований и этнической принадлежности носивших их людей. По ювелирным изделиям можно судить и об общем уровне обработки цветных металлов, драгоценных камней и их заменителей, в частности стекла, в ту или иную эпоху.

Наконец, украшения могут рассказать нам о контактах с соседними народами и государствами, в том числе об обмене мастерами и техническими новшествами, о заимствованиях орнаментальных и даже эпических сюжетов. Основной источник для изучения племенных украшений Древней Руси – это курганы. Они сохранили древнейший пласт древнерусских украшений (Археология СССР: Восточные славяне в VI–XIII вв., 1982). Мы будем обращаться к ним в тех случаях, когда более поздние городские украшения обнаруживают с ними генетическую связь. Особенно это касается рядовых украшений горожан, связь которых с деревней осуществлялась постоянно.

Для изучения парадных украшений из драгоценных металлов мы располагаем уникальным источником – кладами, зарытыми в древности в землю и оставшимися в ней из-за гибели их владельцев на многие столетия. Они стали известны науке в начале XIX в., находят их и в наши дни, обычно случайно, реже – при раскопках (*Даркевич В.П., Монгайт А.Л.*, 1967; *Монгайт А.Л.*, 1967; *Даркевич В.П., Монгайт А.Л.*, 1972; 1978; *Якубовский В.И.*, 1975). Зарывали клады или, как их называли в XV–XVII вв., «поклажи» на усадьбах, иногда – в жилищах или церквах, поспешно завернутыми в ткань или помещенными в горшок. Это были ценности, долго копившиеся в семье, – монеты, слитки серебра и золота и, конечно, женские украшения, «женская кузнь». Специфика вещей, сохраняющихся в кладе, состоит именно в принадлежности их одной семье – той ячейке древнего общества, которая часто исчезает из поля зрения историка, если в его распоряжении нет сведений письменных источников.

Не менее интересен и тот факт, что в кладе нередко содержатся остатки двух, а иногда и трех стилистически различных уборов. Несомненно, что уборы эти носились женщинами одной семьи на протяжении полутора-двух столетий, переходя по наследству от матери к дочери. Поэтому ни один из источников не дает нам такого богатого материала по истории русского прикладного искусства, как клады.

С этой точки зрения их рассматривали такие исследователи, как Н.П. Кондаков и А.С. Гущин. Первое фундаментальное исследование кладов было предпринято Н.П. Кондаковым (*Кондаков Н.П.*, 1896). В нем автор впервые отдал им должное как «продолжению курганных древностей», значение которых в его время было уже осознано. Он рассматривает богатейший материал кладов как историк искусства, превращая этот материал «из предмета любопытства в предмет знаний». В изучении древностей его прежде всего интересовали их стилистические особенности, но и вопросы возникновения на Руси тех или иных техник ювелирного дела не прошли мимо его внимания. Однако в научный обиход книга Н.П. Кондакова ввела небольшое количество кладов – всего 25. Остальные предполагалось издать во втором томе. Эту задачу выполнил уже другой исследователь – А.С. Гущин (*Гущин А.С.*, 1936).

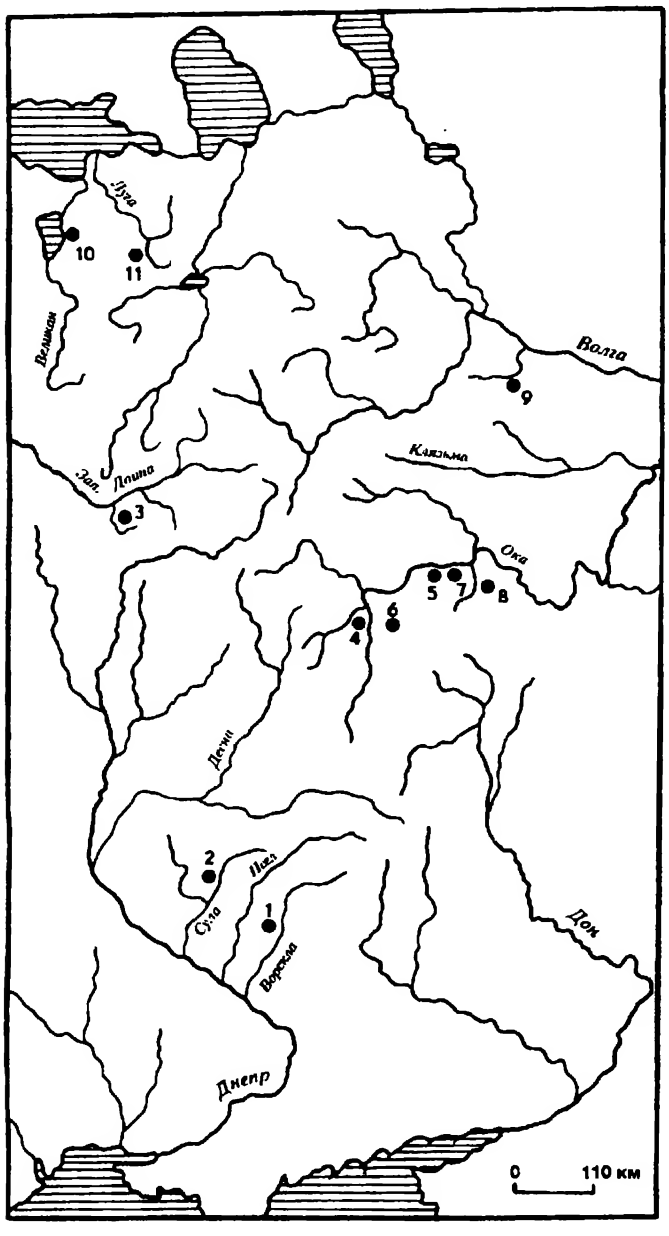
Если в книге Н.П. Кондакова говорилось о кладах, содержащих преимущественно перегородчатые эмали, то А.С. Гущин издал многочисленные клады с серебряными украшениями с чернью. Вопросы художественного стиля занимают и в этом исследовании ведущее место.

Под другим углом зрения рассмотрел материалы кладов Б.А. Рыбаков: в его фундаментальном исследовании «Ремесло Древней Руси» клады были использованы как важнейший источник по истории русского ремесла (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 237–244; 320–330; 374–382 и др.).

Для решения хронологических вопросов клады требовали специальной источниковедческой работы. Она была проделана Г.Ф. Корзухиной. Собранные ею сведения о 175 кладах и изучение их состава позволили разработать их хронологию и нарисовать общую картину развития русского металлического убора с X по XIII в. (*Корзухина Г.Ф.*, 1954). Г.Ф. Корзухина поделила клады на следующие группы: 1) клады IX – начала X в.; 2) клады второй половины X – начала X–XI вв.; 3) клады XI – начала XII в.; 4) клады 70-х годов XII – 1240 г. Не случайна и их топография. Почти треть вещевых кладов найдена в Киеве, в Новгороде – ни одного. Ясно, что распределение кладов на территории Руси отражало специфику исторической обстановки в разных ее областях.

Самые ранние клады I тыс. н.э. немногочисленны: их всего 11. Г.Ф. Корзухина считает, что их появление в Левобережье Днепра связано с приходом сюда печенегов, а в Калужской, Тульской и Рязанской областях – с присоединением вятичей во времена Святослава (964–966) (рис. 4). Украшения, дошедшие до нас в составе этих кладов,

© Т.И. Макарова, М.В Седова, В.В. Мурашова, Ю.Л. Щапова



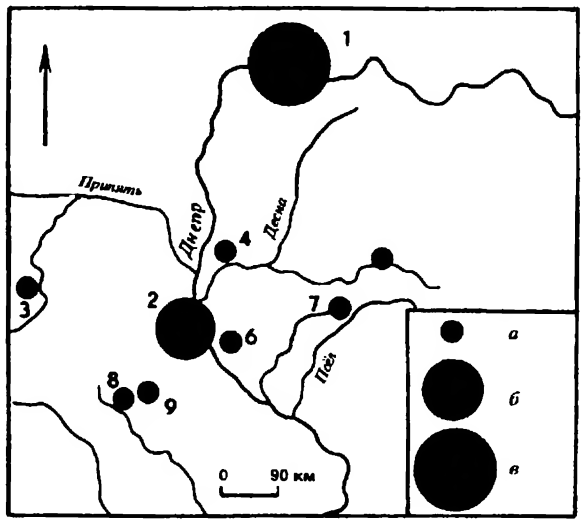


Рис. 5. Карта распространения кладов II группы (по *Г.Ф. Корзухиной*)
Условные обозначения: **а** – единичные клады; **б** – три клада; **в** – пять кладов. *1* – Смоленск (1868); д. Гнездово (1868, 1870); полустанок Гнездово (1885); около станции Гнездово (1909); *2* – Киев (1851, 1913, 1863); *3* – д. Борщовка (1883); *4* – с. Гущино (1930-е годы); *5* – с. Коробкино (1915); *6* – с. Денис (1912); *7* – с. Шпилевка (1887); *8* – с. Юрковцы (1864); *9* – с. Копиевка (1928)

Рис. 4. Карта распространения кладов I группы (по *Г.Ф. Корзухиной*)
1 – Полтава (1905); *2* – с. Ивахники (1905); *3* – именье Суходрево (1870-е годы); *4* – с. Мишнево (1892); *5* – Каширa (ок. 1807); *6* – близ сел Лапотково и Покровское (1823); *7* – с. Баскач (1861); *8* – с. Железницы (1855); *9* – с. Угодичи (1914); *10* – д. Узьмина (1889); *11* – д. Горки (1875)

просты и грубоваты. Это шейные гривны, браслеты, височные кольца, сделанные из кованой проволоки и дротов (табл. 38, *1–4*, *10–11*). Кованые гривны IX в. похожи на гривны VI–VIII вв., находят прототипы в древностях этого времени и браслеты, и височные кольца. Можно сказать, что украшения из кладов IX – первой половины X в. эволюционно восходят к украшениям славянских племен дофеодального периода. В них попадаются вещи, характерные для салтово-маяцкой культуры (табл. 38, *5*), и для более раннего времени как позднейшая интерпретация антропоморфных фибул VI–VII вв. (табл. 38, *12*). Типы украшений, найденные в этих кладах, впоследствии окажутся самой устойчивой группой древнерусских украшений, проходящей, невзирая на новейшие технологические достижения ювелирного дела, через всю историю металлического убора. Изменения в их конструкции не нарушают этого постоянства. Основная масса кладов относится ко времени со второй половины X в. по 1240 г.

Клады, зарытые со второй половины X в. до рубежа X–XI вв., сосредоточены в двух регионах: на Волыни и в Верхнем Поднепровье, на Смоленщине (рис. 5). Состав этих кладов примечателен. В них впервые обнаружены вещи, которые представляют собой стилистически единый металлический убор. Это серебряные бусы, лунницы, круглые подвески и нарядные серьги с бусинами. Все эти вещи изготовлены тиснением и украшены тонкой зернью (*Корзухина Г.Ф.*, 1946. С. 45–52). Появление техники зерни сразу в таких совершенных образцах загадочно. Искусство филиграни и зерни обычно связывают с ювелирным делом Ближнего Востока. В Восточной Европе тисненые украшения с зернью известны в памятниках пастырской культуры V–VII вв. (*Айбабин А.И.*, 1973а. С. 62–72); в литье воспроизводили украшения с зернью мастера роменско-боршевской культуры VIII–IX вв. (*Ляпушкин И.И.*, 1958. С. 221–322).

Однако тисненые украшения с крупной зернью и литые с ложной зернью были только упрощенным вариантом настоящих зерненых украшений, производившихся в придворных мастерских сасанидского Ирана (*Bálint Cs.*, 1978. С. 173–211). Освоить эту технику на высоком уровне смогли в Европе только с созданием феодальных государств. Впервые драгоценные изделия в технике зерни и филиграни были освоены мастерами Великой Моравии, что совпало с возникновением раннефеодального моравского государства (*Dekan J.*, 1976. С. 158–180). После потери политической самостоятельности Моравии мастера ушли в Чехию, в Пражский град. Достижения моравских ювелиров стали общеевропейским достоянием (*Поулик Й.*, 1985. С. 43).

В X в. техника зерни появилась в прекрасных образцах в серебряном уборе эпохи Владимира Святославича.

Самые лучшие клады с зернью найдены на Волыни в Пересопницком могильнике, в котором обнаружено погребение ювелира с инструментами для изготовления зерненых украшений (*Корзухина Г.Ф.*, 1946. С. 45, 46). Второй регион, где были найдены клады с зерненными украшениями, располагался много севернее, в районе Гнездова, под Смоленском; отдельные клады обнаружены в Витебской, Ярославской, Полтавской областях. В Киеве вещей с зернью найдено мало. Тяготение кладов с зернью к западным районам Руси подтверждает возможную связь попавших в них вещей с ремеслом европейских стран.

Однако нигде нет украшений, совершенно идентичных найденным в русских кладах. Представляется несомненным, что ювелирами Руси был воспринят прием зернения и имитирующего зернь тиснения, а типы украшений, при изготовлении которых он использовался, отражая общеевропейские вкусы, несли на себе черты местного своеобразия.

В результате был создан стилистически цельный убор, поражающий своей красотой и изяществом. В него входили серьги с ажурной бахромой и зерненой подвеской (табл. 39, *20, 21*), бусы, спаянные из отдельных частей, со сложным зерненым орнаментом (табл. 39, *11, 12*), круглые подвески с зернью и великолепные зерненые лунницы (табл. 39, *10, 11, 3, 6, 7*). Его дополняли зерненые перстни и пуговицы (табл. 39, *25, 5, 8*). Все эти вещи составляли парадный женский убор, носившийся, очевидно, двумя-тремя поколениями женщин в короткий промежуток времени от второй половины X в. до первых десятилетий XI в.

Его стилистическая однородность и отсутствие ощутимой эволюции в каждой категории составлявших этот убор украшений позволяет предполагать создание его в мастерских одного-двух поколений ювелиров. Это был первый высокохудожественный убор, изготовленный в княжеских мастерских. Только мастерским такого высокого социального ранга было под силу освоить новую сложную технику. Тут были и драгоценное сырье, и лучшие местные и иностранные мастера. Здесь, вероятно, начали чеканить первые русские монеты. Так сложившееся раннефеодальное государство распоряжалось тем запасом драгоценных металлов, который составлял его казну.

Наряду с этим в кладах сохранялись вещи и более древние – кованые гривны и браслеты, составлявшие специфику кладов более раннего времени. Однако и эти простые украшения претерпевают изменения: появляются браслеты, свитые из двух толстых проволок, витые и плетеные гривны-украшения, интерес к которым сохраняется и двумя столетиями позже.

Клады X – рубежа XI–XII вв. богаты монетами. В большинстве случаев это саманидские дирхемы, самые поздние из которых относятся к 60-м годам X в. Количество их в кладе иногда достигает нескольких тысяч. Появляются и византийские монеты X в., и западноевропейские монеты X – начала XI в. В одном кладе представлены русские монеты Владимира и Ярослава. Встречаются и серебряные слитки неустановившегося веса.

В кладах Смоленщины находят скандинавские украшения. Однако знакомство с ними не имело ощутимого влияния на древнерусских ювелиров. Во всяком случае, подражаний им в кладах нет, но в городских культурных слоях X–XI вв. гибридные украшения, подражающие скандинавским, известны (*Седова М.В.*, 1981. С. 185). В целом русское ювелирное дело эпохи раннефеодальной монархии предстает вполне сложившимся и достаточно самостоятельным.

В следующую группу кладов Г.Ф. Корзухина включает клады, зарытые в XI – на рубеже XI–XII вв. Они четко выделяются по обильному нумизматическому материалу, для которого характерно наличие рубленых монет и резкое увеличение числа монет западноевропейской чеканки. Любопытна и их топография (рис. 6).

Половина кладов этого периода зарыта на землях Полоцкого княжества и на Новгородчине, там, где кладов до XI в. и более позднего времени нет. Объясняется это начавшейся борьбой за самостоятельность Новгорода. Действовали и другие причины: частые антихристианские восстания смердов и изнурительные усобицы князей. В Среднем Поднепровье к двум последним факторам присоединялась постоянная угроза набегов кочевников-половцев.

Вещевой состав кладов XI в. разнообразен и не дает такого единого комплекса вещей, как зерневой убор предшествующего времени. Часто входящие в них украшения разрублены на части, перелиты в слитки. Это объясняется острой нехваткой серебра в связи с прекращением ввоза монет с Востока на рубеже X–XI столетий. На куски рубили шейные гривны, браслеты, старинные украшения – лунницы и медальоны с зернью. На отдельных вещах и фрагментах разрубленных украшений встречается новый прием декора – орнамент, выбитый пуансоном (табл. 40, *1, 8, 9, 10*). Он украшает кольцевые пряжки, шейные гривны, ромбощитковые височные кольца (табл. 41). Эти вещи составляют стилистически единый убор, характерный для северо-запада Руси. Типологически он связан с украшениями дофеодального периода. Его характеризуют тяжелые кованые и литые украшения, далекие от изысканных вещей с зернью.

В кладах Поднепровья этого периода тоже нет тонких ювелирных изделий. Их заменяют массивные золотые кованые браслеты, гривны, плетеные из тонкой проволоки, полые и витые из нескольких пар дротов. Гривны оказываются в это время самым распространенным украшением, не случайно упоминания о них попали и в исландские саги, и на страницы летописи. Популярны гривны и браслеты и у соседей и вечных врагов Руси –

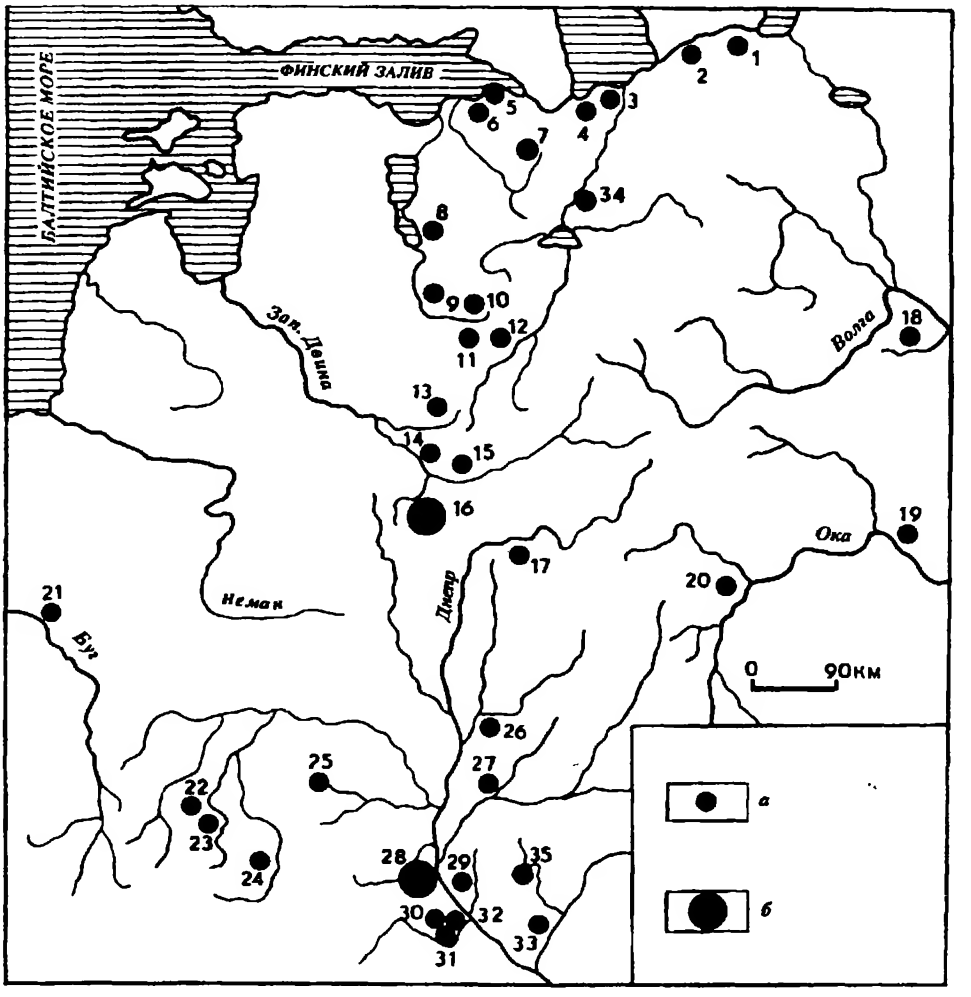


Рис. 6. Карта распространения кладов III группы (по *Г.Ф. Корзухиной*)

Условные обозначения: **а** – один клад; **б** – два клада. *1* – с. Озера (начало XIX в.); *2* – ст. Лодейное (1929); *3* – Старая Ладога (1920); *4* – с. Путилово (1927); *5* – мыза Боровская (1846); *6* – близ д. Буянцы и с. Белая Кирка (1852); *7* – приход Спаика (1913); *8* – д. Забельская (1914); *9* – д. Скадино (1928); *10* – д. Демшиша (1891); *11* – с. Крыжово (1904); *12* – д. Васьково (1923); *13* – д. Шалахова (1892); *14* – Полоцк (1910); *15* – Витебская губ. (до 1907); *16* – д. Стражевич (1898, 1903); *17* – р. Луппа (1853); *18* – близ Белогостицкого монастыря (1836); *19* – с. Коростово (1891); *20* – с. Льговка (1946); *21* – д. Бужиски (1885); *22* – с. Бегень (1890); *23* – д. Козлин (1933); *24* – с. Киково (1916); *25* – д. Б. Хайча (1860-е годы); *26* – с. Глубоцкое (1883); *27* – Чернигов (1848); *28* – Киев (1787); *29* – Мироновский фольварк (1883); *30* – Киев (1899); *31* – Исковщина (1891); *32* – с. Пилява (1895); *33* – с. Великосельское (1903); *34* – местность Собачьи Горбы (1906); *35* – Переяслав (1912)

половцев, о чем говорят не только погребальные древности, но и монументальная половецкая скульптура – «каменные бабы» (*Плетнева С.А.*, 1974).

Как и на северо-западе, в украшениях Поднепровья XI в. чувствуется традиционная связь с украшениями дофеодального времени.

В целом ювелирное дело эпохи Ярослава Мудрого выглядит несколько суровым и скромным по применявшимся в нем декоративным и технологическим приемам. Оно близко, судя по кладам, ювелирному делу предшествующего периода и с точки зрения историко-культурных связей. Сохраняются контакты с Западом, что сказывается и в наличии скандинавских украшений, и в возросшем количестве западноевропейских монет. Это вполне понятно при оживленных культурных и династических связях с Западом, с правящими домами европейских государств.

Ювелиры эпохи Ярослава еще держались старых традиций и только готовились к тому рывку, который составит им славу в недалеком будущем. Рывок этот уже начинал ощущаться: появлялись новые приемы орнаментации. Так, на традиционные украшения – витые браслеты – стали наносить чернение по гравировке (табл. 40, *5, 6*). На накладных наконечниках этих браслетов грубой гравировкой изображали крин или его половины, заполненные чернью. Из сложной техники чернения мастера, делавшие браслеты, знали пока только сам рецепт ее изготовления. Такое же примитивное применение черни на предметах из кладов демонстрирует серебряная накладка из клада 1913 г. в Спанке (табл. 40, *17*).

Последнюю группу кладов составляют клады, зарытые между 70-ми годами XII в. и 1240 г. В нее входят две трети всех русских кладов. Топография их совершенно иная (рис. 7). Абсолютное большинство кладов найдено в южных областях Руси, а половина – в самом Киеве. Причиной их появления в это время было вторжение та-

таро-монголов. По кладам прослеживаются пути набегов завоевателей с 1236 г., когда они «поплениша всю землю Болгарскую», до 1240 г., когда «приде Батый к Киеву».

Часть кладов этой группы могла быть зарыта и ранее, в конце XII в., во время ожесточенной борьбы князей за Киев и участившимися княжескими распрями набегами половцев. По составу их невозможно отделить от кладов, связанных с ордынским вторжением.

Клады этой группы отражают самые высокие достижения Руси в области ювелирного дела. Если не считать ранних скромных опытов чернения, они появляются почти внезапно. С древними традиционными украшениями из состава этих кладов можно сопоставить только витые перстни, гривны и браслеты, а с освоенными в недалеком прошлом технологическими приемами – только искусную зернь, но наносимую на украшения другого облика. Они поражают воображение необыкновенной по разнообразию приемов гравировкой, чернью, тонкой сканью и сложнейшей перегородчатой эмалью. За всеми этими техниками стоит создание стилистических единых уборов, состоящих из конструктивно новых украшений.

Поскольку слитки, которыми широко пользовались в XII–XIII вв. датированы недостаточно хорошо, а монет в кладах мало, единственно достоверными признаком для относительной хронологии кладов этой группы оказываются стилистические признаки содержащихся в них украшений.

Украшения эти принадлежат к двум различным уборам – золотому с перегородчатой эмалью и серебряному с чернью.

Перегородчатая эмаль – техника, совершенно новая для Руси. Новым оказался и убор, который она украшала. В уборе предшествующего времени ему мало параллелей. Колты – полые височные подвески – в XI в. совсем неизвестны. То же можно сказать и о ряснах – цепях из круглых или квадрофолийных бляшек, составлявших вместе с колтами нарядный головной убор. Он хорошо известен по монетам, мозаикам и другим видам искусства Византии, откуда он был занесен в Западную и Восточную Европу, став международной модой. Русский вариант этой моды был достаточно своеобразным.

Все клады с эмалью могли быть зарыты на протяжении XII – начала XIII в. Г.Ф. Корзухина считала, что техника черни приобрела популярность после того, как перестали делать украшения с перегородчатой эмалью. По ее мнению, это произошло в середине XII в. Но, как мы увидим ниже, по самим вещам с перегородчатой эмалью такого перерыва не ощущается. Достаточно вспомнить, что шедевр эмальерного дела – крест Евфросинии Полоцкой – был сделан в 1161 г. (*Алексеев Л.В.*, 1957).

По справедливому заключению Г.Ф. Корзухиной, с приемом чернения русские ювелиры и ознакомились уже в XI в. Есть колты с чернью, подражающие колтам с эмалью. Они свидетельствуют о поисках форм серебряного убора с чернью – поисках, которые завершились созданием вполне своеобразных украшений, в эмалевом уборе аналогий не имеющих. Но, несмотря на присутствие таких украшений, как витые и пластинчатые браслеты, в уборе с эмалью не представленных, мастер серебряного убора заимствовал некоторые формы украшений от эмалевого.

Исследователи давно заметили, что в обоих уборах воплощены совершенно различные орнаментальные стили. Первый, запечатленный на украшениях с перегородчатой эмалью, соответствует так называемому византийскому стилю в орнаментации рукописей; второй, сохраненный на вещах с чернью, сопоставляется всеми исследователями с тератологическим или звериным стилем книжных миниатюр. Расцвет первого в рукописях падает на XI–XII вв., сохраняясь в значительной мере и в XIII в., появление второго ощутимо в книжном орнаменте уже в XII в., но он достигает расцвета в XIV в.

Мы еще вернемся к вопросу о соотношении этих стилей. Пока же ограничимся одним наблюдением: сопоставление орнаментации украшений с перегородчатой эмалью и чернью наводит на мысль о том, что непроходимой границы между ними не было, как не было ее и в формах отдельных украшений золотого убора с эмалью и серебряного с чернью.

В кладах, зарытых в эпоху ордынского вторжения, есть украшения, не связанные ни с эмалевым, ни с черневым уборами совершенно. Это украшения с искусной зернью и сканью – приемами, освоенными русскими ювелирами ранее, еще в X–XI вв. Теперь они использованы в декоре украшений, конструктивно повторяющих эмалевый и черневой головные уборы. От него дошли до нас многолучевые звездчатые колты с зернью (табл. 42, *13*) и рясна из круглых звеньев с напаянными кружочками скани (табл. 42, *14*). К нему, вероятно, относятся серебряные бусы с зернью и без нее, крестики с зерневой оправой (табл. 42, *5–6; 1–3*); лучевые колты могли в нем заменять трехбусинные височные кольца со сканью и зернью, из-за многочисленности находок в Киеве часто называемые киевскими. Наконец, в этот убор входили исполненные в технике зерни и скани длинные подвески, сохраненные в этнографическом головном уборе вплоть до XIX в. (табл. 43). Стилистическое единство этих украшений позволяет видеть в них остатки разрозненного сканно-зерневого убора, бытовавшего одновременно с эмалевым и черневым. Традиционная техника сочеталась в нем порой с традиционными формами украшений: в семилучевых колтах с зернью угадываются племенные украшения радимичей (табл. 42, *13*).

Постоянные контакты населения Руси с многочисленными соседями сказываются иногда в находках единичных, оторванных от цельных уборов, украшений. К таким украшениям относятся серебряные половецкие серьги (табл. 42, *9*). Но обычно украшения задумывали как единый убор, случайных вещей в нем не было. Для археолога такой убор – своего рода закрытый комплекс: всякая чужеродная вещь в нем сразу заявит о себе, выпадет из общего стилевого единства.

Конечно, отдельные украшения могли попасть в разновременные клады. Реконструируя убор, к которому могло относиться то или иное украшение, археолог может определить время и место его изготовления. А поскольку убор – комплекс одновременных вещей, созданных в одном географическом районе, иногда – в одной мастерской, датировка отдельной вещи может быть довольно узкой.

Клады, в которых убор представлен достаточно полно, оказываются первоклассным источником, потому что да-

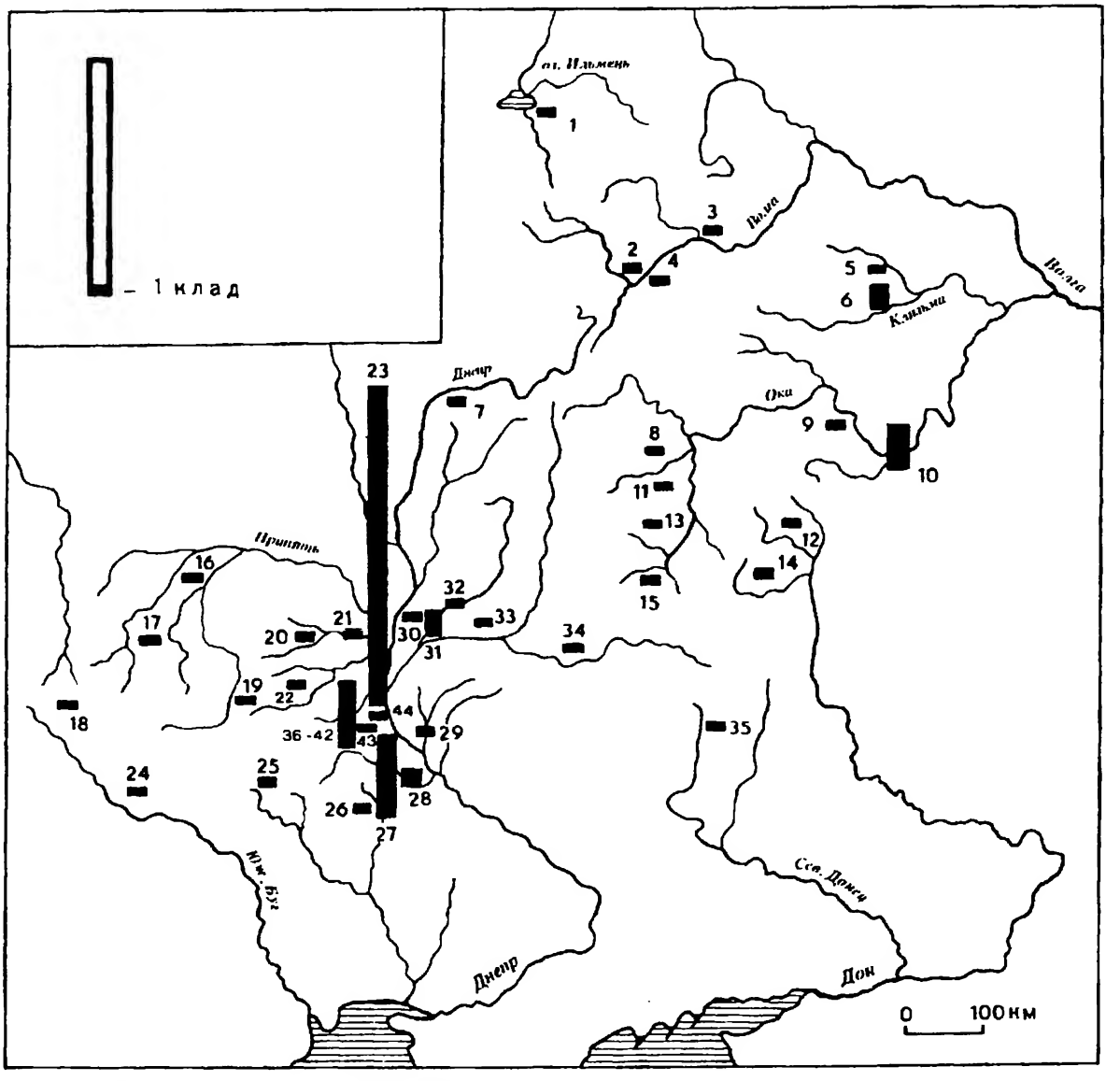


Рис. 7. Карта распространения кладов IV группы (по *Г.Ф. Корзухиной*)

1 – д. Сельцы (1892); *2* – д. Мужищево (1927); *3* – Тверь (1906); *4* – с. Дягунино (1893); *5* – д. Исады (1851); *6* – Владимир (1837, 1865, 1896); *7* – м. Романово (1892–1893); *8* – д. Пискова (1911); *9* – д. Кутукова (1673); *10* – Старая Рязань (1822, 1868, 1887, 1937–1950, 1970); *11* – с. Шмарово (1849); *12* – с. Кресты (1876); *13* – д. Терехово (1876); *14* – д. Лески (1853); *15* – д. Чувардино (1901); *16* – м. Высоцкое (1878); *17* – м. Городок (1890); *18* – с. Вербов (1920-е годы); *19* – м. Мирополь (1938); *20* – д. Збранка (1909); *21* – м. Чернобыль (1896); *22* – с. Каменный брод (1903); *23* – Киев (1824–1949, всего 45 кладов); *24* – с. Залесье (1842); *25* – с. Городище (1970); *26* – с. Старая Буда (1908); *27* – Княжа гора (1877–1899, всего 12 кладов); *28* – Девичья гора (1900, 1901, всего три клада); *29* – Переяслав (1884); *30* – Любеч (1960); *31* – Чернигов (1850, 1887, 1923); *32* – урочище Святое озеро (1908); *33* – д. Львов (1879); *34* – именье Терещенко (1878); *35* – с. Стариково (1888); *36* – с. Черныши, 1899; *37* – м. Мартыновка (1886); *38* – м. Пивцы (1891); *39* – с. Ключники (1887); *40* – с. Пишки (1887); *41* – с. Ольховец (1888); *42* – Васильков (1885); *43* – Обухов (1905); *44* – с. Мышеловка (1896)

ют возможность его реконструкции. А это, в свою очередь, позволяет воссоздать историю женского убора из металлических украшений на протяжении трех столетий.

Анализ кладов, проделанный более 30 лет тому назад Г.Ф. Корзухиной, дал возможность датировать содержащиеся в них разнообразные украшения в рамках одного-двух столетий. Дальнейшая разработка хронологии этих украшений осуществлялась в двух направлениях. Их датировка корректировалась с аналогичными вещами, найденными в хорошо датированном культурном слое, в первую очередь новгородском. Хронологические выводы Г.Ф. Корзухиной проверяли и иногда уточняли путем исследования техники изготовления и стиля украшений, к чему призывал еще Н.П. Кондаков.

Украшения с перегородчатой эмалью

Большинство дошедших до нас произведений с перегородчатой эмалью обнаружены в земле, в составе кладов, находимых в Киеве и других местах с 20-х годов XIX в. и вплоть до наших дней. С первых находок этих поражающих совершенством изделий началась и их публикация. Но первая обобщающая работа появилась только в 1853 г. Ее автор И.Е. Забелин выделил из числа найденных к его времени украшений с эмалью «произведения русских мастеров, учеников византийских греков» (*Забелин И.Е.*, 1853. С. 297). Однако широта охвата – книга была посвящена металлообработке на Руси от домонгольского времени до XVIII в. – помешала автору глубоко изучить произведения именно Киевской Руси. Первым исчерпывающим исследованием одной серии произведений с перегородчатой эмалью оказалась книга Г.Д. Филимонова о Мстиславовом евангелии (*Филимонов Г.Д.*, 1861). Тщательность стилистического анализа сочеталась в ней с широчайшей эрудицией в области прикладного искусства. Но обещанный автором обобщающий труд по эмалям, к сожалению, написан не был. Эту работу выполнил 40 лет спустя Н.П. Кондаков (*Кондаков Н.П.*, 1896). Она до сих пор не потеряла своей ценности.

Новым этапом в изучении ремесла в целом и перегородчатых эмалей в частности явился труд Б.А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси». В нем впервые вещи с эмалью рассмотрены как свидетельство особой отрасли художественного ремесла. Для решения сложного вопроса семантики изображений и эволюции эмальерного дела большое значение имеют ряд статей Б.А. Рыбакова (*Рыбаков Б.А.*, 1967, 1969) и книга о прикладном искусстве Руси (*Рыбаков Б.А.*, 1971). Источниковедческому исследованию главного «поставщика» древних вещей с перегородчатой эмалью – кладам посвятила свою уже упоминавшуюся работу Г.Ф. Корзухина (*Корзухина Г.Ф.*, 1954). После этого назрела новая задача в изучении перегородчатой эмали – собрать воедино все дошедшие до нас произведения древнерусских мастеров, что и было сделано в работе автора этих строк (*Макарова Т.И.*, 1975).

Совершенно исключительное значение для изучения эмальерного дела имеют сведения древнейшего его историографа – автора «Трактата о разных ремеслах» пресвитера Теофила, жившего в XI–XII вв. Он не только описал процесс изготовления изделий с перегородчатой эмалью, но и отметил достижения Руси в этом сложном искусстве (Там же. С. 128, 129). Знали цену ему и на Руси. Летописцы не раз упоминали «злато с финиптом» в убранстве церквей, а иногда и выражали свое восхищение этими произведениями: «цаты великие с финиптом чудно видением». Г.Д. Филимонов убедительно показал тождество древнерусского «финипт», позднего «финифть» византийскому «химипет», восходящему к греческому глаголу «χϵω», что значит «лить, плавить». По существу эмаль-финифть была заменителем драгоценных камней – сапфира, рубина, изумруда, а эмальерное дело сочетало в себе труд рисовальщика и художника-колориста с искусством золотых дел мастера и специалиста-стекольщика.

В Киеве, поблизости от княжеских дворцов, были найдены остатки трех ювелирных мастерских. В них обнаружены несомненные следы эмальерного дела: обломки специальной посуды с остатками золота, серебра, меди, разноцветной эмалевой массы (*Каргер М.К.*, 1958. С. 400, 401). Рассказ Теофила как будто вводит нас в одну из этих мастерских.

«Возьми тонкую пластинку», – пишет Теофил, указывая на первую операцию, необходимую для изготовления перегородчатой эмали. Получение тонкой пластины золота – операция, которую выполняли со времен античности специальные золотобои-браттиарии. Золотобой расплющивал кусок золота, затем разрезал полученную полосу на листики, прокладывал их кусочками пергамена, а потом, сложив их стопкой, опять клал под молот – от этого линейный размер листиков увеличивался вдвое.

Далее пластине придавали форму задуманного изделия, например колта. Для этого служил трафарет, подобный найденному при раскопках В.В. Хвойки в Киеве, а для придания пластине выпуклой формы – матрица (*Корзухина Г.Ф.*, 1946. С. 53, 54; *Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 379; *Макарова Т.И.*, 1975. С. 11). При наложении на матрицу трафарета с контурами предполагаемого рисунка, можно было оттиснуть на золотой пластине углубление – лоток для эмали. «Затем, – пишет Теофил, – ...ты отрежешь им такую форму, которую ты захочешь заполнить эмалью... ты расположишь очень внимательно и тщательно эти листочки по своим местам и, прикрепив их с помощью мучного клея, поставишь над углями. Когда заполнишь одну часть, ты укрепи ее с чрезвычайной осторожностью, чтобы вся тонкая работа не расплавилась». Теофил не говорит здесь о самой сложной стадии операции, требующей совершенного владения рисунком.

Византийские ювелиры достигли в этом непревзойденных высот. За их плечами была многовековая культура рисунка, уходящая корнями в античность. Они столетиями вырабатывали шаблон для изображения, например драпировок, складки которых убедительно передавали движения человеческой фигуры и ее контуры. Русские мастера восприняли от них определенные приемы, восемь вариантов которых четко прослеживаются на изделиях с эмалью. Это углы, ячейки, овалы и дуги, свободные прямые линии, зигзаги, спирали и различные орнаментальные фигуры (кресты, сердечки, круги и т.п.). При этом преобладают все-таки приемы выкладывания перегородок в виде углов и ячеек (рис. 8, 9).

Эти приемы так стабильны, что передача их «секрета» от мастера к ученику так же вероятна, как передача раз найденного рецепта эмали, тем более что сами по себе эти приемы не изобретение древнерусских мастеров: они восприняты ими от греков. Вероятно, мастер перед помещением перегородок в лоток придавал им нужную форму на специальном эскизе, выполненном, скажем, иглой на воске.

Следующий этап изготовления изделия – заполнение лотка с перегородками эмалевой массой. Для этого необходимо иметь различного цвета эмали, «которые ты приспособил для этой работы, – пишет Теофил. Эта фраза очень важна: она свидетельствует о наличии у мастера заранее приготовленной и проверенной эмали.

Судя по тому, что он советует испытать, одновременно ли плавятся эмали разных цветов, можно предполо-

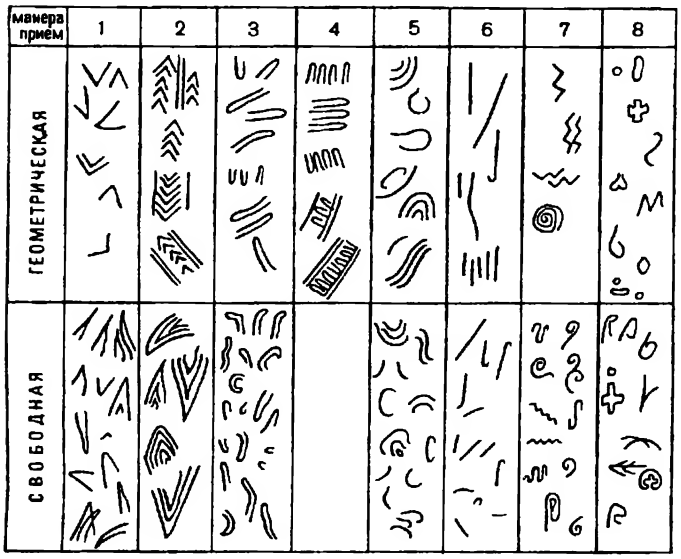


Рис. 8. Системы приемов для изображения одежд на украшениях с перегородчатой эмалью

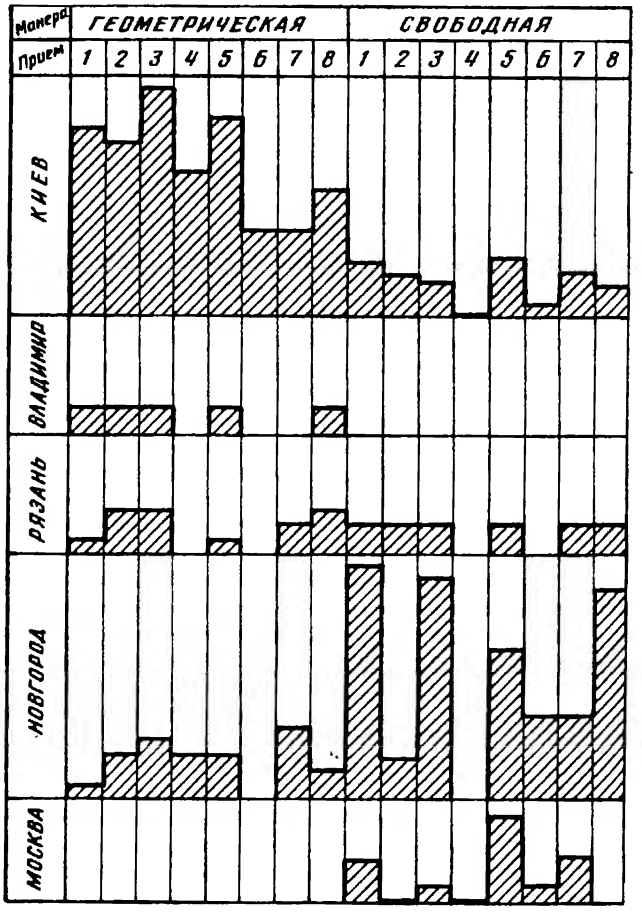


Рис. 9. Диаграмма использования различных приемов изображения одежд на украшениях с перегородчатой эмалью
2 мм по вертикали – одно украшение с использованием определенного приема

жить, что их покупали где-то на стороне. Так делали эмальеры в России и в более позднее время. В Древней Руси эмаль могли покупать вначале у греческих мастеров, варивших мозаику для украшения храмов. Теофил с живостью очевидца описывает процесс подготовки эмали, конструкцию печи, разные этапы обжига изделия и ряд производственных тонкостей, отмечает случаи брака и способы его исправления. Сообщает он о заключительном процессе – полировке, этим искусством византийские эмальеры владели значительно лучше, чем русские.

Но самые выразительные свидетели эмальерного дела Руси – сами шедевры, созданные, как правило, руками неизвестных мастеров, но при этом с ярко выраженной печатью индивидуальности. Каждый мастер обладал своим творческим почерком, т.е. определенным набором приемов. Со временем эти приемы сформировали коллективный опыт, традицию, передаваемую от учителя к ученику. Поэтому за выявленной археологом стилистически единой группой изделий скрывается цепочка – мастер – мастерские ученики – школа. Попытаемся проследить эту цепочку на произведениях с перегородчатой эмалью, хранящихся во многих музеях нашей страны. Как ни странно, но примитивных вещей, которых можно было бы ожидать от начальной стадии развития ремесла, мы не найдем. Напротив, наиболее ранние произведения эмальерного дела – колты с изображением сиринов – окажутся самыми совершенными (табл. 44, *4*). Б.А. Рыбаков выделил эту группу как раннюю из-за языческого содержания изображенных на них сюжетов (*Рыбаков Б.А.*, 1969. С. 92–103). Есть в этой серии и другие свидетельства начального этапа производства – своеобразный технологический эксперимент, опыт, столь характерный для становления ремесла.

В Киеве, в Музее исторических драгоценностей, хранится колт, композиционно почти идентичный совершенным колтам с сиринами, но сделанный по-другому (табл. 44, *5*). Мастер попытался избежать самого сложного момента в изготовлении перегородчатой эмали – выкладывания перегородок. Он оттиснул на специальной матрице колт с перегородками, заполнив образованный таким образом лоток эмалями. Но именно из-за того, что он оказался слишком мелким, эмаль стала выпадать. Эксперимент не оправдал себя (*Василенко В.М.*, 1977. С. 266, 267. Рис. 114, 115).

В русском эмальерном деле утвердился тот способ, который изобрели греческие мастера. Серии одинаковых колтов с сиринами и птицами и явно относящиеся к одному с ними убору рясны, находимые во многих киевских кладах, говорят о том, что мастера Киева овладели искусством перегородчатых эмалей не позже второй половины XI в. (*Макарова Т.И.*, 1975. С. 95). Интересно, что, помимо серийных изделий, среди них есть единичные экземпляры, отличающиеся типичным византийским сюжетом, не привившимся в русском искусстве. Таков колт с излюбленным византийским сюжетом – с павлином, выполнен с большим техническим совершенством (табл. 44, *2*). Его мог сделать и греческий мастер. Очевидно, состав первых эмальерных мастерских был

греко-русским, как и состав первых мозаичных или стекольных мастерских. Только этим можно объяснить высокое качество той стилистической единой группы колтов и рясен, которая относится к начальному периоду эмальерного дела Руси. Для них характерны стабильность конструкции изделий, повторяемость одних и тех же деталей орнаментации, цветовая гамма из четырех основных тонов – синего, красного, белого, светло-зеленого (рис. 10). Удивительная устойчивость цветовой гаммы, неизменной даже в оттенках, говорит об едином источнике эмалевой массы, снабжавшем на первых порах русских мастеров. Таким источником были греческие стекольные мастерские, работавшие в Киеве: о них свидетельствуют дошедшие до нас стеклянные браслеты (*Щапова Ю.Л.*, 1972. С. 120). Все это говорит о сложении мастерской, в которой производились эксперименты, осваивались серии однотипных произведений и создавались отдельные шедевры, не вошедшие в массовое производство. Изделия более низкого качества, выполненные стилистически в той же манере, подтверждают наличие «дочерних» мастерских. Наконец, подражания изделиям этой мастерской в дешевом материале, на меди, свидетельствует о том, что в среде городских ремесленников появляются эмальеры.

Клады, в составе которых до нас дошли произведения первой эмальерной мастерской, относятся ко второй половине XI в. В то же время мы располагаем вещами с перегородчатой эмалью, надписи на которых, бесспорно, датируют второй половиной XII – первой половиной XIII в. Можно ли говорить о преемственности мастерских этого периода с первой мастерской, отделенной от них двумя столетиями? Безусловно можно, ибо есть изделия, говорящие о развитии традиций первой эмальерной мастерской.

Среди колтов с эмалью выделяется группа, отличная от колтов первой мастерской сюжетом изображений, но сохраняющая признаки несомненной профессиональной преемственности конструкции изделий, композиционных схем, орнаментации и цветовой гаммы. Это колты, на которых изображения сиринов и птиц сменились изображениями святых. Б.А. Рыбаков считает их более поздними именно из-за этой смены сюжета, исторически легко объяснимой возросшей борьбой с язычеством (табл. 44, *7, 13*). Характерное для них усложнение орнаментации и обогащение цветовой гаммы достигло апогея в известной диадеме со сценой вознесения Александра Македонского, датирующейся второй половиной XII в. (табл. 45, *12*)

На первый взгляд может показаться, что строгая орнаментация первых русских колтов и рясен с эмалью не имеет ничего общего с пышными ветвями и волютами, украшающими эту диадему. Но внимательный анализ ее орнаментации убеждает в обратном. Беспокойные побеги ветвей диадемы оказываются одним из звеньев той эволюции, которую претерпел растительный орнамент в эмальерном деле Руси за протекшее столетие. Основной его элемент – крин – остается неизменным, усложняются модификации крина и его производство – ветви. Эти усложненные мотивы создают композиции с зеркальной симметрией, так хорошо знакомые по колтам. Несравненно богаче стал и ассортимент украшений с эмалью. Это уже не только женские украшения, колты и рясна, но

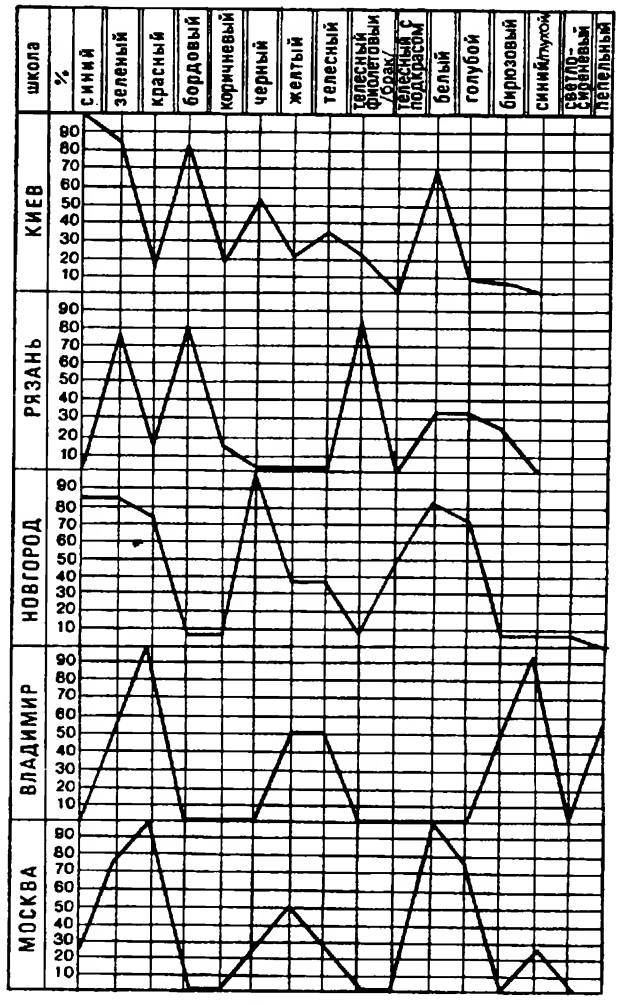


Рис. 10. Цветовая гамма вещей с перегородчатой эмалью из разных центров

и церемониальные регалии – бармы, короны-диадемы (табл. 45, *13–16, 11*). Это и дорогое церковное убранство: большие колты для икон с изображениями русских святых – Бориса и Глеба, найденные в Рязани; оклады евангелий с дробницами с перегородчатой эмалью; кресты для церковных процессий, один из которых сохранил надпись мастера – Лазаря Богши – и заказчика, княжны Евфросинии Полоцкой. Донесла эта надпись до нас и единственную бесспорную дату изготовления – 1161 г. (табл. 45, *5, 6, 7*). Именно к этому времени складывается на Руси тот стиль многоцветной орнаментации, который Б.А. Рыбаков удачно назвал финифтяным; удачно потому, что именно в эмалях-финифтях он оказался выраженным так лаконично и совершенно. Возможно, именно перегородчатую эмаль пытались воспроизвести в золотых заставках художники-миниатюристы и именно ее великолепию подражали мозаичисты, выкладывая по золотому фону многоцветие одежд, орнаментов и тонких ликов. Это неудивительно: по сложности исполнения драгоценные эмали не знали себе равных в ювелирном деле средневековья и поэтому привлекали к себе внимание художников разных специальностей.

Есть среди киевских эмалей произведения, стилистически продолжающие традиции ранних эмалей, но значительно более примитивные по рисунку, цветовой гам-

ме. Это некоторые наборы барм с надписями второй половины XII – первой половины XIII в. (табл. 45, *13–15*). Таким образом, произведения киевских эмальеров можно выстроить в четкий эволюционный ряд. На протяжении длительного времени они сохраняют характерные для киевской группы эмалей черты. Для них типична цветовая гамма, в которой ведущий цвет – синий; красный и белый присутствует примерно в одинаковых пропорциях, а зеленый, как правило, их дополняет. В период расцвета, в середине XII в., цветовая гамма обогащается: появляются желтый и бирюзовый цвета, синяя гамма разнообразится голубым и пепельным (табл. 45, *4*).

Общими для всех произведений с изображением святых, вышедшими из мастерских Киева, оказывается и определенный набор способов. Выше говорилось, что для передачи драпировок на произведениях с перегородчатой эмалью русские мастера использовали восемь приемов. Они одинаково применялись при геометрической и более живописной, свободной манере рисунка. Ведущими у киевских мастеров оказываются прием угла и ячейки, с большей или меньшей тягой к геометризму (рис. 9).

Устойчивое сохранение на протяжении почти двух столетий подобных секретов мастерства может произойти только при сложении школы эмальерного дела, т.е. цепочки мастерских с прочно сохраняемыми традициями в сложном искусстве эмальерного дела. Мы можем говорить о киевской эмальерной школе. В каких условиях могла возникнуть и так долго существовать столь единая художественная школа?

Ответ на этот вопрос дает ассортимент произведений с эмалью – княжеские регалии, церемониальное убранство верхушки древнерусского общества, князей и бояр. Только высокое покровительство власти могло обеспечить условия длительной деятельности подобной художественной школы. Существование государственных ювелирных мастерских в Византии засвидетельствовано многими источниками. В них, в частности, говорит, что мастерские находились в помещении большого императорского дворца, а ядро их составляли наследственные, прикрепленные к мастерским ремесленники.

О государственных княжеских мастерских на Руси источники прямо не говорят. Но о них красноречиво свидетельствуют сами произведения этих мастерских, в первую очередь эмальерные. Естественно, что подобным образом складывалась ситуация и в удельных русских княжествах, прежде всего в Рязанском княжестве.

С княжеской эмальерной мастерской в Рязани связана небольшая группа вещей – так называемые колты с изображением святых Бориса и Глеба, особо почитаемых в Муромо-Рязанской земле, два медальона барм со святыми Ириной и Варварой и маленький медальон с Богоматерью (табл. 45, *2, 16*). Все они принадлежат разным мастерам. Большие колты с первыми русскими святыми, князьями Борисом и Глебом, напоминают сочетанием светских и церковных сюжетов колты со святыми из черниговского клада 1887 г. Общими здесь оказались и детали – характерные «древа жизни» на подножках, нигде более не встреченные. Однако далее сходства композиции и орнамента дело не пошло: изяществом и совершенством исполнения колты из Чернигова резко отличаются от рязанских. Рязанские же колты не находят себе аналогий во всей коллекции древнерусских эмалей по величине и весу. Они в три раза больше обычных колтов, находимых в кладах, а вес каждого из них достигает 400 г. Оригинально и их устройство. Оправа их похожа на оправу барм; на золотую основу наложен сканый узор с гнездами для драгоценных камней. Примитивно вставленный щиток с эмалью окаймлен ниткой жемчуга, продетой в специальные петли. Украшения эти нельзя назвать колтами, т.е. подвесками к женскому головному убору, они слишком тяжелы для этого. Скорее всего, их подвешивали к диадеме на ризе чтимой иконы, до нас не дошедшей (*Кондаков Н.П.*, 1892. С. 337).

Перегородчатые эмали рязанских «колтов» гораздо менее совершенны, чем превосходная скань их оправы. Поясные фигуры князей статичны и лишены движения, лица исполнены «дрожащей» перегородкой, примитивно выложены смотрящие вбок глаза и рот, изображенный наивным «бантиком». Перегородки часто не замкнуты, из-за чего эмали разных цветов соприкасаются.

Более всего отличает рязанские колты от всех найденных на Киевщине эмалей цветовая гамма (рис. 10). Она включает в себя три оттенка голубого: темно-голубой, светлый бирюзовый и зеленовато-голубой. В то же время в ней нет типичного для эмалей киевского круга темного синего тона,а также светло-зеленого, изумрудного и желтого. В качестве ведущего здесь используется красный цвет, в качестве дополнительного – белый.

В той же тональности исполнены два медальона барм из Рязани со святыми Ириной и Варварой. Они размещены по сторонам медальона с Богоматерью-орантой византийской работы, объединенные рязанским мастером в единое украшение. Судя по редкости изображений святой Ирины, оно было патрональным. Оба изображения – Ирины и Варвары – исполнены одним мастером с ярко выраженной творческой индивидуальностью. Его отличает свободное владение перегородкой, уложенной густой сеткой плавно изгибающихся линий. В общей манере выкладывания перегородок легко улавливается сходство с изображениями Стефана и Пантелеймона на кресте Евфросинии Полоцкой, исполненном Лазарем Богшей в 1161 г. Однако по цветовой гамме они различны. Здесь мы снова встречаемся с характерным для эмалей Рязани преобладанием синих тонов: темно-синего, пепельного и голубого (рис. 10).

Для немногочисленных пока произведений с эмалью из Рязани характерно сочетание традиции и новаторства. Это естественно для молодой мастерской, сочетающей опыт старых мастерских с налаженным производством со своими поисками и находками. Совершенно исключительной особенностью рязанских изделий с эмалью является необыкновенное искусство золотых дел мастеров: их оправы не знают себе равных среди большой коллекции дошедших до нас произведений.

Меньше данных об эмальерном деле Владимира. Здесь найдены всего две пары колтов (табл. 44, *11*). Они, однако, настолько выразительны и своеобразны, что позволяют говорить о деятельности здесь собственных мастеров. Возможно, что произведения светского назначения были второстепенными в их продукции, а главным была та церковная утварь, упоминание о которой попало в летопись под кратким словом «финипт». «Жемчугом великим бесценным, златом и финиптом» была

украшена церковь Рождества Богородицы по приказанию Андрея Боголюбского в 1175 г. (ПСРЛ, Ипатьевская летопись. М., 1962. С. 580, 581). Каков был этот «финипт», мы не знаем, но дошедшие до нас колты свидетельствуют о преемственной связи владимирской мастерской с киевскими традициями. Особенно это заметно в передаче одежд почитаемых во Владимире святых Георгия и Дмитрия, изображенных на колтах. Владимирские мастера следовали киевским образцам и в геометризованной манере рисунка (табл. 46, *2*), и в наборе ведущих приемов (рис. 9). Это сочетается со своеобразием формы и конструкции больших грубоватых колтов и неумелым воспроизведением пышного орнамента, характерного для киевских эмалей середины XII в. В цветовой гамме тоже легко усмотреть местные особенности набора и оттенков эмалей (табл. 46, *4*).

Больше данных об эмальерном деле Новгорода. С ним связаны такие произведения, как пять квадратных пластин с драгоценного оклада Мстислава евангелия (табл. 45, *9, 10*), киотцы этого же оклада; киотцы с деисусом с оклада иконы Знамение из Софийской ризницы в Новгороде (*Макарова Т.И.*, 1975. Т. 22); медная иконка с изображением Ипатия (*Макарова Т.И.*, 1975. Табл. 27, 1б); миниатюрная золотая пластинка с образом Георгия (*Макарова Т.И.*, 1975. С. 63. Рис. 8).

Список новгородских эмалей пополняется за счет новых находок. Так, при раскопках в Новгороде была найдена круглая дробница с эмалью (*Арциховский А.В.*, 1958. С. 227–242, цвет. табл.) и медная пластина с изображением святого (*Макарова Т.И.*, 1985. С. 241–243. Рис. 1). Среди этих вещей есть, как и в Киеве, первоклассные произведения и подражания им, вышедшие из ювелирных мастерских, работавших для широких слоев горожан.

Новгородские изделия с перегородчатыми эмалями не представляют собой столь очевидного стилистического единства, как некоторые типы колтов, рясен или барм Киева. Здесь рука отдельного мастера ощущается только в единых по замыслу композициях, а сами эти композиции созданы, по-видимому, в разных мастерских. И все же, если речь может идти о нескольких новгородских мастерских, работавших последовательно, а иногда и параллельно, их общая стилистическая направленность, отличная от киевской и рязанской школ, несомненна. Ее определяет цветовая гамма, построенная, как и новгородская иконопись, на сочетании ярких чистых тонов: синего, голубого, бирюзового, красного, зеленого, желтого. Не менее выразительная черта новгородских эмалей – свободное распределение перегородок, манера не замыкать угол, ячейку или овал, а оставлять их как бы оборванными в эмали (рис. 9).

Интересно,что некоторые приемы – зоны углов и зоны ячеек – новгородские эмальеры вовсе не используют, а остальные употребляют в иных сочетаниях, чем киевские мастера.

Каковы же истоки познаний новгородских ювелиров в эмальерном деле? Отмеченные выше самостоятельные черты не дают возможности прямо выводить их из Киева, как это было очевидно для Рязани или Владимира. Здесь нет продолжения киевских традиций. Вспомним, что пять квадратных пластин, помимо греческих надписей, сохранили и другие свидетельства участия мастеров-греков в их изготовлении: изумрудную эмаль и технику инкрустации, в которой выполнены надписи. Вероятно, они были изготовлены в греко-русских мастерских в самом Новгороде. Учитывая, что в Византии эмальерное дело уже вышло из царских мастерских и даже из рамок столицы, греческие эмальеры Новгорода могли быть выходцами из других центров, нежели мастера, налаживавшие ранее эмальерное дело в Киеве. Этим можно объяснить отсутствие единой стилистической линии в эмальерном деле Киева и Новгорода.

Киев, Рязань, Новгород, Владимир стали центрами оригинальных эмальерных школ. Не исключено, что этот список неполон. Есть города, где эмальерные мастерские могли работать короткое время; завися от конкретного княжеского заказа или от прихода мастера. Так, в Полоцке могла на какое-то время функционировать мастерская, где талантливый мастер Лазарь Богша делал свой крест.

Находки в Чернигове своеобразных колтов, а в соседнем с ним Любече – эмалей (очень провинциального облика) могут тоже рассматриваться как свидетельство о деятельности там самостоятельной эмальерной мастерской.

Такое сложное искусство, как эмальерное, могло укорениться только там, где создавалась стойкая традиция, непрерывность наследования его приемов и рецептов. Так на Руси и произошло, и поэтому оно не погибло сразу после монгольского нашествия, и следы послемонгольских мастерских ощущаются достаточно четко.

В Москве, в Оружейной палате, хранится драгоценное облачение митрополита Алексея: саккос, епитрахиль и поручи, среди многочисленных нашивных дробниц которых много эмалевых (*Макарова Т.И.*, 1975. С. 82–87. Табл. 23–26). Б.А. Рыбаков считает, что часть их – домонгольского происхождения. Но другая часть очень отличается от хорошо известных по кладам эмалей. И орнамент, отдаленно напоминающий знакомые композиции с птицами, сиринами и «древом жизни», и манера укладывать толстые перегородки в глубоком лотке, и цветовая гамма – все здесь иное, своеобразное и все же явно связанное с эмальерным делом Киевской Руси поры его расцвета. Интересно при этом отметить, что ряд конкретных черт сближает эти произведения не с киевской школой, а с эмалями Новгорода и Владимира. Так, эмалевые дробницы епитрахили митрополита Алексея явно близки почерку автора иконки со святым Ипатием из Новгорода, а некоторые детали орнамента владимирских колтов повторены на дробницах оклада иконы Знамение из Оружейной палаты и на маленьких дробницах епитрахили из Отрочего Тверского монастыря – самой поздней вещи с перегородчатой эмалью (*Макарова Т.И., Николаева П.В.*, 1976. С. 169–175). Хранящиеся в Москве и Твери изделия с перегородчатой эмалью не имеют прямых аналогий ни в одном из перечисленных центров эмальерного дела. Они несут на себе явные черты своеобразия угасающей уже ювелирной техники. Вероятно, именно в Москве или ее сопернице – Твери, где-то в пределах XIII–XIV вв. доживало последние дни искусство перегородчатой эмали. Оно дало нам пример пересадки на новую почву сложного ремесла. Однако даже в этом случае сложение собственной от-

расли прикладного искусства нельзя объяснить простым заимствованием. Русь оказалась подготовленной к восприятию сложнейшего искусства (равно как и к восприятию каменной архитектуры и живописи) и создала в этих областях искусства неповторимые шедевры.

Прав был Н.П. Кондаков, когда говорил что «каждое искусство начинается заимствованием» (*Кондаков Н.П.*, 1899. С. 6). Но это только первый шаг, обусловленный взаимосвязью культур и народов; далее начинается сложный процесс коллективного творчества, в результате которого и рождается неповторимое самобытное искусство, как произошло на Руси с перегородчатой эмалью.

Украшения с чернью

В числе высших достижений ювелиров Руси наряду с эмалью Теофил упоминает о черни: «... ты найдешь, что в тщательности эмалей или разнообразии черни открыла Росия» (*Теофил Пресвитер*, 1963. С. 72). Эта сложная техника стала известна в средние века в Европе, вероятно, благодаря Руси. Именно при дворе русских князей был освоен древний прием чернения по золоту и серебру.

Украшениям в технике черни не раз отводилось место в трудах, посвященных ремеслу и прикладному искусству. Впервые внимание украшениям с чернью было уделено в труде Н.П. Кондакова о русских кладах (*Кондаков Н.П.*, 1896), их изучение продолжил А.С. Гущин (*Гущин А.С.*, 1936), а позже они нашли разностороннюю характеристику в работах Б.А. Рыбакова (*Рыбаков Б.А.*, 1948; 1951; 1967; 1971). Черневому делу Руси вплоть до XIX в. посвящена книга М.М. Постниково-Лосевой, Н.Г. Платоновой и Б.Л. Ульяновой (1972). Однако древнейшего периода черневого дела она почти не касается. Между тем именно этот период наиболее интересен (*Макарова Т.И.*, 1986).

О первых шагах черневого дела Руси мы ничего не знаем. Но все же есть некоторые данные для их восстановления. Древнейшее произведение, связанное с черневым делом, было найдено в кургане, в языческом княжеском захоронении конца IX – начала X в. Это знаменитые турьи рога из Черной могилы, их серебряные оковки выполнены с редким мастерством. Сюжет композиции одного рога, расшифровка которого предложена Б.А. Рыбаковым (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 284–287), свидетельствует о том, что вещь была сделана на месте. Однако технологические особенности этих произведений мы не встретим на более поздних русских изделиях. Турьи рога остаются уникальным явлением в истории прикладного искусства Руси. Чернь занимает в их декоре второстепенное место: она заполняет глубокие бороздки орнамента, по принципу известного в Риме и на западе «niello». В этой же технике ниелловой инкрустации сделаны бляшки, широко распространенные в Приднепровье в конце IX–X в. в дружинных погребениях. Своеобразное продолжение эта техника имела позже, в изготовлении энколпионов с инкрустацией по меди. Но в целом черневое дело Руси пошло по иному пути. Оно привилось в мастерских, где изготовляли женские украшения. Именно шедевры этих мастерских – колты на ряснах из тисненых колодочек, широкие браслеты, за которыми неверно закрепилось название «наручей» (вместо древнерусского обруча) с их богатой орнаментацией, круглые медальоны нагрудного украшения типа мониста или барм, перстни – принесли славу русским серебряникам. Они отличались отмеченным Теофилом разнообразием в орнаментации и деталях технологии. Процесс изготовления этих вещей был сложным. Описания Теофила и особенно внимательное рассмотрение дошедших до нас вещей позволяют его реконструировать.

Обычно черневые украшения делали из тонкого листа серебра. Для получения из тонкого листа полого изделия применялся очень древний способ – ручная выколотка, когда лист серебра под ударами деревянного молотка принимал необходимую форму. Таким образом сделаны некоторые колты и большинство обручей. Так изготовляли индивидуальные заказы. Массовая продукция делалась более легкими способами – тиснением на матрице. Применялось иногда и литье, но оно было связано с большим расходом металла. Есть не только экземпляры обручей и колтов, исполненные при помощи литья, но и находки литейных форм для их изготовления.

Вторая стадия в изготовлении ювелирного произведения с чернью – гравировка на металле. Основным орудием при этом был резец с рабочим краем различной формы. Оставленные им следы позволяют восстановить форму древнерусских резцов. Они находят прямые аналогии в ювелирном деле X–IX вв. и наших дней. Мастер обычно пользовался несколькими резцами, на некоторых вещах заметны иногда следы двух-трех резцов. Труднее заметить следы иглы, которой наносили первоначальные контуры рисунка, его эскиз. Между тем это была важная стадия работы гравера, ведь орнамент черневых изделий бывает исключительно сложным. Например, плетение можно было нанести на изделие только непосредственной переводкой скопированного образца. Близость орнамента рукописей и серебра с чернью, неоднократно отмечаемое многими исследователями, оказывается близостью оригинала и копии.

Практически копирование или перенесение орнаментального сюжета на поверхность серебряного изделия могло производиться способом, бытующим и сейчас. Серебряную пластину закрепляли на смоляной подушке и покрывали слоем воска. Затем на воск накладывали листок тонкого пергамена с переведенным на него рисунком. По линиям рисунка проводили деревянной палочкой с заостренным концом, надавливая на пергамен. На воске в результате оставались углубленные линии переведенного рисунка, который и повторял гравер. Собственно, чернение было заключительным этапом работы мастера-серебряника.

Известно множество рецептов варки русской черни, восходящих к XVI в. Единственно подлинным древним рецептом, относящимся к Древней Руси, является рецепт, приведенный в трактате Теофила. Он предлагает взять две трети чистого серебра и одну треть меди, расплавить их при температуре 1000°, влить в тигель с рас-

плавленной серой и свинцом и расплавить в горне. Полученный сплав растолочь в порошок, снова переплавить в горне, повторить эту операцию несколько раз.

Вместе с рецептурой варки черни Теофил дает множество советов по поводу нанесения черни на изделие, последующего обжига и полировки. Однако некоторые моменты им опущены, и мы можем их восстановить по самим изделиям. Это касается очень важного момента – обработки поверхности, которую надлежит покрыть чернью. Как показали многочисленные наблюдения, чернь сохранилась хорошо только в тех случаях, когда ложе для нее было достаточно глубоким. Это достигалось специальной гравировкой – выборкой «лотка». В тех случаях, когда такая обработка фона отсутствовала, чернь выкрашивалась, иногда полностью.

С техникой черни тесно связано золочение. Эти два приема одинаково применяли на одних и тех же вещах: половина украшений с чернью была покрыта еще и позолотой. Теофил описывает и способ золочения, который русские ювелиры нового времени называли золочением «через огонь». Описав разные способы размалывания золота, Теофил рассказывает, как смешать его со ртутью, расплавив на огне. Полученной теплой смесью натирают места, подлежащие позолоте, нагревая их потом над углями и снова натирая. Заключает он описанием полировки золота.

Все эти и подобные им операции русскими ювелирами были освоены прекрасно. Дошедшие до нас более 300 изделий с чернью это полностью подтверждают. Большинство их найдено в кладах Поднепровья. Встречаются они и в других местах.

Эти дорогие украшения делались по заказу, для знати, и оседали в тех городах, где было налажено их производство. Поэтому топография их распространения не случайна, в сочетании со стилистическими наблюдениями она дает основание для выделения центров производства. Б.А. Рыбаков выделил три таких центра – Киев, Владимир и Галицкое княжество (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 265). Раскопки последних лет позволяют прибавить к ним еще и Рязань. Во всех этих центрах был свой ассортимент видов украшений с чернью, и это не менее важно для их выделения как центров производства, чем стилистические особенности декора или технологии.

С XI в. в кладах появились плетеные и витые из серебряных дротов браслеты с накладными литыми наконечниками в форме трехлепесткового цветка-крина. На них изображен простой гравировкой всегда один и тот же сюжет – крин или половинки его, по-разному расположенные (табл. 46, *3–4, 5–10*). Линии гравировки заполнены чернью, в случаях неглубокой гравировки утраченной. Интересно, что этот простой сюжет остается постоянным при изменении самих браслетов. Такую стабильность можно объяснить только особым значением сюжета, его благожелательной символикой.

Не сопровождалась эволюция самих браслетов и развитием технологии чернения или какими-либо исканиями в области декора. Распространены витые браслеты с чернью, в основном на Киевщине, где и сосредоточены их находки. Они были популярны и вызывали подражания. В половецких древностях в XI в. тоже появились такие браслеты, но криновидные наконечники с понятным земледельческому народу символом «древа жизни» заменила вставка почитаемого кочевниками камня неба – лазурита.

Можно сказать, что на ранних типах браслетов с чернью ничто не предвещало ее будущего расцвета, а на более поздних этот расцвет никак не отразился. Очевидно, мастерские, где они изготовлялись, были в стороне от тех княжеско-боярских мастерских, с которыми был связан истинный расцвет черневого дела Руси.

Вспомним, что мастерские перегородчатых эмалей в Киеве по дошедшим до нас произведениям прослеживались довольно ощутимо. От начального этапа их деятельности сохранились знаменитые колты с жемчужной обнизью и изображением пары птиц или сиринов по сторонам символа «древа жизни». Интересно, что попадаются золотые колты совершенно идентичного устройства, с жемчужной обнизью и чернью по гравировке (табл. 47, *7, 9*). Технически чернение здесь уже значительно шагнуло вперед: гравировка выполнена мастерски, орнамент несравненно сложнее, чем на витых браслетах. На золотых колтах намечается освоение другого важного приема чернения – чернение фона.

В серии дошедших до нас колтов вместо стабильности, консервативности в приемах и орнаментации налицо поиски нового и в устройстве, и в орнаментации, и в самой технике чернения, и самое главное – постепенное становление самостоятельного стиля орнамента, отличного от эмалевого. Для него характерен новый элемент – плетение и связанные с ним динамичные, лишенные стабильности композиции с осевой симметрией (табл. 47, *2–3, 8–12*).

Однако новизна эта в некотором отношении обманчива: в основе орнамента черненых украшений по-прежнему лежит крин, поэтому растительный орнамент и композиции из его мотивов возникают по тем же схемам. Новый элемент – пересечение – обусловливает динамичность орнамента, не изменяя его полностью.

Можно сказать, что черневое дело в целом, как и его орнаментация, тесно связано с эмальерным искусством. Вероятно, оно родилось в мастерских эмальеров или в непосредственной близости от них. Но развивались они не синхронно. Когда эмальерное дело достигло вершин развития, черневое только делало свои первые шаги. Вот почему золотые колты с чернью так похожи на эмалевые. В период, когда эмальерное дело уже миновало пору своего расцвета, черневое его достигло. Свидетельством этого являются его шедевры – широкие браслеты-обручи. Этим конструктивно сложенным и изысканным произведениям нет равных в соседних странах. Их византийский прототип – широкий браслет с рельефными изображениями (*Даркевич В.П.*, 1975. С. 271–273. Рис. 385–388) имеет с ними лишь самое общее сходство. Древнерусский обруч состоит из двух пластин, которым ручной выколоткой придана нужная форма. Внешняя пластина разбита накладными валиками на отсеки, квадратные или округлые, напоминающие закомары русских храмов; в них гравировкой и чернью исполнены сложные орнаментальные композиции, расшифровка которых открыла интересные реалии быта Руси. Б.А. Рыбаков убедительно доказал, что сцены, изображенные на обручах, связаны с языческой обрядностью русалий – центральным действием народных празднеств, «игрищ бесовских», против которых боролась христианская цер-

ковь. О живучести их в народной жизни говорит тот факт, что драгоценные обручи с чернью делали для боярынь и княгинь в княжеских мастерских, рядом с резиденциями церковных властей.

Большинство широких обручей найдено в киевских кладах (табл. 48, *1, 3*; 49, *1*). 17 браслетов бесспорного киевского происхождения дают парные экземпляры, явно исполненные одной рукой, а обручи представляют собой ступени известной эволюции в их производстве. Киевские ювелиры освоили два способа изготовления обручей – ручную выколотку и тиснение. Самые лучшие обручи изготовлены первым способом.

Превосходная гравировка сочетается на них с умелым чернением фона, специально подготовленного резцом. В местах выпадания черни хорошо виден фон, покрытый такой насечкой (табл. 48, *1*). На некоторых браслетах гравированы сложные жанровые сцены с гуслярами, плясуньями и плясунами языческих русалий (табл. 48, *3*).

Тиснение пластин было значительным упрощением процесса изготовления обруча. Очевидно, это практиковалось во второразрядных мастерских, качество гравировки и общая отделка тоже упрощены (табл. 48, *6, 7*).

Подражания киевским обручам в других городах шли именно по пути упрощения технологии, использовалось тиснение (табл. 48, *6*) или литье.

Зато первоклассные мастера Рязани блестяще продолжали киевские традиции. Здесь не стремились к упрощению, а следовали по пути совершенствования мастерства (табл. 49, *2, 4, 5*). В свободе композиции, в артистизме рисунка и точности гравировки рязанские мастера могли поспорить с киевскими. Композиция обруча бывает так продумана, что похожа скорее на точно рассчитанный чертеж, чем на рисунок. Аналогии с чертежом возникают и при знакомстве с еще одним шедевром рязанских ювелиров – перстнем, найденным в 1868 г. в кладе вблизи остатков Успенского собора в Старой Рязани.

Щиток этого перстня имеет форму идеального квадрифолия с вписанным в него прямоугольником. Рисунок не уступает в изяществе композиции. В центре прямоугольника гравировкой дано симметричное древо, в дугах на черненом фоне легкие завитки перекликаются с изгибами его ветвей (табл. 46, *21*).Очень похожий перстень, но золотой с чернью по гравировке, происходит из коллекции М.П. Боткина (табл. 46, *20*). Он построен столь же совершенно, и основная идея его композиций та же. В центре квадрифолия в данном случае размещен квадрат, а в нем – копьевидное древо с геометризованными стеблями по сторонам. Им соответствуют дуги, гравированные на черневом фоне в полукружиях квадрифолия. Местонахождение этого перстня неизвестно, но идентичность исполнения двух описанных перстней вряд ли случайна: возможно, их делал один и тот же мастер, перенесший в прикладное искусство архитектурную четкость и законченность формы и орнамента.

Рязанские браслеты продолжают традиции тех киевских браслетов, которые изготовлены ручной выколоткой. В них также сочетается чернение фона с чернью по гравировке, гладкое серебро с позолотой. В этом случае перенесение ювелирного приема в провинциальный центр не сопровождалось снижением его уровня.

По-другому обстояло дело во Владимире. Найденные там браслеты-обручи несут на себе следы преемственности киевской и рязанской школ. Но при этом нет прямой связи с приемами, так блестяще освоенными в этих городах. Владимирские мастера были знакомы с готовыми образцами обручей, но не с приемами их изготовления. Это очень заметно по тем обручам, которые дошли до нас в кладах.

Самый сложный способ изготовления обручей – ручную выколотку – владимирские ювелиры освоили не сразу. До нас дошел одноярусный литой наруч с валиками, отлитыми вместе с пластиной (*Макарова Т.И.* 1986. Рис. 46. № 245). По-другому был сделан двухярусный обруч с изображением зверей и птиц в прямоугольных клеймах (табл. 49, *10*). Он сделан, как рязанские и лучшие киевские обручи, ручной выколоткой с накладными жгутами рублеными под скань или зернь. Горизонтальные и вертикальные тяги между клеймами были позолоченые, гравированые фигуры птиц и животных тоже сохранили слабые следы позолоты. Углубления гравировки следов черни не имеют, но сохранились хорошо видные следы черневого покрытия фона изображений в клеймах. Чернь на большей поверхности фона выкрошилась и поэтому видно, что подготовки лотка для нее сделано не было. Владимирский мастер не знал этого важного момента в изготовлении черневых вещей. Рязанские мастера владели тонкостями этого процесса. Создается впечатление, что владимирские ювелиры восприняли не живую традицию черневого дела от реального мастера, а пытались воссоздать драгоценный обруч с чернью самостоятельно, по готовым вещам. Далеки владимирские обручи от киевских и рязанских и стилистически. Статичные звери и птицы на них больше похожи на рельефы владимирских соборов, чем на зверей и птиц, в переплетении побегов и ветвей, которые изображали на обручах Киева и Рязани.

Владимирские мастера делали не только обручи: до нас дошли медальоны барм. На них также заметен недостаток владимирских серебряников: фон, лоток для черни они обрабатывать не умели, не знали этой необходимой операции. Пуансонной обработкой фона они владели хорошо, это заметно на медальоне с изображением архангела из клада 1865 г. (Там же. Рис. 50. № 278). Но чернь они клали только в углубления гравировки, вернее, она сохраняется только там. Фон, покрытый чернью без предварительной обработки резцом, со временем чернь утрачивает.

Однако не все медальоны барм, найденные в районе Владимира, отмечены этим недостатком. Знаменитое суздальское оплечье, найденное в деревне Исады на Нерли, – пример превосходного владения и гравировкой, и чернением фона. Говоря о черневом деле Владимира, надо отметить и своеобразие ассортимента его продукции. Если рязанские мастера почти повторяют набор украшений с чернью, выработанный киевскими мастерами по черни, то владимирские сильно его сокращают, они производят только два вида украшений – обручи и медальоны барм (табл. 50).

Если учесть, что специфика ассортимента в данном случае сочетается с перечисленными выше технологическими и стилистическими особенностями, то характеристика владимирского черневого дела, несмотря на ограниченность дошедших до нас свидетельств, окажется довольно полной.

Последний из крупных центров, где черневое дело привилось и обрело локальные черты, было Галицкое княжество. С его территории дошло до нас значительное количество находок украшений с чернью. Интересно, что ассортимент украшений в этом районе совершенно повторяет киевский. При этом стилистически они продолжают только одну группу киевских украшений. Это обручи, изготовленные тиснением, колты с крупными полыми шариками, т.е. изделия, представляющие собой упрощение технологии производства лучших украшений с чернью. Чернение выступает здесь в простейшем варианте: чернь заполняет линии неглубокой, не отличающейся большим мастерством гравировки. Для обручей галицкой группы характерна грубая ложная зернь, оттиснутая иногда вместе с киотцами (табл. 49, *9*). Для них характерны реберчатые тисненые шарниры.

При монтаже колта галицкие мастера крайне неудачно соединяют шарики обнизи с самим колтом, а чернь, очевидно, низкого качества, почти не сохраняется в углублении гравировки на перстнях.

Украшения галицкой группы представляют собой последний этап черневого дела домонгольской Руси: клады, в которых они найдены, датируются второй половиной XIII–XIV вв.

Киевское черневое дело эпохи расцвета имело широкий резонанс. Есть подражания древнерусским обручам в Румынии и Венгрии, а также в Восточной Европе.

В Приуралье найден обруч с великолепным изображением лозы на черневом фоне (табл. 48, *10*). Своеобразие его составляет крупная зернь, идущая по краям браслета и гроздь зерн над шарнирами.

Безусловно, все подражания черни эпохи расцвета черневого дела в Киеве ниже превосходных образцов, которые сохранились в киевских кладах. Только серебряники Рязани развили киевские традиции, не утратив ничего из их достижений.

Независимо от киевского развивалось черневое дело Новгорода. От него дошло немного произведений, но зато первоклассных. Это церковная утварь – Большой и Малый сионы Софийской ризницы и два кратира с именами мастеров Косты и Братилы. Эти высокохудожественные произведения выполнены в сложной технике, сочетающей чеканку, гравировку и чернение фона. На них лежит печать самобытности. Прямого воздействия черневого дела Киева в них, в отличие от Рязани или Владимира, не заметно. В более позднее время, в XIV в., традиции черневого дела не прекратились. В облачении митрополита Алексея наряду с эмалевыми использованы и дробницы с чернью.

Для XIV в. характерна чернь, заполняющая двойной контур гравировки, повторяющая абрис фигур. Этот прием уже встречался на владимирских бармах. Во второй половине XIV в. двойной контур исчезает, уступая место тонкой черневой линии или просто гравировке (*Николаева Т.В.*, 1976. С. 268).

До настоящего времени сохранилось не слишком много древнерусских произведений прикладного искусства с чернью. Тем не менее они представляют собой одно из высших достижений средневековой культуры на Руси. Значение черневого дела возрастает еще и потому, что оно стало традиционной и широко распространенной отраслью прикладного искусства, дожившей до наших дней.

Украшения из меди и сплавов

Мы мало знаем о названиях древнерусских украшений по письменным источникам. К общеславянским терминам относят такие названия, как «пьрстень», «гривьна», «монисто», «вънъцы», «обруч», «кольце». Термин «пьрстень» известен с XI в. в значении украшения на пальце руки, иногда в значении перстня с печатью. «Кольце» (с XIII в.) встречается значительно реже, причем нет противопоставления «кольце» (ободок) – «перстень» (украшение с камнем). Иногда «кольце» означает ушное украшение. Древним названием мужского шейного украшения является «гривьна» (с XII в.), иногда употребляется в значении привески к иконе, а также единицы веса. «Монисто» (с XII в.) – украшение, надеваемое на шею, в единичном случае – подвеска к иконе. «Въньць» – синоним короны, в единичных случаях свадебный головной убор.

«Обручь» – это украшение на руке (с XII в.). Более поздними терминами являются «запястье» (браслет), «напалък» (перстень), «ушники» (серьги). Древними славянскими терминами являются «ожерелье» – украшение на шею, иногда воротник (жерло – шея). «Ряса» (XII–XIII), бахрома, украшение. «Чепь» – слово, характерное лишь для русского языка.

Заимствованными терминами являются «бармы» (из германских языков) – княжеское мужское ожерелье, иногда воротник; «усерязь» – «колтки» – в значении ушных украшений (у Срезневского с XV в.). Слово «серьга» употребляется с XIV в. в значении мужского ушного украшения (заимствовано из тюркских языков).

Из финских языков заимствовано в XI–XIV вв. слово «сустугъ», означающее «брошь, пряжка» (*Лукина Г.Н.*, 1974. С. 246–261).

В новгородских берестяных грамотах неоднократно упоминаются предметы украшения и костюма. Очень интересна грамота № 335, найденная в 20-м ярусе, датированном 1116–1134 гг. В ней говорится: «Мьни же ми кълътъкь цетыре, по полоугривнь кълътъкь золотых». Термин «колоток» – колт» – удревняется, таким образом, по сравнению со сведениями Срезневского на 300 лет (*Арциховский А.В.*, 1963. С. 24). В грамоте № 429 (палеографическая дата которой – первая половина XII в.) перечисляются «монисто, сусьрязи, три отчька польпьна и с ъчьльцъм» – головной убор с очельем (*Арциховский А.В., Янин В.Л.*, 1978. С. 35). Таким образом, термин «усерязь» также удревняется на 300 лет. В грамоте № 500, относящейся к XIV в., упоминается стоимостью в «полътора рубля серьбром ожерелье» (Там же. С. 92). Эти сведения берестяных грамот об украшениях как бы оживляют археологические находки, дают представление об их стоимости в древнем Новгороде.

Интерес к металлическим украшениям в костюме особенно заметен в северных областях расселения славян, там, где они соприкасались с балтскими и финно-

угорскими народностями. В южных районах древнерусского государства металлические украшения встречаются значительно реже.

Как известно, женский костюм каждого восточнославянского племени дополнял набор украшений, свойственный только этой этнографической общности (*Спицын А.А.*, 1899. С. 327, 328).

Височные кольца. Это наиболее характерное украшение славянских женщин. Именно по ним можно было отличить женщин разных племен. Кольца подвешивали на лентах или ремешках к головному убору, иногда втыкали в ленту или ремешок, иногда укрепляли непосредственно в волосах или продевали в мочку уха. Их делали из серебра, бронзы, меди.

Классификация древнерусских височных колец разработана А.В. Арциховским (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 44–66) и уточнена и дополнена В.П. Левашовой (*Левашова В.П.*, 1967. С. 7–39). Все кольца можно разделить на четыре группы: 1) проволочные, куда входят украшения, согнутые в виде простого кольца или более сложной фигуры из более или менее тонкой проволоки (табл. 51, *7–12, 17*); 2) щитковые – у которых проволока раскована местами в пластинки (табл. 51, *6*); 3) лучевые и лопастные – литые украшения, состоящие из полукольца-дужки и пластинчатой фигурной части (табл. 51, *18–23*); 4) бусинные – состоящие из проволочного кольца с нанизанными на них бусинами.

На северо-западе ареала расселения восточных славян, у новгородских словен характерной этноопределяющей деталью женского костюма являлись ромбощитковые височные кольца. Это проволочные в основе кольца, имеющие по несколько ромбических раскованных расширений или щитков. Щитки украшены чеканным узором в виде ромбов и крестов, состоящих из пунсонных кружочков. Наиболее ранние образцы этих колец относятся, видимо, к концу X в. Особенность ромбощитковых колец XI в. – первой половины XII в. – завязанные концы (табл. 51, *2*). Более поздние образцы XIII–XIV вв. частью утрачивают ромбические очертания щитков и характерный крестовый узор – щитки приобретают овальные очертания, в центре их появляются полукруглые выпуклости, замок оформлен в виде втулки (табл. 51, *4, 7*). Ромбощитковые височные кольца встречаются и в районах, непосредственно прилегающих к Волге и по ее левым притокам, что служит одним из доказательств освоения этой территории новгородцами (*Левашова В.П.*, 1967. С. 37, 38).

Браслетообразные проволочные височные кольца получили распространение в области расселения кривичей. Носили их обычно по шесть штук (по три с каждой стороны). Образцы с завязанными на две стороны концами относятся к X – началу XII в. (табл. 51, *8, 10*). Браслетообразные кольца из двойной проволоки с завязанными концами являются этноопределяющим признаком смоленских и полоцких кривичей (табл. 51, *9*). Псковская группа кривичей не знала этого типа украшений.

В северо-западной части Новгородской земли почти нет завязанных колец, но бытуют местные варианты с многоярусными трапециевидными или подтреугольными подвесками (табл. 51, *5*). Найдены также в разных местах браслетообразные S-конечные, втульчатые, загнутоконечные в полтора-два оборота кольца (табл. 51, *11*). Ареалы и их этническая принадлежность не вполне ясны. Браслетообразные сомкнутые кольца, вероятно, принадлежали славянизированному финноязычному населению северных областей Древней Руси. Они известны на обширной территории от восточного побережья Чудского озера до верхневолжского бассейна (*Седов В.В.*, 1972. С. 140).

Перстневидные проволочные височные кольца отличаются от браслетообразных меньшим диаметром. Перстневидные кольца загнутоконечные и с заходящими концами встречаются в древностях всех славянских племен и не могут считаться этноопределяющим признаком какого-либо из них. В погребениях их обычно находят от 1 до 10 экз. По-видимому, перстневидные кольца вплетали в волосы, составляя часть девичьего убора (табл. 51, *13*). Кольца с эсовидным завитком считаются характерным признаком западных славян. Есть они и в древностях южных славян. У восточных славян этот тип встречается редко (у дреговичей, радимичей) и свидетельствует о западных связях этих районов (табл. 51, *23*).

Перстневидные височные кольца сплошные, со спаянными концами характерны для племени древлян. Они встречаются в большом количестве в Волынских курганах. У остальных племен они редки.

Среди проволочных височных колец выделяется также своеобразная группа S-видных спиральных колец – характерный этноопределяющий признак племени северян (табл. 51, *27*). Они распространены в среднем течении Десны, в бассейне Сейма и верховьях Сулы (*Рыбаков Б.А.*, 1947. С. 81). В области расселения дреговичей в курганных древностях XI–XII вв. обычными являются перстневидные височные кольца с заходящими в полтора оборота концами (табл. 51, *30*). Они встречаются и в древностях древлян и волынян. Характернейшим дреговичским украшением можно считать ажурные цилиндрические бусы, украшенные крупной зернью (так называемые бусы минского типа).

В области расселения радимичей XI–XII вв. в Посожье этноопределяющим признаком являются семилучевые височные кольца (табл. 51, *15, 16*). Кольца эти местные, состоят из полукольца – дужки для прикрепления к волосам и пластинки с пятью или семью зубцами по верхнему краю и пятью или семью лучами, отходящими от этой пластинки вниз. Верхние зубцы имеют треугольную форму, нижние также имеют вытянутую треугольную форму, заканчивавшуюся шариками ложной зерни. Вне радимичской территории семилучевые височные украшения немногочисленны. По общим очертаниям радимичские кольца близки к височным украшениям вятичей. Существует переходная форма от лучевых к лопастным кольцам. У них верхний зубчатый край вогнут (как у лучевых), а расширяющиеся вниз лопасти имеют каплевидные завершения (табл. 51, *17*). Сходство племенных украшений вятичей и радимичей перекликается с летописной легендой о том, что родоначальники этих племен Радим и Вятко были братьями.

Некоторые исследователи называют этот тип «деснинским», однако распространен он был в районах, далеко отстоящих друг от друга, и характерен для X–XI вв. XI в., а особенно в XII–XIII вв. в области расселения вятичей широкое распространение получили семилопастные или пятилопастные и трехлопастные височные

кольца. Выделяются различные типы семилопастных колец: простые, сростнозубцовые, решетчатые, подзорчатые, загнутые, ажурные и кружевные (*Левашова В.П.*, 1967. С. 29).

Появление простейшего варианта семилопастных височных украшений (без колечек по бокам, дужки с орнаментацией городками) следует отнести к середине XI – середине XII в. В середине XII в. в обиход входят кольца с секировидными завершениями лопастей, с орнаментацией лентой или городком, с дополнительными колечками у дужки (табл. 51, *18*). Дальнейшая эволюция семилопастных колец шла путем усложнения как верхнего, так и нижнего края. Так, тип сростнозубцовых (конец XI – начало XII в.) отличается тем, что зубцы верхнего края оформлены в виде колечек. У решетчатых колец верхний край превращается в ажурную решетку (табл. 51, *12*).

Ажурные височные кольца характеризуются широкой решеткой по верхнему краю пластины; подзорчатые – оформлением лопастей мелкими колечками; кружевные – слитностью лопастей и оконтуриванием их сплошной ажурной каймой. Датируются эти типы украшений XIII в. Пятилопастные височные кольца встречаются там же, где и семилопастные и имеют те же разновидности (простые, подзорчатые, кружевные и т.д.) (табл. 51, *22*). Тип простых пятилопастных следует датировать XII в., остальные можно отнести к XIII в. (*Равдина Т.В.*, 1968. С. 142). Трехлопастные височные кольца являются поздними формами и в памятниках ранее середины XIII в. не встречаются.

Особую группу составляют бусинные височные украшения, т.е. кольца, на проволочную основу которых надета одна или несколько бусин. Выделяются типы: однобусинные, трехбусинные и многобусинные.

Наиболее древним типом является однобусинный полихромный. Эти небольшие кольца диаметром 1,5–2 см с нанизанной стеклянной или каменной бусиной, датируются X–XI вв. В Новгороде они найдены в слое конца X – середины XI в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 13) (табл. 51, *21*).

Трехбусинные височные кольца состоят из проволочного круглого стержня, на который надеты три бусины, разделенные сканой проволокой, спирально обмотанной вокруг стержня и укрепляющей бусины. Трехбусинные кольца являлись типично городским женским украшением XII – середины XIII в. Лучшими их образцами считаются золотые и серебряные филигранные изделия, хорошо известные по древнерусским кладам. По распространенности в кладах Киевской земли они получили название колец «киевского типа». В подражание им возникли литые украшения, похожие по форме на оригиналы, но исполненные не такой трудоемкой техникой и из недорогих материалов. В древнерусских курганах трехбусинные кольца распространены весьма неравномерно. В большинстве земель они встречаются редко. Исключение составляют курганы Ростово-Суздальской земли, где эти украшения получили сравнительно широкое распространение уже в XI в. В городских слоях Новгорода стратиграфически они распределяются от рубежа X–XI вв. до середины XIV в.

Височные кольца с бусинами, состоящими из одного-двух рядов крупной зерни (табл. 51, *20*) являются довольно ранними и могут быть датированы XI–XII вв. Узелковые височные кольца с бусами, сплетенными из нескольких рядов тонкой проволоки (табл. 51, *19*) встречаются в сельских курганах также в XI–XII вв. В Новгороде подобное кольцо обнаружено в слое второй четверти XI в.

Зернено-филигранные височные кольца с бусами разного узора, выполненного тонкой проволокой или украшенные зернью (табл. 51, *25*), датируются XII–XIII вв.

Многобусинные височные кольца (табл. 51, *3*) состоят из проволочного стержня, на который надеты гладкие полые бусины, их число колеблется от 5 до 12. Височные украшения этого типа были наиболее широко распространены в конце XIII–XIV в. в северо-западной части Новгородской земли. В.В. Седов отнес их к типично водским украшениям (*Седов В.В.*, 1953. С. 193–195). В Новгороде они найдены в слоях конца XIII – начала XV в.

Редко встречается такой тип височных колец, как «кудреватые» (табл. 51, *14*); их проволочная основа сплетена в нижней части спиралькой из тонкой проволоки, образующей ажурную муфту. На территории Восточной Европы найдено около десятка таких колец. Вероятно, на Русь они были занесены с Запада. В Новгороде два подобных кольца обнаружены в слое конца X – второй половины XIII в.

Возможно, небольшие лунницеобразные височные кольца, имитирующие плетение, являются подражанием «кудреватым». Они полые внутри, с ажурными петлями по краю (табл. 51, *23*). В Новгороде такое кольцо найдено в слое середины XII в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 16). Аналогичные украшения известны во владимирских и костромских курганах (*Левашова В.П.*, 1967. С. 34).

Височные кольца в небольшом количестве встречаются не только в деревенских курганах, но и в древнерусских городах домонгольского периода. Находки этих украшений в четко датированных слоях Новгорода позволяют уточнить датировку курганных древностей. Они свидетельствуют о постоянном пополнении городского населения за счет жителей деревни.

В послемонгольский период получили распространение серьги в виде вопросительного знака, состоящие из стержня с надетой на него бусиной (табл. 51, *28, 29*). Мода на этот тип украшений была принесена на Русь с Востока. В русских древностях они датируются XIV–XV вв.

Шейные гривны. Это своеобразный вид украшений в виде металлического обруча встречается в древнерусских памятниках значительно реже других изделий. Объясняется это тем, что гривны являлись достоянием знатных людей. В курганах X–XIII вв. они попадаются исключительно в женских захоронениях с наиболее богатым инвентарем. Довольно часто гривны находят в кладах, зарытых в минуту опасности знатью в домонгольскую пору. Возможно, в какой-то период шейные гривны были и денежными знаками, что подтверждается стандартностью веса серебряных экземпляров. По-видимому, свое название гривны передали слиткам серебра, использовавшимся в качестве денежных знаков.

Древнейшие гривны известны по кладам IX в. В X в. они широко распространены как в курганах, так и в кладах, но максимальное число находок приходится на XI в. В конце XII – начале XIII в. мода на этот вид украшений постепенно прошла, а в послемонгольских памятниках они не встречаются вовсе. Гривны носили не только сла-

вянские женщины. Многие типы шейных обручей бытовали и у соседних со славянами племен: у балтов, финно-угров, скандинавов. Изготавливали шейные гривны из серебра, биллона, меди, бронзы, железа.

Гривны, найденные на территории вятичей, впервые классифицировал А.В. Арциховский (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 66–71). Г.Ф. Корзухина сделала ряд ценных наблюдений по находкам этой категории украшений в составе кладов IX–XIII вв. (*Корзухина Г.Ф.*, 1954. С. 21). Затем подробно проанализировала их по северо-западной и северо-восточной Руси М.В. Фехнер (*Фехнер М.В.*, 1967. С. 55–87). Она разделила все представленные в памятниках IX–XIII вв. шейные обручи на дротовые, проволочные, пластинчатые, витые из нескольких проволок и плетеные.

Дротовые гривны изготовлены из круглого в сечении дрота, который в горячем состоянии перекручивали, отчего на его поверхности появлялась винтообразная нарезка. Такие гривны называются тордированными. Их застегивали на груди, причем застежка имела форму петли и крючка или петли и многогранной головки (табл. 52, *1*). Есть отдельные экземпляры тордированных гривен, концы которых не застегивались, а далеко заходили один за другой. Тордированные гривны – наиболее древний тип этой категории украшений. Гривны с застежкой в виде петли и крючка известны в Латвии уже с XVII в. Видимо, из Финляндии заимствованы гривны с концами в виде выступов-шипов (табл. 52, *4*). Обнаружены тордированные обручи в памятниках IX–X вв. в Прикамье, в муромских и мордовских могильниках, в южной России. Однако наибольшая концентрация находок наблюдается в юго-восточном Приладожье и в районе Чудского озера. М.В. Фехнер полагала, что тордированные гривны на Руси являлись предметом импорта из Прибалтики и Финляндии. Также импортными изделиями можно считать железные, иногда посеребренные гривны четырехгранного сечения, перекрученные по всей длине или лишь частично (табл. 52, *2–3*). Застежка этих гривен оформлена в виде петли и крючка или двух завитков, причем располагалась она сзади. Диаметр этих гривен невелик, они, видимо, плотно охватывали шею. В погребениях встречаются обручи с надетыми на них железными подвесками в виде маленьких молоточков или кружочков – символов скандинавского бога Тора. Железные гривны были распространены на территории Руси в X–XI вв. Их находки сосредоточены в основном вдоль торговых путей, связывавших Северную Европу со странами Востока. На Русь гривны эти попадали из Скандинавии.

В отличие от них местные гривны делали из тонкой проволоки. Эти гладкие гривны были широко распространены. Иногда на них нанизывали бусины или подвешивали монеты-привески. Иногда проволочный стержень оплетали своеобразным кружевом из тонких проволочек. Также местными и притом наиболее употребляемыми украшениями являлись витые гривны, получившие распространение на территории Восточной Европы в X – начале XI в. Витые гривны изготавливали чаще всего из двух-трех круглых в сечении проволок, свитых в жгут. Иногда жгут был сложным, т.е. состоящим из нескольких сдвоенных проволок, перевитых сканой нитью. Различаются витые гривны по оформлению их концов. Наиболее ранними из них являются простые тройные гривны с петлевидными концами (табл. 52, *5*), датирующиеся X – началом XI в. В Новгородской и Владимиро-Суздальской землях в XI–XII вв. население украшало костюм витыми гривнами с пластинчатыми раскованными концами, загнутыми спирально (табл. 52, *6*). В эти спиральные завершения продевался шнурок, стягивавший концы. Сами же пластинчатые окончания орнаментировали чеканным пуансонным узором (табл. 52, *7*). В XII – начале XIII в. витые гривны приобретают более сложное устройство: они состоят из сложенных вдвое и втрое сдвоенных жгутов, перевитых сканой нитью. Спирально загнутые концы их в виде наконечника припаиваются к витым стержням (табл. 52, *8–9*).

Близки по времени бытования к вышеописанным и гривны из простого жгута с круглопроволочными концами, замок у которых оформлен в виде крючков или крючка и петли (XI – начало XII в.) (табл. 52, *11*). Этим же временем датируются гривны из простого жгута с раскованными пластинчатыми наконечниками и замком в виде петель и крючков или петли и крючка (табл. 52, *10*). Только в XI в. существовали витые из простого жгута гривны с заходящими друг за друга концами, заканчивающимися головками различных форм – розетками, многогранниками, конусами (табл. 52, *12–14*).

Витые гривны, получившие широкое распространение в Восточной Европе, также широко бытовали в синхронных памятниках Западной Европы – в Швеции, Дании, Финляндии, Северной Германии, на Британских островах и в Венгрии. Причем существует мнение, что как сама техника витья, так и тип витой гривны были заимствованы скандинавами из южной Руси (*Stenberger M.*, 1947. S. 87–90).

Более локальные районы бытования имели гривны с заходящими один на другой концами, имеющие плосковреугольное сечение (табл. 52, *16–19*). Подобные гривны в археологической литературе принято называть гривнами «радимичского типа» (*Рыбаков Б.А.*, 1932. С. 90), бытовали они в бассейне р. Сожа.

Близки к ним гривны, изготовленные из дрота треугольного сечения, заходящие концы которых имеют на внутренней поверхности изгиб по центру (табл. 52, *15*). М.В. Фехнер считает этот тип продукцией городских ремесленников (*Фехнер М.В.*, 1967. С. 66). Время их бытования – XI–XII вв., причем максимальное распространение приходится на XII в. Гривны этого типа наиболее часто встречаются в окрестностях Москвы и Звенигорода, но известны они и в Псковской области.

Из пластинчатых гривен следует еще упомянуть серповидные, концы которых сужаются и завершаются петлями или крючками (табл. 52, *20–22*). Серповидные гривны обычно богато орнаментированы пуансонным геометрическим узором. Датируются они XI в. и известны как в славянских древностях Ленинградской и Московской областей, так и в памятниках мордвы IX–X вв. (Там же. С. 79, 80).

XI в. датируются гривны, состоящие из пластины, согнутой в трубку (табл. 52, *23*). Замок таких гривен имеет сложное устройство, состоящее из массивной розетки с петлей на оборотной стороне, в которую входят крючкообразные концы гривен, причем один конец движется как бы на шарнире. Скорее всего, место изготовления

этих украшений – Поднепровье, откуда они расходились во все концы Руси и за ее пределы. Гривны эти известны в Белогостицком кладе и в кладе у д. Б. Хайча XI – начала XII в. (*Корзухина Г.Ф.*, 1954. С. 25, 26, 97), в курганах Калининской, Московской, Смоленской и Ярославской областей и в древностях Швеции и о. Голанда (*Фехнер М.В.*, 1967. С. 80).

В культурном слое древнерусских городов находки шейных гривен довольно редки. Показательно в этом отношении незначительное количество находок гривен в Новгороде, где обнаружено всего четыре фрагмента (*Седова М.В.*, 1981. С. 22, 23. Рис. 1, 7–10).

Привески. Различной формы привески, которые носили в составе ожерелий на шее или на шнурах, цепочках и ремешках – на груди и поясе, были излюбленными украшениями славян и соседних народностей. Л. Нидерле считал, что все славянские племена носили простую одежду с немногочисленными металлическими украшениями (*Нидерле Л.*, 1956. С. 244). На севере, там, где славяне соприкасались с балтами и финно-угорскими племенами, привески обнаружены в большем количестве и многообразии. Привески играли роль не просто украшений, но в значительной степени амулетов-оберегов, они должны были охранять их обладателей от злых духов. К оберегам относят такие типы привесок, как зооморфные, миниатюрные предметы быта и орудия, лунницы и др. Наиболее распространенной и древней формой привесок была круглая, олицетворяющая солнце.

В археологической литературе специально привески рассматривали довольно редко. Из обобщающих работ – это статья Н.П. Журжалиной, посвященная датировке привесок-амулетов (*Журжалина Н.П.*, 1961. С. 122–140), и публикация А.В. Успенской, описавшей как нагрудные, так и поясные привески северо-западной и северо-восточной Руси (*Успенская А.В.*, 1967. С. 88–148). Хронологические рамки бытования отдельных типов привесок можно представить по обширной и хорошо датированной стратиграфической коллекции из Новгорода (*Седова М.В.*, 1981. С. 23–47).

Делали привески из меди, бронзы, биллона и других сплавов. Значительно реже и в курганах, и в слое древнерусских городов и селищ встречаются серебряные изделия. Основной техникой изготовления привесок являлось литье, реже – тиснение и филигрань. Наиболее распространенной формой, как сказано выше, были привески круглые, делящиеся, в свою очередь, на монетовидные плоские, прорезные и выпуклые. Известны также привески ромбовидной, криновидной, трефовидной и других форм.

Монетовидные привески, плоские либо гладкие, формой и размерами напоминают монеты. Известны они и в курганах, и в городских слоях с X по XV в. Их орнаментация со временем изменялась, именно на основании орнамента выделяются хронологические группы привесок. К числу древнейших, например, относятся привески с изображением геральдических птиц с распростертыми крыльями (табл. 53, *5*). Они обнаружены в древнейших слоях Новгорода, в Гнездовском кладе, в Черниговских и Владимирских курганах (*Седова М.В.*, 1981. С. 37). Характер изображения птиц указывает на византийское влияние. К числу ранних образцов относятся также привески с изображением птицы перед веткой (табл. 53, *4*), обнаруженные во Владимирских, Дорогобужских курганах, в Коростовском кладе с монетой X в., на о. Бьорко и монетовидные привески с изображением человека между двумя птицами (табл. 53, *3*; *Журжалина Н.П.*, 1961. С. 135). Так называемые привески «гнездовского типа» (табл. 53, *2*) с изображением фантастического зверя с вытянутой шеей и раскрытой пастью, являются, по-видимому, предметами скандинавского импорта. Они найдены во Владимирских и Гнездовских курганах при захоронениях, совершенных по обряду трупосожжения. Известны они и в Ленинградской, Ярославской, Смоленской, Брянской областях в древностях X–XI вв. (*Успенская А.В.*, 1967. С. 106).

Многообразие орнаментации привесок X–XI вв. – середины XII в. очень велико. Чаще всего встречается геометрический орнамент, состоящий из треугольников, ромбов, кругов. Выполнялся он в технике зерни или в подражание ей способом литья по оттиснутой модели. Так, довольно распространен узор, состоящий из выпуклых полушарий по периметру привески и ложнозерненых треугольников, сходящихся к выпуклому центру (табл. 53, *14*); узор – из крупной ложной зерни по периметру и розетки в центре (табл. 53, *9*), встречающийся на привесках в курганах волынян, дреговичей, северян, радимичей (*Седов В.В.*, 1982. Табл. XXVI, 19; табл. XXIX, 25; табл. XXXVII, 3, 5; табл. XI, VI, 17); узор – в виде трехчастной композиции, напоминающей изображение «молоточка Тора» (табл. 53, *13*). Характерной являлась растительная орнаментация – росток с побегами (табл. 53, *8*, *15*). В области расселения вятичей, в бассейне Верхней Оки, в восточных районах Смоленской области и в пределах Московской области, с XI в. получили широкое распространение гладкие монетовидные привески, как входившие в состав ожерелий вместе с призматическими сердоликовыми, золотостеклянными, серебростеклянными и глазчатыми бусами, так и украшавшие женское платье. Наибольшее распространение гладкие привески получили в более позднее время – в XII–XIII вв. В земле радимичей довольно частый вид орнаментации привесок – голова быка в ободке из ложной зерни (табл. 53, *10*).

В XII–XIII вв. орнаментация монетовидных плоских привесок претерпевала заметные изменения: широкое распространение получают геометрические четырехчастные композиции из соприкасающихся, вписанных один в другой треугольников с точкой посередине (табл. 53, *32*), четырехчастные композиции, заканчивающиеся завитком (табл. 53, *30*), или геометрические фигуры, очертаниями напоминающие крест (табл. 52, *31*). Символ христианства – крест вообще в это время доминирует в декоре украшений, постепенно заменяя геометрические символы языческой поры (табл. 53, *28*). Нередко, правда, крест дополняют растительными побегами, создавая так называемую «процветшую» форму (табл. 53, *18*, *19*). Привески с «процветшими» крестами – это подражание широко известным по кладам дорогим серебряным медальонам, входившим в состав парадного княжеско-боярского убора – барм (*Корзухина Г.Ф.*, 1954. Табл. VII, 7). Встречаются подобные привески и в культурном слое городов, например в Новгороде в XII – начале XIV в. (*Седова М.В.*, 1981. Рис. 12, 11, 15; 14, 5–7), Полоцке XIII в. (*Штыхов Г.В.*, 1975. Рис. 34, 14) и др. и в курганах (*Успенская А.В.*, 1967. С. 111. Рис. 18, 8).

Растительная орнаментация преобладает на украшениях XII–XIII вв. Это и восьмилепестковые пальметки на городских изделиях, подражающих формой медальонам от барм (табл. 53, *29*); и привески с симметричными завитками и восьмилепестковыми пальметками в центре (табл. 53, *17*). Известны подобные украшения и в курганных древностях волынян, северян, вятичей (*Седов В.В.*, 1982. Табл. XXVI, 20, 21; XXX, 18; XXXVII, 1; XI II, 13), и в таких городах, как Новгород, Давид-Городок и др. (*Седова М.В.*, 1981. Рис. 12, 14).

Аналогично плоским монетовидным привескам декорировались и другие разновидности этих украшений – круглые выпуклые и круглые прорезные (табл. 53, *16*). Их находят как в курганах Ленинградской, Смоленской, Московской и Рязанской областей (*Успенская А.В.*, 1967. С. 111. Рис. 18, 6), так и в городах, например в Новгороде, Риге и др., вплоть до середины XIII в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 42. Рис. 12, 4, 5).

Прорезные или ажурные привески в XII–XIII вв. также очень часто включали в декор различной формы крестообразные фигуры (табл. 53, *20, 22, 27*). Множество подобных привесок найдено в курганных древностях северо-западной и северо-восточной Руси XII–XIII вв. (*Успенская А.В.*, 1967. С. 108) и у северян (*Седов В.В.*, 1982. Табл. XXXVI, 1). В Новгороде подобные крестовключенные ажурные привески найдены в слоях, датирующихся XII в. (*Седова М.В.*, 1981. Рис. 14, 1, 4).

Примерно с середины XII в. в обиход входят круглые ажурные решетчатые привески, бытовавшие вплоть до конца XIV в. Изготовляли их способом литья по восковой модели, когда форма сплеталась из провощенных жгутиков. Различаются косорешетчатые привески (их большинство – табл. 53, *35*), пряморешетчатые (табл. 53, *37*) и колесовидные (табл. 53, *36*). Эти привески довольно широко распространены в северной Руси, но наибольшая их концентрация приходится на северо-западные ее районы. Их можно считать характерными украшениями Новгородской земли. Находки этих изделий в Прибалтике, Костромском Поволжье и Вологодской области, а также в Киевской области (Княжа Гора) свидетельствуют, скорее всего, о проникновении новгородских выходцев в эти края (*Успенская А.В.*, 1967. С. 108. Рис. 18, 3, 13).

Среди круглых ажурных привесок следует еще отметить трехволютные (табл. 53, *21*), встречающиеся в древностях вятичей (*Седов В.В.*, 1982. Табл. XI II, 13), четырехлепестковые (табл. 53, *11*) и другие, основное время бытования которых XII–XIII вв.

В XIV–XV вв. количество привесок резко сокращалось. Судя по находкам в Новгороде, немногочисленные подвески орнаментировали в это время довольно примитивно. Это или концентрические окружности, или изображение двух концентрических окружностей, внутри которых помещен двойной завиток (табл. 53, *39*). В слое 20-х годов XV в. обнаружена привеска, орнаментированная узором в виде креста, заключенного в кайму из заштрихованных треугольников (табл. 53, *40*) (*Седова М.В.*, 1981. С. 41, 42).

Кроме круглых, встречаются отдельные типы привесок разнообразных форм и орнаментаций. Так, в древностях конца X–XI вв. известны привески неправильной трапециевидной формы с орнаментом, воспроизводящим княжеский знак – трезубец (табл. 53, *6, 7*). Три такие привески найдены в Новгороде, причем одна из них (табл. 53, *12*) во всех деталях воспроизводит парадный вариант знака Владимира, изображенный на его сребренике. Кроме Новгорода, подобные привески известны на Рюриковом городище, в Киеве, в Белгороде, Смоленске. Б.А. Рыбаков считает эти привески своеобразными знаками княжеской администрации, по типу татарских пайдзе (*Рыбаков Б.А.*, 1940. С. 238, 239. Рис. 31–38). Известны подобные привески и в Прибалтике (*Мугуревич Э.С.*, 1965. С. 87, 88. Рис. 34), особенно в древностях ливов, причем иногда их находят там в погребениях женщин. Существует мнение об их скандинавском происхождении. А.А. Молчанов высказал предположение, что эти подвески были печатями дипломатических и внешнеторговых представителей Руси в отношениях с Византией и другими государствами (*Молчанов А.А.*, 1976. С. 69–291).

Следует упомянуть и своеобразные формы привесок, многообразие форм которых приходится в основном на XII–XIII вв. Так, в древностях радимичей получили распространение петельчатые, или очковидные, привески (табл. 53, *25*), встречающиеся в составе ожерелий вместе с различными бусами, в том числе золото- и серебростеклянными. Отдельные экземпляры очковидных привесок встречаются в Смоленской области и даже на территории Латвии (*Мугуревич Э.А.*, 1965. Табл. XXXII, 5). Второй половиной XII в., по-видимому, можно датировать так называемые трефовидные привески, типичные для земли вятичей (табл. 53, *26*). Это литые из биллона украшения, имеющие с внешней стороны вид трех плоских спиральных завитков. Производили их, скорее всего, в городах, но наибольшее распространение они получили в сельской местности, причем удается выявить экземпляры, отлитые в одной литейной форме, и определить районы сбыта изделий одной мастерской (*Станюкович А.К.*, 1981. С. 57–64). К числу изделий городских ремесленников следует отнести так называемые криновидные, или лилиевидные, привески (табл. 53, *23*). Эта форма привесок хорошо известна по находкам в кладах, зарытых между 70-ми годами XII в. и 1240 г. (*Корзухина Г.Ф.*, 1954. Табл. IX, 6). Но в кладах обнаружены золотые и серебряные тисненые изделия, а в культурном слое городов находят бронзовые литые экземпляры. Например, такие привески обнаружены в Пскове (раскопки В.В. Седова), в Старой Рязани (*Монгайт А.Л.*, 1955. Рис. 138, 8).

Ромбовидные решетчатые привески (табл. 53, 24) в небольшом количестве встречены в памятниках XIII–XIV вв. северной Руси, например в Гдовских курганах (*Спицын А.А.*, 1903а. Табл. XXV, 42), Новгороде (*Седова М.В.*, 1981. Рис. 25, 7) и др. В XIV в. появляется своеобразная четырехугольная форма прорезных привесок, включающих в центре крест (табл. 53, *38*).

Таким образом, на примере привесок хорошо прослеживаются изменения, происходившие в течение пяти веков в мировоззрении славянского населения Восточной Европы. На смену языческой символики в ее геометрическом и зооморфном вариантах приходит растительный декор и христианская символика.

Лунницы – привески в виде полумесяца, символизирующие луну, – типичное и наиболее распространенное общеславянское украшение. Находки их известны в

Югославии, Чехословакии, Польше, Венгрии, Германии, Финляндии, Швеции (*Арциховский А.В.*, 1946. С. 88). Б.А. Рыбаков писал: «Если руководствоваться мифологией, то их (лунницы) следует считать принадлежностью девичьего убора, так как Селена – богиня Луны – была покровительницей девушек» (*Рыбаков Б.А.*, 1971. С. 17). На Руси лунницы получили широкое распространение уже в X в. и просуществовали вплоть до середины XIV в. Специальное исследование этим украшениям посвятила В.В. Гольмстен, разработавшая их типологию и хронологию, основываясь на материалах собрания исторического музея (*Гольмстен В.В.*, 1914. С. 90).

Тисненые серебряные широкорогие лунницы, покрытые зернью в виде вписанных треугольников и зигзагов, окружающих выпуклые полушария, известны в древностях Великой Моравии (*Декан У.*, 1976. С. 157). Они входили в состав украшений знати как великоморавской державы, так и Киевской Руси. Подобные привески-лунницы хорошо известны по кладам, зарытым в X–XI вв. (*Корзухина Г.Ф.*, 1954. С. 88. Табл. VIII, 32, 34). Отдельные экземпляры встречаются и в богатых курганных погребениях X–XI вв. около крупных городов (табл. 54, *3*). В подражание зерненым лунницам изготовляли литые бронзовые лунницы, полностью воспроизводящие узор штампованно-зерненых изделий (табл. 54, *2*). Такие лунницы встречены в курганах X–XI – начала XII в. почти всех древнерусских племен, а также во многих городах. Например, в Новгороде такая лунница найдена в слое ниже 28-го яруса, датирующегося по данным дендрохронологии 953 г. Своеобразной разновидностью широкорогих лунниц являются образцы, украшенные по концам, а иногда и в середине тремя кружочками (табл. 54, *1*). Эти лунницы также имеют прототипы в великоморавских древностях (*Декан У.*, 1976. № 153–155), а в восточнославянских памятниках получают распространение в X–XI вв. В Новгороде сделана интересная находка такой лунницы в слое конца X в. вместе с ожерельем из пастовых глазчатых бусин желтого и черного цвета (*Седова М.В.*, 1981. Рис. 6, 6). Подобные бусы датируются по многочисленным аналогиям в древнерусских памятниках X – началом XI в. Район наибольшего распространения широкорогих литых лунниц – Ленинградская, Калининская, Смоленская, Брянская области. К середине XII в. лунницы этого типа выходят из употребления. Уже в XI в. появляется новый тип лунниц – узкогорлые, или круторогие (табл. 54, *6–8*). Орнаментация их разнообразна: это и точечный подражающий зерни орнамент по контуру привески (табл. 54, *6*), и глазковый орнамент (табл. 54, *8*), и соединение того и другого (табл. 54, *7*), и треугольники ложной зерни (табл. 54, *9*). Круторогие лунницы распространены были на всей территории северной и южной Руси. Время их наибольшего распространения – XI–XII вв. Именно тогда создавались и такие своеобразные формы, как узкорогие язычковые (табл. 54, *10*) лунницы и лунницы, подражающие славянским, но изготовленные в финской среде методом литья по восковой модели (табл. 54, *11*).

XII–XIII вв. приносят большое разнообразие в орнаментацию литых узкогорлых лунниц. Появляются прорезные лунницы с дугообразным вырезом в середине (табл. 54, *13*). Найдены они на территории Брянской, Смоленской, Московской и Владимирской областей (*Успенская А.В.*, 1967. С. 104). В моду входят лунницы с растительным орнаментом в виде двух побегов, отходящих в разные стороны от центра привески (табл. 54, *19*). Встречены они в курганах Московской и восточных районах Смоленской области. Таким же орнаментом украшали иногда семилопастные височные кольца и перстни в погребениях этого же региона (*Успенская А.В.*, 1967. С. 103). Основная же масса узкорогих лунниц орнаментировалась трехчастным геометрическим узором (табл. 54, *14–18*). В Новгороде пять круторогих лунниц, отлитых в двусторонних каменных формах найдены в слоях первой половины XII – второй половины XIII в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 24. Рис. 6, 8). Своеобразной разновидностью круторогих лунниц являются замкнутые крестовключенные (между «рожками» у них помещался крест различной формы) (табл. 54, *20–24*).

Особо следует выделить замкнутые, средних размеров лунницы, бытовавшие в основном в XIII в., но доживающие, видимо, и до середины XIV в. (табл. 54, *25, 26*). Распространены они в северных районах Восточной Европы. Находки их известны и среди древностей Волжской Болгарии, в бывших Вятской и Тобольской губ. (*Гольмстен В.В.*, 1914. С. 99). Дата этих привесок довольно долго была неопределенной, однако находка шести замкнутых лунниц в Новгороде в слоях XIII в. уточняет время их бытования (табл. 54, *25, 26*).

Бубенчики – один из распространенных видов привесок, их находят повсеместно на поселениях и в курганах. Наибольшее их количество обнаружено в северной части расселения восточных славян. Бубенчики чаще всего носили в составе ожерелья, иногда прикрепляли к шейным гривнам, изредка пришивали к головным уборам или вплетали в волосы на висках. Использовали бубенчики также в качестве пуговиц, пришивали или подвешивали к поясам, иногда ими обшивали юбки и рукава женского платья (*Мальм В.А., Фехнер М.В.*, 1967. С. 133–141). Чаще всего их носили женщины, но иногда бубенчики находят и в мужских захоронениях в качестве пуговиц на вороте рубахи или украшения на обуви. Во всех случаях при движении их обладателей бубенчики издавали мелодичный звон, долженствующий отгонять злых духов, нечистую силу. Согласно представлениям древних людей бубенчики и другие шумящие привески являлись эмблемой бога-громовержца.

По форме бубенчики делятся на четыре типа: грушевидные с крестообразной прорезью (табл. 54, *28*), грушевидные с линейной прорезью (табл. 54, *32*), шаровидные с линейной прорезью и рельефным пояском на тулове (табл. 54, *30*) и шаровидные гладкие с линейной прорезью (табл. 54, *31*). Такое типологическое деление бубенчиков совпадает с технологическими особенностями их изготовления. Микроструктурное исследование бубенчиков первых трех типов из раскопок в Новгороде показало, что все они цельнолитые, причем литье производилось по восковой модели с сохранением формы (*Рындина Н.В.*, 1963. С. 245–247). Деревенские ремесленники также отливали бубенчики по восковой модели, однако их продукция отличается от городской меньшим профессионализмом. Гладкие шаровидные бубенчики с линейной прорезью (табл. 54, *31*) изготовлены из двух спаянных тисненых половинок, они были продукцией городских ювелиров.

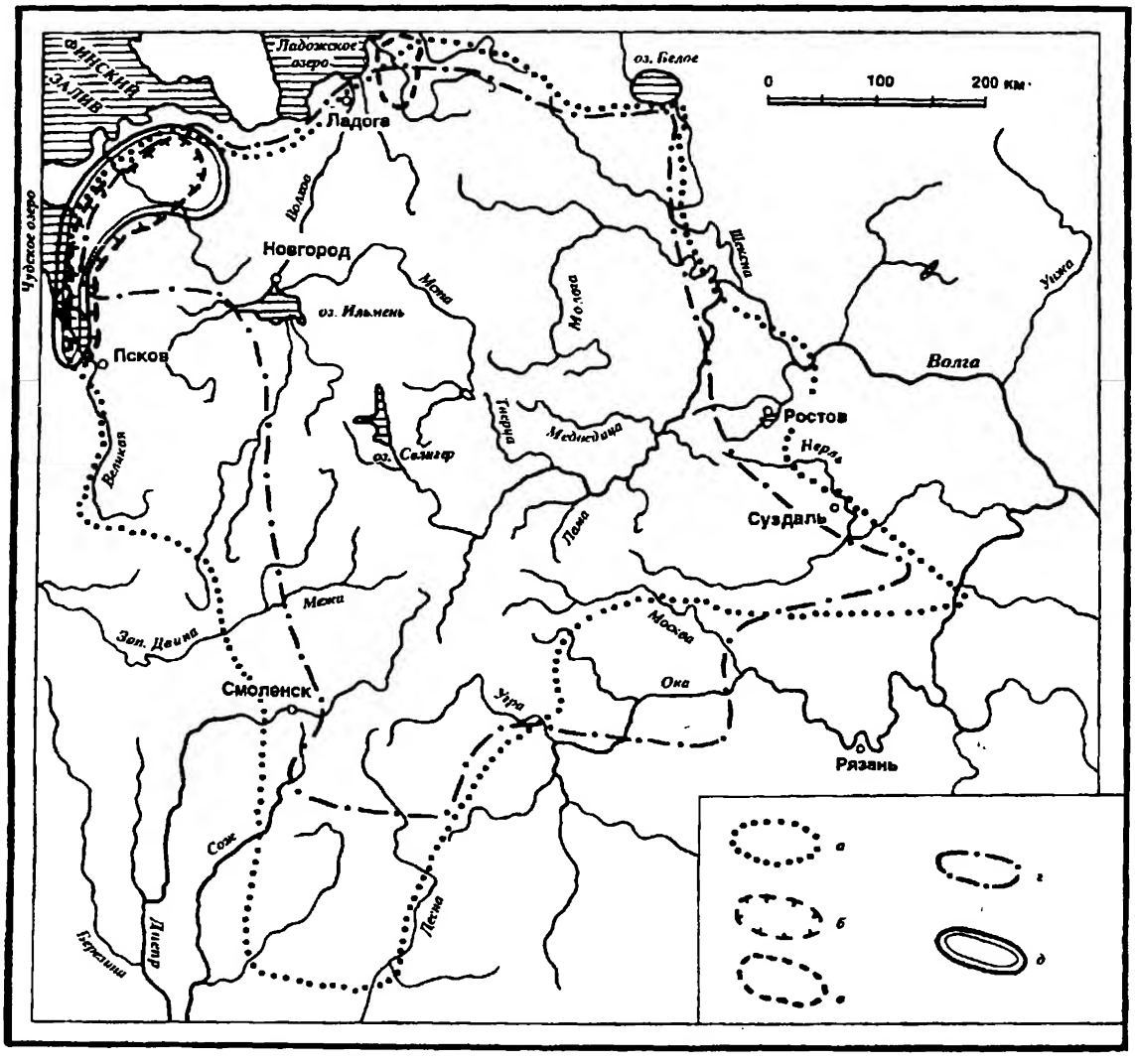


Рис. 11. Карта распространения привесок-бубенчиков (по *В.А. Мальм, М.В. Фехнер*)

Условные обозначения: **а** – ареал привесок-бубенчиков крестопрорезных грушевидных с насечкой в нижней части; **б** – грушевидных крестопрорезных без орнамента; **в** – шаровидных крестопрорезных; **г** – шаровидных с щелевидной прорезью); **д** – шаровидных с рельефным валиком

Древнейший тип бубенчиков – грушевидные крестопрорезные (табл. 54, *28*). В курганах эти бубенчики находят вместе с монетами X–XI вв., например в Новгороде – в слоях конца X – начала XI в. В конце XI в. появляются бубенчики шаровидной формы с щелевидной прорезью и рельефным пояском из двух–четырех линий на тулове (табл. 54, *30*). В круганах они встречены с такими вещами, как золото- и серебростеклянные бусы XI – начала XII в., височные кольца с завязанными концами XI в. и др. По новгородской хронологии они датируются концом XI – серединой XIII в.

Шаровидные гладкие бубенчики с линейной прорезью (судя по новгородским параллелям) можно датировать концом XI – первой половиной XIV в. Грушевидные бубенчики с линейной прорезью и рельефным пояском (табл. 54, *32*) начали бытовать не ранее XIII в., просуществовали весь XIV в., а в отдельных случаях дожили до XV в. Так, в кургане в д. Большое Поле (Ленинградская область) такой бубенчик был найден с монетой XV в. (*Спицын А.А.*, 1903а. С. 69). К XIV в. следует отнести ряд индивидуальных форм бубенчиков (табл. 54, *29*), иногда украшенных по пояску гофрированной тонкой ленточкой. В целом бубенчики являются надежным материалом для хронологических атрибуций.

Булавки. Они служили застежками верхней одежды. Соединяясь между собой цепочками или шнурами, булавки придерживали края платка, плаща или длинной женской безрукавки, располагаясь в области груди или плеча. Иногда или прикрепляли цепи на затылке к женскому головному покрывалу или к головной повязке.

Булавки считаются характерной деталью костюма балтских племен, воспринятой и западнофинскими племенами. Особое распространение они получили у эстов, ливов, води и корелы. Это булавки с треугольными, крестовидными двуспиральными завершениями. Славяне булавками почти не пользовались, поэтому на террито-

рии славянского расселения они встречаются крайне редко, в основном в тех районах, где славяне соседствовали с финно-угорскими и балтскими племенами. В Новгороде обнаружено более 70 булавок, в том числе балтских и западнофинских, т.е. этноопределяющих типов. Это импорт из Прибалтики X–XII вв. (*Седова М.В.*, 1981. С. 74, 75. Рис. 25). Однако новгородские мастера-ювелиры уже в конце XII в. начали отливать булавки в подражание прибалтийским образцам, видимо для выходцев из Прибалтики. Это изделия с двуспиральной головкой и кольцевидными подвижными головками (табл. 55, *3-4*), отлитые из оловянистых и оловянисто-свинцовых бронз, состав которых наиболее характерен для Новгорода и подтверждает местное происхождение этих изделий. Время их бытования – конец XII – начало XIII в. Создавали новгородские мастера и своеобразные формы булавок – с головками в виде трех лопастей (табл. 55, *1-2*) и в виде петушиного гребня (табл. 55, *5–7*). Эти разновидности украшений просуществовали с конца XII вплоть до начала XIV в. Очевидно, ими скрепляли части головного убора, возможно, головного платка или покрывала. Отдельные экземпляры подобных булавок известны в Старой Ладоге (ГЭ, 1927–34), в Гробине (*Nerman B.*, 1958. Fig. 37), на Бородинском городище (*Седов В.В.*, 1960. Рис. 59, 9) и в других пунктах городского и феодально-усадебного типа. Таким образом, костюм, в котором использовали эти булавки, – элемент городской культуры.

К тому же городскому костюму, по-видимому, следует отнести и своеобразные украшения – булавки с загнутым стержнем и массивной плоской головкой (табл. 55, *8–15*), обычно сложно орнаментированной с лицевой стороны и гладкой с оборотной, стержень круглый или уплощенный, загнутый крючком, редко орнаментированный (табл. 55, *11*). Изделия эти отливали из бронзы, серебра или оловянисто-свинцовых сплавов в каменных односторонних литейных формах. Длина их колеблется от 8,5 до 10,5 см, причем длина головки равна примерно половине общей длины предмета. Головки иногда имеют звездчатую форму, их основу составляет ромбическая или восьмиконечная фигура, в центре которой помещено круглое или квадратное гнездо для перламутровых или стеклянных вставок. На концах головок расположены украшения в виде полумесяцев или шариков, лежащих пирамидкой (табл. 55, *9, 11, 13*). Центральную часть плоскости звездчатых головок занимают арки или круги с узором из ложной зерни и скани. Кроме Новгорода, где 15 экземпляров подобных булавок найдены в слоях второй половины XII – середины XIII в., аналогичное украшение обнаружено в Пскове. Другая распространенная форма этих предметов – булавки с квадрифолийными головками (табл. 55, *8, 10, 14*). Форма квадрифолия получила на Руси довольно широкое распространение. Булавки с квадрифолийными головками найдены в нескольких древнерусских центрах. Три предмета обнаружены в Новгороде, в слоях второй половины XII в. Один из них орнаментирован геометрическим узором, нанесенным красной выемчатой эмалью (табл. 55, *10*). Такой же красной эмалью нанесен узор и на головку булавки, обнаруженной на феодальной усадьбе Воищина на Смоленщине, в слое конца XII в. (*Седов В.В.*, 1960. Рис. 33, 1). (табл. 55, *8*). Две похожие булавки обнаружены соответственно в Новгороде и в Серенске. На плоскости их головок помещены изображения птиц с распростертыми крыльями. Фигура птицы на серенской находке (табл. 55, *14*) помещена так, чтобы булавка в рабочем состоянии приняла горизонтальное положение (*Никольская Т.Н.*, 1974. С. 43. Рис. 1, 3). О таком же расположении на плоскости можно судить и по украшениям, головка которых оформлена в виде фигуры крылатого фантастического зверя или дракона (табл. 55, *15*). В нижней части туловища зверей пробиты отверстия для несохранившихся цепочек или привесок, туловища украшены чеканными узорами – косичкой. В Новгороде четыре такие булавки обнаружены на одной феодальной усадьбе, в слое конца XII – первой трети XIII в. Еще одной разновидностью оформления головки булавок с крючками является росток-крин. Две такие булавки происходят из Новгорода, из слоев конца XII – середины XIII в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 80. Рис. 28, 6, 9), а одна – из феодальной усадьбы Воищина на Смоленщине (*Седов В.В.*, 1960. Рис. 33, 2) (рис. 55, *12*). Кроме Новгорода, Пскова, Серенска, Воищины, булавки с загнутыми концами известны еще в Киеве и Старой Рязани (*Монгайт А.Л.*, 1967. Рис. 12в).

Места находок булавок свидетельствуют, что все они связаны с крупными городскими центрами или феодальной усадьбой (Воищина). В таком крупном центре ювелирного производства, как Серенск, обнаружена и литейная каменная формочка для отливок булавок со стрежнем. Ее звездчатое завершение очень напоминает аналогичные новгородские украшения (табл. 55, *11*), однако на конце стержня есть двойной крючок для подвешивания или застегивания изделия (*Никольская Т.Н.*, 1974. С. 43. Рис. 1, 9). Литейные формочки, найденные в Серенске, возможно, происходят из Киева (*Медынцева А.А.*, 1978б. С. 382).

До сих пор остается неясным назначение всех этих вещей, найденных, как правило, в слоях XII – начала XIII в. Может быть, это были вотивные изображения, привешивавшиеся к иконам. К такому выводу пришел Б.А. Рыбаков: он предположил, что они являлись «принадлежностью весенних аграрных обрядов» (*Рыбаков Б.А.*, 1967. С. 91). Очевидно большое сходство в оформлении головок булавок со стержнем с оформлением посохов ангелов, изображенных на суздальских златых вратах (*Овчинников А.Н.*, 1978. Рис. 63–65, 67, 86, 90, 99, 101, 107). Однако наиболее вероятно, что все типы булавок использовали в качестве заколок для волос или головных уборов. На это указывают их поздние румынские аналогии XVI в. (*Popesku M.M.*, 1970. Repr. 23, 26).

Подковообразные и кольцевидные фибулы-застежки. В славянском деревенском и городском костюме наиболее утилитарным металлическим элементом можно считать фибулы, служившие для стягивания краев верхней и нижней одежды как мужчин, так и женщин. В «Повести временных лет» под 945 г. упомянуты нагрудные застежки – «великие сустуги», одетые на древлянских послах, прибывших к княгине Ольге (ПВЛ. С. 41). Вероятно, это были большие застежки на плащах. На основании археологического материала выделяются три основных типа фибул – скорлупообразные, подковообразные и кольцевидные. Скорлупообразные фибулы, так же как и круглые, равно-

плечные, трилистные, являются деталями одежды скандинавских и карельских женщин и поэтому в данном разделе не рассматриваются.

В славянском костюме чаще использовали так называемые подкообразные застежки, круглые или овальные, напоминающие по форме подкову, концы которой оформлены головками разных видов. Вдоль дуги передвигается игла с загнутыми в виде кольца концом. При застегивании игла, лежащая между головок застежки, продевается в края одежды, дуга при этом поворачивается на 90° – концы одежды не могут не разъединиться. Величина фибул колеблется от 1,5 до 10 см в диаметре. Изготовляли их чаще всего из бронзы, реже из серебра и оловянисто-свинцового сплава. По оформлению концов этих застежек выделяют несколько типов.

Наиболее распространенный тип – спиралеконечные фибулы, концы которых раскованы и завернуты в трубочки (табл. 5–6, *1–2*). Они найдены в древностях смолянских кривичей уже во второй половине I тыс. н.э. (*Седов В.В.*, 1982. Табл. XVIII, 4). В древностях II тыс. н.э. подковообразные фибулы со спиральными концами известны у полян, древлян, дреговичей, радимичей, смоленско-полоцких и псковских кривичей и у новгородских словен (Там же. Табл. XXVII, 14, 37; XXIX, 32; LI, 15, 22; LV, 4, 8). Они сопровождают захоронения, совершенные как по обряду сожжения, так и по обряду трупоположения. В городских слоях подковообразные застежки со спиральными концами встречаются с X в. Металлографическое исследование новгородских фибул показало, что большая их часть была отлита из латуни или многокомпонентного сплава с преобладанием цинка; концы отливки прокованы и закручены. Пять экземпляров сделаны из проволоки, концы которой также прокованы и изогнуты в виде спирали (*Рындина Н.В.*, 1963. С. 254). По поперечному сечению дуги спиралеконечные фибулы делятся на четырехгранные, круглые, треугольные и плоские (или прямоугольные). Самыми ранними образцами считаются фибулы четырехгранного или ромбовидного сечения. На территории Руси найдено 28 таких фибул – в Гнездове, Михайловском и Тимеревском могильниках, владимирских и приладожских курганах. Известны они в Прибалтике, в Финляндии и Швеции, причем Швеция считается их родиной (табл. 56, *2*). В Новгороде все экземпляры этих фибул обнаружены только в слоях X в. (*Седова М.В.*, 1981; С. 84; *Мальм В.А.*, 1967. С. 156). Также с X в. и вплоть до конца XII в. бытовали спиралеконечные фибулы треугольного сечения. Фибулы круглого сечения (табл. 56, *1*) можно датировать X – серединой XIII в., причем основная их масса приходится на X – первую половину XII в.; во второй половине XII – середине XIII в. фибулами круглого сечения пользовались реже; фибулы спиралеконечные пластинчатые (судя по погребальным комплексам) бытовали с XII в., получив наибольшее распространение в XIII в. и дожив до конца XIV в. В Новгороде хронологические рамки бытования этого типа фибул примерно те же, однако появление пластинчатых застежек можно отнести уже к XI в. Наконец, еще один тип спиралеконечных фибул – витые (табл. 56, *15*). Дуга их перевита, концы гладкие, расплющенные, закрученные в трубочки; их датируют XII в., но время их наибольшего распространения – XIII в.

Обширную группу подковообразных фибул составляют застежки с граненными головками, форма которых – их основной датирующий признак. К числу древнейших можно отнести фибулы с ромбовидными головками (табл. 56, *3–5*). Часто головки платинированы серебром и орнаментированы вписанными один в другой ромбами, иногда обе головки слиты (табл. 56, *4*). Фибулы этого типа на Руси встречаются довольно редко, причем только в погребениях мужчин, у плеча. Два экземпляра найдены в Новгороде, в слое середины X – 70–90-е годов XI в. На Русь эти фибулы попали, видимо, из Прибалтики, где они известны среди древностей балтов и эстов. А.А. Спицын датировал подобные застежки X – первой половиной XI в. (*Спицын А.А.*, 1896. Табл. VII, 10).

Фибулы с многогранными головками на концах (табл. 56, *6–8*, *12*) имеют обычно овальное или шестигранное сечение, головки – в форме усеченной пирамиды со срезанными углами. Фибулы этого типа чаще всего богато орнаментированы ромбическим и треугольным узором, различными выступами. На территории Древней Руси подобные фибулы известны в основном в северной части – в Приладожье, в Гнездове, в Ярославских могильниках, на Сарском городище и др. В Новгороде такие фибулы обнаружены в слоях от X до середины XII в. Кроме того, они известны в Финляндии, Прибалтике, Швеции, Норвегии, на Готланде и происходят из памятников конца IX – первой половины XI в. (*Мальм В.А.*, 1967. С. 159–161).

Своеобразной разновидностью фибул этого типа являются застежки с шипами на многогранных головках. Родина фибул этого типа – Финляндия, но известны они также в Швеции и Норвегии. На территории Руси найдены в Приладожье (одна фибула – на о. Березань в устье р. Буг). Фибулы эти известны уже с IX в., но наибольшее распространение их относят к X в. (Там же С. 161, 162).

Близки по оформлению головок к предыдущим двум типа фибулы с воронкообразными, или гвоздевидными, концами (табл. 56, *11*). Их головки покоятся на несколько приподнятых концах дуги и имеют форму перевернутой усеченной пирамиды, иногда со скошенными углами. Сечение таких фибул разнообразное: ромбическое, сегментовидное, шестиугольное и пр. Верхнюю часть их дуг орнаментировали глазковым пуансонным узором или рядами параллельных линий, головки, тоже довольно часто, – пуансонным узором. Судя по находкам из Новгорода фибулы эти отливали из латуни по восковой модели с потерей формы. Различные орнаментальные насечки наносили зубильцем по поверхности уже остывшего металла (*Рындина Н.В.*, 1963. С. 254). Основная масса подобных фибул происходит из памятников, связанных с древностями балтов, но известны они также в Финляндии, Швеции, Норвегии и на о. Готланде, где датируются IX – началом XI в. (*Мальм В.А.*, 1967. С. 162, 163). В городских слоях Новгорода фибулы с гвоздевидными концами обнаружены в слоях конца X – конца XIV в., однако максимально они были распространены в X–XI вв., экземпляры более позднего времени редки, причем их особенность – оформление дуги витьем (табл. 56, *16*), а также утолщение средней части дуги (табл. 56, *17*).

Фибулы с маковидными головками (табл. 56, *10*) имеют приподнятые концы, напоминающие семенную коробочку мака. Подобные фибулы на Руси немногочисленны, скорее всего, они заимствованы из Прибалтики. В

курганах они встречаются в погребениях, совершенных по обряду ингумации, и могут быть датированы XI – началом XII в. Известны они в курганах и городах – Новгороде, Старой Рязани и др. В Новгороде три экземпляра таких фибул найдены в слоях от середины XI до середины XII в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 88).

Фибулы с конусовидными головками (табл. 56, *9, 13, 14*) имеют выпукло-вогнутое сечение дуги, украшенной рельефным узором. Головки внутри полые, отлитые способом «невыплеск» в односторонних каменных формах. Фибулы этого типа хорошо известны в древностях Балтийского региона. Аналогичные фибулы найдены в таких городах, как Суздаль и Новгород, причем, судя по новгородским находкам, бытовали они с конца X в. до середины XII в. (*Мальм В.А.*, 1967. С. 163, 164; *Седова М.В.*, 1981. С. 89). В Суздале такая фибула обнаружена в хорошо датированном слое пожарища конца XI в. Судя по всему время наибольшего распространения фибул с конусовидными головками – XI в.

Фибулы с зооморфными головками (табл. 56, *18*) имеют концы, напоминающие морды драконов. Дуги этих застежек бывают гладкими и тордированными. На Русь фибулы попадали из Прибалтики, где они являлись характерной деталью одежды балтских народностей с XI по XIV в. Встречаются эти фибулы и в древностях славянских племен, граничивших с балтами, например в Верхнем Понеманье и Брестском Побужье (*Седов В.В.*, 1982. Табл. XXXI, 28). В Новгороде один экземпляр подобной фибулы найден в слое конца X в., а второй – XIV в.

Фибулы с утолщенными концами (табл. 56, *20*) имеют массивную дугу круглого или овального сечения и утолщающиеся концы. Игла – в виде прямого или изогнутого стержня с раскованным в плоскую пластину основанием. Фибулы этого типа иногда неорнаментированы, но чаще орнаментированы геометрическим или растительным узором.

Все подковообразные фибулы с утолщенными концами происходят из западных и северо-западных областей Восточной Европы, как из курганов, так и с поселений (Гродно, Браслав, Логонск, Лукомль, Минск, Волковыск). Появляются фибулы этого типа в конце XI в., их наибольшее разнообразие отмечается в XII в., в XIII в. их количество заметно сокращается. По-видимому, родина этой формы – Прибалтика, откуда она и проникла на территорию Руси (*Сергеева З.М.*, 1977. С. 34–37).

Кольцевидные фибулы представляют собой замкнутые кольца, в сечении пластинчатые или круглопроволочные, с иглой для застегивания. По сравнению с подковообразными кольцевидные застежки были значительно меньше распространены на Руси. Отдельные их экземпляры находят в курганных древностях конца X – начала XI в. Однако мода на них появилась позднее, в XII – начале XIII в., достигнув апогея в XIII–XIV вв. В Новгороде самые ранние пластинчатые кольцевидные фибулы обнаружены в слоях середины XII в., они бытовали вплоть до конца XIV в. Основные области распространения кольцевидных фибул – северо-западные районы Руси, куда они, по-видимому, попадали с территорий, примыкавших к Балтийскому морю. Так, в Новгороде, в слое середины XIII в., была найдена пластинчатая кольцевидная фибула, одна сторона которой покрыта узором из заштрихованных треугольников, а другая – буквами латинского алфавита и тремя крестиками (табл. 56, *26*). Фибула эта принадлежит к числу распространенных в Балтийском регионе женских украшений с латинскими изречениями. Их производили, вероятно, в Любеке, при торговом содействии Ганзы они попадали в другие страны (*Heindel J.*, 1986. S. 65–79).

Большое количество кольцевидных фибул находят среди древностей балтов и финно-угров или в славянских древностях, граничивших с этими племенами. Пластинчатые кольцевидные фибулы иногда орнаментировали растительным узором в виде побега (табл. 56, *25*), но чаще геометрическим узором в виде треугольников и глазков (табл. 56, *22*), зигзага (табл. 56, *21*), зигзага в сочетании с ажурным украшением и др. Иногда одна часть кольцевидной фибулы – пластинчатая, а другая витая (табл. 56, *23*). Изредка пластинчатые фибулы украшали растительным орнаментом, они имели по четыре или пять выступов (табл. 56, *24*).

К кольцевидным же фибулам можно отнести фибулы фигурные, подразделяющиеся, в свою очередь, на лучистые и звездообразные. Лучистые, или многолучевые, представляют собой кольцо с отходящими от него лучами, количество которых варьируется (табл. 56, *19*). Звездообразные на концах лучей имеют по три выпуклости, расположенные треугольником. На территории Руси лучистые и звездообразные фибулы встречаются в местах, где славянам предшествовал балтский субстрат – это Смоленская, Брянская и Московская области, т.е. территория кривичей, радимичей и частично вятичей; здесь они датируются XI–XII вв. Ближайшие аналогии этим застежкам обнаруживают фибулы в Латвии, датирующиеся там X в. (*Мальм В.А.*, 1967. С. 171, 172; *Седов В.В.*, 1982. С. 156).

Все описанные фибулы происходят главным образом из северо-западных районов Руси, куда они попадали из Прибалтики. Родиной многих типов являются Скандинавские страны и Финляндия, где сам край одежды предполагал употребление застежек-фибул. На Руси значительная часть подковообразных и кольцевидных фибул найдена в районах, где преобладало финно-угорское население. Лишь подковообразные спиралеконечные фибулы получили общеславянское распространение.

Браслеты. Это распространенное, преимущественно женское украшение, носившееся на руках в области запястья, реже – в области локтя. В древности (судя по письменным источникам) браслеты назывались «обруч» или «запястье» по их прямому функциональному назначению (*Лукина Г.Н.*, 1974. С. 246–261). Носили браслеты как на правой, так и на левой руке, иногда на обеих сразу, часто поверх длинного рукава. В мужских погребениях находки металлических браслетов встречаются крайне редко.

Браслеты из вятического региона классифицировал А.В. Арциховский (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 9–27). Его классификация была принята за основу В.П. Левашовой (*Левашова В.П.*, 1967а. С. 207–252) и М.В. Седовой (*Седова М.В.*, 1981. С. 93–121). Браслеты бытовали во все века древнерусской истории и встречаются как в курганах, так и в сельских и городских слоях. Однако в южнорусских древностях они встречаются довольно редко, например, у волынян их не было вовсе, у древлян и полян находки их единичны. По мере продвижения к

северу количество и разнообразие типов браслетов резко увеличивается. Браслеты делятся на различные виды: круглопроволочные (или дротовые), витые, ложновитые, крученые, плетеные, литые, полые, массивные, пластинчатые, створчатые. Кроме того, браслеты делятся на типы по оформлению концов или способу их соединения.

Дротовые браслеты представляют собой согнутые из отрезка круглой, овальной, трехгранной или четырехгранной в сечении толстой проволоки украшения, иногда слегка уплощенные с внутренней стороны для удобства. Браслеты эти чаще всего изготовляли из литого стержня, который затем изгибали и проковывали в нагретом состоянии (*Рындина А.В.*, 1963. С. 232). К древнейшим относятся так называемые толстоконечные браслеты, концы которых значительно расширены по сравнению со средней частью браслета и покрыты орнаментом в виде насечек, ромбов и зерневого узора. Браслеты эти были широко распространены во второй половине I тыс. на памятниках пражско-корчакского и пражско-пеньковского типа (Зимно, Семенки, Пастырское городище), в древностях типа Тушемли-Брянцеровщины и у смоленских кривичей (*Седов В.В.*, 1982. Табл. II, 25, 26; IV, 8; V, 11; X, 10; XVIII, 22). Входят они и в состав Зарайского клада IX–X вв. В более поздних памятниках браслеты этого типа практически не встречаются.

Наиболее распространенными формами завершения браслетов являлись прямо обрубленные, а также сужающиеся концы. Они широко распространены по всей территории Древней Руси в памятниках конца I тыс. и вплоть до XV в., однако, судя по курганным материалам северной Руси, распространены они были неравномерно. Так, в курганах южного Приладожья, в центральных и западных районах, в бассейне р. Суды они составляют от 16 до 30% общего количества браслетов, в Костромском Поволжье, Суздальском ополье и в районе Плещеева озера, у Переславля, – не менее 10%, в северо-западной части Новгородской земли – не менее 1% (*Левашова В.П.*, 1967а. С. 211).

Тонкоконечные дротовые браслеты (табл. 57, *7, 5*), найденные в Новгороде, в слоях с середины X до начала XIV в., различаются по составу сплавов, из которых их изготавливали. Для X – первой половины XII в. характерны латунь и золотистая бронза. Для второй половины X в. – олово, свинец и их сплавы.

Дротовые браслеты загнутоконечные не являются широко бытовавшим типом. Их делали из оловянных и свинцовых кованых дротов, круглых или ромбических в сечении. Концы их сужаются и спирально загнуты. В Новгороде четыре таких браслета обнаружены в слоях XI – начала XII в. (табл. 57, *17*). Аналогичные браслеты известны из Владимирских курганов, один – из Поднепровья, три – из курганов по р. Угре и р. Больше (*Левашова В.П.*, 1967а. С. 215). Своеобразный вариант дротовых браслетов – звериноголовые: на их концах помещены головки хищника или дракона. Прототипом таких браслетов могли быть византийские образцы.

Среди дротовых известны 18 экземпляров простых замкнутых браслетов, относящихся к числу древнейших (IX–X), но не получивших широкого распространения в древнерусское время; они происходят из курганов XII–XIII вв. в бассейне рек Оки и Москвы и в Приладожье (Там же. С. 212. Рис. 28, 1).

Браслеты типа завязанных делали из отрезка дрота, концы которого сужали и соединяли разными способами или налагали друг на друга, а затем остов браслета обматывали (табл. 57, *2*). Иногда концы «замыкали» оборотным поворотом, образующим спиральную петлю (табл. 57, *3*). Существовали и другие варианты завязывания, но эти два встречаются наиболее часто. Завязывание концов на браслетах известно со времени античности, затем эта традиция была заимствована византийскими мастерами, а оттуда распространилась на Русь. Завязанные дротовые браслеты, золотые и серебряные, – наиболее распространенная форма этих украшений в составе южнорусских кладов X–XI вв. (*Корзухина Г.Ф.*, 1954. С. 84, 86). Хорошо известны они и во Владимирских курганах, в курганах Приладожья, верхнего и среднего Поволжья. В Новгороде четырехгранный браслет с суживающимися завязанными концами найден в слое середины X в. в материковой яме, относящейся к более раннему времени, чем 953 г. (*Седова М.В.*, 1981. С. 94).

Витые браслеты составляют отдельный вид. Изготовлены они из проволоки, сложенной вдвое, втрое, а иногда в четыре–восемь раз, а затем перевитой. Иногда такие браслеты дополнительно перевиты сканной нитью. Концы витых браслетов, оформленные по-разному, составляют отдельные типы. Довольно редко встречаются браслеты замкнутые, простые, выполненные из простой заготовки, концы которой вплетены друг в друга. Этот тип можно датировать XI – началом XII в. (*Левашова В.П.*, 1967а. С. 218). Тип завязанных включает в себя браслеты с разным количеством проволок, из которых они изготовлены (две-три проволоки, иногда плетение 2 × 3). Довольно часто средняя часть таких браслетов более толстая, чем концы. Часто также витые завязанные браслеты сопровождали сканной перевитью, а концы их расковывали в единый дрот, они завязывались теми же способами, что и концы дротовых браслетов (табл. 57, *8, 12*). Завязанные витые браслеты наиболее широко бытовали в X–XI вв., но известны они и в памятниках XII в. Наряду с дротовыми завязанными, витые завязанные браслеты из золота и серебра известны в хорошо датированных кладах X–XI вв. (*Корзухина Г.Ф.*, 1954. Табл. V, XI). Есть они в курганных древностях южного Приладожья, во владимирских курганах, в окрестностях Суздаля и Переславля, в курганах верховьев Днепра и Десны. Очень распространенным типом витых браслетов являются трехпроволочные обрубленноконечные, изготовленные из туго свитых трехпроволочных жгутов (табл. 57, *20*), концы которых ровно обрублены и не сомкнуты. Согнутый на болванке браслет проковывался на жесткой наковальне металлическим молотком с верхней и нижней сторон. Для сглаживания внутренней поверхности использовали мягкую наковальню. Завершающим этапом была обработка напильником и полировка (*Рындина Н.В.*, 1963. С. 228). Браслеты этого типа встречаются в памятниках XI–XIII вв., причем они наиболее характерны для северо-западной части Новгородской земли, где учтено более 300 таких украшений. Их можно считать этнически определяющим признаком новгородских словен. В Новгороде 39 таких браслетов найдено в слоях последней трети XI – начала XIV в. Время их наибольшего распространения – 70-е годы XII в. – 60–70-е годы XIII в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 96).

Тройные витые браслеты с петлями на концах являлись излюбленным украшением женщин северорусских племен. Сложены они втрое из одного отрезка проволоки. Концы такого браслета состоят из петли и свободного внутри нее конца (табл. 57, *13*). В северных районах тройные браслеты имели вытянутые узкие петли с прямым концом проволоки внутри. В южных районах браслеты имели большие округлые петли, внутри которых свободный конец проволоки изгибали по форме петли (табл. 57, *19*). Изготовливали эти браслеты с помощью овальной деревянной болванки по форме руки, причем браслет поверху проковывали деревянным молотком, а концы расплющивали. А.В. Арциховский относил эти браслеты ко второй стадии вятических курганов, т.е. к XIII в., хотя есть они и в памятниках в. XIV в. (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 10, 138). Однако находки тройных браслетов в Новгороде в слоях XI–XII вв. на разных раскопах с устойчивой дендрохронологией позволяют отодвинуть время их появления к первой четверти XI в., а время бытования ограничить 80–90-ми годами XIV в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 94). Браслеты четвертные (2 × 2) делали из круглой в сечении проволоки, сложенной вчетверо и перевитой, причем на одном крае были две петли, а на другом – петля с двумя концами внутри (рис. 57, 25). При изготовлении внутреннюю сторону проковывали на мягкой подушке. А.В. Арциховский относил эти браслеты ко второй стадии вятических курганов, датируя их XIII–XIV вв. В Новгороде они обнаружены в слоях середины XIII – середины XIV в. Витые браслеты (2 × 3) сделаны из круглой двойной проволоки, сложенной втрое и перевитой. Эти браслеты (судя по новгородской хронологии) датируются XIV в. Бытовали еще сложные витые браслеты из сложенной проволоки, но находки их единичны и судить о их хронологии трудно. Среди витых браслетов следует упомянуть о таких типах, как щитковоконечные (табл. 57, *15*), тонкоконечные, а также утолщенноконечные с лопатковидными концами. Все эти типы встречаются довольно редко и могут быть датированы XI–XIII вв. (*Левашова В.П.*, 1967а. С. 220–222). В подражание витым браслетам изготовливали ложновитые браслеты. Их отливали или в разъемной глиняной форме, полученной путем оттиска в глине витого браслета или в каменной форме, или способом литья по восковой модели. Типы их те же, что и у витых браслетов, и время существования то же. К числу подражаний витым браслетам можно отнести крученые, изготовленные путем перекручивания стержня треугольного сечения (табл. 57, *14*). Крученые браслеты получили распространение не только среди древностей Руси, но и в древностях финно-угорских племен Прибалтики и в Скандинавии, в основном в XI–XIII вв. Судя по новгородским находкам их изготовляли с начала XII и до второй половины XIII в. из оловянисто-свинцовых сплавов, использовавшихся в основном городскими ювелирами.

Плетеные браслеты подразделяются на два варианта: плетеные без каркаса и плетеные на каркасе. Первые сплетали из нескольких проволочек способом шнурового плетения. Концы таких браслетов могут быть замкнуты, т.е. вплетены друг в друга, могут быть завязаны по аналогии с дротовыми и витыми, могут иметь щитки на концах, могут иметь свободные или петлеобразные концы. Браслеты со свободными концами (табл. 57, *16*) судя по новгородским аналогиям бытовали со второй половины XI в. до середины XIII в. Браслеты с петлеобразными концами можно датировать первой четвертью XIII – началом XV в. Плетеные завязанные бытовали на Руси в XI–XII вв. Щитковоконечные хорошо представлены в русских кладах XI – начала XII в. Плетеные на каркасе браслеты хорошо известны в кладах XI – начала XII в. (*Корзухина Г.Ф.*, 1954. Табл. XIV, *3*). К этому же времени относятся они и в Новгороде. Загнутоконечные плетеные на каркасе браслеты вошли в обиход в XII в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 100).

Пластинчатые браслеты представляют собой украшения, изготовленные из тонкой кованой или литой по восковой модели пластины, причем в сечении они имеют форму вытянутого прямоугольника. Пластинчатые браслеты – один из наиболее распространенных видов. Замкнутые простые встречаются крайне редко среди пластинчатых браслетов, почти все они не сомкнутые. По оформлению концов браслеты эти делятся на типы.

Завязанные пластинчатые браслеты (табл. 57, *4*) делали из длинной кованой пластины, концы которой расковывали в дрот и завязывали теми же приемами, что и витые и дротовые. Встречаются они довольно редко в богатых погребениях XI в. владимирских курганов, в Гнездове, в южном Приладожье, в Ленинградской и Московской областях, а также в Новгороде, в слое X в. на о. Готланд. Характер орнаментации, часто подражавшей узорам литых ладьевидных украшений, позволяет считать их продукцией древнерусских городских мастеров. Тупоконечные или узкоконечные браслеты были распространены наиболее широко. Судя по курганным материалам в северных районах пластинчатые браслеты шире (от 2 до 5–6 см), а в более южных районах уже (1–1,5 см), причем в южных районах пластину для браслетов использовали более тонкую, а в северных – более толстую; концы у северных украшений сужены не так сильно, как у южных. Наиболее древние экземпляры тупоконечных браслетов относят к X в. Так, в Новгороде в слое 70–80-х годов обнаружен гладкий неорнаментированный браслет (табл. 57, *5*). Вообще же узкоконечные браслеты известны в памятниках и X–XI вв. и последующих веков вплоть до рубежа XIV–XV вв. Форма их менялась мало, менялась лишь орнаментация. В X–XI вв. наиболее распространенным узором (судя по хорошо датированным новгородским образцам) была геометрическая плетенка с точечками внутри ромбов, которые она образует при своем переплетении (табл. 57, *1–8*). Другой особенностью узора являлся косой крест. Встречается также орнамент из треугольников, обращенных вершинами друг к другу (табл. 57, *5*), и зигзагов (табл. 58, *6*), называемый иногда «волчий зуб». В XII в. на смену плетеному приходит геометрический орнамент, состоящий из ромбов, косой решетки, зигзага с точками в центре (табл. 57, *9–18*). Сохраняется орнаментация линиями треугольного штампа (табл. 57, *28;* 58, *13*). Узор этот являлся своеобразным оберегом. В XII–XIII вв. при сохранении геометрического узора на браслетах, особенно городских, появились элементы растительной орнаментации – вьющаяся лоза, округлая плетенка и волна (табл. 58, *19–20*). В XIII–XIV вв. эти мотивы достигают своего расцвета (табл. 57, *26–27, 29*), кроме того, появля-

ются элементы восточной орнаментации, проникающей из Золотой Орды. Это «узел счастья» (табл. 57, *22*) и цветок лотоса (табл. 59, *29*). Своеобразный тип пластинчатых браслетов – загнутоконечные, т.е. концы которых загнуты трубочками наружу. Почти все они орнаментированы, причем узоры их близки орнаментации узкоконечных браслетов. Датируется этот тип по курганным материалам XI–XIII вв., а по новгородским аналогиям – от конца XI до середины XII в. (табл. 57, *18*). А.В. Арциховский считал этот тип характерным для вятичей (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 21). Пластинчатые овальноконечные браслеты имеют ровный корпус и овальные концы, отделяющиеся от корпуса коротким перехватом (табл. 57, *21*; 8, *21–24*). Большинство овальноконечных браслетов изготовлено способом литья в односторонние литейные формы. Еще А.В. Арциховский отмечал, что ареал этого типа огромен (Там же. С. 22). Литые экземпляры этого типа с орнаментацией в виде шнура-бордюра и плетенки, покрывающей весь корпус, известны из курганов Смоленской, Калужской и Московской областей и датируются XII – началом XIII в. (табл. 57, *21*). Экземпляры с орнаментацией в виде вьющейся лозы (табл. 58, *21–24*) являются, скорее всего, продукцией городских ремесленников и датируются (судя по новгородской стратиграфии) XII–XIII вв. (*Седова М.В.*, 1981. С. 113). Близки к овальноконечным и по орнаментации, и по времени бытования криноконечные браслеты (табл. 58, *27*). Своеобразный тип составляют пластинчатые браслеты, имеющие на концах звериные головки, напоминающие морды драконов. Эти украшения характерны для балтских народностей. В X в. они распространились из Прибалтики на территории, заселенные славянами и финнами. В Новгороде такие браслеты встречены в слоях конца XI – второй половины XIII в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 112; *Сергеева З.М.*, 1981. С. 30–35).

Узкомассивные литые браслеты имеют в сечении форму сегмента, овала, треугольника или вытянутого шестиугольника. Все они изготовлены способом литья в жесткой форме с последующей холодной проковкой. Браслеты этого типа имеют не сомкнутые, слегка скругленные концы. Орнамент на них нанесен чаще всего чеканкой (табл. 57, *9–10*). Распространены они были в X–XI вв., главным образом в округе крупных городов Новгородской и Ростово-Суздальской земель. На Русь они проникли из юго-восточной Прибалтики, где также датируются X–XI вв. В Новгороде узкомассивные браслеты обнаружены в слоях X – начала XII в. Ладьевидные браслеты имеют выпуклую наружную сторону, выпукло-вогнутое сечение, сужающиеся концы. Орнаментированы они рядами параллельных линий, перемежающихся змеевидным узором (табл. 57, *11*; 58, *8*). Такие браслеты – обычная находка в памятниках IX–XI вв. в Скандинавии и Финляндии. На Русь они проникли, видимо, оттуда и бытовали в X – начале XI в. (*Левашова В.П.*, 1967а. С. 243; *Седова М.В.*, 1981. Рис. 38, 4). Перечисленными типами, конечно, не исчерпывается весь набор древнерусских браслетов. Он значительно разнообразнее, однако описанные выше типы в основном дают представление об их распространении и хронологическом бытовании.

Перстни. Или кольца – и поныне наиболее распространенное украшение у всех народов. И Русь в этом отношении не исключение. Как сказано выше, термин «перстень» в письменных источниках известен с XI в., а термин «кольце» – в значении украшение на пальце руки – с XIII в. В бытовании перстней прослеживается та же закономерность, что и в бытовании других древнерусских металлических украшений, т.е. в южнорусских древностях они встречаются реже, в меньшем количестве и разнообразии, чем в севернорусских материалах. Перстнями в курганных древностях северо-западной и северо-восточной Руси специально занималась Н.Г. Недошивина (*Недошивина Н.Г.*, 1967. С. 253–274). Изучение этого материала показало, что перстни были преимущественно женским украшением, но носили их и мужчины и дети, причем как на правой, так и на левой руке (число их на обеих руках колебалось от 1–2 до 4–5, а иногда и до 10). Иногда перстни клали в погребение в качестве приношения. А.В. Арциховский сообщает о находке 33 перстней в деревянной укладке, найденной в ногах погребений в одном из курганов Московской области (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 71). Клали перстни-приношения и около головы, возле рук, у локтя или плеча, около пяток, на тазовые кости и т.д. Изредка находят перстни, надетые на пальцы ног. Вообще это не типичный для славян вариант, такая традиция бытовала у финно-угорских народностей. В погребениях I тыс. перстни встречаются довольно редко, связано это не с обычаем кремации, а с меньшим распространением этих украшений вообще. Так, в Киевском некрополе, в погребениях X в., совершенных по обряду ингумации, количество перстней невелико. В Гнездовских, Ярославских хорошо датированных могильниках, в курганах первой половины X в. перстней мало. Количество их увеличивается в погребениях второй половины X – начала XI в., а широко они начинают бытовать в XI–XIII в. Время их бытования и наибольшего распространения моды на перстни в Новгороде – XII–XIV вв. Однако такая картина типична лишь для Новгорода, переживавшего в XIV в. расцвет. В других древнерусских городах максимальное число находок перстней приходится на XII – первую треть XIII в. После татаро-монгольского нашествия количество находок перстней резко сокращается.

Как и браслеты, перстни можно разделить на дротовые, витые, плетеные, пластинчатые. Эти виды перстней подразделяются на типы по форме концов и соединений. Однако выделяют и своеобразные виды перстней – щитковосрединные, печатные, со вставками и др.

Дротовые перстни по поперечному сечению делятся на округлые треугольные, квадратные. Самой простой формой являются круглодротовые замкнутые и круглодротовые с разомкнутыми заходящими концами. Они встречаются в древностях всех восточнославянских племен (*Седов В.В.*, 1982. Табл. XXVI, XXVII, XXX). Судя по новгородским находкам эти перстни бытовали в XI–XIII вв. (табл. 59, *8*). Разновидностью круглодротовых гладких перстней являются рубчатые. На их утолщенную внешнюю сторону нанесена косая насечка, подражающая витью (табл. 59, *9*), гладкие сомкнутые или разомкнутые концы сужены. Подобные перстни были одним из самых распространенных украшений у всех славянских племен. По-видимому, их можно считать этнически определяющим признаком славян. Судя по нов-

городским находкам бытовали они с конца XI по XIV в. Изготовляли их способом литья в разъемной жесткой форме, а насечку углубляли зубильцем (*Рындина Н.В.*, 1963. С. 240).

Спиральные перстни (табл. 59, *10*) сделаны из проволоки круглого или квадратного сечения, уложенной в несколько рядов. Изготовляли их путем наматывания предварительно нагретой проволоки на болванку округлого профиля. Перстни эти бытовали с середины XI в. до середины XIII в. Ареал их очень широк – от Прибалтики до Прикамья, причем они связаны с древностями финно-угорских и балтских племен, а в славянских материалах встречаются в контактных зонах.

Витые перстни составляют значительную часть общей массы перстней. По количеству проволок, из которых они свиты, их можно разделить на двойные, тройные, четверные (2 × 2), а по характеру оформления концов – на петлеконечные, обрубленноконечные (табл. 59, *35*), замкнутые и др. Тройные и четверные петлеконечные перстни в миниатюре повторяют петлеконечные браслеты и имеют те же рамки бытования. Витые двойные перстни, как замкнутые, так и обрубленноконечные и с заходящими концами (табл. 59, *11*), иногда имеют дополнительную сканную перевить (табл. 59, *12*). Бытовали они со второй половины XI в., в XII–XIII вв., причем тип этот часто встречается в древностях Прибалтики, Финляндии и Скандинавии, однако известен он и в древностях древлян и полян, северян, дреговичей, а также в русских кладах (*Седов В.В.*, 1982. Табл. XXVII, 46, 47; XIX, 33; XXX, 27; XXXVII, 10, 14; XIII, 7–8; IV, 5). Иногда в подражание витым перстням изготовляли ложновитые, выполненные литьем в форме, полученной путем оттиска в глине настоящих витых перстней (табл. 59, *18, 41*). Датируются эти украшения широко: от начала XI до XV в., следовательно, они не могут быть определяющим типом. Плетеные перстни сплетены из нескольких проволок, причем технология плетения аналогична способу изготовления браслетов соответствующих типов. Выделяются два основных варианта плетеных перстней. К первому относятся перстни с массивной плетеной из четырех или шести проволок средней частью и гладкими сомкнутыми или разомкнутыми концами (табл. 59, *13*). Судя по новгородским аналогиям, эти перстни бытовали от середины XII – до середины XIV в. Ко второму варианту относятся перстни, целиком сплетенные из семи тонких проволок (табл. 59, *19*). В Новгороде такие перстни встречены в слоях конца XII – второй половины XIII в. Известны плетеные перстни обоих вариантов в древностях смоленских и владимирских кривичей, новгородских словен и вятичей (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 87), а также полян, древлян и северян (*Седов В.В.*, 1982. Табл. XXVII, 11, 32; XXXVII, 11).

Пластинчатые перстни делали из тонких пластинок, имеющих в поперечном разрезе форму вытянутого прямоугольника. Перстни эти делят на несколько типов. Широкосрединные с незамкнутыми концами (табл. 59, *1, 14, 15*) – один из распространенных типов: их средняя часть расширена, а концы плавно сужены. Форма таких перстней бытовала много столетий, поэтому о датировке отдельных экземпляров можно судить по орнаментации, технике изготовления и сплавам. Широкосрединные незамкнутые перстни встречаются в древностях всех восточнославянских племен. В Новгороде перстень этого типа является древнейшим и найден в слое середины X в. Аналогичные перстни, также датируемые второй половиной X в., есть в Гнездове и ярославских курганах. Хронологические рамки бытования перстней этого типа в Новгороде – середина X – конец XIV в., однако большая часть позднейших перстней не орнаментирована (*Седова М.В.*, 1981. С. 129).

Широкосрединные перстни с завязанными концами отличаются от предыдущего типа тем, что концы их раскованы в дрот, завязаны и обмотаны вокруг стержня на две стороны (табл. 59, *2–3*). Завязанные перстни известны на широкой территории Северо-Восточной Европы. Если на западе эти перстни появились в конце X в., то на древнерусской территории они в основном датируются XI в. Таким образом, «завязанность» – это хронологический признак XI в. и для перстней, и для браслетов, и для височных колец.

Широкосрединные «усатые» перстни имеют длинные дротовые концы, обернутые спирально вокруг расширенной средней части (табл. 59, *4*). Они являются характерным признаком финно-угорских племен и встречаются в древностях Финляндии, Прибалтики, северо-западных областей Руси, в междуречье Волги и Оки. Датируются концом X – началом XII в. Своеобразный вариант «усатых» перстней – рубчатоконечные (табл. 59, *5*), заканчивающиеся дротовым рубчатым стержнем. Подобные перстни находят на Готланде, в Финляндии, Прибалтике, северо-восточных областях Новгородской земли. Дата их – XI–XII вв.

Если в XI в. отдельные типы перстней получили широкое распространение на обширных территориях, то в XII–XIII вв. появляется много локальных типов, распространенных на ограниченных территориях. Особо выделяется в этом отношении земля вятичей, где фантазией мастеров были созданы типы перстней, не встречающиеся в других регионах. В первую очередь это подробно описанные решетчатые перстни (табл. 59, *16, 17*) (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 73–78; *Равдина Т.В.*, 1975. С. 11), имеющие множество вариантов по способу оформления прорезей. Найденный в Новгороде решетчатый перстень обнаружен в слое 60–70-х годов XII в. Общий же период бытования решетчатых перстней – XI–XIII вв. Широкосрединные замкнутые перстни (табл. 59, *20*) имеют широкий ареал и время бытования от XI до начала XIV в. Узкопластинчатые перстни имеют одинаковую ширину на всем протяжении пластины. Они делятся на два варианта: с разомкнутыми концами (табл. 59, *22*) и замкнутые (табл. 59, *21*). Хронологически они различаются по орнаментации поверхности, а сама форма бытовала во все времена. Особую компактную группу составляют узкопластинчатые замкнутые перстни середины XIV–XV вв. (табл. 59, *42*) с продольными закраинами и выступающей средней частью, покрытой вертикальными черточками. Перстни эти, видимо, являются изделиями городских ремесленников. Они встречаются на обширной территории Московской Руси. В Новгороде найдено шесть аналогичных перстней, есть они и в курганах Новгородской земли.

Щитковосрединные перстни имеют узкопластинча-

тую дужку и резко расширяющуюся среднюю часть в виде щитка круглой (табл. 59, *2*), овальной (табл. 59, *26*), прямоугольной (табл. 59, *27*) и ромбической (табл. 59, *28*) формы. В продольном сечении щиток находится в одной плоскости с дужкой. Подавляющее большинство щитковых перстней – продукция городских ремесленников. Их отливали из оловянисто-свинцовых сплавов в каменных разъемных формах со вставными стержнями (*Равдина Н.В.*, 1963. С. 236). Литейные формы для отливки подобных перстней обнаружены в Киеве, Новгороде, Серенске, а сами перстни являются обычной находкой в городских слоях и реже – в сельских поселениях и курганных материалах. Хронологически они различаются по орнаментации и форме щитка. Например, можно указать на перстни с прямоугольными поперечными щитками, орнаментированными плетеным узором (табл. 59, *23*), бытовавшими, судя по Новгороду, со второй половины XII в. до 30-х годов XIII в. Перстни с такими же орнаментированными щитками обнаружены в Старой Рязани и курганах Подмосковья, а формы для их отливок найдены в Серенске (*Никольская Т.Н.*, 1981. Рис. 49, 8). Особую группу составляют перстни с круглыми щитками, на которых помещен солярный знак (табл. 59, *37*). Эти перстни производили в Новгороде, где найдено сразу 10 незаконченных перстней, отлитых в одной литейной форме в комплексе ювелирной мастерской 80–90-х годов XIV в. Среди овальнощитковых перстней компактную группу составляют перстни с изображением руки (табл. 59, *43*), появившиеся на Руси на рубеже XII–XIII вв. как заимствование западноевропейских образцов. Один перстень с изображением руки был найден в Новгороде в ювелирной мастерской в комплексе с перстнями с солярным знаком. Кроме того, такие перстни известны в Городце Радилове, в слое XIII–XIV вв., в Болгаре, в слое XIV в. и др. Овальнощитковые перстни в курганных древностях выполнены из кованой пластины и орнаментированы чеканом в виде «волчьего зуба» и концентрическим пунсонным чеканом (табл. 59, *24*, *29*).

Печатные перстни отличаются от щитковосрединных тем, что щиток-печатка у них массивный, рельефный, выступающий в продольном сечении над линией дужки. Печатки служили для оттиска на воске или мастике. Печатные перстни, так же как и щитковосрединные, – продукция городских ремесленников. В славянские страны они, видимо, попали из Византии. Наиболее древними являются перстни с круглой печаткой, на которой изображена птица с распростертыми крыльями и повернутой вправо головой (табл. 59, *6*). Аналогичные печатки неоднократно находили в памятниках древней Руси X–XI вв., например в Новгороде, в Тимеревском поселении, в костромских курганах (с монетой X в.), в земле родимичей. Найдены они и в Болгарии (*Седова М.В.*, 1981. С. 137). По-видимому, изображение птицы отражает раннегосударственную символику. Очень близки к этим перстням изделия с изображением пятиконечной звезды (табл. 59, *7*), которые найдены в синхронных памятниках. Перстни-печатки в XII–XIII вв. получили широкое распространение в городской среде, а сюжеты на щитках соответствовали духу времени и общей тенденции в развитии орнаментики. Здесь и птицы в геральдической позе (табл. 59, *30*, *38*), и росток-крин (табл. 59, *31*), и львы, и грифоны (табл. 59, *39–40*), и другие сюжеты изделий «высокого» прикладного искусства, образцом для которых являлась книжная орнаментика и каменная резьба владимиро-суздальских зодчих. В XIV в. печатные перстни по-прежнему были популярны среди горожан (табл. 59, *44*, *45*).

К изделиям тоже городских мастеров следует отнести перстни со вставками, получившие наибольшее распространение в городах. Их изготовляли путем самостоятельной отливки ячейки для вставки, припаянной к кованому жгуту дужки (табл. 59, *32*, *33*, *34а–б*, *36*). Бытовали эти перстни с конца XI до XV в.

Все рассмотренные изделия, изготовленные из меди, бронзы и других сплавов, являются рядовой продукцией городских и сельских ювелиров Древней Руси. В ранний период русской истории в X–XI вв. набор украшений горожан мало отличался от набора деревенского жителя. Это понятно, так как городское население постоянно пополнялось за счет сельского. Традиционные украшения древнерусской деревни составляют основу городских находок. Выделяются, правда, в это время некоторые предметы металлического убора, характерные для городского населения. Это трехбусинные височные кольца, а также некоторые типы фибул и поясной набор, носившиеся дружинниками. К середине XII в. в городской среде складывался своеобразный металлический убор, подражавший дорогим изделиям, выполненным из золота и серебра в технике перегородчатой эмали, черни, скани и зерни. Изделия эти довольно точно имитируют княжеско-боярский убор, но выполнены они в технике литья «на выплеск» в каменных литейных формах из оловянисто-свинцовых сплавов. В такой набор входят различной формы трехбусинные височные кольца, колты, медальоны от бармы и широкие шарнирные браслеты-обручи (табл. 60). Самое крупное собрание имитационных украшений обнаружено при раскопках в Новгороде. Судя по новгородской стратиграфии первые образцы их появились в 70–80-х годах XII в. и просуществовали весь XIII в., доживая до середины XV в. Такая поздняя дата их бытования характерна лишь для Новгорода, не перенесшего ордынское нашествие и сохранившего непрерывность традиции. В других городах имитационный набор прекратил свое существование в первой половине XIII в. Кроме Новгорода, колты различных форм обнаружены в западнорусских городах, таких, как Минск, Гродно, Брест, во Владимире. Бармы известны в Новгороде и новгородских курганах, а также в Риге, с которой Новгород поддерживал торговые связи. Браслеты-обручи найдены в Полоцке, Пинске, Гродно и др. Имитационные литейные формы, обнаруженные в других городах, и в первую очередь в Киеве, Галиче, Серенске значительно расширяют географию распространения этого убора, свидетельствующего об общности тенденции в развитии моды на всей территории Руси.

Поясной набор

В эпоху средневековья пояс выполнял разнообразные функции. Во-первых, им, как и ныне, подпоясывали одежду. Вплоть до XVI–XVII вв., когда на русской одежде появились карманы (*Рабинович М.Г.*, 1986. С. 85), к нему подвешивали мелкие, необходимые в быту вещи – ножи, кресала, оселки, кошельки и кожаные сумки-калиты. Убранство пояса зависело от социального положения его владельца: крестьяне носили тканые, плетеные и простые кожаные ремешки, крупные феодалы, князья – драгоценные золотые пояса, которые передавали по наследству вместе с уделом и о которых упоминается в духовных грамотах (Там же. С. 84, 85).

Особое явление – наборный пояс дружинника, символ его воинского достоинства. Еще в начале XX в. В.И. Сизов (*Сизов В.И.*, 1902. С. 45, 46) и Т. Арне (*Arné T.*, 1914. С. 44) предполагали восточное происхождение таких поясов. В современной литературе наибольшее распространение получила точка зрения С.В. Киселева (*Киселев С.В.*, 1951. С. 243) и Л.Р. Кызласова (*Кызласов Л.Р.*, 1960. С. 83) о том, что древние наборные пояса появились в Южной Сибири и Монголии, где их производство развивалось, совершенствовалось, и оттуда они распространились на запад. Время их возникновения – середина I в. до н.э. – начало I в. По мере того как мода в VI–IX вв. на воинские пояса распространялась по огромной территории Евразии, они утрачивали этническую окраску. В тюрко-монгольском эпосе отражена функция пояса в обрядах инициации: при переходе юноши в сообщество взрослых воинов его опоясывали боевым поясом (*Липец Р.С.*, 1984. С. 67). Указание на зависимость устройства пояса от статуса его владельца в системе воинской иерархии мы встречаем у Прокопия Кессарийского (VI в.): «В Персии не позволено никому носить ни перстня золотого, ни пояса, ни пряжки, ни чего-либо подобного, если это не пожаловано царем» (*Распопова В.И.*, 1965. С. 90). Эта информация подтверждается археологическими источниками: на материале Дмитровского могильника салтово-маяцкой культуры выявлена прямая зависимость между положением воина и богатством его поясного набора (*Плетнева С.А.*, 1967. С. 164).

Широкое распространение ременных украшений и самостоятельное их бытование на Руси начинается с конца IX в. В это время на полиэтничной основе (славяне, угры-финны, тюрки, скандинавы) формируется древнерусская знать. К середине X в. окончательно складывается древнерусская «дружинная культура», открытая внешним влияниям и включившая в себя элементы различной этнической окраски (*Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.*, 1984. С. 58). Одним из наиболее ярких, социально значимых элементов «дружинной культуры» был наборный пояс. Он состоял из следующих элементов: 1) пряжки, обязательной принадлежностью которой являлись рамка и язычок, имеющие иногда щиток для прикрепления к ремню (табл. 61, *1, 2*); 2) бляшки, украшающей ремень и закреплявшейся на нем с помощью штифтов и заклепок (табл. 61, *6, 7*); 3) поясных наконечников, которые помещались на концах ремней (табл. 61, *14–19*); 4) кольца, соединявшего отдельные части ремня и служившего для прикрепления мелких предметов (табл. 61, *52–53*); 5) обоймы, закреплявшей концы ремней.

Раннесредневековые пояса имели самый различный облик, известны пояса с дополнительными подвесными ремешками и без них, двойные и одинарные. Большинство древнерусских поясов, по-видимому, были близки венгерским; один конец пояса свободно свисал, второй – застегивался пряжкой, укрепленной на дополнительном внутреннем ремешке (табл. 61, *3*). Такие пояса имели довольно широкое распространение у венгров, хазар, мордвы, протоболгар (*Подвигина Н.Л.*. 1968. С. 191).

Максимальное количество находок ременных накладок приходится на X в. Самая большая коллекция – из гнездовского комплекса (более 70 экз.), поясных принадлежностей много в памятниках Черниговской области (курганы Гульбище, Черная могила, Безымянный, Седневская группа, курганная группа «в Березках», Шестовица, Табаевка), в Ярославском Поволжье, в Киевском некрополе, в курганах юго-восточного Приладожья. Для X в. характерно огромное разнообразие типов пряжек, бляшек и поясных наконечников. Распространены пряжки бесщитковые, с неподвижным соединением рамки и щитка (табл. 61, *2, 4, 5, 8*), со щитком, представляющие собой сложенную вдвое пластину (табл. 61, *1*). Встречаются прямоугольные, квадратные, круглые, сердцевидные, щитовидные, зооморфные, гранатовидные бляшки. Подавляющее большинство бляшек и наконечников изготовлены путем литья из медных сплавов. Центром изготовления литых бляшек, инкрустированных серебряной проволокой (табл. 61, *6, 9–11, 18, 31*), видимо, было Среднее Поднепровье, где найдено их максимальное число (около 80% всех инкрустированных бляшек найдено в Черниговской области). Много инкрустированных бляшек в Гнездове, где можно предположить наличие «дочерней» мастерской. На остальной территории Древней Руси они являются редкостью. Вопрос о наличии мастерских по художественной обработке металла, в частности по производству ременной гарнитуры, в Среднем Поднепровье рассматривался Р.С. Орловым. Он выделил характерную для этих мастерских рецептуру сплавов, набор орнаментальных мотивов и специфику технологических приемов (*Орлов Р.С.*, 1984. С. 32–50). Ременные накладки Древней Руси отличаются исключительным своеобразием, большая их часть не имеет прямых аналогий на других территориях, что подтверждает существование на Руси собственного производства ременной гарнитуры. Очевидно, что в формировании облика древнерусского наборного пояса сыграли роль несколько традиций, и прежде всего – «восточная». Бляшки часто украшали изображением лотоса в виде трилистника или пятилистника-крина, пальметты, виноградной лозы, плода граната (табл. 61, *7, 12, 13, 19, 29, 30, 34, 35, 39, 40*). «Древо жизни», иногда настолько стилизованное, что его трудно узнать, часто встречается на удлиненных поясных наконечниках. Можно предположить, что конкретным проводником восточного орнамента была Хазария, а также волжская Болгария, принявшая в 922 г. ислам, что обеспечило ей тесные связи с исламской Средней Азией и даже самим Халифатом (*Смирнов А.П.*, 1951. С. 40–42).

Находка в Киеве литейной формочки для отливки блях с куфической надписью (*Ивакин Г.Ю., Гупало К.Н.*, 1980. С. 211; *Орлов Р.С.*, 1984. С. 47) свидетельствует, что на Руси работали приезжие мастера. Складывавшаяся феодальная знать была заинтересована в привлечении чужеземных высококвалифицированных ремесленников, в частности мастеров, изготовлявших наборный пояс (*Макарова Т.И., Плетнева С.А.*, 1983. № 2. С. 76).

Вторая традиция, повлиявшая на облик древнерусского пояса, – прибалтийская. Пояса, украшенные специфическими, часто тиснеными накладками, появились в Литве еще в V–VI вв. (*Волкайте-Куликаускине Р.К.*, 1986. С. 162). Распространение в северных и западных областях Древней Руси пряжек со щитком и согнутой вдвое пластиной, наличие разделительных колец в конструкции пояса (табл. 61, *1, 3*) – тоже прибалтийское влияние.

Среди поясной гарнитуры X в. особую группу составляют пряжки и накладки, украшенные скандинавской плетенкой в стиле Борре (табл. 61, *8, 14, 15, 27*). Больше всего их в Гнездове; даже в Швеции, в Бирке, их меньше – и это весьма показательно. Наборный пояс входит в число заимствований скандинавов с территории Восточной Европы (*Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., Пушкина Т.А.*, 1974. С. 59). В Швеции он не получил такого распространения, как на Руси. Хотя накладки, украшенные в стиле Борре, выделяются не только орнаментом, но и технологией (литье по резной восковой модели), скорее всего, они не являются предметом импорта, а изготовлены на месте и отражают наличие варяжского элемента в древнерусской дружине.

В XI–XIV вв. число поясных украшений, встречаемых в древнерусских памятниках, резко сокращается. Меняется топография находок, в основном это окраинные районы со смешанным в этническом отношении населением.

В XI в. начал изменяться орнамент: растительные мотивы мельчают, их восточные прототипы угадываются с трудом (типичный пример – наборный пояс из Мальских курганов псковских кривичей) (*Седов В.В.*, 1976. С. 92). В погребениях поясные принадлежности сводятся чаще всего к пряжке, иногда дополненной поясными кольцами. В XI–XII вв. вырабатывался стандартный тип лировидной пряжки с «лилиевидным» завершением (табл. 61, *41*), широко распространенный на всей древнерусской территории и за ее пределами (*Седова М.В.*, 1981. С. 144). В целом конструктивные особенности поясов остаются прежними (*Фоняков Д.И.*, 1986. С. 62, 63). К XI в. относятся роскошные привозные пояса, найденные в кладах. Серебряные, с позолотой и чернью накладки из клада у с. Мышеловка (Киевская обл.) украшены куфическими надписями: «успех», «благополучие», «власть» (*Корзухина Г.Ф.*, 1954. С. 133; *Даркевич В.П.*, 1976. С. 55).

На территории Ижорского плато, где дольше сохранялся языческий курганный обряд погребения, в XI–XIII вв. среди смешанного славянско-прибалтийско-финского населения продолжали широко бытовать наборные пояса (табл. 61, *49, 50, 54*), хотя трудно сказать, сохраняли ли они роль социально значимых элементов костюма. Встречаются пояса особого типа – без пряжки; их концы, украшенные парными поясными наконечниками, завязывались и свободно свисали (*Спицын А.А.*, 1896. С. 27).

С XII в. вместе с отмиранием имевшей специфический облик «дружинной культуры», видимо, теряет свои первоначальные социальные функции и наборный пояс как атрибут воина-дружинника. Это подтверждается и стандартизацией элементов убранства пояса, и значительным сокращением числа находок (нельзя, однако, не учитывать изменение погребального обряда в связи с христианизацией). Тем не менее даже в период развитого феодализма пояс продолжал выполнять определенную социальную функцию в княжеской среде, обусловленную, видимо, пережитками обряда инициации, подтверждение чему находим в завещании князя Юрия Дмитриевича Галицкого (XV в.): «А что из золота даю сыну своему Василию пояс золот с каменьем на чепех без ремни; а Дмитрию сыну своему даю пояс золот на черпьчати ремни, а Дмитрию сыну своему меньшему даю пояс золот без ремни чем мя благословил отец мой князь великий Дмитрей» (*Савваитов П.И.*, 1896. С. 110).

Наборные пояса, заимствованные древнерусскими дружинниками в кочевнической среде, получили на Руси самостоятельное развитие. Особенно популярны они были в X в., подавляющее большинство накладок – продукция местных мастерских. Существовало несколько центров производства ременной гарнитуры, в частности в Среднем Поднепровье и, видимо, в районе Гнездова. Постепенно количество находок сокращается, но элементы поясного набора фиксируются в городских слоях вплоть до XV в. (табл. 61, *55–57*) (*Седова М.В.*, 1981. С. 150).

Украшения из стекла

Издревле из стекла изготавливали украшения, посуду, оконное стекло, мозаику; стекло использовали в качестве эмалей и глазурей.

Славянскому населению Восточной Европы в конце I тыс. н.э. стекло было известно только по украшениям – бусам и привескам. Начиная с эпохи Владимира в культуру и быт вошли мозаика, посуда, оконное стекло, а украшения из стекла в большом разнообразии распространились широко и повсеместно.

Необходимо ответить на такие вопросы: из какого стекла, как, где, когда и чьими руками было изготовлено то или иное изделие. Ответы на последние три вопроса включают в себя представления не только о происхождении самих изделий, но и о происхождении знаний о стекле, о культурно-исторических корнях стеклоделия Древней Руси.

Путем соединения традиционно-археологических приемов исследования с некоторыми не археологическими, естественно-научными методами, такими, как химический и спектральный, петрографический и рентгеноструктурный анализы, путем использования некоторых методов математической статистики и теории вероятностей можно ответить на эти вопросы.

Бусы. В настоящее время для большинства исследователей, изучавших стеклянные бусы, очевидно, что не столько форма бус принципиально объединяет или различает их между собой, сколько техника изготовления и химический состав.

Технику изготовления стеклянных бус, бытовавших на территории Древней Руси, можно представить в виде четырех основных схем. Одни бусы делались серийно, из трубочек, изготовленных, в свою очередь, по-разному; другие – серийно-индивидуально, из отрезков палочек, изготовленных также по-разному; третьи – индивидуально, путем навивки стеклянной массы вокруг стержня; четвертые – индивидуально, из капель (или кусков стекла), при этом отверстие в палочках, каплях (кусках стекла) проколото или высверлено.

Основная технологическая схема допускает и предполагает разного рода комбинации, сочетание которых с формой и цветом бус имеет нередко узкие территориально-хронологические границы.

Стекло, которое использовали на Руси для изготовления бус, относится ко всем пяти химическим классам, известным в древности.

Сирийские бусы, изготовленные из трубочек, египетские – изготовленные из палочек, согласно этой таблице, можно определить по одному признаку: по основной технологической схеме.

Египетские бусы отличает, кроме технологической схемы, ряд дополнительных приемов: все виды сложной мозаичной техники (набор разноцветных лент, полос, колец, организованных в сложнокомбинированные сюжеты типа шахматных досок, цветов, ликов и т.д.). Стекло египетских бус, как правило, разноцветное непрозрачное.

Сирийские бусы, кроме основной схемы, дополнительно отличает набор декоративных приемов и сюжетов, прежде всего самые разные «глазки» (одноцветные, многоцветные, в «ресничках», в петлях), накладные нити, рисунок в виде птичьего пера, использование металлической (золотой и серебряной) фольги. Стекло сирийских бус прозрачное, полупрозрачное и непрозрачное.

Бусы византийского происхождения от технологически одинаковых с ними бус отличает не только состав, но и цветовая гамма и декоративные сюжеты. К числу византийских относятся почти все бусы синего цвета, желто-зеленого, серого светлого, желтого и черного цветов. Стекло, как правило, прозрачное. В качестве декора используются белые ромбы, сюжет «птичьего пера», нити и «глазки» (одноцветные и редко двуцветные). Декор исполнен росписью красками и золотом с помощью штампа; применялась металлическая (золотая и серебряная) фольга. Примечательна форма бус византийского происхождения: она геометрически четкая, технический брак, поступавший на рынок, редок.

Бусы западноевропейского происхождения в полном наборе древнерусских бус помогает выделить цвет, в основном коричневый, и такой косвенный признак, как сохранность стекла: нередко стекло почти полностью расстекловывается.

Древнерусские по происхождению бусы от технологически одинаковых с ними бус также отличает цветовая гамма, она включает в себя коричневые, фиолетовые, синие (с фиолетовым оттенком), бирюзовые, зеленые, желтые тона. Стекло древнерусских бус, как правило, прозрачное, они лишены декора, исключение составляют темные (непрозрачные черные или коричневые) с цветным (белым или желтым) пластинчатым узором и золоченые бусы. В отличие от своих византийских аналогов древнерусские золоченые бусы изготовлены с использованием только серебряной фольги, а склонность калиево-свинцово-кремнеземного стекла к расстекловыванию тоже составляет их специфику.

Принимая во внимание фактор времени, нужно сказать ,что общий облик бус конца X в. определяет ближневосточный импорт, преимущественно сирийский, египетские бусы в это время редки; облик бус XI в. – византийский импорт; бусы XII в. в основном древнерусского, прежде всего киевского, производства. В более позднее время некоторую долю составляли бусы не киевского производства, например новгородского – в Новгороде, полоцкого – в Полоцке и т.д. Хронологическую характеристику древнерусских стеклянных бус можно представить в виде кривых (рис. 12). В основу приводимых кривых положен комплекс новгородских находок. Каждая кривая в обобщенном виде представляет собою историю производства или бытования бус разного происхождения, известных на территории Древней Руси с начала X и до конца XIV в.

Бусы разного происхождения бытовали на протяжении долгого времени, но в пределах совместного сосуществования в разное время они составляли разную долю в общем балансе описываемых украшений.

Древняя Русь – царство стеклянных бус, однако были известны бусы янтарные, из сердолика, хрусталя, аметиста, изредка из других самоцветов; совсем редко в раскопках находят жемчуг; кроме того, бусы делали из кости и глины (с поливой и без нее), а также из бронзы, серебра, золота.

Стеклянные бусы составляют две трети этой категории украшений, бусы из других материалов, вместе взятые, – одну треть. На каждую хрустальную бусину приходилось, например, две сердоликовые, двадцать янтарных и почти сорок стеклянных. Это соотношение в среднем характеризует весь рассматриваемый период.

Отличны от усредненных подсчетов курганы вятичей, в которых находят много сердолика и хрусталя; курганы дреговичей, где много металлических бус; среди домонгольских древностей более часты находки каменных бус, среди более поздних – янтарных. Хронологическую характеристику древнерусских бус по материалу можно представить в виде гистограмм, соединенных между собою. В основу положен комплекс новгородских находок (рис. 13).

Если оценивать находки древнерусских бус количественно, то следует отметить два продолжительных этапа, когда их число было стабильным: это XII в. и время монголо-татарского ига. Если количество бус XII в. считать «нормальным», то в XIII–XIV вв. «норма» уменьшилась вдвое, в XI в. количество немногим ниже «нормы», во второй половине X в. – в полтора-два раза выше. Что же касается первой половины X в. и более раннего времени, то представления о «норме» могут быть составлены за счет подробно изученных бус Старой Ладоги (*Львова З.А.*, 1970. С. 90–96. Табл. 3–6).

Максимум находок бус в Старой Ладоге приходится

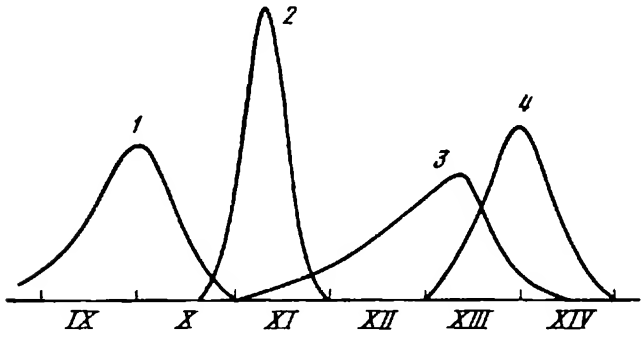


Рис. 12. Хронологическое распределение древнерусских бус разного происхождения
1 – сирийские; *2* – византийские; *3* – киевские; *4* – новгородские

на горизонт Дн, относящийся к X в., во второй половине IX в. (горизонт $Е_1$) и в X–XI вв. (горизонт Дв) количество бус одинаково меньше (рис. 14). Начало новгородской кривой совпадает по времени с пиком староладожской кривой, а нисходящие ветви подобны. В этой связи кажется вероятным подобие и даже сходство восходящих частей кривых. Во всяком случае, если дополнить нисходящую ветвь новгородской кривой восходящей частью староладожской, разместив их на одной хронологической оси, мы получим полное графическое представление о стеклянных бусах, бытовавших в Древней Руси начиная с середины IX в. В более раннее время археологически на этой территории бусы просто не известны, (*Школьникова Н.А.*, 1978. С. 97–106).

Примечательно, что и ввоз дирхемов стремительно набирал темп с начала X в., достигнув максимума в 50-е годы X в., и столь же стремительно сократился к концу столетия (*Янин В.Л.*, 1956. С. 121, 130).

Завершая общую характеристику древнерусских бус, рассмотрим развитие бус из разных материалов вне зависимости друг от друга, представив это развитие графически (рис. 15). В основу графиков положены староладожские и новгородские находки.

Кривые, представляющие бусы, изготовленные из стекла, хрусталя и сердолика, согласованы между собою в нисходящей ветви на протяжении почти целого столетия (почти до середины XI в.). Можно надеяться, что и восходящая часть этих кривых могла бы быть настолько же согласованной. Стеклянные, а вместе с ними сердоликовые и хрустальные бусы этого времени восточного происхождения: стеклянные – египетские и сирийские (заметим, что доля египетских бус в более раннее время больше, чем, скажем, во второй половине X в.), сердоликовые – среднеазиатские и средневосточные, хрустальные – восточные в широком смысле этого слова (*Фехнер М.В.*, 1974).

Янтарные бусы X в. – южно-русского происхождения (*Рыбина Е.А.*, 1978. С. 38–45) именно поэтому кривая, представляющая их на графике, резко отлична от только что описанных.

На протяжении всего домонгольского времени (начиная с первой половины XI в.) очень близки друг другу кривые, представляющие стеклянные и янтарные бусы. Их одинаковое происхождение – из Киева или Приднепровья – и характер находятся в зависимости от одних и тех же факторов, определяются одними и теми же закономерностями. С рубежа XI–XII вв. после некоторого перерыва появляются бусы из сердолика и хрусталя. В начале первой половины XII в. кривые, соответствующие им, подобны, но уже с середины XII в. они резко расходятся: кривая, соответствующая сердоликовым бусам, нисходит, хрустальным, напротив, восходит, опережая по темпам роста все остальные кривые. Эта последняя, достигнув апогея в конце XII в., не имеет последовательного продолжения, проявляясь спорадически во второй половине XIII – середине XIV в. Аналогично себя ведет кривая, построенная для сердоликовых бус, с той лишь разницей, что апогея она достигает в начале XII в.

С одной стороны, в сходстве этих двух кривых находит, очевидно, выражение связь, существовавшая между бусами из этих двух материалов. С другой – очевидно, что обе кривые основной тенденции развития сходны не только между собой, но и с синхронными кривыми, построенными для стеклянных и янтарных бус. Сходство всех четырех кривых на протяжении нескольких десятилетий XII в. делает вероятным заключение, что развитие производства этих бус в это время определяли одни и те же факторы, что они подчинялись действию одних и тех же закономерностей. В дальнейшем отмеченное сходство не проявляется со столь очевидной последовательностью.

В XIV в. доминируют янтарные бусы, вытеснив для этой категории украшений все остальные материалы.

Общий итог истории бус на территории Восточной Европы, преимущественно древнерусских, можно представить в виде таблицы (табл. 1).

Форма характеризует внешний контур предмета, представление о ней можно получить, располагая его изображением в трех проекциях. Адекватное понимание терминов, связанных с описанием формы бус, требует некоторых пояснений.

Названия древнерусских бус, введенные А.В. Арциховским (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 35–42) и принятые в археологической литературе, посвященной русскому средневековью, отличаются от названий античных бус той же формы (*Алексеева Е.М.*, 1975). В свою очередь, названия, принятые в русской и советской литературе, нередко отличаются от принятых в зарубежной литературе (*Van der Sleen W.G.*, 1973. P. 34–37).

В названиях геометрических граненых и круглых в поперечном сечении бус расхождения редки – например, шарообразные бусы Е.М. Алексеева называет округлыми. В остальных случаях, согласно определению, употребляются следующие названия формы бус: цилиндрическая, биконическая, цилиндробиконическая, призматическая, бипирамидальная и т.д.

Названия других геометрических форм требуют уточнения: например, части шара, эллипсоида и цилиндра называются по-разному в зависимости от пропорций (и даже величины канала) (табл. 2).

Появление «воротничка» или «шейки» по концам канала меняет общий вид, а следовательно, и название бусины: бусина желтого цвета превращается в «лимонку» любого другого цвета – лимоновидную; многочастные «лимонки» и лимоновидные бусы называют в русской литературе «многочастными пронизками». В зарубежной литературе одночастные «лимонки» и лимоновидные бусы называют «бусами с воротничками», а

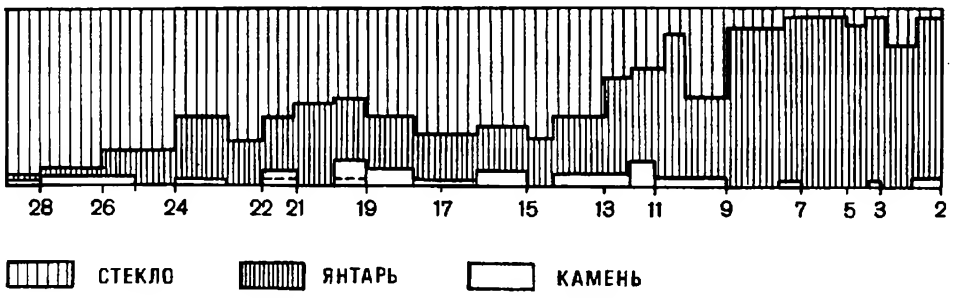


Рис. 13. Соотношение бус из разных материалов

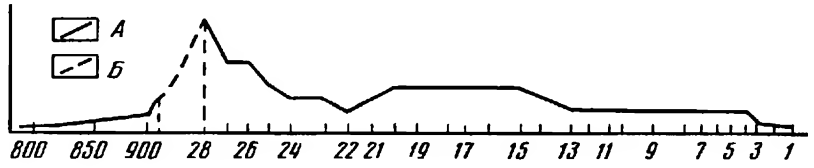


Рис. 14. Хронологическое распределение стеклянных бус на Руси IX–XV вв. по материалам Новгорода (ярусы 1–28) и Старой Ладоги (800–900 гг. – горизонты $Е_1$, $Д_н$, $Д_в$)

А – документальная линия распределения; Б – вероятная линия распределения

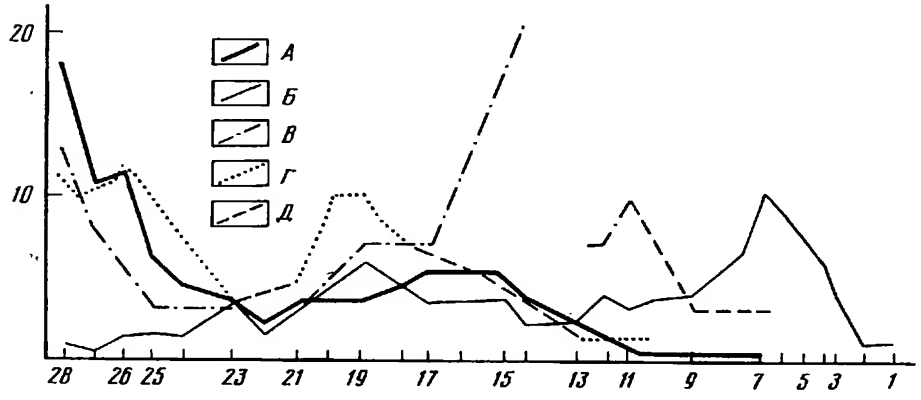


Рис. 15. Хронологическое распределение бус из разных материалов

А – стекло; Б – янтарь; В – хрусталь; Г – сердолик; Д – вероятная линия

многочастные – «сегментовидными или сегментными».

Бусы, имеющие в поперечном сечении розетку, в отечественной литературе называют в целом «ребристыми» или «рубчатыми», оба термина равнозначны, но в последнее время отдают предпочтение термину «ребристый». В иностранной литературе такие бусы называют «каннелированными». Ребристые, или рубчатые, бусы могут иметь разную общую форму, близкую к геометрическим фигурам: ребристые цилиндрические, ребристые зонные, ребристые кольцевидные, ребристые эллипсоидные. Независимо от общей формы ребристые бусы с «воротничком» или с «шейкой» называют в зарубежной литературе дынеобразными или дыневидными (ранее эллипсовидные бусы «с шейкой» предлагалось называть «рубчатыми эллипсоидными»). Следовало бы отказаться от этого сложного и неточного названия и принять общее название «дыневидные». Это условное название подобно условному «лимонки» и объединяет большую группу бус одинаковых по происхождению и времени, помогает выделять их независимо от их общей формы.

Розетка в поперечном сечении характеризует и другие бусы, названные Е.М. Алексеевой «бугристыми». Значительно шире распространено описательное название этих бус: в виде малины или ежевики, но мы будем их называть бугристыми. «Бугры», давшие название бусам, образуются в случаях, когда вертикальные ребра разделены еще на горизонтальные ряды. Общая форма этих бус может быть разной: бугристая цилиндрическая, бугристая зонная и т.д.

Группа бус, объединенная Е.М. Алексеевой общим названием «составные», очень редка в средневековье, исключение – бусы с валиками. Некоторые авторы рассматривают валики не как элемент формы, а как элемент декора и на этом основании выделяют их в группу бус с пластичным декором, в которую включают бусы с валиками и с декором, равно как с таким же декором, но без валиков, с валиками, но без декора и т.д. (*Щапова Ю.Л.*, 1972. С. 88–95), что вряд ли правильно. Впредь их следует, очевидно, называть бусами с валиками и считать последние элементом формы, а так называемый пластичный узор – декором.

Таблица 1

Происхождение и хронология древнерусских бус

Материал	X в.	XI в.	XII в.	XIII в. XIV в. XV в.
Стекло	Восток	Русь (Киев)		Рязань Западная Европа Серенск
		Византия	Зап. Европа	Новгород
Янтарь		Русь	(Придне-провье, Киев)	Прибалтика (материал)
Сердолик	Восток		Урал?	Среднерусская равнина?
Хрусталь	Восток		Урал?	Западная Европа

Таблица 2

Названия некоторых бус в зависимости от пропорций

Форма	НД		НД	
	Д Н 1,5Д	Н 1,5Д	1 Н Д 0,5	$\frac{0,5\,ДН}{Д1\ Д2}$
Шарообразная			зонная	зонная
Эллипсоидная	эллипсоидная	веретенообразная	боченкообразная	зонная
Цилиндрическая	цилиндрическая	цилиндрическая	цилиндрическая	цилиндрическая

Декор на средневесовых стеклянных бусах, как правило, встречается нечасто. В качестве декоративных элементов известны пятна, глазки; линии – прямые, волнистые, зигзаги; фестоны, нередко называемые «птичье перо», восьмерки, квадраты, ромбы, спирали – простые и многослойные (табл. 62, *97–112*), так называемая мраморировка, «реснички» и розетки (табл. 62, *113–117*). Чаще использовали один декоративный элемент, но иногда комбинацию элементов: например, линии – прямые и волнистые, ровные и завернутые в спираль; фестоны и линии, пятна и линии, глазки и линии, глазки и восьмерки. Сложный декор, например шахматный узор, ресничковый, линейно-розетковый, известен на бусах IX–X вв. восточного, прежде всего египетского, происхождения. Для описания декора средневековых бус использована терминология, разработанная Е.М. Алексеевой для античных бус Северного Причерноморья (*Алексеева Е.М.*, 1975).

В сравнении с европейскими бусами раннего средневековья и тем более античными декор стеклянных бус, бытовавших в Древней Руси, беден: основное внимание уделяли не декору, а форме и главным образом цвету.

В качестве красителей использовали окислы металлов (марганца, меди, железа, кобальта и др.), которые в зависимости от атмосферы печи, от взятого количества, времени действия и сочетания красителей с основным стеклообразующим сырьем создают разный цветовой эффект. Например, с помощью марганца обычно получают фиолетовое стекло; византийцы умели получать пурпурное, а сирийцы почти черное; другой пример: с помощью меди обычно получают зеленое стекло, в восстановительной атмосфере печи оно становится красным; в золистых стеклах, содержащих натрий и калий, зеленый тон приобретал синеватый оттенок, а древнерусское калиево-свинцово-кремнеземное стекло в одних случаях оставалось зеленым, в других – становилось бирюзовым. Шкала цветов древнего стекла содержит 21 основной и сложный тон: 1 – красный, 2 – красно-оранжевый, 3 – оранжевый, 4 – оранжево-желтый, 5 – желтый, 6 – зелено-желтый, 7 – желто-зеленый, 8 – зеленый, 9 – зелено-голубой, 10 – бирюзовый, 11 – синий, 12 – фиолетово-синий, 13 – фиолетовый, 14 – пурпурный, 15 – белый, 16 – серый, 17 – черный, 18 – коричневый, 19 – оливковый, 20 – бежевый, 21 – серо-голубой. Каждый тон может иметь несколько градаций, иногда до семи – от слабого светлого до густого темного, в целом более 100 градаций (*Рабкин Е.Б.*, 1956. Табл. 1–4. С. 7). Восприятие цвета существенно меняется в зависимости от прозрачности стекла, которая всегда отмечается дополнительно.

Размеры бус разнообразны, самые мелкие обычно называют бисером. Ю. Каллиер предложил определенный порядок для размеров, выделив, если так можно сказать, 11 норм, и дал им название: мелкие, средние, крупные, очень крупные и бусы-гиганты (*Callmer J.*, 1977. P. 35). Первые три, в свою очередь, он делит на малые, средние, большие.

В VIII–X вв. в Поднепровье были известны бусы, изготовленные главным образом из стекла, из других материалов (сердолика, хрусталя) – в единичных экземплярах. Находки бус нечасты, они тяготеют к берегам рек и сосредоточены в районах, прилегающих к древнейшим русским городам – Киеву, Чернигову, Полоцку, Смоленску (*Школьникова Н.А.*, 1978. С. 97–104).

В наборе бус этого времени основное место занимают бусы, изготовленные из трубочек, тянутых или крученых, в сирийских мастерских и попавших на эти территории прямо или через посредников. К их числу относятся цилиндрические, зонные и кольцевидные мелкие бусы, или бисер (табл. 62, *1–10*), «лимонки» и лимоновидные многочастные пронизки, тоже мелкие (табл. 5, *11–17*), ребристые, мелкие и средние (табл. 62, *18, 19*) – все эти бусы без декора, одноцветные (желтые, зеленые, синие, серые), не прозрачные и полупрозрачные.

Кроме того, известны шарообразные средние с линейным декором, простым и комбинированным (табл. 62, *20, 21*), с «глазками» и завитками (табл. 62, *22–24*); а также эллипсоидные и веретенообразные с декором (табл. 62, *25, 26*).

Египетскими по происхождению следует считать бусы цилиндрические (табл. 62, *27*) и граненые – с нечеткими гранями (табл. 62, *28, 29*), бусы прозрачные и шарообразные мозаичные (табл. 62, *30*), непрозрачные.

Византийских бус мало: цилиндрическая синяя средняя прозрачная (табл. 62, *31*) и бочонкообразная золоченая малая (табл. 62, *32*).

Десятую долю процента всех бус этого времени составляют каменные: шарообразные – хрустальная средняя и сердоликовая мелкая, призматические шестигранные и четырнадцатигранные (табл. 62, *33–36*). В VIII – начале X в. на пограничных территориях, особенно в Старой Ладоге, Прикамье, Юго-Восточной Европе, на Северном

Кавказе, Центральной Европе и Скандинавии известен богатый набор бус, в сравнении с которым только что описанный перечень очень скромен и провинциален.

Во второй половине X в. и самом начале XI в. (включая его первую четверть) ареал бус в Восточной Европе расширился, но основные места находок по-прежнему сосредоточены в главнейших городах Древней Руси – Киеве, Новгороде, Чернигове, а также в шестовицких, гнездовских, владимирских и гнездовских курганах. Стеклянные бусы составляют основу бусинного убора (рис. 13), но число бус в нем увеличилось в десятки раз. Изменился и расширился набор форм, но, как и ранее, доминируют бусы, изготовленные из трубочек (сирийский импорт).

Многочисленны мелкие бусы, обычно называемые бисером (табл. 62, *37–42*). В указанных хронологических пределах бисер не подвергался заметным изменениям, сравнение же с более ранним показывает, что произошло упрощение форм, обеднение цвета (доминирует желтый), удешевление технологии, из которой исключена такая операция, как оплавление краев (*Львова З.А.*, 1968. С. 86, 87).

Встречаются так называемые «лимонки» и лимоновидные бусы (табл. 62, *43–51*), мелкие и средние, золоченые и серебрёные, а также желтые, зеленые, синие (желтый цвет ведущий), не прозрачные, кроме синих (последние прозрачные).

Полосатые бусы (табл. 62, *52*) имеют форму и размеры «лимонок», серые не прозрачные с декором – прямые параллельные полосы красные, желтые, синие, белые, черные.

Бусы эллипсоидные с шейкой (иногда срезанной), дыневидные средние (табл. 62, *53–57*) желтые, синие, бесцветные – соответственно не прозрачные, полупрозрачные, прозрачные.

Ребристые – цилиндрические средние золоченые, золотая фольга покрывает бусину на всю высоту (табл. 62, *58*), зонные и кольцевидные средние (табл. 62, *59, 60*), фольга покрывает бусину на всю высоту. Цилиндрические, зонные и кольцевидные средние (табл. 62, *61–69*) представляют собой отрезки трубочек, изготовленные путем навивки стеклянной ленты вокруг стержня, сгибания полосы вокруг стержня; они бывают красные, желтые, зеленые, непрозрачные. Бусы, изготовленные из трубочек разного рода, могут иметь декор: линии, прямые и волнистые, восьмерки, фестоны, пятна, глазки, комбинации восьмерок и глазков (табл. 62, *70–84*).

Богато декорированные бусы и бусы мозаичные, изготовленные из палочек (табл. 62, *85–93*), встречаются нечасто, но благодаря своим декоративным особенностям очень заметны.

Каменные бусы, сердоликовые и хрустальные, представлены небольшим числом геометрических форм (табл. 62, *33–36, 94–96*).

Византийский импорт бус на территории Руси в X в. еще мало заметен, однако о бочонкообразных и цилиндрических, золоченых и серебреных, мелких и средних (табл. 63, *1–5*) не сказать нельзя. Их примечательная особенность – фольга не покрывает бусину на всю высоту, а только ее среднюю часть, почти всегда виден стык краев фольги (вдоль бусины).

Зонные средние зеленые и синие бусы и цилиндрические, соответственно не прозрачные и прозрачные, появились в конце X в. (табл. 63, *6–9*).

В XI в. византийских бус становится очень много. Кроме золоченых бочонкообразных и биконических мелких и средних, появляются серебреные этих же форм, а также ребристые серебреные средние (табл. 63, *10, 11*). Кроме зонных одинарных сдвоенных и строенных средних бус, появляются зонные одинарные крупные (табл. 63, *12*), средние и большие и мелкие биконические одинарные и сдвоенные (табл. 63, *13–15*). Все они изготовлены путем навивки из прозрачного синего или не прозрачного зеленого стекла без декора. Исключение составляют так называемые белоромбические бусы, в виде белых ромбов, украшающих синие мелкие биконические и синие средние призматические (четырехгранные) бусы (табл. 63, *16, 17*).

В той же цветовой гамме выдержаны крупные ребристые и средние бугристые (табл. 63, *18–20*), эти бусы отличают очень широкий канал и относительно тонкие стенки.

Для конца X – начала XI в. примечателен новый вариант «лимонок» и полосатых бус (табл. 63, *21–23*). В отличие от «лимонок», изготовленных серийно из трубочки и нередко называемых классическими, новые «лимонки» и полосатые изготовлены каждая индивидуально, путем навивки, «шейку» оформляли отдельно (видны следы дополнительной формовки): у «лимонок» из трубочки она получалась естественно, т.е. в процессе изготовления из-за использования щипцов с зубцами сложного профиля. Канал новых «лимонок» цилиндрический, иногда с коротким резким расширением внутри в отличие от плавного расширения, повторяющего внешний контур бусины. Эти «лимонки» следует оценивать как подражание «лимонкам» классическим и относить к статьям византийского импорта.

Из этого же источника происходят эллипсоидные и бочонкообразные бусы средних размеров с декором – волнистая линия одноцветная или многоцветная (белая, красная, коричневая) на темном (коричневом или черном) не прозрачном фоне (табл. 63, *24–26*).

В начале XI в. появляются мелкие зонные нечеткой формы бусы, изготовленные путем навивки из зеленого свинцово-кремнеземного стекла (табл. 63, *27–29*). Они особенно примечательны: это первые «опытные» образцы, сделанные руками древнерусских мастеров, осваивавших новый материал – стекло. Через столетие, к началу XII в., древнерусских бус из стекла становится много. Их формы разнообразны, но не сложны, в основном геометрические: круглые – шарообразные (табл. 63, *30, 31*), зонные, иногда сдвоенные и строенные (табл. 63, *32–37*), кольцевидные (табл. 63, *38–41*), эллипсоидные (табл. 63, *42–44*), цилиндрические (табл. 63, *45–48*), биконические (табл. 63, *49–53*): ребристые – эллипсоидные, зонные, иногда сдвоенные, биконические, цилиндрические (табл. 63, *54–58*); «граненые» – среди них так называемые рыбовидные (табл. 63, *59, 60*). Около двух третей описанных бус средние по размерам, крупные экземпляры – не более одной шестой части, мелкие – чуть более шестой.

Несмотря на простоту форм и сходство размеров, древнерусские бусы достаточно декоративны за счет разного по насыщенности и тону цвета – желтого, зе-

леного, бирюзового, синего, фиолетового, коричневого.

Таковы в общих чертах бусы киевского производства домонгольского времени: простые по форме, средние по размерам, одноцветные, но по цвету разные.

Декор на бусах киевского производства редок: пятна, линии, прямые или волнистые (табл. 63, *61–63*). Небольшую, но заметную группу составляют бусы с пластинчатым декором, простые и составные (табл. 63, *64–78*). На темных бусах, главным образом темно-коричневых и черных, размещен контрастный по цвету гладкий или выпуклый декор в виде волнистых и прямых линий, точек и пятен. (Заметим, что точки и пятна иногда украшают темную глазурованную поверхность глиняных бус.)

Древнерусские золоченые бусы не отличаются по технике от византийских, повторяя все особенности их формы (табл. 63, *1–5, 10, 11*). Напомним, эти бусы, производя впечатление золоченых, на самом деле имеют только серебряную фольгу, заключенную между двумя слоями желтоватого стекла. Стекло принадлежит к группе калиево-свинцово-кремнеземных стекол, его склонность к расстеклованию помогает выделять древнерусские золоченые бусы из однородных на взгляд.

В конце XII – начале XIII в. в наборе бус Новгорода, Полоцка, Серенска, в самих городах и в связанной с ними деревенской округе появляются бусы зонные, эллипсоидные, цилиндрические, которые примитивностью форм, отсутствием отделки, плохо сваренным и неравномерно прокрашенным стеклом напоминают первые опыты киевских мастеров начала XI в. Это продукция новых производственных центров, возникавших как раз в это время. Производство стеклянных бус в Новгороде и Полоцке продолжалось и в период монголо-татарского ига; тогда же появляются новые формы, известные как винтообразные (табл. 63, *79, 80*), однако стекло уступает свое место янтарю (табл. 63, *81–90*).

Известно небольшое число форм бус из камня, главным образом из сердолика и хрусталя, иногда из аметиста: шарообразные (табл. 62, *33, 34*), граненые – бипирамидальные симметричные и асимметричные (табл. 63, *91–93*), призматические (табл. 62, *35*), эллипсоидные (табл. 63, *94*).

Каменные бусы XI–XIII вв. в сравнении с ранними бусами не имеют четких плоских граней, острых ребер, напротив, грани нередко разномерны, а ребра смягчены и сглажены. Шлифованная поверхность неровная: с углублениями и выпуклостями. Огранка заготовки не предшествует шлифовке поверхности и как операция отсутствует в технологической схеме этого времени; в X в. она была обязательной. В XI–XIII вв. лишь немногие экземпляры отвечают полной технологической схеме изготовления. В X в. каменные бусы поступали в основном с Востока (полная технологическая схема); бусы XI–XIII вв. из иного источника – района, где камень обрабатывали вручную, без применения специальных механизмов и абразивов.

Браслеты. От французского bracelet, в переводе на русский, сделанном в 1704 г., – зарукавье. По В.И. Далю, зарукавье – это «обшивка и повязка по рукаву, около руки; запястье, наручень, поручье, браслет». Живой язык в разных местных говорах сохранил до десятка названий этого украшения. Кроме уже упомянутых, известны опястья, обручье, наручь, поручь, зарукавень (*Даль В.И.*, Т. 1. С. 630). Некоторые из них, например запястье и обручь, сохранила древнерусская литература (*Срезневский И.И.*, Т. II. С. 550, 551), одно из них – запястье – общеславянский термин (*Лукина Г.И.*, 1974).

Стеклянные браслеты наряду с металлическими дополняли костюм горожанина, составляя его специфику (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 25, 26).

Стеклянные браслеты – относительно частая находка в городском культурном слое: 200 обломков на площади раскопа в 100 м^2 – приблизительно «норма» (если можно так говорить). Отклонения от «нормы» нередки: в культурном слое Пскова за все время археологических работ на площади 1500 м^2 найдено не более 100 обломков (*Лабутина И.К.*, 1983); в Серенске, городе на Оке, на площади в 40 м^2 их найдено более 5000 (*Никольская Т.Н.*, 1981); из культурного слоя Изяславля извлечено 11000 разноцветных обломков (*Щапова Ю.Л.*, 1977). Некогда считалось, что стеклянные браслеты характеризуют материальную культуру домонгольского времени, преимущественно XI–XIII вв. (*Арциховский А.В.*, 1930; *Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 535); самые древние находки относились ко второй половине X в. (*Рыбаков Б.А.*, 1949). А.В. Арциховский показал, что браслеты были известны в Новгороде и в XIV в. (*Арциховский А.В.*, 1949. С. 124, 140). Первоначально это представлялось чисто новгородским явлением; но затем в Полоцке и Смоленске систематически фиксировали находки браслетов в слоях послемонгольского времени (*Щапова Ю.Л.*, 1972. С. 113 и сл.); устойчивое бытование браслетов в XIV в. в нескольких городах, избежавших монголо-татарского разорения, нельзя было объяснить случайными причинами.

О происхождении стеклянных браслетов споров нет: основная их масса изготовлена в древнерусских мастерских (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 304), а некоторая часть привезена. К числу привозных, византийских, справедливо относят плоские синие браслеты с росписью эмалями и золотом, но это лишь самая характерная часть привоза, образцы менее выразительные внимания не привлекали.

Для установления времени и места производства браслетов существенны техника изготовления и состав стекла. Технику изготовления можно восстановить только по целым экземплярам. Стеклянные браслеты обычно сохраняются в обломках, целые экземпляры найдены в мерянских (*Уваров А.С.*, 1871) и подмосковных (*Арциховский А.В.*, 1930) курганах, в Киеве (*Каргер М.К.*, 1958). Однако и их было достаточно, чтобы, располагая большим количеством обломков, восстановить процесс изготовления браслетов во всех деталях.

Большую часть браслетов делали из отрезков стеклянной палочки или стержня (табл. 64, *12–21*), которые вытягивали из горячей стеклянной массы, затем разрезали, после чего концы отрезка скрепляли так, что на месте соединения концов образовывался шов (табл. 64, *25, 26*), иногда его декорировали (табл. 64, *27*).

Общая форма браслета – почти правильный круг, очень редко эллипс (табл. 64, *1–11*). Внутренний диаметр браслета колебался от 3 до 8 см; византийские браслеты крупнее, наиболее частый (около 70%) их размер – 8–9 см.

Профиль, или сечение, стеклянного стержня может быть разным: круг разного диаметра (табл. 64, *4*), розетка разного диаметра и с разным числом лепестков (табл. 64, *7, 8, 10, 11*), несколько сомкнутых малых кругов (табл. 64, *1, 2, 9*), квадрат, прямоугольник, треугольник (табл. 64, *3, 5, 23, 4а*), сегмент, простой и сложно профилированный (табл. 64, *6, 15, 16, 19–21*). В большинстве случаев сечение имеет геометрически правильную форму, иногда – нечеткую.

Сечение стержня определяет тип браслета: гладкий, рубчатый, крученый (крупно-, средне-, мелко-, сложнокрученый) (табл. 64, *1, 2, 4, 8, 10, 11*), крученый особого рода (табл. 64, *7*), витой, граненый (табл. 64, *9, 4а*), треугольный, плоский, разного рода плосковыпуклый (плосковыпуклый вдвое, усложненный и т.д.) (табл. 64, *3, 5, 6, 19–24*).

Все круглые профили зависят от формы, за которой стеклянная масса следовала в момент ее вытягивания из стекловаренного горшка, другие инструменты в таких случаях оказывались излишними. Изготовление плосковыпуклых, плоских, прямоугольных и треугольных стержней требовало дополнительных формующих приспособлений. Например, византийские мастера выкладывали вытянутый круглый стержень на плоскость, в этом случае круглый стержень, естественно, приобретал в сечении полукруг. Полукруглому стержню с помощью других приспособлений придавали более сложный профиль. Декор – роспись цветными эмалями и золотом – наносили на браслет в тот момент, когда заготовка была уложена на плоскости. Заготовку с росписью разрезали, разогревали, затем концы ее скрепляли – получался браслет.

Небольшая часть плосковыпуклых и треугольных браслетов, происходящих из киевских мастерских, изготовлена путем навивки стеклянной полосы вокруг стержня, диаметр которого равен в среднем толщине руки. Этот технологический прием аналогичен приему изготовления перстней и бус, и асимметричность треугольника или полукруга является косвенным признаком применения этой технологической схемы. На таких браслетах нет места скрепления концов и как, на бусах, видны следы навивки, а иногда и оборванный конец ленты; такие браслеты украшали росписью (табл. 64, *15, 16*). Декор в виде накладных нитей (табл. 64, *12–14*) известен на накрученных и на гладких браслетах древнерусского производства.

Декор византийских браслетов богатый: это линии, прямые, волнистые, одинарные и многослойные; пятна, фестоны, восьмерки, кресты; волюты, завитки, ветки, фигурки зверей и птиц и т.д.; элементы декора нередко объединяются, составляя композиции (табл. 64, *15–24*).

Браслеты, состав которых исследовался, изготовлены из стекла, которое относят к трем классам. Их основная масса изготовлена из калиево-свинцово-кремнеземного стекла (это рецепт лучших сортов современных хрусталей). Браслеты из этого стекла делали в Киеве со второй четверти XII в. до 1840 г., в Новгороде – с конца XII до середины XIV в., в Рязани – с конца XII в. до 1237 г., в Серенске – в XIII в. Из этого стекла изготовлены почти все браслеты, найденные в городах Древней Руси, исключение составляют Новгород, Смоленск, Полоцк, Воицина. В этих городах (в дополнение к привозным из Киева) существовало собственное производство браслетов из стекла другого класса, бещелочного свинцово-кремнеземного. Во всех городах основной состав одинаковый, различия – в деталях рецептуры и в микропримесях: в новгородских браслетах устойчиво прослеживается окись сурьмы, в смоленских – серебра и олова, в полоцких – примесь щелочных земель, в Воицине – окиси титана.

Византийские браслеты сделаны из стекла, которое в литературе называют «античным» (*Безбородов М.А.*, 1956). «Античное» стекло – сложное явление (*Щапова Ю.Л.*, 1977), но этот термин надежно объединяет раннесредневековые стекла, изготовленные в традициях древнего, в том числе и античного, стекловарения: с применением соды или золы пустынных растений, извести и песка (*Scapova J.*, 1975). По этой же рецептуре варили стекло греки, поселившиеся в Киеве (*Щапова Ю.Л.*, 1962).

По составу стеклянных браслетов прямо и четко можно понять, откуда они. Кроме того, некоторые морфологические признаки помогают ориентироваться в вопросах их происхождения.

Что касается формы, то древнерусские браслеты, изготовленные в мастерских разных городов, одинаковы, другое дело браслеты византийские. Их сравнительная характеристика представлена в табл. 3 и графически в виде гистограммы (рис. 16).

Сравнение массивов производится в момент их наивысшего развития: византийский взят по состоянию на XI в., древнерусский – на вторую четверть XIII в.

Цвета стеклянных браслетов, изготовленных в Византии и разных городах Древней Руси, различны, о чем красноречиво свидетельствуют данные табл. 4.

Сходство цветовой гаммы новгородских и полоцких браслетов – следствие конвергентного развития (получение одинаковых и независимых результатов в одинаковых условиях), сходство киевских и рязанских – следствие генетической связи последних с первыми.

Древнерусские браслеты достаточно разнообразны по цвету, специально нанесенный декор скромен: это линии, прямые и завернутые в спираль, одинарные или многослойные, редко – пятна; цвет декора – красный, желтый, зеленый. О киевских браслетах можно судить по новгородским находкам 1161–1177 гг. (18-й ярус) (табл. 5).

За 60–70 лет, которыми отделены друг от друга предложенные характеристики, увеличилось количество окрашенных браслетов (зеленых, бирюзовых, фиолетовых – вдвое и даже втрое), число неокрашенных (коричневых и желтых) уменьшилось в полтора раза. Это наблюдение косвенно отражает, как развивалось древнерусское стеклоделие – увеличение объема производства окрашенных стекол.

Распространение стеклянных браслетов во времени подчиняется некоторым закономерностям и имеет несколько видов, но главных типов – два. В городах, ра-

Таблица 3

Формально-типологическая характеристика древнерусских и византийских браслетов

Форма	Происхождение браслетов (соотношение, %)	
	византийские	древнерусские
Гладкие	13	39
Рубчатые	–	1,5
Крученые	10,4	52
Витые	–	1,2
Граненые	1,3	–
Треугольные	10,4	1,0
Плосковыпуклые	36,3	4,5
Плосковыпуклые вдвое	15,6	–
Плосковыпуклые усложненные	13,0	–
Гладкие двойные	–	0,8
Итого	100,0	100,0

Таблица 4

Цвета браслетов разного происхождения (сравнительная характеристика, количество, %)

Цвет	Византия	Киев	Новгород	Полоцк	Рязань
Коричневый	41	44	45	50	43
Фиолетовый	2	23	–	–	21
Синий	55	9	–	–	10
Зеленый	1	10	40	27	9
Бирюзовый	–	9	–	–	12
Желтый	1	5	15	23	5
Красный	–	0,07	–	–	–
	100	100,07	100	100	100

Таблица 5

Сравнительная характеристика киевского экспорта стеклянных браслетов

Цвет	Третья четверть XII в.	Вторая четверть XIII в.
Коричневый	55,5	44,4
Фиолетовый	8,0	23,0
Синий	12,0	8,7
Зеленый	6,5	9,8
Бирюзовый	4,0	9,3
Желтый	14,0	4,8

зоренных монголо-татарами, браслеты не встречаются в слоях второй половины XIII в. Близким к такому виду распределения является распределение браслетов киевского производства в Новгороде или Полоцке (рис. 17). Во вторую половину XIII в. киевские браслеты не заходят; сохраняются лишь отдельные экземпляры, составляя в сумме не более 5%.

Согласно первому типу, распределяются во времени стеклянные браслеты и в таких городах, как Туров,

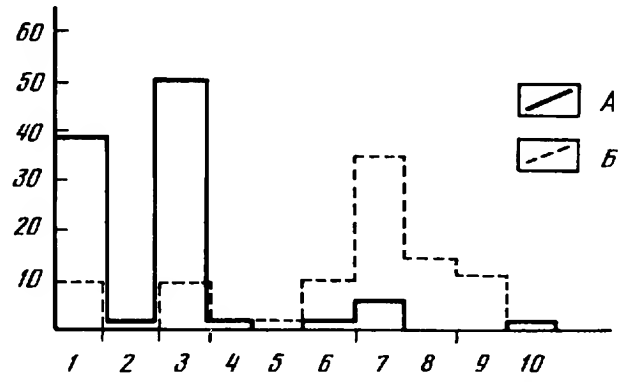


Рис. 16. Сравнительная типологическая характеристика древнерусских и византийских браслетов
А – древнерусские; Б – византийские

Пинск, Минск, Новогрудок, находившихся в зоне действия киевских мастерских, но избежавших монголо-татарского нашествия.

В тех городах, где существовало собственное браслетное производство в дополнение к киевскому ввозу, прослеживается другой тип распределения браслетов (рис. 17, табл. 6). Этот тип распределения хорошо представлен в Новгороде и Полоцке.

Первый тип означает в основном киевское происхождение браслетов данного города.

Если же в позднейших слоях найдено около трети всех браслетов, то в этом случае нужно искать черты, характеризующие местное производство, существование которого очевидно.

Но, вероятно, возможен иной тип распределения, когда частота находок в помонгольских слоях занимает промежуточное положение: между 0,05 и 0,3.

Однако в каждом случае, прежде чем делать какие-либо выводы об особенностях местного производства браслетов, нужно учесть их цветовую гамму и химический состав (основной и микропримеси), потому что возможен такой вариант, как в Москве, – почти треть московских браслетов происходит из Смоленска.

Аналогичные ситуации можно ожидать и в других городах, особенно на северо-западе Руси. На этой территории одновременно существовали не менее трех достаточно мощных производственных центров, тем не менее если мы отбросим все сложности решения проблемы происхождения браслетов, подсчитаем их количество по слоям (или пластам), то безошибочно определим слои первой половины XIII в., где сосредоточено от половины до двух третей общего объема находок.

Соотношение браслетов разного происхождения дает следующий график, построенный по новгородским находкам для всего времени существования стеклянных браслетов в Древней Руси (рис. 18).

Объем византийских браслетов едва достигал 1,5%, но благодаря яркому цвету, выразительным форме и декору они хорошо заметны в наборе древнерусских браслетов. Киевский ввоз обеспечивал две трети, местное производство – около трети спроса на эти украшения.

История стеклянных браслетов любопытна. Они были известны уже в начале XI в., в более раннее время встречались лишь изредка. И хотя уже за столетие до массового

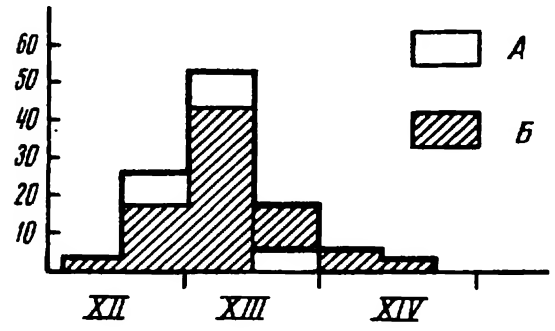


Рис. 17. Два типа хронологического распределения браслетов
А – киевское производство, Б – местное производство в сочетании с киевским ввозом

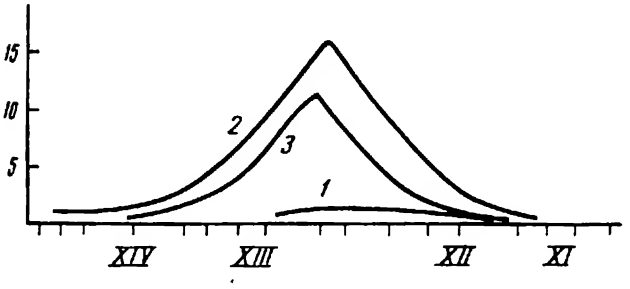


Рис. 18. Хронологическое распределение стеклянных браслетов в Новгороде
1 – византийские, *2* – киевские, *3* – новгородские

распространения браслетов древнерусские стеклоделы владели всеми техническими приемами и сделать такое украшение им не составляло труда, тем не менее их не делали и не носили, а если и носили, то очень не многие.

Производство стеклянных браслетов на Руси началось само по себе, независимо от внешних или внутренних (производственных) факторов. Побудительной причиной явилась мода на браслеты (*Седова М.В.*, 1981. С. 190. Табл. 81). Именно в первой четверти XII в., в пору расцвета спроса на металлические браслеты, возникло производство стеклянных браслетов. На одной хронологической оси построены три гистограммы: одна представляет металлические браслеты, вторая – стеклянные, изготовленные в Киеве, третья – собственно новгородского производства (рис. 19). Очевидно, что последняя гистограмма подобна первой – совпадает время расцвета, в одинаковом ритме совершается эволюция и инволюция. Гистограмма, соответствующая киевским браслетам, соотносится с двумя другими, и особенно с первой (металлические браслеты), т.е. вскоре после появления стеклянных браслетов в третьей четверти XII в. объем производства металлических браслетов временно сокращается.

Конечно, картина бытования стеклянных браслетов в общих чертах соответствует истории их производства и распространения. Данные гистограммы столь очевидны, что не нуждаются в специальном комментарии: стеклянные браслеты оказались выгодной и удобной в транспортировке продукцией, что способствовало их распространению.

Таблица 6

Распределение во времени находок стеклянных браслетов

Дата	Количество находок, %	
	первый тип	второй тип
Первая половина XII в.	3	2
Вторая половина XII в.	33	8
Первая половина XIII в.	59	50
Вторая половина XIII в.	5	32
Первая половина XIV в.	–	7
Вторая половина XIV в.	–	1
Итого	100	100

Вставки. Ими украшали перстни, привески, булавки, браслеты, они различались по материалу, форме и цвету. Вставки на бытовых вещах обычно делали из стекла, причем вставки из хрусталя доминировали.

Стеклянные вставки – плосковыпуклые в продольном сечении (круглые или овальные в плане) – ювелиры называют кабошоном. Небольшой осколок стекла произвольной формы под действием температуры немногим выше 550°С и силы поверхностного напряжения, разогреваясь и стягиваясь, принимает форму капли, плоской с одной стороны, если капля лежит на плоскости. Материал такой плоскости разный: некоторые капли сохранили тонкие плоские железные чешуйки (вероятные следы «противня», на котором их вносили в печь). Такая вставка никаких других технологических следов не сохраняет. Размеры вставок невелики: диаметр 6–8 мм, высота 4–5 мм (табл. 65, *21–23*). Есть вставки тоже плосковыпуклые, но изготовленные путем навивки: тонкую стеклянную нить закручивали вокруг собственной оси. Такие вставки имеют в средней части небольшое углубление, а на всей нижней плоскости – отпечатки металлической плиты (табл. 65, *24–26*). Между этими двумя видами вставок есть еще одно существенное различие: последние изготовлены из пластичной стеклянной массы, взятой из стекловаренного горшка, изготовление первых – своего рода утилизация «вторичного сырья» (обломков) с такой работой может справиться ювелир, для изготовления последних нужен специалист – стеклодел.

Кроме круглых и овальных, известны прямоугольные, ромбовидные и многоугольные (табл. 65, *27–29*) вставки, они вправлены в перстни, сечение установить нельзя (*Седова М.В.*, 1981. Рис. 54, *8, 13, 15;* 80, *5, 11*); перстни со вставками такой формы относят ко второй половине XIII и XIV в. О происхождении этих вставок без анализа стекла говорить не приходится.

Плоские овальные вставки на перстнях, изготовленных из прозрачного стекла путем литья, несут на себе разные (intalio) изображения: на одном – Георгий-воин (в рост) со щитом и копьем (табл. 65, *30*), на другом – сложная трехфигурная композиция. Первый найден в Старой Рязани (*Даркевич В.П.*, 1974. С. 48. Рис. 22), второй в Суздале (*Седова М.В.*, 1982). В дополнение к геммам с традиционным сюжетом на протяжении всей истории Византии изготовляли вставки-иконки с изображениями Христа или особо почитаемых святых

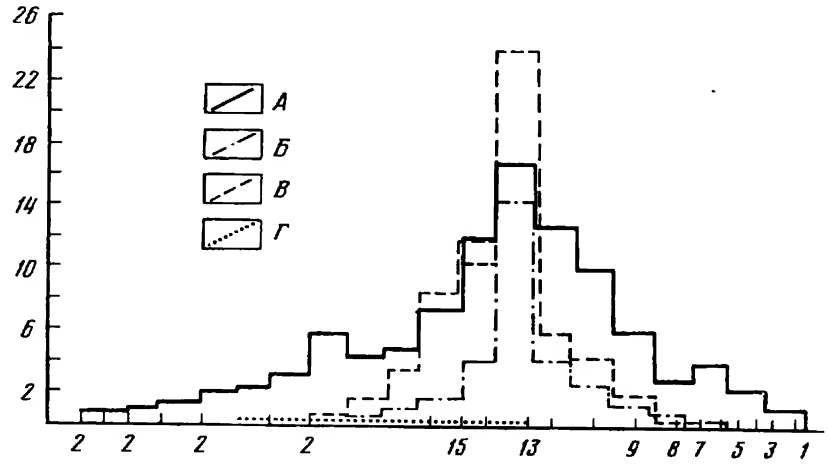


Рис. 19. Гистограмма металлических, стеклянных киевских, византийских и новгородских браслетов
А – металлические, Б – новгородские стеклянные; В – киевские стеклянные, Г – византийские стеклянные

(*Vikan G., Nesbitts.*, 1980). Бóльшая часть сохранившихся экземпляров относится к IV–IX вв. Вставки, найденные в Рязани и Суздале, представляют собою позднейшее звено в эволюции геммы и дополняют их историю: благодаря этим находкам очевидно, что наряду с металлическими и каменными существовали стеклянные вставки, сюжеты и техника исполнения которых их повторяли.

Двухслойные вставки из хрусталя, овальные или миндалевидные (табл. 65, *31*), известны среди русских древностей со второй половины XIV в. Вместе с другими поделками из хрусталя эти вставки происходят из Западной Европы. При этом примечательно одно обстоятельство: они склеены шеллаком малазийского происхождения (*Аксентон Ю.Д.*, 1974). Эти вставки не только украшали перстни и серьги, но и входили в состав сложных декоративных композиций: одно очелье из новгородской Софии известно археологически (*Строков А.А.*, 1945). Многие музейные памятники декоративно-прикладного искусства XIV в. и отчасти XV в. украшены вставками подобного рода – наряду со стеклом, самоцветами, жемчугом и драгоценными камнями.

Кроме формы, важна цветовая характеристика вставок: среди них синих – 30%, зеленых – 20, желтоватых – 20, красных – 13, черных – 10, серых – 7% (*Седова М.В.*, 1981). Вставки из стекла существенно дополняли цветовую гамму украшений не столько в подражание самоцветам, сколько играя собственную декоративную роль (*Аксентон Ю.Д.*, 1974).

Пуговицы из стекла, равно как из хрусталя, – редкость. Иногда функцию пуговиц выполняли бусы: в отверстие вставляли проволочное ушко, превращенное с парадной стороны в розетку (табл. 65, *33–35*); иногда находят одну-две бусины на шее (под подбородком или сбоку), которые считают пуговицами. Известны специально изготовленные стеклянные пуговицы, ушко которых – железное. Обычно пуговице придавали форму шара или его половинки (табл. 65, *36–40*). Проволочное ушко вставляли в еще мягкий корпус, обычно оба конца вместе, иногда поочередно. Если способ закрепления ушка для датировки значения не имеет, то способ изготовления пуговиц (а отчасти их форма) соответствует их разному времени и происхождению. Ушко путем навивки (подобно бусам) вокруг очень тонкого стержня вставляли в отверстие и фиксировали с парадной стороны (табл. 65, *41, 42*), изготовлены преимущественно шаровидные (или близкие к шару) формы, происходящие из домонгольских слоев. Их делали из стекла типа зола-известь-песок, характерного для византийских изделий; синий цвет (краситель – окись кобальта) и роспись золотом отражают эту связь.

Пуговицы, происходящие из слоев XIV в., изготовлены путем навивки, подобно вставкам в перстни: навивка вокруг собственной оси с использованием плоскости. Следы навивки хорошо читаются с обратной стороны (табл. 65, *43–45*), в момент навивки фиксировалось место ушка. Синие, зеленоватые или белые, их очень редко украшали дополнительно. Специальные исследования состава не проводились, но по внешним приметам (цвет и сохранность стекла) это изделия западноевропейских мастерских.

Перстни. Стеклянные перстни – украшение более редкое, чем перстни металлические и тем более янтарные, это в основном элемент городской средневековой культуры. Находят их и в курганах, например во владимирских (*Уваров А.С.*, 1868) и гочевских (*Городцов В.А.*, 1911). Известны как целые экземпляры, так и фрагменты стеклянных перстней. Благодаря этому обстоятельству техника изготовления известна во всех деталях. Допуская гиперболизацию, можно говорить, что перстень представляет собою низкую с очень большим диаметром бусину (техника изготовления перстней точно повторяет технику изготовления бус): стеклянную ленту накручивали вокруг стержня, диаметр которого соответствовал внутреннему диаметру бусины или перстня. Следы навивки, равно как обрыв ленты – в виде небольшого утолщения, хорошо заметны. Таким путем получалось плосковыпуклое или треугольное в сечении кольцо (табл. 65, *2–4, 6–8, 10*). Круглые в сечении перстни (табл. 65, *11*) делали иначе: их технологическая схема – повторение техники изго-

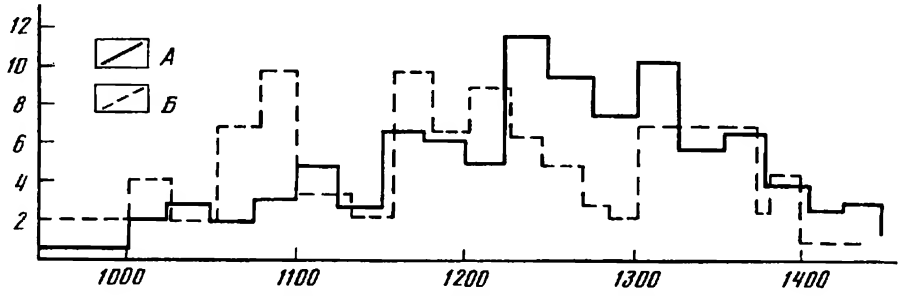


Рис. 20. Распределение стеклянных перстней во времени

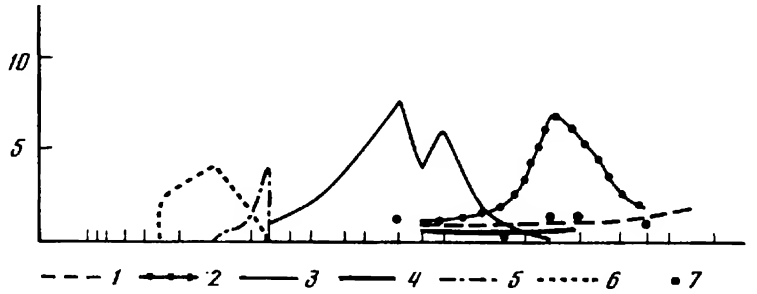


Рис. 21. Хронологический график распространения стеклянных перстней разного производства

1 – византийское; *2* – киевское; *3* – русское; *4* – киевско-византийское; *5* – новгородское; *6* – западноевропейское; *7* – русское

товления браслетов. Отрезок вытянутого стержня закрепляли встык или внахлад, шов иногда декорировали (табл. 65, *11*). Нет целых экземпляров перстней, составленных из нескольких нитей (табл. 65, *9*), поэтому нет представления о том, как их делали, но принято считать, что путем литья.

По Теофилу составлено описание техники изготовления средневековых перстней с помощью так называемого рожка (*Ольчак Е.*, 1959). Сечение перстня определяет тип перстня: гладкий (круглый), рубчатый, треугольный, плоский, плосковыпуклый. Щитки разной формы и декор видоизменяет плосковыпуклые в сечении перстни. Ведущая форма щитка – овал. В одних случаях щитки представляют собой уплощение на внешней стенке, на участке 0,95–1,5 см (табл. 65, *3*), это условно – простые щитки. В других случаях овальный щиток изготовлен отдельно и приварен к кольцу (табл. 65, *4*). Есть щитки, отлитые вместе с кольцом (табл. 65, *1*). В отдельных случаях (табл. 65, *5* и *12*) рельефное украшение перстня можно лишь условно называть щитками, равно как и косые рельефы (табл. 65, *13*). Щитки, как правило, делали из того же стекла, что и кольцо. Известны случаи, когда щиток отличался цветом: желтый или красный овальный щиток прикреплялся к темному, почти черному кольцу (табл. 65, *14*).

Стеклянные перстни разнообразили с помощью цветного декора: точки, овалы (табл. 65, *8*), простые петли (табл. 65, *8*) и сложнофигурный меандр (табл. 65, *15*). Лишь изредка можно встретить перстни, в которых использованы оба декоративных элемента: рельеф и цвет (табл. 65, *16*). Для изготовления перстней использовали стекло разного цвета (и разного химического состава). В случае с перстнями состав почти однозначно нашел свое выражение в прозрачности, цвете, форме и декоре перстней, в силу этой связи внешние признаки являются достаточным основанием для упрощенного установления происхождения перстней (табл. 7). Происхождение перстней более сложных характеристик решается индивидуально с учетом состава.

Как следует из гистограммы (рис. 20), трижды на протяжении X–XV вв. стеклянные перстни становились заметным элементом в материальной культуре Древней Руси; цезуры ощутимы – во второй половине XI в. они желтые, зеленые, коричневые, прозрачные киевской работы; в последнее столетие перед монголо-татарским нашествием – зеленые, бирюзовые, фиолетовые, прозрачные и черные не прозрачные киевской работы; в XIV в. – бирюзовые, желтые не прозрачные западноевропейской работы и зеленые, желтые не прозрачные коричневые кольца (круглые в сечении) новгородской работы. Более подробные сведения о происхождении перстней представляет график (рис. 21).

Распределение стеклянных перстней во времени отлично от распределения перстней металлических, хотя известная взаимозависимость во второй половине XII – XIII в. налицо; сокращение числа стеклянных перстней во второй четверти XIII в. привело к двукратному увеличению металлических перстней. В это же время появились янтарные перстни, количество которых с количеством стеклянных связано по правилу оппозиции. Этому же правилу подчинены синхронные объемы перстней и браслетов, что особенно очевидно в первой половине XIII в.: предпочтение отдается браслетам – украшению относительно более новому, допускавшему большее число комбинаций, определяемых не только цветом, но и формой.

Таблица 7

Упрощенная схема для установления происхождения стеклянных перстней

Цвет	Прозрачность		Сечение		Декор			Происхождение
	прозрачный	непрозрачный	плоско-выпукл.	круглое	нет	есть		
						одноцвет.	многоцвет.	
Желтый	+		+		+			Киев
"	+			+	+			Новгород
"		+	+		+			Западная Европа
Зеленый	+		+		+	+	+	Киев
"	+			+	+			Новгород
Бирюзовый	+		+		+	+		Киев
"		+	+		+			Западная Европа
Синий	+		+		+			Византия
Фиолетовый	+		+		+			Киев
Коричневый	+		+		+			Киев
"		+	+			+	+	Западная Европа
"		+		+	+			Новгород
"	+		+			+		Византия
"	+		+		+			Киев
Черный	+	+	+		+	+		Киев
"		+	+			+		Закавказье

Распределение стеклянных перстней во времени подобно распределению стеклянных бус во второй половине XI – XV в. Синхронность и подобие всех остальных характеристик, включая технологию изготовления, позволяют думать, что перстни и бусы делали в одних и тех же мастерских.

Одни перстни из янтаря, массивные и плосковыпуклые в сечении, могут по форме быть соотнесены с металлическими широкосрединными замкнутыми перстнями, другие – со щитковосрединными. Янтарные перстни часто имеют резной декор, иногда очень богатый и сложный, нанесенный изнутри с передней стороны. Основные элементы декора – окружность с точкой, «циркультный орнамент» и линии, соединенные в четырехконечный или восьмиконечный крест; перстни без декора редки. Существенных различий в хронологии и технике изготовления нет: все виды янтарных перстней относятся к концу XIII–XIV в., преимущественно ко второй половине XIV в.

И широкосрединные перстни с циркульным плотно поставленным орнаментом (рис. 65, *17*), и щитковосрединные могут иметь более или менее выраженные щитки (рис. 65, *18–20*). На щиток, круглый или овальный, приходится наиболее сложная часть декоративной композиции, воспринимаемой через прозрачный янтарь.

Янтарные перстни в отличие от перстней из других материалов крупномасштабны: они выразительной формы, широкие, больших диаметров.

В средние века перстни, металлические, стеклянные, янтарные, носили на разных пальцах и на разных фалангах; им придавали большое значение: это и обереги, и хранилища ядов, и сувениры, и печати, и подарки, и символы статуса, власти, гражданского населения. Изобразительное искусство и литература донесли до нас сведения о сложной и важной роли перстней в средневековой культуре.

Глава 4
Древнерусский костюм

Одежда

Древнерусский костюм как ансамбль, состоявший из [illegible] одежды, головного убора и обуви, в научной литературе пока освещен недостаточно. Степень изученности его частей различна. До недавнего времени, чтобы реконструировать одежду, исследователи обращались к фрескам, миниатюрам и памятникам письменности, полагаясь на них как на основной источник (*Арциховский А.В.*, 1945. С. 34; 1948. С. 234–262; 1969. С. 277–296; *Левашова В.П.*, 1966. С. 112–119).

Такой подход обусловила фрагментарность деталей одежды, их плохая сохранность в памятниках археологии. Однако ее исследователи неоднократно высказывали мнение, что костюм, представленный на памятниках искусства Древней Руси, очень условен, подчинен иконописному шаблону и несет очень мало информации о действительно бытовавшей на Руси одежде. При этом они отмечали, что для исчерпывающего ее изучения необходимо привлекать данные археологии (*Арциховский А.В.*, 1948а. С. 362; 1969. С. 192).

Еще в прошлом веке специалисты в области быта и истории Руси уделяли особое внимание терминологии древних одежд. Некоторые формы одежды они сравнивали с костюмом более древних эпох и с народными одеждами XIX в. Был разработан сравнительный метод, благодаря которому стали возможными широкие этнокультурные сопоставления (*Оленин А.Н.*, 1832. С. 31; *Забелин И.*, 1843. № 25, С. 319–323; № 26. С. 327–333; № 27. С. 341–344; 1862 и 1869; *Прохоров В.А.*, 1875; 1881). В 1877 г. вышел в свет альбом, иллюстрирующий древнерусские одежды, в котором подведен итог знаниям, собранным всей плеядой ученых и художников XIX в. (*Стрекалов С.*, 1877).

Такой подход к изучению древнерусской одежды был обусловлен уровнем археологических знаний. Как известно, раскопки в области славянской археологии широко развернулись только во второй половине XIX в. Они впервые дали массовый курганный инвентарь X–XIII вв. со значительными фрагментами одежды. Однако отсутствие методов реставрации и консервации приводили к большим трудностям при работе с мягкими частями одежды. Археологическая же документация страдала одним общим недостатком: конструктивная связанность деталей одежд в погребении отражалась в отчетах не графически, а словесно. Отсутствие чертежей не давало должных представлений о форме деталей костюма.

Исследователи понимали, что материалы из раскопок позволяют полнее и точнее представить быт славян, в том числе их одежду, нежели отрывочные данные письменных источников, поэтому последние они использовали лишь как вспомогательный материал (*Прохоров В.А.*, 1881. С. 37).

К концу XIX в. отечественная наука располагала значительным количеством кладов, описанных знатоком русского и византийского искусства Н.П. Кондаковым (*Кондаков Н.П.*, 1896. Т. 1). Обладая необыкновенной эрудицией, он ввел в научный оборот максимум сравнительного материала как для украшений, известных по кладам, так и для одежд, известных по фрескам (*Кондаков Н.П.*, 1888) и миниатюрам (*Кондаков Н.П.*, 1906). Н.П. Кондаков большинство форм головных уборов и одежд послемонгольского периода отнес к эпохе Древней Руси, полагая, что они были заимствованы из Византии (Там же. С. 87). Он не придавал решающего значения возможности существования конвергентных форм одежды, под влиянием которых и перерабатывались новые пришлые формы. Помимо происхождения определенных категорий вещей, Н.П. Кондакова интересовали их назначение, конструкция и особенности ношения.

В отличие от историков-искусствоведов XIX – начала XX в., занимавшихся изучением древнерусских одежд преимущественно высших слоев общества, археологи уже в конце века заинтересовались культурой широких слоев населения. Первое место в осмыслении курганного материала принадлежит А.А. Спицыну, выделившему для разных славянских племен характерные для них наборы вещей и височные кольца, квалифицированные как этнический признак (*Спицын А.А.*, 1899. С. 301–340; 1895. С. 177–188).

Уже в XIX в. в научной литературе было высказано предположение, что в славянском костюме XIX в. сохранялся покрой древнейших одежд (*Головацкий Я.Ф.*, 1868. С. 4, 5). Одним из первых трудов по этнографии, в котором широко использованы данные археологии для истории одежды, можно считать книгу Ф. Волкова "Украинский народ в его прошлом и настоящем" (*Волков Ф.*, 1916). Помимо археологического материала, автор включил в исследование летописные термины, показав наличие аналогичных названий и форм одежды в древности и в XIX в.

После 1917 г. взгляд на крестьянское искусство коренным образом изменился, В.С. Воронов высказал идею, что крестьянское искусство содержит в себе "ряды последовательных наслоений", идущих со времен языческой поры (*Воронов В.С.*, 1924. С. 30).

Б.А. Куфтин, развивая идею В.С. Воронова, обратил внимание на "архаизмы" в русском костюме, которые, по его мнению, могли быть поняты и объяснены на материале Древней Руси (*Куфтин Б.А.*, 1926. С. 92).

Тогда же Д.К. Зеленин сформулировал свой подход к исследованию женских головных уборов восточных славян (*Зеленин Д.К.*, 1926, 1927. С. 303–556). Основой их изучения стал ретроспективный метод, который предполагал подробную классификацию накопленного к тому времени материала по головным уборам. Наличие общих черт при всем многообразии головных уборов ав-

© М.А. Сабурова

тор объяснял существованием близких форм еще в Древней Руси и единой линией их развития. Позже он вернулся к этим вопросам, чтобы доказать факт культурного единства восточных славян (*Зеленин Д.К.*, 1940. С. 23–32). В отличие от остальных исследователей истории одежды Д.К. Зеленин признавал конвергентность в развитии форм головных уборов и считал, что сходные формы у разных народов могли возникнуть независимо друг от друга.

Не менее актуальными в те годы были работы Н.И. Лебедевой, описавшей и сравнившей национальный костюм русских с костюмом белорусов и украинцев (*Лебедева Н.И.*, 1927). Она выделила архаические черты костюма у южных великоруссов (*Лебедева Н.И.*, 1929).

Развернувшиеся раскопки древнерусских городов расширили круг археологических источников, дали возможность по-новому осветить вопросы древнерусской одежды. Так, Б.А. Рыбаков обратил особое внимание на способы ношения отдельных видов украшений – височных колец (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 337–338), колтов (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 316–317, 332–383; 1940. С. 251; 1949. С. 57–58. Рис. 23, 25). К реконструкции головных уборов из бляшек в виде киотцев, известных по кладам, он не раз возвращался во многих работах (*Рыбаков Б.А.*, 1971. С. 35).

Исследуя Черниговские курганы, Б.А. Рыбаков обратил внимание на возрастное различие погребального инвентаря, в том числе одежды (*Рыбаков Б.А.*, 1949. С. 19–21. Рис. 4). Эти данные, а также летописные сведения о том, в чем хоронили в старину (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 141), проливают свет на сущность обрядов, и характер самих одежд и украшений, находимых в погребениях.

Г.Ф. Корзухина проанализировала все известные клады и систематизировала их по хронологическому признаку, что позволило ей выделить из содержавшихся в них украшений стилистически единые уборы. В своей работе Г.Ф. Корзухина рассматривала также вопрос о способе ношения различных украшений, для чего привлекала весь круг источников, особое внимание уделив терминологии (*Корзухина Г.Ф.*, 1954, С. 51–62). Характеризуя ювелирное ремесло XIII в., она вслед за Б.А. Рыбаковым проследила развитие его вширь, в народную среду, что выражалось в изготовлении недорогих украшений, имитирующих золотые и серебряные украшения знати (*Корзухина Г.Ф.*, 1950. С. 233).

А.В. Арциховский сохранил интерес к древнерусской одежде на протяжении всей своей научной деятельности. В работе "Курганы вятичей" (*Арциховский А.В.*, 1930) он разработал типологию и хронологию металлического убора вятичей, после он неоднократно возвращался к племенному убору вятичей (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 110; 1947. С. 80–81). В каждой работе, будь то работа, посвященная одежде (*Арциховский А.В.*, 1945. С. 34; 1948а. С. 234; 1969. С. 277), или раздел по иной теме (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 101; 1947. С. 17–18), А.В. Арциховский как бы подводил итог археологическим знаниям с максимальным привлечением письменных источников и сведений памятников изобразительного искусства.

В последние годы наметился новый этап в изучении древнерусской одежды, что связано как с постоянным пополнением археологических знаний, так и с уровнем развития смежных исторических дисциплин. Особое значение придается реставрации памятников археологии, которая возвращает материалам из раскопок первоначальный вид и несет разнообразную информацию о технологии тканей, особенностях кожи, способах крашения, шитья, характере кроя и т.п.

Большое достижение этнографов последних лет – издание историко-этнографического атласа, в котором разные типы одежд нанесены на карту (Историко-этнографический атлас, 1967. Т. I; 1970. Т. II). Сведения письменных источников об одежде с привлечением археологического материала обобщены в сборнике "Древняя одежда народов Восточной Европы" (1986).

В области исторической лексикологии изучаются лексемы, связанные с тематической группой слов, относящихся к одежде, обуви и украшениям (*Беркович Т.И.*, 1981; *Лукина Г.Н.*, 1974. С. 246–262; 1970. С. 100–102, и др.; *Вахрос И.С.*, 1959). Археологи пытаются использовать находки частей костюмов для их воссоздания, однако даже воротники, оплечья, зарукавья, пояса, ленты и тому подобные части одежды сохраняются лишь фрагментарно. Только после работы реставраторов археолог может использовать их для своих реконструкций. В такой последовательности логично изложить фактический материал по одежде Древней Руси: сначала ткани и детали костюма, потом его части (головной убор, платье, обувь), потом – реконструкция костюма в целом.

Ткани. Находки из слоев древнерусских городов, гробниц и сельских погребений рассказывают о всем многообразии тканей местного производства, из которых шили одежду. Это и шерстяные ткани, сотканные преимущественно из овечьей шерсти, и ткани из растительных волокон разной структуры (льна, конопли). Среди шерстяных и полушерстяных тканей встречаются ткани клетчатые и полосатые. На шерстяных тканях находят вышивки, сделанные "браной" техникой. Известны также ткани узорные. Обычными находками для X–XII вв. являются узорные и безузорные ленты, тесьмы, шнурки и бахрома из шерстяной пряжи (*Клейн В.К.*, 1926; *Нахлик А.*, 1963. С. 228–313; *Шмидт Е.А.*, 1957. С. 184–280; *Левинсон-Нечаева М.Н.*, 1959. С. 9–37; *Левашова В.П.*, 1966. С. 112–119). Широкое распространение имело сукно (*Левашова В.Р.*, 1966. С. 114) и предметы войлока (*Левашова В.П.*, 1959б. С. 52–54). Некоторые из тканей были сотканы из шерсти естественного коричневого, черного или иного цвета, другие – окрашены такими органическими красителями, как червец и "чернильные орешки". Применяли в крашении и минеральные вещества – охру, красный железняк и др. (*Левашова В.П.*, 1959б. С. 96–102). Кроме того, для шитья одежды из стран Западной Европы привозили тонкое шерстяное сукно (*Нахлик А.*, 1963. С. 270–274), а из стран Средиземноморья, Византии и Среднего Востока – шелковые и парчевые ткани, а также золототканые ленты (*Клейн В.К.*, 1926; *Ржига В.Ф.*, 1932. С. 339–417; *Фехнер М.В.*, 1971. С. 207, 226, 227; 1980. С. 124–129).

Особую группу составляли ткани с шитьем, выполненным металлическими нитями (золотными и серебряными) древнерусскими мастерицами. По письменным источникам известно, что уже в XI в. в монастырях существовали "школы", а в княжеской среде "домашние мастерские", в которых обучали технике золотного ши-

ки (*Новицкая М.А.*, 1965. С. 26). Было установлено, что в разных районах Руси преобладают ткани с определенным переплетением нитей (*Левинсон-Нечаева М.Н.*, 1959. С. 21). Так, в курганах вятичей чаще всего находят полушерстяные и шерстяные клетчатые ткани (пестрядь). Их ткали из шерстяных нитей, окрашенных преимущественно в красный, зеленый, синий, желтый и черный цвет, а также из нитей растительного происхождения белого цвета. Рисунок клетки различный. Встречаются клетчатые ткани с "ажурными" полосами, образовавшимися за счет выпадения пасконных нитей (*Левинсон-Нечаева М.Н.*, 1959. С. 25); клетчатые ткани с ажурными полосами, образованными при ткачестве. Один из образцов такой ткани был вышит толстой иглой. Орнамент вышивки – меандр. В этих же курганах обнаружены и гладкие шерстяные ткани полотняного переплетения с вышивкой, сделанной дополнительным утком – "браной" техникой. Сохранился узор в виде цепочки ромбов красного цвета на темном фоне. В указанных курганах найдено много узорных лент, использовавшихся для отделки одежды, поясов, для крепления украшений. Кроме того, в них найдены остатки сукна и диагональной ткани, под которыми в погребениях располагались тонкие ткани полотняного переплетения (лен?).

В Харлаповском могильнике, где похоронены кривичи, найдено множество тканей – 54 единицы. Среди них нет клетчатой ткани (лишь один фрагмент в области головного убора). Как известно, в разных памятниках кривичей вместе с браслетообразными височными кольцами находят единичные фрагменты клетчатой ткани. Тем не менее можно утверждать, что в погребальной одежде данного могильника их почти не использовали. Значительно меньше в Харлаповском могильнике шерстяных узорных лент. Здесь так же, как и в курганах вятичей, обильно представлены шерстяные однотонные ткани полотняного переплетения. Они украшены геометрическим узором, выполненным "браной" техникой. Преобладают ткани саржевого переплетения, сукно и войлок, под остатками которых найдена тонкая ткань полотняного переплетения.

Итак, в ткачестве вятичей и кривичей прослеживаются некоторые локальные различия. Как увидим ниже, их дополняют и локальные различия в одежде и головном уборе.

Головные уборы. В памятниках археологии X–XIII вв. они представлены из погребений и древнерусских кладов, это преимущественно женские головные уборы. Мужские головные уборы были почти неизвестны. В последнее время новые сведения о них собраны О.А. Брайчевской (*Брайчевська О.А.*, 1992).

В женских погребениях головные уборы представлены фрагментами текстиля, включающими шерстяные, шелковые ткани и очень редко ткани из нитей растительного происхождения. Известен войлок и тлен органического происхождения, не поддающийся определению (мех?). Нередко также находят крученые нити и бахрому из шерсти; а также разнообразные ленты: шерстяные, шелковые, золототканые. Помимо лент из текстиля, находят металлические ленты из серебра, бронзы и сплавов.

Среди металлических деталей от головных уборов известна своеобразная форма металлического жгута в виде обруча с раскованным и закрученным в трубку концом. Найдены также металлические бляшки, бусы, бисер, жемчуг; нередки детали из бересты, дуба и кожи.

Непременной принадлежностью женских головных уборов, как известно, были височные украшения. В некоторых случаях сохраняются остатки волос, рассказывающие о прическе.

Весь этот материал в конкретных археологических памятниках попадается в определенных сочетаниях, характеризующих особенности моделирования и различные способы украшения головных уборов. Работа с ним складывалась из следующих моментов: 1) реставрация загрязненных деталей головного убора, описание материала; 2) определение местоположения деталей головного убора в погребении, прежде всего, на черепе; 3) фиксация конструктивных элементов головного убора, входящих в единый комплекс; 4) систематизация материалов из погребений по группам путем объединения комплексов с повторяющимися признаками, определяющими конструкцию, особенности входящих материалов и их украшений, а также способы ношения.

И все же археологические материалы – это лишь детали от несохранившихся головных уборов. Чтобы представить целые формы, пришлось обратиться к древним памятникам изобразительного искусства, письменным источникам, материалам поздней этнографии, данным лексикологии. В результате такого комплексного метода была создана типология женских головных уборов, в основу которой положена конструкция. Она состоит из трех типов: тип I – головными уборами из куска несшитой ткани, тип II – сложные головные уборы, включающие разнообразные детали; тип III – головные уборы ленточной конструкции.

Тип I. Включает в себя платкообразные и полотенчатые головные уборы (табл. 66, 16–22). В XI–XIV вв. для их обозначения пользовались такими терминами, как "плат", "покров", "повой". Все они обозначали куски ткани, покрывавшие, обвивавшие, обматывавшие что-либо. В древнерусском языке их употребляли и в значении "головной убор". Форма головного убора зависела от формы куска ткани – "убруса" – термин, который в диалектах восточных славян XIX–XX вв. обозначал полотенчатый убор. В древнерусском языке слово "убрусь" употреблялось для обозначения головного убора как женского, так и мужского (*Беркович Т.А.*, 1981. С. 22, 59; 1967, § 419–422; *Срезневский И.И.*, 1958. Т. II. С. 1001).

Головные уборы типа I делали из различных материалов. Выделяют три подтипа.

Подтип 1. Головные уборы шерстяные и полушерстяные. Шерстяные платки были зафиксированы и исследованы в курганах вятичей. Среди них интересна ткань, обнаруженная в женском захоронении Волковской курганной группы Московской области. Это полушерстяная клетчатая ткань. Рисунок клетки сделан красными, черными и желтыми нитями. Кроме того, внутри клеток сохранились ажурные полосы, образованные за счет выпавших нитей растительного происхождения. Ткань была найдена у висков под семилопастными височными кольцами и пластинчатой гривной. Расположение ткани в области черепа и груди говорит о принадлежности ее платку. Аналогичные ткани были обнаружены в той же курганной группе, в курганах 31 и 33, а также в курганах у Бесед Царицынского района

Московской области. Дата описываемых памятников – начало XII – первая половина XIII в. (*Равдина Т.В.*, 1968. С. 136–142. Рис. 1).

В 12 погребениях курганов Вологодской области были тоже обнаружены клетчатые платки, из полушерстяной ткани полотняного переплетения (*Сабурова М.А.*, 1974. С. 94). Интересно, что в XIX в. в Вологодской губернии женщины носили шерстяные и полушерстяные клетчатые платки, которые назывались "понявой" – термином, обозначавшим в XIX в. юбку у южных великоруссов и охабень в северных губерниях России (*Даль В.И.*, 1956. Т. III. С. 286). Как правило, в древних письменных источниках "понява" означает ткань для верхней одежды или та, в которую можно что-то завернуть или что-то ею покрыть (ПСРЛ. 1953. Т. VI. С. 86; 1926. Т. I, вып. 2. С. 466).

Шерстяные платки того же времени, не только клетчатые, но и узорные, были найдены в курганах Битяговской курганной группы Московской области (*Розенфельдт Р.Л.*, 1973б. С. 192–199).

Известны также платки, расшитые бисером, бляшками, трапециевидными подвесками, в Московской, Смоленской и Вологодской областях (*Сабурова М.А.*, 1974. С. 94).

В северо-западных районах Руси нередко находят шерстяные платки, украшенные бронзовыми спиральками и колечками (МАР, 1896. Табл. XVI. Рис. 15, 16). Это так называемые "вилайнэ", которые локализуются в сопредельных с территорией балтских и прибалтийско-финских племен областях, они известны здесь с VII в. и доживают в отдельных районах до XIX в. (*Зорина А.Э.*, 1986. С. 178).

Подтип 2. Головные уборы из пасконных нитей. К этому подтипу можно отнести уборы, сотканные из нитей растительного волокна. В земле они почти не сохраняются. Лишь в отдельных случаях остатки их обнаружены в археологических памятниках. Так, в Гомельской области Рославльского района в курганной группе Веточка IV на черепе погребенной, под семилучевыми височными кольцами, под бляшками, а также у правой плечевой кости были обнаружены фрагменты льняной ткани полняного переплетения. Головной убор был украшен над челом полосой бляшек из оловянисто-свинцового сплава ромбической формы. Дата кургана – начало XI в. (*Соловьева Г.Ф.*, 1967. С. 10–13; 1965. С. 153).

Лучше сохранилась ткань из растительных волокон на женском черепе в погребении конца XII в., раскопанном в Минске. Это легкая ткань полотняного переплетения – "рядина", сохранившая белый цвет (*Тарасенко В.Р.*, 1950. С. 127–128; 1957. С. 229). Под ней просвечивали косы, уложенные вокруг головы, и высокий берестяной "кружок" (?). Очелье было украшено прямоугольным куском шелковой ткани с вышивкой. Здесь же сохранился венок из цветов. Из аналогичной ткани в XIX–XX вв. ткали полотенца специально на свадьбу и смерть. В музее Минска хранится полотенце – "сарпанок" – из пасконных нитей. Оно имеет очень редкую структуру полотняного переплетения; длина его около 3 м. Подобные полотенца известны у всех восточных славян вплоть до XX в.

Подтип 3. Шелковые головные уборы. В древних погребениях сохраняются иногда фрагменты шелковых тканей. Так, в Московском Кремле, в погребении XIII в., обнаружен богатый головной убор, включавший прозрачную шелковую ткань типа кисеи – фату (*Шелягина Н.С.*, 1973. С. 58).

Остатки тканей от фаты известны как из погребений, так и из древнерусских кладов XII–XIII вв. (*Фехнер М.В.*, 1974. С. 69). Ее делали из прозрачной легкой ткани полотняного переплетения, украшая тканым узором, золотным шитьем (Михайловский клад 1903 г.), нашивая золототканые ленты (Погребение из Смоленска XII в. в ц. Иоанна Богослова; раскопки И.И. Хозерова в 1924 г.) (табл. 66, *11*). Окрашивали их обычно в красный и яркорозовый цвет.

Термин "фата" пришел к нам из стран Востока, где обозначал особый вид шелковой ткани (*Беркович Т.Л.*, 1981. С. 114). Центрами по производству тонких покрывал были иранские города (*Пигулевская Н.*, 1956. С. 241). "Фата" известна как в русском литературном языке, так и в диалектах XIX–XX вв. Этим словом обозначали нарядные женские покрывала, свадебные полотенца, делавшиеся из легких тканей.

К типу II относят сложные головные уборы, состоящие из большого числа деталей. Очевидно, они были не только составными, но и шитые. Состояние изученности материала позволяет выделить три подтипа сложных головных уборов.

Подтип 1. Шитые головные уборы жесткой конструкции. Найдены в курганах вятичей. Так, в погребении кургана Беседской курганной группы на женском черепе, под височными кольцами, сохранился конструктивно целостный фрагмент головного убора. Он состоял из куска луба (размером 7,5 × 3,5 см), на котором крепко держалась шерстяная узорная лента длиной 5 см и шириной 2,3 см. Между лубом и лентой проходили жгуты из шерстяных крученых нитей. На жгутах сохранился оксисел от металла височных колец, а между лентой и лубом – фрагмент шерстяной ткани полотняного переплетения с узором, выполненным "браной" техникой. Ткань бурого цвета, орнамент сделан красными шерстяными нитями в виде ромбов, посаженных в шахматном порядке. Здесь же был найден фрагмент такой же ткани с "браным" орнаментом, размером 10 × 14 см. Он выкроен в виде треугольника с округлыми углами. Очевидно, здесь был женский головной убор на жесткой основе с козырьком, сшитым из ткани. Убор был обшит по очелью узкой лентой, под которой проходили шерстяные жгуты, на которых крепились височные кольца. Спрятанные под головной убор волосы как бы заменяли "локоны", образованные из шерстяных нитей. Аналогичный головной убор найден в кургане 28 Волковской курганной группы. Он сделан из темной шерстяной ткани полотняного переплетения с "браным" орнаментом в виде ромбов и косых крестов красного цвета. О возможной форме головного убора можно судить по высоте сохранившейся лубяной основы. Судя по изображениям головных уборов на произведениях мелкой пластики XIII–XIV вв. силуэт их мог возвышаться над челом и иметь слегка расширяющуюся или округлую форму (*Сабурова М.А.*, 1973. С. 32–35) (табл. 66, *2*).

Подтип 2. Составные головные уборы мягкой конструкции. В качестве примера головного убора из большого числа самостоятельных частей мягкой конструкции, можно привести археологические уборы с бахр

мой из курганов вятичей. Они найдены в пяти курганах Московской области (*Сабурова М.А.*, 1976а. С. 127–132). Суммируя данные из раскопанных комплексов, можно представить части самих уборов. Это бахрома из шерстяных крученых нитей длиной 20 см, которую крепили на ленте; шерстяные узорные ленты, располагавшиеся на лбу и повязывавшиеся вокруг головы; фрагменты тканей (лен, шерсть, полушерсть), найденные на черепах (под лентой, бахромой и поверх лент). Характер входящих материалов и конструктивные элементы этих уборов ближе всего головным уборам южных великоруссов начала XX в. – "увивкам" и "мохрам". Для них было типично наличие различных самостоятельных частей, делавшихся из разных тканей и бахромы, крепившейся на ленте. Интересно и совпадение орнамента на ленте из археологического комплекса и на ленте тамбовского головного убора с увивкой – косой крест, ромбы (табл. 66, *3*). Носили такие уборы в XIX–XX вв. молодухи. Они входили в комплекс одежды с паневой.

Подтип 3. Головные уборы в виде "кокошников", украшенных бляшками. Среди сложных головных уборов, известны уборы, состоявшие из тканей, жесткой основы (бересты, луба) и оловянисто-свинцовых бляшек. Распространенной их формой были высокие головные уборы, имевшие форму "нимба" – кокошника с округлым верхом. Он доверху покрывался бляшками. Найдены такие головные уборы в Смоленской области (*Савин Н.И.*, 1930. Т. II. С. 225–226; *Шмидт Е.А.*, 1957. С. 251) и в Вологодской области (*Сабурова М.А.*, 1974. С. 89).

В центральных и северных районах России в XIX–XX вв. носили головные уборы такой формы. В Этнографическом музее Петербурга можно увидеть и берестяную основу от подобного кокошника. Она происходит из Вологодской губернии.

В Харлаповском могильнике Смоленской области в конструкцию этих кокошников входили браслетообразные височные кольца, крепившиеся или накладывавшиеся на берестяной кружок. Диаметр берестяных кружков повторяет диаметр колец. Как показали исследования, по краю берестяных кружков шли дырочки от проколов иглой, так как их обшивали шерстяной тканью красного цвета. Кольца крепили к головному убору с помощью кожаных ремешков. Возможно, берестяные кружки пришивали к кольцам или просто "подтыкали" под головной убор, что известно по материалам поздней этнографии (*Гранкова Н.П.*, 1955. С. 26, 27).

Найденные в Харлапове материалы позволяют предположить, что по обеим сторонам женского головного убора носили не просто кольца, а лопасти округлой формы, также известные по материалам этнографии XIX–XX вв. (Там же. С. 24–27). В Музее народного искусства Москвы хранится головной убор "кричка рогатая". На нем по сторонам очелья пришиты круглые лопасти на жесткой основе. Диаметр их 7,5 см. Они украшены бисером, бляшками и объединены в одну композицию с очельем лентой, пришитой вокруг лопастей и чела. Нам не известно, были ли описанные выше головные уборы из Харлапова цельными или составными. Можно лишь предположить, что они могли включать височные подвески, укрепленные на лопастях и перекинутые через темя с помощью ремешков. Дата Харлаповского могильника – XI–XIII вв.

Тип III образуют головные уборы ленточной конструкции. Это круглые по форме уборы из полосы ткани, металла, бляшек и других материалов, которые, как простейшие диадемы – "венки", скрепляли волосы.

Слово "venъ" и производное от него "венок", "венец", "венчик" от праславянского глагола "вить". Как предполагает Т.А. Беркович, первоначально в древнерусском языке слово "венок" означало головной убор девушки (*Беркович Т.Л.*, 1981. С. 15).

Слово "венец" имело более широкое значение, обозначая также убор, надевавшийся при возведении на царство и бракосочетании (Там же. С. 10–20). Словом "венец" переводили древнегреческое слово "диадема" – головная повязка. Кроме того, "венцом" в царском быту XV–XVI вв. (*Забелин И.* 1901. С. 360; Духовные грамоты, гр. 1486 г.), а затем в народной среде XVIII–XX вв. (*Даль В.И.*, 1863–1866. Т. 1. С. 292; *Филин Ф.М.*, 1965–1980. Вып. 4. С. 111–112; Определитель, 1971. С. 63, 192) называли девичьи головные уборы разных форм, чаще на жесткой основе.

В работе В.П. Левашовой приведены разные варианты головных уборов ленточной конструкции. Она разделила их по материалу, выделив из всего многообразия формы X–XIII вв., характерные для славянского этноса Древней Руси (*Левашова В.П.*, 1968. С. 91–97).

Находки последних лет значительно обогатили наши представления в этой области. В настоящее время можно выделить не менее восьми подтипов головных уборов ленточной конструкции в зависимости от материала, из которого они сделаны.

Подтип 1 образуют венцы в виде металлической ленты. Пластинчатые венчики в виде металлической ленты известны на всей территории Древней Руси. Некоторые из находок, как писала В.П. Левашова, имеют жесткую основу или "нашиты на повязку" (Там же. С. 92; *Уваров А.С.*, 1872. С. 160). Так, в Калининской области был обнаружен серебряный венчик в виде ленты с дырочками на концах. Под ним шла лента из бересты (*Успенская А.В.*, 1973. С. 180) (табл. 66, *5*). В сочетании с металлическими венчиками в Курской области встречены венцы своеобразной формы в виде металлического жгута с раскованным концом (*Седов В.В.*, 1982. С. 212. Табл. XXXVIII). Головной убор найден вместе с браслетообразными височными кольцами и проволочными шпильками в виде разомкнутых перстневидных колец, крепивших височные кольца к волосам. Дата погребения – конец XI в. Ленты тканевые делали из парчи (табл. 66, *1*, *2*, *12*). Их можно объединить в подтип 2. Шелковые ленты (подтип 3) украшали шитьем (*Фехнер М.В.*, 1973. С. 218. Рис. 1г) и тиснеными бляшками из драгоценных металлов (*Фехнер М.В.*, 1974. С. 647, 68). Известны они как в сельских курганах, так и в богатых городских гробницах и кладах (*Пастернак Я.Х.*, 1944. С. 125) (табл. *66*, *6*). Ленточные домотканые уборы делали и из растительного волокна (подтип 4) и шерсти (подтип 5) (табл. 66, *3*, *4*). Аналогичные ленты изготовляли и в XIX в. в русском крестьянском быту. Украшали их геометрическим орнаментом (*Левинсон-Нечаева М.Н.*, 1959. С. 32, 33. Рис. 12).

В погребениях находят также ленты, сложенные и сшитые из ткани (подтип 6). Так, в кургане близ с. Ушмары Московской области был найден шитый головной

убор (раскопки М.Е. Фосс в 1924 г.; *Левинсон-Нечаева М.Н.*, 1959. С. 27, 31. Рис. 11) полосы ткани с подогнутыми и подшитыми краями на подкладке. Шерстяная ткань была синего цвета, орнамент-узор красного и желтого цветов. Рядом были найдены семилопастные височные кольца и пряди длинных распущенных волос, что говорит, скорее всего, о том, что головной убор принадлежал девушке. Дата кургана – XII в.

Своеобразная повязка, сшитая из разных материалов, была найдена и в Подольском районе Московской области (раскопки А.А. Юшко в 1965 г. Отчет ИА, Р-1, дело № 3058). Она состояла из шерстяной ленты, на которую в районе очелья были нашиты шелковые ленточки, размером 1,5 × 2 см, украшенные двумя полушаровидными бляшками из биллона. По сторонам лица находились семилопастные височные кольца. Под ними сохранилась прическа в виде локонов, уложенных петлей на уровне виска. Дата кургана – XII в.

Ленточные головные уборы из бляшек образуют подтип 7. Они украшены рядом бляшек, пластин. В погребениях их находят на лобных костях черепа (*Спицын А.А.*, 1899. С. 306. Рис. 16).

В древнерусских кладах известны наиболее роскошные образцы этого рода уборов (*Кондаков Н.П.*, 1896. С. 138, 139, 145; *Беляшевский Н.Ф.*, 1901. С. 150). Они состоят из девяти золотых пластин, семь из которых прямоугольной формы с килевидным завершением (в виде "киотцев"), и две концевые пластины трапециевидной формы, сужающейся к внешним концам. Между собой бляшки соединялись нитями, проходившими через дырочки на боковых сторонах пластин. Головной убор представлял из себя диадему с очельем из пластин, которая завязывалась на затылке лентой (*Макарова Т.И.*, 1975. С. 44). Украшались они эмалью, жемчугом, подвесками и входили в состав ритуального убора древнерусских княгинь (*Рыбаков Б.А.*, 1970. С. 36–38).

В городских памятниках известны аналогичные виды головных уборов, но более скромные. Так, в тайнике под развалинами Десятинной церкви в Киеве были найдены бляшки от диадем: округлые со вставками, из маленьких полушаровидных бляшек, нашитых в два ряда, и др. Они сохранились нашитыми на ленту из ткани (табл. 66, *8*). Количество бляшек на подобных диадемах обычно нечетное, так как в основе этих диадем лежит изначальная форма со средником – центральной фигурой. Описанные диадемы принадлежат богатым горожанам, погибшим в Киеве, во время нашествия татар в 1237 г. (*Каргер М.К.*, 1958. С. 502; 1941. С. 79).

Бляшки от аналогичных диадем известны и в курганах. Их делали из тисненого или позолоченого серебра и различных сплавов. Так, в Гомельской области БССР лента из ряда оловянисто-свинцовых бляшек была найдена вместе с головным убором I типа. В Новгородской области Черновского района в кургане близ д. Хрепля (раскопки А.В. Арциховского в 1929 и 1930 гг.) был найден венчик из бляшек, украшенных рубчатыми колесиками. Близкие по форме бляшки от такого же венчика найдены на территории древнего Новогрудка (*Павлова К.В.*, 1967. С. 37. Рис. 10). Известны они также в курганах бывшей Псковской губернии, в каменных могилах Лидского уезда Виленской губернии (*Спицын А.А.*, 1899. С. 306. Рис. 16), находили их и на территории бывшей Латвийской ССР (*Мугуревич Э.*, 1972. С. 389). Э. Мугуревич считает, что этот тип головного убора пришел на север с территории Древней Руси. Венчик из ряда нашивных бляшек с эмалью найден только один раз в кургане I бывшей Костромской губернии, в Неряхотском уезде (*Нефедов Ф.Д.*, 1899. С. 243. Табл. 6. Рис. 42) (табл. 66, *10*), он был нашит на бересту.

В подтип 8 входят головные уборы в виде венца на берестяной или лубяной основе, украшенные бусами (*Сабурова М.А.*, 1975. С. 19–20) (табл. 66, 9). Е.Н. Клетновой было раскопано погребение в Смоленской области близ д. Хожаево, в котором вместе с браслетообразными височными кольцами она обнаружила такой убор. Она пишет, что на черепе находилась "полоса бересты, из коей на манер венчика была сделана основа головного убора и на нем нанизаны узором золоченые стеклянные бусы, положенные горизонтально и пересекаемые оливкообразными сердоликовыми пронизками, положенными вертикально" (*Клетнова Е.Н.*, 1910. С. 10). Дата кургана – XI – начало XII в.

Помимо описанных выше типов головных уборов в памятниках X–XIII вв., встречены и отдельные их детали, рассказывающие о их конструкциях, о прическах и особенностях их украшения. Самой распространенной и часто встречаемой деталью головных уборов можно считать очелья. По сути, это самостоятельная конструктивная деталь, для украшения которой пользовались всевозможными техническими приемами, известными в шитье и ювелирном искусстве. Например, по отпечаткам бляшек на женском черепе удалось представить очелье, обнаруженное в погребении Борисоглебского собора в Новгороде (*Строков А.А.*, 1945. С. 73. Рис. 32) (табл. 66, *14*; реконструкция А.А. Строкова). Оно было прямоугольной формы со слегка возвышающимся к центру верхом. Вся поверхность очелья украшена бляшками. В их состав входили тисненые бляшки из позолоченного серебра разной формы и филигранные серебряные. Сама форма очелья свидетельствует о том, что его нашивали на твердую основу. Вместе с аналогичными бляшками там же найдены и остатки шелковых тканей – "золотные блестки парчевой ткани" (*Строков А.А.*, 1945. С. 70), что говорит о принадлежности этих очелий дорогим шелковым уборам, включающим золотные нити. Погребения относятся к концу XII в.

В Московской области обнаружено очелье на жесткой основе (раскопки М.Г. Рабиновича в 1956 г. у д. Звездочка (табл. 66, *13*). Оно сделано из шелковой ткани саржевого переплетения. На ткани золотной нитью выполнено шитье в виде древ, вписанных в арочки. Шитье окаймлено золототканными лентами, что выделяет его как самостоятельную декоративную деталь убора. Дата погребения – XII в.

Богатое очелье от головного убора найдено в погребении под Успенским собором в Московском Кремле (*Шеляпина Н.С.*, 1973. С. 57, 58. Рис. 4). Оно состояло из шелковых лент, расшитых золотной и шелковой нитью. Кроме того, очелье было украшено жемчужной обнизью и "средником" в виде дробницы (?) прямоугольной формы (не сохранилось) (табл. 66, *15*). Найдено оно вместе с шелковыми головными уборами – волосник, фата. Дата погребения – начало XIII в.

При раскопках в Новгороде в 1965 г. была найдена грамота № 429. По палеографическим данным, она относится к XII в. (*Янин В.Л., Зализняк А.А.*, 1986. С. 207, 208). В ней указан перечень одежды и "каких-то женских головных уборов (три) с обшивкой, украшенной лентами (или: из лент, разноцветной), и с очельем...". Последнее особенно важно, так как имеет прямое отношение к той детали головного убора, которая обнаружена в археологических памятниках домонгольской Руси. Как известно, в XIX в. этот термин, сохраняя значение передней части женского головного убора, в отдельных губерниях перешел на название целого головного убора (*Даль Вл.*, 1956. Т. IV. С. 587).

Нередко в погребениях вместе с височными кольцами находят фрагменты лент, тканей, а иногда и детали прически, которые говорят и о ношении височных колец.

Так, по материалам Вологодской экспедиции удалось проследить три способа ношения височных колец: вплетенными в косичку из волос на уровне виска и уха; 2) продетыми в ткань головного убора; 3) в ушах (*Сабурова М.А.*, 1974. С. 86–89. Рис. 1). Известны случаи и продетых височных колец в золототканую ленту на уровне висков. А.В. Арциховский говорит о ношении височных колец продетыми в головную повязку, делавшуюся из кожи или из материи (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 46).

Кроме того, височные кольца крепились на кожаных ремешках. Они встречены повсеместно. Крепились ремешки к головному убору по-разному. Один из распространенных способов – сложенная пополам кожаная или матерчатая лента с продетыми в нее височными кольцами. Они продевались так, что одно кольцо располагалось ниже другого, а нижнее просто подвешивалось на ленту. Такой способ прослежен в Белоруссии на территории радимичей (*Сабурова М.А.*, 1975. С. 18–19. Рис. 1, 2). К головному убору на жесткой основе у висков таким образом крепились семилучевые височные кольца. Аналогичный способ был зафиксирован и в Московской области. В кургане 12 у д. Марьино Подольского района на черепе женского погребения была найдена лента из ткани в сочетании с семилопастными височными кольцами (раскопки А.А. Юшко в 1972 г. Архив ИА. Д. 5077, 5077а, л. 56, 57). В процессе реставрации были обнаружены отпечатки семилопастных колец на ленте и дырочки от проколов дужками колец, что и позволило представить этот способ ношения. Височные кольца, продетые в ленту, захватывали и волосы под ней, скрепляя прическу. В данном погребении, очевидно, волосы были распущенными.

Под височными кольцами часто находят детали прически в виде петель из волос, спускающихся вниз от виска. Они как бы подстилают височные кольца. Петли-локоны у виска обычно встречаются в женских погребениях вместе с семилопастными височными кольцами. Они создавали прокладку между виском и кольцами, совмещая утилитарное и эстетическое назначение (*Сабурова М.А.*, 1974. С. 91, 92. Рис. 4).

Как видно из изложенного выше, способы ношения височных колец были различны.

Помимо височных колец в городской среде и среде высших слоев населения, носили всевозможные рясна – длинные подвески из колодочек, цепей и их звеньев. К ним подвешивали разные подвески: колты, бляшки. Обычно их крепили к головному убору перстнеобразными височными кольцами, у которых один конец был загнут в спираль. Будучи проколотой в головной убор, спираль кольца задерживала подвеску в месте прокола головного убора. Рясна, как и височные кольца, отличались большим разнообразием форм и крепления на головном уборе.

В некрополе Суздаля XI–XII вв. найдены рясна в виде сцепленных между собой перстневидных колец. На них были подвешены трехбусинные височные кольца. Такие рясна находят в погребениях девушек. Девочкам такие же кольца вплетали в косу; пожилые женщины обычно носили по одному кольцу на уровне уха (*Сабурова М.А., Седова М.В.*, 1984).

Вообще уборы описанных типов в жизни редко фигурировали в "чистом" виде: чаще они представляли собой сочетание из уборов разных типов. Такие сложные составные уборы – результат соединения разных форм, которые носили в разном возрасте. Именно поэтому женский головной убор включал в свой состав девичьи венчики. Последнее наблюдение подтверждает мысль Д.К. Зеленина о том, что женский головной убор был усложненным девичьим убором (*Зеленин Д.К.*, 1926. С. 312). В то же время головной убор девушки мог включать детали женского убора: жесткую основу, очелье с височными украшениями. Сложные головные уборы бывали и шитыми. Возможно, термин "ушьвь" отражает какую-то форму такого убора. Головной убор девушки ленточной конструкции использовался с различными уборами I и II типов. На миниатюре Радзивилловской летописи можно видеть женщину в плате, повязанном поверх лентой (Фотомеханическое воспроизведение Радзивилловской или Кенигсбергской летописи, 1902. Л. 33).

Венчики и очелья входили тоже в головные уборы I и II типов. Так, на иконе XIV в. с изображением св. Варвары можно видеть убрус с очельем (табл. 66, *22*), а на иконе XIV в. Параскевы с житием – плат и диадему со средником (табл. 66, *20*). На произведениях мелкой пластики XIII–XIV вв. жены-мироносицы показаны в головных уборах с выделенным очельем (табл. 66, *18, 19, 21*).

Сказанное не опровергает принципов предложенной классификации головных уборов, наглядно свидетельствуя о единой системе их моделирования.

Детали украшения древнерусской одежды. Одежда, как и головной убор, крайне редко сохраняется целиком. Археологи находят только их детали. С них и начнем.

1. *Воротники.* В результате раскопок некрополя г. Суздаля были исследованы детали одежды, принадлежавшие воротникам. Они найдены в погребениях конца XI – середины XII в. (*Сабурова М.А.*, 1976. С. 226–229; *Сабурова М.А., Седова М.В.*, 1984. С. 122–126). Самая большая группа принадлежит стоячим воротникам с разрезом слева (табл. 67, *8, 9, 14–16, 20, 21*), меньше воротников в форме карэ (табл. 67, *17*), один воротник в виде трапеции (табл. 67, *22*), один округлой формы, приближающийся к так называемой "голошейке". Интересно, что почти во всех погребениях пуговки от застежки располагались слева шеи, в том числе и в погребениях, где остатков самих воротников не найдено. Исключения редки (табл. 67, *22*).

Детали суздальских воротников сделаны из византийской шелковой ткани. Они украшены золототканными лентами, а также вышивкой шелковыми и золотными нитями, один воротник украшен жемчужной обнизью – работа древнерусских мастериц.

Для стоячих воротников характерно наличие жесткой основы (бересты, кожи), орнаментальной полосы по верху ворота и разреза слева. Высота их 2,5–4 см. Нижний край всех перечисленных форм воротников проколот иглой – следы крепления к одежде. Наличие фрагментов ткани на изнанке воротников позволяет предположить, что сама одежда была как из нитей растительного волокна, так и из шелка. Все формы воротников, найденные в Суздале, известны в традиционной русской одежде XIX–XX вв. и характерны для рубах разного кроя. Привлеченные в качестве аналогий рубахи XIX–XX вв. позволили отождествить детали стоячих воротников из погребений со стоячими воротниками косовороток, а воротники в виде карэ и трапеции – с украшениями на некоторых русских свадебных рубахах (*Молотова Л.Н., Соснина*, 1984. С. 39. Илл. 62, 184), что и дало основание отнести найденные детали к украшениям рубах.

Косоворотки XIX–XX вв., так же как и наши воротники, – это стоечки высотою 2,5–3 см. Они украшены разнообразной вышивкой и наряду с поздней застежкой из фабричных пуговиц имеют и аналогичную древней застежку в виде металлической овальноухой пуговки, причем, как и на суздальских воротниках, на правой стороне ворота пришита пуговица, а на левой – нитяная петля (ГИМ. Инв. № 77647, В476). У поздних рубах в виде карэ и трапеции, так же как и на древних рубахах, ворот украшен вышивкой и обшит лентой, сложенной под прямым углом по сторонам шеи. Он имеет разрез слева, вдоль которого спускается левая сторона ворота. У таких рубах были застежки разного вида: на пуговку и на ленты (*Молотова Л.Н., Соснина Н.Н.*, 1984. Рис. 63, 184).

В археологических памятниках Древней Руси широко распространены воротники описанных выше форм. Стоячие воротники находят и в женских и в мужских погребениях, воротники в виде карэ – чаще в мужских погребениях.

Так, в Ивановской области воротники из золототканых лент, имевшие форму карэ с разрезом слева, были обнаружены в мужских погребениях (табл. 67, *5*) (раскопки К.И. Комарова в 1975 г.). Трапециевидной формы ворот из золототканой ленты был зафиксирован в Старой Рязани (Раскопки В.П. Даркевича в 1977 г.). И все же преобладают в памятниках домонгольской Руси стоячие воротники с разрезом слева (табл. 67, *6, 7, 18, 19*). Их находят повсеместно в слоях древнерусских городов (в Старой Русе, в Старой Рязани, в Смоленске). Известны они и в кладах (Михайловский клад 1903 г. в Киеве (*Фехнер М.В.*, 1974. С. 68, образец 6; *Гущин А.С.*, 1936. С. 29 и пр.). Некоторые из воротников достигают высоты 7–7,5 см. Помимо вышивки, их украшали жемчугом и бляшками.

Столь широкое распространение стоячих воротников с разрезом слева говорит о преобладании одежды с застежкой на левую сторону и о бытовании ее у разных слоев населения.

Как известно, для русского национального костюма характерна двубортная одежда. В работе Т.С. Масловой высказано предположение о том, что распространение двубортной одежды и косоворотки происходило одновременно (*Маслова Г.С.*, 1956. С. 581, 702). Двубортную одежду можно видеть на миниатюрах Радзивилловской летописи. Так, на миниатюре, посвященной основанию Киева, на двух фигурах показаны длиннополые верхние одежды с запахом на левую сторону (Радзивилловская или Кенигсбергская летопись, 1902 г., лист 4). Очевидно, высокие воротники (более 4 см высотой), подшитые берестой и кожей, с разрезом слева принадлежали и верхней двубортной одежде.

Ожерелья (стоячие ожерелки) представляют из себя шейные украшения, близкие к описанным выше воротникам. Они также нашивались на ткань и нередко подкладывались берестой или кожей. Носили их не пришитыми к одежде. Обычно всю поверхность ожерелья покрывали шитьем, орнаментом или золототканой лентой, а также рядом бляшек и колодочек. Бляшки и колодочки обнизывались жемчугом или бисером. Внутри бляшек встречены вставки из камней и цветных стекол. В отличие от воротников орнаментальная полоса украшала непришивные ожерелья и снизу (*Фехнер М.В.*, 1974. С. 68. Образец 3). Судя по изображениям на древнерусских фресках стоячие ожерелья входили в комплекс парадных одежд высших слоев общества. Так, на фреске XII в. в Кирилловской церкви Киева изображена св. Евфросинья в богатой одежде, расшитой бляшками с оплечьем и стоячим ожерельем. Последний отличается от наших ожерелков тем, что застежки на стоечке расположены по центру ворота.

Как ожерелки, так и бляшки от них известны не только в комплексах богатых погребений и кладов, но и в слоях древнерусских городов, а также в сельских курганах. В XII–XIII вв. они широко распространяются по всей территории Руси, включая и окраинные земли (*Седова М.А.*, 1976. С. 229).

В русском народном костюме XIX–XX вв. были широко распространены шейные украшения в виде стоечки, делавшиеся на жесткой основе, украшавшиеся жемчугом, бисером, шитьем и рядом бляшек (*Молотова Л.Н., Соснина Н.Н.*, 1984. Илл. 59, 171, 172).

Ожерелье-оплечье – верх парадного платья из ткани с украшениями. В литературе его еще называют барминами (*Корзухина Г.Ф.*, 1954. С. 56). Фрагменты от подола оплечья, украшенного на груди шелковой золотной тканью, золототканными лентами и металлическими бляшками со вставками из стекла и сердолика, были обнаружены в Чернигове около фундамента ц. св. Михаила XII в. Подол этого платья также был украшен бляшками (Отчет Черниговской ученой комиссии 1910 г. С. 11). Изображение платья с подобным оплечьем можно видеть на фресках Киевской Софии (*Лазарев В.Н.*, 1970. С. 38, 39) и на указанной выше фреске XII в. Кирилловской церкви в Киеве. Такие оплечья украшали как женское, так и мужское платье (Там же. С. 47–49). Остатки от ожерелий находят не только в древних городницах, но и сельских курганах. В отличие от роскошных оплечий знати они представляли из себя нагрудные украшения из недорогой шелковой ткани с шитьем и являлись отделкой верха платья, сшитого очевидно, из дом

тканой материи (*Фехнер М.В.*, 1971. С. 223). Так, в Московской области (Домодедовском районе) в женском погребении кургана 5 у д. Новленское в 1969 г. был обнаружен фрагмент шелковой ткани. Он лежал на груди. У ворота ткань была обшита золототканой лентой. На ткани сохранилось шитье золотной нитью в виде черехлепестковых розеток. Внутри лепестков розеток нашиты тисненые бляшки из позолоченного серебра. Бляшки как бы сжаты в подтреугольную форму и обращены к центру розетки. На них по три дырочки для пришивания к ткани. Дата погребения – XII в.

Еще одно ожерелье найдено было близ железнодорожной станции Пушкино Московской области в 1925 г. (*Фехнер М.В.*, 1976. С. 224). Ожерелье представляет из себя несколько фрагментов шелка. Отдельные его фрагменты составляются в прямоугольный кусок ткани. Он был обшит золототканными лентами со всех сторон. Шитье сделано золотной и шелковой нитью "в прикреп". Орнамент вышивки представляет из себя четыре древа, вписанные в круглые медальоны (табл. 67, *4*). Это, скорее, нагрудное украшение, так называемая "вошва". Аналогичные ожерелья известны еще в нескольких погребениях Московской, Ивановской и Владимирской областей (*Фехнер М.В.*, 1973. С. 219. № 7, 2, 8). Известны они как в женских, так и в мужских погребениях.

Опястья (обшлаг рукава, зарукавье), поручи – известно и как название опястий в одежде священнослужителей. Находки украшений рукавов – опястий в древнерусских памятниках крайне редки.

Хорошо сохранившееся опястье найдено в гробнице кн. Владимира Ярославича, умершего в 1052 г. (*Рябова М.П.*, 1969. С. 130). Опястье представляет из себя прямоугольный кусок ткани длиною 23 см и шириною 4,5 см. На одной из коротких сторон пришиты две пуговицы, на другой – нитяные петли. Расстояние между ними 20 см. Ткань красная атласного переплетения. На ней расположено золотное шитье. Орнамент состоит из полосы кринов, вписанных в сердцевидные фигуры, между которыми вшиты ростки, перегнутые у основания с треугольными расширениями в верхней их части (табл. 67, *3*).

От XII в. сохранились знаменитые поручи в виде трапеции, принадлежавшие Варлааму Хутынскому. На них сохранились лицевое и орнаментальное шитье золотой и шелковой нитью, а также жемчужная обнизь (*Якунина Л.И.*, 1955. С. 35. Рис. 13).

Находки опястий в курганах почти не известны. М.В. Фехнер сообщает лишь об одном украшении рукава из собрания ГИМ. Оно сохранилось на правом предплечии погребения, найденного в Московской области (*Фехнер М.В.*, 1971. С. 219). Украшено оно золототканой лентой. Отсутствие опястий в курганных погребениях свидетельствует, что дорогие привозные ткани и ленты не нашивались на опястия погребальных одежд – ими украшали лишь ворот.

Пояс. В богатых погребениях домонгольской Руси неоднократно находили пояса. В.В. Хвойко сообщает о находках в погребениях Среднего Приднепровья (в Шарках, в Белгородке) поясов из шелка с византийским орнаментом (*Хвойко В.В.*, 1913. С. 55, 83). Некоторые пояса были с серебряными позолоченными бляшками (*Хвойко В.В.* 1905. С. 101). О находках шелковых поясов, украшенных позолоченными бляшками, известно и по раскопкам Л.К. Ивановского в бывшей Петербургской губернии (*Спицын А.А.*, 1896. С. 159. Т. XVI, 3), а также по раскопкам Д.Я. Самоквасова в бывшей Киевской губернии – на Княжей Горе. На поясе позолоченные серебряные бляшки, аналогичные найденным на Райковецком городище (*Гончаров В.Г.*, 1950. Т. XX, 11). Известны они и в кладах. Так, в старорязанском кладе 1887 г. была обнаружена шелковая ленточка, покрытая рядом таких же бляшек, обнизанных бисером (*Гущин А.С.*, 1936. С. 78–80. Табл. XXIX, 7). Очевидно, такие ленты, украшенные разнообразными тисненными бляшками с орнаментом, а также и бляшками с эмалями, могли украшать не только очелья и ожерелья, но и пояса. В гробнице князя Владимира Ярославича был найден пояс из узорной шелковой византийской ленты, орнамент которой повторяет в шитье опястья того же погребения (табл. 67, *2*).

Кайма – лента, шедшая на обшивку одежды (ошивка, вошва). Исследователи древнерусских одежд уже давно обратили внимание, что одежды домонгольской поры обшивались разнообразными лентами (*Прохоров В.А.*, 1881. С. 67, 76, 77; *Ржига В.Ф.*, 1932. С. 54). Среди археологических тканей ГИМа большое количество материала принадлежит разнообразным лентам, шедшим на украшение края одежды (*Фехнер М.В.*, 1971. С. 219–221). М.А. Новицкая исследовала шелковые ткани, в том числе и ленты с вышивкой, найденные на Украине. О местоположении указанных деталей на одежде не сохранилось никаких данных. Используя сведения, почерпнутые в древних памятниках искусства (на фресках, иконах, в письменных источниках и т.д.), она сопоставила археологический материал с украшениями разных деталей парадной одежды. Из всей массы материала (очелья, опястья, ожерелья, воротники) она выделила и ленты, шедшие на украшения "подола, обшивку плащей – корзно и ленты, располагавшиеся вертикально через середину платья" (*Новицкая М.А.*, 1965. С. 34, 35).

В качестве примера ткани, украшавшей платье "сверху вниз", от ворота до подола, можно привести один из фрагментов Михайловского клада 1903 г. в Киеве. Это полоса ткани шириною 14 см. Она выкроена из шелка темно-розового цвета. На нем стилизованный растительный орнамент, выполненный золотной нитью (*Фехнер М.В.*, 1974. С. 68. Образец 1). Орнамент на указанном фрагменте расположен вертикально и состоит из двух параллельно расположенных фигур. Орнамент с вертикально расположенными фигурами есть и на фрагментах из Владимирского клада 1865 г. (*Гущин А.С.*, 1936. Т. XXIX, 2, 4) (табл. 67, *12*). На них изображена вьющаяся лоза, а сам фрагмент перегнут пополам по вертикали, последнее позволяет предположить, что кайма украшала край распашной одежды или имитировала ее, подражая парадным одеждам знати (*Лазарев В.Н.*,1970. С. 46). Очевидно, для лент, украшавших платье сверху вниз, было характерно расположение орнамента вдоль ленты.

За последние годы в южнорусских степях в могилах печенего-хазарского круга X в. (*Мошкова М.Г., Максименко В.Е.*, 1974. С. 10) и половецких курганах XII в. (*Отрощенко В.В.*, 1983. С. 300–303) были обнаружены одежды типа короткого кафтана. Византийская кайма на половецком кафтане аналогична кайме из древнерус-

ского Шарогорода, что дает право предположить, что и кайма из Шарогорода относилась к кафтану. Кафтан изображен на фреске XII в. Кирилловской церкви Киева (*Блиндерова Н.В.*, 1980. С. 52–60) (табл. 67, *1*).

Из древнерусских кладов известны каймы и более широкие. Ими, как предположила М.А. Новицкая, украшали подол длиннополой одежды, близкой к одежде, изображенной на фреске Софийского собора в Киеве, где можно видеть групповой портрет семьи Ярослава Мудрого (*Новицкая М.А.*, 1965. С. 35), а также на фреске Софийского собора в Новгороде, где представлен князь Ярослав Мудрый. Широкая кайма известна из Владимирского клада 1865 г. Кайма сделана из многослойной шелковой византийской ткани. На ней – нашивка золотной нитью в виде треугольников, заполненных орнаментом в виде вьюнка с кринами.

Важнейший материал для реконструкции одежды Древней Руси дают уникальные находки целых ее форм.

Детали кроя и целые формы одежды (платье, рукавица, носки, чулки). Целое платье было обнаружено в 1957 г. в слоях Торопца, сожженного во второй половине XIII в. в результате литовского нашествия. За 30 лет, истекших с момента раскопок, оно сильно деформировалось, так как реставрировано не было. Платье состоит из большого числа крупных фрагментов. Оно было сшито из шерстяных тканей разной фактуры. Верх платья – из ткани полотняного переплетения, низ – из ткани саржевого переплетения. На некоторых фрагментах видны складки. Хорошо сохранился суженый к запастью рукав с ластовицей. Он сделан из ткани саржевого переплетения, ластовица – из ткани полотняного переплетения. Швы, соединяющие детали платья, сделаны таким образом, чтобы кроеная ткань не сыпалась – "запошивочным швом". Эта техника шитья возникла при моделировании кроеной одежды (табл. 68, *10*). В Торопце же найден кусок ткани с орнаментом в "браной" технике (табл. 68, *12*). Еще одно целое платье найдено в Изяславле. Оно было сшито из нескольких видов тончайшей шерстяной ткани полотняного переплетения и скроено из верха и отрезной юбки. Верх платья – на подкладке. Ворот обшит каймой из более плотной ткани. Кайма сложена вдвое и прошита горизонтальными стежками. Разрез, расположенный слева ворота, переходит в шов на плече. По талии к верху лифа пришита юбка. Она собрана в мельчайшую сборку, для чего прошита сверху четырьмя параллельными швами. На шов, соединяющий лиф с юбкой, нашита золототканая лента, окантованная с двух сторон шелковой ниткой, скрученной в виде веревочки. По подолу была нашита кайма. Судя по швам, рукав был пришит ниже плеча, где нашита полоса ткани шириной 5 см. Эта деталь пришита поперек рукава мельчайшим швом – "вперед иглой", а затем обратным ходом, пространство между стежками заполнено так точно, что создается впечатление машинного шва.

О длине платья судить трудно. Лишь научная реставрация может дать полное представление не только о технологии изделия, но и о его форме и размере. Если пропорции собранного платья в основном правильны, то длина его доходит до колен.

О бытовании шитых платьев в древнерусских городах свидетельствуют находки, обнаруженные на Райковецком городище на территории Украины. Город погиб во время нашествия татар (*Гончаров В.И.*, 1950). Среди груды жженых тканей, находящихся в хранилище Киевского института археологии, есть фрагменты шерстяных, льняных и шелковых тканей разной структуры. На некоторых из них сохранились швы. Ткани полотняного переплетения уложены в складку, а также в мельчайшую плиссировку. Одежда с гофрировкой и плиссировкой известна в могилах Бирки уже с XI в. Высказано мнение, что одежда с гофрировкой является предметом импорта из земель южных славян (Hägg I., 1974. S. 20–26).

В отдельных районах юго-славянского мира сохранилась до нашего времени традиционная одежда, конструировавшаяся с помощью разного вида складок, плиссировок и гофрировки (на юбках, сарафанах, рукавах рубах и у ворота) (Jelka Radous Ribarie. 1975. Илл. в тексте и альбоме).

Известны сборки, гофрировка и плиссировка и в традиционной одежде русских, украинцев и белорусов (*Маслова Г.С.*, 1956. С. 551. Рис. 1; С. 552. Рис. 1; С. 555. Рис. 4; С. 604. Рис. 27).

Найденные платья и их фрагменты свидетельствуют о бытовании в среде древнерусских горожан шитых платьев, которые создавались разным способом: как из нераскроенных кусков ткани, укладывавшихся с помощью разного вида сборок и складок, так и из коренных кусков тканей. Оба способа шитья относятся к определенным этапам в истории моделирования одежды, но бытуют в традиционном костюме русских до наших дней.

Найденные платья дают представление о культуре шитья, об особенностях кроя, характере и разнообразии швов. Платье из Изяславля подтверждает наличие в Древней Руси одежды, конструировавшейся по фигуре (приталенной). Такую одежду можно видеть на "девице" из Изборника Святослава. На ней надето платье с оплечьем и юбкой в складку (Изборник Святослава 1073 г. 1977. С. 251).

В рисунках заглавных букв древнерусских рукописей изображены разные формы шитых одежд, в том числе – приталенные со складками и сборками.

Помимо целых платьев, в археологических памятниках известны разнообразные части от одежды, сохранившиеся почти полностью. Так, в слоях Новгорода XIII в. найдена мужская войлочная шапка в виде колпака, высотой 20,5 см. В слоях древнерусских городов были найдены целые рукавицы. Известны рукавицы вязаные (ГИМ. Опись 1965. № 2709) и кожаные (*Изюмова С.А.*, 1959. С. 220. Рис. 220, 3; *Оятева Е.И.*, 1962. С. 92. Рис. 10; *Оятева Е.И.*, 1965. С. 51. Рис. 3, 1). Нередко находят также вязаные шерстяные носки, чулки и туфли (*Голубева Л.А.*, 1973а. С. 97. Рис. 31, 1–3; *Штыхов Г.В.*, 1975. С. 102. Рис. 53; *Арциховский А.В.*, 1930. С. 102).

В слоях древнерусских городов часто встречаются вязаные, плетеные и тканые пояса из шерстяных ниток (ГИМ. Оп. 1143. № 1724, 1725). Известны и кожаные пояса с бляшками (Древний Новгород, 1984. Илл. 287). Сохранившиеся металлические бляшки от кожаных поясов позволяют их реконструировать (*Рыбаков Б.А.*, 1949. С. 54. Рис. 22). Лучше всего известны формы древней обуви.

Обувь

Обувь – это неотъемлемая часть костюма. Как и костюм, обувь каждого народа была особой и традиционной. Привычные формы и приемы изготовления передавались от поколения к поколению, отражая этническую историю народа и этнокультурные связи на разных этапах его развития. Обувь делали из лыка и кожи.

Обувь из лыка. Наиболее архаичный вид обуви, бытовавшей в Древней Руси, лапти, плетенные из лыка липы, березы и других пород деревьев. Как утверждают исследователи одежды, они были известны в каменном веке (*Маслова Г.С.*, 1956. С. 714). В ранних слоях древнерусских городов они почти не известны. В Новгороде обнаружен лишь один лапоть, найденный в слоях XV в. О существовании лаптей в более раннее время говорят как находки инструментов для плетения лаптей – кочедыков (*Левашова В.П.*, 1959. "А". С. 56. Рис. 5 и "Б". С. 90, 91), так и наличие плетеной обуви в могильниках (*Левашова В.П.*, 1959, "А". С. 42, 43). Подошвы из плетеных кожаных ремней найдены в Лядинском могильнике и в кургане вятичей (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 102). На том основании, что на внутренней стороне подошв из Лядинского могильника сохранились остатки лыковых лент самого лаптя, В.П. Левашова предполагает, что и плетеные кожаные подошвы из кургана вятичей тоже могли принадлежать обычным лаптям из лыка. Лапти из указанных выше могильников имели различное плетение: подошвы из Лядинского могильника были косого плетения, подошвы из кургана вятичей – прямого.

Судя по материалам поздней этнографии лапти могли быть в виде туфель с невысокими бортиками, близких полесским лаптям прямого переплетения, и в виде глубоких закрытых туфель северного типа косого переплетения, известных в Новгородской земле. Крепились лапти с помощью длинных завязок – оборы, – пропущенных через борта лаптей и обматываемых вокруг ног. Обувь из лыка носили поверх чулок, носков, ногавиц и обмоток. (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 102; *Голубева Л.А.*, 1973а. С. 97. Рис. 31, 4).

В древности существовало несколько названий для обуви типа лаптей: "лычъница", "лычакъ" и "лапътъ", производное от которого – "лапотникъ" – известно в письменных источниках и восходит, по мнению исследователей, к праславянской эпохе (*Вахрос И.С.*, 1959. С. 10, 121–124, 126).

Самое раннее изображение лаптей относится к XV в. На миниатюре из Жития Сергия Радонежского представлена сцена пахоты с крестьянином в лаптях (*Арциховский А.В.*, 1930. С. 187). Горожане лаптей, очевидно, не носили. Вероятно, лапти были производственной обувью, связанной с полевыми работами. Лапти всегда, вплоть до XIX – начала XX в., носили самые бедные люди.

Обувь из кожи. В культурном слое многих средневековых городов кожа сохраняется хорошо. В настоящее время накоплен богатейший материал для изучения кожаной обуви. В одном Новгороде найдены сотни тысяч экземпляров обуви разных форм. Это поршни – низкая обувь, похожая на лапти; башмаки – обувь с воротничком на щиколотке; сапоги и полусапожки – обувь с голенищем и туфли – обувь с низкими бортиками, доходившими до щиколотки.

Новгородской обуви посвящено серьезное исследование С.А. Изюмовой (*Изюмова С.А.*, 1959). В нем разработана типология и хронология основных форм обуви, носившейся новгородцами с X по XVI в.

Финский ученый И.С. Вахрос проанализировал названия обуви в русском языке и сопоставил их с конкретными видами обуви (*Вахрос И.С.*, 1959).

Дальнейшая систематизация кожаной обуви проведена Е.И. Оятевой на материалах Пскова (*Оятева Е.И.*, 1962. С. 77–95) и Старой Ладоги (*Оятева Е.И.*, 1965. С. 42–59). Кроме того, она привлекла материалы некоторых других городов и стран Запада (*Оятева Е.И.*, 1970. С. 112–118).

В настоящей работе использованы новые материалы, добытые раскопками в Новгороде, Белоозере, Старой Руссе, Старой Рязани, Минске, Полоцке, Москве, а также из погребальных памятников X–XIII вв., что дало возможность перейти от локального изучения древнерусской обуви к обобщению всех имеющихся материалов.

Надо признать, что именно Е.И. Оятева создала самую удачную классификационную схему. Наиболее крупная единица ее типологии – группа. I группа включает всю обувь мягких форм; II группа – обувь жестких форм. Фасон (форма) обуви дает вторую единицу типологии – тип, 1-й тип объединяет башмаки, 2-й – сапоги, 3-й – поршни. Особенности кроя позволили выделить подтипы: 1-й включает цельнокроенную обувь, 2-й детальнокроенную. Следуя этой классификации, рассмотрим последовательно каждый из перечисленных типов обуви.

Обувь мягких форм (I группа).

Башмаки (тип 1). Это наиболее древняя форма обуви на Руси. Башмаки обнаружены в Старой Ладоге в слоях VIII–X вв. (табл. 69, *1–3*) (*Оятева Е.И.*, 1965. С. 42–50). Это мягкая обувь из дубленой коровьей или козьей кожи с отворотами выше щиколотки. По способу кроя – из цельного куска или из двух кусков кожи – башмаки можно разделить на два подтипа. Цельнокроенные кроили из больших кусков кожи, затем части кроя сшивали тачным и выворотным швами. Цельнокроенные башмаки найдены в Новгороде и Старой Ладоге (табл. 69, *3*) и в других городах X–XIII вв. (*Изюмова С.А.*, 1959. С. 201). Башмак из целого куска кожи найден на Райковецком городище (*Гончаров В.К.*, 1950. Табл. XXX. Рис. 8).

В Старой Ладоге среди ранних башмаков известны сделанные из двух кусков кожи для верха и подошвы (табл. 69, *2*). Башмаки из двух кусков кожи широко распространены в слоях древнерусских городов X–XIII вв. Известны два варианта их кроя: со швом сбоку (табл. 69, *4, 5, 9, 14, 19*) и со швом сзади (табл. 69, 6).

Материалы из раскопок Старой Ладоги, Пскова, Новгорода, Белоозера, Минска (*Шут К.П.*, 1965. С. 72–81), Старой Рязани (*Монгайт А.Л.*, 1955. С. 169, 170), Древнего Гродно (*Воронин Н.Н.*, 1954. С. 61, 62), Москвы (*Рабинович М.Г.*, 1964. С. 287; *Шеляпина Н.С.*,

1971. С. 152–153), Полоцка (*Штыхов Г.В.*, 1975. С. 72–80), Старой Руссы (*Медведев А.Ф.*, 1967. С. 283) и других городов свидетельствуют о единой традиции в производстве древнерусских башмаков начиная с VIII в. Единство это выражается в бытовании башмаков одинакового кроя во всех древнерусских городах. Оригинальные башмаки с удлиненной пяткой преобладали только в Белоозере, что является своеобразием кожевенного ремесла в этом городе (*Оятева Е.И.*, 1973б, "А". С. 204).

Покрой башмаков с вырезом на заднике или носке был перенесен на крой жестких сапог.

Для башмаков VIII–XI вв. характерна одна существенная особенность: их подошвы не имеют достаточно четких очертаний для правой и левой ноги, хотя крой верха асимметричен и рассчитан на правую и левую ноги (*Оятева Е.И.*,1962. С. 89, 90). Подошвы древнерусских башмаков пришивали к верху выворотным швом, детали верха сшивали тачным швом.

Древнерусские башмаки X–XIV вв. крепились с помощью ремешка, пропущенного через ряды дырочек в области щиколотки. При таком способе крепления башмак подходил для ноги с любым подъемом.

Башмаки украшали вышивкой, в VIII–X вв. главным образом орнаментальными полосками на середине носка. Их делали путем прошивки мелкими стежками (табл. 69, *2*).

В X–XIII вв. башмаки украшали более разнообразной вышивкой. Преобладал растительно-геометрический орнамент. Найдены башмаки с узором не только в виде побегов, кринов, представляющих растительно-травчатый орнамент (табл. 70, *12*, *13*), но и с узором в виде ромбов (табл. 70, *9*), кругов (табл. 70, *7*) и стреловидных фигур (табл. 70, *13*). Вышивали шерстяными, льняными и шелковыми нитками. Их красили в красный, зеленый и другие цвета. Контуры рисунка вышивали швом "назад иглой", или, как его еще называли, "веревочкой". Кроме вышивки, башмаки украшали с помощью продержки цветных нитей и узких ремешков через ряды дырочек в коже (табл. 69, *2*; 70, *14*).

В XIII–XIV вв. в качестве украшения башмаков начали применять тиснение. Обычно это ряды параллельных насечек между элементами растительно-геометрического орнамента на носке башмака (*Шут К.П.*, 1965. С. 73. Рис. II).

Сюжеты вышивок на башмаках говорят о единстве орнамента на предметах быта и искусства. Аналогии узорам вышивок можно найти на тканях (*Новицкая М.А.*, 1972. Табл. I–III), на украшениях с эмалями (*Макарова Т.И.*, 1975. С. 18–21. Рис. 4), в резьбе по дереву (*Колчин Б.А.*, 1971. С. 18. Рис. 1–3), а также на фресках (*Grecov B.Д.*, 1947. С. 11).

В Древней Руси, помимо общих названий обуви – "обуща", "обутель", "обутие", известных с XI в., – существовало большое количество названий, связанных с конкретными типами обуви. Башмак – наиболее поздние из них и к тому же явно заимствованное из тюркских языков. Появилось оно не ранее XV в. (*Вахрос И.С.*, 1959. С. 51).

Ранее на Руси в значении мягкие башмаки, вероятно, употребляли термин "черевья", восходящий к общеславянской лексике. Происходит он от названия материала – мягкой кожи с чрева (живота) животного. Можно предположить, что термин "черевья", встречающийся в Повести временных лет под 1074 г. и истолкованный Срезневским как разные виды обуви, относился именно к тому типу обуви, который позже будет называться башмаками. Это тем более вероятно, что слову "башмак" в украинском языке соответствует слово "черевик" (*Вахрос И.С.*, 1959. С. 45, 68–71).

Древнерусские башмаки изображены на миниатюрах Радзивилловской летописи (*Арциховский А.В.*, 1944. С. 26, 27; История русского искусства, 1953. С. 39).

Башмаки в X–XIII вв. были типично городской обувью. Но, судя по находкам в курганах, их носило и сельское население (*Антонович В.Б.*, 1893. С. 16; *Арциховский А.В.*, 1930. С. 102).

Сапоги (тип 2). Излюбленным типом обуви на Руси были сапоги и полусапожки. Они отличались друг от друга только по высоте голенищ, развитие их шло в одном направлении, поэтому они рассматриваются в едином типологическом ряду.

Сапоги домонгольской Руси можно разделить на два подтипа: сапоги, скроенные из крупных кусков кожи с цельнотянутыми голенищами и скроенные из нескольких мелких деталей.

Первый подтип дает множество вариантов кроя. Один из них представлен сапожками из Новгорода (*Изюмова С.А.*, 1959. С. 212. Рис. 7). Верх был цельнотянутым, о чем свидетельствует крой. Голенища сапог сделаны из двух половинок, причем передняя часть образует головку и переходит в голенище, а задняя соответствует заднику и тоже переходит в голенище (табл. 69, *8*). Этот экземпляр представляет собой наиболее ранний образец сапог. Он датируется XI в.

Аналогичный сапожок найден и в более поздних слоях Новгорода, у него на голенище были сделаны дырочки для продержки ремешка (табл. 69, *7*).

Подошвы у таких сапог имели округлые очертания носка и пятки. Верх сапога сшивался тачным швом, подошвы пришивались выворотным швом. Носили их подростки и дети. Варианты подобных сапожек известны по находкам в Пскове (*Оятева Е.И.*, 1962. С. 85).

В слое XI–XII вв. обнаружен сапог, верх которого состоял из трех частей.

Интересны также сапожки, найденные в Пскове в постройке XII в. Верх их состоял из двух частей: одношовного голенища и головки (табл. 69, *12*). Оба варианта кроя псковских сапожек имели подошвы с округлыми очертаниями носка и пятки. Верх сапог был сшит тачным швом, подошвы пришивались выворотным швом. На голенищах сапог шли прорези для продержки ремешка. Описываемые сапоги принадлежали подросткам. Очевидно, псковские сапожки были более поздними по сравнению с новгородскими. У них прослеживается постепенная детализация кроя, выделение головки в самостоятельную деталь. Тенденция к детализации кроя является хронологическим моментом, она характерна для всех типов обуви.

Голенища от сапог, аналогичные псковским, найдены и в Полоцке (*Штыхов Г.В.*, 1975. С. 78. Рис. 38, 1, 2). Они имеют форму раструба и прорези для продержки ремешка. Судя по найденным в Новгороде голенищам такие сапоги крепились к ноге не только вокруг щиколотки, но и под коленом (табл. 69, *10*).

Для сапог второго подтипа (детальнокроенные) характерна дальнейшая детализация кроя, в частности выделение задника (табл. 69, *11, 17*). Подобные целые сапоги найдены в Новгороде (*Изюмова С.А.*, 1959. С. 212. Рис. 1) и Пскове (*Оятева Е.И.*, 1962. С. 86. Рис. 8, 11). Они имеют не только такие самостоятельные детали, как головки и задники, но и кожаные прокладки под ними для укрепления нижней части сапога, что свидетельствует о тенденции к зарождению обуви жестких форм и что позже, в XIV–XV вв., приведет к появлению каблука (табл. 69, *24, 25*).

Очевидно, в X–XIII вв. было множество переходных видов сапог, поэтому в слоях древнерусских городов находят не только задники разнообразного кроя, но и цельнотянутые голенища, рассчитанные на подошвы с округлыми и удлиненными очертаниями в области пятки (табл. 69, *15, 20*). Они как бы повторяют покрой башмаков. Изредка встречаются сапоги с удлиненным приподнятым носком. Подобные сапоги станут популярными в XV в.

Все сапоги XIV–XVI вв. хранят традиции края домонгольских сапог: задники с треугольным вырезом и подошвы с удлиненными язычками, выполняющими конструктивное и декоративное назначение (табл. 69, *23, 24*). Да и сам наборный каблук явился результатом усовершенствования многослойной прокладки у подошвы сапог, бытовавших в XII в.

Итак, в развитии сапог наблюдается известная последовательность. Судя по новгородским находкам в X–XI вв. количество их еще невелико. Это сапоги цельнотянутые. Затем появляются сапоги детальнокроеные. В XII в. они сосуществуют. Далее появляются сапоги жестких форм, которые в XIV в. вытесняют как мягкие сапоги, так и мягкие башмаки.

Найденные в Новгороде сапоги, как правило, без орнамента; сохранившиеся единичные детали сапог с орнаментом (голенища, головки и т.д.), относящиеся к XIV–XVI вв., говорят о единстве орнаментальных сюжетов и их исполнении как на сапогах, так и на башмаках (табл. 70, *1–4*). С XV в. широко распространяется тиснение на головках сапог, что характерно для более толстых и жестких кож, а не для тонких и мягких кож, применявшихся в домонгольское время (табл. 70, *5*).

Древнерусское название "сапогъ" тоже тюркского или праболгарского происхождения. В начале II тыс. этот термин, по мнению И.С. Вахроса (*Вахрос И.С.*, 1959. С. 207), вытеснил славянское название обуви с высоким голенищем – "скръня" (с корнем, обозначавшим шкуру животного).

Сапоги носили богатые люди. Непременной принадлежностью княжеской одежды были цветные сапоги, нередко расшитые жемчугом и бляшками. Так, на фреске XII в. в ц. Спаса-Нередицы в Новгороде князь Ярослав Владимирович изображен в желтых сапогах, украшенных жемчугом. В "Изборнике Святослава" 1073 г. на групповом портрете семьи Святослава можно видеть самое раннее изображение сапог с характерными загнутыми носками: князь Святослав – в синих сапогах, сын его Ярослав – в красных.

Поршни (тип 3). Наиболее простой и распространенной обувью в Древней Руси были поршни. Их можно разделить на два подтипа: цельнокроенные (подтип 1) и детальнокроенные, или, как их называют, составные (подтип 2). Их делали не только из мягкой дубленой кожи, но и из сыромятной.

Поршни цельнокроенные делали из куска кожи разной формы. Для первого варианта кроя использовали прямоугольный кусок кожи (табл. 69, *21*). Поршни XI–XIII вв. делали путем простейшего стягивания куска кожи в области носка и пятки лыковым или кожаным шнурком, пропущенным затем через одиночные прорези на бортах. Шнурки стягивали поршень и завязывались вокруг ноги поверх штанов, чулок или обмоток. Такие поршни просуществовали в быту крестьян до XX в.

По способу формирования поршни прямоугольного кроя можно разделить на несколько видов. Так, помимо простейшего стягивания, некоторые поршни делались таким образом, что при формировании носка образовывался красивый плетешок (табл. 69, *21*).

В XIV в. в слоях древнерусских городов появляются поршни, у которых носок и пятка уже не затягиваются ремешком, а зашиваются нитками (табл. 69, 18), что связано, очевидно, с использованием более жестких кож.

Своеобразные поршни существовали с X в. в Белоозере. Они также делались из прямоугольного куска кожи, но имели своеобразные вырезы в области носка. Такие поршни не затягивались, а сшивались (*Оятева Е.И.*, 1973. "А". С. 201).

Второй вариант поршней из целого куска кожи – поршни из шестиугольного куска кожи (табл. 69, *13*). По краю носка и пятки они снабжены дырочками для затягивания шнурком, а вдоль подъема и носка располагались диагональные прорези для шнуровки. По бокам также имелись прорези. Пропускавшийся через них шнурок крепил поршень к ноге. Эта ременная поддержка называлась позднее "оборами". Такие поршни в научной литературе называют "ажурными" (*Изюмова С.А.*, 1959. С. 202). Они известны в слоях древнерусских городов с XI в.

Подтип 2 представляют поршни из нескольких составных деталей. Известно два варианта их кроя: из двух и из трех частей. Поршни первого варианта известны в Новгороде с XI в. Основная часть заготовки включает подошву, задник и бортики. Она имеет вид неправильного прямоугольника со срезанными углами в носочной части. Меньший фрагмент кроя имел вид треугольника. Основная заготовка загибалась по ноге, а кусок треугольной формы вшивался на подъеме. По сторонам поршня находились прорези для продевания шнурка.

Поршни второго варианта состояли из основной части заготовки, включавшей подошву и задник, отдельно подкроенного носка треугольной формы и пришитой по борту полоски кожи с поперечными прорезями, через которые пропускался шнурок. Все детали сшивали нитками (табл. 69, 22). В Старой Ладоге найден целый поршень этого варианта (*Оятева Е.И.*, 1965. С. 53. Рис. 4, 2; 5,3). Он датируется XVI в. Таким образом, поршни из трех деталей можно рассматривать как результат усовершенствования поршней домонгольской поры.

Термин "поршень". И.С. Вахрос выводит из праславянского корня "ръчх" (*Вахрос И.С.*, 1959. С. 161). Лексемы, образованные от этого корня, означали что-либо мягкое, рыхлое: поршни делали из мягкой кожи, из

порхлых ее частей, расположенных на брюхе животного. Древнерусское наименование поршня – "прабошънъ" – встречается только в понятиях XIV–XV вв., но для живого языка этого времени оно не характерно (Там же. С. 206).

На миниатюрах Радзивилловской летописи поршни изображены неоднократно (*Арциховский А.В.*, 1944. С. 40). На основании данных раскопок и изобразительного материала исследователи обуви склонны считать поршни обувью беднейших горожан и крестьян (*Изюмова С.А.*, 1959. С. 202).

Обувь жестких форм (II группа).

Туфли (тип 1). Как мы могли видеть выше, элементы жесткой формы – укрепляющие прокладки из кожи – использовали в некоторых типах древнерусской обуви еще в домонгольское время. Окончательно традиция изготовления обуви жестких форм сложилась позже, в XIV–XV вв. Наиболее ранним типом обуви жестких форм можно считать туфли, характерной чертой которых было наличие жесткой подошвы и низкого бортика.

По крою они делятся на два подтипа: туфли из цельного верха и подошвы (подтип 1) и туфли из детальнокроенного верха и подошвы (подтип 2).

Для изготовления туфель первого подтипа применяли два варианта кроя: со швом сбоку (табл. 70, *15–19*) и со швом сзади (табл. 70, *16*). Туфли скреплялись шнурками на подъеме или с внутренней стороны щиколотки. Иногда они украшались резьбой на подъеме (*Оятева Е.И.*, 1970. С. 11. Рис. 1), аналогии подобным туфлям есть в средневековых городах Западной Европы, особенно в польских.

Туфли второго подтипа (детальнокроенные) известны по находкам в Минске, в слоях конца XIII в. (*Шут К.П.*, 1965. С. 25, 73, 78. Рис. 7). Развитая их форма встречена в Старой Ладоге, в слоях XVI–XVII вв. Они имеют глубокую головку с язычком на подъеме, составной задник с прокладками, трехслойную подошву с широким низким наборным каблуком, который был прикреплен деревянными шпильками и прошит дратвой. Детали верха сшивались тачным швом, а верх с подошвой – сандальным. Туфли на ноге закреплялись с помощью ремешка, который кроился вместе с внутренней половиной задника и был пропущен через прорези на язычке (*Оятева Е.И.*, 1965. С. 56. Рис. 5,1).

Широкое распространение туфель в Западной Европе и концентрация их находок в западных регионах Руси позволяют связать их появление с оживлением западных контактов русского государства. Однако предпосылки для появления обуви жестких форм были в кожевенном деле домонгольской Руси. Описанная обувь позволяет проследить преемственность видов кроя и орнаментации от X в. до эпохи Московской Руси.

Не менее важен и другой вывод: обувь может быть своеобразным этническим индикатором пестрот по составу городского населения Древней Руси (*Оятева Е.И.*, 1973. С. 204, 205). Например, народы Поволжья IX–X вв., принадлежащие финно-угорской группе, носили своеобразного кроя поршни. Именно такие поршни найдены в Белоозере. Башмаки с характерной удлиненной пяточной частью генетически связаны с общеевропейской формой обуви, уходящей в глубь веков. На нашей территории они найдены в ранних слоях Старой Ладоги и в ряде городов северо-запада Руси.

Наконец, находки обуви в культурном слое древнерусских городов могут служить и хронологическим опознавателем. Формы обуви эволюционировали, изменялась технология их производства и способ орнаментации. Все это дает возможность датировки, особенно для находок в культурном слое с нечеткой хронологией (табл. 69).

Реконструкция древнерусской одежды

Для реконструкции древнерусского костюма в целом избран метод наложения археологических находок на условные силуэты, соответствующие изображениям на фресках и миниатюрах Древней Руси. Для реконструкции городского костюма использованы целые формы, найденные при раскопках городов (платье, детали одежды, обувь) а также ансамбли украшений, сохранившиеся в кладах.

Крестьянский костюм представлен главным образом археологическим материалом из погребений кривичей и вятичей. Соответствие археологических тканей из раскопок крестьянским тканям XIX – начала XX в., а также их терминологическое соответствие позволило отнести многие виды крестьянской одежды XIX в. к более раннему периоду (*Левинсон-Нечаева М.Н.*, 1959. С. 20–34; *Куфтин Б.А.*,) 1926. С. 48; *Левашова В.П.*, 1966. С. 112–119).

На табл. 71–73 представлены реконструкции княжеско-боярского убора. Археологический материал положен на те одежды, которые известны по фрескам XI–XIII вв. и принадлежат древнерусским княгиням. Как известно, изобразительный материал дает два основных типа покроя женской одежды (*Калашникова Н.М.*, 1972. С. 29, 30). К первому типу относятся платья прямого покроя, перехваченные у талии поясом. Рукава одежды могли быть и широкими, и узкими с опястьем. Такие платья чаще сшиты из однотонной ткани и украшены по подолу орнаментальной полосой, реже – каймой и оплечьем (табл. 71, *1*). Платья второго типа были прямыми или слегка расширяющимися книзу, с узкими рукавами, заканчивающимися опястьем (табл. 73, 1,2). Их шили из богато орнаментированной ткани и украшали оплечьем и каймой, проходящей в центре и по подолу (*Салько Н.Б.*, 1982. Илл. 29, 30, 102). Такие платья вошли в традиционный костюм высших слоев населения. Они известны в княжеско-боярском и царском быту XVI–XVII вв. (*Сизов Е.*, 1969. Илл. 10, 24 – нижние платья, 15 – верхнее платье). На реконструкции княжеско-боярского убора показаны кожаные сапоги. Форма их дана по находкам в слоях Новгорода.

На табл. 71–72 собран материал, включающий единый стилистический убор из серебра с чернью. На

табл. 71, *1* представлен женский костюм. На голове княгини венец. Форма его могла иметь разный контур. В изобразительном материале известны венцы с округлым и острым верхом над челом (фреска на стене Дмитровского собора во Владимире с изображением праведных жен – *Салько Н.Б.*, 1982. Илл. 102; миниатюра Пантелеймонова евангелия XIII в. – св. Екатерина – *Стрекалов С.*, 1877. Вып. 1. С. 19). Эти формы стали традиционными. Они уложены в два ряда и составляют зигзагообразный орнамент. Остатки от подобного украшения на жесткой основе были найдены в Набутовском могильнике бывшей Киевской губернии (*Гезе В.*, 1904. С. 86. Рис. 1) (табл. 72, *2,3*). В погребении по сторонам очелья с бляшками были найдены также цепи с колечками, аналогичные тем, что известны на ряснах из колодочек - очевидно, последние могли не сохраниться. Венец на таблице украшен колтами, подвешенными на ряснах из колодочек. Такая схема крепления колтов была предложена Б.А. Рыбаковым (*Рыбаков Б.А.*, 1949. С. 55, 58. Рис. 23). Правильность реконструкции Б.А. Рыбакова подтверждена находками последних лет: обнаружены цепи из колодочек, на которых подвешены колты, а также трехбусинные височные кольца. Их носили на кольце, прикрепленном к крайнему звену колодочек (*Даркевич В.П., Монгайт А.Л.*, 1972. С. 208) (табл. 72, *1*) или на кольце к последнему звену. На реконструкции даны колты, найденные в Чернигове (*Рыбаков Б.А.*, 1949. С. 56). Они обнизаны полыми шариками. На черневом фоне их щитка изображены грифоны по сторонам вертикально расположенной плетенки (табл. 72, *4*). Изображение плетенки на колтах аналогично орнаменту воротника, найденного также в Набутовском могильнике (*Спицын А.А.*, 1905. С. 149. Рис. 101). Золотная вышивка воротника дополнена изображениями крестов. На воротнике, как и на головном уборе, были нашиты серебряные позолоченные бляшки округлой и квадратной формы (расположение последних неизвестно). Застежка воротника в виде полых пуговок из позолоченного серебра так же, как и орнамент в виде плетенки, составляет единое целое с украшением колтов. Подобные воротники могли быть пришитыми к нижней одежде (табл. 72, *5*). Оплечье платья, пояс и подол предполагает украшение из тисненых бляшек и шитья. Платье посредине украшали ленты, подобные найденным В.В. Хвойко в погребениях Шаргорода бывшей Киевской губернии (*Хвойко В.В.*, 1905. С. 101; КИМ. Инв. № 67185–8). Они расшиты золотной нитью в виде сердцевидных фигур с кринами, расположение их говорит о размещении ленты на платье по вертикали (табл. 72, *8*). Орнамент на приведенных лентах и колтах близок орнаменту на многих серебряных браслетах-обручах (табл. 72, *7*). Так, на браслете из Киевского клада 1939 г. орнамент состоит из двух поясков (*Корзухина Г.Ф.*, 1954. Табл. XI, 2). В верхней его части изображены сердцевидные фигуры, аналогичные шитью на кайме, а в нижней части – плетенка. В ансамбль серебряных украшений с чернью входили и перстни-печати. Близкий орнамент можно видеть на перстне из клада 1869 г. (*Гущин А.С.*, 1936. С. 81. Табл. XXX, 11) – табл. 72, *6*.

Рядом с реконструкцией одежды княгини дан силуэт князя (табл. 71, *2*). На князе представлены те же одежды, что и на фреске Кирилловской церкви в Киеве, где изображен царь Феодосий. Как считают исследователи этого памятника, костюм Феодосия передает "полный наряд русского князя XII в." (*Блиндерова Н.В.*, 1980. С. 59). На князе – островерхий венец, напоминающий императорскую корону с характерными боковыми подвесками (*Даркевич В.П.*, 1975. С. 133), кафтан с широкими рукавами, из-под которых виднеются рукава сорочки. Оплечье, нагрудник и подол кафтана украшены бляшками и камнями. Ткань кафтана темно-красного цвета с орнаментом в виде сердцевидных фигур, с кринами. На князе – зеленые порты и высокие мягкие сапоги красного цвета, расшитые бусами или бляшками. Приведенный на таблице мужской костюм соответствует орнаментации металлических уборов указанного времени.

На табл. 73, *1* дана реконструкция парадного костюма княгини с украшениями из эмали. На голове княгини – сложный головной убор, состоящий из диадемы с эмалевым изображением Деисуса на киотцах, золотых скобочек и рясен с колтами. Головной убор представляет один из возможных ритуальных головных уборов, реконструкция которого составлена на основании взаимной встречаемости указанных частей головного убора в кладах и по аналогии с венчальными коронами и венцами, известными в этнографии севера XVI–XX вв. (*Сабурова М.А.*, 1978. С. 408–412). Диадема была нашита на жесткий околыш или очелье. Привески с жемчугом ниспадали на лоб, а дужки очелья украшали валик убора в его верхней части. По сторонам головного убора подвешены рясна с колтами, украшенными эмалью. Т.И. Макарова, следуя данным Г.Ф. Корзухиной (которая заметила наличие двойного шарнира в середине рясен), объясняет это тем, что рясна на половине свой длины перегибались, становясь двусторонними, как и колты, которые подвешивались в месте сгиба рясен (*Корзухина Г.Ф.*, 1954. С. 54; *Макарова Т.И.*, 1975. С. 40). Очевидно, цепочка, находящаяся на одном конце рясен, крепилась в основе убора и фиксировалась у виска с помощью височного кольца, находящегося на другом конце рясен. Интересно, что в крестьянских уборах XI–XII вв. также найдены сложенные вдвое ленты, как бы играющие роль рясен для подвешивания колец. Для подбора материала в комплекс учитывалась близость декоративных особенностей украшений. Так, головной убор мог состоять из диадемы, подобной найденной в Киеве в 1889 г. (*Кондаков Н.*, 1896. С. 139. Табл. VIII) и рясен, подобных найденным в 1900 г. в Сахновке (*Макарова Т.И.*, 1975. С. 103). Они объединяются не только близостью геометрического орнамента на бляшках рясен и подвесных бляшек диадемы, но и их квадрифолийной формой. В этот убор могли входить колты, аналогичные найденным в кладе 1827 г. в Киеве (*Кóндаков Н.*, 1896. Табл. X, 2–4). Головной убор княгини покрыт фатой. Оплечье, каймы и ожерелье украшены шитьем, бляшками и жемчугом, известным и в Михайловском кладе 1903 г. (ГИМ. Инв. № 49876). В костюм входит нагрудное украшение – бармы, найденные в Сахновке в том же кладе, что и диадема (*Макарова Т.И.*, 1975. Табл. 14). Б.А. Рыбаков предполагал, что в этом уборе браслеты не носились, так как нам не известны золотые браслеты с эмалью и камнями, – их заменяло шитье на опястьях рукавов (*Рыбаков Б.А.*, 1970. С. 36). Однако, помимо шитых опястий, могли носить золотые браслеты, аналогичные найденным в ря-

занском кладе 1822 г. (*Кондаков Н.*, 1896. С. 95. Табл. XVI, 3). Отсюда же происходят и золотые перстни с гранатами и жемчугом, составляющие единое целое с ярким эмалевым убором.

На табл. 73, *2,3* изображен костюм, включающий украшения из тисненых бляшек (как гладких, так и со вставками) и фигурными вырезами в металле. Ими украшали очелья головных уборов (табл. 66, *8–14*), ожерелья и ожерелки, пояса и каймы одежды (табл. 74, *3–24*). Широко использовалась обнизь жемчугом как в шитье, так и в металлических украшениях. Все эти украшения обычно встречаются в кладах совместно с эмалевым и черневым убором и рассматриваются как дополнения к двум стилистически единым уборам. Тем не менее из этого набора украшений может быть составлен и самостоятельный убор. Так, на реконструкции (табл. 73, *2*) изображен женский головной убор, найденный в Новгороде (*Строков А.А.*, 1945. С. 72, 73. Рис. 32) – табл. 66, *14*. Очелье головного убора украшено тиснеными бляшками и бляшками из сканого серебра с зернью. Очевидно, подобный убор могли носить с рясками, представляющими из себя коническую подвеску с отходящими от нее восемью цепочками. Колпачок ее был украшен скань и зернью, а на цепочки нанизаны полые бляшки и концевые подвески ромбической и каплевидной формы (*Даркевич В.П.*, 1972. С. 206, 207. Рис. 1; *Седова М.В.*, 1963. С. 49. Рис. 12,9). Весь набор подвесных бляшек, а также включенные в убор украшения из скани и зерни сближают подвески с найденным очельем. Из нашивных бляшек интересны крупные бляшки с S-видной прорезью из Киевского клада 1824 г. (*Кондаков Н.*, 1896. С. 104. Рис. 66). Они являются вариантом бляшек на очелье. Весь набор, приведенный на табл. 74, и бляшки из Киевского клада 1824 г. использовались для украшения платья (табл. 73, *2*).

На табл. 73, *3* изображен костюм боярыни, включающий диадему и рясна в виде ленты с трехбусинными височными кольцами и колтами. О возможном количестве этих украшений в одном уборе рассказывают находки их в черниговском погребении у алтаря Борисоглебской церкви (*Корзухина Г.Ф.*, 1954. С. 52).

На табл. 75 представлен городской костюм знати и простых горожан по материалам трех городов. На рис. 13 и 14 даны силуэты, созданные по материалам Райковецкого городища и древнего Изяславля. На рис. 13 можно видеть диадему из колодочек, найденную на скелете погибшей (*Гончаров В.К.*, 1950. Табл. XX, 15). Диадема укреплена на голове поверх плата. На шее – ожерелок из колодочек, известный по курганному инвентарю (табл. 74, *25*). В состав украшений включены следующие находки из слоев Райковецкого городища: бусы (*Гончаров В.К.*, 1950. Табл. XVIII, 1), гривны (Там же. Табл. XX, 4), браслеты стеклянные (Там же. Табл. XXII, 3) и металлические (Там же. Табл. XIX, 9; XX, 2,3), перстни (Там же. Табл. XIX, 9), бляшки от пояса (?) (Там же. Табл. XX, 11) и ожерелок (9) с шитьем (Там же. Табл. XXIX, 3). В отличие от райковецкого головного убора на уборе из Изяславля (рис. 14) показаны рясна из колодочек с треугольными звеньями на концах. На нижней стороне рясен были подвешены трехбусинные височные кольца, а на верхней – перстневидные кольца, с помощью которых рясна крепились к головному убору. Судя по материалам Райковецкого городища и Изяславля у горожан указанных городов бытовали близкие по форме украшения, а также единый набор тканей. Одежды характеризуются широким употреблением складок, гофрировки и плиссировки. Целое платье, найденное в Изяславле, представлено на рис. 14. Оно близко одеждам на новгородской иконе XIV в. "Рождество Богоматери" из Третьяковской галереи (табл. 68, *1,2*). Это верхние короткие одежды, из-под которых видна длинная рубаха. Оплечья, подол, рукава у запястья, а также предплечье обшиты лентой.

Силуэты на рис. 10–12, табл. 75 представляют комплекс одежды и украшений по материалам раскопок в Суздале (*Сабурова М.А., Седова М.В.*, 1984. С. 114-122). Надетый на женщине средних лет (рис. 12) головной убор закрывает волосы, в ушах – по перстневидному кольцу. У девушки (рис. 10) на распущенных волосах – ленточный головной убор с рясками из перстневидных колец, с подвешенными к ним трехбусинными кольцами. У девочки (рис. 11) заплетены косички, в которые продеты перстневидные кольца (до 20 шт.). На силуэтах представлена верхняя одежда с запахом на левую сторону, платья и рубахи, с лентами и шитыми воротниками с застежкой на левую сторону. Из украшений можно видеть пластинчатую фибулу, пластинчатые и витые перстни и перстни со вставками, браслеты и пр. Типичной обувью древнерусских горожанок были кожаные туфли с шитьем. Материал Суздальского некрополя относится к более раннему времени (XI – середина XII в.), чем материалы Райковецкого городища и Изяславля (начало XIII в.). Тем не менее в Суздале был создан типичный городской убор XII в. Очевидно, здесь, как в Киеве, Новгороде, Чернигове, Смоленске, на базе дружинной культуры очень рано начала складываться городская культура.

На табл. 76 представлены реконструкции комплексов крестьянской одежды по материалам вятичей. На силуэте 1 дана реконструкция головного убора женщины средних лет. Он восстановлен по материалам, хранящимся в музее кафедры археологии МГУ. Рисунок сохранившейся детали от головного убора дан на табл. 77, *2*. Детали его, а также платка, обшивочных узорных лент, клетчатой ткани (табл. 77, *3*) и украшений происходят из раскопок А.В. Арциховского 1940–1946 гг. На силуэте 2 воспроизведены украшения молодой женщины. Они восстановлены по материалам пяти погребений из разных курганных групп (*Сабурова М.А.*, 1976. С. 127–131). Головной убор с бахромой, представленный на силуэте, известен у южных великоруссов XIX в. Носили их молодухи вместе с комплексом одежды, включающим паневу. Клетчатые шерстяные и полушерстяные ткани, близкие к позднейшим "паневным", известны и по археологическим материалам (табл. 77, *3*). На силуэте 3 дан костюм молодой девушки-невесты. Поверх распущенных волос надет ленточный головной убор с семилопастными височными кольцами на лентах (табл. 76, *3*; 77, *1*). Одежда включает элементы городского костюма: шелковое оплечье с шитьем и бляшками (табл. 77, *8*), нашивки из шелковых лент и бляшек на шерстяной ленте головного убора (табл. 77, *7*), стеклянный браслет и т.п. Обувь – мягкие башмаки. На силуэте 3 обувь представлена формой из курганов близ Битяково Домоде-

довского района (*Розенфельдт Р.Л.*, 1973. С. 65. Рис. 18).

На табл. 78 даны реконструкции одежд и украшений по материалам крестьянских погребений. На силуэте 1 представлен костюм по материалам вологодских курганов (*Сабурова М.А.*, 1974. С. 90. Рис. 3). На силуэте 2 – костюм просватанной девушки в полотенце из редкой ткани, которое ткали для свадьбы и на смерть. Панева восстановлена по хорошо сохранившемуся целому раппорту шерстяной ткани из Битягово (ГИМ). Украшения – из тех же курганов. На силуэте 3 – женский костюм по материалам кривичей (*Шмидт Е.А.*, 1957. С. 184–281). Высокий головной убор, напоминающий кокошник с ляшками, скрывает волосы женщины. По сторонам головного убора – браслетообразные височные кольца и ромбощитковые, крепившиеся на берестяных кружках. На груди – обилие украшений: бусы ярких сочетаний, миниатюрные подвески из металла, цепи, бубенчики. Поверх рубахи надеты браслеты. Одежда представлена длинной рубахой с вышивкой, сделанной с помощью "браной" техники. На ногах – мягкие кожаные башмаки.

На табл. 75 представлен мужской костюм. Так, по материалам Суздальского некрополя восстанавливаются рубахи с разным кроем ворота (табл. 75, *2,5*). Представлен силуэт в короткой рубахе со стоечкой и разрезом слева (табл. 75, *2*). Стоячий воротник рубахи, рукава у запястья и пояс украшены шитьем. По изобразительному материалу известны и длинные мужские рубахи. На них можно видеть украшения в виде прямоугольных кусков на груди, украшенные опястья и подол (*Антонова В.И., Мнева Н.Е.*, 1963. Илл. 84) (табл. 75, *4*). На силуэте 4 изображено длинное платье с вошвами, украшенными шитьем, как на вошвах, найденных во владимирских курганах (*Прохоров В.*, 1881. Рис. 1. Табл. 8) (табл. 67, *7*). Хорошо сохранившееся нагрудное украшение прямоугольной формы найдено в Ивановской области К.И. Комаровым в 1975 г. (табл. 67, *5*). На силуэте 7 представлена верхняя зимняя одежда, восстановленная по аналогии с гуцульским полушубком (*Рыбаков Б.А.*, 1949. С. 37, 38. Рис. 12). На силуэте 8 показана верхняя одежда с запахом на левую сторону, которая, по мнению этнографов, появилась одновременно с косовороткой. Такая форма кроя отличала верхнюю одежду от одежды их соседей (*Маслова Г.С.*, 1956. С. 581. Примеч. 4). Длинная верхняя одежда с запахом на левую сторону известна и по миниатюрам, где показаны братья – основатели Киева (Радзивилловская летопись, 1902. Л. 4). На мужских силуэтах изображены княжеские шапки (табл. 75, *8, 9, 15*) и диадема с эмалевым образком (табл. 75, 4), подобным известному из кургана в д. Мутышино Смоленской области (*Савин Н.И.*, 1930. С. 233. Табл. II, 19). Мужской костюм включает сапоги XII в., форма которых известна по раскопкам в Новгороде и Пскове.

Дальнейшее изучение древнерусской одежды будет прежде всего зависеть от совершенствования методики полевых исследований и быстрейшего включения реставраторов в работу по восстановлению открытых раскопами тканей и других органических остатков. Только совместные усилия археологов и реставраторов могут дать новый толчок к углублению наших знаний в этой интереснейшей области.

Глава 5

Игры взрослых и детей

Шашки, "мельница", шахматы

Среди археологических находок, характеризующих быт и культуру русского средневековья, встречаются предметы, свидетельствующие о существовании разных игр. К ним относятся разнообразного вида шашки из кости и других материалов, костяные и деревянные шахматные фигуры, астрагалы, доски с расчерченным игровым полем, кожаные мячи.

К сожалению, письменные источники не содержат никаких сведений о распространении игр на Руси, в связи с чем большое значение для их классификации, ареала и времени бытования приобретает археологический материал (*Рыбина Е.А.*, 1991. С. 86–101).

Ш а ш к и *. Самые ранние – шашки округлой (полусферической) формы с плоским основанием, сделанные из стекла и кости. Известны единичные экземпляры из камня, янтаря и глины (табл. 79, *1–6*). Часто эти шашки снабжены в центре плоского основания углублением, иногда с остатками металлических штифтов. Вместе с такими шашками находили игральные кости, представляющие собой параллелепипед из кости или рога с нанесенными на его грани кружочками (очками) от 1 до 6 (табл. 79, *7–8*). Полную сводку их находок сделала в свое время Г.Ф. Корзухина (*Корзухина Г.Ф.*, 1963), в результате чего выяснилось, что все шашки указанного типа происходят из дружинных курганов или синхронных им поселений (Киев, Чернигов, Ладога, Гнездово-Шестовицы) и датируются X в.

Аналогичные шашки в комплекте с игральными костями в большом количестве обнаружены в странах северной Европы: Швеции, Норвегии, Дании, Исландии, где известно около 90 находок. Каждая из них содержит в своем составе не менее 11–16, часто 20–25, иногда даже до 47 шашек. Оттуда же происходят и находки деревянных игральных досок с железными накладками по углам и вдоль бортов, игровое поле которых расчерчено на квадраты или снабжено правильными рядами отверстий, удаленных друг от друга на равное расстояние. На Руси подобных досок не найдено, но сохранились железные оковки от них. Доски с отверстиями, очевидно, были походными, на них ставили шашки с выступающими металлическими штифтами. Для досок с расчерченными квадратами предназначались шашки с гладким плоским основанием без отверстия.

Конечно, по археологическим находкам невозможно судить ни о правилах игры, ни о количестве используемых в одной игре шашек, но несомненно, что эта игра предназначалась для двух человек, поскольку из одного набора происходят шашки, различающиеся по цвету, форме или орнаменту.

Любопытные сведения приводит шведский исследователь М. Линквист (*Lindquist M.*, 1984), указывающий, что игра в подобные шашки могла вестись в двух вариантах: в первом большое значение имела случайность (кому повезет), а во второй игре случайность была ограничена и победа зависела от жребия, т.е. от того, кто первым начнет игру. Находимые вместе с шашками игральные кости предназначались для метания жребия и, кроме того, указывали очередность и количество ходов каждого игрока.

Комплексный анализ всего имеющегося материала привел Г.Ф. Корзухину к аргументированному выводу о том, что рассматриваемая "игра в шашки была занесена к нам с севера", о чем свидетедьствует не только огромное число их находок в северных странах, но и топография и время их бытования на Руси. Все находки полусферических шашек сосредоточены или на водном пути "из варяг в греки", или в местах дислокации наемных варяжских дружин. Хронологической границей бытования этой игры на Руси являстся рубеж X–XI вв., т.е. она исчезла вместе с исчезновением варяжских дружин на Руси.

Примечательно, что в Новгороде при всем обилии разнообразного материала, собранного во время раскопок, подобные шашки практически не встречаются.

Игра в "мельницу". Одна из древнейших игр, распространенных в северных и других странах средневековой Европы, где она популярна и в наши дни, - это игра "в мельницу". Судя по археологическим находкам, она была известна на Руси с X в. и распространена в течение всего средневековья (*Полякова Г.Ф., Фехнер М.В.*, 1973). В отличие от предыдущей игры, от которой сохранились главным образом шашки, игра "в мельницу" представлена в археологическом материале находками игральных досок. Однако чаще всего это не специально подготовленные доски, а игровые поля, расчерченные на любой поверхности – на корабельной доске, на днищах бочек, на каменных плитах и т.д. Поле это - три вписанные друг в друга квадрата, соединявшиеся короткими поперечными линиями, шедшими от середины каждой стороны квадрата. Вместе с тем существуют различные варианты соединения сторон квадратов не только прямыми, но и косыми линиями. Кроме того, в некоторых случаях углы квадратов обозначаются полукруглыми или прямыми линиями, что зафиксировано в новгородских находках (табл. 79, *10*). Трудно сказать, чем обусловлены эти различия в изображении игровых полей; возможно, были какие-то местные варианты этой широко распространенной игры.

Самое раннее древнерусское изображение игрового

*Подлинное название фигур для игр не сохранилось, все они, за исключением шахматных, условно названы шашками, что не имеет отношения к современным шашкам и шашечной игре. Шашкой называется "всякий мелкий обрубок, отрезочек, кубик, кость игральная с очками, точеный кружок, стопочка для игры на доске в 64 клетки" (*Даль В.И.*, 1956. Т. IV).

© Е.А. Рыбина, Р.Л. Розенфельдт

поля для игры "в мельницу" обнаружено в слое X в. в Ладоге на корабельной доске. Больше всего досок с игровыми полями для "мельницы" найдено в Новгороде, в слоях XII–XIII вв., встречаются они и при раскопках других городов – Пскова, Старой Рязани. Аналогичные геометрические фигуры выбиты на пограничном камне в районе Бежецка и на каменной плите, находящейся рядом с Изборским городищем, известной под названием "камень Трувора". Оба камня датируются приблизительно XIII–XIV вв. Еще А.А. Спицын при первой публикации этих памятников отметил их удивительное сходство с расчерченным полем "мельницы" (*Спицын А.А.*, 1903).

Особенно интересна находка частично сохранившейся двусторонней игровой доски X в. из Гокстада в Норвегии (*Корзухина Г.Ф.*, 1963. Рис. 4). Одна ее сторона была расчерчена не небольшие клетки для описанной выше игры в шашки, на другой – изображение игрового поля для "мельницы". Кстати сказать, точно так же используются современные складные картонные доски: с одной стороны – для игры в современные шашки, с другой – для игры "в мельницу".

Хотя средневековые правила игры не сохранились, но по аналогии с этнографическими материалами и современными правилами игры "в мельницу" устанавливается, что играть в нее могли два человека, которые должны были построить "мельницу", т.е. выстроить игровые фигуры на поле в определенном порядке. За каждую "построенную мельницу" игрок имеет право снять с доски одну шашку противника. Выигравшим считается тот, кто первым ликвидирует все фигуры противника или лишит их хода.

Трудно сказать, что использовалось в этой игре в качестве шашек. Неизвестно, какой формы и вида они были, поскольку пока не найдено ни одного полного или хотя бы частично сохранившегося комплекта игры. Возможно, при игре "в мельницу" в качестве шашек использовали плоские костяные кружочки с концентрическими кругами, которые постоянно находят при раскопках древнерусских городов, толщиной 5–7 мм, диаметром от 25 до 30 мм; но встречаются экземпляры диаметром до 40 мм. Очевидно, в качестве шашек можно было использовать не только специально обработанные шашки, но и любые мелкие предметы (например, камешки). Напомню, что очень часто игровое поле расчерчено наспех на случайных поверхностях, значит, и набор шашек не всегда был у игроков при себе и их заменяли другие предметы.

С досками для игры в "мельницу" не надо путать так называемые "вавилоны", использовавшиеся, по мнению Б.А. Рыбакова, как расчетные линейки для древнерусских зодчих (*Рыбаков Б.А.*, 1957. С. 83–112). Один из таких "вавилонов" был вырезан на плите каменного саркофага на кладбище XII–XIII вв. летописного Василева. Очевидно, здесь был захоронен строитель (*Русанова И.П., Тимощук Б.А.*, 1981. С. 115–116).

Шахматы. До археологических находок фигур почти ничего не было известно о распространении шахматной игры в Древней Руси. В письменных источниках шахматы впервые упоминаются в 1262 г. в Кормчей книге в связи с запрещением священникам играть в шахматы и другие игры (*Розенкампф Г.А.*, 1839. С. 44). Некоторые сведения об игре в шахматы в Древней Руси содержатся в былинах о Ставре Годиновиче, Михайло Потыке, Садко, Илье Муромце, где эмоционально и красочно описывается ход игры, упоминаются некоторые термины, содержатся отдельные сведения о правилах игры (*Линдер И.М.*, 1984). Однако ни из былин, ни из других письменных источников нельзя извлечь сведений о времени появления шахмат на Руси, об их распространении, ни тем более о форме шахматных фигур. Мнения о времени и путях проникновения шахмат на Русь, построенные на догадках и логических посылках, были самыми разнообразными. Одни исследователи считали, что шахматы пришли к нам из Западной Европы, другие называли исходным пунктом арабский Восток, Армению, Грузию, Византию, третьи доказывали, что шахматная игра стала известна на Руси только после монгольского нашествия. Археологические находки дали в руки историков шахмат новый материал для решения этих спорных вопросов. Один из ведущих специалистов в этой области, И.М. Линдер, посвятивший специальное исследование шахматам на Руси, на основе археологических находок и сопоставления шахматных терминов в разных языках пришел к выводу, что шахматы на Руси распространились с арабского Востока в IX–X вв. (*Линдер И.М.*, 1975. С. 54). Однако на самом деле пока нет достаточных сведений для столь определенных утверждений. Именно поэтому здесь мы не рассматриваем эти вопросы, а характеризуем лишь фактический материал.

Названия шахматных фигур в Древней Руси неизвестны, для их обозначения используются более поздние термины. Они происходят из рукописных материалов XVII в. и впервые были зафиксированы в книге А.К. Леонтьева "Описание китайской шахматной игры", вышедшей в 1775 г., и в Словаре Петербургской Академии наук конца XVIII в. По мнению И.М. Линдера, русские названия шахматных фигур – царь, конь, слон, пешка – являются прямым переводом с восточных языков. Термин "царь" со временем из политических соображений был заменен термином "король", который окончательно утвердился в XIX в. Название фигуры "ферзь" заимствовано из восточного без перевода. Единственный термин "ладья" не является переводом с восточного, а отражает сходство арабской символической фигуры "рух" с древнерусской ладьей (*Линдер И.М.*, 1975. С. 34–39).

Известные в настоящее время шахматные фигуры, обнаруженные при раскопках древнерусских городов, можно разделить на две группы: изобразительные и абстрактные. К группе изобразительных шахмат относятся девять находок, происходящих из Новгорода (2 экз.) Волковыска (2 экз.), Берестья, Лукомля, Гродно, Старой Рязани, Белой Вежи (по 1 экз.). Из них только новгородские находки имели четкие даты: костяная миниатюрная фигурка коня с подогнутыми ногами, опущенной головой, с седлом и стременами обнаружена в слое XIII в. Другая фигура коня, сделанная из дерева, происходит из слоя начала XV в. и напоминает современные фигуры шахматного коня (табл. 79, 28). Остальные находки изобразительных шахмат четких датировок не имеют, поскольку происходят из слоев с широким хро-

нологическим диапазоном. Фигурка короля из Берестья датируется XII–XIII вв. Основой для датировки каменной ладьи из Гродно, костяной ладьи из Волковыска и короля из Старой Рязани является форма изображенных в них предметов – одежды, вооружения, ладьи (*Воронин Н.Н.*, 1954. С. 75, 76; *Даркевич В.П., Монгайт А.Л.*, 1970).

Судя по находкам изобразительные шахматы не получили распространения в Древней Руси. Их небольшое число (всего 9 экз.) с широкой датировкой позволяет лишь зафиксировать факт существования изобразительных шахмат в XII–XIII вв., но не дает оснований для каких-либо выводов.

Анализ изобразительных шахмат дает право предположить, что они были завезены на Русь. Во всяком случае, фигурка слона из Белой Вежи, сделанная из слоновой кости, не местного производства, равно как каменная и костяная ладьи из Гродно и Волковыска. Обращает внимание восточный "характер" шахматной фигурки из Лукомля, изображающей мужчину в богатом одеянии, сидящим на ковре, по-восточному сложив ноги. Особенно отличается от всех других фигур находка из Старой Рязани: воин, стоящий на круглом костяном кружке, напоминающем шашку. Возможно, что это не шахматная фигура, поскольку других примеров плоских шахматных фигур мы не знаем.

Очевидно, изобразительные шахматы были первыми, с которыми познакомилась Древняя Русь, но дальше знакомства дело не пошло и они не получили на Руси распространения. Известно, что на Востоке первые изобразительные шахматы были запрещены, согласно требованиям ислама. Поэтому там боевых слонов, всадников, шахов и пеших воинов символизировали абстрактные шахматные фигуры (*Линдер И.М.*, 1975. С. 29).

В Западной Европе, напротив, изобразительные шахматы получили широкое распространение, особенно в раннее время. Известна обнаруженная на берегу о. Льюис (к северу от Шотландии) находка каменной шкатулки, в которой находились 92 костяные фигуры, изображающие королей на троне, епископов, рыцарей, пеших воинов (*Ривкин Б.*, 1980. С. 129). Даже абстрактные по форме фигуры напоминали людей, птиц и животных (*Wichmann H.* und *S.*, 1960; *Lidell D.M.*, 1976).

Коллекция абстрактных шахматных фигур, собранная при раскопках древнерусских городов, насчитывает более 150 экземпляров и содержит набор всех шахматных фигур: король, ферзь, слон, конь, ладьи, пешки. Число шахматных фигур как из Новгорода, так и из других городов (Киев, Туров) не совпадает с опубликованными ранее данными ввиду того, что к шахматным фигурам относили предметы, принадлежащие другим категориям: навершия рукоятей ножей, заостренные деревянные стержни и др. Все сомнительные предметы из данного разбора мною исключены.

Самая многочисленная четко датированная коллекция шахмат собрана в Новгороде (114 экз.). Вопреки распространенному в литературе мнению о существовании в Новгороде шахмат в XI в. (*Колчин Б.А.*, 1971. С. 52; *Линдер И.М.*, 1975. С. 108), в новгородском собрании шахмат не оказалось ни одной четко атрибутированной шахматной фигуры ранее второй половины XIII в. В хронологическом отношении новгородские находки распределяются следующим образом: вторая половина XIII в. – 9 экз., первая половина XIV в. – 22, вторая половина XIV в. – 40, первая половина XV в. – 29 экз. Как видно, максимум находок происходит из слоев XIV в. Слои XV в. в Новгороде изучены неравномерно, поэтому находки, происходящие из них, очевидно, не отражают реального развития шахматной игры в то время.

Подавляющее большинство новгородских шахмат выполнено из дерева, и только около 20 экз. из кости, при этом установлено, что самые ранние фигуры – король, ферзь, конь, – относящиеся ко второй половине XIII в., были единственными костяными фигурами, прочие аналогичные фигуры сделаны из дерева.

По сравнению с новгородской коллекцией находки шахмат в других городах единичны: Киев – 8 экз., Смоленск – 5, Друцк – 4, Полоцк – 2, Минск – 4 экз., по 2 экз. – в Новогрудке, Турове, Гродно, по 1 экз. – в Берестье, Мстиславле, Волковыске, Копысе, Николо-Ленивце, Витебске, Тропце, Заславле.

Среди абстрактных фигур выделяются две разновидности, из которых наиболее многочисленную группу составляют шахматы, сделанные по образцу арабских символических фигур. Основой шахматных фигур восточной символики (за исключением ладьи) является цилиндр или чаще – усеченный конус с разнообразными дополнениями, отличающими одну фигуру от другой. В Новгороде таких фигур найдено более 100 экз., в других городах по 1–2 экз., редко по 3–4 экз. (Киев, Смоленск, Минск, Туров, Друцк, Новогрудок, Копысь, Волковыск), из них все они, кроме двух минских находок, сделаны из кости и датируются XII–XIII вв.

Король. В большинстве случаев, как отмечают исследователи, различить абстрактные фигуры короля и ферзя довольно трудно, так как между ними нет принципиальной разницы. Даже в наборе арабских символических фигур король (шах) и ферзь по форме ничем не отличаются друг от друга (табл. 79, *49–54*). И только больший размер одной из этих фигур дает основание считать ее королем. Очевидно, размер фигур и часто более сложная форма королевской фигуры, снабженной богатым резным растительным или геометрическим орнаментом, могут быть единственными критериями при определении фигур короля и ферзя. Среди новгородского собрания шахматных фигур с уверенностью можно выделить шесть фигурок короля, из которых одна костяная второй половины XIII в., остальные деревянные, относящиеся ко второй половине XIV в. (табл. 79). Высота этих фигур колеблется в пределах 5–6 см, диаметр основания – 2,5–3,5 см. Четыре фигуры короля имеют цилиндрическую форму с богатым растительным или геометрическим орнаментом по бокам и выступающую над верхним основанием центральную часть. У одной фигуры эта часть представляет собой плоское ажурное завершение, сужающееся кверху. Две фигуры имеют слегка коническую форму, без орнамента в основной части, но с резным выступающим верхом. Они происходят из одного комплекта конца XIV в., обнаруженного на усадьбе посадника Юрия Онцифоровича.

Еще одна фигурка короля обнаружена в Смоленске в слое середины – второй половины XIII в. Она сделана из кости и имеет большое сходство с арабскими прототипами (табл. 79, *52*).

Ферзь. Фигурки ферзей известны в Киеве (1 экз.), Смоленске (1 экз.) и Новгороде (около 20 экз.). Киевский ферзь сделан из кости и имеет архаические черты, роднящие его с арабскими символическими фигурами. Фигурка ферзя из Смоленска, тоже костяная, происходит из слоя середины – второй половины XIII в. и тоже имеет большое сходство с восточным прототипом (табл. 79, *43, 48*).

Новгородские ферзи сделаны из дерева, и только один из них, из слоя второй половины XIII в., аналогичен арабским фигурам (табл. 79, *46*). Все остальные фигурки ферзей происходят из слоев первой половины XIV – первой половины XV в., и самой распространенной среди них является фигурка, основную часть которой составляет цилиндр или чаще – усеченный конус с биконическим выступом наверху (9 экз.) (табл. 79, *45*). Первая подобная фигура обнаружена в слое начала XIV в.; все остальные происходят из слоев конца XIV – первой половины XV в. Несколько фигур являются вариантами указанного типа и имеют разнообразные завершения: округленной формы (типа горошины), чашеобразного и четырехлепесткового выступа. Только одна из этих фигур орнаментирована тремя зигзагообразными линиями, все остальные – без орнамента. Три фигуры специального выступа наверху не имеют, но у одной из них на верхней плоскости – четыре вырезанные бороздки, проходящие через центр (табл. 79, *47*). Еще две фигурки ферзей происходят из одного комплекта с усадьбы Юрия Онцифоровича. Они конусообразной формы с небольшим закругленным завершением, основная часть их покрыта незатейливой геометрической резьбой.

К концу XIV в. выработалась устойчивая форма ферзя, описанная выше: усеченный конус с биконическим выступом. С конца XIV в. другие разновидности фигур ферзя не встречались.

Слон и конь. Фигуры слона и коня в главном очень сходны между собой; это невысокие усеченные конусы с закругленным или косо срезанным верхом и боковыми выступами. У слона этих выступов два или один, но обязательно раздвоенный, у коня – один выступ. Высота этих фигур колеблется в пределах 2–3 см, но встречаются и миниатюрные фигурки высотой не более 1 см.

Самая ранняя фигура коня обнаружена на селище, расположенном в 12 км к юго-западу от Минска на р. Мене (*Штыхов Г.В.*, 1976. С. 431), в заполнении полуземлянки с керамикой и другими предметами XI в. (табл. 79, *33*). Автор публикации называет фигурку конем, но раздвоенность выступа, видная на фотографии, свидетельствует о том, что перед нами фигурка слона. Это вообще самая ранняя четко датированная шахматная фигурка из раскопок древнерусских поселений. Несомненно, находка этой фигуры на селище не может быть аргументом в пользу столь раннего распространения шахматной игры на Руси, поскольку других находок шахматных фигур этого времени не известно. Очевидно, данная фигура была завезена сюда как диковинка.

Наибольшее сходство с арабскими символическими фигурами имеют фигуры слона из Друцка и коня из Турова и Новогрудка (табл. 79, *39, 30*). По одной костяной фигуре коня известно в Киеве и Смоленске. Все перечисленные фигуры широко датируются XII–XIII вв. за исключением смоленской находки, обнаруженной в одном комплекте с упомянутыми королем и ферзем и датированной серединой – второй половиной XIII в.

Новгородские фигурки слонов (14 экз.) и коней (19 экз.) сделаны преимущественно из дерева. Единственная костяная фигура коня второй половины XIII в. (табл. 79, *34*) заметно отличается по форме и размерам от других фигурок коня из Новгорода как костяных, так и деревянных, распространенных там с конца XIII в. до первой половины XV в. Она относится к тому же комплекту, что и многоярусный костяной ферзь и, возможно, является привозной.

Фигурки слона и коня обычно не орнаментированы, только в некоторых случаях основная часть фигуры имеет два ряда сдвоенных параллельных линий по окружности всего тела цилиндра или усеченного конуса. Иногда выступы оформлены резным орнаментом в виде волнистой линии, напоминающей гривну (табл. 79, *41*). Интересно, что среди новгородских находок у трех фигурок слона боковые выступы имеют в верхней части отверстия. У некоторых фигур на верхней площадке имеются глазки-кружочки, служившие, вероятно, не только и не столько орнаментом, сколько несшие смысловую нагрузку. Возможно, таким образом различали фигуры.

Ладья. Как уже отмечено, ладьей на Руси называли шахматную фигурку, имеющую удивительное сходство с арабской символической фигурой "рух". В отличие от остальных, круглых в своей основе фигур, основу ладьи составляет параллелепипед за исключением двух деревянных фигурок из Новгорода и Минска с цилиндрическим сечением. У всех остальных фигур основание прямоугольное, а верхняя часть в середине разветвляется и имеет боковые выступы (табл. 79, *20–27*). Какой-то устойчивой формы ладьи не было, но в ее основе лежала модифицированная форма арабской фигуры "рух", к которой ближе всего костяные ладьи из Копыси, Волковыска, Киева, Смоленска (табл. 79, *27, 26*). Близкие аналогии находятся и в новгородской коллекции. Вместе с тем новгородские находки ладьи (21 экз.) представлены разнообразными вариантами. Некоторые фигуры напоминают стилизованные древнерусские ладьи, чаще всего они не орнаментированы, но встречаются экземпляры с резным геометрическим орнаментом.

Пешка. Самой простой незамысловатой фигурой была пешка, представляющая собой цилиндр или усеченный конус с закругленным или срезанным верхом (табл. 79, *11, 12*). Две костяные фигурки пешки происходят из Друцка, остальные из Новгорода (12 экз.), среди которых примерно поровну костяных и деревянных фигур. Иногда пешки украшали одним или несколькими рядами сдвоенных параллельных линий. В двух случаях на верхней части фигур имеются по три глазка, таких же, как у описанных выше фигур слона и коня.

Среди абстрактных шахматных фигур выделяется группа предметов, заметно отличающаяся по форме от фигур восточной символики, рассмотренных выше. В многочисленной новгородской коллекции это шахматные фигурки, выточенные из кости, происходящие с Готского раскопа (8 экз.), на котором была исследована часть гостиного двора ганзейских купцов (*Рыбина Е.А.*, 1978а) и шахматная фигурка из раскопок на Ярославовом Дворище (табл. 79, *49, 42, 36, 17*). В этой группе можно выделить фигуры короля, ферзя, слона, ладьи, пешки, высота которых колеблется от 3 до 5,5 см. Многоярусные

фигуры короля, ферзя и пешки представляют собой несколько ярусов, поставленных на круглое основание. Две фигуры, вероятно, короля, имеют свободно вращающееся выточенное кольцо. Фигура слона также имеет массивное круглое основание, на которое поставлен цилиндр с двумя полукруглыми выемками и вырезом посередине (табл. 79, *36*). Две фигурки ладьи с Готского двора в основе содержат плоскую фигуру с характерными боковыми и центральными выступами, покоящуюся на цилиндре, который в свою очередь поставлен на круглую подставку. Заметен тот же принцип многоярусности, отмеченный для фигур короля, ферзя, слона, пешки.

Чрезвычайное сходство с шахматными фигурами, обнаруженными на Готском раскопе в Новгороде, имеют шахматные фигуры из Киева (король, ладья), Вышгорода (ладья), Полоцка (король, слон), Друцка (король), Мстиславля (ладья), Изяславля (ладья), Новогрудка (пешка), Копыси (пешка), Витебска (ладья), Торопца (пешка), Гродно (пешка). Все они костяные и датируются XIII–XIV вв.

Подобные фигуры имеют ближайшие аналогии в западноевропейских средневековых шахматных фигурах (*Wichmann H.* und *S.*, 1960) ладьи из Мстиславля и Лидского замка напоминают шахматную ладью из Стокгольмского музея (*Линдер И.М.*, 1975. С. 88).

Эти фигуры появились в Западной Европе в XIII в., а с конца XV в. получили там широкое распространение, вытеснив постепенно шахматы восточной символики. В английской литературе такой тип фигур получил название Kinventionell, обозначающий одновременно традиционность и условность данной формы фигур. Действительно, этот схематический, ярко выраженного стереометрического облика тип фигур стал доминирующим в новое время и в модифицированном виде дожил до наших дней.

Поскольку большинство шахматных фигур такой формы происходит с Готского двора в Новгороде, местопребывании ганзейских купцов, следует, вероятно, признать их западноевропейское происхождение. На новгородских усадьбах этого времени преобладают шахматные фигуры восточной символики. В XVI–XVII вв. шахматные фигуры такого типа были широко распространены на Руси, о чем говорят их находки в Москве (*Рабинович М.Г.*, 1964. С. 302–304; *Дубынин А.Ф.*, 1959. С. 95), на о. Фаддея (*Замятнин С.Н.*, 1951. С. 148–151), в Мангазее (*Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.*, 1981. Табл. 45, 46). Очевидно, эта форма, появившаяся на Руси в XIV–XV вв., хорошо привилась здесь и послужила образцом для последующих времен.

В целом археологические находки шахматных фигур в древнерусских городах малочисленны во всех пунктах, кроме Новгорода. Анализ показал, что большинство из них не имеет четких датировок, а происходит из слоев с широкими хронологическими рамками в пределах двух-трех веков. Чаще всего это XII–XIII вв. или XIII–XIV вв. Только немногочисленная группа изобразительных шахмат может быть с известными оговорками отнесена к XII в.

В связи с этим представляется неправомерным утвердившийся в литературе вывод о широком бытовании шахмат на Руси в XI–XII вв., тем более в IX–X вв., от которых вообще не сохранилось ни одной фигуры.

Исходя из археологического материала можно говорить о том, что Древняя Русь познакомилась с изобразительными шахматами в XII в. Широкое распространение шахматной игры на Руси относится к XIII в., не случайно и первое письменное упоминание шахмат датируется именно этим временем. Несмотря на повторявшиеся запреты церкви играть в шахматы и другие игры, шахматная игра постепенно завоевывала все большую популярность и становилась неотъемлемой частью бытовой культуры.

Долгое время оставалось неясным, как различали фигуры противников в шахматной партии. Не так давно при раскопках в Новгороде были обнаружены две деревянные фигуры (слон и ладья) с остатками красной краски. Следовательно, как и теперь, в средневековье шахматные фигуры различали по цвету.

Что касается шахматных до́сок, то пока, к сожалению, не известно ни одной находки шахматной доски современного типа. Только в Новгороде найдены две расчерченные на два игровых поля деревянные доски. Одно поле целое и представляет собой прямоугольник, разделенный вдоль на две части, каждая из которых в свою очередь поделена на 16 небольших прямоугольников. От другой доски сохранились лишь фрагменты, содержащие также 16 небольших прямоугольников. Возможно, описанные доски предназначались для игры в шахматы по не дошедшим до нас правилам.

К числу находок, связанных с играми, относятся игорные бабки, или астрагалы, представляющие собой надкопытную кость. Такие кости, залитые свинцом или имеющие просверленные отверстия, постоянно встречаются при раскопках древнерусских городов и селищ во всех хронологических горизонтах начиная с X в. Археологический материал дает основания говорить о широком временном и территориальном распространении игры в бабки, но, к сожалению, не дает представления о разновидностях этой игры. Судить об этом можно лишь по этнографическим параллелям, материал которых свидетельствует о разнообразии форм игры в бабки, что отражено даже в их названиях: "кон", "поджошка", "пристенок", "катошки", "краснокудан" (*Даль В.И.*, 1956. Т. IV).

Игры детей

Детские игрушки. Это достаточно частая находка в культурном слое древнерусских городов, реже – в погребениях. Ассортимент их многообразен, он связан с реальной жизнью, окружавшей детей. Делали игрушки из разнообразных материалов: дерева, древесной коры, кожи, кости, глины. Их классификацию удобнее всего провести с учетом материала, из которого их мастерили.

Большая часть игрушек – самоделки, они изготовлены родителями детей или самими детьми, и только от-

дельные игрушки – продукция ремесленного производства.

Для игрушек из дерева использовали многие породы деревьев, как лиственных, так и хвойных. Из дерева на Руси в домонгольское время делали игрушечные мечи, кинжалы, ножи, копья, луки со стрелами, кубари, волчки, шары, различные виды кукол, лошадки, различные фигурки зверей и птиц, лошадки-скакалки, чижики, биты для лапты, кнуты. Из дерева, а чаще из коры изготовляли игрушки-лодки. Из дерева мастерили и более крупные изделия – санки, лыжи.

Мечи. Среди различных видов наступательного оружия на Руси в домонгольское время наиболее грозным был меч – символ воинской доблести, а отчасти и власти. Меч – дорогой вид оружия, его обладателями были преимущественно профессиональные воины-дружинники. (Русский меч в письменных источниках часто противопоставляется сабле кочевника и топору простолюдина). На мече клялись и принимали присягу, дорогие мячи передавались наследникам, а в отсутствие таковых их клали в могилу вместе с владельцами. Вот почему деревянные игрушечные мечи часто находят в культурном слое древнерусских городов. Удалось установить, что навершия игрушечных мечей по форме сходны с навершиями настоящих мечей, а потому игрушки часто датируются формой наверший по аналогии с настоящими мечами.

Большая серия деревянных игрушечных мечей, изготовленных обычно из сосны, была найдена в культурном слое Староладожского городища. Наиболее ранние из них имеют навершия в виде низкого треугольника и относятся к IX–XI вв. Здесь же найдены и игрушечные мечи с навершием в виде диска, относящиеся к XIII в. (*Штакельберг Ю.И.*, 1969. С. 252–254). Длина целого деревянного меча из Старой Ладоги – около 60 см, ширина рукояти деревянных мечей – около 5–6 см, соответствующая ширине ладони ребенка в возрасте 6–10 лет. Более трех десятков игрушечных деревянных мечей было найдено при раскопках в Новгороде в слоях X – первой половины XI в. В более поздних горизонтах они встречаются реже (*Колчин Б.А.*, 1971. С. 52. Рис. 22) (табл. 80, *1-3, 6, 7*). Несколько деревянных игрушечных мечей было найдено в Старой Руссе и Пскове (*Гроздилов Г.П.*, 1962. С. 56). Четыре деревянных игрушечных меча были найдены при раскопках в Гродно (*Воронин Н.Н.*, 1954. С. 64. Рис. 27, 6, 7), деревянные игрушечные мечи были найдены при раскопках Слонима и Орешка. Многочисленны находки деревянных игрушечных мечей и в польских городах (Гданьск, Колобжег и др.).

Копья. Не менее распространенным, чем мечи, видом оружия на Руси были копья. Детская игрушка в виде деревянного копья была найдена при раскопках в Старой Ладоге (*Штакельберг Ю.И.*, 1969. С. 252–254). У него цилиндрическая нижняя часть, изображающая втулку копья и миндалевидное в сечении перо (табл. 80, *12*). Близкого вида настоящее железное копье было найдено в Приладожских курганах начала XI в (*Бранденбург Н.Е.*, 1895. Табл. XI, 9. С. 63, 88, 118). Находки игрушечных копий есть и в Новгороде, но они плохо выделяются в силу примитивной формы изделия. Это просто заостреннные палки.

Кинжалы. При раскопках в Старой Руссе в 1972 г. была найдена редкой формы деревянная игрушка-кинжал. Он фрагментирован. Полная длина его около 27–28 см. У игрушки брусчатой формы перекрестье и ромбовидной формы навершие. Стратиграфически этот предмет датируется XII в. Не исключено, что часть наверший деревянных игрушечных мечей, найденных в Новгороде и Старой Ладоге, на самом деле являются навершиями кинжалов (табл. 80, *11*).

Ножи. При раскопках в Новгороде, Переяславле Рязанском, Старой Руссе найдены игрушечные ножи, вырезанные из одного куска дерева, обычно сучка. У них круглые в сечении рукояти и лезвие обычно длиной 5–6 см. Найденные ножи датируются преимущественно XII в. (*Колчин Б.А.*, 1968. Табл. 80, 2) (табл. 80, *23, 24*). Наряду с целиком деревянными игрушечными ножами были найдены миниатюрные (настоящие) ножики с длиною лезвия 1,5–4 см, в частности несколько таких ножей найдено в Старой Рязани, Новгороде, Пскове и других древнерусских городах.

Луки. Наряду с мечами, копьями и кинжалами как боевое оружие и орудие охоты использовали луки. На Руси они были сложной конструкции, склеенные из разных кусков дерева и костяных пластин. Естественны потому и многочисленные находки игрушечных луков простой конструкции, изготовленных из одного куска дерева. От них, впрочем, плохо отличимы луки, которыми пользовались для вращения лучковых сверл. Детские игрушки-луки делали из орешника, можжевельника, дуба. Несколько детских игрушечных луков "недомерков" было найдено при раскопках в Новгороде (Там же.); длина их обычно 50–60 см. В горизонте XII в. в Новгороде был найден почти целый игрушечный лук с выделенной средней частью (табл. 80, *15, 16*). На утонченных концах его дуг сохранились зарубки для привязывания тетивы (*Колчин Б.А.*, 1964. С. 18). Луки в Новгороде были найдены в слоях X и XIII вв.; обломок детского деревянного лука – в слое IX в. в Старой Ладоге. Его полная длина около 87 см, по форме он подражает сложному луку. Два детских деревянных лука были найдены в Белоозере (*Голубева Л.А.*, 1973а. Рис. 32, 1). Известна находка простого деревянного лука с малого Торопецкого городища. Длина его 85 см. Известны также находки детских игрушечных луков из Пскова и Старой Руссы. Интересно, что игрушечные луки в слоях древнерусских городов после XV–XVI вв. почти не находят, к этому времени настоящие луки вышли из употребления.

Весьма многочисленны и находки целиком деревянных стрел к игрушечным лукам, обычно они вырезаны из сосны вместе с наконечниками и стрелой. По форме наконечников выделяют стрелы разных типов. Одни из них уплощенные, другие заостренные. На тыльной части стрелы нередко был вырез для тетивы (табл. 80, *10, 13, 14, 17, 18*). Деревянные стрелы для игрушечных луков найдены в Гродно (*Воронин Н.Н.*, 1954. С. 64. Рис. 27, 8, 9), Старой Ладоге, Торопце, Бресте, Полоцке, Минске, Москве и, конечно, Новгороде – здесь найдено несколько сот обломков игрушечных стрел (*Колчин Б.А.*, 1968. С. 32). Длина полностью сохранившихся стрел к игрушечным лукам около 70 см. Оперения к игрушечным стрелам не полагалось.

Лошадки. При раскопках древнерусских городов встречаются и игрушки-лошадки, вырезанные из дерева. Они нескольких типов. Одни имеют вид палки, ее

отогнутый верхний конец оформлен в виде головы коня, во рту которого – отверстие для поводьев. Сходство навершия палки у таких игрушек с головой коня иногда весьма отдаленное. Более десятка таких палок-лошадок, на которых скакали верхом, были найдены в Новгороде, в слоях XI–XIII вв. (*Колчин Б.А.*, 1965. С. 18). Хорошо выполненная игрушка этого вида происходит из Старой Ладоги, из горизонта XI в. (табл. 80, *8*).

Довольно часто при раскопках встречаются и обычные игрушки-коники разного размера и вида. Обычны профильные изображения лошадок. Много их было найдено при раскопках в Новгороде. Часть этих фигурок изображает оседланных лошадей. Очень выразительна найденная в Новгороде, в слое XI в., фигурка лошадки, выполненная в манере плоской резьбы на доске. Видно седло с высокой лукой. Нижняя часть игрушки утрачена. У других деревянных коников, найденных в Новгороде (табл. 80, *9, 21, 22, 29–31*), хорошо моделирована голова животного. В нижней части тулова – обычно два отверстия. Максимальная длина фигурок – около 20 см. Часть их была, видимо, игрушками-каталками. В отверстия пропускались оси, на концах которых были колесики. Последние тоже найдены при раскопках. Очевидно, часть лошадок использовались как головки для игрушечных коней, у которых тулово имело вид короткого обрубка бревна на четырех деревянных ногах. При помощи дырок в нижней части корпуса коня головка привязывалась к тулову. Такие игрушки-кони были широко известны в русской этнографии до XIX в. Особенно распространенными были в XIII в. деревянные коники с треугольной формы туловом (*Колчин Б.А.*, 1971. С. 47. Рис. 19. Табл. 38, 39). Кроме Новгорода, находки деревянных игрушек-коников известны из Старой Ладоги и Пскова.

Кнуты. Сравнительно редко при раскопках находят кнуты. Это палка длиной до 30 см с кольцевой зарубкой на конце. Сам кнут делали из кожи или палки. Такие кнуты нужны были для езды на лошади и для вращения кубарей – деревянных игрушек, тоже распространенных в домонгольское время. Рукояти игрушечных кнутов были найдены в Старой Ладоге, Новгороде и Белоозере, где они датируются XI–XIII вв. Наиболее распространенными были кнуты с кнутовищами длиной до 40 см.

Куклы. Довольно широко известны и деревянные куклы (табл. 80, *25–28*). В Новгороде в разных горизонтах культурного слоя найдено несколько десятков плоских и выполненных в объемной резьбе кукол размером 10–25 см. А.В. Арциховский отметил, что особенными художественными достоинствами они не отличались (*Арциховский А.В.*, 1956. С. 36). Часть этих кукол имеет только деревянную основу фигуры, которую пеленали или одевали в зависимости от вкуса и возраста ребенка. Правда, игрушечные кукольные одежды в слоях домонгольского времени не находили ни разу. Наиболее распространенными среди новгородских кукол являются антропоморфные фигуры с плохо обработанным плоским туловом. На лице фигур иногда изображали нос, глаза, рот. Ноги и руки у этих кукол отсутствуют. Наряду с плоскостными фигурками кукол известны и куклы с туловым объемным. Одна из них найдена при раскопках Полоцка (*Штыхов Г.В.*, 1968. С. 254, 255); другая (подобная) – в Новгороде. Еще одна деревянная кукла найдена в Старой Ладоге, где она датируется XI в.

Последнюю группу кукол образуют человеческие фигурки, вырезанные из круглой в сечении палки. У них относительно хорошо моделированная голова, а остальная часть заготовки оставлена необработанной. Несколько таких кукол, видимо в древности запеленутых в тряпки, было найдено в Новгороде, и одна – при раскопках Смоленска. К ним относится и близкого вида фигурка, найденная в Старой Ладоге (*Гродзилов Г.П.*, 1950. Рис. 4, 5). У этой фигурки, как и у смоленской, рельефом переданы отчасти ноги. Еще одна такая кукла была найдена в Полоцке (*Штыхов Г.В.*, 1968. С. 254), она относится к XIII в.

Кроме кукол, из дерева вырезали фигурки животных и птиц. Большая серия их происходит из Новгорода. Можно различить изображения голубей и кур (*Колчин Б.А.*, 1971. С. 50. Табл. 41). Таких фигурок, по подсчетам Б.А. Колчина, в Новгороде было найдено около 100 шт. Резьбой передано оперение птиц. Часть из них крепили на палку. Почти все они датируются XII–XIII вв.

Кубари. Неоднократно в новгородских слоях X–XIV вв. и в других городах находили волчков-кубарей. Они имеют вид цилиндра с закругленным низом и небольшим углублением наверху. Часть их вырезана от руки, другие, в частности новгородские, сделаны на токарном станке и, видимо, являются ремесленным изделием. При помощи шнура кубарь вращали, поддерживая кнутиком. В Новгороде это была одна из излюбленных игрушек. По данным Б.А. Колчина, их здесь найдено не менее 700 образцов (Там же. С. 51. Табл. 42). Датируются они X–XIII вв. Есть и более поздние находки (табл. 80, *19, 20*). Подобные кубари известны по раскопкам в Пскове, Старой Ладоге, Старой Руссе, Бресте, Витебске.

При раскопках встречаются и обычные деревянные волчки. Они, как правило, состоят из плоского диска диаметром 7–8 см, в центральное отверстие которого вставлялась заостренная книзу ось. Наиболее крупные волчки имели диски диаметром до 15–18 см. Такие диски от волчков были найдены в Новгороде, Старой Ладоге, Пскове, Белоозере, Смоленске. Толщина их от 8 до 25 мм.

Шары. В слоях домонгольского времени во многих древнерусских городах были найдены деревянные шары. По предположению Б.А. Колчина, часть из них предназначалась для игры в шар-мазло, во время которой шары загоняли в лунку примитивными клюшками. Большая часть найденных шаров вырезана вручную. Есть, однако, и немного таких шаров, выточенных на токарном станке. Шары эти в Новгороде залегают во всех горизонтах культурного слоя с X по XIV в. (табл. 80, *4*). Игра в шар-мазло была распространена и на Московской Руси в XVI в. Диаметр старорусских шаров 5–12 см.

Санки. К детским игрушкам относятся и санки-салазки, детали которых найдены как в Новгороде, так и в Старой Ладоге. Их длина около 70 см. Полоз санок состоял из двух копыл, связанных поперечными отростками. Подобной конструкции детские салазки найдены в слоях XI–XIII вв. и в польских городах. В XII в. делали салазки другой конструкции – с массивными полозьями из заостренных досок.

Хлопушки. В домонгольское время на Руси широко были распространены хлопушки. Они состояли из дере-

ванной трубки длиной до 20 см и поршня-стержня с ручкой. Такой конструкции хлопушки найдены в Новгороде и Старой Ладоге.

Свирели. В Новгороде же найдены и деревянные свирели – прямые флейты, которые, по-видимому, служили детскими игрушками. Это трубки со скошенным краем и щелевидным на нем отверстием. У одной из свирелей сверху были три отверстия – лада, у второй, по-видимому, четыре. Длина первой свирели 20 см, второй – 22,5 см. Первая относится к XV в., вторая датируется XII в. Б.А. Колчин, впрочем, полагает, что это не детские игрушки, а музыкальные инструменты (*Колчин Б.А.*, 1968а. С. 37. Табл. 84, 1, 2). Близкой конструкции глиняная свирель найдена на городище Микульчин в Кировской области в слое домонгольского времени.

Кубики. Видимо, к детским деревянным игрушкам относятся и кубики, найденные при раскопках в Старой Ладоге и Новгороде в слоях X–XI вв. Длина их граней 3,5 см.

Лодки. Из дерева относительно редко делали лодочки: одна найдена в Новгороде, другая – в Гродно. У первой слегка уплощенное днище и приподнятые нос и корма.

Вертушки. Наконец, из дерева мастерили игрушки-вертушки. В Новгороде найдено около десятка таких вертушек, наиболее древние из которых относятся к XII в. У части из них в центре – отверстия, они крутились от ветра (табл. 80, *5*). У других в центральное отверстие вставлялся деревянный стержень. При раскручивании его между ладонями игрушка поднималась в воздух. Подобная игрушка найдена в Старой Руссе (*Медведев А.Ф.*, 1967а. С. 265–286).

Из дерева изготовляли также биты для игры в лапту, чижики и другие игрушки, но они маловыразительны и не составляют серий.

Из толстых слоев сосновой коры в Древней Руси делали только одну категорию игрушек – лодочки. Находки их многочисленны (табл. 81, *1, 6, 11*). Лодочки, вырезанные из коры, найдены при раскопках Давид-городка в Белоруссии, они датируются XII в. На корпусе игрушки видны две переборки. Несколько аналогичных лодочек найдено в Новгороде, преимущественно в слоях XIII–XIV вв. Большая игрушка-лодка из сосновой коры найдена в Берестье; длина ее около 26 см. В носовой части помещено отверстие для шнурка, есть основание для мачты. Несколько лодочек из коры найдено в Пскове, в постройке XII в. Длина лодочек около 15 см; корма и нос игрушек заострены. XIII в. датируется лодочка, найденная в крепости Орешек, две – в Переяславле Рязанском (*Монгайт А.Л.*, 1961. Рис. 75, 9, 10. С. 182). Множество игрушек-лодочек из сосновой коры найдено в культурном слое польских городов (в Ополье, Гданьске).

Жужжалки. Плюсневые кости овцы и козы использовались как игрушки – "жужжалки". В середине костей просверливали два отверстия, через которые пропускались ремешки. С их помощью игрушку вращали, при этом кость начинала жужжать. Десятки таких "жужжалок" были найдены в культурном слое Новгорода, Пскова, Старой Рязани, Смоленска в слоях домонгольского времени.

Свистульки. Из трубчатых костей животных и птиц делали разного рода свистульки. Часть их с ладами, более крупные имеют вид настоящих флейт. Особо следует остановиться на обрезках костей с несколькими отверстиями, расположенными на одной высоте. Одни исследователи считают их свистками, причисляя к детским игрушкам, другие видят в них инструменты для ссучивания нитей. Серии таких предметов найдены на Старорязанском городище, они есть в Новгороде и Старой Ладоге, в Городске и Волковыске (*Зверуго Я.Г.*, 1969. С. 153. Рис. 6, 6), на Райковецком городище, две такие свистульки найдены в слое XI в. в Бресте, есть они в Киеве, Чернигове и Вышгороде.

Гораздо реже рог и кость использовали как основу для детских игрушек-кукол. При старых раскопках Торопца была найдена костяная кукла, вырезанная из рога лося, а при раскопках в Старой Ладоге – головка для такой куклы.

Мячи. Кожу использовали для изготовления лишь одной категории детских игрушек – мячей. Мячи обычно сшивали из трех кусков кожи – двух донцев и боковины; по швам делали подкладки из тонких кусков кожи, нередко швы обшивали бронзовой или серебряной проволокой. При изготовлении мячей применялся выворотный шов. Мячи набивали мохом, шерстью. При раскопках их находят во фрагментированном виде. Диаметр этих кожаных мячей варьировал от 2 до 15 см, видимо, ими играли в разные игры – от лапты до игры в мяч ногами. В Новгороде, в слоях X–XVI вв., найдено около 200 таких мячей. Производством игрушек этого рода, видимо, занимались ремесленники (*Изюмова С.А.*, 1959. С. 216. Рис. 9); несколько кожаных мячей найдено в Пскове (*Оятева Е.И.*, 1962. С. 94), много – в Бресте, есть они в Старой Ладоге, Старой Руссе и Москве (табл. 81, *26, 32*).

Писанки, погремушки. Керамические поделки в форме яйца с гремящим камешком внутри – частая находка в городах и курганах Руси. Им посвящена значительная литература (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 362; *Макарова Т.И.*, 1966. С. 141–145; 1967. С. 42–45, Табл. XIV, 8–10, 11–17). Писанки формировали из обычной гончарной глины ленточным способом и после обжига покрывали непрозрачной поливой бурого или зеленого цвета. Затем на писанку, закрепленную на неподвижном стержне, наносили роспись поливой другого цвета (табл. 81, *37–41*).

На территории Древней Руси найдено более 70 писанок. Все они делятся на две группы, различающиеся качеством поливы фона. В первую группу входят писанки, покрытые буро-черной поливой с металлическим блеском, похожим на блеск гематита. Желтая или зеленая роспись образует узоры в виде фигурных скобок, беспорядочных полос или в виде простой полосы, опоясывающей писанку пять-шесть раз.

Вторая группа объединяет писанки, поверхность которых без металлического блеска, с фоном буро-коричневого, зеленого, реже желтого цвета и росписью, выполненной желтой, зеленоватой, реже коричневой поливой. Роспись на них, как и на писанках первой группы, чаще всего – фигурными скобками, но встречаются прямые или беспорядочные полосы.

Спектральные анализы поливы показали, что различие между писанками первой и второй групп отражает существенную разницу процесса их изготовления. Полива писанок первой группы относится к свинцово-кремнеземным стеклам с повышенным содержанием титана.

Металлический блеск обусловлен выпадением свинца в процессе восстановительного обжига, окраска фона вызвана окисью железа.

Полива писанок второй группы принадлежит к свинцово-известковым стеклам. Значительное содержание окиси меди придавало ей зеленый цвет, а окись железа делала ее темной и полупрозрачной, что свидетельствует о том, что мастерские, выпускавшие эти изделия, находились в разных ремесленных центрах. Это подтверждает и топография писанок обеих групп: первая группа тяготеет к северным областям Руси, вторая – к южным.

При попытках локализации центров, где могли изготовлять писанки, следует учитывать, что большинство писанок первой группы найдены в Новгороде. Не случайно, что именно в этом городе находят бусы с металлическим блеском фона и росписью скобками, очень похожие на писанки. Вероятно, именно в Новгороде производили нарядные писанки первой группы. Не исключено, что их делали и в Рязани, где в горне для обжига поливной керамики был найден обломок писанки (*Монгайт А.Л.*, 1955. С. 112, 127).

Более уверенно можно говорить о месте изготовления писанок второй группы. Они покрыты той же поливой, которую использовали при производстве поливных плиток, украшавших первые киевские храмы – Десятинную церковь и Софию. Вполне вероятно поэтому предположение Б.А. Рыбакова, что производство писанок возникло в Киеве (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 362).

XI век был временем максимального распространения писанок. С середины XII в. они (судя по новгородским данным) уже выходят из употребления, в XII–XIII вв. они встречаются уже как пережиток. Широкое использование писанок совпадает по времени с распространением амулетов в виде привесок-коньков и миниатюрных бытовых предметов. По утвердившемуся среди специалистов мнению, писанки имели отношение к языческим верованиям. Поэтому весьма вероятно, что одновременное исчезновение амулетов и писанок, скорее всего, – следствие активизации борьбы христианства с язычеством в XII в.

Всадники. Очень распространенной на Руси игрушкой был сидящий верхом на лошади всадник. Эти как неполивные, так и покрытие поливой зеленого цвета статуэтки находят обычно в сильно фрагментированном виде. Центр или центры производства этих игрушек – южнорусские города, большинство находок именно оттуда (табл. 81, *16, 17, 24, 25, 28–30*). Статуэтки – это лошадь с гривой, иногда с седлом и упряжью, всадники обычно бородатые, в шлеме или в высокой шапке с опушкой. Фрагменты игрушки этого вида найдены в Киеве, на Ленковицком поселении (*Малевская М.В., Раппопорт П.А., Тимощук В.А.*, 1970. С. 119. Рис. 8, 9), в Галиче в урочище Базар, в Белоозере (*Голубева Л.А.*, 1973а. Рис. 61, 12), в слое XII–XIII вв., в Изяславле при раскопках М.К. Каргера, в Драгочине, Волковыске, Старой Рязани, Вышгороде, Гродно, Пинске, Воине. Кроме того, найдены поливные игрушки, изображающие конников без всадников, – в Галиче, Новгороде, Киеве. И те и другие игрушки фактически являются статуэтками. Они сравнительно небольших размеров и не имеют полости внутри (табл. 81, *31*).

С известной долей вероятности к игрушкам можно отнести поливную фигурку, изображающую сидящего на бочке человека, найденную при раскопках М.К. Каргером в Изяславле, в слое XII–XIII вв. (табл. 81, *33*). Известны серии игрушек, сделанных более примитивно из горшечной глины (видимо, не ремесленниками) и обожженных в обычной печи. Так, на городище Масковцы Витебской области были найдены вылепленные из глины лошадки и человеческая фигурка, сформованные очень неумело. Особняком стоит игрушка-лошадка с Екимауцкого городища в Молдавии (X – начало XI в.): вместо хвоста у нее кольцо, а на спине наколы.

Птички-свистульки и птички-погремушки. Сравнительно редко в слоях домонгольского времени находят такой вид глиняной игрушки, как птички-свистульки. Одна из них происходит из кургана у с. Апонитицы Зарайского района Московской области (табл. 81, *5, 7, 13*) (*Монгайт А.Л.*, 1961. С. 241. Рис. 107). Она найдена в насыпи над впускным погребением (датируется XII–XIII вв.), сделана из серой глины и покрыта зеленой поливой. Примерно такая же птичка-свистулька, но неполивная найдена в Старой Ладоге и подобная ей – в Старой Рязани. Очевидно, птички-свистульки на Руси появились довольно рано, еще в домонгольское время.

Среди птичек-погремушек (табл. 81, *2, 3, 8*) особенно интересна птичка, найденная в Мстиславе (*Макарова Т.М.*, 1967. Табл. XIV, 18). Она покрыта коричневой поливой, с подглазурной росписью (табл. 81, *12*). Похоже, эта птичка-уточка сделана теми же мастерами, что изготовляли поливные яички-погремушки, украшенные цветной поливой. Еще одна поливная уточка-погремушка найдена в Полоцке (*Штыхов Г.В.*, 1975. Рис. 18, 8). В Новгороде на Славенском конце открыта мастерская, где делались такие игрушки. На территории сруба, сгоревшего до 1337 г., найдена серия незаконченных, бракованных игрушек-птичек, полых внутри и частично покрытых желтой и коричневой поливой (*Арциховский А.В.*, 1947а. С. 130–132).

Посуда. Основную массу глиняных игрушек составляют большие серии игрушечной посуды, которую постоянно находят при раскопках древнерусских поселений домонгольского времени (табл. 81, *35, 36, 43, 44, 50–59*). Это разных типов горшки, кувшинчики, сковородки, даже миниатюрные глиняные светильники. Часть этой посуды изготовлена вручную, но основные серии составляют сосудики, изготовленные гончарами. Игрушечную посуду делали как из обычной горшечной глины, так и из светложгущейся. Среди игрушечных сосудов есть и поливные. Игрушечная глиняная посуда копирует формы столовой и кухонной керамики того времени. Высота игрушечных сосудов обычно от 1 до 5 см. Изготовляли из глины и редкой формы игрушки. Так, на Екимауцком селище в Молдавии найден глиняный сапожок (табл. 81, *34*), а в курганной группе у д. Замошье в Витебской области – глиняное ведерко с ушками для ручки и четырьмя рядами линейного орнамента, имитирующего обручи. Курган относится к XI в. (*Сергеева З.М.*, 1973. С. 368).

В культурном слое Новгорода, Старой Рязани, Городца на Волге (*Медведев А.Ф.*, 1968. Рис. 7, 19–20) и особенно Пскова часто находят большие серии глиняных шариков из обожженной глины. Диаметр их от 0,7 до

2 см. Одни исследователи называют эти изделия детскими игрушками, другие полагают, что эти шарики от пращи, которая была сравнительно широко распространена.

На Руси в домонгольское время в качестве игрушек использовали различные миниатюрные копии бытовавших предметов, например известна находка большой серии железных топориков малых размеров. Серия игрушечных железных топориков найдена в Новгороде, обломок железного топорика происходит из Киевского некрополя. При исследовании городища Зимно в Львовской области была найдена уменьшенная копия плотницкого топора с широким лезвием. Близкого вида игрушечный железный топорик найден в Новогрудке (табл. 81, *4*, *10*, *15*).

При раскопках в Орешке в культурном слое домонгольского времени найден игрушечный бронзовый кистень. Длина игрушки вместе с петлей для его привешивания около 3,5 см (*Кирпичников А.Н.*, 1980. Рис. 28, 3). Автор раскопок относит находку к XVI в. (табл. 81, *27*). Приведенный обзор древнерусской игрушки домонгольского времени свидетельствует о многообразии ее ассортимента и качества. Часть перечисленных игрушек производили мастера-ремесленники, другую часть – родители детей, третью – сами дети. Игрушки способствовали развитию определенных навыков у детей, заменяя ребенку настоящие орудия труда, образцы вооружения, приобщая их к занятиям взрослых.

Глава 6

Средства передвижения

Для населения Руси, разбросанного на необозримых просторах восточноевропейской равнины, развитие средств сообщения было условием хозяйственного и культурного единства раннефеодального государства. Это обстоятельство во многом объясняет постоянный интерес к этой проблеме отечественной историографии (*Анусин Д.А.*, 1890; *Боголюбов Н.*, 1879–1880; *Веселаго В.*, 1875; *Загоскин Н.П.*, 1909; *Арциховский А.В.*, 1968; *Воронин Н.Н.*, 1948б; *Колчин Б.А.*, 1968. С. 51–63). К настоящему времени можно считать бесспорно доказанным определяющее значение разветвленной сети водных артерий, пронизывающих территорию между Черным морем и Ледовитым океаном, Уралом и Балтикой.

Порожистость основных речных артерий – Днепра и Волхова, мелководность притоков, необходимость переволакивать суда на водоразделах – все это оказало существенное влияние на характер судостроения, преимущественно речного. Речные древнерусские суда отличали небольшие размеры, мелкая осадка и легкость в управлении.

Источники по истории техники древнерусского судостроения еще слишком малочисленны; письменные свидетельства отрывочны и доносят до нас практически лишь названия судов; иконографический материал в большинстве своем относительно поздний; археологические материалы только начинают накапливаться. Наиболее обстоятельная сводка всех видов источников по истории судостроения Древней Руси – статьи Н.Н. Воронина и А.В. Арциховского, их основные положения актуальны и в наши дни. Они попытались создать эволюционную схему древнерусского судостроения, в частности речного. Для домонгольского периода это сделано Н.Н. Ворониным, который показал, что долбленый челн и ладья с целой долбленой основой являлись универсальным средством сообщения в Древней Руси. Дальнейшее усовершенствование ладьи (насад) и введение новых типов судов – галеи, стругов и учанов – обусловило переход от долбленой однодеревки через набойную ладью и насад к дощатым судам, но произошло это уже в послемонгольский период (*Воронин Н.Н.*, 1948б. С. 290).

Продолжил эволюционную схему древнерусского судостроения А.В. Арциховский. По его мнению, система средств сообщения X–XII в. до XIII–XV вв. почти не менялась (*Арциховский А.В.*, 1968. С. 307). Он составил перечень типов судов, сопроводив его исторической и краткой конструктивной характеристикой. В нем фигурируют насад, набойная ладья (ладья с досками), учан, челн, ушкуй, паузок. Среди военных кораблей наряду с насадами стали использовать ушкуи, среди торговых судов наряду с учанами и стругами – паузки (*Арциховский А.В.*, 1968. С. 310).

Описанная схема при всей ее логичности, на наш взгляд, страдает отсутствием типологизации многочисленной речной флотилии Древней Руси. Впрочем, это – следствие главным образом недостаточности и краткости прежде всего письменных источников. Однако новое обращение к ним и здесь, по нашему мнению, демонстрирует нереализованные возможности. В частности, более продуктивным может быть обращение к "Русской Правде", статья 73 Пространной редакции которой дает общую типологическую схему судов: "Аже лодью оукрадеть, то 60 кун продаже, а лодью лицемь воротить; а морьскую лодью 3 гривны, а за набоиную лодью 2 гривны, за челн 20 кун, а за струг гривна" (ПР. II. С. 577).

Обращаясь к типам судов, перечисленных в "Русской Правде", отметим не только отсутствие некоторых категорий, зафиксированных к тому времени летописцами (об этом ниже), но отсутствие упоминания судна, служившего основой для набоя. Им не может быть морская ладья – это особый, самый дорогой тип судна – 3 гривны. Естественно, что основой набоя, оцениваемого в 2 гривны, может быть судно, цена которого близка к половинной стоимости набойной ладьи. Таковым мог быть струг. Его цена – гривна. Если так, а альтернатив этому мы не видим, то струг – речная ладья, основной вид древнерусского судна, названный в "Русской Правде" видовым именем.

Предлагаемому нами типологическому единству (струг-ладья) соответствует фиксируемое актами наличие термина "струг с набои", т.е. "набойный струг" (ДДГ. С. 55), практически неотличимый от устойчивого "набои", либо "лодья с досками".

Представляется, что ладья, как и струг, была небольших размеров и ограниченной грузоподъемности, вероятно однодеревка. Постоянный формуляр договорных грамот Новгорода с великими князьями неизменно на протяжении столетий приравнивает грузоподъемность ладьи к возу, с равным налогообложением в "две векши" (ГВНиП, 1949. № 1, 2 и др.).

Наконец, последнее препятствие на пути отождествления струг-ладья – технологическое. Н.Н. Воронин склонен к тому, что струг – это плот с дощатыми бортами (*Воронин Н.Н.*, 1948б. С. 290). Сомнительно, чтобы такое примитивное судно могло оцениваться столь высоко – в одну гривну. А.В. Арциховский не считал струг однодеревкой (*Арциховский А.В.*, 1968. С. 309), полагая, что у него была дощатая основа. В то же время Н.Н. Воронин, опираясь на этнографический материал, доказал, что "масштабы долбленок-однодеревок были очень различны – от маленького челна до огромных ладей". В этом же убеждает нас описание русского флота византийскими хронографами.

Ладью-струг объединяло с первобытной однодеревкой-челном отсутствие киля: днище их делали из выдолбленного бревна, ивового или липового. Безкилевое судно в большей степени соответствовало особенностям восточноевропейской речной системы. В то же время ладья-струг отличалась от челна не только размерами, но и дощатой обшивкой бортов, что повышало ее грузоподъемность.

© А.С. Хорошев

Простая речная ладья-струг была наиболее массовым судном в Древней Руси, исключая, естественно, долбленку-челн, которую вряд ли использовали на дальних и даже на средних маршрутах. Ладьи-струги широко использовали на торговых путях, особенно на мелководьях и порожистых участках основных речных артерий, где крупные суда пройти не могли. Перегрузку товаров на ладьи в районе Гостинополья документируют грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом (ГВНиП, 1949. № 31 и др.).

В "Русской Правде" и позднейшем актовом материале отсутствует ряд древнерусских речных судов, хорошо известных по летописным сообщениям: учан (известен с XII в.), насад (с 1015 г.), ушкуй (с 1320 г.), лоива (с 1284 г.), паузок (с 1375 г.). Подобное опущение могло быть вызвано только их типологическим единством с категориями судов, известных "Русской Правде", что позволяет обратиться к каждому из перечисленных типов судов.

Для определения классификационной ступени учана примечательно упоминание судна в тексте Смоленской грамоты 1229 г.: "Оу кого ся избиеть оучан, а либо челн" (налицо явное объединение категорий судов, при противоположении большого судна малому). Перечисление множества учанов, ходивших по Волхову, в которых новгородцы безуспешно пытались спастись от огня в пожарищах 1340 и 1342 гг., косвенно свидетельствует о небольших размерах судна. Примечательно, что согласно нормам Новгородской судной грамоты учан использовался для бескомпромиссного поединка кровников (ПРП, 2. С. 214), что подтверждает наличие на судне площадки, палубного покрытия (*Клейненберг И.Э.*, 1984. С. 196–197).

Позднейший вариант учана, в частности изображенный на рисунке Никоновской летописи XVI в., – это крупное дощатое судно с высокими каютами на носу и корме, под парусом. Представляется вполне вероятным его развитие, в ходе которого учан XII в., типологически близкий челну, за четыре столетия превратился в крупное дощатое речное судно (типа набоя), сохранив при этом свое видовое название. Несомненное торговое предназначение учана выявляется исследователями как для судна XII в., так и для усовершенствованной модели XVI в.

Отсутствие насада в терминологическом перечне "Русской Правды" объясняется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Во-первых, военным назначением данного судна (в "Русской Правде" перечислены только гражданские варианты древнерусских судов), а во-вторых, и это главное, – типологическим единством насада и набоя, отмеченным еще Н.Н. Ворониным. Эти функции ярко продемонстрированы в Лаврентьевской летописи под 1151 г., где сказано, что использование усовершенствованной ладьи принесло Изяславу военный успех. Летописный текст едва ли не единственный, передающий некоторые конструктивные элементы древнерусских судов вообще. "Бе бо исхитрил Изяслав лодье дивно: бяше бо в них гребци гребуть невидимо, токмо весла видети, а человекяше невидимо... бяхуть бо лодье покрыты досками; бяхуть же борци стояще горе во бронех и стреляюще, а кормника 2 беста, един на корме, а другыи на носе" (ПСРЛ. Т. 1. Под 6659 г.).

Таким образом, насад – боевая ладья, обшитая досками и перекрытая палубой, т.е. категория судна, идентичная набою, но отличающаяся от него функциональным назначением. В состав военных флотилий включали суда разных типов, как приспособленные для ведения боевых операций (насады), так и вспомогательного состава (ладьи).

Конструктивно-типологическое единство военного судна (насад) с грузовым торговым (набой, набойная ладья, ладья с досками) привело к тому, что в былинном материале они практически неразличимы. Василий Буслаев и Садко свои путешествия совершают в "носадах" (Новгородские былины, 1978. С. 130, 183 и др.), что невероятно при учете характера их предприятий.

Не вызывает особых сложностей определить место ушкуя в типологической схеме древнерусских речных судов. А.В. Арциховский справедливо отметил: "Конструктивное различие между этим судном (ушкуем. – *А.Х.*) и насадом мы не знаем" (*Арциховский А.В.*, 1968. С. 311). Возможным различием И.А. Шубин и А.В. Арциховский считают внешнее оформление судна. И.А. Шубин обратил внимание на идентичность нашего судового термина ("ушкуй", "ушкуль", "оскуй", "скуй". – *А.Х.*) с поморским названием царя полярных стран – белого медведя – "ошкуй или оскуй" (*Шубин И.А.*, 1927. С. 56). А.В. Арциховский соглашается с тем, что примеры оформления носа кораблей в виде звериных или птичьих голов – многочисленны, поэтому "нет ничего удивительного, что и нос ушкуя делался в виде медвежьей морды" (*Арциховский А.В.*, 1968. С. 310, 311). Полностью присоединяемся к мнению исследователей и сошлемся на былинный материал, который представляет насад Василия Буслаевича в великолепном художественном оформлении:

На реке, на реке, на Волхови
Тут плавал-гулял черленный носад.
У того ли у носада у лёкка струга
Да нос и корма по-звериному,
Крутая бедра по-лошадиному,
Да хобот мечет по-змеиному.

(Новгородские былины, 1978. С. 130)

В цитированном отрывке, сближающем внешность русского судна с норманскими драконами, наше внимание привлекает также упоминание "лёкка струга". При всей осторожности использования былинного материала, нельзя не подчеркнуть присутствие типологического единства наименований "струга" и "носада". Если учесть, что верхним рубежом сложения цикла былин о Василии Буслаеве был XVI в., максимально приближенный к раннему средневековью, а также то, что в тексте сказания исследователи неоднократно отмечали исторические параллели, то свидетельство представляется достаточно приемлемым (Новгородские былины, 1978. С. 363–366; Русское народное поэтическое творчество, 1953. С. 278; *Аникин В.П.*, 1964. с. 149–151 и др.).

Возвращаясь к ушкуям, отметим нередкое у исследователей акцентирование новгородского происхождения военного судна. Это наблюдение находит многочисленные подтверждения в летописных сообщениях XIV–XV вв. (ПСРЛ. Т. XI. С. 6, 23, 24; Т. IV. С. 224, 225; Т. VIII. С. 21, 34 и др.). Впрочем, ушкуи использовали также псковичи, были они и в Московской Руси.

Судя по летописному сообщению о походе 2000 новгородцев в 1375 г. на Волгу и 70 ушкуях (ПСРЛ. Т. XI. С. 23–24), судно вмещало до 30 человек с оружием и припасами. Такое крупное судно использовалось для морских военных предприятий (ПСРЛ. Т. IV. С. 224–225).

Затрудняемся в определении типологического места лоивы. Первое упоминание летописца связывает это судно с немцами ("Немцы в лоивах и в шнеказ внидоша Невою в Ладоское озеро ратью" – НПЛ. С. 92). Впрочем, им пользовались и новгородцы ("Ходиша новгородцы в лодьях и лоивах в озеро" – НПЛ. С. 290). Вполне вероятно, что здесь мы сталкиваемся с единичными случаями использования судов нерусского происхождения.

Паузки упоминаются в XIV–XV вв. чаще, чем другие торговые суда. И.А. Шубин ставит этот термин в связь с глаголом "паузиться", т.е. перегружаться на перекатах. "В позднейшее время, – пишет он, – волжские паузки были с совершенно плоскими днищами и низкими бортами, наклонными к наружи, имели мачту от 6 до 10 саж. вышины, длинный руль и один якорь" (*Шубин И.А.*, 1927. С. 57). Паузками исчисляли товары. В 1445 г. Борис Александрович Тверской, взяв Торжок, "животов и товара Московьского и Новгородского и Новоторьского сорок павосков свезе в Тферь, а иныя павоскы топопиша в реце с товаром" (НПЛ. С. 426). Емкость паузка можно установить в сравнении с тогдашними возами, приравненными к речной ладье. Паузок вмещал 50 возов и его грузоподъемность была в 50 раз больше грузоподъемности речной ладьи. По расчетам баналитета Михаила Борисовича Тверского Троице-Сергиеву монастырю, "павозок с подвозком" вмещали груз ста возов (ААЭ, 1836. Т. 1. С. 57). "Подвозок, – пишет А.В. Арциховский, – несомненно, буксирная барка" (*Арциховский А.В.*, 1968. С. 312).

Таким образом, паузок по грузоподъемности, вероятно, приближался к набою, однако, представлял собою судно совершенно иного типа (конструктивно ближе к плоту) и отличался от последнего дощатым днищем и бортами, а также судоходной оснасткой.

Сведения о плотах, вероятно, уже использовавшихся для сплава леса, совсем скудны. В летописях о них есть только случайные упоминания (УЛС. С. 80; ПСРЛ. Т. XV. СТб. 474). Слово "паром" впервые упоминается под 1374 г., когда ушкуйники, поднявшись по Волге к устьям Ветлуги и Суры, "лодьи, поромы и насады, павузки и стругы, и прочая вся суды иссекоша" (ПСРЛ. Т. XVIII. С. 114). Впрочем, перевозы и перевозники на русских реках по сведениям летописей и актовому материалу существовали издавна.

Общая типологическая схема древнерусского речного судостроения по письменным источникам представляется следующей:

– наиболее массовым речным средством был первобытный челн-долбленка, к которому восходит все разнообразие древнерусских речных судов;

– простая ладья-струг, конструктивно отличаясь от челна (дощатая обшивка бортов), была средством, наиболее распространенным для речных перевозок; перекрытие ладьи-струга палубой давало новую вариацию судна – учан; данные суда относятся к низшему классу речных судов;

– набой (набойная ладья, ладья с досками) конструктивно восходит к судам низшего класса, но за счет увеличения грузоподъемности при помощи дополнительной надшивки (набоя) бортов, превращается в транспортное средство следующего класса; военный вариант набоя – насад, ушкуй конструктивно не отличается от набойной ладьи, но имеет специфическое назначение, с чем, возможно, было связано изменение оснастки;

– паузки с подвозком – характерные варианты речных средств, используемые для перевозок возрастающего в развитом средневековье грузопотока товаров;

Таким образом, эволюция древнерусского речного судостроения шла по двум направлениям:

– во-первых, технологическому – от долбленой однодеревки к дощатым судам;

– во-вторых, конструктивному – от легких вариантов ладьи-струга к крупным и разнообразным речным судам.

Древнерусское государство с первых лет своего существования – морская держава. Правда, в сравнении с многочисленной и разнообразной речной флотилией морское судоходство Руси заметно проигрывало. В этом были повинны внешнеполитические события, надолго отсекшие страну от Черноморского и Каспийского побережий. Однако на северо-западе Русская земля имела выход в Балтику и активно его использовала вплоть до XVI столетия.

Традиции морских походов древнерусских дружин и торговцев восходят к опасным предприятиям русов, пересекавших Русское море на челнах-однодеревках. Из подобного рассказа Константина Багрянородного о походе русов ясно, что однодеревки, выделывавшиеся и использовавшиеся на речных путях, для морского плавания в Византию требовали значительного переоборудования. В частности, по справедливому мнению Н.Н. Воронина, «однодеревки X в. при отправлении из Киева получали... обшивку досками и превращались во вместительные морские "набойные" ладьи киевских купцов, нагруженные товаром, рабами и т.п., что было немыслимо для простой однодеревки» (*Воронин Н.Н.*, 1948б. С. 284). Примечательно, что в 1043 г. русские дружины, отправлялись на Византию, "нарубив где-то в глубине... страны лес, вытесали челны, маленькие и покрупнее, и постепенно... собрали большой флот" (*Михаил Пселл*, 1978. С. 95); Иоанн Скилица тоже говорит о челнах, выдолбленных из одного ствола (1973. С. 430).

Таким образом, в основе морского судостроения Древней Руси лежал тип речного судна-однодеревки, приспособленного для дальних плаваний дополнительной оснасткой. Морские ладьи были достаточно грузоподъемными, они вмещали около 40 человек с вооружением и припасом, т.е. больше, чем речной боевой насад, – ушкуй. Этот тип судна был наиболее ценным на Руси, отличаясь от набойных ладей оснасткой и количеством "набоев". "Русская Правда" оценивает ладью в 3 гривны. Себестоимость судна с течением времени оставалась высокой. По новгородским нормативам ладья шла "за две сохи" (ГВНиП. № 21), т.е. давали высокий доход, равный земельному наделу в 6 обеж.

По размерам торговая морская ладья вряд ли отличалась от военного варианта и, вероятно, была достаточно стабильна. В отличие от боевой на торговой ладье пред-

почтение отдавалось товару, а не количеству людей. Впрочем, и на ней было не менее 12–14 весел. В одной новгородской ладье, захваченной пиратами на Балтике, было перебито 12 человек (ГВНиП, 1949. № 44).

Морское судостроительство Древней Руси не получило в средневековье развития. Удаленность морского побережья сдерживала темпы кораблестроения. К тому же крупные речные суда – набой, насад – вполне могли использоваться в условиях морского каботажа. Не исключаем также отсутствие такого стимулятора, как военные морские походы. Крупных операций на море русские не вели с середины XI в., а локальные столкновения обеспечивались использованием речных вариантов военных судов.

Кроме ладьи, в русских источниках упоминаются юмы. Появляется этот термин единственный раз в XIV в. в послании новгородского архиепископа Василия Калики тверскому владыке Федору Доброму. Новгородский иерарх, доказывая реальность земного рая, пишет: "А то место святого рая находил Моислав Новгородец и сын его Яков, и всех было их три юмы, и одина от них погибла много блудих, а две их потом носило море ветром, и принесло их к высоким горам" (ПСРЛ. Т. VI. С. 88). Не исключаем, что юма, юм – особая разновидность судна, использовавшаяся русскими мореходами. Учитывая месторасположение "земного рая", обнаруженного новгородцами, – Северный Урал, допускаем, что судно, на котором плавали во льдах северных морей (вероятно, с дополнительной обшивкой бортов), было подобно поморским карбасам позднейшего времени.

На морских маршрутах русские знакомились с образцами иностранного кораблестроения. В летописях иностранные корабли, западные и восточные, противопоставляются русским судам. Впрочем, западные корабли – шнеки и бусы – упоминаются чаще.

Восточное кораблестроение в ранних источниках представлено в первую очередь греческими образцами – корабль, кубара, галея, олядь, лядь. Образцы восточного судостроения XIV–XV вв. чаще всего связывают с волжско-каспийской системой – мишани и бафты, каюки и кербати (очевидно, карбасы). С черноморским бассейном позднесредневековые источники связывают турецкие каторги, греческие – те же каторги, сандалии и, наконец, барки.

Сам термин "корабль", будучи русским по происхождению, упоминается главным образом применительно к иностранным судам, нередко в качестве обобщающего понятия.

Под 1204 г. Лаврентьевская летопись упоминает галеи – суда, участвовавшие во владимирском походе на Булгарию. Полагают, что это были галеры – узкие, большие суда, ходившие как на веслах, так и под парусами, на них, в частности, перевозили войска. Вероятно, мы имеем здесь дело с заимствованием западного термина применительно к судам типа насада, что вполне понятно при европейских связях Владимирского княжества (*Воронин Н.Н.*, 1948б. С. 289).

Еще одно судно – скыдея – упоминается единственный раз в рассказе о походе Игоря 944 г. Считают, что это "скидей" – наскоро построенное судно, плот; а его наличие в греческих текстах связывают с уничижительной характеристикой, даваемой в них русскому флоту (ПВЛ. Ч. 2. 1950. С. 286; Памятники литературы Древней Руси, XI – начало XII в. 1978. С. 430). Объяснение допустимое, но не единственно возможное. Во-первых, тем же термином оперируют русские летописцы (ПВЛ, под 944 г.; НПЛ, под 941 г.), не имеющие оснований для "уничижительного" отношения к русскому флоту (в других летописных текстах "скыдея" заменена на "лодьи"). Во-вторых, привлекает внимание та расшифровка термина, которую дает Продолжатель Амартола в хронике, повествующей о том, что русы в середине июня прибыли к греческим берегам на 10 тысячах судов, в числе коих упомянуты и "скеди, глаголем, от рода варяжска", т.е. суда варяжского происхождения. Замечание греческого хрониста примечательно. Наличие варяжского контингента в армии Игоря бесспорно. Вполне допустимо в этом случае использование в составе русского флота норманнских кораблей. Среди них упоминаются легкие быстроходные исландские суда, известные по сагам. При этом описываемый тип судна источники отличают как от торговых (knirr), так и от драконов (dreki), т.е. от наиболее известных вариантов варяжских судов. (An islandisch dictionory / R. Claasly, G. Wigtusson. 1957. S. 542, 373, 104).

Перечисленными упоминаниями – лойвы, галеи и скыдеи – ограничивается список иноземных судов, использовавшихся русскими в раннесредневековую эпоху.

Иконография, миниатюры летописных сводов дают достаточно схематичные варианты судов, что затрудняет реконструкцию их облика. Детальнее в этом отношении объемные изображения судов. Однако они единичны. Общеизвестны находки ладей – шахматных фигурок из Гродно и Волковыска (*Воронин Н.Н.*, 1954. С. 75; *Загорульский Э.А.*, 1963. С. 205, 210). Фигурки идентичны, отличаются лишь материалом: гродненская – каменная, волковыская – костяная. Обе с некоторыми утратами, но в целом поразительно схожи: почти одинаковые размеры, тот же тип судна, с двусторонним ходом. Классификация судна, предложенная исследователями, не вызывает возражений – это ладья-насад. Шахматные фигурки прекрасно отразили тип реального судна – насада, насколько мы знаем о нем по источникам.

Среди археологических находок Гродно, Берестья, Рязани известны детские игрушки – кораблики-лодочки, сделанные из сосновой коры. Деревянная заготовка подобной игрушки есть в новгородской коллекции. Она может свидетельствовать о доминировании на Руси килевых вариантов судов – плоскодонок среди них нет.

Изучение древнего Новгорода предоставило в распоряжение исследователей отдельные части больших и малых судов, их обломков и деталей, а также снаряжение и снасти. На Троицком раскопе, в напластованиях рубежа X–XI вв., был вскрыт развал судна, детали которого, главным образом обшивка бортов, использовались как дворовый настил.

Единичные детали оснастки судов есть в коллекциях других городов, что в целом дает возможность попытаться реконструировать древнерусское речное судно.

Все археологические находки могут быть сгруппированы в три основных раздела. К первому относятся детали судна: киль, шпангоуты, форштевень, ахтерштевень, кильсон. Значение этих деталей определяющее. Их на-

личие дает возможность определить характер судна, его размеры. Детали второго раздела – бортовые обшивки судна и нагели – дополняют представления о размерах судна и способе его изготовления. Многочисленные предметы третьего раздела – весла, уключины, банки, степсы, коуши, утки, кляпы, черпаки для воды – относятся к оснастке судна, без них невозможно воссоздать облик судна и характер его хода.

Детали набора судна, к сожалению, в археологических коллекциях единичны, а фрагментарность большинства находок затрудняет классификацию древнерусских судов. Сопоставление отдельных находок и объединение близких по размеру частей набора судна в целом допустимо, однако оно достаточно условно.

В основу скелета судна закладывался киль – продольная балка, расположенная в нижней части корпуса, идущая вдоль него от носа до кормы. Килевая балка имела прямоугольное поперечное сечение размером 30 × 35 см. Иногда нижнюю кромку киля обтесывали с краев, в результате чего балка приобретала трапециевидную форму. В новгородской коллекции есть целые экземпляры киля, их длина – более 10 м (*Колчин Б.А.*, 1968. С. 58).

Форштевень (стем) представляет собой брус призмообразной формы, устанавливаемый в передней части киля с определенным отклонением от вертикали. Целый экземпляр стема из новгородской коллекции имеет высоту 130 см. Угол наклона по отношению к горизонту киля (точнее, по отношению к линии продольной плоскости) – 60°. Толщина бруса – более 31 см. Верхняя и торцевая части форштевня плоские, с нагельными отверстиями для крепления со шпангоутом и носовым перекрытием; плоскости стема имеют шпунт для крепления обшивки судна (табл. 82, *7*).

Брус, устанавливаемый в задней части киля, – ахтерштевень (старнпост) отличается от стема расширенной верхней частью для предохранения руля, на него навешиваемого. Новгородский экземпляр высотой 180 см изготовлен из целого ствола. Срез трапециевидный. Толщина бруса в средней части – 30 см. Угол наклона к линии продольной плоскости – 60°. Внутренняя сторона кормового бруса имеет выступы с нагельными отверстиями и шпунт для крепления бортовой обшивки (табл. 82, *10*).

Корабельные шпангоуты (древнерусское – кокоры) встречены целыми и в обломках в напластованиях Новгорода, Берестья и других городов. Вместе с килем шпангоуты образуют набор конструкций корпуса судна. Кокоры устанавливают вертикально, перпендикулярно продольной плоскости корпуса судна. Корабельные шпангоуты массивны, изготовлены из мощного ствола с ответвлением, противоположная сторона кокоры крепилась нагелями. Внешняя сторона кокор стесана, внутренняя – обтесана на полукруг. Они изогнуты по форме днища. Размеры шпангоутов зависят от типа судна и местоположения в конструкции корабля. В новгородской коллекции представлены кокоры крупных судов с длиной горизонтального основания от 130 до 200 см и длиной боковой стойки от 25 до 60 см. Угол боковой части шпангоута к плоскости основания – 70–80°. Плоскость и боковая стенка кокоры имеют отверстия для нагельного крепления (табл. 82, *48*). Число шпангоутов на судне зависит от его длины и требуемой прочности корпуса. Вообще же расстояние между шпангоутами – шпация – не должна превышать полуметра, что соответствует расстоянию между рядами нагельных отверстий на обшивочных досках (об этом ниже).

Лодочные шпангоуты меньше кокор. Сделаны из одной штуки (куска) дерева, естественно или искусственно изогнуты соответственно корпусу судна. Сечение лодочных шпангоутов разнообразно – круг, уплощенный с боков овал, трапеция (табл. 82, *2*).

Крепление шпангоутов с килем судна осуществлялось при помощи кильсона – бруса прямоугольного сечения, устанавливаемого на флортимберсы (нижнюю часть кокор, соединяющуюся с килем) по всей длине судна. В археологических коллекциях достоверных деталей кильсона нет, однако это не может рассматриваться как их отсутствие в древнерусских кораблях.

К важным деталям, определяющим конфигурацию и размеры корабля, относятся находки досок от бортовой и донной их обшивки. На древнерусских деревянных судах обшивка состоит из рядов обшивочных досок, прикрепленных к шпангоутам нагелями. Размеры досок зависели от способа постройки и размеров судна. Длина их – от 6 до 12 м; ширина колебалась от 20 до 45 см. Несколько рядов досок одинаковой толщины подгоняли встык; они образовывали пояс обшивки. Крайние концы досок обшивки входили в шпунты фор и ахтерштевней и закрепляли нагелями. Благодаря развалам корабельных досок в новгородских напластованиях XI в. (Троицкий раскоп) и начала XV в. (Неревский раскоп) получена определенная информация о технологических приемах древнерусских судостроителей. Ими применялась обшивка внакрой – кромка на кромку, при которой нижняя кромка досок верхнего ряда накладывалась на верхнюю кромку досок нижнего ряда. Затем края досок соединяли друг с другом нагелями. Корпус судна при такой обшивке получался очень прочным, что вело к уменьшению числа и толщины шпангоутов. Так, судя по нагельным отверстиям в досках обшивки из Неревского развала шпация – расстояние между шпангоутами – достигало 100 см. Продольные швы между боковыми краями обшивочных досок, примыкающих друг к другу, пазы и поперечные стыки конопатили, т.е. заполняли пенькой или иным мягким материалом, пропитанным смолой, а сверху дополнительно просмаливали.

Любопытна конструкция уплотнения стыкового шва в доске корабельной обшивки, обнаруженной в Неревском раскопе, в слоях XIV в. Доска в момент эксплуатации судна получила большую сквозную трещину. Течь ликвидировали, уплотнив щель. Для этого вдоль шва сделали продольный клиновидный паз на 2/3 толщины доски, который промазали дегтем. Просмоленную паклю прижали, вставив в паз по всей длине клиновидную деревянную планку, которую укрепили железными скобами. Подобным способом швы кораблей и лодок уплотняют и поныне (табл. 82, *11*).

Важным технологическим элементом крепления набора судна и его обшивки являются нагели – деревянные гвозди. Их находят часто и повсеместно. Диаметр нагелий стандартен – он всегда равен 2,5 см, а длина менялась.

Находками, несущими дополнительную информацию о типах, размерах и водоизмещении древних судов, явля-

ются весла, уключины, банки, степсы, коуши. Наиболее массовая находка данной группы – весла-движители. Это длинные круглые шесты, изготовленные из деревянных брусков; один из их концов имеет форму лопасти. Весло состоит из трех частей: рукоятки (стесанного конца весла ниже валька), цилиндрического веретена-балансира в середине, опирающегося на уключину и лопасти. Следует обратить внимание на рациональные размеры лопастей весел (от 55 до 100 см при ширине не более 12 см), рассчитанных на одного гребца. Абсолютно аналогичные пропорции лопастей известны и среди современных весел (табл. 83, *1, 2*).

Балансиры корабельных весел массивнее лодочных, т.е. толще и длиннее, они достигали 80 см при длине весла 300 см. Это было конструктивно необходимо для уравновешивания длинного весла.

Среди коллекции древнерусских весел выделяются кормовые (древнерусское – ключ). Они служили для управления судном. Кормовые весла массивные. Длина наиболее крупных экземпляров достигала 240 см. Половина этой длины приходилась на широкую (до 32 см) лопасть. Диаметр круглого ровного стержня 5–7 см. На конце стержня весла для управления им приделывали поперечную рукоятку (табл. 83, *5–6*). Рулевое весло крепилось сбоку ахтерштевня при помощи стропа.

Лодочные кормовые весла отличаются от корабельных пропорцией лопасти и ручки. У этих весел лопасть значительно меньше (не более 70 см) и уже (до 16 см), приближаясь по размерам к лопасти весел-движителей (табл. 83, *3, 4*).

Б.А. Колчин допускает применение таких весел и на челноках-долбленках (*Колчин Б.А.*, 1968. С. 59). Однако более вероятным представляется использование кормовых весел уменьшенных пропорций на судах типа ладья струг – учан. Управление одновесельным челноком, подобно управлению современными лодками, оно осуществлялось гребцом при помощи весел-движителей.

Уключины, или бортовой упор для весел-движителей, с достаточной определенностью характеризуют судно, на котором они эксплуатировались. Их конструкция неизменна: планка крепления к борту и рог упора. Длина уключин колебалась от 70 до 30 см. У всех уключин в верхней части рога есть отверстие, к которому привязывали ремень, крепящий весло на борту. По планкам крепления определяются два варианта связи уключин с бортом: ремень пропускали либо через пазы в торцах планки, либо через соответствующие сквозные отверстия. Лодочные уключины отличаются от корабельных только размерами (табл. 83, *7*).

Парусную оснастку кораблей определяют по находкам степсов – мачтодержателей – специального приспособления для крепления шпора (конца) мачты к днищу. Из трех новгородских степсов два достаточно примитивны. Это брусья длиною 1 м, квадратные в сечении со стороной 15 см. В середине центральной части степса, длина которой 45 см, – прямоугольное отверстие для основания мачты. Размеры отверстия 7 × 12 см. Концы степса стесаны до толщины 6 см и имеют по три нагельных отверстия для крепления мачтодержателей к килевому брусу судна (табл. 82, *6*).

Наиболее крупный и сложный по конструкции степс обнаружен на Троицком раскопе, в слоях X в. (табл. 82, *5*). Его длина 125 см. Мачтодержатель сделан из цельного крупного ствола. Длина центральной части – 40 см. На ней располагалось гнездо – выступающая часть степса высотою 14 см. Гнездо несколько сдвинуто влево (к носу корабля), вплотную к обрезу центральной части. Сдвинутое гнездо степса соответствовало наклону мачты. Внутри гнезда сделано отверстие для мачты диаметром 10 см. Отверстие располагалось точно в центре степса.

Оригинальной была система крепления степса к днищу судна. Торцевые части мачтодержателя имели специальные прямоугольные вырезы длиною 42 см. Ширина вырезов – 14 см, она соответствовала толщине килевого бруса судна. Килевой брус входил в соответствующие вырезы внахлест на центральную часть степса, вплотную к гнезду мачтодержателя. Одновременно отроги степса укладывались на шпангоуты, и мачтодержатель заклинивался на корпусе судна.

Для уменьшения трения тросов парусной оснастки использовали коуши (кренгельсы) – деревянные или костяные кольца с кипом (выемкой) по окружности. Коуши бывают круглые и продолговатые (табл. 83, *8*).

Для укрепления такелажа (совокупности тросов) парусника использовали деревянные рогульки, или утки, идентичные по размерам и форме рыболовным рогатым боталам. Вероятно, что часть обширной коллекции ботал использовалась как утки.

Помимо коушей и уток, к дельным вещам старинных судов с парусом относятся крупные нагели, или кляпы, длина которых колебалась от 6 до 16 см, диаметр равнялся 1,2–3 см (табл. 83, *9, 10*).

К снаряжению древнерусского судна относятся банки и днища, достаточно хорошо представленные в археологическом материале. Банки – поперечные доски – служат для сидения гребцов, кроме того, они несли конструктивную нагрузку, жестко закрепляя борта судна (табл. 82, *9*). Размеры лодочных скамей из напластований древнерусских городов варьируются: длина от 60 до 110 см, ширина – от 10 до 25 см.

Днища служили для настила дна судна в носовой и кормовой части. По конфигурации и размерам выделяют две группы днищ: короткие и удлиненные (табл. 82, *3*). Длина днищ первой группы в среднем равняется 65–70 см; второй – 100 см и более. Настил средней части корабля между шпангоутами состоял из обычных досок.

В снаряжение судна обязательно входили черпаки для отчерпывания воды (табл. 83, *11, 12*).

Находки в новгородских напластованиях многочисленных конструктивных деталей корабля, этнографические традиции дали Б.А. Колчину основание для реконструкции средневекового судна (табл. 82, *1*). Представленная им реконструкция новгородского судна XII–XIII вв. в целом не вызывает замечаний. Включение Колчиным некоторых деталей, происходящих из более ранних напластований (например, степса X в.), допустимо. Длина судна 10 м. Форштевень и ахтерштевень расположены под углом 60°. На судне – 12 шпангоутов, что соответствует величине шага шпангоутов – от 60 см в середине судна до 1,2 м в носовой и кормовой части. Ширина центрального шпангоута, т.е. ширина судна, равна 3,2 м. Высоту судна определяют форштевень и шпангоуты. В носовой части она равна 1,4 м, а в центральной – 1,2 м. В

носовой части судна расположены шесть пар уключин для весел (12 гребцов), что вполне достаточно для хорошего хода судна. В центре корабля – степс для крепления мачты. Грузоподъемность судна – 15 т, "т.е. на нем могли бы плыть более 40 человек: 12 гребцов, рулевой, водолей и другие, а кроме того, 25 пассажиров со своим грузом" (*Колчин Б.А.*, 1968. С. 60). Подобно Б.А. Колчину, мы затрудняемся соотнести реконструированное судно с одним из определенных видов летописных судов. Он допускает, что, возможно, реконструированное судно – ушкуй.

С а н и. Выше отмечалось, что географический фактор во многом определил доминирование водных средств передвижения в Древней Руси, как впрочем, и предпочтение зимнего транспорта летнему. Использование зимних средств передвижения было повсеместным, но максимально интенсивные, конечно, в северных районах. Летописные свидетельства не оставляют сомнений в том, что зимний путь был удобнее и предпочтительнее; в северных болотистых районах им пользовались практически круглогодично. Этим в значительной степени объясняется не только многочисленность конструктивных деталей саней (они обнаружены в самых ранних напластованиях) в коллекциях древнерусских городов, но и находки развалов саней, что дало возможность их реконструкции. При этом, если иконографический материал XVI в. давал схематически обобщенный облик древнерусских саней, то археологический материал не только определил исконность использования саней (детали их обнаружены в самых ранних напластованиях), но и предоставил возможность выявить различные их типы.

Конструктивными деталями санного транспорта являются полозья, копылы, грядки (нащепы), вязы (вязовья), оглобли. Типологическое единство деталей не исключает их видового разнообразия, которое в сумме и определяет тип саней.

Полоз – длинный дубовый брус с загнутым передком и высокой головкой. Размеры полозьев колебались в широких пределах. Найдены как массивные длинные экземпляры, так и маленькие облегченные. Максимальная длина полоза достигала 330–340 см, минимальная составляла 75 см. Сечение бруса полоза имело разные формы – от трапеции и полукруга до более сложных фигур (табл. 84, *3–5*). Какие-либо хронологические особенности в конструкции полозьев не замечены: полозья X в. не отличаются от полозьев XIV в. Можно выделить четыре группы полозьев по их длине и форме: длиной 330–340 см, около 250 см, около 190 см и 75–90 см. На верхней грани полоза расположены пазы для копылов. В зависимости от типа саней и, следовательно, числа копылов в полозе имелось от трех до двенадцати глухих и сквозных пазов. Для того чтобы копыл в сквозном пазу не проскакивал, в нем делали опорную полочку. В верхней части головки полоза с одного бока всегда располагался небольшой выем для верхнего вяза. Головкам всегда придавали ту или иную художественно завершенную форму (табл. 84, *2*).

Копылы – наиболее часто находимая деталь саней. Конструктивно копылы можно разделить на два типа – с сучком-вязом (табл. 84, *6, 7, 10*) и без сучка (табл. 84, *8, 9, 11*). Копылы второго типа аналогичны современным. Но в основном в санях использовали копылы первого типа, с сучком-вязом, как более надежные и целесообразные. По размерам и пропорциям копылы разделяют на три группы. Первая группа – это маленькие копылы: высота такого копыла, т.е. расстояние от низа полоза до грядки, колеблется от 10 до 13 см; верхняя часть копыла, образующая кузов санок, – 10–15 см. Вторая группа – это большие, довольно массивные копылы: их высота колеблется между 22–30 см; размеры верхней части копыла – стоек кузова – варьируются в пределах 20–30 см. Третья группа – это также большие мощные копылы такой же высоты, как и копылы второй группы (от 25 до 30 см), но с высокой стойкой, достигающей 60 см и более (табл. 84). Довольно часто внешнюю сторону копыла украшали резьбой. Наиболее излюбленным мотивом резьбы была плетенка (табл. 84, *9, 10*).

Грядки (нащепы) – верхний горизонтальный брус прямоугольного или овального сечения. Такой брус надевали сквозным пазом на копыл, и он образовывал верхнюю платформу саней. Грядки неоднократно найдены вместе с полозьями, надетыми на копылы. В Новгородской коллекции имеются художественно оформленные экземпляры (табл. 84, *1, 2*).

Вязы (вязовья) – толстые прутья, которыми соединяли копылы между собой. Кроме того, для крепления к другому полозу от копыла отходил сучок-вяз. Диаметр каждого прута достигал 1,5–2,5 см. В тех местах, где вязы охватывают копыл, в них делали вырезы (табл. 84, *14*). Вязы найдены как на санях вместе с копылами и полозьями, так и отдельно. Концы вяза, после того как им охватывали два параллельно идущих копыла, связывали лозой, веревкой или сыромятным ремнем. Длина вяза, т.е. расстояние от копыла до копыла (иначе говоря, ход саней), колебалась в пределах 72–74 см.

Оглобли – это круглая жердь длиной от 250 до 290 см, диаметром от 7 до 9 см. Нижним концом оглоблю надевали на первый копыл. Такая система крепления существовала без изменения в течение всех веков. Следует заметить, что так же оглобли крепили к саням на севере России и в Прибалтике еще в XIX в. (табл. 84, *13*).

Технический анализ полозьев, копылов, вязов и других деталей позволяет выделить основные типы саней, известных с древнейших времен. Можно определенно говорить о пяти типах: сани грузовые универсальные, сани легковые пассажирские, сани легковые с высокой грядкой (беговые), сани-возок и, наконец, сани ручные и детские (салазки).

Большинство найденных полозьев и копылов относится к грузовым универсальным саням. Длина саней колебалась между 250 и 340 см. Высота платформы была в среднем около 25 см, достигая иногда 30 см. В нижней части сани напоминали современные дровни. Напомним, что в XIX–XX вв. дровни имели длину от 210 до 250 см и ширину 70–80 см. У большинства саней (судя по копылам) был небольшой кузов, вернее, высота боковых стенок платформы – 20–30 см. Кузов древнерусских саней отличался от кузова саней XIX–XX вв. (розвальни, пошевни). Как известно, кузов современных саней надстраивается на платформу, при этом он всегда шире хода саней. Кузов древнерусских саней по ширине равнялся их ходу, и боковые стенки крепились к верхним планкам копылов. Кузов представлял собой удлиненный

прямоугольный ящик с высокой задней стенкой (табл. 85, *15*).

Облегченные пассажирские сани были короче: длина их колебалась от 190 до 250 см. Конструкция копылов – всегда более легкая. О легковых санях с высокой грядкой мы можем говорить на основании находок специальных полозьев, у которых копыл входил в паз под углом с наклоном внутрь саней (табл. 85, *13*). Полозья этих саней как бы раздвигались. Кроме того, найдено более десяти облегченных копылов с очень высокой полкой для грядки. Высота копыла до грядки достигала 40 см.

Определителями саней-возка с большим крытым кузовом являются копылы с высокой верхней планкой. Более 50 таких копылов найдено в слоях X в. и выше. Верхняя их часть служила конструктивной основой закрытого кузова (таб. 85, *14*).

Салазки для перевозки легкой поклажи конструктивно ничем не отличаются от больших саней, лишь имеют меньшие размеры. Средняя длина таких саней колебалась в пределах 80–100 см, ширина достигала 45 см, а высота – 12–15 см (85, 12).

Волокуша. Кроме саней, использовали волокуши (табл. 85, *15*). Из известных нам нескольких видов северных волокуш XIX в. в древности пользовались волокушами-оглоблями, причем только для перевозки леса, бревен и теса. Аналогичная волокуша и сейчас иногда служит для вывоза бревен из леса. Каждая оглобля волокуши изготовлена из копани. Длина оглобли 280–300 см, комель имел высоту 50 см. На концы, как на копылы, надевали толстый насад – брус с пазами диаметром 16–20 см. На насад клали конец бревна или тесин и прикрепляли веревками (табл. 85, *16*).

Конская упряжь. Из предметов конской упряжи найдены хомуты и дуги. Современный хомут состоит из двух деревянных клешней, хомутины и оголовка из войлока и кожи, кожаных гужей и супони. Среди разных находок из дерева и других материалов удалось выделить лишь деревянные клешни с сохранившимися гужами и супонью.

Как известно, во всем мире до средневековья коня запрягали в мягкое ярмо, которое надевали ему на шею. Ярмо давило на грудь коня, затрудняло дыхание, поэтому лошадь не могла перевозить значительный груз. Это тормозило развитие конного транспорта и использование лошади в хозяйстве. В VII в. на Востоке был изобретен жесткий хомут, который переносил упор тяги и давление с груди лошади на плечи. Новая уряжь позволила в несколько раз увеличить нагрузку, т.е. значительно повысить коэффициент полезного действия коня. Считается, что это изобретение достигло Европы в начале XI в. и было в первую очередь достоянием франков и норманнов. Основой жесткого хомута являются две деревянные клешни; хомутина и оголовок образуют мягкую часть хомута.

Конструкция клешней показана на рисунках (табл. 85, *1–4*). Поражают однообразие и стандартность формы и размеров клешней: длина по прямой 53 см с отклонением не более 2 см; внутренний прогиб дуги у большинства находок 6 см; сечение самой широкой части около отверстий для гужей 5 × 7 см; расстояние между гужевыми отверстиями 6–7 см. Некоторое разнообразие заметно только в завершении верхней части. У одних экземпляров клешня оканчивалась простым образом, у других имела изгиб. Иногда наружная поверхность, не закрываемая оголовком, украшалась резьбой. Так, затейливая плетенка обнаружена на клешне из слоя конца XIV в. На протяжении десяти веков форма хомута оставалась одинаковой.

Новая конструкция конской упряжи была известна на Руси уже во второй половине X в. Это изобретение дало большой хозяйственный эффект в земледелии. Восточный жесткий хомут несколько отличался от европейского: у него нижняя часть клешней, где он связан с супонью, опущена значительно ниже, примерно наполовину всей высоты хомута. Укорочение хомута, т.е. его конструктивное развитие, произошло в Восточной Европе в IX–X вв. и уже позже достигло Западной Европы.

Как широко применялась в конской упряжке дуга, судить трудно, так как археологический материал не дает достаточных сведений. Определить на раскопе дугу можно лишь в том случае, если она найдена целой, а не в виде фрагментов круглого деревянного согнутого стержня. Целые дуги на раскопе представлены только единичными экземплярами. Размеры дуги следующие: высота – 55–65 см, расстояние между концами – 62–65 см, диаметр круглого сечения вверху – 5 см, а у концов – 4,5 см, глубина выема для оглобли – 1 см. Сечение дуги около концов круглое, а вверху в средней части профилировано в округлый ромб.

Система крепления оглобель у древнерусских саней позволяла запрягать лошадь и без дуги, так как распор оглобель, необходимый для затягивания хомутом гужей, можно было создавать головками передка саней. Но запрячь коня в соху или волокушу можно только с дугой.

Если детали саней широко и повсеместно представлены в археологических коллекциях, то находки деталей колесного транспорта единичны. В южных районах, где состояние дорог позволяло традиционно использовать колесный транспорт, сохранность органики в археологических напластованиях практически исключает наличие деревянных деталей. На севере саней было гораздо больше, чем колесных повозок. Впрочем, нельзя сомневаться в повсеместном использовании древнерусских телег.

Судя по миниатюрам внешний облик русских повозок практически не менялся: они четырехколесные, колеса то сплошные, то со спицами. Телеги использовались как для транспортировки грузов, так и для перевозки женщин и детей. Иконографическое постоянство облика телег подтверждается типологическим единством конструктивных деталей, происходящих из различных хронологических напластований, техническим совершенством ранних находок. Так колеса, обнаруженные в Новгороде в слоях XI в. (табл. 85, *5, 6*), имели совершенную конструктивную форму и абсолютно не отличаются от лучших образцов деревянных колес XIX в. (*Колчин Б.А.*, 1968. С. 51).

Основными элементами телеги являются колесная платформа и кузов. Конструкция колесной платформы составлялась из колес и тележной рамы. В настоящее время коллекция древнерусских колес представлена тремя находками из Новгорода (*Колчин Б.А., Янин В.Л.*, 1982. С. 78, 79), единичными экземплярами из Берестья

(*Лысенко Н.Ф.*, 1985. С. 305), Киева (Новое в археологии Киева. С. 323, 324) и Минска (*Загорульский Э.М.*, 1982. С. 282). Конструктивное единство всех находок определяется единством составляющих частей колеса: ступицы, спиц и обода. Различия формы ступицы и размеров деталей не существенны. Сплошные тележные колеса в археологических коллекциях отсутствуют.

Ступица – основная часть колеса – представляет собой большой (длиною 40–46 см) деревянный цилиндр с отверстием (диаметром 6–9 см) для оси, просверленным вдоль корпуса. В центральной части ступицы (где ее диаметр 17,5–19 см), по наружной ее стороне, выдолблены отверстия – гнезда для крепления спиц. Концы цилиндра-ступицы скошены к краям.

Спицы – дубовые планки длиною 36–46 см. В сечении они прямоугольные. Размеры сечения 4 × 2 см с небольшими отклонениями от стандарта. Концы спиц обработаны в форме шипа для закрепления в гнездах ступицы и обода. Обработка верхнего (под обод) конца спицы однообразна: шип всегда прямоугольной формы с сечением 2 × 2 см и длиною до 5,5 см. В обод колеса спицы упирались двумя плечиками, а шип дополнительно расклинивался. Нижний (под ступицу) конец спиц обрабатывался под форму замка (способ крепления спиц). По конфигурации нижнего шипа вся коллекция спиц может быть разделена на две группы: двухплечные и одноплечные.

Первая группа спиц применялась для простейшего варианта замка, наглядно демонстрируемого находкой колеса из Берестья. В этом случае форма нижнего шипа не отличалась от верхнего. Прямоугольным шипом спицы вставлялись в сквозное (до канала для оси) отверстие-гнездо, выдолбленное в ступице, и упирались в нее двумя плечиками (табл. 85, *7*).

Более рациональная конструкция замка у новгородского колеса середины XI в. из Ильинского раскопа (табл. 85, *5*). Здесь девять гнезд размером 5,6 × 2 см выдолблены не на всю толщину цилиндра ступицы, а на длину шипа одноплечной спицы (4 см). Внутренний канал гнезда книзу расширен до 2,5 см, что соответствует хвостовому утолщению на нижнем шипе спицы. Расширения в гнездах сделаны в разные стороны через одно отверстие. Этот способ крепления спиц в ступице колеса отличается повышенной упругостью конструкции.

Технологическим совершенством отличается способ крепления спиц новгородского колеса XI в. из коллекции Троицкого раскопа (табл. 85, *6*). Здесь нижний шип одноплечной спицы имел усложненную форму с Г-образным завершением. Соответственно конфигурации шипа в ступице выдолблено десять гнезд-каналов.

Новгородские варианты конструкции замка колес наиболее рациональны, так как не допускают возможного выпадения (складывания) спиц по ходу колеса при слабом ободе.

Обод колеса – это гнутый либо составной брус. Гнезда для спиц соответствуют размерам и форме верхнего шипа. Внешняя поверхность обода слегка выпуклая. Следы железной обивки обода не отмечены (*Лысенко Н.Ф.*, 1985. С. 305).

Тележные оси представлены в археологических коллекциях Старой Рязани (*Монгайт А.Л.*, 1958), Берестья (*Лысенко Н.Ф.*, 1985. С. 306) и Витебска (*Колединский Л.В.*, 1981. С. 339). Все находки однотипны и отличаются только размерами (табл. 85, *8*). Это дубовые брусья длиною от 145 до 170 см. В центральной части имеется квадратное утолщение (подушка). Размеры "подушки" колебались в зависимости от длины оси телеги, длина – от 52 до 62 см, высота – 7–9 см и толщина 6 см. По обе стороны "подушки" располагались полуоси для колес. Длина полуосей соответствовала длине ступицы (от 44 до 55 см), а их толщина (4,5–5,0 см) позволяла свободно насаживать колесо. Положение колеса на тележной оси фиксировалось чеками, заклинивавшимися в отверстиях на концах полуосей. Все "подушки" имеют специальные вырезы в верхней плоскости, сдвинутые к краям квадратного утолщения. Деревянные брусья, укреплявшиеся в вырезах "подушки" вместе с тележными осями составляли раму колесной платформы. Этнографически известны различные варианты конструирования колесной платформы: поворот – при помощи раздвоенного бруса и прямоугольника – с использованием двух параллельных брусьев (табл. 85, *9*). Первый способ требует изготовления специальной передней тележной оси с гнездом для бруса в центральной части "подушки" и шкворневого отверстия для крепления рамы колесной платформы. Подобная конструкция определяет характер вырезов в "подушке" задней оси: они должны быть скошенными по направлению концов бруса – "вилки".

У всех известных нам четырех экземпляров тележных осей вырезы "подушки" прямоугольные, что свидетельствует о применении второго варианта конструкции колесной платформы. При этом передняя и задняя оси аналогичны по конфигурации двум вырезам в "подушке", они без шкворневого отверстия в передней оси. Продольные тележные брусья закладывались в вырезы "подушки", а передние концы их стесывались с внешнего края для крепления с оглоблей.

Отсутствие в археологических коллекциях достоверных деталей кузова телеги делает его реконструкцию гипотетичной. Миниатюры летописных сводов рисуют нам кузов русской телеги с расширяющимися кверху бортами, скрепленными в двух (на линии тележных осей) или трех (дополнительно в центре) местах брусчатым основанием. Размеры "подушек" тележных осей (не более 62 см) дополнительно свидетельствуют против прямоугольных очертаний кузовов телег: иначе трудно представить перевозку в них людей, да и грузоподъемность кузова в этом случае уменьшается.

Расширяющейся форме кузова телеги с плоским дном подходят плоскодонные корабельные кокоры – шпангоуты (табл. 82, *4*), а их размеры соответствуют размерам кузова. Поэтому не видим особых препятствий их использованию для конструкции кузова телеги. Нагельные отверстия кокор могут быть следами крепления дощатой заборки боковых стен кузова. Представляется также вполне возможной съемная конструкция передней и задней стенок кузова телеги. Возможно, что некоторые задники саней и спинки кресел в действительности являются элементами конструкции кузова телеги, по крайней мере, их размеры соответствуют размерам и форме кузова.

Дощатые стенки кузова делают излишними применение грядок. Если же интерпретация находки из Берестья верна (*Лысенко Н.Ф.*, 1985. С. 309), то мы должны предположить применение прямоугольных кузовов из опле-

тенных ивняком стенок. Выступающие концы основания такого кузова должны были забираться грядкой, что придавало бы прочность конструкции. Подобные кузова известны только по изображениям на западных миниатюрах. В русском материале подобные кузова нам не известны.

Обе конструктивные части телеги – колесная платформа и кузов – требовали жесткого крепления. Предполагаем, что это достигалось при помощи брусчатой рамы, скрепленной как с колесной платформой, так и с ребрами (кокорами) кузова (табл. 85, *11*).

Предполагаемая конструкция телеги рассчитана с учетом элементов колесной платформы, однако не исключаем других возможных ее вариантов.

Археологическая коллекция древнерусских лыж представляет интерес не только как свидетельство их широкого бытования, но и для характеристики конструктивных находок русских мастеров. Специальное подробное исследование этого вопроса (*Арциховский А.В.*, 1947б) приводит к выводу, что лыжи современного скоростного типа появились раньше всего на Руси. Кроме Скандинавии и России, нигде в Европе скользящих лыж вплоть до XIX в. не было. Однако в Скандинавии скоростной вариант до начала XVII в. был неизвестен. Скандинавские лыжники пользовались архаичными лыжами. Они были непарными, разной длины: левая лыжа – длинная гладкая скользящая, а правая – короткая, обычно обитая мехом для отталкивания.

В новгородской коллекции представлены два типа лыж: архаичный вариант и скоростной. Архаичная лыжа обнаружена в слоях XI в. (табл. 86, *4*). Она сравнительно тихоходная, короткая (160 см) и широкая (14 см). Нижняя поверхность лыжи гладкая с двумя продольными желобками по краям. Массивная колодка для крепления ноги располагалась в середине лыжи. В бортах колодки проделано поперечное отверстие для ремней шириной 2 см.

Скоростные лыжи современного типа – длинные и узкие, гладкие снизу – представлены несколькими экземплярами. Они происходят из напластований XIII–XIV вв. (табл. 86, *1–3*). Поражает строгая продуманность кривизны всех линий средневековых лыж: они длинные (до 2 м), средняя их ширина – 8 см, передний конец приподнят, изогнут и заострен, толщина лыж в большей части плоскости – всего 1 см, зато место для установки ноги, сдвинутое к носку, массивнее, толщина здесь – 3 см; система крепления аналогична образцу лыжи XI в. Нижняя скользящая поверхность лыж гладкая с продольным желобком, идущим посредине.

Русские лыжники уже с XIII в. использовали лыжи одинаковой длины (обе скользящие), чем достигалась быстрота передвижения. Шведский дипломат начала XVII в. Пальм, удивленный русским изобретением, по достоинству оценил его, указав на возможности лыжников при проведении военных операций. В русских войсках отряды лыжников по летописям известны с середины XV в. (ПСРЛ. Т. XII. С. 61, 62). Однако говорить о первоочередном изобретении скользящих лыж в военных целях вряд ли правомерно: в быту подобные лыжи появились уже в XIII в.

Кроме лыж, к группе индивидуальных средств передвижения относятся коньки. Они широко представлены в древнерусских археологических коллекциях. Коньки везде однотипны (табл. 86, *5, 5*): костяные, с приподнятым носком и полированной нижней поверхностью. Система крепления примитивная: в заднике и носке конька высверливались по два отверстия для ремней. Отверстия сквозные (табл. 86, *5*) либо соединенные внутренним каналом (табл. 86, *6*). Второй вариант крепления предотвращал быструю изнашиваемость ремней и не мешал скольжению. Верхняя площадка конька специально уплощалась для большей устойчивости ноги.

Таково было состояние средств сообщения в Древней Руси. Преобладающее значение водных путей и слабое развитие сухопутных дорог – явление, характерное для средневековья; в этом отношении Западная Европа не отличалась от Восточной.

Глава 7

Новгородские берестяные грамоты

26 июля 1951 г. в Новгороде во время раскопок, которыми руководил А.В. Арциховский, в слое рубежа XIV–XV вв., была найдена первая берестяная грамота, а затем в том же полевом сезоне – еще девять берестяных документов. С тех пор прошло сорок пять лет, в течение которых число подобных находок возрастало с каждым годом. К концу сезона 1996 г. коллекция новгородских берестяных грамот включала 775 текстов. За это время грамоты на бересте были обнаружены еще в восьми русских городах: в Старой Руссе – двадцать шесть, в Смоленске – пятнадцать, в Пскове – восемь, в Твери – пять, в Звенигороде Галицком на Украине – три, в Москве, Витебске и Мстиславле (последние два города – в Белоруссии) – по одной. Берестяные грамоты превратились, таким образом, в массовую категорию археологических находок. Они прочно вошли в число основных источников по истории средневековой Руси, породив значительную литературу, посвященную как конкретному исследованию их текстов, так и всеобщей оценке самого явления берестяного письма.

Условия сохранения берестяных грамот в культурном слое

Для того чтобы использовать бересту в качестве писчего материала, как правило, ее специально готовили. Лист березовой коры должен был иметь минимум прожилок. С его внутренней стороны удаляли ломкие прослойки луба, а с наружной – шелушащийся поверхностный слой. Этнографические примеры говорят о том, что дополнительная эластичность придавалась бересте ее кипячением в воде со щелочами. Впрочем, известно немало текстов, написанных на необработанной бересте или же на предметах вторично использованных (например, на оторванных днищах лукошек). Текст писали в большинстве случаев на внутренней поверхности коры, хотя иногда встречаются документы, написанные на наружной поверхности или на обеих сторонах листа. Текст наносился с помощью костяного или железного стилоса (писала) выдавливанием штрихов. Из 885 известных сегодня текстов только два написаны чернилами.

Стилосы (их в находках Новгорода и других городов известно уже несколько сотен) представляют собой заостренный стержень, снабженный на противоположной стороне плоской лопаточкой. Такая форма определялась двойным назначением этого инструмента. Им писали и на бересте, и на навощенных дощечках – церах, неоднократно встреченных при раскопках в Новгороде (однажды была найдена цера, сохранившая не только заливку воском, но и остатки текста на ней). Лопаточкой заглаживали написанное по истечении необходимости в нем. Очевидно, что предпочтительное использование внутренней поверхности коры связано с ее сравнительно высокой эластичностью, создающей наилучшие условия для выдавливания штрихов письма. Археологам эта особенность создает дополнительные удобства: поскольку береста при естественном скручивании сворачивается внутренней стороной наружу, тексты обнаруживаются чаще всего без насилия над находкой – они бывают хорошо видны на поверхности свитка.

Очевидно, что единственным способом сохранения берестяного документа в естественных условиях является его быстрое попадание во влажную среду. На воздухе береста быстро скручиватеся из-за неравномерного натяжения ее прослок при высыхании, становится ломкой, расслаивается по прожилкам. Этот писчий материал не рассчитан на длительное хранение. Человек, получивший берестяное письмо, ознакомившись с его содержанием, выбрасывал его. Попав в грязь и будучи затоптано во влажную почву, оно только в таком случае обретало вторую жизнь, получало возможность сохраниться до наших дней. Это касается и записей, сделанных для себя. Надо полагать, что самый выбор для них бересты определялся кратковременным назначением таких записей; для записей длительного использования, вероятно, предпочитали пергамен.

Я специально остановился на этом обстоятельстве, чтобы возразить тем, что высказывает иногда предположения, что в средневековье, возможно, существовали берестяные архивы. Опыт обнаружения новгородских берестяных грамот решительно восстает против такого допущения. Все найденные к настоящему времени документы имеют точное соответствие их независимых (палеографических и ономастических) дат стратиграфическим условиям их залегания в культурном слое. Примером этому может служить обширный комплекс берестяных документов боярской семьи Мишиничей, многие представители которой хорошо известны по рассказам новгородских летописей. В ходе раскопок были найдены тексты, написанные или полученные шестью поколениями этой семьи с начала XIV в. до середины XV в. За это время отложилась трехметровая толща культурного слоя, четко членящаяся на десять ярусов сменяющих друг друга усадебных комплексов. Соответственно берестяные грамоты лиц, живших в начале XIV в., обнаружены в ярусах этого времени, а грамоты лиц, живших в середине XV в., – тремя метрами выше.

Из-за повышенной влажности культурного слоя в нем не копали колодцев и подвалов, дома не заглубляли в землю, а пользовались наземными опорными конст-

© В.Л. Янин

рукциями. Мелкие же ямы вызывали незначительные перемещения древних остатков в пределах до полустолетия. Это обстоятельство позволяет с очень большой степенью доверия относиться к стратиграфическим датировкам берестяных грамот, особенно когда они подкреплены дендрохронологическим анализом многочисленных образцов древесины, взятых из древних построек. Сочетание стратиграфического и традиционного методов датирования всякий раз дает неотличающиеся результаты.

Таким образом, массовость находок берестяных грамот в Новгороде не следствие обнаружения в нем какого-то древнего архива. Грамоты происходят из разных стратиграфических уровней разных районов города. Из этого, однако, не следует, что они равномерно насыщают культурный слой. На одних усадьбах их много, на других нет совсем. На одной и той же усадьбе в одних стратиграфических уровнях обнаружены десятки берестяных документов, в других – минимальное их число или вовсе не обнаружены. Такая неравномерность никак не связана с физическими характеристиками культурного слоя. Она зависит исключительно от общего интеллектуального уровня населения той или иной усадьбы на протяжении существования конкретного яруса, а в конечном счете – от способа хозяйствования такой жилой ячейки.

Тем не менее сорокалетний опыт поисков берестяных документов дает возможность примерного подсчета еще не извлеченных из культурного слоя Новгорода берестяных текстов. Их под асфальтом современного города хранится не менее 20 тысяч. Такую цифру следует соотнести с тем обстоятельством, что она составляет лишь ничтожную долю того, что некогда существовало и сгорело в печах и в пламени многочисленных пожаров.

В середине XII в. новгородец Кирик спрашивал епископа Нифонта: " Нет ли в том греха, если по грамотам ходить ногами? Если кто-то изрезав их, бросит, а слова могут быть прочтены?" И хотя этот вопрос имеет источником одно из правил Шестого Вселенского собора, он адекватно отражает картину Новгорода, в котором ноги прохожих топтали немало брошенных на землю грамот.

Хронология берестяного письма

Принадлежность берестяных грамот к разным хронологическим горизонтам и практическая их связь только с этими горизонтами, как уже отмечено, позволяет применить для их датировки преимущественно стратиграфический метод. Особенность Новгорода состоит в том, что городская застройка в нем возникла на материковых слоях плотной водонепроницаемой глины. Поэтому почвенные воды, паводки, и осадки предельно насыщают культурный слой, лишая его аэрации и, следовательно, условий существований бактерий, вызывающих гниение. Вплоть до рубежа XVII–XVIII вв., когда в городе была сооружена разветвленная дренажная система, грунтовые воды не опускались ниже соответствующих дневных поверхностей, что требовало постоянного мощения улиц и других проездов. Упомянутый дренаж подсушил слои XVI–XVII вв., а частично и второй половины XV в., в силу чего они полностью утратили органические остатки.

Эта особенность слоя имела весьма существенное следствие. Уличные мостовые в Новгороде обновлялись не тогда, когда старые деревянные мостовые требовали замены из-за ветхости, а гораздо раньше, когда по сторонам еще достаточно прочной мостовой, несколько выше ее уровня, нарастал культурный слой, что случалось примерно через каждые 15–20 лет. При этом новый настил укладывали на предыдущий, который становился как бы частью фундамента улицы. Такой механизм действовал безостановочно. Раскопками в разных районах городах установлено, что с середины X в. (когда впервые начали мостить улицы), до середины XV в., т.е. в течение 500 лет, на мостовых улиц образовывалось примерно 30 ярусов настила; каждый из этих ярусов получает точные дендрохронологические даты.

Определение этих дат, в свою очередь, создает возможность детальной хронологической привязки изобильных вещевых комплексов, в том числе и берестяных документов, которые получают надежные даты в пределах стратиграфического яруса, т.е. с точностью в 15–25 лет. Легко заметить, что такая точность существенно превосходит возможности палеографических датировок, создавая и для палеографии более надежную основу датирования.

Изложенные преимущества новгородского культурного слоя позволяют высказать общие соображения о времени бытования берестяного письма, более определенные в той части, которая относится к эпохе его отмирания. Хотя древнейшие на сегодняшний день берестяные грамоты извлечены из слоев первой половины XI в., однако уже в самых ранних горизонтах культурного слоя были встречены инструменты берестяного письма (древнейший – в слоях 953–972 гг.). Замечу также, что из этих ранних слоев происходит кириллическая надпись на деревянном предмете. Поэтому имеются основания говорить о том, что кириллическая письменность в Новгороде появляется не в результате христианизации его населения в конце X в., а существует там, по крайней мере, в конце дохристианского периода. Не следует только преувеличивать масштаб грамотности в этот ранний период. Полевой сезон 1994 г., на протяжении которого раскопки на площади более чем в 1000 кв. м велись в слоях X–начала XI в., не дал ни одной берестяной грамоты, и это достаточно симптоматично.

Что касается позднейшей даты массового бытования берестяного письма, она в целом может быть определена второй половиной XV в. Дело, разумеется, не в том, что горизонты более позднего времени не содержат берестяных грамот; в условиях аэрации прослоек XVI–XVII вв. береста в этих горизонтах не могла сохра-

ниться. Косвенным указанием на то, что после второй половины XV в. берестяное письмо перестало быть массовым, является отсутствие на стенах новгородских церквей граффити этого времени, которые были обильны на протяжении XI–середины XV в. Орудием письма на штукатурке служили те же самые стилосы, какими писали тексты берестяных грамот, а исчезновение граффити, таким образом, прямо связывается с выходом из употребления стилоса.

Причиной этому было стремительное распространение на Руси дешевой бумаги именно в XV в., а вместе с ней и тотальное распространение главного орудия письма на бумаге – гусиного пера и чернил. Показательно, что обе берестяные грамоты, написанные чернилами, относятся к середине–второй половине XV в.

Найденные в Новгороде берестяные грамоты так распределяются по обобщенным хронологическим горизонтам их залегания:

XI в.	21
XII в.	230
XIII в.	169
XIV в.	266
XV в.	89

Последняя цифра отражает насыщенность горизонтов только первой половины XV в., поскольку более поздние прослойки уже не сохраняют органических остатков. Некоторое падение числа текстов в XIII в. соответствует общему кризисному состоянию Руси в результате разгрома в ходе татаро-монгольского нашествия.

Особо следует отметить, что до обнаружения берестяных грамот мы располагали всего лишь тремя подлинными пергаменными актами домонгольского времени (1 – XII в. и 2 – первой половины XIII в.) и ни одним более раннего времени. Уже это обстоятельство отражает особую ценность открытия берестяных текстов для истории и лингвистики.

Берестяные грамоты и некоторые вопросы палеографии

Одна из древнейших найденных в Новгороде берестяных грамот (№ 591, первая половина XI в.) содержит текст кириллической азбуки неполного состава. Она включает не 43, а только 32 буквы; отсутствуют Щ, Ы, Ь, Ю, иотованные А, Е, Я, кси, пси, фита и омега. Их отсутствие невозможно объяснить недостатком места: азбука занимает лишь середину обширного пространства берестяного листа.

Между тем те же особенности имеет азбука в берестяной грамоте № 460, происходящей из слоев XII в., что исключает элемент случайности и позволяет утверждать, что оба этих документа отражают тот ранний этап формирования кириллицы, когда азбука еще не обрела тот окончательный состав, который уже хорошо известен по памятникам книжного письма середины XI в. Азбуки в берестяных грамотах XIII в. (№ 199, 201, 205) и на цере первой половины XIV в. более совершенны, но остаются по-прежнему неполными. Такие азбуки облегченного состава я бы назвал "традиционными", поскольку, лишь немного пополняясь, они служили основой первоначального обучения даже в XIV в. Возникшие не на раннем этапе истории кириллического письма новации (например, почти все иотованные буквы) составляют как бы иной пласт образованности: они, естественно, были хорошо известны профессиональным писцам и в XI в., но их знание не входило в круг обязательных требований начального обучения письма даже в XIV в.

Открытие в киевском Софийском соборе граффити XI в. с записью азбуки также неполного, но иного состава, максимально приближающего ее к греческому алфавиту, указывает на вариантность употреблявшихся на Руси азбук, что позвляет с большей уверенностью высказаться в поддержку того мнения, согласно которому кириллическое письмо формируется постепенно на основе греческого алфавита, а не имеет единовременного искусственного происхождения. Иными словами, версия об изобретении св. Кириллом не кириллицы, а глаголицы, представляется весьма основательной.

Надо полагать, что способ берестяного письма сыграл немаловажную роль в формировании как палеографических особенностей русской письменности, так и особенностей древнерусского литературного стиля. Письмо на бересте требует существенного физического усилия, а фактура берестяного листа – простоты линий. Письмо на бересте и скоропись – понятия взаимоисключающие, полярные. Между тем скоропись на Руси возникла достаточно поздно, становясь характерной лишь с середины XV в. Трудно не обратить внимание на совпадение двух важных дат – исчезновения берестяного письма и распространения скорописных почерков. Если последнее связано массовым внедрением бумаги и гусиного пера, то вряд ли следует сомневаться в том, что популярность берестяного письма служила главной причиной, консервирующей уставные и полууставные книжные почерки XI–XV вв. Наличие в коллекции берестяных грамот значительного числа ученических упражнений лишний раз подтверждает, что формирование почерков прямо связано с берестяным письмом.

В неменьшей степени письмо на бересте формировало и литературный стиль. Вынужденная лапидарность такого письма накладывала неизбежный отпечаток на саму манеру изложения мысли, сохраняющей всю свою емкость при максимальной экономии слов.

В качестве примера можно сослаться на грамоту № 636 середины XIII в. Она содержит донесение властям Новгорода о том, что на пограничный пункт прибыл из города Полоцка выкупленный из плена человек, который сообщил, что там, откуда он пришел, собирается враждебное Новгороду большое литовское войско; по этой причине гарнизону пограничной крепости, нуждающемуся на случай возможной осады в

дополнительном запасе продовольствия, следует приобрать необходимое количество пшеницы. Это достаточно насыщенное конкретным содержанием донесение изложено в тринадцати словах, из которых четыре являются предлогами или связками. Полагаю, что вопросы древнерусской стилистики могут быть весьма интересно исследованы в связи с изучением литературного стиля берестяных текстов.

Рассматриваемый аспект проблемы, по-видимому, немаловажен и для обсуждения вопроса о возможных поисках и открытии берестяных грамот в археологических комплексах Центральной и Западной Европы. Находки орудий берестяного письма известны на польских городищах. Существуют сведения о применении бересты как писчего материала в средневековой Скандинавии. Известны шведская и немецкая берестяные грамоты XV–XVI вв., написанные чернилами. Однако Олаус Магнус в XVI в. недвусмысленно писал о шведских процарапанных грамотах: "Применяли бересту тем охотнее, что письма не повреждались и не портились ни дождем, ни снегом". В поисках западноевропейских берестяных грамот, таким образом, существует обнадеживающая перспектива. Однако, надо полагать, что западноевропейское берестяное письмо в целом исчезает раньше русского. И бумага, и беглые курсивные почерки появились в большинстве стран Западной Европы еще в XIII в.

Тем не менее первые процарапанные берестяные грамоты западноевропейского происхождения были найдены в Новгороде. Одна из них (№ 488) обнаружена на территории ганзейской фактории в слоях рубежа XIV–XV вв. Она написана немцем на латинском языке и содержит текст первых строк 94-го псалма Давида. Ее нетипичность подчеркивается применением готического курсива, т.е. почерка, сформировавшегося на бумаге, и местом находки – там, где берста в указанное время сохраняла все качества преимущественно употреблявшегося писчего материала.

Другая немецкая грамота стала одной из сенсаций полевого сезона 1993 г. Найденная в слое 20-х годов XI в., она на сегодняшний день является древнейшим берестяным документом в новгородской коллекции. Текст ее предельно краток и в предварительном чтении выглядит так: "Pil gefal im kie" (Копье, не порази его).

Берестяные грамоты как часть археологического комплекса

Первооткрыватель берестяных грамот профессор Арциховский писал в 1951 г.: "Смею думать, что эти грамоты станут такими же источниками для истории Новгорода, какими для истории эллинистического и римского Египта являются папирусы". Эти надежды блестяще подтвердились в последующие годы. Однако та же мысль получила и не вполне правомерное развитие в стремлении многих исследователей максимально сблизить характерстики папирусов и берестяных грамот, провозгласив даже возникновение новой дисциплины – берестологии, подобно папирологии. В самом деле, между папирусами и берестой много общего. И папирусы, и берестяные грамоты оказались новыми категориями источников, резко отличающимися от традиционных видов письменных документов. Их сближает бесконечное разнообразие сюжетов и поводов написания, бытовое содержание, отражение в них преходящей, сиюминутой злободневности, предельная конкретность причин самого возникновения текста.

И вместе с тем, берестяные грамоты отличаются драгоценным качеством, препятствующим обособлению их исследования в самостоятельную дисциплину. Если папирусы в большинстве случаев дошли до нас вырванными из первоначально породившего их бытового комплекса и существуют как письменные источники по преимуществу, то берестяные грамоты, обладая всеми свойствами письменного документа, не утратили связи с археологическим комплексом, являясь его существенной частью.

Берестяные грамоты обнаруживаются в процессе раскопок на территории вполне конкретных усадеб, обладающих узкими хронологическими характеристиками. Их находят в обязательном сопровождении широчайшего репертуара древних предметов не просто синхронных им, но и входящих в единый с ними бытовой комплекс. Их возможно изучать и вне этого комплекса, анализируя лишь детали их содержания, но такое изучение резко сокращает информационные возможности берестяного документа. Сочетая в себе качества письменного и вещественного источника, берестяные грамоты постоянно порождают в их анализе неизбежные обратные связи. Рассмотрим этот аспект их изучения.

Не зная берестяных грамот, археологи, естественно, не умели определять конкретную принадлежность раскапываемых ими усадеб. В лучшем случае они пользовались дефинициями типа "дом купца", "усадьба богатого горожанина" и т.п. Сейчас мы получили возможность иных определений: "усадьба посадника Юрия Онцифоровича", "дом священника Олисея", "мастерская ювелира на усадьбе боярина Луки" и т.д. Археологический комплекс обретает историческую индивидуальность, и персонификацию. Однако и принадлежность грамот к такому комплексу оказывается существенно важной для истолкования их самих. Очевидно, что, если грамота несет на себе имя известного по другим источникам автора или адресата, она может быть истолкована и сама по себе. Но более типичны случаи, когда грамота сохранилась фрагментарно, утратив нужное для ее осмысления имя. В таком случае ее принадлежность может быть определена только анализом цельного комплекса усадьбы.

Ее связь с комплексом существует не только в виде хронологической горизонтали. В пределах одной усадьбы, принадлежавшей многим поколениям одной семьи, берестяные грамоты выстраиваются в систему взаимосвязей длительного периода, подчиняясь семейной генеалогии и в ряде случаев определяясь только через при-

надлежность к этой системе, что порождает вопросы более широкие, нежели те, что получаются анализом лишь берестяных текстов. Воспользуюсь несколькими примерами.

В ходе раскопок 1951–1962 гг. на исследуемом участке было открыто несколько больших усадеб, каждая из которых имела величину от 1200 до 1800 кв.м. Принадлежность этих усадеб богатым владельцам – уже в силу их большого объема – не вызывала сомнений. Находки здесь берестяных грамот, адресованных боярам Мишиничам и датируемых XIV–первой половиной XV в., давали возможность говорить о нахождении на раскапываемой территории и усадьбы этих бояр. Представители семей Мишиничей из поколения в поколение занимали пост посадника, т.е. бывали главами государства, превосходящего по площади любое королевство Западной Европы. Между тем все усадьбы были практически равновелики и обладали сходным набором построек и близким по составу ассортиментом бытового инвентаря, что порождало сомнительную мысль о необъяснимой в условиях средневековья нивелировке богатейшей и влиятельнейшей семьи с семьями ее ничем не примечательных соседей.

Топографический анализ берестяных грамот Мишиничей, однако, установил, что в отличие от их соседей эта семья владела не одной, а несколькими большими усадьбами. Из числа раскопанных в 50-е годы собственностью этой семьи были три усадьбы. Однако привлечение летописных данных о строительстве окрестных церквей членами этого боярского рода привело к предположению, что раскопкам подвергались только окраинная часть их городских владений, которые в действительности образовывали единый массив примерно в 10–15 усадеб. Это предположение в 1969 г. было проверено новыми раскопками в пределах предположенного массива на значительном удалении от изученных ранее усадеб, и новые раскопки опять обнаружили берстяные грамоты и другие материалы, связанные с боярской семьей Мишиничей.

Другой пример. В 1973 г. начались продолжающиеся и сейчас раскопки большого участка вблизи новгородского кремля. Здесь одна из усадеб была достоверно определена как принадлежавшая на рубеже XII–XIII вв. священнику Олисею-Гречину. Среди многочисленных берестяных докуметов этой усадьбы имелась серия примерно из двадцати грамот, содержащих только имена в канонической православной форме, т.е. не мирские, а крестильные, какие фигурируют в церковных календарях. Поначалу эти тексты были истолкованы как поминальные записи, т.е. как списки лиц, о здоровье которых, если они были живы, или наоборот, о вечном блаженстве которых, если они уже умерли, надлежало молиться в церкви. Однако странным оказалось то, что в таких списках наблюдается разнобой падежных окончаний. Вот, к примеру, грамота № 506: "Петр – Иоанна; Мариамна, Анна – Георгия; Феодор – Прокопия и т.д." Между тем на той же усадьбе и в тех же слоях обнаружены многочисленные свидетельства существования здесь иконописной мастерской, а затем найдены и берестяные письма, адресованные владельцу усадьбы священнику Олисею-Гречину не как иерею, а как художнику. Вот одно из них (грамота № 549): "Поклон от попа к Гречину. Напиши мне двух шестикрылых ангелов на две иконы для верха иконостаса. Целую тебя, а Бог вознаградит или договоримся". Стало очевидным, что и загадочные списки являются заказами на изготовление икон; например, в цитированной грамоте № 506 Петр заказывает икону с изображением св. Иоанна, Мариамна и Анна – икону с изображением св. Георгия; Феодор – икону с изображением св. Прокопия и т.д.

Художник Гречин упомянут в летописи под 1196 г. как человек, расписавший фресками только что построенную церковь в кремле, что свидетельствует о его владении не только приемами иконописи, но и техникой фресковой живописи. Тщательное изучение индивидуальных особенностей его орфографии привело к обнаружению таких же особенностей в надписях при фресках самого замечательного ансамбля русской средневековой живописи – комплекса фресок Спас-Нередицы, написанных в 1199 г. Той же рукой выполнены и наиболее значительные части этого ансамбля (в работе над которым принимала участие артель мастеров), что позволяет установить имя его главного художника, каковым и оказывается Олисей-Гречин.

Подтверждение такому выводу было обнаружено на усадьбе Гречина, где была найдена древняя свинцовая печать XI в. с изображением редкой композиции Богоматери Халкопратийской и виртуозно выполненного процветшего креста. Соответствующие изображения в фресках Спас-Нередицы, несомненно, восходят к этой печати, использованной Олисеем-Гречином как образец. Выдающееся значение такого открытия очевидно. В отличие от западноевропейской шедевры русской средневековой живописи почти всегда анонимны. Еще совсем недавно выдающийся русский художник и исследователь древней живописи Игорь Грабарь писал: "Памятники древнейших эпох почти всегда безымянны, и нет никакой надежды установить когда-либо имена безвестных авторов, расписавших фресками русские храмы XI, XII и XIII веков". Берестяные грамоты опровергали это утверждение, внушив оптимизм и уверенность в успех дальнейших поисков такого рода.

Еще один пример показывает, как проблема идентификации владельца конкретной усадьбы становится доступной решению только при обращении к целому комплексу документов, который собирается на протяжении многих лет раскопок. После находки в 1980 г. грамоты № 586 и в 1985 г. грамоты № 633, содержание которых связано с военными действиями первой половины XII в., а руководителем военного похода в них назван некий Иван, было высказано предположение о тождестве этого Ивана с посадником Иванкой Павловичем. Обе грамоты были обнаружены при раскопках именно в том районе Новгорода, где, по свидетельству источников, жил посадник Иванко. Иванко Павлович стал посадником в 1134 г., а 25 января 1135 г. погиб в битве с суздальцами. Известен этот человек не только по летописному рассказу, но и по надписи на каменном кресте, который был поставлен в 1133 г. на озере Стереж в верховьях Волги. Надпись возвещала о проведенных им ирригационных работах: "В год 1133 месяца июля в 14 день начал рыть эту реку я Иванко Павлович".

Идентификационные предположения подтвердились новыми находками 1992 г. Одна из них – грамота № 736 – необычна тем, что содержит не одно письмо, а

переписку двух лиц. На одной ее стороне – послание Ивана некоему Дристиву с поручением собрать для Павла проценты с отданным им в долг денежных сумм: "Если ты взял Павловы проценты, то надо взять и с Прокопьи. Если же ты уже взял, то возьми и для Завида. Если же и это взял, то пришли об этом весть сюда, пока я сам не отдал все проценты". На обратной стороне берестяного листа – ответ Дристива Ивану: "Я не взял даже самой малой суммы и даже не видел его. Я взял только долг Прокопьи". Соединение в одном тексте имен Ивана и Павла, где Иван выступает заботником о денежных интересах Павла, хронологическое соответствие документа, найденного в слоях 10–30-х годов XII в., – времени, когда действовал Иванко Павлович, отношение которого к раскапываемому участку уже заподозрено, – все эти обстоятельства укрепляют уверенность в правильности отождествления Ивана грамоты № 736 с Иванком Павловичем.

Окончательно убеждает в этом грамота № 745, обнаруженная в слоях конца XI–первой четверти XII в.: "От Павла (письмо) из Ростова к Братонежку. Если ладья киевлянина уже прислана, то сообщи о ней князю, чтобы не было дурной славы ни тебе, ни Павлу". Поскольку автор письма Павел назван в конце текста в третьем лице, можно предполагать, что он писал его не сам. Мы встретились здесь снова с уже знакомым нам Павлом – отцом Иванки: само содержание письма, говорящего о высоком ранге его автора, который находится в непосредственном контакте с князем (имеется в виду, несомненно, сын Владимира Мономаха Мстислав Великий, княживший в Новгороде в 1095–1117 гг.), соответствует личности Павла. Летописное известие подтверждает его принадлежность к высшей администрации Новгорода: в 1116 г. Павел был новгородским посадником в Ладоге и в этой должности построил там каменную крепость.

Берестяные грамоты и грамотность

Разумеется, вопрос о степени развития грамотности в Новгороде неотделим от общей оценки самого открытия берестяных грамот, которые самым решительным образом изменили сложившееся в прошлом представление о культурном уровне средневекового новгородского общества. И дело здесь заключается не в числе берестяных документов, а в социальном составе круга людей, обращавшихся к берестяному письму. Анализ содержания грамот, а также состава их авторов и адресатов говорит о несомненной широте круга грамотных новгородцев. Среди них бояре и крупные землевладельцы неаристократического происхождения, торговцы и священнослужители разных иерархических рангов, ремесленники и крестьяне, мужчины и женщины. Вряд ли есть необходимость особым образом разъяснять, что проникновение грамотности в среду женщин, особенно женщин из непривилегированных сословий, – наиболее чуткий индикатор высокого уровня общекультурного общественного развития.

Вполне возможны и уместны сомнения в грамотности некоторой части авторов и адресатов берестяных писем. Можно предположить наличие в Новгороде института писцов-профессионалов, которые за определенную плату писали и читали письма людей, не способных сделать это без их помощи. В частности, палеографический анализ некоторых документов, исходящих из одних и тех же авторов, обнаруживает, что они написаны разными почерками, т.е. под диктовку или же по поручению автора. Имеется и противоположный пример: грамоты № 664 и 710 написаны одним почерком, однако их авторами были названы разные люди.

Между тем существует вполне объективный источник, говорящий о том, что характерным было собственноручное писание берестяных писем их авторами. Имею в виду массовость находок в исследованных слоях орудий письма на бересте. Их найдено уже больше сотни. Они встречаются почти в каждом сколько-нибудь значительном комплексе одновременных находок, позволяя утверждать, что грамотные люди имелись в Новгороде в заметном числе. В то же время число подобных находок достаточно ограничено, чтобы не стремиться к преувеличенным представлениям о степени развития грамотности, которая, очевидно, была далеко не всеобщей.

В этой связи возникает достаточно сложный и важный вопрос. Был ли сравнительно высокий уровень грамотности специфичен для Новгорода или же новгородские находки отражают более широкую, общерусскую картину? Для обсуждения этого вопроса, по-видимому, не имеет существенного значения то обстоятельство, что именно в Новгороде найдены сотни берестяных грамот, а в других городах только единицы. Несоизмерим сам масштаб археологических исследований в Новгороде и в других городах. И все же мне представляется, что Новгород всегда будет отличаться повышенным числом берестяных документов, иными словами, – более высоким уровнем грамотности.

Две специфические для Новгорода особенности утверждают в такой уверенности. Во-первых, очевидную роль в общекультурном развитии этого города играли своеобразные черты его политического строя. В отличие от большинства русских земель, имевших авторитарное устройство, Новгород на протяжении многих столетий, вплоть до его поглощения Москвой в 1478 г., имел республиканское устройство. И хотя республика была боярской, сосредоточившей всю полноту власти в руках крупнейших землевладельцев, гласность ее политической жизни, открыто развивавшейся в форме вечевых собраний, способствовала пробуждению и развитию не только политической, но и культурной инициативы всех частей общества.

Не менее существенна и вторая особенность новгородского строя. В отличие от княжеств центральной и южной Руси, где существовало множество небольших городов, Новгородская земля почти лишена городов. Новгород один стоит посреди обширной территории.

Только Руса и Ладога нарушают однообразие его округи, имеющей исключительно деревенский характер. На мой взгляд, эта особенность самым прямым образом связана с условиями, присущими политической организации Новгородского государства. Для боярина, жившего в пределах авторитарной княжеской власти, главным способом утвердить свою самостоятельность было осуществление центробежной тенденции. Самостоятельность княжеского боярина на юге Руси увеличивалась по мере удаления от князя и достигала вершины в боярском городке с его иммунитетными правами, где боярин сам становился как бы монархом, по отношению к зависимому от него населению.

Способ самоутверждения новгородского боярина был совершенно противоположным. Его политическое могущество зависело от степени участия в управлении республикой, от приобщения к власти, организованной в Новгороде на основах пропорционального федеративного представительства от самоуправляющихся районов ("концов"). Центробежная тенденция превратила бы любого придерживающегося ее боярина в анахорета, вырванного из системы сложившихся и развивающихся политических взаимосвязей. Поэтому боярин в Новгородской земле был центростремительным. Владея громадными латифундиями, он жил в городе. Все известные за пределами Новгорода боярские городки-замки вовсе лишены культурного слоя. Это значит, что они не были местами постоянного пребывания землевладельца, а служили лишь для его временных остановок при объезде владений. Центростремительная тенденция создала в Новгороде олигархическую систему приобщения к власти всего боярского сословия, когда в начале XV в. Совет Господ включил в себя десятки лиц, представлявших все боярские семьи Новгорода.

Но если это так, то важнейшей особенностью Новгорода была концентрация всех крупных землевладельцев в самом городе, что подтверждают кадастровые списки XV в., и необходимость отыскания действенных форм связи владельцев со своими владениями, отстоящими от Новгорода порой на десятки и даже на сотни километров, а порой разбросанных в разных районах Новгородской земли. Такой связи могла способствовать только письменность.

Не случайно поэтому в собрании берестяных грамот мы почти не найдем писем, которые, будучи написаны в Новгороде, в Новгород же и были адресованы. Любые сношения между самими горожанами могли обойтись без переписки. Известные нам сейчас письма (именно письма, а не памятные записки) демонстрируют способ преодоления большого расстояния. Многие из них написаны в других городах (в их числе письма, полученные из Смоленска, Ярославля, Ростова), но подавляющее большинство происходит из сельских местностей самой Новгородской земли. Это отчеты и донесения сельских старост своим жившим в Новгороде господам, жалобы крестьян на действия старост. Имеются в заметном числе и письма, написанные в Новгороде, но адресованные сельским жителям с распоряжениями по хозяйству (такие письма, по-видимому, привозились обратно их адресатами при отчете о выполнении господских распряжений). Поскольку другие русские земли не знали столь разительного отдаления землевладельца от его земельного владения, надо полагать, в них и объем переписки, а также с связанный с ним уровень грамотности не достигали такой высоты, как в Новгороде.

В коллекции новгородских берестяных документов имеется немало ученических упражнений в письме и счете; наиболее известен целый комплекс упражнений мальчика Онфима, обнаруженный в слоях XIII в. Однако бытовая заурядность обучения грамоте нагляднее всего демонстрируется берестяной грамотой № 687 конца XIV в. В этом письме, адресованном мужем своей жене, содержится ряд хозяйственных распоряжений: о необходимости купить масла, приобрести детям одежду, присмотреть за лошадьми и т.п. Поручение отдать детей обучить грамоте содержится среди этих распоряжений как вполне заурядное, а не экстраординарное дело.

Историческое значение берестяных грамот

И все же, если поставить вопрос о главном достоинстве берестяных грамот как нового источника средневековой истории, на первом месте следует назвать их потенциальное значение, широкую возможность быть таким источником. Это значение не раскрыто до конца сегодня. Не будет оно до конца раскрыто и в будущем, так как собрание грамот никогда не утратит возможностей постоянного пополнения.

Можно и иначе назвать это достоинство берестяных документов – их противоположностью традиционным письменным источникам. Любой жанр традиционного письменного источника тенденциозно односторонен. Это хорошо видно на примере самого емкого из таких источников – летописи. При многоплановости летописного рассказа он тяготеет к необычному. Летописец фиксирует факты и обстоятельства, чем-либо поражающие его воображение. Он охотно рассказывает о военных действиях и заключении мирных договоров, о явлениях комет и затмениях, о переменах на княжеском столе и на епископской кафедре, о строительстве новых церквей, о засухах, наводнениях и эпидемиях. Но медленные исторические процессы, хорошо видимые на удалении, ускользают от его внимания. Он пренебрегает рассказом о вещах, хорошо известных не только ему самому, и его современникам, но и его отцу и его деду. Он не сообщит о том, что к его времени сложилось в традицию; для него достаточно упомянуть "старину и пошлину" (т.е. "как сложилось издавна"), чтобы современнику стало ясным, о чем идет речь.

В еще большей степени такая односторонность свойственна другим традиционным жанрам. Акт пишется по сложившемуся формуляру, укладывающему в свое про-

грустово ложе даже динамику явления и фиксирующему новое, когда оно перестало быть новым. Житийный рассказ, как правило, шаблонен в своей бытовой части, наиболее важной для современного историка.

Всех этих ограничений лишены берестяные грамоты, вызванные к жизни изменчивым и всегда непосредственным поводом. Они, каждая в отдельности, оказываются как бы крохотным кусочком разбитого зеркала, навсегда запечатлевшего такой же крохотный кусочек современной ему действительности, и задачей историка становится намерение собрать из этих обломков цельную картину былой жизни, не восстановимую иным способом.

Можно только завидовать будущим исследователям, которые смогут оперировать не сотнями, а тысячами берестяных документов, отыскивая в них все новые и новые ответы на вопросы, которые сегодня мы не в силах даже предусмотреть.

Однако одну из сторон этой будущей работы можно хорошо разглядеть и сейчас. До открытия берестяных грамот мир русского средневековья был несколько пустынным. Его населяли князья и епископы, посадники и тысяцкие, противостоящие безымянной массе производителей материальных благ, и историк оценивал как бы "среднестатистические" усилия этой массы, толкавшей общество по дороге прогресса. Теперь каждый год открывает новые имена людей, казалось бы, навсегда канувших в забвение. История наполнется не только именами, но и мыслями, и голосами этих людей. Пройдут десятилетия, и мы узнаем этих людей в их неповторимом множестве и индивидуальном разнообразии, сделавшись их новыми адресатами, а история средневековья обретет живую конкретность, присущую пока больше истории нового времени.

В качестве иллюстрации к бесконечному разнообразию сюжетов берестяных грамот здесь приводится несколько текстов.

Берестяные грамоты и проблема славянского заселения русского Северо-Запада

В ходе изучения берестяных грамот получены важнейшие материалы по проблеме формирования восточнославянского единства. Нет сомнений в существовании изначального единства всех славян, их генетического восхождения к общей праславянской основе. Однако на протяжении второй половины I тыс. славянство переживало динамический процесс расселения в Европе, в ходе которого отдельные группы славян оказывались в разной природной среде, вступали в сложные контакты с иными этническими группами, смешивались друг с другом и снова расходились, приобретая с течением времени локальные черты. Важнейшей поэтому представляется оценка того состояния, в котором находилось славянство Восточной Европы в IX–X вв., т.е. в эпоху складывания древнерусского государства.

Много десятилетий тому назад в исторической и лингвистической науках сложилось господствующее и сегодня представление об исключительной цельности восточного славянства. Согласно этому представлению, единым центром расселения славян в Восточной Европе было среднее Поднепровье, распространившись из которого славяне освоили всю территорию их летописной ойкумены, а на ее дальнем северном рубеже некие выходцы из Киева построили небольшую крепость для защиты от воинственных северных соседей. Эта отдаленность якобы способствовала амбициям новгородцев, сумевшим укрепиться экономически и политически, чтобы затем добиться значительной самостоятельности. Лозунгом этой идеи стали слова Олега, сказанные им о Киеве: "Это будет мать городам русским", воспринимаемые как свидетельство абсолютного старшинства Киева над всеми другими русскими городами, тогда как в действительности выражение "мать городам" является лишь калькой греческого МНТНР ПОЛІС, означающего столицу, метрополию. Придя в Киев из Новгорода, Олег заявил о своем намерении сделать Киев новой столицей своего государства.

В соответствии с этим взглядом строились и представления о ходе других общественных процессов. Если расселение шло из одного центра, значит и язык был абсолютно единым, а диалекты, характерные для разных восточноевропейских славянских групп, появились только в период экономической и политической разобщенности XIII–XIV вв. Если культурный облик всех восточных славян находится в зависимости от того его состояния, которое сложилось на днепровском Юге, значит и языческие культы не обладали местным своеобразием...

Подчеркну: подобный взляд не явился результатом какого-либо предшествующего исследования. Он был скорее методом, исходной точкой осмысления фактов. Фактов же науке явно не хватало. Поэтому, реконструируя общую картину жизни восточных славян, исследователи, исходившие из этого взляда, к киевским материалам добавляли новгородские, к новгородским – суздальские и т.д. Когда же и русских источников не доставало, то охотно и с легкостью использовались польские, чешские, сербо-хорватские и т.д., коль скоро все славяне развиваются из одного корня и, следовательно, просто обязаны демонстрировать свое культурное единство.

Открытие берестяных грамот заставило усомниться в правильности такого взгляда и такого метода. Ведь вполне очевидно, что, для того чтобы получить правильное суждение о любом широком процессе, следует прежде разобраться, какие его детали имеют значение местного, особенного, а какие могут характеризоваться как общие. Приток новых источников позволил вести исследование не от заранее заданной концепции, а от анализа количественно увеличившихся фактов.

Когда были найдены берестяные грамоты, то в первые годы их сенсационного открытия они привлекли внимание многих лингвистов, переживших период из-

вестного недоумения, так как во многих древнейших документах наблюдались такие языковые особенности, которые никак не укладывались в сложившуюся хрестоматийную схему истории русского языка. Преодолевались эти недоумения двумя способами: одни исследователи были склонны считать авторов берестяных писем малограмотными, другие заподозрили археологов в неумении достаточно точно датировать свои находки. Если в документе с археологической датировкой, например, XII в. обнаруживались особенности, которые по упомянутой схеме считались возникшими не ранее конца XIII в., то такой документ с легкостью передатировался, невзирая на очевидную правильность археологического определения его времени. В результате оказывалось, что берестяные грамоты не дают лингвистике ничего нового, и интерес к ним остыл.

Накопление многочисленных противоречий в древнейших берестяных письмах с хрестоматийной схемой развития языка позволило крупнейшему нашему лингвисту Андрею Зализняку, удостоверившемуся в надежности археологических дат, провести общий анализ всего корпуса открытых в Новгороде и других русских городах берестяных документов. Результаты анализа заставили отказаться от привычных представлений. Выяснилось, что именно в древнейший период, т.е. в XI–XII вв., в наиболее очевидном виде существовал особый древненовгородский диалект, который более чем двадцатью признаками отличался от диалекта южной группы восточного славянства. Заметная часть этих признаков находит аналоги в языках славян, живших у южных берегов Балтийского моря (прежде всего в северолехитских языках).

Однако наиболее значительный признак этого далекта оказался таким, аналоги которому в славянских языках – и живых, и известных только по средневековым текстам – отсутствуют. Речь идет о "второй палатализации задненебных согласных" (она проявляется в переходе К в Ц, а Г в З в определенных случаях; например, вместо первоначального "келый" – "целый", вместо "в Боге" – "в Бозе", вместо "гвезда" – "звезда" и т.д.). Все славянские языки пережили этот процесс и только древненовгородского диалекта (в область которого входит и Псковская земля) он не коснулся. Это значит, что в своем движении на земли русского Северо-Запада группа славян (носителей этого диалекта) оказалась в условиях изоляции от остальных славян. Славяне, жившие в среднем Поднепровье, такой процесс пережили, и, следовательно, не от них идет указанная особенность. Найти в Европе место временной остановки прановгородской группы славян, в котором они оказались в изоляции от процесса "второй палатализации", – задача будущих археологических поисков. Впрочем, не исключено, что изолирована эта группа была уже на русском Северо-Западе, отделенном в раннюю эпоху от всего остального славянского мира широким поясом расселения балтских племен. Как бы то ни было, но уже отмеченные аналогии указывают, что в Псковскую и Новгородскую землю, по крайней мере, основной массив славянского населения, получивший имена "кривичей" и "новгородских словен", пришел не из Поднепровья, а с южного побережья Балтики.

Западные корни псковских и новгородских первонасельников подтверждаются данными курганной археологии и антропологии; они ощущаются при сравнении наименований новгородских и польских деревень, новгородских и польских личных имен, восходящих к дохристианскому периоду. Изучение истории весовых единиц и денежных систем также показывает наличие в Древней Руси двух областей с разной экономической и внешнеторговой направленностью. Показательно, что южнорусская денежно-весовая система ориентирована на византийскую литру, а северорусская – на западноевропейскую марку.

Иными словами, мы получили право утверждать, что две главные области Древней Руси обладали различающимися традициями, а это в конечном счете способствовало и созданию на Руси двух форм средневековой государственности: в южной Руси возникли княжения, которым свойственна автократическая форма власти; в Новгороде и Пскове получил развитие вечевой строй, в системе которого князь занимал подчиненное положение по отношению к власти бояр, т.е. родоплеменной аристократии.

Пока эти тенденции не окрепли и не приобрели законченную форму, процесс взаимного влияния и взаимного обогащения различающихся восточнославянских традиций привел к возникновению древнерусского государства с центром в Киеве, пережившего свой рассвет в XI–первой четверти XII в.

Сенсация полевого сезона 1993 года

Главная сенсация раскопок 1993 г. оказалась неожиданной. Дело в том, что исследования тогда велись в напластованиях XI в., а это столетие не дает особой надежды на обнаружение берестяных текстов: ведь это был начальный период распространения грамотности на Руси. Следующие цифры говорят сами за себя. Из 753 найденных к сегодняшнему дню в Новгороде грамот только 27 датируются XI–началом XII в. Из 215 грамот Троицкого раскопа, на котором ныне продолжаются начатые в 1973 г. работы, к указанному времени – до 1993 г. относились лишь шесть документов, а последний из них был обнаружен в 1983 г. На протяжении следующих десяти лет берестяные грамоты XI в. в руки археологов не попадали. Слабым утешением было твердо сложившееся мнение о сугубой сухости и прагматической деловитости ранних берестяных текстов, посвященных денежным расчетам, записям долгов, исчислению процентов и т.п.

Тем сильнее оказался эмоциональный удар, испытанный участниками раскопок, когда в слое рубежа XI–XII вв. была обнаружена берестяная грамота № 752.

Получивший грамоту человек разорвал ее на продольные полосы (длиной около 46 см) и выбросил. К сожалению, среди найденных полос отсутствуют начало первой строки (но оно восстанавливается по смыслу) и средняя полоса. Фрагментарность документа, однако, не препятствует восприятию его смысла, совершенно исключительного.

В первой строке читается конец начальной фразы: "...к тебе трижды". Длина утраченной части фразы такова, что дает возможность уверенно говорить об осутствии в письме адресной формулы – ни автор письма, ни его адресат не были названы, а фраза из дальнейшего контекста, восстанавливается однозначно: "Я посылала к тебе трижды". Любопытно следующее обстоятельство. Очень часто найденные в земле берестяные грамоты бывают фрагментированы, как и здесь, в начале первой строки: получатель письма отрывал начало, не желая, чтобы поднявший грамоту человек узнал, от кого и кому написано это письмо. Во вновь найденном документе адресной формулы нет, но получатель письма машинально оторвал его начало, сделав это по привычке. Далее следует текст: "Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ко мне не приходил? А я к тебе относилась, как к брату! Неужели я тебя обидела тем, что посылала к тебе? Я вижу, что тебе это не угодно. Если бы тебе было угодно, то ты вырвался бы из-под (людских) глаз и пришел..."

Этот всплекс страсти воплощен в аккуратные строки, написанные красивейшим почерком, однако нервная эмоциональность прорывается в исправлениях (а в ряде случаев и в неисправлениях) описок, искажающих смысл упреков. Далее следовала отсутствующая часть, после которой на втором уцелевшем фрагменте сначала читаются обломки фраз: "...теперь где-нибудь в другом месте. Ответь мне письмом..."; ...тебя отвергаю" (может быть: "Не думай, что я тебя отвергаю"). И наконец, заключительная часть письма: "Если даже я тебя по своему неразумию обидела, а ты начнешь насмехаться надо мной, пусть судит тебя Бог и моя слабость!"

Письмо написано молодой женщиной, обладающей достаточно высоким социальным положением и, несомненно, знакомой с литературным языком. Можно только поражаться тому, сколь изысканное послание могла направить женщина XI в. возлюбленному, не пришедшему на свидание.

И сколько же потрясений предстоит пережить нам и тем исследователям, которые придут нам на смену. Ведь еще не извлечена из земли первая тысяча берестяных грамот из многих тысяч, ожидающих своих получателей!

Глава 8

Эпиграфика, писала (стили) и церы

В отличие от палеографии, изучающей рукописные книги на пергамене и бумаге, грамоты и свитки, эпиграфика рассматривает надписи на различных предметах, поэтому ее иногда называют "вещевой" палеографией. Первое исследование, с которого собственно и началась славянская кирилловская палеография, посвящено знаменитому памятнику – Тмутараканскому камню, найденному в 1792 г. в Тамани (*Оленин А.Н.*, 1806). Из-за случайного характера находок эпиграфических памятников, их небольшого числа (на фоне значительных успехов палеографии рукописей) попытки их систематизировать были предприняты только во второй половине XIX в. (*Шляпкин И.А.*, 1913; *Карский Е.Ф.*, 1928). Однако в то время историки письма привлекали эпиграфический материал в основном ради иллюстративности. Только в 1936 г. с выходом в свет библиографического справочника А.С. Орлова (*Орлов А.С.*, 1936; 1951), содержащего перечень более 300 надписей на различных предметах, с датировкой и обширной библиографией по каждой надписи, стало возможно использовать надписи как источник по истории русской письменности.

Величайшим событием в русской археологии явилось открытие берестяных грамот в Новгороде (1951 г.) и последовавшие за этим находки грамот при раскопках в других городах северо-западной Руси.

Помимо самостоятельного значения, находка берестяных грамот имеет и дополнительный эффект: она возрождает и стимулирует интерес к надписям на различных предметах, граффити на стенах зданий и т.д. С 1959 г. параллельно с расчисткой и реставрацией фресок началось систематическое изучение надписей граффити киевского Софийского собора, результатом которого являются три монографии (*Высоцкий С.А.*, 1966, 1976, 1985); исследуются и издаются граффити из других городов (*Медынцева А.А.*, 1978; *Рождественская Т.В.*, 1975, 1983). Важным научным и практическим пособием по русской эпиграфике, в котором сформулированы определения и принципы анализа эпиграфических памятников, явилась работа Б.А. Рыбакова "Русские датированные надписи XI–XIV вв." (САИ, EI-44. М., 1964). В этом своде систематизированы наблюдения над хронологическими особенностями надписей на протяжении XI–XIV вв., в приложении дана сводная азбука по всем рассматриваемым в книге надписям.

Многообразие эпиграфического материала породило его сложную классификацию. Наиболее простой является классификация по материалу, на который нанесена надпись, и техника написания, так как во многом от этого зависит и облик надписи, и форма букв, дающие основания для датировки.

Вместе с тем для датировки, прочтения и интерпретации необходимо классифицировать надписи по категориям вещей, на которые они нанесены, а именно: 1 – на стенах зданий; 2 – на мозаиках и фресках; 3 – граффити на керамике; 4 – на каменных изделиях; 5 – на серебряных платежных слитках; 6 – на металлической утвари; 7 – на предметах религиозного культа; 8 – на предметах вооружения; 9 – на дереве; 10 – на крестах и камнях.

Граффити на стенах зданий. Эти надписи, прочерченные по штукатурке древних зданий преимущественно церквей, один из самых обширных разделов эпиграфики. Обычай писать на церковных стенах был настолько широко распространен в Древней Руси, что нашел отражение в юридических документах: церковным судом такое занятие приравнивалось к "посечению креста". Тем не менее многие памятники архитектуры исчерчены многочисленными надписями.

Впервые на них обратили внимание исследователи живописи и архитектуры. В 1868 г. в печати появилось сообщение о надписях на стенах Зверинецких пещер в Киеве (*Закревский Н.*, 1868); в конце XIX в. – первые фототипические публикации фрагментов штукатурки с процарапанными надписями, найденные в развалинах Георгиевской церкви в Старой Ладоге (*Бранденбург Н.Е.*, 1896).

В начале нашего века увидело свет исследование, специально посвященное граффити, которые были обнаружены во время реставрационных работ в новгородском Софийском соборе (*Щепкин В.Н.*, 1902. С. 26–46). Начало их историческому осмыслению положила статья Б.А. Рыбакова "ИМЕНЫ НАПІСИ XII СТ. В КИЇВЬСКОМУ СОФІЙСКОМУ СОБОРИ" (*Рыбаков Б.А.*, 1947). К настоящему времени граффити обнаружены на стенах архитектурных памятников Киева, Смоленска, Пскова, Полоцка и т.д.

Полное исследование граффити таких памятников, как София Киевская и София Новгородская, ясно показывает, что большинство из них – это молитвенные записи, поминальные, автографы и прочие записи церковно-служебного назначения (*Высоцкий С.А.*, 1976; 1985; *Медынцева А.А.*, 1978).

К молитвенным записям следует отнести и традиционные формулы "Господи помози" с указанием имени, и автографы: "писал имярек". Очевидно, в представлении жителей средневековой Руси такая запись приравнивалась к молитве, записанной на церковной стене и от этого как бы постоянно действующей. О таком понимании надписей-автографов говорят рисунки крестов рядом с автографами и содержание некоторых из них. Например, в надписи-автографе XII–XIII вв. из Софии Новгородской говорится: "Тудор молится святой Софии грешною рукою". Другая, более пространная запись из киевского Софийского собора поясняет: "Это я, грешный Никола писал, моляся господу богу своему. Да избавит меня от бесчисленных грехов моих" (*Медынцева А.А.*, 1978. С. 194, 195).

Зачастую именно эти записи содержат сведения, которые можно приравнять к летописным сообщениям.

© А.А. Медынцева

Такова запись о смерти – "успении" Ярослава Мудрого, датированная февралем 1054 г. (*Высоцкий А.А.*, 1959. С. 39). Подробная дата смерти (не только год и число), но и день недели – суббота первой недели великого поста – позволили устранить неточности в датировке этого события, которые имелись в ряде летописей (*Рыбаков Б.А.*, 1959. С. 244–249).

Одна из надписей Новгородской Софии позволяет уточнить порядок смены посадников в Новгороде середины XI в. (*Медынцева А.А.*, 1978. С. 114–124).

Сохранилась прорись надписи, которая читается полностью среди материалов В.В. Суслова по реставрации собора: "Святая София, помилуй Николу-пришельца из Киева града от своего князя Ярослава в сию церковь о святую безмездников и чудотворцев Козьмы и Демьяна". Палеографические и орфографические особенности этой надписи позволяют с уверенностью датировать ее XI в., если же учесть дату построения собора (1050 г.), то надпись следует отнести к середине–второй половине XI в. В надписи упомянут киевский князь Ярослав, от которого "пришел" Никола. На протяжении XI-первой половины XII в. в Киеве княжил лишь один князь Ярослав – Ярослав Мудрый. Следовательно, автограф Николы датируется промежутком времени между постройкой собора и смертью Ярослава, т.е. 1050–1054 гг.

Соображения косвенного порядка позволяют датировать надпись еще точнее, ибо в ней указан день прибытия Николы – праздник святых Козьмы и Демьяна, который праздновали трижды в году: летом (1 июля) и осенью (17 октября и 1 ноября). Из них, по-видимому, практическое значение в качестве хронологической приметы имели только два дня: 1 июля и 1 ноября, так как 17 октября центральное место занимала служба в честь памяти пророка Осии. Следовательно, запись Николы была оставлена либо 1 июля, либо 1 ноября на протяжении нескольких лет – начиная от окончания строительства храма и до смерти Ярослава Мудрого (1050–1054). Смысл уникальной надписи, говорящий о связи миссии Николы с Софийским собором, позволяет предположить, что посланец князя Ярослава прибыл для участия в официальной церемонии: в Софийском соборе венчали, крестили, хоронили членов княжеской семьи. Из известных нам по летописи событий наиболее близки к предполагаемой дате известия о смерти новгородского князя Владимира, старшего сына Ярослава 4 октября 1052 г. (6660 г.; НІЛ, 1950. С. 16, 181). Если Никола прибыл в Новгород 1 ноября 1052 г., то это случилось всего лишь четыре недели спустя после смерти Владимира.

Привлекает внимание и личность самого Николы. Из надписи следует, что он киевлянин и близкий к великому князю человек. Церковнославянизмы в надписи свидетельствуют, по-видимому, об образованности Николы. Ярослав мог послать в Новгород в связи с таким трагическим событием, как преждевременная смерть молодого князя, только одного из самых близких и влиятельных бояр. Косвенные сведения, имеющиеся в предварительной части Правды Ярославичей, и некоторые другие указывают на то, что киевский боярин Микула Чудин, известный по летописям как приближенный Изяслава, входил в окружение его отца Ярослава Мудрого (*Куза А.В., Медынцева А.А.*, 1976). Мы можем с большой долей вероятности именно ему приписывать авторство надписи.

До сих пор оставалось загадкой, кто управлял вторым центром Руси после смерти Владимира? Согласно летописи и приписке к Остромирову Евангелию, с 1054–1055 гг. Изяслав Ярославич "поручил" Новгород "своему близку" – посаднику Остромиру. С учетом же сведений надписи есть основания предположить, что до этого момента (1052–1054) новгородскими делами ведал посланник Ярослава Никола, а косвенные данные позволяют сопоставить его с известным боярином Чудиным. Подкрепляет такое мнение небольшое замечание, сохранившееся в работе В.Н. Татищева: "Чудин в Новгороде был посадник, он внук Добрыни, вуя Владимирова" (*Татищев В.Н.*, 1786. С. 16).

Часто граффити содержат сведения, которые обычно оставались за пределами внимания летописцев. Это записи-автографы, называющие неизвестные имена русских художников, расписывавших новгородский Софийский собор в середине XI–в начале XII в. Надписи, позволяющие выяснить имя одного из художников, по форме являются молитвенными записями. Текст первой из них гласит: "Стефан писал, когда расписывали святую Софию". Второй автограф Стефана: "Господи, помози рабу своему. Стефан писал, когда расписывали святую Софию. Господи, избави мя от прелести сея". Стефаном был начерчен и рисунок льва на лестнице собора, о чем свидетельствует надпись под рисунком. Палеографические особенности надписей позволяют отнести их ко времени росписи, начатой, по сведениям летописи, в 1108 г. (*Медынцева А.А.*, 1978.С. 32–56).

Встречаются среди граффити и автографы известных исторических лиц, например, известного боярина Ставра Годиновича или княгини Олисавы, вдовы князя Изяслава Ярославича и матери Святополка (*Высоцкий С.А.*, 1959. С. 73–80).

Среди граффити на стенах храмов встречаются иногда надписи прямо летописные. Такова запись о мире на Желяни из киевского Софийского собора: "Месяца декабря сотворища мир на Желяни Святополк, Володимер и Олег". Речь идет о мире, заключенном Святополком Изяславичем, Владимиром Мономахом, Олегом Святославичем в местечке Желянь, на юго-западе от Киева, накануне известного Любеческого съезда (*Высоцкий С.А.*, 1964. С. 24–34). Летописи о заключении этого мира сведений не сохранили. Точно также запись о начале строительства Софии Новгородской можно приравнять к летописным сообщениям (*Медынцева А.А*, 1978. С. 56–58).

Надписи датируют постройку самого храма, или помогают склониться к более ранней из двух, зафиксированных летописцами дат (1017 и 1037) постройки Софии Киевской (*Высоцкий С.А.*, 1976. С. 240–256), или уточняют дату исполнения фресковой росписи (*Медынцева А.А.*, 1981). Иногда на стенах храмов появлялись и хозяйственные записи, и записи – юридические документы. Таковы надписи – купчая на землю Бояна, купленную вдовой князя Всеволода (Ольговича, по предположению С.А. Высоцкого) за огромную сумму – 700 гривен соболей (*Высоцкий С.А.*, 1964. С. 60–71). Надпись, составленная по обычной форме купчих с упоминанием свидетелей-послухов, увеличивает крайне незначитель-

ное число источников по экономической истории Руси раннего периода. В числе послухов-свидетелей называется и "святая София", что должно, очевидно, удостоверить правильность сделки.

Надписи на стенах соборов содержат немало материала по истории письма, прежде всего по использованию второго славянского алфавита – глаголицы. Среди абсолютного большинства кириллических надписей известно некоторое количество глаголических в двух главных храмах Древней Руси. В Софии Киевской известно всего лишь несколько фрагментов (*Высоцкий С.А.*, 1966. С. 52; 1976. С. 128, 129); в Новгородской – более десятка. Все они датируются второй половиной XI – началом XII в. и, конечно, свидетельствуют, что знакомство с глаголицей в этот период не было случайным (*Медынцева А.А.*, 1978. С. 25–32). Нельзя приписать все глаголические надписи паломникам из южнославянских стран: особенности использования букв для обозначения носовых звуков в некоторых надписях говорят об их русском происхождении. Среди их авторов – воин-дружинник, художник, о профессиях авторов других надписей мы можем лишь строить предположения. Глаголические граффити по содержанию ничем не отличаются от кириллических надписей, почти все они являются молитвенными формулами. Употребление в некоторых надписях смешанного письма – и кириллических, и глаголических букв, – указывает на то, что их авторам были известны оба алфавита. Естественно предположить, что большинство глаголических надписей сделано именно писцами, которым приходилось переписывать кириллицей с глаголических оригиналов.

Ряд сложных вопросов, связанных с ранним периодом истории письма на Руси, вызывает найденная в Софии Киевской азбука необычного состава: в ней всего лишь двадцать семь букв, из которых только четыре славянских: Б, Ж, Ш, Щ. Обнаруживший ее С.А. Высоцкий пришел к выводу, что эта азбука какого-то варианта письменности, которым на Руси в IX – начале X в. пользовался узкий круг лиц, входивший в христианскую общину (*Высоцкий С.А.*, 1976. С. 12–23; 1985. С. 117–120). Другие исследователи считают эту точку зрения не доказанной и склонны объяснить необычный буквенный состав азбуки неумелой попыткой не очень сведущего в славянской азбуке человека изобразить кириллицу (*Иванова Г.А.*, 1972. С. 118–122; *Німчук В.В.*, 1982. С. 21, 22).

Для понимания характера софийской азбуки необычного состава существенное значение имеют другие азбуки, встреченные в берестяных грамотах, более поздних рукописях, отраженные в различных ранних памятниках русской эпиграфики. Наблюдения над этими источниками показывают вероятность азбук, особенно в ранний период их бытования на Руси, различные этапы приспособления кириллического, а может быть, и греческого алфавита к восточнославянской фонетической системе (*Медынцева А.А.*, 1984; *Янин В.Л.*, 1984. С. 79–86; *Рождественская Т.В.*, 1985. С. 21–27). В любом случае, в появлении на стене собора азбуки, максимально приближенной по порядку и составу букв к греческой, вероятно, нужно видеть иные причины, чем неумение писавшего. Письмо человеком средневековья воспринималось как божественный дар, как средство выражения веры в бога. Представление о том, что алфавит священен чрезвычайно широко отражено в ряде произведений средневековой славянской литературы.

Особого внимания заслуживают специальные таблицы для календарных расчетов. Первая таблица, датированная XIII в., была обнаружена С.А. Высоцким на стене Софии Киевской. Она представляет собой двадцать восемь клеток, в которых в определенной последовательности повторяются семь букв – условные обозначения дней недели – семиц. С.А. Высоцкий определил эту таблицу как специальное пособие для определения того дня недели, с какого начинался год, что было необходимо для вычисления дня пасхи и других календарных расчетов (*Высоцкий С.А.*, 1976. С. 201–205). Подобный фрагмент таблицы обнаружен недавно при раскопках Борисо-Глебского собора в Старой Рязани. Это небольшой обломок штукатурки, на котором начертен рисунок левой человеческой руки. На основании пальцев – буквы А, В, Г, Д, выше – начало следующего ряда – Ѕ, з. Хотя рисунок сохранился фрагментарно и записи на нем не окончены, определение его не составляет труда: это начало такой таблицы, как и в Софии Киевской. Перед нами, вероятно, самое древнее изображение так называемой "пасхальной" руки, различные варианты которой были популярны на Руси в более позднее время.

Очень существенна датировка этого рисунка. Комплекс всего эпиграфического материала характерен для XII–XIII вв., поэтому, хотя сам фрагмент для палеографической датировки содержит мало информации, вероятно, его дата не выходит за эти хронологические пределы. Как предполагают исследователи, храм был разрушен во время взятия Рязани Батыем в 1237 г. Следовательно, рисунок "пасхальной" руки не может быть датирован позднее первых десятилетий XIII в., а это значит, что система календарных расчетов, известная по более поздним источникам, использовалась уже в домонгольское время.

Все перечисленные надписи, несмотря на официальное запрещение, писали на стенах, очевидно, с разрешения церковного притча. Но среди них встречаются и бытовые – для их авторов стена собора была случайным материалом для письма. Иногда это упражнение в письме и счете, рабочие пометки (*Медынцева А.А.*, 1978. С. 27, 56, 58, 163), иногда пословицы, поговорки, загадки. Так, на стене киевского Софийского собора рядом с рисунком ледяной "иордани", которые сооружали в праздник Крещения (6 января), написано: алтарь пламенный, а церковь ледяна, и алтарь погаснет, и церковь растает" (*Высоцкий С.А.*, 1966. С. 108, 109; *Рыбаков Б.А.*, 1964. С. 22).

Автор надписи (как предполагают, юрьевский епископ Даниил) в поэтических образах ледяной церкви и "догорающего в ней пламенного" алтаря сумел передать тоску о краткости бытия и недолговечности красоты, подчеркнув эту мысль буквами "альфа" и "омега" – начало и конец, выведенными по левую и правую сторону от рисунка "ледяной церкви". Но рядом с этой философской надписью-загадкой Даниила другим почерком написано: "Попаше (сожрал) Кузьма порося" (*Высоцкий С.А.*, 1976. С. 45). Бойкая разговорная речь звучит в надписи-насмешке над задремавшим певчим (Новгородская София): "Якиме стоя усне, а рта и о камень не растепе" (т.е. не разинет).

Некоторые надписи тщательно зачеркнуты. Одну из них, из храма Софии в Новгороде, удалось прочесть,

Это вполне невинная детская песенка-считался: "Перешелка паре в дуброве, постави кашу, постави пироги ту (туда) иди". Тем не менее она почему-то была тщательно зачеркнута, и анонимный "цензор" дописал ниже: "усохните те руки" (*Медынцева А.А.*, 1978. С. 148, 149).

Некоторые надписи-граффити в Киевском и Новгородском храмах доносят до нас отголоски различных воззрений, волновавших просвещенных людей того времени. В одной из надписей из Софии Новгородской, изданной впервые В.Н. Щепкиным и по-новому прочитанной Б.А. Рыбаковым (*Рыбаков Б.А.*, 1963. С. 63), отразились космогонические споры о том, кто управляет небом, кто может его "разведрить" (прояснить), кто может "потрясти" облака – бес или бог: "...ле бес нбо и... разведрь... потрясоша облаци? Рече: бъ то сътвори...". В последних строках надписи содержится и ответ: "бог то сотворил". Аналогичные споры о том, кто является творцом мира и жизни, христианский бог Саваоф или бес, в котором древнерусские книжники видели прежнего языческого бога – творца жизни – Рода, неоднократно являлись темой поучений, направленных против остатков языческих верований. И другие надписи ясно говорят о живучести языческих обычаев даже среди городского населения. Такова надпись из той же Софии Новгородской, в которой сообщается о торжественной коллективной трапезе на лестнице храма, куда был запрещен доступ простому люду: "Раде, Хотке: Сновиде, Витомире, испили лагвицу (сосуд с дорогим привозным вином)... Угринным повелением..." (*Медынцева А.А.*, 1978. С. 97–100). Можно лишь предположить, по какой причине появилась эта надпись. Но вполне ясно, что в основе этого события лежит языческий обычай коллективной братчины, широко известной в Новгороде по этнографическим и археологическим материалам.

Древнерусские летописи очень неохотно и скупо сообщают о социальных волнениях и еретических движениях. Но на тематике некоторых граффити отразилась та яростная борьба, которую христианская церковь вела в первые века своего существования. Об этом, в частности, свидетельствует антиеретическая надпись, начерченная на одном из центральных столбов храма Софии в Новгороде: "Господи, помилуй, христиан, а еретиков прокляни" (Там же. С. 72–77). Под еретиками в этой надписи могли подразумеваться не только последователи волхвов-язычников, но и настоящие еретики – богомилы. Эта надпись – отголосок проповедей, произносившихся в соборе против различных отступлений в вере.

Среди киевских граффити заслуживает внимания одна надпись, отражающая сложность формирующегося общественного сознания, размышление человека средневековья о справедливости божественного устройства мира. Речь идет о надписи № 108, до сих пор не получившей достоверного прочтения и истолкования. При публикации она была прочитана С.А. Высоцким так:

"МАТИ НЄ ХОТѦУИ ДѢТИУА БѢЖѦЄТ/Ъ/
БЪ ЖЄ НЄ ХОТѦ ЧЄЛОВѢКА ВѢДАМИ КѦ-
ЖЄТ /Ъ/
-- РОМЪ И СТОУ НВЪСВОЄГОУНОУ
ВЪСѢМ /Ь/ ГРѢХОМЪ /Ѧ/
--УЪБОУДЄТЪ /Ѧ/ МНЊ"

"БѢДИТИ" – мучить, причинять вред (Словарь русского языка XI–XVII вв. С. 87, 88). Таким образом, перевод двух строк следующий: "Мать, не хотя (не любя), ребенка причиняет (ему) вред, господь же (не хотя), не любя человека, наказывает (его) бедами". Буквальный перевод последних двух строк: "Ум, иступив свой порядок (или в свое время), всем грехам общь (приобщен) будет".

Вероятно, "ум" в этом контексте означает не "разум, мысль", а "душа, совокупность духовных сил" (*Срезневский И.И.*, 1903. Стб. 1211). Следовательно, две последние строки объясняют, что бог-творец вынужден наказывать человека: "Человеческий разум, душа преступив положенные ему пределы познания, подвергает себя всем грехам и искушениям, за что наказывается богом". Эта сентенция вполне в духе христианских религиозно-философских представлений. Отвечает концепции раннего русского христианства и мысль о необходимости наказания грешников.

Использованная лексика и грамматическая конструкция надписи позволяет перевести ее по-разному: смысл меняется в зависимости от интонации, от смысловой нагрузки глагола "хотети". Первые две строки можно перевести и таким образом: "Мать, не желая того, ребенка обижает. Господь же, не желая (того), человека наказывает бедами. Ум, преступивший положенные ему пределы, всем грехам будет приобщен". Надпись как бы дает ответ всем сомневающимся в божественной справедливости: Бог вынужден карать непослушных христиан вопреки своему желанию, подобно матери, наказывающей неразумного ребенка.

Итак, надписи-граффити свидетельствуют, что церковь была вынуждена вести борьбу, особенно в более позднюю эпоху, с разного рода антицерковными движениями.

Одна из таких надписей-граффити обнаружена в Смоленске при раскопках храма XII в. (*Воронин Н.Н.*, 1964) на фрагменте фресковой штукатурки. Прочерчена в три строки, сохранилась почти полностью, за исключением нескольких букв: "Господи, помощи дому великому, не дай врагам игуменам истратити (его до) конца, ни Климяте". По палеографическим и орфографическим особенностям надпись датируется рубежом XII–XIII – началом XIII в. Необычное ее содержание – упоминание "врагов-игуменов" – воскрешает в памяти события, изложенные в Житии Авраамия Смоленского. Проповеди Авраамия, обращенные к различным социальным слоям, в том числе и "малым людям", рабам и ремесленникам, обличающие духовников как "лихих пастырей", привлекли на его сторону массы городского населения. Это вызвало резкий протест церковников. Авраамий был предан суду, среди перечня судящих названы игумены, требовавшие либо заточения, либо смертной казни для опасного проповедника. Только вмешательство князя и бояр спасло Авраамия от расправы. Упоминание врагов-игуменов, датировка надписи, местонахождение – на стене одного из загородных храмов Смоленска – все это дает достаточно оснований связывать ее с драматическими событиями, описанными в Житии Авраамия (*Рыбаков Б.А.*, 1964. А; 1964 В).

Надписи на мозаиках и фресках. Сразу же после крещения Руси Владимир, задумав построить церковь Богородицы (Десятинную), пригласил мастеров "от грек", украсил церковь иконами и отдал ей во

владение все, что взял в Корсуни: иконы, сосуды, кресты (ПВЛ, 6497–989 гг.). По археологическим данным известно, что Десятинная церковь была украшена фресками и мозаиками. Очевидно, и фрески, и иконы были снабжены надписями, по всей вероятности греческими, понятными лишь очень небольшому кругу людей. Греческими же надписями сопровождаются мозаики и фрески Софии Киевской, строительство которой было закончено в 30-х годах XI в. при Ярославе Мудром. Но в Софии Новгородской, построенной в 1050 г. и в это же время частично расписанной, надписи при изображениях уже славянские. Особенно важно, что на одной из древнейших фресок имя Елена было написано в русской диалектной форме "ОЛЕNА". До наших дней эта надпись не сохранилась, но ее наличие подтверждается архивными материалами, относящимися ко времени открытия фрески (*Медынцева А.А.*, 1978. С. 48). Русская диалектная форма в имени святой – не только свидетельство участия русского мастера в создании фрески, но и в известной мере – расчет на вкусы новгородских жителей.

В самом начале XII в. в Киеве при исполнении мозаик церкви архангела Михаила самая важная надпись в сцене Евхаристии в отличие от надписей при изображении святых – славянская, хотя и выполнена с грубыми ошибками (*Срезневский И.И.*, 1880. С. 43, 44). Исследователи отмечали, что такие грубые ошибки можно объяснить либо незнанием мозаичистом церковнославянского языка, либо его неграмотностью. В первом случае нужно считать исполнение надписи работой греческого мастера, во втором – неграмотного русского подмастерья (*Лазарев В.Н.*, 1966. С. 43). Однако, если учесть, что сцена Евхаристии занимает в мозаиках центральное место, вряд ли следует думать, что такая ответственная работа была доверена неграмотному подмастерью. Скорее всего, евхаристическая надпись выполнена на церковнославянском языке греческим мастером в соответствии с пожеланиями заказчика – великого князя Святополка, славившегося своей начитанностью.

Надписи-граффити на керамике и каменных изделиях. На больших сосудах для хранения пива, так называемых корчагах, довольно часто начерчены зарубки, метки, отдельные буквы. Известно уже более десятка надписей, датирующихся от X до XIII в. Назначение этих сосудов определяет смысл надписей. Это или указание на содержимое корчаги: "вино" (*Равдина Т.В.*, 1957. С. 153), "мюро" – масло (*Голубева Л.А.*, 1960) или имя владельца – Ольксн (*Малевская М.В.*, 1967), Яковъ (*Рыбаков Б.А., Николаева Т.В.*, 1970). Иногда и то и другое – имя владельца и содержание сосуда: "Ярополче вино" (*Равдина Т.В.*, 1957) или "новое вино Добрило послал князю Богунка" (*Монгайт А.Л.*, 1949. С. 459). Так как нам не известно княжеское имя "Богунка", то слово "Добрило" следует понимать как название сорта вина, а Богунка – имя дарителя, очевидно, производное от широко известного по другим письменным источникам имени "Богуслав".

На корчаге из Киева Б.А. Рыбаковым реконструирована благопожелательная надпись: "(Благодат) неша плона корчага си/я/" (*Рыбаков Б.А.*, 1946. С. 134–138).

Корчаги использовались не только для хранения продуктов, но и в качестве торговой тары. Очевидно, необходимость обозначать содержимое сосуда и имя его владельца вызвала появление надписей. К таким надписям принадлежит и древнейшая из известных до сего дня надпись на корчаге из Гнездова (*Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н.*, 1950. С. 71–79). Эта корчага, разбитая на множество кусков, была найдена в одном из погребальных комплексов, который датируется по вещам и монетам не позже середины X в. (*Авдусин Д.А.*, 1970. С. 110–113). Таким образом, датировка надписи не вызывает сомнений. Сомнение вызывает прочтение и истолкование надписи. Первоиздателями надпись была прочитана как "ГОРОУХША" – горчица или какая-то другая горькая пряность. Тогда же было отмечено безусловно славянское, кирилловское письмо надписи, о чем свидетельствует наличие славянских букв Х и Щ, которых нет в греческом алфавите. Однако П.Я. Черных усомнился в правомерности такого прочтения как несоответствующего фонетическим нормам русского языка и предложил новое: "гороумша" – горчичные зерна. Позднее Г.Ф. Корзухина прочла надпись как "ГОРОУША" – горючая. Такое прочтение позволило ей предположить, что в корчаге хранилась нефть, которой был разожжен погребальный костер (*Корзухина Г.Ф.*, 1961. С. 226–230). Примирить два последних варианта прочтения пытался А.С. Львов: по его мнению, сначала было написано "ГОРОУША", а затем исправлено на "ГОРОУНША" (*Львов А.С.*, 1971. С. 47–52).

Не все исследователи считают, что надпись на корчаге обозначает ее содержимое. Ф. Мареш предложил читать надпись так: ГОРОУХХША – "Горух писал" (*Mareš*, 1951–1952), а Р. Якобсон как ГОРОУ – Горунова (т.е. "корчага Горуна" (*Jakobson R.*, 1952. P. 350 и сл.).

Таким образом, существуют несколько вариантов прочтения Гнездовской надписи. Наиболее принято читать ГОРОУША – ГОРОУНША, что предполагает наличие в надписи лигатуры. Необходимо подчеркнуть, что надпись на корчаге появилась задолго до официального крещения Руси и принятия кирилловской письменности. Не исключено, что неудовлетворительность попыток прочтения надписи связана с обращением к кирилловскому алфавиту. Действительно, графика букв, в том числе и буквы Ѱ, как она реконструирована, довольно близка к графике древнейших кирилловских надписей, относящихся приблизительно к той же эпохе, что и гнездовская. Но, может быть, древнейшая русская надпись – это один из примеров "неустроенного" письма, применявшегося до официального принятия кирилловской письменности (*Жуковская Л.П.*, 1981; *Медынцева А.А.*, 1983). Этим можно легко объяснить отсутствие полугласных или особой графемы, принимаемой сейчас за лигатуру Н и Ѱ. Очевидно, до той поры пока не будут обнаружены другие, современные Гнездовской надписи, вопрос по ее расшифровке и интерпретации будет открыт. Несомненно лишь одно: уже в начале X в. на Руси бытовала письменность, близкая кирилловской.

К настоящему времени насчитывается больше двух десятков надписей на пряслицах, относящихся преимущественно к XI–XII вв., в меньшей степени – к XIII в.

Первое пряслице с надписью было найдено в 1885 г. в Киеве, недалеко от Софийского собора, вместе с богатым кладом золотых и серебряных вещей (*Кондаков Н.П.*, 1896. С. 125, 127). Но правильно прочитана надпись была только в 1946 г. Б.А. Рыбаковым (*Рыба-*

ков *Б.А.*, 1946. С. 28) – "Потворин пряслень". Так узнали древнерусское название пряслица – "пряслень" и имя владельца, которое Б.А. Рыбаков объяснил как производное от "потворение" – чародейство, волшебство.

С тех пор найдено и прочтено уже довольно значительное количество надписей на пряслицах, что позволяет сделать определенные наблюдения: в большинстве случаев это имена владелиц пряслиц или дарителей, среди последних есть и женщины и мужчины. Надписи или прямо называют владелиц, как уже упомянутое пряслице из Киева и пряслице из Боровского селища Пряслень Парасии (XII – начало XIII в.) (*Монгайт А.Л.*, 1961. С. 158), либо являются именем в притяжательной форме. Например, "номадин" – от неизвестного по другим источникам имени "Номада" (*Алексеев Л.В.*, 1959. С. 242–243).

Иногда имя заменено указанием на социальную принадлежность писавшего: **КЪНАЖНИЪ** (*Алексеев Л.В.*, 1966. С. 233). Надпись на пряслице из Витебска (XI–XIII): "Бабино пряслене", очевидно, написана внучкой для бабушки (*Алексеев Л.В.*, 1955. С. 129–130). Только на одном из пряслиц подпись владелицы напоминает молитвенную форму, что позволяет предположить известную степень образованности или близость к церковным кругам: "Господи, помози рабе своей Елени" (*Алексеев Л.В.*, 1955. С. 130–133; *Янин В.Л.*, 1958. С. 243–245).

Дарственные надписи также изредка приобретают развернутую форму: "Янка вдала пряслень Жирцъ" – Киев, XI–XII вв. (*Толочко П.П.*, 1972. С. 115). Дарственная надпись, начерченная на маленьком, очевидно детском, пряслице: **"ІВАНКЪ СЪЗДЪ ТЕЕ Ю ОДИНА ДѰ"** (*Рыбаков Б.А.*, 1960. С. 33, 34), возможно, сделана мастером-камнерезом Иванко для своей малолетней дочери.

Мужские имена, иногда написанные на пряслицах, например "Молодило" (*Рыбаков Б.А.*, 1946. С. 29), следует считать именами дарителей.

Пряслица метили рисунками, крестиками, буквами, а затем надписывали во избежание путаницы, ибо на посиделках прядение прерывалось играми и песнями. К тому же по этнографическим данным известно, что прялки и веретена были у славян свадебным подарком жениха невесте (*Рыбаков Б.А.*, 1963. С. 54–55). Об этом же свидетельствуют надпись **"НЄВЪСТОЧЬ"** на пряслице из Вышгорода (*Рыбаков Б.А.*, 1946. С. 29). Не исключено, что такими свадебными подарками были пряслица с надписями **"КЪНѦ ЖЕЕ КЪНѦЖНИЪ"**, так как нередко молодые в свадебных обрядовых песнях именовались князем и княгиней.

На двух пряслицах прочерчено начало алфавита. Одно из них (XI в.) найдено при раскопках Любеча, в перекопе у западного угла княжеского замка (*Рыбаков Б.А.*, 1960. С. 33). На его боковой грани написан алфавит от а до з. Второе пряслице с начерченным алфавитом найдено в 1959 г. в Новгороде, на Неревском раскопе, в слоях XII в. (*Медведев А.Ф.*, 1960. С. 88).

Надписи на пряслицах представляют собой значительный материал, свидетельствующий о грамотности женщин в Древней Руси. Даже берестяные грамоты-письма женщин не могут быть таким прямым свидетельством, как они, ибо теоретически можно предположить, что между отправителем и адресатом существовало промежуточное звено – "площадной дьяк", т.е. профессиональный писец, писавший письма за определенную плату (*Казаков В.К.*, 1978. С. 21). Надписи на пряслицах – специфических предметах женского обихода – встречаются не только в Новгороде, но и в других городах Древней Руси (в Новгороде их найдено приблизительно такое же количество, как, например, в Любече). Нужно иметь также в виду, что надписи на пряслицах – свидетельство грамотности не только их владелиц, но и дарителей и дарительниц. Самое убедительное свидетельство процесса обучения грамоте – надписи-азбуки на пряслицах. Грамоте обучали с детства, об этом говорят и пряслице из Витебска, надписанное внучкой, и детское пряслице с дарственной надписью отца малолетней дочери.

Все пряслица с надписями происходят из раскопок городов и городищ. Только одно из них (пряслень Парасии) найдено на Борковском селище – крупном торговом поселении на центральном участке окского водного пути (*Монгайт А.Л.*, 1961. С. 156, 157). Такая топография находок доказывает, что грамота в основном была распространена среди горожанок.

Знаками, буквами и надписями метились не только пряслица, но и множество самых разнообразных предметов: каменные крестики, литейные формы, костяные рукояти, оселки для точки ножей. Эти надписи, преследовавшие утилитарные цели – отличить свою вещь от других аналогичных, как правило, тоже процарапывали острым предметом. Например, владелец крестика, найденного на Пировом селище (посад города Ярополча), оставил свою подпись в виде молитвенной записи на его оборотной стороне: "Господи, помози рабу своему Власиеви" (*Седов В.В.*, 1959. С. 275–277). Надписывали и оселки для точки ножей. На одном из оселков из Новгорода имеется надпись с названием вещи и имени владельца: "Осля Семена Олександровича" (*Янин В.Л.*, 1953. С. 243). В Новгороде же найден оселок, надписанный женским именем Марфа. Надписи исполняли и ремесленники, делавшие вещь, и владельцы, ею пользовавшиеся, – не всегда удается различить их по надписям, но иногда все же удается. Так на одной из киевских литейных формочек для трехбусинных серег процарапано имя владельца-ювелира **"МѦКЬСНМОВ/Ѣ/"** – Максим. Три формочки, с процарапанными на них надписями, найдены при раскопках древнерусского города Серенска (*Никольская Т.Н.*, 1974. С. 237–240). При сопоставлении этих формочек между собой оказалось, что две из них составляют одну с надписью в три строки, аналогичной киевской: **"МАКО/СНМО/ВЄ,** а третья – четыре буквы **"МАСН"**, что, вероятно, должно означать тоже имя "Максим", в котором пропущен один слог. Одинаковые имена владельцев, близость почерков и орфографий надписей, равно как и самих литейных формочек, позволяют предположить, что и киевская, и серенские формочки принадлежали одному и тому же ювелиру (*Медынцева А.А.*, 1978. С. 378–382).

Надписи на серебряных платежных слитках. Целый комплекс надписей (более 200), главным образом имен, обнаружен на серебряных гривнах. М.П. Сотникова, занимавшаяся изучением этих слитков, пришла к интересным выводам как в области эпиграфики, так и денежного обращения (*Сотнико-*

ва М.П., 1961. С. 44–91). Оказалось, что надписи на слитках, хотя и сделаны мастерами-серебряниками (ливцами), содержат имена их владельцев-заказчиков, а не мастеров. Это было вызвано тем, что древнерусские денежные дворы не имели собственного серебра и изготовляли слитки для заказчиков из их собственного серебра. При такой организации дела надписи-имена на слитках являлись рабочими пометками мастеров-ливцов, помогая им рассчитаться с заказчиками (*Сотникова М.П.*, 1970. С. 92). Эти соображения целиком подтверждаются надписями, представляющими собой притяжательную форму от имени, например, **ЮРЄННЬ, РОДНВОНОВѦ, ПѦРФНЛЬЄВЪ** или такой надписи **"У МНЛНДѦ ВЗѦЛ"**. Не исключено, что часть надписей делали сами заказчики. Особенный интерес представляют надписи, называющие заказчиков-женщин: **НАСТАСЬѦ, НЕРОНОВА МѦТЬ.** Очевидно, не имеет большого значения, кто непосредственно выполнял эти надписи, – мастер-ливец или заказчики, так как процесс передачи серебра на переливку предусматривал грамотность обеих сторон. Надписи, называющие заказчиков-женщин, являются показателем их экономической самостоятельности, ибо в данном случае женщины – непосредственные участники денежных операций.

Надписи на металлической утвари и предметах религиозного культа. До наших дней дошли лишь немногочисленные образцы серебряной утвари княжеско-боярского или церковного обихода, но надписи на ней – явление обычное. Это и торжественные заздравные записи владельцев, вкладные, и подписи ремесленников, и черновые разметки. Нередки случаи, когда на одном и том же сосуде сосредоточены записи разного рода: и красивые, чеканные, орнаментальные надписи, и черновые, процарапанные. Так, на известной серебряной чаре черниговкого князя Владимира Давыдовича по краю вырезана "торжественным" письмом заздравная надпись (до 1151 г.): **"Ѧ СЄ ҮҮАРА ВОЛОДНМНРОВѦ ДѦВЪЫДОВНҮ/Ѧ/ КТО НЗ НЕЕ ПЬ ТОМѰ НѦ ЗДОРОВЬЕ Ѧ ХВАЛА БОГА СВОЕГО ѠСПОДАРА ВЕЛНКОГО КНА"** (*Рыбаков Б.А.*, 1964. С. 28). Кроме этой "официальной" надписи, удалось установить первоначальную черновую, прочерченную так же по краю сосуда каким-то режущим орудием простым, некрасивым почерком. Уже поверх черновой записи была вырезана двойным контуром заздравная, а фон между буквами сплошь заштрихован граверным резцом. Поэтому тонкие, еле видные штрихи черновой записи сохранились только на буквах "торжественной" надписи. Черновая запись не является непосредственной разбивкой основной, отличаясь по написанию от последней: **"КНѦЗѦ** вместо **КНѦ, ВОЛОДОВОВИ** вместо **ВОЛОДИМНРОВА, ДВДОВИ** вместо **ДАВВЪЫДОВҮА"**. Различны и последние слова в этих двух записях: в "торжественной" записи это **"КНѦ"**, в черновой (судя по остаткам букв) было другое слово, которое пока прочтению не поддается. Не совпадают надписи по размещению слов и букв. Различаются и формы букв. Обычно употребление лигатур в заздравной надписи объясняют неверным расчетом и торопливостью исполнения. Действительно, к концу заздравной надписи буквы становятся теснее, а лигатуры и разноформатные буквы – чаще. Но уже в черновой записи мастер пользуется лигатурами. Однако создается впечатление, что процарапанная запись это не черновая разметка заздравной, а черновая запись будущего "торжественного" текста, сделанная мастером со слов заказчика – самого князя или его приближенного. При исполнении орнаментальной надписи мастер лишь приблизительно придерживался первоначального варианта, изменял и написание слов, и их расположение, и форму букв. Это обстоятельство полностью опровергает возможность слепого копирования, что неизбежно при неграмотности самого мастера, в то время как некоторые исследователи не исключают и такое объяснение появлению надписей на произведениях ремесла (*Кузаков В.К.*, 1978. С. 21–22).

"Заздравные" надписи известны и в более позднее время. На ковше (первая половина XIV в.), найденном в кургане под Краснодаром, имеется надпись, аналогичная черниговской. Сам ковш восточного, возможно золотоордынского, происхождения, но по венцу его вырезана двойным контуром славянская надпись: **"СЄ КОВШЬ ДМИТРИЮ КРѮЖДОВНҮѦ КТО ІСПЬЕТЬ ТОМҮ ЗДОРО"** (*Николаева Т.В.*, 1976. С. 278).

Помимо "официальных, торжественных" надписей, называющих владельцев и выполнявшихся при изготовлении сосуда, встречаются надписи владельцев, прочерченные острым предметом. Необходимость надписывать сосуды таким образом возникала, очевидно, при перемене владельца. На поддоне серебряной чаши XII в., найденной в составе клада, процарапано **"КЪНѦЖѦ"**, эта запись перечеркнута и сверху надписано **"СПѦСВА"**. Г.Ф. Корзухина считала, что чаша попала из Южной Италии в Венгрию, затем была в княжеском владении, очевидно в роду Всеволода Ярославича, а затем ее передали в церковь Спаса на Берестове (*Корзухина Г.Ф.*, 1951).

Другая запись на дне серебряной чаши с чеканкой, гравировкой и позолотой называет ее цену: **"ВЪ ПОЛЪҮЕТ ВЬРЬТА ДЕСѦТЬ ГРНВЬНЪ"** (*Спицын А.А.*, 1906). Так как сама чаша весит только 980 г, что составляет около 6 гривен серебра, 35 гривен следует считать обозначением цены чаши как произведения художественного ремесла (*Рыбаков Б.А.*, 1963А. С. 56, 57).

Иногда мастера, сделавшие сосуды, надписывали на дне их свои имена. Так широко известны подписи мастеров Флора-Братилы и Костянтина (Косты) на донцах новгородских кратиров – сосудов для причащения (начало XII в.). По краю поддона сосудов чернью наведены надписи, позволяющие предположительно определить их владельцев – новгородских посадников Петра и Петрилу Микуловичей. Два почти одинаковых сосуда, сделанные, как следует из подписей, разными мастерами, позволили исследователям предположить, что на Руси существовал институт ремесленного ученичества (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 295–300).

Отчасти о надписях на предметах религиозного культа говорилось выше (новгородские кратиры, крестик из Ярополча). Есть подписи мастеров и владельцев и на других подобных предметах – крестиках, энколпионах, иконках, змеевиках и т.д. Но, как правило, именные надписи на этих предметах лишь сопровождают изображения святых. Правда, некоторые, наиболее роскошные, уникальные произведения художественного ремесла со-

держат надписи самого разнообразного типа: это и имена святых, и подробные вкладные записи, и подписи мастеров. Все три вида надписей есть на богато украшенном золотом, жемчугом, драгоценными камнями и эмалями кресте полоцкой княжны Евфросинии Полоцкой. Подробная вкладная запись, датированная 1161 г., содержит, помимо имени заказчицы, заклятие всех, кто посягнет на крест и стоимость креста. Именные надписи сопровождают эмалевые изображения святых, а имя мастера Лазаря Богши, сделавшего крест, мы узнаем из молитвенной записи, вырезанной мелкими буквами в самом низу креста (*Алексеев Л.В.*, 1957. С. 224–244). Б.А. Рыбаков предположил, что в указанную во вкладной надписи стоимость креста: "... а кованье его, злото и серебро, и камение и жемчуг в 100 гривен..." не включена стоимость эмалей, и именно эти работы должны быть упомянуты в поврежденном месте надписи, где сохранилась только начальная буква **"...А Л[АЖЕНЬК]М (40) ГРИВНЪ..."** (*Рыбаков Б.А.*, 1964. С. 33).

К сожалению, крест Евфросинии – явление уникальное не только по уровню мастерства, но и тщательности и подробности вкладной записи. Более обычны лаконичные надписи ремесленников, таких например, как **"ИКДМ[Ъ]"**. Эта надпись ремесленника-литейщика была вырезана на оборотной стороне литейной формы для энколпиона и отлита. На обороте бронзовых ажурных арок из Вщижа отлиты такие надписи-автографы: **"ГН ПОМОЗИ (р)А[БОУ] С [ВОЕ] М [ОУ] КОСТ [АНТНО]у"** (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 253–254). Эти надписи, выполненные в процессе изготовления модели, безусловно, свидетельствуют как о грамотности ремесленников, так и об их русском происхождении, что не всегда определимо по стилю самих произведений. Поэтому не случайно, что до обнаружения надписей на вщижских арках многие исследователи связывали их с романским искусством.

При всей своей краткости и традиционности именные надписи содержат значительную информацию, свидетельствуя о грамотности довольно широкой категории ремесленников: литейщиков, камнерезов, ювелиров и т.д. Кроме того, надписи помогают атрибутировать изображения, установить и датировать сам предмет, а иногда сделать широкие исторические выводы. Например, на небольшой иконке, найденной в Приазовье, по сторонам изображения святого Глеба в княжеской шапке, с мученическим крестом в правой и мечом в левой руке имеются колончатые надписи: **"ДАВЪИДЪ, ГЛѢБЪ"**. Необычность изображения Глеба – без его старшего брата Бориса, наличие второго христианкого имени, палеографические особенности надписей – все это позволяет считать иконку собственностью тмутараканского князя Глеба Святославича, с именем которого связана и известная надпись на Тмутараканском камне (*Рыбаков Б.А.*, 1964. С. 18). В другом случае Т.В. Николаевой удалось выявить целую художественную школу мелкой пластики, представленную произведениями одной мастерской и даже одного мастера. Иконки из камня, происходящие из этой мастерской (первой трети XIII в.), встречаются на всей территории Древней Руси – и в южной Руси, и в Старой Рязани, и в Новгороде. Надписи при изображениях помогли выявить и датировать произведения этой мастерской (*Николаева Т.В.*, 1975. С. 219–227).

Надписи на предметах вооружения. Эти надписи – явление редкое, но немногие, известные до сих пор содержат важные сведения. Одна из древнейших русских надписей инкрустирована на клинке меча, найденном в конце XIX в. недалеко от Миргорода, у ст. Фощеватой. Надпись, инкрустированную в стальной клинок дамаскированной проволокой, можно увидеть, лишь обработав клинок специальным составом; она была обнаружена А.Н. Кирпичниковым (*Кирпичников А.Н.*, 1965. № 3). На одной стороне меча имя: "Людота или Людоша", на другой – "коваль" – профессия Людоши. Эта надпись – клеймо русского оружейника. Значение ее очень велико, так как эта надпись, относящаяся к первой половине XI в., свидетельствует не только о собственном производстве мечей на Руси в это время, но и о грамотности русских ремесленников-оружейников уже в эту древнейшую эпоху.

Вотивная надпись, обращенная к архиастратигу Михаилу с просьбой о помощи "рабу своему Феодору", вырезана на прилбице шлема, найденного в начале XIX в. на месте Липецких битв 1177 и 1216 гг. При первой публикации находки А.Н. Оленин высказал предположение, что шлем принадлежал князю Ярославу (в крещении Федору) Всеволодовичу, бросившему оружие на поле битвы и бежавшему, согласно свидетельству летописца, в "первой сорочице". До сих пор окончательно не ясно, какому Федору принадлежал шлем, так как, если судить по техническим особенностям и разнице в исполнении надписей на прилбице и именных надписях святых на шишаке, прилбица с надписью была приклепана позднее на уже готовый шлем. Очевидно, шлем имел не одного владельца, но потерян был, скорее всего, Ярославом Всеволодовичем (*Рыбаков Б.А.*, 1963. С. 45–47; 1964. С. 34, 35). В.Л. Янин посвятил атрибуции шлема несколько статей, он предположил, что первоначальным владельцем шлема был один из сыновей Юрия Долгорукого (*Янин В.Л.*, 1958. № 3. С. 54–60; 1972. С. 235–244). Несмотря на разное толкование, не вызывает сомнения княжеская принадлежность шлема, равно как и его русское производство. Для чего нужны были надписи на шлеме? Как следует из самой надписи на прилбице – для того, чтобы обеспечить владельцу помощь в ратном деле предводителя небесного воинства – архистратига Михаила. Это – религиозное назначение надписи, понятное и общепринятое для человека, жившего в средние века. Но, очевидно, имелось и другое – практическое ее назначение: отличить князя от других воинов и его оружие от их оружия, что было особенно важно при наличии на шлеме личины. Ипатьевская летопись повествует о том, как к раненому в битве на Руте князю Изяславу Мстиславичу подошли воины и, не узнав под шлемом, ударили мечом. Позднее время и темнота не дали им увидеть княжеский опознавательный знак, о котором пишет летописец: "Бе же на шеломе над челом написан святый мученик Пянтелеймон злат" (ПСРЛ. Т. II. Стб. 438, 439).

Надписи на дереве. Абсолютное большинство этой категории эпиграфических памятников связано с Новгородом по причине сохранности органических остатков в его культурном слое.

Серию надписей, вырезанных на дереве, открывают так называемые цилиндры – с надписями и княжескими

знаками. К настоящему времени известно восемь таких предметов, на пяти из них вырезаны надписи. Первая находка из этой серии была сделана более 30 лет назад (*Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.* 1953. С. 44, 45), но до последнего времени эти предметы оставались загадкой для археологов. В.Л. Янин предложил реконструкцию цилиндров как особых замкóв, гарантировавших сохранность ценностей в мешках, которые они запирали. Надписи, называющие принадлежность определенных сумм "емцу", "мечнику" или князю, и княжеские знаки дают основание связать эту категорию предметов с княжеским хозяйством. В.Л. Янин доказал, что цилиндры маркировали мешки с долей доходов с верви, делившихся, согласно нормам "Русской Правды", между князем, церковью и княжеским доверенным лицом – вирником, или мечником. Определение княжеских знаков помогает значительно уточнить хронологию цилиндров. Цилиндр № 5 со знаком Владимира Святославича и цилиндр № 6 со знаком Ярополка Святославича отнесены ко времени их новгородских княжений – соответственно 970–980 гг. и 977–980 гг. (*Янин В.Л.*, 1982. С. 138–155). Такая атрибуция подтверждается хронологией других находок со знаками Святослава и Владимира, в том числе и вне Новгорода.

Датировка двух древнейших цилиндров, предложенная В.Л. Яниным, сомнений не вызывает. Следовательно, и надписи на них, по крайней мере на десять лет, опережают официальную дату крещения и принятия письменности.

На цилиндре со знаком Владимира отчетливо читается надпись: **"МЄЦЪННЦЪ МѢХЪ ВЪ ТНХ/Ъ/ МЪ/ТѦ/ХЪ ПОЛЪТЪВЪУЪ"** – "мечнич мех в этих метах, Полотвеч" – в чтении В.Л. Янина, или: **"МЄЦЪННЦЪ МѢХ ТНХЪ МО/ТѢ/ ХЪ /ВЪ/ ПОЛЪЦЪТВЪРЪ/ТЬ/** – "мечнич мех в этих мотех, в полчетверть" (*Медынцева А.А.*, 1984. С. 52–54).

Чтение надписи на цилиндре со знаком Ярополка затруднено, можно лишь предположить, что в ней было указано название мешка (меха) или цилиндра-замка и количество гривен. Но и эта надпись выполнена кириллицей.

На других замках-цилиндрах – тоже изображения княжеских знаков и надписи, указывающие какие-либо суммы и их принадлежность. Так, на одном из них (№ 1 по публикации В.Л. Янина), датированном по методу дендрохронологии 1055–1076 гг., ясно читаемая надпись: **"ЪМЪЦѦ ГРНВЬЫ Г"**, т.е. "Емца гривны три". В.Л. Янин доказывает синонимичность терминов "вирник", "мечник", "емец", а знак, вырезанный на цилиндре, относит Мстиславу Изяславичу на основании близости этой тамги к знаку его отца, известному по печати. Таким образом, этот цилиндр-замок с надписью датируется 1057–1067 гг. (*Янин В.Л.*, 1982. С. 143–145). Находки замков-цилиндров в более позднее время говорят о сохранении той же процедуры сбора и дележа даней.

Среди новгородской коллекции надписей на дереве привлекают внимание надписи владельцев. Так, на Троицком раскопе в 1975 г., на усадьбе богатого новгородца, были найдены разломанные на три части деревянные гусли. На их корпусе прочитана хорошо сохранившаяся надпись: **"СЛОВНША"**, которая была истолкована как имя владельца – уменьшительное от имени "Славий" – соловей (*Колчин Б.А.*, 1978. С. 363, 364. Рис. 3 на с. 362). По былинам известен богатырь и гусляр Соловей Будмирович. Поздними источниками широко представлено имя "Соловей" (*Тупиков Н.М.*, 1903. С. 423. 417), производным которого и должно быть имя "Словиша". Возможна и другая этимология имени: от "слава", "славити", связанного чередованием со "слово", "слыть" (*Фасмер М.*, 1971. С. 664, 673, 711). Таким образом, "Словиша" родственно древнерусскому Словутичь - эпитету Днепра и, скорее всего, переводится не как "соловушка", а как "славный", "знаменитый". Но, как бы мы не объясняли происхождение имени, наличие гусляра Словиши в Новгороде XI в. засвидетельствовано надписью на его гуслях.

Гусли найдены в слое 17-го пласта, что соответствует 70–80-м годам XI в. Б.А. Колчин считает, что в это время гусли были сломаны и выброшены, а их бытование относит к середине XI в. Надпись не содержит четких хронологических примет, поэтому в данном случае наиболее надежна дата стратиграфическая – до 70–80-х годов XI в.

В 1966 г. на Ильинском раскопе Новгорода найдена деревянная двусторонняя заготовка небольшой иконки. Обе стороны ковчега разделены на четыре равные части, на каждой из образованных таким образом клеток острием ножа прочерчены следующие надписи – на лицевой стороне: **"ІСОУСѦ/ТОУ ПѦ/ПНСНТЬ;** БО-ГО/РОДН/ЦОУ; **ОНОѲРН/Ю/ТОУ /ПНСН/**– -?/; **ѲЄОДО/РА ТНРО/ПѦ"**; на оборотной: **"МИХ/ѦНЛѦ; ЕВѦ/ПѦ; КЛНМ/ѦНТѦ МАКѦ/РНѦ"**. А.В. Арциховский, комментируя находку, отметил, что она представляет собой документ, фиксирующий отношения между художником и заказчиком. Заказчик предлагает изобразить, вероятно, набор семейных святых. Об этом говорит глагол "написить" – "напишите", где буква **Ь** заменяет **Є**. Стратиграфическая дата, по предварительным данным дендрохронологии, была определена как 70–80-е годы XI в., а позднее уточнена – рубеж XI–XII вв. (*Арциховский А.В.*, 1973. С. 199–200).

Надписи на дереве дают важный материал по истории письменности на Руси. Они свидетельствуют об использовании кириллической письменности в системе государственного фиска еще в языческое время.

Надписи на камнях и крестах. Один из самых известных памятников русской эпиграфики – надпись на Тмутараканском камне, найденном в конце XVIII в. на Таманском полуострове, датируется 1068 г. Крупная надпись в две строки с указанием года и индикта, вырезанная красивым четким уставом, сообщает, что "князь Глеб мерил море по льду от Тмутаракани до Корчева 10 и 4 тысячи сажен". Необычное содержание надписи, каллиграфичность исполнения, ее древность, равно как и отсутствие в то время одновременных ей памятников, – все это послужило причиной сомнений относительно ее подлинности, доживших до наших дней. Однако сравнение этой надписи с известными памятниками эпиграфики русскими и южнославянскими показывает ее полное соответствие с современными ей и более древними памятниками (*Медынцева А.А.*, 1979). Тмутараканская надпись содержит ценную информацию: уточняет местоположение летописной Тмутаракани и порядок княжений в Тмутараканском княжестве,

дает еще не использованный до конца материал по русской метрологии и т.д. Кроме того, надпись на Тмутараканском камне – официальный акт княжеской власти, а значит, ее появление не случайно. Она сообщала о гидрографических работах Глеба и всенародно подтверждала его права на тмутараканский престол и восточное побережье Керченского пролива.

Аналогичным политическим актом новгородского боярства была установка Стерженского креста с надписью, датированной 1133 г. Крест из красноватого камня найден в конце XIX в. при впадении Волги в озеро Стерж. На кресте выбита надпись: **"ВЪ /ЛѢТ/О 6641 М(Ѣ)С (А)ЦА НЮЛѦ 14Д(Є)НЬ ПОУѦХЪ РЫТН РѢКОУ СЮ ѦЗЪ НВАНКО ПАВЛОВНЦЬ Н КРЬСТЪ СЬ ПОСТАВХЪ"**. Упоминаемый в надписи Иванко Павлович – новгородский боярин, ставший посадником на следующий год после установки креста. В том же 1133 г. он погиб в битве с суздальцами при Ждане горе. Тот факт, что Иванко Павлович занимался усовершенствованием водных путей в юго-западных районах новгородской земли, позволяет предположить, что до избрания на посадничество он был сотским этих земель (*Рыбаков Б.А.*, 1964. С. 27, 28). Надпись на Стерженском кресте – одно из самых ранних свидетельств о ведении гидротехнических работ на Руси.

Крест с надписью, относящейся к первой половине XI в., был в конце XVIII в. найден на Северном Кавказе, у ст. Преградная. Надпись к настоящему времени сильно повреждена, сохранилось только ее начало: **"ПОМѦНН ГДН ДШ/ОУ/ РАБА С/ВОЕГО/"**, имя читается предположительно по неточной прориси как **"НШАНА"**. Судя по начертаниям сохранившихся букв надпись на Преградненском кресте следует датировать не позже середины XI в. Такая датировка подтверждается и свидетельствами очевидцев о том, что когда-то на кресте читалась и дата, соответствующая 1041 г. Крест с надписью был поставлен на торговом пути, называвшемся Большим Черкасским шляхом, скорее всего, во время одного из походов русской дружины. Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам надписи, он поставлен в память о гибели Иоанна, может быть русского дружинника (*Кузнецов В.А., Медынцева А.А.*, 1975. С. 11–17).

Иногда надписи на крестах вырезали в память определенных исторических событий, хотя содержат они только тексты религиозного содержания. Памятником такого рода является Нерльский крест – каменный поклонный крест, стоявший около Покровского собора на Нерли. На кресте вырезана длинная надпись – так называемая "похвала кресту". По предположениям исследователей, крест был установлен в связи с победой Андрея Боголюбского над Волжской Булгарией (1164 г.) и учреждением в честь этого события специального праздника креста (*Воронин Н.Н.*, 1940. С. 309–315).

Порой поклонные кресты были средствами декларации религиозных верований, не совпадающих с официальными. Таков деревянный крест с надписью, установленный в Новгороде жителями Людогощей улицы в 1359 г. На этом кресте работы мастера Якова Федосова вырезана надпись, провозглашающая право христиан молиться "на всяком месте, верою и чистым сердцем". Этот тезис о праве "чистых сердцем" общаться с богом без посредства церкви, как и изображения святых, обращавшихся непосредственно к богу, позволили Б.А. Рыбакову связать установку креста с движением стригольников (*Рыбаков Б.А.*, 1964. С. 43, 44).

Известен комплекс надписей на так называемых Борисовых камнях (*Орлов А.С.*, 1952. № 68, 69, 70). Всего историкам известно шесть таких камней, разбросанных по территории Полоцкого княжества. Три из них находились на отмелях в русле Западной Двины ниже Полоцка. На всех камнях – огромных валунах – выбиты изображения крестов на голгофе и однотипные надписи: "Господи, помози рабу своему Борису". Появление надписей на камнях, разбросанных по территории Полоцкого княжества, традиционно связывали с именем единственного полоцкого князя – Борисом Всеславичем, умершим по летописным сведениям в 1128 г. Назначение надписей оставалось загадкой для исследователей: одни считали их пограничными знаками княжества, другие – обозначением опасных для судоходства мест на Двине. Б.А. Рыбаков связал появление этих надписей со страшным голодом, поразившим в 1127–1128 гг. северо-западную Русь. Огромные валуны с древности служили объектом языческого поклонения и, очевидно, Борис (Рогволод) Всеславич решил освятить объекты языческих молений, так как церковь каждый неурожай объясняла гневом христианского бога, каравшего за приверженность языческой вере (*Рыбаков Б.А.*, 1964. С. 26, 27). Конечно, такое объяснение не отвергает и другое назначение камней – как своеобразных лоцманских и путевых знаков, которым изображения крестов и молитвенных надписей придавало магическую силу, исходящую теперь уже от христианского бога.

Надписи иногда встречаются на намогильных и закладных плитах и крестах. В некоторых случаях эти надписи включают дату. Таковы надписи на известном кресте Святослава и закладных крестах из Новгорода.

Практическим целям упорядочения земельных участков и сенных угодий служили большие камни – так называемые межники. Их устанавливали на границах земельных владений, часто вырезали крест или знак собственности. Изредка эти отличительные знаки заменяли надписью. Очевидно, межником и был гранитный валун, найденный в 1835 г. на землях Бежецкого уезда бывшей Тверской губернии (*Орлов А.С.*, 1952. № 24). На камне высечен сложный знак, так называемый "лабиринт" и надпись "Степан", датированная Шляпкиным XII в. (*Михайлов М.И.*, 1913. С. 22–24). Знак из трех-четырехугольников – скорее всего, знак собственности, а надпись называет имя собственника земельных владений, на границе которых, вероятно, находился камень.

Более подробные надписи, называющие владельцев и объясняющие назначение камня, вырезаны на межевом камне в XIV в., найденном в Изборске (*Седов В.В.*, 1974. С. 262–264). На камне вырезаны две прямоугольные рамки, в одной из них – слово "мезя" (межа), в другой **"наса ѪѦСТЬ Воротькова"** (нача часть, Воротькова). Камень, очевидно, обозначал границы земельных владений человека по имени Воротько в окрестностях Изборска.

Подводя итоги краткому обзору монументальных надписей, отметим, что уже с XI в. они служили как религиозно-нравственным и политическим целям, так и

сугубо практическим интересам княжеской власти и земельных собственников, торговли и купечества. Непременное условие такого использования письменности – достаточно широкое распространение грамотности.

Кратко суммировать принципы датировки надписей можно так:

1. Прежде всего, необходима датировка палеографическая с проверкой и уточнением по уже датированным памятникам эпиграфики, с привлечением в качестве аналогий надписей, близких по стилю, способу исполнения и месту нахождения.

2. Палеографическая датировка должна быть проверена данными по истории русского языка.

3. Стратиграфически.

4. Типологически и стилистически.

5. Исторически.

Конечно, не всегда можно датировать надпись по всем перечисленным выше пунктам, но всегда нужно стремиться привлечь для датировки как можно более широкий круг сопоставлений, основывая свое заключение не на одном признаке, а на многих. В.Н. Щепкин высказал главный принцип датировки рукописей и надписей: "Суждение по совокупности примет дает поправки, так как одни приметы могут содержать архаизмы, а другие – напротив того – новшества. Из примирения примет вытекает средняя, т.е. истинная дата" (*Щепкин В.Н.*, 1913. С. 212). Этот принцип остается верным до сего дня.

Писала (стилосы, стили). Помимо прямых свидетельств грамотности – надписей на различных предметах, – существуют косвенные, не менее убедительные. Это, прежде всего, так называемые писала (табл. 90). Впервые на них обратил внимание и определил их назначение как орудий письма по восковым дощечкам Б.А. Тимощук (*Тимощук Б.А.*, 1956. С. 155–159). Обязательное для таких инструментов наличие двух рабочих частей – острия и щитка (лопаточки) – и полное сходство с античными и средневековыми стилями не оставляют сомнения в их назначении.

А.Ф. Медведеву принадлежит первая сводка писал, их типология и хронология, основанная на обширной новгородской коллекции, имеющей точную стратиграфическую дату (*Медведев А.Ф.*, 1960. С. 63–88). А.Ф. Медведев также предположил и экспериментально доказал, что подобными инструментами пользовались не только для письма по воску, но и по бересте. Предполагают также, что металлические писала использовались для выцарапывания надписей на стенах.

Писала представляют собой стержни (8–16 см длиной) с заостренным концом и почти обязательной лопаточкой на противоположном конце стержня. Чаще всего встречаются писала железные, реже – бронзовые и костяные. Почти всегда писала имеют украшения – в основании лопаточки стержень имеет утолщение – яблоко или ряд валиков; лопаточки украшали иногда фигурной резьбой, инкрустацией. Иногда железные писала покрывались бронзой или серебристой полудой. Форма лопаточки очень разнообразна, именно она и была положена в основу классификации А.Ф. Медведевым как характерный хронологический признак. К выделенным 15 типам можно добавить 16-й и в некоторых случаях уточнить время их бытования за счет новых находок (табл. 90).

Тип 1 (табл. 90, *1,2*). Костяные писала с лопаточкой в форме прямоугольника или трапеции, иногда в центре трапеции просверлено отверстие. Это древнейший тип писал, все они датируются второй половиной X – первой половиной XI в. (24–28 ярусы). Берестяных грамот этого времени до сих пор не найдено.

Тип 2 (табл. 90, *3–4*). Железные и бронзовые писала с лопаточкой в виде обычной закругленной лопаты. Иногда по бокам лопаточки – неглубокая выемка. В Новгороде такие писала встречены в слоях 19–23 ярусов (вторая половина XI – середина XII в.).

Тип 3 (табл. 90, *5–6*). Железные и бронзовые писала с лопаточкой в виде широкого бокальчика. Новгородские находки относят к XI – второй половине XIII в. (22-13 ярусы).

Тип 4 (табл. 90, *7–8*). Представлен писалами с широкой лопаточкой с зубчиками по краям и является дальнейшим усложнением писал типа 2. Найдены в Новгороде, в тех же строительных ярусах (18–22), т.е. второй половины XI – середины XII в. Строго говоря, типы 2 и 4 являются вариантами одного и того же типа, близкими по форме и времени бытования.

Тип 5 (табл. 90, *9–10*). Выделены А.Ф. Медведевым по сложной форме лопаточки с крестообразной прорезью. В Новгороде писало этого типа (табл. 90, *9*) найдено в слоях 20-го яруса – первые десятилетия XII в.; второй вариант этого типа А.Ф. Медведев предположительно отнес к более позднему времени – XII – первой половине XIII в., что и подтверждено находкой аналогичного писала в Волковыске, в селах того времени (*Гуревич Ф.Д.*, 1973. С. 30).

Тип 6 (табл. 90, *11–12*). Лопаточка имеет форму остроребёрного бокальчика, узкого в перехвате, сильно расширяющегося к лезвию. В Новгороде писало этого типа найдено в слое 16-го яруса (рубеж XII–XIII), в других пунктах датируется XII или XII–XIII вв.

Тип 7 (табл. 90, *13*). Лопаточка имеет форму узкого, изящного бокальчика с расширяющимися краями. Это один из самых распространенных типов древнерусских стилей. В Новгороде период их бытования – первая половина XII – вторая половина XIII в. (21–22-й ярусы), такие же даты дают находки стилей этого типа в других городах Древней Руси. Особенно часты их находки в слоях XII – первой половины XIII в. (*Медведев А.Ф.*, 1960. С. 76; *Гуревич Ф.Д.*, 1973. С. 28, 29). Очевидно, и предыдущие типы 6 и 7 также являются вариантами одного и того же типа, о чем говорит и близкая их форма, и единое время бытования.

Тип 8 (табл. 90, *14–15*). Лопаточки писал этого типа вместе со стержнем образуют форму буквы Т, а иногда – сечки или секиры. Это одна из наиболее распространенных форм писал для Новгорода второй половины XII и всего XIII в. Аналогичные писала в Польше относят к XIV–XVI вв., а экземпляр из Минска – к XI в. Правильнее дата бытования, полученная по новгородским находкам. Новые экземпляры стилей этого типа найдены в Новгороде и в более поздних слоях. Дату бытования писал типа 8 на Руси можно расширить до рубежа XIII–XIV вв.

Тип 9 (табл. 90, *16*). К нему принадлежат писала довольно редкой формы. Лопаточка писал этого типа пятиугольна. На основании находок в Новгороде (1 экзем-

ляр), Киеве и Ленковецком городище А.Ф. Медведев отнес этот тип к XII – первой половине XIII в. Новгородская находка по новой датировке относится к середине XIII в. (13–14-й ярусы – 1238–1281 гг.).

Тип 10 (табл. 90, *17–18*). Имеет лопаточку овальной формы со срезанным верхом и прямым лезвием, с прямоугольными крылышками. В Новгороде до 1960 г. было найдено шесть экземпляров этого типа, причем один из них, в кожаном чехольчике, для привешивания к поясу. Это также один из характерных для Новгорода типов. Датируются эти писала, по современным данным, – с первой половины XIII до второй половины XIV в. включительно.

Тип 11 (табл. 90, *19–20*). Лопаточки писал этого типа имеют форму вытянутого треугольника, боковые стороны украшены зубчатыми вырезами. По Новгородским находкам эти писала датируются концом XII и XIII вв.

Тип 12 (табл. 90, *21*). Этот тип писал имеет лопаточку с прямым лезвием и выпуклыми, плавно переходящими в стержень сторонами. Иногда лопаточка украшена тремя отверстиями. Время бытования в Новгороде 13–10 ярусы, т.е. вторая половина XIII – первая половина XIV в.

Тип 13 (табл. 90, *22*). Небольшие писала с лопаточкой простой треугольной формы. В Новгороде такие писала встречены в слоях от середины XIII до середины XIV в.

Тип 14 (табл. 90, *23*). Выделен А.Ф. Медведевым по единственному экземпляру из Новгорода, найденному в слоях яруса 6 (1396–1409). Лопаточка с перехватом и тремя отверстиями, расположенными в два яруса. В 1963 г. на Ильинском раскопе в Новгороде найден еще один аналогичный экземпляр (№ 9/13) в слое с дендрохронологической датой 1302–1319 гг. Следовательно, по двум находкам время бытования писал этого типа определяется от начала XIV до рубежа XIV–XV вв.

Тип 15 (табл. 90, *24*). Этот тип писал не имеет лопаточки для разглаживания воска и, следовательно, был предназначен для писания по бересте. Это стержни длиной 14–16 см, граненые с граненой же головкой на верхнем конце. По Новгородским находкам А.Ф. Медведев время появления этих стилей отнес к концу XIV в., а время бытования – до XVI в. Но в 1965 г. в Новгороде, на Ильинском раскопе, найден аналогичный стиль (№ 146) в слоях с дендрохронологической датой 1233–1254 гг. В 1967 г. при раскопках Устюженского городища среди материала XI–XII вв. также найден стиль этого типа (*Никитин А.В.*,) 1967. С. 114–118). Последняя находка, конечно, не имеет такой четкой стратиграфической даты, как новгородские. Но даже на основании новой находки в Новгороде следует удревнить время бытования этого типа, по крайней мере до середины XIII в.

Тип 16. Существует еще один тип орудий для письма по воску, лопаточка которых имеет утолщение – валик по краю рабочей поверхности. Этот валик очень удобен для разглаживания. Известно пока всего лишь несколько экземпляров этого типа: два происходят из Новгорода (№ 397/54 и 398/110, найдены в 1963 г. на Ильинском раскопе) и один из Водянского городища на Волге (*Полубояринова М.Д.*, 1978. С. 85). Новгородские стили найдены в слоях второй половины XIII – рубежа XIII–XIV вв. Писало из Водянского городища не имеет четкой стратиграфической даты, так как найдено в подъемном материале. Так как материал Водянского городища датируется в основном концом XIII–XV вв., то, скорее всего, и дата писала с этого городища соответствует датам новгородских находок.

Нельзя не отметить, что 16 типов писал с лопаточкой для разглаживания – это лишь часть орудий для письма, на самом деле количество стилей должно быть значительно больше, так как письмо по бересте, на стенах, на различных предметах не требовало наличия лопаточки. Для этих целей, помимо стилей с лопаточкой, могли использоваться и другие острия, которые мы сейчас не можем распознать, – булавки, шилья, гвозди и ножи.

А.Ф. Медведев приводит данные о том, что орудия письма называли "писалами". Этот термин зафиксирован в источниках, связанных с Новгородом начиная с середины XI в. Так как орудием для письма по бумаге и пергамену были перья (на это указывает сам характер письма и многочисленные приписки на полях), мы вправе отнести название "писало" к стилям, орудиям для письма по воску и бересте.

Уместно напомнить, что историкам письма давно известно по надписям на полях рукописей название еще одного орудия письма – "шильце". Это притупленное острие, металлическое или костяное, которым разлиновывали пергамен (*Щепкин В.Н.*, 1971. С. 38).

Очевидно, одни и те же шильца и писала использовали для письма по воску или бересте и для разлиновки пергамена. Дожившая до наших дней поговорка "шильце с рыльцем", означающая неразрывную связь двух предметов, на современный взгляд не совсем понятная, возможно, происходит от орудия письма – стиля, в котором неразрывно соединено шильце – острие и рыльце – лопата, лопатка.

Церы. Во влажном культурном слое Новгорода, хорошо сохраняющем органические остатки, найдены и сами церы – дощечки, покрытые слоем воска, по которому писали стилями (табл. 91). Восковые таблички, как и стили, были широко известны и в античное время и в средневековье. Они преимущественно использовались как материал для кратковременных записей. После того как записи становились ненужными, воск разглаживали обратной стороной стиля, таким образом одна табличка использовалась много раз. Дороговизна пергамена, а потом и бумаги была причиной, по которой дощечки, покрытые воском, или "вощечки", получили широкое распространение во всем средневековом мире. Церы не изменили своего облика в Древней Руси. Из новгородских раскопок происходит несколько таких дощечек. Обычно это прямоугольные, высотой 13–16 см и шириной около 9 см дощечки с узкими бортиками, имеющие неглубокую выемку для заполнения воском. По всему донышку выемки делалась насечка из штрихованных линий для лучшего сцепления воска и дерева. Для обеспечения сохранности записей к каждой дощечке полагалась крышка такого же размера. В бортиках – два отверстия для соединения с крышкой и одно – для завязывания "блокнота" тесемкой. Древнейшая из таких дощечек найдена в Новгороде в слоях первой половины XI в. (*Медведев А.Ф.*, 1960. С. 82). Иногда верхняя поверхность церы украшали резьбой. Подобная церa XI в. найдена в слоях конца XI в. (табл. 91, *1*), она прямоугольной

формы (размеры – 16,3 × 9,5 см), верхняя сторона покрыта плоскорельефной резьбой, такой же резьбой покрыты ее торцы (*Колчин Б.А.*, 1971. С. 18. Табл. 6, 2–3). Иногда церы имеют более сложную форму и орнамент. Например, цера, найденная в слоях середины XIII в. (размеры – 14,7 × 6,1 см), прямоугольная с округлым верхом, украшена сложным плетеным узором (Там же. С. 18). Как и в Западной Европе, церы на Руси состояли или из двух створок (диптихи), как вышеупомянутая, или больше – триптихи и т.д.

На внешней стороне одной из дощечек, найденной на Неревском раскопе, в слоях первой половины XIV в., имеющей форму вытянутого вверх пятиугольника размером 18 × 17 см и толщиной около 1 см, вырезана вся азбука, от Ⱑ до Ѧ (*Арциховский А.В., Борковский В.И.*, 1958. С. 79–82).

А.В. Арциховский высказал мысль, что эта дощечка с азбукой употреблялась для обучения грамоте. Действительно, общедоступные дощечки, на которых легко исправить написанное и которые можно использовать практически бесконечно, чрезвычайно удобны для обучения письму. Находка дощечки с азбукой – прямое доказательство такого назначения цер. Именно тем, что школьники обучались письму в основном на восковых дощечках, исследователи объясняют редкость берестяных грамот со школьными упражнениями (*Янин В.Л.*, 1975. С. 57).

В Западной Европе церы использовали не только в процессе обучения, но и для записи краткосрочных счетов, писем, квитанций, регистров городских и рыночных сборов (*Добиаш-Рождественская О.А.*, 1936. С. 26, 27). От античного времени известны клады восковых дощечек, на которых записаны тексты торговых сделок, арендных договоров. Таким образом, назначение цер – гораздо шире, чем просто учебных пособий.

Очевидно, и в Древней Руси церы использовали для тех же целей. О писании на досках есть упоминания и в летописях, и в сводах законов. Еще М.Н. Тихомиров доказал, что доски – это письменные документы (*Тихомиров М.Н.*, 1953. С. 51–66). Позднее их стали объяснять как частные акты, расписки, долговые обязательства, вырезанные на бересте или лубе, на настоящих досках (*Арциховский А.В.*, 1955. С. 15; *Медведев А.Ф.*, 1960 С. 82).

В последнее время опубликованы сведения о находке в Новгороде в слоях XII–XV вв., семи плоских дощечек с зарубками на их ребрах и краткими записями (*Колчин Б.А., Янин В.Л.*, 1982. С. 103). Авторы публикации склонны именно к таким записям относить термин "доска". Насколько можно судить по описанию, это обычные счетные бирки, где количество зарубок объясняется еще и текстом. Возможно, что юридический термин "доска", помимо берестяных грамот, включал и такого рода документы. Как мы можем заключить из письменных документов, доски – долговые записи были явлением широко распространенным.

Записи на восковых дощечках отнюдь не были такими недолговечными, как принято думать: наличие второй и более створок обеспечивало сохранность записанных на воске текстов. Эти записи могли храниться гораздо дольше, чем записи на бересте. Очевидно, самой процедурой составления долговых записей обеспечивалась их правильность и сохранность (например, церы можно было запечатывать – достаточно вспомнить наличие трех обязательных отверстий).

Аналогии со средневековыми и античными церами, которые использовали и для долговых записей, возможность хранить запись желательное время, легкость письма по воску, как и само название, позволяет считать церы неофициальными долговыми записями древнерусских летописей и юридических документов. Конечно, это не исключает того, что "досками" в более широком смысле могли называть и долговые записи на другом материале, но, очевидно, свое название документы такого рода ведут от записей на восковых табличках, или церах (*Медынцева А.А.*, 1985). Наиболее ранние орудия письма – стили, или писала, и церы относятся ко второй половине X – началу XI в., т.е. к тому времени, от которого рукописей до сих пор не найдено, надписи же крайне редки. Они являются фактическим подтверждением немногочисленных сведений письменных источников о письменности на Руси в это раннее время.

Глава 9
Амулеты

С конца X в. христианство стало официальной религией Древней Руси, однако пережитки язычества в сознании, обрядах и обычаях народа сохранялись в течение многих веков (*Рыбаков Б.А.*, 1981). Одним из доказательств этого является языческая символика народных, преимущественно женских украшений X–XIV вв. Семантике и магическому назначению таких украшений-подвесок посвящен ряд работ (*Рыбаков Б.А.*, 1932; 1948; 1953. С. 399–404; 1971; *Даркевич В.П.*, 1960. С. 56–67; 1961. С. 94–102; *Журжалина Н.П.*, 1961. С. 122–140; *Успенская А.В.*, 1967. С. 88–132; *Седов В.В.*, 1982. С. 266–268).

На восточнославянском археологическом материале удалось выявить амулеты трех групп: амулеты, связанные с космогоническими верованиями, с заклинательной магией и культом животных.

Подвески первой группы можно разделить на две подгруппы: 1) амулеты, связанные с культом Перуна; 2) амулеты с солярными и лунарными символами.

Подвески, соотносимые с культом Перуна, широко распространены. У многих народов мира с такими явлениями природы, как гроза и молния, связано почитание "громовых стрел", к которым относили белемниты, каменные стрелы и топоры.

В одном из владимирских курганов, а также в погребении, раскопанном А.С. Уваровым на Сарском городище в Ярославской области, найдены белемниты, положенные покойному в качестве амулета. Известны также древние изделия из кремня, носившиеся как подвески и также имевшие значение амулетов. Примером может служить кремневая стрелка, тупой конец которой заключен в серебряную зерненую оправу с петлей, найденная в б. Каневском уезде Киевской губернии (табл. 92, *30*). При раскопках Белоозера обнаружена аналогичная стрелка в биллоновой оправе (табл. 92, *34*). Еще в конце XIX в. белорусские крестьяне приписывали этим предметам магические свойства.

По свидетельству Прокопия (VI в.), главный бог у славян – творец молний. Славянское имя этого божества Перун. Культ Перуна – бога грозы и дождя, засвидетельствован почти у всех славян; особенно ярко его следы сохранились в язычестве восточных славян. У скандинавов богом грозы и молний был Тор. С культом Тора связаны железные подвески – молоточки, широко известные по находкам в Скандинавии, Финляндии, Прибалтике. В конце IX–X вв. скандинавскими дружинами такие подвески были занесены в Ярославское Поволжье; есть они и в Гнездовских курганах. В Древней Руси известны аналогии этим "молоточкам Тора" – миниатюрные железные, бронзовые иногда свинцовые топорики-подвески. Некоторые из них орнаментированы концентрическими кружками и зигзагообразными линиями, в которых исследователи видят символы солнца и молнии. Наиболее ранняя находка происходит из погребения 110 на усадьбе Десятинной церкви в Киеве (*Каргер М.К.*, 1958. С. 174–176, 201–205. Табл. XVI, 10). Это погребение мальчика, которое по разнообразию, богатству инвентаря и способу захоронения в срубе относится к числу дружинных. Погребение совершено до постройки церкви (989 г.); по вещам и дирхемам-подвескам чеканки 911–912 гг. оно может быть отнесено к середине X в. Миниатюрный топорик – железный (табл. 92, 42). Местоположение амулета в погребении неизвестно.

Следующие находки таких топориков также связаны с мужскими погребениями X–XI вв. Здесь эти миниатюрные подвески, являясь символами боевого оружия, занимали традиционное для последнего место – сбоку или в ногах покойного. Так, в кургане 1985 г. у д. Городище Владимирской губернии топорик-подвеска с остатками деревянной рукояти (табл. 92, *40*) лежал у правой бедренной кости скелета. На груди покойного был бракteат саманидского дирхема. При раскопках Н.А. Макарова на северном берегу Белого озера (р. Кема) в 1981, 1982 и 1984 гг. топорики-амулеты обнаружены в четырех славянских погребениях XI в. (мальчиков и юноши 17–19 лет). Подвески лежали у бедренных костей или в ногах, всегда в единственном числе (*Макаров Н.А.*, 1982. С. 25; 1983. С. 20; 1985). В XI–XII вв. топорики-амулеты встречались и в женских погребениях (*Успенская А.В.*, 1967. С. 119). Они найдены вместе с другими амулетами и определенного места в погребении не занимали. В женском погребении марийского могильника XII–XIII вв. топорик находился вместе с бусами, в ожерелье (*Архипов Г.А.*, 1986. Рис. 18, 21). Найдены также подвески-топорики на селищах (Грехов ручей – под Угличем, у сел. Яблоново и Липлява Полтавской области), но чаще они встречались на городищах: Старая Рязань, Княжая гора, Вышгород, Торговицкое городище в Посулье (*Моргунов Ю.Ю.*, 1982. Рис. 2,4), городище на р. Менке – предшественнике Минска (*Штыхов Г.В.*, 1978. Рис. 28, 16).

Можно предполагать, что производство этих подвесок началось в X в. в Киеве, где найдено еще два экземпляра топориков, в том числе уникальный топорик из свинца, орнаментированный кружками, зигзагами и параллельными линиями. Топорик воспроизводит один из древнейших типов древнерусских топоров с массивным широким лезвием и выемкой с внутренней стороны (*Боровский Я.Е.*, 1982. С. 83). В XI в. производство таких топориков-оберегов стало серийным; появились стандартные формы в виде широколезвийных секир, отливавшихся из бронзы (табл. 92, *37, 38, 40, 41*). Подвески-топорики найдены в слоях XI в. в Новгороде, Дрогичине, Суздале. На территории Древней Руси известно 26 находок (рис. 22). Единичные экземпляры найдены в Саркеле, Белярске; в Латвии, Литве, Польше, Финляндии, Швеции, Дании.

В эпоху первых киевских князей культ Перуна приобрел дружинный воинский характер. Олег, Игорь и Свя-

© Л.А. Голубева

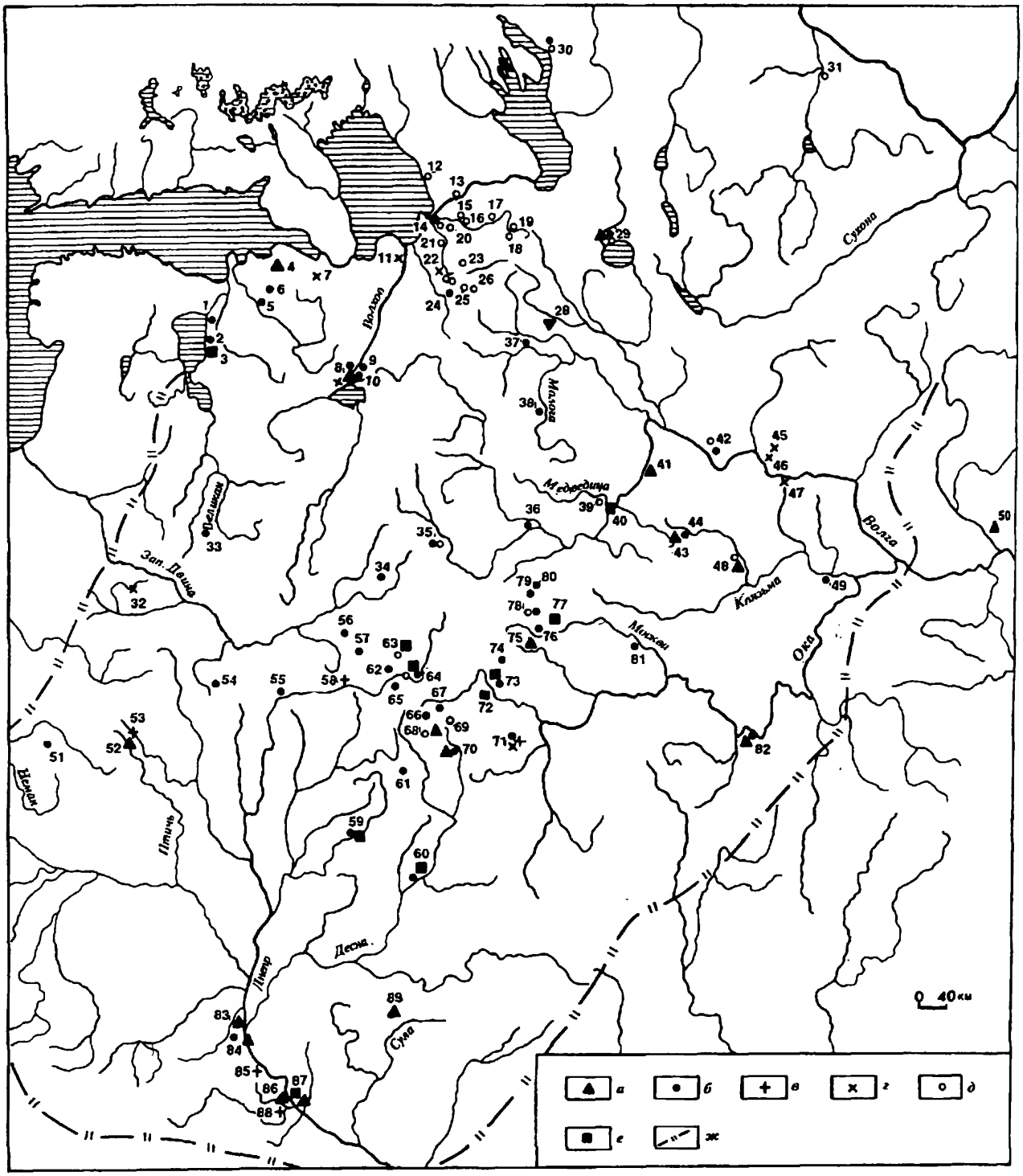


Рис. 22. Карта подвесок-амулетов X–XII вв., связанных с космогоническими представлениями, аграрной и заклинательной магией (составлена *Л.А. Голубевой* и *Н.А. Макаровым*): а – подвески-топорик; б – подвески-ложечки; в – подвески-мечи; г – подвески-ножны; д – подвески-ключи; е – подвески-гребни; ж – граница Руси XII–XIII вв. *1* – Павлов Погост; *2* – Калихновщина; *3* – Залахтовье; *4* – Рутилицы; *5* – Городня; *6* – Беседа; *7* – Вопша; *8* – Новгород; *9* – Деревяницы; *10* – Нередица; *11* – Старая Ладога; *12* – Рабола; *13* – Негежма; *14* – Кузнецы-Чалых; *15* – Новинка; *16* – Шангеничи; *17* – Акулова гора; *18* – Алеховщина; *19* – Гайгово; *20* – Никольщина; *21* – Сямиега; *22* – Горка; *23* – Звозерье; *24* – Овино; *25* – Ильино; *26* – Новосельск; *27* – Вина-Гора; *28* – Новинки II; *29* – Никольское III; *30* – Челмужи; *31* – Воскресенское; *32* – Браслав; *33* – Останец; *34* – Угрюмово; *35* – Низинки; *36* – Дуденево; *37* – Кабожа; *38* – Сарагожа; *39* – Хрипелово; *40* – Медведь; *41* – Грехов ручей; *42* – Воздвиженское; *43* – Городище; *44* – Исаково; *45* – Елкатово; *46* – Федулово; *47* – Обабково; *48* – Суздаль; *49* – Ярополч; *50* – Выжумский; *51* – Новогрудок; *52* – Менка; *53* – Минск; *54* – Лукомль; *55* – Грязивец; *56* – Саки; *57* – Елисеево; *58* – Гнездово; *59* – Влазовичи; *60* – Кветунь; *61* – Сукромля; *62* – Мизиново; *63* – Новоселки; *64* – Харлапово; *65* – Мутышино; *66* – Хотнежец; *67* – Акулин Бор; *68* – Коханы; *69* – Суборовка; *70* – Колчино; *71* – Серенск; *72* – Климово; *73* – Бочарово; *74* – Паново; *75* – Митяево; *76* – Шишимрово; *77* – Волково; *78* – Палашкино; *79* – Елизарово; *80* – Жилые Горы; *81* – Брашево; *82* – Старая Рязань; *83* – Вышгород; *84* – Киев; *85* – Девич-Гора; *86* – Княжая гора; *87* – Леплява; *88* – Сахновка; *89* – Торговицкое

тослав с дружиной при заключении договоров с греками клялись Перуном – богом своим. Перед идолом Перуна дружина приносила клятву на обнаженных мечах. Именно к воинскому аспекту культа Перуна относятся подвески-амулеты в виде мечей. Наиболее ранняя подвеска найдена в дружинном погребении по обряду трупосожжения в ладье (X в.) в кургане 47 лесной группы Гнездова. Подвеска железная с серебряным ушком (табл. 92, *32*).

Остальные известные подвески – бронзовые. Они стандартны; отверстие для подвешивания расположено в центре клинка. По архаичной форме рукояти А.В. Успенская датировала бронзовые мечи-амулеты концом X–XI вв. (*Успенская А.В.*, 1967. С. 119). Однако при раскопках детинцев Суздаля (*Седов В.В.*, 1969. С. 74) и Серенска (*Никольская Т.Н.*, 1981. Рис. 8, 9, 4), Минского займища (*Загорульский Э.М.*, 1963. С. 83) и Киева (*Боровский Я.Е.*, 1982. С. 88) подвески-мечи обнаружены в культурных слоях XII в. Вероятно, этим же временем следует датировать две подвески с городища Сахновка (табл. 92, 31, 35) и одну, найденную на городище Девичгора (Археологія Українськоі РСР, 1975. Т. III. С. 359. Рис. 91,8). Топография находок позволяет предположить, что и в XII в. подвески-мечи являлись амулетами воинов-дружинников (рис. 22).

Подвески, связанные с солярным культом, имеют форму круга, креста, креста в круге, колеса и т.п. Все эти изображения у многих народов мира с древнейших времен являлись символами солнца. Круг отождествлялся с формой солнечного диска. Поэтому круглые (без орнамента) подвески уже сами по себе могут рассматриваться как солярные символы. Такие подвески носили обычно в ожерелье по нескольку штук. Иногда ими украшалась нижняя часть одежды. Особенно часто эти подвески встречаются в курганных погребениях вятичей и смоленских кривичей, но они попадаются и в северо-западных и северо-восточных районах Древней Руси. Известны сотни таких подвесок. Дата их – XI–XIII вв. Часто круглые подвески несли орнамент в виде креста. Крест – древнейший символ огня земного и огня небесного – солнца. Сочетанием креста и круга в различных композициях образуются основные солярные символы. В XI–XII вв. известны выпуклые круглые подвески с рисунком креста, выполненным ложной зернью (табл. 92, *29*). Такие подвески были распространены главным образом у вятичей и смоленских кривичей. На прорезных подвесках из славянских курганов встречаются различные изображения креста: простого (табл. 92, *20, 23*), косого (табл. 92, *18*) с перекладинами (табл. 92, *17, 19*); креста, заключенного в двойной круг (табл. 92, *27*). Последние подвески имели широчайший ареал. В XII–XIII вв. они известны на всех землях, где к этому времени расселились восточные славяне.

На некоторых подвесках встречается усложненный рисунок креста с несколькими лучами – колеса. Колесо – солнечный символ. Им с древнейших времен выражалась идея перемещения солнца по небосводу (табл. 92, *21*). Изображенное на подвесках "сегнерово колесо" с загнутыми в одну сторону спицами (табл. 92, *16*) также связано с образом катящегося солнечного колеса. К солнечным символам относятся и изображения многолучевой розетки (табл. 92, *24*) и спиралей (табл. 92, *10*).

Подвески-крестики, распространенные в курганах Древней Руси, часто лишь формально относились к христианскому культу. Захоронение под курганной насыпью уже само по себе противоречило христианской догме. В таких погребениях крестики часто находят по нескольку штук в ожерелье (табл. 92, *5*), где они выполняли декоративную и охранительную функцию. Нередко крестики носили на одной цепочке с другими амулетами (коньками, зубами зверя, ложечками и др.), свидетельства чему найдены в курганах радимичей XI в. Еще в XII в. влияние христианства в сельских местностях европейского Севера было весьма ограниченным. Так, у белозерской веси XII в. в женском погребении у д. Зворыкино Вологодской области было найдено ожерелье из крестиков, образков, лунниц и крестопрорезных подвесок. В женском погребении у д. Погостище той же области круглые образки с петлями были прикреплены сзади к головному убору.

Разнообразны и многочисленны подвески-лунницы, в которых отразилось поклонение луне. Древнейшие – широкорогие, штампованно-филигранные, датируются X–XI вв. Они выполнены из серебра и найдены как в погребениях, так и в кладах (табл. 92, *9,15*). Находки их связаны с крупными городскими центрами, их окрестностями и речными магистралями. Подражаниями этим дорогим изделиям, распространенным главным образом среди феодальной знати, явились лунницы из бронзы или биллона с имитацией филиграни. Такие украшения были доступны женщинам всех слоев населения Древней Руси. Они встречены повсеместно и датируются концом X – началом XI в. – первой половиной XII в. В XI–XII вв. входят в моду узкорогие лунницы (табл. 92, *2*), отличавшиеся разнообразием орнамента и размеров. Интересны также подвески-лунницы с крестом (табл. 92, *4*). Особый тип представляют круглые прорезные подвески, в центре которых помещены изображения лунницы и креста (табл. 92, *22*). Такие подвески были особенно распространены на вятической земле в XII–XIII вв. Эти типы лунниц представляют собой единый солярно-лунарный символ. В языческих представлениях солнце как женское начало, а месяц как мужское являются космической брачной парой и покровителями супружества. Солнце и луна благоприятствовали жизни, здоровью и благополучию человека; отсюда охранительное значение их символов на подвесках – оберегах.

Подвески, отражавшие космогонические представления славян, по своему происхождению связаны с аграрной магией. Славяне-земледельцы придавали важнейшее значение стихийным силам природы (солнцу, грозе, дождю). Поэтому и в декоративно-прикладном искусстве славян символы небесных сил сохраняли свое магическое значение и после принятия христианства.

Амулеты заклинательной магии имеют вид миниатюрных предметов быта: ложек, ковшей, ключей, гребней, ножен, игольников. Часто в погребениях они встречаются вместе или в сочетании с другими амулетами: зооморфными подвесками, клыками животных и др. Обычно их прикрепляли к цепочкам, служившим нагрудным, плечевым или поясным украшением. Найдены они только в женских погребениях. Состав наборов из

бытовых амулетов и способы ношения различны. В славянских землях, на территории Смоленской, Брянской, Калужской областей, бытовали короткие цепочки, иногда присоединенные к арочной подвеске с петлями. К нижним концам этих цепочек и крепили подвески-амулеты (табл. 93, *12–14*). Такие арочные "цепедержатели" носили обычно на груди. В северных областях и в Приладожье, помимо ложечек и ключей, в набор подвесок-амулетов входили также бронзовые копоушки, игольники. Часто эти амулеты подвешивали к длинным нагрудным цепочкам, которые крепились к одежде парными пряжками. Изготовляли эти подвески из бронзы. Наборы бытовых амулетов характерны для сельского населения Древней Руси.

Наиболее распространены подвески-ложечки. Они являлись символом благосостояния, сытости. В погребениях они найдены не только в наборе с другими амулетами, но и отдельно. Отдельные экземпляры ложечек найдены на поселениях (рис. 22), например, в Новгороде найдены четыре ложечки в слоях с конца X – до середины XII в. (*Седова М.В.*, 1978. С. 20. Рис. 7, 12). В Киеве (*Боровский Я.Э.*, 1976. Рис. 7), Серенске (*Никольская Т.Н.*, 1981. С. 235), Новогрудке (*Гуревич Ф.Д.*, 1981. Рис. 2, 14), Лукомле (*Штыхов Г.В.*, 1978. Рис. 17, 20), Ярополче (*Седова М.В.*, 1978. С. 82. Табл. 6,11), Старой Рязани – ложечки-амулеты обнаружены в слоях XI–XII вв. Различаются ложечки продолговатые (табл. 93, *13*) и круглые (табл. 93, *20, 23, 26*); последние более распространены. Рукоятки ложечек иногда орнаментированы плетенкой, кружочками и имеют отверстие для подвешивания (табл. 93, *23, 20*). Уникальна привеска-ложка из женского погребения у д. Кветунь Брянской области, рукоять которой выполнена в виде человеческой фигуры в плаще (табл. 93, *30*). Известно 69 пунктов находок ложечек-амулетов (рис. 22). Самые восточные – в Кемском некрополе на северном берегу Белого озера. Здесь в трех женских погребениях найдены три такие ложечки вместе с монетами второй половины XI в. Все амулеты-ложечки были подвешены к поясу (*Макаров Н.А.*, 1984. С. 20).

Подвески в виде ковшичков (табл. 93, *21, 22, 24–25, 27*) также являлись символами благосостояния. Они найдены в восьми женских погребениях Смоленской, Московской, Калининской областей (*Успенская А.В.*, 1967. С. 95) и в одном Гомельской области (*Богомольников В.В.*, 1982. С. 34). Дата – XI–XII вв.

Подвески-ключи – символы богатства и его охраны. Единичные находки их обнаружены в курганах Калининской, Московской, Смоленской областей (табл. 93, *12, 13*) в наборе подвесок-амулетов. Отдельные экземпляры происходят из поселений (Серенск, Торопец) (рис. 22). В Приладожье и Обонежье ключи – характерная принадлежность женских погребений веси XI–XII вв. Они встречаются по 3–5 штук в погребении. По форме они отличны от славянских и близки к прибалтийским образцам (табл. 94, *8*). Известен 31 экземпляр. Еще две самые восточные находки сделаны на северном берегу Белого озера и в Корбальском могильнике на р. Ваге в низовьях р. Кемы (*Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А.*, 1984. Рис. 5,5).

Подвески-ножны встречены в наборах с другими амулетами в курганных погребениях Калужской, Московской, Смоленской областей (рис. 22). Они миниатюрные, плоские, отлиты из бронзы в односторонних формах, датируются XI–XII вв. (табл. 93, *13, 14, 19*) (рис. 22).

В XII в. в курганах Калужской, Новгородской и Ленинградской областей появляются немногочисленные игольники в виде ножен (табл. 92, 39). Они полые, круглые в сечении; отлиты в двусторонних литейных формах. Принадлежат к типу вертикальных игольников со щитком (*Голубева Л.А.*, 1978. С. 200–201. Рис. 2,4). Такие игольники встречены и в женских погребениях XII–XIII вв. Костромской области. В Новгороде игольники-ножны (4 штуки) найдены в слоях первой половины XII – начала XIV в. Щитки их украшены орнаментом в виде завитков и косой решетки (*Седова М.В.*, 1981 Рис. 7, 1–3). Их отливали из бронзы и оловянисто-свинцового сплава. В Серенске найдена каменная форма для отливки игольника с аналогичным новгородскому узором в виде косой решетки (*Никольская Т.Н.*, 1971. Рис 25,4).

Амулеты-игольники вырезали также из кости и рога (табл. 92, *36*). Находки из Старой Русы имеют вид двойных ножен (рис. 92, *35*). Игольник с гладким щитком найден при раскопках Браслава в горизонте XI–XII вв. (*Алексеев Л.В.*, 1966. Рис. 45, 8). Как элемент финно-угорской культуры в Приладожье и Костромском Поволжье XII–XIII вв. известны игольники горизонтальные с привесками-бубенчиками, служившими "для отпугивания зла".

В наборах амулетов как единичные находки представлены также подвески в виде миниатюрного серпа и пилки.

Амулеты, связанные с культом животных, отражают воззрения, возникшие в первобытном обществе, – прежде всего, представления о родстве определенных групп людей (рода) с почитаемым животным (тотемом). Предметом культа служили прежде всего животные, охота на которых являлась источником существования человека. У народов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Прикамья это культ медведя. У лопарей, вепсов, карел еще в XIX в. сохранялись пережитки культа лося (оленя). Культ водоплавающей птицы был известен у всех финно-угорских народов Севера Восточной Европы и Поволжья. Следы тотемизма исследователи находят у народов всех континентов.

По представлению первобытного человека, тотем обеспечивал продолжение рода, защищал обращавшихся к нему за помощью, передавал им свою силу, мудрость. Так возникла традиция носить при себе часть тотема (шкуру, когти, зубы). Впоследствии магические свойства оберега были перенесены на изображение животного (выполненное в камне, роге, металле).

Культ животных сохранялся в классовых обществах и находил отражение в развитых религиях. У славян следы тотемизма сохранились главным образом в фольклоре. Образы животных, когда-то тотемных предков, населяли мир славянских сказок. Это конь, собака, бык, медведь, волк, гусь, ворон, сокол, орел, лягушка, щука. В сказках (*Плетнева С.А.*, 1978. С. 388–398) нашла отражение и идея происхождения героя от тотема (родителями сказочных богатырей являются собака, бык, медведь). Животные сказок обычно помощники человека,

проводники, вещуны. Многие поверья и магические обряды славян, сохранявшиеся и в XIX в., были связаны с петухом и курицей.

С распадом первобытнообщинного строя тотемистические представления угасали. Однако вера в охранительную силу части тела того или иного животного или его изображения не утрачивалась.

Почитаемые животные занимали важное место в представлениях древнего человека о Вселенной. Так, народы Севера считали священных медведя, лося (оленя) обитателями неба. Мифы карелов и коми называют утку прародительницей мира. Культы быка и коня возникли позже, в эпоху производящего хозяйства. С развитием пашенного земледелия культ коня занял важнейшее место в аграрной магии, вытеснив промысловые культы (оленя, лося, медведя). Конь – символ солнца, плодородия, благополучия, был связан как с небом, так и с водой. По легенде удмуртов, крылатые солнечные кони обитали в реке. На последней стадии славянского язычества силы природы и стихий представлялись уже в виде человекоподобных существ. Однако ряд божеств имел очевидную связь с тотемическими культурами. Так, языческий бог Велес (скотий бог), вероятно, отражал тотемистический культ быка (тура). Сменивший Велеса христианский к святой Власий (покровитель животных) на иконах всегда изображался с быком. Конь был одним из символов Перуна – божества грома, молнии и дождя. Сменивший Перуна Илья-пророк также сохранил связь с конем. Его чаще всего изображали на колеснице, запряженной конями.

С расширением границ древнерусского государства славяне входили в контакты с балто- и финноязычными народами, у которых охота и скотоводство кое-где превалировали над земледелием. Язычество здесь являлось реальностью, а пережитки тотемистических представлений ощущались очень сильно. Так, у приладожской веси в X–XI вв. существовал культ водоплавающей птицы, бобра, лося (оленя). У волго-окских племен, мери и муромы, преобладал культ коня, сопровождавшийся жертвоприношениями коней и их ритуальными захоронениями. Близкое соприкосновение с этими народами и их ассимиляция способствовали живучести языческих верований и в славянской среде.

Обереги, отражающие культ животных, можно разделить на три разнообразные подгруппы. Это амулеты из зубов, когтей и костей зверей и птиц; амулеты с зооморфными изображениями; некоторые бытовые предметы с зооморфными изображениями.

По законам первобытной магии часть тела животного заменяла целого зверя (птицу) и обладала такой же охранительной силой. Поэтому клочки шерсти зверей, зубы, когти, которые было удобно носить при себе, служили человеку оберегом-амулетом. Они сохраняли магическое значение и в позднем средневековье. Так, в погребениях XV–XVI вв. Латвии находили когти и зубы медведя. Подвески, сделанные из зубов или костей животных, имели в Древней Руси широчайшее распространение. Как в женских, так и в мужских погребениях на поселениях Киевской земли часто встречались клыки кабана. Наиболее многочисленны подвески из просверленных клыков медведя (табл. 93, *31*). У славян, как и у их восточных соседей – финнов Поволжья, были чрезвычайно распространены амулеты из когтей медведя. В погребениях радимичей неоднократно находили когти медведя. В кургане с трупосожжением на Суздальщине когти медведя были положены в горшок вместе с ножом. Когти медведя – характерная находка женских погребений веси в курганах Юго-Восточного Приладожья X–XI вв.

В русском народном календаре XIX в. сохранились следы медвежьего культа. Так, 24 марта считалось праздником пробуждения медведя.

Известны также подвески из клыков волка, лисицы, собаки, куницы. Женщины носили их в ожерелье или на цепочках, прикрепленных к одежде на плече, вместе с другими амулетами и бубенчиками (табл. 93, *17*). В одном из радимических курганов XI в. подвески в виде двух волчьих клыков, двух костяных уточек и девяти бубенчиков лежали между голенями скелета. Очевидно, они были подвешены к поясу.

Часто встречаются также подвески из таранных косточек бобра (табл. 93, *19*), культового животного финно-угорских народов Севера. Амулеты из просверленных таранных косточек бобра найдены на Белоозере, Старой Ладоге, в курганах Ярославского Поволжья в X–XI вв. В двух женских погребениях Тимирязевского могильника под Ярославлем были найдены ожерелья из косточек бобра. Такие же подвески найдены и в более южных областях, например во Вщиже.

С культом бобра связаны находки глиняных изображений его лап в курганах Ярославского и Владимирского Поволжья конца IX–XI вв. Вероятно, культ бобра был воспринят и славянским населением Верхнего Поволжья, хоронившим своих покойников в одних могильниках с финским населением (*Фехнер М.В.*, 1963. С. 87, 88. Рис. 50–53). Амулетами-оберегами служили и когти птиц.

Амулеты с зооморфными изображениями делали из бронзы или сплавов меди с оловом или серебром, а также из свинцово-оловянных сплавов. Амулеты из железа и серебра крайне редки. Изготовлялись они литьем, штамповкой, плетением (филигрань), а также путем сочетания филиграни с отливкой. Есть находки редких амулетов из рога.

Амулеты представляют собой реалистические или стилизованные изображения различных птиц или животных: коня, оленя, зайца, бобра, собаки, рыбы, змеи. Это "коньковые подвески", подвески "всадница на коне" и "конь на змее", а также подвески в виде головы быка, когтя медведя, челюсти зверя. Большинство амулетов служило подвесками и имело петлю. Некоторые снабжены шумящими привесками, которые, очевидно, должны были звоном отпугивать злые силы.

Зооморфные подвески носили исключительно женщины. Положение их в погребении строго традиционно: на груди (реже – плече) или ниже пояса. Это, несомненно, связано с функциональным назначением подвесок-оберегов: защищать грудь и лоно женщины и сообщать ей плодородие. В мужских погребениях зооморфные подвески очень редки и всегда положены отдельно от покойника – в берестяном туеске или кошеле, возможно, как дар вдовы.

Значительное распространение зооморфных подвесок в среде северных и северо-восточных славян (словен

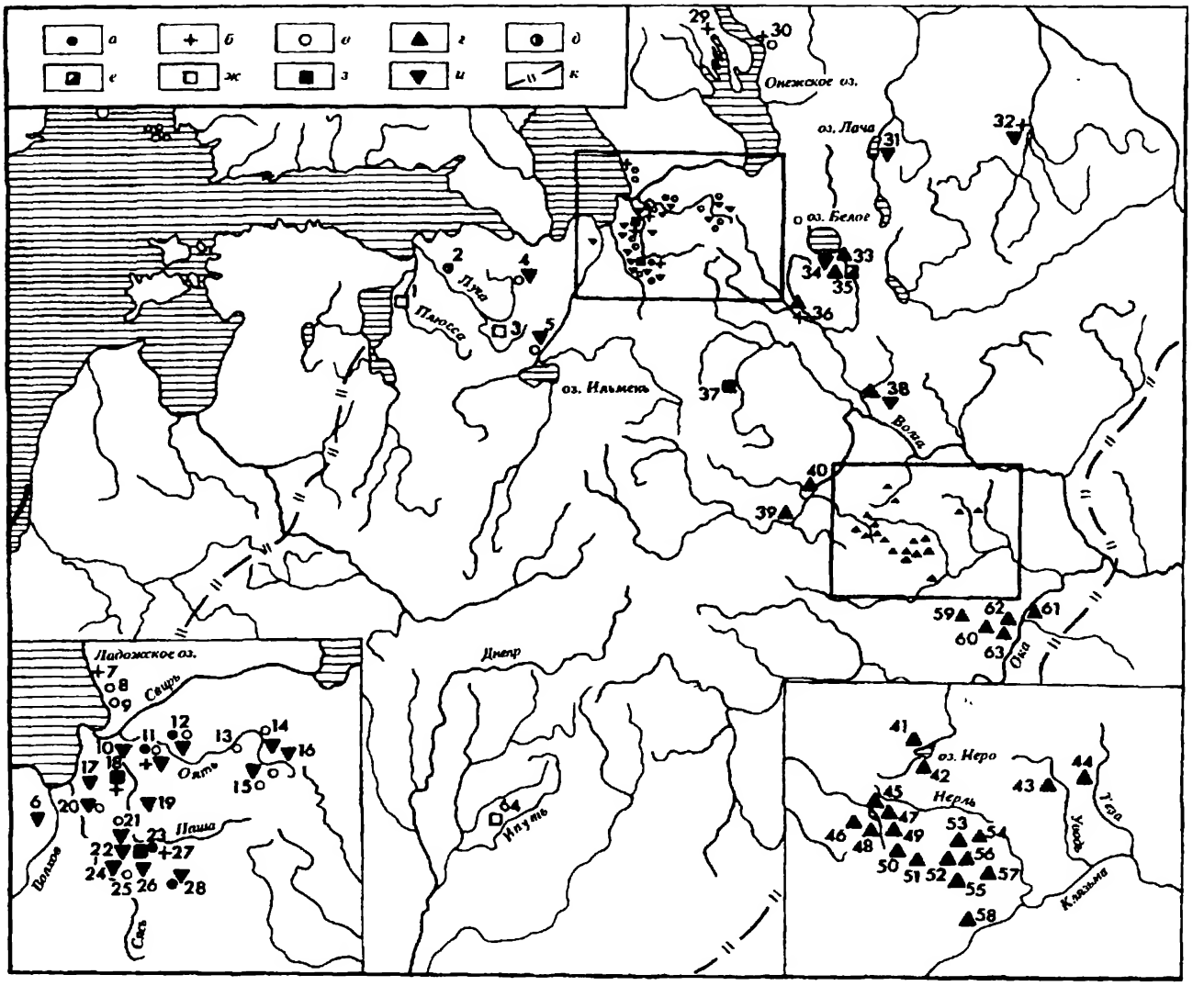


Рис. 23. Карта зооморфных подвесок-амулетов X–XI вв. (составлена *Л.А. Голубевой* и *Н.А. Макаровым*): а – подвески в виде лося; б – всадница на змее; в – полые подвески-уточки; г – плетеные коньки; д – подвеска-«собачка»; е – подвески в виде бобра; ж – коньковые подвески с привесками; з – подвески «рыбки»; и – плоские прорезные уточки; к – границы Руси XII–XIII вв.

1 – Забредняжье; *2* – Котино; *3* – Хрепле; *4* – Вырица; *5* – Новгород; *6* – Старая Ладога; *7* – Видлицы; *8* – Гиттола; *9* – Горка; *10* – Кумбита; *11* – Карлуха; *12* – Шангеничи; *13* – Яровщина; *14* – Валданицы; *15* – Нюбиничи; *16* – Гайгово; *17* – Вахрушево; *18* – Подъелье; *19* – Кириллино; *20* – Сязнега; *21* – Мергино; *22* – Залющик; *23* – Заозерье; *24* – Чемихино; *25* – Городище; *26* – Ильино; *27* – Исаков и Усадище; *28* – Галично; *29* – Кокорин; *30* – Челмужи; *31* – Попов; *32* – Аксеновская; *33* – Крохинские Пески; *34* – Белоозеро; *35* – Крутик; *36* – Никольское; *37* – Сарагожа; *38* – Зубарево; *39* – Пекуново; *40* – Посады; *41* – Кустеря; *42* – Сарское; *43* – Вознесенский Посад; *44* – Семухино; *45* – Городище; *46* – Осипов Пустынь; *47* – Большая Брембола; *48* – Веськово; *49* – Кабанское *50* – Киучер; *51* – Кубаево; *52* – Шелебово; *53* – Осановец; *54* – Давыдовское; *55* – Кестрин; *56* – Шокшово; *57* – Весь; *58* – Сунгирь *59* – Новленское; *60* – Малышево; *61* – Корниловка; *62* – Муром; *63* – Подболотье; *64* – Смялич

новгородских, тверских владимирских и костромских кривичей) обусловлено контактами с пограничными финно-угорскими народами. От них славяне заимствовали основные типы зооморфных украшений. Исключением является область радимичей, где возник местный тип подвесок с головой быка. Не связан с финно-угорским миром и другой тип подвесок – пластинчатый конек (собачка?) с загнутым вверх хвостом. Он, по-видимому, имеет смоленско-полоцкое происхождение.

Подвески-амулеты, изображавшие птиц, разнообразны. Широко распространены бронзовые полые подвески, изготовлявшиеся литьем по восковой модели. Древнейшие полые подвески изображали уточку без лапок, с планкой поперек туловища. Они известны в VI–VIII вв. в среднем течении Оки, нижнем течении Мокши и Суры, а также в Волго-Камском и Волго-Вятском междуречье – у мери, мордвы, марийцев, удмуртов. На спинке уточки отверстие, через которое пропускался ремешок. Туловище гладкое или покрыто жгутовым орнаментом, имитировавшим крылья. Уточки были племенным украшением и различались как внешне, так и по способу ношения (*Голубева Л.А.*, 1979. С. 10–17. Рис. 4. Табл. 1–2).

В X в. у орнаментированных уточек Поветлужья появляются две поперечные петли, на которых подвешивают привески в виде гусиных лапок. С территории марий-

Все такие подвески распространились в Приладожье, где в X–XI вв. стали этническим украшением (рис. 23). Здесь у подвесок петли трансформировались в продольные; появились звенья, на которые навешивали привески-лапки (табл. 94, *17, 19*). У славян такие уточки впервые встречены в Новгороде, в слое X в. (табл. 95, *16*). Дальнейшая эволюция орнаментированных уточек происходила в XII–XIV вв. на территории Костромского Поволжья. Орнамент на тулове подвесок принял форму волны (табл. 95, *26*) или спиралей. Первый может рассматриваться как идеограмма воды; второй символизирует непрерывность бега солнца по небу (рис. 24). Число петель увеличивается до пяти-семи (табл. 95, *18*). Наиболее поздние подвески (XIII–XIV) приобретают фантастический облик "птички-барашки"; головки их украшены двойными колечками (рогами?) (табл. 95, *2*, карта 4). Такие подвески (около 70) найдены в Костромском Поволжье и могут считаться местными типами. Они бытовали также на территории Ярославской и Ивановской областей, откуда проникали в Вологодскую, Архангельскую области, в Приладожье, Прикамье. В южные славянские области они не попадали. Подвески эти отражали языческое мировоззрение финских племен и сохраняли значение амулетов. Обычно их находят в курганах с финскими чертами погребального обряда; но их носило как смешанное, так и славянское население. Славяне, проникая в Костромское Поволжье, активно ассимилировали коренное мерянское население и продвигавшуюся с запада весь и перенимали их культуру.

Птички-подвески были и плоскими, и прорезными. Древнейший тип плоских подвесок, изображающий уточку с гладкой головкой, плоским широким клювом и выпуклой грудью, возник в Приладожье, во второй половине – конце X в. (табл. 95, *1*). В конце X в. такие подвески появились в Новгороде (рис. 23). В XI–XII вв. они получили широкое распространение в Новгородской и Псковской землях и Верхнем Поволжье. Здесь было налажено и местное их производство (табл. 95, *3, 5*). Эти подвески миниатюрнее приладожских. В это же время появляются несколько вариантов первоначального типа: птички с хохолком на голове, напоминающим петушиный гребешок; подвески, похожие на нахохлившегося утенка (табл. 95, *2, 8*) (*Рябинин Е.А.*, 1981. С. 12–20. Табл. I–II).

В XI–XII вв. возникает новый вариант плоских птичек-подвесок с большой прорезью на груди, окружающей спиралеобразный завиток туловища. Он сильно отличается от древнейшего. Часть подвесок напоминает курицу. Такие подвески найдены в славянских курганах Смоленской, Московской, Ленинградской областей (табл. 95, *7, 9*). Другие приобретают черты фантастического существа с птичьим туловом, но звериной головой, с рогами (или кольцом на голове), с узким загнутым вверх хвостом (табл. 95, *3*). Эти подвески датируются XII в. и найдены преимущественно в Новгородской и Псковской землях; в бассейне Волги встречены единицы (рис. 25). При раскопках древнего славянского города Ярополча на Клязьме обнаружен местный вариант таких подвесок (табл. 95, *11*), также относящихся к XII в. Еще один вариант подвески отличает массивная голова, напоминающая конскую, с мощной шеей, на которой насечками показаны грива и широкий вздернутый трапециевидный хвост (табл. 95, *6*). Эти подвески характерны для костромских курганов. В Ярославской и Московской областях найдены единичные экземпляры. Дата их – XII–XIII вв. (*Рябинин Е.А.*, 1981. Рис. 3).

Особый вариант плоских прорезных подвесок составляют подвески с шумящими привесками. Тулово их покрыто сквозными отверстиями. Характерно, что значительная часть подвесок изображает уже не водоплавающую птицу, а петуха с одной или двумя головами (табл. 95, *13, 15*). Такие подвески производили в Костромском Поволжье и найдены также в русских городах, расположенных по течению Оки и Клязьмы (Старая Рязань, Владимир, Суздаль, Ярополч – XII–XIII вв.). Отсюда подвески доходили до Волжской Болгарии, Перми Вычегодской. В трансформации облика подвески нельзя не видеть возросшего влияния славян. Ведь у местного финского населения куроводство было мало развито, а в северо-западных областях (у оятских вепсов) даже в XIX в. и вовсе неизвестно.

Интересны подвески в виде двухголовых фантастических птиц. Такие подвески производили, видимо, на территории Калининского Поволжья (табл. 95, *14*), где их найдено три. Еще одна подвеска обнаружена в славянском кургане у с. Битюгово Московской области. Пятая подвеска найдена в кладе, зарытом близ местечка Чернобыль бывшей Киевской губернии. В составе клада была и полая подвеска-птичка с шумящими привесками. Г.Ф. Корзухина предположила, что клад принадлежал лицу, бежавшему с севера – с Верхней Волги или Прильменья. Время зарытия клада – конец XII – 40-е годы XIII в. (*Корзухина Г.Ф.*, 1954. С. 44). К этому же типу принадлежат подвески, изображающие птичку (уточку?) с гладкой или украшенной хохолком головкой, петлей для подвешивания на спинке и двумя-тремя петлями для шумящих привесок внизу. В зависимости от того, отливались ли подвески в двухсторонних или односторонних формах, туловище их с обеих или только с одной стороны покрыто рельефным орнаментом в виде вертикальных, наклонных или косорешетчатых полосок или жгутов. Подвески появляются в комплексах конца XII в., но наибольшее распространение получают в XIII в., и даже в XIV в. Такие подвески характерны для Костромского и Кинешемского Поволжья, где существовало их производство (табл. 95, *23, 24*). Известно около 80 экземпляров. По Волжскому пути они проникали в область мари, в Волжскую Болгарию, а также в Прикамье. Известны они и на территории Вологодской области, в Приладожье, а в Новгородско-Псковские и южнорусские земли почти не попадали.

Всего в трех экземплярах известны амулеты-подвески в виде птиц с распростертыми крыльями (табл. 92, *11, 13*). Одна происходит из владимирских, вторая из костромских, третья из подмосковных курганов (*Рябинин Е.А.*, 1981, католог, № 402–404). Дата подвесок – XI–XIII вв.

Немногочисленны в Древней Руси и подвески-уточки из рога. У них плоское основание, удлиненная изогнутая шея, на туловище сквозное отверстие для подвешивания. В женских погребениях радимичей встречено по четыре-пять фигурок уточек, лежавших между ног погребенных (с. Влазовичи). Очевидно, подвески были прикреплены к поясу. В одном случае вместе с уточками ле-

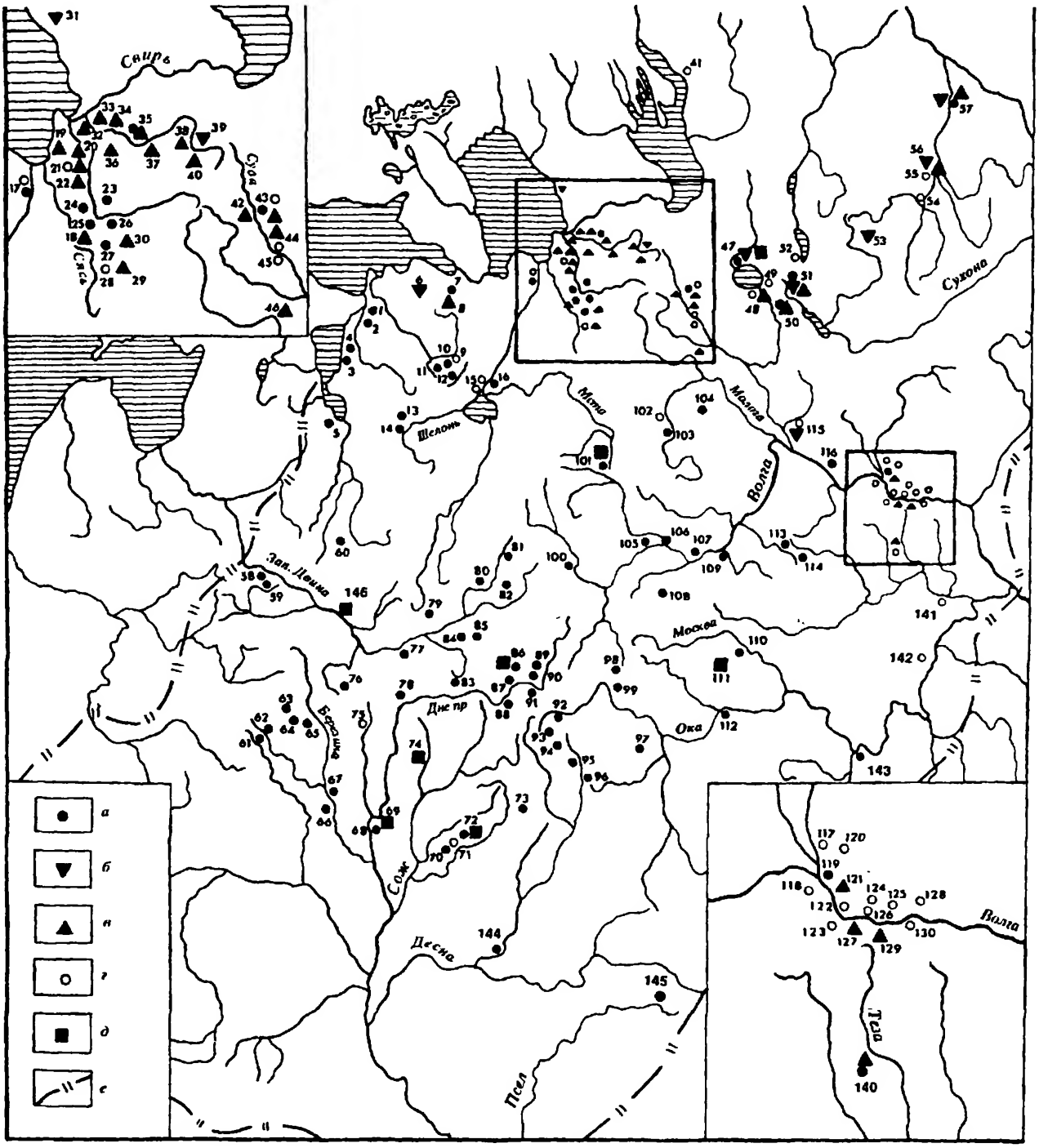


Рис. 24. Карта зооморфных подвесок-амулетов XI–XII вв. (составлена *Л.А. Голубевой* и *Н.А. Макаровым*): а – коньки «смоленского типа»; б – подвески «конь на змее»; в – полые подвески-птички; г – стилизованные коньковые подвески; д – подвески с изображением головы быка; е – граница Руси XII–XIII вв.

1 – Савиновщина; *2* – Гусева гора; *3* – Полицы; *4* – Калихновщина; *5* – Изборск; *6* – Буцино; *7* – Вопша; *8* – Вырица; *9* – Малый Удрай; *10* – Оредеж; *11* – Малый Оредеж; *12* – Хрепле; *13* – Каменка; *14* – Дубровна; *15* – Новгород; *16* – Деревяницы; *17* – Старая Ладога; *18* – Красная Заря; *19* – Шахново; *20* – Рочевщина; *21* – Щуковщина; *22* – Сязнега; *23* – Орехово; *24* – Ганьково; *25* – Крючково; *26* – Ригачево; *27* – Ильино; *28* – Мозолево; *29* – Галично; *30* – Новосельск; *31* – Видлицы; *32* – Кузнецы-Чалых; *33* – Новинки; *34* – Горка; *35* – Шангеничи; *36* – Никольщина; *37* – Кургино; *38* – Гайгово; *39* – Кяргино; *40* – Алеховщина; *41* – Челмужи; *42* – Борисово-Судское; *43* – Митино-Зворыкино; *44* – Стан; *45* – Никольское; *46* – Ширьево; *47* – Никольское III; *48* – Белоозеро; *49* – Крохинские Пески; *50* – Шуйгино; *51* – Нефедьево I; *52* – Погостище; *53* – Коротырнская; *54* – Вельск; *55* – Воскресенское; *56* – Аксеновская; *57* – Корбола; *58* – Московичи; *59* – Браслав; *60* – Останец; *61* – Менка; *62* – Минск; *63* – Логойск; *64* – Карниловцы; *65* – Селище; *66* – Устиж; *67* – Вирков; *68* – Ходосовичи; *69* – Гадиловичи; *70* – Смялич; *71* – Антоновка; *72* – Влазовичи; *73* – Сукромля; *74* – Петуховка; *75* – Эльмоны; *76* – Лукомль; *77* – Витебск; *78* – Грязивец; *79* – Юрьевы горы; *80* – Бенцы и Барузда; *81* – Сельцо; *82* – Угрюмово; *83* – Заозерье; *84* – Саки; *85* – Слобода; *86* – Новоселки; *87* – Мизиново; *88* – Бородино; *89* – Труханов; *90* – Харлапово; *91* – Мутышино; *92* – Акулин Бор; *93* – Коханы; *94* – Трашковичи; *95* – Колчино; *96* – Войлово; *97* – Серенск; *98* – Паново; *99* – Бочарово; *100* – Васильевское; *101* – Федово; *102* – Борисовское; *103* – Сарагожа; *104* – Крестцы; *105* – Андреевское; *106* – Тверь; *107* – Глинники; *108* – Жилые горы; *109* – Ратнино; *110* – Беседы; *111* – Щербинское; *112* – Подноклово; *113* – Криушкино; *114* – Исаково;

или зуб и коготь медведя. В других славянских курганах бассейна Днепра уточки встречались в одном экземпляре, в наборе амулетов, изображавших предметы быта. Датируются эти подвески XI–XII вв. В славянской среде подвески-уточки из рога не имели большого распространения. Чаще они встречаются в это время у поволжских финно-угров, в Прикамье, в Эстонии. Древнейшие бронзовые подвески, изображающие коня, возникли в Верхнем Прикамье в ананьинскую эпоху. В конце VI–VII вв. подвески-коньки появляются в Волго-Вятском и Волго-Камском междуречьях. Здесь производились полые, плоские, объемные, наборные или подражающие филигранным подвески. Преемниками последних явились наборные коньки с шумящими привесками VI–VII вв. бассейна Оки. В IX–X вв. такие коньки распространяются в бассейне Мокши и Цны. Они являлись племенным украшением мордвы (*Голубева Л.А.*, 1976. С. 67–82). В X–XI вв. коньки, изготовленные в той же технике, но особого облика, известны в Муромском течении Оки и в междуречье Клязьмы и Волги. Будучи этническим украшением муромы и мери, они различались как между собой, так и способом ношения. Женщины муромы носили их преимущественно на груди или у пояса; у мери они были чаще плечевым украшением (табл. 96, *14–18*). Шумящими привесками к этим коньках служили иногда изображения утиных лапок. Туловище коня украшали тройные спирали (солярный знак). То и другое указывало на связь коня с солнцем и водной стихией, вероятно, как и двухголовость некоторых экземпляров (табл. 96, *7*, *16*). Подвески эти, являясь племенным украшением поволжских финно-угров, исчезли в конце XI в., когда меря и часть мордовских племен (в том числе мурома) были ассимилированы славянами.

Смешиваясь с поволжско-финским и прибалтийско-финским населением, славяне усваивали некоторые элементы их культуры и мировоззрения. Так, в XII–XIII вв. на территориях с финским населением, освоенных славянами, произошла как бы вспышка язычества, выразившаяся в необычном расцвете зооморфных украшений, в частности подвесок-амулетов, изображающих коня. Эти украшения связаны уже не с племенными, а территориальными общностями. К подвескам северо-западного происхождения относятся плоские литые прорезные четырехгранные коньки: первый вариант подвесок этого типа представляет собой конька с открытой пастью, "уздечкой" под головой (табл. 96, *1*) и закрученным на спину хвостом (табл. 96, *6*). На концах ног конька – отверстия для шумящих привесок. Подвески этого варианта были распространены главным образом на северо-западных территориях Древней Руси и лишь отдельные их экземпляры попадали в Костромское и Марийское Поволжье. Большую популярность они имели в Латвии, где с конца XII по XIV в. существовало их производство. Второй вариант подвесок представлял конька с закрытой пастью, без "уздечки", с насечками на шее, имитирующими гриву. Отверстия на концах ног конька заполнены металлом (табл. 96, *6*, *1*). В отличие от первого варианта коньки второго варианта на северо-западе и в Приладожье представлены единичными экземплярами, а изготовляли их, вероятно, в Поволжье. Оба варианта подвесок этого типа на Руси датируются XII–XIII вв. (*Рябинин Е.А.*, 1981. С. 27–28).

Особый вариант представляют пластинчатые подвески, которые большинство исследователей относят к конькам. Подвеска изображает животное с двумя согнутыми как бы в беге ногами, торчащими ушами и длинным узким и загнутым на спину хвостом. Туловище обычно покрыто кружковым орнаментом, иногда насечками (табл. 93, *7*). Большинство подвесок стандартно. Исключение составляют несколько подвесок из области веси. Эти коньки имеют крупную голову, увенчанную кругом – вероятно, сказалось влияние местных амулетов X–XI вв. оленя (лося). Отмечая явно "неконскую" форму ушей и передних ног животного, Б.А. Рыбаков полагает, что подвески изображали рысь (*Рыбаков Б.А.*, 1971. С. 21, 23). Б.В. Сапунов предлагает видеть в них гепарда или пардуса (*Сапунов Б.В.*, 1983. С. 111–116). Однако еще А.А. Спицын называл эти подвески собачками и, кажется, был прав. Наибольшее распространение подвесок падает на XI – первую половину XII в. Однако они встречаются как с монетами X в., так и в единичных случаях с вещами XIII в. По данным Е.А. Рябинина, такие подвески найдены на обширной территории, ограниченной низовьями Западной Двины, восточным побережьем Чудского озера, Приладожьем, Костромским Поволжьем. Наибольшая концентрация подвесок наблюдается в области смоленско-полоцких кривичей, а также в районе р. Даугавы (Латвия). Известно более 160 экземпляров таких подвесок; на востоке они доходят до р. Ваги (рис. 24).

Все подвески найдены только в женских могилах. Обычно они встречаются с другими амулетами: ложечками, бубенчиками, гребешками, клыками зверя и др. (табл. 93, *14*). Чаще всего эти подвески носили на специальных цепочках на груди, левом плече, реже – у пояса. В.В. Седов предполагает, что появление подобных подвесок у смоленских и полоцких кривичей, ассимилировавших древних балтов, может быть связано с древним балтским культом коня (*Седов В.В.*, 1968. С. 136).

В конце XII в. появляются полые коньки-подвески с шумящими привесками, замыкающие собой эволюцию подвесок-коньков Древней Руси. Они бытуют до конца XIV в. Коллекция этих подвесок насчитывает 260 экземпляров. Две находки есть в Финляндии. Внешне коньки представляют собой как бы гибрид конька с уткой. Они имеют на туловище волнообразный орнамент, характерный для птичьих подвесок. На конскую сущность изображения указывают массивная высокая шея и грива (сканая или в виде кружочков). Коньки (одно- или двухголовые) по форме головы (цилиндрической, сплющенной по горизонтали или вертикали, с закрытой или открытой пастью) различаются между собой (табл. 96, *2–5*, *9*, *10*, *15*). Распространены они на огромной территории – от Латвии и Эстонии до области Коми р. Печоры. Южнее Брянска и Калужской области они неизвестны (*Голубева Л.А.*, *Варенов А.Б.*, 1978. С. 228–239).

115 – Зубарево; *116* – Воздвиженье; *117* – Татариново; *118* – Пьянково; *119* – Турыгино; *120* – Терешино; *121* – Елкотово; *122* – Васильевское; *123* – Кубасова; *124* – Иворово; *125* – Кораблево; *126* – Влечиха; *127* – Безрядова; *128* – Лешково; *129* – Сторожево; *130* – Петрушино; *140* – Семухино; *141* – Ярополч; *142* – Заколпье; *143* – Старая Рязань; *144* – Вишенки; *145* – Гочево; *146* – Полоцк

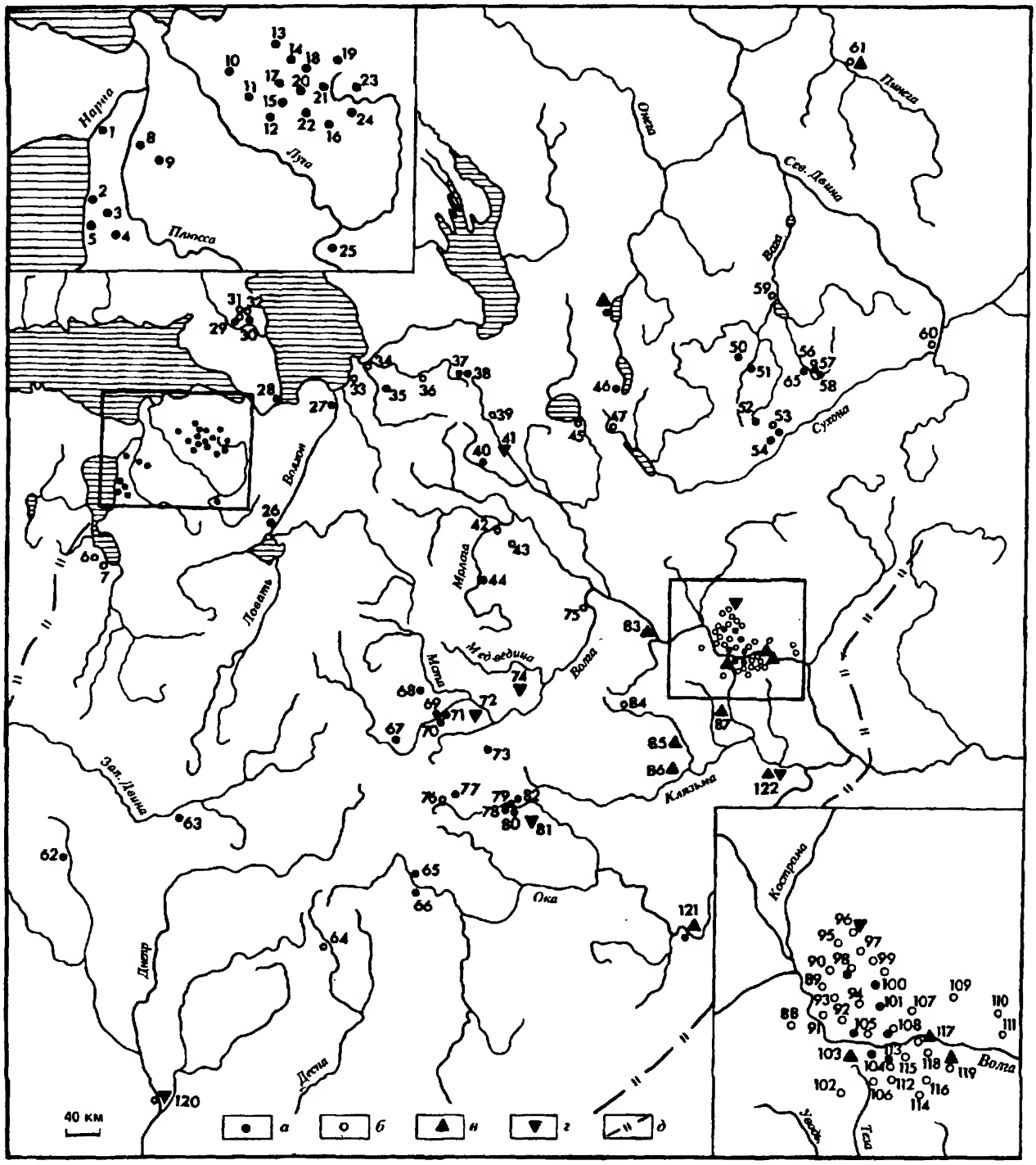


Рис. 25. Карта зооморфных подвесок-амулетов XII–XIV вв. (составлена *Л.А. Голубевой* и *Н.А. Макаровым*): а – полые коньки; б – полые «барашки»; в – одноглавные плоские прорезные петушки; г – двуглавые прорезные петушки; д – граница Руси XII–XIII вв.
1 – Ольгин Крест; *2* – Малая Каменка; *3* – Калихновщина; *4* – Подосье; *5* – Крапивна; *6* – Лезги; *7* – Осьминка; *8* – Куричок; *9* – Савиновщина; *10* – Мануйлово; *11* – Беседа; *12* – Летошицы; *13* – Бегуницы; *14* – Котино; *15* – Рабитицы; *16* – Даймище; *17* – Трясковицы; *18* – Ожогино; *19* – Митакюля; *20* – Роговицы; *21* – Таровицы; *22* – Калитино; *23* – Вопша; *24* – Ново-Сиверская; *25* – Большой Удрий; *26* – Новгород; *27* – Старая Ладога; *28* – Орешек; *29* – Лапинлахти; *30* – Кекомяки; *31* – Тиверск; *32* – Ховинсаари; *33* – Шахново; *34* – Ручевщина; *35* – Щипняк; *36* – Яровщина; *37* – Кяргино; *38* – Ефремково; *39* – Митино-Зворыкино; *40* – Бабаево; *41* – Никольское; *42* – Тимерево; *43* – Крестцы; *44* – Добрый бор; *45* – Белоозеро; *46* – Погостище; *47* – Нефедьево; *48* – Тихманьга; *49* – Горка; *50* – Ростовское; *51* – Городище; *52* – Марьино; *53* – Старовская Пустошь; *54* – Кудринская; *55* – Спасское; *56* – Шухлиха; *57* – Проневская; *58* – Новгородовская; *59* – Воскресенское; *60* – Великий Устюг; *61* – Виймуши; *62* – Старое Борисово; *63* – Витебск; *64* – Осовик; *65* – Бочарово; *66* – Рубонежье; *67* – Мужищево; *68* – Могилевская; *69* – Старица; *70* – Ягодино; *71* – Васильевская; *72* – Мятлева; *73* – Жела; *74* – Кидомля; *75* – Кривец; *76* – Палашкино; *77* – Волынщина; *78* – Успенское; *79* – Покров; *80* – Колчуга; *81* – Горки; *82* – Мякинино; *83* – Федоровская; *84* – Краскова; *85* – Суздаль; *86* – Владимир; *87* – Семухино; *88* – Погорелка; *89* – Куликово; *90* – Тимонино; *91* – Дренево; *92* – Погост; *93* – Большое Андрейково; *94* – Залогино; *95* – Семенково; *96* – Васильевская; *97* – Терешино; *98* – Елкотово; *99* – Гридино; *100* – Погорелово; *101* – Шеляиха; *102* – Никульское; *103* – Левашиха; *104* – Иорданиха; *105* – Коницево; *106* – Петрущино; *107*–

Подвески изготавливали в Новгороде, где их найдено 50 штук (*Рябинин Е.А.*, 1981. С. 41) и, вероятно, в других центрах Древней Руси. Ареалы отдельных типов подвесок различны. Так, подвески, наиболее многочисленные в Новгороде и на северо-западе (табл. 96, *3*), неизвестны в Приладожье, Вологодской и Костромской областях. Находки подвесок в погребениях коррелируются с финно-угорскими чертами погребального обряда и инвентаря (рис. 25). Сложный образ подвесок раскрывается на угро-финской языческой мифологии (солнечный и водяной кони). Изготовлявшие их городские ремесленники (в том числе славяне) уже не помнили изначальной семантики образа, но были, очевидно, уверены в его благожелательности.

Неметаллические изображения коня в Древней Руси очень редки. Можно упомянуть две подвески, встреченные в наборе с другими амулетами в женских погребениях из курганов у с. Кветунь (Брянская область) и с. Колчино (Калужская область). От подвесок-уточек из рога их отличает массивная голова с торчащими ушами и наличие гривы, датируются они XI–XII вв. Известны и двухголовые стилизованные подвески-коньки. Они найдены в погребении у д. Боровиково Костромской области и в могильнике веси у д. Погостище Вологодской области. Дата обоих погребений – XII в. (табл. 94, *5*).

Лось (олень) на подвесках изображен в виде четвероногого животного с массивной нижней челюстью и коротким загнутым вверх хвостом. Голова увенчана кругом; туловище покрыто солярными орнаментами (табл. 94, *14*). Подвески стандартны, их известно 16 экземпляров. Происходят из Приладожья, большинство сосредоточено в бассейне р. Ояти (рис. 23). Здесь они найдены в женских погребениях с трупосожжениями X – начала XI в. Вполне вероятно, что они изображают животное, считавшееся тотемным предком приладожской веси, населявшей данный район. Лось (олень) был почитаемым животным вепсов и северных русских. Мотив оленя сохранился в легендах, в вышивке на головных уборах, свадебных полотенцах XIX в. в северных губерниях России, в обрядовом печенье.

Подвески, изображающие зайца (табл. 93, *6*) и собаку (табл. 93, *9*), найдены по одному экземпляру в курганах Ленинградской области. Дата их – XI–XII вв. Уникально изделие в виде бронзового стержня с петлями на концах, на котором изображена фигурка зайца (табл. 93, *3*). Оно найдено в кургане у д. Алеховщина на р. Ояти (Приладожье). Дата – конец XI – начало XII в. Назначение этой вещи остается неясным.

Две подвески-бобры (табл. 94, *3, 4*) выполнены из рога. Реалистически переданы характерные черты зверя с круглой головой и широким хвостом. Небольшими выступами внизу показаны лапки. По центру тулова – сквозное отверстие, рассчитанное на ношение подвески в горизонтальном положении. Найдены они на поселении X в. Крутик близ д. Городище Кирилловского р-на Вологодской области (*Голубева Л.А.*, 1979. С. 28. Рис. 11).

Подвески-рыбки происходят из курганов Новгородской, Ленинградской и Брянской областей. Они входили в набор других бронзовых амулетов. Так, подвеска из Брянской области была прикреплена к арочной привеске вместе с ключом, ножами и коньком и лежала у правого плеча женского скелета (табл. 93, *14*). Дата комплекса – XII в.

Встречаются амулеты в виде змей. В Верхнем Поволжье, в кургане XI в. у д. Загорье у женского костяка лежали три бронзовые круглые прорезные подвески, в центре которых было помещено изображение свернувшейся змеи, соединенное с ободком подвески шестью лучами (табл. 93, *8*). Амулеты в виде вырезанных из железных пластинок змей найдены в количестве пяти в кургане с трупосожжением у д. Васильки Владимирской области. В другом кургане (также при раскопках А.С. Уварова) обломок бронзовой змейки лежал на плечевой кости женского костяка. Вероятная дата обоих погребений – X–XI вв. Несомненно, что образу змеи придавалось магическое значение. Культ змеи, восходящий к тотемизму, известен у соседей славян – литовцев. У русских и поляков существовало представление о домовой змее, охранительнице очага. Многие славянские народы змею считали покровительницей человека, способствующей плодородию. Змеиные узоры известны в вышивке головных уборов XIX в. у северных русских, их изображали на прялках и украинских рушниках.

Стилизованные коньковые подвески от подвесок-коньков отличаются тем, что туловище конька заменено щитком (прямоугольным, треугольным и др.), по верхнему краю которого размещены две смотрящие в разные стороны конские головки. По форме щитка, головок коней, наличию или отсутствию шумящих привесок подвески значительно различаются между собой. Возникли они в Верхнем Прикамье в VII в. В X–XI вв. одна из групп коньковых подвесок являлась этническим украшением коми-пермяков. В X – начале XI в. прикамские литые прорезные подвески с шумящими привесками с изображением на щитке головы человека между конями появились в женских погребениях веси. К славянам эти украшения не проникали.

В XII в. на территории веси и мери, к этому времени уже в значительной степени слившихся со славянами, возникают новые варианты коньковых подвесок, представляющие собой стилизованные и сильно видоизмененные воспроизведения более ранних образцов, но без шумящих привесок (рис. 24).

В одних подвесках угадывается древний сюжет – человек между двумя конями (табл. 94, *24*). В нижнем ярусе этих подвесок различимы шесть ног. Кони и человек упираются ногами в пластину, служащую ободком подвески, концы которой держат в пастях кони. В других подвесках фигура человека исчезает. В верхнем ярусе украшения размещены две повернутые в разные стороны конские головки с петлей в центре; в нижнем – вертикальными прямоугольными или круглыми прорезями выделены столбики – ноги от шести до семи (табл. 94, *16, 22, 23*). В некоторых экземплярах реальные черты конских головок исчезают совершенно, и все изображение превращается в орнаментальную схему.

Стилизованные коньковые подвески найдены главным образом в курганах Костромского и Ивановского

Зиновьино; 108 – Новлянская ; *109* – Есиплево; *110* – Зуево; *111* – Студенец; *112* – Пеньки; *113* – Кошелиха; *114* – Мальцево; *115* – Никульцево; *116* – Обабково; *117* – Низовская; *118* – Кочергино; *119* – Кисловская; *120* – Чернобыль; *121* – Старая Рязань; *122* – Ярополч

Поволжья, а также в Вологодской и Архангельской областях, на Марийской территории. Несколько экземпляров обнаружено в Приладожье, Новгороде, Финляндии, Швеции. Обычно их находят в погребении по одному экземпляру у пояса, реже – на груди; в одном случае – в футляре, у таза. В обряде или инвентаре погребений с этими подвесками присутствуют финно-угорские элементы. На территории Древней Руси таких подвесок найдено более 30.

В XII–XIII вв. в Костромском Поволжье возник новый тип коньковых подвесок – с прорезным щитком и петлями для шумящих привесок (табл. 94, *20*). Такие же подвески известны из Ярополча на Клязьме (табл. 94, *18*). По Волге они распространились до области Мари и Болгар. Женщины носили эти подвески обычно у пояса, по одному экземпляру.

Головками коньков украшали и подвески с треугольными ажурными щитками и шумящими привесками. В X–XI вв. они были этническим украшением мери. Сходные подвески также в качестве плечевых украшений носили и женщины Костромского Поволжья в XII в. Так, украшение из кургана X в. у д. Кочергино состояло из двух подвесок, соединенных цепью (табл. 94, *19*). Цепь была надета на шею покойной, а подвески располагались на уровне ключиц. Головки коней здесь заменены волютами.

К XII в. относится еще один тип подвесок – с треугольным щитком. Средняя часть щитка заглублена и покрыта круглыми отверстиями, расположенными в шахматном порядке. Боковые рамки щитка отогнуты в стороны и заканчиваются стилизованными конскими головками (табл. 94, *12*). Подвески отлиты по восковым моделям и поэтому индивидуальны. Они найдены на территории Вологодской и Костромской областей, на поселениях и в могилах со следами финно-угорского погребального обряда. В единственном мужском погребении у д. Пески Вологодской области две подвески, завернутые в ткань, были положены в берестяной туесок, видимо, как дар вдовы.

Подвески "всадница на змее" стали делать в Прикамье в связи с местным культом богини-Матери. Змей на подвеске олицетворял, очевидно, божество подземного царства, с которым вела борьбу богиня на крылатом солнечном коне. В X–XI вв. подвески бытовали у коми-пермяков, удмуртов, марийцев, откуда проникли на территорию веси. Подвески обнаружены на р. Ваге (одна), в Прионежье (семь), в Белозерье на р. Суде (две) (*Башенкин А.Н.*, 1984. С. 71), в Приладожье (четыре). Самая западная находка сделана в Вырице (Ленинградская область). У славян эти подвески неизвестны (рис. 23).

В позднем варианте на спине коня вместо фигуры женщины помещалась петля. Трансформация изображения началась уже в Прикамье в X–XI вв. Большинство же подвесок, различающихся размерами и обликом коня, найдено на древней территории веси, где, очевидно, существовало их производство. Дата подвесок этого варианта – XI–XII вв. (табл. 94, *9*).

Амулеты-подвески, воспроизводящие отдельные части тела животных, изготовляли из бронзы, сплавов меди с оловом и олова со свинцом, из серебра. Это подвески "коготь медведя" (?), заключенный в оправу с петлей. Оправа украшена косорешетчатым орнаментом. Отлиты из бронзовых и оловянисто-свинцовых сплавов. Две подвески, литые в одной форме, найдены в женском погребении одного из Владимирских курганов (табл. 93, *15*). Такие же подвески известны в Костромских курганах (табл. 93, *4*). Одна подвеска найдена при раскопках Белоозера, в слое первой половины XIII в.

Подвески с рельефным изображением головы быка, круглые с ободком, в центре – голова с большими изогнутыми рогами, обрамленная семью треугольниками из мелкой зерни, бронзовые и серебряные, прекрасной работы (табл. 93, *5*) найдены в междуречье Днепра и Сожа – земле радимичей (*Соловьева Г.Ф.*, 1972. С. 50, 51. Рис. 16). Женщины носили эти подвески в составе ожерелий. На основной радимической территории найдено всего восемь подвесок. Б.А. Рыбаков датировал их X–XI вв. (*Рыбаков Б.А.*, 1932. С. 92. Табл. VI, 4); Г.Ф. Соловьева по совокупности погребального инвентаря – XI–XII вв. Еще четыре подвески обнаружены в женских погребениях XI и XI–XII вв. далеко за пределами племенной территории радимичей. Наиболее близка к оригиналу бронзовая подвеска из погребения XI в. у с. Никольского на р. Кеме (раскопки Н.А. Макарова в 1984 г.). Три остальных подвески из погребений у с. Митьковка Брянской области (*Равдина Т.В.*, 1979. С. 94), Федовского могильника Новгородской области и могильника Нариня в Латвии (*Атгазис М.*, 1969. С. 375) выполнены значительно грубее. Одна подвеска происходит из культурного слоя XII в. Полоцка (*Штыхов Г.В.*, 1975. С. 69, 70. Рис. 34, 21). На подвеске из верхнего слоя Щербинского городища Подмосковья треугольники из зерни отсутствуют (*Дубынин А.Ф.*, 1974. Табл. XI, 17).

Некоторое сходство с описываемыми подвесками имеет круглое бронзовое прорезное украшение с головой теленка из Владимирских курганов (табл. 93, *1*).

Находка подвесок с головой быка на обособленной этнической территории ставит перед исследователями вопрос – не является ли это изображение образом тотемного предка? Ведь бык, как и конь у восточных славян, – тотемное животное. Это один из главных персонажей аграрного культа.

Подвески в виде пасти зверя изготовлены из бронзы и представляют собой условное изображение двух челюстей, объединенных вверху перемычкой с петлей (табл. 93, *11*). В подвеске с поселения Дубна Московской области челюсти объединяет изображение креста (табл. 93, *16*). Встречаются подвески, состоящие из одной челюсти (табл. 93, *20*). Есть подвески, в которых лишь угадываются очертания пасти (табл. 93, *18*). Все подвески, отливавшиеся по восковой модели, индивидуальны; найдены, как правило, в наборе других амулетов в женских погребениях славян на территориях Смоленской, Калужской, Московской, Ленинградской областей и на поселении Дубна. Амулеты изображают, очевидно, пасть хищника. О породе зверя судить трудно. Некоторые подвески, возможно, воспроизводят схематически челюсти крупной рыбы. Охранительное значение этих подвесок несомненно. Дата их – XII–XIII вв. Некоторым вещам утилитарного характера зооморфные образы придавали особый смысл. Мы коснемся здесь только вещей-подвесок.

В славянских памятниках XI–XII вв. получили распространение миниатюрные бронзовые гребешки, укра-

шенные конскими головками, смотрящими в разные стороны. Разнообразные по форме прорези или горошины зерни служат дополнительными украшениями (табл. 94, *1*).

Гребешки часто встречаются в наборе с другими амулетами (табл. 92, *12*) (в курганах Брянской области у д. Влазовичи, Кветунь или Смоленской области у д. Бочарово, Харлампово и др.). Они найдены также во Вщиже, на Киевщине, в могильнике у с. Леплява (*Равдина Т.В.*, 1979. Рис. 5, 3). Известно не менее 16 таких находок. Образ коня как бы подчеркивает у этих подвесок функцию оберегов.

В более раннее время (IX–X) бронзовые гребни-подвески известны у западных соседей славян – в Латвии, Эстонии и Финляндии. Там кони изображены повернутыми друг к другу, в рост. К X в. относятся заготовки гребней-подвесок из рога с аналогичными изображениями коней, найденные на поселении веси Крутик у д. Городище Кирилловского р-на Вологодской области (табл. 94, *11*, *13*). В X–XI вв. у мери, марийцев и особенно у удмуртов гребни с изображениями коня были чрезвычайно распространены.

В могильнике X–XI вв. у д. Залахтовья Псковской области найден бронзовый гребень-подвеска, на котором между фигурками коней – центральное изображение в виде ромба (табл. 94, *21*). Та же композиция повторена на височном кольце из Белевского клада Тульской области (табл. 94, *15*). Клад датируется XIII в.

На бронзовом игольнике-подвеске из Костромских курганов (табл. 94, *21*) кони стоят по сторонам какого-то сооружения (капища, храма?). Исследователи полагают, что данная композиция восходит к древним языческим изображениям богини с конями или всадниками. Она повторена многократно в вышивках на полотенцах XIX в. у северных русских.

Заслуживает внимания и локальной вариант височного кольца с зооморфным изображением из области веси. Лопасти височного кольца придан облик головы лося с широкими рогами и массивной нижней челюстью (табл. 93, *2*). Три таких бронзовых кольца найдены в могильнике и на поселении в окрестностях Белого озера, они датированы XIII и началом XI в. Четвертая находка из Каргополя обнаружена случайно. Этот вариант височных колец можно считать этническим украшением белоозерской веси.

Картографируя подвески-амулеты по группам и хронологическим этапам, убеждаемся, что они достоверно отражают историческую обстановку разных областей Древней Руси. У славянских племен, составивших ядро Киевского государства в X–XI вв., происходила нивелировка племенных различий. Отсюда отсутствие подвесок-амулетов с этноопределяющими признаками. Подвески, связанные с заклинательной магией, также почти не имели этнографических различий. Большинство их являлось продукцией сельских ремесленников. Те же ложечки, ковшики, гребни производили и городские мастера, в ряде случаев (например, в изготовлении подвесок-игольников в виде ножен) достигая высокого совершенства. Подвески-топорики и мечи, связанные с культом Перуна, вероятно, начали изготовлять в Киеве в X в. Топография находок указывает на тесную связь их с военно-дружинной верхушкой общества, концентрировавшейся в городах. Примечательно также их распространение в славянской среде и продвижение вместе со славянскими военно-дружинными отрядами на далекие окраины (северный берег Белого озера) (рис. 22).

Для славян-земледельцев, мифологические представления которых были связаны с аграрной магией, зооморфные подвески не характерны. Карта (рис. 24) указывает на два очага концентрации зооморфных подвесок в Древней Руси X–XI вв. – Приладожье и Волго-Клязьминское междуречье. Здесь в среде прибалтийского и угро-финского населения сохранялись родоплеменные отношения и подвески-амулеты являлись этническим украшением, отражая культ животных, имевших важнейшее значение в хозяйственной деятельности населения (оленя-лося, утки, бобра, коня).

Приладожские подвески имели локальный ареал. В соседнюю область славян новгородских они проникали благодаря контактам последних с весью, установившимся с конца X–XI в. Из Прикамья в область веси проникали двухголовые коньковые подвески с привесками и подвески "всадница на змее". Последние начинают изготовляться местным населением уже в X в. (находки по Суде). Можно отметить активное продвижение мери по Шексне в область белозерской веси. Племенные украшения мери – плетеные коньки – обнаружены не только у истоков Шексны из Белого озера, но и на Суде (рис. 23). В результате славянской колонизации и ассимиляции мери, муромы и части веси местные варианты зооморфных украшений к концу XI в. исчезли.

В XI–XII вв. у славян появляются собственные зооморфные подвески с головой быка и так называемый "конек смоленский". Первые возникли на племенной территории радимичей, возможно как отдаленное воспоминание образа племенного предка. Эти подвески распространились на обширной территории (рис. 24), причем число находок в радимических курганах лишь немногим превышало количество подвесок и подражаний им, обнаруженных за пределами области радимичей.

Подвеска-конек так называемого смоленского типа, возникнув в области смоленско-полоцких кривичей, в качестве общерусского типа зооморфных украшений активно распространялась, как правило, вместе со славянским населением в области балто- и финноязычного населения (рис. 24).

Зооморфные украшения, появившиеся в XI–XII вв., позже отражали уже не племенные, а территориальные общности со смешанным финско-славянским населением и новыми центрами их производства в Белозерье, Костромском Поволжье, Новгороде, Новгородско-Псковской земле.

В последний период бытования зооморфные украшения (полые коньки, барашки и др.) делали в мастерских русских городов, имевших широкий сбыт в окраинных районах древнерусского государства, где ассимиляция финно-угров затянулась до XIV–XV вв. (рис. 25). Подвески завоевали популярность и среди населения центральных русских земель.

В XIII–XIV вв. они явились последними свидетельствами древнерусского язычества, так ярко выразившего себя в этих произведениях народного творчества.

Глава 10

Предметы христианского культа

С принятием христианства культура Руси обогатилась техническими и художественными навыками, позволявшими создавать монументальные культовые сооружения с многообразным церковным узорочьем. Уже в XI в. русские мастера достигли больших успехов в области каменного строительства, монументальной и станковой живописи, мозаики, а также в разных областях прикладного искусства. Для украшения и освещения храмов делали литые из меди и бронзы хоросы и лампады, напрестольные сени, ковали массивные церковные двери, которые иногда украшали долговечным золотым письмом, отливали колокола. Резьбу и роспись по дереву использовали для оформления царских врат, киотов, иконостасов, ктиторских мест и киворий. Из золота и серебра, меди и олова изготовляли церковную утварь. Уже в домонгольское время чтимые храмовые иконы оковывали драгоценными окладами, украшали разноцветными камнями и жемчугом. Еще больше внимания уделяли оформлению окладов евангелий, помещавшихся в алтаре, на престоле, крестов, панагий и нагрудных икон.

Живописцы в качестве знаменщиков участвовали и в женском рукоделии. Каждый храм должен был иметь шитую шелками, золотом и серебром плащаницу со сложным сюжетом оплакивания Христа во гробе, подвесные пелены под чтимые иконы, покровы на престол, завесы царских врат (катапетазмы), покровцы на литургические сосуды и всякие другие "укои церковные". Все это требовало от мастеров знания византийской иконографии и орнаментики, грамотности в подписи изображений.

Греческая церковь привлекла внимание русского посольства, посланного князем Владимиром для выбора религии, прежде всего богатством различных искусств, торжественным благолепием служб, проводившихся по строгому уставу. Членов русского посольства не могли заинтересовать невыразительные обряды других религий, в которых "красоты не видехомь никоеяже". Прибыв в Константинополь, они были удивлены великолепием и богатством греческих храмов. "Не свемы, – писал потом летописец, – на небе ли есмь были ли на земли" (ПСРЛ. Т. I. Стб. 108).

И позднее, в XII в., русские паломники старались подмечать все особенности убранства главного храма византийской столицы – Софии Царьградской, всегда служившей образцом для подражания (*Срезневский И.И.*, 1878. С. 95–109).

Церковное искусство греков удовлетворяло эстетическому чувству славян, сложившимуся еще в пору язычества с его верованиями и ритуалами.

Русские мастера не проходили стадию ученичества, они приняли христианские виды искусства от греков в том высоко развитом виде, которого оно достигло к эпохе Комнинов (*Щекотов Н.М.*, 1914. С. 5–29). Уже в X–XI вв. киевские мастера познакомились со сложным искусством мозаики и фрески, о чем можно судить по раскопкам Десятинной церкви, где еще Д.В. Милеевым были обнаружены многочисленные образцы разноцветных смальт и выразительные фрагменты ликов святых, выполненных в технике фрески (ОАК, 1911, 1914. С. 48–62; *Каргер М.К.*, 1951в. С. 343; *Лазарев В.Н.*, 1953. С. 155–232). Хорошо сохранившийся интерьер киевского Софийского собора с мозаиками и фресками, а также частично сохранившиеся мозаики Михайловского Златоверхого монастыря дают представление о высоко развитом изобразительном искусстве, относящемся к периоду раннего христианства (*Лазарев В.Н.*, 1960; 1966).

Гораздо меньше до наших дней сохранилось ранних произведений прикладного искусства, погибших при многочисленных пожарах и разграбленных при набегах кочевников, особенно во время опустошительного нашествия Батыя. Письменные источники иногда упоминают о предметах прикладного искусства византийского и русского происхождения, связанных с христианским обрядом. Византийский царь Константин Мономах прислал великому киевскому князю Владимиру животворящий крест "от своея выя" и царский венец со своей головы, а также "крабицу сердоликову", якобы связанную с кесарем Августом, ожерелье и золотую аравийскую цепь (ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 72–73). Церковной утвари киевского происхождения мы почти не знаем, за исключением редких археологических находок. Гораздо больше сохранилось ее в ризнице Софийского собора в Новгороде. Впечатление об интерьерах древних церквей можно составить только по письменным источникам и немногочисленным археологическим находкам.

Хоросы, лампады напрестольная сень (табл. 97)

В Киеве (*Каргер М.С.*,1958. Табл. 1, VIII) и на Княжей Горе близ Канева были обнаружены фрагменты хоросов, отлитых из бронзы (*Мезенцева Г.Г.*, 1968. С. 159. Табл. VIII). Представление о конструкции, технике и орнаментике этих оригинальных осветительных приборов дают почти полностью сохранившиеся хоросы, один из которых найден в Киеве на Хоревой улице, другой – на городище Девица близ с. Сахновки (Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко, 1907; Древности Приднепровья. Вып. VI. Табл. XI, 1, № 598; Там же. 1902. Вып. V. Табл. VII, № 244. С. 32), третий – в храме-усыпальнице XI в. в Переяславле Хмельницком (*Каргер М.К.*, 1954. С. 16. Рис. 7) (табл. 97, *4*, *2*).

© Т.В. Николаева, Н.Г. Недошивина

Все эти произведения датируются XI в. Их основу составляет ажурное кольцо, или диск, из отдельно отлитых бронзовых и скрепленных между собою пластин, с установленными на них острыми кронштейнами для свечей и волютообразными ответвлениями с фигурками птиц и драконов. В центре диска помещался ажурный полушар с трапециевидными ажурными пластинами, как бы заполнявшими его дно. Ажурные цепи скрепляли кольцо хороса с кандеей, в которой находилось кольцо для подвешивания. Основной орнаментальный мотив этих предметов – крестообразная плетенка с отдельными отростками и цветком типа крина или круги с крестообразным заполнением, как предполагают, – знаками солнца и огня. Такое же семантическое значение имели, по-видимому, и фигурки птиц, покровительниц света, связанных с небом и солнцем (*Рыбаков Б.А.*, 1953а. С. 270, 276).

К XII в. относятся более скромные варианты хоросов, но сохранявшие ту же конструктивную основу и характер орнаментики (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 258, 259; 1971. С. 22; *Василенко В.М.*, 1977. С. 340–341. Рис. 146). Хоросы были, по-видимому, в каждом каменном храме, о чем можно судить не только по находкам в крупных городах Киевской Руси с высокоразвитой культурой, но и в малых городах, например в Василеве и Волковыске, где найдены прекрасно отлитые детали хоросов. В Василеве найдена фигурная ветвь, которая имеет острие для свечи и диск, в Волковыске – ажурные цепи и чашечки для свечей (*Логвин Г.Н., Тимошук Б.А.*, 1961. № 8. С. 43. Рис. 43, рис. 5; *Зверуго Я.Г.*, 1975. С. 39. Рис. 12, 1–6). Эти более поздние изделия, относящиеся, судя по сопутствующим находкам, к XII–XIII вв., послужили впоследствии прототипом для паникадил с обязательным штырем в центре. Осветительные приборы переходного типа сохраняли еще ажурное кольцо с кронштейнами для свечей как у хороса, но уже имели и центральное веретено, на котором крепились его детали, как у паникадила. Подобное паникадило сохранилось в Софийском соборе в Новгороде и датируется оно по характеру плетеного орнамента и изображению серафимов и кентавров в кругах XIV–XV вв. (*Окладников А.П.*, 1950. С. 161. Рис. 12).

В технике медного литья по восковой модели отлиты две так называемые Вщижские арки, найденные в прошлом веке на городище древнего Вщижа, одного из городов Черниговского княжества (табл. 97, *1*). Как убедительно доказал Б.А. Рыбаков, арки служили напрестольною сенью, прообразом которой была библейский переносной храм – скиния. Полукруг арки опирается на вертикальные стойки с изображенными на них головами драконов. На самой арке, в ажурном орнаменте из переплетенных стеблей, помещены три круга с птицами, две внизу – клюющие растения, одна вверху с поднятыми крыльями и опущенными лапами, т.е. как бы в полете. В боковых отрогах арки – по две птицы, повернутые головами к свисающему посредине цветку лилии. Под нижними кругами изображены морды собак – симарглов – в плетении. Б.А. Рыбаков предполагает, что здесь изображены "три царства мира": подземный мир, олицетворенный драконами, земля с ее симарглами и птицами, клюющими растения, и небо с парящей птицей. Три круга на изгибе арки – три положения солнца, так часто встречаемые в фольклоре: утро, полдень, вечер. Утром и вечером восходящее и заходящее солнце находится у самой земли, у растений и охраняющих их крылатых собак; в полдень оно в зените, где парят птицы (*Рыбаков Б.А.*, 1971. С. 81–85. Рис. на с. 88–91; 1948. С. 252–254. Рис. 53–56; 1948а. С. 248–249. Рис. на с. 236–237). На оборотной стороне арки сохранились следы подписи мастера Константина, сделанной еще в восковой модели. По палеографии надписи арка датируется второй половиной XII в.

Литыми из меди и бронзы были небольшие лампады и кадильницы с полусферической чашечкой и ажурными цепями, иногда с крестиками и кольцом для подвешивания. Они найдены на Райковецком городище на Княжей Горе, на городище Воинь, Бородинском, Слободском городище, в Гродно и Ярополче Залесском (*Гончаров В.К.*, 1950. Табл. XVI, 7. XXI, 4; *Мезенцева Г.Г.*, 1968. Табл. IV, 1–3; *Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О.*, 1966. Табл. XV, 3–4; *Седов В.В.*, 1960. С. 62; *Никольская Т.Н.*, 1972. С. 9. Рис. 3, 4; *Воронин Н.Н.*, 1954. С. 120. Рис. 65, I; *Седов В.В.*, 1968. С. 57. Рис. на с. 56; *Седова М.В.*, 1978. С. 122. Рис. 35). Эти предметы находились среди широко известных древностей Киевской Руси XII–XIII вв. Кадильница подобной формы без верхней полусферической крышки изображена и на миниатюре Радзивилловской летописи (Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописей. М., 1965. Л. 221 об.), в сцене погребения князя Михаила Юрьевича во Владимире (*Рыбаков Б.А.*, 1976. С. 97).

Потиры, кратиры, сионы (табл. 98)

Литургической утвари домонгольского времени сохранилось мало. Более широкое представление о ней дают летописные источники, в которых упоминаются сосуды церковные, ими князь Андрей Боголюбский украсил Успенский собор во Владимире (ПСРЛ. Т. I. 1846. Стб.351). Более подробно церковная утварь перечисляется в связи с пожаром во Владимире в 1185 г. Здесь указываются погоревшие серебряные паникадила, золотые и серебряные сосуды, иконы с золотыми окладами, драгоценными камнями и жемчугом (Там же. Стб. 392). Оклады икон, "кресты честныя и сосуды священные" упоминаются в летописи при описании взятия Киева в 1203 г. Рюриком и Ольговичами вместе с половцами (Там же. Стб. 418). Более обстоятельно перечисляется церковная утварь в церквах и монастырях, устроенных князем Владимиром Васильковичем Волынским. Прославляя волынского князя, летописец перечисляет его многочисленные вклады в храмы: серебряные кованые сосуды, оклады на богослужебные книги, воздвизальные кресты, шитые золотом завесы "съсуды служебные жьженого золота съ каменіемъ драгымъ", "крестъ великъ сребрянъ позлотистъ, с честным древомъ", "кадильни-

цы две, одна сребрена, а другая мъдниа" (ПСРЛ. 1843. Т. II. Стб. 222–223). Вещественных памятников, которые могли бы иллюстрировать эти летописные тексты, на юге Руси почти не сохранилось.

Среди первых наиболее ранних образцов литургической утвари упомяну серебряный, частично золоченый потир (чаша для причастия), сделанный, по-видимому Андреем Боголюбским в память своего отца Юрия Долгорукова для Спасо-Преображенского собора в Переяславле-Залесском (табл. 98, *3*). Собор был заложен Юрием, но достраивался он при Андрее Боголюбском, который и заказывал для него церковную утварь. Кроме пятифигурного деисуса, выгравированного на чаше, там помещено еще изображение Георгия Победоносца – патронального святого Юрия Долгорукого. По венцу потира выгравирован литургический текст, дающий основание для датировки чаши по эпиграфическим признакам серединой XII в. Сосуд имеет изысканную форму полусферической чаши на стояне с разделенной на доли "дынькой" и с поддоном, на который спускаются искусно вычеканенные листья аканфа. Гравированные изображения на потире являются образцом высокого иконописного стиля в прикладном искусстве домонгольской поры, который характеризует строгая монументальность одухотворенных образов в сочетании с большим мастерством отточенного рисунка (*Орешников А.В.*, 1897; *Рыбаков Б.А.*, 1971. С. 61–63; Государственная Оружейная палата... 1969. № 13).

В ризнице новгородского Софийского собора сохранились два одинаковой формы сосуда, вошедшие в историю науки под названием "кратиры" (*Покровский Н.В.*, 1914. С. 42–60. Табл. III–К) (табл. 98, *1–2*). Об их связи с евхаристией можно судить по причастной молитве, выгравированной по венцу – "пиите от нея вси...". Предполагают, что эти сосуды могли использовать в архиерейском богослужении, когда за дискосом, потиром и воздухом на великом выходе иподиакон выносил воду в двух сосудах. Принятие освященной богоявленской воды тоже называлось "причащением". Об этом старинном, вышедшем из употребления обряде повествуется в "Слове о божественной литургии", приписываемом Григорию Богослову. Входил этот обряд и в чин богослужения новгородского Софийского собора (*Яцимирский А.Н.*, 1914. С. 75; *Голубцов А.П.*, 1889. С. 85–87).

Ранние евхаристические чаши имели разную форму, о чем можно судить по изображениям этих сосудов в древних рукописях (*Уваров А.С.*, 1910. С. 292–297). Среди них есть и сосуды с двумя ручками и поддоном, подобные новгородским кратирам. Кроме литургической надписи на кратирах, имеются и другие, с именами заказчиков; на одном – новгородского посадника Петрилы и его жены Варвары, а на другом – Петрилы и его жены Марьи, хотя на сосуде изображен апостол Петр и Анастасия. Вряд ли эти довольно большие сосуды предназначались для причащения только этих двух пар лиц. По-видимому, они являются вкладчиками в Софийский собор. Не меньший интерес представляют и имена новгородских мастеров Флора-Братилы и Косты, написанные на днищах сосудов. Это – один из редких случаев, когда мастера оставили свои имена на изделиях. Предполагают, что они как бы соревновались в искусстве изготовления сосудов одной и той же формы, повторяя все детали лицевых изображений и орнамента. При этом сосуд Братилы был сделан несколько ранее сосуда Косты (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 294–300; 1971. С. 54–57. Рис. 78–80).

Форма сосудов, изображения и орнамент на них символичны. В плане они имеют форму квадрифолия, с боков на скругленных гранях на сосуде Братилы вычеканены в рост фигуры Христа и Богоматери, апостола Петра и мученицы Варвары – патрональных святых заказчиков сосуда новгородского посадника Петрилы и его жены Варвары, что подтверждается и надписью на внешней стороне поддона: "Се сосуд Петрилов и жены его Варвары". На гранях, сходящихся под углом, вычеканены крупные цветы, оплетенные своими же стеблями. Внизу к ним тянутся цветки и бутоны как бы расплющенных по воде водорослей. Крупные восьмилепестковые розетки заключены в прихотливо изогнутых ручках сосуда с древовидными отростками. На верхних плоскостях четырехгранный перейм, с помощью которых ручки скрепляются с сосудом, выгравированы птицы в нимбах, по-видимому, голуби – символ "святого духа".

Мотив древа жизни, креста и священных птиц не случайно употреблен на сосуде, связанном с основным священнодействием в храме – евхаристией.

Сосуд Косты имеет ту же форму и орнаментику, но иных патрональных святых – Петра и Анастасию.

Новгородские кратиры уникальны и служат образцом большого искусства ковки, чеканки, гравировки и черни по серебру середины XII в.

К этому же периоду относятся и два новгородских сиона из Софийской ризницы, большой и малый, позднее служившие дарохранительницами, устанавливаемыми в алтаре на престоле (табл. 98, *4–5*). Первоначально они были, видимо, символом церкви. Во время торжественных церковных служб и крестных ходов их выносили вместе с запрестольной иконой и крестом. Впоследствии сионы вышли из употребления в церковном обиходе и были заменены более скромными дарохранительницами, которые тоже имели форму храма. Но и в домонгольское время они являлись едва ли не главными украшениями престолов соборных церквей.

Прекрасные сионы находились в Успенском соборе во Владимире и в церкви Рождества Богородицы в Боголюбове. Об украшении церковной утварью этих храмов заботился Андрей Боголюбский. В летописи эти сионы, или "иерусалимы", упоминаются под 1175 г. (ПСРЛ. 1908. Т. II. С. 581, 582). Один из владимирских сионов был привезен в конце XV в. в Москву и отреставрирован в 1486 г. для Успенского собора Московского Кремля. При исследовании оказалось, что основа сиона является работой кельнских мастеров 60-х годов XII в. (*Даркевич В.П.*, 1966. С. 23–25. Табл. 15, 16).

Новгородские сионы являются оригинальными русскими изделиями (*Покровский Н.В.*, 1911). Они имеют форму круглого храма-ротонды с полусферическим куполом, опирающимся на колонны, с утвержденным на нем крестом. Основанием сиона была круглая тарель, а пространство между колоннами закрывалось двухстворчатым дверцами и чеканными изображениями двенадцати апостолов. На куполе большого сиона в кругах вычеканены изображения поясного пятифигурного деисуса и Василий Великий – возможно, патрональная фигура за-

казчика. Изображения деисуса и апостолов символизировали собой христианскую церковь, которая олицетворялась в миниатюрном храме для хранения "святая святых" христианского богослужения.

Большой сион – один из характерных образцов искусства чеканки по серебру XII в., сохраняющих монументальный стиль изображений, свойственный лучшей поре домонгольского искусства. Выразительные фигуры апостолов даны в легком движении, попарно обращенными друг к другу. Мягкие складки одежд, положенные по форме фигур, обризованы в иконописной манере с подчеркиванием теневых и освещенных сторон. По фону крупным уставом вычеканены рельефными колончатыми надписями имена святых. По полуколонкам вьются стебли, заключающие в круги крупные бутоны цветов, оттененные чернью. Тимпаны арок под куполом заполнены орнаментом в виде сложной плетенки. На гладких плоскостях купола посажены цветные камни в оправах в виде лепестков, а на самом куполе – прекрасной работы четырехконечный крест с кругами на концах, т.е. данный в типично византийской иконографии. Древняя тарель сиона не сохранилась. Современная тарель была сделана при реставрации сиона, возможно, к празднованию тысячелетия России.

Гораздо хуже сохранился малый сион, у которого утрачены дверцы и частично ажурный орнамент в тимпанах арок под куполом, но зато у него сохранилась древняя тарель с выгравированным на ней четырехконечным византийского типа крестом.

Оклады икон и напрестольных евангелий. Напрестольные кресты

Новгородские мастера-чеканщики оковывали драгоценными окладами и наиболее чтимые иконы, например образ Петра и Павла, написанный еще в XI в. (*Мнева Н.Е., Филатов В.В.*, 1960. С. 81–101; *Бочаров Г.Н.*, 1969. С. 34, 36. Рис. 23–24). По полям серебряного оклада 20-х годов XII в. искусно вычеканены фигуры святых в рост, стилистически близкие к изображениям на кратирах, а фоном для них служит растительный орнамент в виде вьюна с трилистниками и розетками в кругах, напоминающий орнамент в тимпанах арок малого сиона. Подбор святых и здесь имел определенное смысловое значение. На верхнем поле вычеканен пятифигурный деисус: Христос, Богоматерь, Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил. На левом поле – святые мученики-воины: Евстафий, Прокопий, Дмитрий и две женские фигуры – Варвара и Фекла. На правом поле – целители: Козьма, Дамиан, Пантелеймон, Кир и Иоанн. На нижнем поле -только орнамент. Исследователи справедливо полагают, что такой подбор святых мучеников – воинов и целителей – связан с именем новгородского посадника Петрилы, погибшего в походе на Суздальскую землю в 1135 г. (*Рыбаков Б.А.*, 1971. С. 57, 60; Рис. 94–96). В родстве с ним находились Варвара и Фекла, чьи патрональные святые изображены на окладе.

В этой же художественной мастерской, возможно той же артелью чеканщиков, был изготовлен и оклад на икону Корсунской Богоматери с тем же орнаментальным украшением и фигурами святых, помещенными под арками с колонками.

Домонгольских окладов икон сохранилось чрезвычайно мало, но из летописных источников известно, какое большое внимание уделялось иконному узорочью. Владимирский князь Андрей Боголюбский, украшая чтимую икону Владимирской Богоматери, "вкова в ню боле трии десять гривенъ золота кроме серебра и каменья драгаго и жемчуга..." (ПСРЛ. Т. I. Стб. 392). Этот оклад не сохранился. Когда в 1185 г. во Владимире случился пожар, то сообщалось, что погибло много "иконъ золотомъ кованых и каменьем драгымъ и жемчюгомъ великим..." (Там же). Об окладах киевского происхождения известно из Жития черноризца Эразма, который "имел большое богатство, но все его истратил на церковные нужды: оковал много икон, которые и доныне стоят... под алтарем" (Киево-Печерский патерик, 1914. С. 48, 49). От второй половины XIII в. имеются известия об иконах в драгоценных окладах, золтых и серебряных, украшенных камнями и жемчугом, с цатами, гривнами и монистами, которые вкладывал в различные храмы волынский князь Владимир Василькович (ПСРЛ. 1843. Т. II, С. 222, 223). Продолжали украшать драгоценными окладами икону и в XIV в. Так, об иконе Богородицы, написанной московским митрополитом Петром, говорилось, что она украшена "златом и камениемъ". К XIII в. относится замечательный чеканный серебряный оклад с круглыми вставками дробниц с перегородчатой эмалью на иконе Богоматери Умиления, к которому были добавлены в XIV в. золотые венцы и цаты с камнями и жемчугом (*Макарова Т.И.*, 1975. С. 116. Рис. 9; *Николаева Т.В.*, 1976. С. 21. Рис. 1). По-видимому, в конце XIII или в первой половине XIV в. был сделан новый золотой оклад на икону Владимирской Богоматери, от которого сохранилась верхняя полоса с чеканными фигурами деисуса в рост (Государственная Оружейная палата, 1969. № 12).

О московских иконах, украшенных золотом, серебром, жемчугом и камнями, упоминает летописец, повествующий о разорении Москвы Тохтамышем (ПСРЛ. 1853. Т. VI. С. 101).

Упоминания в письменных источниках о драгоценных окладах икон свидетельствуют о той большой роли, которую оклады играли в оформлении живописи. Они не только не заслоняли красоты изображения, но, наоборот, подчеркивали живописные достоинства произведения, тем более что древние оклады не закрывали всего изображения, а покрывали только фон и поля иконы, украшали головы святых венцами, к которым подвешивали цаты, гривны и мониста.

Так же искусно и богато украшали окладами переплеты напрестольных евангелий. Об этом свидетельствуют прежде всего летописные источники. Уже упомянутый

нами Владимир Василькович Волынский в соборную церковь Благовещения вложил "евангелие опракосъ оковано сребромъ"; еще более богато украшенное евангелие "оковано сребромъ с жемчюгомъ" было дано им в Перемышльскую епископию, а в Чернигов послано евангелие "оковано сребром с жемчюгомъ и среди его Спаса с финифтомъ". Самое дорогое евангелие было дано в церковь великомученика Георгия в Любомли, окованное золотом и "каменіемъ, дорогымъ съ женчюгомъ, и деисус на немъ скованъ от злата, цяты великы съ финифтомъ, чюдно видъніелем, а другое еуангеліе опракосъ же волочено оловиромъ, и цяту възложил на не съ финиптомъ, а на ней святаа мученика Глъбъ и Борисъ" (ПСРЛ. 1843. Т. II. Стб. 222–223).

Домонгольские оклады евангелий не сохранились. Отдельные детали древних украшений можно видеть только на Мстиславском евангелии XII в. (*Филимонов Г.Д.*, 1861; *Симони П.*, 1910; *Макарова Т.И.*, 1975. С. 116–118, № 111–113. Табл. 21). Это – разновременные киотчатые и прямоугольные золотые дробницы с перегородчатыми эмалями. Композиция же всего оклада с добавлением скани и центральной дробницы с деисусом была переделана новгородскими мастерами в 1551 г.

От XIV в. сохранилось евангелие, окованное серебром с гравировкой и чернью, принадлежащее московскому великому князю Симеону Гордому (*Симони П.*, 1910а. С. 3–4; *Рындина А.В.*, 1972. С. 172–188; *Николаева Т.В.*, 1976. С. 128–138). На переплете евангелия – пластины с изображением распятья, двух плачущих ангелов, Богоматери и Иоанна Богослова, четырех евангелистов, а также с исторической надписи. Фоном служил, по-видимому, гладкий лист золоченого серебра (находящийся теперь на евангелии басменный фон более позднего происхождения). Рисунок лицевых изображений и орнамента на окладе был наведен, вероятно, той артелью московских иконописцев, которые в 40-х годах XIV в. расписывали храмы на великокняжеском дворе.

В 1392 г. был сделан оклад на рукописное евангелие московским боярином Федором Андреевичем Кошкой (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 624. Рис. 136; *Николаева Т.В.*, 1976. С. 160–167. Рис. 55). Исполнен этот оклад в технике серебряного литья, гравировки и эмали, чеканки и полихромной скани. Композиция оклада организована пятью киотчатыми дробницами с изображением в центре Спаса на престоле, а по углам – евангелистов. Каждая из них представляет собой килевидную трехлопастную арку, опирающуюся на тонкие витые столбики с базами и капителями. Под арками помещены литые серебряные фигуры на фоне, залитом синей и зеленой эмалями плохого качества. Эмаль очень хрупкая, имеет неровную поверхность и пузырьки. Все фигуры проработаны чеканом по литью. На средине оклада изображены Богоматерь и Иоанн Златоуст, предстоящие Христу, в килевидных чеканных обрамлениях на фоне полупрозрачной синей эмали. Над ними в киотчатых фигурных обрамлениях располагаются литые фигуры двух ангелов также на фоне эмали. Сверху и снизу помещены две круглые дробницы с гравированными изображениями Христа Еммануила и Ильи Пророка, а внизу – две небольшие киотчатые дробницы с изображениями Федора и Василисы.

Евангелие Кошки соединяет в себе новые технические и художественные приемы украшения сканью, расцвеченной разноцветными мастиками и полупрозрачной эмалью, положенной по резьбе, с более архаическими приемами серебряного литья.

К концу XIV в. принадлежит оклад рукописной псалтири, вложенной в Троице-Сергиев монастырь Иваном Грозным в память князя Василия Ивановича Шуйского. Оклад псалтири украшен пятью накладными литыми ажурными пластинами с орнаментом плетения, цветками крина и барсами на центральной дробнице (*Николаева Т.В.*, 1976. С. 167–169. Рис. 57).

Напрестольные кресты XII в. сохранились лишь в ризницах Софийского собора и Антониева монастыря в Новгороде. Они имеют древнюю форму шестиконечных крестов с широко расставленными перекладинами. По деревянной основе кресты обложены басмой и украшены вставками из цветных камней и стекол (*Покровский Н.В.*, 1914. С. 1–124. Табл. I–XXIII; *Бочаров Г.Н.*, 1969. Рис. 29). Наиболее богатый и художественно выполненный крест был сделан для Евфросиньевского монастыря в Полоцке (*Алексеев Л.В.*, 1957. С. 224–244; *Макарова Т.И.*, 1975. С. 70–73. Табл. 20). По деревянной основе крест облицован серебряными позолоченными и золотыми пластинами. Последние имеют изображения святых и орнамент, выполненные в древней технике перегородчатой эмали. По цвету и рисунку изображения отличаются высокими живописными достоинствами. Крест имеет длинную историческую надпись, из которой известно, что он был выполнен в 1161 г. мастером Лазарем Богшей по заказу Евфросинии Полоцкой. Этот мастер в совершенстве владел искусством перегородчатых эмалей, которое получило наибольшее развитие в Киевской Руси XI–XIII вв.

Ковчеги-мощевики (табл. 99)

Обязательными предметами христианского культа были ковчеги-мощевики. Эти реликварии делались, как правило, из драгоценных металлов, украшались гравировкой и чернью, а позднее эмалью, сканью и цветными камнями. Они были принадлежностью храмов и частных лиц. Ростовский епископ Кирилл, украшая в 1231 г. собор в Ростове, внес в храм мощи святых "в раках прекрасных" (ПСРЛ. Т. I. Стб. 458). Древние мощевики хранились в Княгинином Успенском монастыре во Владимире, 40 серебряных ковчежцев, ящиков и крестов, в которых хранились мощи разных святых и христианские реликвии, находились в Софийском соборе в Новгороде. Все эти святыни ежегодно в страстную пятницу выносили на поклонение народу. По сообщению помощника директора Оружейной палаты А. Вельтмана, мощевики лежали на аналоях в московском Благовещенском собо-

ре, а древние кресты с мощами святых хранились в патриаршей ризнице (*Вельтман А.*, 1843. С. 29, 31). Личные ковчеги-мощевики тоже вкладывали в храмы, особенно после смерти их владельца. Вместе с цветами, гривнами, нагрудными иконками их подвешивали к окладам чтимых икон. Подобный обычай засвидетельствован более поздними вкладными и описными книгами монастырей, он был известен на Руси и в Византии.

От домонгольского времени сохранились два серебряных мощевика. Один из них имеет лицевые изображения и орнамент, другой – только надпись. Первый представляет собой прямоугольную коробочку с полым ушком для подвешивания (табл. 99, *2*). На нем гравировкой и чернью изображены Флор и Лавр, предстоящие Спасу Эммануилу. По боковым сторонам ковчега наведен орнамент. По характеру монументального рисунка и эпиграфическим признакам надписи это произведение конца XII в. Композиционно изображение Флора и Лавра с благословляющим их Спасом близко известной новгородской выносной иконе с изображениями на одной стороне Знамения Богоматери, а на другом Петра и Натальи, предстоящих Спасу. Почитание Флора и Лавра было характерно для Новгорода. По-видимому, и данный ковчег, хранившийся в ризнице Благовещенского собора Московского кремля, новгородского происхождения (*Рыбаков Б.А.*, 1971. С. 78. Рис. 100; *Николаева Т.В.*, 1976. С. 52. Рис. 16).

Небольшая серебряная коробочка-мощевик без изображений, но с надписью, упоминающей мощи Пантелеймона, Акакия и Макавея, была найдена при раскопках в Спасском соборе в Чернигове, датированная по эпиграфическим и стратиграфическим данным XI в. (*Холостенко Н.В.*, 1974. С. 199–202. Рис. 2) (табл. 99, *1*). По сообщению Киево-Печерского патерика, мощи Акакия были привезены в Киев еще зодчими греками вместе с мощами других святых (Киево-Печерский патерик, 1914. С. 65).

Серебряный сосуд для мира и масла был найден в Новгороде в слоях второй половины XIII в. На нем начертаны лишь два слова: "мюро" и "масло", эпиграфически подтверждающие стратиграфическую дату. Этот небольшой сосуд для миропомазания и соборования маслом принадлежал, видимо, приходскому священнику (*Седова М.В.*, 1964) (табл. 99, *3*).

От XIV в. сохранилось несколько мощевиков, принадлежащих храмам и частным лицам. Один из них хранится в Краковском городском соборе. Это – русское произведение в виде продолговатого ящика с кровлей на четыре ската, вся поверхность которого, кроме дна, заполнена гравированными изображениями целителей и страстотерпцев, а также сценами из Жития Козьмы и Дамиана с поясняющими надписями. Произведение интересно не только искусством гравировки, но и надписью, указывающей имена мастера Самуила и писца Елисея. На основе эпиграфического анализа надписей это произведение датируется первой половиной XIV в., судя по языковым фонетическим особенностям оно было сделано на юге, возможно в Галицкой Руси или на Волыни (*Жолтовский П.Н.*, 1958. С. 209–213; *Янин В.А.*, 1958. С. 213–215; *Бочаров Г.Н.*, 1969. С. 47; *Николаева Т.В.*, 1976. С. 51). Другой реликварий, носившийся на груди, т.е. имеющий оглавие для подвешивания его на дорогой цепи или простом гайтане, в форме квадрифолия, был сделан, по-видимому в Твери, в середине XIV в. Изображенные на нем Никола Зарайский и архангел Михаил с Борисом и Глебом имеют наибольшее стилистическое сходство с изображением Троицы на тверских дверях середины XIV в. (табл. 99, *4, 5*). Эпиграфические особенности надписей подтверждают нашу аналогию. Это одно из лучших произведений данного времени по искусству гравировки по серебру. Символически оно связано с почитаемыми в Твери архангелом Михаилом, Борисом и Глебом, а также с культом Николы. Возможно, мощевик принадлежал тверскому князю Михаилу Александровичу (*Николаева Т.В.*, 1976. С. 97–98; Рис. 37; *Попов Г.В., Рындина А.В.*, 1979. С. 541–544. № 1).

Ковчегами-мощевиками были не только коробочки-реликварии, но и своеобразной формы полые кресты, представляющие собой форму четырехконечного креста с дополнительными перекладинами на каждом конце. Такой крест-мощевик хранится в Оружейной палате Московского кремля. Он имеет гравированные изображения распятия с Богоматерью и Иоанном Богословом (изображены погрудно, а на другой стороне – изображения святых, чьи мощи вложены в ковчег, – Меркурия, Прокопия и Дмитрия, Пантелеймона и Сисиния) (табл. 99, *6–7*). Судя по изображению здесь Меркурия, почитавшегося в Смоленске, крест мог быть смоленского происхождения. Характер гравировки отличается некоторым провинциальным примитивизмом (*Николаева Т.В.*, 1960. С. 24. Рис. 2).

1383 г. датируется большой и раскошный ковчек-мощевик в форме квадрифолия, заказанный архиепископом Дионисием для собора Рождества Богородицы в Суздале и на средства суздальского князя Бориса Константиновича. Ковчег имеет изображения восьми сцен из земной жизни Христа, выполненных гравировкой с заполнением фона черной эмалью. Кроме того, он украшен сканью и полудрагоценными камнями. По стилю изображения на ковчеге напоминают фрески Волотова и некоторые новгородские иконы XIV в. По технике гравировки в сочетании с черной эмалью и крупному рисунку скани из сдвоенного жгута это произведение выполнено мастером псковско-новгородской школы. Архиепископ Дионисий, купивший за крупную сумму священные реликвии в Царьграде, приехал с ними не в свою суздальскую епископию, а прямо в Новгород и потом – Псков в связи с необходимостью борьбы с ересью. Там, видимо, и был сделан этот замечательный ковчег, позднее спрятанный Дионисием в стене суздальского собора. В 1401 г. дионисиевский ковчег был найден и торжественно принесен в Москву (*Николаева Т.В.*, 1976. С. 25–35. Рис. 2–10).

Панагии и панагиары (табл. 100)

Принадлежностью соборных и монастырских храмов, а также и высших духовных и светских лиц были панагиары и нагрудные панагии, служившие для ношения богородичного хлеба. Неизвестно, когда чин панагии впервые стал практиковаться в русских монастырях. С конца XIV в. он был введен митрополитом Киприаном не только в монастырях, но и во время трапезы при княжеском дворе. Наличие более древних русских панагий свидетельствует о том, что связанный с этими предметами обычай был уже известен на Руси в XIII – начале XIV в. К этому времени относятся так называемые "путные" панагии, состоявшие из двух створок в виде тарелочек, соединенных штырями. К ним прикреплялось оглавие для ношения панагии на груди. Такие панагии с освященным богородичным хлебом брали с собой в далекие и небезопасные путешествия, поэтому они и назывались "путными".

Известны три ранние панагии, сделанные из меди, с изображениями Богоматери Знамения и Троицы, наведенными "золотым письмом". Одна из них сохранилась полностью, две другие представлены только отдельными створками. Первая из них имеет все полагающиеся на панагиях изображения: распятие – на лицевой стороне верхней створки, Богоматери Знамения и Троицы – на внутренних сторонах (табл. 100, *2–4*). Верхнее изображение обведено полосой растительного орнамента, внутренние – богородичной молитвой и молитвой, относящейся к Троице (*Трощцкий Н.И.*, 1909. С. 265–269. Табл. I). По палеографии надписей это произведение датируется концом XIII в. (*Орлов А.С.*, 1952. С. 81, 82. № 114). Эту датировку могут подтверждать и иконографические особенности Троицы с прямо сидящей фигурой среднего ангела в крестчатом нимбе со свитком в левой руке и благословляющей правой рукой. Средняя фигура Троицы всегда символизировала Христа. Только ранние панагии были сделаны в технике золотой наводки на меди. Створки от двух других панагий с изображениями Богоматери Знамения и Троицы, выполненные в этой же технике, иконографически и стилистически близки к описанной выше панагии (*Малицкий Н.*, 1928. Рис. 1; *Гальнбек Н.*, 1928. Рис. 2, 4; *Вздорнов Г.И.*, 1976. С. 115–154. Рис. на с. 125) (табл. 100, *1, 2*).

К началу XIV в. относится и серебряная створка панагии, принадлежавшая Антониеву монастырю в Новгороде (табл. 100, *6–7*). Она выполнена уже в иной технике гравировки и черни. А на лицевой ее стороне припаяна целая ажурная иконка с закругленным верхом, выполненная в технике серебряного литья. На ней воспроизведены сцены сошествия в ад – в верхней части, двух святых и распятия в отдельных клеймах – в нижней части. Иконография Троицы, наведенной жирной черненой линией по резьбе, здесь такая же ранняя, как и на панагиях с золотым письмом, но отличается большим примитивизмом и грубостью рисунка. На панагии имеется надпись с именем владельца – Протопоп Моисей и именем мастера – Иван. Накладные изображения, выполненные в технике серебряного литья, здесь встречаются впервые (*Порфиридов Н.Г.*,1967. С. 97, 98. Табл. XVIII; *Николаева Т.В.*, 1971. С. 44, 45. № 18. Табл. 14).

Церковные двери с золотым письмом (табл. 101, 102)

Техника письма с золотом по меди была заимствована русскими у византийцев. Она заключалась в том, что специально подготовленную медную пластину покрывали лаком, затем процарапывали на ней изображения и надписи, которые покрывали золотом, смешанным с ртутью. При сильном нагреве ртуть испарялась, а золото восстанавливалось на меди. Впервые эту технику разгадал и подтвердил на практике Ф.Я. Мишуков (*Мишуков Ф.Я.*, 1945. С. 111–114).

Дверями с золотым письмом украшали главным образом соборные храмы, но предполагают, что подобные двери были и в светских хоромах. Об этом судят по медной пластине, найденной на Княжей Горе близ Канева, с изображением воинов со щитами и копьями на фоне крепостного сооружения. Поскольку пластина сохранилась фрагментарно, то понять ее назначение трудно. Она могла украшать и церковные двери, так как изображения на ней могли иллюстрировать один из ветхозаветных сюжетов (*Беляшевский Н.*, 1893. № 41. С. 146).

Летописные источники упоминают только "золотые" двери храмов. Такие двери, заказанные архиепископом Кириллом в 1231 г., были в соборном храме в Ростове Великом, в Спасском соборе в Нижнем Новгороде, по-видимому, возобновленные суздальско-нижегородским князем Борисом Константиновичем в последней четверти XIV в. из дверей XIII в. (*Воронин Н.Н.*, 1962. С. 44). Медная пластина XIV в. с сюжетом Крещения, написанным золотым письмом, была найдена в Старой Рязани (*Монгайт А.Л.*, 1967. С. 11. Рис. 7). Другая медная пластина с таким же сюжетом неизвестного происхождения хранится в Эрмитаже.

Но самыми важными сооружениями, исполненными в технике золотого письма, являются сохранившиеся до наших дней две пары дверей (западные и южные) Рождественского собора в Суздале, сделанные одни на рубеже XII–XIII вв., другие (южные) вскоре после татарского нашествия; а также новгородские двери архиепископа Василия Калики 1336 г., перевезенные Иваном Грозным в Александровскую слободу и установленные в южном портале Троицкого собора. По-видимому, новгородским мастером в XIV в. были сделаны и царские врата с золотым письмом (*Лазарев В.Н.*, 1953б. С. 386–442; Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея

19–21). Все эти произведения являются не только па-
ками прикладного, но и изобразительного искусства.
Западные суздальские двери имеют 24 пластины с
етами из евангельского цикла и четыре пластины
бражениями грифонов и барсов в орнаментальном
млении, а также изображения патрональных свя-
на полукруглом нащельнике (табл. 101, *3*). На юж-
дверях помещены 24 пластины с сюжетами ветхо-
ного цикла и четыре пластины с орнаментом и
ражениями зверей. Избранные святые помещены
полукруглом нащельнике и на круглых умбонах
бл. 101, *4–5*). Пластины и умбоны с валиками на за-
ых и южных дверях разновременны. Поясняющие
дый сюжет надписи дают богатый материал для
графических исследований, подтверждающих дати-
ку врат на основе исторических данных (*Медведе-
Е.С.*, 1945. С. 106–111; *Янин В.Л.*, 1959. С. 91–98;
р *Г.К.*, 1975. С. 97–142). Стилистически суздаль-
е двери дают представление о высоких достижениях
бразительного искусства местных мастеров, знако-
х с новшествами византийского и южно-славянско-
искусства конца XII – первой трети XIII в. (*Овчинни-
ова О.Н.*, 1978). Двери Василия Калики имеют 16 пла-
стин с сюжетами новозаветного цикла, пять пластин с сюжетами ветхозаветного цикла и три орнаментальные пластины (четыре верхние пластины с сюжетами богородичного цикла были добавлены в 30-х годах XVI в.) (табл. 102. *1–3*). Первоначально двери были прямыми и имели семь рядов изображений (*Николаева Т.В.*, 1976. С. 55–64; *Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 649, 650). Историки искусства различают почерк четырех разных мастеров, участвовавших в их росписи (*Лазарев В.Н.*, 1953б. С. 386–442). Написанная на дверях молитва Василия Калики намекает на борьбу с ересью, волновавшую Новгород в XIV в.

С художественной точки зрения более классическим новгородским памятником являются "Лихачевские" царские врата с изображениями Благовещения и четырех евангелистов (табл. 102, *4–5*). Рисунок здесь более совершенный, орнаментальные мотивы в сочетании с изображениями зверей более архаичные и сложные по сравнению с васильевскими дверями. В этом памятнике нет стилистического разнобоя, он более цельный в художественном отношении. Сочетание звериных и орнаментальных изображений роднит "Лихачевские" врата с владимиро-суздальским искусством XIII в.

Культовые произведения бытового назначения. Кресты-корсунчики, тельники, иконки-подвески и иконки нагрудные XI–XIII вв. (табл. 103–104)

Археологические находки дают многочисленный массовый материал христианских культовых предметов, принадлежавших частным лицам. К ним прежде всего относятся каменные кресты-корсунчики, металлические кресты-тельники и небольшие подвесные литые иконки. Самые ранние из этих предметов датируются традиционно X в. Укажем прежде всего на маленькие каменные четырехконечные кресты, получившие название "корсунчиков". Это название, видимо, не случайно. Большинство каменных крестиков сделано из привозных пород камней, таких, как яшмы, лазуриты, мраморы, пирофилиты. Поставщиком этих крестов, возможно был Корсунь, – колыбель христианства, распространившегося отсюда по Киевской Руси. Каменные кресты-тельники были первыми христианскими символами, которые носили люди, принявшие крещение. Некоторые из этих крестов имели просверленное отверстие для подвешивания на простом гайтане, другие были обложены по концам серебром или золотом и имели подвижное металлическое ушко для шнура. Древнейшими "корсунчиками" были равноконечные кресты небольших размеров. Их эволюция шла в сторону увеличения вертикальной перекладины, появления граненых или закругленных углов, разнообразия металлических обкладок на концах креста. На обкладках появлялись надписи, украшения сканными жгутиками, а потом и переймы самими обкладками, с закреплениями на них полудрагоценных камней. Большое число корсунчиков было собрано на юге Руси и хранилось в собрании Ханенко (Собрание Б.Н. и В.И. Ханенко, 1899, 1900) (табл. 103, *1–5*; *7–9*).

Помимо каменных крестов-корсунчиков, с конца X в. на Руси получили распространение и тельники, сделанные из серебра и бронзы в технике литья или вырезанные из металлической пластины или монеты. Именно они появляются в погребальных памятниках второй половины X в., равно как и крестики с распятиями (в их северном варианте), а также некоторые формы тельников "скандинавского" типа. Начиная со второй половины XI в. на Руси наблюдается многообразие типов крестообразных подвесок. Часть из них ("скандинавского" типа, круглоконечные) бытуют только в течение одного столетия, большинство же, появившись в XI в., продолжает бытовать и в XII в., а частично и в XIII в. (с дугами в средокрестии, некоторые типы с профилированными концами, с эмалью, трехлопастноконечные).

В XII в. возникают новые типы крестов-тельников (иногда с дугами в средокрестии, с перекладчатыми концами и кружковым орнаментом, с ложной зернью, криноконечные, ажурные и др.). Некоторые формы крестов бытовали на Руси еще с XI в., к XII–XIII вв. их разнообразие достигло апогея. Их местное производство не вызывает сомнения. Повсеместно появлялись литейные формы для отливки тельников (Новгород, Киев, Серенск, Райковецкое городище, Митяево Московской области и др.) (*Рындина Н.В.*, 1963. Рис. 10; *Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 146. Рис. 22, 4, 7, 8. С. 261. Рис. 58; *Никольская Т.Н.*, 1971. С. 77. Рис. 24, 30; 1974. С. 41. Рис. 2, *10*; *Седов В.В.*, 1975. С. 73. Рис. 3, 16, 20; *Гончаров В.К.*, 1950. Т. XVII, 1, 7), а также бракованные изделия (Старая Рязань). В это время большое количество тельников появляется на поселениях и в городских слоях.

Ряд наблюдений (кресты, вырезанные наспех из серебряных монет специально для погребения, тельники на груди захороненных мужчин без других вещей) позволяет утверждать, что крест в памятниках домонгольской Руси является свидетельством соприкосновения населения с христианской религией.

Для раннего периода Руси (X–XI вв.) характерно небольшое количество крестообразных подвесок, а также малое количество вариантов тельников, индивидуальность форм, большинство которых делались из серебра. Упрощение формы крестов, их многообразие, массовые находки литейных форм и бракованных изделий в XII–XIII вв. – все это позволяет говорить об успехах христианизации.

Более поздними, не ранее XII в., являются небольшие металлические иконки с христианскими изображениями, которые могли носить на отдельном гайтане, но чаще всего в составе мониста. Иконки имели круглую или квадратную форму. Наиболее часто встречаемые на них изображения – это Богоматерь в раннем иконографическом изводе типа Корсунской (изображение погрудное с младенцем на левой руке), Успение Богоматери и Троица. Как справедливо предполагают исследователи, эти иконки были связаны с храмовыми праздниками тех мест, к которым тяготело население, их носившее. Так, иконки с изображением Успения Богоматери распространены на Владимирской земле, где праздник Успения был одним из главных престольных праздников в связи с посвящением ему собора во Владимире (*Спицын А.А.*, 1896. С. 160–162; *Голубева Л.А.*, 1962. Рис. 12; *Седова М.В.*, 1974. С. 191–194; 1978. С. 119–122. Табл. 6) (табл. 103, *62–68*).

Среди находок при раскопках древнерусских городов большое место занимают медные и бронзовые кресты – энколпионы. В курганных могильниках сельского населения энколпионы редки. Ранние энколпионы были, по-видимому, также корсунского происхождения или поступали на Русь из Византии и Малоазийских земель. Это четырехконечные кресты с несколько расширяющимися концами, с довольно примитивными гравированными изображениями Богоматери, Распятия или избранных святых. Киевские мастера подражали этим привозным изделиям, но их можно было отличить по славянским надписям и стилистически несколько иному пониманию образа. Энколпионов XI в. известно немного и их иконографические особенности еще недостаточно изучены. К ним можно отнести энколпионы с расширенными концами. На таких энколпионах обычно имеется рельефное или гравированное изображение Богоматери и четырех евангелистов в медальонах (табл. 104, *1, 3*).

Наибольшее распространение на Киевщине получили энколпионы в виде четырехконечного креста с закругленными концами и полукруглыми выступами по сторонам каждого конца. Среди них есть энколпионы с рельефными изображениями (табл. 104, *9–10*) и энколпионы, изображения на которых исполнялись глубокой гравировкой с инкрустацией или чернью (табл. 104, *11, 12*). Символика изображений была связана с основными новозаветными сюжетами: Распятие, Иоанн Предтеча, Никола, евангелисты или просто изображение креста. Для датировки этих произведений служат не только форма предмета и техника изготовления, но и палеография надписей, исполненных чеканом или резцом по литью. Ранние экземпляры таких крестов были найдены прежде всего в самом Киеве (*Толочко П.П., Боровский Я.Е., Гупало Е.Н., Ивакин Г.Ю., Сагайдак М.А.*, 1975. С. 364–366). Но они довольно широко разошлись по всей Киевской Руси.

Самостоятельную группу предметов составляют так называемые Глебо-Борисовские энколпионы XI–XII вв. (табл. 104, *4–6*). Они имеют обычную древнюю форму четырехконечных крестов с закругленными концами и выступами на концах, с рельефными изображениями на одной стороне мученика Глеба с храмом – символом мученичества в левой руке, на другой – Бориса с храмом в правой руке. Их изображения сопровождаются обычно полуфигурами святых в круглых медальонах (*Лесючевский В.И.*, 1946. С. 225–247; *Полле А.В.*, 1966. С. 42).

Иконография Бориса и Глеба с храмом в руке была связана с установлением вышгородского культа Бориса и Глеба, когда они почитались прежде всего как князья-мученики. Храм как символ мученичества изображался в мозаиках киевского Софийского собора в иконографии новозаветных мучеников (*Алешковский М.Х.*, 1972. С. 104–125). Впоследствии иконография Бориса и Глеба на печатях, крестах-энколпионах и нагрудных иконах изменялась в связи с осмыслением их как мучеников-воинов, с крестом в левой руке и мечом в правой. На это их изображение распространялась и функция их как целителей, защитников Русской земли от неверных (*Николаева Т.В.*, 1968а. С. 451–458).

Борисоглебовские энколпионы не были широко распространены, их производство связано, видимо, с узким кругом Вышгородско–Киевского ареала и относилось к сравнительно короткому времени – второй половине XI–XII вв.

Более поздними являются энколпионы конца XI – первой трети XIII в., сохранявшие ту же форму креста, но имевшие изображения в технике высокого рельефа, отлитые в литейной форме. На некоторых из них и надписи переданы высоким рельефом, часто в зеркальном отражении. Определенную серию этих крестов с надписью "Богородица помогай" датируют временем татаро-монгольского нашествия (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 262) (табл. 19, 20). Это предположение находит подтверждение в том, что подобные кресты были обнаружены в татарских поселениях Поволжья. Они принадлежали русским людям, угнанным татарами в плен. Характерно, что среди русских вещей – нагрудных икон и крестов-энколпионов, найденных на территории Золотой Орды, много южнорусских форм, что может свидетельствовать о том, откуда в первую очередь угоняли пленников в татарские становища (*Полубояринова М.Д.*, 1978. Рис. 11, 37).

Кресты-энколпионы, близкие по форме к южнорусским типам, были найдены и в городах Смоленщины и Белоруссии: Мстиславле, Гродно, Могилеве, Бресте, Друцке (*Алексеев Л.В.*, 1974. С. 204–219), а также на Северном Кавказе (*Кузнецов В.А.*, 1968. С. 80–86). Они представлены не только домонгольскими образцами, но более поздними формами XIII–XIV вв., а также односторонними и двусторонними наперсными крестами, характерными уже для XV в.

Их носили поверх одежды, "на вороте", как это изображено на фигуре мастера Авраама на Сигтунских дверях Софии Новгородской. Небольшие энколпионы носили как кресты-тельники, они повторяют по форме большие энколпионы (табл. 104, *2, 5*). Иногда эти небольшие крестики украшали только инкрустацией (табл. 104, *7, 8, 13, 14*).

В первой трети XIII в., когда массовое производство энколпионов, производившихся в основном в Киевской земле, было прекращено ордынским нашествием, исчезают описанные выше формы. Находки отд[illegible]их экземпляров в слоях второй половины XIII – начале XIV в., говорят лишь о бытовании старых изделий. Появляются новые, более поздние виды крестов-энколпионов четырехконечной формы, с закругленными концами и небольшим квадратом в средокрестии, где отливали рельефом фигуры Бориса и Глеба в рост с мученическими крестами, которые они держат перед грудью правой рукой и мечами в левой руке (*Николаева Т.В.*, 1960. С. 102–104). Возможно, что подобные типы крестов появились впервые на Киевщине, поскольку они представлены прежде всего южнорусскими находками. Но большее распространение они получили в средней полосе Руси. Изображения Бориса и Глеба в ранней южнорусской иконографии, впервые представленной на южнорусских печатях, имели на этих крестах символику охранителей и защитников Русской земли от неверных, которая становится особенно актуальной для времени Батыева ига.

Во второй половине XIII в. медные литые кресты-энколпионы постепенно исчезают, уступая место наперсным крестам-мощевикам, которые делали из драгоценных металлов и имели другие символические изображения. Они не были массовой продукцией, их заказывали лишь знатные духовные и светские лица. Более дешевые вещи делали по-прежнему из меди и медных сплавов, по форме они являлись подражанием изделиям из драгоценных металлов. И все же меднолитых изделий становится значительно меньше, чем в домонгольское время. Надежно датированных произведений второй половины XIII в. нет, тем более что археологически этот период изучен очень слабо. Отнести сохранившиеся в музейных коллекциях произведения к этому раннему времени можно только на основе стилистических и эпиграфических признаков.

Серебряные кресты-мощевики, сделанные в XIV в., иногда служили ковчегами для домонгольских энколпионов, которые сами по себе уже рассматривались как священные исторические реликвии. Один из таких крестов с гравировкой и чернью по серебру был сделан в Новгороде. Изображенные на нем сцены Распятия и четырех праздничных сюжетов на лицевой стороне, Богоматери Знамения с архангелами Михаилом и Гавриилом и святыми Николой и Михаилом Исповедником на обороте имеют стилистические особенности новгородской живописи. Характерны для Новгорода и сюжеты, например Знамения Богоматери (*Николаева Т.В.*, 1976. С. 71–74. Рис. 28, 29).

Для XIV в. стали характерны кресты-мощевики формы квадрифолия с закругленными или килевидными концами и с квадратом в средокрестии (табл. 104, *18, 21, 22*). В исторических документах (Духовные грамоты, вкладные и описные книги монастырей) эти изделия называли и крестами и иконами, так как в средокрестии помещалось обычно иконографическое изображение, например распятия с предстоящими, а иногда изображения были и на концах креста и на его оборотной стороне. Такие кресты входили в состав княжеской гривной утвари, их передавали из поколения в поколение, придавая им значение важных исторических реликвий. Известна целая серия крестов-мощевиков, принадлежавших великим и удельным князьям.

Основной техникой изготовления квадрифольных крестов являлось серебряное или медное литье, гравировка и чернение. В первой половине XIV в. изображения на крестах наносили жирной черненой линией только по основным линиям рисунка без детальной проработки; к концу XIV в. чернью заполнялась узкая полоса гравированного рисунка с большей детализацией изображений. На протяжении всего XIV в. часто применялась просто гравировка. Техника гравировки с чернью получила дальнейшее развитие в XV–XVI вв., когда ее используют не только на серебре, но и на золоте.

Нагрудные каменные иконки XI–XIV вв. (табл. 105)

Многочисленные нагрудные каменные иконки сохранились в ризницах древних церквей и монастырей. В них отражены самые ранние иконографические сюжеты и лицевые изображения, имеющие разнообразную символику, в которой нашли отражение и кое-какие языческие представления славян (*Николаева Т.В.*, 1983).

Обычай носить каменные иконки на груди пришел на Русь из Византии, но здесь он приобрел особенности, продиктованные местными условиями. Византийские произведения мелкой пластики делались из драгоценных и полудрагоценных камней твердых пород, которые сами по себе считались священными. Это были камеи на сапфире, изумруде, ониксе или жадеите или нагрудные иконки на ляпис-лазури, яшме и чаще всего стеатите.

На Руси для производства нагрудных иконок использовали местные породы мягких камней. Это сланцы разных оттенков и структур. На юге большинство иконок делали из розового синеватого овруческого шифера, на севере – из сланцев серого и темно-серого цветов. Использовали также камни-жировики и простой мергель. Некоторые русские иконки сделаны на привозных камнях – пирофилитах и стеатитах. Кроме монастырских и церковных коллекций, каменные иконки находили и при археологических раскопках.

Распространение находок каменных иконок свидетельствует о том, что делали их во многих древних русских городах. Производство иконок было городским ремеслом, так как они полностью отсутствуют среди кур-

ганных древностей. Известные на сегодняшний день каменные иконки найдены в следующих пунктах: Херсонес, Киев, Чернигов, Княжа Гора (Родень), Крылось (Старый Галич), Волынь, Шумск, Стележенецкое городище, Тмутаракань, Таганрог, Изяславль, Червень (близ Люблина), Минск, Полоцк, Смоленск, Витебск, Пинск, Туров, Новогрудок, Волковыск, Любеч, Вщиж, Стародуб, Слободка, Владимир, Суздаль, Гороховец, Ростов Ярославский, Старая Рязань, Казань, Увек, Болгары, Москва, Подмосковье, Новгород, Вологда, Белозерск.

Древнейшими центрами производства каменных иконок были Херсонес, Киев и Новгород. Первый являлся одним из центров византийской культуры, оказывавших большое влияние на русских мастеров, особенно в области иконографии и техники изготовления вещей.

Киев с XI в. был крупным центром по производству каменных иконок; именно здесь впервые появляются специальные мастерские, в которых работали мастера-профессионалы, создавшие свои приемы резьбы и свой четко отработанный стиль произведений с близкими эпиграфическими признаками надписей. Об этом может свидетельствовать серия иконок южнорусского происхождения, имеющая почерк одной художественной мастерской. Это иконки с изображением распятия с предстоящими, Богоматери Никопеи, Бориса и Глеба, Симеона и Ставрокия, Дмитрия Солунского (*Николаева Т.В.*, 1983. Табл. 5, 4; Табл. 5, 1; Табл. 5, 3; Табл. 6, 4; Табл. 6, 5; *Рындина А.В.*, 1975, 1978).

Некоторые особенности резьбы по камню отличают иконки, найденные на земле Тмутараканского княжества. Они вырезаны на толстой доске камня-жировика и сапонита и имеют несколько примитивный, но монументальный характер изображений. Таковы иконки XI в. с изображением Глеба, Алексая человека божьего и Феодора (*Рыбаков Б.А.*, 1964. С. 18; *Гадло А.В.*, 1965. С. 217–224. Рис. 1; *Николаева Т.В.*, 1983. Табл. 1, 2).

Одним из центров по производству каменной пластики был древний Галич, о чем свидетельствуют находки в с. Крылос и особенно в Изяславле. Их иконография имеет особый характер, аналогии ей можно найти только в живописных иконах галицкой школы. Ей свойственна также своеобразная народная интерпретация образов с явным влиянием западного искусства (*Рындина А.В.*, 1975; *Николаева Т.В.*, 1983. Табл. 12).

На севере крупнейшим центром изготовления каменных иконок был Великий Новгород (табл. 105, *4–6*). На протяжении XI–XIV вв. там не только создавали отдельные уникальные образцы каменной пластики, но и функционировали разновременные художественные мастерские с индивидуальным почерком резьбы. Несмотря на случайный характер дошедших до нас коллекций, каждая такая мастерская представлена несколькими образцами. Ранние новгородские произведения отражают древнейшие иконографические сюжеты, к ним относятся иконки с изображениями архангелов Михаила и Гавриила как представителей небесных сил (не как небесных воинов – с оружием в руке, а как сил небесных – с мерилом и зерцалом). Новгород дал прекрасные ранние образцы иконографии Георгия в виде пешего воина с копьем и щитом в руках. На одном из самых древних образцов Георгий изображен в княжеской короне и со стеммной на голове, т.е. трактован как воин-орхонт (*Порфиридов Н.Г.*, 1964. С. 120–125). Культ Георгия Победоносца был характерен для Новгорода, где еще в XII в. был основан Юрьев монастырь с белокаменным Георгиевским собором. Осваивая северные земли, новгородцы воздвигали там многочисленные Георгиевские храмы. Со временем менялась и иконография Георгия в каменной пластике, получившая иное историческое осмысление. С XIII в. его изображали как воина на коне, колющего копьем змея или крылатого дракона. Этим изображениям придавали иной, чем прежде, исторический смысл (особенно утвердившийся в период ордынского ига) – борьбы добра со злом. В изображении конного Георгия прослеживаются как черты высокого искусства резьбы по камню со скругленным к фону рельефом, так и черты народного искусства с резьбой низкого и плоского рельефа, больше свойственного резьбе по дереву (*Николаева Т.В.*, 1960. С. 26, 144, 145. № 134).

Классический образец новгородской пластики XII в. – уникальная иконка с изображениями на одной стороне пророка Ильи в пустыне, а на другой – поясного Николы. Иконографически изображение Ильи близко к воспроизведению этого же сюжета во фресковой живописи церкви Спаса на Нередице. Иконка имеет форму готической стрельчатой арки и древнюю сканную оправу с орнаментом в виде волнистой линии (*Николаева Т.В.*, 1983. С. 25. Табл. 13, 1).

Большой интерес представляют группы иконок, объединяемые общими сталистическими приемами резьбы, так как это изделия разных и разновременных художественных мастерских. Для новгородской каменной пластики характерна народная интерпретация образов, грубоватая, но выразительная лепка лиц, декоративность одежд и архитектурных деталей, избирательность наиболее чтимых святых и символических сюжетов.

При археологических раскопках в Новгороде найден ряд костяных и каменных иконок, сохранившихся полностью и во фрагментах. Не все они принадлежат новгородской школе. Среди них есть произведения византийского искусства, южнорусского, западноевропейского. Но большинство сделаны, несомненно, в Новгороде. Таковы, например, две иконки из раскопок А.В. Арциховского 1936 и 1947 гг., одна – круглая с изображением Спаса на престоле, другая – прямоугольная с изображением трехфигурного деисуса (*Арциховский А.В.*, 1949а. С. 141. Рис. 15–Г; *Николаева Т.В.*, 1983. Табл. 19, 6). Типично новгородская костяная иконка конца XIII в. с изображениями Георгия и Власия (*Янин В.Л.*, 1973. С. 267–271. Рис. на с. 268–269; *Николаева Т.В.*, 1983. Табл. 19, 4), фрагмент каменной иконки с изображением Георгия (*Рындина А.В.*, 1978. С. 18), а также иконки с изображениями Иоанна Предтечи, распятия и святителя (*Седова М.В.*, 1965). Археологические находки дополняют те стилистические группы новгородской пластики, которые более ярко выявляются иконками из ризниц церквей и монастырей, сохранившимися в большом количестве и представленными наиболее художественными образцами (*Николаева Т.В.*, 1983. Табл. 15–45).

Большим аристократизмом отличалось искусство каменной пластики среднерусского происхождения с центрами во Владимире, Москве, Ярославе, Твери и Рязани. Дошедшие до нас каменные иконки XIII–XIV вв. владимиро-суздальской земли отличаются скульптурной пла-

[illegible]ой высокого рельефа, большим мастерством в трак[illegible]е выразительных лиц, искусной передачей плавно па[illegible]дят одежд с круглящимися линиями. К таким шедев[illegible]мелкой пластики из камня следует отнести иконку с [illegible]бражением Тимофея (табл. 105, *7*). Большой декора[illegible]остью и тщательностью отделки мелких деталей от[illegible]лись иконки московского происхождения, такие, как [illegible]ятие с тремя святыми на обороте середины XIV в. [illegible]олаева Т.В.*, 1960. № 12. С. 109–112) (табл. 105. *8*, *9*).

Самостоятельную группу произведений составляет западнорусская пластика с центрами в Минске, Полоцке и Витебске (*Штыхау Г.В., Захарэнка П.Н.*, 1971). Она представлена такими выдающимися произведениями, как Константин и Елена (Полоцк), Никола и Стефан со Спасом Еммануилом (Минск), Богоматерь Скорбящая (Витебск), Богоматерь Деисусная и Никола (Минск) (*Николаева Т.В.*, 1983. Табл. 62–64).

Змеевики (табл. 106)

Термин "змеевик" был применен в науке к нагрудным [illegible]нам-амулетам с изображением на лицевой стороне [illegible]истианского символа – Богоматери, архангела, Федо[illegible]ра, Тирона, Бориса и Глеба или иных святых, а на обо[illegible]роте – человеческой личины, от которой отходят змеи [illegible]ли змееобразные существа, напоминающие крылатых [illegible]раконов. Древнерусское название этих предметов неиз[illegible]вестно. Один из древнейших золотых змеевиков, най[illegible]денный в XIX в. под Черниговом, получил название "гривная утварь", но оно условное, данное этому пред[illegible]мету первыми учеными, его изучавшими. В письменных [illegible]точниках встречается другой термин – "науз", под ним [illegible]понимали, видимо, всякий амулет, преимущественно [illegible]языческий, который выполнял охранительную функ[illegible]цию. Этот термин мог применяться и к змеевикам, осо[illegible]бенно в тот период, когда смысл изображенной компо[illegible]зиции был забыт и христианская церковь осуждала их [illegible]вместе с другими языческими символами.

Как нагрудная икона-амулет змеевик появился на Ру[illegible]си из Византии. Об этом можно судить уже по тому, что древнейшие найденные на Руси змеевики имели только греческие надписи. Славянские надписи на некоторых змеевиках обозначали обычно их принадлежность или перечень имен тех лиц, спасению которых они должны были служить.

Отливали змеевики преимущественно из меди, бронзы, золота или серебра в двухсторонних литейных формах. Для подвешивания их на цепи или гайтане вместе со змеевиком отливалось ушко. В редких случаях змеевики имели подвижное ушко, а иногда оглавие с изображением Спаса нерукотворного. Оглавие зачастую относилось к более позднему времени и было не одновременно змеевику.

Известны два змеевика, сделанные из яшмы, – один конца XII – начала XIII в. из суздальского Рождественского собора (*Сперанский М.Н.*, 1893), другой XIV в. в золотой оправе из ризницы Троице-Сергиевой лавры (*Николаева Т.В.*, 1960. С. 100, 101, № 7). Как убедительно доказала М.В. Щепкина, суздальский змеевик был заказан Марией Шварновой, моравской княжной, ставшей женой владимирского князя Всеволода Юрьевича (*Щепкина М.В.*, 1972. С. 60–80. Рис. на с. 74). Он как спасительный амулет был, по-видимому, сделан в связи с болезнью, которой она страдала последние семь лет жизни (с 1199 по 1206 г.). На змеевике изображены семь спящих отроков, которым приписывалась сила исцеления благодатным сном, а на другой его стороне – голова Горгоны с шестью змеями. В надписи на змеевике перечислены имена лиц, которые просят помощи и исцеления.

На змеевике из Троице-Сергиевой лавры – редко встречающееся на подобных изделиях изображение Спаса на престоле и голова Горгоны со сложным переплетением множества змей. Как и на суздальском змеевике, изображения выполнены углубленной резьбой.

Медные и бронзовые змеевики классифицируются в типологически сходные группы по иконографии на лицевой стороне и типу змеиного изображения на обороте. Один и тот же иконографический тип мог повторяться в разновременных отливках на протяжении длительного отрезка времени, а поэтому датировка отдельных экземпляров затруднена, если на змеевиках нет дополнительных надписей, выполненных чеканом по литью. И все же некоторые типы змеевиков можно выделить как наиболее древние и наметить сменяемость разных типов на протяжении длительного периода их бытования, который определяется XI–XIV вв. Змеевики, известные в более позднее время, можно рассматривать лишь как пережиток старых верований.

Одной из древнейших групп являются змеевики с изображением на лицевой стороне Богоматери типа Умиления с младенцем на правой руке (табл. 106, *3–4*). При этом ноги Христа обнажены до колен. Этот иконографический извод известен в медном литье XII в. южнорусского происхождения. Характерно, что именно этот иконографический извод сочетается со змеиным гнездом на обороте на южнорусском змеевике, найденном в Херсонской области, в селе Тягина. Изображение Богоматери на лицевой стороне этих змеевиков повторяло, видимо, чтимый образ Владимирской Богоматери, привезенный из Византии Владимиром Мономахом.

По форме змеевики, имеющие на лицевой стороне данную иконографию Богоматери, имеют два типа. Один тип змеевиков – с прямыми нижними углами и верхом в виде романской полукруглой арки с плечиками, другой – круглый. На них несколько отличается рисунок змеиного гнезда с головой Горгоны. Круглые змеевики имеют по краю молитвенную надпись по-гречески: "Богородице блюди и помогай имеющему тебя. Аминь" (с лицевой стороны) и "свят, свят, свят Иисус Саваоф! Исполнь небо" (со стороны Горгоны со змеями) (*Николаева Т.В.*, 1960. С. 100, 101, № 7). Наличие греческой надписи свидетельствует о византийских прототипах подобных змеевиков.

Еще более древним является тот тип змеевиков, на которых с лицевой стороны изображается в рост архангел Михаил с мерилом и зерцалом в руках. Он сопровождается иным рисунком змеиного гнезда, окружающего горгону, у которой видна не только голова, но и обнаженная грудь.

Среди этого типа змеевиков один отлит из золота и, кроме молитвенной греческой надписи, имеет еще и славянскую надпись: Господи, помози рабу твоему Васильеви. Аминь". Палеографы датировали змеевик XI в., а историки убедительно связали этот драгоценный амулет с Владимиром Мономахом, имевшим крестильное имя Василий (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 251; 1964. С. 19, 20). Змеевик был найден в XIX в. в лесах под Черниговом. Этот дорогой и, несомненно, княжеский змеевик повторялся в отливках из серебра и меди (*Жугаевский В.*, 1928. С. 222–234).

В Новгороде найдено несколько медных змеевиков с архангелом Михаилом и подобным же рисунком змеиного гнезда, но меньших размеров, отлитых в специально для них сделанных литейных формах. Стратиграфически они датируются XII в. Именных надписей ни один из них не имеет (*Седова М.В.*, 1966. С. 244) (табл. 106, *2*).

Несколько иная иконография архангела Михаила представлена на двух более поздних змеевиках (XIV в.), их заказчиками, видимо, были тверские князь Михаил и княгиня Евдокия, погибшие во время эпидемии чумы в середине XIV в. Архангел Михаил почитался в Твери с XIII в. раннее символическое значение архангела Михаила – это значение небесного демоноборца, поразившего сатану. А поскольку на змеевиках демонической силой является змеиное гнездо, то образ Михаила олицетворяет здесь силу небесную, архангел Михаил – один из главных человеческих заступников. Предполагают, что голова со змеями была отражением апокрифических сказаний о семи или двенадцати трясовицах, наводивших на человека болезни (*Соколов М.*, 1895. С. 134–202). Символика змеевиков, отражавшая борьбу сил добра и зла, жизни и смерти, христианства над язычеством впоследствии выразилась в иконографии и других змееборцев и демоноборцев. На более поздних змеевиках XIV в. на той стороне, где изображалось змеиное гнездо, появилось изображение змееборца Федора Тирона, иногда – Федора Тирона, спасающего от крылатого змея свою мать. На таких змеевиках делали и новые сопроводительные надписи.

Систематизации змеевиков подвергнуты только коллекции ГРМ и ГИМ (*Лесючевский В.И.*, 1928; *Орлов А.С.*, 1926; *Толстой И.И.*, 1888; *Тарковский В.В.*, 1898; *Спасский І.Т.*, 1970; *Спасский И.Т.*, 1976). Исследуются отдельные типы змеевиков (*Николаева Т.В.*, 1978). Им посвящена отдельная монография (*Николаева Т.В., Чернецов А.В.*, 1991).

Произведения художественного ремесла, связанные с христианским богослужением, как и предметы христианского культа, применявшиеся в быту, демонстрируют разнообразие ювелирных техник и художественных приемов, с которыми были знакомы древнерусские мастера. Это художественное литье, ковка, чеканка, гравировка, скань, позолота и чернение, эмаль, оправка жемчуга и драгоценных камней, золотое письмо по меди и резьба по камню.

В качестве образцов русским мастерам служили привозные изделия из Византии, мастера которой унаследовали от античности многовековой опыт в области прикладного искусства.

Русские мастера быстро переходили от неизбежного на первых порах ученичества к самостоятельному творчеству. Об этом говорят серии произведений с русскими надписями, а иногда и с именами мастеров. Об этом же свидетельствует и возникновение местных школ в удельных княжествах, по-своему перерабатывавших опыт Киева.

Глава 11

Музыкальные инструменты

В танцах, песнях, инструментальной музыке человек издавна утверждал право на жизнь. Наравне с другой деятельностью, наполняя мир звуками, он осваивал, творил и обновлял его. Не случайно у древних народов считалось, что мир зиждется на звуке (Музыкальная эстетика стран Востока. 1967. С. 118).

Свойственный тому или иному народу трудовой ритм, как правило, становился основой ритуального танцевального шага. Восклицание, слово, пение с интонациями, укладывающиеся в этот ритм-шаг, приобретали магическую силу. Танцем и песней заклинали духов природы, от которых требовалось охранить человека, плоды его труда и сам ритм труда. Этот обычай вступил в новую эру, когда к голосу человека прибавились звуки музыкальных инструментов.

Самые ранние попытки специального изучения русских музыкальных инструментов относятся к первой половине XVIII в. Сначала иностранные авторы – Я. Штелин и М. Гутри (М. Гасри), позднее русский – С.А. Тучков описывают и осознанно различают инструменты сельских жителей и знатных горожан, отмечая в первых древние элементы. Во второй половине XIX в. В.Ф. Одоевский составляет программу изучения инструментальной музыки на основе памятников древнерусской письменности и изобразительного искусства. Осуществление этой программы с одновременной разработкой ряда научно-методических направлений на деле осуществлялось в конце XIX – начале XX в. в работах А.С. Фаминцына и Н.И. Привалова. С появлением средств фиксации музыки в нашем столетии стало возможным комплексное изучение инструментального фольклора, в чем выдающаяся заслуга принадлежит К.В. Квитке. Наконец, в число источников, обосновавших исследования недавних инструментоведов, в частности К.А. Верткова, были включены инструменты, найденные при археологических раскопках. Подробнее обо всем этом рассказал в своей работе А.А. Банин (*Банин А.А.*, 1986. С. 105–176).

Каждый инструмент рождался в присущих для него времени и среде, на определенный срок и для конкретной роли.

Опираясь на сведения письменных источников, музыкальные инструменты Древней Руси можно разделить на четыре группы: струнные (хордофоны) – гусли, смык-гудок; духовые (аэрофоны) – цевница, свирель, посвистель, волынка, козица, сопель, сурна, дуда, труба, рог; ударные (мембранофоны) – бубны; самозвучащие – бряцало, варган, звонец. Особую группу составляют сезонные инструменты. Они не выявляются ни в устных, ни в письменных источниках отчасти из-за путаницы в названиях. Их не находят и при раскопках, так как изготовлялись они из недолговечных материалов – соломы, древесной коры, стволов болотных растений. Вероятно, некоторые из них, посезонно обновляясь, дожили в сельском быту до наших дней.

С официальным принятием на Руси христианства игра на музыкальных инструментах была осуждена церковью как наследие язычества. Однако в сознании народа инструменты издавна составляли неотделимую часть жизни. Мир инструментальных звуков переходил из праздника в будни. Среди "гудебных сосудов", при всей их взаимозаменяемости, с большей или меньшей условностью выделяются охотничьи, пастушеские, культовые, ратные, мирские, детские; некоторые из них играли роль своеобразных оберегов. Искусство "гудцов" одобрялось всеми слоями средневекового общества: от трудящихся низов до княжеского двора. Поэтому искоренение на Руси мирской музыки длилось около семи веков.

Сведения о музыкальной культуре Руси традиционно извлекались из различных жанров устного народного творчества, из сохранившихся памятников письменности, изобразительного искусства (*Беляев В.М.*, 1951. С. 492–509). Новые материалы дала археология. Предметы, связанные с музыкальным миром Древней Руси, археологи находят в различных городах. Подавляющее их большинство обнаружено в последние три десятилетия в Новгороде. Это произведения прикладного искусства с изображениями музыкантов и обломки самих инструментов.

Рассмотрим последовательно четыре основные группы музыкальных инструментов Древней Руси.

Группа I. Струнные инструменты. Многострунные щипковые инструменты очень любили на Руси. Их часто изображали на бытовых вещах и даже в монументальном искусстве, о них есть упоминания в литературных произведениях. Даже на мелких предметах они изображались так тщательно, что мы можем судить об их устройстве (табл. 107, *22–25*; табл. 108, *14, 16*).

Так, в Новогрудке, в слое первой половины XII в., на полу богатого дома найдена копоушка из оленьего рога с навершием в виде музыканта, играющего на трех- или пятиструнном щипковом инструменте (табл. 108, *15*; *Гуревич Ф.Д.*, 1965. С. 276). Очень похожий инструмент мы видим в руках царя Давида на рельефе церкви Покрова на Нерли – 1165 г., а также у Давида-пастыря в Киевской псалтири XIV в. В указанной книге говорится о сотворении Давидом инструмента – псалтиря (ГПБ. ОЛДП 6. Л. 204, об. – 205). Псалтирь упомянут в более раннем русском памятнике – "Слово Даниила Заточника" XII в.: "Въструбимх, яко во златокованыя трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в сребреныя арганы возвитие мудрости своеа. Въстани слава моя, въстани въ пасалтыри и в гуслех" (ПЛДР, 1980. С. 388). Самое раннее письменное свидетельство игры на гуслях имеется в "Житии Феодосия Печерского" – XI в. (ПЛДР, 1978. С. 380). Здесь же узнаем и об обычае ансамблевой игры в палатах Святослава Ярославича. Возможно, на струнном щипковом инструменте играет музыкант, изображенный на обруче из ГИМ (табл. 107, *23*). Переводчики духовной литературы

© В.И. Поветкин

нередко древнееврейское "псалтирь" передавали славянским словом "гусли", что позволяет нам в какой-то мере отождествлять эти инструменты.

Одна из разновидностей гуслей, условно называемых шлемовидными (*Вертков К.А.*, 1972. С. 275), запечатлена на новгородском изразце XV в., а также на свинцовой накладке, случайно найденной в Новгороде (табл. 1, *13, 17*). Аналогии таким гуслям имеются во многих рукописных книгах, наиболее ранняя – в Новгородской Симоновской псалтири рубежа XIII–XIV вв. (*Попова О.С.*, 1980. С. 43). Корпус этого инструмента обычно имел шлемовидные очертания с прямым или вогнутым основанием. Он снабжался параллельно расположенными струнами, которые одним концом крепились к изогнутой планке-струнодержателю, а другим – к вращающимся колкам, "шпенькам". Положение его при игре было основанием вниз. Играли перстами.

Гусли шлемовидные, особенно с вогнутым основанием, воплотили в себе прототип лукообразной арфы, а если учесть встречающиеся на миниатюрах образцы треугольной формы и западноевропейских псалтирионов, то в истоках их становления усматривается и псалтирь. Шлемовидные гусли можно признать для средневековья одним из общеевропейских музыкальных орудий. Это, с одной стороны, инструмент благородный, достойный славить богатырей, князей, он способствовал формированию светской профессиональной традиции музицирования, представителями которой на Руси были дружинные певцы и "походные" скоморохи. С другой стороны, это "крестьянскы суть гусли, а прекрасная доброгласная псалтыря; еюже присно должни есмы веселитися" (*Келдыш Ю.В.*, 1983. С. 69). Это и "сосуд", достойный хвалить бога. Он указывает на связь с библейской музыкальной традицией. Последняя в зарождении также была двупланова. Отсюда и двойственность отношения самой церкви к инструментальной музыке. Вот почему тексты книг духовного содержания нередко сопровождались изображениями гудцов (заметим, исключительно со шлемовидными гуслями), одетых в платья скоморохов. Среди них некоторые совмещают в себе образы Давида-царя и древнерусского скомороха (*Розов Н.Н.*, 1968. С. 89, 91).

Другая разновидность гуслей изображена на двух браслетах – из Киевского и Старорязанского кладов: музыканты в скоморошьих платьях и шутовских колпаках играют на инструментах, сходные образцы которых имеются в этнографических собраниях музеев Прибалтики и России (табл. 108, *14, 16*). Изобразив в 1795 г. такой инструмент в "Диссертациях о русских древностях", Матиас Гутри назвал его гуслями (*Вертков К.А.*, 1975. С. 278). Ныне они классифицированы как гусли крыловидные (*Вертков К.А.*, 1972. С. 275). Кроме названных браслетов, не известно иных древностей с изображением такого типа гуслей. Они снабжены в одном случае четырьмя струнами, в другом – пятью. Положение их при игре – длинными, большими струнами от гусляра. Точными штрихами резца воплощено на браслетах вдохновенное настроение скоморохов; от них оно передавалось другим участникам ритуальных сцен (*Рыбаков Б.А.*, 1971).

Шлемовидные гусли, по мнению К.А. Верткова, как более совершенные, были принадлежностью профессиональных музыкантов, а рядовые обыватели играли на малострунных и примитивных по конструкции крыловидных гуслях (*Вертков К.А.*, 1975. С. 76).

Серебряные браслеты-обручи заставляют иначе оценивать как значение в русском быту крыловидных гуслей, так и миссию скоморохов, профессионализм которых выражался в первую очередь в безупречном владении опытом народного праздничного (культового) музицирования. Мы не видим к крыловидным гуслям пренебрежения как к инструменту несовершенному ни со стороны занимающих в праздничных сценах центральное положение гудцов, ни со стороны тех боярынь и княгинь – владелиц браслетов, для которых они были изготовлены. Браслеты – это ритуальные украшения, и, как считает Б.А. Рыбаков, их магически-охранительное значение заложено в орнаментальных мотивах (*Рыбаков Б.А.*, 1971. С. 116), мы же добавим, и в озвученности, какую им придают изображения музыкантов. Отсюда возникает сложное представление об импровизационных тенденциях в искусстве скоморохов, о характере имевшего место в аристократической среде музыкального профессионализма с сугубо эстетическим уклоном, отчасти воспринятым, вероятно от Византии.

Итак, в распоряжении скоморохов были оба типа гуслей – шлемовидные и крыловидные. Представление об их устройстве дают находки археологов.

В Новгороде обнаружено 14 гуслей в виде фрагментов и отдельных деталей, несомненно принадлежавших гуслям: 13 относятся к гуслям крыловидным, одни – к гуслям шлемовидным.

Первым инструментом, со звуковыми и игровыми возможностями которого мы познакомились в 1978 г., были пятиструнные гусли середины XI в., найденные в 1975 г. на Троицком раскопе (табл. 108, *1*). На одном из их обломков вырезана надпись "СЛОВИША". Предполагается, что это имя древнего гудца – владельца и мастера гуслей (*Колчин Б.А.*, 1978. С. 363). Длина корпуса, сделанного из сосны, – 84 см. Поверх долбленого корытца приклеивалась дубовая полочка толщиной 3–4 мм. Она лишена обычного для современных струнных инструментов так называемого резонаторного отверстия – "голосника". Практические проверки показали, что в подобных гуслях наличие отверстий, образующих определенный узор, на качестве звука принципиально не отражается и что причина их появления на поздних традиционных гуслях XVIII–XIX вв. объясняется в первую очередь не требованиями акустики, а мифологическими представлениями, связанными с самим узором. Полочка выстругивалась из массивного бруска вместе с расположенными в нижней ее части стойками, "ушками" струнодержателя. В ушках сохранился сломанный посередине деревянный штырь; к нему крепились струны. Струны могли быть из конского волоса, жильные (кишечные) или из цветного металла. Металлическими – "золотыми" или "золочеными" – струнами снабжены эпические гусли. Золочеными выглядят находимые в слоях древнего Новгорода обрывки или мотки латунной и бронзовой проволоки. Найден также обрывок проволоки из золотого сплава, которая по своим качествам могла использоваться как струна. Настраивали струны при помощи вращающихся шпеньков, расположенных в верхней части гуслей, условно называемой окрылком. В

рылке – сквозной вырез, "окно"; через него при игре ...ются струн с тыльной стороны гуслей.

Гусли с игровым окном, согласно принципу их звукообразования, устройству струнодержателя и внешним очертаниям, относятся к одной из разновидностей крыловидных. Из шести свидетельств их бытования с начала XI до середины XIII в. самое раннее обнаружено в ... г. в коллекции неклассифицированных деревянных предметов из раскопок в Новгороде. Это фрагмент окрылка с тремя отверстиями для шпеньков, изготовлен из можжевельника, найден в 1970 г. на Михайловском раскопе и датирован первой четвертью XI в.

Другой обломок гуслей – из ели – также найден в слое ... в. на Нутном раскопе. В нем сохранилось одно отверстие для шпенька, часть игрового окна и фрагмент долбленого корытца.

Еловый корпус шестиструнных гуселек с резными изображениями зверей и замысловатой формы игровым окном найден на Тихвинском раскопе, в слое первой половины XII в. (табл. 108, *2*).

Три обломка соснового корпуса больших гуслей, попавших в землю в 40–60-х годах XIII в., найдены на Неревском раскопе (табл. 108, *4*). По мнению Б.А. Колчина, они имели девять струн. Однако, как показывает чертеж, едва ли следует полностью отвергать их восьмиструнный вариант.

Два последних инструмента, в частности их полочки, восстановлены по аналогии с гуслями "СЛОВИШИ". Правильность реконструкции подтвердилась, когда в 1984 г. на Троицком раскопе нашли обломки маленьких гуслей, бытовавших на рубеже XII–XIII вв. (табл. 108, *3*). Среди обломков – полочка. Она без голосника и выстругана вместе со струнодержателем из цельного бруска. Новое в этом инструменте то, что он был семиструнный, корпус березовый, а полочка из сосны. При реконструкции выяснилось также, что в корпусе для закрепления в нем полочки был отобран фалец (паз) по всем четырем кромкам корытца; у других гуслей фалец отбирался лишь в верхней и нижней частях корпуса. Давно замечено конструктивное и типологическое сходство между древними гуслями Новгорода и гуслями, найденными на территории современной Польши, в Ополе, в слое XI в., и Гданьске, в слое XIII в. (*Jażdżewski K.*, 1966). Наши работы по реконструкции тех и других обнаружили также и общность столярно-ремесленных способов изготовления гуслей. Следовательно, польские и новгородские гусли с игровым окном возникли под воздействием единой школы строительства "гудебных сосудов".

Прямых аналогий перечисленным гуслям в источниках изобразительного характера нет. Лирообразный инструмент на миниатюре из Новгородской Симоновской псалтири рубежа XIII–XIV вв. (*Финдейзен Н.*, 1928, фронтиспис) лишь смутно напоминает наши находки. Правда, остается очевидным вертикальное положение инструмента при игре, приемлемое для гуслей с игровым окном. В ином положении держат инструмент гудцы на створках известных браслетов: у них другая разновидность крыловидных гуслей.

Гусли, не имеющие игрового окна, группируются в слоях XIV–XV вв. Если учесть, что ювелиры конца XII в. – авторы упомянутых браслетов – были очевидцами таких гуслей в жизни, то следует констатировать факт параллельного бытования обеих разновидностей крыловидных гуслей по меньшей мере с конца XII в. до 40–60-х годов XIII в.

Достоверно восстановлены двое гуслей без игрового окна, найденные на Неревском раскопе в 1955 г. Одни – из слоя 70-х годов XIV в. (табл. 108, *5*). На обломке их корпуса, выдолбленного из ели, уцелели три колковых отверстия. Другие – из слоя рубежа XIV–XV вв. имели пять колковых отверстий (табл. 108, *6*). Снизу, по бокам, и сверху, на окрылке, они были украшены резными солнечными и другими геометрическими знаками. Они очень маленькие, длиной 36–37 см. Характерна их нижняя заостренная часть. Обломок подобных по форме гуслей, сделанных в XV в. из можжевельника, найден в 1984 г. на Троицком раскопе.

Не исключено, что полочки таких гуслей могли быть украшены прорезными узорами, как, например, это сделано на гудочке середины XIV в.; в верхней части его резонатора расположена не влияющая на качество звука розетка из шести отверстий (табл. 107, *5*). Однако подобная деталь исключительна. Даже в специальном труде 1795 г. Матиас Гутри изображает русские гусли (крыловидные) без каких-либо отверстий.

Струнодержатель на восстановленных гуслях – съемный, сделан по археологическим образцам. В слоях XIV–XV вв. обнаружены ушки струнодержателя, "утицы", по одному экземпляру от двоих разных гуслей (табл. 108, *11*, *12*). На стыке окрылка и полочки у первого имеется прямоугольный "крепежный" выступ, у второго – соответствующий вырез; приспособление способствовало устойчивости полочки при оклейке гуслей. С указанным выступом найден обломок незаконченных гуслей из можжевельника; в их окрылке не просверлены колковые отверстия. С двумя крепежными выступами были еловые гусли, в найденном фрагменте которых имеется три колковых отверстия (табл. 108, *7*). В этом инструменте, помимо прочего, чертеж позволяет продлить линию колковых отверстий от трех до пяти. Вообще, пока еще не найдено свидетельств, говорящих о бытовании в Новгороде гуслей с числом струн меньше пяти.

Крыловидные гусли, по мнению Б.А. Колчина, были распространены не только в Новгороде, но и на юге Руси. При этом он ссылается на находки пластинчатых браслетов с изображениями гусляров и на их производство в XII в. в Киевской земле: "в Восточную Европу и в северные ее районы гусли пришли с юга вместе со славянами" (*Колчин Б.А.*, 1979. С. 180). Вопросы истории формирования, этнической принадлежности и географического распространения в древности крыловидных гуслей находятся в стадии изучения.

Производство где-либо браслетов с награвированными гудцами еще не говорит о местной гусельной традиции. Вместе с тем естественно предполагать, что "походные" скоморохи выносили инструменты за границы их традиционного бытования. Ареал крыловидных гуслей XIX–XX вв. почти совпадает с территорией древних кривичей и словен (*Тынурист И.В.*, 1977. С. 28), которые соседствовали с балтским и финно-угорским населением – носителем обычая игры на конструктивно таком же инструменте. Учитывая это обстоятельство, а также не зная как выглядели струнные инструменты

указанных народов до XI в., следует предположить, что гусли с игровым окном, воплотившие в себе известные черты лирообразных инструментов и обладающие неповторимым в мировом инструментарии струнодержателем, сформировались в обстановке этнокультурных взаимовлияний среди финно-угорских, балтских и славянских племен, населявших прибалтийский регион. Несколько позже, согласно данным раскопок, постепенно исчезает в гуслях игровое окно, и в быту утверждается их известный по этнографическим собраниям облик.

Практика реконструкции музыкальных инструментов привела к осмыслению каждой их конструктивной детали. Это дало возможность связать отдельные, иногда незначительные их части, находимые в культурном слое, с определенным инструментом. Так, в 1958 г. на Неревском раскопе, в слое XIV в., была обнаружена тонкая дубовая дощечка – полочка со следами приклеивания к корпусу инструмента. Кроме этого, на ней сохранились следы от некогда приклеенной к ней планки-струнодержателя. По аналогии с гуслями с надписью "СЛОВИША" и с другими восстановленными образцами было установлено, что находка 1958 г. – обломок полочки шлемовидных гуслей (табл. 108, *8*). В итоге выявлен общий контур таких гуслей с вогнутым основанием. Других свидетельств о гуслях этого типа пока нет.

Результаты проводимой нами реконструкторской работы подтолкнули фольклористов к поиску в сельском быту свидетельств игры на крыловидных гуслях, гудках, других инструментах. Экспедиции в Псковскую область, руководимые А.М. Мехнецовым, увенчались открытием очагов инструментальной музыкальной традиции (Материалы фольклорных экспедиций ЛОЛГК 1982–1984 гг.). Не забытые русским населением архаичные плясовые наигрыши на разных инструментах, в том числе на гуслях, конструктивно восходящих к восстановленному нами прототипу, позволяют осуществить намеченную программу полной реконструкции археологических инструментов. На них удается воспроизвести с соблюдением обоснованных способов игры некоторые типы древних народных наигрышей.

Псковские гусляры настраивают гусли в диатонической последовательности с квартовым интервалом к нижней, басовой струне. В разных районах известны два основных способа игры, когда пальцами правой руки так или иначе бряцают по всем или отдельным струнам, при этом положение левой руки разное. При одном способе пальцы становят сверху на струны, поочередно заглушая часть их, одновременно этими же пальцами цепляют струны, заставляя их звучать. При другом способе три пальца располагают между струн, глуша поочередно то верхние, то нижние, и лишь в редких случаях, помимо этого, цепляют струны. Второй по сути способ был известен в прошлом веке Трофиму Ананьеву (*Фаминцын А.С.*, 1890. С. 71). Другой популярный в Древней Руси струнный инструмент – смык-гудок. Звук этого инструмента извлекался при помощи смычка. Среди археологических предметов прикладного искусства нет ни одного, который бы изображал гудок. Исполнитель на нем – "гудочник" впервые упомянут в 1588 г. в "приправочных книгах" г. Тулы (*Финдейзен Н.*, 1928. Т. 1. С. 152). Раньше (начиная с 1068 г.) в письменных источниках "смыки" фигурировали как инструменты, а "смычькъ" как исполнитель. "Гудение лучцом" упоминается в списке "Кормчей книги" второй половины XIII в. (Кормчая книга, 1912). На этом основании предполагались различия между смыком и гудком (*Ямпольский И.*, 1951. С. 10–14). Найденные в Новгороде смычковые инструменты Л. Гинзбург хронологически причислил к типу смыков (*Гинзбург Л.*, 1971. С. 41–42). Между тем в последнее время в ряде трудов за ними утвердилось название "гудки". Этому способствует то, что в памяти народа – былинах, песнях, пословицах – запечатлен именно гудок. Достойно внимания почти полное совпадение этого названия с болгарской "гъдулкой", гудулкой. Наконец, конструктивные и исполнительные данные восстановленных археологических инструментов (в древности, очевидно, называвшихся смыками) подтверждают их полное сходство как с гудулкой, так и с гудком, упоминаемым в документах XVIII–XIX вв.

Древнейший смык-гудок изображен на фреске XV в. в ц. Успения в с. Мелетове близ Пскова. "Антъ скоморох" на трех его струнах "лучцом скриплет", держит его в вертикальном, что характерно для славянской традиции, положении и касается левой рукой струн около шпеньков (*Розов Н.Н.*, 1968. С. 86). Корпус гудка имеет боковые выемки, но лишен голосников, что в данном случае представляется неожиданным. В сущности, он, претерпев некоторую модернизацию, подобен гудкам, раскопанным в Новгороде.

В более полном виде найден гудочек первой половины XIV в. (табл. 107, *5*). Его корпус имеет долбленое корытце, головку с тремя колковыми отверстиями, в нижней его части расположено отверстие для крепления струнодержателя. Соответствующее отверстие есть в другой детали гудка – полочке, в центре которой прорезаны два сегментовидных голосника, вверху – узор, знак из шести отверстий, еще одно отверстие пониже голосников условно намечает место "кобылки", подставки под струны, – условно, ибо, как показала практика, последняя могла передвигаться. На наличие в гудке любой разновидности душки, упирающейся в дно корытца, пока ничто не указывает. Это один из меньших гудков, его длина 30 см.

При неизменном конструктивном назначении струнодержателя, его форма и способ крепления были различны. В рассмотренном гудочке использовалось сквозное отверстие, в котором закреплялась кожаная или жильная петля; к ней привязывали струны. В другом случае струны могли крепить к металлическому гвоздю (табл. 107, *4*). В третьем – петля обхватывала выступ, образованный полочкой (табл. 107, *2*) или корпусом (табл. 107, *1*). Обязательная деталь трех найденных при раскопках полочек – голосники. Головки гудков могли быть украшены резным орнаментом (табл. 107, *2*), в них, помимо трех колковых отверстий, иногда прорезали четвертое; в него вдевали шнурочек для подвешивания (табл. 107, *3*).

Большинство гудков делали из ели. Но имеется также по одному образцу из можжевельника, клена и даже, как определила С.Ю. Казанская, из хвойной породы неместного произрастания (табл. 107, *1*). В связи с последним возникает вопрос, местного ли он изготовления. Его обломок в группе лучковых – древнейший, середины XI в. Был ли он идентичен реконструированным гуд-

[illegible]? Несколько загадочен и обломок верхней части инструмента из клена середины XII в.: форма его головки необычна. Все это не лишает нас права на поиск различий среди лучковых.

Находки дают представление о стадиях изготовления гудков. Две заготовки со следами начальной обработки найдены в слоях начала XIV в. и рубежа XIV–XV вв. Они несколько крупнее предыдущих (табл. 107, *6*).

Лучка, или, по-былинному, "погудальца", пока не найдена. Его легко реконструировать по многочисленным изображениям и этнографическим образцам. Тетива лучка – изогнутого древка – традиционно изготовлялась из конского волоса. Любопытное подтверждение этому находим в Рашском списке славянской Кормчей книги 1305 г. Здесь "лучецъ" и "власънъ" – синонимы (*Щапов Я.Н.*, 1984. С. 168). Судя по грубоватой выделке некоторых находок (табл. 107, *4*) гудки делали подростки. Значит, они же и музицировали.

Под пучком конских волос, натертых сосновой смолой, гудели одновременно три жильные (кишечные) струны. Они располагались на кобылке в относительно единой плоскости. По данным XVIII в., одна струна была мелодическая, две другие, настроенные к ней в квинту, а между собой в октаву, выполняли роль бурдона – постоянного звука, на фоне которого извлекалась мелодия (*Вертков К.А.*, 1975. С. 267, 279). Как в гудках, так и в гуслях струны настраивали при помощи вращающихся деревянных шпеньков, колков. В Новгороде их найдено 15. Конструктивно они одинаковы; гусельные от гудочных не отличаются. Стержень с лопаткообразным завершением вплотную подгонялся к отверстиям головки гудка или гусельного окрылка от тыльной его стороны. Выступающий с лицевой стороны шпенек при помощи ножа раскалывали, кололи (отсюда второе название). В образовавшейся щели зажимался конец струны, после чего вращением шпенька струну настраивали. Найдены еловые и можжевеловые шпеньки диаметром от 5 до 7 мм, простые и конструктивные по форме (табл. 108, *9*), редко с декоративными элементами (табл. 108, *10*).

Обращает на себя внимание конструктивный лаконизм всех найденных инструментов, рассмотренных выше. Наиболее сложные из них – гусли и гудок-смык состояли из двух основных склеивавшихся между собой деревянных деталей – долбленого корпуса (сосуда) с отверстиями в верхней его части (окрылке или головке) для вращающихся колков (шпеньков) и тонкой крышки, полочки (деки), в нижней части которой располагался струнодержатель.

Группа II. Духовые инструменты. Исследователи древнерусской музыки отмечают, что названия духовых инструментов в письменных источниках отличаются наибольшей неясностью из-за многообразия их наименований в древности (*Беляев В.М.*, 1951. С. 494, 495).

Древнейшее на Руси изображение волынки, дуды, точнее, козицы – духового язычкового инструмента, снабженного мехом для нагнетания воздуха и завершающегося козлиной головой, представлено на литейной форме второй половины XII – первой трети XIII в. Форма происходит из Серенска (табл. 107, *22*; *Никольская Т.Н.*, 1968. С. 115).

Персонажи на упомянутом браслете из Старорязанского клада составляют ансамбль, хор. С одного бока от гусляра – плясунья с маской, "харей", с другого – музыкант-"сопец", держащий в руках дуду, сопель (табл. 108, *16*). О незаурядной роли сопца говорится в "Житии Нифонта Константиноградского" – XII–XIII вв. "И се обретеся чловек скача с сопельми. И идяще с нимъ множъство народа. И послоушахоу его" (*Вертков К.А.*, 1975. С. 244). Очевидно, что это не просто увеселитель: это вождь ритуальных игриц, жрец. До открытия в 1967 г. Старорязанского клада древнейшими считались изображения сопели на миниатюрах Радзивилловской летописи XV в.

Первое письменное упоминание дуды отмечено в "Повести о трех королях-волхвах" XV в. (*Назина И.Д.*, 1979. С. 115). Известны также изображения волынки на миниатюрах в Новгородской Симоновской псалтири рубежа XIII–XIV вв. и в Радзивилловской летописи XV в. В первом случае различимы мех из пузыря и присоединенный к нему воловий (?) рог (*Финдейзен Н.*, 1928. Т. 1 фронтиспис). Во втором – на миниатюре "Игрища славян-вятичей" инструмент состоит из раструба, меха-пузыря и трубки для нагнетания воздуха (БАН. 34, 5. 30. Л. 6 об.).

Из духовых деревянных инструментов в Новгороде раскопаны три сопели – в слоях конца XI в., середины XII в. и начале XV в. Первая имела четыре игровых отверстия, вторая – пять, последняя – три (*Колчин Б.А.*, 1980. С. 68). Восстановлены две сопели – XV в. из раскопок 1955 г. на Неревском конце (XI в.) и найденная на Ильинском раскопе в 1964 г. (табл. 107, *7, 8*). Сопели сделаны из веток или стволиков, первая – из ясеня, вторая, судя по документальной фотографии, – из ивы (на стволе видна характерная для ивы неразвившаяся почка). Стволики названных деревьев имеют ярко выраженный сердцевидный ход. Он выполняет роль осевой направляющей при сверлении заготовок буравом. Предполагая данный способ изготовления дудки, цевки, мы аргументируем его тем, что стенки оригиналов относительно их наружного диаметра очень тонки: иной результат получается при полевом, пастушеском способе выкрутки сердцевины (*Назина И.Д.*, 1979. С. 65). Кроме того, по отношению к сопели XV в. пастушеский способ изготовления исключается наличием на ней сучков.

Сельские мастера с особой ответственностью изготовляют свистковое приспособление. От точного попадания струи воздуха на срез "оконца" зависят чистота и цельность звукового строя сопели. По традиции в разных местностях дудки перед игрой смачивают, это способствует их яркому звучанию. В реконструированных сопелях строго учтены деформации, полученные оригиналами, когда они были в земле.

Впервые в отечественной реставрационной практике восстановлены звуковые интервальные соотношения двух древнерусских музыкальных орудий. При комбинированном перекрывании игровых отверстий на сопелях XI и XV вв. получаем следующую очередность звуков. Стрелками указаны звуки, каждый из которых в отличие от предыдущего извлекается не меняя расположения пальцев с несколько усиленным вдуванием. Кроме того, оба инструмента позволяют при игре закрывать до половины выходное отверстие игрового ствола, в итоге

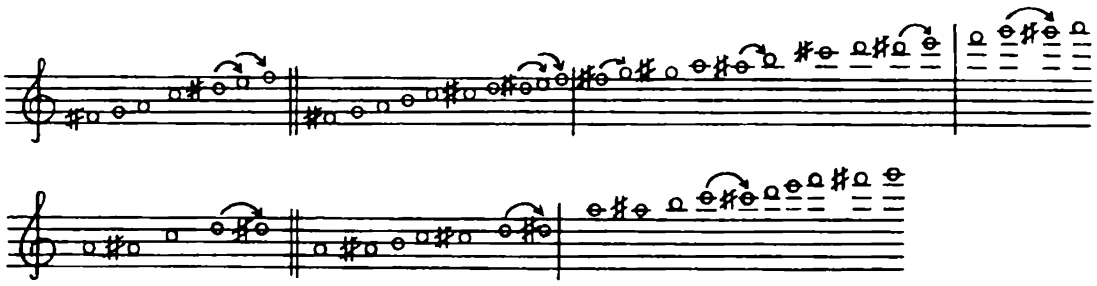


Рис. 26. Очередность звуков при комбинированном перекрывании игровых отверстий на сопелях XI – XV вв.

в первом звукоряде может прибавиться чистое "ФА", во втором "СОЛЬ". В нижнем регистре звучание сопелей негромкое, но полное по тембру, в верхнем – пронзительно яркое.

Древние новгородские сопели по звукообразовательному устройству идентичны современным свистковым – пыжатке, сопилке, дудке. Но отождествлять по звуковым свойствам невозможно. Короткий с большим диаметром ствол и порядок в расположении на нем малого числа игровых отверстий показывают конструктивные особенности новгородских сопелей. (Этот факт указывает на специфику понятия конструкции духовых свистковых. Все они действуют по единому принципу звукообразования, однако варьирование соотношений длины и диаметра ствола и размещение на нем в различном порядке игровых отверстий дало в мире множество отличающихся по строю и возможностям инструментов.) Их следует рассматривать не как свидетельство предшествующего этапа в развитии известных ныне сопелей с шестью игровыми отверстиями, а как достояние локальной инструментальной традиции, следы которой (быть может, пока еще не поздно) достойны этнографических поисков в северо-западных районах.

Духовые инструменты наряду с деревянными изготовлялись из кости. Истоки такого обычая, наверно, следует связывать с бытом охотничьих племен. Найденная в Волковыске птичья трубчатая кость с тремя отверстиями на лицевой и одним на тыльной стороне, по мнению Я.Г. Зверуго, была в XIII в. музыкальным орудием (*Зверуго Я.Г.*, 1975. С. 55). Ввиду утраты следов звукообразовательного устройства инструмент не восстановим.

В 1872–1873 гг. Д. Самоквасовым при раскопках кургана Черная могила в Чернигове были найдены два турьих рога X в. с серебряной оковкой, позолотой и чеканкой, длиной 54 и 67 см. У обоих утрачены вершины, в связи с чем у исследователей возникли различные мнения относительно их назначения, что это – музыкальные инструменты (*Финдейзен Н.*, 1928. С. 27; *Келдыш Ю.В.*, 1983. С. 43) или же сосуды для питья (*Рыбаков Б.А.*, 1949. С. 45)? Мы признаем вывод Б.А. Рыбакова в превосходной степени аргументированным. Вместе с тем, опираясь на миниатюрные изображения, на упоминания в устных и письменных источниках, музыковеды имеют право надеяться, что, кроме турьих рогов-ритонов, в Древней Руси бытовали и турьи рога оригинального назначения – пастушеские, охотничьи, ратные. И при постановке задачи их реконструкции исключительную роль играют именно рога-ритоны из Черной могилы. Как у рогов для питья, так и у рогов для извлечения звука форма, размеры и даже символические украшения были, вероятно, одинаковы. Различие могло быть лишь в завершениях острых концов: рог-ритон не должен протекать, поэтому его вершина оставалась целой, при этом она могла украшаться, например головой птицы; рог музыкальный, напротив, в вершине имел отверстие для извлечения звука, губник, который, между прочим, также мог украшаться. Таким образом, археологический объект, не будучи музыкальным орудием, тем не менее позволяет его реконструировать и поставить в ряд с другими музыкальными инструментами Руси. Известны также глиняные духовые инструменты. Это свистульки с двумя игровыми отверстиями, простые по форме или наподобие коника (табл. 107. *9, 10*). По раскопкам в Новгороде их известно более 20. Встречаются они и в других городах. Основное время бытования - XIV в., а чаще – XV в. и позже.

К этому же времени относятся изредка находимые глиняные погремушки в виде птички, уточки. С известной долей условности их тоже можно отнести к духовым инструментам. Они полые, имеют внутри камушек, а снизу или спереди одно отверстие (табл. 107, *11*). Мастерская по изготовлению погремушек была открыта в Славенском конце Новгорода (*Арциховский А.В.*, 1949б. С. 131).

В мифологии балтов, финно-угров, славян птица или конь наделялись охранительными свойствами. Поэтому звучание глиняных уточек, коников следует рассматривать как охранительное. По данным прошлого века, свистульки использовались в "свистоплясках" при совершении тризн (*Сахаров И.П.*, 1849. С. 25). Погремушка, по-видимому, отпугивала недобрую силу от детской люльки. По идеологическому значению погремушка и свистулька близки зооморфным украшениям с шумящими привесками.

Группа III. Ударные инструменты (мембранные). Ударные – древнейшие музыкальные инструменты. Они создавали ритмическую основу музыкальных действий. В древних культовых празднествах они были призваны отпугивать и устрашать злые силы. Эта их функция перешла позже в практику военного дела.

На упоминавшейся миниатюре Радзивилловской летописи, изображающей игрища славян-вятичей, кроме волынщика и знакомых персонажей – плясуньи и сопца, центральная фигура на игрище – бубнист. Его бубен похож на современный двухмембранный барабан. Он ударяет в него вощагой – рукоятью с плетью и шаром-ударником на конце. "Вощага – род кистенька, которым, на-

вощив его, били в бубны" (*Даль В.И.*, 1880. Т. I. С. 249). В указанной летописи на миниатюре "Исакий пляшет под музыку бесов" нарисованы также бубны, по которым ударяют кистью руки; возможно, художник подразумевал одномембранные бубны с узким ободом (БАН. 34.5.30. Л. 112). Они изображены здесь в связи с самым ранним упоминанием их в "Повести временных лет" под 1074 г.: "Възмъте сопъли, бубны и гусли, и ударяйте, ат ны Исакий спляшеть" (ПЛДР. 1978. С. 206). Ударные сигнальные инструменты – ратные – также назывались бубнами. В слое XII в. в Волковыске найдена шахматная фигурка, изображающая пешего воина с бубном, подвешенным у него на ремне через плечо и колотушкой в правой руке (табл. 107, *24*; *Тарасенко В.Р.*, 1957. С. 278). Его бубен также аналогичен современному барабану, имеет шнур-регулятор для натяжения кожаных мембран.

Группа IV. Самозвучащие инструменты. Звуки всех музыкальных орудий от времени их происхождения наделялись магической силой. Но звон металла почитался особо. Струны и колокольчик, варган и ботало, шумящая привеска и удары кузнечного молота – все защищало от злых духов. Поэтому инструменты из группы металлических самозвучащих, неизменно в течение веков оставшихся в их первичной магической функции, можно считать оберегами.

В Екимауцах, Друцке, Вщиже, Брянске, Новгороде, Москве найдены варганы. Эти известные многим народам инструменты с античного времени ковались из бронзы, а в средневековье – из железа и стали в виде подковки с удлиненными концами и проскакивающим упругим язычком. Концы варгана подносили к зубам, щипком приводили в колебание язычек. За счет изменения объема полости рта на фоне основного тона извлекали в требуемой последовательности обертоны.

Изображений русского варгана ни ранних, ни поздних не известно. В письменных источниках словом "варган", как правило, обозначался какой-то ратный ударный инструмент. Лишь в документах XVII в. удается выделить варган щипковый.

Самый ранний варган найден в Молдавии, на славянском городище Екимауцы, в слое X в. (табл. 107, *12*; *Федоров Г.Б.*, 1954. С. 18). Варган XII в. из Друцка (*Алексеев Л.В.*, 1973. С. 21) и пять новгородских находок XIII–XV вв. дают полное представление об их устройстве. Длина самого большого – 8 см, он же лучшей сохранности (табл. 107, *13*). Каждый из удлиненных его концов в сечении имеет ромб и острыми ребрами направлен внутрь, между ребрами при игре вибрирует стальной язычок – в этом конструктивная суть варгана, делающая его прототипом гармоник с проскакивающим язычком.

По данным одной из находок был реконструирован целый варган, давший общее представление о его звучании (табл. 107, *14*). Но приблизиться к оригинальным звукам древнего инструмента трудно. Это связано с точным воспроизведением сплавов подковки и язычка и с учетом поправок на их коррозию.

Любопытны как объект музыкальной культуры распространенные преимущественно в славяно-чудских землях Руси зооморфные подвески-амулеты. Их делали главным образом из бронзы в виде животного или птицы, в большинстве случаев они заканчивались закрепленными на цепочках шумящими привесками – пластинками, колокольчиками, бубенчиками (табл. 107, *15–16*). Птицы и животные, прежде всего утица и конь, в культах воды и солнца почитались священными и одновременно наделялись защитными свойствами (*Рябинин Е.А.*, 1981). Охранительная сущность подвесок-амулетов проистекла, с одной стороны, из самих изображений почитаемых персонажей, с другой – из позвякивания привесок, отгонявших звуком злые силы.

Отдельные бубенчики, колокольчики, "звоньци" разной величины встречаются как в местах захоронений, так в городских слоях (табл. 107, *17–19*). Часть их использовалась как привеси, другая – могла применяться в инструментальных ансамблях. Но в каком виде? Упоминаемый в былине "Вавило и скоморохи" звончатый переладец растолковывается как набор колокольчиков, аккомпанирующих гудку (*Шергин Б.В.*, 1970. С. 12). Подобное же орудие – погремок, погремушка – "детская игрушка, усаженная бубенчиками"; она же принадлежность шута, дурака по званью" (*Даль В.И.*, 1880. Т. III. С. 157). Наконец, если не отрицать бытования в русских в средневековье одномембранного бубна, то в его оформлении было место звонцам.

Ботала. Домашнему скоту, чтобы он не потерялся в лесу и чтобы на него не напал зверь, поныне принято подвешивать согнутое из жести и сваренное медным припоем ботало, или, как говорят в Новгородской области, колоколку. Этот бесхитростный по форме предмет обладает неповторимым, чарующим, "тревожным" звуком. Колоколка с характерной уплощенной формой встречается в Новгороде, в слоях XII–XIV вв. (табл. 107, *20*). Облик и способ ее производства с тех пор не изменились.

Иная по изготовлению литая колоколка найдена в слое XII в. (табл. 107, *21*). Можно предположить, что она была сделана специально для музыкальных целей.

Особого рода письменный документ извлечен из земли древнего Новгорода – в нем значительно раньше, чем в других источниках, сообщается о церковных звонах на Руси. Это берестяная грамота 605, являющая собой послание одного монаха другому, написанное во второй четверти XII в. В грамоте есть такая фраза: "А пришьла есвъ оли звонили" – А пришли (т.е. вернулись) с ним, когда звонили (*Янин В.Л., Зализняк А.А.*, 1986. С. 68–70). В христианском культе звоны издревле также были нагружены охранительным смыслом.

Найденные археологами музыкальные инструменты, исследования, связанные с их реконструкцией, позволили заглянуть в мир инструментальной музыки Древней Руси. В нем особое место занимали народные музыкальные традиции, соединявшие в себе ритуальный консерватизм и авторское творчество.

Глава 12

Архитектурный декор Руси X–XIII веков

Отечественная археология накопила очень значительный материал по всем видам архитектурного декора. Кроме сохранившихся памятников, этот материал дали археологические раскопки разрушившихся зданий (в целом к настоящему времени их насчитывается до двухсот). Таким образом, накоплено достаточно эмпирической информации, что, как известно, является первым предварительным условием для построения теории. Далее мы предлагаем первый опыт такого построения.

Архитектурный декор это не только пластика – орнамент и фигурные рельефы. Это вся сумма архитектурно-пластических средств, участвующих вместе с объемно-пространственными композиционными приемами в создании образа здания. Мы включаем сюда не только пластические элементы, но и орнаментально-декоративную мозаику, инкрустированные шиферные плиты, майоликовые плитки и тому подобные виды декора, оттого и предпочитаем понятие "архитектурный декор" более узкому понятию "архитектурная пластика".

Не вызывает сомнения, что архитектура (прежде всего – монументальная) – это самый "космический" вид искусства. В архитектуре воплощался образ Мира и Вселенной, обусловленный представлениями конкретной исторической эпохи. Вместе с тем архитектуре больше, чем какому-либо другому искусству, присущи природные закономерности. Архитектурная образность достаточно отвлеченна и, как всякое отвлечение, рассчитана на ассоциативное мышление. Архитектурный декор выполняет важную конкретизирующую функцию: отвлеченно-геометрические ("космические") концепции он воплощает в образах изобразительного искусства.

Архитектурный декор глубоко системен по природе. Из основных аспектов системных представлений (*Горохов В.Г.*, 1972. С. 72 и сл.) для нашего предмета наиболее важны те, которые дают возможность рассматривать архитектурный декор с точки зрения: 1) его подсистем (т.е. иерархически); 2) составляющих его элементов и их связей (т.е. структурно); 3) достижения определенных целей (т.е. функционально); 4) "движения" системы (т.е. исторически).

1. *Подсистемы архитектурного декора.* Архитектурная пластика Древней Руси X–XIII вв. в основном сводится к трем подсистемам: тектонической, связанной с конструкцией здания, орнаментальной и тематической (*Воробьева Е.В.*, 1977. С. 6).

Все подсистемы составляют "системную иерархию" (*Горохов В.Г.*, 1972). В древнерусской архитектуре она сложилась, вероятно, уже в "докиевское" время (*Гильфердинг А.*, 1874), но только с "киевского" времени доступна визуально. Соотношение подсистем вовсе не обязательно равнозначно. Оно зависело от преобладания той или иной функции в процессе исторического движения системы. Можно сказать, что тектоническая пластика – базовая, а тематическая – наиболее высокоуровневая, насыщенная конкретным содержанием.

2. *Составляющие элементы и их связи.* Как можно видеть из перечня подсистем архитектурного декора, эти элементы достаточно разнородны. Для тектонической подсистемы это будут лопатки (пилястры), полуколонки, лопатки с полуколонками, пучки полуколонок, обрамления арок и проемов, пояски, карнизы и капители функционального назначения и т.п. К орнаментальной подсистеме относятся все элементы геометрического, ленточно-плетеного, растительного, зооморфного и смешанного типов, организованные в ритмические ряды. Орнаментированные капители мы вынуждены условно причислять к этой же орнаментальной подсистеме, хотя они тесно связаны с тектонической пластикой. Элементами тематической подсистемы являются рельефы зооморфного, антропоморфного и полиморфного характера, выступающие группами или поодиночке (*Воробьева Е.В.*, 1977. С. 6). Таким образом, первичным признаком элемента является его неделимость, вторичным – связь с другими элементами. Разнообразные связи элементов определяют структуру системы архитектурного декора в целом. Существующие здесь закономерности позволяют реконструировать систему по части сохранившихся элементов или, наоборот, выявить место элемента, выпавшего из системы, что особенно часто встречается в практике археологии.

3. *Функциональность системы.* В зависимости от замысла система декора конкретизировалась семантически, следовательно, ее подсистемы и составляющие элементы, характер их связей приобретали функционально-семантическую определенность, активно работавшую на общий стиль. Если система сохранилась в неразрушенном виде, то в ее постижении можно идти от общего к частному. В противном случае правильнее восходить от отдельного (абстрактного) к целому (конкретному).

4. *Развитие системы.* Оно очень сложное: различные подсистемы и составляющие ее элементы "движутся" не синхронно, одни развиваются быстрее, другие отстают и даже исчезают. И хотя связи между подсистемами и элементами изменяются, структурность сохраняется, ибо она инвариантна (*Шубников А.В., Копцик В.А.* 1972. С. 310), благодаря чему мы можем реконструировать эволюцию стиля.

В дальнейшем под археологическим материалом будет пониматься в том числе и тот, который введен в науку архитекторами-реставраторами при расчистках и зондажах памятников архитектуры. В атрибуционных, классификационных и сравнительно-типологических целях привлечен и неархеологический материал.

Мы вправе предположить, что система архитектурного декора Древней Руси в основных чертах сложилась еще в "докиевское" время. Судить о степени ее развития можно лишь косвенно, по описанию Титмаром Мерзебургским храмов прибалтийских славян. Ес-

© Г.К. Вагнер, Е.В. Воробьева

ли эта система содержала такую высокоуровневую подсистему, как фигурные (тематические) изображения, то в наличии двух других подсистем – тектонической и орнаментальной – сомневаться не приходится. Более определенную картину дает археология для Киева конца X в., т.е. для периода возникновения монументальной архитектуры нового культового типа. Десятинная церковь (989–996), несомненно, имела тектонический декор, о чем можно судить по фрагментам полуколонки и зубчатого карниза, причем раскрашенного (табл. 109, *1*; *Каргер М.К.*, 1961. С. 52). Орнаментальный декор фасадов лишь предполагается. В интерьере же он был использован в мозаике пола очень широко (*Каргер М.К.*, 1961. С. 14 сл.; 1947. С. 18 и сл. Табл. 101). Центральные композиции (например, в алтаре) имели геометрический характер. Сочетание большого круга (омфалий) с четвертьокружностями в симметричной композиции, вероятно, наделяли космологической символикой (омфалий – "центр земли") (табл. 109, *1*). В боковых зонах (керамических частях) пола широко использовались фигурные орнаменты из поливных плиток разного рисунка (табл. 109, *4*), в том числе с изображениями птиц (орлов?). Мозаичный декор пола следует назвать ковровым, или панельным, поскольку "ковер" состоял из разных панелей.

Центризм и симметризм орнамента выражали принцип устойчивости, гармонии мироздания и сохранения постоянства (*Шубников А.В., Копцик В.А.*, 1972. С. 13), что отвечало канону монументального стиля.

На стыках тектонической и орнаментальной подсистем архитектурного декора находятся орнаментированные капители. Раскопки Десятинной церкви показали, что ее декор содержал такие капители. Капитель из раскопок М.К. Каргера 1938 г. относится к типу опрокинутой усеченной пирамиды с рельефными четырехконечными крестами по граням (*Каргер М.К.*, 1961. Рис. 17). Не исключено, что капители, плиты и даже колонны привозили из Херсонеса. Тогда они могут относиться к более раннему времени (табл. 109, *2а*) (*Пуцко В.Г.*, 1980. С. 109). Сложнее воссоздать подсистему тематической пластики Десятинной церкви. Н.В. Холостенко полагает, что белокаменный рельеф Богоматери Одигитрии (из находок в западной части руин храма?) – часть пластического декора храма (*Холостенко Н.В.*, 1969. С.49–51). Мы разделили это мнение, сочтя, что рельеф мог находиться над западным порталом (*Вагнер Г.К.*, 1974. С. 118). Мнение это принято не всеми. В.Г. Пуцко датирует рельеф XII в. и относит его к киевской ротонде (*Пуцко В.Г.*, 1981. С. 223). Так или иначе, но система архитектурного декора Руси конца X в. представляется довольно развитой: возобладал геометрический орнамент строгих форм, ему подчинялись растительные и символические мотивы креста. Своеобразной "моделью" этой системы можно считать декоративную систему так называемого "саркофага Владимира" (конец X – начало XI в.) из раскопок Десятинной церкви (*Лохвицкий К.*, 1826; *Милеев Д.В.*, 1908–1911; *Рерих Б.К.*, 1919; *Макаренко М.*, 1931. С. 46, 47). Композиция саркофага воспроизводит базиликальное здание с двускатным покрытием, так что понятие "модель" здесь применимо в прямом смысле. На боковых стенах саркофага изображена (рельефом) аркатура с четырехконечными крестами и кипарисами в интерколумниях. Эта аркатура очень важна для понимания дальнейшей эволюции архитектурного декора домонгольской Руси. На крышке дана цепочка кругов, связанных один с другим петлями с розетками и плетенками в середине, на торцевых сторонах вырезаны четырехконечные процветшие кресты. (Все рельефные кресты Десятинной церкви с расширенными концами.) М. Макаренко выявил греко-итальянские истоки этой декоративной системы и путь проникновения ее в Киев конца X в. через Болгарию (*Макаренко М.*, 1931. С. 51, 76 и сл., 79).

Система архитектурного декора Руси в первой половине XI в. оставалась все той же, но подсистемы его существенно менялись. Тектоническая пластика дифференцировалась по вертикали. Нижние ярусы Спасо-Преображенского собора в Чернигове (около 1036 г.) и Софии Киевской (1017?- 1037) расчленены традиционными лопатками, а в верхних ярусах лопатки усложняются "пучковыми пилястрами" (табл. 109, *6*) особо сложного профиля у Черниговского Спаса (табл. 109, *23*). Барабаны глав Новгородской Софии (1045–1052) завершаются аркатурным поясом с зубчиками по краю, а по апсиде пропущены полукруглые тяги (табл. 109, *30*). Археология и реставрационные работы особенно обогатили наши знания относительно орнаментальной подсистемы декора, в которой господствовали два типа орнамента: бордюрный и панельный. Основным признаком бордюрного орнамента считается повторение одного и того же мотива через равное расстояние (*Шубников А.В., Копцик В.А.*, 1972. С. 3 сл.). В рассматриваемый период в бордюрном орнаменте сохранялся геометрический "жанр". В наиболее чистом виде (в виде полос меандра и псевдомеандра) он представлен поясами стен и барабанов Черниговского Спаса (табл. 109, *27, 28*) и Киевской Софии (табл. 109, *1, 9*), образуя на стенах Черниговского Спаса и Новгородской Софии, кроме того, пояски "ёлочки", "плетенки" и "бегунка" (*Комеч А.И.*, 1975. С. 21; *Штендер Г.М.*, 1974. С. 97, 20; табл. 109, *25–26; 31–33*). В Новгородской Софии эти орнаменты в ряде мест нанесены краской по штукатурке. Иначе говоря, из семи видов бордюрного орнамента применялись простейшие, с симметрией (а), (меандр) и (а): (ёлочка, бегунок) и т.п., т.е. бордюры со скользящими и с поперечными плоскостями симметрии. Материал монументальной архитектуры (кирпичная плинфа) удерживал бордюрные мотивы в границах прямолинейных форм. Более свободные криволинейные формы использовали в бордюрном орнаменте деревянного зодчества, как это видно по материалам раскопок в Новгороде (табл. 109, *34–36; Колчин Б.А.*, 1971. Рис. 13). Однако в композициях здесь твердо сохранялась только поперечная ось симметрии, что характерно для наиболее статичных жанров народного творчества.

Панельный орнамент первой половины XI в. представлен прежде всего резными шиферными плитами Черниговского Спаса и Киевской Софии, составляющими парапеты хоров (*Макаренко М.* 1931. С. 73 и сл. Табл. XII. Рис. 18, 17–26). Орнамент черниговской плиты выполнен врезной линейной техникой, остальные – в технике низкого рельефа. Кроме двух софийских плит, все эти орнаменты относятся к простому виду зеркальной симметрии (*Шубников А.В., Копцик В.А.*, 1972.

С. 14). При этом зеркальность соблюдена нестрого – левая и правая части имеют некоторые отличия. Несмотря на широкое применение ленточного плетения, орнаменты относятся к типу геометрических. В двух софийских плитах ("хризма" с крестами по сторонам) (табл. 109, *14–15*) орнамент, несомненно, символичен, в остальных символизм растворен в ленточном плетении. Эти ленты образуют ромбы, большие и малые, круги с плетенками, розетками и крестами в середине (табл. 109, *16–17*). В одном из центральных кругов изображен одноглавый геральдический орел с головой, повернутой влево (табл. 109, *17*) (ср. плитки пола Десятинной церкви). Орнамент двух других софийских плит относится к типу сетчатых с горизонтальной и вертикальной осями симметрии (*Шубников А.В., Копцик В.А.*, 1972. С. 114), что, как и в Десятинной церкви, соответствует монументальному стилю архитектуры. При этом довольно широкие ленты имеют бортики по краям, что отличает их от лент в орнаменте саркофага князя Владимира, узких и раздвоенных. Происхождение рассмотренных орнаментов таково же, как и декора саркофага князя Владимира. Развитие ленточного плетения, пока еще строго геометрического, следует отметить как движение стиля вперед, к орнаментам следующего периода. Очень важны в этом отношении резные шиферные плиты (от парапетов?), найденные при раскопках на территории Софийского собора, со сложным переплетением лент в виде сплошной сетки (табл. 109, *18*), что предвосхищает "кольчужный" орнамент владимиро-суздальских храмов. Такого же рода (но в крупном масштабе) кольцевое переплетение лент украшает мозаичную панель спинки епископского места Софии (табл. 109, *19*) (*Каргер М.К.*, 1961. С. 206. Табл. XXXIII, XXXVI, XXXVII).

Особого внимания заслуживает восстановление структуры полов Софийского собора – это одна из ярких страниц отечественной археологии. Здесь трудились Ф.Г. Солнцев (1844–1853), Д.В. Айналов (1902), Д.В. Милеев (1909), М.К. Каргер (1939–1940, 1949–1952) (*Айналов Д.В.*, 1905. С. 6 и сл.; *Каргер М.К.*, 1961. С. 182 и сл.; 1947). Судя по вскрытым остаткам древнего пола (чаще только в виде известковой подготовки под декоративную выкладку), его декор состоял из крупномасштабных мозаических композиций геометрического характера. В подкупольном пространстве находился большой круг, возможно с изобразительной композицией (*Каргер М.К.*, 1961. С. 204). Круг обрамляли два вписанных один в другой квадрата геометрических бордюров в виде "гармошки" (табл. 109, *10*) и в виде сетки поставленных на угол квадратов с вписанным в них прямо ориентированными квадратиками (табл. 109, *11, 12*). Эти бордюры, в свою очередь, обрамлялись полосами мрамора и шиферными плитами с мозаической инкрустацией криволинейного характера. Орнамент полов боковых нефов состоял из больших и малых кругов как бы "перетекающих" (табл. 109, *13*) в квадраты. В центральной апсиде панель сетчатого типа состояла из перемежающихся ромбов и кругов. Наконец, панель орнамента над синтроном имела характер так называемой полилитии. Как видим, по сравнению с декором полов Десятинной церкви орнаментика полов Софийского собора более разнообразна.

Развитие стиля наблюдается и в капителях первой половины XI в. Н.В. Холостенко установил, что первоначальные капители на колоннах центрального нефа Черниговского Спаса были ионические с овами (табл. 109, *24*). Мраморные капители Софийского собора в Киеве развивают форму капителей Десятинной церкви. По сторонам четырехконечного креста появились два оригинальных побега, а боковые грани оформлены большими полупальметтами (табл. 109, *8*). На других капителях четырехконечные кресты забраны в круги и чередуются с семилистными пальметтами (тоже в кругах) (табл. 109, *7*) (*Каргер М.К.*, 1961. С. 206. Табл. XXXIX). Таким образом, здесь движение вперед выражено в обращении к формам растительного мира. Мы не можем сказать, что моделью системы архитектурного декора первой половины XI в. был декор "саркофага князя Ярослава", так как саркофаг этот относится не к XI, а к VI–VII вв. (*Макаренко М.*, 1931. С. 71). Но его сложная декоративная система, в которой растительные формы играли большую роль, могла оказать влияние на создателей Софийского собора.

О тематической подсистеме в архитектурном декоре Софийского собора говорить пока трудно, но это не значит, что она вообще отсутствовала в первой половине XI в. Небольшой рельеф птицы (табл. 109, *20*) (*Каргер М.К.*, 1961, рис. 76) свидетельствует о том, что она имела место. Кроме того, с территорией Ирининской церкви Киева (около 1039 г.) связаны два фрагмента шиферной резной плиты с изображением борьбы вооруженного мечом человека со львом (табл. 109, *21, 22*) (*Макаренко М.*, 1931. С. 80 и сл. Рис. 29, 30) (М. Макаренко считал эти фрагменты принадлежащими к разным плитам. В.Г. Пуцко соединил их.) Стиль резьбы довольно лапидарный, без детализации – он может характеризовать начальный этап киевской пластики (местная работа подтверждается и материалом – овручским шифером). Несомненно, плита не была одинокой. Входила ли она в фасадный декор или в оформление, например парапета хор, неизвестно. Во всяком случае мы имеем право заключить, что система архитектурного декора Руси конца X – первой половины XI в. содержала все три своих подсистемы. Более важную роль, по-видимому, играли тектоническая и орнаментальная подсистемы. В самой же орнаментальной подсистеме господствовал геометризм с простейшими видами симметрии. Вероятно, это связано с особенностью архитектурной образности начальной эпохи Киевской Руси, когда в отвлеченном геометризме выражали космологические идеи, носителями которых были грандиозные пятинефные соборы.

С начавшимся феодальным раздроблением Киевской Руси, с приходом на смену колоссальным пятинефным соборам построек нового типа (городские, монастырские, княжеские одноглавые шестистолпные храмы) архитектурный декор стал приобретать конкретно-"информативные" формы, а в связи с этим и более индивидуальный характер (*Воробьева Е.В.*, 1976. С. 13, 14). Но произошло это не сразу.

В результате археологических раскопок и реставрационных работ выяснилось, что все три подсистемы архитектурного декора заметно усложнились. В области тектонической пластики увеличивается акцентировка

вертикальных и горизонтальных членений посредством полуколонок, профилированных ниш и аркатурных поясков. Полуколонки, известные по черниговскому Спасу и Киевской Софии (в верхних частях), либо протягиваются по гладкой стене (апсида крещальни собора Печерского монастыря, конец XI в.), либо усложняют лопатки – Успенская церковь Елецкого монастыря в Чернигове, конец XI в. (табл. 110, *2*) (*Холостенко Н.В.*, 1961. С. 55. Рис. 3).

Профилированные ниши венчают барабаны глав Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде (1119). На центральном и юго-западном барабанах они сочетаются с аркатурным пояском (табл. 110, *1*), а на соборе Михайловского монастыря в Киеве (1108) (табл. 110, *6*) с меандровым междуярусным поясом (табл. 110, *8*). И то и другое создает предпосылку для появления аркатурно-колончатого фриза владимиро-суздальского типа. Тем самым фиксируется постепенное сращение тектонической подсистемы декора с орнаментальной, что будет ускоренным темпом развиваться во второй половине XII в. Меандровые пояса продолжают выполнять свои функции карниза в местах с декоративными крестами (ц. Спаса на Берестове, конец XI – начало XII в.) (табл. 110, *12*, *13*).

Орнаментальная подсистема запечатлена не только в декоре фасадов зданий, но и в декоре интерьера, прежде всего – полов. Г.М. Штендером высказаны основательные доводы в пользу того, что инкрустированные мозаикой шиферные плиты получили распространение только с первой четверти XII в. (*Штендер Г.М.*, 1968. С. 102). Естественно, здесь господствовала геометрическая стихия (табл. 110, *14–20*) как в криволинейном (ср. Софию Киевскую), так и в прямолинейном вариантах. При этом обнаруживается довольно близкое родство рисунков в таких памятниках, как Киевская София, собор Михайловского монастыря, Успенский собор Киево-Печерской лавры, Новгородская София, Спасский и Борисоглебский соборы в Чернигове и др. (*Штендер Г.М.*, 1968. С. 100). В декоре полов применялся в основном панельный орнамент. Классификация его рисунков потребовала бы особой работы. Вкратце можно сказать, что в сфере криволинейного орнамента господствовали кольцевые, спиралевидные и эсовидные формы, а в прямолинейной структуре – прямоугольные, ромбовидные и треугольные. В расцветке смальт преобладали желтый, зеленый, лиловый и синий тона.

Считается, что мозаичная инкрустация шиферных плит уже в начале XII в. была вытеснена наборами из поливных керамических плиток. Вероятно, это произошло несколько позже. Но к середине XII в. новый вид декора действительно достиг очень высокого уровня, об этом можно судить по остаткам майоликового пола Нижней церкви в Гродно (20–30-е годы XII в.) (*Воронин Н.Н.*, 1954). Реконструкция этого пола М.В. Малевской (табл. 110, *29*) (*Малевская М.В.*, 1966. С. 148) дает представление о наборе плиток: преобладает довольно простой шахматный рисунок, в который включены круги с поставленными на угол квадратами. Более оригинален фасадный майоликовый же декор в виде разной формы крестообразных композиций и чаш (табл. 110, *24–28*). Последний мотив ведет свое начало от использования на фасадах больших керамических блюдообразных форм, фрагменты которых найдены в раскопках Б.А. Рыбакова в Любече.

Вершиной декора из поливных плиток следует считать майоликовый пол княжеского Спасского храма в Галиче (до 1151 г.), плитки которого были украшены прекрасными изображениями грифонов, фантастических птицедраконов, сиринов и пр. (табл. 110, *1–3*; раскопки В.К. Гончарова– 1951 г. и М.К. Каргера – 1955 г.) (*Гончаров В.К.*, 1955. С. 29; *Каргер М.К.*, 1960. С. 64).

К орнаментальной подсистеме следует причислить и кирпичные выкладки крестов. Подобные выкладки имели место еще в Софии Новгородской, но особое семантическое значение получили на фасадах храма Спаса в Берестове (табл. 110, *13*; *Воробьева Е.В.*, 1976. С. 14).

Однако геометрический орнамент в условиях усложнившейся жизни не мог всецело удовлетворять развивавшийся вкус. Во второй половине XI в. и особенно в первой половине XII в. свою фантазию мастера-декораторы воплощали в ременно-растительно-плетеночной стихии, распространившейся и на элементы тектонической подсистемы.

Плетенка развитых форм с включением зооморфных мотивов (грифон и кентавр-китоврас) применена в резьбе деревянной (дубовой) колонны, найденной при раскопках в Новгороде и датируемой серединой XI в. (табл. 110, *1–5*) (*Арциховский А.В.*, 1954. С. 65). Важно отметить, что в отличие от геометризированного плетения на плитах Софийского собора "ленточное" плетение на новгородской колонне не регулярно. Оно свободно, но равномерно заполняет фуст колонны, образуя ромбовидно-ячеистую решетку. При этом бороздка посередине "ленты" придает ей раздвоенный вид, что станет типичным для орнамента XII–XIII вв. А.В. Арциховский установил славянское происхождение этой плетенки. Новгородская колонна, конечно, не была одинокой. Находки различных деталей мебели, саней и т.п. (*Колчин Б.А.*, 1971. Рис. 13. Табл. 19–20) с изумительной по сложности орнаментальной резьбой позволяют думать, что новгородская деревянная архитектура XI в. выглядела весьма декоративной. Это помогает понять суть перемен, произошедших в русском архитектурном орнаменте второй половины XI – начала XII в. Прежде всего, свободнее развивался орнамент на капителях. Капитель дворцового здания в Переяславле Южном (конец XI в.) уже не имеет византинизирующих крестов, ее декор составляют трех- и пятилистные пальметты и своеобразные "рыбообразные" шишки (кедровые?) по угловым ребрам (табл. 110, *5а*) (*Асеев Ю.С.*, *Сикорский М.И.*, *Юра Р.А.*, 1967. С. 204).

Особенно прославилась в истории древнерусской архитектуры так называемая черниговская капитель, найденная в 1860 г. (табл. 110, *23*). Она имеет форму опрокинутого усеченного конуса и вся покрыта решетчатым переплетением (крест-накрест) сочных жгутов, которые нельзя назвать ни растительными стеблями, ни лентами или ремнями. Это именно жгуты, почти круглые в сечении, с продольной бороздкой с лицевой стороны. Плетение достаточно регулярно, даже симметрично, но о геометризме все же говорить трудно. М. Макаренко вслед за Д.В. Айналовым охарактеризовал капитель как романскую, найдя аналогии в западноевропейской пластике X–XI вв.

Судя по форме и размерам, описанная капитель венчала одну из фасадных полуколонок Успенской церкви Елецкого монастыря (конец XI в.). Впервые это мнение высказал И.В. Моргилевский (*Моргилевский И.В.*, 1928. С. 199). Его предположение подтверждено Е.В. Воробьевой (*Воробьева Е.В.*, 1976. С. 177). "Романский" характер ее аркатурного пояска отмечен почти всеми исследователями (Е.В. Воробьева усматривает в этой форме общеевропейский мотив). Налицо, таким образом, очень раннее появление плетенки в орнаменте монументальной архитектуры Руси, что не должно нас удивлять: подготовку её можно видеть и в резных панелях парапетов Софии Киевской. Следовательно, определяющее значение орнамента произведений прикладного искусства в развитии архитектурного декора должно быть поставлено под сомнение. Эволюция орнамента, по-видимому, в этих областях протекала параллельно и на рассматриваемом этапе была больше обязана орнаменту рукописных книг, что, впрочем, тоже нуждается в доказательстве.

Возникшие в Чернигове капители с плетенкой были тут же повторены мастерами Борисоглебского собора (между 1115 и 1123 гг.) (*Холостенко Н.В.*, 1967. С. 188). Четыре из его капителей (от фасадных полуколонн) найдены в поздних закладках (*Остапенко М.А.*, 1950. С. 166; *Холостенко Н.В.*, 1951).

На двух капителях (табл. 110, *30–31*) ленточное плетение свободно развертывается вокруг парных зверей, частично оплетая и их, чем отличается от плетения новгородской колонны. На фрагменте третьей капители изображен "гривастый зверь" (табл. 110, *33*). На четвертой капители (от портала с драконом и орлом) – хвост драконовидного существа, который образует сложные петли, но уже не в виде лент, а в виде очень пластичных жгутов, и частично охватывает зверя. Таким образом, в черниговских капителях нет единства манеры исполнения, но в широком смысле стиль их един. Он свидетельствует о начавшейся тератологии (табл. 110, *32*). Предшественником орнамента черниговских капителей с зверями и плетенкой можно считать рисунок на турьем роге из Черной могилы (Чернигов, X в.). Геральдические звери связываются с великокняжеской эмблематикой, реставрирующей элементы язычества (*Воробьева Е.В.*, 1976. С. 179).

Резьба черниговских капителей вплотную подводит к архитектурному декору Владимиро-Суздальской Руси. Однако прежде необходимо осветить состояние тематической архитектурной пластики интересующего нас периода.

В сущности, элементы тематической подсистемы содержатся в рассмотренном орнаментальном декоре. Это сращение подсистем было ведущим процессом. Но тематическая подсистема развивалась и самостоятельно.

В истории древнерусского искусства давно известны две пары больших шиферных плит с рельефными изображениями. Первые две плиты несут мифологические сюжеты и после некоторых колебаний определены как "Геракл, побеждающий льва" (Табл. 110, *2*) и "Дионис, везомый на колеснице львами" (*Горохов В.Г.*, 1972. С. 253; *Некрасов А.И.*, 1937. С. 68; *Рыбаков Б.А.*, 1951. С. 440, 441; *Лазарев В.Н.*, 1953. С. 192; *Алпатов М.В.*, 1955. С. 61; *Даркевич В.П.*, 1962. С. 91; *Логвин Г.Н.*, 1963. С. 31; *Асеев Ю.С.*, 1969а. С. 202–204). Поскольку плиты дошли до нас во вторичном использовании (в стене типографии Киево-Печорской лавры), то происхождение их неизвестно. Допускается, что они входили в декор древнего дворцового здания (К.В. Щероцкий, А.И. Некрасов, Б.А. Рыбаков, А.Н. Грабарь, Г.Н. Логвин). Н.В. Холостенко относит их к парапетам хор Успенского собора лавры (*Холостенко Н.В.*, 1967. С. 64), чем определяется и их дата – 1073–1078 гг. При этом в цикл резных плит входили плиты и с другими сюжетами (змееборство и т.д.) (табл. 110, *4*). Некоторое различие в профилировке рамок действительно позволяет предполагать, что плиты входили в декор не только интерьера (хоры), но и фасадов. Пожалуй, это первый реальный аргумент в пользу мнения А.И. Некрасова. Материал плит (овручский шифер) и стиль резьбы (лапидарный монументализм) позволяют считать их местной работой. На двух других плитах изображены (попарно в центрической композиции) святые всадники Георгий и Федор (оба – змееборцы) (табл. 110, *2*). Нестор (с поверженным врагом) и Дмитрий (*Лазарев В.Н.*, 1953. С. 192; *Асеев Ю.С.* 1969а. С. 203) (табл. 110, *10*). Эти плиты происходят с территории Михайловского Златоверхого монастыря и были вмонтированы в стену Михайловского собора (1108). Территория Михайловского монастыря принадлежала ранее Дмитриевскому монастырю, в котором были два храма второй половины XI в. А.И. Некрасов безоговорочно связывал плиты с собором Дмитриевского монастыря 1060 г. и видел в правых конных воинах изображения Ярослава Мудрого и его сына Изяслава (*Некрасов А.И.*, 1937. С. 67, 68). Важнее вопрос о древнем местоположении рельефов. Судя по монументальности стиля они вполне допустимы на фасаде.

Два фрагмента шиферных плит (с изображением человеческой головы и корпуса слона) (табл. 110, *34, 35*) еще в 1838 г. были найдены в Киеве. Предположительно они связываются с храмом Федоровского монастыря 1129 г. Н.Н. Воронин отметил светский характер резьбы (*Воронин Н.Н.*, 1957. С. 259, 260. Рис. 1).

Других данных о тематической архитектурной пластике второй половины XI – начала XII в. пока нет. Можно сказать, что это был период очень заметного сдвига в сторону расширения и углубления семантики архитектурного декора. С ним связан выход тематического резного декора на фасады, что открывало путь к владимиро-суздальской архитектурной пластике. Не только плиты с сюжетными рельефами, но и достаточно отвлеченные в своей символике капители служили возвеличению строителей монументальных зданий, их героизации, утверждению генеалогических и феодальных "прав" (*Ференци Б.*, 1936. С. 97 и сл.; 1946. С. 10; *Алпатов М.В.*, 1948. С. 322). Это не исключало проявления в образах и стиле резьбы широких народных вкусов. Наиболее непосредственно они выражались в бордюрных "штучных наборах", восходя к текстилю и керамике. Земпер считал, что все виды искусства, «не исключая керамики, позаимствовали свои типы и символы у текстильного "искусства"» (*Земпер Г.*, 1970. С. 228). Ведущим, однако, был орнамент, в котором плетенка соединялась с зооморфными мотивами. Если оценивать этот период с точки зрения иерархизма системы архитектурного декора, то, пожалуй, можно сказать, что он был пе-

риодом известного равновесия всех компонентов. Ведущую роль играли Киев и Чернигов. Заметно "отставание" Новгорода. Галич, Владимир, Рязань готовились сказать свое слово.

Киевская Русь сохраняла свое единство приблизительно до 1132 г., после чего "распалась на полтора десятка самостоятельных княжеств", "княжеств-королевств", по выражению Б.А. Рыбакова (*Рыбаков Б.А.*, 1966. С. 573). Этот «период развитого феодализма, или эпоха "Слова о полку Игореве"», характеризуется сложением новой системы архитектурного декора. При этом, если не считать владимиро-суздальские памятники, новые данные дают нам именно археологические и реставрационные открытия последних лет. Поскольку процесс этот достаточно изучен в его слагаемых, то можно смелее применить дедуктивный метод изложения.

Прежде всего выявляются две закономерности: 1) ведущее положение – в смысле развития архитектурного декора – занимали княжества, которые способствовали государственной стабилизации; 2) при сохранении всей важности тектонической и орнаментальной подсистем наибольшее значение приобрела подсистема тематического декора.

Памятуя, что наше изложение стремится сохранить принцип иерархизма системы, рассмотрим сначала тектоническую пластику как изначально необходимую.

Тектоническая подсистема. Во второй половине XII в. ее элементы еще более дифференцировались. Теперь фасадные лопатки осложняются не только полуколонкой, но полуколонки собираются в своего рода "пучки", состоящие из собственно полуколонки (центральная ось) и прямых или скругленных уступов лопаток, число которых доходит (к началу XIII в.) до четырех с каждой стороны полуколонки. В поперечных сечениях "пучковых лопаток" проявляются местные особенности. Владимиро-суздальские мастера вплоть до начала XIII в. придерживались сочетания лопатки с одной полуколонкой (табл. 111, *23*), компенсируя строгость этой формы введением аркатурно-колончатого фриза и узких полукруглых тяг на апсидах (впервые, вероятно, в Боголюбове, 1158–1165 гг.) (табл. 111, *22*). В Овруче (ц. Василия, около 1190 г.) (*Раппопорт П.А.*, 1972. С. 82), в Киеве (ц. на Вознесенском спуске, конец XII в.) (*Каргер М.К.*, 1961. С. 446 и сл. Рис. 157–161) и Чернигове (ц. Параскевы Пятницы, рубеж XII–XIII вв.) (*Барановский П.Д.*, 1948. С. 13 и сл.) лопатки с полуколонкой приобретают двухступчатую форму, причем в Васильевской церкви все уступы скруглены (табл. 111, *24*) (*Раппопорт П.А.*, 1977. С. 16).

Еще более сложную профилировку вертикальных членений разработали смоленские зодчие. Она приобретает трехступчатую (не считая полуколонки) (ц. на Рачевке) (*Воронин Н.Н.*, 1967. С. 103; *Раппопорт П.А.*, 1977. С. 16) (табл. 111, *75*) и даже четырехступчатую (ц. Троицкого монастыря) (*Раппопорт П.А.*, 1977. С. 17) форму. Но самую сложную ("готическую") конфигурацию в виде пяти полуколонок с разделением боковых колонок прямоугольным уступом придали зодчие Спасскому собору в Новгороде Северском (*Холостенко Н.В.*, 1958. С. 35; *Раппопорт П.А.*, 1977. С. 15, 16).

Считается, что смоленские приемы отразились в архитектуре Рязани, но более определенно в этом смысле можно говорить про Новгород, где в 1207 г. была построена ц. Параскевы Пятницы со смоленской профилировкой "пучковых лопаток" (*Гладенко Т.В., Красноречьев Л.Е., Штендер Г.М., Шуляк Л.М.*, 1964. С. 201).

Как уже отмечалось, к области тектонической пластики должны быть отнесены неорнаментированные базы и капители колонок междуярусного пояса, а также карнизы, поскольку они тесно связаны с "костяком" здания. Во второй половине XII – начале XIII в. предпочтение первоначально отдавалось капители в виде опрокинутой усеченной пирамиды с импостом и скругленными нижними углами. Базы колонн (а также цокольные профили) постепенно усложнялись от однообломного отлива Георгиевской церкви Юрия Долгорукова в Суздале, 1148 г. (табл. 111, *28*) (*Варганов А.Д.*, 1945) до "аттической" формы. Последняя появилась в дворцовом храме Боголюбова (1158–1165?) и состояла из двух валов (нижний с "рогами"-грифами) и скоции между ними, покоящихся на прямоугольном уступе (табл. 111, *29*) (*Воронин Н.Н.*, 1961. С. 213. Рис. 92). К 30-м годам XIII в. обнаружилась тенденция к сжатию скоции и выносу нижнего вала вперед, как бы "выжиманию" его силой тяжести здания (табл. 111, *33, 34*) (*Воронин Н.Н.*, 1962. С. 36. Рис. 15).

В области профилировки порталов развитие шло от простой прямоугольно-уступчатой формы "киевского типа" (ц. в Кидекше, Спасо-Преображенский собор в Переяславле-Залесском, 1152 г.) к "перспективной", которую обычно возводят к романскому стилю. Это не совсем верно, так как в древнерусских порталах не было горизонтальной балки и, следовательно, не было тимпана – непременных элементов романского портала (*Кудрявцева Т.П.*, 1975. С. 30–36. Рис. 1). Исключение представляет архитектура древнего Галича, в которой, как оказалось, применялись порталы с архитравом и тимпаном (*Воробьева Е.В.*, 1976). "Перспективность" образовывалась (впервые в Боголюбове?) за счет выноса крайних полуколонок на наружную плоскость стены и перемежаемости прямоугольных уступов с полуколонками. (С начала XIII в. колонки стали наделяться "бусинками"-дыньками.) Аналогично развивалась профилировка архивольтов, причем полуциркульному очертанию с рубежа XII–XIII вв. (впервые в закомарах башен Дмитриевского собора) стало предпочитаться килевидное. Перечисленные формы способствовали динамизации архитектурного образа в вертикальном направлении.

Довольно сложную эволюцию проделали междуярусные пояса. Вместо южнорусской ленты меандра с середины XII в. появляется поясок, состоящий из ленты поребрика и мелкой аркатурки на консолях (ц. Богородицы в Кидекше, 1152 г.), который в Чернигове (а также в Спасо-Преображенском соборе Переяславля-Залесского, 1152 г.) выполнял функцию карниза. Казалось бы, это противоречит отмеченной выше тенденции к динамизации. Но в Успенском соборе Владимира (1158–1160) и в одновременной ему ц. Рождества Богородицы в Боголюбове укрупненная аркатура опирается уже на колонки, имеющие капители (в виде опрокинутой усеченной пирамидки), и клинчатые консоли (табл. 111, *16*). Наряду с "висячим" аркатурным фризом использовали и "врезанный" в стену (заподлицо с наружной плоско-

стью) – впервые на фасаде дворцового храма в Боголюбове. К началу XIII в. поребрик уступил место двойному орнаментированному поясу, например в Суздальском соборе (1222–1225) (табл. 111, *19*). Эволюция владимиро-суздальского аркатурно-колончатого фриза подробно прослежена в капитальной работе Н.Н. Воронина (*Воронин Н.Н.*, 1961. С. 72, 73, 84, 104, 170 и сл.). Им же признано его западноевропейское (романское) происхождение (Там же. С. 332). Однако "висячие" владимиро-суздальские фризы не типичны для романской архитектуры. В генезисе этих фризов следует учитывать и такие элементы, как пояса фасадных ниш в южнорусских памятниках (собор Михайловского монастыря и пр.) (*Воробьева Е.В.*, 1977. С. 14).

Междуярусные аркатурно-колончатые фризы были достоянием не только владимиро-суздальской архитектуры. Находки белокаменных консолей в Старой Рязани (табл. 111, *16а*) (*Монгайт А.Л.*, 1955. Рис. 62) говорят о том, что такие фризы делали и здесь.

Естественно, что с развитием аркатурно-колончатого фриза усложнялись капители и особенно консоли его колонок: эволюция шла от простых "клинчатых" консолей Успенского собора 1158–1160 гг. (табл. 111, *16*) и кубических консолей Старой Рязани к фигурным, в виде зверей и птиц, но в тех фризах, которые не были "висячими", консоли превращались в базы колонок, приобретая кубическую форму. Возможно, что рязанские консоли были именно такими базами. Кубическая форма баз была усвоена Аристотелем Фиоравенти при постройке Успенского собора Московского кремля.

Карнизы в архитектуре второй половины XII – начала XIII в. развивались по трем линиям. В группе северо-западных памятников (Новгород, Псков) сохранялся поясок висячей аркатурки (без консолей, но с зубцами-"сухариками"). Классическим примером может служить ц. Спаса-Нередицы (1198) (История русского искусства, 1954. С. 31, 33). Карнизы смоленской группы представляли собой рудимент аркатурки "черниговского" типа (Свирская церковь), сведенной до миниатюрного масштаба (История русского искусства, 1953. С. 324). Во Владимиро-Суздальской Руси та же самая аркатурка сначала перешла на апсиды (Спасо-Преображенский собор в Переяславле Залесском) (*Воронин Н.Н.*, 1961. С. 79, 83), а затем была заменена (на барабанах глав) поясом свисающих городков, увенчанных лентой поребрика (табл. 111, *5а*), и короной мелких арочек двух-трехобломного профиля (табл. 111, *6*). Таким образом, карниз здесь входил одновременно и в тектоническую и в орнаментальную подсистемы. С известной натяжкой он может быть отнесен и к тематической подсистеме, поскольку свисающие городки, например в Дмитриевском соборе, декорированы львиными масками (табл. 111, *7*) (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 235, 237), а в Георгиевском соборе Юрьева-Польского (1230–1234) в арочках даны погрудные рельефы светских персонажей (табл. 111, *8*) (*Вагнер Г.К.*, 1964. Табл. VIa).

Отмеченное обстоятельство позволяет заключить, что тектоническая подсистема архитектурной пластики принимала немалое участие в формировании новой архитектурной образности. Она способствовала не только динамизации через обогащение вертикальных ритмов (отвечая в этом отношении общеевропейской эволюции стиля в сторону готики), но и переходу всей пластики в многоярусное построение.

Орнаментальная подсистема. Сказанное о карнизах может быть перенесено на бóльшую часть подсистемы орнаментального декора второй половины XII – начала XIII в., связанной с белокаменной архитектурой. Последняя, как известно, развивалась в Галицко-Волынском и Владимиро-Суздальском княжествах, использующих опыт романских мастеров; она (эта часть подсистемы) органически сливалась с тектонической и тематической подсистемами. При этом процесс носил двусторонний (взаимонаправленный) характер. С одной стороны, элементы тектонической подсистемы покрываются орнаментальной резьбой и таким образом сами превращаются в орнаментально-декоративные элементы (например, капители, колонки, карнизы) и даже цепочки элементов – бордюры и панели. С другой стороны, элементы тематической подсистемы (рельефы антропоморфного и зооморфного характера), в свою очередь, выстраиваются в ряды и более широкие по площади композиции, которые тоже можно рассматривать как бордюры и панели ("ковры").

Однако другая часть орнаментальной подсистемы развивалась в условиях традиционного зодчества (кирпич, дерево), и здесь отмеченного выше взаимопроникновения декоративных подсистем не было. Промежуточное положение (между белокаменной резьбой и кирпичной орнаментикой) занимал декор из майоликовых плиток, переживавших расцвет именно в это время.

Простейшим элементом орнаментальной подсистемы белокаменного зодчества остается покрытая резьбой капитель. Она была известна и ранее, но только теперь становится неотъемлемым элементом архитектурного декора.

Капители орнаментальной подсистемы рассматриваемого времени, как правило, растительного характера: орнамент либо покрывает тело капители, сливаясь с ним, либо растительные мотивы выполнены в трехмерной манере, и тогда капитель приближается к корзиночной (коринфизированной) форме. Отчасти это зависело от функции капители, но в неменьшей мере и от мастера. Исторический ряд представляется в следующем виде.

1. Большие капители, венчающие фасадные полуколонны храма в Боголюбове, наиболее пластичны. Судя по дошедшим фрагментам они имели коринфизированную форму (из трех рядов сильно отогнутых аканфовых листьев) (табл. 111, *9*) (*Вагнер Г.К.*, 1969а. Рис. 50). Последняя сохранена в капителях Успенского собора 1158–1160 гг., но здесь наряду с пластичными капителями появились капители с плоской резьбой (табл. 111, *10*) (*Вагнер Г.К.*, 1969а. Рис. 77–80).

2. В капителях церкви Покрова на Нерли (около 1165 г.) резьба аканфовых листьев еще более уплощается и стилизуется. Впервые появляются аканфовые листья на винтообразно закрученных стеблях (табл. 111, *11*) (*Там же*. Рис. 121а).

3. В капителях собора Рождественского монастыря (1192–1196) ряды аканфовых листьев сокращаются до двух (Там же. Рис. 137а).

4. Капители Дмитриевского собора (1194–1197) близки к капителям ц. Покрова, но более "кудрявые" (табл. 111, *12*) (Там же. Рис. 151,152а).

Фасадные капители Суздальского собора не известны. В Георгиевском соборе Юрьева-Польского вместо растительных капителей появляются капители с рельефами восточных персонажей (табл. 111, *14*) (см. ниже).

Примерно в такой же ряд выстраиваются капители порталов, барабанов и аркатурно-колончатых поясов (*Вагнер Г.К.*, 1969а. Рис. 47, 78, 92, 119, 129, 131, 132, 154, 186, 230, 237); для Нижнего Новгорода (*Воронин Н.Н.*, 1962. Рис. 22) с тем лишь отличием, что в Суздальском соборе на порталах появились широкие капители с более фантастическим построением листьев, а также "блочные" (горизонтально-призматические) капители с довольно крупными рельефами львов (табл. 11, *13а*) (*Вагнер Г.К.*, 1976а. С. 78. Рис. 17–20, 24, 25). На порталах Георгиевского собора Юрьева-Польского кубоватые капители покрыты замысловатой растительной плетенкой (*Вагнер Г.К.*, 1964. Табл. XXIX–XXXI, XXXV).

Вслед за капителями в орнаментальную подсистему второй половины XII–начала XIII в. входит резьба самих колонок – от малых (во фризе) до больших – их баз и консолей, а также архивольтов порталов. Здесь наблюдаются следующие закономерности.

1. Прежде всего (с середины 60-х годов XII в.) стали орнаментировать архивольты порталов (ц. Покрова на Нерли). Резьба носила исключительно растительный характер (пальметты в эллипсовидном плетении и в виде рядоположения) (табл. 112, *1*) (*Вагнер Г.К.*, 1960а. Рис. 119).

2. Приблизительно в это же время появилась резьба на белокаменных карнизах, консолях, и косяках порталов в кирпичном зодчестве Рязани (Борисоглебский собор) (*Вагнер Г.К.*, 1963. С. 23).

Эта резьба была тоже растительной, но ее формы и их ленточное обрамление (в виде ромбов) отличались меньшей правильностью. Кроме того, в резьбе отмечено разнородное происхождение мотивов (Кавказ, Балканы и др.) (Там же. С. 29; *Корзухина-Воронина Г.Ф.*, 1929. С. 69–82).

3. В 80-х годах XII в. в Чернигове возобновляется (на короткое время) интерес к резьбе с зооморфными мотивами как в "чистом виде" (большая капитель с фигурой льва от фасадной полуколонны Благовещенской церкви 1186 г. (*Воробьева Е.В.*, 1976. С. 177), так и в ременном плетении (киворий той же церкви) (табл. 112, *30*) (*Рыбаков Б.А.*, 1949. Рис. 48). Аналогичное явление в это же время имеет место во Владимире (галерея Успенского собора 1185–1189 гг.), но оно отразилось лишь в форме зооморфных консолей, в декор которых входит и плетенка (*Вагнер Г.К.*, 1969. Рис. 128а, б).

4. С 90-х годов XII в. в резьбе архивольтов появляется ромбовидное ленточное плетение (собор Рождественского монастыря во Владимире) (*Вагнер Г.К.*, 1969а. Рис. 142), которое косвенно (именно косвенно) захватывает в свою орбиту зооморфные мотивы (Дмитриевский собор во Владимире, табл. 112, *2, 38*) (*Вагнер Г.К.*, 1969а. Рис. 186, 230, 233), создавая предпосылки для будущей тератологии. При этом в резьбу частично включены и антропоморфные мотивы (табл. 112, *3*). Такой же резьбой (но с меньшим использованием зооморфных мотивов и более регулярной ленточно-растительной орнаментикой) покрываются колонки междуярусного фриза (Там же. Рис. 154). Здесь антропоморфные мотивы отсутствуют.

5. С 30-х годов XIII в. ленточно-растительная резьба с включением зооморфных мотивов распространяется и на колонки порталов (Суздальский собор) (табл. 111, *19*) (*Вагнер Г.К.*, 1976б. Рис. 16, 21, 22). Особой любовью пользуется так называемая сасанидская пальметта.

6. К середине 30-х годов XIII в. резьба порталов разъединяется на чисто растительную (или ленточно-растительную) и зооморфную (Георгиевский собор в Юрьеве-Польском). В области растительной орнаментики отдается предпочтение мотиву "древа жизни" (табл. 112, *28*) (*Вагнер Г.К.*, 1964. Табл. XXIX–XXXI). Тератологический элемент из сферы белокаменной резьбы переходит в область живописи (роспись врат Суздальского собора) (*Вагнер Г.К.*, 1976. Рис. 77–82, 84–104).

Эволюция консолей и без колонок фризов была менее сложной. Фигурные (зооморфные и антропоморфные) консоли появились (вместо прежних клинчатых) впервые, по-видимому, в ц. Покрова на Нерли (табл. 111, *17*) (*Вагнер Г.К.*, 1969а. Рис. 91–94). При этом ни ленточные, ни растительные элементы не использовались. Как уже говорилось, в консолях галерей Успенского собора во Владимире зооморфные мотивы (звериные маски) осложнены ленточным плетением. Это открыло путь к тератологизации консолей Дмитриевского собора. Однако, как и в консолях Успенского собора, она коснулась лишь баз колонок, но не самих консолей (Там же. Рис. 154). В дальнейшем консоли превратились в кубические постаменты (базы) колонок. В Нижнем Новгороде их декорировали растительным орнаментом (табл. 111, *19а*) (*Воронин Н.Н.*, 1962. Рис. 22). Несколько раньше это имело место в Старой Рязани. Во фризе Суздальского собора зооморфные мотивы перемежаются с растительными (табл. 111, *19*) (*Вагнер Г.К.*, 1976б. Рис. 32–43), следовательно, наметившаяся "тератологизация" распадается, а из фриза Георгиевского собора зооморфные мотивы почти вообще исключены (табл. 111, *20*). Налицо, таким образом, известное расхождение с тем, что в это время наблюдалось в орнаментике рукописных книг.

Из сказанного видно, что в орнаментальную подсистему постепенно внедрялись элементы тематической подсистемы. Поэтому в орнаментальную подсистему мы условно включаем ряд львиных масок в карнизе барабана Дмитриевского собора, а также ряд арочек с рельефами светских персонажей, венчающий барабан Георгиевского собора в Юрьеве-Польском.

Своеобразная адаптация изобразительных мотивов происходила и в орнаментации майоликовых полов. Во второй половине XII в. изготовление майолитовых плиток было налажено во многих древнерусских городах. Геометрические композиции приобретали довольно прихотливый характер за счет введения бордюров и панелей острого рисунка (зигзаги, треугольники, ступенчатые, петлеобразные, волнообразные и лекальные формы) (*Каргер М.К.*, 1947. С. 41. Рис. 26), причем майоликовыми плитками выстилали и стены (очевидно, нижние участки).

Сами плитки орнаментируются различного рода "разводами", что вызывало у современников сравнения с мрамором ("мрамор красный разноличный" Суздаль-

ского собора (ПСРЛ, Т. I. 459–460). Но самым интересным – в смысле эволюции орнаментальной подсистемы – было введение в декор плиток зооморфных мотивов. Особенную известность получили галические плитки с грифонами, драконами и прочими существами (табл. 111, *2*) (*Гончаров В.К.*, 1955). Большая поливная плитка с изображением грифона найдена Н.Н. Ворониным при раскопках в Боголюбове (табл. 111, *3*) (*Воронин Н.Н.*, 1961. С. 27. Рис. 153а). Это свидетельствует об усилении семантики декора, в частности о проникновении в него феодальных геральдических образов.

Более декоративными (по эстетическому воздействию) элементами орнаментальной подсистемы второй половины XII – начала XIII в. оставались следующие: 1) в белокаменной архитектуре – декоративные ленты, проходящие над аркатурно-колончатым фризом; растительные мотивы, рядами заполняющие интерколумнии, антревольты и тимпаны аркатурных фризов (находящиеся в тимпанах зооморфные мотивы частично относятся уже к тематической подсистеме); ряды древовидных композиций, перемежающиеся с рядами тематического декора; участки растительного орнамента, заполняющие в виде панно все свободные от тематических рельефов места (строго говоря, они тоже входят в тематическую подсистему); различные бордюрные композиции (на водостоках и т.п.); 2) в кирпичной архитектуре – самые разнообразные по протяженности (бордюрные, панельные и пр.) и по форме штучные выкладки геометрического характера (включая крестовидные композиции); 3) в деревянной архитектуре – причелины, полотенца, карнизные доски и т.п.

Разнообразие этого материала, пополняемого археологией главным образом в области дерева, все же позволяет произвести следующую систематизацию (с учетом эволюции):

1. Число лент над фризом увеличилось от одной (ц. Покрова на Нерли) (табл. 111, *17*) до двух за счет введения ленты с плетенкой (Дмитриевский собор, табл. 111, *18*). В 20-х годах XIII в. вместо плетенки стали использовать ленту с переплетающимися кругами, заключающими маленькие рельефы зверей и птиц (Суздальский собор) (табл. 111, *19*; табл. 112, *36*). К 30-м годам обе ленты исчезли и были заменены полуовалом с растительной орнаментацией (Георгиевский собор в Юрьеве-Польском) (табл. 111, *20*).

2. Растительные мотивы во фризе появились лишь в конце XII в. (Дмитриевский собор). В зависимости от расположения они имели форму деревьев с геральдическими зверями или птицами у основания (нижняя часть интерколумниев) (табл. 12, *19–27*); стилизованных кустов или букетов (тимпаны) (табл. 112, *14–18*); пучков ветвей (антревольты) (*Вагнер Г.К.*, 1969, 1969а. Рис. 154). Кроме фриза, древовидные мотивы широко использованы на фасадах Дмитриевского собора в виде целых рядов (табл. 112, *9–13*), перемежающихся с рядами зооморфных рельефов (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 224, 225) (*Новаковская С.М.*, 1978). В начале XIII в. древовидные формы переместились в антревольты (Суздальский собор) (табл. 111, *19*), а с остальных участков фриза растительный орнамент исчез, перейдя на стены второго яруса (Суздальский собор) (*Вагнер Г.К.*, 1976б. С. 65–76 Рис. 14). К 30-м годам XIII в. в тимпанах вновь появились кусты-букеты, а "деревья" в антревольтах приняли более живописно-стилизованную форму (Георгиевский собор) (табл. 111, *20*). Деревья более развитой многоярусной формы и большого масштаба заняли все участки стен нижнего яруса (табл. 112, *28, 29*). Свободные от рельефов места стен второго яруса заполнены растительными мотивами лиановидного рисунка, что образовало как бы "оклад" рельефов. В растительных формах богатейшее развитие получила сасанидская пальметта. В бордюрных композициях следует отметить мотив рядоположенных пальметт, соединенных друг с другом волнообразными корнями (*Вагнер Г.К.* 1969а. Рис. 136, 138), что очень характерно для сербской орнаментики. В начале XIV в. он будет усвоен московскими зодчими. На этом уровне орнаментальная подсистема белокаменного архитектурного декора Руси была застигнута татаро-монгольским нашествием.

В кирпичном зодчестве орнаментальная подсистема рассматриваемого времени развивалась главным образом за счет суммирования рядов фигурных выкладок, т.е. за счет превращения бордюрного орнамента в панельный. Основным материалом для суждения служит Пятницкая церковь в Чернигове по реконструкции П.Д. Барановского (*Барановский П.Д.*, 1948). Главные положения здесь следующие:

1. Меандровый междуярусный пояс остается, но не по всему периметру здания, а лишь на продольных фасадах. На западном фасаде он переходит в пояс бегунка между двумя лентами поребрика (табл. 112, *40*), а на восточном – в решетчатый пояс из диагонально перекрещивающих кирпичных полос (табл. 112, *41*). Таков же, по-видимому, был орнаментальный пояс собора Апостолов в Белгороде (1197), собора Спасо-Преображенского монастыря в Новгороде-Северском (XII–начало XIII в.) и ц. в Путивле (начало XIII в.) (*Асеев Ю.С.*, 1969а. С. 166, 174, 175).

2. Тимпаны центральных закомар отсекаются полоской бегунка, а тимпаны боковых полузакомар заполнены сплошной решетчатой выкладкой. Все это вместе с полосами поребрика на апсидах и мелких арочек с поребриком в основании купола создает достаточно живописное впечатление, но, конечно, совсем иного характера, чем в белокаменной архитектуре. Можно сказать, что орнаментальная подсистема кирпичной архитектуры конца XII в. приблизилась к мотивам текстильной орнаментики, а отчасти и к керамической.

Своеобразную картину дают орнаментальные мотивы деревянной резьбы. Судя по материалам новгородских раскопок фасады жилых зданий декорировались геометрическими, подгеометрическими и растительными мотивами. Первые, естественно, обнаруживают черты сходства с кирпичной орнаментацией, как, например мотив диагонально-пересекающихся полос (*Колчин Б.А.*, 1971. Табл. 17. Рис. 6). Подгеометрические (криволинейные разных произвольных форм) мотивы в основном повторяют то, что было известно ранее (табл. 112, *42–44*) (Там же. Табл. 17. Рис. 1, 4, 7, 8). Наиболее интересны, конечно, те мотивы, которые соприкасаются с более передовой каменной резьбой. Это мотив "падающей волны" (История русского искусства 1953. Табл. 18, рис. 3) и различного рода штучные наборы и плетенки (*Колчин Б.А.*, 1971. Табл. 14. Рис. 1

табл. 18. Рис. 1, 2, 6), причем часть найденных фрагментов относится, вероятно, не к жилой архитектуре, а к архитектуре малых форм, в частности – мебели. Интересно, отметить, что некоторые мотивы деревянной резьбы повлияли на белокаменную орнаментику, что заметно в черниговской резьбе конца XII в. (табл. 112, *32*) (*Рыбаков Б.А.*, 1949. Рис. 48), а также в ярославской начала XIII в. (*Воронин Н.Н.*, 1949а. С. 188. Рис. 12).

Краткое рассмотрение орнаментальной подсистемы архитектурного декора второй половины XII–начала XIII в. позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Значение орнаментальной подсистемы возросло, сфера ее применения функционирования расширилась.

2. В зависимости от материала архитектуры орнаментальная подсистема развивалась в области растительных (белый камень) и геометрических (кирпич) мотивов. В деревянной резьбе применялись и те и другие мотивы.

3. Общая направленность деревянной и кирпичной орнаментики свидетельствует о возрастании роли народных вкусов в архитектурном декоре. "Храм Параскевы Пятницы воплотил в кирпиче любовь народа к орнаментальному узорочью" (*Воробьева Е.В.*, 1977. С. 21).

4. Мотивы (и даже техника) деревянной резьбы отразилась в белокаменной резьбе (Чернигов, Ярославль), а последняя дала материал деревянной резьбе (Новгород).

5. Пышный расцвет во владимиро-суздальской архитектуре белокаменной резьбы в основном растительного и ленточного типа следует считать не изолированным явлением, а результатом благоприятных условий. В этой резьбе наиболее полно выразились передовые идейно-художественные тенденции, заметные частично и в областных школах архитектуры (Чернигов, Смоленск, Рязань, Новгород Великий, Нижний Новгород, Ярославль). Таким образом, мнение, согласно которому владимиро-суздальское зодчество не отразало общего развития русского искусства, следует считать ошибочным.

6. Наиболее народным элементом во владимиро-суздальской орнаментике являлась ленточная плетенка разных форм. По сравнению с новгородской плетенкой XI в. она обнаруживает тенденцию к регулярности, даже в наиболее сложных построениях, как например, в Успенском соборе Ростова начала XIII в. (табл. 111, *37*) (*Воронин Н.Н.*, 1962. С. 57, 58. Рис. 32) и лишь в очень редких случаях включает зооморфные элементы. Последние как бы сосуществуют с плетенкой, находясь только на подступе к орнаменту тератологического типа, который впервые заявил о себе в орнаменте "золотых" дверей суздальского собора.

7. Растительный орнамент имеет тенденцию к постепенному заполнению всех свободных площадей. Однако господствующий в нем мотив дерева ("древа жизни") в разных формах и масшабах сохраняет структурность построения композиций, в чем усматривается народная традиция.

8. С одной стороны, орнаментальная подсистема постепенно распространяется на тектоническую (в белокаменной архитектуре).

9. С другой стороны, орнаментальная подсистема вбирает в себя изобразительные мотивы (в первую очередь зооморфные, но частично даже антропоморфные, как, например, в Юрьеве-Польском), т.е. сливается с тематической подсистемой.

10. Отсюда следует, орнаментальная подсистема второй половины XII–начала XIII в. могла восприниматься и как достаточно семантичная.

11. Орнаментальная подсистема архитектурного декора обнаруживает больше связей с уровнем прикладного искусства, нежели с орнаментикой рукописной книги, в которой уже с XII в. развивалась тератология.

12. Художественно акцентируя пластику тектонической подсистемы и отражая в самых общих чертах тенденцию пластики тематической подсистемы, орнаментальная подсистема второй половины XII–начала XIII в. (в белокаменной резьбе) в основном была направлена на демонстрацию основной антиномии средневекового искусства: соотношение мрака и света, злых и добрых сил. Символом темных сил были различные полиморфные образы, а светлых – женские маски и растения. Выстроенные в орнаментальный ряд под архитектурным фризом или над входом в храм (на архивольте), полиморфные образы преграждали путь вверх и внутрь (к свету). Мир древовидных растений, образ райского сада ассоциировался с идеей благоденствия как небесного, так и земного. Образы царственных зверей (львиные маски) выступали в качестве великокняжеских эмблем организующего начала.

13. В рассмотренной орнаментальной подсистеме было немало заимствованных мотивов (пальметты, древовидные композиции, зооморфные образы и т.п.), но как художественное целое она вполне самобытна, поскольку тесно связана с тектонической подсистемой, а последняя обусловлена композицией здания. Здесь как нигде более уместно привести слова Н.П. Кондакова: "Орнамент есть создание художественной и бытовой культуры, нарождающейся в недрах национального искусства, а поэтому за ним, по преимуществу, остается значение народной стихии, элемента наиболее устойчивого и неотъемлемого" (*Кондаков Н.П.*, 1929. С. 306).

Тематическая подсистема. Подчинение ее принципу иерархизма лучше всего выражается в том, что она как бы наслаивается на орнаментальную подсистему.

Выше говорилось, о присутствии в орнаментальной подсистеме понятия "сила", выраженного в львиных образах. Археологическое и искусствоведческое исследование владимиро-суздальской скульптуры показало, что эта сила была обобщенным символом большой темы, которую можно определить как прославление мудрого мироустройства.

Ведущая роль в раскрытии данной темы принадлежала символике. В Боголюбове и ц. Покрова на Нерли использована библейская символика, в Успенском соборе она осложнена легендарными мотивами, в Дмитровском соборе библейская символика повторена и расширена, в Суздальском соборе снова возобладала общехристианская поэтическая символика, наконец, в скульптуре Георгиевского собора дан синтез всей антропеической тематики.

Тематическая подсистема декора имеет традиционное для индоевропейского мышления (*Крывелев И.А.*, 1968. С. 26) трехъярусное построение.

Первый ярус – элементы, тяготеющие к наиболее земному аспекту темы, к идее охраны входа и возвеличения княжеской власти.

Второй ярус – элементы, символизирующие небесное покровительство, в данном случае (во владимиро-суздальской архитектуре) покровительство Богоматери.

Третий ярус – элементы, демонстрирующие как носителей покровительства, так и того, на кого это покровительство распространяется.

Поскольку тема покровительства представляется неизменной, структура ее построения на всех фасадах здания (кроме восточного) совершенно одинакова.

Диахроническое различие в структуре лишь кажущееся, так как тема мыслилась развертывающейся (и воспринимающейся) в четырех известных средневековью смыслах – буквальном, аллегорическом, моральном и мистическом (*Голенищев-Кутузов И.Н.*, 1971. С. 304, 305). Эти смыслы в разное время акцентировались поразному, что и создает впечатление различия по содержанию.

На уровне буквального смысла тематическая подсистема знала два этапа – библейский (вторая половина XII в.) и евангельский (первая треть XIII в.) с соответственным набором образов. При этом вторая половина каждого этапа отличалась гораздо более многочисленной и развитой образностью.

На уровне аллегорического смысла образность библейского этапа отличается конкретностью ("историзмом"), а образность евангельского – скорее метафоризмом. В пределах же каждого этапа развитие шло от единичного к множественному (вселенскому).

На уровне морального смысла тема первого этапа активнее, она обращена к отдельной конкретной личности, во втором этапе она абстрагируется, коллективизируется.

Акцентировка тех или иных уровней и их компонентов приводит к предпочтению определенных образов. При этом образы как бы переходят из одного уровня в другой, оставаясь общими для всех уровней носителями. Носителями буквального смысла были реальные или считавшиеся реальными персонажи – царь Давид, Александр Македонский, святые, местные князья, княжеские дружинники. Аллегорический смысл выражался в способе и формах соотношения образа человека с символическими образами животного и растительного мира.

Мораль "читалась" посредством целевой направленности и осмысления аллегории.

Мистический смысл требовал не только определенного сочетания человеческих образов с образами природы и осознания целей этих сопоставлений, но и особого возвышенного сочетания, особой иерархии всей образности (теория градуализма) (*Лазарев В.Н.*, 1956. С. 12; *Вагнер Г.К.*, 1966. С. 62).

Все сказанное объясняет состав элементов тематической подсистемы архитектурной пластики второй половины XII – начала XIII в., их количественное и качественное соотношение, их взаимосвязи. Это позволяет произвести их структурное описание, которое может быть частично противопоставлено эмпирическому.

А. Уровень буквального смысла. Исторические образы.

1. Царь Давид. Если не считать изображений святых воинов на шиферных плитах Михайловского монастыря, в части которых А.И. Некрасов пытался увидеть сакрализованные портреты князей Ярослава Мудрого и его сына Изяслава, то первым историческим персонажем в архитектурном декоре тематической подсистемы был библейский царь и пророк Давид.

Есть основание полагать, что его образ появился впервые в фасадной пластике Рождественского храма дворцового комплекса в Боголюбове (*Вагнер Г.К.* 1969а. С. 74–76. Рис. 40), но в целом виде он сохранился на трех фасадах храма Покрова на Нерли (табл. 113, *1*) (Там же. Рис. 87, 90, 105) и на трех фасадах Дмитриевского собора во Владимире (*Вагнер Г.К.*, 1969. Рис. 180, 181, 278) (в центральных закомарах). Первоначально вслед за Н.П. Кондаковым принимал эти рельефы за изображение царя Соломона, но открытие в 1974 г. (реставратором А. Скворцовым) резной надписи около западного рельефа подтвердило, что это царь Давид (*Гладкая М., Скворцов А.*, 1976. С. 42, 43). Давид во всех шести рельефах представлен молодым псалмопевцем, сидящим на троне и играющим на псалтири. Вместе с тем он уже – царь, о чем свидетельствует корона. Многозначность образа не умаляет его историзма, но конкретизирует смысл: Давид одновременно и молодой, и царь, и пророк. Первый и второй аспекты можно объяснить преобразованием в образе Давида Андрея Боголюбского и Всеволода III – донаторов храма Покрова на Нерли и Дмитриевского собора. Третий аспект имеет иной смысл и будет рассмотрен в своем месте. Буквальный смысл образа Давида – это богоданность царской власти (*Даркевич В.П.*, 1964. С. 50 и сл.), утверждение Давида в качестве прообраза мудрого правителя, объединителя страны.

Иконографически рельефы не имеют аналогий ни в миниатюрах, ни в монументальной живописи (*Розов Н.Н.*, 1968. С. 87). В.П. Даркевич вслед за Н.Н. Ворониным считает, что на иконографию Давида во владимирской резьбе могло повлиять изображение благословляющего Христа (*Даркевич В.П.*, 1964. С. 49). Рельефы Давида-музыканта самые крупные во владимирской пластике. В дальнейшем они не повторялись, если не считать одного небольшого и малопонятного рельефа на северном фасаде Дмитриевского собора (*Вагнер Г.К.*, 1969а. Рис. 149, 192). Скорее всего, здесь изображен царь Соломон (*Вагнер Г.К.*, 1976а. С. 272), сын Давида (Соломон на троне со львами изображен на архивольте южного портала Дмитриевского собора (табл. 113, *5*). Наконец, вместе с Давидом он изображен на левой закомаре западного фасада того же собора (табл. 113, *34*). Как пророки они возглавляют пророческие ряды в скульптуре Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (табл. 113, *6*, *7*). Если в первом случае они историчны, то во втором выражают более отвлеченную идею.

2. Александр Македонский. Изображен в легендарном сюжете полета на небо, совершенном в корзине, которую несет пара грифонов. Этот сюжет восходит к роману Псевдокалисфена, очень популярному в средневековом мире (*Банк А.В.*, 1940. С. 184). Рельеф на этот сюжет впервые появился на фасаде Успенского собора во Владимире (1158–1160) (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 96. Рис. 59), повторен в декоре Дмитриевского собора (табл. 113, *8*). (Там же. С. 260. С. 187, 188) и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (*Вагнер Г.К.*, 1964. С. 78–80. Рис. 37. Табл. XII(б)). Буквальный его смысл-

всемогущество царя. Более интересны аллегорический и моральный смыслы, о которых будет сказано ниже.

3. Русские князья Борис и Глеб. Их изображение имеет более глубокую пластическую традицию, представленную древнерусскими змеевиками XI–XII вв. (*Лесючевский В.И.*, 1946. С. 230 и сл.). Но в столь крупном масштабе, как во фризе северного фасада Дмитриевского собора, фигуры князей во весь рост даны впервые (табл. 113, *14–15*). Возможно, что здесь сыграла свою роль иконописная традиция. Особенностью владимирских рельефов является то, что князья представлены не воинами, а мучениками (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 244). Впрочем, на южном фасаде того же собора они изображены воинами-всадниками, вооруженными мечами (табл. 113, *16, 17*) (Там же. С. 248. Рис. 187). Разница обусловлена разностью смыслов. В первом случае Борис и Глеб включены в ряд религиозных подвижников, смысл их прямой, буквальный. Во втором случае они символизируют святое воинство вообще (табл. 113, *13*). Погрудные рельефы Бориса и Глеба даны (дважды) в фасадной пластике Георгиевского собора Юрьева-Польского (*Вагнер Г.К.*, 1964. С. 38–41. Табл. XI(а), XX(а, б), причем в одном случае они трактовались как целители, т.е. в историческом аспекте (показаны даже восточные тюрбаны) (табл. 113, *18, 19*), а во втором – деисусе, т.е. в аспекте скорее моральном (табл. 113, *18, 20*).

4. Князь Всеволод III с сыновьями. Эта пластическая композиция уникальна. Она украшает тимпан восточной закомары северного фасада Дмитриевского собора (табл. 119, *21–29*) (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 256–268. Рис. 185). Попытки опровергнуть данную ей Н.Н. Ворониным (*Воронин Н.Н.*, 1961. С. 436) атрибуцию следует признать несостоятельными. Князь изображен сидящим на троне с младшим сыном на коленях. Другие сыновья преклонили колена перед отцом.

5. Князь Святослав Всеволодович. Так мною определен рельеф бородатого мужчины в круглой шапке, некогда находившийся как замковый камень в вершине архивольта северного портала Георгиевского собора (табл. 113, *24*). Рельеф дан здесь в качестве ктиторского изображения. Портретность его удостоверяется сходством с изображением князя Юрия Всеволодовича (брата Святослава) на шитой пелене XVII в. (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 23).

6. Княжеские дружинники. Вероятнее всего, именно этих персонажей следует видеть в рельефах на капителях и в венчающих арочках Георгиевского собора. Первые (на рельефах) изображены в профиль, некоторые в конических шапочках, с серьгой в ухе (табл. 113, *25, 26*) (*Вагнер Г.К.*, 1964. С. 48–52. Табл. VIII, IX). Вторые (в арочках) – в фас, причем шапочки у них другие, полусферические, как у князя Святослава (табл. 113, *27*) (Там же. Табл. VII(а)). И те и другие без нимбов, так что в светскости этих персонажей сомневаться не приходится.

7. К группе рельефов с прямой исторической семантикой относятся **все библейские персонажи**, которые соседствуют с Давидом на фасадах Дмитриевского собора. Здесь усматриваются Самуил, Нафан (?) (*Даркевич В.П.*, 1964. С. 50), Садок (*Вагнер Г.К.*, 1969. С. 256). В какой-то степени историчны и многочисленные фигуры святых, в частности святых воинов – Георгия (табл. 113, *9, 12*), Дмитрия (табл. 113, *11*) и других, заполняющие интерколумнии аркатурно-колончатых фризов Дмитриевского и Георгиевского соборов. Наконец, сюда же должны быть причислены фигуры святителей, а также больших и малых пророков в фасадном декоре последнего здания. Что же касается изображений Христа, Богоматери, Трех отроков и пещи огненной и т.п. образов, то о буквальном смысле их изображения говорить трудно. Они были носителями аллегорического, морального и мистического смыслов.

Те же изображения, которые являлись носителями преимущественно исторического смысла, за небольшим исключением, даны в виде целых фигур и в сравнительно крупном масштабе. Но никаких особых реалистических черт в трактовке (например, князей) не замечается, поскольку, как известно, средневековое творчество в этой области отставало от трактовки сакральных образов.

Б. Уровень аллегорического смысла. Символические образы.

Образы и мотивы, понимаемые буквально, конечно, имели и аллегорический (символический) смысл, но выражался он полнее и ярче, когда с этими образами соседствовали те, которые были носителями в основном символического смысла. Для этого в средневековом искусстве использовали различные зооморфные образы, воспринятые древнерусскими мастерами архитектурного декора. Расскажем только о главных образах.

Лев. В декоре одного только Дмитриевского собора во Владимире лев изображен 125 раз (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 268), занимая первое место во всей зооморфной пластике. Если к этому прибавить рельефы львов остальных владимиро-суздальских храмов, то цифра превысит 200. В зависимости от расположения и формы рельефа, символическое содержание могло варьироваться. Львиные маски у входов в храм (Боголюбово, Успенский собор во Владимире) означали одновременно и стражей и принадлежность храма князю (табл. 114, *11–12*). Напомним, что изображение льва (гривастого зверя) со сходной функцией было известно и в Чернигове, а может быть, и в Рязани. В Суздальском и Юрьев-Польском соборах маски заменены полнофигурными изображениями (*Вагнер Г.К.*, 1964. Табл. XXX; 24, Рис. 26, 27). Ту же функцию на Суздальском соборе выполняли довольно крупные рельефы львов по углам здания, над аркатурно-колончатым фризом. Имея одну голову, туловища их распластаны на два фасада (точно так же, как и на южном портале собора) (табл. 114, *24*). Лежащие со скрещенными передними лапами львы по сторонам оконных проемов (ц. Покрова на Нерли и др.) понимались как стражи (табл. 114, *18*) (*Лазарев В.Н.*, 1953. С. 404. Рис. на с. 405). Львы, стоящие по сторонам трона Давида (ц. Покрова на Нерли, Дмитриевский собор), означали одновременно и побежденную псалмопевцем злую силу, и своего рода спутников царя, его царственное окружение (табл. 114, *17*) (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 134. Рис. 87). В Дмитриевском соборе часть львов изображена смиренно припавшими на передние лапы.

Несколько сложнее семантика рельефов со львами в основании сводов ц. Покрова на Нерли и Дмитриевского собора. Здесь львы изображены попарно на каждой стороне столба. Они могли символизировать и и злую силу, которой нет доступа на небо (на своды), и своего

рода стражей, и, пожалуй менее всего великокняжеские эмблемы (Там же. С. 150. Рис. 96; С. 294. Рис. 222, 223, 227–229).

Остальные рельефы со львами семантически менее определенны. Многочисленные львы на фасадах Дмитриевского и Георгиевского соборов, скорее всего, эмблематичны. Парные фигурки львов с одной общей головой (табл. 114, *22, 25*) (Там же. С. 272. Рис. 201) могли быть заимствованы и из среднеазиатского и западноевропейского искусства. Судя по среднеазиатским примерам, эмблематический (геральдический) характер их вполне вероятен. Однако, присутствуя в декоре Дмитриевского и Суздальского соборов, он позднее уже не встречается, а в собственно "геральдическом" значении изображение льва (на щите св. Георгия в декоре Георгиевского собора) имеет совсем иной вид (лев-барс, поднятый на дыбы) (*Некрасов А.И.*, 1928. С. 406–409; *Арциховский А.В.*, 1948б. С. 43–67).

Конечно, апотропеичны и одновременно эмблематичны львиные маски, кольцом венчающие барабан Дмитриевского собора (табл. 111, *7*) (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 270. Рис. 199). В этом отношении они равнозначны львиным маскам у входов. Что же касается львиных масок, перемежающихся с человеческими головами на западном притворе Георгиевского собора (табл. 114, *16*) (*Вагнер Г.К.*, 1964. Табл. XIII), то значение их еще не ясно. Может быть, это атрибуты воинов-дружинников? Или своего рода "венок храбрым"?

Множество иконографических вариантов образа льва (табл. 114, *13, 30*), конечно, обусловлено богатством его семантики: от демона до символа Христа! Однако отмечу, что во всей "львиной сюите" владимиро-суздальского архитектурного декора нет ни одного изображения льва с фигурой человека (или только с его головой) в пасти, столь характерного для романского искусства. Нет их в прикладном искусстве, а имеющиеся относятся к романскому импорту (*Даркевич В.П.*, 1962а. С. 88–90).

Чрезвычайная популярность во владимиро-суздальском декоре образа льва наложила печать своеобразия на некоторые традиционные сюжеты. Например, в сцене полета Александра Македонского на небо (Дмитриевский собор) Александр держит в руках не куски мяса и не зайцев, а маленькие фигурки львов (*Вагнер Г.К.*, 1962. С. 259. Рис. 1). Знаменитые золотые львы на троне царя Соломона поняты мною таким образом, что Соломон просто сидит на спинах двух львов (табл. 113, *5*) (*Вагнер Г.К.*, 1969а. Рис. 193).

Грифон. По степени популярности образ грифона стоит на втором месте среди зооморфных элементов архитектурного декора. Это важно подчеркнуть потому, что по сравнению со львом грифон должен был представляться древнерусским мастерам существом необычным. Воспринят он был все из того же экзотического мира, расположенного к югу от Руси. Подобно образу льва, грифон "явился воочию" русским людям в росписях Софии Киевской, но грифоновидные существа украшали уже турий рог из Черной могилы Чернигова (*Вагнер Г.К.*, 1976б. С. 254. Рис. 113). В XI в. грифон был хорошо известен мастерам киевских колтов. В середине XI в. его образ, как мы видели, вошел в декор деревянного зодчества Новгорода. Профиль крылатого зверя с туловищем льва и головой орла был чрезвычайно эффектен. Вероятно, он будил гораздо более пылкое воображение, нежели кошачий (даже антропоморфный) образ льва. Но интересно то, что образ грифона, очевидно, с самого начала был связан с феодальным бытом великокняжеской средой. Известные по раскопкам в Старой Рязани и Владимире остатки великокняжеских одежд (или покровов?) XII в. украшены грифонами (*Монгайт А.Л.*, 1955. С. 170. Рис. 131). Колты с грифонами относятся тоже к феодальному быту. Образ грифона адаптировался древнерусским искусством, в частности – архитектурным декором в восточном, а не античном иконографическом стиле (*Вагнер Г.К.*, 1962а). Крылья зверя изображали поднятыми вверх, серповидно.

Иконографических вариантов изображения грифона в архитектурном декоре не так уж много. Среди изображений грифонов второй половины XII – начала XIII в. наиболее значительны два образа: известный по Новгороду спокойно стоящий с поднятыми крыльями грифон (табл. 114, *39*) и новый образ – грифон, держащий в лапах лань с поджатыми ногами и головой, обращенной вверх (табл. 114, *40*). Оба образа введены в фасадную пластику ц. Покрова на Нерли. Два стоящих (очевидно, головами друг к другу) грифона размещались на стене лестничной башни и были эмблематическими (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 154–156. Рис. 102, 103). Шесть грифонов с ланями размещены попарно в боковых закомарах всех трех фасадов (Там же. С. 136–140. Рис. 88, 89, 107, 111–113). Их семантика сложнее и раскрывается только в связи с образом Давида. В отличие от восточных и романских прототипов здесь грифоны не терзают лань (это не "сцена терзания"), а как бы несут ее в лапах по воздуху, по направлению к Давиду. В стилистическом же отношении грифоны ц. Покрова наиболее "романизирующие". Учитывая, что грифон в средневековом искусстве нередко символизировал Христа (*Reau L.*, 1946. С. 84, 88, 116), а лань (олень) была символом христианита (христианской души) (*Bayet J.*, 1954. С. 26–29), можно понимать описываемые рельефы в духе тех псалмов Давида, в которых говорится о надежде на Бога в борьбе с врагами: "Изыми мя от враг моих Господи, к тебе прибегох" (псалом 141, 9); "Посли руку твою с высоты: изыми мя и избави ми от вод многих, из руки снов чуждих..." (псалом 142,7) и т.п. Таким образом, скульптура верхнего яруса ц. Покрова символизирует помощь Бога верному слуге его, что было весьма злободневно в княжение Андрея Боголюбского.

На фасадах Дмитриевского собора немало грифонов с ланью в лапах, равно как и без нее (табл. 114, *41, 42*). Иконография и семантика их, конечно, те же, но "романизирующее" начало в стиле заметно уменьшилось, сошло почти на нет. Новшеством, впрочем впервые реализованном в Успенском соборе (1158–1160), являются грифоны, поднимающие корзину с Александром. Наиболее примечателен грифон, держащий в лапах льва (на одной из консолей древней западной части северного фриза, табл. 114, *49*) (*Вагнер Г.К.*, 1969. Рис. 154), – верный признак сакральной семантики грифона. Этот образ разовьется в росписи "золотых" дверей Суздальского собора. Архитектурный же декор как этого, так и Георгиевского собора не дает ничего нового.

Барс. Количественно этот образ стоит на третьем месте. На Дмитриевском же соборе изображений барсов больше, чем грифонов. Как мы видели, образ барса появился в архитектурном декоре Чернигова еще в первой половине XII в. Связанный с княжеской эмблематикой, он, естественно, нашел благодатную почву в архитектурном декоре Владимиро-Суздальской Руси. В декоре только Дмитриевского собора барс изображен около 100 раз (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 276). Эмблематическая функция образа барса обеспечила ему сравнительное единство семантики, но изображения барсов, как ни странно, довольно разные. Наиболее соответствуют геральдическим образам барсы, поднявшиеся для прыжка. Первый такой образец появился уже в скульптуре ц. Покрова на Нерли, где два подобных рельефа находились в центрической композиции (табл. 114, *31*) (Там же. Рис. 100, 101). Несколько таких симметричных пар есть в декоре Дмитриевского собора (табл. 114. *35–37*), но барсы здесь более спокойные, часть из них – "адорирующие" (табл. 114, *33, 36*), с поднятой передней лапой (*Вагнер Г.К.*, 1969. Рис. 224). Скорее всего, иной характер семантики у мелких фигурок барсов в подсистеме орнаментального декора (в резьбе архивольтов порталов). Здесь барсы имеют змеевидный хвост, они терзают животное и т.п. (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 296). Преимущественная геральдичность образа барса доказывается тем, что лев на щите св. Георгия в скульптуре Георгиевского собора Юрьева-Польского имеет барсовидное обличье. Вероятно, образы льва и барса здесь слились. Однако в декоре фасадов Георгиевского собора образ барса в охранительно-эмблематической функции встречается лишь однажды – у южного входа. Взаимонаправленные и "адорирующие", эти барсы (табл. 114, *38*) (*Вагнер Г.К.*, 1964. Рис. 10, 72. Табл. XXXI) образуют геральдическую композицию.

Интересны парные композиции из небольших фигурок барсов (в некоторых случаях это скорее львы), расположенные у корня "древа жизни". Зверьки либо стоят, либо лежат головами друг к другу, либо головы их повернуты в разные стороны (табл. 112, *24–26*). Иногда "древо" образуется из их переплетающихся хвостов. Есть одиночные рельефы, где звери у древа изображены вздыбленными (табл. 114, *32*), но нигде их тела не переходят в плетение. Лишь в одном случае (в декоре Георгиевского собора) две симметричные головки барсов переходят в растительное плетение (табл. 112, *31*) (*Даркевич В.П.*, 1966. С. 41. Рис. 4(8), но и этот мотив нельзя считать тералогическим.

Кентавр-Китоврас. Античный (точнее, греко-восточный) кентавр был довольно распространенным в средневековом искусстве образом, очевидно, в силу двойственной своей человеко-звериной природы, понимаемой символически в духе извечной борьбы добра и зла. При этом в западноевропейском (романском) искусстве кентавр-стрелец в композиции с преследуемым оленем символизировал дьявола (*Baget J.*, 1954. P. 52–56).

В орнаментальной подсистеме древнерусского архитектурного декора образ кентавра появился уже в середине XI в., на деревянной резной колонне из Новгорода. В XII в. на Руси, по-видимому, бытовало немало произведений импортного прикладного искусства с изображением кентавра, например шашки (*Даркевич В.П.*, 1966. С. 16, № 27. Табл. 25(2) и пр. Появились эти образы и на вещах русского производства (*Лабутина И.К.*, 1975. С. 223–233. Рис. 1–2), так что введение кентавра в тематическую подсистему архитектурного декора неудивительно. Но произошло это не ранее конца XII в. Самые ранние образцы – два рельефа на западном фасаде Дмитриевского собора во Владимире (1194–1197) (табл. 114, *44, 45*) (*Вагнер Г.К.*, 1969а. Рис. 3, 151, 183, 194). Оба кентавра – копытные (с конским туловищем), что ближе к античной традиции. К античной (через Византию) традиции восходят мечи в руках кентавров, а также заяц (в другой руке одного из кентавров). На обоих кентаврах надеты короны, значит, с мифом о подвигах Геракла они не связаны. Они скорее связаны с самым ранним апокрифическим "Сказанием о Соломоне и Китоврасе", в котором мудрый Китоврас (кентавр) представлен не только как антипод Соломона, но и как его брат, причем узурпирующий престол (ср. корону) (*Веселовский А.Н.*, 1872. С. 8). Такая семантика владимирских кентавров наиболее вероятна, тем более что оба рельефа находятся поблизости от рельефа Соломона, в паре с Давидом. В первой половине XIV в. подобная семантика нашла прямое отражение в образе Китовраса на Васильевских вратах 1336 г.

В дальнейшем образ кентавра-китовраса в архитектурном декоре приобрел более фантастические черты. В резьбе южного притвора Георгиевского собора Юрьева-Польского кентавр сохраняет конское туловище, но изображен во фригийском колпаке (!), в рубахе с застежками и с топором (табл. 114, *47*) (*Вагнер Г.К.*, 1964. Табл. XXVIII(а). Судя по расположению рельефа среди львов значение его скорее эмблематическое (Н.П. Кондаков сравнил этого кентавра с образом "доезжачего в княжеской свите"). В резьбе западного притвора изображены два коронованных кентавра со "скипетрами" (булавами) и зайцами в руках. Но туловище монстров уже не конское, а звериное, хотя хвост лошадиный (табл. 114, *46*) (Там же. Рис. 6. Табл. XXV). Семантика этих образов, по-видимому, более сложная. Не исключено, что она связана с темой мудрости мастеров (строителей храма), содержащейся и в апокрифическом "Сказании о Соломоне и Китоврасе".

Дракон. Распространенность этого фольклорного образа в искусстве, а также литература о нем труднообозримы. Дракон, а также своеобразная "драконизация" иных зооморфных образов распространена очень широко. Впервые мы встретились с этим в черниговском искусстве, в частности в его архитектурном декоре. Драконовидные образы (птицы-змеи) встречаются на декоративных поливных плитках Галича (XII в.) (*Гончаров В.К.*, 1955). Как это ни странно, но при Андрее Боголюбском и Всеволоде III интереса к образу дракона почти не наблюдалось, если не считать нескольких мелких рельефов химерического облика в консолях ц. Покрова на Нерли и в резьбе западного портала Дмитриевского собора. Зато он ярко проявился в очень редком образе человеко-дракона (человеко-змея) в двух крупных рельефах Дмитриевского собора. В сущности, это даже не человеко-змей: в одном рельефе это коне-человеко-змей (кентавр-змей) (табл. 114, *48*), в другом – птице-человеко-змей (или грифоно-человеко-змей). Происхождение подобного образа скорее фольклорное. Эпос

знает образ богатыря-птицы (*Василевский А.Н.*, 1872; *Рыбаков Б.А.*, 1963. С. 49). Однако дело этим не ограничивалось. В генезисе образа, вероятно, замешаны и античные (*Воронин Н.Н.*, 1949б), и романские образцы, а также апокрифы типа "Сказания о Соломоне и Китоврасе". Между прочим, в этом сказании волшебник Мерлин принимает вид дракона.

В декоре Георгиевского собора Юрьева-Польского человеко-дракон вытесняется не менее своеобразным мотивом грифо-змеи, в котором вместо человеческой протомы появляется грифонья (табл. 114, *49*) (*Вагнер Г.К.*, 1964. Табл. XVII). Отчасти этот образ напоминает барсо-дракона черниговской капители, но хвост у грифо-змеи не оплетает туловища и вообще не образует плетенки, а упруго закручен кольцеобразно. Образ грифо-змеи так же многозначен, как и образ кентавра–китоврас. Вероятно, он мог символизировать нечто двойственное, например грешника, сбрасывающего с себя "ветхого человека" (как сбрасывающая с себя кожу змея) (*Карнеев А.*, 1890. С. 225). Источником образу могло послужить романское искусство. По крайней мере, на поливных плитках из Галича такие образы встречаются.

Вместе с тем в декоре того же Георгиевского собора появляется образ и собственно дракона в виде двух великолепных рельефов. Крылатые драконы с "волчьими" головами и спирально закрученными чешуйчатыми хвостами, по-видимому, фланкировали (в основании) композиции Распятия (табл. 114, *50*) (*Вагнер Г.К.*, 1969. Рис. 39. Табл. XIII(б), XIV(а). Следовательно, драконы символизировали попрание злой силы, но одновременно могли пониматься и как "собаки небесного воеводы" – Георгия. Попытки видеть в этих драконах древнерусского Симаргла (*Богусевич В.А.*, 1961. С. 83–84) несостоятельны.

Сирин-Алконост (?). Подобно грифону, образ сирина (точнее, сирены) был знаком мастерам киевских колтов XI в. В тематической подсистеме архитектурного декора второй половины XII – начала XIII в. изображение сирина появляется в резьбе Дмитриевского собора Владимира. Правда, существующие ныне в тимпанах арочек аркатурного фриза два-три рельефа сиринов – подделка XIX в., но не исключено, что они выполнены взамен древних. Целый сонм сиринов изображен в декоре Георгиевского собора Юрьева-Польского. При этом, судя по прическе в кружок и отсутствию женских черт, это не сирены (птице-девы), а "мужские сирины" (!). Они разделяются на две группы: 1) мелкие рельефы, заключенные (среди других зооморфных образов) в круглые рамки, идущие вертикальными цепочками по угловым пилястрам притворов (табл. 114, *65*) (*Вагнер Г.К.*, 1964. Табл. XXIX, XXX); 2) крупные (относительно) рельефы, расположенные ранее в закомарах по сторонам тематических композиций (табл. 114, *63–64*) (Там же. Рис. 38–40. Табл. XVI(а), XXVIII(в). Сирины первой группы с руками, ноги же их (лапы) скорее звериные. Эти образы похожи на человеко-дракона Дмитриевского собора, но хвост у них не змеиный, а птичий, очень пышный. Их головы в островерхих колпачках, в руках – растительные побеги. Судя по расположению сиринов среди львов и птиц, это не отрицательные символы. Туловище сиринов второй группы более птичьей природы, без рук, с птичьими лапами. Мужеподобные во фригийских шапочках. Ни у тех, ни у других сиринов нет нимбов, следовательно, это не церковные образы. Все сказанное отличает их от сиринов (сирен?) на киевских колтах, а заодно и от византийских образцов. Изображение человеко-птицы с ветвями в руках, но без головного убора встречается в среднеазиатской (Мавераннахр) торевтике X в. (*Репель Л.И.*, 1961. С. 48, 29. Табл. 29(2), а с XII в. известны "мужские сирины" интересующего нас типа на иранских курильницах, на гнезнинских (Польша) дверях (Drzwi gnieznienskie, 1956. Т. 143), на портале ц. Богородицы в Студенице (Сербия). Семантика их – охранительная (Студеница, 1968. С. 52). Встречаются подобные существа и на древнерусских пластинчатых браслетах XII–XIII вв., но на них птичьи хвосты сиринов превратились уже в змеевидное плетение (*Даркевич В.П.*, 1967. С. 213. Рис. 2; С. 214. Рис. 3(5–7). Б.А. Рыбаков усматривает в них изображение антропоморфизированного языческого Симаргла-Переплута (*Рыбаков Б.А.*, 1967. С. 113). Следует полагать, что владимиро-суздальские "мужские сирины" – это общий евразийский средневековый образ, равнозначный "кочующим мотивам" эпоса.

Орел. Древнерусский архитектурный декор XI–XIII вв. знал только образ одноглавого орла, хотя двуглавый орел был известен в византийской и болгарской каменной декоративной резьбе. Ранние изображения мы видели в орнаментике киевских шиферных плит. Далее птицы в геральдическом положении (в фас, с расправленными крыльями) появляются в функции консоли в декоре ц. Покрова (южная апсида) (*Бобринский А.А.*, 1916). Однако нет достаточных оснований считать их орлами. Явно орлы изображены в декоре Дмитриевского собора. Они разделяются на два вида: геральдический орел и орел с зайцем (или другим зверем) в лапах (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 282).

Геральдический орел изображен с расправленными крыльями, раздвинутыми лапами, между которыми веером развернут хвост (табл. 114, *52*). Голова повернута либо влево, либо вправо. По размерам орлы делятся на три группы: наиболее мелкие фигуры включены в резьбу колонок фриза. Далее следуют орлы в тимпанах арочек фриза. Самые крупные рельефы расположены среди других рельефов в декоре второго яруса собора (Там же. Рис. 16, 150, 152, 178). У некоторых орлов (в тимпанах арочек) в лапах изображены ветвь с трилистником и нечто вроде жезла. По-видимому, эти рельефы поздние (*Новаковская С.М.*, 1978). В настоящее время рельефы орлов расположены бессистемно, но первоначально они занимали какие-то важные места, так как эмблематический смысл данного образа весьма вероятен.

Семантически более расплывчат второй образ – орел с зайцем в лапах. Рельеф этот довольно крупный (табл. 114, *61*) (*Вагнер Г.К.*, 1969а. Рис. 25), но он единственный и мог выполнять существенную семантическую функцию лишь в соединении с другими аналогичными образами, например грифонами. Возможно, этот образ был носителем идеи победы.

Показательно, что в более позднем владимиро-суздальском архитектурном декоре орлов нет. Зато в росписи южных "золотых" дверей Суздальского собора (30–40-е годы XIII в.) появился (впервые!) образ двуглавого орла.

Другие птицы. Кроме орла, в архитектурный декор входило немало других птиц. Поскольку семантика их была примерно одинаковой – птицы символизировали доброе начало, то целесообразнее описать их не по видам (Там же. С. 134–136, 162–164, 286–292), а по композициям.

Ни в чем, может быть, так наглядно не проявилась символико-декоративная природа владимиро-суздальской архитектурной пластики, как в том, что почти ни один зооморфный элемент ее не имеет самодовлеющего значения. Каждый из рельефов понимается как некое звено в относительно однородной цепи. Исключение составляют зооморфные рельефы, входящие в какие-либо сюжетные композиции. Выше мы видели это на примере звериных образов. Имея теперь в виду только рельефы птиц, отметим следующие закономерности в их взаимосвязи.

1. Птицы, обращенные головами друг к другу, фланкируют с разных сторон большую композицию. Ранний пример – птицы по сторонам фигуры Давида в декоре храма Покрова. В сущности, перед нами та же картина, которая уже описана выше в связи с местоположением сиринов. Функционально семантика этих образов – репрезентативная. Может быть, здесь подразумевались орлы?

2. Птицы образуют идущие навстречу друг другу цепочки, как например, в декоре второго яруса Дмитриевского собора. Репрезентативность семантики здесь сохраняется, но переводится в космологический план. Эти птицы больше всего похожи на голубей.

3. Птицы (по одной с каждой стороны) расположены в традиционно-восточной антитетической композиции: либо у корней "древа жизни" (табл. 112, *20, 21*), либо на его вершине (табл. 112, *19*). Это – охранительные образы. К охранительной функции примешивается и более широкая функция – благоположение. Птицы похожи на павлинов и фазанов.

4. Парные птицы, обращенные головами в разные стороны, с переплетенными хвостами (табл. 112, *27*) (вариант: птицы обращены головами к центру) (табл. 112, *22*).

5. Птицы, стоящие друг перед другом, переплелись шеями. В двух последних образах, особенно во втором варианте, выражается идея доброго союза (в частности, брачного). Не случайно для этого избраны аисты или лебеди – символы семейной добродетели (табл. 114, *62*) (*Троицкий Н.*, 1913).

Полнее всего образ птиц использован в декоре Дмитриевского собора (табл. 114, *51–60*).

В Суздальском соборе вкомпанованные в растительный орнамент (горизонтальными или вертикальными рядами) небольшие рельефы как бы поющих птичек, очевидно, связаны с картиной символического сада (из молитвы Анны о чадородии) (*Вагнер Г.К.*, 1976б. С. 36, 49, 69, 79).

В Георгиевском соборе образ птицы вытеснен "сирином".

Образы домашних птиц, равно как и образы домашних животных (за исключением одного барана), в архитектурном декоре отсутствуют.

Итак, функция зооморфных мотивов в архитектурном декоре второй половины XII – начала XIII в. была в основном сопроводительно-символической. Сопровождая тот или иной образ (композицию), зооморфные рельефы фиксировали его символичность, расширяли эту символику и одновременно ее конкретизировали.

Вместе с тем в архитектурном декоре рассматриваемого времени фигурировали пластические мотивы, символика которых выражалась самым прямым и непосредственным образом. На первое место здесь следует поставить женские маски.

"Женские маски". Так принято называть барельефные женские головы, украшающие стены владимиро-суздальских храмов. Мы будем писать это название в кавычках, ибо это не просто маски, а очень важные сакральные символы. "Женские маски" впервые были использованы в декоре храма в Боголюбове и почти одновременно – в Успенском соборе Владимира. Боголюбовские "маски" представляют лики дев (*Вагнер Г.К.*, 1969а. Рис. 43–45) (табл. 114, *23*). Они еще в XVIII в. исчезли с фасадов здания, разобранного почти до основания, и найдены в раскопках. Всего известно три "маски". Плохая сохранность все же дает возможность установить, что лики имели красивую овальную форму, почти прямой профиль, прическу на пробор, оканчивающуюся двумя закрученными (а не заплетенными) косами. В начале пробора (надо лбом) изображена трехлистная пальметта. По этому символическому атрибуту (лилия-крин) устанавливается, что женские лики – это символы Девы Марии (*Вагнер Г.К.*, 1969. С. 77–85). Не Дева Мария, а именно ее символ – символ идентичной структуры. Если бы имелось в виду рельефное изображение Девы Марии как таковой, то резчики взяли бы известный иконографический тип и воспроизвели бы его в конкретной композиции. Перед нами не композиция, а ряд ликов (предполагается, что они находились по бокам оконных проемов, следовательно, ликов было не три, а больше). Иконографически и стилистически "женские маски" восходят к немецко-романским прообразам (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 84) "Маски" Успенского собора более примитивные, уже без трехлистной пальметты (табл. 114, *4*) (Там же. Рис. 68, 69, 72). "Маски" церкви Покрова заметно "русифицированы" (табл. 114, *5*) (Там же. Рис. 87 и сл.), тоже без пальметт, которые "возрождаются" в "женских масках" Суздальского собора (табл. 114, *9*) (*Вагнер Г.К.*, 1976б. Рис. 46–51). Неизменными остаются две закрученные косы.

В декоре Дмитриевского собора "женские маски" присутствуют лишь в служебной функции консолей аркатурного фриза. "Женские маски" Георгиевского собора в Юрьеве-Польском тоже иные: они даны либо на лицевых сторонах капителей (*Вагнер Г.К.*, 1964. Табл. VIII), либо опять в виде консолей (табл. 114, *10*) (Там же. Табл. VII (б). При этом женские образы десакрализованы, впрочем, все фасадные "женские маски" изображены без нимба. Нимбированы только "женские маски" на большой четырехликой капители из Боголюбова, венчающей, по нашему мнению, специальный "богородичный столп" (табл. 114, *1*) (*Вагнер Г.К.*, 1968. С. 385–393). По некоторым данным, была сделана попытка ввести нимбированные "маски" в декор Суздальского собора (*Варганов Д.*, 1971. С. 251), но эта попытка осталась нереализованной.

Мистические образы. Средневековый термин "анагогический" обычно переводят как "мистический", но это не обязательно указывает на мистический смысл как таковой. Имеется в виду вообще высший смысл, или сверхсмысл (*Голенищев-Кутузов И.Н.*, 1971а. С. 305). В архитектурном декоре к образам этого высшего смысла, или сверхсмысла, следует отнести почти все персонажи христианского пантеона, кроме тех, которые, подобно Давиду, были носителями прежде всего буквального (исторического) смысла. Речь идет об изображениях Христа, Богоматери, ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, а также тех святых, образы которых семантически участвуют в выражении высшего смысла.

Конечно, изображение, например Христа, понималось и в буквальном, и в аллегорическом (символическом), и в моральном плане, но не эти планы были важнейшими, а прежде всего план мистический. Сказанное относится и к другим указанным выше образам. Все зависело от того, в сопровождении каких образов, в каких сочетаниях и иконографических вариантах выступали эти изображения. Иначе говоря, определяющее значение оставалось за жанром.

Один и тот же "мистический" образ может быть дан в разных жанрах – персональном, ктиторско-патрональном, символико-догматическом, символико-бытийном, житийном, гимнографическим и т.д. (*Вагнер Г.К.*, 1974). В зависимости от этого интерпретация "мистических" образов в тематической подсистеме архитектурного декора представляется в следующем виде.

А. **Христос.** Самое раннее (середина XII в.) изображение – на Успенском соборе Владимира, в сцене Три отрока в пещи. Дан погрудно, в круге с обеими благословляющими руками и в крещатом нимбе (табл. 115, *1*). Далее – в Деисусе, на северном портале Дмитриевского собора. Рельеф поясной. Правая рука в благословляющем жесте, в левой – свиток (табл. 115, *2*). Такой же иконографический извод, но с евангелием вместо свитка – в малом Деисусе Георгиевского собора (табл. 115, *3*). В Деисусе среднего размера Христос дан в рост, с обеими благословляющими руками (табл. 115, *4*), такой же – в сцене Вознесения (табл. 115, *7*). В сегменте неба – такой же, но поясной. В самом большом Деисусе (в аркатурном фризе) – тоже в рост, с благословляющей рукой и евангелием (табл. 115, *5*). Такой же, но со свитком – в сцене Преображение (табл. 115, *6*).

Кроме перечисленных иконографических изводов, Христос изображен в сцене Распятия (рельеф Георгиевского собора в Юрьеве-Польском). Иконография – общеизвестная (табл. 115, *9*).

Спас Нерукотворный. Два рельефа на северном фасаде Георгиевского собора даны без изображения плата и без перекрестий на нимбе (табл. 115, *10*). Третий рельеф с крещатым нимбом входил ранее, скорее всего, в композицию упомянутого выше Распятия (табл. 115, *8*).

Спас Еммануил. Изображен сидящим на троне в аркатурном фризе западного фасада Дмитриевского собора (табл. 115, *12*). В двух рельефах Георгиевского собора Спас Еммануил представлен поясным, в сегменте неба и с обеими благословляющими руками (табл. 115, *11*). Один из этих рельефов венчал композицию Оранты с предстоящими святыми воинами (реконструкция А.В. Столетова). Первоначальное местоположение второго точно не выяснено.

Б. **Богоматерь.** За исключением одного рельефа Дмитриевского собора (в аркатурном фризе западного фасада), на котором она изображена восседающей на троне (табл. 115, *13*) (ср. Спас Еммануил), все остальные рельефы изображают ее либо в деисусном изводе, либо орантой. Деисусные изводы – в тимпане северного портала Дмитриевского собора (табл. 115, *14*), в трех Деисусах Георгиевского собора (табл. 115, *15–17*), а также в сценах Вознесения (табл. 115, *18*) и Распятия того же собора.

Богоматерь Знамение изображена трижды в рельефах того же Георгиевского собора: в пророческом чине на архивольте северного портала (по пояс), в тимпане южного портала (табл. 115, *20*) и в композиции с предстоящими святыми воинами (во весь рост) (табл. 115, *19*).

В. **Архангелы.** Впервые введены в декор Георгиевского собора. Имеют два извода: 1) деисусный, в рост, с лабарумом и сферой (четыре рельефа) (табл. 115, *31*), с лабарумом, но без сферы (два больших рельефа) (табл. 115, *35*) и поясные, без атрибутов (два рельефа) (табл. 115, *34*); 2) репрезентативный, в рост, с лабарумом и сферой (шесть рельефов) (табл. 115, *32*). Последние, возможно, входили в композицию "Собор архангелов" (мнение С.И. Масленицына).

Г. **Ангелы.** Даны в разных иконографических изводах: 1) сослужащие Давиду (два рельефа западного фасада Дмитриевского собора) (табл. 115, 29, *30*); 2) возносящие крест или Христа (в композициях Дмитриевского и Георгиевского соборов) (табл. 115, *26*); 3) деисусные, поясные (один рельеф на барабане Дмитриевского собора); 4) сидящие и беседующие (в сцене "Гостеприимство Авраама" Георгиевского собора; три рельефа (табл. 115, *21, 22*); 5) во весь рост в сцене "Вознесение Христа" Георгиевского собора (табл. 115, *27*); 6) взволнованные, жестикулирующие – два поясных рельефа в композиции "Распятие Георгиевского собора" (табл. 115, *25*); 7) поясной рельеф из композиции "Три отрока в пещи огненной" (табл. 115, *28*);

Д. **Серафимы.** Представлены в двух изводах: шестикрылые с нимбами (шесть рельфов Георгиевского собора) (табл. 115, *37*) и четырехкрылые, тоже с нимбами, но с рипидами в одной руке (пять рельефов того же собора (табл. 115, *36*).

Из этого краткого обзора нетрудно заключить, что мистический аспект архитектурного декора заметно усилился к началу XIII в., причем в мистической образности происходило возрастание роли ангелов. Аналогичное явление наблюдается и в росписи "золотых дверей" собора Рождества Богоматери в Суздале (1222–1225).

По-видимому, русское искусство к началу второй трети XIII в. было захвачено широкими мировоззренческими концепциями, нуждавшимися в символических формах. На этом этапе древнерусское искусство было временно заторможено в своем развитии татаро-монгольским вторжением. Однако достижения мастеров архитектурного декора XI–XIII вв. были столь велики, что раннемосковская архитектура начала свой путь с его частичного возрождения.

Глава 13

Орнамент Древней Руси

Методика изучения орнамента

Орнамент пронизывал все сферы древнерусского искусства: он украшал и вещи повседневного обихода, и одежду, и драгоценную утварь, и стены храмов. С ним люди встречались ежечасно – на празднествах, у себя дома, на страницах книги. Орнамент выражал сложные понятия бытия. Как писал В. Стасов, "орнамент никогда не заключал в себе ни одной праздной линии". В нем все имело свое значение, все являлось "словом, фразой, выражением известных понятий, представлений" (*Стасов В.*, 1894. С. 207). Поэтому для человека того времени орнамент был наиболее кратким, условным, но всем понятным изображением основных законов природы: рождения, жизни и смерти в их неизменной последовательности.

Орнамент – это своеобразная тайная запись воззрений человека Древней Руси на окружающий его мир – запись, тайная для нас и ясная для его современников. Многочисленные примеры прочтения этой тайнописи дает в своих работах Б.А. Рыбаков, признанный знаток семантики древнего искусства (*Рыбаков Б.А.*, 1967, 1969, 1971, 1974, 1975). Он возглавил то направление в его изучении, которое можно назвать историческим. Этот традиционный в отечественной литературе подход (*Городцов В.А.*, 1926; *Динцес Л.А.*, 1951; *Амброз А.К.*, 1965; 1966) нашел в его лице последовательного защитника. Итак, первый аспект в изучении орнамента связан со взглядом на него как на запись языком искусства тех "вечных тайн" жизни, которые осознаются народом на протяжении всей его истории.

Орнамент постоянно впитывал в себя все новое: образы, подсмотренные в привозных рукописях, на тканях Царьграда и Востока, на заморской посуде и украшениях. Они занимали в нем свое место, преображенные фантазией местного художника или бережно сохраненные им (*Кондаков Н.П.*, 1929. С. 135). Поэтому орнамент оказывается изобразительной летописью искусства, по которой можно порой угадать и время, и первоначальный адрес попавшего на ее страницы образа или мотива.

Однако, анализируя отдельные образы и мотивы, легко потерять сознание цельности орнамента. От этого предостерегал еще Н.П. Кондаков (*Кондаков Н.П.*, 1904. С. 130–132). Надо постоянно помнить, что, впитывая чужые образы, орнамент как бы приводит их к общему знаменателю, подчиняя царящему в нем порядку – системе.

Господствуя во всех областях искусства, орнамент, по словам Ф.И. Буслаева, "определяет их общий стиль и эпоху" (*Буслаев Ф.И.*, 1917. С. 8). Это объясняется тем, что орнамент чутко реагирует на изменения в разных областях искусства и сам изменяется так, чтобы в каждый момент составлять гармонию с архитектурой, живописью, ювелирным делом, ткачеством. Он, как музыка, впитывает в себя новые ритмы, пропорции, красочные сочетания и в наикратчайшем выражении запечатлевает их в своих отработанных, как формула, композициях и мотивах. Это достигается благодаря строгому порядку, который царит в орнаменте. Несмотря на безграничное богатство орнамента, в основе его лежат простейшие элементы. Впервые с этой точки зрения взглянул на древнерусский орнамент В.Н. Щепкин (*Щепкин В.Н.*, 1920; 1967). Несмотря на кажущееся разнообразие композиций, комбинации их немногочисленны и подчинены строгим законам симметрии.

Но первым применил в исследовании орнамента законы симметрии С.В. Иванов (*Иванов С.В.*, 1963). Это привело его к чрезвычайно важному выводу о стабильности определенных видов симметрии в орнаменте народов Сибири. Композиции, построенные по определенным, излюбленным видам симметрии, подсмотренным в природе, часто имеют тысячелетнюю историю.

К сходному выводу пришел одновременно другой исследователь – Л.И. Рempель. Изучая орнамент Узбекистана, он, в сущности, обращался тоже к законам симметрии, говоря о "системе простейших типических ритмов, составляющих тот каркас... на котором веками... развивались... более сложные и внешне отличные от исходных форм орнаменты" (*Рempель Л.И.*, 1961. С. 27). Именно системы типических ритмов и виды симметрии оказались тем "художественным наследием", которое досталось архитектурному орнаменту Узбекистана от земледельческих и пастушеских культур Средней Азии IV–II тыс. до н.э.

Какое художественное наследие легло в основу древнерусского орнамента?

Для ответа на этот сложный вопрос надо проанализировать все его области, выработав предварительно методику такого анализа. Такая работа только начинается и принципы ее нуждаются в широком обсуждении, потому что она потребует сил многих специалистов. В этом издании дается один из путей подобного исследования.

Орнамент Древней Руси можно разделить на два класса – растительный и геометрический. Для этого необходимо привлечь орнаментацию рукописей, монументальной живописи и скульптуры, ювелирного дела (эмаль, чернь), кости, дерева, одежды. Естественно, что в настоящей начальной стадии исследования использован не весь доступный материал по орнаменту Руси, так как собрать его воедино – дело будущего.

Такие исследователи, как С.В. Иванов и Л.И. Рempель, со всей очевидностью доказали, что виды симметрии составляют тот каркас орнамента, который сохраняется с глубокой древности, и определяют его специфику и своеобразие. Не менее важны и основные простейшие элементы, на которые распадаются его мотивы. В.Н. Щепкин определил, что в рукописном орнамен-

© Т.И. Макарова, А.В. Чернецов

те Руси содержится всего один такой элемент – ветка (*Щепкин В.Н.*, 1920. Табл. VIII). Поскольку ветка представляет собой деленый пополам трехлепестковый цветок-крин, его логично считать исходным элементом.

Крин возник в искусстве народов древнейшего очага земледелия – в Двуречье. Вероятно, с самого начала он олицетворял жизнь. Сама природа подсказала древнему художнику эту простую символику. Естественно, что в образе крина люди пытались запечатлеть черты окружающей их природы. Вопрос, когда идея крина и смысл его символики проникли в Восточную Европу, увел бы нас очень далеко. Поэтому остановимся на том, какую роль играл крин в растительном орнаменте Руси.

Не только в книжном орнаменте, как заметил В.Н. Щепкин, но и в орнаменте на вещах с перегородчатой эмалью, на дереве, на изделиях с чернью, в монументальном искусстве основным элементом был тот же крин (табл. 116–117). Правда, в простейшем варианте он встречается не так уж часто, как правило, это его различные модификации. Однако все они не только восходят к своему простейшему прототипу, но и обнаруживают еще одно сходное с ним свойство: они изменяются по определенной системе.

Попытаемся проанализировать изменения крина на примере растительного орнамента в разных областях искусства Древней Руси (табл. 116–117). Законы симметрии показывают, что бесконечное разнообразие орнамента – явление кажущееся. Оно сводится к трем основным категориям: розетке, бордюру и сетке, а каждая из них сводится к нескольким видам симметрии. Третья категория растительного орнамента – сетка – встречается редко и поэтому в данном случае не рассматривается.

Представленный в табл. 116 растительный орнамент разделен на две категории – розетку и бордюр (*Макарова Т.И.*, 1978. С. 370–378). Большинство композиций, составляющих основу растительного орнамента Руси, относятся к розеткам с так называемой зеркальной симметрией. Их характеризует строгое равенство правой и левой половин. Простейший пример такой розетки первого типа демонстрирует крин – росток из трех и более лепестков (табл. 116, *В*). При любом усложнении схемы основное качество мотива – зеркальное равенство обеих его половин – остается неизменным (табл. 16, *1*). Сохраняется оно и при усложнении общего рисунка мотива, когда, помимо крина, в нем участвует и его половинка – полукрин (табл. 116, *1*; 117, *2*). Образованные таким образом пышные древа составляют второй тип розеток. Они характерны для всех сфер древнерусского растительного орнамента, но особенно любимы в монументальной живописи и скульптуре, где есть большие плоскости стен и сводов (*Вагнер Г.К.*, 1964. С. 140–141).

Третий тип композиции – розетка, в которой крин повторен двукратно или четырехкратно (табл. 116, *3*; 117, *3*). Такие розетки тоже распространены и в прикладном, и в монументальном искусстве, только в каменной пластике мастера их избегали из-за трудности исполнения мелких деталей в камне.

Более редок четвертый тип розеток. С точки зрения теории симметрии, они представляют новый ее вид – осевую или центральную симметрию, существенно отличную от зеркальной симметрии розеток, описанных выше. Розетка, построенная по этому принципу, создает впечатление вращения, чем и отличается от статичных розеток с зеркальной симметрией (табл. 116, *4*; 117, *4*). Особо надо упомянуть орнаментальные мотивы, в которых присутствует переплетение или пересечение лент-принцип, характерный для композиций с осевой симметрией. Они составляют пятый тип розеток (табл. 116, *5*).

Описанными типами розеток практически исчерпывается все многообразие растительного орнамента Руси. Как видно, его исходный элемент – крин, а принципы построения из него розеток обусловлены законами построения розеток с зеркальной и осевой симметрией. Этими двумя обстоятельствами и объясняется сходство растительного орнамента в различных областях искусства. Тяга к фигурам с зеркальной симметрией сообщала орнаментальным мотивам монументальность, одинаково характерную для миниатюрной ювелирной поделки, росписи и настенной резьбы храма.

То же качество характеризует и вторую категорию растительного орнамента – бордюр. Бордюр представляет собой ленту, состоящую из фигур, вытянутых вдоль одной прямой. Основная фигура бордюра как бы переносится вдоль этой прямой бесконечно.

В бордюрах растительного орнамента такой основной фигурой опять оказывается крин. Здесь он представлен в простейшем и усложненном вариантах.

В науке о симметрии существует сложная классификация бордюров в зависимости от видов симметрии, в данном случае необязательная. В зависимости от характера комбинаций основных фигур бордюр можно разделить на три типа. Продолжая общую нумерацию, отнесем их к 6, 7 и 8-му типам. 6-й тип представляет собой бесконечный побег, образованный ветвями-полукринами. Ветвь по движению бордюра как бы переносится то вниз, то вверх и создает впечатление беспрерывного движения (табл. 116, *6*; 117, *6*). Для этого излюбленного в средневековом искусстве мотива, называемого то бегунком, то византийской, или виноградной, лозой, характерен строго определенный вид симметрии (*Шубников А.В.*, 1940. С. 66, 67). Древние художники подсмотрели этот изящный мотив в природе: любое вьющееся растение служит ему моделью.

В орнаменте рисунок такой лозы зависит прежде всего от материала, в котором он выполнялся художником. Он идеально выписан в рукописном орнаменте. Изящные полукрины плавно изгибаются вверх и вниз по движению волнистого стебля (табл. 116, *6*). Встречается в рукописном орнаменте и его графическое упрощение: полукрины в этом случае показаны простым завитком с отростками. Излюбленным был этот мотив и в дереве (табл. 117, *6*), в разных вариантах употреблен он и на фресках, и в мозаике Софии Киевской, а также на стенах белокаменных храмов Владимиро-Суздальской Руси (табл. 117, *6*). Меньше использовалась лоза на украшениях с перегородчатой эмалью: на миниатюрных золотых вещах просто не было для нее достаточно большой плоскости. Зато ее любили серебреники, и на браслетах и перстнях с чернью она представлена в разных вариантах (табл. 116, *6*). Здесь мы чаще встречаем графический вариант, что и понятно при технике гравировки и чернении.

Бордюры, объединяемые нами в 7 и 8-й типы многообразны, но их роднит основной мотив – крин и беско-

нечное повторение одного или двух разных чередующихся кринов по движению ленты. Они могут быть горизонтальными (тип 7) или вертикальными (тип 8) в зависимости от плоскости, которую украшают (табл. 116, *7–8*; 117, *7–8*).

Особенность их состоит в появлении нового элемента – пересечения, ярче всего выраженного в плетении. Вместе с крином и его половинками-ветвями они образуют композиции, принципиально отличные от розеток, в которых широко раскинутые ветви с причудливыми кринами не нарушают принципа зеркальности.

Памятники искусства, которые послужили нам примерами растительного орнамента Древней Руси, связаны в основном с жизнью верхушки общества того времени. Это драгоценные ювелирные изделия, не менее драгоценные книги, это росписи и резьба княжеских храмов.

Нет ни малейшего сомнения в том, каким путем проникала на Русь подобная орнаментация. Как культовая архитектура, книжное искусство, эмальерное дело и стеклоделие, описанная орнаментация была унаследована Русью от Византии. Неоспоримо и то, что это обстоятельство не определяло полностью путей развития русского орнамента. Достаточно обратиться к орнаменту в искусстве самой Византии в X–XI вв., чтобы убедиться в этом. Конкретное представление о нем дает одна категория художественных изделий – византийское серебро, анализ которого проделан А.В. Банк и В.П. Даркевичем (*Банк А.В.*, 1971; *Даркевич В.П.*, 1975). Византийская растительная орнаментация в том виде, в котором ее донесли серебряные изделия, сложилась только в послеиконоборческий период (*Банк А.В.*, 1971. С. 133). Мы не можем касаться вопроса об ее истоках в самой Византии, но представляется несомненным, что в ее формировании играли роль и греко-античное наследие, и то воздействие культуры Востока, которое периодически испытывала на себе вся византийская культура. Эта многосложность составляющих чувствуется при первом же знакомстве с растительной орнаментацией Византии.

Разнообразный орнамент, покрывающий равно византийскую церковную и светскую утварь, костяные ларцы и изделия с перегородчатой эмалью, нельзя свести к развитию одного мотива. А.В. Банк выделяет такие элементы, как виноградные листья, аканф, овы, крылатые пальметки, лозу с пятилистниками и побегами. Найдем мы там и трехлепестковый росток, в некоторых вариантах совершенно идентичный нашему крину. Этот элемент образует и здесь знакомые нам композиции, диктуемые теми же видами симметрии. Так, излюбленными для Византии и Руси окажутся розетки с четырехкратно повторенным крином и лоза.

Однако композиции в византийском орнаменте все же своеобразны. Это обусловливают более сложные составляющие элементы, из-за чего в бордюре с лозой появляется вдруг аканф или какой-нибудь другой элемент. Используются в византийском орнаменте и некоторые виды симметрии, древнерусскому орнаменту незнакомые. Поэтому он представляет собой самостоятельную ветвь, отпочковавшуюся от более древней системы византийского растительного орнамента. Подчеркнем, что это утверждение касается того городского искусства, которое возникло под эгидой княжеской власти в начальный период образования русской государственности.

Нет сомнения, что рассмотренный нами растительный орнамент появился не на пустом месте. У всех народов именно он наиболее полно отражает идею умирания и возрождения природы. Причем именно культ древа (а не злаковых) оказывается древнейшим, изначальным у всех народов (*Фрезер Д.Д.*, 1980. С. 376). Культ древа в языческую пору у славян занимал важное место в мировоззрении и ритуалах (*Афанасьев А.Н.*, 1983. С. 217). Растительные мотивы широко представлены в искусстве кочевых народов Восточной Европы и Сибири, восходящих к периоду, предшествующему образованию древнерусского государства. Орнаментальные системы, складывающиеся в искусстве разных народов, не исчезают, а наслаиваются друг на друга, повторяя судьбу религий (*Рыбаков Б.А.*, 1981. С. 31). Поэтому так трудно вычленить из растительной орнаментации, дошедшей до нас на произведениях искусства XI–XIII вв., ее древнейший пласт. Мешает этому и сходство растительной орнаментации у разных народов. Это сходство объясняется общей идеей (культ древа и вообще растительности), общими образами, взятыми из природы (пальма – у египтян, сосна – у римлян и фригийцев, дуб – у индоевропейцев), и общими, тоже подсмотренными у природы, законами симметрии.

Более углубленное изучение растительной орнаментации Древней Руси должно выявить и подоснову того орнамента, который принято называть "византийским", или "старовизантийским".

Обратимся теперь к геометрическому орнаменту, который тесно связан с практической деятельностью человека – с такими домашними операциями, как плетение, вязание, вышивка, ткачество (*Василенко В.М.*, 1977. С. 224). Он как бы воспроизводит эти действия, запечатлевая в стабильных композициях изобретенный каким-то древним мастером или мастерицей прием узла в плетении или узора в вышивке. Широко известно, какие древние пласты мировоззрения донесла до нас крестьянская вышивка XVIII – начала XX в. (*Рыбаков Б.А.*, 1948а. С. 90–106; *Амброз А.К.*, 1965. С. 61–75; *Маслова Г.С.*, 1978. С. 7–14).

Символика таких общих для геометрического орнамента мотивов, как круг, крест, треугольник, у разных народов оказывается одинаковой: они обозначают огонь, солнце, жизнь, землю. Эти символы уходят корнями в глубочайшую древность (*Рыбаков Б.А.*, 1981. С. 41). Геометрический орнамент является частью сюжетных композиций и растительных композиций. Поэтому его редко рассматривают отдельно. Само выделение его может показаться искусственным. Однако это необходимо для того, чтобы увидеть, из каких исходных элементов и по какому принципу строятся его композиции. Попытаемся проанализировать его с тех же позиций, с которых был исследован растительный орнамент.

В геометрическом орнаменте в качестве основных элементов можно выделить крест и его половину, угол и точку, а также уже встречавшееся нам пересечение лент. Крест и его половинки образуют здесь розетки с зеркальной симметрией, как крин и полукрины в растительном орнаменте. Более сложных розеток с много-

кратным повторением этих элементов в геометрическом орнаменте нет (табл. 118, *2*; 119, *2*).

В геометрическом орнаменте есть розетки с осевой симметрией, образованные пересечением лент, т.е. плетением (табл. 118, *5*). Они могут быть воспроизведены только вращением вокруг своей оси, как редко встречающиеся розетки с осью вращения в растительном орнаменте.

Кружок и угол образуют примитивные мотивы в розетках и более сложные – в бордюрах.

Бордюр в геометрическом орнаменте рукописей богаче, чем в растительном. В нем участвуют три основные элемента, но больше всего разнообразия дает один из них – пересечение, многочисленные варианты которого мы находим в плетенке (табл. 118, *6–10*; 119, *6–10*).

В целом растительный и геометрический орнамент в рукописях находится в равновесии, в гармонии. Ее сообщают одни и те же принципы построения композиции при других основных элементах. Излюбленной в обоих случаях остается розетка с зеркальной симметрией или ее половина (табл. 116, *1, 2*; 118, *1, 2*). Бордюры геометрического орнамента состоят из горизонтальных или вертикальных лент повторяющегося мотива (табл. 116, *6–8*; 118, *6–8*). Существенным отличием геометрического орнамента является преобладание осевой симметрии, обусловленной такими элементами, как пересечение лент и круг с точкой.

Все виды переплетения, образующие характернейшую композицию геометрического орнамента – плетенку, – дают примеры осевой симметрии, в растительном орнаменте рукописей не популярную.

Богатство орнаментации рукописей стимулировалось технической простотой воспроизведения любого мотива путем простого калькирования, в других видах искусства невозможного.

По другому обстоит дело с орнаментом перегородчатых эмалей, фресок и мозаик Софии Киевской, тех вариантов блестящей полихромии средних веков, знакомством с которыми Русь обязана Византии. В них, бесспорно, господствует растительный орнамент, геометрическому же отведена второстепенная роль. Однако его основные элементы те же, что и в рукописном орнаменте (табл. 116, 118). Бедность геометрического орнамента восполняется здесь разнообразием растительного.

В резьбе по дереву и кости он, напротив, преобладает (табл. 119). При тех же основных элементах он образует, особенно в костерезном деле, множество оригинальных композиций. Присутствует здесь и розетка с осевой симметрией (табл. 118–119, *4*), и промежуточные между розеткой и бордюром формы (табл. 118–119, *5*). Растительный орнамент, особенно в дереве и кости, значительно беднее.

В черневом деле с гравировкой, столь близкой рисованию, таились большие возможности для орнамента. И действительно, на украшениях с чернью наряду с богатым растительным получил развитие геометрический орнамент. В первую очередь это касается плетенки, различные варианты которой часто встречаются на обручах. По всей вероятности, трудные для рисования и тем более для гравировки мотивы плетенок, особенно в сочетании с фигурами зверей, переводились художником непосредственно с рукописных инициалов. При территориальной близости золотых и серебряных дел мастерских и скрипториев, находившихся часто под крышей одного княжьего двора, это было вполне возможно. Не случайно инициалы рукописей так похожи иногда на графику черневых обручей и колтов. По всей вероятности, именно этим объясняется богатство растительной и геометрической орнаментации, которой поражает русская чернь. Это объясняет и то, что именно черневое дело отразило новые явления в орнаментации рукописей: проникновение в композиции византийского стиля, столь полно запечатленного в эмалях, начатков другого стиля – звериного, или тератологического. В рукописях он достиг зрелости только в XIII–XIV вв., в эпоху, когда черневое дело пережило свой расцвет.

Интересно, что начало тератологии уловили далеко не все области искусства. Так, в каменной скульптуре Владимиро-Судальской Руси, несмотря на многочисленные звериные мотивы, ростки нового стиля вовсе не ощутимы. Здесь мы видим расцвет византийского стиля с его богатством растительной орнаментации и строгим ритмом композиций с зеркальной симметрией (табл. 117). Такие элементы, как переплетение (плетенка), здесь редки. Из сравнения орнамента, бытовавшего в разных областях прикладного и монументального искусства Древней Руси на протяжении XI–XIII вв., можно сделать ряд выводов.

Как видно из данных табл. 116–118, в орнаменте Древней Руси, исполненном в разном материале и техниках, царило большое внутреннее единство. Оно выражалось в том, что мотивы каждой отдельно взятой области искусства сводились к одним и тем же простейшим элементам, а все композиции строились на основании одних и тех же видов симметрии. Это одинаково верно для областей искусства, воспринятых из Византии в готовом виде, и для таких ремесел, как резьба по кости и дереву, ткачество, шитье, много веков развивавшихся у славянских племен и вошедших в культуру Руси как наследие.

Геометрический и растительный орнаменты запечатлели два хронологических пласта в орнаменте Руси. Первый уходит в глубокую древность, второй окончательно формируется, очевидно, уже в государственный период. Интересно это отразилось в ювелирном деле. По справедливому наблюдению В.М. Василенко, в украшениях VIII–X вв. царил геометрический орнамент. Золотые и серебряные украшения с зернью и сканью он считает лучшим воплощением характерного для этой эпохи в прикладном искусстве Руси "изысканного геометрического стиля" (*Василенко В.М.*, 1977. С. 114, 115). Искусство "малых форм" – ювелирное дело и дальше чутко реагирует на изменение стиля. В XI – начале XII в. украшения с перегородчатой эмалью запечатлели новый, "византийский" (или "старовизантийский") стиль. Мы видели, как органически переплелись в нем элементы геометрического или растительного орнаментов. Орнаментация серебряных украшений с чернью отразила становление нового стиля – тератологического. Что можно сказать о взаимоотношениях этих двух стилей на основании приведенного материала?

Прежде всего, условимся, что надо понимать под термином "тератологический стиль". Конечно, не изобра-

жения зверей и чудовищ. Они встречаются и в византийском орнаменте. В белокаменной резьбе храмов они составляют существенную часть орнамента в целом (*Вагнер Г.К.*, 1964. С. 106–127). Но растительная орнаментация храмов Владимиро-Суздальской Руси представляет собой развитой своеобразный вариант византийского орнамента, и звери и чудовища на их стенках ничуть не мешают этому.

Очевидно, суть тератологического стиля не в обилии "звериных" сюжетов. Суть его в изменении ритма орнамента, в появлении новых композиционных решений, основанных в противоположность излюбленной ранее зеркальной симметрии на осевой симметрии – симметрии вращения. Особенность тератологического орнамента – переплетение зверей и птиц и утрата последними реальных форм – оказывается производным моментом, прямо связанным с воцарением в орнаменте осевой симметрии, так как сам принцип ее порожден пересечением, не характерным для византийского орнамента.

Осевая симметрия, изредка появлявшаяся в "византийском" орнаменте (табл. 116, *4*), теперь завоевывает ведущее место. Действительно, такие мотивы, как розетки с осевой симметрией, плетенка, далеки от статики византийского орнамента и как бы взрывают его изнутри. В постепенном переходе от византийского стиля орнаментации к тератологическому есть момент отрицания старых принципов и замены их прямо противоположными – явление, характерное для всякой эволюции. В этом смысле тератологический орнамент – результат внутреннего развития. Однако это вовсе не значит, что внешние воздействия надо сбросить со счета. Они давали новые образцы, новые композиционные решения – необходимую пищу для начавшегося сложного процесса созревания нового стиля в орнаменте. Взаимодействие двух этих явлений – внутреннего и внешнего – и было основою сложения тератологического стиля. Надо прибавить, что он не вытеснил до конца византийский, а как бы наложился на него. Вся последующая история русского орнамента дает этому много доказательств.

Строгая статичность византийского орнамента была орнаментальным выражением общей идеи мирового порядка (*Вагнер Г.К.*, 1974. С. 49–50). Тератологический орнамент воспринимается как антитеза этой идеи, народной реакцией на мировоззрение новой религии, противопоставление никогда не умиравшего язычества ее догматической прямолинейности.

Содержательная ткань тератологического орнамента – целый мир зверей и чудовищ, как бы перенесенных из популярного в средние века чтения – "Физиолога" – на реальные предметы и произведения искусства. Их происхождению и символике посвящена вторая часть главы.

Зооморфные мотивы в орнаменте

Важную роль в древнерусском искусстве играют образцы животных, как реальных, так и фантастических. Они сильно различаются между собой как в эстетическом плане, так и по степени насыщенности смысловым содержанием. Действительно, те из изображений животных, которые представляют собой феодальную эмблему или наделены иным определенным содержанием, символического или иллюстративного характера, как правило, воплощают существенные черты идеологии своего времени. Значимость других подобных образов может быть меньшей, иногда они – чисто декоративные.

Зооморфный декор мог украшать самые разнообразные объекты. Многие из них специально рассматриваются в этом томе – это белокаменные рельефы соборов Владимиро-Суздальской земли; такие произведения ювелирного ремесла, как изделия с перегородчатой эмалью, гравировкой и чернью (в первую очередь – браслеты-обручи), медные двери, украшенные огненным золочением по фону, покрытому черным лаком. Помимо этих важнейших групп произведений, связанных с ремесленниками высокой квалификации и аристократическими заказчиками, зооморфный декор распространен на доступных более широким кругам небогатых изделиях из металла, в резьбе по дереву и кости (среди последних выделяются ажурные накладки, по-видимому, украшавшие седло и иные части снаряжения всадника). Звериные образы обычны на пластинчатых перстнях, в частности – печатных, а в XIV–XV вв. – на вислых воскомастичных и свинцовых печатях и печатках для них, на монетах того же времени. Зооморфные мотивы входят в оформление русской книги начиная с наиболее ранних памятников – Остромирова евангелия и Изборника Святослава. Большого разнообразия и оригинальности они достигают уже в Юрьевском евангелии (1120–1127). Зооморфные образы могли украшать как объекты вполне светского (иногда даже бытового) назначения, так и религиозные, культовые (стены храмов, царские врата, Людогощенский крест, богослужебные книги и др.).

При изучении древнерусских изображений животных следует иметь в виду три важнейших аспекта проблемы. 1. Всегда возникающий при изучении живых существ вопрос о роли живого наблюдения в этих изображениях и соответственно о биологической точности передачи видовых особенностей тех или иных животных. Этот вопрос существен для воссоздания техники и психологии творчества, а также для изучения истории развития рациональных естественнонаучных представлений. 2. Вопрос культурной традиции, вызывавшей к жизни рассматриваемые образы, вопрос уходящих корнями в языческие верования истоков фольклорной символики звериных образов и иных – народных и книжных – литературных параллелей зооморфным сюжетам изобразительного искусства. Наряду с книжными образами следует учитывать и влияние чужеземных изобразительных образцов, которые могли восприниматься вместе со своей сложившейся символикой или независимо от нее. 3. Вопрос значительных групп зооморфных образов и объединяющего их стилистического единства, т.е. наличия или отсутствия в Древней Руси собственного средневекового звериного стиля (или нескольких таких стилей).

При изображении реальных представителей животного мира в средневековом искусстве преобладало воспроизведение традиционных образцов. Это не препятствовало тому, что в отдельных случаях такие изображения в большей или меньшей мере могли отражать также и живое наблюдение. Здесь же отметим, что биологическая точность отдельных изображений не всегда указывает на отказ от использования традиционных образцов. Так, наиболее биологически правдоподобные серии изображений животных в византийских рукописях являются довольно точным воспроизведением позднеантичных миниатюр (*Kadar Z.*, 1978). В древнерусском искусстве встречаются живые и достаточно реалистические изображения животных, образы которых, по-видимому, отражают хотя бы отчасти живое наблюдение. Однако основная масса зооморфных образов в прикладном искусстве Древней Руси отмечена яркими чертами стилизации и, несомненно, воспроизводит традиционные сюжеты. Среди этих черт стилизации отметим изображения ошейников и поясов-подпруг на диких животных; растительные завершения хвостов и языков животных; декоративные бордюры на крыльях птиц; растительные мотивы (трилистники в круге) на крыльях и теле, стилизованные клейма на крупах животных и т.п. К чертам стилизации следует относить и объединение зооморфных образов и плетеного орнамента в нерасчленное единство. Как пример крайнего равнодушия к облику реальных животных можно указать на одну из пластин известных новгородских (так называемых Васильевских) врат 1336 г., сделанных для Софийского собора. На этих дверях в композиции "Рождество Христово" овцы и козы представлены с пальцами вместо копыт (*Лазарев В.Н.*, 1953б. С. 406. Рис. 10). Эта их особенность не имеет никакого смыслового символического значения; никаких оснований считать этих животных сказочными чудовищами нет. В данном случае перед нами ярчайший пример чисто средневекового равнодушия к живой природе – следствие аскетического мировоззрения. В рукописи 1495 г. Христианской топографии Косьмы Индикоплова изображен бобр, представленный с раздвоенными копытами (*Редин Е.К.*, 1916. Табл. XIX, 3). Символика животных излагалась в специальном сочинении – "Физиологе" (*Карнеев А.*, 1890), известном на Руси уже в домонгольское время. В нем наряду с живыми, по-видимому наблюденными образами отдельных животных (например, ежа), можно видеть сильно стилизованные и искаженные образцы, в частности – ворона с перепончатыми лапами (*Лурье Я С.*, 1976).

Исторически мир зооморфных образов древнерусского искусства и по набору образов и по их символическому значению во многом уходит корнями во времена язычества. Во времена господства языческой религии образы зверей в искусстве могли отражать отзвуки древнейших тотемических верований и более поздние представления об оборотничестве (метаморфозах перевоплощения) божеств и чародеев. Черты тотемизма обычно считаются нехарактерными для языческой религии славян в исторический период. Отметим, однако, что одна из особенностей тотемических представлений на Руси очень живуча – это вера в тотемов. Как известно, сущность тотемизма заключается в том, что какое-то зооморфное (иногда даже неодушевленный предмет) существо является физическим предком данной родовой группы. Соответственно все легендарные персонажи, родившиеся от зверей и чудовищ генетически восходят к героям тотемистических мифов. Между тем в восточнославянском фольклоре подобные персонажи весьма многочисленны. Среди них особенно характерен легендарный былинный князь Волх Всеславьевич, рожденный от змея и наделенный способностью оборотничества. Представления о сожительстве змеев с женщинами относятся к числу поверий, бытовавших у восточных славян до сравнительно недавнего времени.

Связь зооморфного декора с языческими верованиями древних славян может быть прослежена по описаниям западными хронистами храмов в землях балтийских славян, на которых имелись многочисленные изображения животных.

Не менее выразительный показатель связи ранних восточнославянских изображений животных с языческими верованиями – факт бытования у них амулетов в виде фигурок животных – коня (или, по мнению отдельных авторов, хищника), утки, собаки, зайца, сокола, оленя, рыбы, фантастического зверя с чертами четвероногого и птицы. О культе животных говорят и амулеты из зубов, когтей и костей различных зверей. Конь изображен и на уникальном языческом изваянии – знаменитом Збручском идоле.

Именно живучестью языческого мировоззрения следует объяснять и генезис наиболее своеобразной группы зооморфного декора в древнерусском искусстве. Это так называемый тератологический стиль, первоначально выделенный в книжной орнаментике, преимущественно XIII–XIV вв., но, как выяснилось в дальнейшем, нашедший свои истоки в более раннем народном прикладном искусстве (*Буслаев Ф.И.*, 1917; *Гущин А.С.*, 1928; *Ухова Т.Б.*, 1976). Чудовищный, или тератологический, орнамент (от греч. τερας – чудовище) характеризуется тесным сплетением декоративных лент, иногда завершающихся растительными побегами или змеиными головками, с зооморфными изображениями. При этом ноги, языки, головы, хвосты и крылья животных опутываются ленточными плетениями и нередко непосредственно в них переходят.

Сходный орнамент известен у балканских славян, в Скандинавии, Ирландии и на многих произведениях романского стиля из разных областей Европы. В основе этого стилистического единства (впрочем, лишь самого общего) лежит общность происхождения от звериной орнаментики искусства европейских варваров эпохи переселения народов (*Salin*, 1904). Это искусство, в свою очередь, возникло в обстановке крупнейших передвижений, когда значительную роль играли контакты европейских варваров с кочевниками евразийских степей. Через посредство последних до них доходили позднейшие отзвуки скифского звериного стиля, элементы сасанидского искусства.

Звериная орнаментика в различных странах Европы имеет существенные сталистические отличия. Так, скандинавская тератология отличается от древнерусской распространением угловатых контуров фигур, между тем как последние имеют на Руси преимущественно округлые очертания. Отдельные образы животных в скандинавском декоративном искусстве часто соединяются

между собой посредством отверстий в их телах, чего нет в древнерусской тератологии. Многим произведениям скандинавского искусства свойственна чрезвычайная теснота изображений, особая сложность рисунка, для русской тератологии не типичная. Болгарская звериная орнаментика отличается от древнерусской большей грубостью рисунка. В балканской тератологии нередко деградируют головы животных, превращающиеся в плетения, что на Руси почти не встречается. Имеются различия и в наборе образов и трактовке отдельных элементов.

Древнейшее произведение русского прикладного искусства, на котором, несомненно, присутствуют все признаки тератологии, причем в своеобразной русской форме – резная колонна XI в. из раскопок в Новгороде (*Арциховский А.В.*, 1954а). На ней в двух медальонах, окруженных хаотическими плетениями, изображены грифон и кентавр. Как тот, так и другой образы появляются в древнерусском искусстве как заимствованные. Источник заимствования – очевидно, Византия. Именно там встречается иконография кентавра, схватившего себя рукой за хвост (*Даркевич В.П.*, 1975. С. 197. Рис. 304). В то же время заимствованный образ подвергся трансформации: у кентавра вместо конских копыт – лапы хищника, что для византийского искусства не характерно. Но главная русская особенность резьбы колонны – соотношение зооморфных образов с окружающим декором. Хвосты обоих существ переходят в ленточное плетение, которым они окружены, ноги грифона оплетены лентой. Любовь к подобным хаотическим плетениям сохраняется в русской тератологии и в дальнейшем.

Резной декор новгородской колонны – совершенное произведение уже сложившегося стиля. Его исходные формы пока не выявлены. Можно полагать, что этот стиль, народный по своему происхождению, сложился в резьбе по дереву, а его ранние образцы просто не сохранились. В искусстве X в. некоторые черты тератологии представлены на резных чашах из древнейших слоев Новгорода (*Колчин Б.А.*, 1968. С. 127. Табл. 30) (только плетенка), на костяной накладке из Шестовицкого могильника (*Рыбаков Б.А.*, 1956. С. 410. Рис. 198, 1, 2), и наконец, в богатом декоре третьего рога из Черной могилы (*Рыбаков Б.А.*, 1949. С. 48. Рис. 20). И накладка из Шестовиц и турий рог отмечены чертами скандинавского искусства (отверстия в телах существ, угловатые контуры). Вместе с тем декор оковки турьего рога из Черной могилы резко отличается от собственно скандинавских произведений искусства того же времени. Здесь прежде всего существенны растительные мотивы, генетически связанные с искусством Ирана. Распространение на Руси мотивов скандинавского и восточного искусства, отразившееся, в частности, в декоре знаменитого парадного топорика из Старой Ладоги (*Корзухина Г.Я.*, 1966), наряду с народным фольклорным искусством повлияло на становление древнерусской тератологии, истоки которой, несомненно, следует связывать с дохристианской эпохой.

Если генезис древнерусского тератологического стиля связан еще с эпохой язычества (а это бесспорно во всяком случае для совокупности подобных явлений в искусстве средневековой Европы), то возникает вопрос, какие же представления составляли первоначально его содержание. Сцены терзаний, нередко включенные в состав плетений, связаны, вероятно, с идеей войны, с представлениями о праве сильного. Превращение частей тела животных в ленты, растительные побеги могут быть сопоставлены с верой в оборотничество. Ленты, переплетающие животных и чудовищ, символизировали превратности судьбы, вера в которую была столь характерна для язычников. Ремни, побеги и ленты, опутывающие в основном устрашающие, хищные образы, могли отражать также представления о колдовских чарах, обезвреживающих злые силы. С той же идеей можно связать и многочисленные в этих плетениях узлы, связанные с распространенной на Руси верой в колдовские наузы.

Действительно, именно подобная символика узлов и плетений известна по одному позднейшему русскому заговору, с которым русские ратники выходили на войну: "Завяжу я, раб имярек, по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному на пищалях, луках и всяком ратном оружии. Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замкните все пищали, опутайте все луки, повяжите все ратные оружия. И стрельцы бы из пищалей меня не били, стрелы бы их до меня не долетали, все ратные оружия меня не побивали. В моих узлах сила могуча змеиная сокрыта, того змея двунадесятглавого, того змея страшного, что пролетал со Окиян моря, со острова Буяна, со медного дома, того змея, что убит двунадесят богатырьми под двунадесят муромскими дубами. В моих узлах защиты злою мачехою змеиные головы" (Цит. по: *Сахаров И.П.*, 1841). Очевидно, что образ пут и узлов очень долго сохранял магическое значение оберега, равно как ремни и плетения (в том числе известные в тератологическом орнаменте узлы со змеиными головами) долго ассоциировались с могучим змеем-драконом. То, что плетения, охватывающие изображения зверей и чудовищ, могли служить талисманом, защищающим от сил зла, по-видимому, является основной причиной популярности подобного декора в период его сложения.

Подобное значение тератологического орнамента перекликается с популярнейшим образом древнерусских амулетов-змеевиков: человеческой головой, окруженной змеями, которые нередко переплетаются между собой (*Толстой И.И.*, 1888; *Орлов А.С.*, 1926; *Николаева Т.В., Чернецов А.В.*, 1991). Данный образ во многом созвучен тератологическому декору. Тексты, посвященные демону, изображавшемуся на змеевиках, иногда упоминают о том, что это демоническое существо может превращаться в разных зверей и птиц. Важно, что изображение демона, которому приписывалась исключительная вредоносная сила ("акы молниину подобству подобящися скорость имеет и во все входит и горе и долу и в жилы и в члены и в кости...") (Цит. по: *Соколов М.И.*, 1895. С. 147), служило талисманом против него самого. Думается, что, хотя происхождение змеевиков иноземное, византийское, связанные с ними тексты проливают свет и на то, как могли восприниматься другие чудовищные образы древнерусского искусства.

В домонгольское время произведения прикладного искусства, на которых присутствуют признаки тератологии, сравнительно немногочисленны. Это, в частности, ряд серебряных пластинчатых браслетов, резные

белокаменные детали декора Борисоглебского собора первой половины XII в. в Чернигове. Однако вместе с колонной XI в. из Новгорода они образуют цепочку, которая затем, с XII в., включает книжную орнаментику, где она в дальнейшем, в XIII–XIV вв., становится господствующей. Появление подобного декора в книгах, как правило богослужебных, показывает, что уже в это время языческая символика этих образов была полузабытой. Все же длительное сохранение на Руси такого орнамента, расцветшего в русских рукописях в те века, когда подобные мотивы в искусстве Европы уже исчезли, представляет собой интересный и еще не до конца изученный феномен. Б.А. Рыбаков полагает, что тератология в XIV в. уже не могла сохранять элементов языческой символики, но видит в ряде ее проявлений неортодоксальные, еретические черты (*Рыбаков Б.А.*, 1975).

Бóльшая часть зооморфных изображений на известных произведениях древнерусского прикладного искусства представляют собой не части тератологического декора, а отдельные образы. Они не отличаются разнообразием – оно присуще лишь очень крупным сериям изображений, таким, как белокаменный декор соборов Владимиро-Суздальской земли XII–XIII вв. или резные костяные посохи XV в., где можно встретить редкие в древнерусском искусстве образы, например слона. Для меньших серий такое разнообразие уже не требовалось; на них из реальных существ преобладают обобщенный образ зверя и обобщенный образ птицы.

Вопрос о смысловом значении зооморфных образов древнерусского прикладного искусства относится к числу дискуссионных. Отдельные авторы считают зооморфные мотивы искусства домонгольской Руси чисто декоративными (*Смирницкая Е.В.*, 1982). Это находит частичное подтверждение в том, что подобные сюжеты в Западной Европе некоторыми видными идеологами средневековья (Бернард Клервосский) расценивались как бессмысленные (*Вагнер Г.К.*, 1964. С. 107). В пользу того, что зооморфный декор в древнерусском искусстве не был наделен развитым смысловым содержанием, говорит тот факт, что в ряде случаев он покрывает периферийные части объектов, основное место в декоре которых занимают образы христианской иконографии (соборы Владимиро-Суздальской земли, Суздальские врата, Олонецкое тябло, посох митрополита Геронтия и др.).

В то же время считать все зооморфные мотивы древнерусского прикладного искусства чисто декоративными никак нельзя. Они занимают центральное место на ряде объектов, само назначение которых свидетельствует об их идеологической значимости. Это перстни, в том числе печатные, разнообразные печати, монеты XIV–XV вв., символы великокняжеской власти конца XV в. – резные посохи (*Чернецов А.В.*, 1980; 1986). О смысловом значении зооморфных образов, составляющих крупные серии (прежде всего – резьба на стенах белокаменных соборов XII–XIII в.), свидетельствуют черты упорядоченности, определенной закономерности в их взаимном расположении (*Вагнер Г.К.*, 1964. С. 105–162).

Смысловое значение зооморфных образов древнерусского прикладного искусства различно: оно могло быть по преимуществу церковным, моралистическим или светским (более конкретно – воинским, феодальным, учитывающим общую идеологию эпохи), могло быть преимущественно книжным или, напротив, фольклорным.

Средневековая церковная, моралистическая символика образов животных основывалась в первую очередь на поэтических персонажах библейских книг (прежде всего – Псалтыри и пророков), кроме того, ей был посвящен и "Физиолог" (*Карнеев А.*, 1890). Таким образом, некоторые предпосылки для подобной трактовки звериных образов в древнерусском искусстве существовали. Вместе с тем изображения, бесспорно иллюстрирующие конкретные тексты, связанные с христианской символикой образов животных, в прикладном искусстве домонгольского времени не известны; набор образов в этом искусстве не отвечает полному тексту "Физиолога" (многих образов не хватает, целый ряд не находит в его тексте соответствия, в частности, такой популярный образ, как грифон). Важно, что зооморфные образы на объектах религиозного назначения не обнаруживают существенного отличия от тех, которые представлены на предметах светского обихода.

Наиболее сложные композиции среди светских сюжетов декоративного искусства Древней Руси, сцены борьбы и другие, по-видимому, навеяны конкретными литературными сюжетами. В частности, В.П. Даркевичу удалось обнаружить среди рельефов Дмитриевского собора во Владимире серию композиций, воспроизводящих романские образцы на тему подвигов Геракла (*Даркевич В.П.*, 1962а). Подобные мотивы могут быть связаны с церковными идеями лишь посредством сложных ассоциаций в умах книжников-эрудитов. Очевидно, они могли бытовать лишь в узкой среде церковников, но едва ли в полной мере осознавались даже мастерами, создававшими эти изображения, и совсем не воспринимались большинством неграмотного и малокнижного населения (в том числе, основной массой воинов-феодалов, знати). Между тем для культурно-исторической характеристики эпохи наиболее интересен именно общедоступный пласт средневековой символики.

Соответствие этому пласту следует искать в фольклоризирующих мотивах древнерусской литературы, посвященных прославлению русских воинов и князей. Образы хищных зверей и птиц начиная с "Повести временных лет" и "Слова о полку Игореве" и далее – в "Молении Даниила Заточника" и похвалах различным князьям, "Задонщине" и отдельных фрагментах летописей XVI в. ассоциируются с представлениями о князе, его власти, воинской доблести, с темой угрозы, устрашения. Хищные звери и чудовища при этом устойчиво связываются с положительными образами, тогда как отрицательные сравниваются с их охотничьей добычей. В ряде случаев сопоставление князя или воина с животным сохраняет следы архаических верований в оборотней (Слово о полку Игореве – отрывки, посвященные Игорю и полоцкому князю Всеславу).

Архаичный характер подобных представлений и их языческое происхождение вполне согласуются с древними корнями русского звериного орнамента. Встречается в древнерусской литературе и связь образов животных с темой плодородия, брачной пары. Подобное по преимуществу фольклорное значение зооморфных образов декоративного искусства подтверждается наличием изобра-

ений на объектах, связанных с идеей власти феодалов например, на печатях) и оружии; связь с темой плодоро- наиболее вероятна для парных изображений зверей и ц и для композиций, где они представлены с детены- ами. Именно такое, фольклорное в своей основе, вос- риятие зооморфного декора, по-видимому, преобладало Древней Руси. При этом конкретная символика отдель- х образов едва ли была развитой и устойчивой.

Вполне земное, в значительной мере пронизанное пе- житками язычества восприятие зооморфных мотивов овной массой народа, было, по-видимому, причиной уждения таких изображений Бернардом Клервосским. одное отношение к звериным образам отразилось в ом из древнерусских текстов, известном по списку VII в., но восходящем к более раннему времени (*Буслаев Ф.И.*, 1866. С. 17).

Наиболее популярен в древнерусском прикладном ис- усстве образ хищного зверя неопределенной видовой инадлежности. Он отражает обобщенные представле- я о могучем хищнике. В отдельных случаях можно го- рить об определенном стремлении передать образ ва, который часто упоминается в древнерусских пись- енных источниках, – зверя храброго и сильного, царя верей. В ряде случаев лев вполне определенно связы- ался с представлением о власти князя – "Орел птица арь над всеми птицами, а осетр над рыбами, а ты кня- е над переяславцы. Лев рыкнет, кто не устрашится, а ы княже, речеши, кто не убоится" (Даниил Заточник). о львом сравнивается Роман Галицкий и в известном трывке Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. II. С. 716). о-видимому, с подобными идеями ассоциировались и зображения хищника с менее определенными видовы- и признаками. Видеть в части из них барса (зверя, из- едка упоминающегося в древнерусской литературе) ет достаточных оснований, хотя в принципе и такая трактовка не может исключаться. На миниатюрах IV в. встречаются пятнистые пантеры или леопарды. линная морда многих хищников в древнерусском ис- усстве напоминает волка – наиболее распространенно- о хищника Восточной Европы, популярного героя ольклора. Однако у части подобных хищников изобра- жены гривы, опять-таки сближающие их со львом. Ско- ее всего, бóльшая часть образов хищников древнерус- кого прикладного искусства связана с обобщенным ольклорным образом "лютого зверя", который, как оказывают исследования литературоведов, опять-таки осходит к образу царя зверей – льва (*Миллер В.Ф.*, 877; *Клейненберг И.Э.*, 1969). Хищные звери могли имволизировать власть, воинскую доблесть, а также грать роль охранителей.

Встречающиеся в древнерусском искусстве парные зображения хищников, например львов, украшающие апители колонн, на которые опираются внутренние воды Дмитриевского собора во Владимире, по-видимо- у, связаны с символиков плодородия и отражают пред- тавление о брачной паре. Об этом свидетельствует осо- енность одного из этих рельефов, на котором, кроме ары взрослых львов, представлен маленький львенок (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 342. Рис. 225). Композиция из па- ы хищников с детенышем повторена и на металличе- ской накладке рубежа XIII–XIV вв. из Новгорода (*Седова М.В.*, 1981. С. 165. Рис. 67). Очевидно, образы пар зве- рей как с детенышами, так и без них наделялись благо- желательной символикой.

Иконографические признаки изображений четверо- ногих дают некоторые основания для их классифика- ции. Отметим, что положение лап животных с трудом поддается систематизации, так как часто нельзя отли- чить, например, прыгающее и идущее животное, идущее и стоящее – нередко встречаются маловыразительные трактовки конечностей. Более определенная черта – по- ложение головы: в фас, в профиль, повернутая назад. В прикладном искусстве домонгольского времени преоб- ладают две первые позы; в XIV–XV вв. первая становит- ся более редкой, начинает преобладать третья, в домон- гольское время малопопулярная. В искусстве домон- гольского времени часто подвергаются трансформации и стилизации языки и хвосты животных, приобретаю- щие вид растительных побегов. Эта сказочная симво- лика не означает, что изображены фантастические живот- ные. На Людогощенском кресте 1359 г. с подобными хвостами изображены львы в сценах Самсон со львом и Геракл с тем же животным, причем ясно, что резчики стремились изобразить именно льва (*Лазарев В.Н., Мнева Н.Е.*, 1954. С. 159, 161). Часто хвост животных под- жат, пропущен между ног и выведен сбоку из-под ноги наверх, возвышаясь над туловищем. Эта иконографиче- ская особенность, по происхождению связанная с сасанидским искусством, встречается на Руси с рубежа X–XI вв. (ладожский топорик) по XVII в.

Изображения птиц в древнерусском прикладном ис- кусстве отличаются устойчивой иконографией, восходя- щей к византийским образцам. Довольно характерен фантастический хвост многих птиц – одна его часть сильно выгнута кверху, а другая соответствует обычно- му положению хвоста у большинства птиц. Видовая при- надлежность птиц, как правило, не ясна. Птиц с распро- стертыми крыльями и головами в профиль можно было бы рассматривать как аналогию западноевропейским геральдическим орлам, однако на саккосе XIV в. митро- полита Алексия (*Макарова Т.И.*, 1975. С. 87. Табл. 26, 3) подобная птица изображена в нимбе и представляет, скорее всего, голубя, символ святого духа. Часто две фи- гуры птиц располагаются симметрично по сторонам древа. Очевидно, изображается брачная пара, и компо- зиция в целом имеет благожелательное значение. По- видимому, с этой композицией связан также известный в восточнославянском фольклоре космогонический миф о создании Вселенной двумя птицами. Вместе с тем, во всяком случае в русском искусстве XVI в., две птицы по сторонам растения определенно символизируют рай- ский сад. Отчасти это, возможно, связано со славянски- ми представлениями о потустороннем мире (ирий, вы- рей) как месте, куда улетают птицы. Поскольку компо- зиция была очень популярна, она нередко сильно транс- формировалась – иногда древо деградирует и превраща- ется в неясный декоративный элемент, иногда оказыва- ется растущим вверх кроной.

Критерием изображения фантастических существ принято считать явное соединение частей тела различ- ных существ, изменение их числа, нарушение их поряд- ка. Среди чудовищ, имеющих наряду с зооморфными чертами антропоморфные, наиболее популярны кен- тавр и сирена (сирин).

Древнерусские изображения кентавров могут быть подвергнуты более детальному анализу, чем другие зооморфные образы. Они неоднократно привлекали внимание исследователей (*Окладников А.П.*, 1950; *Чернецов А.В.*, 1975а; 1981а). Иконографические особенности древнерусских кентавров представляют значительные возможности для их сравнительного изучения. Кентавры фигурируют в хорошо изученных памятниках письменности (*Василевский А.Н.*, 1921), благодаря чему целый ряд их изображений связан с конкретными текстами.

Упоминания о кентаврах как образах античной мифологии известны в древнерусской письменности с XI в. (*Будилович А.*, 1875. С. 24). В русской письменности домонгольского времени известен текст, сообщающий о высоких нравственных достоинствах кентавра Хирона (*Истрин В.М.*, 1920. С. 61, 249). Древнейшее русское изображение кентавра находится на уже упоминавшейся резной колонне из Новгорода. Существенно, что уже в это время заимствованный образ был введен в систему местного декоративного стиля.

Следующие по времени изображения кентавров находятся на стенах Дмитриевского собора во Владимире (*Вагнер Г.К.*, 1969а. С. 264, 266) (1194–1197). Один из них, как и кентавр на колонне, держит себя за хвост и, по-видимому, воспроизводит византийский образец. Второй держит перед собой убитого зверька. Сходные образы кентавров со зверьками представлены в виде пары на стене Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230–1234) (*Вагнер Г.К.*, 1964. С. 111–116, табл. XXVIIIб). В средневековом искусстве, как византийском, так и западном, подобные изображения обычно символизируют созвездие Центавра (*Thiele G.*, 1898. S. 125, fig. 53).

Если кентавр Дмитриевского собора держит зверька перед собой, что соответствует очертаниям созвездия, то на стене Георгиевского собора оба кентавра держат убитого зверька за спиной, причем в одном случае он свисает вниз головой, а в другом кентавр либо размахивает им, либо взметнул его кверху. Зверьки "переместились" за спину кентавра, по-видимому потому, что для резчиков было важнее подчеркнуть оружие (булавы) в их руках. Таким образом, иконография трансформировалась настолько, что утрата астрального содержания представляется несомненной. Противоречит астральной символике данных кентавров и то, что их два. Еще одно уклонение от иконографии созвездия Центавра – наличие у кентавров не конских ног, а ног зверя (хищника). Таким образом, при наличии явной иконографической связи изображений кентавров со зверьком в руке на стенах соборов, видовая принадлежность нижней части их туловища варьируется.

В домонгольское время на Руси появились изображения кентавров с атрибутами, не свойственными их иноземным аналогам. Это кентавр с боевым топором среди рельефов Георгиевского собора (*Вагнер Г.К.*, 1964. Табл. XXVIII а) и кентавр на перстне-печати из киевского клада 1824 г. на руке которого представлен сокол (*Кондаков Н.П.*, 1896. С. 103. Рис. 63). Еще один кентавр, вооруженный палицей и щитом с геральдическим рисунком, найденный в слоях XII в. во Пскове, по-видимому, воспроизводит романский образец (*Лабутина И.К., Кондратьева О.А.*, 1975).

Отмечая чужеземное происхождение самого образа кентавра в древнерусском искусстве, укажем, что этот образ на Руси подвергался изменению и, как правило, утрачивал то смысловое значение, которое было присуще чужеземным образцам. Показательно, что такие наиболее популярные образы, как кентавр-флейтист и кентавр-стрелец (лучник), совсем не стали популярны на Руси. Если бы усвоение чужеземной иконографии кентавров сопровождалось усвоением чужеземных представлений о них, то эти образы должны были бы распространиться на Руси в первую очередь. О самостоятельном восприятии кентавров свидетельствуют изменения их иконографии. Отметим также, что ни наиболее ранние из древнерусских изображений кентавров, ни более поздние не могут быть связаны с эпизодами античных мифов о кентаврах. Уже в домонгольское время основным атрибутом большей части русских изображений кентавров становится оружие, на головах некоторых из них изображаются короны.

В XIV в. складывается специфически русская иконография кентавров. Он приобретает крылья, причем они располагаются не в области плечевого пояса лошади (как у некоторых восточных крылатых кентавров), а за спиной человеческого торса (как у ангелов). Обычно такой кентавр изображался в короне. Древнейшее изображение подобного существа представлено на новгородских дверях 1336 г. в композиции с Соломоном (*Лазарев В.Н.*, 1953. С. 424–427; *Чернецов А.В.*, 1975б). Эта иллюстрация к ветхозаветному апокрифу о Соломоне и демоне, который был помощником царя во время строительства Иерусалимского храма. В восходящей к Талмуду (трактат Гиттин) древнерусской версии демон назван Асмодеем, что по неясным причинам было переведено на старославянский как "Китоврас". На дверях 1336 г. Китоврас представлен расправляющимся с царем Соломоном, согласно тексту апокрифа. Композиция Китоврас с Соломоном в древнерусском искусстве представлена только на этих дверях. Крылатый коронованный кентавр в других случаях обычно изображен с мечом (чаще всего в позе угрозы, вынимает его из ножен) (*Чернецов А.В.*, 1981а). Поскольку меч или иное оружие в тексте апокрифа не упомянуты, данная иконография имеет не иллюстративный, а символический смысл. Она отражает представление о Китоврасе как о сильном и грозном существе, подчеркивает те его черты, которые характерны для любой феодальной эмблемы. Изображения Китовраса действительно распространяются в качестве эмблемы на монетах XIV–XV вв.

С XV в. на Руси становятся популярными изображения кентавра в образе стрелка из лука. Иконография соответствует аллегорическому изображению созвездия Стрельца. Однако в значительной части случаев контекст не позволяет видеть в таких изображениях астральную символику. Есть изображения кентавров-стрельцов с подписью "Полкан" (*Жегалова С.К.*, 1975. С. 31, 38–41, 49, 51) или на миниатюрах, посвященных иным текстам, не связанным со звездным небом (*Буслаев Ф.И.*, 1861. С. 370, 371. Рис. 5). Очевидно, популярность и этой иконографии в основном связана с ее воинским характером.

Итак, связь древнерусских изображений кентавров с конкретными текстами и в домонгольское время и в

дальнейшем была довольно слабой, что вовсе не умаляет идеологической значимости изображений этого существа. О том, что она была велика, свидетельствует такой показатель, как наличие обратного влияния иконографии кентавра на русскую литературу (письменную и устную), имеется в виду придание черт кентавра Горгоне на миниатюре и в тексте рукописи XVII в. (*Там же*. Рис. 6), превращение Полкана-богатыря (в первоначальной версии – получеловека-полупса с дубиной – *Веселовский А.Н.*, 1888. С. 154) в кентавра-лучника (*Ровинский Д.А.*, 1900. Т. 1. С. 194; *Жегалова С.К.*, 1975). В народном духовном стихе в образе кентавра описана Смерть. Во всех этих случаях литературный текст объясняется влиянием популярного зрительного образа.

Несмотря на распространенность образа кентавра и не книжный характер его символики, он не стал органичной частью русского крестьянского искусства, как, например, образ сирены. Действительно, кентавр встречается лишь в народной гравюре (лубке) и росписи по дереву, изготовлявшихся не крестьянами, а мастерами-профессионалами. В крестьянской резьбе по дереву этот образ не встречается. В фольклоре образ кентавра чрезвычайно редок, причем он встречается в тех его видах, которые сильнее подвержены влиянию книжной образованности – в духовных стихах (кентавроподобная Смерть) и в колдовских заклинаниях (Полкан, спаситель "Солнцевой девы" от змея). Если в книжной легенде XVII в. о похищении жены царя Соломона фигурирует Китоврас, то в ее фольклорной версии его заменяет человек. Образ кентавра чрезвычайно редок и в проникнутом фольклорным началом тератологическом орнаменте (*Стасов В.В.*, 1887. Табл. XVII, 8; LVIII, 12; *Некрасов А.*, 1913. Табл. VII, 3).

Сирена (сирин) – птица с человеческой головой, персонаж, также ведущий свое происхождение из античной мифологии. В известном на Руси главном византийском сочинении о символике животных "Физиологе" сирена – это демонический образ, однако на Руси она воспринималась, по-видимому, преимущественно как положительный персонаж. Сирену часто изображали с нимбом на голове, трактуя как райскую птицу, в той же симметричной композиции по сторонам древа, что и птиц. Разновидность этой композиции с сиренами в нимбах, уже несомненно, отражает представление о райском саде. Сирены ассоциировались с женскими образами низшей славянской мифологии – берегинями, вилами, русалками (*Соболевский А.И.*, 1910. С. 270). Отметим, что птичий облик не мешал этим существам быть связанными преимущественно с водой. Разновидность иконографии сирены с рыбьим или змеиным хвостом (при этом крылья обычно сохраняются) в русском искусстве домонгольского времени редка, но широко распространяется с XV в. Таким образом, ей более свойственны демонические черты, но не всегда. Образ сирены пользовался на Руси большой популярностью и был усвоен крестьянским искусством (*Рыбаков Б.А.*, 1987. С. 580–582).

Из чудовищ, лишенных антропоморфных черт, для древнерусского искусства наиболее характерны грифоны и драконы (змеи). Грифон – образ, восходящий к античности и Древнему Востоку, связанный с идеей власти (*Вагнер Г.К.*, 1962б). Он мог выступать в роли охранителя. Помимо положительных значений образа, можно отметить и зловещее: на полях Киевской псалтыри 1387 г. (Л. 144) представлен грифон-антропофаг, из пасти которого высовывается человеческая нога. Грифон ассоциировался с чудесными птицами славянского фольклора, причем греческое слово "гриф" переводилось древнерусскими книжниками как "ног" (*Лопарев Х.*, 1892. С. 30). Кроме орлиноголовых грифонов, в домонгольское время встречаются редкие изображения звериноголовых; в искусстве XV–XVI вв. преобладают последние. Для позднейшего крестьянского искусства образ грифона не характерен.

Дракон-змей – важный образ в поверьях восточных славян. Это устойчивый символ зла. Впрочем, как сильный и грозный зверь и он может символизировать доблесть воина-феодала. "Яко же змии страшен свистанием своим, тако и ты, княже, наш, славен множеством вои" (Даниил Заточник). О роли змея в поверьях уже говорилось в связи с вопросом о пережитках тотемизма в славянском фольклоре. На так называемом топорике Андрея Боголюбского изображен змей, пораженный мечом (есть отдаленные скандинавские аналогии – эпизод с Сигурдом и Фафниром – *Сизов В.А.*, 1897). Очевидно, что изображение – отзвук вредоносной магии, направленной против врагов владельца оружия. На другой стороне топорика – изображение с противоположной, благожелательной символикой – птицы по сторонам древа.

Помимо рассмотренных образов реальных и фантастических существ, к числу зооморфных изображений относятся многочисленные рукоятки, навершия, маски, к которым прикреплялись дверные кольца с изображениями голов животных и птиц. Среди них встречаются лев, медведь, баран, свинья, конь. Многие из них отмечены яркими чертами стилизации. Это, например, рукоятки ковшей из новгородских раскопок. Одна из них, датируемая XI в., изображает конскую голову. Характерна трактовка гривы в виде ленточного плетения (*Бочаров Г.Н.*, 1969. Илл. 54). Еще более сложные плетения покрывают всю морду головы медведя на рукояти ковша XII в. (Там же. Илл. 56).

Связь значительной части наиболее популярных зооморфных образов древнерусского прикладного искусства с темой княжеской власти и воинской доблести позволяет говорить об известной близости звериной орнаментики и феодальной эмблематики Древней Руси (*Вагнер Г.К.*, 1962а). Наиболее зрелое и выкристаллизовавшееся порождение феодальной эмблематики представляет собой явление, по существу уже находящееся за пределами художественного творчества, – геральдику.

Связь феодальных эмблем со звериными образами может быть прослежена на Руси с древнейших времен. Действительно, ряд авторов предполагает генезис древнерусских княжеских знаков от стилизованного изображения хищной птицы (*Рапов О.М.*, 1968; *Ширинский С.С.*, 1968). Известны подвески с княжескими знаками, рядом с которыми изображены птицы. Несомненно, эмблематический характер имеют изображения хищных зверей и птиц на древнерусских перстнях, особенно печатных (*Макарова Т.И.*, 1986. С. 39–48).

Однако существование в домонгольской Руси эмблематических изображений животных еще не свидетельствует о становлении в это время геральдики, как это

представляется отдельным исследователям. Не являются доказательством этого и отдельные изображения животных на щитах. Они известны на щитах разных народов начиная с древнейших времен и могут не подчиняться каким-либо правилам их употребления, что составляет сущность геральдики. Частные признаки отдельных древнерусских щитов со львами в геральдических позах (на щите святого Георгия, на стене собора в Юрьеве-Польском и Федора Стратилата в Федоровском евангелии 1321–1327 гг. – *Некрасов А.И.*, 1928) – наличие вдоль края щита орнаментального бордюра – не соответствуют западноевропейской геральдической традиции.

Безусловный аргумент в пользу существования в Древней Руси геральдики – изображения щитов с условными "собственно геральдическими" функциями, например, разделениями щита на части, окрашенные в разный цвет. Они изредка встречаются на Руси начиная с XII в. (*Лабутина И.К., Кондратьева О.А.*, 1975; *Кирпичников А.Н.*, 1971. Табл. XVIII, 1; *Овчинников А.Н.*, 1978. Табл. 126; *Чернецов А.В.*, 1981б. С. 232). Такие изображения действительно составляют специфику геральдики, однако ни в одном случае подобные щиты не выступают на Руси в роли родовой эмблемы, а изображаются у святых воинов, рядовых персонажей массовых сцен и т.п. Очевидно, щиты с геральдическими изображениями первоначально появляются в древнерусском искусстве как заимствованный мотив, без усвоения соответствующих представлений.

Ярчайшим примером неразвитости правовых и государственных представлений, связанных с использованием геральдических изображений на Руси в конце XV в., служит редчайшая золотая монета Ивана III (*Спасский И.Г.*, 1962. С. 97, 98. Рис. 68). Будучи воспроизведением венгерской золотой монеты, она несет изображение венгерского гербового щита, который сопровождают русские надписи с именами и титулами великого князя и его сына.

Становление государственной эмблематики может датироваться по двум важнейшим памятникам – большой государственной печати Ивана III, на обеих сторонах которой представлены двуглавый орел и московский герб (*Соболева Н.А.*, 1981. С. 225–228, илл. 1) и большой государственной печати Ивана Грозного, датируемой в новейших работах 1577 г. (Там же. С. 18), на которой впервые представлены многочисленные областные эмблемы. Таким образом, русская геральдика не является в отличие от западноевропейской порождением эпохи феодальной раздробленности. Ее становление датируется эпохой создания русского централизованного государства.

Столь позднее формирование геральдики можно было бы связать с влиянием чужеземных традиций. Влияния в этом процессе, несомненно, сыграли свою роль, но существенно, что на печати 1577 г. наряду с ливонскими гербами, представленными, согласно западноевропейской традиции, на щите, русские эмблемы (за исключением московской на груди орла) представлены без щитов. Таким образом, русские территориальные эмблемы этого времени сознательно отличались оформлением от имеющихся на той же печати геральдических эмблем западноевропейского образца и не были простыми подражаниями. То, что их называют "печатями", позволяет видеть прообразы этих эмблем в сюжетах и композициях на печатях и монетах XIV–XV вв. Действительно, там мы видим и двуглавого орла, и всадника, и ряд зооморфных образов (которые на печати 1577 г. составляют бóльшую часть эмблем).

Наряду с образами монет и печатей, эмблематического значения не чужд и одновременный им зооморфный декор прикладного искусства. Об этом свидетельствует наличие двуглавых орлов в составе богатейшего набора звериных образов на резных посохах – регалиях Ивана III (*Чернецов А.В.*, 1986. Табл. 15, 19, 2). С одной стороны, и звериные образы этих посохов, и изображения на монетах и печатях XIV–XV вв. – явления, непосредственно предшествующие государственной и территориальной эмблематике Древней Руси, а с другой – во многом продолжают традиции символики звериных образов еще домонгольского времени. Об этом свидетельствует как набор образов, так и некоторые их характерные черты.

В древнерусском прикладном искусстве и эмблематике до середины XVI в. отсутствуют такие условные изображения, как звери и чудовища в коронах, с оружием, за исключением тех из них, которые представлены с человеческими головой или торсом. Между тем с середины XVI в. подобные образы широко входят в русскую эмблематику (*Иванов П.*, 1858. Табл. VI, 98; табл. XIV, 175, 178). Есть они и на печати 1577 г. Тогда же распространяются на Руси и нехарактерные для более раннего времени эмблемы в виде отдельных изображений оружия или регалий. Отметим, что изображения именно с этими чертами условности типичны для образов западноевропейской геральдики. Вероятно, именно в середине XVI в. в связи с ранним этапом становления геральдики на Руси изменяется отношение к изображениям животных и чудовищ. Это связано прежде всего с развитием феодальной эмблематики, о чем говорит использование печатей с изображениями гербовых щитов (*Иванов П.*, 1858. Табл. IV, 46; табл. VII, 123, 127; табл. 8, 54, 61).

Изображения животных с оружием или регалиями воспринимались как чисто символические, вполне условные. Отсутствие таких образов в древнерусском искусстве домонгольского времени, а также XIV–XV вв. и появление их в середине XVI в., очевидно, отражает переход к подобному их восприятию. До этого хронологического рубежа образы животных и чудовищ, по-видимому, имели, помимо символического значения, также и буквальное, как, например, изображения "тварей", считавшихся реально существующими. При этом художники избегали того, что им представлялось невозможным (оружие и регалии у животных).

Реальность существования тех или иных образов изобразительного искусства действительно занимала людей Древней Руси. Известно, что апокриф о Китоврасе осуждался отчасти потому, что он "не бывал на земли" (*Пыпин А.*, 1862. С. 27, 29, 52). Еще в XVII в. осуждались изображения "воображаемых" (т.е. воспринимающихся как фантастические, сказочные) животных (*Буслаев Ф.И.*, 1866. С. 23). В стихотворении того же времени при упоминании иппокентавра Карион Истомин оговаривается, что это "создано животно" (т.е. реально суще-

ствующее – *Тарабрин И.М.*, 1916. С. 285). Еще один текст XVII в. сообщает о реальности кентавра, изображавшегося в виде зодиакального Стрельца, но в то же время поясняет, что лука у него нет и быть не может (*Карпов А.П.*, 1877. С. 276).

Таким образом, одновременное со становлением на Руси геральдики распространение чисто условных образов животных и чудовищ, не имеющих антропоморфных черт, с оружием и регалиями можно связывать с разрушением более архаичной символики, основанной на использовании образов, реальность которых сомнению не подвергалась.

Помимо зооморфных изображений, в прикладном искусстве домонгольского времени светские сюжеты представлены также фигурами людей, многочисленными, в частности, на серебряных браслетах-обручах: это сцены пиров и празднеств – танцоров и танцовщиц, музыкантов, сцены винопития. По мнению Б.А. Рыбакова, эти изображения можно связывать с аграрными языческими праздниками – русалиями (*Рыбаков Б.А.*, 1967). Отметим, что сходные образы встречаются в книжном тералогическом орнаменте XIV в. В то же время ни на стенах соборов, ни на монетах и печатях, ни на посохах-регалиях конца XV в. таких изображений нет. Очевидно, официальная феодальная символика сознательно чуждалась подобных образов.

Глава 14

Русские вещи и мастера в Золотой Орде

Татаро-монгольское нашествие нанесло страшный урон культуре Руси. На длительное время, а местами и навсегда прекратилась жизнь многих цветущих прежде городов. Были почти утрачены навыки наиболее тонких и изощренных ремесел – перегородчатой эмали, белокаменной резьбы. Там, куда не дошли завоеватели, конечно, продолжалась разнообразная ремесленная деятельность, стесненная, однако, необходимостью выплаты дани и опасностью военных набегов. На завоеванных территориях население было частично уничтожено, частично разогнано, частично пленено. Пленных обращали в рабов и угоняли в степи, где их использовали на различных работах, в основном на строительстве городов складывающегося нового государства – Золотой Орды.

Раскопки золотоордынских городов, предпринятые в последние десятилетия, а также изучение старых музейных коллекций позволили к настоящему времени собрать значительное число вещей, принадлежавших когда-то русским, угнанным в Орду. Коллекция таких находок все время пополняется. Нанесенные на карты, они показывают, что практически во все центры золотоордынского государства попадали русские пленники, приносившие с собой как последнюю связь с родиной дешевые украшения, личные предметы православного культа, различные мелкие вещи. Эти находки становятся живым подтверждением свидетельств письменных источников – летописей, записок европейских путешественников и миссионеров, восточных купцов и географов о пребывании русских (в числе представителей прочих народов) в татаро-монгольских городах и поселках. Основная часть этих предметов сосредоточена на Волге – от ее среднего течения (территория Волжской Болгарии) до устья и в продолжение этого направления, на нижнем Дону, на Северном Кавказе. Здесь были сосредоточены основные города Золотой Орды, здесь пролегал один из главных торговых путей средневековой Восточной Европы – Волжский путь, по которому во второй половине XIII – начале XV в. шли с севера на юг (наравне с данью) партии рабов. Интересен в этом отношении и Крым.

Внимание к находкам русских вещей на территории Золотой Орды проявлялось еще с середины прошлого века, когда первые раскопки на Царевском городище (Новый Сарай, вторая столица Золотой Орды) проводил А.В. Терещенко. Судя по обилию древнерусских крестов А.В. Терещенко попал на русский квартал. Русским находкам – предметам христианского культа с территории Волжской Болгарии, в том числе и золотоордынского периода, – уделял внимание И.И. Срезневский (*Срезневский И.И.*, 1879). Позже, в начале XX в., в публикациях появились отдельные русские предметы, найденные в Увеке и других золотоордынских городах (*Спицын А.А.*, 1914; *Баллод Ф.В.*, 1923). Первую сводку таких находок дал в 1948 г. Б.А. Рыбаков. Исследователем было подчеркнуто их значение для изучения дальнейшей истории русского ремесла, исчезнувшего в разоренных завоевателями районах Руси: "Культура Киевской Руси, будучи раздавлена на своей родной почве влилась в монгольских ставках в культуру Золотой Орды" (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 532). Впоследствии эта сводка была пополнена результатами работ последних десятилетий и привлечением неопубликованных дневников А.В. Терещенко (*Полубояринова М.Д.*, 1978). С тех пор прибавилось еще несколько вещей из Астрахани, Азова, а также были собраны и обобщены аналогичные материалы по Волжской Болгарии (*Полубояринова М.Д.*, 1993).

В различных пунктах Волжской Болгарии зафиксировано много находок русских вещей, но часть их относится к домонгольскому времени. Связи Руси с восточным соседом – Волжской Болгарией – дипломатические, торговые, военные завязались еще на заре истории древнерусского государства. К этому периоду относится несколько высокохудожественных дорогих предметов прикладного искусства, они могли попасть в Болгарию с посольствами или как предметы торговли. В золотоордынское время состав находок более демократичен: это тот же круг вещей, который встречается по всей территории Золотой Орды.

Какие же предметы сопровождали русских пленников в их скитаниях и в постоянной жизни на поселениях Золотой Орды? Из числа вещей, не связанных с религией, особенно интересны находки двух железных писал с Водянского городища и с поселения Березовка по притоку Волги – р. Усе (табл. 120, *1*, *2*). Писала, свидетельствующие о грамотности населения, встречаются на Руси только в городских центрах; в сельских поселениях они не известны. Тем более интересны находки писал так далеко от русских городов. Писало с Березовского поселения (судя по резной лопаточке) датируется XII–XIII вв., а водянское, по аналогии с одним из новгородских писал, относится к XIV в. (*Медведев А.Ф.*, 1960. С. 78. Рис. 4, 4). На золотоордынских памятниках эти две находки единственные и принесены сюда, безусловно, русскими.

Довольно разнообразна серия женских украшений. В нижневолжских степях, в кургане у с. Русская Бундиевка (р. Терса, Саратовская область) было найдено серебряное семилопастное вятическое височное кольцо. Само кольцо датируется второй половиной XII – XIII в., а найдено в комплексе XIII–XIV вв. (*Максимов Е.К.*, 1964. С. 225). К русским древностям относится серебряное трехбусинное височное кольцо (табл. 120, *3*), найденное в русском жилище середины XIV в. в Болгаре (*Хлебникова Т.А.*, 1956. С. 144. Рис. 52, 1). На кольце сохранилось две бусины, полые круглые, склепанные из двух половинок. Шов закрыт проволочкой скани, узор тоже сканный – по четыре двойных кружка на каждом полушарии. Аналогичное золотое кольцо встречено в старо-

© М.Д. Полубояринова

рязанском кладе 1868 г. (*Гущин А.С.*, 1936. Табл. XXVII, 18). Обломок другого русского височного трехбусинного кольца, позолоченного, с двумя сохранившимися шаровидными напускными бусинами найден в этом же районе Болгара, в слое XIV в. Неподалеку была встречена литейная форма для отливки трехбусинных колец, которая датируется XIV в. (табл. 120, 7).

Болгарское городище и вся территория Волжской Болгарии дали также несколько медных литых щитковых перстней – одни с изображением руки (табл. 120, 8), другие – с солярным знаком в виде свастики (табл. 120, 6). Эти перстни особенно интересны тем, что полуфабрикаты таких изделий найдены в Новгороде, в комплексе ювелирной мастерской конца XIV – начала XV в. (*Рындина Н.В.*, 1963. С. 226, 241. Рис. 16). Перстни отлиты, по-видимому, в одних и тех же литейных формах. Из Новгорода они попали во многие города Руси и на Волгу. Последняя по времени находка перстня с изображением руки была сделана в Саратовском Поволжье вместе с русской керамикой и каменным крестом.

Из Новгородской земли происходит и бронзовая полая шумящая привеска в виде двухголового конька (табл. 120, 9), найденная в золотоордынском Азаке. Подобные украшения получили широкое распространение в XIII–XIV вв. главным образом в северных княжествах Руси. Производили их в Новгороде и на Новгородчине (*Седова М.В.*, 1981. С. 31. Рис. 9, 7). Еще три полые коньковые подвески новгородского происхождения найдены в Биляре. Оттуда же происходит так называемый "владимиро-суздальский петух" (табл. 120, 5) – плоская ажурная привеска. Центр производства этого украшения исследователи помещают во Владимирской Руси (*Рябинин Е.А.*, 1981. С. 18).

В последние годы в связи с развернутыми археологическими исследованиями и наблюдениями в г. Азове там найдено еще несколько интересных предметов, которые, вероятно, занесли сюда русские. Большую художественную ценность представляет костяная нашивная пластина с изображением "русалки", пьющей из рога (*Чалый В.В., Фомичев Н.М.*, 1985. С. 262, 263. Рис. 1; Табл. 120, 4). На двух бляшках такой же формы из Новгорода тоже изображены "русалки", пьющие из рога. Они найдены в слоях второй половины XIII в. (Древний Новгород. Прикладное искусство, археология, 1985. Илл. 158, 163). Особенно близка азовской по композиции и отдельным деталям накладка из Новгорода, найденная в обломке, на котором сохранилась передняя часть фигуры. Теперь, после находки почти целого экземпляра в Азове, стало ясно, что на этих бляшках изображены не русалки, а сказочное крылатое и змееногое существо с головой и торсом человека (вероятно, женщины), обитающее скорее в воздушной, чем в водной стихии. Пластины подобной формы с изображениями фантастических животных встречены пока только в Новгороде, так что в золотоордынский город пластина попала, вероятно, с новгородцем. Такими накладками могли украшать кожаные сумки или луки седел.

В Золотой Орде найдена большая серия предметов православного культа, которые могли принадлежать только русским; в основном это скромные дешевые вещи, широко распространенные на Руси.

Каменные кресты-тельники (табл. 121, 5), сделанные из черного или серого сланца, найдены в Новом Сарае, на Терновском городище, на поселении Березовка, на многих поселениях Волжской Болгарии. На Руси подобные кресты датируются XII–XIII вв. Во Владимире раскопана недавно мастерская, где изготовляли такие кресты (*Седова М.В.*, 1993. С. 92).

Более разнообразны по форме медные и бронзовые кресты. Их насчитывается несколько типов. С криновидными концами (табл. 121, *15*) найдены в Болгаре, на Водянском городище в Увеке и на других памятниках Среднего и Нижнего Поволжья. Дата их бытования на Руси – XIV–XV вв. (*Седова М.В.*, 1981. С. 54. Рис. 16, 8, 13). Кресты с полушарными выпуклостями на концах и ромбом в средокрестии найдены в Болгаре и на Водянском городище. Дата таких крестов на Руси – XII–XIII вв. (*Ханенко Б.И.* и *В.Н.*, 1896. Табл. VI, 82).

Кресты с тонкими концами с перетяжками и плоским ромбом в средокрестии (табл. 121, *16*) найдены в Болгаре, на Водянском городище. В Новгороде подобный крест найден в слое 60–70-х годов XIII в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 75. Рис. 24, 18).

Крест с приостренными концами и массивным ушком (табл. 121, *17*) найден в Болгаре. В Новгороде точно такой крест датируется началом XIV в. (Там же. С. 54. Рис. 16, 2).

Крест с мелкими выпуклостями – "жемчужинками" – на концах и в средокрестии (табл. 121, *14*) найден на Водянском городище. Аналогичный известен в Белоозере (*Голубева Л.А.*, 1962. Рис. 12, 17, 18).

Крест с шариками на концах и полушарным углублением в средокрестии найден в Болгаре (табл. 121, *18*).

Крест с граненой петлей и утолщающимися к концам лопастями найден в Болгаре. В Новгороде похожий крест датируется 60–80-ми годами XIV в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 55. Рис. 16, 20).

Исследуемая территория дает и серию русских крестов-складней (энколпионов). Наиболее часто в Золотой Орде встречаются энколпионы одного типа – с погрудными изображениями святых в медальонах на концах, в центре, на лицевой стороне, небольшое Распятие, на обороте – закутанная в плащ Богоматерь (табл. 121, *12*). Этот тип энколпионов много раз встречен в русских городах; литейная форма для него найдена в Киеве, в слое татаро-монгольского погрома. Характерна обратная надпись на многих крестах: "Святая Богородица помогай", в которой есть ошибка. Эти кресты-энколпионы изготавливали в Киеве в первые десятилетия XIII в. и считали, видимо, особенно надежной защитой перед лицом надвигавшейся с востока опасности. Именно их во многих случаях брали с собой и хранили угнанные в разные поселения Золотой Орды русские люди. О находках таких энколпионов в Поволжье и на Северном Кавказе еще в 1948 г. писал Б.А. Рыбаков (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 525). Теперь к этим пунктам можно добавить Новый Сарай (сохранился обломок одного такого креста, не менее пяти были найдены при раскопках А.В. Терещенко, судя по его дневникам), поселение у с. Березовка, Биляр и другие болгарские поселения, Увек, Сарай, Азак, Маджары, поселение у пос. Уютное в Крыму. Видимо, к этому кругу находок примыкают и три экземпляра, найденные на одной усадьбе в Херсонесе

(*Якобсон А.Л.*, 1950. С. 35. Рис. 2, а, б). Таким образом, на территории Золотой Орды известно около 20 находок энколпионов этого типа. Не все они одинакового качества. На многих из них изображения очень неясны и надписи нечитаемы. Это, по-видимому, повторные отливки, сделанные по готовым изделиям. Поэтому трудно установить, все ли перечисленные энколпионы имели на оборотной стороне надпись с обращением к Богородице. Энколпионы такой же формы и с такими же изображениями, но без надписи встречаются в русских древностях. Судя по тождественности изображений, во всех деталях эти энколпионы также датируются началом XIII в. и изготовлены в тех же киевских мастерских.

Другие типы древнерусских энколпионов встречаются на золотоордынской территории единицами. Всего их, целых и обломков, найдено более 20 экземпляров. Часть их отлита в тех же формах, что и аналогичные, найденные в русских землях. Подавляющее большинство энколпионов датируется XII – началом XIII в., т.е. домонгольским временем, но есть экземпляры второй половины XIII – XV в. Особенно редкую находку представляет собой обломок энколпиона с эмалями (вторая половина XIII в.), обнаруженный в Болгаре (табл. 121, *2*). Складки других типов происходят из Нового Сарая, Увека, Бельджамена, Березовки, Азака, с Коктебельского городища в Крыму, а также из нескольких пунктов Северного Кавказа.

Довольно разнообразно представлены в Золотой Орде и различные русские нагрудные иконки – бронзовые, каменные, костяные, стеклянные. Стеклянная иконка – литик с изображением Богоматери с младенцем – нерусского происхождения. Судя по составу стекла (исследовалось Ю.Л. Щаповой) литик изготовлен в Византии или Венеции. На Руси миниатюрных стеклянных иконок этого происхождения, датируемых XIII в., найдено уже довольно много (*Гуревич Ф.Д.*, 1982. С. 178), поэтому надо полагать, что на Волгу (в Сарай) иконка попала с русскими. Другая стеклянная миниатюрная иконка со св. Николаем (табл. 121, *8*), русская по происхождению (с надписью), найдена на Водянском городище (*Полубояринова М.Д.*, 1978. С. 83. Рис. 18, 1).

Прекрасной работой отличается янтарная иконка, обломок которой найден на Камаевском городище (Иски-Казань) (*Фахрутдинов Р.Г.*, 1984. С. 97. Рис. 5). Из янтаря иконки вообще изготавливали очень редко. На искиказанской иконке изображены царь Константин и царица Елена, дата ее по изображению и надписи – XII–XIII вв.

Несколько каменных образков происходят из Увека, часть их определяется исследователями как продукция новгородских или московских мастеров – например, с сюжетом жен-мироносиц (*Николаева Т.В.*, 1968. С. 34). Привлекает внимание наивностью и индивидуальностью изображения каменная иконка со св. Николаем (*Полубояринова М.Д.*, 1978. С. 100. Рис. 30). Каменных образков из Болгара также известно несколько (табл. 101, *3, 6, 7, 11*); на них изображены два святителя (вторая половина XIII – XIV в.), святой Стефан (XIII–XIV), неизвестный святой воин (начало XIII в.). Последний образок изготовлен, видимо, в Киеве.

Руку одного мастера, безусловно, выдают маленький костяной образок со св. Николаем из Болгара (табл. 121, *4*) и каменный образок с таким же изображением из Белоозера (*Голубева Л.А.*, 1973а. С. 175, 177. Рис. 52, 2). Можно предположить, что владелец костяной иконки был жителем Белоозера, которое в XIV в. неоднократно разоряли новгородские ушкуйники. Летописи сообщают, что новгородцы захватывали пленных и продавали их в Болгаре.

Каменные, янтарные, костяные иконки – это продукция индивидуального производства, а металлические – серийного. Поэтому последние встречаются чаще. Бронзовые иконки, в том числе и складные, с различными изображениями встречены в нескольких пунктах – в Увеке, на Водянском городище, на II Коминтерновском селище (Волжская Болгария) (*Беговатов Е.А., Казаков Е.П.*, 1982. Рис. 2), в Болгаре, в Астрахани. Они датируются XIII–XV вв. Сюжеты их: Распятие, Иоанн Креститель из деисусной композиции, Никита, избивающий беса, конный Георгий, пеший Георгий, Богоматерь с младенцем на троне, святые. Две из этих находок являются производственным браком.

С жизнью русских в Орде связаны детали убранства православных церквей: части паникадила (табл. 121, *2, 3*), кадильница (табл. 121, *9*), детали лампадок. Подобные находки происходят из Болгара, с Водянского городища, из Увека.

Этот перечень находок свидетельствует о том, что в Орду в течение второй половины XIII – XIV в. попадало русское население. В большинстве своем это недорогие личные вещи, которые несли с собой пленники. Есть еще одна категория находок, которая связана с жизнью русских в золотоордынских поселениях – это древнерусская керамика. Эти сосуды могли изготавливать только на месте, используя местные глины и сооружая свои обжигательные печи или горны. Керамика, безошибочный этнический индикатор, помогает распознавать жилища русских среди пестрого многоязычного населения золотоордынских поселений. К настоящему времени русская керамика известна на ряде памятников – иногда в виде нескольких черепков или единичного сосуда (Увек, Новый Сарай, Сарай, ур. Мошаик в Астрахани, погребение в Волгограде, несколько поселений в Саратовском Заволжье, ряд поселений на территории Волжской Болгарии), иногда она составляет значительную долю в отдельных жилищах (Водянское городище, Наровчат, Болгар, Березовское поселение и несколько других поселений поблизости на р. Усе). По форме эта керамика с золотоордынских памятников не отличается от одновременной ей глиняной посуды на Руси. По тесту и обжигу она хуже: в тесте грубые примеси, черепок ломкий, трехслойный в изломе. Видно, что гончары не имели необходимых условий для выработки полноценной посуды (например, на Водянском городище). Керамика русских жителей Болгара более высокого качества (табл. 120, *10–12*). В керамическом комплексе Болгара выявлена группа сосудов, имеющая форму русских горшков, а по тесту и обжигу близких к болгарской керамике золотоордынского времени. Возможно, здесь налицо заимствование русскими мастерами технологических приемов болгарского гончарства.

Скопление русской керамики на некоторых поселениях Золотой Орды сосредоточены в отдельных жилищах, иногда она составляет 20–50% всего керамическо-

го комплекса. Обычно в таких жилищах находят и другие русские вещи – украшения, крестики, шиферные пряслица и т.д. Все вместе эти находки позволяют определить этническую принадлежность хозяев дома или землянки. На Водянском городище были раскопаны две полуземлянки, принадлежавшие русским. Они имеют подквадратную форму с выступом входа, но очень маленькие по размеру: 3×3 и 2,2×2,2 м, глубина около 1 м. Вокруг одной из них прослежены следы столбов, развал глины с отпечатками сгоревшей плетеной конструкции: вероятно, наземные части стены имели плетеный каркас, обмазанный глиной. Владельцы одного жилища были связаны с металлургическим производством – обслуживали находившуюся поблизости мастерскую по выплавке железа. Тесные, лишенные печей полуземлянки свидетельствуют о тяжелых бытовых условиях этих, по-видимому первых, поселенцев и строителей будущего большого города.

Водянское городище отождествляется с Бездежем, упоминаемым летописями и Бельджаменом, о котором говорят восточные источники (*Егоров В.Л.*, 1985. С. 109). Возможно, это именно тот поселок, который описывает Рубрук: "Новый поселок, который татары устроили из русских и сарацинов (волжских болгар. – *М.П.*), перевозящих послов, как направляющихся ко двору Бату, так и возвращающихся оттуда..." (Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, 1957. С. 118). Топографические наблюдения, а также выявленные русские и болгарские черты, отличающие этот золотоордынский памятник, подтверждают данное сопоставление. Некоторые наблюдения над топографией и стратиграфией Водянского городища позволяют сделать выводы о роли русского населения. Первоначально русские жили в центральной части, близко к Волге. Потом разросшийся татарский город вытеснил первых поселенцев на южную окраину. Позднее здесь же появилось кладбище, причем большинство захороненных, по определению антропологов, были славяне.

На Болгарском городище к настоящему времени исследовано пять наземных и девять земляночных и полуземляночных русских жилищ, относящихся к золотоордынскому времени. Пять углубленных в землю жилищ и одно наземное сосредоточены в заречной части города, вне городских укреплений. Несколько из них расположены вблизи друг от друга, образуя как бы поселок (*Хлебникова Т.А.*, 1956. С. 147). Землянки эти имеют большую площадь (16–21 м²) и более основательно построены, чем на Водянском городище, во многих сохранились печи. Наземные жилища – это деревянные дома площадью около 12 м² с подпольем и печами. На основной территории города жилища с русской керамикой и другими вещами разбросаны в гуще городских кварталов. Многие из них имеют следы ремесленных занятий хозяев – ювелирного, косторезного, металлургического (выплавка и обработка железа).

Известно, что на захваченных землях татаро-монголы отбирали из числа пленных различных мастеров и угоняли их с собой, чтобы обратить в рабство и заставить работать на себя. Об этом имеется сообщение в записках Плано Карпини – умного и наблюдательного человека, итальянского монаха, одного из основателей ордена францисканцев, посланного папой в 1245 г. в Орду, чтобы склонить ханов к католичеству. Он сообщает: "... они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники им платят от своего занятия" (Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, 1957. С. 58). Это в одинаковой степени относилось и к Руси, и к среднеазиатским государствам. Именно трудом и умением этих мастеров были построены в короткие сроки города Золотой Орды с их мощным ремеслом.

Под 1259 г. Ипатьевская летопись сообщает о бегстве из татарского плена к князю Даниилу Галицкому группы ремесленников разных специальностей – оружейников и ювелиров: "... и мастеръ всяции бѣжахоу ис Татаръ съдъльници и лоучници и туольници и коузницъ желѣзоу и мъди и среброу" (ПСРЛ. Т. II. С. 843).

Работать в Орде пленные ремесленники должны были сообразуясь со вкусами и потребностями своих хозяев, поэтому трудно выделить продукцию русских мастеров среди предметов золотоордынской материальной культуры. Плано Карпини встретил в Кара-Коруме русского ювелира Кузьму, работавшего на самого великого каана Гуюка и сделавшего для него трон и печать. Трон вызвал восхищение просвещенного итальянца (Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, 1957. С. 78). Другой католический миссионер – Рубрук, отправленный в Орду в 1253 г. французским королем Людовиком IX, также встретил в Кара-Коруме русского мастера – строителя домов (Там же. С. 143). Эти краткие свидетельства современников дают возможность проследить судьбы двух, быть может, самых удачливых русских ремесленников из тысяч, угнанных завоевателями. Других сведений о русских пленных мастерах в письменных источниках нет. Однако углубленное изучение древностей, в частности древнемонгольских городов, позволяет отыскать кое-какие их следы. Технологический анализ продукции кузнечного ремесла Кара-Корума и Хирхиры XIII в. позволил Н.Н. Терехової выделить железные предметы, близкие по технологии аналогичным русским, что привело ее к выводу о наличии среди кара-корумских кузнецов мастеров из Руси (*Терехова Н.Н.*, 1985. С. 76, 79).

Видимо, кое-кто из русских ремесленников сумел захватить с собой орудия своего производства. Находка русской каменной литейной формы – основного достояния ювелира – в золотоордынском городе Увеке это подтверждает (*Спицын А.А.*, 1914. С. 101). Форма эта предназначена для отливки звездчатого колта с имитацией декора сканью. Подобные колты в Новгороде датируются концом XII – началом XIII в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 20. Рис. 5, 10, 11). На Водянском городище была найдена двусторонняя каменная литейная форма для двух круглых подвесок с двойным ободком жемчужного орнамента по краю: с одной стороны, вырезана форма для подвески с так называемым "мальтийским крестом", вписанным в круг, с другой – для более крупной подвески с шестилепестковой розеткой в центре (табл. 120, *13*). Круглые подвески с такой орнаментацией встречаются в русских древностях XII–XIII вв. (*Полубояринова М.Д.*, 1978. С. 85, 86; *Седова М.В.*, 1981. С. 41. Рис. 14, 9, 12). Изображение креста на одной из подвесок говорит о принадлежности формы мастеру-христианину. На боко-

вой стороне формочки вырезана тамга в виде двух неполных стрелок. Возможно, это знак хозяина ремесленника, ибо такие тамги встречены на ручках золотоордынских кувшинов (*Полубояринова М.Д.*, 1980. Рис. 7, 21, 22). В Заречной части Болгарского городища, где найдено довольно много русских вещей, была обнаружена литейная форма, вероятно, принадлежавшая русскому мастеру. В ней отливали трехбусинные височные кольца. Дата находки – XIV в. (табл. 120, *7*).

О том, что русские мастера продолжали в Орде изготавливать привычную продукцию, говорят находки явно бракованных крестов и иконок. Так, на Водянском городище была найдена медная иконка с изображением Распятия со следами литейного брака в виде сквозного отверстия (табл. 121, *22*), а также обломок энколпиона, на котором не заглажены литейные заусеницы (табл. 121, *20*). Бракованные иконки с изображением св. Георгия, поражающего змея, и обломок энколпиона киевского типа с обращением к Богородице происходят из Увека (табл. 121, *19*). Обе эти вещи имеют литейные заусеницы и отверстия. Нечеткие изображения говорят о повторных отливках, при которых форма изготавливается из глины путем оттиска в ней готового изделия. Таким способом пользовались иногда на Руси, но найденные в Орде предметы (судя по их недоработанности) были изготовлены в Орде.

Как характеристика работы русских мастеров, живших в Орде, интересна иконка с изображением св. Георгия, найденная в Астрахани, в урочище Мошаик, где встречается и русская керамика XIII–XIV вв. На этой литой медной иконке высоким рельефом дана фигура пешего святого-воина в рост, с копьем и мечом, без нимба. По сторонам от головы святого надпись:

О ГОС
А ГЄ
ОР

Изображение выполнено старательно, судя по множеству орнаментальных деталей, но не умело. Фигура непропорциональна. При всей традиционности для древнерусской мелкой пластики и каноничности позы, одеяния и вооружения святого-воина обращают на себя внимание монголоидные черты лица – широкие скулы, сужающиеся к вискам глаза, широкий плоский нос. Эта особенность в сочетании с датой иконки (XIV в.) и с местом ее находки заставляет предположить, что вещь сделана в Орде русским мастером и для русских покупателей. Н.Г. Порфиридовым опубликована другая иконка с пешим Георгием (из Русского музея), которая, по мнению автора публикации, также отличается монголоидным типом лица, общим невысоким художественным уровнем. Дата близка – середина XIII в. По-видимому, это вещи одного круга – продукция русских мастеров в Орде.

Письменные источники, сведенные воедино, дают яркую картину существования в Орде пленных русских, в том числе ремесленников. Археологические находки, пополняющиеся с каждым полевым сезоном, позволяют очертить ту огромную территорию, по которой были рассеяны русские пленники, понять их роль в сложении синкретической культуры Золотой Орды, способы и возможности занятий ремеслами.

Глава 15

Наследие домонгольской Руси в ремесле XIV–XV веков

Монгольское нашествие, разорившее Русь и ее города - средоточие древней культуры народа, нанесло ремеслу невосполнимые потери. Столь же негативно отразились на нем громадные людские потери, пленение оставшихся в живых ремесленников – носителей технических навыков. Больше всего пострадало городское ремесло, лишившееся налаженной системы торговых связей (*Рыбаков Б.А.*, 1947. С. 525; Археология СССР. Город. Замок. Село. 1985. с. 244).

Важнейшей государственной задачей Руси XIV–XV вв. было возрождение традиций древнего ремесла, достигшего к середине XIII в. высочайшего уровня.

Основная тяжесть сохранения ремесленных традиций легла на население городов, не знавших нашествия, – Новгорода, Пскова, Смоленска. Хранили сведения о технических навыках и сами ремесленные изделия. Разоренная экономика восстанавливалась различными темпами в древних городах северо-востока, и таких, как Тверь, подмосковные молодые города и сама Москва. Так, во Владимире, Суздале, Муроме, Ростове слой второй половины XIII – XIV в. почти неуловим, тогда как в городах второй группы он хорошо фиксируется. О медленном, но упорном подъеме экономики свидетельствуют многие факты: к XIII – началу XIV в. относится рост московских посадов, а к 80-м годам XIII в. – начало каменного строительства в Московском кремле; к концу XIII в. – качественный перелом в гончарном производстве (*Розенфельдт Р.Л.*, 1968. С. 9, 11); к середине XIV в. -появление домниц с двумя печами. В то же время такие события, как битвы 60-х годов XIV в., в частности битва 1378 г. на р. Воже, демонстрируют переход от пассивной обороны к наступлению на захватчиков, венцом которого была Куликовская битва. Ее успеху способствовало активное развитие экономики, что, в свою очередь, обеспечивало мощь армии. Все это говорит о том, что начало подъема экономики относится к рубежу XIII–XIV вв. – первой половине XIV в. К середине XIV в. судя, в частности по успехам военных действий, экономика была восстановлена.

Дальнейшее развитие ремесла в XIV–XV вв. характеризуется возрождением многих домонгольских традиций, своеобразной преемственностью сменивших друг друга эпох. Механизм ее сложен и многообразен. Преемственность улавливается в состоянии источников сырья, основных технологических традициях, инструментарии, ассортименте изделий. Сырьевая база XIV–XV вв., как правило, наследовалась от домонгольского времени, с постепенным ее расширением. Эпоха XIV–XV вв. восприняла не только основные схемы технологических традиций, но и главную черту ремесла – постоянный поиск самого рационального пути производства. Что касается ассортимента продукции, то во всех ремеслах можно найти изделия, которые, достигнув в домонгольское время конструктивного совершенства, в XIV–XV вв. производятся без изменений.

Традиционной материальной базой железообрабатывающего ремесла на Руси, сохраненной до XIV–XV вв., издавна являлись бурый железняк, болотная, т.е. мутовая, руда и озерная руда, распространенные по всей территории государства (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 124). Наиболее изучены такие железообрабатывающие области, как Водская пятина, побережье Финского залива, Белозерский край, Устюжна Железнопольская, округа Тихвина и Олонца. Археологический материал подтверждает дату начала разработок железной руды в некоторых из этих районов – XII–XIII вв. (*Колчин Б.А.*, 1949. С. 200; 1969. С. 161).

До XIV–XV вв. в железообработке сохранилась своеобразная расстановка производительных сил внутри самой отрасли: металлургический процесс, требующий, кроме легко доступных залежей болотных руд, изобилия леса, необходимого для пережога на уголь, уже в домонгольское время был связан с деревней. На долю городских мастеров приходилась специальная кузнечная ковка. Объективным показателем успехов древнерусских металлургов является чистота шлаковых включений в древнерусский металл, не уступавший сварочному железу XIX в. (*Колчин Б.А.*, 1953. С. 48).

Получение железа путем сыродутного процесса сохранялось русскими ремесленниками с домонгольских времен до XVII в. Древнерусская домница – стационарное сооружение – до второй половины XIV в. состояла из одной печи. Во второй половине XIV в. появились домницы с двумя печами. С X по XVI в. воздуходувное устройство для получения высоких температур в печи оставалось неизменным. Пара огнеупорных домниц – хорошо известная археологическая находка. Конструкции их сопел и размеры их каналов (диаметр от 22 до 25 см) с X по XVI в. не менялись. Вес железной крицы (продукта варки и первичной перековки) в XIV–XV вв. остался тем же, что и в домонгольское время (*Колчин Б.А.*, 1969. С. 162).

Процесс обработки железа XIV–XV вв. сохранил все разнообразие технологических приемов домонгольского времени. Среди них: ковка, штамповка, резание металла, сварка, цементация железа и стали, пайка железа и стали, покрытие и инкрустация изделий цветными и благородными металлами.

Набор инструментов древнерусской кузницы XIV–XV вв. мало чем отличался от такового кузниц домонгольского времени, а кроме того, имел много общего с набором XVIII–XIX вв. (*Колчин Б.А.*, 1949. С. 206), что свидетельствует о рациональности и устойчивости технологических решений всех этапов обработки железа. Среди инструментов XIV–XV вв. – наковальня, кузнечные клещи, бородки, гвоздильня, напильники (Там же. С. 205–206; *Никитин А.В.*, 1971. С. 39).

По археологическим материалам известны более 150

© Д.А. Беленькая

видов изделий из железа и стали (*Колчин Б.А.*, 1953. С. 18), среди них орудия земледелия, инструмент ремесленника и предметы вооружения. Основная масса изделий из железа XIV–XV вв. традиционно функциональна, однако ту или иную степень этой традиционности можно проследить на трех группах изделий. 1. Изделия, уже в домонгольское время достигшие конструктивного совершенства, такие, как гвозди сапожные и подковные, кочедыки, скобели. 2. Изделия, существовавшие в домонгольское время и усовершенствованные в XIV–XV вв. в связи с растущими требованиями производства на широкий рынок, в частности ножи и замки. Так, в XIV–XV вв. ножи продолжали производить по технологической схеме домонгольского времени, т.е. с торцевой наваркой на лезвие, но судя по материалам Звенигорода (*Юшко А.А., Хомутова Л.С.*, 1981. С. 119), в этот период преобладала новая технологическая схема изготовления цельностальных ножей, что явно связано с упрощением процесса производства.

В XIV–XV вв. развитие традиционной конструкции замка шло, напротив, по линии усложнения запирающего устройства, а значит по линии усложнения формы ключа.

Третья группа изделий из железа и стали – предметы вооружения. Их производство зависело от смены систем ведения боя и обеспечивалось самыми передовыми приемами обработки черного металла (*Колчин Б.А.*, 1949. С. 203). Вместе с тем в русской военной практике, как показал исход Куликовской битвы, стойко держались определенного набора оружия и некоторых приемов владения им, унаследованных от домонгольского времени (*Кирпичников А.Н.*, 1976. С. 19). В изделиях оружейников прослеживается связь с домонгольским ремеслом.

Так, из оружия первого натиска (начиная с XI в. и до 60-х годов XV в.) использовалось копье, имевшее с XIV в. довольно единообразную форму (Там же. С. 19). Лавролистная форма самого крупного и мощного из древнерусских копий – рогатины – почти не менялась с XII по XVII в. В XVII в. (судя по московской переписи 1638 г.) рогатина была самым распространенным оружием посадского населения. В XIV–XV вв., как и в XII в., популярно и другое оружие пехотинца – боевой топор, необходимый в связи с усовершенствованием бронированного доспеха.

Из клинкового оружия на Руси XIV–XV вв. распространены известные с домонгольского времени меч и наследие кочевников – сабля. Сабля, несколько видоизмененная, бытовала в основном в южнорусских городах. Постепенно, в результате постоянного военного давления со стороны Золотой Орды, сабля распространилась и в более северные районы. Форма меча во второй половине XIII–XV вв. существенно не менялась, оставаясь традиционной.

Пластинчатые доспехи существовали на Руси с IX–X до конца XV в. С середины XIII в. преобладали, видимо, известные русским оружейникам уже с XII в. гибкие чешуйчатые доспехи. В XII в. пластинчатые доспехи потеснили древнерусскую кольчугу. Однако кольчатые доспехи изготовляли до середины XVII в., и с 70-х годов XV в. источники называют кольчатую рубашку "панцырем". В отличие от кольчуги у панцыря плоские кольца, их клепали "на гвоздь". Подобные кольца были известны русским оружейникам уже в начале XIII в. (*Кирпичников А.Н.*, 1976. С. 40–42).

Важную функцию в обороне воина XIV–XV вв. выполнял щит. Щиты этого периода были круглыми, самые древние типы щита, почти забытые уже в XII в., - миндалевидными, сердцевидными, прямоугольными.

Главным источником сведений о древнерусском ювелирном ремесле издавна являлись музейные коллекции и многочисленные ювелирные изделия из городских слоев и курганных комплексов. В XIII–XV вв. из украшений, составлявших металлический убор XII в., продолжали бытовать около четырех десятков типов изделий. Обнаруженные в новгородском слое ремесленные комплексы позволили восстановить набор инструментов мастера-ювелира и перечень известных ему технологических приемов (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 200–268). Немаловажную роль в изучении древнерусского ювелирного ремесла играют исследования сплавов, проведенные пока только на новгородском материале. Судя по результатам анализов, переломным временем в сложении новой традиции изготовления сплавов явился конец XII в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 5).

Технология ювелирного дела XIII–XV вв. мало чем отличалась от технологии домонгольского времени. Основные приемы – ковка, литье, чеканка, прокатка, гравировка, штамповка, волочение, скань, чернь, редкоэмаль, наведение золотом, инкрустация – те же, равно как и набор инструментов: простые и фигурные наковальни, молотки простые и фигурные, костяные клинки для выколоток, чеканы, клещи, кусачки, пинцеты, зубила, сверла, зажимы, бородки, ножницы по металлу, штампы, паяльники, резцы, напильники, волочильные доски.

Ассортимент изделий русских ювелиров XIII–XIV вв. существенно не изменился: он был связан с традиционным металлическим убором, сложившимся под влиянием княжеско-боярского костюма XII в. Богатство и разнообразие украшений, входивших в этот убор, непосредственная связь их с языческими представлениями - все это по-своему способствовало их стабильности. Так, долгое существование некоторых видов украшений, например монетовидных привесок, объясняется живучестью языческого мировоззрения народа и в эпоху христианства.

Первые объективные источники сведений о типах украшений, бытовавших к середине XIII в. и сохранивших преемственность с украшениями прежних веков, - это летописи и новгородские берестяные грамоты. Среди этих украшений – перстень (известен с XI в.), кольцо (с XII в.), гривна (с XII в.), монисто (с XII в.), ожерелье и др. (*Седова М.В.*, 1981. С. 6, 7).

По археологическим материалам из деталей головного убора XIII–XV вв. известны перстневидные височные кольца, характерные в основном для памятников северной Руси X–XIII вв., а в Новгороде найденные в слоях X–XV вв.; ромбощитковые височные кольца, бытовавшие в Новгородской земле с начала XI до XIV в. (*Левашова В.П.*, 1967. С. 21, 24; *Седова М.В.*, 1981. С. 9, 13). Самой поздней формой ромбощитковых колец (XIII–XIV) является так называемый втульчатый тип. Многобусинные височные кольца, характерные для па-

мятников XI–XIV вв. на территории северо-западной части Новгородской земли (*Левашова В.П.*, 1967. С. 19, 25). В Новгороде подобные височные кольца встречены в слоях конца XIII – начала XV в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 14).

До XIV в. в Новгороде существовало производство колтов, форма и изображения на которых повторяли форму и изображения киевских колтов. Один из обнаруженных в новгородском слое начала XIV в. звездчатый колт близок по форме золотому киевскому колту, найденному в 1876 г. вблизи Десятинной церкви. Три колта округлой формы с зигзагообразной ажурной каймой из слоя Новгорода, датируемого началом 80-х годов XIII в., близки изображению колтов на литейной форме, обнаруженной также у Десятинной церкви (Там же. С. 20).

Самым распространенным украшением женского костюма X–XV вв. являлись разнообразные привески, среди которых особое место занимали круглые привески, служившие не только украшениями, но и амулетами-оберегами, связанными с языческими представлениями о солнце. Наибольшее количество привесок в женском костюме относится к XII в. В XIII в. и особенно в XIV в. количество подобных украшений в металлическом уборе женщин заметно сократилось. Из круглых привесок в XIII в. бытовали так называемые монетовидные и прорезные. Широко распространенные на памятниках северо-западной и северо-восточной Руси, монетовидные привески двух типов – гладкие и орнаментированные – хорошо известны по курганному инвентарю XI–XIII вв. Гладкие монетовидные привески встречаются в пределах Московского и восточных районов Смоленской области (*Успенская А.В.*, 1967. С. 110, 111). Ареал привесок с орнаментом на лицевой стороне включает не только северо-запад и северо-восток, но и юго-запад и юг Руси. Самая поздняя группа подобных привесок относится к XII–XIII вв. Постепенно языческие символы вытеснили символы христианские. Среди новых изображений на лицевой стороне орнаментированных привесок – процветший крест, святые. Привески с подобными изображениями найдены в Новгороде, в слоях XIII–XIV вв. (*Седова М.В.*, 1981. С. 41, 42).

К самому древнему типу круглых привесок – прорезным – относится группа косо- и пряморешетчатых привесок, бытовавших в XII–XIII вв. на северо-западе и северо-востоке Руси, однако максимальное число находок приходится на северо-запад, на Новгородскую, Ленинградскую и Псковскую области (*Успенская А.В.*, 1967. С. 108). Косорешетчатые привески в Новгороде найдены в слоях последней четверти XII – середины XIV в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 42).

Особую группу привесок, символизирующих степень приверженности язычеству финно-угорских племен, составляют полые шумящие привески – коньки, уточки. Они появились в конце XII в. и были наиболее распространены в XIII–XIV вв.

В археологических коллекциях XII–XV вв. определенное место занимают меднолитые кресты-тельники, которые носили на груди под одеждою, и энколпионы; их носили поверх одежды, они служили хранилищами мощей. Из бытовавших в XIII–XV вв. двадцати форм тельников четыре формы унаследованы от домонгольского времени, при этом три из них найдены в слоях XIV–XV вв. лишь в Новгороде. Один из этих крестов, с прямоугольным средокрестием и прямыми концами, украшенный орнаментом из ложной зерни, расположенным в виде треугольников на лопастях креста, обнаружен в новгородском слое 40–60-х годов XIV в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 54. Рис. 16, 17). Близкой аналогией новгородскому кресту являются очертания креста одной из серенских литейных формочек, крест из Старой Рязани и изображение креста на литейной форме из Белоозера (*Никольская Т.Н.*, 1971. Рис. 24, 7; *Розенфельдт Р.Л.*, 1974. С. 185; *Голубева Л.А.*, 1973а. Рис. 50, 7). Происхождение формы креста, возможно, связано с каменными крестами – "корсунчиками", имеющими на концах орнаментированные золотые и серебряные обкладки.

В слоях XIV в. Новгорода и Дмитрова были обнаружены кресты с острыми углами средокрестий и слегка расширяющимися концами лопастей (*Седова М.В.*, 1981. С. 55; *Никитин А.В.*, 1971. С. 282). Кресты аналогичной формы найдены в подмосковном курганном комплексе второй половины XII в. и в слое XII–XIII вв. г. Перемышля Московского (*Беленькая Д.А.*, 1976. С. 93). Среди русских древностей XII–XV вв. часто встречаются кресты с полуовальным средокрестием, криновидными концами и ромбом в средокрестии. Они известны по киевским коллекциям, по материалам владимирских курганов, встречены в слое Серенска, Старой Рязани, в курганах Подмосковья. В слоях XIV–XV вв. подобные кресты найдены на территории Суздаля, Новгорода, Москвы, Городца на Волге, Торжка, Старицы (*Седова М.В.*, 1981. С. 51; *Даркевич В.П.*, 1981. С. 224; *Розенфельдт Р.Д.*, 1974. С. 185. Рис. 2, 10; *Шеляпина Н.С.*, 1967–1968. С. 94; *Романченко Н.Ф.*, 1928. Рис. 2, 3, 4).

Третьей формой крестов, известных с домонгольского времени, является крест с ромбом в средокрестии и круглыми утолщениями на концах. В слоях домонгольского времени подобные кресты встречены в Серенске и Ярополче Залесском (*Никольская Т.Н.*, 1981. С. 237; *Седова М.В.*, 1978. С. 119). В Новгороде подобный крест обнаружен в слое рубежа XIII–XIV вв. Кроме того, на Кировском раскопе, в слое XIV в., найдена литейная форма для производства аналогичных крестов.

Четвертая форма тельника – это четырехконечный крест с несколько расширяющимися лопастями, на средокрестии – квадрат, углы которого украшены шариками зерни. Зернь украшает и концы лопастей. Крест найден в Новгороде в слое 60–80-х годов XIII в. и близок тельнику XII–XIII вв., распространенному на территории Древней Руси.

Медные энколпионы XIII–XV вв. – совершенно особая группа мелкого литья, в которой значительно сложнее и своеобразнее, чем в крестах-тельниках, преломилось домонгольское наследие. Мастера, делавшие эти энколпионы, не повторяли домонгольские образцы, а скорее, творчески развивали формы, созданные в более раннее время.

Хронологически обособленную группу (XIII–XIV) представляют энколпионы, отлитые в глиняной форме-оттиске с киевского энколпиона начала XIII в. Не подвергая изменениям рельеф образца, постоянно подправляя надписи, мастера-литейщики изготовляли энколпионы, которые с прототипом, известным надписью с

ошибками, роднила лишь скульптурная часть, постепенно утратившая тонкие линии и мелкие детали рельефа.

К способу копирования готовых медных изделий с помощью глиняного оттиска русские литейщики вернулись в XV–XVI вв., дабы удовлетворить растущий спрос на эти изделия. Оригиналами стали служить пять форм вновь созданных энколпионов конца XIV – первой половины XV в. У всех пяти форм были прямые или косвенные прототипы в домонгольском ремесле. Так, форма энколпиона первого типа (середина XIV в.) – квадрифолий, имеет среди домонгольских изделий немало аналогий (*Седова М.В.*, 1981. Рис. 49, 27; 52, 1). Форма энколпиона второго типа – двенадцатиконечного креста с квадратом в средокрестии и вертикальными перекладинами на концах, датируемого последней четвертью XV в., – имеет аналогии среди домонгольских тельников (*Беленькая Д.А.*, 1976. С. 90. Рис. 1, 4). Энколпион самой популярной для конца XIV–XV вв. формы – четырехконечный с полуовалами средокрестий и медальонами на концах – прямое продолжение распространенной в домонгольское время формы креста-мощевика с прямыми углами средокрестия и четырьмя клеймами-медальонами, который, охотно копировали в XIII–XIV вв.

Тесно связана с домонгольским временем и четвертая форма энколпиона, датируемая серединой или первой половиной XV в., – четырехконечный крест со слегка расширяющимися концами. Кресты-тельники аналогичной формы известны по курганным комплексам первой половины XII в. (Там же. С. 91).

Есть аналогии в раннем материале и пятой форме энколпионов – кресту с прямоугольным средокрестием и прямыми концами лопастей креста.

Несмотря на господство христианства, среди привесок металлического убора XIII–XIV вв. подчас находят амулеты-змеевики – свидетельства двоеверия, сосуществования христианских и языческих верований. На лицевой стороне змеевика изображали христианские символы, на оборотной – "змеиное гнездо" и надпись-заклинание от болезней и лихорадок. Судя по новгородским находкам змеевики бытовали с XII по XIV в.

В курганных комплексах северо-западных земель Руси находят кольцевидные пластинчатые и кольцевидные круглопроволочные фибулы. Пластинчатые бытовали в XIII–XIV вв., в Новгороде они обнаружены в слоях середины XII – конца XIV в. (*Мальм В.А.*, 1967. С. 170). Круглопроволочные фибулы в курганном материале встречаются с XI в., они бытовали в XIII–XIV вв. В Новгороде подобные фибулы обнаружены в слоях конца XII – середины XIV в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 89, 92).

До XIII–XIV вв. дожили витые петлеконечные тройные браслеты (*Левашова В.П.*, 1967. С. 248), витые с суживающимися концами; плетеные щитковоконечные известны лишь в новгородском слое XIII в. (*Седова М.В.*, 1981. С. 192); браслеты в виде стержня с обмоткой, найдены в новгородском слое конца XI – конца XIII в. (Там же. С. 100). Пластинчатые тупоконечные браслеты продолжали бытовать в XII–XIV вв., пластинчатые, овальноконечные – в XII–XIII вв., узкопластинчатые гладкие – в XII–XIII вв., створчатые – в XII–XIV вв.

По мнению исследователей, уже в XIII в. разнообразие набора перстней, входивших в металлический убор, заметно сократилось. До XIII–XIV вв. дожили широкосрединные перстни с замкнутыми концами (известны с XI в.), ложновитые, печатные (известны в Новгороде с X в.) и перстни со щитками и вставками.

В гончарстве XIV–XV вв. тоже отчетливо просматриваются технологические традиции домонгольского времени. Во второй половине XIII–XIV в., как и прежде, эксплуатировались древние залежи глины ("глинища"). Развивавшаяся топография древнерусских городов меняла со временем "дислокацию" залежей, что хорошо видно на примере Москвы. Здесь самые ранние "глинища" размещались, видимо, на востоке нагорной части Великого посада (*Розенфельдт Р.Л.*, 1968. С. 10). Именно отсюда брали гончары красножгущуюся глину для посуды XII–XIII вв. Территория "глинища" Великого посада была последним небольшим пустующим участком, освоенным под усадьбы лишь в конце XV в. (*Беленькая Д.А.*, 1972. С. 22). Раскопками на территории Зарядья в его восточной части (усадьба Романовых) обнаружены два, по мнению исследователей, гончарных горна из маломерного кирпича. Таким образом, самые древние в центре города глиняные залежи, видимо, использовали до конца XV в. Более поздние разработки (судя по размещению на территории Москвы топонима "глинище") находились дальше от центра. Так, к югу от ул. Маросейка, в Спасо-Глинищевском переулке, еще в XVIII в. был карьер. На территории московского Белого города в Козицком переулке в XVI–XVII вв. "брали" глину. Здесь размещалась церковь св. Алексея на Глинище, в Белом городе – церковь Преображения Господня на Глинище (*Розенфельдт Р.Л.*, 1968. С. 10).

Отличия и общее в гончарстве двух эпох хорошо видны на примере изменений горнов и самой керамики XIV–XV вв. Гончарные горны этого времени обнаружены в Москве (*Мальм В.А.*, 1949. С. 44), Рузе (*Голубева Л.А.*, 1953. С. 100–161), Владимире (*Седов В.В.*, 1958. С. 78–83), Болгарах (*Акчурина З.А.*, 1950. С. 69–74). Все они, как и горны домонгольского времени, круглые в плане, сложены из кирпича-сырца и глины, двухъярусные с опорой под обжигательной камерой. Объем их увеличился, диаметр пода вырос до двух и более метров. В новых горнах можно было не только получать температуру не 600°, а 800–900°, но и обжигать одновременно не два десятка, а более сотни горшков.

Эволюция самой керамики отражает существенные перемены, произошедшие уже к концу XIII в. (*Розенфельдт Р.Л.*, 1968. С. 9) в Москве и некоторых других городах северо-восточной Руси. Именно в это время появилась так называемая "красная", "краснолощеная" и поливная керамика, продолжившая домонгольские традиции глазурования. Количество плохо обожженной керамики (как правило, поддающейся в слоях второй половины XII–XIV вв. учету и сравнению) постепенно сокращалось.

На формах глиняных изделий древние традиции сказывались на протяжении нескольких веков. В XIV–XV вв., кроме "красной" и "краснолощеной", появилась белоглиняная, чернолощеная, ангобированная посуда. Среди белоглиняной керамики находят много подсвечников, форма которых – развитие формы домонгольского киевского подсвечника. Форма сосудов первой и

второй половины XIII в. почти неразличима, в частности в Москве. Последнее убедительнее всего свидетельствует о непрерывности развития гончарного производства на протяжении всего XIII в.

На фоне исчезнувшего, свойственного домонгольскому времени разнобоя в форме венчиков горшков бросается в глаза живучесть одной из форм: край венчика имеет мягкие овальные очертания и завернут внутрь. В первой половине XIII в. в московском материале подобный венчик составляет около 50% от общего числа находок. Под завернутым краем венчика размещается небольшая канавка. Подобные венчики встречаются в Москве в XII–XIII вв. и в XV–XVI вв. (*Розенфельдт Р.Л.*, 1968. С. 15). Меняется лишь угол, под которым край венчика вылеплен к тулову горшка, сам же принцип завертывания венчика неизменен. Встречаются подобные венчики в поздних слоях и других городов (*Кильдюшевский В.И.*, 1981. С. 115). Долговечность этой формы венчика объясняется, скорее всего, удобством конструкции, своего рода конструктивным совершенством.

Гончарное дело послемонгольского периода Руси целиком базировалось на ранних традициях. Последнее касается и сырья, и технологии, и форм массовой продукции.

Все сказанное позволяет отметить, что степень преемственности в разных отраслях различна. Так, гончарное ремесло было более консервативным, более традиционным по сути, чем обработка черного металла. Но и в последнем ремесле быстрее всего менялась технология и инструментарий, особенно в производстве оружия.

Характерным для XIV–XV вв. являлось новое размещение основных производственных центров, таких, как Псков, Новгород, Смоленск, Тверь, Москва и молодые подмосковные города. Благодаря именно им производственная база, созданная на Руси к середине XIII в., пережила нашествие, сумев сохранить свои главные достижения.

Заключение

Собранные в этом томе исследования проливают свет на решение ряда важных исторических проблем. Прежде всего, это проблема социальной организации древнерусского ремесла, занимающая историков уже более ста лет. Письменные источники дают мало сведений по этому вопросу, археологические рассматриваются под этим углом зрения недостаточно широко.

Самые подробные разработки социальных отношений на материалах древнерусского ремесла принадлежат М.Н. Тихомирову и Б.А. Рыбакову. Проанализировав все имеющиеся письменные источники, М.Н. Тихомиров высказал твердое мнение, что ремесленное население начало объединяться в корпорации уже в эпоху Киевской Руси (*Тихомиров М.Н.*, 1946. С. 37). Фундаментальная разработка археологических материалов, известных к 40-м годам нашего века, привела Б.А. Рыбакова к аналогичному выводу (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 767).

Эта точка зрения имеет давнюю традицию. Первым ее убежденным сторонником был В. Лешков, видевший подтверждение ей в свойствах самих ремесел (*Лешков В.*, 1958. С. 361). Серьезные исследования ремесла Московской Руси позволили М.В. Довнар-Запольскому и Т.П. Ефименко заметить в нем следы старой бытовой организации, действовавшей с давних времен (*Довнар-Запольский М.В.*, 1910. С. 137, 144; *Ефименко Т.П.*, 1914. С. 116–131).

Однако, несмотря на длительность разработки вопроса организации древнерусского ремесла и на серьезность приводимых авторами аргументов в пользу бытования на Руси ремесленных корпораций, их выводы разделяют далеко не все. Это в значительной степени объясняется тем, что проблема ремесленных объединений и их следов на Руси часто подменяется вопросом о существовании здесь цехов, аналогичных западным. Не находя таковых, приходят к выводу, что профессиональных корпораций в ремесле Руси не было вообще (*Подвигина Н.Л.*, 1976. С. 87–93).

Между тем подобная постановка вопроса совершенно неправомерна. Отсутствие на Руси аналога западноевропейскому цеху вовсе не снимает вопроса о формах организации древнерусского ремесла. Все исследователи социальной структуры ремесла стран Закавказья, Средней Азии или Византии, отмечают своеобразие форм его организации. Да и В.В. Стоклицкая-Терешкович в работе, посвященной цехам средневековой Европы, видела в Московской Руси XVII в. организации, обладавшие только некоторыми чертами западноевропейского цеха (*Стоклицкая-Терешкович В.В.*, 1951. С. 81).

Более серьезную пищу для сомнений скептикам дают раскопки в Новгороде: открытые археологами ремесленные мастерские обычно располагаются на феодальных усадьбах. Отсюда делается вывод: ремесло в Новгороде было по преимуществу вотчинным, а его эксплуатация составляла важный источник боярских доходов. В.Л. Янин полагает, что особенности политического устройства Новгорода с его системой боярских патронимий препятствовали профессиональной консолидации ремесленников (*Янин В.Л.*, 1982. С. 91–93).

Однако именно в Новгороде был создан единственный дошедший до нас устав корпорации вощаников ("купеческое сто") – Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича. Большинство исследователей датируют его 1134–1135 гг. Есть и другое мнение: А.А. Зимин полагает, что в настоящем виде грамота возникла не ранее конца XIII или даже 70-х годов XIV в. (*Зимин А.А.*, 1952. С. 123–130).

Хорошо известно, что цеховые уставы отражают отношения, сложившиеся задолго до их оформления. Так, самое раннее постановление о цехе стокгольмских портных (скра) относится к 1356 г., остальные цеховые уставы датируются XV в. По мнению А.А. Сванидзе, факт позднего уставного оформления цехов не противоречит тому, что они длительное время существовали на основе устного соглашения (*Сванидзе А.А.*, 1967. С. 222). Существование в Новгороде "купеческого ста" позволяет сопоставить процессы, происходившие в его ремесле, с теми, которые детально изучены по обильным письменным источникам для Швеции. Интересно, что в этой стране и других странах северного региона торгово-ремесленная корпорация сложилась рано. Шведские историки считают, что ремесленный цех выделился из гильдий (Там же. С. 258). Чрезвычайно важна в этой связи берестяная грамота № 439, свидетельствующая о торговом складничестве, т.е. о какой-то купеческой организации, действовавшей в Новгороде на рубеже XII–XIII вв. Это заставляет усомниться в том, что в Новгороде отсутствовали предпосылки для профессиональной консолидации ремесленников. Действительно, само размещение ремесленных мастерских в Новгороде на боярских усадьбах вовсе не значит, что владелец таких мастерских был вотчинным ремесленником. Ведь даже вотчина средневекового феодала, существующая вне города, не могла самостоятельно постоянно содержать профессиональных ремесленников, обеспечивающих разнообразные потребности всех ее обитателей. И.С. Макаров доказал это на основе двух уникальных источников – полиптика аббатства св. Германа и "Капитулярия о виллах". Вывод его исследования сформулирован четко: ремесленное производство феодальной вотчины частично поглощалось ее хозяйством, но оно обслуживало и население поместного центра (*Макаров И.С.*, 1929. С. 129–144). Сказанное вполне приложимо к хозяйствам боярских дворов Новгорода, тем более что все мастерские, открытые на этих дворах, производили предметы широкого потребления, явно предназначенные для рынка.

Это не исключало изготовления изделий по специальному заказу, может быть, в счет платы за аренду земли. Да и вообще наличие ремесленника, готового в любой момент откликнуться на нужды большого хозяйства, – обстоятельство немаловажное, поэтому в таком соседстве любой владелец усадьбы был всегда заинтересован. Но все же вотчинным такой ремесленник не становился, по роду своей деятельности он относился к сословию городских ремесленников.

© Т.И. Макарова

А это значит, что в процессе производства и реализации своей продукции он неминуемо вступал в определенные соглашения с собратьями по ремеслу. Об этом говорит рано зафиксированное письменными источниками название ремесленников по профессиональному признаку – по характеру производимой продукции. По этому поводу А.А. Сванидзе верно замечает, что труд ремесленника, прикрепленный к одной профессии, поневоле приобретает корпоративные формы (*Сванидзе А.А.*, 1967. С. 226).

Еще выразительнее тенденции к объединению обнаруживаются в расселении ремесленников по профессиям. А.В. Арциховский на основании анализа писцовых и лавочных книг Новгорода 60-х годов XVI в. установил "вполне сложившуюся локализацию определенных ремесел по определенным районам" (*Арциховский А.В.*, 1939. С. 3). Древность производственных топонимов удается подтвердить археологически. Так, в прибрежной части Неревского раскопа, в местности, носившей название Кожевники, были открыты мастерские кожевников (*Изюмова С.А.*, 1959. С. 136). Определенную концентрацию ювелирных мастерских в районе Великой и Холопьей улиц также прослеживают еще в домонгольское время (*Рындина Н.В.*, 1963. С. 226, 227). Древними считал М.К. Каргер и урочища Кожемяки и Гончары в Киеве (*Каргер М.К.*, 1958. С. 414, 474).

Археологически аргументировать древность повсеместных в русских городах топонимов, связанных с профессиями, сложно, это объясняется трудностью раскопок в древнейшей, как правило, сильно застроенной части современного города. Но и те факты, которыми мы располагаем, подтверждают мнение М.Н. Тихомирова, согласно которому, уже в Древней Руси ремесленники одной специальности концентрировались в определенных кварталах (*Тихомиров М.Н.*, 1946. С. 22–37). Расселение ремесленников по профессиональному признаку, приведшее в конце концов к образованию территориальной общины, намечалось, по мнению Б.А. Рыбакова, уже в XI–XII вв. (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 737).

Все эти явления присущи средневековым городам повсеместно. Объяснить их можно только повсеместно же действующей тенденцией к объединению ремесленников по профессиям, т.е. с разной силой и скоростью происходящим образованием ремесленных корпораций. Этот процесс, скупо и неравномерно отраженный письменными документами, должен отразиться на продукции ремесла – основном источнике, с которым имеет дело археолог.

Что дает для ответа на этот вопрос археологический материал, исследованный в нашем томе?

Вся ремесленная продукция, попадающая в руки археолога, подвергается прежде всего типологизации. В основу ее кладется назначение изделия, форма, пропорции, характерные детали, например венчик в керамике или орнаментация в украшениях. В результате все многообразие изделий керамического или любого другого ремесла сводится к определенному числу типов. Часто удается выявить их взаимосвязь, временные изменения от типа к типу. На этих наблюдениях строится относительная хронология.

Посмотрим на результаты подобной работы с другой стороны. В каких условиях может длительно сохранять-

ся определенный тип изделия? В долго действующей мастерской. Только там складывается и сохраняется ремесленная традиция, ее вызывает к жизни необходимость реализовать быстро и качественно раз найденный и апробированный на рынке тип продукции. За устойчивым типом изделия скрыта серия, от которой нам достаются единицы, но необходимо помнить, что серия – это мастерская.

Если мы фиксируем изменения в типе изделия, позволяющие выделить подтипы и варианты, можно говорить о развитии деятельности мастерской во времени. Иногда мы располагаем данными о смене мастера, о мастерских, переходящих от одного поколения к другому по праву наследования. Особенно выразительны в этом случае гончарные клейма. Анализ гончарных клейм позволяет заметить некоторые интересные особенности их распространения (табл. 18). В одном керамическом центре намечается тяготение к разработке одного, двух, трех знаков за счет последовательного их усложнения. Так, во Вщиже исходным знаком выступает круг с различным заполнением и прямоугольник (табл. 18, *1, 8, 15, 19, 23, 26, 34–38, 42–43, 89, 96*). Знаки, близкие княжеским, изображались на керамике стольных городов, Киева, Суздаля, Старой Рязани, или городов, расположенных близко к ним (табл. 18, *54–64*). Они сочетаются со знаками других очертаний: в Старой Рязани есть коллекция знаков в виде ключа и знаков, в основе которых лежит круг или прямоугольник. Клейма на керамике Водяного городища напоминают знаки рунической письменности (табл. 18, *48, 49, 51*).

Легко заметить общее для мастерских стремление к изменению клейма путем усложнения его основного рисунка по принципу изменения родового знака за счет появления отпятнышей. Это служит подтверждением точки зрения о принадлежности их мастеру, передающему свое дело по наследству, и о желании мастерских сохранить свою индивидуальность в рамках одного ремесла.

Все эти наблюдения, сделанные на огромном материале, свидетельствуют о длительном сохранении того или иного ремесла, в данном случае гончарного, в руках одной семьи, о тенденции мастерских в одной отрасли сохранить свое лицо. А то и другое – следы взаимоотношений производителей, работающих одновременно в гончарном деле, и роста самого ремесла, связанного с домашним обучением. Надо отметить, что клейма в крупных городах исчезают к XII в., поэтому выводы, сделанные на основе их анализа, касаются весьма раннего времени.

Работу одной мастерской особенно удобно проследить на примере изделий сложной технологии – замках. Каждый их тип – изобретение неизвестного умельца, изобретения, ценность которого подтверждается тем, что оно повторяется без изменения схемы на протяжении длительного времени. Шесть типов пружинных съемных замков бытовали в Новгороде с IX–X до XV в. Лишь один из них имел варианты (тип В), остальные оставались неизменными. Такое явление может иметь место только при условии непрерывной деятельности конкретных мастерских, передающих свои навыки в изготовлении замка определенного типа от мастера к ученику. Скорее всего, мы имеем здесь дело с мастерскими за-

мочников, передающих свое ремесло по наследству от отца к сыну. В этом случае может происходить и отпочкование сыновней мастерской и одновременное функционирование нескольких родственных мастерских.

Очевидно, так и было, потому что замки типа А изготовляли на протяжении трех с половиной столетий, с IX по начало XIII в. Сколько мастерских освоило их производсво, сказать трудно, ясно только, что все они развивали одну традицию, когда-то изобретенную в одной мастерской.

Замки типа Б бытовали от начала до конца XII в., потом исчезли бесследно. Мы имеем здесь дело с работой одной мастерской на протяжении жизни не более чем двух поколений. Несколько позже, во второй половине того же столетия, появились замки типа В двух вариантов. Замки этого типа и их варианты бытовали до начала XV в., т.е. мастерские, их изготовлявшие, работали не менее трех столетий (время их деятельности может быть короче, чем время бытования самих замков, которые были достаточно долговечны). Замки типа В, как и самые ранние, типа А, демонстрируют деятельность наиболее активных и результативных мастерских, долго державших традиционное производство в руках одной, переходящей по наследству мастерской, воспитавшей много мастеров. Иначе невозможно объяснить изготовление одного типа замка в течение столь долгого времени – трех с половиной столетий.

Важно подчеркнуть, что все перечисленные типы замков долго бытовали одновременно, что говорит об одновременной деятельности в Новгороде нескольких мастерских замочников. На протяжении столетия, с середины XIII и до конца XIV в. в Новгороде появились еще три типа замков (Г, Д, Е). Они бытовали до XV в., т.е. тогда, когда замки типа А и Б уже перестали изготовляться, но более старые мастерские, выпускающие уже целое столетие замки типа В, находились еще в поре расцвета. И опять перед нами довольно реалистическая картина с синхронной работой в городе нескольких замочных мастерских. Ее дополняет кратковременная деятельность одной мастерской, изготовлявшей замки с винтообразным ключом (табл. 6, *26*), она действовала в Новгороде всего полстолетия.

Замки – изделия очень индивидуальные, если мастерская по каким-то причинам ликвидировалась, то исчезал и разработанный и освоенный ею тип замка. Другое дело ножи. В их массовом, стандартизированном производстве труднее уловить серии, которые можно связать с одной мастерской. Изготовление их было не столь сложным, поэтому в одной мастерской могли делать ножи разных типов – кухонные, сапожные, косторезные и др.

В ремесле древнерусских ножевников интересен другой момент: эволюция в технологии производства. Основные технологические схемы производства ножей с X в. последовательно упрощались. Новые принципы изготовления быстро подхватывает большинство мастеров-ножевников. Только одновременное применение простейших технологических схем – ножи целиком из железа или ножи целиком из стали – помогают обнаружить отдельные мастерские, использовавшие традиционную с домонгольского времени технологию.В среде ножевников выявляются мастера, держащиеся за старые традиции, и мастера, старавшиеся идти в ногу со временем, изыскивающие возможности для того, чтобы сделать свою продукцию массовой. Это наблюдается не только в Новгороде, но и в Киеве, Старой Рязани, Серенске. Эти две тенденции в ремесле ножевников позволяют и в массовой стандартизированной продукции разглядеть индивидуальные устремления отдельных мастерских; в то же время стремление к "рационализации", охватившее большинство древнерусских ножевников, говорит об их профессиональной сплоченности, предполагающей некоторую организованность.

О высоком профессионализме свидетельствует продукция древнерусских бондарей, изготовлявших бочки, кадки, лохани и другую бондарную тару и посуду. При раскопках в городах Руси собрана огромная коллекция этих изделий. Самое интересное для нас в этих предметах повседневного быта – строжайшая стандартизация размеров сосудов одного назначения и их деталей, например клепок. И размеры, и детали оказываются одинаковыми в разных городах на протяжении столетий. Такое явление могло иметь место только при строгом контроле за продукцией, поступающей на рынок, контроле профессионалов. Широкий ассортимент типов бондарной тары и посуды вместе с традиционностью ее облика можно объяснить только наличием в городах Руси большого количества ремесленников, работающих постоянно и долго в бондарном деле.

Не менее выразительна с этой точки зрения и точеная посуда. Ассортимент ее необычайно разнообразен. Она была рассчитана на нужды повседневного быта и на праздники с большим застольем. Посуда, изготовленная из дерева на токарном станке, продумана по пропорциям и совершенна по формам. Устойчиво сохраняющееся соотношение различных ее частей говорит о поисках оптимального конструктивного решения и сохранении такого решения, как открытия. За этим стоит определенная мастерская, где секрет такого решения был найден, и ее наследники, оценившие и закрепившие его в своих изделиях.

Трудно сказать, каково было разделение труда между мастерскими по ассортименту производимой продукции. В этом нам может помочь отмеченное Б.А. Рыбаковым важное обстоятельство. В письменных памятниках XII–XIII вв. ремесленников часто называли не по материалу, с которыми они работали, а по предметам, которые они изготовляли. В таком случае, когда упоминается Антон-котельник, можно утверждать, что речь идет о мастерской, где изготовляли только котлы. Поэтому упоминание ведерников и бочешников в XV в. указывает (Там же. С. 558) на разделение мастерских бондарей по ассортименту производимой продукции, что не мешало работе мастеров более широкого профиля, скрывающихся под названием древоделов. Точно то же явление фиксируется для XIII в. упоминанием Якова-гвоздочника и Измаила-кузнеца (*Рыбаков Б.А.*, 1948. С. 505, 516, 558), говорящим о разделении труда по ассортименту продукции в рамках одного ремесла.

Исходя из сказанного можно предположить, что отмеченная стандартизация изделий бондарного дела есть результат узкой специализации мастерских по изготовлению тары одного типа. Подобная тенденция

могла проявляться неодинаково в разных ремеслах. В XV в., столь богатом токарными изделиями широкого ассортимента, для мастеров этой отрасли в письменных источниках есть только одно название – токари.

Иногда в археологическом материале можно уловить деятельность разных мастерских, изготовлявших одну и ту же продукцию. В данном случае помогает типология, выявляющая конструктивные и декоративные особенности серий изделий. Так, в Новгороде найдено более тысячи гребней и заготовок к ним. Типология их показала, что одновременно и длительно сосуществовали гребни разной конструкции. Это можно объяснить деятельностью нескольких мастерских, изготовлявших гребни традиционного облика. Е.А. Рыбина полагает, что мастерские могли работать на протяжении от полутора до двух с половиной столетий. Это по самому скромному подсчету – от трех до пяти поколений мастеров.

Аналогичные явления прослеживаются и в ювелирном деле. В разнообразных украшениях из сплавов и меди легко заметить серии одинаковых изделий, говорящие о длительном изготовлении украшений одного типа. Некоторые из них бытуют с X по XIV в. Состав металла со временем менялся, сами же украшения оставались без изменения, если не считать орнамента. В массовом производстве мастерская могла сохранить свою индивидуальность только при устойчивости ассортимента, строгого соблюдения традиционного облика продукции.

Это касается не только дешевой, массовой продукции, но и предметов из драгоценных металлов. Вспомним упоминающиеся в грамоте XII в. золотые колты, для характеристики которых достаточно было назвать их продажную цену: "по полугривень" или в "полътора рубля серьбром ожерелье", упоминаемое в грамоте XIV в.

Длительное сохранение ассортимента, облика и цены выпускаемой продукции – безусловный показатель большой дифференциации в рамках одного, в данном случае ювелирного, ремесла, за ней скрывается продолжительная деятельность определенных мастерских потомственных кузнецов по золоту, серебру и меди.

Все приведенные факты свидетельствуют о консервативности, свойственной работе мастерских, будь то древоделы или косторезы и кузнецы. Трудно себе представить отсутствие желания как-то разнообразить свою продукцию, что-то изменить в ней. Однако, судя по Московской Руси, подобная консервативность могла быть и вынужденной, приказной, что зафиксировано письменными источниками. М.В. Довнар-Запольский, однако, считал, что московское правительство в XVII в. регламентировало очень древние правила, действовавшие на Руси исстари (*Довнар-Запольский М.В.*, 1918. С. 137).

Что же это были за правила? Самое главное предписывало людям одной профессии объединяться в торговый ряд. Вступая в него, ремесленник давал поручную запись рядовому старосте – делать продукцию определенного вида и качества, представляя ее на показ старосте. Люди, что не записавшиеся в состав ряда, заниматься ремеслом и торгом не могли. При вступлении в ряд полагался взнос.

Ряд был обязан контролировать продукцию. В поручной записи в ряд серебряников мастер обязывался делать пуговицы определенного типа, а именно – "однорядные и опашневые серебряные". Так регулировалось производство, а мастер охранялся от конкуренции. М.В. Довнар-Запольский считал, что в XVI в. "приказная бюрократия лишь использовала в своих целях и видах более старую бытовую организацию" (*Довнар-Запольский М.В.*, 1910. С. 144).

Действительно, следы такой организации улавливаются в досмотре за весом слитков металла, поступавшими в продажу. В Новгороде в X–XI вв. это были сплавы меди с цинком, в XII–XIV вв. – чистая медь, свинцово-оловянистые и оловянистые бронзы (*Коновалов А.А.*, 1974. С. 10). При раскопках в Новгороде найдены шесть слитков (*Рындина Н.В.*, 1963. С. 206). Если перевести их вес из граммов в бытовавшие на Руси золотники (*Черепнин Л.В.*, 1944. С. 30, 45), то окажется, что вес медных слитков соответствует 86, 10 и 124 золотникам, вес слитков бронзы – 85 и 6 золотникам, слиток серебра – 10 золотникам (золотник = 4,266; десятые и сотые доли веса опущены: сам способ изготовления слитков не мог обеспечить большую точность веса).

Определенность веса покупавшихся для ювелирных работ слитков говорит о наличии контроля за их изготовлением и продажей. Мы располагаем документальными свидетельствами о таком контроле, он осуществлялся центром купцов-вощаников Новгорода, размещавшимся в ц. св. Ивана на Опоках. Там же хранился товар, что ясно из упоминания в Новгородской I летописи "сторожа над товаром". Таможенная уставная грамота 1571 г. (*Зимин А.А.*, 1952. С. 130) проливает свет на ассортимент этих товаров, среди которых, кроме воска, ладана, темьяна, были медь, олово и свинец. Именно эти металлы составляли базу цветной металлургии Новгорода с X в. Интересно, что та же грамота 1571 г. обязывает металл этот "весить по старине", что и позволяет нам с достаточной уверенностью объяснять эталон веса найденных при раскопках слитков наличием досмотра за их продажей.

Русское ремесло, судя по продукции, производит впечатление организованной коллективной деятельности. Это можно объяснить только постепенным сложением производственных корпораций, обусловленным, по верной мысли В. Лешкова, свойством самих ремесел. Другой вопрос, на какой стадии развития находились эти корпорации во времени Киевской Руси, если их письменное официальное оформление началось только в XVII в. В Швеции цеховые уставы появились в XIV–XV вв., в Центральной Европе – на два столетия раньше, но и там они отражают отношения, сложившиеся много раньше. Процесс, как мы видим, всюду один, различна только его хронология и динамика.

Историки, допускающие существование корпоративных организаций в городах Древней Руси в стадии ее становления, подчеркивают недостаточность источников для решения этой проблемы (*Карлов В.В.*, 1976. С. 53). Если речь идет об исторических источниках, то это верно. Но объем археологических источников увеличивается с каждым годом. Задача археологов состоит в разработке такой методики их исследования, которая позволит превратить археологический материал в крас-

норечивый источник по истории социальных отношений в русском городском ремесле.

Материалы последних десятилетий, обобщенные в настоящем томе, вносят новые детали в наши представления о культурной жизни Древней Руси. Это прежде всего касается проблемы грамотности. Открытие берестяных грамот, широко бытовавших в Новгороде с первой половины XI в., доказало, что представители самых разных слоев горожан – от боярской верхушки до ремесленного люда – были грамотными. Находки писал-стилосов в Новгороде в слоях 953–972 гг. и эпиграфические материалы – надписи на камне и керамике – подтверждают распространение грамотности на Руси в еще более раннее время.

Важнейшим итогом изучения берестяных грамот стало открытие древненовгородского диалекта, меняющее в корне наши представления о путях освоения славянством северо-западных земель Руси. Документально подтверждается существование в XI–XII вв. двух диалектов славянской речи – новгородского и киевского. Значительная часть их различий восходит к праславянской эпохе, что говорит о существовании в рамках Киевского государства "двух первоначальных различных диалектных разновидностей славянской речи" (гл. 7. С. 140).

В прямой связи с диалектными различиями языка населения Руси, включающими в себя своеобразие многочисленных местных говоров, находились постоянные контакты славян с соседними народами, поволжско-финскими и прибалтийско-финскими. Особенно ярко отражают эти контакты различные амулеты, зооморфные подвески, широко распространенные в древности у новгородских словен, а также у тверских, владимирских и костромских кривичей. Некоторые из этих амулетов, например подвески с изображениями коней, восходят к традиции очень большой древности, ко временам ананьинской культуры (VII–II вв. до н.э.), показывая нам хронологическую глубину происходивших здесь этногенитических процессов.

Отдельные варианты коньковых подвесок, бытовавшие в XI–XII вв. и у смоленских и полоцких кривичей, исследователи связывают с древним балтским культом коня. Коньки-подвески с шумящими привесками, появившиеся в конце XII в., были распространены на огромной территории от Латвии и Эстонии до Печоры. Они говорят о постоянстве контактов славянского и балтского населения в этом большом регионе. Интересно, что городская культура не снивелировала здесь следы общения разных этнических групп. Только у славянских племен, входивших в ядро Киевского государства X–XI вв., нет амулетов с этноопределяющими признаками. Зато здесь с X в. были широко распространены амулеты, связанные с культом Перуна, покровителя военно-дружинной части общества.

Напротив, зооморфные украшения, характерные для территории со смешанным финско-славянским и балтским населением, бытовали долго, образуя локальные группы по центрам производства в Белозерье, Костромском Поволжье, Новгороде, Пскове. В XI–XII вв. они уже свидетельство территориальной общности смешанного финско-славянского населения.

Как видно, вещи тоже отражают сложные процессы, происходившие в языковой сфере. Они иллюстрируют глубокие различия в верованиях двух больших регионов славянства – киевского и новгородского.

Вплотную к проблеме грамотности на Руси стоит вопрос обучения. Ремесленная продукция свидетельствует о широком распространении профессиональной наследственности, а значит, и о семейном обучении. Находки берестяных грамот и других предметов с азбуками и бересты с ученическими записями дополняют эти логические, но умозрительные выводы неопровержимыми фактами обучения детей грамоте. Иногда оно обеспечивало и профессию: в Новгороде зафиксировано существование профессиональных писцов.

Новгород дает иллюстрацию и институту шедевров: это два одинаковые кратира, изготовленные разными мастерами, Братилой и Костой, в чем Б.А. Рыбаков с большим основанием усматривает свидетельство типичного для средневекового ремесла своеобразного конкурса на звание мастера. Этот вывод находит серьезное подтверждение в деятельности вполне сложившейся школы прикладного искусства, действовавшей в Новгороде при святой Софии. Высокое покровительство высших иерархов церкви обеспечивало и драгоценное сырье, и греческих учителей, и постоянные заказы. Гарантировать ее существование могла только налаженная система обучения.

Итак, обучение обеспечивало на Руси широкое распространение грамотности и высокий уровень художественной культуры. Последнее обстоятельство демонстрируют не только произведения высокого искусства, но и предметы быта.

Предметы быта, находимые археологами, поражают нас стремлением мастеров украсить их, будь то ложка, ковшик или гребешок. Особой выразительностью отличались вещи, составлявшие интерьер жилища: скамьи, люльки, берестяные коробы, светцы, жуковины для замков и сами замки, и даже крючки для подвешивания. Да и такие предметы, как пряничные доски и деревянная посуда, судя по изысканности форм и тщательности орнаментации, вероятнее всего, не прятали, а ставили на открытые полки.

Все эти предметы принадлежали рядовым гражданам и были изделиями их рук. Они более всего говорят о высоком уровне художественной культуры наших предков и о высоком уровне массовой культуры в целом, о которой применительно к ним мы можем говорить без уничижительного оттенка, сопровождающего этот термин в наши дни.

Важным звеном в эстетическом обучении народа был сам христианский храм как архитектурное сооружение, как своеобразный музей-хранилище первоклассных произведений живописи, резьбы по дереву, ткачества, шитья, ювелирного дела. Сама литургия с такими театрализованными действами, как крестный ход, вынос плащаницы, крещение, причастие, венчание, отпевание были для народа, не слишком знакомого с философско-религиозным их содержанием, прежде всего зрелищем, исполненным красоты и "благолепия". Вместе с церковным пением оно было могучим средством эстетического воспитания, доступным всякому, умеющему видеть и слышать.

Не следует, однако, забывать, что принятию христианства, повлекшему за собой подъем культуры и искус-

ства, предшествовали столетия языческой культуры славянства. Эта культура впитала в себя наследие древнейших культур различных этносов, входивших с ней в постоянное соприкосновение. Отзвуки этой языческой культуры доносят до нас фольклор, орнамент вышивки, даже архитектурный декор христианских храмов, который, по мнению Г.К. Вагнера, как система сложился еще в "докиевское время".

Блестящим подтверждением этого тезиса явилось открытие И.П. Русановой и Б.А. Тимощуком языческого центра X–XIII вв. на южной окраине Галицкой Руси в бассейне р. Збруч, где еще в 1848 г. был обнаружен знаменитый збручский идол (*Русанова И.П., Тимощук Б.А.*, 1993). В исследованных городищах-святилищах (Богит, Звенигород, Говда) выявлены сложные и разнообразные культовые сооружения. Здесь, видимо, возводили и деревянные языческие храмы, при создании которых закладывались и формировались приемы зодчества и орнаментального искусства Древней Руси.

Музыкальная культура языческой Руси стала основой музыкальной русской культуры в целом. Сведения о музыкальных инструментах, которые донесли до нас письменные источники и предметы изобразительного искусства, дополнены замечательными находками археологов. Их анализ, предпринятый в томе, дает представление о роли музыки на Руси.

Археологические материалы, исследованные в предлагаемом читателю томе, существенно дополняют конкретными бытовыми реалиями общую картину жизни древнерусского человека.

Материалы данного коллективного труда свидетельствуют о том, что культурные традиции домонгольской Руси, несмотря на тяготы Батыева ига, не были утрачены. В основных, важнейших для восстановления экономической базы Руси отраслях эти традиции сохранились (гл. 15). Сохранились они и в прикладном, и в монументальном искусствах: архитектура времени возвышения Москвы начала свой путь в значительной мере с возрождения архитектурного декора Руси XI–XIII вв. (гл. 12). Даже ремесленники, угнанные в Орду, не забыли своих традиций и не утратили производственных навыков (гл. 14).

С перемещением центров государственности на северо-восток, с обретением Москвой роли наследницы Киевского государства началось обращение "к своей античности" (отец *Павел Флоренский*, 1991. С. 368; *Лихачев Д.С.*, 1985. С. 321–323). Восстановление ремесла и культуры в целом в XIV–XV вв. было по сути возрождением основных достижений Древней Руси. Общее для эпохи Возрождения ощущение ценности опыта прошлых эпох оказалось характерным и для Руси, иллюстрируя тем самым исторический закон необходимости постоянного обращения к истокам своей национальной культуры.

Литература

Абрамович Д.И., 1930. Киево-Печерский патерик. Киев.

Абрамян В.А., 1971. Цеховые организации армян-ремесленников в городах Закавказья (с XVIII по начало XX в.). Ереван.

Авдусин Д.А., 1951. Раскопки в Гнездово // КСИИМК. М., Вып. 32.

Авдусин Д.А., 1957. Возникновение Смоленска. Смоленск.

Авдусин Д.А., 1970. Гнездовые курганы // Древние славяне и их соседи. М.

Авдусин Д.А., Мельникова Е.А., 1985. Смоленские грамоты на бересте (из раскопок 1952–1968 гг.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1984 г. М.

Авдусин Д.А., Тихомиров М.Н., 1950. Древнейшая русская надпись // Вестник АН СССР. № 4.

Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д., 1984. Русская поливная керамика из раскопок Московского кремля // СА. № 2.

Айбабин А.И., 1973. К вопросу о происхождении сережек пастырского типа // СА. № 3.

Айналов Д.В., 1905. Мраморы и инкрустации Киево-Софийского собора и Десятинной церкви // Труды XII АС. М. Т. III.

Аксентюк Ю.Д., 1974. "Дорогие камни" в культуре Древней Руси (по памятникам прикладного искусства и литературы XI–XV вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.

Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С., 1950. Раскопки Великих Болгар // КСИИМК. М. Вып. 33.

Алексеев Л.В., 1957. Лазарь Богша – мастер-ювелир XII в. // СА. № 3.

Алексеев Л.В., 1959. Еще три шиферных пряслица с надписями // СА. № 2.

Алексеев Л.В., 1966. Полоцкая земля. М.

Алексеев Л.В., 1973. Старожытны Друцк // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Минск. № 3.

Алексеев Л.В., 1974. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии) // СА. № 3.

Алексеев Л.В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Г1–12. М.

Алешковский М.Х., 1972. Глебоборисовские энколпионы 1072–1150 гг. // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М.

Алпатов М.В., 1948. Всеобщая история искусств. М.; Л. Т. 1.

Алпатов М.В., 1955. Всеобщая история искусств. М.; Л. Т. 3.

Алпатов М.В., 1971. Сокровища русского искусства XI–XVI веков. Л.

Амброз А.К., 1965. Раннеземледельческий культовый символ ("ромб с крючками") // СА. № 3.

Амброз А.К., 1966. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // Там же. № 1.

Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашуто Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И., 1971. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Свердловск. Вып. 7.

Антонович В.Б., 1893. Раскопки в стране древлян // МАР. СПб., Т. II.

Анучин Д.А., 1890. Сани, ладья и кони как принадлежность похоронного обряда // Древности: Труды МАО. М. Т. XIV.

Анфимов Н.В., 1953. Средневековые амфоры с нефтью с Таманского полуострова // КСИИМК. М. Вып. 49.

Арнхейм Р., 1974. Искусство и визуальное восприятие. М.

Артамонов М.И., 1958. Саркел–Белая Вежа // МИА. М.; Л. № 62.

Археология СССР. Древняя Русь: Город. Замок. Село. 1985. М.

Археология Новгорода: Указатель литературы (1917–1980), 1983. Сост. П.Г. Гайдуков. М.

Археологія Української РСР, 1975. Київ. Т. 3.

Архипов Г.А., 1973. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола.

Архипов Г.А., 1982. Марийцы XII–XIII вв. Йошкар-Ола.

Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.

Арциховский А.В., 1936. Раскопки 1930 г. в Новгородской земле // СА. М.; Л. I.

Арциховский А.В., 1939. Новгородские ремесла // Новгородский археологический сборник. Новгород. Вып. 6.

Арциховский А.В., 1944. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М.

Арциховский А.В., 1945. Русская одежда X–XIII вв. // Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ. Вып. 3.

Арциховский А.В., 1946. Культурное единство славян в средние века: СЭ. М. № 1.

Арциховский А.В., 1947а. Основные вопросы археологии Москвы // МИА. М.: Л. № 7.

Арциховский А.В., 1947б. Лыжи на Руси // Труды ИЭ АН СССР. НС. М. Т. 1.

Арциховский А.В., 1948а. Одежда // История культуры Древней Руси. М.; Л. Т. I.

Арциховский А.В., 1948б. Древнерусские областные гербы // УЗ МГУ. М. Вып. 93. Сер. ист. № 1.

Арциховский А.В., 1949а. Новгородская экспедиция // КСИИМК. М. Вып. 27.

Арциховский А.В., 1949б. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. М.; Л. № 11.

Арциховский А.В., 1954а. Колонна из новгородских раскопок // Вестник МГУ. Сер. ист. М. № 4.

Арциховский А.В., 1954б. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М.

Арциховский А.В., 1956. Археологическое изучение Новгорода // МИА. М.; Л. № 55.

Арциховский А.В., 1958. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде // СА. 2.

Арциховский А.В., 1963. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М.

Арциховский А.В., 1965. Изображение и надпись на ложке из Новгорода // Новое в советской археологии. М.

Арциховский А.В., 1968. Средства передвижения // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1: Материальная культура. М.

Арциховский А.В., 1969. Одежда // Очерки русской культуры XIII–XV вв. М.; Л.

Арциховский А.В., 1973. Заготовка иконы из Новгорода // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. М.

Арциховский А.В., Борковский В.И., 1958а. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М.

Арциховский А.В., Борковский В.И., 1958б. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М.

Арциховский А.В., Борковский В.И., 1963. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М.

Арциховский А.В., Тихомиров М.Н., 1953. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М.

Арциховский А.В., Янин В.Л., 1978. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М.

Асеев Ю.С., 1969а. Архітектура Київської Русі. Київ.

Асеев Ю.С., 1969б. Мистецтво стародавнього Києва. Київ.

Асеев Ю.С., Сикорский М.И., Юра М.А., 1967. Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславле-Хмельницком // СА. № 1.

Атгазис М., 1969. Раскопки на левобережье Даугавы // АО, 1968. М.

Аулих В.В., 1973. Отчет о работе Галичской экспедиции // Архив ИА АН УССР. Д. 94.

Афанасьев А.Н., 1983. Древо жизни: Избр. статьи. М.

Бабенчиков В.П., 1958. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М.

Байпаков К.М., 1983. Гончарное ремесло в позднесредневековом Отраре // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата.

Баллод Ф.В., 1923. Приволжские Помпеи. М.; Пг.

Банин А.А., 1986. Очерк истории изучения русской инструментально-музыкальной культуры бесписьменной традиции // Музыкальная фольклористика. М. Вып. 3.

Банк А.В., 1940. Моливдовул с изображением полета Александра Македонского на небо // Труды Отдела Востока Эрмитажа. Л. Т. III.

Банк А.В., 1971. Опыт классификации византийских серебряных изделий X–XII вв. // ВВ. Т. 32.

Барановский П.Д., 1948. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.; Л.

Барсамов Н.С., 1932. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле в 1929–1931 гг. Феодосия.

Бахрушин С.В., 1926. Ремесленные ученики в XVII в. // Труды ГИМ. М. Вып. 3.

Белецкий А.Н., 1985. Исследования в юго-западном Белозерье // АО 1983. М.

Беловатов Б.А., Казаков Е.П., 1982. Находки средневековых славяно-русских изделий в низовьях Камы // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань.

Бобородов М.А., 1956. Стеклоделие в Древней Руси. Минск.

Белецкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г., 1973. Средневековый город Средней Азии. Л.

Беленькая Д.А., 1972. История заселения территории Китай-города (Москва) конца XII–начала XVI в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.

Беленькая Д.А., 1976. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. № 4.

Белецкий В.Д., 1968. Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л. Вып. 29.

Белецкий С.В., 1978. Раскопки в Псковском Кремле в 1972–1974 гг. // КСИА. М. Вып. 155.

Белецкий С.В., 1980. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // Там же. Вып. 160.

Белецкий С.В., 1981. Раскопки Псковского городища в 1977–1978 гг. // Древнерусские города. М.

Белецкий С.В., 1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М.

Белецкий С.В., Белецкая Н.А., 1978. Новые раскопки Псковского городища // АО, 1977. М.

Белов Г.Д., 1941. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. М.; Л. № 4.

Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л., 1953. Квартал XVIII Херсонеса (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА. М.; Л. № 34.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф., 1981. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.

Беляшевский Н.В., 1892. Раскопки на Княжей горе в 1891 г. // Киевская старина. Киев. Т. X.

Беляшевский Н.В., 1893. Раскопки на Княжей горе в 1892 г. // Там же. Т. XI.

Беляшевский Н.В., 1904. Ценный клад великокняжеской эпохи // АЛЮР за 1903 г. Киев.

Беркович Т.Л., 1981. Формирование тематической группы "головные уборы" в русском языке XI–XX гг.: Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М.

Бибикова И.М., 1962. Резьба по камню // Русское декоративное искусство. М. Т. 1.

Бидьфельд Д.І., 1977. Древньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ.

Блюмквист Е.Э., 1956. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Труды ИЭ АН СССР. НС. М. Т. 31.

Бобринский А.А., 1916. Резной камень в России. М.

Боголюбов Н., 1879–1880. История корабля. М. Т. 1–2.

Богомольников В.В., 1983. Раскопки в Чечерске и Нисимкотовичах // АО, 1981. М.

Богусевич В.А., 1954. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве: По материалам раскопок 1951 г. // КСИА АН УССР. Киев. 3.

Богусевич В.А., 1961. Зображення Сімаргла в древньоруському мистецві // Археологія. Київ. Вып. 12.

Богуславская И.Я., 1972. Русская народная вышивка. М.

Большаков О.Г., 1954. Поливная керамика Маверапахра VIII–XII вв. как историко-культурный памятник: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.

Боровский Я.Э., 1976. Археологічні дослідження в "городі" Ярослава // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ.

Боровский Я.Е., 1982. Мифологический мир древних киевлян. Киев.

Бочаров Г.Н., 1969. Прикладное искусство Новгорода Великого. М.

Брайчевская А.Т., 1962. Древньоруські пам'ятки Дніпровського Надпоріжжя // АП УРСР. Київ. Т. 3.

Брайчевська О.А., 1992. Давньоруський чоловічий костюм X–XIII ст. (за археологічними, писемними та образотворчими джерелами): Автореф. дис. ... канд. ист наук. Київ.

Бранденбург Н.Е., 1895. Курганы южного Приладожья // МАР. СПб. Т. 18.

Бранденбург Н.Е., 1896. Старая Ладога. СПб.

Бранденбург Н.Е., 1908. Журнал раскопок 1888–1902 гг. СПб.

Бривкалнэ Э.П., 1959. Городище Тервете и его историческое значение // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М. Т. 1.

Будилович А.С., 1875. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе. СПб.

Булкин В.А., 1981. Исследования Софийского собора в Полоцке // АО, 1980. М.

Булычев Н.И., 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.

Булычев Н.И., 1903. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М.

Булычев Н.И., 1913. Раскопки по среднему течению р. Угры // Записки Московского археологического ин-та. М. Т. XXXI.

Буров В.А., 1975. "Муж добр Есифъ Давыдович" // СА. № 4.

Буров В.А., 1979. Заметки о новгородских берестяных грамотах // СА. № 1.

Буслаев Ф.И., 1908. Общие понятия о русской иконописи // Собр. соч. СПб. Т. 1.

Буслаев Ф.И., 1910. Исторические очерки русской народной словесности и искусства // Собр. соч. СПб. Т. 2.

Буслаев Ф.И., 1917. Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях. Пг.

Бычков А.Ф., 1851. О серебряной чаре XII в., принадлежащей черниговскому князю Владимиру Давыдовичу // ЗРАО. СПб. Т. III.

Вагнер Г.К., 1962а. К вопросу о владимирско-суздальской эмблематике // Историко-археологический сборник, посвященный А.В. Арциховскому. М.

Вагнер Г.К., 1962б. Грифон во владимирско-суздальской фасадной скульптуре // СА. № 3.

Вагнер Г.К., 1963. Архитектурные фрагменты Старой Рязани // Архитектурное наследство. М. № 15.

Вагнер Г.К., 1964. Скульптура Владимирско-Суздальской Руси: Юрьев-Польской. М.

Вагнер Г.К., 1966. Мастера древнерусской скульптуры: Рельефы Юрьева-Польского. М.

Вагнер Г.К., 1968. Четырехликая капитель из Боголюбова // Славяне и Русь. М.

Вагнер Г.К., 1969а. Скульптура Древней Руси: XII век. Владимир. Боголюбово. М.

Вагнер Г.К., 1969б. Суздаль. М.

Вагнер Г.К., 1974. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М.

Вагнер Г.К., 1975. Белокаменная резьба древнего Суздаля: Рождественский собор. XIII в. М.

Вагнер Г.К., 1976а. Об открытии разных надписей среди фасадной скульптуры Дмитриевского собора во Владимире // СА. № 1.

Вагнер Г.К., 1976б. Судьбы образов звериного стиля в древнерусском искусстве // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Варганов А.Д., 1945. К архитектурной истории суздальского собора. (XI–XIII вв.) // КСИИМК. М. Вып. 11.

Варганов А.Д., 1946. Из ранней истории Суздаля (IX–XIII вв.) // Там же. Вып. 12.

Варганов А.Д., 1977. Еще раз о суздальском соборе // СА. № 2.

Василенко В.М., 1977. Русское прикладное искусство: Истоки и становление. I в. до н.э.–XIII в. н.э. М.

Вахрос И.Н., 1959. Наименование обуви в русском языке // Ежегодник Ин-та по изучению СССР в Финляндии. Хельсинки. Т. 1.

Векслер А.Г., Рабинович М.Г., Шеляпина Н.С., 1973. М.М. Герасимов и история Москвы // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.

Вельтман А., 1843. Достопамятности Московского кремля. М.

Вертков К.А., 1972. Типы русских гуслей // Славянский музыкальный фольклор. М.

Вертков К.А., 1975. Русские народные музыкальные инструменты. Л.

Веселаго В., 1875. Очерк русской истории. СПб. Т. 1.

Веселовский А.Н., 1921. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине // Собр. соч. Пг. Т. 8, вып. 1.

Веселовский А.Н., 1888. Из истории романа и повести. СПб.

Вздорнов Г.И., 1970. Новооткрытая икона "Троицы" из Троице-Сергиевой лавры и "Троица" Андрея Рублева // Древнерусское искусство: Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV–XVI вв. М.

Вздорнов Г.И., 1980. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII–начала XV веков. М.

Византийский земледельческий закон. 1984 / Под ред. И.П. Медведева.

Комментарии Е.Э. Липшиц, И.П. Медведева, Е.К. Пиотровской. Л.
Вийерс А., 1959. Санный транспорт у эстонцев // Труды Прибалтийской экспедиции. М. Т. 1.
Винников А.З., 1982. Керамика донских славян конца I тысячелетия н.э. // СА. № 3.
Винников А.З., 1984. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж.
Волкайте-Куликаускене Р.К., 1986. Одежда литовцев с древнейших времен до XVII века // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.
Волков Ф.К., 1916. Украинский народ в его прошлом и настоящем // Этнографические особенности украинского народа. Пг.
Воробьева Е.В., 1976. Семантика и датировка черниговских капителей // Средневековая Русь. М.
Воробьева Е.В., 1981. Рельеф с драконами из Галича // СА. № 1.
Воробьева Е.В., 1977. Древнерусская архитектурная пластика XI–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Воронин Н.Н., 1940. Новые памятники русской эпиграфики XII в. // СА. М.; Л. VI.
Воронин Н.Н., 1948а. Жилище // История культуры Древней Руси. М.; Л. Т. I.
Воронин Н.Н., 1948б. Средства и пути сообщения // История культуры Древней Руси. М.; Л. Т. 1.
Воронин Н.Н., 1949а. Раскопки в Ярославле // МИА. М.; Л. № 11.
Воронин Н.Н., 1949б. Оборонительные сооружения Владимира // Там же.
Воронин Н.Н., 1954. Древнее Гродно. М.; Л.
Воронин Н.Н., 1956. Археологические заметки // КСИИМК. М. Вып. 62.
Воронин Н.Н., 1957. Историко-архитектурные заметки // СА. № 2.
Воронин Н.Н., 1961, 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М. Т. 1, 2.
Воронин Н.Н., 1964. Смоленские граффити // СА. № 2.
Воронин Н.Н., 1967. К истории смоленского зодчества XII–XIII вв. // Смоленск. Материалы юбилейной научной конференции. Смоленск.
Воронов В.С., 1924. Крестьянское искусство. М.
Выезжев Р.И., 1961. Новые типы древнерусских светильников // КСИА. М. Вып. 11.
Высоцкий С.А., 1959. Датированные граффити XI в. в Софии Киевской // СА. М. № 4.
Высоцкий С.А., 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской (XI–XIV вв.). Киев.
Высоцкий С.А., 1976. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев.
Высоцкий С.А., 1985. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев.
Габе Р., 1955. Интерьер крестьянского жилища // Архитектурное наследство. М. № 5.
Гадло А.В., 1965. Новый памятник тмутороканского времени из Приазовья // СА. № 2.
Гальнбек И.А., 1928. О технике золоченых изображений на Лихачевских вратах в Государственном Русском музее // Материалы по русскому искусству. Л. Т. 1.
Гасри М., 1844. О древностях русских // Маяк: Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской. СПб. Т. 13, кн. XXV–XXVII.
Гатцук С.А., 1904. Отчет о раскопках, произведенных в 1902 г. в Тверской губ. // ИАК. СПб. Вып. 6.
Генинг В.Ф., 1955. Серебряный браслет из Верхнего Прикамья // КСИИМК. М. Вып. 57.
Герберштейн С., 1908. Записки о московских делах. СПб.
Гильфердинг А.Ф., 1874. История балтских славян. СПб.
Гинзбург Л., 1971. Русский народный смычковый инструмент гудок и его предшественники // Исследования, статьи, очерки. М.
Гладенко Т.В., Красноречьев Л.Е., Штендер Г.М., Шуляк Л.М., 1964. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. М.
Гладкая М., Скворцов А., 1976. Новое о рельефах Дмитриевского собора // Декоративное искусство СССР. № 11.
Голенищев-Кутузов И.Н., 1971. Творчество Данте и мировая культура. М.
Головацкий Я.О., 1877. О народной одежде и убранстве русинов или русских в Галичине и северо-восточной Венгрии. СПб.
Голубева Л.А., 1953. Раскопки в г. Руза // Труды ГИМ. М. Вып. XXII.
Голубева Л.А., 1951. Древнее Белоозеро // КСИИМК. М. Вып. 41.
Голубева Л.А., 1960. Надпись на корчаге из Белоозера // СА. № 3.
Голубева Л.А., 1961а. Могильник X–середины XI в. на Белом озере // СА. № 1.
Голубева Л.А., 1961б. Славянские памятники на Белом озере // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда.
Голубева Л.А., 1962. Археологические памятники веси на Белом озере // СА. № 3.
Голубева Л.А., 1967. Раскопки древнего Белоозера в 1961–1962 гг. // КСИА. М. Вып. 110.
Голубева Л.А., 1968. Квартал металлургов в Вышгороде // Славяне и Русь. М.
Голубева Л.А., 1969. Белоозеро и Волжские Болгары // Древности Восточной Европы. М.
Голубева Л.А., 1973а. Амфоры и красноглиняные кувшины Белоозера // КСИА. М. Вып. 135.
Голубева Л.А., 1973б. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.
Голубева Л.А., 1976. Коньки-подвески междуречья Волги и Оки // СА. № 2.
Голубева Л.А., 1978. Игольники восточноевропейского Севера X–XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
Голубева Л.А., 1979а. Зооморфные украшения финно-угров. САИ Е1-59. М.
Голубева Л.А., 1979б. Весь, скандинавы и славяне в X–XI вв. // Финно-угры и славяне. Л.
Голубева Л.А., Варенов А.Б., 1978. Полые коньки амулеты Древней Руси // СА. № 2.
Голубцов А.П., 1889. Чин Новгородского Софийского собора. М.
Гольмстен В.В., 1914. Лунницы Исторического музея // Отчет Исторического музея за 1913 г. М.
Гончаров В.К., 1950. Райковецкое городище. Киев.
Гончаров В.К., 1951. Древний Колодяжин // КСИИМК. М. Вып. 41.
Гончаров В.К., 1952. Работы Волиньскої експедиції 1948 р. // АП УРСР. Київ. Т. III.
Гончаров В.К., 1955. Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ. Т. V.
Гончаров В.К., 1963. Лука-Райковецкая // МИА. М. № 108.
Гончаров В.К., Богусевич В.А., Юра Р.А., 1959. Раскопки древнерусского города Воиня в 1956 г. // КСИА АН УССР. Киев. 8.
Горбенко А.А., Кореняко В.А., Максименко В.Е., 1975. Кочевническое погребение из кургана у хутора Нижняя Козинка // СА. № 1.
Горшиный П.А., Юра Р.А., 1976. Раскопки в селах Бакота и Студеница на Днестре // АО. 1975. М.
Городцов В.А., 1926. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Труды ГИМ. М. Т. 1.
Горохов В.К., 1972. Множественность представлений системы и постановка проблемы системного эталона // Системные исследования. М.
Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н.э. // МИА. М. № 94.
Государственная Оружейная палата Московского кремля, 1969. М.
Грабар А.Н., 1962. Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и "Слово о полку Игореве" // ТОДРЛ, ИРЛ. АН СССР М. Т. 18.
Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. М.; Л.
Гринкова Н.П., 1936. Родовые пережитки, связанные по полу и возрасту // СЭ. М. 2.
Гринкова Н.П., 1955. Височные украшения в русском народном женском костюме // Сборник музея антропологии и этнографии. Л. Т. 16.
Гроздилов Г.П., 1962. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Л. Вып. 4.
Гроздилов Г.П., 1950. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА. М. Т. XIV.
Гудзий Н.К., 1956. История древней русской литературы. М.
Гупало В.Д., 1985. Гончарные клейма Прикарпатья и Западной Волыни: (Опыт систематизации) // СА. № 4.
Гупало К.Н., 1982. Подол в древнем Киеве. Киев.
Гупало К.Н., Ивакин К.Ю., 1980. О ремесленном производстве на Киевском подоле // СА. № 2.
Гуревич Ф.Д., 1965. Изображения музыкантов Древней Руси // СА. № 2.
Гуревич Ф.Д., 1967. Ювелиры древнего Новогрудка // КСИА. М. Вып. 110.
Гуревич Ф.Д., 1968. Ближневосточные изделия в древнерусских городах // Славяне и Русь. М.

Гуревич Ф.Д., 1973. Грамотность горожан древнерусского Понеманья // КСИА. М. Вып. 135.

Гуревич Ф.Д., 1981. Поливная керамика Новогрудского детинца // СА. № 4.

Гуревич Ф.Д., 1961. Древний Новогрудок. Л.

Гуревич Ф.Д., Джанполадян Р.М., Малевская М.В., 1968. Восточное стекло в Древней Руси. Л.

Гущин А.С., 1929. Древнерусский звериный орнамент. Л.

Гущин А.С., 1936. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. М.; Л.

Давидан О.И., 1962. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Л. Вып. 4.

Давидан О.И., 1966. Староладожские изделия из кости и рога // Там же. Вып. 8.

Давидан О.И., 1968. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги // Там же. Вып. 10.

Даль В.И.,1863–1866. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. Т. 1–4.

Даль В.И., 1956. Толковый словарь живого великорусского языка. М. Т. 1–4.

Данилин А.Г., 1927. Крестьянская одежда района "Богословщины" Рязанской губернии // Труды об-ва исследователей Рязанского края. Рязань. Вып. 9.

Даркевич В.П., 1960. Символика небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. № 4.

Даркевич В.П., 1961. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. № 4.

Даркевич В.П., 1962а. Подвиги Геркалка в декорации Дмитриевского собора во Владимире // СА. № 4.

Даркевич В.П., 1962б. Остерская находка // КСИА. М. Вып. 87.

Даркевич В.П., 1964. Образ царя Давида во владимирско-суздальской скульптуре // Там же. Вып. 99.

Даркевич В.П., 1965. О серебряной ложке из Новгорода // СА. № 3.

Даркевич В.П., 1966. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). САИ Е1–57. М.

Даркевич В.П., 1975. Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв. М.

Даркевич В.П., 1976. Художественный металл Востока VIII–XIV вв. М.

Даркевич В.П., Монгайт А.Л., 1967. Старорязанский клад 1966 г. // СА. № 2.

Даркевич В.П., Монгайт А.Л., 1970. Рязанская экспедиция // АО. 1969. М.

Даркевич В.П., Монгайт А.Л., 1972. Старорязанские клады 1967 г. // СА. № 2.

Даркевич В.П., Монгайт А.Л., 1978. Клад из Старой Рязани. М.

Даркевич В.П., Пуцко В.Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978) // СА. № 3.

Даркевич В.П., Стародуб Т.Х., 1983. Иранская керамика из раскопок Старой Рязани // СА. № 2.

Даркевич В.П., Фролов В.П., Финогенова Е.В., 1978. Раскопки в Старой Рязани // АО, 1977. М.

Два клада из Киевской губернии: 1) Клад Михайловского монастыря // ОАК. СПб. Приложение за 1903 г.

Дедюхина В.С., 1967. Фибулы скандинавского типа // Труды ГИМ. М. Вып. 43.

Динцес Л.А., 1951. Древние черты в русском народном искусстве // История культуры Древней Руси. М.; Л. Т. 2.

Добиаш-Рождественская О.А., 1936. История письма в средние века: Руководство к изучению латинской палеографии. М.; Л.

Довженок В.И., 1955. Селища и городища в окрестностях древнего Галича // КСИИМК. М. Вып. 4.

Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О., 1966. Давньоруське місто Воінь. Київ.

Довнар-Запольский М.В., 1910. Организация московских ремесленников в XVII в. // ЖМНП. НС. Ч. 29. Сент.

Древний Новгород: Прикладное искусство и археология. 1985. М.

Древняя одежда народов Восточной Европы. 1986. М.

Дроченина Н.Н., Рыбаков Б.А., 1960. Берестяная грамота из Витебска // СА. № 1.

Дубов И.В., 1979. Тимеревский комплекс – протогородской центр в зоне славяно-финских контактов // Финно-угры и славяне. Л.

Дубов И.В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.

Дубынин А.Ф., 1956. Археологические исследования в Зарядье (Москва) // Там же. Вып. 65.

Дубынин А.Ф., 1959. Археологические исследования 1955 г. в Зарядье (Москва) // КСИИМК. М. Вып. 77.

Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. 1950. М.; Л.

Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. М.

Ерохин В.С. 1954. Щигровский клад // КСИИМК. М. Вып. 53.

Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1948. Древнерусские поселения на Дону // МИА. М.; Л. № 8.

Ефименко Т.П., 1914. Очерк организаций городских ремесел в Московском государстве XVI и XVII вв. // ЖМЮ. Апр.

Елкина А.К., 1974а. Археологические ткани // Исследования и реставрация художественных памятников. М.

Елкина А.К., 1974б. Исследование красителей тканей из Михайловского клада // Культура средневековой Руси. Л.

Елкина А.К., 1983. Редчайшие образцы византийского шитья и ткачества // Наука и жизнь. № 7.

Жегалова С.К., 1975. Руская народная живопись. М.

Жизневский А.К., 1888. Описание Тверского музея. М.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. 1934. М.

Жолтовский П.Н., 1958. Ларец мастера Самуила // СА. № 4.

Жуковская Л.П., 1955. Палеография // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М.

Жуковская Л.П., 1959. Новгородские берестяные грамоты. М.

Жуковська Л.П., 1981. Гіпотези й факти про давньоруську писемність до XII ст. // Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI–XVIII ст. Київ.

Журжалина Н.П., 1961. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. № 2.

Забелин И.Е., 1843. О русской одежде с XI по XVII столетие // Московские губернские ведомости. № 25, 26, 27.

Забелин И.Е., 1853. Историческое обозрение финифтяного и ценинного дела в России // ЗРАО. СПб. Т. VI, вып. 1.

Забелин И.Е., 1862. Домашний быт русских царей // Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М. Т. 1.

Забелин И.Е., 1869. Домашний быт русских цариц // Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М. Т. 2.

Загорульский Э.М., 1963. Древний Минск. Минск.

Загорульский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.

Загоскин Н.П., 1909. Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси. Казань.

Закревский Н., 1868. Описание Киева. М. Т. 1, 2.

Залесская В.Н., 1985. Византийская белоглиняная расписная керамика, IX–XII вв.: Каталог выставки.

Замятнин С.Н., 1951. О старинных русских шахматах // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. М.; Л.

Зариня А.Э., 1962. Отражение развития производительных сил и производственных отношений в одежде латгалов VII–XIII вв.: Автореф. дисс. .. канд. ист. наук. Рига.

Зариня А.Э., 1986. Одежда балтских женщин VII–XII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.

Засурцев П.И., 1967. Новгород, открытый археологами. М.

Зверуго Я.Г., 1966а. Некоторые итоги раскопок Волковыска // Древности Белоруссии. Минск.

Зверуго Я.Г., 1966б. Раскопки в Волковыске в 1965 г. // Вопросы истории и археологии. Минск.

Зверуго Я.Г., 1969. Раскопки в Слониме // АО, 1968. М.

Зверуго Я.Г., 1975. Древний Волковыск (X–XIV вв.). Минск.

Зверуго Я.Г., 1982. Киев и земли Белорусского Понеманья // Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв. Минск.

Зеленин Д.К., 1926, 1927. Женские головные уборы восточных (русских) славян // Отд. оттиск "Slavia". Прага. Год V, вып. 2. № 3.

Зеленин Д.К., 1940. Об исторической общности культуры русского и украинского народов // СЭ. М. № 3.

Земпер Г., 1970. Практическая эстетика. М.

Зимин А.А., 1952. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М.

Зоценко В.Н., 1981. Раскопки в древнерусском Вышгороде // АО, 1980.

Ивакин Г.Ю., Пуцко В.Г., 1980. Импостная капитель из киевских находок // СА. № 1.

Иванов П.И., 1858. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и древним юридическим актам, хранящимся в архиве Министерства юстиции. М.

Иванов П.И., 1859. О знаках, заменявших подписи в Древней Руси // ИРАО. Т. II.
Иванов С.В., 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л.
Изборник Святослава 1073 г. М., 1977.
Изюмова С.А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. М. № 65.
Изюмова С.А., 1964. Курганный могильник около д. Западной VIII–X вв. // СА. № 2.
История СССР с древнейших времен до наших дней. 1966. М. Т. I–II.
История культуры Древней Руси. 1948–1951. М.; Л. Т. I, II.
История педагогики. 1988. М. Т. 1.
История русского искусства. 1953–1955. М. Т. 1, 2, 3.
Истрин В.М., 1920. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг. Т. 1.
Кавтаськин Л.С., 1974. Пережитки обрядов, причитаний и песен, связанных с древнейшим мордовским обычаем имитации свадьбы при похоронах умершей девушки // Фольклор и эпиграфия. Л.
Каждан А.П., 1960. Деревня и город в Византии IX–X вв. М.
Калайдович К.Ф., 1821. Памятники российской словесности. М.
Калашникова Н.М., 1972. Одежда древнерусской знатной женщины по данным фресковой живописи // История и культура славянских стран. Л.
Каменецкая Е.В., 1976. Керамика Смоленска XII–XIII вв. // Проблемы истории СССР. Вып. 5.
Каменецкая Е.В., 1983. Керамические клейма XI–XIII вв. из Смоленска // СА. № 2.
Каргер М.К., 1940. К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны КСИИМК. М.; Л. Вып. VII.
Каргер М.К., 1941. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве // КСИИМК. М.; Л. Вып. X.
Каргер М.К., 1945. Землянка – мастерская киевского художника XIII в. // КСИИМК. М.; Л. Вып. XI.
Каргер М.К., 1947. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода // Труды Всероссийской Академии художеств. М.; Л. Т. 1.
Каргер М.К., 1951а. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938–1947 гг.). Киев.
Каргер М.К., 1951б. Новые данные к истории древнерусского жилища // КСИИМК. М. Вып. XXXVIII.
Каргер М.К., 1951в. Живопись // История культуры древней Руси. М.; Л. Т. 2.
Каргер М.К., 1954. Раскопки в Переяславле-Хмельницком в 1952–1953 гг. // СА. N 20.
Каргер М.К., 1958. Древний Киев. М.; Л. Т. 1.
Каргер М.К., 1961. Древний Киев. М.; Л. Т. 2.
Каргер М.К., 1960. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г. // КСИА. М. Вып. 81.
Карлов В.В., 1976. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса) // Русский город. М.
Карнеев А., 1890. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб.
Карпов А.П., 1877. Азбуковники или алфавиты иностранных речей. Казань.
Карский Е.Ф., 1928. Славянская кирилловская палеография. Л.
Квитка К.В., 1971. Избранные труды в двух томах. М. Т. 1.
Квитка К.В., 1973. Избранные труды в двух томах. М. Т. 2.
Квитка К.В., 1986. Об историческом значении флейты Пана // Музыкальная фольклористика. М. Вып. 3.
Келдыш Ю.В., 1983. История русской музыки. М. Т. 1.
Киево-Печерский патерик по древним рукописям. Киев. 1914.
Киевская псалтырь 1397 г. из Государственной Публичной библиотеки М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. М., 1978.
Кильдюшевский В.И., 1981. Об одном из типов керамики XIV–XVI вв. крепости Орешек // КСИА. М. Вып. 164.
Киреевский П.В., 1868–1879. Песни, собранные П.В. Киреевским. М. Вып. 1–4.
Кирпичников А.Н., 1965. Древнейший русский подписной меч // СА. № 3.
Кирпичников А.Н., 1971. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. САИ. Е1–36. М.
Кирпичников А.Н., 1976. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.
Кирпичников А.Н., 1980. Древний Орешек. Л.
Кирпичников А.Н., 1985. Раннесредневековая Ладога // Средневековая Ладога. Л.
Кирша Данилов, 1977. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.
Кирьянов А.В., 1952. К вопросу о земледелии в Новгородской земле XI–XII вв. // КСИИМК. М. Вып. 47.
Кирьянов А.В., 1954. Обработка берестяных грамот (Опыт работы полевой лаборатории Новгородской экспедиции) // КСИИМК. № 53.
Киселев С.В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
Клейн В.К., 1926. Путеводитель по выставке тканей VII–XIX вв. М.
Клейненберг И.Э., 1969. "Лютый зверь" на печатях Великого Новгорода XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины Вып. 2.
Клейненберг И.Э., 1984. О терминах "мед", "молод...", "учан", "каст" и "баедак" в новгородской письменности XV–XVI вв. // Новгородский край. Л.
Клетнова Е.Н., 1910. Мерянское погребение при д. Хожаево близ с. Сережани Вяземского у. Смоленск.
Климова Н.Т., 1971. Технология шелковых тканей из коллекции Государственного исторического музея // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
Козловська В.Е., 1931. Розкопки року 1930 у Києві на горі Дитинці // Хроніка археології та мистецтва Київ. Ч. III.
Колединский Л.В., 1981. Раскопки в Витебске // АО. 1980. М.
Колчин Б.А., 1949. Обработка железа в Московском государстве XVI в. // МИА. М. № 12.
Колчин Б.А., 1953. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период). М.
Колчин Б.А., 1956. Топография, стратиграфия и хронология Нередского раскопа // МИА. М. № 55.
Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. М. № 65.
Колчин Б.А., 1963. Дендрохронология Новгорода // МИА. М. № 117.
Колчин Б.А., 1964. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951–1962 гг.) // КСИА. М. Вып. 99.
Колчин Б.А., 1968а. Новгородские древности. Деревянные изделия САИ. Е1–55. М.
Колчин Б.А., 1968б. Музыкальные смычковые инструменты древнего Новгорода // Славяне и Русь. М.
Колчин Б.А., 1969. Ремесло // Очерки русской культуры XIII–XV вв. М. Ч. 1.
Колчин Б.А., 1971. Новгородские древности: Резное дерево. САИ Е1–55. М.
Колчин Б.А., 1978. Гусли древнего Новгорода // Древняя Русь и славяне. М.
Колчин Б.А., 1979. Коллекция музыкальных инструментов древнего Новгорода // Памятники культуры: Новые открытия. 1978 г. Л.
Колчин Б.А., 1980. Инструментальная музыка древнего Новгорода // Тезисы докладов Советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь 1980 г. М.
Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский исторический сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. М.
Колчин Б.А., Рыбина Е.А., 1982. Раскоп на улице Кирова // Новгородский исторический сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. М.
Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.
Колчин Б.А., Янин В.Л., 1982. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский исторический сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.
Комеч А.И., 1975. Спасо-Преображенский собор в Чернигове // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. М.
Колмогоров А.И., 1914. Тихвинские курганы // Труды XV АС. М. Т. I.
Кондаков Н.П., 1888. О фресках лестницы Киево-Софийского собора // ЗРАО. Т. III.
Кондаков Н.П., 1892. Собрание А.В. Звенигородского // История и памятники византийской эмали. СПб.
Кондаков Н.П., 1896. Русские клады. СПб.
Кондаков Н.П., 1899. О научных задачах истории изучения древнерусского искусства. СПб.
Кондаков Н.П., 1904. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб.
Кондаков Н.П., 1906. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб.
Кондаков Н.П., 1929. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага.
Кондратьева О.А., 1977. Гребень из раскопок Н.Н. Чернягина в Псковском Кремле // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.

Кондратьева О.А., 1981. Зооморфные гребни IX–X вв. // КСИА. М. Вып. 166.

Конецкий В.Я., 1984. Древнерусский грунтовой могильник у поселка Деревяницы около Новгорода // Новгородский исторический сборник, № 2(12). Л.

Коновалов А.А., 1966. Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержаний // СА. № 2.

Коновалов А.А., 1974. Цветные металлы (медь и сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.

Корзухина-Воронина Г.Ф., 1929. Рязань в сложении архитектурных форм XII–XIII вв. // Сборник аспирантов ГАИМК. Л. Т. 1.

Корзухина Г.Ф., 1946. О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси X–XII вв. // КСИИМК. М. Вып. XIII.

Корзухина Г.Ф., 1950. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания // СА. М. XIV.

Корзухина Г.Ф., 1951. Серебряная чаша из Киева с надписями XII в. // СА. М. XV.

Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.

Корзухина Г.Ф., 1958. О памятниках "корсунского дела" на Руси // ВВ. Т. XIV.

Корзухина Г.Ф., 1961. О гнездовской амфоре и ее надписи // Исследования по археологии СССР. Л.

Корзухина Г.Ф., 1963. Из истории игр на Руси // СА. № 4.

Корзухина Г.Ф., 1966. Ладожский топорик // Культура древней Руси. М.

Корчая книга. Напечатана по оригиналу патриарха Иосифа. 1912. М.

Костомаров Н.И., 1860. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб.

Кострин К.В., 1967. Исследования смолистого вещества "черно-смоленых" кувшинов средневековой Тмутаракани // СА. № 1.

Кочкуркина С.И., 1973. Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Л.

Кочкуркина С.И., 1981. Археологические памятники корелы V–XV вв. Л.

Кочкуркина С.И., Линевский А.М., 1985. Курганы летописной веси X - начала XIII в. Петрозаводск.

Крестьянская одежда населения европейской России XIX – начала XX в. 1971. М.

Крупейченко И.П., 1978. Отчет о раскопках курганов у д. Горелуха Ленинградской области в 1978 г. // Архив ИА АН СССР. Р. 12. Д. 7356. 7357.

Крывелев И.А., 1968. Религиозная картина мира и ее богословская модернизация. М.

Кубышев А.І., 1972. Хронология одного типу амфор часу Київської Русі // Археологія. Київ. Вып. 6.

Кубышев А.И., Орлов Р.С., 1982. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. № 1.

Куглюковский П.И., 1974. Исследования древнего жилища в г. Суздале // АО, 1973. М.

Кудрявцева Т.П., 1975. К вопросу о "романских" влияниях во владимиро-суздальском зодчестве // Архитектурное наследство. Т. 23.

Куза А.В., Медынцева А.А., 1976. Запись Николы из новгородского Софийского собора // СА. № 1.

Кузаков В.К., 1978. Особенности науки и техники средневековой Руси // Естественнонаучные представления Древней Руси. М.

Кузнецов В.А., 1968. Энколпионы Северного Кавказа // Славяне и Русь. М.

Кузнецов В.А., Медынцева А.А., 1975. Славяно-русская надпись XI в. из с. Предградного на Северном Кавказе // КСИА. М. Вып. 144.

Кузьмин Ф.Ф., 1952. Новгородская берестяная грамота № 9 // Вестник музыкознания. № 3.

Куфтин Б.А., 1926. Материальная культура русской Мещеры. М.

Кухаренко Ю.В., 1955. Славянские древности V–IX вв. на территории Припятского Полесья // КСИИМК. М. Вып. 57.

Кучера М.П., 1960. Гончарные клейма из раскопок древнего Плеснеска // КСИА АН УССР. Киев. Вып. 10.

Кучера М.П., 1962. Гончарная керамика дофеодального времени из раскопок древнего Плеснеска // СА. № 1.

Кучера М.П., 1962а. Древній Пліснеск // АП УРСР. Т. XII(12).

Кучин М.М., 1976. Раскопки древнего Владимира Волынского // АО 1975. М.

Кызласов Л.Р., 1960. Таштыкская эпоха в истории хакасско-минусинской котловины. М.

Лабутина И.К., 1979. Продолжение охранных раскопок на ул. Ленина в Пскове // АО, 1978. М.

Лабутина И.К., 1983. Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 г. // Археологические изучение Пскова. М.

Лабутина И.К., Кондратьева О.А., 1975. Пластины с изображением кентавра и фантастического животного из раскопок во Пскове // СА. № 4.

Лазарев В.Н., 1953а. Живопись и скульптура Киевской Руси // История русского искусства. М. Т. 1.

Лазарев В.Н., 1953б. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. // История русского искусства. М. Т. 1.

Лазарев В.Н., 1953в. Васильевские врата 1336 г. // СА. М. Т. XVIII.

Лазарев В.Н., 1956. Происхождение итальянского Возрождения. М. Т. 1.

Лазарев В.Н., 1960. Мозаики Софии Киевской. М.

Лазарев В.Н., 1966. Михайловские мозаики. М.

Лазарев В.Н., 1970. Русская средневековая живопись. М.

Лазарев В Н., Мнева Н.Е., 1954. Памятник новгородской деревяннои резьбы XIV в. (Людогощенский крест) // Сообщения Института истории искусств. М. № 4–5.

Латышева Г.П., 1954. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г. // Труды МиРМ. М. Вып. 6.

Латышева Г.П., 1971. Торговые связи Москвы в XII–XIV вв. // МИА. М. № 167.

Лебедев Г.С., 1978. Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье // КСИА. М. Вып. 155.

Лебедева Н.И., 1927. Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки. М.

Лебедева Н.И., 1929. Материалы по народному костюму Рязанской губернии. Рязань.

Лебедева Н.И., 1960. Одежда // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. Труды ИЭ АН СССР. М. Т. 57.

Лебедева Н.И., Маслова Г.С., 1967. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX в. // Русские: Историко-этнографический атлас. М.

Левашова В.П., 1959а. Изделия из дерева, луба и бересты // Труды ГИМ. М. Вып. 33.

Левашова В.П., 1959б. Добывание и использование вспомогательных производственных материалов // Там же.

Левашова В.П., 1959в. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Там же.

Левашова В.П., 1966. Об одежде сельского населения древней Руси // Там же. Вып. 40.

Левашова В.П., 1967а. Браслеты // Там же. Вып. 43.

Левашова В.П., 1967б. Височные кольца // Там же.

Левашова В.П., 1968. Венчики женского головного убора из курганов X–XII вв. // Славяне и Русь. М.

Леви-Стросс К., 1985. Структурная антропология. М.

Левинсон-Нечаева М.Н., 1959. Ткачество // Труды ГИМ. Вып. 33.

Лесючевский В.И., 1928. Некоторые змеевики в собрании художественного отдела Государственного Русского музея // Материалы по русскому искусству. Л. Т 1.

Лесючевский В.И., 1946. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // СА. М. Т. VIII.

Лешков В., 1858. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. СПб.

Линдер И.М., 1975. Шахматы на Руси. М.

Линдер И.М , 1984. Шахматные реалии в былинах // СЭ. М. № 3.

Липец Р.С., 1984. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.

Лихачев Д.С., 1966. Новая наука – "берестология" // Новый мир. № 2.

Лихачев Д.С., 1985. Прошлое – будущему: Статьи и очерки. Л.

Лихачева О.П., 1976. Некоторые замечания об образах животных в древнерусской литературе // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиция. М.

Логвин Г.Н., 1963. Украинское искусство, X–XVIII вв. М.

Логвин Г.Н., Тимощук Б.А., 1961. Белокаменный храм XII в. в Василеве // Памятники культуры: Исследования и реставрация. М. Т. 3.

Лопарев Х., 1892. Послание митрополита Климента Смолятича к пресвитеру Раке // Памятники древней письменности. СПб. Вып. 90.

Лукина Г.Н., 1970. Русские шапки и шлемы // Русская речь. № 3.

Лукина Г.Н., 1974. Название предметов украшения в языке памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. // Вопросы словообразования по лексикологии древнерусского языка. М.

Лунина С.Б., 1978. Формы специализации в средневековом ремесле Средней Азии // СА. № 3.

Лурье Я.С., 1976. Два миниатюриста XV в. (к проблеме так называемого художественного мышления Древней Руси) // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиция. М.

Лысенко П.Ф., 1971. Раскопки древнего Берестья // АО, 1970. М.

Лысенко П.Ф., 1974. Города Туровской земли. Минск.

Лысенко П.Ф., 1985. Берестье. Минск.

Львов А.С., 1971. Еще раз о древнейшей русской надписи из Гнездова // Известия АН СССР. серия литературы и языка. М. Т. XXX, вып. 1.

Львова З.А., 1964. Стеклянные бусы Старой Ладоги: Происхождение бус // АСГЭ. Л. Вып. 12.

Львова З.А., 1968. Стеклянные бусы Старой Ладоги: Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Л. Вып. 10.

Львова З.А., 1970. Стеклянные бусы Старой Ладоги: Происхождение бус // АСГЭ. Л. Вып. 12.

Ляўданскі А.Н., 1926. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского университета. Смоленск. Т. 3(4). Вып. 3.

Ляўданскі А.Н., 1930а. Археологічныя доследы у водазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі у Смалянскої губ. // Працы археологічнай камиссіі. Менск. Т. II.

Ляуданский А.Н., 1930б. Археалагічныя досьледы у Палацкай акруге. // Працы археалагічной камисіі. Менск. Т. II.

Ляуданскі А.Н., 1930в. Археолегічная доследы у Аршанскай акрузе // Працы археолегічнай камиссіі. Менск. Т. II.

Ляуданскі А.Н., 1932. Археолегічныя досьледы у Смоленшчыне // Працы археалегічнай камиссіі. Менск. Т. III.

Ляпушкин И.И., 1958. Городище Новостроицкое // МИА. М. № 74.

Ляпушкин И.И., 1959. К вопросу о памятниках волынцевского типа // СА. М. Т. XXIX–XXX.

Ляпушкин И.И., 1961. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. № 104.

Ляскоронский В.Г., 1931. Звідомлення про розкопки біля "Золотої брами" - Киеві в осени 1927 р. // Хроніка археології та мистецтва. Ч. 3.

Макаренко М.О., 1925. Городище Монастырище // Науковий збірник Історической секции УАН за рік 1924. Київ. Т. XIX.

Макаренко М.О., 1925а Орнаментація керамічних виробів в культурі городищ роменського типу // Obzor Praehistorichy. 1925. Roc. 4. Nederluv sbornik.

Макаренко М.О., 1931. Скульптура і різберство Київської Руси перед монгольских часів // Київські збірники історії й археології, побуту и мистецтва. Київ. Вып. 1.

Макаров И.С., 1929. К вопросу об организации ремесла во французском поместье эпохи Каролингов // Ученые записки Ин-та истории РАНИОН. М. Вып. (т.) 3.

Макаров Н.А., 1982. Работы на севере Вологодской области // АО, 1961. М.

Макаров Н.А., 1983. Чашевидные сосуды средневековых памятников Волго-Шехснинского междуречья // КСИА. М. Вып. 175.

Макаров Н.А., 1984. Работа Онежско-Сухонского отряда // АО, 1982. М.

Макаров Н.А., 1985. Работа Онежско-Сухонского отряда // АО, 1984. М.

Макаров Н.А., 1991. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII в. (погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) // КСИА. М. Вып. 205.

Макарова Т.И., 1963. К вопросу о происхождении поливной посуды на Руси // СА. № 2.

Макарова Т.И., 1965. Поливная керамика древнего Любеча // Там же. № 4.

Макарова Т.И., 1966. О производстве писанок на Руси // Культура Древней Руси. М.

Макарова Т.И., 1967. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси. САИ. Ei–38. М.

Макарова Т.И., 1975. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.

Макарова Т.И., 1976. Патрональные энколпионы с перегородчатой эмалью // СА. № 3.

Макарова Т.И., 1978. Симметрия в растительном орнаменте Древней Руси // Древняя Русь и славяне. М.

Макарова Т.И., 1985. Две находки предметов с перегородчатой эмалью из Новгорода и Смоленска // СА. 3.

Макарова Т.И., 1986. Черневое дело Древней Руси. М.

Макарова Т.И., Николаева Т.В., 1976. Из истории культуры Гверского Отроча монастыря // С А. № 4.

Макарова Т.И., Плетнева С.А., 1983. Пояс знатного воина из Саркела // Там же. № 2.

Маковецкий И.В., 1962. Архитектура русского народного жилища Северо и верхнее Поволжье. М.

Максимов Е.К., 1964. Вятическое семилопастное кольцо из Нижнего Поволжья // СА. № 4.

Малевская М.В., 1962. Амфора с надписью из Новогрудка // СА. №4.

Малевская М.В., 1966. К реконструкции майоликового пола Нижней церкви в Гродно // Культура древней Руси. М.

Малевская М.В., 1969а. Амфоры Новогрудка XII–XIII вв. // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск.

Малевская М.В., 1969б. Поливная керамика древнего Новогрудка // СА. № 3.

Малевская М.В., 1969в. К вопросу о керамике Галицкой земли XII–XIII вв. // КСИА. М. Вып. 120.

Малевская М.В., 1971. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII–XIII вв. // Там же. Вып. 125.

Малевская М.В., 1972. Об исторических связях Новогрудка в X веке (по материалам керамики) // КСИА. М. Вып. 129.

Малевская М.В., Раппопорт П.А., Тимощук Б.А., 1970. Раскопки на Ленковецком поселении в 1967 г. // СА. № 4.

Малицкий Н.В., 1928. Створка панагиара Государственного Русского музея с золоченым изображением Троицы // Материалы по русскому искусству. Л. Т. 1.

Мальм В.А., 1949. Горны московских гончаров XV–XVI вв. // МИА. М. № 12.

Мальм В.А., 1959. Производство глиняных изделий // Труды ГИМ. М. Вып. 33.

Мальм В.А., 1963. Культовая и бытовая посуда из ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв. М.

Мальм В.А., 1967. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Труды ГИМ. М. Вып. 43.

Мальм В.А., 1968. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М.

Мальм В.А., Фехнер М.В., 1967. Привески-бубенчики // Труды ГИМ. М. Вып. 43.

Мальм В.А. Фехнер М.В., 1974. Археологические исследования древнего Пронска и городище на горе Гневна // Археология Рязанской земли. М.

Малеветов И.Д., 1874. Об изображении распятия на ложице, находящейся в Антониевом монастыре в Новгороде // Древности. Т. 4. вып. 2.

Мансуров А.А., 1946. Старорязанские и пронские гончарные клейма // СА. М.; Л. VIII.

Маслова Г.С., 1956. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М.

Маслова Г.С., 1978. Орнамент русской народной вышивки. М.

Машкин А.С., 1854. Обычаи и обряды, соблюдаемые в г. Обояни Курской губ. // Москвитянин. Архив ИРТО в Ленинграде. Ф. XIX. Д.29.

Маясова Н.А., 1968. Художественное шитье // Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники. М.

Медведев А.Ф., 1959. Оружие Новгорода Великого // МИА. М. №65.

Медведев А.Ф., 1960. Древнерусские писала X–XV вв. // СА. № 2.

Медведев А.Ф., 1963. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде // МИА. М. № 117.

Медведев А.Ф., 1967а. Первые раскопки в Городце на Волге // КСИА. М. Вып. 110.

Медведев А.Ф., 1967б. Из истории Старой Руссы // СА. № 3.

Медведев А.Ф., 1968. Новые материалы к истории Городца на Волге // КСИА. М. Вып. 113.

Медведев А.Ф., 1972. Новые материалы о Старой Руссе // АО, 1971. М.

Медведев А.Ф., 1973. Раскопки в Старой Руссе // АО, 1972. М.

Медведев А.Ф., Смирнова Г.П., 1975. Раскопки в Старой Руссе // АО 1974. М.

Медведева Е.С., 1945. О датировке врат Суздальского собора // КСИИМК. М. Вып. XI.

Медынцева А.А., 1978а. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М.

Медынцева А.А., 1978б. О литейных формочках с надписями Максима // Древняя Русь и славяне. М.

Медынцева А.А., 1979. Тмутараканский камень. М.

Медынцева А.А., 1981. Надпись – граффити из псковской церкви Покрова // СА. № 3.

Медынцева А.А., 1983. Начало письменности на Руси по археологическим данным // История, культура и фольклор славянских народов

IX международный съезд славистов. Киев, 1983 г. Доклады советской делегации. М.

Медынцева А.А., 1984а. Письма Григория – тиуна боярского (по материалам берестяных грамот) // Культура и искусство средневекового города. М.

Медынцева А.А., 1984б. Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси // СА. № 4.

Медынцева А.А., 1985. Грамотность женщин на Руси XI–XIII вв. по данным эпиграфики // Слово о полку Игореве и его время. М.

Медынцева А.А., 1985. О "досках" русских летописей и юридических актов // СА. № 4.

Мезенцева Г.Г., 1965. Канівське поселення полян. Київ.

Мезенцева Г.Г., 1968. Древньоруське місто Родень. Княжа Гора. Київ.

Мезенцева Г.Г., 1973. Давньоруські керамічні світильники та свічники // Археологія. Київ. Вып. 10.

Мельникова Е.А., Петрухин В.Я., Пушкина Т.А., 1984. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья // История СССР. № 3.

Миллер В.Ф., 1877. О "лютом звере" народных песен // Древности. Труды МАО. М. Т. VII, вып. 1.

Милюков В.В., 1984. Идейные течения в философской мысли XI столетия // Становление философской мысли в Киевской Руси. М.

Миронов Н.П., 1931. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань.

Михаил Пселл, 1978. Хронография. М.

Михайлов М.И., 1913. Памятники русской вещевой палеографии. СПб.

Михайловский Е., Ильенко И., 1969. Рязань. Касимов: Художественные памятники XII–XIX вв. М.

Мишуков Ф.Я., 1945. К вопросу о технике золотой и серебряной наводки по красной меди в Древней Руси // КСИИМК. М. Вып. XI.

Минева Н.Е., Филатов В.В., 1960. Икона Петра и Павла новгородского Софийского собора // Из истории русского и западноевропейского искусства. М.

Молотова Л.Н., 1974. Русские кокошники – памятники народного искусства // Труды ГЭ. Л. Вып. XV.

Молчанов А.А., 1976. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VII.

Монгайт А.Л., 1948. Золотоордынская чаша из Новгорода Великого // КСИИМК. М. Вып. 19.

Монгайт А.Л., 1949. Археологические исследования Старой Рязани 1948 г. // Известия АН СССР. Т. VI: Сер. истории и философии. М. Вып. 5.

Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань. М.

Монгайт А.Л., 1961. Рязанская земля. М.

Монгайт А.Л., 1967. Художественные сокровища Старой Рязани. М.

Монгайт А.Л., 1974. Работы Рязанской археологической экспедиции в 1966–1970 гг. // Археология Рязанской земли. М.

Моргилевский І.В., 1928. Успенська церква Елецького монастыря в Чернигові // Чернігів і Північне Лівобережжя. Київ.

Моргунов Ю.Ю., 1982. Два городища XI–XIII вв. на р. Ромен в Посулье // КСИА. М. Вып. 171.

Моруженко А.А., Костиков В.А., 1977. Курганы у с. Городное // СА. № 1.

Москаленко А.Н., 1965. Городище Титчиха. Воронеж.

Мошин В., 1966. Најстарата кирилска епиграфика // Словенска писменост. 1050 годишнина на Климент Охридски. Охрид.

Мугуревич Э.М., 1965. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига.

Мугуревич Э., 1973. Работы на острове Мартиньсала и в Курземе // АО 1972. М.

Музыкальная эстетика стран Востока. 1967. М.

Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А., 1984. Средневековые памятники Чуди заволочской // СА. № 4.

Назина И.Д., 1979. Белорусские народные музыкальные инструменты. Минск.

Народы Европейской части СССР, 1964 // Народы мира: Этнографические очерки. М. Т. 1.

Нахлик А., 1963. Ткани Новгорода // МИА. М. № 123.

Недошивина Н.Г., 1967. Перстни // Труды ГИМ. М. Вып. 43.

Недошивина Н.Г., 1976. О религиозных представлениях вятичей в XI–XIII вв. // Средневековая Русь. М.

Недошивина Н.Г., 1983. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // СА. № 4.

Недошивина Н.Г., 1990. Об одном типе крестовидных подвесок древней Руси // Проблемы археологии Евразии. Труды ГИМ. М. Вып. 74.

Некрасов А.И., 1913. Очерки из истории славянского орнамента: Человеческая фигура в русском тератологическом рукописном орнаменте XIV века. СПб.

Некрасов О.І., 1926. Рельєфні портрети XI століття // Записки Українського наукового товариства в Києві: Науковий збірник за р. 1925. Київ.

Некрасов А.И., 1928. О гербе суздальских князей // Сборник ОРЯС. М. Т. 101. № 3: Отделение русского языка и словесности АН СССР.

Некрасов А.И., 1937. Древнерусское изобразительное искусство. М.

Нефедов Ф.Д., 1899. Раскопки курганов в Костромской губ., произведенные летом 1895 и 1896 гг. // МАВГР. 3.

Нидерле Л., 1956. Славянские древности. М.

Никитин А.В., 1967. Городище в г. Устюжне // КСИА. М. Вып. 110.

Никитин А.В., 1971а. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. САИ. Е1–34. М.

Никитин А.В., 1971б. К характеристике материалов раскопок в Дмитрове (1933–1934 гг.) // МИА. М. № 167.

Никитский А.И., 1870. Святой великий Иван на Опоках // ЖМНП. № 8.

Николаева Т.В., 1960. Произведения мелкой пластики XIII–XVII вв. в собрании Загорского музея: Каталог. Загорск.

Николаева Т.В., 1968а. Древнерусская мелкая пластика XI–XVI вв. М.

Николаева Т.В., 1968б. Рязанская икона с изображением Бориса и Глеба // Славяне и Русь. М.

Николаева Т.В., 1971. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. САИ. Е1–49. М.

Николаева Т.В., 1975. Каменная иконка, найденная в Новгороде // Памятники культуры: Новые открытия. 1974. М.

Николаева Т.В., 1976. Прикладное искусство Московской Руси. М.

Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. САИ. Е1–60. М.

Николаева Т.В., 1985. Змеевики с изображением Федора Стратилата как филактерии преимущественно для воинов // "Слово о полку Игореве" и его время. М.

Николаева Т.В., Чернецов А.В., 1991. Древнерусские амулеты – змеевики. М.

Никольская Т.Н., 1959. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н.э. // МИА. М. № 72.

Никольская Т.Н., 1968а. К истории древнерусского города Серенска // КСИА. М. Вып. 113.

Никольская Т.Н., 1968б. Кузнецы железу, меди и серебру от вятич // Славяне и Русь. М.

Никольская Т.Н., 1971. Древнерусский Серенск – город вятических ремесленников // КСИА. М. Вып. 125.

Никольская Т.Н., 1972. О летописных городах в Земле вятичей // Там же. Вып. 129.

Никольская Т.Н., 1974а. Литейные формочки древнерусского Серенска // Культура средневековой Руси. Л.

Никольская Т.Н., 1974б. Литейные формочки с надписями из древнерусского города Серенска // СА. № 1.

Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей: К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX–XIII вв. М.

Никольченко Ю.М., 1981. Работы Ровенского краеведческого музея // АО, 1980. М.

Никольченко Ю.М. Пономарева Т.А., Зимина Л.М., Гордиенко Н.М., 1976. Раскопки городища Дорогобуж // АО, 1975. М.

Нимчук В.В., 1982. Початок литературних мов Київської Руси // Мовознавство. Київ. № 2.

Новаковская С.М., 1978. К вопросу о поздних рельефах в резьбе Дмитриевского собора во Владимире // СА. № 4.

Новаковская С.М., 1979. Дмитриевский собор во Владимире. Поздние рельефы второго яруса и барабана // Там же.

Новгородские былины, 1978. М.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. 1950. М.; Л.

Новицька М.О., 1970. Давньоруське гантування з фігурними зображеннями // Археологія. Київ. 24.

Новицька М.О., 1965. Гантування в Київській Русі // Археологія. Київ. XVIII.

Новицкий А.П., 1903. История русского искусства с древнейших времен. М. Т. 1.

Новое в археологии Киева, 1981. Киев.

Носов Е.Н., 1977. Лепная керамика из раскопок на Рюриковом городище под Новгородом // Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л.
ОАК за 1911 г., 1914. СПб.
Овчинников А.Н., 1978. Суздальские Златые врата. М.
Окладников А.П., 1950. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Раддея // СА. М.; Л. XIII.
Оленин А.Н., 1806. Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутороканском, найденном на острове Тамане в 1792 г. СПб.
Оленин А.Н., 1832. Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времени Трояна и русских до нашествия татар. СПб.
Ольчак Е., 1959. Производство стеклянных перстней на славянской территории в средние века // СА. № 3.
Орешников А.В., 1897. Заметка о потире Переяславль-Залесского собора // АИЗ. М. Т. 5. № 11.
Орлов А.С., 1926. Амулеты "змеевики" Исторического музея // Отчет ГИМа за 1916–1925 гг. М.
Орлов А.С., 1936, 1952. Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л.
Орлов Р.С., 1981. Раскопки в Белой церкви // АО, 1980. М.
Орлов Р.С., 1984. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М.
Орлов С.Н., 1972. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // СА. № 2.
Орлов С.Н., 1973. Археологические исследования на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА. М. Вып. 135.
Остапенко М.А., 1950. Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові // Архітектурні пам'ятки. Київ.
Отрощечко В.В., 1983. Раскопки курганов в Запорожской области // АО, 1982. М.
Очерки по археологии Белоруссии, 1972. Минск. Т. 2.
Очерки по истории русской деревни X–XIII вв., 1956, 1959, 1967 // Труды ГИМ. М. Вып. 32, 33, 43.
Оятева Е.И., 1962. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. 4.
Оятева Е.И., 1965. Обувь и другие кожаные изделия земляного городища Старой Ладоги // Там же. 7.
Оятева Е.И., 1970. Кожаная обувь из средневековых городов Польши (краткий обзор публикаций) // Там же. 12.
Оятева Е.И., 1973а. К методике изучения древней кожаной обуви // Там же. 15.
Оятева Е.И., 1973б. Белозерская кожаная обувь // Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.
Павлова К.В., 1967. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка // КСИА. М. Вып. 110.
Павлова К.В., Раппопорт П.А., 1973. Городище Осовик // СА. № 1.
Падин В.А., 1958. Материалы из раскопок Кветунских курганов X–XIII вв. // Там же. № 2.
Пажитнов К.А., 1940. Ремесленное устройство Московской Руси и реформа Петра // Исторические записки. № 8.
Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII в., 1978. М.
Памятники литературы древней Руси. XII век. 1980. М.
Памятники русского права: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв., 1953. М. Вып. 2.
Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв., 1929. М. Т. 1.
Пастернак Я., 1944. Старый Галич. Львів.
Патерик Киево-Печерского монастыря, 1911. СПб.
Пачкова С.В., Петрашенко В.О., 1982. Вивчення керамiки давньоруського городища біля с. Гринчук // Археологія. 39.
Пашуто В.П., 1965. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М.
Пеняк П.С., 1984. К вопросу о социальной организации древнерусского ремесла // Древнерусский город. Киев.
Пескова А.А., 1978. Древнерусское поселение у с. Сенча на Суле // КСИА. Вып. 155.
Петренко В.П., 1978. Работы Староладожской экспедиции // АО, 1977. М.
Пигулевская Н.В., 1956. Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л.
Плетнева С.А., 1959. Керамика Саркела – Белой Вежи // МИА. М. № 75.
Плетнева С.А., 1963. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Гмутаракани. М.
Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура. М.
Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния. САИ. Е4-2. М.
Плетнева С.А., 1978. Животный мир в русских волшебных сказках // Древняя Русь и славяне. М.
Плешанова И.И., Лихачева Л.Д., 1985. Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л.
Повесть временных лет, 1950. М.; Л.
Поветкин В.И., 1982. Новгородские гусли и гудки // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.
Поветкин В.И., 1986. Гудебные сосуды древнего Новгорода (из опыта восстановительных работ) // Памятники культуры: Новые открытия, 1984. Л.
Подвигина Н.Л., 1965. Раскопки курганов в Псковской области // СА. № 1.
Подвигина Н.Л., 1968. Из истории поясных наборов I тыс. н.э. на территории нашей страны // Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М.
Подвигина Н.Л., 1976. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М.
Покровский Н.В., 1911. Иерусалимы, или Сионы Софийской ризницы в Новгороде // Вестник археологии и истории. СПб. Вып. 21.
Покровский Н.В., 1914. Древняя ризница Новгородского Софийского собора // Труды XV АС. М. Т. X.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), 1848, 1897, 1913. СПб. Т. IV, XI, XVIII.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), 1846, 1843, 1853. СПб. Т. I, II, VI; 1962. Т. 1, 2; М. 1978. Т. 34.
Полонский Н.А., 1911. Археологические раскопки В.В. Хвойко в 1909–1910 гг. в местечке Белгородке // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV АС. М.
Полубояринова М.Д., 1963а. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. М. № 117.
Полубояринова М.Д., 1963б. Стеклянная посуда древнего Турова // СА. М. № 4.
Полубояринова М.Д., 1971. Костяная печать из Серенска // КСИА. М. Вып. 125.
Полубояринова М.Д., 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.
Полубояринова М.Д., 1980. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М.
Полякова Г.Ф., Фехнер М.В., 1973. Игры в мельницу в Древней Руси // Slovenska archeologia. Br. T. XXI–2.
Попов Г.В., Рындина А.В., 1979. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI вв. М.
Попова О.С., 1980. Искусство Новгорода и Москвы в первой половине XIV в.: Его связи с Византией. М.
Поппэ А.В., 1966. О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе // ТОДРЛ. М. Т. XXII.
Порфиридов Н.Г., 1964. Георгий в древнерусской мелкой каменной пластике // Сообщения Государственного Русского музея. Л. Вып. VIII.
Порфиридов Н.Г., 1967. О некоторых вопросах прикладного искусства древнего Новгорода // Культура и искусство Древней Руси. Л.
Постникова-Лосева М.М., 1974. Русское ювелирное искусство, его центры и мастера XVI–XIX вв. М.
Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л., 1972. Русское черневое искусство. М.
Поулик Й., 1985. Вклад чехословацкой археологии в изучение Великой Моравии // Великая Моравия и ее историческое и культурное значение. М.
Правда Русская. Комментарии, 1947. М.; Л.
Привалов Н.И., 1904. Гудок – древнерусский музыкальный инструмент // ЗОРСА. СПб. Т. V, вып. 2.
Привалов Н.И., 1907. Лира – русский народный музыкальный инструмент // Там же. Т. VII, вып. 2.
Привалов Н.И., 1907. Музыкальные духовые инструменты русского народа в связи с соответствующими инструментами других стран // Там же.
Привалов Н.И., 1909. Музыкальные духовые инструменты русского народа (продолжение): Свистящие инструменты // Там же. Т. VIII, вып. 2.
Прохоров В.А., 1875. Христианские древности. СПб.

Прохоров В.А., 1881. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые по высочайшему соизволению В. Прохоровым. СПб. Т. 1.

Псковская летопись. 1941. М.; Л. Вып. 1.

Пуряченкова Г.А., 1958. Мастер-керамист Мухаммед Али Инойатон из Мерва (к характеристике штампованной керамики Мерва XII – начала XIII в.) // СА. М. № 2.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. 1957. М.

Пушкарева Н.Л., Левина Е. 1983. Женщины в средневековом Новгороде XI–XV вв. // Вестник МГУ Сер. 8. Ист. М. № 3.

Пушкина Т.А., 1973. Лепная керамика Гнездовского селища // Там же. № 3.

Пуцко В.Г., 1981. Каменный рельеф из киевских раскопок // СА. № 2.

Пыпин А., 1862. Исследования для объяснения статьи о ложных книгах // Летопись занятий Археологической комиссии за 1861 г. СПб.

Рабинович М.Г., 1949. Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII–XV вв. // КСИИМК. М. Вып. 30.

Рабинович М.Г., 1955. Великий посад Москвы // КСИИМК. М. Вып. 57.

Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве. М.

Рабинович М.Г., 1968. Жилища // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1: Материальная культура. М.

Рабинович М.Г., 1986. Древнерусская одежда IX–XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. М.

Рабкин Е.Б., 1956. Атлас цветов. М.

Равдина Т.В., 1957. Надпись на корчаге из Пинска // КСИИМК. М. Вып. 70.

Равдина Т.В., 1963. Поливные керамические плитки из Пинска // КСИА. М. Вып. 96.

Равдина Т.В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.

Равдина Т.В., 1975. Хронология "вятических" древностей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Равдина Т.В., 1979. Погребения с древнерусскими сребрениками // СА. № 3.

Равдоникас В.И., 1934. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье // ИГАИМК. Л. Вып. 94.

Равдоникас В.И., 1949, 1950. Старая Ладога. Ч. I, II // СА. М.; Л. XI–XII.

Равдоникас В.И. 1959. Отчет о работах Староладожской экспедиции 1959 г. Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 2019.

Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи, 1902. М.

Рапов О.М., 1968. Знаки Рюриковичей и символ сокола // СА. № 3.

Раппопорт П.А., 1972. Церковь Василия в Овруче // Там же. № 1.

Раппопорт П.А., 1977. Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв. // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М.

Раппопорт П.А., 1985. Строительные артели древней Руси и их заказчики // СА. № 4.

Ратич О.О., 1959. Древньоруські вироби з кості і рогу знайдені на території Галицького і Волинськоі земель // Материалі і дослидження з археологіі Прикарпаття і Волині. Київ. Вып. 2.

Ратич А.А., 1971. Надпись на амфоре из Звенигорода на Белке // АО 1970 г. М.

Ратич О.О., 1976. Населення Прикарпатья і Волині в епоху Київськоі Русі та в период феодальной раздробленности // Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруский час. Київ.

Редин Е.К., 1916. Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М. Ч. 1.

Ремпель Л.И., 1961. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент.

Репников Н.И., 1904. Отчет о раскопках в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 г. // ИАК. СПб. 6.

Рихтер В.Ф., 1932. О тканях домонгольской Руси // Byzantinoslavica. Pr. T. 4.

Ривкин Б.И., 1980. Британский музей: Альбом. М.

Ровинский Д.А., 1900. Русские народные картинки. СПб. Т. 1.

Рождественская Т.В., 1975. Надписи-граффити из Старой Ладоги в Государственном Эрмитаже // Памятники культуры: Новые открытия. 1974. М.

Рождественская Т.В., 1983. Древнерусские надписи-граффити в церкви Спаса Спасо-Евфросиньевского монастыря в Полоцке // Вестник ЛГУ. Л. Вып. 3. № 14.

Рождественская Т.В., 1985. Основні етапи розвитку східнослов'янськоі писменості та давньоруська епиграфика // Мовознавство. Київ. № 5.

Розенкампф Г.А., 1839. Обозрение кормчей книги в историческом виде. СПб.

Розенфельдт Р.Л., 1958. Липинский бескурганный могильник // КСИИМК. М. Вып. 72.

Розенфельдт Р.Л., 1962. Заметки о древнерусском керамическом производстве // КСИА. М. Вып. 87.

Розенфельдт Р.Л., 1963. К вопросу о гончарных клеймах // СА. № 2.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Е1-39.

Розенфельдт Р.Л., 1973а. Курганы у бывшего Серафимо-Знаменского скита на р. Рожае в Московской обл. // КСИА. Вып. 135.

Розенфельдт Р.Л., 1973б. Раскопки курганов у с. Битягово в 1968–1970 гг. // СА. № 1.

Розенфельдт Р.Л., 1974. Егорьевская коллекция рязанских вещей // Археология Рязанской земли. М.

Розов Н.Н., 1968. Еще раз об изображении скомороха на фреске в Мелетове // Древнерусское искусство: Художественная культура Пскова. М.

Романченко Н.Ф., 1928. Образцы старицкого медного литья // Материалы по русскому искусству. Л.

Рузавин Г.И., 1977. Логическая структура научных теорий // Методы логического анализа М.

Русанова И.П., 1973. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом. САИ. Е1-25. М.

Русанова И.П., Тимощук Б.А., 1981. Древнерусское Поднестровье. Ужгород.

Русанова И.П., 1958. Археологические памятники второй половины I тыс. н.э. на территории древлян // СА. № 4.

Русское народное поэтическое творчество, 1953.

Рыбаков Б.А., 1932. Радзімічы // Працы сэкцii археологii. Минск. Т. III.

Рыбаков Б.А., 1939. Анты и Киевская Русь // ВДИ. М. I(6).

Рыбаков Б.А., 1940. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // СА. М.; Л. VI.

Рыбаков Б.А., 1946а. Надпись киевского гончара XI в. // КСИИМК. М.; Л. Вып. XII.

Рыбаков Б.А., 1946б. Овручские пряслица // Доклады и сообщения исторического фак-та МГУ. М. Вып. 4.

Рыбаков Б.А., 1947а. Поляне и северяне // СЭ. М.; Л. VI–VII.

Рыбаков Б.А., 1947б. Именні надписи XII ст. в Київському Софійському соборі // Археологія. Київ. і.

Рыбаков Б.А., 1948а. Древние элементы в русском народном творчестве // СЭ. М.; Л. I.

Рыбаков Б.А., 1948б. Ремесло Древней Руси. М.

Рыбаков Б.А., 1949. Древности Чернигова // МИА № 11.

Рыбаков Б.А., 1951. Прикладное искусство и скульптура // История культуры древней Руси. М.; Л. Т. II.

Рыбаков Б.А., 1953а. Прикладное искусство Киевской Руси IX–XI вв. и южнорусских княжеств XII–XIII вв. // История русского искусства. М. Т. 1.

Рыбаков Б.А., 1953б. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. М.

Рыбаков Б.А., 1953в. Древние русы // СА. М. XVII.

Рыбаков Б.А., 1957. Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. № 1.

Рыбаков Б.А., 1959. Запись о смерти Ярослава Мудрого // Там же. № 4.

Рыбаков Б.А., 1960. Раскопки в Любече, в 1957 г. // КСИИМК. М. Вып. 79.

Рыбаков Б.А., 1963. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.

Рыбаков Б.А., 1963. Русская эпиграфика X–XIV вв. // История, фольклор, искусство славянских народов. М.

Рыбаков Б.А., 1964а. Русские датированные надписи XI–XIV вв. // САИ. М. Е1-44.

Рыбаков Б.А., 1964б. Любеч – феодальный двор Мономаха и Ольговичей // КСИА. М. Вып. 99.

Рыбаков Б.А., 1964в. Смоленская надпись XIII в. о "врагах игуменах" // СА. № 2.

Рыбаков Б.А., 1966. Русь в эпоху "Слова о полку Игореве". М.

Рыбаков Б.А., 1967. Русалии и бог Симаргл-Переплут // Там же. № 2.

Рыбаков Б.А., 1968. Святовит – Род // Liber Josepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus. W-wa.

Рыбаков Б.А., 1969. Київські колти і віли – русалки // Славьянорускі старожитності. Київ.

Рыбаков Б.А., 1971. Русское прикладное искусство X–XIII вв. Л.
Рыбаков Б.А., 1974. Языческое мировоззрение русского средневековья // ВИ. 1.
Рыбаков Б.А., 1975. Антицерковное движение стригольников // ВИ. № 3.
Рыбаков Б.А., 1975. Макрокосм в микрокосме народного искусства // Декоративное искусство. М. № 1.
Рыбаков Б.А., 1976. Борьба за суздальское наследство в 1174–1176 гг. (по миниатюрам Радзивилловской летописи) // Средневековая Русь. М.
Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.
Рыбаков Б.А., 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.
Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.
Рыбаков Б.А., Николаева Т.В., 1970. Раскопки в Белгороде Киевском // АО 1969 г. М.
Рыбина Е.А., 1978а. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.
Рыбина Е.А., 1978б. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.
Рыбина Е.А., 1991. Из истории шахматных фигур // СА. М. № 4.
Рындина Н.В., 1963. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. М. № 117.
Рындина А.В., 1972. Оклад евангелия Симеона Ивановича Гордого // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М.
Рындина А.В., 1975. Шиферная иконка Бориса и Глеба из Солотчи: (О роли византийской и южнорусской домонгольской традиции в формировании среднерусской пластики XIII–XIV вв.) // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М.
Рындина А.В., 1978. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV–XV вв. М.
Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Е1–60. М.
Сабурова М.А., 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. № 2.
Сабурова М.А., 1975. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // КСИА. М. Вып. 144.
Сабурова М.А., 1976. Стоячие воротнички и "ожерелки" в древнерусской одежде // Средневековая русь. М.
Сабурова М.А., 1976а. Шерстяные головные уборы с бахромой из курганов вятичей // СЭ. № 3.
Сабурова М.А., 1978. Древнерусская мелкая пластика как источник по истории одежды (головной убор) // КСИА. М. Вып. 155.
Сабурова М.А., Седова М.В., 1984. Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М.
Савваитов Павел (П.Н.), 1896. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположенное. СПб.
Савин Н.І., 1930. Раскопки курганоу у Драгобускім і Ельнінском павятах Смаленскай губернии // Працы археолёгичнаі камісіі. Минск. Т. II.
Самойловський І.М., 1948. Скарб часів Київської Русі // Археологія. Київ. Т. 2.
Салько Н.Б., 1982. Живопись древней Руси XI – начала XIII века: Мозаики. Фрески. Иконы. Л.
Самоквасов Д.Я., 1908. Могилы русской земли. М.
Самоквасов Д.Я., 1916. Раскопки Северянских курганов в Чернигове во время XIV археологического съезда (раскопки 1908 г.). М.
Самоквасов Д.Я., 1915а. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обольского уезда Курской губ. М.
Самоквасов Д.Я., 1915б. Атлас гочевских древностей. М.
Самоквасов Д.Я., 1917. Могильные древности Северянской Черниговщины. М.
Сапунов Б.В., 1983. Семантика зооморфной подвески XI в. из кургана у д. Калиховщина // АСГЭ. Л. 24.
Сахаров А.М., 1959 Города северо-восточной Руси XIV–XV вв. М.
Сахаров И.П., 1885. Сказания русского народа. СПб.
Сахаров И.П., 1849. Сказание русского народа о семейной жизни своих предков. СПб. Ч. 2.
Сванидзе А.А., 1967. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции. М.
Сванидзе А.А., 1985. Деревенские ремесла в средневековой Европе. М.
Свирин А.Н., 1963. Древнерусское шитье. М.
Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв., 1984. М.
Седов В.В., 1953. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода // СА. М. XVIII.
Седов В.В., 1956. Языческая братчина в древнем Новгороде // КСИИМК. М. Вып. 65.
Седов В.В., 1958. Гончарная печь из раскопок в г. Владимире // КСИА. М. Вып. 72.
Седов В.В., 1959. Каменный крестик с надписью из Пирова селища // СА. М. № 1.
Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М.
Седов В.В., 1963. Из полевых исследований 1961 г. // КСИА. М. Вып. 96.
Седов В.В., 1966. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура Древней Руси. М.
Седов В.В., 1968. Амулеты-коньки из древнерусских курганов // Славяне и Русь. М.
Седов В.В., 1969. Раскопки в Суздале // АО. 1968 г. М.
Седов В.В., 1970а. Новгородские сопки. САИ. Е1–8. М.
Седов В.В., 1970б. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.
Седов В.В., 1971. Исследования в Суздале // АО. 1970 г. М.
Седов В.В., 1972. Браслетообразные височные кольца восточных славян // Новое в археологии. М.
Седов В.В., 1974а. Длинные курганы кривичей. САИ. Е1-8. М.
Седов В.В., 1974б. Межевой камень XIV в. из Изборска // СА. № 3.
Седов В.В., 1975. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. // КСИА. М. Вып. 144.
Седов В.В., 1976. Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска // Там же. Вып. 146.
Седов В.В., 1978. Лепная керамика Изборского городища // Там же. Вып. 155.
Седов В.В., 1982. Восточные славяне VI–XIII вв. // Археология СССР. М.
Седов В.В., Седова М.В., 1968. Раскопки во Владимирской земле // АО. 1967. М.
Седова М.В., 1959. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) // МИА. М. № 65.
Седова М.В., 1963. Раскопки Ярополча Залесского (1961 г.) // КСИА. М. Вып. 96.
Седова М.В., 1964. Серебряный сосуд XIII в. из Новгорода // СА. № 1.
Седова М.В., 1965. Каменные иконки древнего Новгорода // Там же. № 3.
Седова М.В., 1966. Новгородские амулеты-змеевики // Культура Древней Руси. М.
Седова М.В., 1972. Ювелирные изделия из Ярополча Залесского // КСИА. М. Вып. 129.
Седова М.В., 1973. Торговые связи Ярополча Залесского // Там же. Вып. 135.
Седова М.В., 1974. О двух типах привесок-иконок Северо-Восточной Руси // Культура средневековой Руси. Л.
Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.
Седова М.В., 1978. "Имитационные" украшения древнего Новгорода // Древняя Русь и славяне. М.
Седова М.В., 1979. Печать из Суздаля // СА. № 4.
Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
Седых В.Н., 1982. Керамика Тимеревского поселения // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
Сербина К.Н., 1946. К вопросу об ученичестве и ремесле русского города XVII в. // Исторические записки. № 18.
Сергеева З.М., 1973. Обследования в Витебской области // АО. 1972. М.
Сергеева З.М., 1977. О подковообразных фибулах с утолщенными концами на территории Древней Руси // КСИА. М. Вып. 150.
Сергеева З.М., 1981. К изучению культурно-экономических связей западно-русских земель с Прибалтикой (по находкам звериноголовых браслетов) // Там же. Вып. 164.
Сергеенко М.Е., 1968. Ремесленники древнего Рима. Л.
Сергина Т.В., 1981. Поливная посуда из Смоленска // СА. № 2.
Сизов В.И., 1895. О происхождении и характере курганных височных колец преимущественно так называемого московского типа // АИЗ. № 6.
Сизов В.И., 1897. Древний железный топорик из коллекции Исторического музея // АИЗ. № 5–6.
Сизов В.И., 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. СПб. 28.
Сизов Е., 1969. "Воображены подобия князей". Л.

Сизони П., 1910а. Мстиславово евангелие начала XII в. в археологическом и палеографическом отношениях. М.

Сизони П.К., 1910б. Собрание изображений окладов на русских богослужебных книгах XII–XVIII столетий // Памятники древней письменности. СПб. Т. CXXVII. Вып. 1.

Симонов Р.А., 1982. Календарно-астрономические таблицы Норовской псалтири // Язык и письменность среднеболгарского периода. М.

Словарь Русского языка XI–XVII вв., 1975. М. Вып. 1.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук, 1882. СПб.; М. Т. III

Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам, 1932 / Подготовил к печати Н.Н. Зарубин: Памятники древнерусской литературы. Л. Вып. 3.

Смирницкая Е.В., 1982. К вопросу о стилистических принципах средневекового зооморфного орнамента (на материалах древнерусских серебряных наручей) // Художественный язык средневековья. М.

Смирнов А.П., 1951. Волжские булгары. М.

Смирнова Г.П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // МИА. М. № 55.

Смирнова Г.П., 1976. Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. М. Вып. 146.

Смирнова Г.П., 1974. О трех группах новгородской керамики X – начала XI в. // Там же. Вып. 139.

Снегирев В., 1956. Московские слободы. М.

Соболева Н.А., 1981. Российская городская и областная геральдика. XVIII–XIX вв. М.

Соболевский А.И., 1910. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // Сб. ОРЯС. Т. LXXXVIII.

Соболевский А.И., 1908. Славяно-русская палеография. СПб.

Соколов М.И., 1895. Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // Древности: Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М. Т. 1.

Солнцев Ф.Г., 1851. Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению. Отдел IV: древности великокняжеские, царские, боярские и народные одежды, изображения, портреты. М.

Соловьева Г.Ф., 1966. Раскопки курганов в Белоруссии // АО, 1965. М.

Соловьева Г.Ф., 1967. О восточной границе дреговичей // КСИА. М. Вып. 110.

Соловьева Г.Ф., 1972. Славянские курганы близ г. Рогачева Гомельской обл. // Там же. Вып. 129.

Сорокин С.С., 1959. Железные изделия Саркела–Белой Вежи // МИА. М.; Л. № 75.

Сотникова М.П., 1961. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. // Труды ГЭ. Т. 4.

Сотникова М.П., 1970. Русская эпиграфика в советское время // Вспомогательные исторические дисциплины. М. Вып. III.

Спасский И.Г., 1970. Русская монетная система. Л.

Спасський І.Г., 1970. Дукати і дукачи України. Київ.

Спасский И.Г., 1976. Три змеевика с Украины // Средневековая Русь. М.

Сперанский М.Н., 1893. О змеевике с семью отроками // АИЗ. Т. 1. № 4.

Спицын А.А., 1896а. Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Л.К. Ивановского // МАР. СПб. 20.

Спицын А.А., 1896б. Вещи из раскопок П.М. Еременко в курганах Новорыбковского и Суражского уездов // ЗРАО. Новая сер. СПб. Т. VIII, Вып. 1–2.

Спицын А.А., 1896в. Материалы по доисторической археологии России: Новгородская губерния. Курганы Белозерского уезда // Там же.

Спицын А.А., 1899. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. VIII.

Спицын А.А., 1903а. Заметки о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА. СПб. Т. V, вып. 1.

Спицын А.А., 1903б. Гдовские курганы в раскопках В.П. Глазова // МАР. СПб. 29.

Спицын А.А., 1904. Раскопки близ д. Дуденовой Тверского уезда // ИАК. М. 6.

Спицын А.А., 1905а. Владимирские курганы // ИАК. М. 15.

Спицын А.А., 1905б. Отчет о раскопках С.А. Гатцука 1904 г. в Смоленской, Московской и Тульской губерниях // ЗОРСА. СПб. Т. VII, Вып. 1.

Спицын А.А., 1906а. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И.С. Абрамовым в Смоленской губ. // ЗОРСА. СПб. Т. VIII, Вып. 1.

Спицын А.А., 1906б. Из коллекции Эрмитажа // Там же.

Спицын А.А., 1914. Некоторые новые приобретения Саратовского музея // ИАК. 53.

Срезневский И.И., 1878. Св. София Царьградская по описанию русского паломника конца XII в. // Труды III АС. Киев. Т. 1.

Срезневский И.И., 1880. Древнерусские памятники русского письма и языка XI–XIV вв. СПб.

Срезневский И.И. 1882. Древние памятники русского письма и языка, X–XIV вв. СПб.

Срезневский И.И., 1893, 1895, 1903. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. Т. I–III.

Срезневский И.И., 1958. Материалы для словаря древнерусского языка. М. Т. 3.

Станкевич Я.В., 1949. Шестовицкая археологическая экспедиция 1946 г. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ. Т. 1.

Станкевич Я.В., 1950. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги // СА. М.; Л. XIV.

Станкевич Я.В., 1951. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // Там же. XV.

Станкевич Я.В., 1962. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 г. // КСИА. М. Вып. 87.

Станюкович А.К., 1981. Об одном редком типе древнерусских украшений (трефовидные привески) // СА. № 1.

Стамеров К.К., 1978. Нариси з історіе костюмів. Київ. Т. 1–2.

Старая Ладога, 1948. Л.

Стасов В.В., 1877. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб.

Стасов В.В., 1894. Русский народный орнамент // Собр. соч. М. Т. 1.

Стоглав, 1863. СПб.

Стоклицкая-Терешкович В.В., 1951. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси // Средние века. Вып. III.

Стрекалов С., 1877. Русские исторические одежды от X до XIII в. СПб.

Строков А.А., 1945. Раскопки в Новгороде в 1940 г. // КСИИМК. Вып. 11.

Судаков Г.В., 1974. Из истории названия одежды и обуви вологодских говоров // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу в Воронеже в 1974 г. М.

Судаков Г.В., 1975. Лексика одежды в русском языке XVIII в. // Тезисы конференции "Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии". М. Вып. 2.

Сухобоков О.В., 1975. Славяне Днепровского левобережья. Киев.

Сюзюмов М.Е., 1951. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. //ВВ. Т. 4.

Тарабрин И.М., 1916. Лицевой букварь Кариона Истомина // Древности // Труды МОСО. Т. XXV.

Тараканова С.А., 1949. Раскопки древнего Пскова (1945–1947) // КСИИМК. М. Вып. XXVII.

Тараканова С.А., 1950. Новые материалы по археологии Пскова // КСИИМК. М. Вып. 32.

Тараканова С.А., 1956. Псковские городища // Там же. Вып. 62.

Тарасенко В.Р., 1950. Раскопки Минского замчища // Там же. Вып. 35.

Тарасенко В.Р., 1950. Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Минск. Т. 1.

Тарасенко В.Р., 1957. Раскопки городища "Шведская гора" в Волковыске в 1954 г. // Там же. Т. 1.

Тарновский В.В., 1898. Каталог украинских древностей. Киев.

Татищев В.Н., 1786. Продолжение древней Российской Вифлиофики. СПб. Ч. I.

Тацкая И.Ф., 1971. Мозаики и фрески Софии Киевской. Киев.

Тацкая И.Ф., 1973. Отчет о раскопках на территории Софийского заповедника // Архив ИА АН УССР. Д. 110.

Теофил Пресвитер, 1963. Записка о разных искусствах // Сообщения ВЦНИЛКР. М. № 7.

Терехова Н.Н., 1985. Железообработка в древнемонгольских городах // СА. № 3.

Тимофеева Т.П., 1988. К вопросу об орнаменте фризовых колонок владимиро-суздальских белокаменных памятников XII–XIII веков // Там же. № 1.

Тимофеева Т.П., 1988. Реконструкция древнего карниза притвора Георгиевского собора XIII в. // Там же. № 4.

Тимощук Б.А., 1956. Об инструментах для письма ("стилях") // КСИИМК. М. Вып. 62.

Тимощук Б.А., 1959. Ленковецкое древнерусское городище // СА. № 4.
Тимощук Б.А., 1968. Исследования древнерусских памятников Северной Буковины // АО. 1967. М.
Тимощук Б.О., 1976. Слов'яни північної Буковини V–IX ст. Київ.
Тихомиров М.Н., 1946. Ремесленники и ремесленные объединения в Киевской Руси // УЗ МГУ. Вып. 87. История СССР. М.
Тихомиров М.Н., 1953. Городская письменность в древней Руси XI–XIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л. Т. IX.
Толочко П.П., 1972. Історична топографія стародавнього Києва. Київ.
Толочко П.П., 1980. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII вв. Киев.
Толочко П.П., Боровский Я.Е., Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Салайдак М.А., 1975. Киевская экспедиция // АО 1974. М.
Толочко П.П., Килиевич С.Р., Дяденко В.Д., 1968. Из работ Киевской археологической экспедиции // АИУ в 1967 г. Киев. Вып. 2.
Толстой И.И., 1888. О русских амулетах, называемых змеевиками // ЗРАО. Новая сер. СПб. Т. III, вып. 3–4.
Толстой И., Кондаков Н., 1897. Русские древности в памятниках искусства. СПб. Вып. V.
Троицкий В.И., 1941. Организация золотого и серебряного дела в Москве в XVII в. // Исторические записки. № 12.
Троицкий Н.И., 1909. Папанагиарий и складень из собрания гр. А.С. Уварова // Древности. Труды МАО. М. Т. XXII, вып. 2.
Троицкий Н., 1913. Пеликан и аист // Светильник. № 8.
Тупиков М.Н., 1903. Словарь древнерусских личных собственных имен // ЗОРСА. СПб. Т. VI.
Тухтина Н.В., 1960. Средневековые славянские гончарные клейма // Труды ГИМ. М. Вып. 37.
Тучков С.А., 1906. О музыке российской // Записки Сергея Алексеевича Тучкова. СПб.
Тынурист И.В., 1977. Где во гусли звонили (Опыт картографирования народных музыкальных инструментов) // Этнографические исследования Северо-запада СССР. Л.
Тышкевич К.П., 1865. О курганах в Литве и Западной Руси. Варшава.
Уваров А.С., 1871. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I АС. М. Т. II.
Уваров А.С., 1910. Потиры // Сборник мелких трудов. М. Т. I.
Угрелидзе Н.Н., 1975. Стеклоделательное производство феодальной Грузии.
Указатель церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, 1897. Киев.
Успенская А.В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Труды ГИМ. М. Вып. 43.
Успенская А.В., 1973. Раскопки на озере Селигер // АО, 1972. М.
Ухова Т.Б., 1976. К вопросу о сущности и генезисе славянской книжной тератологии (Чудовищного стиля) // Средневековая Русь. М.
Фаминцын А.С., 1890. Гусли. Русский народный музыкальный инструмент. СПб.
Фасмер М., 1971. Этимологический словарь русского языка. М. Т. III.
Фахрутдинов Р.Т., 1984. Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов) // СА. № 4.
Федоров Г.Б., 1953. Славяне Поднестровья // По следам древних культур: Древняя Русь. М.
Федоров Г.Б., 1954. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии // КСИИМК. М Вып. 56.
Ференци Б., 1936. Очерки по искусству средневековой Франции. М.
Фехнер М.В., 1952. Раскопки в Костроме // КСИИМК. М. Вып. 47.
Фехнер М.В., 1963а. Предметы языческого культа // Ярославское Поволжье X–XI вв. М.
Фехнер М.В., 1963б. Изделия косторезного производства // Ярославское Поволжье X–XI вв. М.
Фехнер М.В., 1967. Шейные гривны // Труды ГИМ. М. Вып. 43.
Фехнер М.В., 1971. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей древней Руси // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
Фехнер М.В., 1973. Шелк в торговых связях Владимиро-Суздальской Руси со Средней Азией // Кавказ и Восточная Европа в средние века. М.
Фехнер М.В., 1974. Некоторые данные о внешних связях Киева в XII в. // Культура средневековой Руси. Л.
Фехнер М.В., 1976. Золотое шитье Владимиро-Суздальской Руси // Средневековая Русь. М.
Фехнер М.В., 1979. Золотое шитье в Древней Руси // Памятники культуры: Новые открытия, 1978. Л.
Фехнер М.В., 1980. Испано-русская торговля XII в. // История и культура Евразии по археологическим данным. М.
Филимонов Г.Д., 1861. Оклад Мстиславова евангелия. Разбор древнейших финифтей в России // ЧОИДР. М. Кн. 3. 1860.
Филин Ф.М., 1965–1980. Словарь русских народных говоров. М.; Л. Вып. 1–16.
Финдейзен Н., 1928. Очерки по истории музыки в России: С древнейших времен до конца XVIII в. М.; Л. Т. 1, вып. 1–3.
Флоренский П., 1991. Троице-Сергиева лавра // Сергий Радонежский. М.
Фоняков Д.И., 1986. Об одной находке в древнерусском могильнике в Торопце // КСИА. М. Вып. 187.
Фрейзер Д.Д., 1980. Золотая ветвь. М.
Ханенко Б.И. и В.И., 1899, 1900. Древности русские: Кресты, образки. Киев. Вып. 1. 2.
Ханенко Б.Н. и В.И., 1902. Древности Приднепровья: Эпоха славянская (VI–XIII вв.). Киев. Вып. V.
Ханенко Б.Н. и В.И., 1907. Древности Приднепровья. Киев. Вып. VI.
Хвойка В.В., 1913. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев.
Хлебникова Т.А., 1956. Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК. М. Вып. 62.
Хлебникова Т.А., 1962. Гончарное производство Волжских Болгар в X – начале XIII в. // МИА. М. № 111.
Хованская О.С., 1954. Гончарное дело города Болгара // Там же. № 42.
Хойновский И.А., 1893. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весной 1892 г. Киев.
Холостенко Н.В., 1951. Неизвестные памятники монументальной скульптуры Древней Руси // Искусство. № 3.
Холостенко Н.В., 1958. Исследование памятника XIII в. в г. Новгороде-Северске // Сборник сообщений института "Киевпроект". № 1, 2. Киев.
Холостенко И.В., 1961. Архитектурно-археологические исследования Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // Памятники культуры: Исследование и реставрация. М. № 3.
Холостенко Н.В., 1967а. Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1962–1963 гг. // Культура и искусство Древней Руси. Л.
Холостенко И.В., 1967б. Исследование Борисоглебского собора в Чернигове // СА. № 2.
Холостенко Н.В., 1969. Памятник древнерусской пластики // Искусство. № 5.
Холостенко Н.В., 1974. Мощеница Спаса Черниговского // Культура средневековой Руси. М.
Чалый В.В., Фомичев Н.М., 1985. Древнерусская костяная бляшка из Азова // СА. № 3.
Черепнин Л.В., 1944. Русская метрология. М.
Черепнин Л.В., 1956. Русская палеография. М.
Черепнин Л.В., 1969. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.
Чернецов А.В., 1975а. Древнерусские изображения кентавров // СА. № 2.
Чернецов А.В., 1975б. К изучению символики новгородских врат 1336 г. // КСИА. М. Вып. 144.
Чернецов А.В., 1980. Три резных посоха XV в. // СА. № 2.
Чернецов А.В., 1981а. Об изображениях кентавра, обнажающего меч // КСИА. М. Вып. 166.
Чернецов А.В., 1981б. К изучению Радзивилловской летописи // ТОДРЛ. Л. Т. XXXVI.
Черных П.Я., 1950. Две заметки по истории русского языка. К вопросу о гнездовской надписи // Известия АН СССР. Отдел литературы. Т. IX, вып. 5.
Чернягин Н.Н., 1948. Гребень из Псковского городища // СА. М.; Л. X.
Шекул А.В., 1981. Работы Черниговской областной археологической экспедиции // АО, 1980. М.
Шелковников Б.А., 1955. Киевская керамика X–XI вв. расписанная цветными эмалями // СА. XXIII.
Шеломянцев-Терский В.С., 1981 Исследование городища летописной Пересопницы // АО 1980 г. М.
Шеляпина Н.С., 1967–1968. Отчет об археологическом наблюдении в Московском Кремле // Архив ИА АН СССР. Р. 1. Д. 3964.
Шеляпина Н.С., 1971. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // МИА. М. № 167.
Шеляпина Н.С., 1973. Археологические исследования в Успенском соборе // Государственные музеи Московского Кремля. (Материалы и исследования). М. Т. 1.

Берлин Б.В., 1970. Гости с Двины. М.
Бирюкский С.С., 1968. Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова // Славяне и Русь. М.
Васильникова Н.А., 1978. Стеклянные украшения конца I тысячелетия на территории Поднепровья // СА. № 1.
Вялкин И.А., 1913. Русская палеография. СПб.
Вилдт Е.А., 1957. Курганы XI–XIII вв. у дер. Харлапово в Смоленском Поднепровье // МИСО. Смоленск. Вып. 2.
Вилдт Е.А., 1976. Об этническом составе населения Гнездова // СА. № 3.
Вилоре Э.Д., 1961. Асотское городище. Рига.
Довкопляс Г.М., 1961. Знаки на древньоруському посуді з Киева // Археологія, XVII.
Довкопляс А.М., 1954. Некоторые данные о костерезном ремесле в древнем Киеве // КСИА АН УССР. Київ. 3.
Довкопляс А.М., 1957. Керамические комплексы с горы Еиселевки в Киеве // Там же. 7.
Дрыко Б.А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.
Дякельберг Ю.И., 1969. Игрушечное оружие из Старой Ладоги // СА. № 2.
Дягелин Я., 1935. Известия о музыке в России / Ред., предисл. и примеч. Т. Ливановой // Музыкальное наследство: Сб. материалов по истории музыкальной культуры в России XVIII в. Л.
Дягелин Я., 1935. Музыка и балет в России XVIII в. Л.
Дягендер Г.М., 1968. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М.
Дягендер Г.М., 1974. К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии // Культура средневековой Руси. Л.
Дзыхау Г.В. , Захарэнка П.Н., 1971. Старожиточныя скарбы Беларусі. Минск.
Дзыхов Г.В., 1966а. Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей // Древности Белоруссии. Минск.
Дзыхов Г.Е., 1966б. Раскопки курганов под Полоцком // Вопросы истории и археологии. Минск.
Дзыхов Г.В., 1967. Археологические раскопки в Орше и Логойске // Доклады к XI конференции молодых ученых Белоруссии. Минск.
Дзыхов Г.В., 1968. Работы Полоцкой экспедиции // АО, 1967. М.
Дзыхов Г.В., 1969. Раскопки в Лукомле в 1966–1968 гг. // Древности Белоруссии. Минск.
Дзыхов Г.В., 1976. Поселения и курганы Северской Белоруссии // АО, 1975. М.
Дзыхов Г.В., 1975. Древний Полоцк (IX–XIII вв.). Минск.
Дзыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск.
Дубин И.А., 1927. Волга и волжское пароходство. М.
Дубников А.В., 1940. Симметрия. М.; Л.
Дубников А.В., Копцик В.А., 1972. Симметрия в науке и искусстве. М.
Дугаевский В., 1928. Мідяний змієвик чернігівського музею – повторення "чернігівської гривні" // Чернігів і Північне левобережжя. Київ.
Дут К.П., 1965. Обувь древнего Минска // Материалы IX конференции молодых ученых: Вопросы истории. Минск.
Дапов Я.Н., 1984. Вновь найденные свидетельства о средневековых славянских музыкантах и струнных инструментах // Памятники культуры: Новые открытия, 1982. Л.
Дапова Ю.Л., 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской экспедиции. МИА. М. № 55.
Дапова Ю.Л., 1962. Древнерусские стеклянные изделия как источник по истории русско-византийских отношений XI–XII вв. // ВВ. XIX.
Дапова Ю.Л., 1963. Стеклянные изделия древнего Новгорода // МИА. М. № 117.
Дапова Ю.Л., 1968. Мастерская стеклодела в древнем Любече // Славяне и Русь. М.
Дапова Ю.Л., 1968. Скляні браслети Київщини. Археологія. Т. XXI. Київ.
Дапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.
Дапова Ю.Л., 1974. Стеклянные браслеты Изяславля // Культура средневековой Руси. Л.
Дапова Ю.Л., 1975. Новые материалы к истории мозаик Успенского собора в Киеве // СА. № 4.
Дапова Ю.Л., 1977. О химическом составе древнего стекла // СА. № 3.
Дапова Ю.Л., 1978. О происхождении некоторых типов позднеантичных бус // Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Г1–12. М.
Декотов Н.М., 1914. Древнерусское шитье. I. София.
Депкин В.Н., 1902. Новгородские надписи "graffiti" // Древности. Труды МАО. М. Т. XIX. вып. 3.
Депкин В.Н., 1967. Русская палеография. М.
Депкина М.В., 1972. О происхождении Успенского сборника // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М. Вып. 1.
Эдинг Д.Н., 1928. Сарское городище: Ростов Ярославский.
Юра Р.О., 1962. Древній Колодяжин // АП УРСР. Київ. Т. XII.
Юра Р.А., 1966. Отчет о работе Переяслав-Хмельницкого отряда Каневской экспедиции ИА АН СССР // Архив ИА АН СССР. Д. 12.
Юшко А.А., 1972. Покровские и Стрелковские курганы // СА. № 1.
Юшко А.А., Хомутова Л.С., 1981. Ножи из раскопок Звенигорода Московского // КСИА. М. Вып. 164.
Якобсон А.Л., 1950. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М.; Л.
Якобсон А.Л., 1951. Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. М.; Л. XV.
Якобсон А.Л., 1954. Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму // КСИИМК. М. Вып. 54.
Якобсон А.Л., 1955. Средневековые гончарные печи в районе Судака // Там же. Вып. 60.
Якобсон А.Л., 1959. Раннесредневековый Херсонес. М.; Л.
Якубовский А.Ю., 1931. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // ИГАИМК. Л. VIII, вып. 2–3.
Якубовский А.Ю., 1932. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой X–XV вв. // МИТТ. Л. Ч. I.
Якубовський В.І., 1975. Давньоруський скарб з с. Городище Хмельницької області // Археологія, 16.
Якунина Л.И., 1947. Новгородская обувь XII–XIV вв. // КСИИМК. М. Вып. XVII.
Ямпольский И., 1951. Русское скрипичное искусство. М. Ч. 1.
Янин В.Л., 1953. Великий Новгород // По следам древних культур. Древняя Русь. М.
Янин В.Л., 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.
Янин В.Л., 1958. К чтению надписи на пряслице из Гродно // СА. № 1.
Янин В.Л., 1958. О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича // Там же. № 3.
Янин В.Л., 1958. По поводу заметки П.Н. Жолтовского "Ларец мастера Самуила" // Там же. № 4.
Янин В.Л., 1959. О датировке врат Суздальского собора // Там же. № 3.
Янин В.Л., 1970. Актовые печати древней Руси X–XV вв. М. Т. 1, 2.
Янин В.Л., 1972. Еще раз об атрибуции шлема Ярослава Всеволодовича // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М.
Янин В.Л., 1973. Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. М.
Янин В.Л., 1975. Я послал тебе бересту... М.
Янин В.Л., 1977. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М.
Янин В.Л., 1982. Археологический комментарий к "Русской правде" // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.
Янин В.Л., 1981. Живописец Олисей Петрович Гречин // Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М.
Янин В.Л., 1982. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. М. I(II).
Янин В.Л., 1984. Новгородские азбуки // Палеобулгарика. София. VIII.
Янин В.Л., Зализняк А.А., 1986. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.): Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М.
Янин В.Л., Колчин Б.А., 1978. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М.
Янин В.Л., Колчин Б.А., Миронова В.Г., Рыбина Е.А., Хорошев А.С., 1978. Новгородская экспедиция // АО, 1977. М.
Яцимирский А.И., 1914. К вопросу о назначении так называемых "кратиров" Софийского Новгородского собора // Труды Новгородского церковно-археологического общества. Новгород. Т. 1.
Акрабова-Жандова И., 1976. Преславската рисувана керамика // История на българското изобразително изкуство. София. Т. 1.
An islandich englisch dictionory / R. Clasby, G. Wigtusson. Cambridg 1957.
Arbman H., 1940. Birka I: Die Gräber Tafeln. Uppsala.

Arbman H., 1948. Une route commercial pendant les X–XI siècles // Slavia antiqua. T. 1.
Arne T.J., 1914. La Suéde et l'Orient. Uppsala.
Bálint Cs., 1978. Vestiges archéologiques des sassanides // Acta archaeologica. T. XX.
Bayet J., 1954. La symbolisme du serf et du centavre à la Porte Rouge de Notre-Dame de Paris // Revue Archeologique. Sér. 6. P., Vol. 44.
Bolsunowski K., 1903–1908. Pisauki jaho objekt kultu Balwochwolczego // Wiadomosci numismatiszno – archeologiczne. Krakow. T. V–VI.
Brozova J., 1973. The concept of the measure in Mediaval glass especially Bohemian glass // Glass Review. Vol. XXVIII. N 4.
Callmer J., 1977. Trade beards and bead trade in Scandinavia ca 800–1000 AD // Acta archaeologia lundensia. Ser. 4. Bonn; Suind. N 11.
Chambon R., 1958. Esquisse de l'evolution morphologique des creusets de verrerie de l'autiquite a la Renaissauce // Annales du I Congres AJHV. Liege.
Dekan J., 1976. Velka Morava. Br. "Drzwi gnieznienskie. Dokumentacja fotograficzna". Wrocław, 1956.
Guthrie M., 1875. Dissertations sur les antiquités de Russie. S–Pb.
Goldschmidt A., Weitzmann K., 1930. Die Byzantinischen Elfenbeinckulpturen. B. Bd. 1.
Growfoot G.M., Harolen D.B., 1931. Early byzantine and later glass lamps // The jornal of Egyption Archaeology. Vol. XVII.
Hägg J., 1974. Koinnodrähten i Birka. Lioplaggeus rekonstruktion pa grundval ovdet arheologista materialet // Archaeological Studies. Upsala. N 2.
Heindel J., 1986. Ave-Maria-Schnallen und Hanttruwebratzen mit Inschriften // Zeitschrift für Archäologie. N 20.
Hejdová D., Reznichová M., 1973. Article ou the Methods of Reconstruction of Mediaval Glass vessels // Glass Review. Vol. XXVIII. N 4.
Hilczerowna Z., 1961. Rogownitstwo gdanskie w X–XIV w.w. // Wszesnosrodniwieczny. Gdansk. Vol. 4.
Ioannis Scylitzae, 1973. Synopsis historiarum. Thurn; Berlin; New York. Rec. 1.
Jażdżewski K., 1966. O zagadnieniu polskich instrumentow strunowych z wczesnego sredniwiecza // Prace i materialy: Muzeum archeologicznego i etnograficznego w Lodzi. Ser. archeologiczna. Lodz. 12.
Kadar Z., 1978. Survival of Greek zoological illuminations in Byzantiue manuscripts. Budapest.
Këller O., 1909–1913. Die Antike Tierwelt. Leipzig. Bd. I–II.
Lefebvre des Noettes R., 1931. L. 'Attelage. P.
Liber Josepho Kostrzewski octogenario a veneratoribus dicatus, 1968. Wrocław.
Lidell D.M., 1976. Chessmen. L.
Lindquist M., 1984. Spielsteine, Würfel und Spielbretter // Birka I: I. Systematische Analysen der Gräberfünde. Stockholm.
Lipinska O., 1975. Wczesnosredniowieczne bransolety szklane z Warszawy-Pelcowizny // Wiado mosci arheologiczny. XXXVIII. 2.
Lopez R., 1954. Les influences orientales et l'eveil économique de l'occident // Cahiers d'histoire mondiale. T. 1. N 3.
Mareš F.V., 1951–1952. Draobjev, Starych Slovanskysh napisu. Slavia.
Милчев Кр., 1936. Преславската керамика. София.
Moszynski K., 1929. Kultura ludowa slowian. Cz. I: Kultura materjalna. Krakow.
Moszyński K., 1967. Kultura ludova slowian. I: Kultura materialna. Wydanie drugie. W-wa.
Needham J., 1954. Science and Civilization in China. Cambridge. Vol. I.
Nerman B., 1958. Grobin – Seeburg Ausgrabungen ind funde. Stochkolm.
Niderle L., 1913. Slovanské starožitnosti. (Zivot starych slovanu). Pr. Sv. 2.
Nissen Cl., 1971–1972. Zoologische Buchillustration. Stuttgart.
Popesku M.M., 1970. Podoabe medievale in tarile Romane. Bucuresti.
Raudonikas V.I., 1930. Die Normanneu der Vikingerzeit und das Ladogagebeit. Stockholm.
Rhamm K., 1910. Etnographisce Beitrage zur germanishe – slawischen Altertumskunde. Die altslawische Wohnung. Braunsweig.
Reau L., 1946. L'art religieux du moyen-age (La sculpture). 1.
Reau L., 1955. Iconographie de l'art Chretien. P. Vol. 1.
Ribarić J.R., 1975. Die Volkstrachten Kroatiens. Zagreb.
Salin B., 1904. Die Altgermanische Thierornamentik. Stocholm.
Sarnowska W., 1949. Wczesnohistoriczny kurhau z Korolewina pog Tahancza // Swiatowit. W-wa. T. 20.
Sčapova J., 1975. Le verre byzantin du Ve–XIIe siècles // Средньовековно стекло на Балкану (V–XV век). Београд.
Secuwicz L., 1955. Sprawozdanie z badań archeologicznich w Kolobrzegu w 1954 r. // Sprawozdania archeologizne. Wrocław. T. 1.
Sleen W.G.N. van der., 1973. A hand book on beads. Siege.
Staehlin J. Nachrichten van der Musik in Rußland // Haygold M. Beilagen zum neuveränderten Rußland. Zweiter Theil // Riga und Leipzig, 1770.
Stenberger M., 1947. Die Schatzfunde gotlands der Vikingerzeit. Bd. I.
Thiele G., 1898. Antike Himmelsbilder. B.
Томев Т., 1982. Манастирът в "Тузлалъка" – център на рисувана керамика в Преслав през IX–X в. София.
Weitzmann K., 1951. Greek Mythology in Byzantine. Art. Princeton.
Wichmann H. und *S.*, 1960. Schach: Ursprung und Wandlung der Spielfiguren zwölf. Iahrhunderten. Munchen.
Zarina A., 1970. Seno latgalu apģerbs 7–13 gs. Rigs.
Zettersten A., Svahn H., 1932. Skiolor // Nordisk familjebok. Stockholm. Bd. II.

Список сокращений

ААЭ	– Акты, собранные археографической экспедицией. СПб.
АДСВ	– Античная древность и средние века
АИЗ	– Археологические известия и заметки. М.
АЛЮР	– Археологическая летопись Южной России. Киев
АО	– Археологические открытия
АП УР	– Археологічні пам'ятки УР
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВВ	– Византийский временник
ВИ	– Вопросы истории
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГРМ	– Государственный Русский музей
ЖМНП	– Журнал министерства народного просвещения
ЖМЮ	– Журнал министерства юстиции
ЗОРСА	– Записки Отделения русской и славянской археологии
ЗРАО	– Записки Русского археологического общества СПб.
ИАК	– Известия археологической комиссии. СПб.
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
ИРАО	– Известия русского Археологического общества
ИРТО	– Известия Русского Таврического общества
ИЭ	– Институт этнографии
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАВГР	– Материалы по археологии восточных губерний России. М.
МАО	– Московское археологическое общество
МАР	– Материалы по археологии России. СПб.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИРМ	– Музей истории и реконструкции Москвы
МИТТ	– Материалы по истории туркмен и Туркмении
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РАНИОН	– Российская ассоциация научных институтов общественных наук
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СЭ	– Советская этнография
ТГИМ	– Труды Государственного Исторического музея
ТОДРЛ ИРЛ РАН	– Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
Труды...АС	– Труды... Археологического съезда
Труды ИЭ РАН. НС.	– Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия
Труды МАО	– Труды Московского археологического общества
УЗ МГУ	– Ученые записки Московского государственного университета
ЧОИДР	– Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.

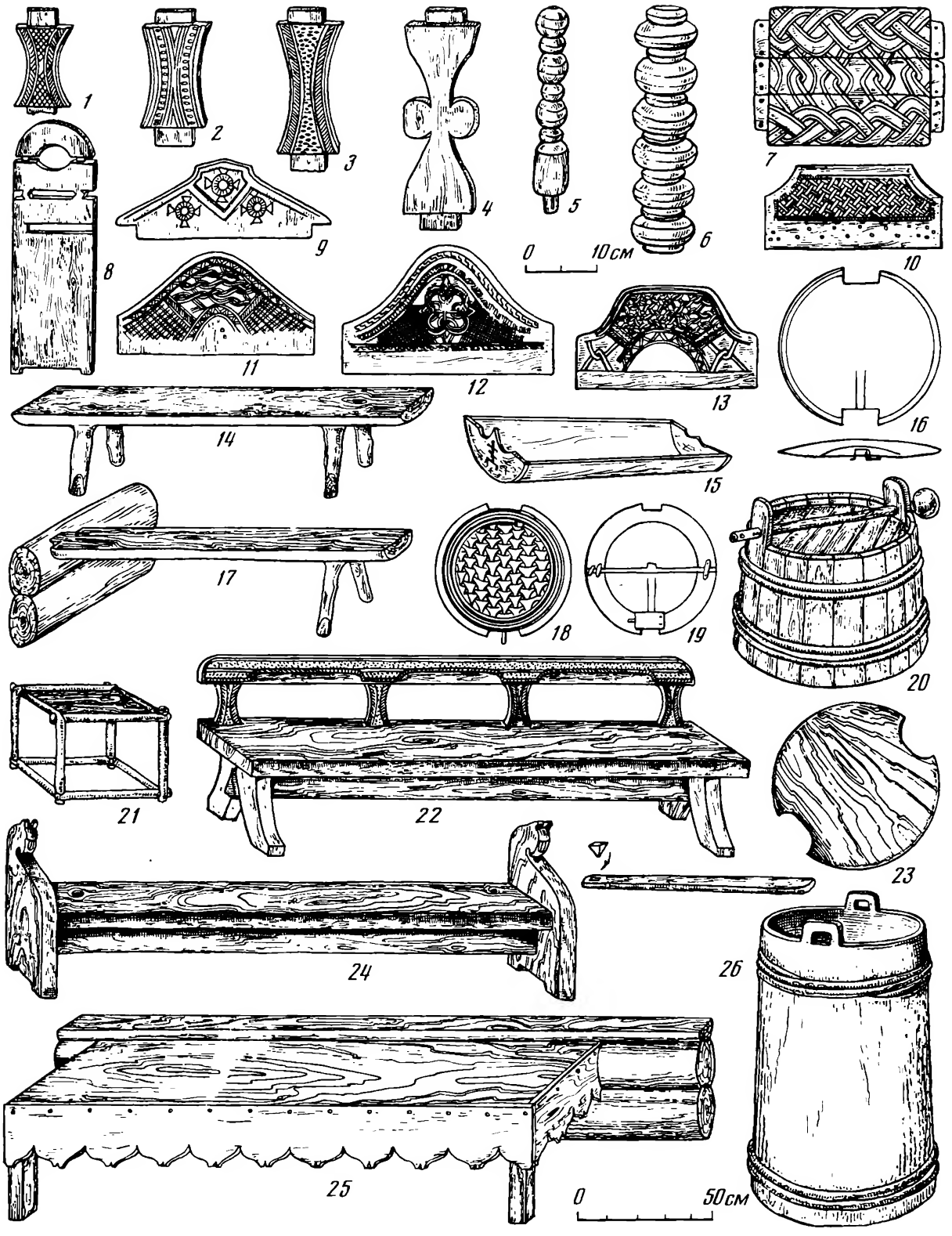


Табл. 1. Предметы интерьера жилого помещения, мебель (составлена *А.С. Хорошевым*)

Новгород. Деревянные изделия: *1–6*. Балясины (*1* – середина XIII в.; *2* – конец XIII в.; 3 – вторая половина XIII в.; *4* – конец XII в.; *5* – конец XI в.; *6* – конец XI в.); *7, 9–13*. Спинки кресел (*7* – XIV в.; *9* – начало XV в.; *10* – конец XIII – начало XIV в.; *11* – начало XIV в. *12* – первая половина XIII в.; *13* – XIII в.): *8*. Боковая стенка скамьи (припечная доска?) – начало XV в.; *14*. Переносная скамья. XIV в.; *15*. Колыбель, XIII в., *16, 18, 19*. Крышки укладок-кубелов (*16* – XIII в.; *18* – X в.; *19* – X в.); 17. Приставная скамья, XIV в.; *20*. Бондарная укладка, XIII в.; *21*. Стул (реконструкция); *22*. Переносная скамья со спинкой (реконструкция); *24*. Переносная скамья с резными боковинами (реконструкция); *25*. Опущенная скамья (реконструкция); *23, 26*. Кубел с крышкой (реконструкция)

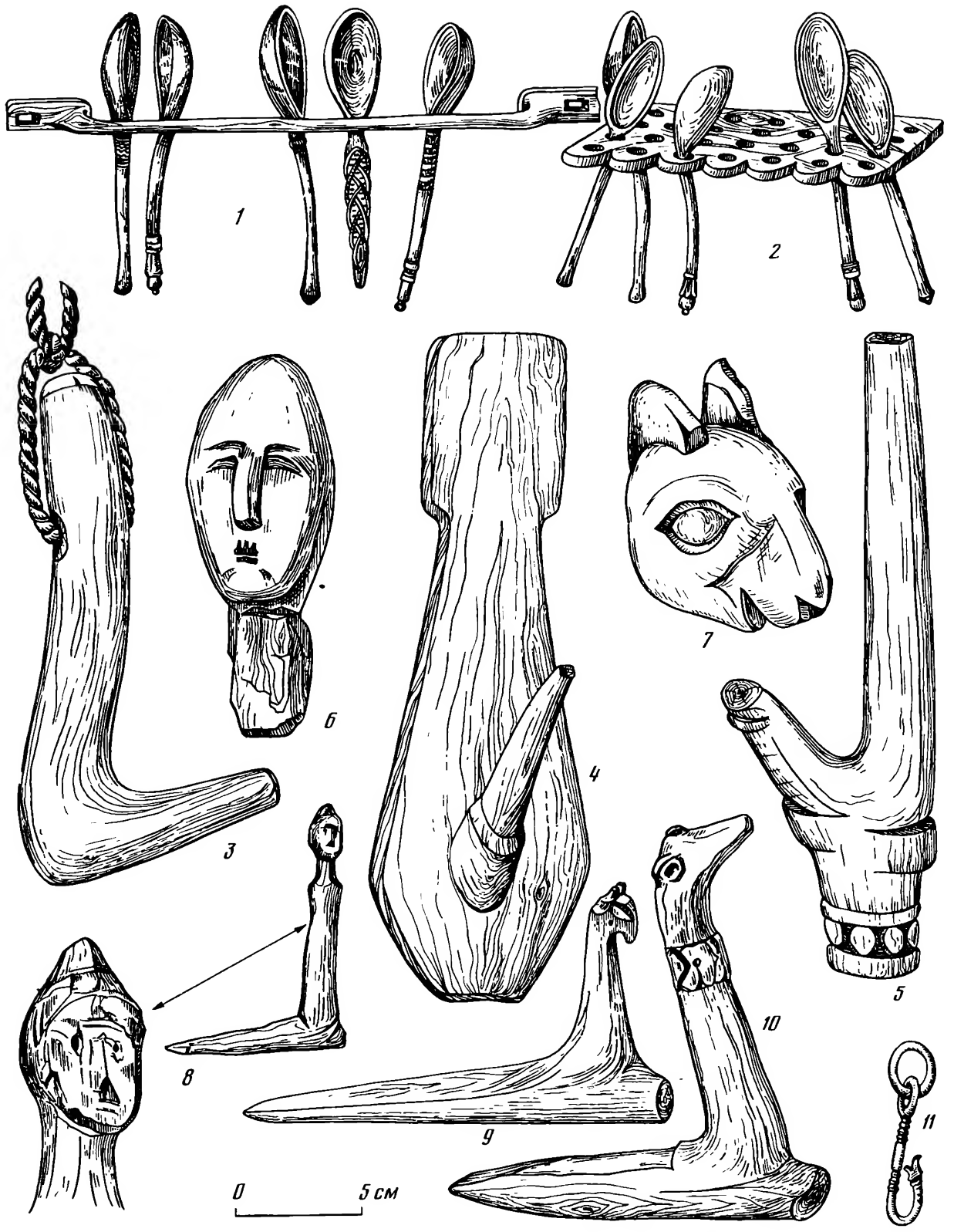


Табл. 2. Предметы интерьера жилого помещения, подвесные устройства, детали мебели (составлена *А.С. Хорошевым*)

1, 2. Полочки-ложечницы (реконструкция); *3–5.* Крюки подвесные деревянные (*3* – Новгород, XIII в.; *4* – Новгород, XI в.; *5* – Старая Ладога, X в.); *6, 7.* Скульптурные боковины кресел (лавок). Новгород, дерево (*6* – XI в.; *7* – конец XIII в.); *8–10.* Крюки-спицы деревянные. Новгород (*8* – середина X в.; *9* – XI в.; *10* – середина XII в.); *11.* Крюк подвесной железный. Новгород, XI в.

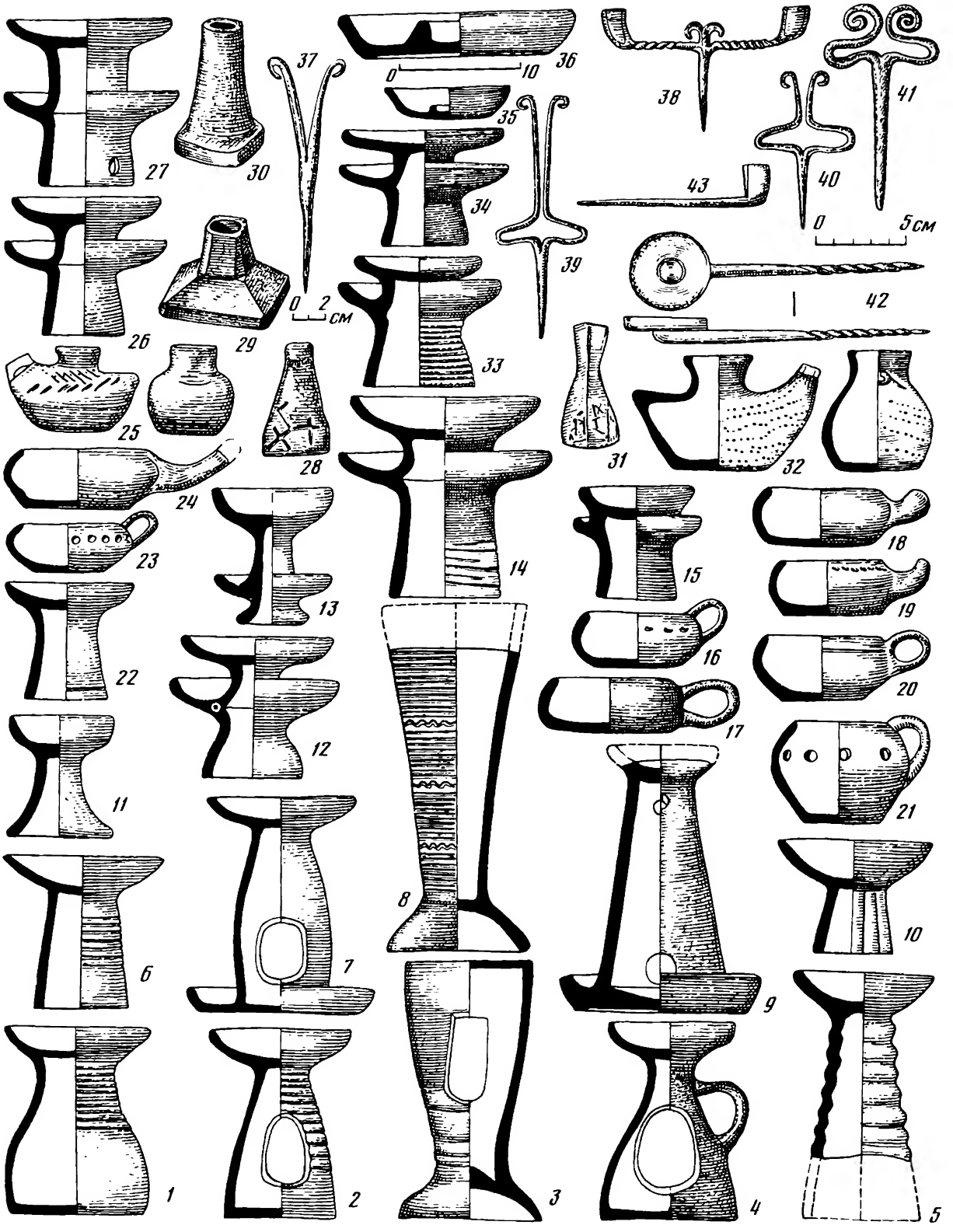


Табл. 3. Светильники, подсвечники, светцы (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1-4 – светильники, глина, X в. (*1–2* – Киев, X в.; *3* – Новгород; *4* – Киев); *5, 8* – XI в., Новгород; *7, 9* – XII в., Новгород; *10* – Галич; *11* – Старая Рязань; *12* – Киев; *13* – Москва; *15* – светильники, Смоленск; *16-17* – Киев; *18–19* – Полоцк; *20* – Киев; *21* – городище Ивань; *22* – Ржищев; *23* – Киев; *24* – светильник "петушок", Галич; *25* – светильник, Киев; *28–31* – подсвечники, дерево, Новгород; *32* – светильник "петушок", Киев; *14, 26–27, 33–34* – светильники поливные XII–XIII вв., Киев; *35–36* – подсвечники, Новгород; *37* – светец, железо, Новгород; *38* – подсвечник, железо, Новгород; *39* – светец, железо, Новгород; *40–41* – светцы, железо, Новгород; *42* – подсвечник, железо, Псков

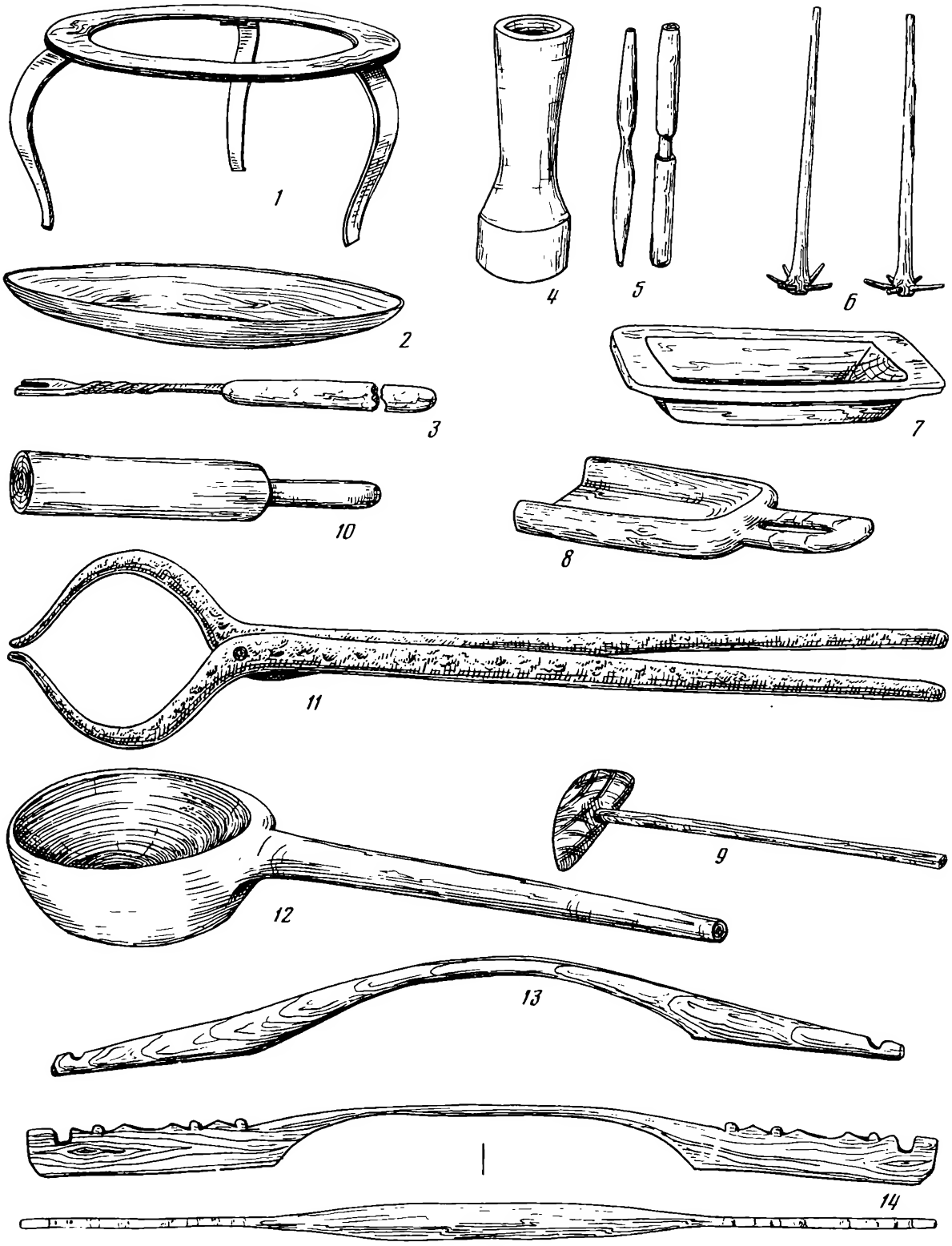


Табл. 4. Предметы очага (составлена *Б.А. Колчиным*)

Новгород: *1* – таганок; *2* – сковорода; *3* – чапельник; *4* – ступа; *5* – песты; *6* – мутовки; *6* – корыто; *8* – совок; *8* – угольный совок; *10* – скалка; *11* – пивные клещи; *12* – пивной ковш; *13–14* – коромысла. *1, 11* – железо; *2–10, 12, 13* – дерево

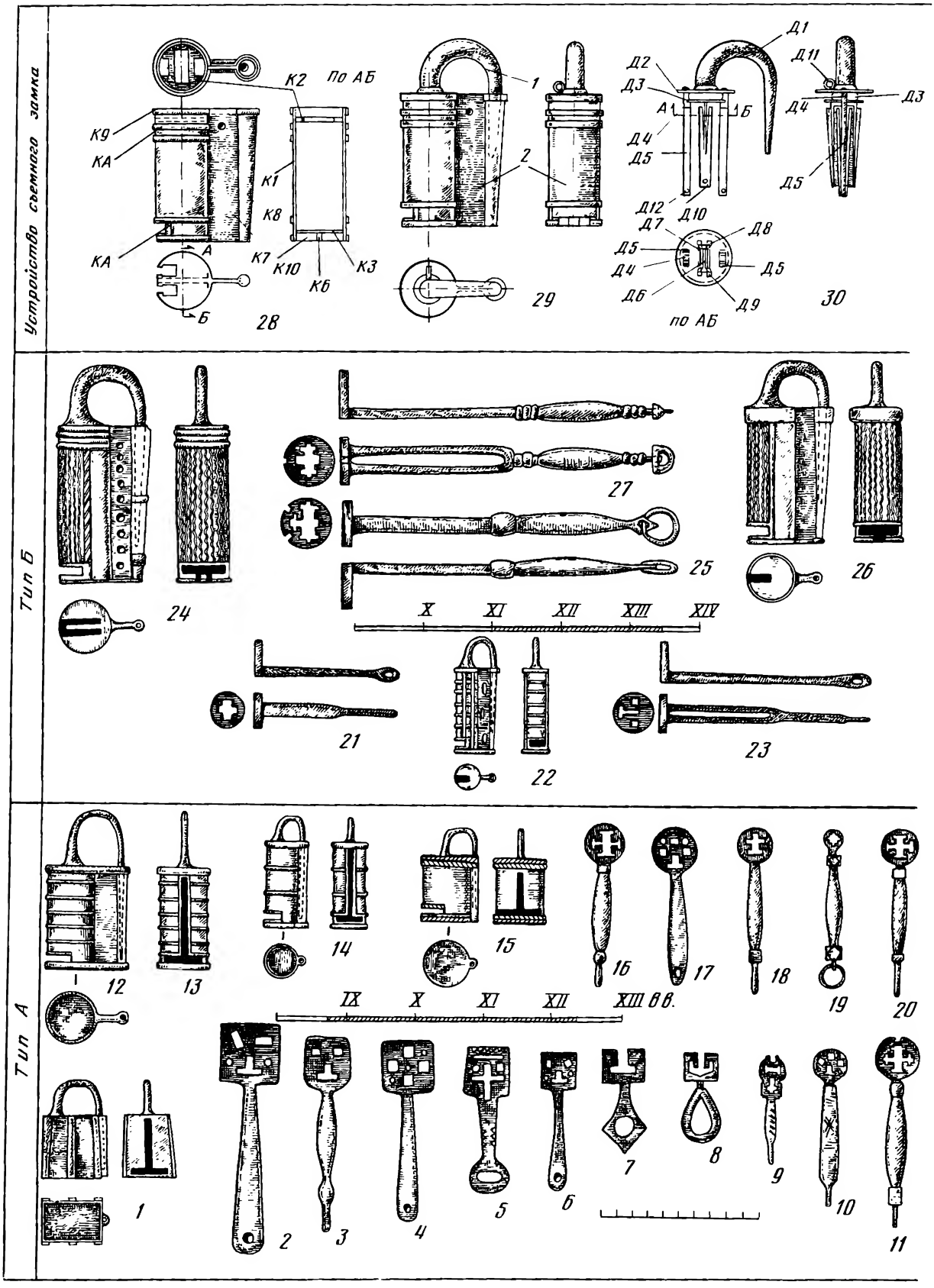


Табл. 5. Замки, ключи, замочные принадлежности (составлена *Б.А. Колчиным*)

Замки съемные (цилиндрические) и ключи к ним: *1, 13–15* – замки типа **А**; *2–11, 16–20* – ключи замков типа **А** (X – первая треть XIII в.); *22, 24, 26* – замки типа **Б**; *21, 23, 25, 27* – ключи замков типа **Б** (XII–середина XIV в.). Новгород: *28–30* – устройство съемного замка, XI в. Княжая гора: *К1* – большой цилиндр, *К2* – верхнее дно, *К3* – нижнее дно, *К4* – планка-поясок, *К5* – усилительная полоска, *К6* – ребро, *К7* – перемычка между цилиндрами, *К8* – малый цилиндр, *К9* – планка-поясок, *Д1* – скоба дужки, *Д2* – крышка, *Д3* – вторая крышка, *Д4* – шпенечки стержней, *Д5* – пружины, *Д6* – центральная планка, *Д7* – боковая планка, *Д8–Д9* – фигурные пружины, *Д10* – шпенек центрального стержня, *Д11* – кольцо, *Д12* – шпеньки боковых стержней

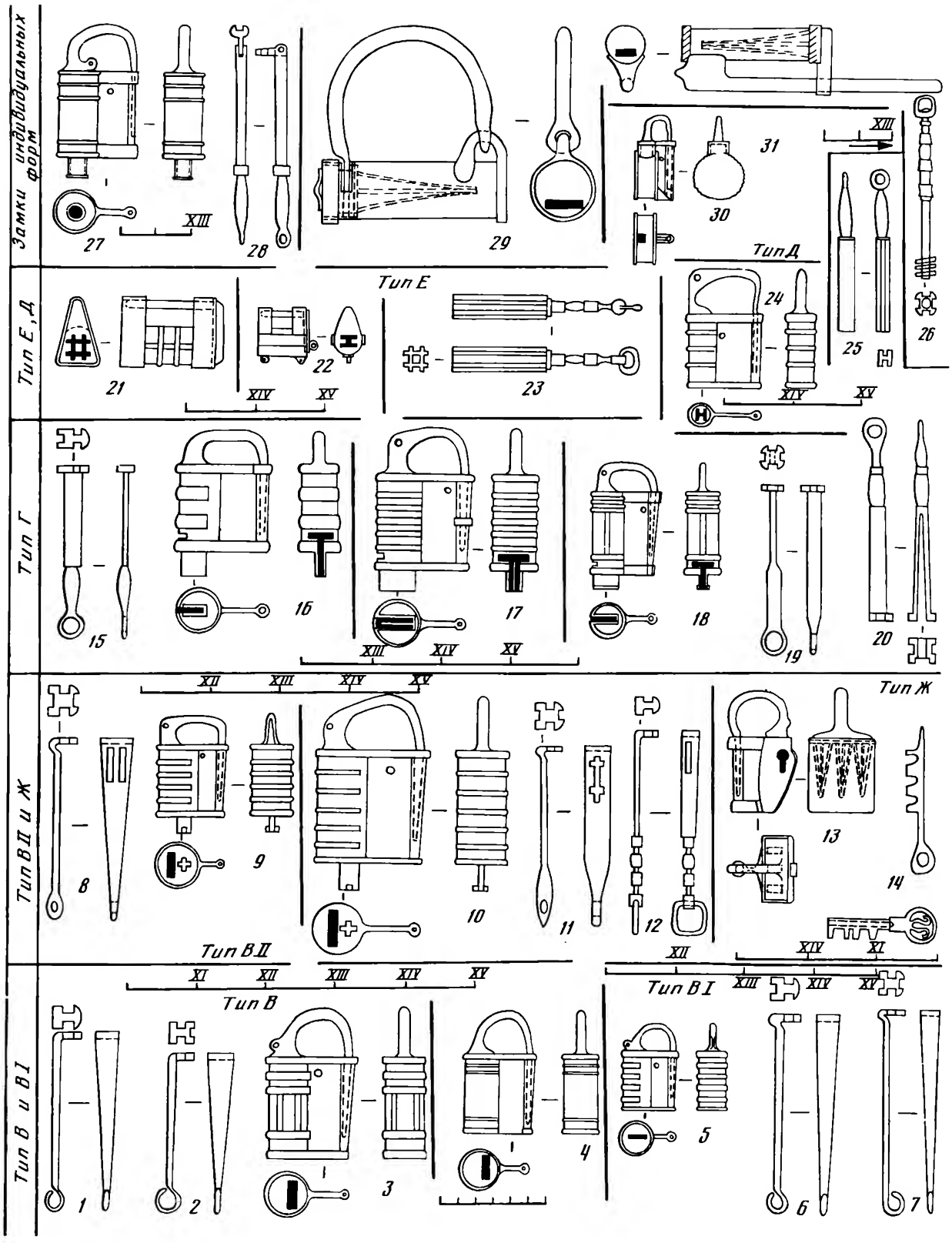


Табл. 6. Замки съемные (цилиндрические) и ключи к ним (составлена *Б.А. Колчиным*)

Новгород: *1, 2* – ключи замков типа **В** (вторая половина XII – начало XV в.); *3, 4* – замки типа **В**; *5* – замок типа ВI; *6, 7* – ключи замков типа ВI (конец XII – начало XV в.); *9, 10* – замки типа ВII; *8, 11, 12* – ключи замков типа ВII (конец XII – начало XV в.); *13* – замок типа **Ж**; *14* – ключи замков типа **Ж** (середина XIV – XV в.); *16–18* – замки типа **Г**; *15, 19, 20* – ключи замков типа **Г** (середина XIII – середина XV в.); *21, 22* – замки типа **Е**; *23* – ключ замка типа **Е** (середина XIV–XV в.); *24* – замок типа Д; *25* – ключ замка типа Д (XIV – середина XV в.); *26* – ключ к замку с винтообразной щелью (XIII в.); *27* – замок с втульчатым круглым замочным отверстием; *28* – ключ к замку с втульчатым круглым замочным отверстием (XIII в.); *29* – замок от конских пут; *30, 31* – индивидуальные формы замков

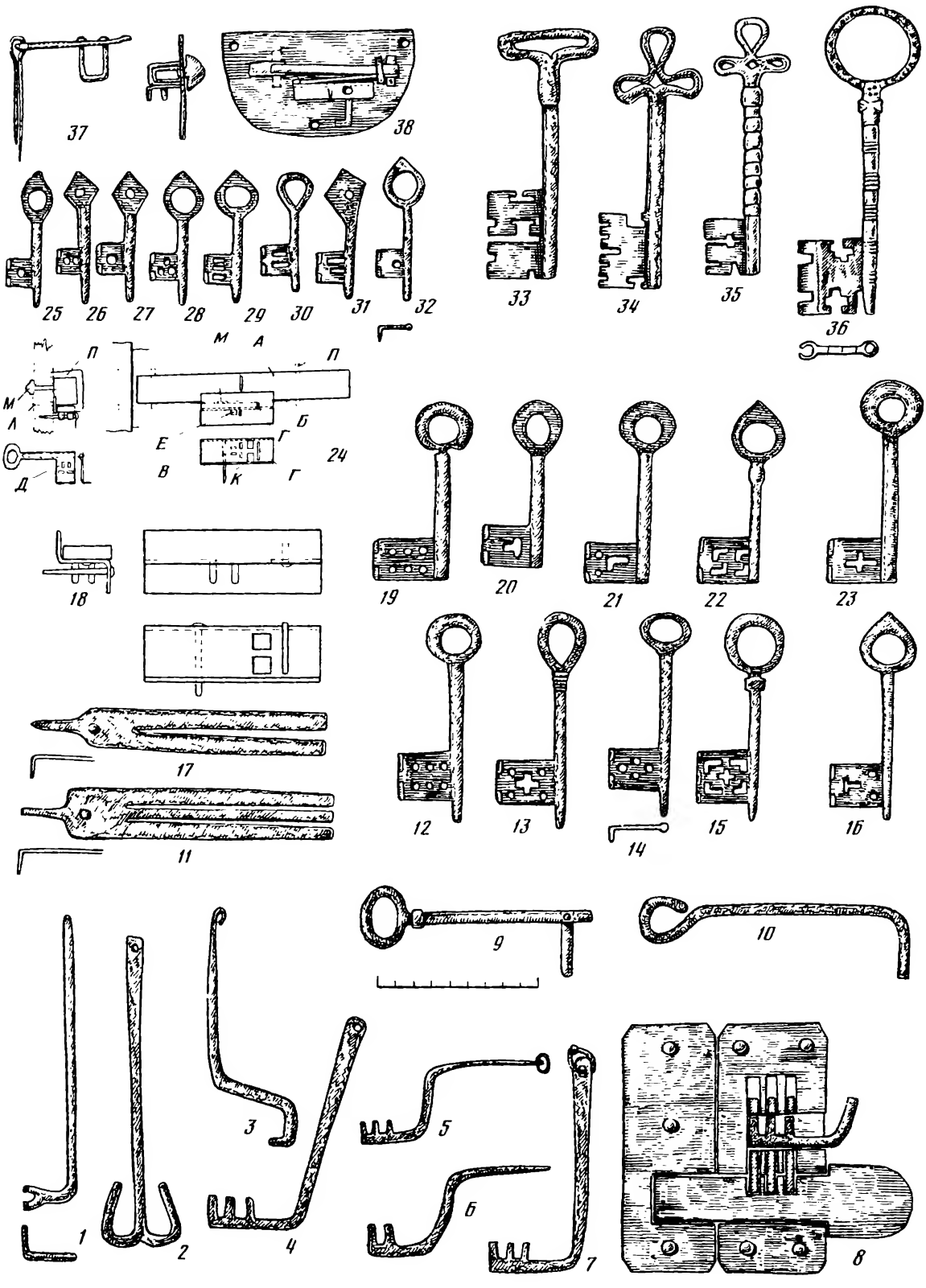


Табл. 7. Замки неподвижные (нутряные) и ключи к ним (составлена *Б.А. Колчиным*)

Новгород: *1–7* – ключи деревянных замков (X – первая треть XII в.); *8* – реконструкция замка (**а** – ключ, **б** – запирающие штифты-"желуди"; **в** – задвижка); *9, 10* – ключи-отмычки от деревянных задвижек (X–XIV); *11, 17* – пружины нутряных замков с деревянным засовом (второго типа), *12–16* – ключи к металлическим замкам с деревянным засовом (второго типа), (последняя треть XI – середина XIV в.), *18* – нутряной замок с деревянным засовом; *19–23* – ключи к металлическим замкам с деревянным засовом (первого типа), (X – середина XIII в.); *24* – схема конструкции нутряного замка (**А** – деревянный ригель-засов; **Б** – стальная пружина; **В** – полочка, **Г** – упорная планка, **Д** – ключ; **З** – контрольные штифты; **К** – отверстия в полочке; **Л** – гвозди, крепящие полочку к двери; **М** – металлическая ручка для передвижки засова; **П** – скобы для крепления засова), *25–32* – ключи к сундучным замкам (XII – третья четверть XIV в.), *33–36* – ключи к цельнометаллическим замкам (последняя четверть XIII – XV в.), *37* – накладка к сундучному замку; *38* – сундучный замок

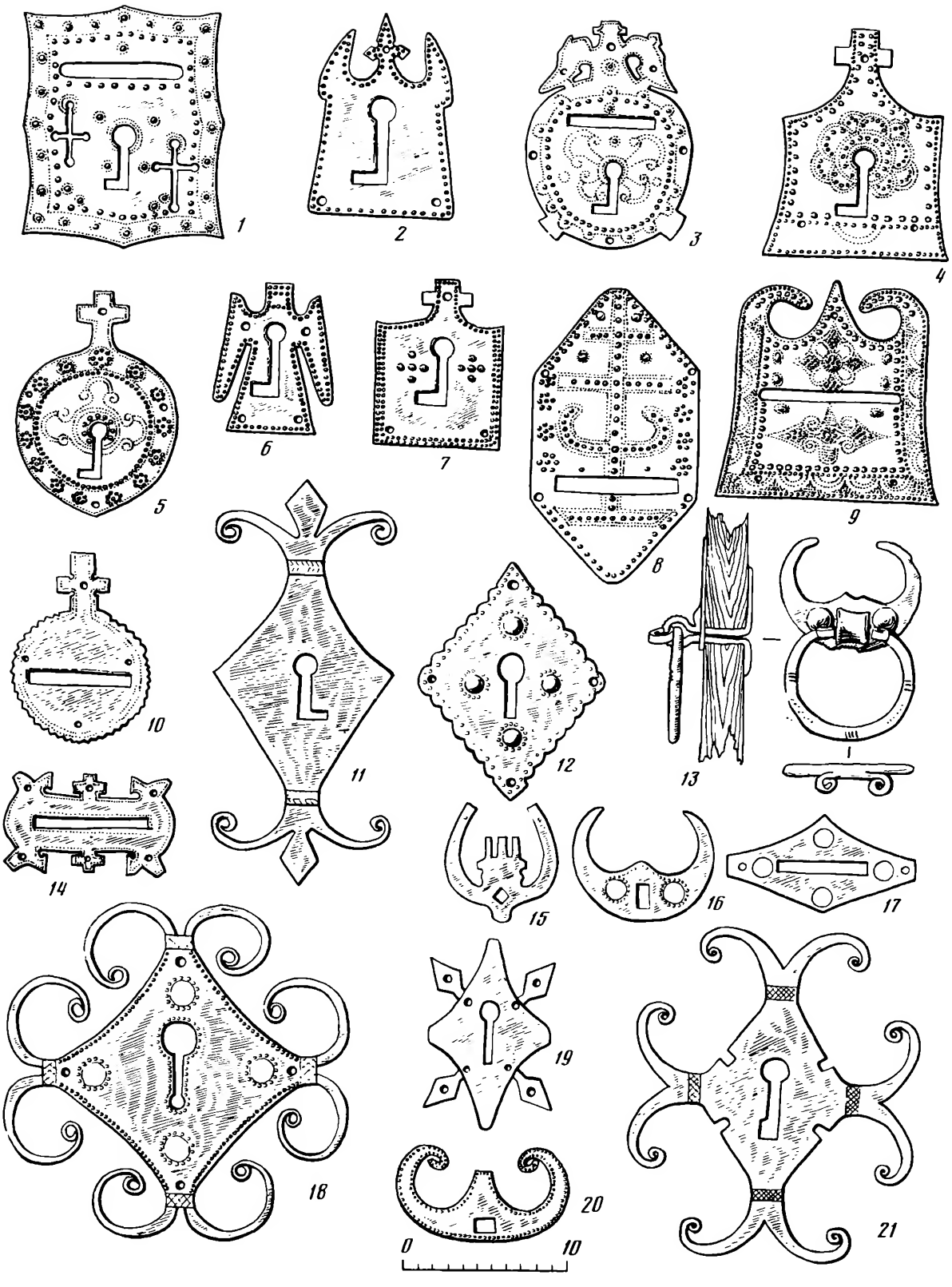


Табл. 8. Личины (составлена *Б.А. Колчиным*)

Новгород: *1–11, 14–17* – для замков с деревянными засовами (XI–XIII); *12, 18, 19, 21* – к цельнометаллическим замкам (XIV–XV); *13, 15, 16, 20* – к дверным ручкам (XIII–XIV)

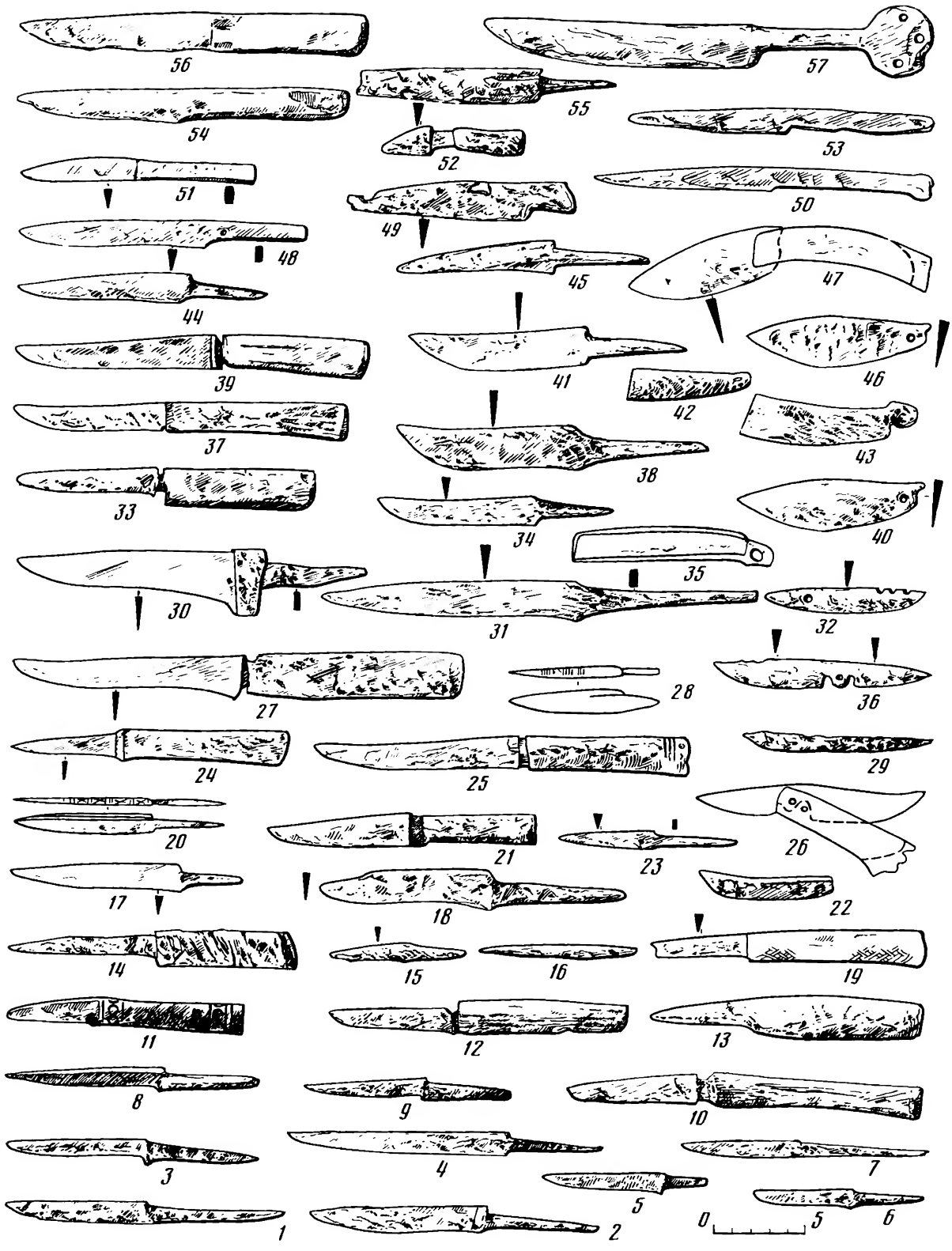


Табл. 9. Ножи, бритвы (составлена *В.И. Завьяловым*)

Ножи универсальные: *1, 10, 12–14, 18, 33, 44, 49–50, 53–54* – Новгород; *17, 21, 24, 27* – Новгородок; *30* – Серенск; ножи столовые: *11, 19, 37, 39, 31, 40, 55–56* – Новгород; *20, 25, 28* – Новгородок; ножи хирургические: *37, 51*; ножи кожевенные: *34–36, 38, 41*; нож по дереву: *45*; нож боевой: *57*. Старая Рязань; ножи производственные: *15–16, 52* – Новгород; *23* – Новгородок; ножи двулезвийные: *29, 36* – Новгород; *22, 26* – Новгородок; бритвы I типа: *42–43* – Новгород; *35* – Ярополч Залесский; бритвы II типа: *46–47*

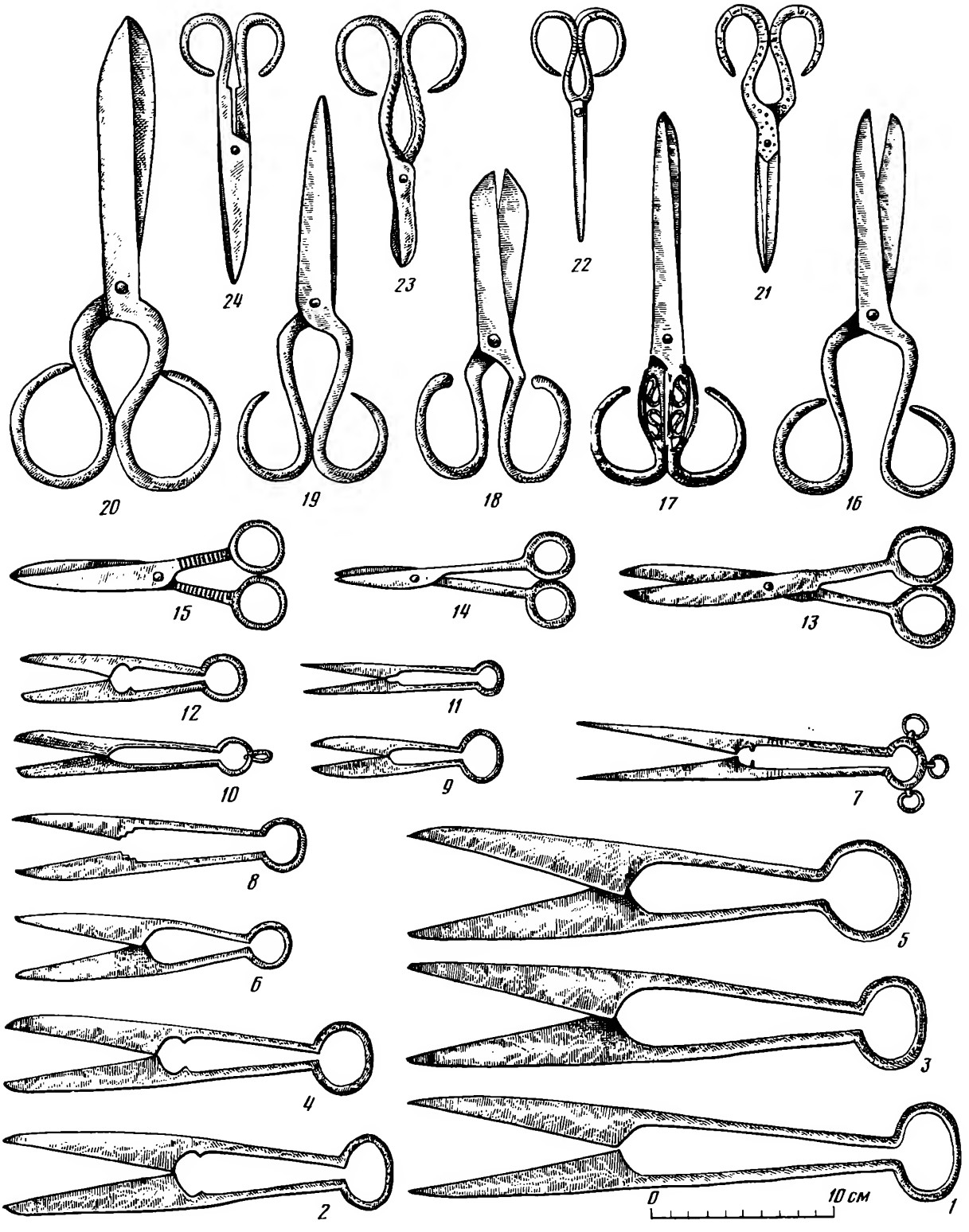


Табл. 10. Ножницы (составлена *Б.А. Колчиным*)

Новгород (X–XV): *1–12* – пружинные ножницы; *13–24* – шарнирные ножницы

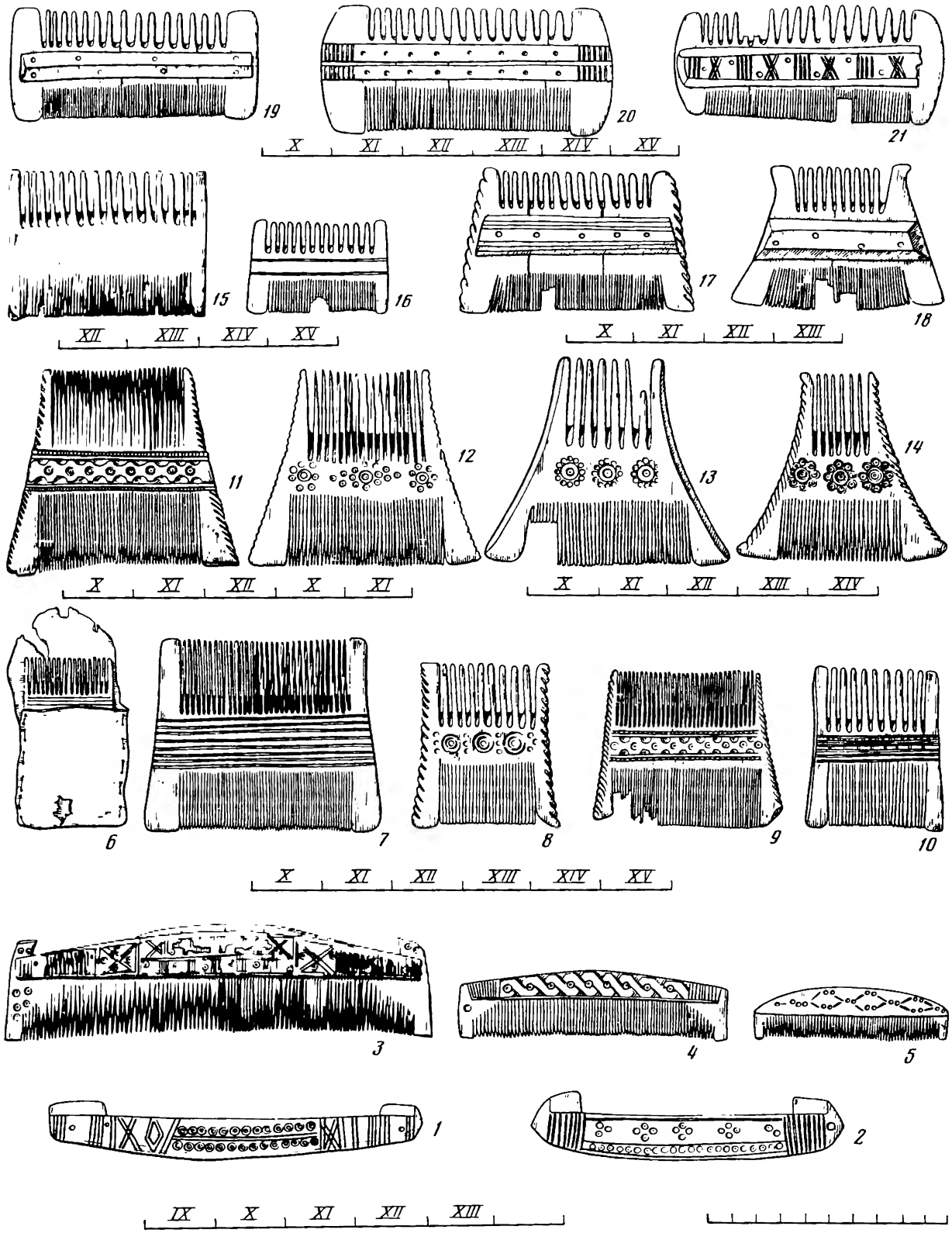


Табл. 11. Гребни (составлена *Е.А. Рыбиной*)

Новгород: *1–21* – гребни костяные; *6* – гребень в кожаном футляре

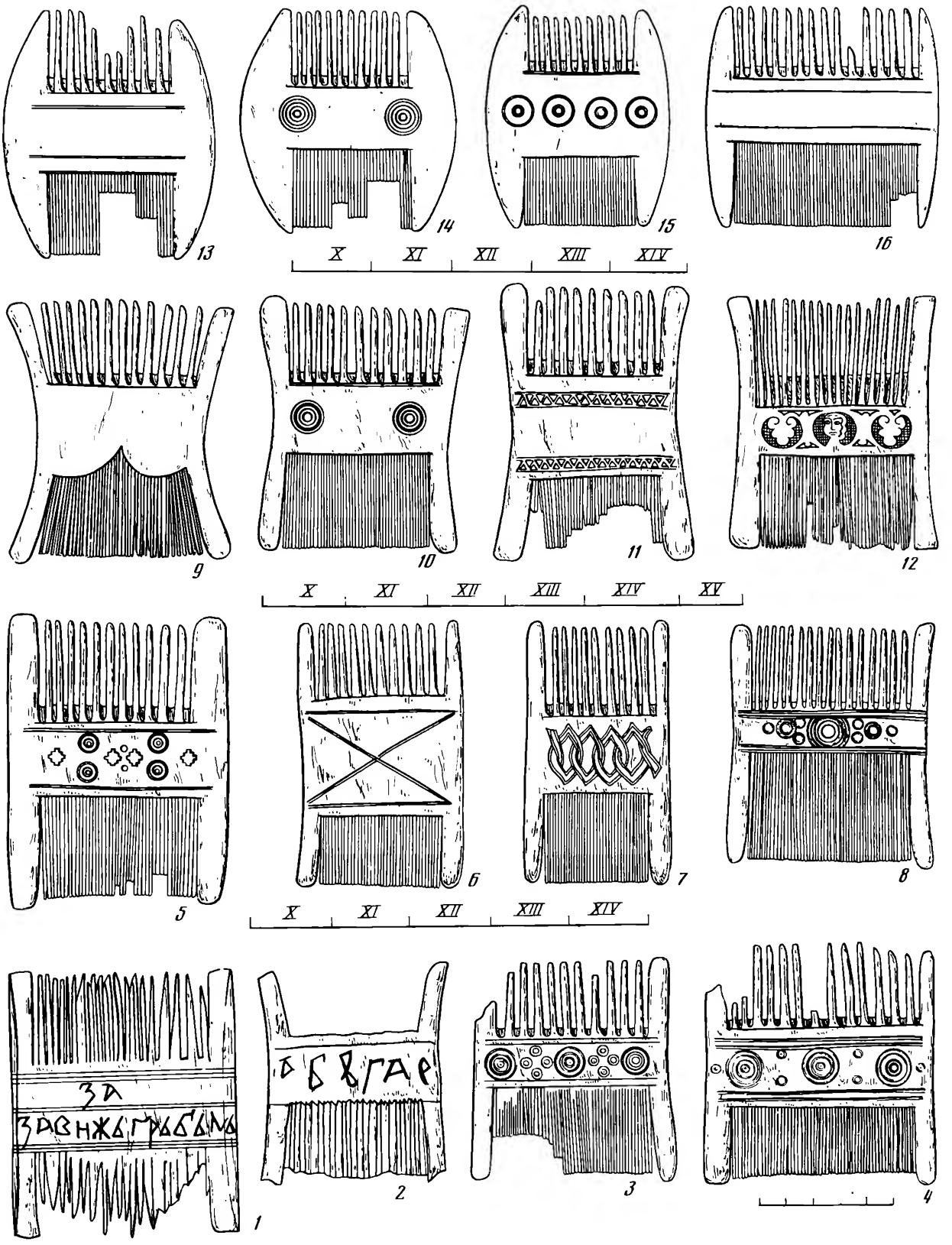


Табл. 12. Гребни деревянные (составлена *Е.А. Рыбиной*)

1, 3–16 – Новгород; *2* – Брест

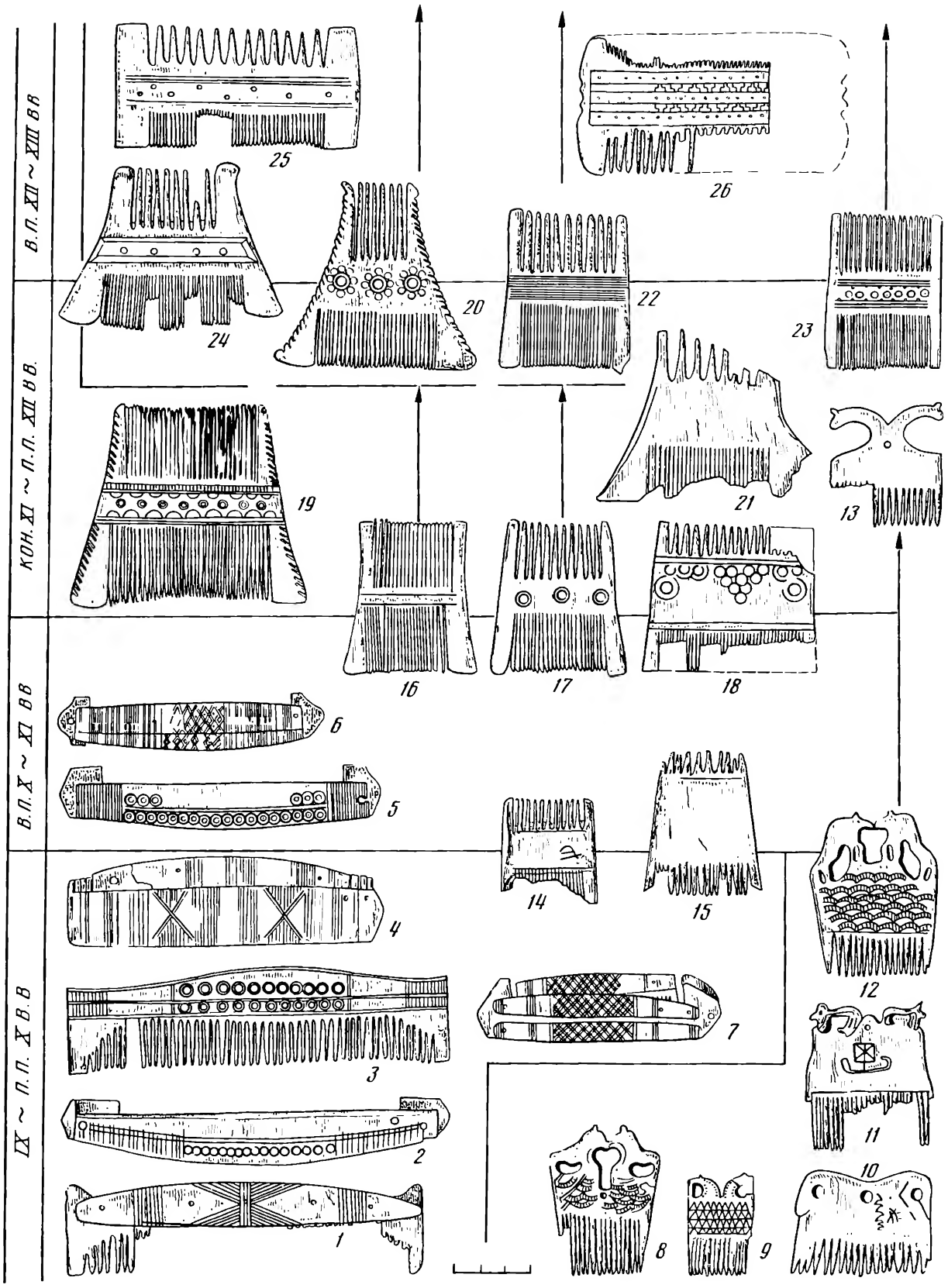


Табл. 13. Эволюция гребней и расчесок (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1 - Старая Ладога; *2* – Саркел; *3* – Новгород; *4* – Киев; *5* – Лукомль; *6* – Киев; *7* – Никольский III курганный могильник; *8* – Городище (Вологодская обл.); *9* – Тимеревское селище; *10* – Старая Ладога; *1* - Псков; *12* – Суздальское ополье (Владимирские курганы); *13* – Вщиж; *14* – Саркел-Белая Вежа; *15* – Екимаутцы; *16* – Новгород, *17* – Новгород; *18* - Горбово селище; *19, 20* - Новгород; *21* – Саркел–Белая Вежа; *22-24, 26* - Новгород, *25* Мстиславль

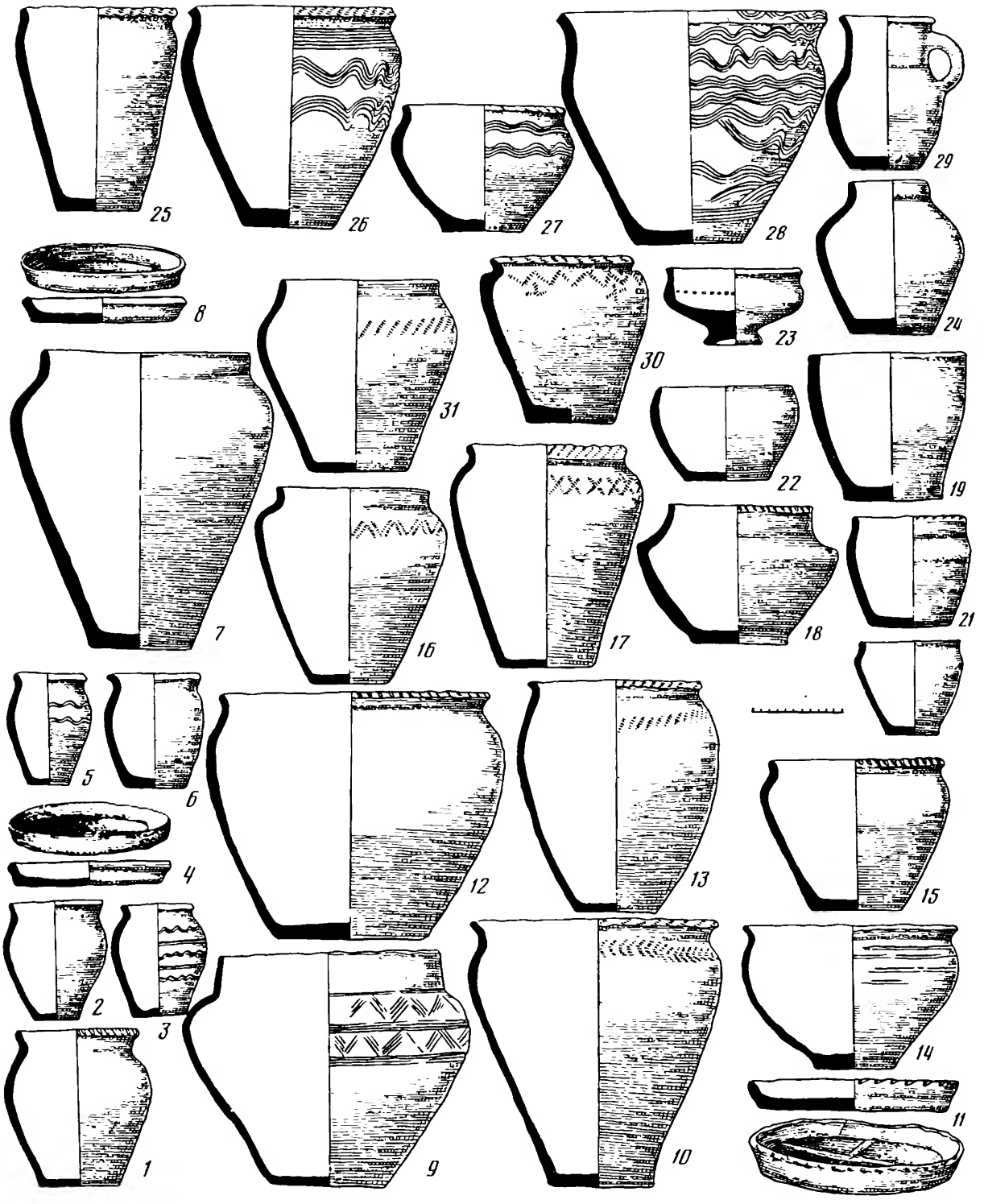


Рис. 14. Лепная керамика (IX–X) лесостепной полосы (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1–5 – Канев; *6, 8* – Лука Райковецкая; *7* – Буки; *9–14, 26–29* – Новотроицкое, *16, 17* – Волокитинский могильник; *18–20* – Боршевские курганы; *21* – Липинские курганы; *15, 22–25* – Лысогорские курганы; *30* – Белая Вежа; *31* – Бабинцы

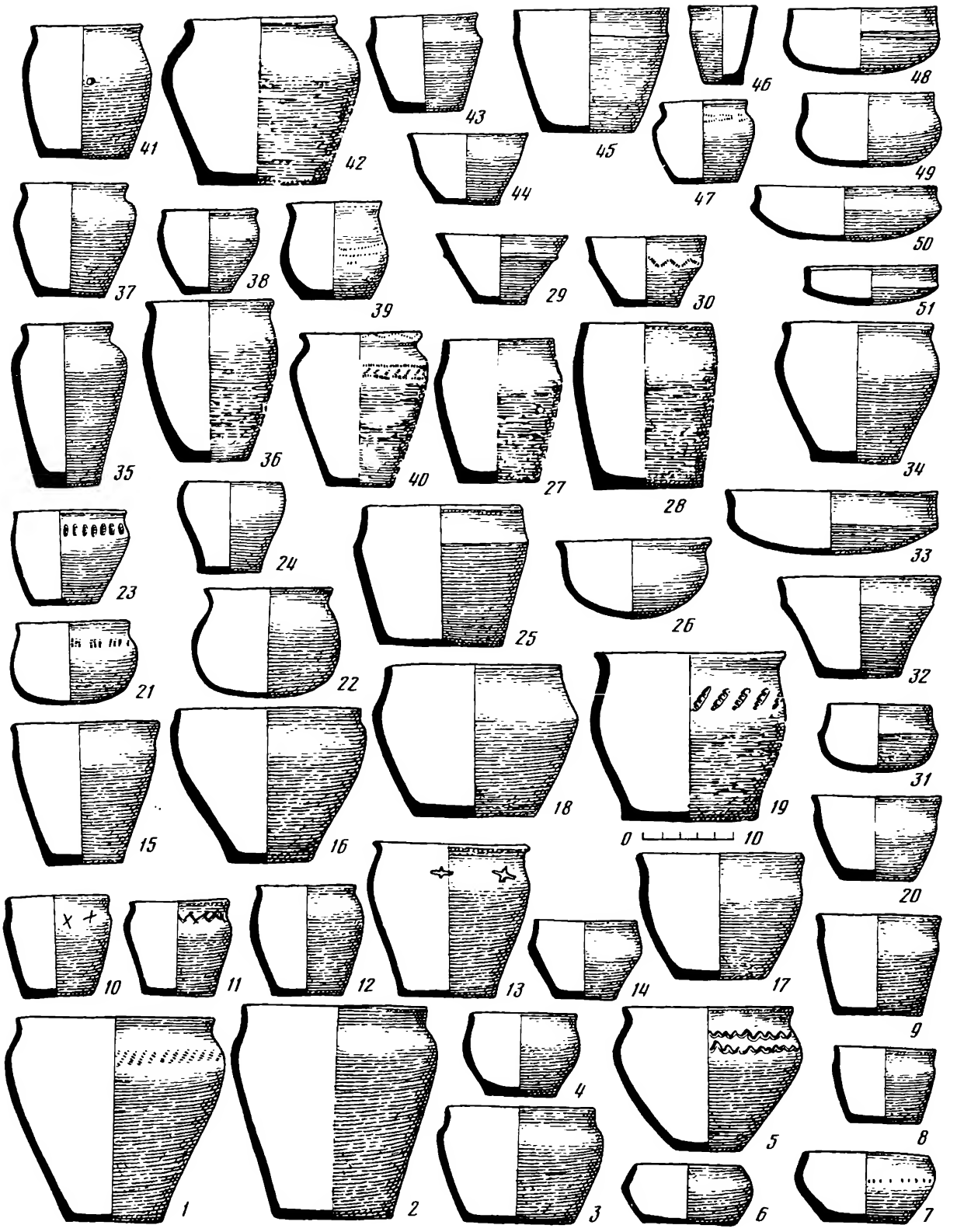


Табл. 15. Лепная керамика (IX–X) северо-западных земель (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1-2 – Шихинские курганы; *3* – курганная группа Грехов ручеи; *4* – Кузнецовские курганы; *5* – городище Савкина горка; *6* – курганная группа Грицково; *7-9* – курганная группа Шейка; *10–14* – 2-й Пекуновский могильник; *15–16* – Михайловский могильник; *17–20* – Белоозеро; *21–24* – Тимеревский курганный могильник; *25–30* – Ладога; *31–34* – Изборск; *35–39* – Гнездовский могильник; *40* – Гочевский могильник; *41–44* – Новгород; *45–50* – Псков; *51* – Камно

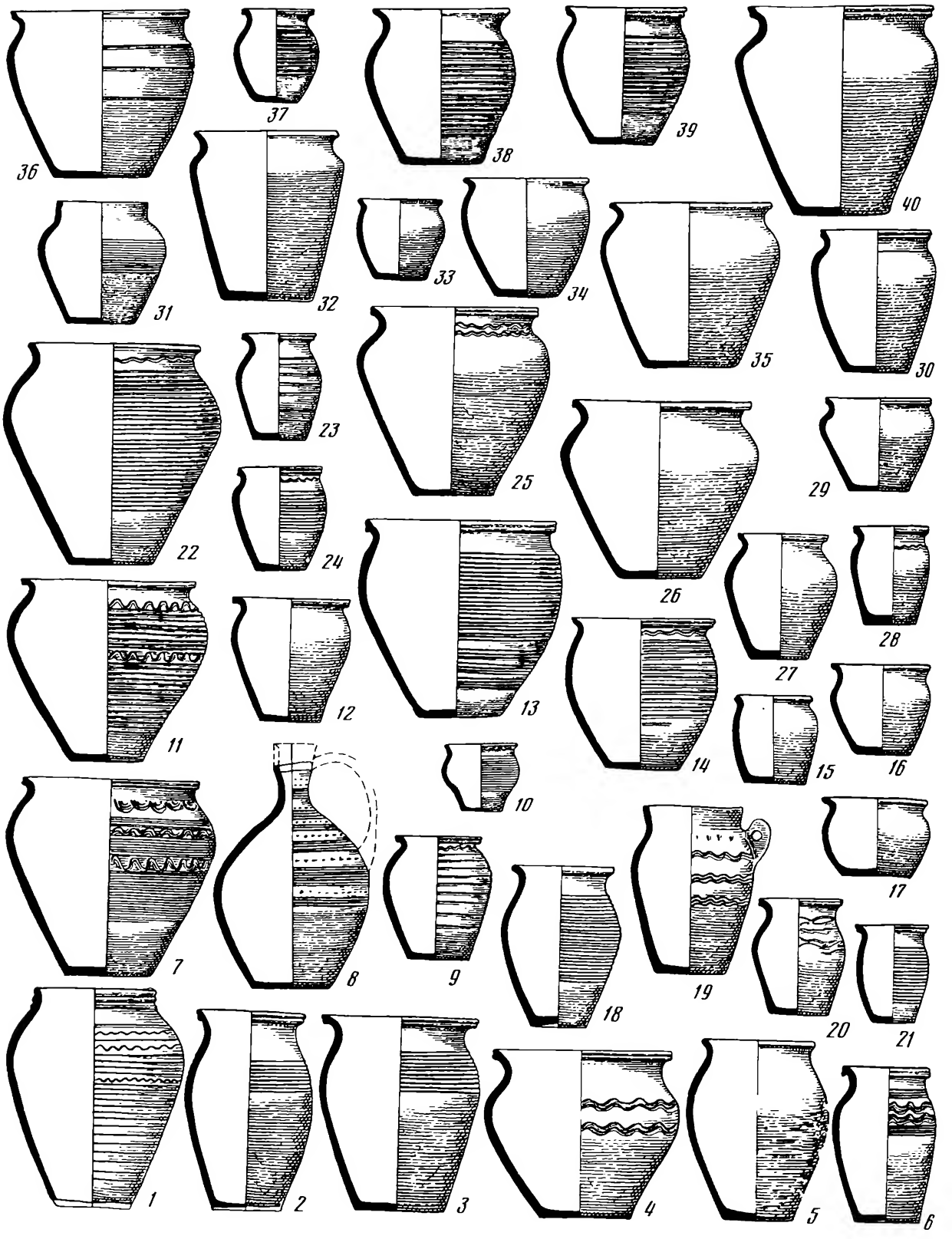


Табл. 16. Круговая керамика южных и юго-западных земель, вторая половина X – начало XI в. (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1, 6 – Плесненск; *7–12* – Киев; *13–17* – Перисаж, *18–21* – Екимауцы; *22–30* – Шестовицкие курганы; *31–35* – Голубицкие курганы; *36* – Чернигов; *37, 38–40* – Табаевские курганы

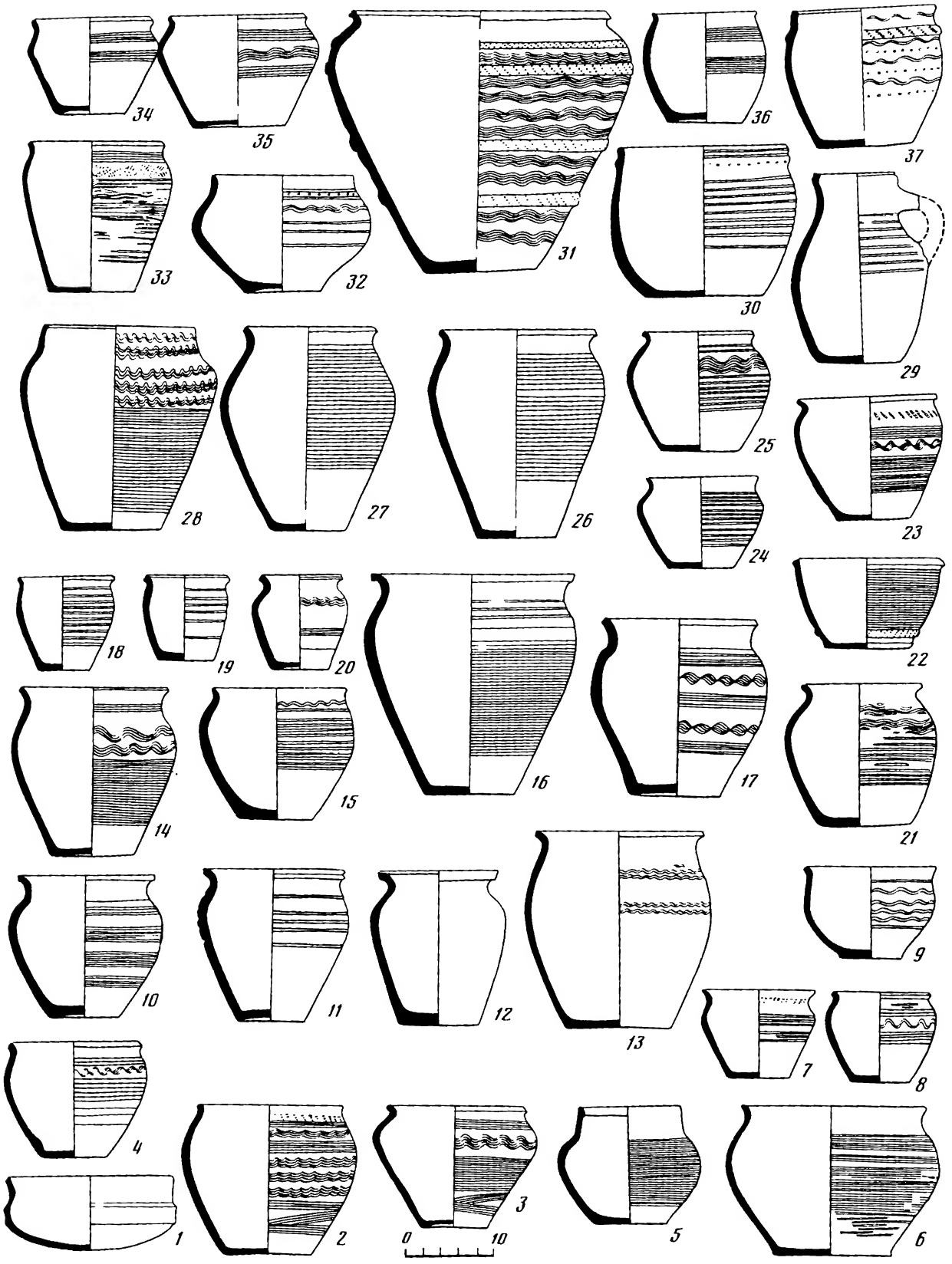


Табл. 17. Круговая керамика северо-западных земел IX–XI вв. (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1-4 - курганный могильник Залахтовье; *5* – курганный могильник Шапчицы; *6–8* – 2-й Пскуновский могильник; *9* – Тимеревский могильник; *10–20* – Гнездовские курганы; *21* – Боршева, *22* – Изборск; *23* – Псковские курганы; *24–25* – курганный могильник Гореновка; *26* – Торопецкие курганы; *27–28* – Новогрудок; *29–37* – Новгород

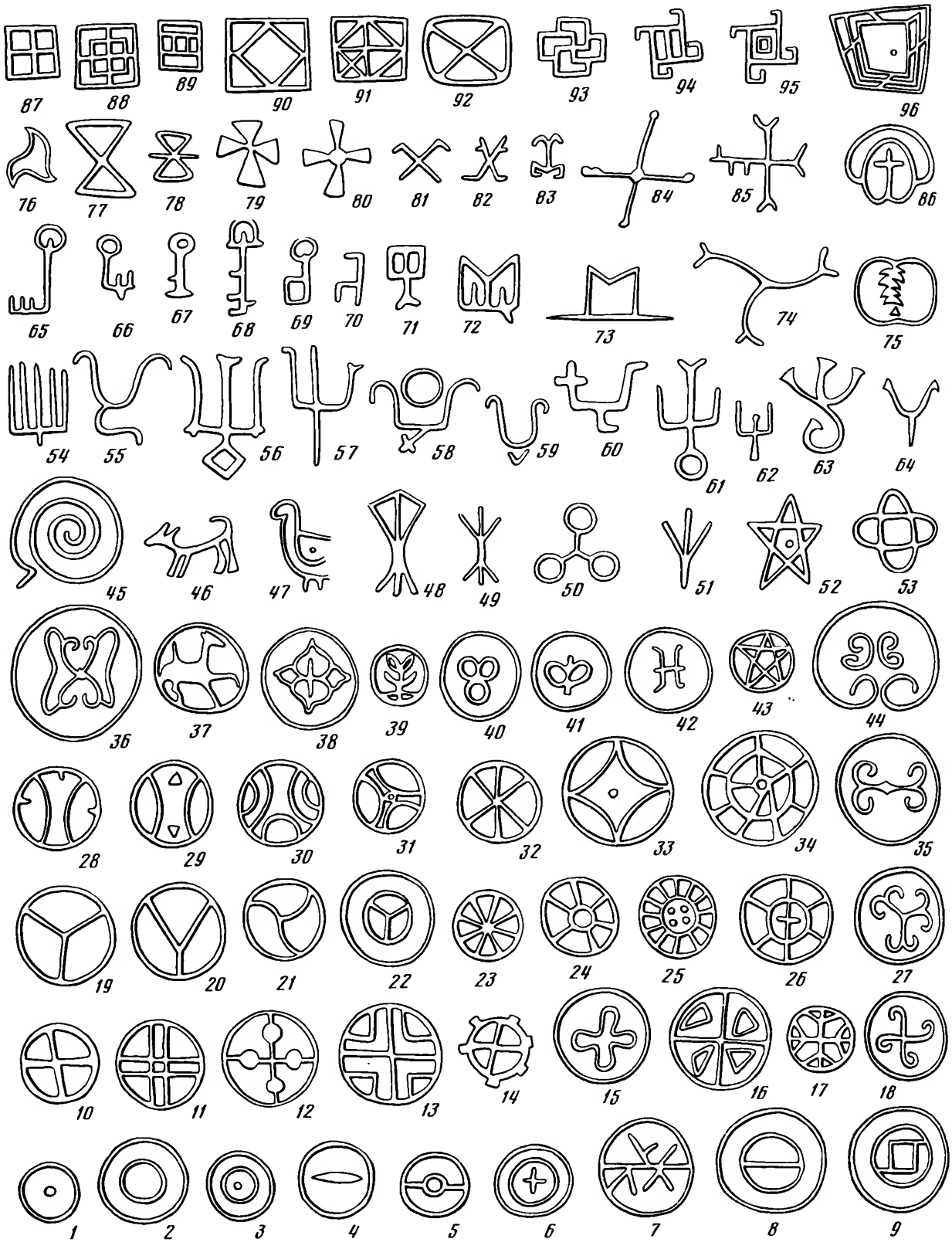


Табл. 18. Клейма на днищах круговых сосудов (составлена *Р.Л. Розенфельдтом* и *Т.И. Макаровой*)

1, 6–8, 15, 19, 22–23, 26, 34–36, 38, 42–43, 89, 96 – Вщиж; *2, 54* – Суздаль· *3, 10, 18, 29–41, 44, 56–57, 61, 65–69, 71, 74–75, 80–83, 85, 91, 93* – Старая Рязань; *4, 14* – Изяславль; *5, 78, 92* – Новгород; *9* – курганный могильник Новинки; *11* – Табаевский курганый могильник; *12* – Кузнецовский курганный могильник; *13, 12* – Смоленск; *16, 55, 58–60, 62, 88* – Киев; *17, 90, 94–85* – Гнездовский могильник; *21* – Ярцевский курганный могильник; *24, 31, 72* – Туров; *25* – курганный могильник Черкасово; *27* – курганный могильник Коханы; *28, 32, 76* – Воинь; *33, 37* – Гочевский курганный могильник; *45–63* – Колодяжин; *46–47, 53, 73* – Любеч; *48–49, 51, 70* – Водяное городище; *50* – Владимир; *52* – Полоцк; *64* – Киевщина; *77* – курганный могильник Черкизово; *79–81* - Пекуновский могильник; *84* – Лебедка

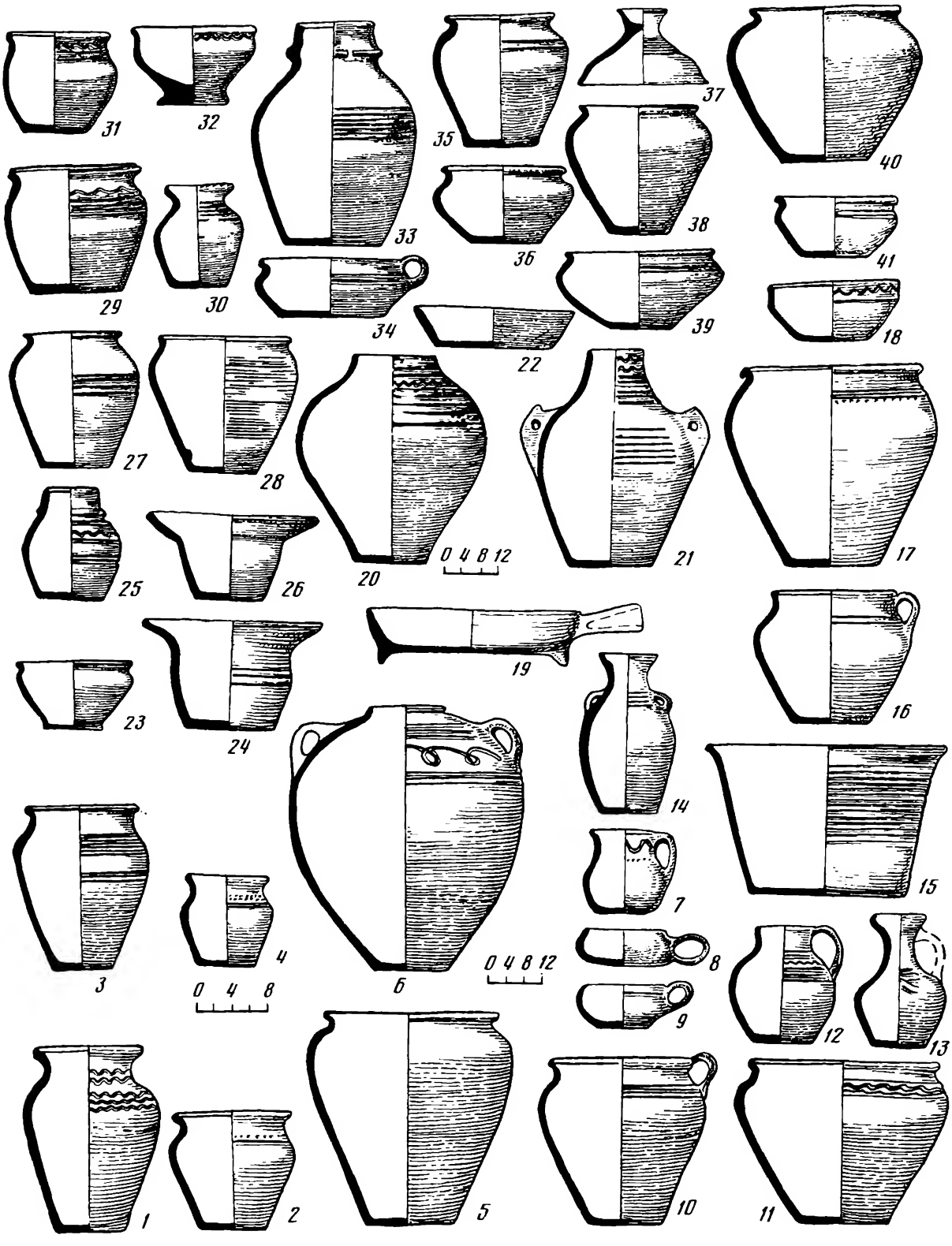


Табл. 19. Круговая керамика южных и юго-западных земель XII–XIII вв. (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1-4 – Воинь; *5–13* – Киев; *14* – Вышгород; *15–18* – Любечь; *19–22* – Колодяжин; *23–24* – Звенигород Южный; *25–28* – Галич; *29–32* – Изяславль; *33–34* – Городск; *35–41* – Вщиж

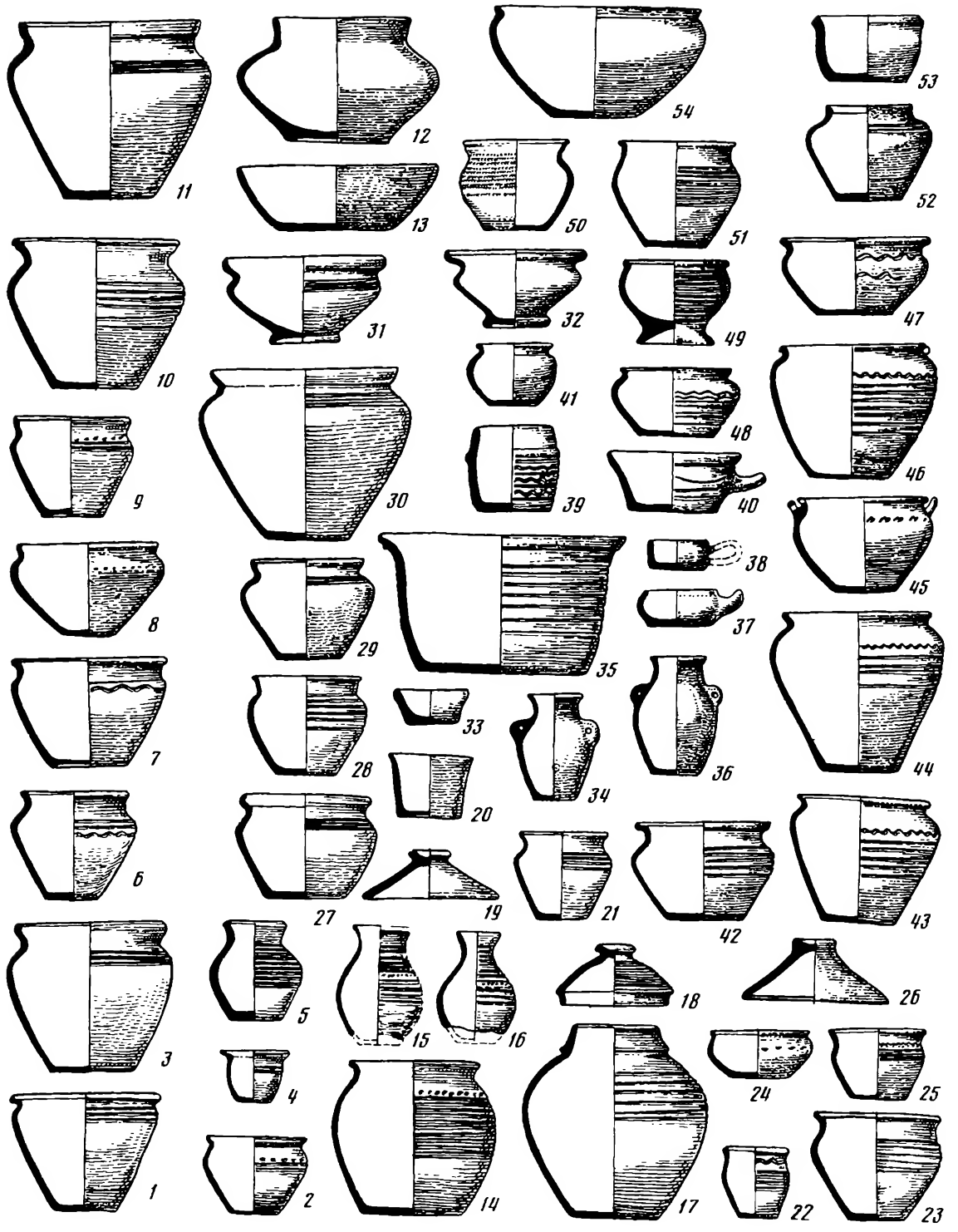


Табл. 20. Керамика северных и северо-западных земель XII–XIV вв. (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1–13 – Новгород; *14–21* – Новогрудок; *22–26* – Старая Рязань; *27–32* – Изборск; *33–35* – Друцк; *36* – Смоленск; *37–38* – Полоцк; *39–40* – Волковыск; *41* – курганная группа Ходосовичи; *42* – курганная группа Беседы; *44–46* – Деревнянские курганы; *47* – курганная группа Кожино; *48* – курганный могильник Серафимо-Знаменский скит, *49* – Ново-Кривские курганы; *50, 51* – Поваровские курганы; *52–54* – Москва

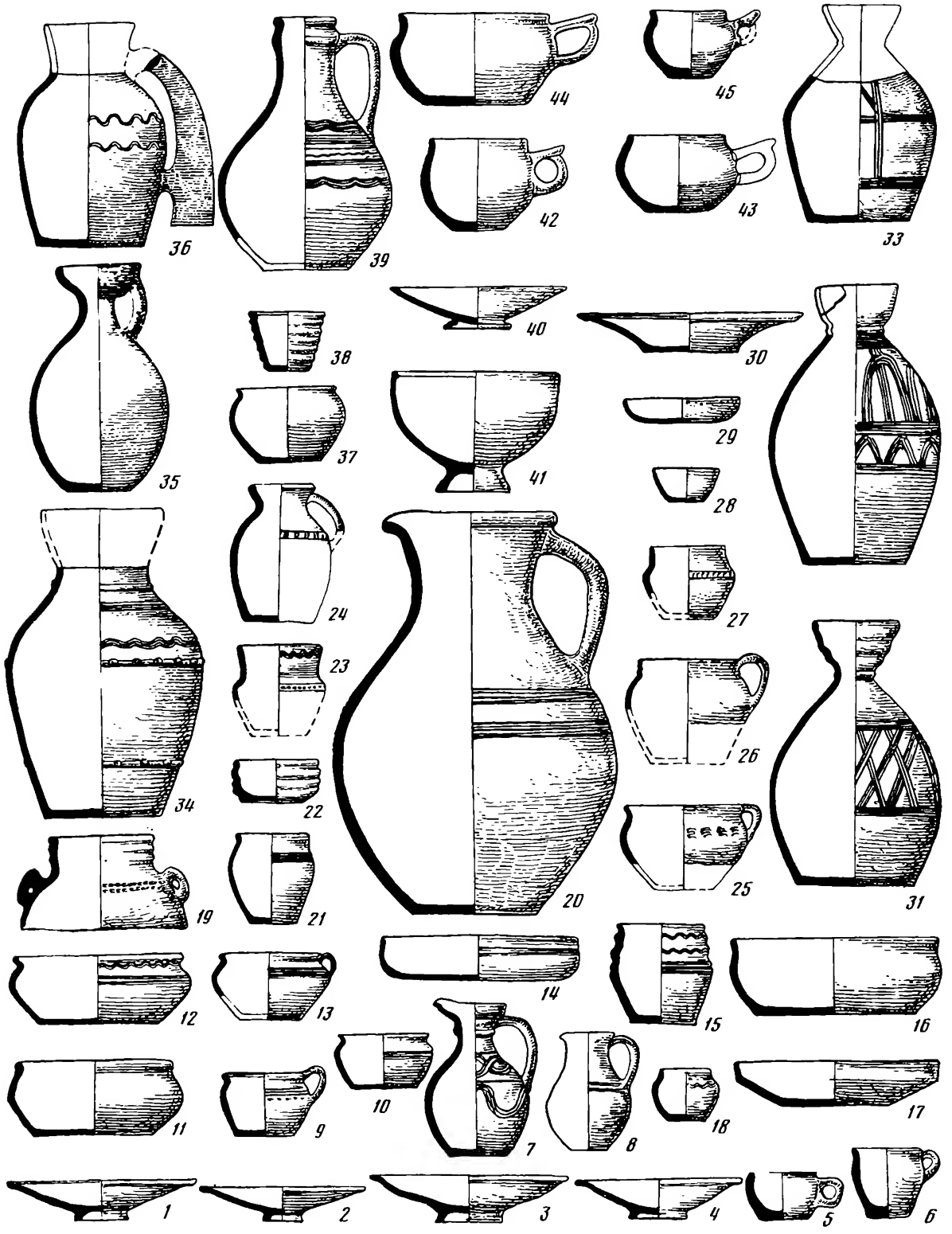


Табл. 21. Поливная керамика Древней Руси (составлена *Р.Л. Розенфельдтом* и *Т.И. Макаровой*)

1-8 (1–4 – реконструкции) – Киев; *9–10* – Чернигов; *11–17* – Любеч; *18* - Воиское городище (Воинь); *19–20* – Вышгород; *21* – Городск; *22* – Друцк, *23–24* – Пинск; *25–30* – Смоленск; *31–33* – Городище Осовик; *34–41* – Новогрудок; *42–43* – Никольские курганы; *44* – курганы Плешково; *45* – курганы Заславля

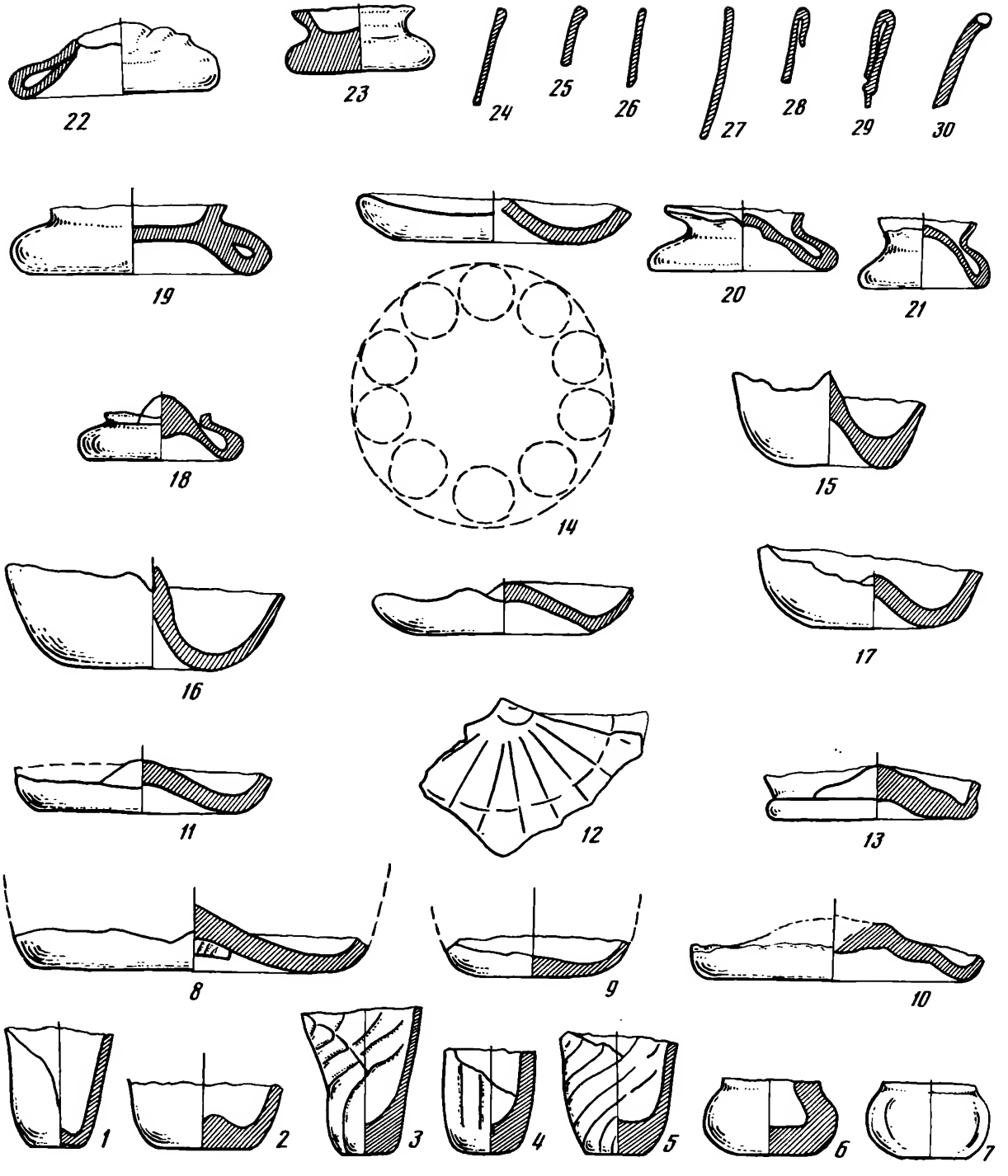


Табл. 22. Стеклянная посуда Древней Руси (составлена *Ю.Л. Щаповой*)

1–7 – донца ламп и ножки-бусинки сосудов XI–XII вв.; *8–14* – вогнутые донца сосудов цилиндрической или бочковидной формы, глубокие чаши; *15–17* – донца византийских чаш XI – начала XIII в.; *18–23* – донца сосудов с вогнутым конусом и полым поддоном второй половины XII – начала XIII в.; *24–30* – венчики древнерусских и византийских сосудов

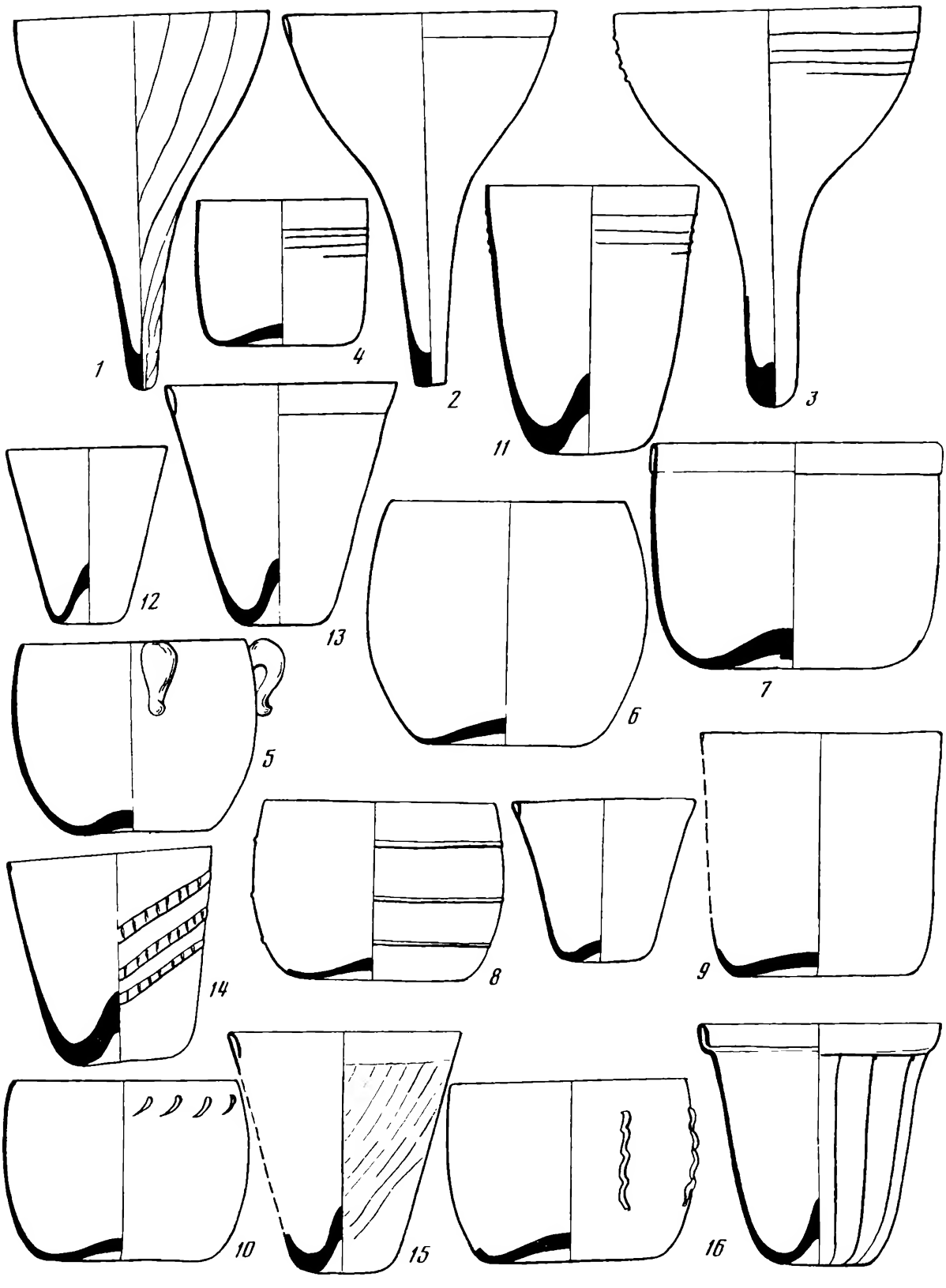


Табл. 23. ***1–16*** **– стеклянные сосуды. Реконструкция форм (составлена** ***Ю.Л. Щаповой*****)**

1–3, 5 – лампы; *4, 6–16* – стаканы, чаши

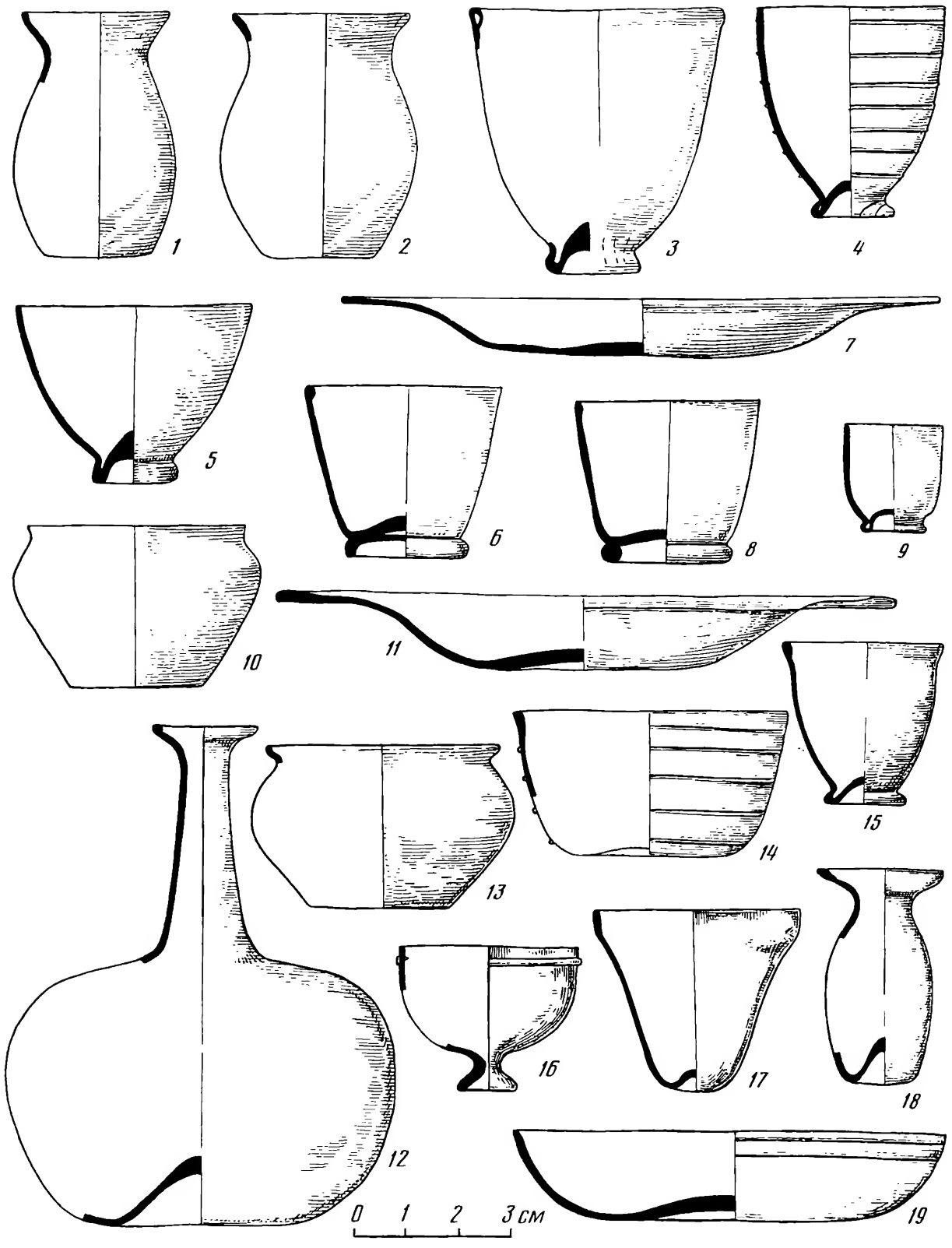


Табл. 24. Стеклянные сосуды. Реконструкция форм (составлена *Ю.Л. Щаповой*)

1, 2, 6, 8–18 – сосуды разных форм киевской работы; *3, 4, 5* – лампы; *7, 19* – тарелки

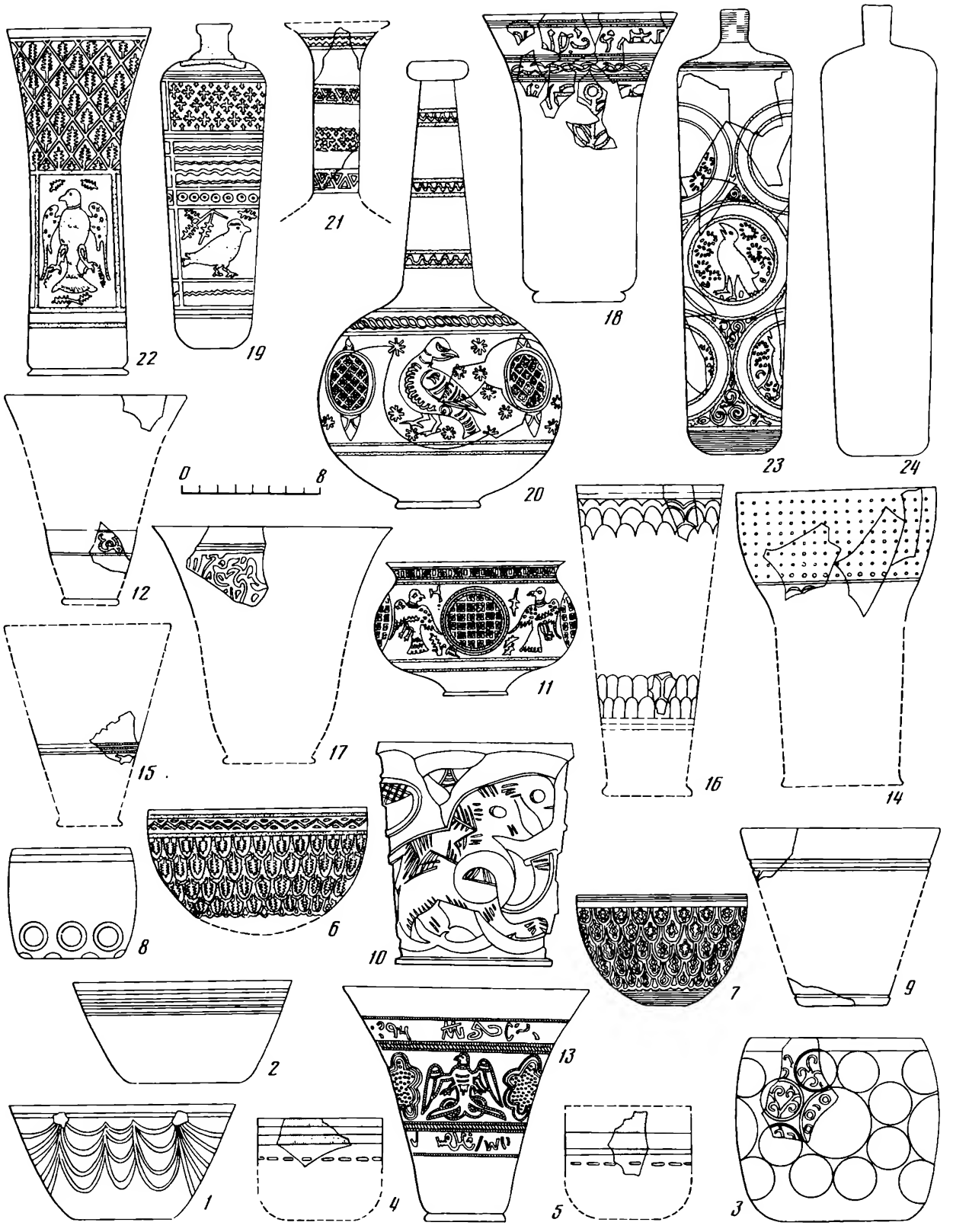


Табл. 25. Привозная посуда из разноцветного стекла, найденная на территории Древней Руси (составлена *Ю.Л. Щаповой*)

1-8, 11 – чаши; *9–10, 12–18, 22* – кубки; *20, 21, 19, 23, 24* – бутылки

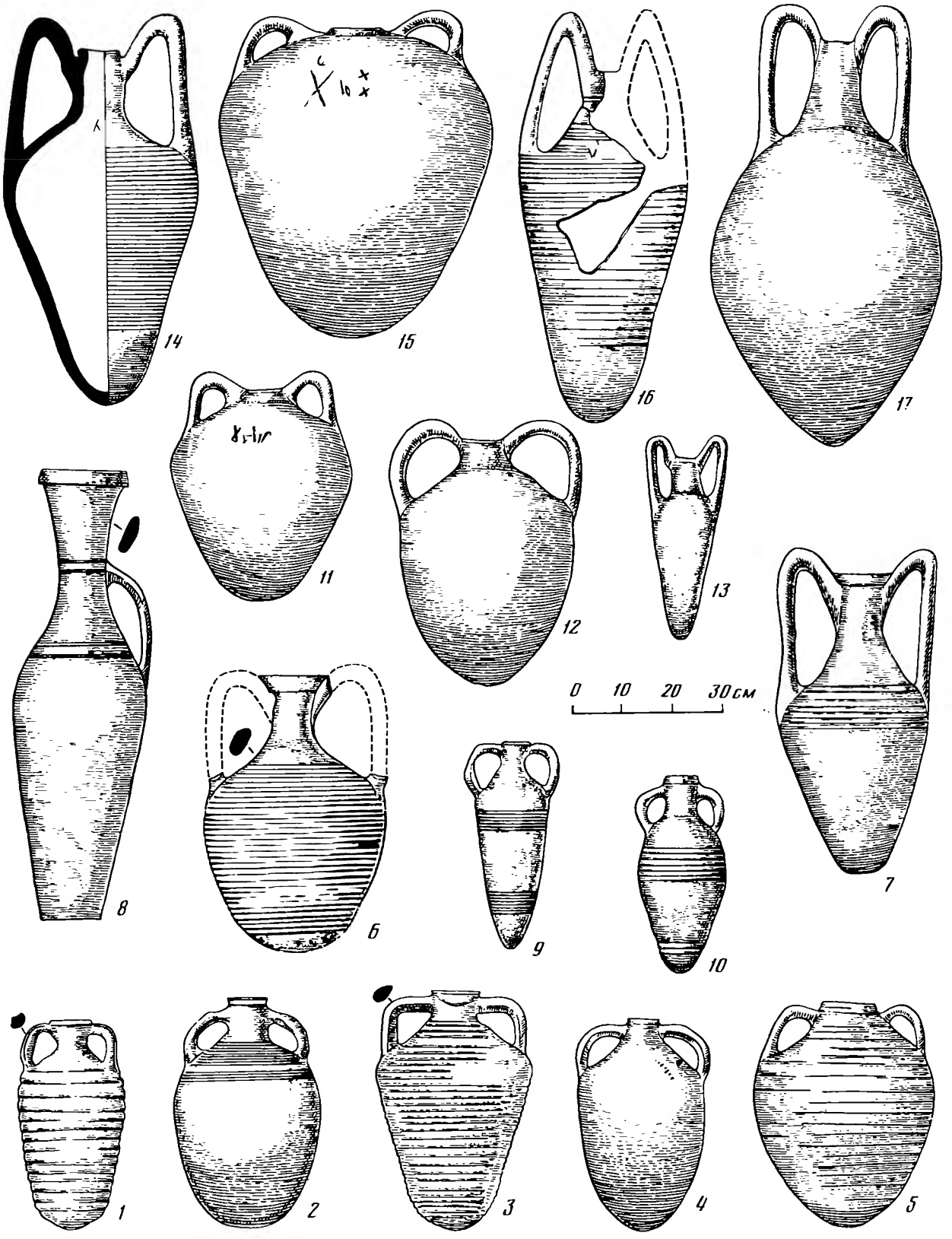


Табл. 26. Амфоры IX–XIII вв. и красноглиняные кувшины (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1 – Тиритака, IX в.; *2* – ст. Пролетарская (Маныч); IX в.; *3* – Херсонес, IX–X вв.; *4* – Гнездово, X в.; *5* – Киев, X в., *6* – Белая Вежа, конец X – XI в.; *7* – Киев, XI в.; *8* – красноглиняный кувшин из Белой Вежи X в., *9* – Киев, конец X – XI в.; *10* – Новгород, конец X – XI в.; *11* – Суздаль, XII-XIII вв., *12* – Старая Рязань, XII–XIII вв.; *13* – Владимир Волынский, XII в.; *14* – Киев, XII–XIII вв.; *15* – Воинь, XII-XIII вв.; *16* – Киев, XII–XIII вв., *17* – Новгород, XII–XIII вв.

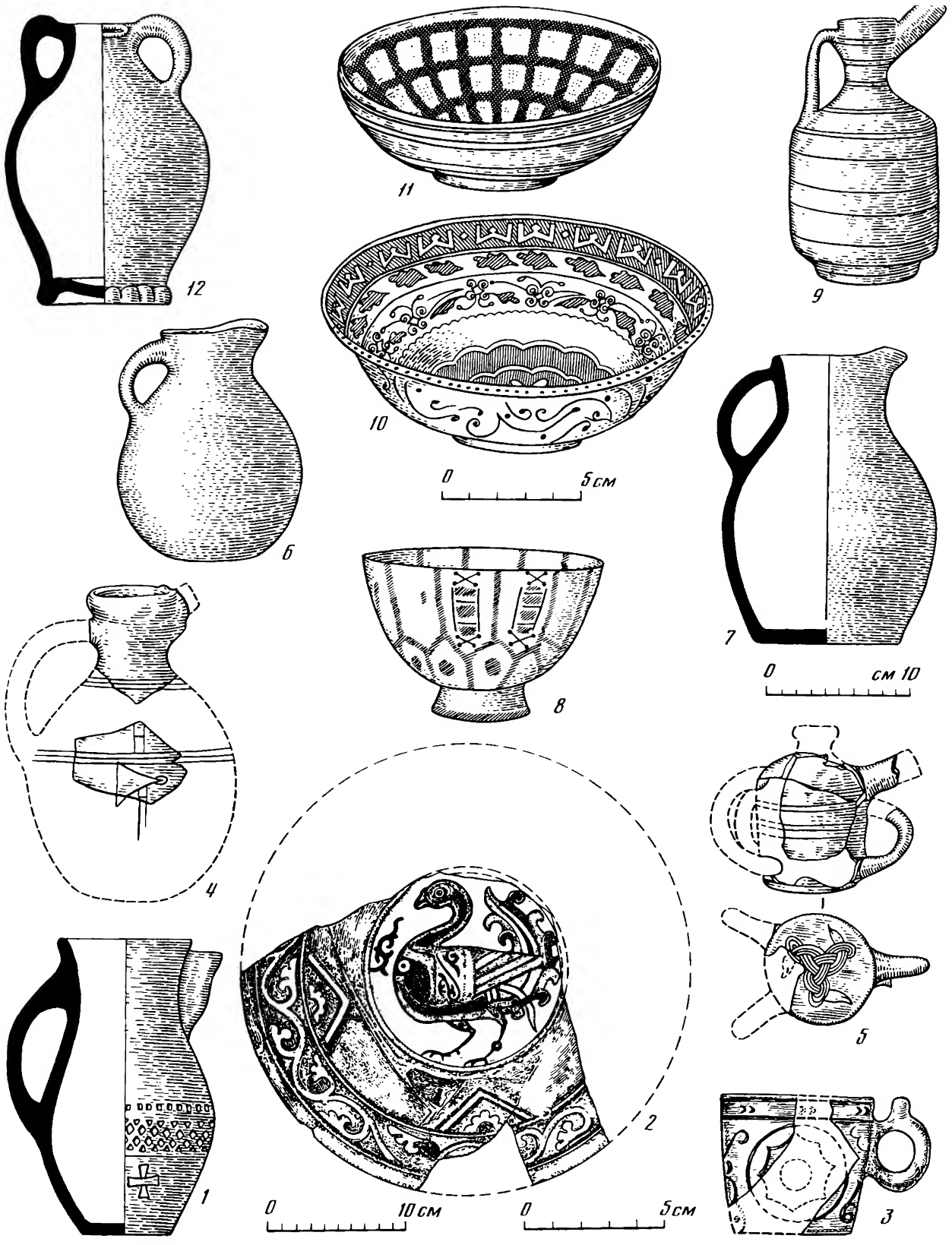


Табл. 27. Привозная поливная керамика (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1 - урочище Плакун, первая половина IX в.; *2* – Киев, X в.; *3,4* - Гнездовский курганный могильник, X в.; *5* – Шестовицкий курганный могильник, конец X в.; *6–7* – Тимеревский курганный могильник, X – первая половина XI в.; *8* – Новогрудок, XII–XIII вв., *9* – Суздаль, XII в.; *10–11* – Москва, XIII–XIV вв.; *12* – Новгород, XIV–XV вв.

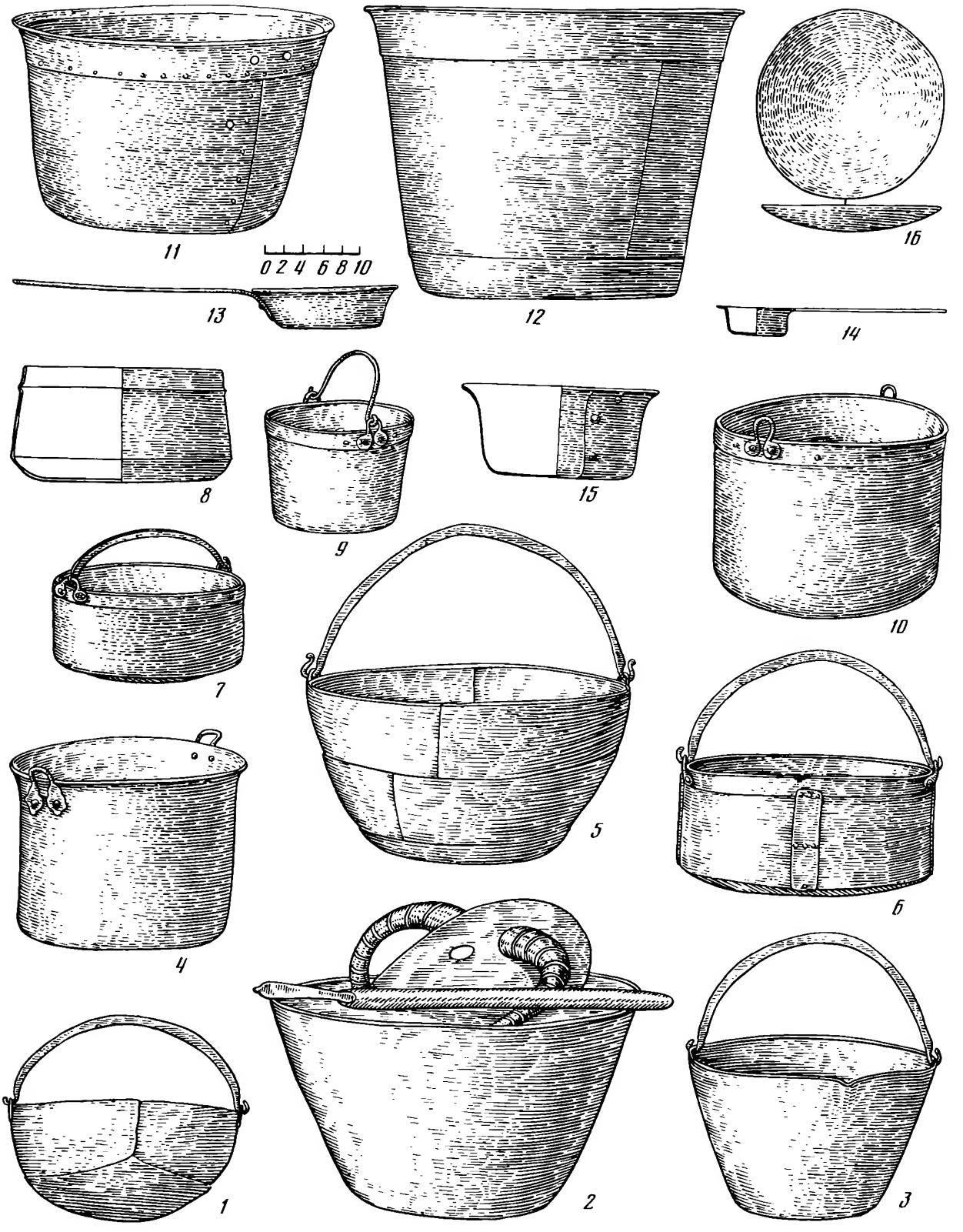


Табл. 28. Металлическая посуда: котлы, ковши, сковородки (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1 – курганный могильник у с. Заозерье; *2* – Черная могила, Чернигов; *3–4* – курганный могильник у д. Кириллино; *5* – курганный могильник у с. Усть-Рыбижна; *6, 8* – Гнездовский курганный могильник; *7* – курганный могильник у с. Сязнига; *9–10* – городище Сатинки; *11–12* – Вщиж; *13, 15* – Новгород; *14* – Ярополч Залесский; *16* – Лукомль

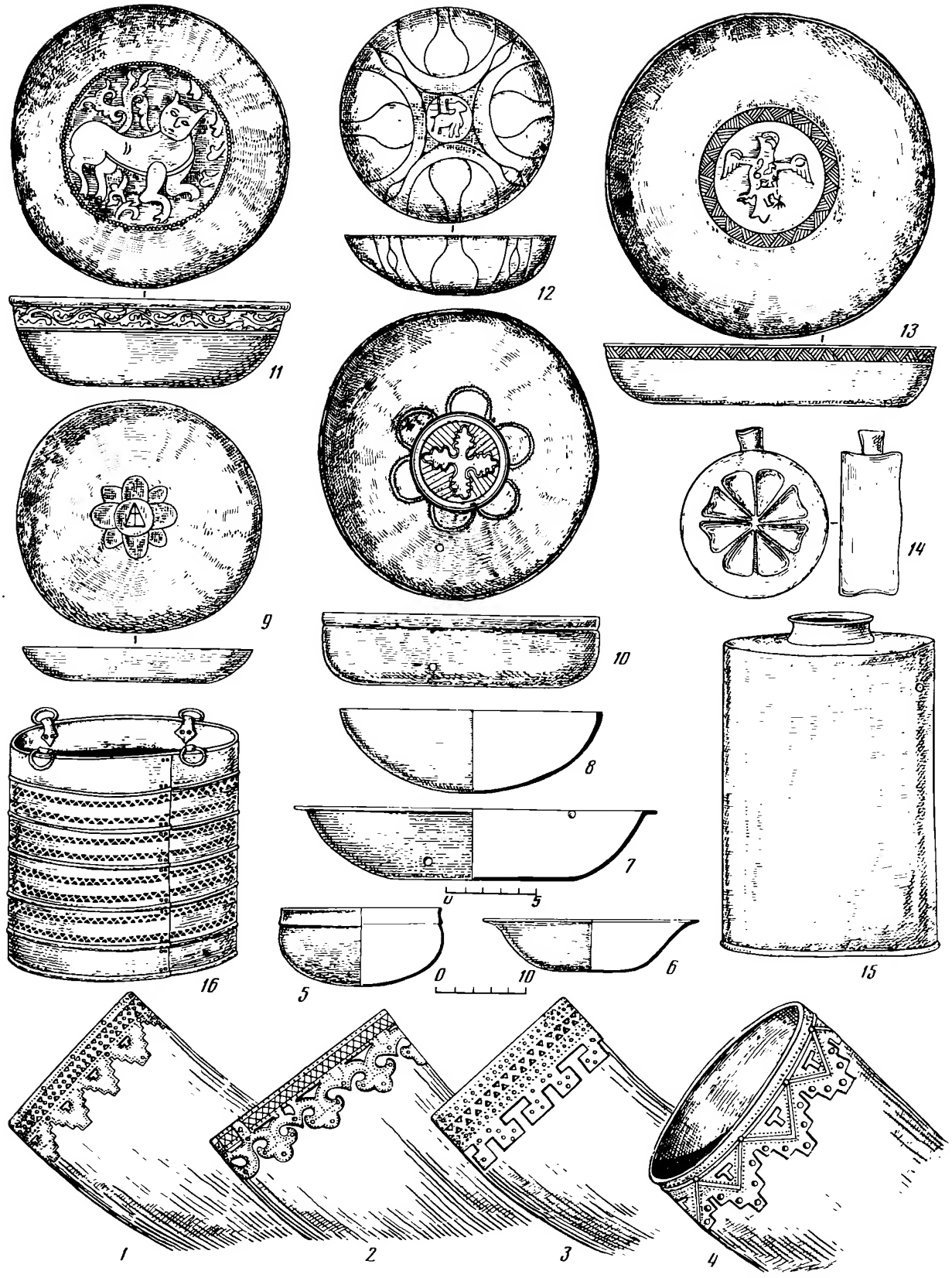


Табл. 29. Металлическая посуда: чаши, фляги, ведра и питьевые рога с металлической обкладкой (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1, 2 – Гнездовский курганный могильник; *3* – Шестовицкий курганный могильник; *4* – курганный могильник у с. Усть-Рыбижна; *5* – Киев; *6* – курганный могильник у с. Костино; *7* – Новогрудок; *8* – Дмитров; *9–10* – Киев; *11* – Щигровский клад; *12, 14* – Старая Рязань; *13* – Каменный брод; *15, 16* – Киев

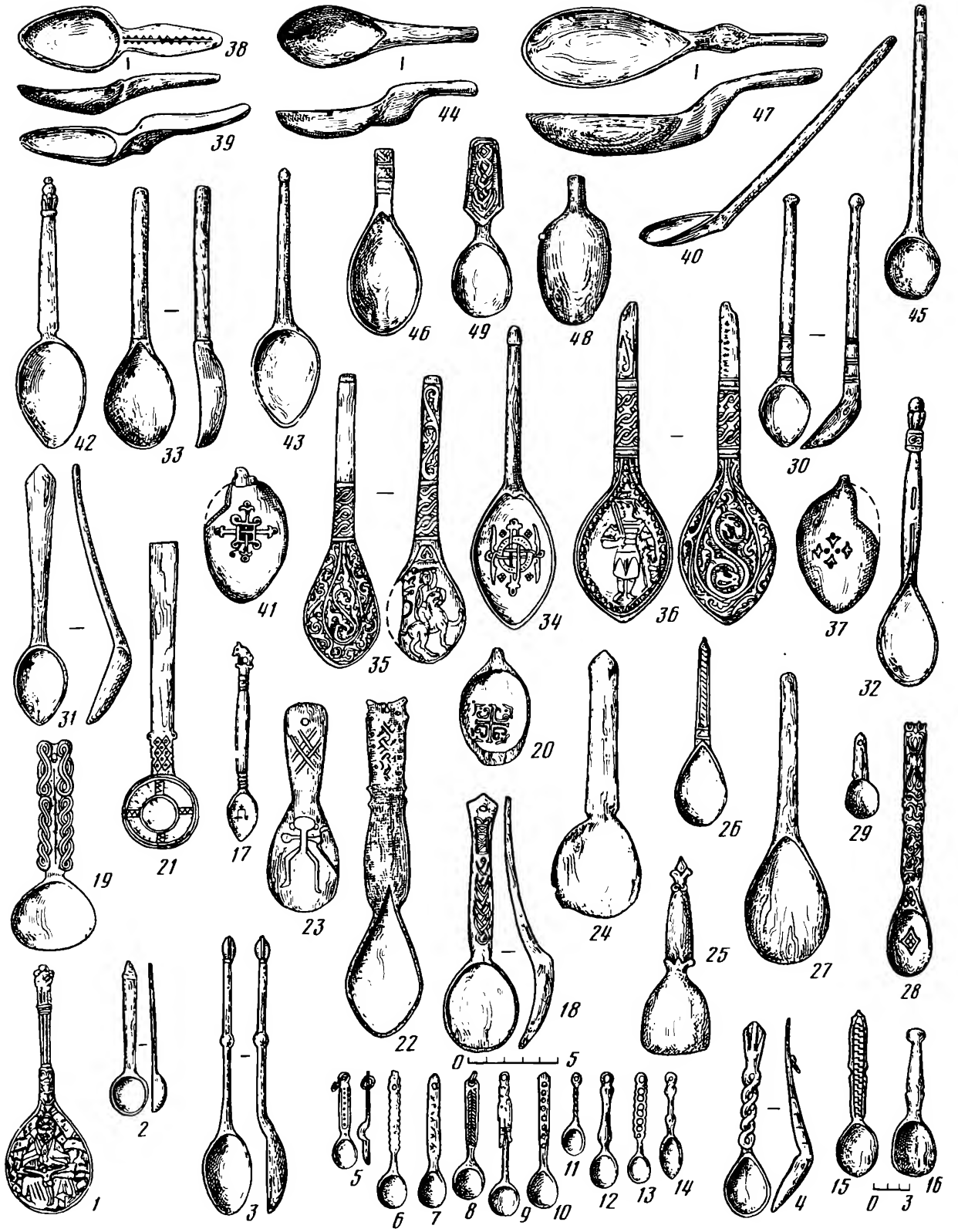


Табл. 30. Ложки из метала, кости (рога), дерева (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1 – Новгород; *2* – Микулино городище; *3* – Берестье; *4* – Киев; *5, 7* – Псковская область; *7* – Айзкраукле, Латвия; *8* – курганная группа Жилые горы; *9* – курганная группа Кветунь; *10* – курганная группа Боково; *11* – курганная группа Акулин бор; *12* – курганная группа у д. Мутышкино; *13* – курганная группа Калихновщина; *14, 19–22, 28, 30–32, 35–44, 49* – Новгород; *15, 16* – Белоозеро; *17* – с. Юровчицы; *18* – Киев; *23–26* – Белоозеро; *27* – Туров; *29* – Белоозеро; *33* – Берестье; *34* – Старая Русса; *45* – Туров; *46* – Изяславль; *47* – Москва; *48* – Киев

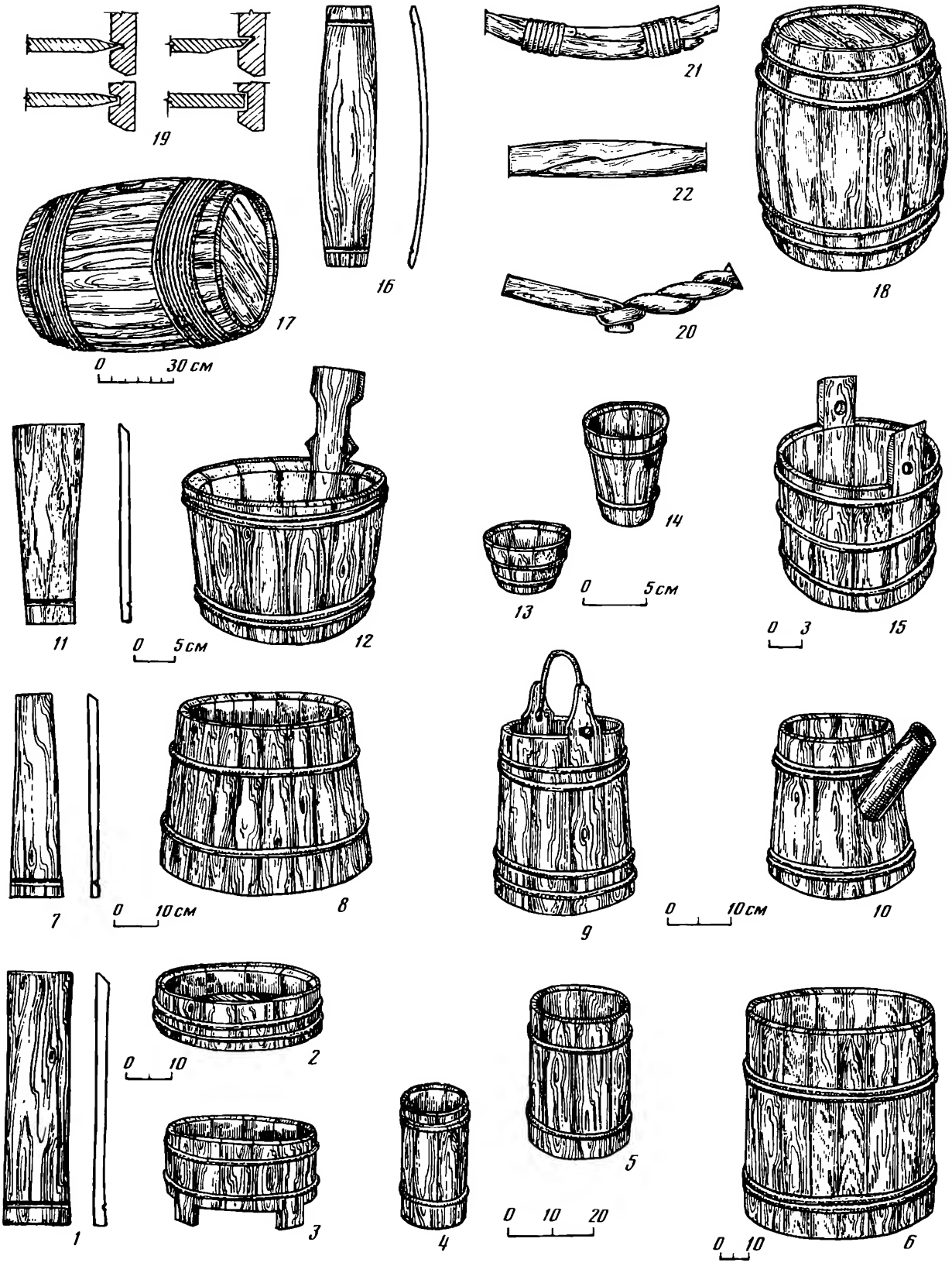


Табл. 31. Бондарные изделия (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

Новгород. *1* – клепка от кадки; *2* – лоханка; *3* – лоханка на ножках; *4* – стакан; *5* – жбанчик; *6* – кадка; *7* – клепка от шайки; *8* – кадка; *9* – ведро; *10* – подойник; *11* – клепка от шайки; *12* – шайка; *13–14* – чаши; *15* – ушат; *16* – клепка от бочки; *17* – бочка водовозная; *18* – десятиведерная бочка; *19* – виды соединений; *20–22* – обручи. Конструкции замков

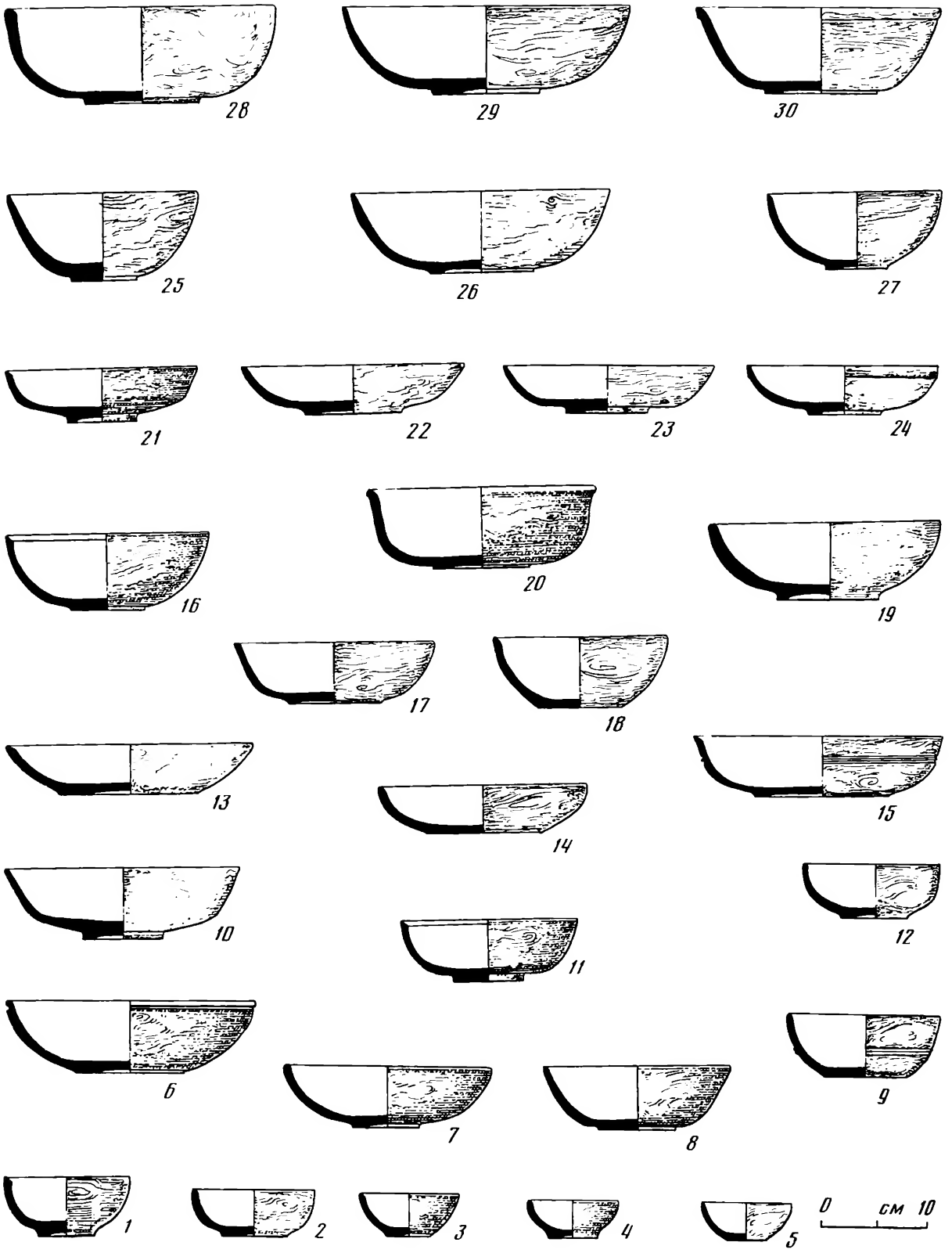


Табл. 32. Точеные сосуды из Новгорода (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1–5 – чарки; *6–13, 20–30* – чаши; *14–19* – миски

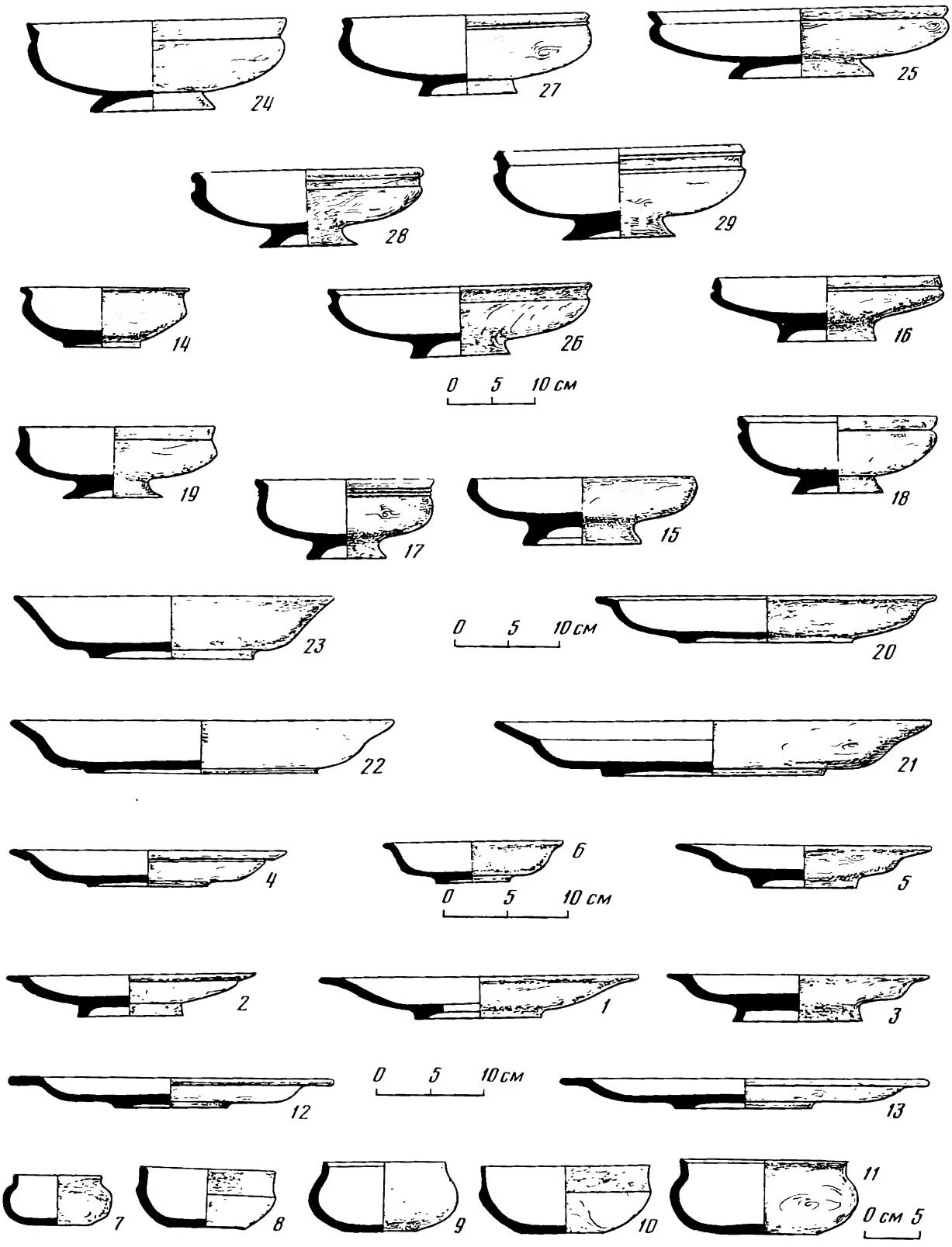


Табл. 33. Точеные деревянные сосуды из Новгорода (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1–6, 12, 13, 20–23 – блюда; *7–11, 14–19* – миски; *24–29* – чаши на высоком поддоне

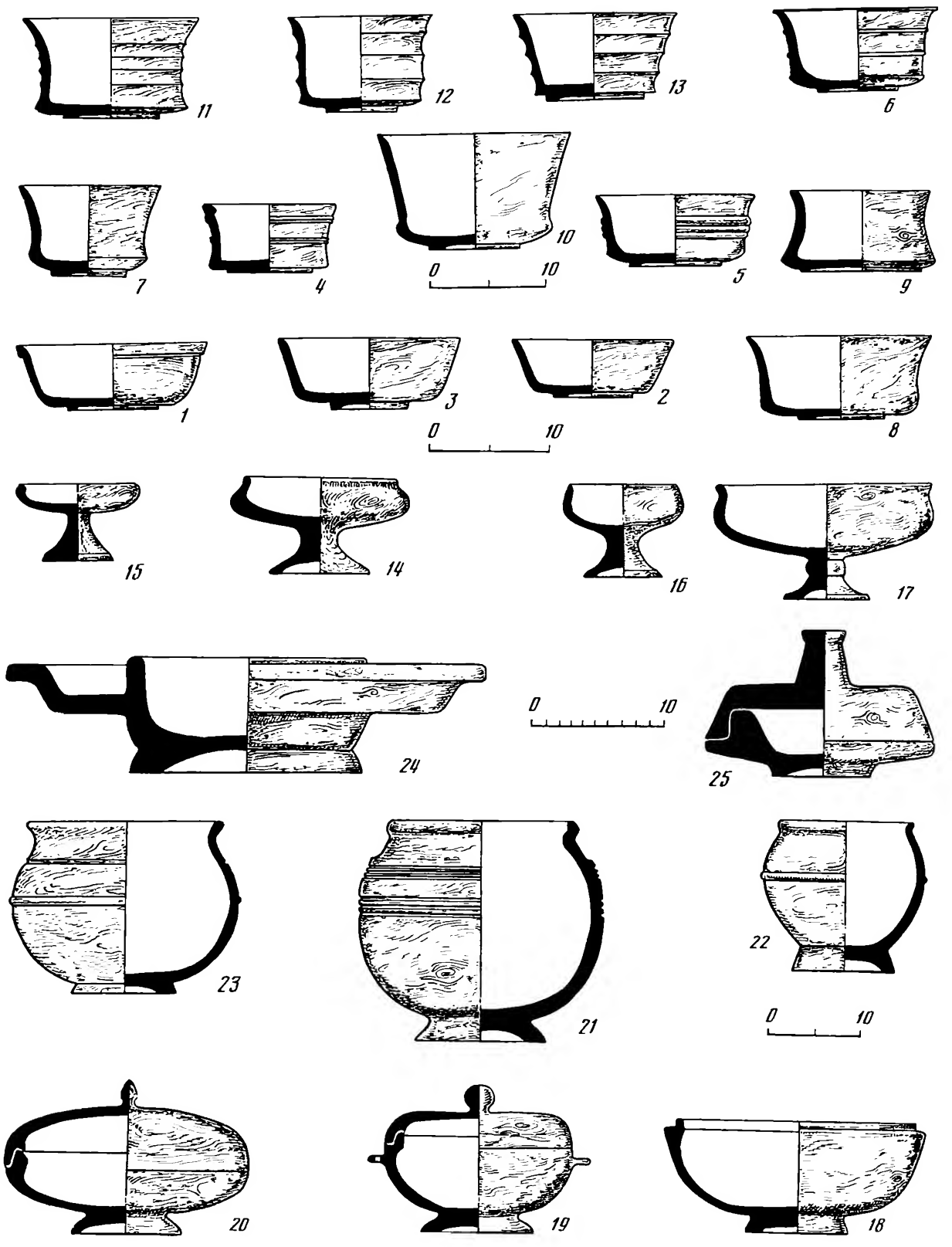


Табл. 34. Точеные сосуды из Новгорода (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1–13 – миски-чарки; *14–17* – кубки; *18–20* – ставцы; *21–23* – братины; *24* – кисельница; *25* – солонка

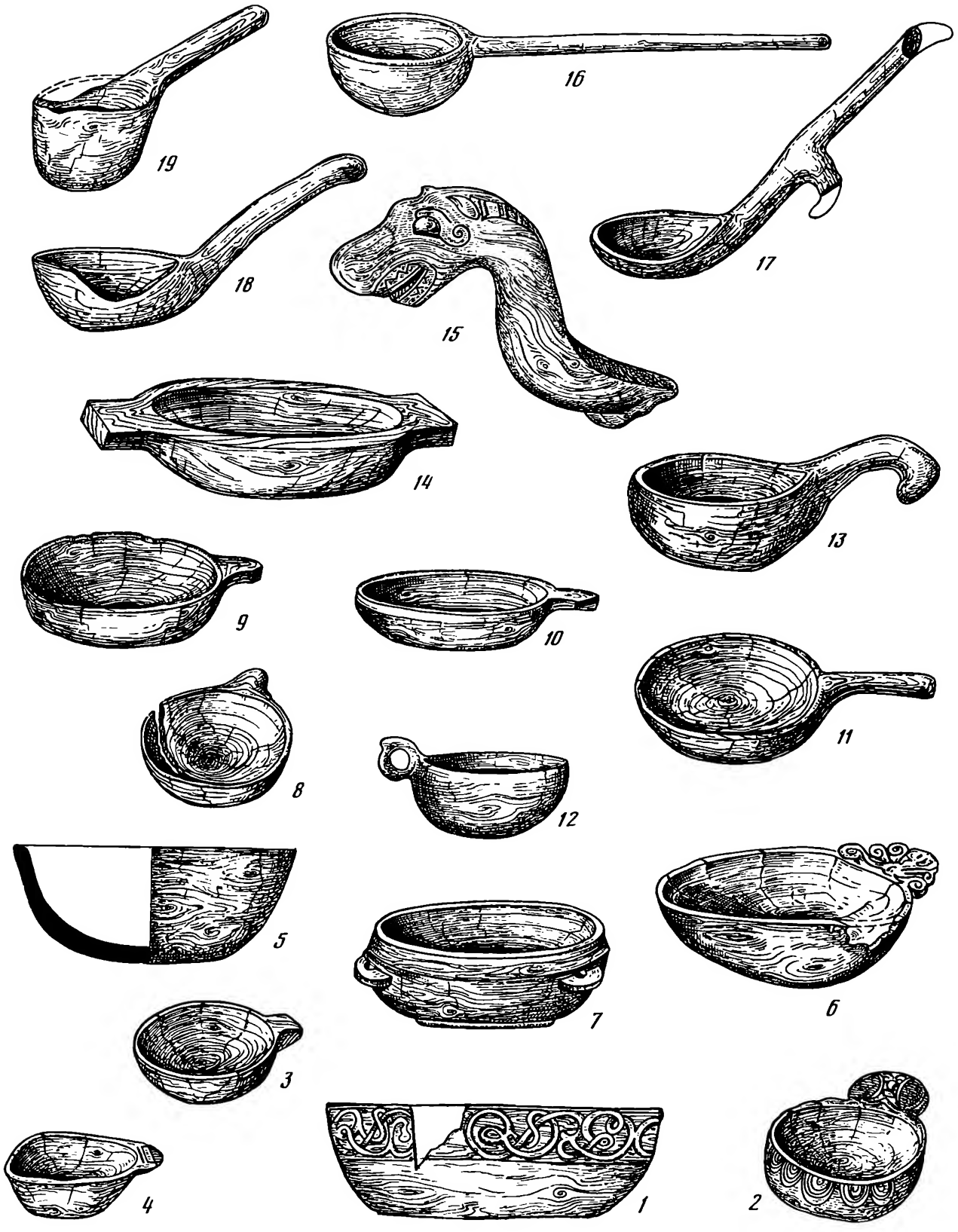


Табл. 35. Посуда, вырезанная из капа и корневищ (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1–6 – чаши из Новгорода; *7* – чаша из Белоозера; *8–10* – чаши из Новгорода; *11–13, 16–19* – ковши из Новгорода; *14* – скобарь из Новгорода; *15* – ручка ковша из Новгорода

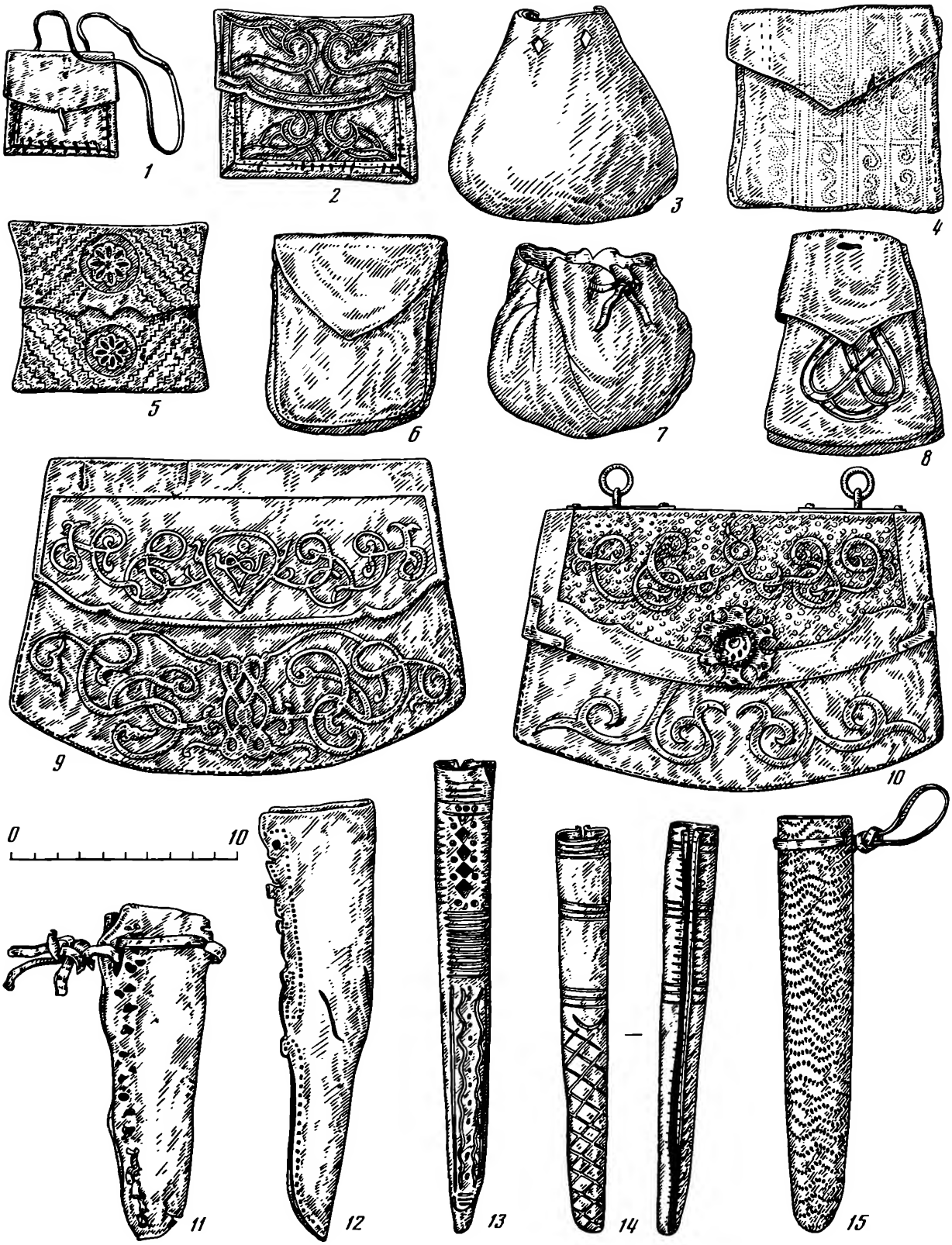


Табл. 36. Изделия из кожи (составлена *Е.А. Рыбиной*)

Новгород: *1–8* – кошельки; *9, 10* – сумки; *11–15* – ножны

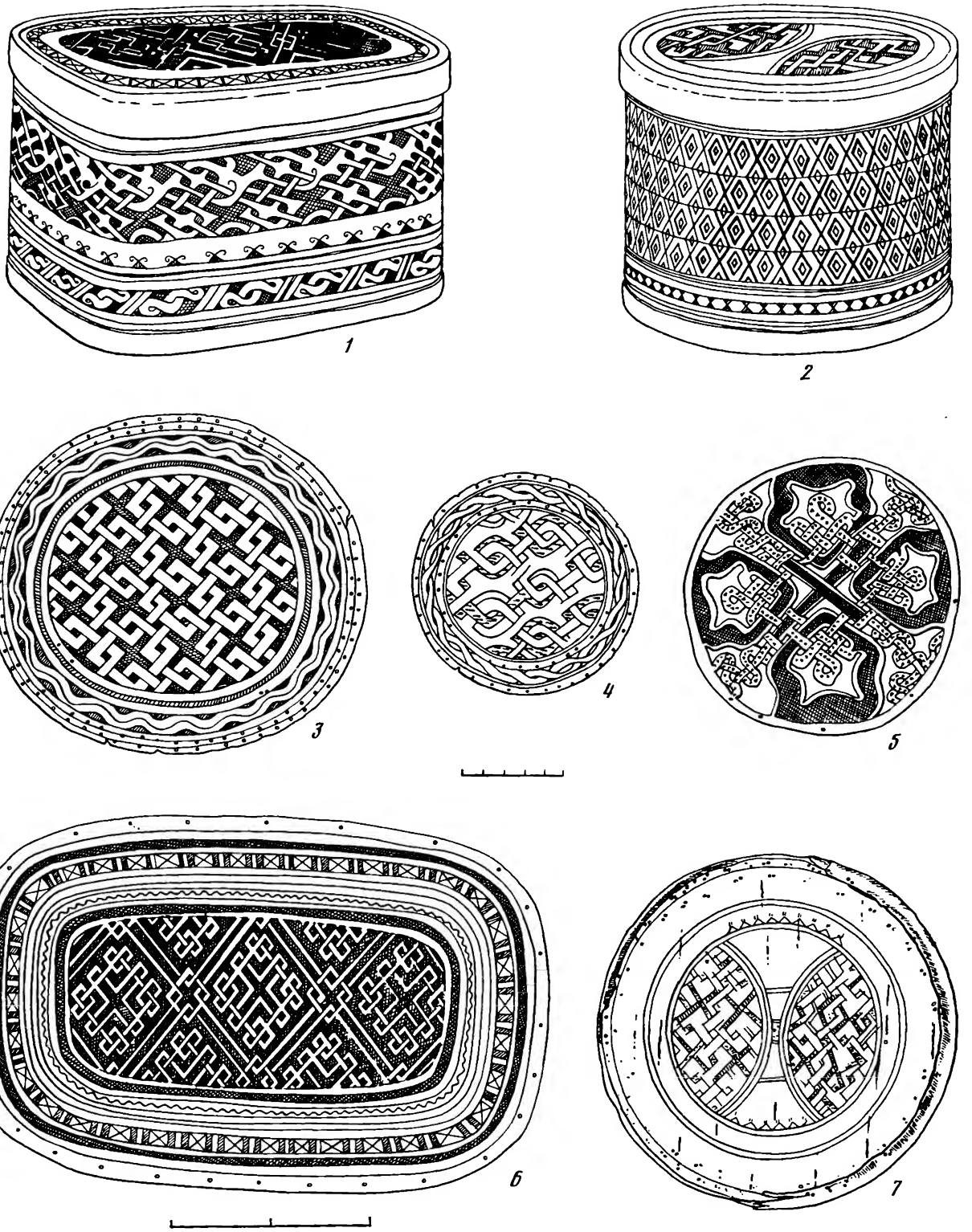


Табл. 37. Изделия из бересты (составлена *Е.А. Рыбиной*)

Новгород: *1, 2* – короба; *3, 6, 7* – крышки коробов; *4, 5* – крышки туесов

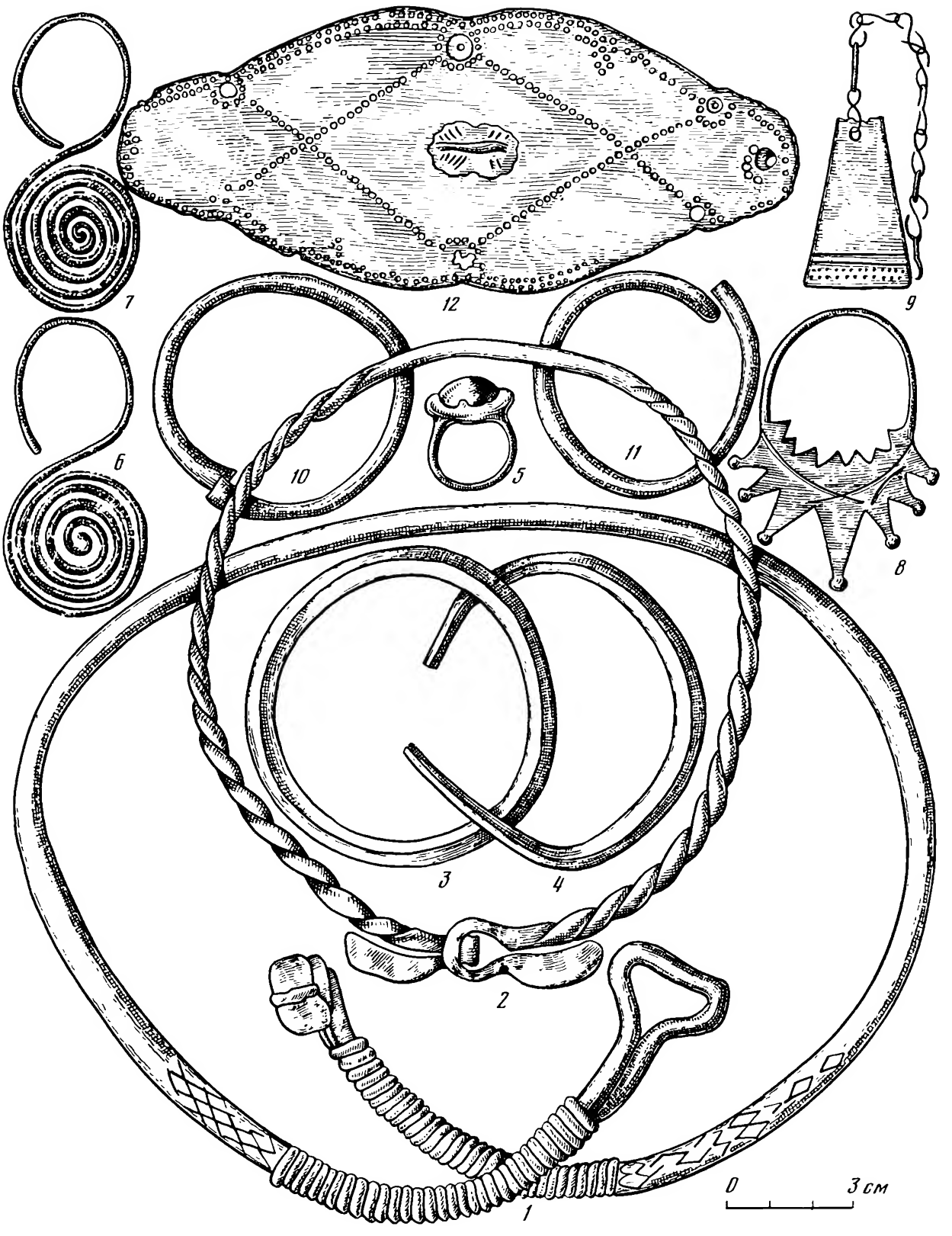


Табл. 38. Клады первой группы (IX – рубеж IX–X вв.). Составлена *Т.И. Макаровой*

1 – гривна шейная серебряная с ромбическими гранями из клада 1875 г. у д. Горки; *2* – гривна шейная серебряная витая из граненого дрота из клада 1905 г. близ с. Ивахники; *3–4* – браслеты серебряные кованые граненые из клада 1914 г. в с. Угодичи; *5* – перстень из клада 1905 г. в с. Ивахники; *6–7* – височные кольца серебряные спиральные из клада 1905 г. в Полтаве; *8* – височное кольцо семилучевое серебряное из клада 1905 г. в Полтаве; *9* – подвеска медная пластинчатая с цепочкой из клада 1905 г. в с. Ивахники; *10–11* – браслеты проволочные серебряные из клада 1905 г. в Полтаве; *12* – фибула серебряная из клада 1905 г. в с. Ивахники

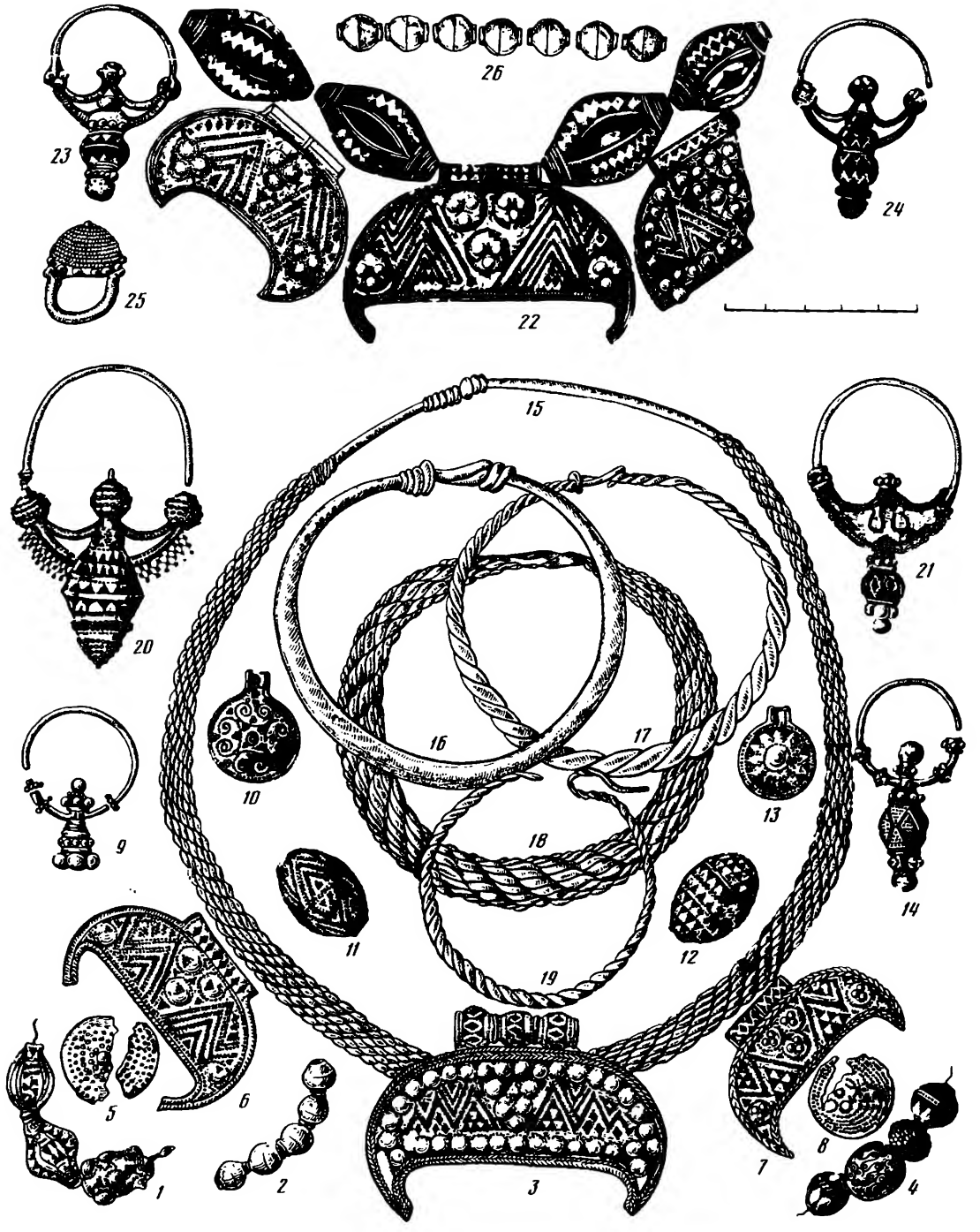


Табл. 39. Клады второй группы (вторая половина X – XI вв.). Составлена *Т.И. Макаровой*

1, 2, 4 – бусы серебряные. Клад 1868 г., Гнездово; *5, 8* – пуговицы серебряные с зернью. Клад 1912 г., с. Денис; *3, 6, 7* – лунницы серебряные с зернью. Клад 1868 г., Гнездово; *9* – серьги серебряные с подвеской. Клад 1912 г., с. Денис; *10–13* – подвески и бусы серебряные с зернью. Клад 1868 г., Гнездово; *14* – серьга серебряная с подвеской. Клад 1912 г., с. Денис: *15* – гривна серебряная. Клад 1868 г., Гнездово; *16–18* – браслеты золотые. Клад 1913 г., Киев; *19* – браслет золотой. Клад 1851 г., Киев; *20–21* – серьги серебряные с зернью. Клад 1883 г., д. Борщовка; *22* – бусы серебряные лопастные и лунницы с зернью. Клад 1864 г., с. Юрковцы; *23–24* – серьги серебряные с тисненой подвеской. Клад начала 30-х годов близ с. Гущино; *25* – перстень серебряный с щитком, покрытым зернью. Клад начала 30-х годов, с. Гущино; *26* – бусы серебряные круглые, гладкие. Клад 1870 г., д. Гнездово

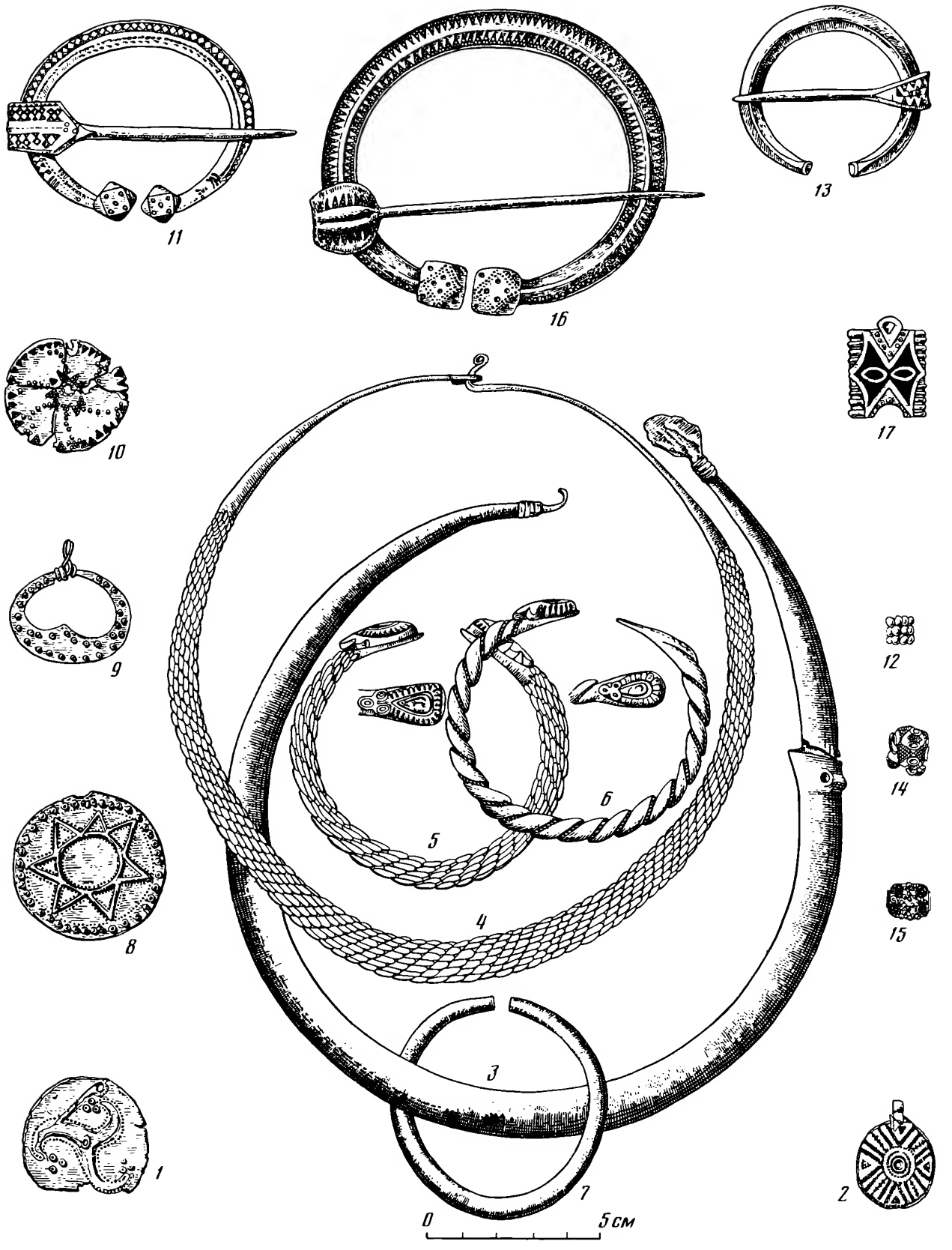


Табл. 40. Клады третьей группы (XI – начало XII в.). Составлена *Т.И. Макаровой*

1, 8, 11, 14, 15 – подвески с зернью, пряжка и бусы. Клад 1913 г., приход Спанка; *2, 9* – подвеска и пряжка с зернью. Клад 1928 г., д. Скадино; *10, 13* – подвеска с зернью, пряжка. Клад 1923 г., д. Васьково; *3* – гривна серебряная пластинчатая, полая. Клад 60-х годов XIX в., д. Б. Хайча; *4, 5, 6* – гривна и браслеты. Клад 1895 г. близ с. Пилява; *7* – браслет. Клад 1899 г. из Киева; *12* – бусина серебряная с зернью. Клад 1883 г. из Мироновского фольварка; *16* – пряжка серебряная с граненными шляпками и пунсонным орнаментом. Клад 1927 г., с. Пупилово; *17* – бляшка серебряная литая с чернью. Клад 1913 г. приход Спанка

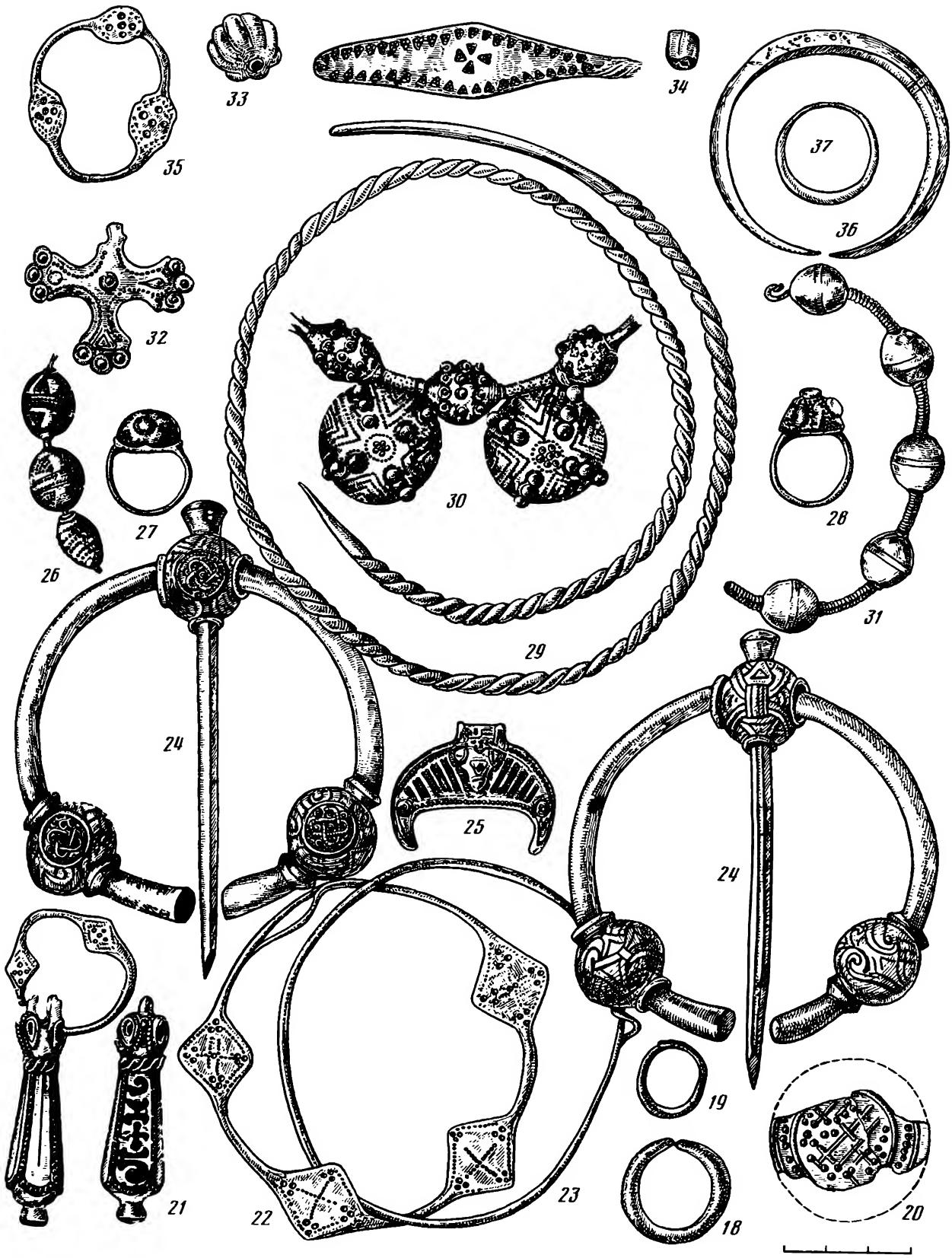


Табл. 41. Клады третьей группы (XI – начало XII в.; продолжение). Составлена *Т.И. Макаровой*

18 – кольцо золотое. Клад 1903 г. близ д. Стражевич; *19* – височное кольцо серебряное. Клад 1883 г., Мироновский фольварк; *20* – подвеска серебряная монетовидная. Клад 1904 г., с. Крыжово; *21* – кольцо височное ромбощитковое с пунсонным орнаментом с надетой на него серебряной поднеской с имитацией куфической (?) надписи, выполненной чернью. Клад 1891 г., д. Демшино; *22–23* – височное кольцо. Клад 1892 г., д. Шалахово; *24* – пряжка серебряная скандинавская. Клад 1891 г., д. Демшино; *25* – луница с зернью. Клад 1928 г., д. Скадино; *26* – бусы с зернью. Клад 1892 г., д. Шалахово; *27–28* - перстни с зернью. Клад 1892 г., д. Шалахово; *29* – гривна серебряная. Клад 1885 г., д. Бужиски; *30* – ожерелье из серебряных бус и подвесок с зернью. Клад 1892 г., д. Шалахово; *31* – сережные подвески серебряные. Клад 1892 г., д. Шалахово; *32, 33–34* – крест серебряный и бусы стеклянные. Клад 1904 г., с. Крыжово; *35* – височное кольцо серебряное ромбощитковое. Клад 1927 г., с. Путилово.

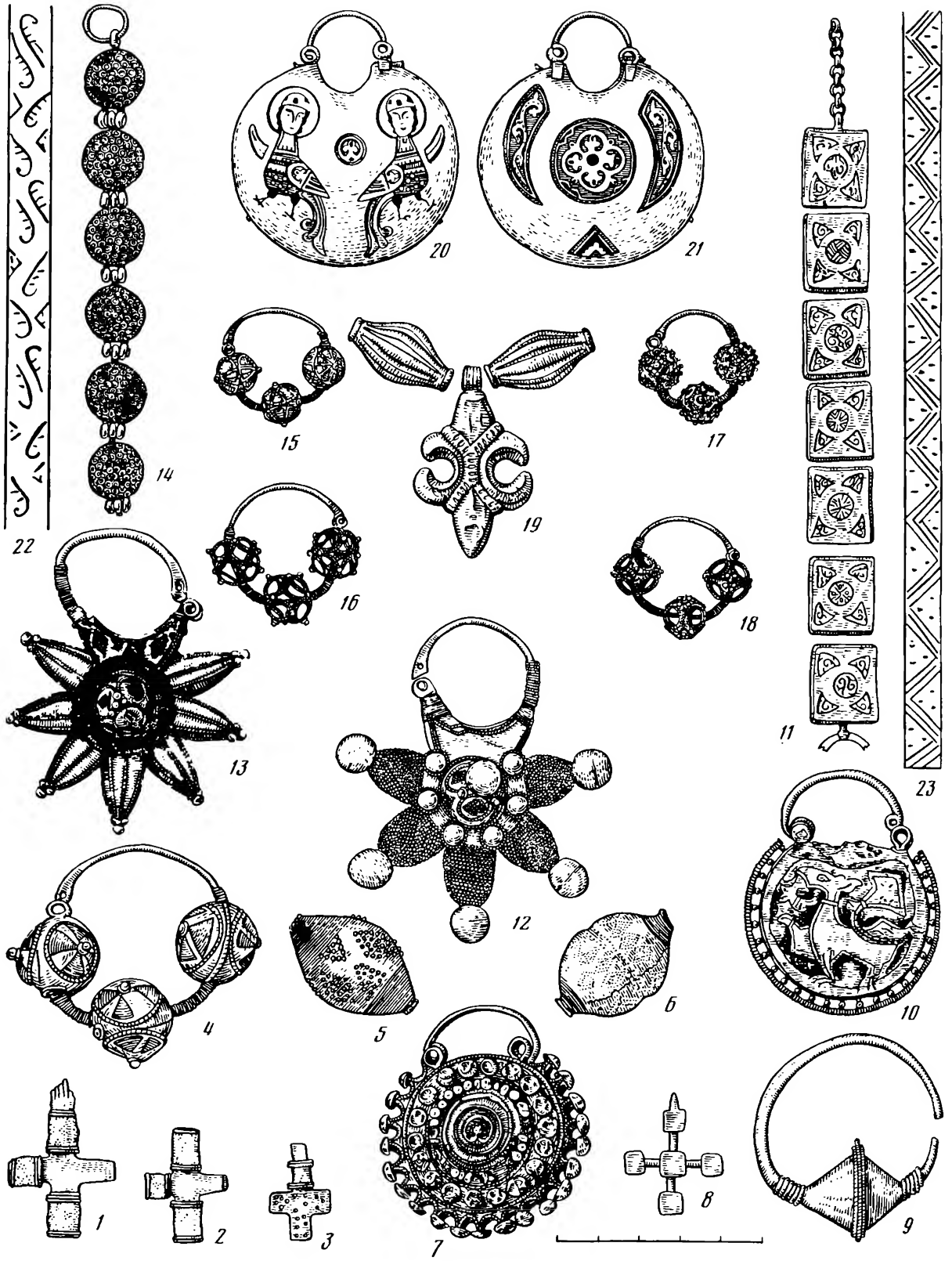


Табл. 42. Клады четвертой группы (70-е годы XII в.–1240 г.). Составлена *Т.И. Макаровой*

1–6 – кресты-тельники, трехбусинное серебряное височное кольцо и бусы серебряные с зернью. Клад 1970 г., Старая Рязань; *7* – золотое височное кольцо с эмалевой вставкой. Клад 1883 г., Чернигов; *8* – крест-тельник бронзовый. Клад 1898 г., Киев; *9* – серьга серебряная "половецкая". Клад 1891 г., м. Пивцы, *10* – колт серебряный с чернью. Клад 1903 г., Киев, *11* – рясна из серебряных звеньев с чернью по гравировке. Клад 1903 г., Киев, *12* – колт звездчатый серебряный с зернью. Клад 1887 г., городище Старая Рязань, *13* – колт серебряный звездчатый с зернью. Клад 1897 г., городище Княжая гора; *14* – рясны из серебряных бляшек со сканью. Клад 1903 г., Киев, *15–18* – височные серебряные трехбусинные кольца. Клад 1885 г., Чернигов; *19* – часть ожерелья из серебряных реберчатых бус и криновидных подвесок. Клад 1903 г., Киев; *20–21* – колты золотые с эмалью. Клад 1885 г., Киев; *22–23* – орнамент на обручах. Клад 1970 г., Старая Рязань

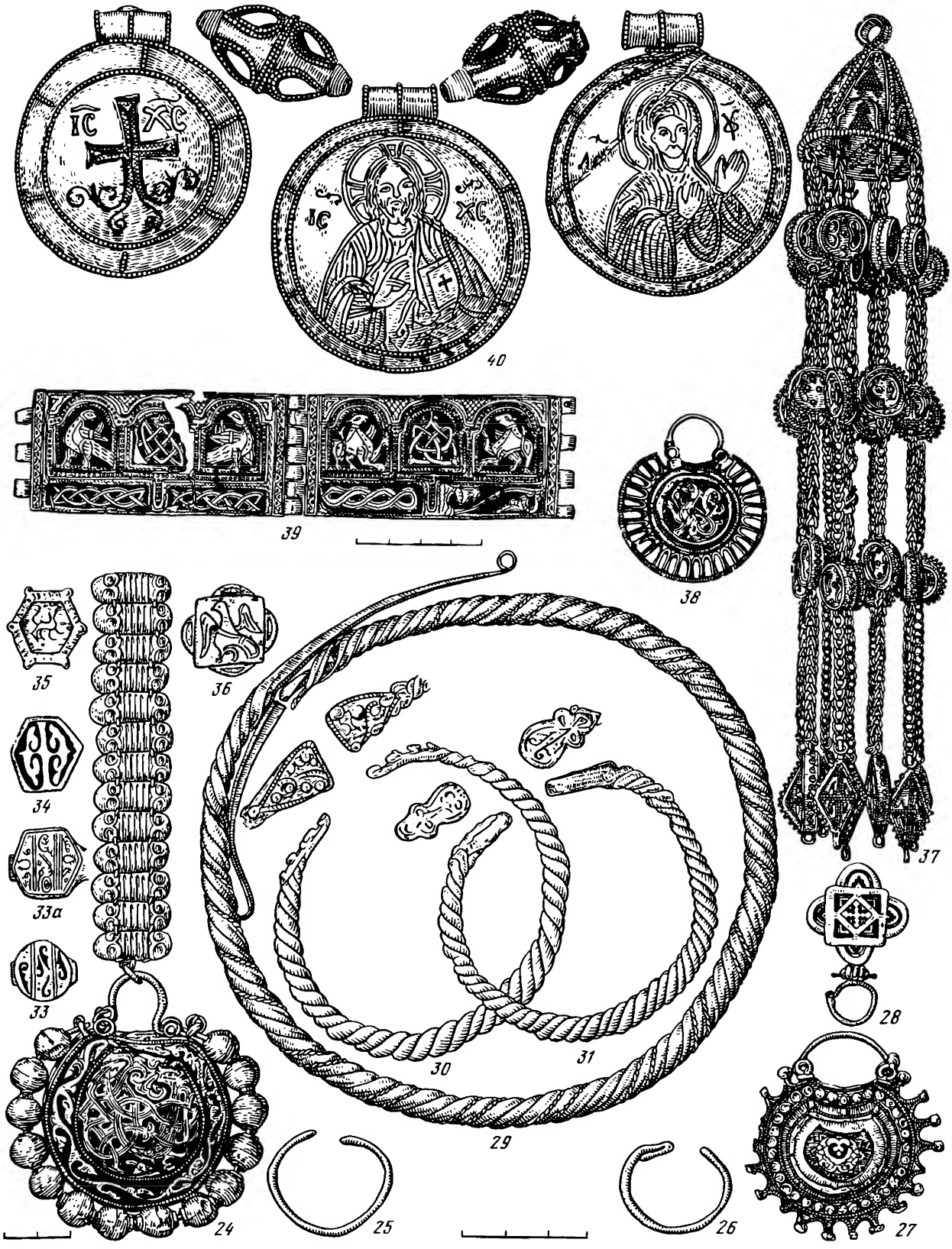


Табл. 43. Клады четвертой группы (70-е годы XII в. – 1240 г. (продолжение). Составлена *Т.И. Макаровой*

24 – колт серебряный с чернью с ряснами. Клад 1970 г., Старая Рязань; *25–26* – височные кольца серебряные. Клад 1909 г., Киев; *27* – колт золотой с эмалевой вставкой. Клад 1827 г., Киев; *28* – звено золотых ряс с эмалью. Клад 1900 г., Сахновка; *29* – гривна серебряная. Клад 1885 г., Киев; *30–31* – браслеты серебряные с зернью и чернью. Клад 1909 г., Киев; *32* – перстень серебряный с чернью. Клад до 1914 г., Киев; *33–33а* – перстни с чернью. Киев. 1906 г. и до 1914 г.; *34* – перстень с чернью. Клад 1908 г., д. Низовка; *35* – перстень серебряный с чернью. Клад 1970 г., с. Городище; *36* – перстень серебряный с чернью. Клад 1848 г., с. Шмарово; *37* – серебряная позолоченная подвеска с цепочками. Клад 1868 г., Старая Рязань; *38* – колт серебряный с чернью. Клад 1906 г., Киев; *39* – обруч серебряный с чернью. Клад 1939 г., Киев, *40* – бармы серебряные из клада 1908 г., с. Старая Буда

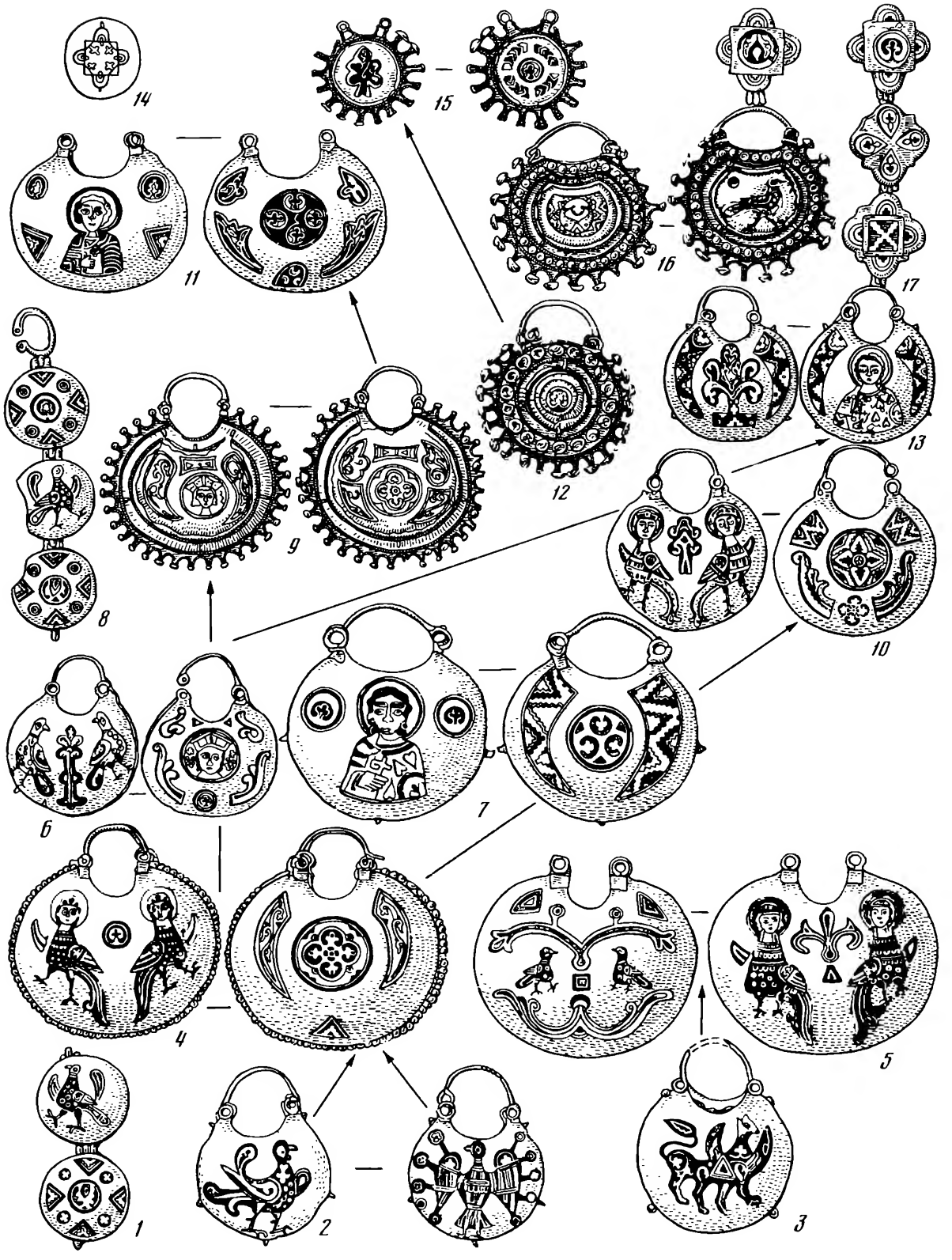


Табл. 44. Эволюция украшений с эмалью (колты, рясна). Составлена *Т.И. Макаровой*

1, 8 – звенья рясен. Клад 1906 г., Киев; *2* – колт клада 1896 г., Княжая гора; *3* – колт. Клад 1825 г., Киев; *4* – колт. Клад 1824 г., Киев; *5* – колт. Клад 1842 г., Киев; *6* – колт. Клад 1876 г., Киев; *7* – колт. Клад 1911 г., Киев; *9* – колт. Клад 1949 г., Киев; *10* – колт. Клад 1933 г., Мирополь; *11* – колт. Клад 1865 г., Владимир; *12* – колт. Клад 1883 г., Чернигов; *13* – колт. Клад 1887 г., Чернигов; *14* – звено рясен из Оружейной палаты; *15* – колт. Клад 1896 г., Княжая гора; *16* – колт. Клад 1827 г., Киев; *17* – звенья рясен. Клад 1827 г., Киев

Табл. 45. Эволюция церемониальных украшений с эмалью (составлена *Т.И. Макаровой*)

1 – бляшки нашивные одежд клада 1903 г., Киев; *2* – медальон. Клад 1882 г., Старая Рязань; *3* – дата клада 1903 г. у Каменного брода; *4* – образок (из собрания *Б.Н.* и *В.Н. Ханенко*); *5–7* – крест Евфросинии Полоцкой; *8* – киотец диадемы из Ярославля; *9–10* – дробницы оклада Мстиславова Евангелия; *11* – диадема клада 1889 г. из Киева; *12* – диадема клада 1900 г. из Сахновки; *13* – медальон барм из коллекции Пирпонта Моргана; *14* – медальон барм клада 1880 г. из Киева; *15* – медальон барм клада 1900 г. из Сахновки; *16* – "колт" клада 1822 г. из Старой Рязани; *17* – дробница оклада иконы Богоматерь Умиление из Оружейной палаты; *18–19* – бляшки поручей митрополита Алексея; *20–22* – бляшки саккоса митрополита Алексея

Табл. 46. Перстни и браслеты с чернью (составлена *Т.И. Макаровой*)

1 – браслет клада 1883 г., с. Стариково; *2* – браслет из ГРМ, место нахождения неизвестно; *3* – браслет клада 1936 г., Киев; *4* – браслет витой, место нахождения неизвестно; *5–10* – образцы наконечников витых браслетов; *11–12* – перстни клада 1849 г., с. Шмарово; *13* – перстень клада 1906 г., Киев; *14* – перстень с городища Княжей горы; *15* – перстень из ГИМ, место нахождения неизвестно; *16–17* – перстни клада 1903 г., Киев; *18* – перстень клада 1849 г., с. Шмарово; *19, 22* – перстни из с. Никоново; *20* – перстень ГРМ из коллекции М.П. Боткина; *21* – перстень клада 1868 г., Старая Рязань; *23* – перстень из с. Изварино

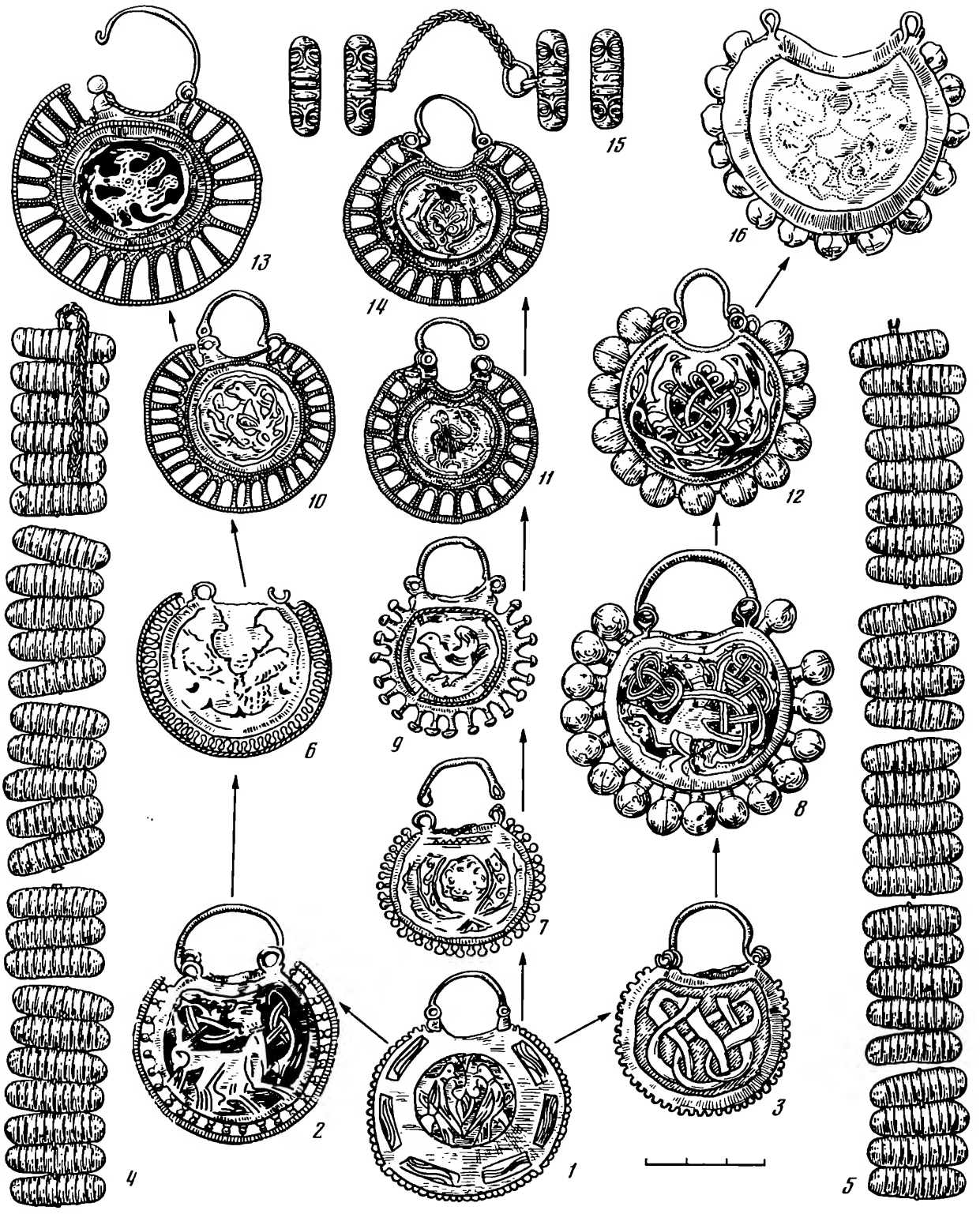


Табл. 47. Эволюция украшений с чернью (колты, рясна). Составлена *Т.И. Макаровой*

1 – колт золотой с жемчужной обнизью и чернью по гравировке. Клад 1901 г., Киев; *2* – колт серебряный с обнизью из литых шариков и сканным ободком, с гравировкой на черненом фоне. Клад 1908 г., урочище Святое озеро; *3* – колт серебряный с обнизью из литых шариков и гравировкой на черненом фоне. Клад 1891 г., Княжая гора; *4–5* – рясна из клада 1879 г., Львов; *6* – колт серебряный со сканной оправой и гравировкой на черневом фоне, Княжая гора; *7* – колт золотой с чернью по гравировке. Клад 1876 г., Киев; *8* – колт серебряный с дутыми шариками на горлышках, с гравировкой на черненом фоне. Клад 1876 г., д. Терехово; *9* – колт золотой с оправой из лучей с колпачками и с чернью по гравировке. Клад 1848 г., Чернигов; *10* – колт с многолучевой оправой и гравировкой на черневом фоне. Клад 1906 г., Киев; *11* – колт с многолучевой оправой и чернью по гравировке. Киев; *12* – колт с оправой из дутых шариков на проволоке, с гравировкой на черневом фоне. Клад 1887 г., Старая Рязань; *13* – колт с многолучевой оправой и гравировкой на черневом фоне. Клад 1903 г., Киев; *14* – колт с многолучевой оправой и гравировкой на черневом фоне. Клад 1885 г., Киев; *15* – рясна. Клад 1876 г., д. Терехово; *16* – колт с обнизью из дутых шариков с гравировкой на черневом фоне. Изяславль, 1957 г.

Табл. 48. Обручи с чернью (составлена *Т.И. Макаровой*)

1 – клад 1903, Киев; *2* – клад 1876 г., д. Терехово; *3* – клад 1903 г., Киев; *4* – клад 1876 г., д. Терехово; *5* – ГИМ; *6* – клад 1961 г., Любеч; *7* – клад 1872 г., Киев; *8* – клад 1961 г., Любеч; *9* – д. Сартакова; *10* – Приуралье.

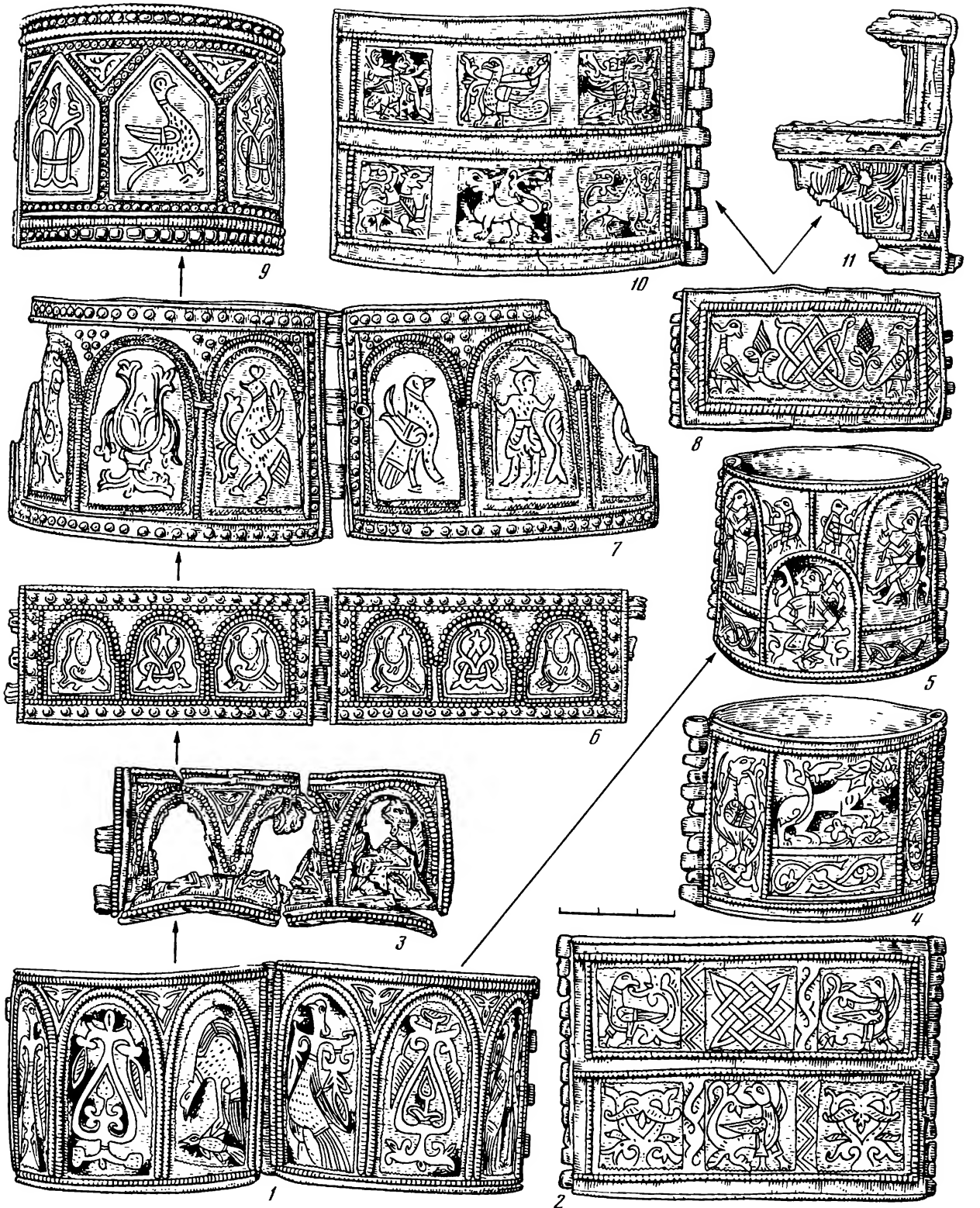


Табл. 49. Обручи с чернью (составлена *Т.И. Макаровой*)

1 – клад 1906 г., Киев; *2* – клад 1971 г., Старая Рязань; *3* – клад 1887 г., Чернигов; *4, 5* – клад 1971 г., Старая Рязань; *6* – клад 30-х годов XX в., Каунас (Шанчай); *7* – клад конца XIX в., с. Демидово; *8* – клад 1896 г., Владимир; *9* – клад с. Викторова; *10* – клад 1896 г., Владимир; *11* – клад 1865 г., Владимир

Табл. 50. Медальоны барм (составлена *Т.И. Макаровой*)

1 – клад 1888 г., Великие Болгары; *2* – клад 1851 г., с. Исады; *3, 4* – клад 1970 г., Старая Рязань; *5, 6* – клад 1888 г., Великие Болгары

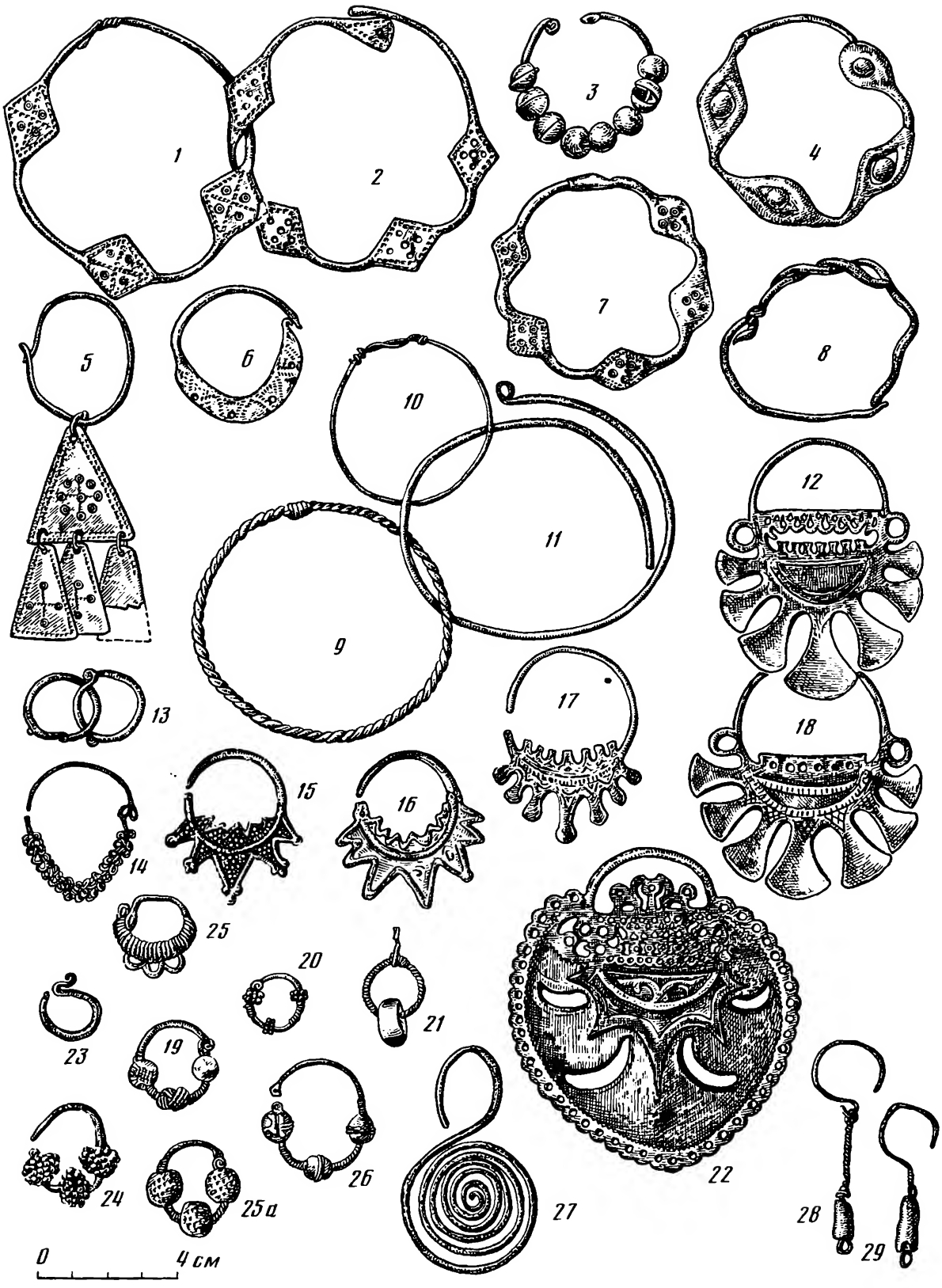


Табл. 51. Височные кольца (составлена *М.В. Седовой*)

1 – курган у д. Застороньe; *2* – Новгород; *3* – курган у д. Волгово; *4* – курган у д. Смедово; *5* – курган у д. Павлов Погост; *6* – курган у д. Арефию Смоленской обл.; *7* – курган у д. Малая Каменка; *8–12* – Новгород; *13* – Владимирские курганы; *14* – Новгород; *15–16* – Зарайский клад; *17–18* – Новгород; *19* – курган у д. Волхово; *20* – Княжая Гора; *21* – курган у д. Гнездово; *22* – Белевский у.; *23* – курган у д. Глубочек; *24* – Новгород; *25* – Владимирские курганы; *26* – грунтовый могильник у д. Малая Калинка; *27* – курган у д. Гочево; *28–29* - Новгород

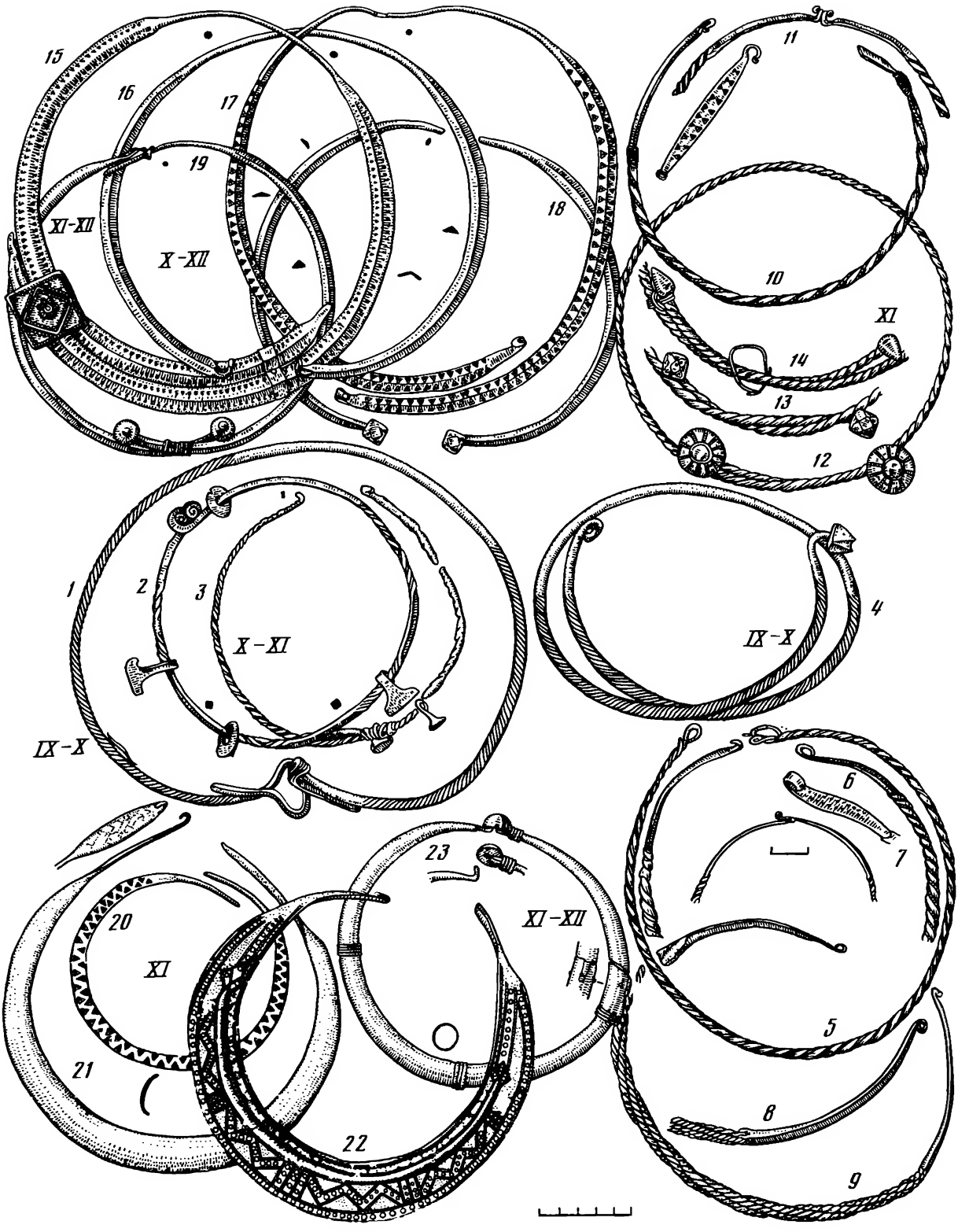


Табл. 52. Шейные гривны (составлена *М.В. Седовой*)

№ – клад у д. Узьмина Псковской обл.; *2–3* – курганы у д. Гнездово; *4* – клад у д. Железницы Московской обл.; *5* – курганы у д. Озерцы Ленинградской обл.; *6–9* – варианты оформления концов витых гривен; *10–11* – курганы у д. Мятино и Зворыкино Вологодской обл.; *12* – курганы у д. Влазовичи Брянской обл; *13–14* – варианты оформления концов гривен из простого жгута; *15* – курганы Московской обл.; *16* – курганы у д. Гочево Курской обл.; *17–19* – курганы у д. Влазовичи Брянской обл.; *20–22* – курганы Ленинградской обл.; *23* – Белогостицкий клад Ярославской обл.

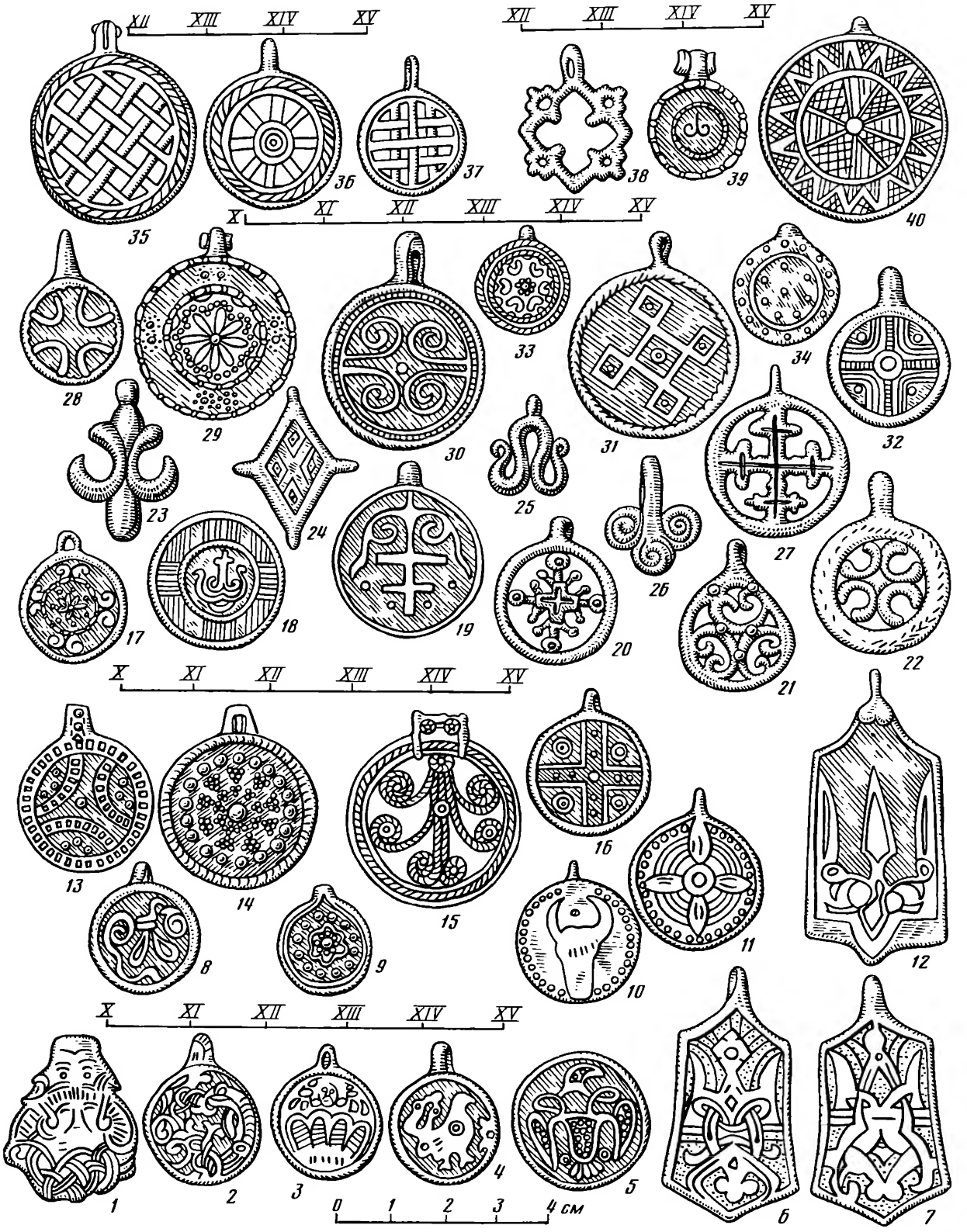


Рис. 53. Привески (составлена *М.В. Седовой*)

1 - Гнездово Смоленской обл.; *2* – Владимирские курганы; *3* – с. Васильки Владимирской обл.; *4* – Влазовичи Брянской обл.; *5* – Новгород; *6–7* – Новгород; *8* – Гнездово; *9* – Гочево; *10* – Суражский уезд Брянской губ.; *11* – Кубаево Владимирской обл.; *12* – Новгород; *13* – Новгород; *14* – Новгород; *15* – Владимирские курганы; *16–17* – Новгород; *18* – Новгород; *19* – Волковицы С.-Петербургской губ.; *20* – Яскелево С.-Петербургской губ.; *21* – Казаричи Брянской обл.; *22* – Вопша С.-Петербургской губ.; *3* – Киев; *24* – д. Бакин Конец. Гдовские курганы; *25* – Новозыбковский у. Брянской губ.; *26* – Серенск Калужской обл.; *27* – Новгород; *28* – Старая Рязань; *29–32* – Новгород; *33* – Давид-Городок; *4* – Гочево Курской обл.; *35* – Сыглицы С.-Петербургской губ.; *37* – д. Большие Поля. Гдовские курганы; *38* – д. Савиновщина. Гдовские курганы; *39–40* – Новгород

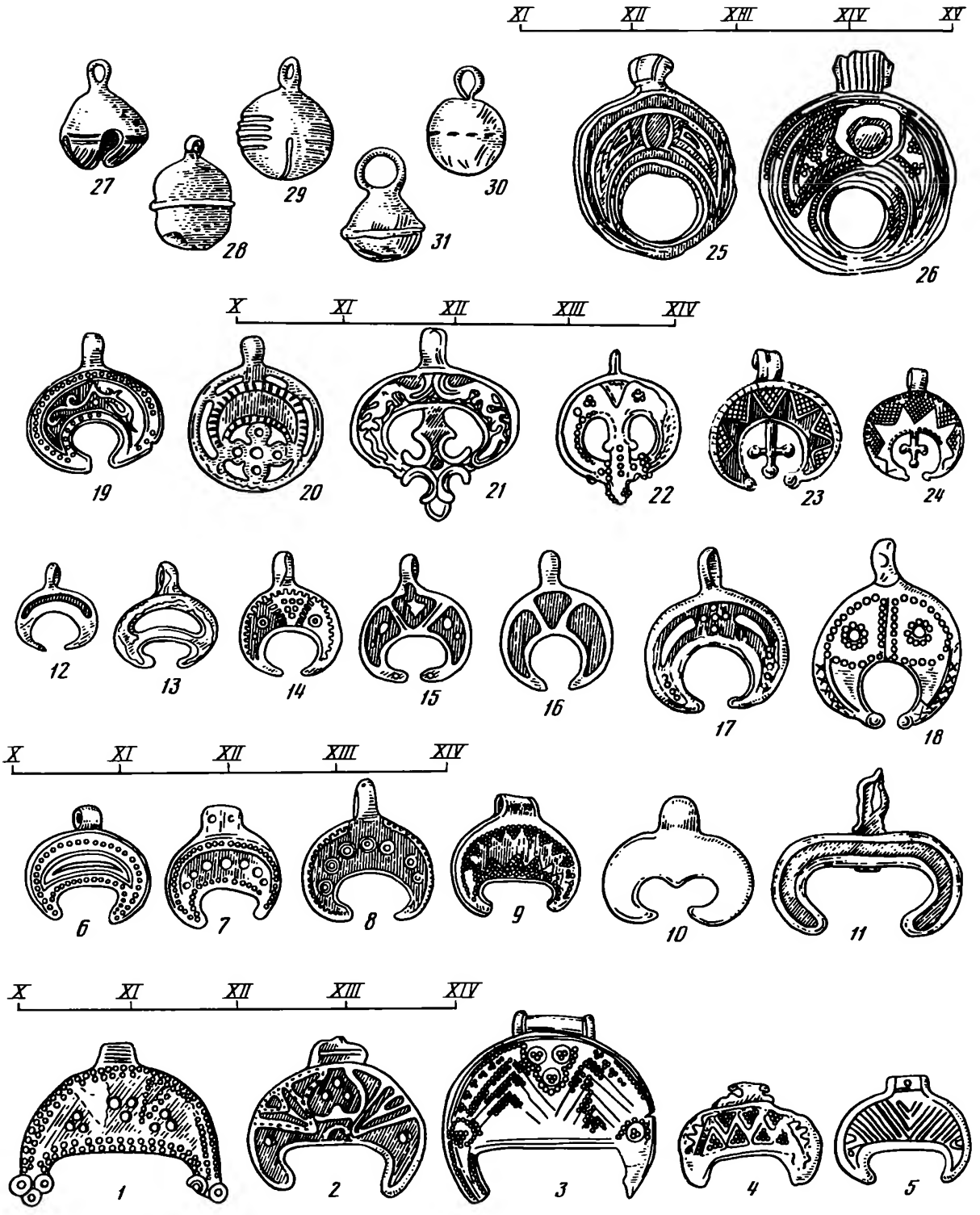


Табл. 54. Лунницы. Бубенчики (составлена *М.В. Седовой*)

1–2 – Новгород; *3* – курган у д. Бор Новгородской обл.; *4–8* – Владимирские курганы; *9* – Гнездово Смоленской обл.; *11* – Владимирские курганы; *12* – курган 24 у с. Гочево; *13* – Новгород; *14* – курган у Харлапово Смоленской обл.; *15* – Владимирские курганы; *16* – Большая Брембола Владимирской губ.; *17* – Веськово Владимирской губ.; *18* – Новгород; *20* – курган у д. Бочарово б. Юхновского у.; *21* – Владимирские курганы; *22* – г. Суздаль; *23* – курган у д. Яскелево С.-Петербургской губ.; 25 – Новгород; *26* – Новгород

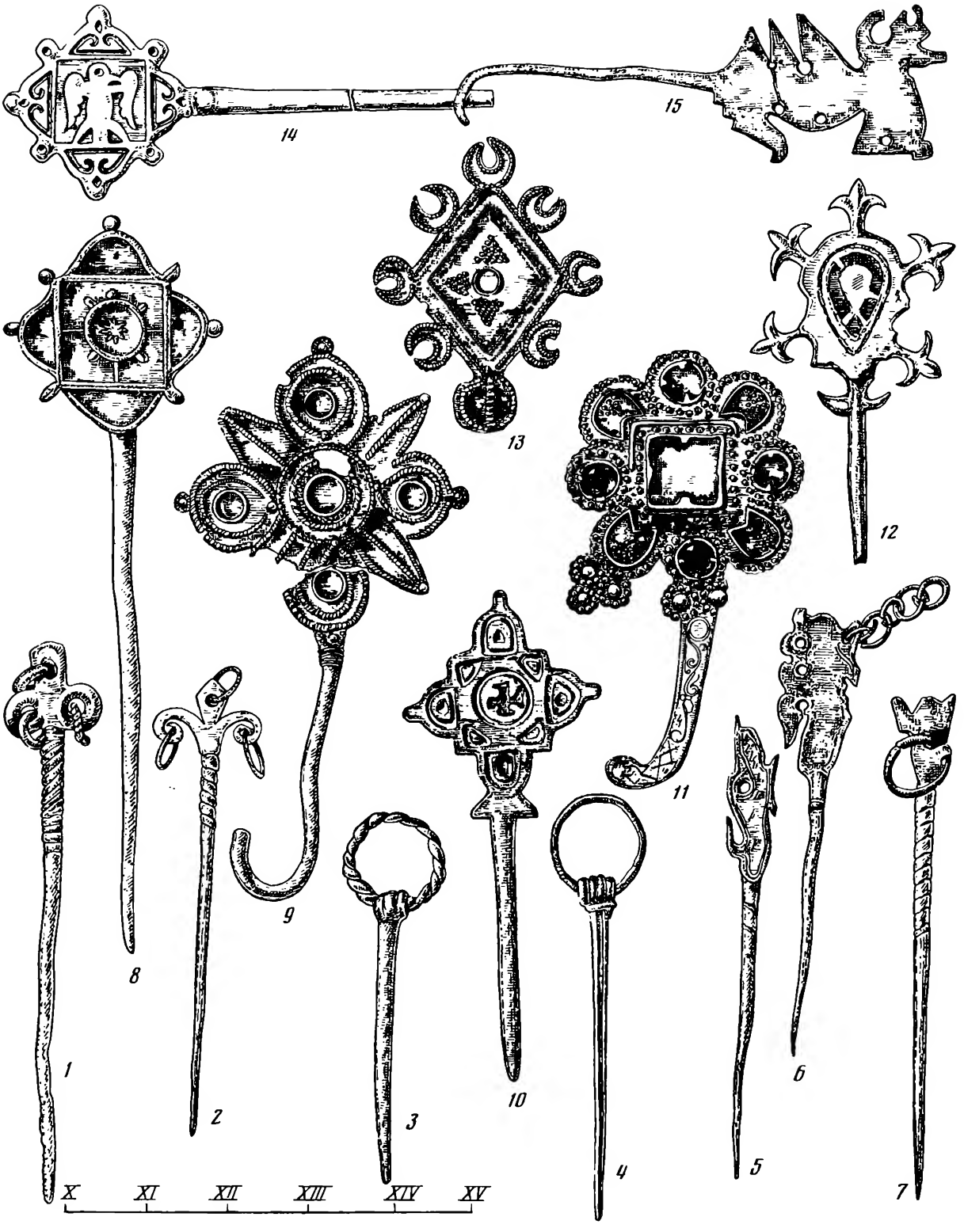


Табл. 55. Булавки (составлена *М.В. Седовой*)

Булавки (*1–8*) и булавки с загнутым стержнем (*9–15*). *1–7* – Новгород; *8–12* – Воинщина; *9–11, 13, 15* – Новгород; *14* – Серенск

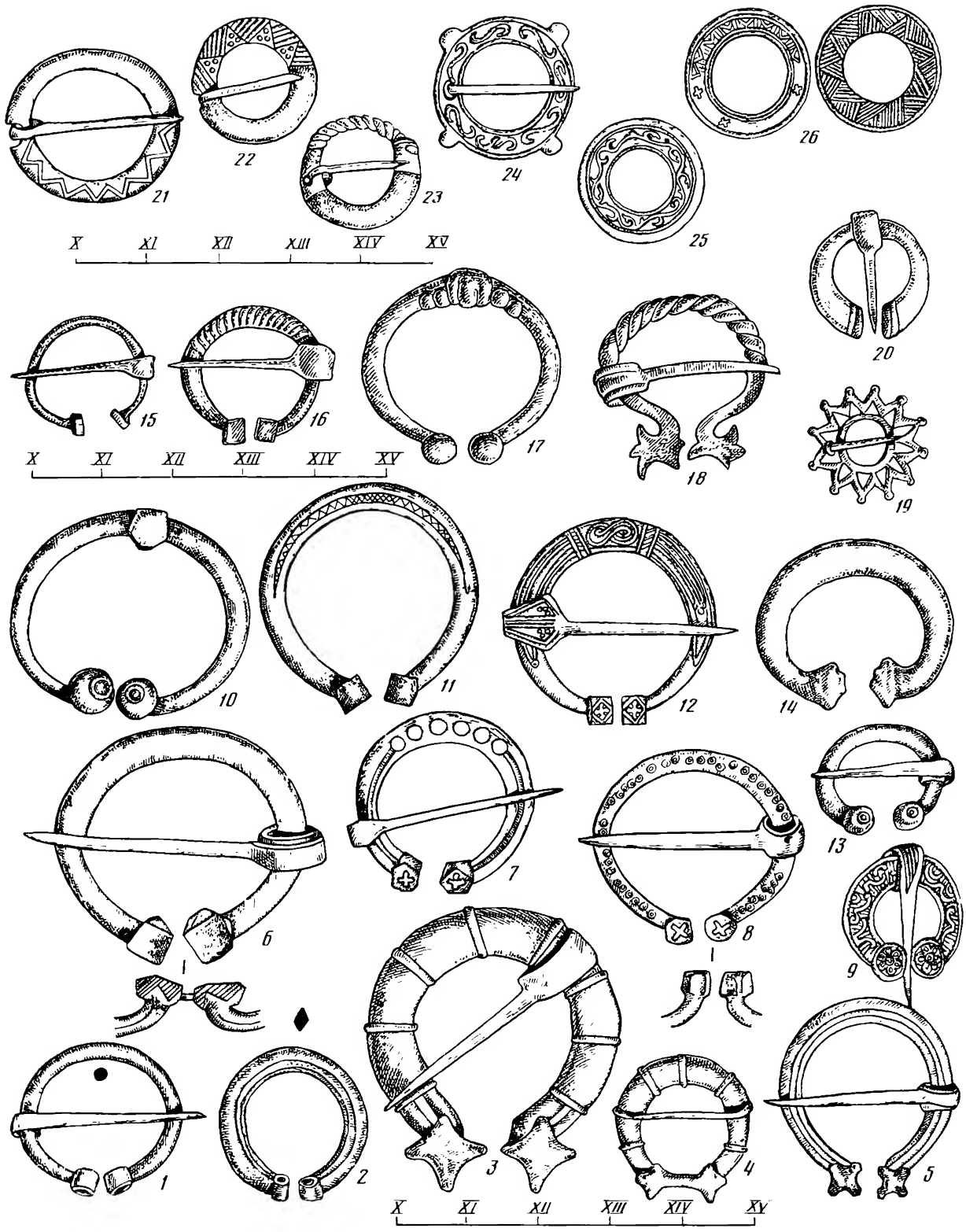


Табл. 56 Подковообразные и кольцевидные фибулы-застежки (составлена *М.В. Седовой*)

1 – курганы у п. Ольгин Крест Гдовского у., *2* – Суздаль, *3* – Псков, *4* – Псков, *5* – курганы у д. Беседа С.-Петербургской губ., *6* – Новгород, *7* – Новгород, *8* – Новгород, *9* – курганы у с. Городище Владимирской обл., *10* – Новгород, *11* – Новгород; *12* – курганы у д. Раиковицы б. С.-Петербургской губ., *13* – курганы у д. Павлов Погост Гдовского уезда; 14 – Новгород; *15–18* – Новгород, *19* – Вщиж Брянской обл.; *20* – Изборск; *21* – курганы у д. Застороньe б. Гдовского у., *22* – курганы у д. М. Каменка б. Гдовского у., *23* – курганы у д. Смедово б. С.-Петербургской губ.; *24* – курганы у д. Смедово б. С.-Петербургской губ.; *25, 26* – Новгород

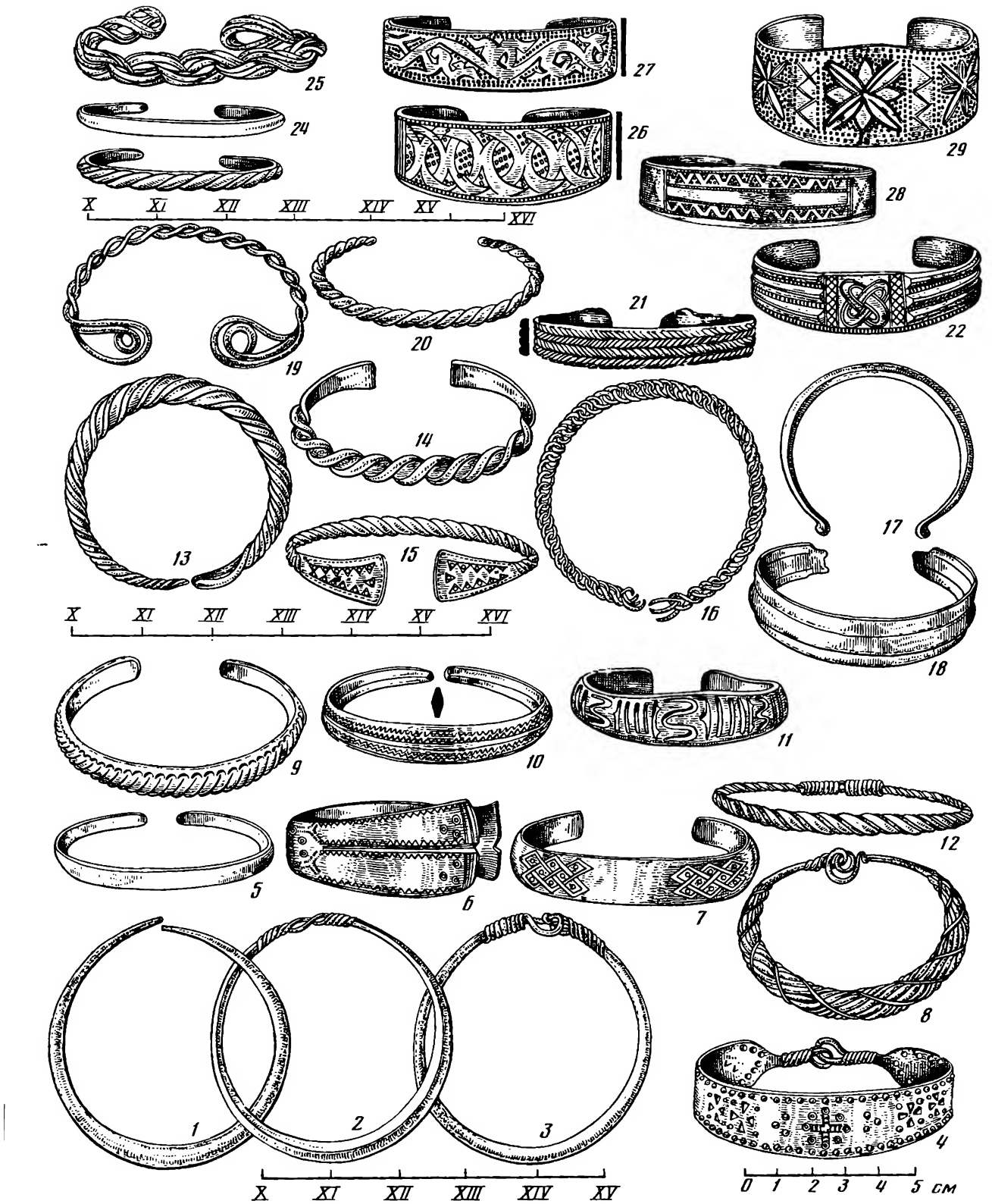


Табл. 57. Браслеты (составлена *М.В. Седовой*)

1-3 – Владимирские курганы; *4* – Санкт-Петербургские курганы; *5* – Новгород; *6* – Гдовские курганы; *8* – клад у д. Коханы; *9–11, 13, 25* – Новгород; *12, 15* – Гдовские курганы; *14–19, 20, 22, 29* – Санкт-Петербургские курганы; *16–18* – Новгород; *21, 23–24, 26–28* – Гдовские курганы

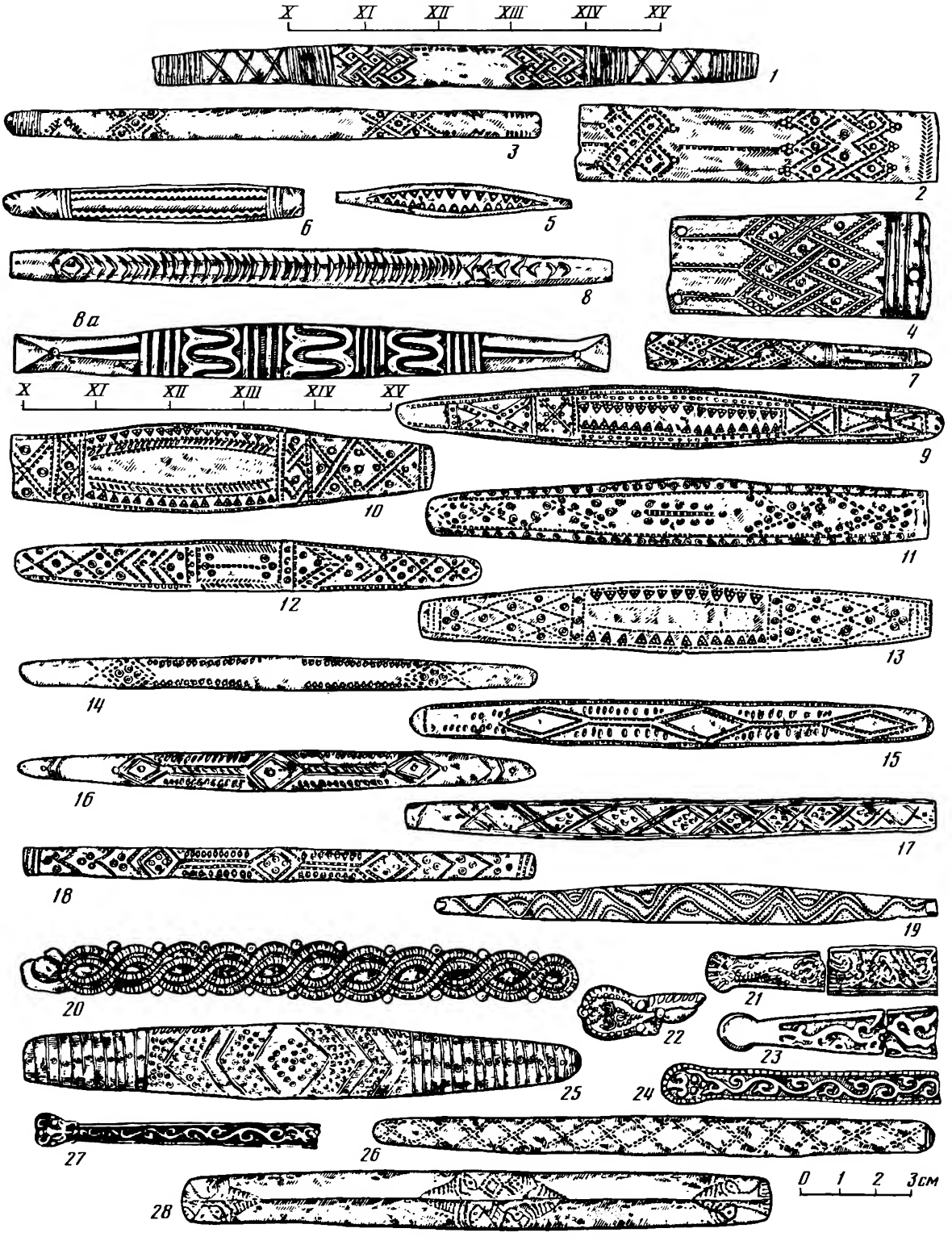


Табл. 58. Орнаменты на пластинчатых браслетах (по новгородским материалам). Составлена *М.В. Седовой*

Табл. 59. Перстни (составлена *М.В. Седовой*)

1-2 – Владимирские курганы; *3–4* – Гдовские курганы; *5* – Новгород; *7* – кург. у с. Васильки Владимирской обл.; *8* – Новгород; *9* – кург. у пос. Вознесенский Владимирской губ.; *10* – Гдовские курганы; *11–13* – С.-Петербургские курганы; *14* – курганы у д. Босиха Костромской обл.; *15* – Гдовские курганы; *16* – Вятические курганы; *17* – Старая Рязань; *18* – С.-Петербургские курганы; *19* – Новгород; *20* – Новгород; *21* – Новгород; *22* – курганы у д. Колчино Калужской обл.; *23* – Новгород; *24–25* – Гдовские курганы; *26* – С.-Петербургские курганы; *27* – Новгород; *28* – Новгород; *29* – С.-Петербургские курганы; *30* – Новгород; *31* – Новгород; *32* – Новгород; *33* – Новгород; *34* – Гродно; *35* – Гдовские курганы; *36* – С.-Петербургские курганы; *37* – Новгород; *38–39* – Шмарово, клад. Московская обл.; *40* – курган у Никоново Московской обл.; *41–42* – Гдовские курганы; *43* – Новгород; *44* – Новгород; *45* – Новгород

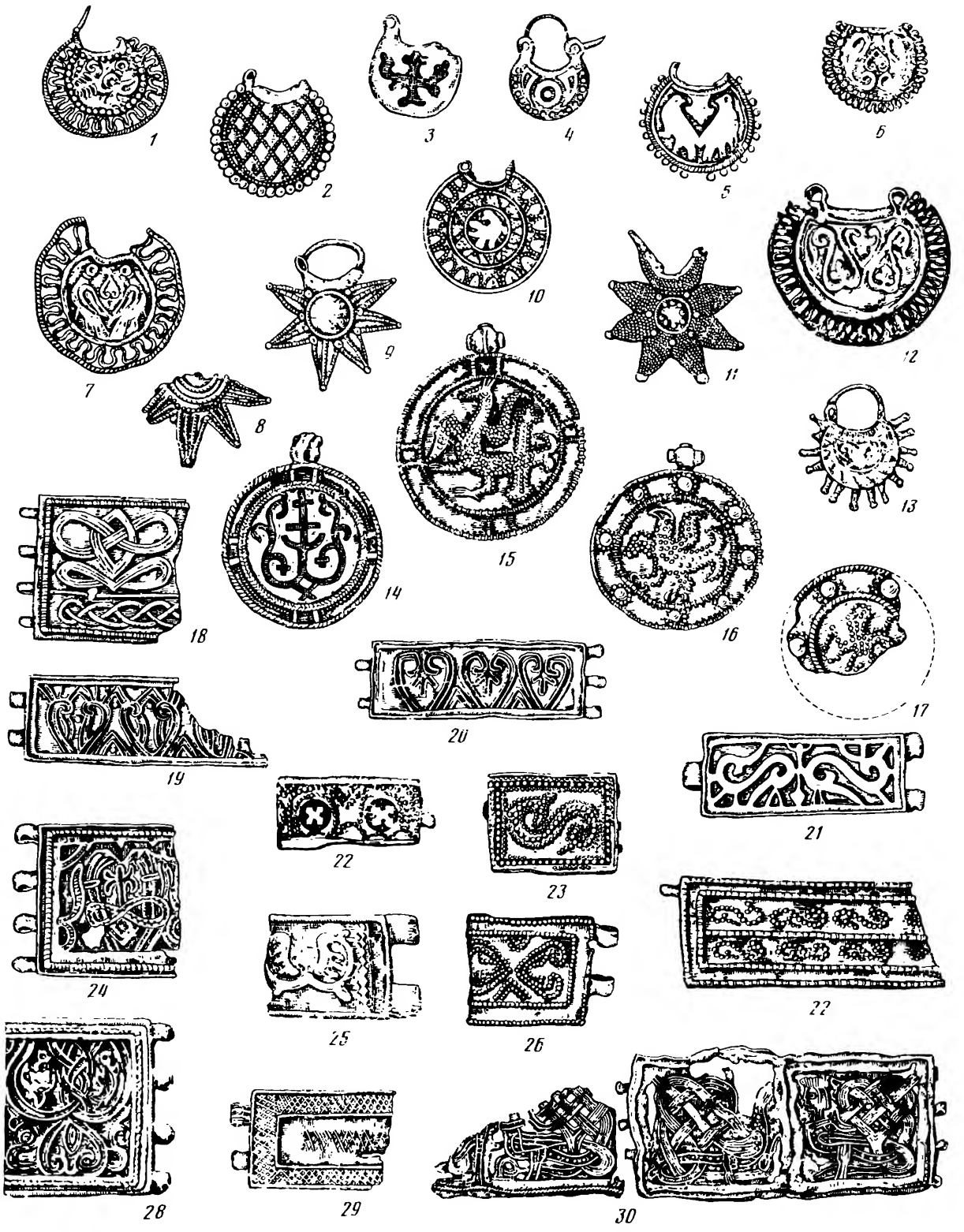


Табл. 60. Городские украшения XII – начала XIII в., имитирующие княжеско-боярский убор (составлена *М.В. Седовой*)

1–3, 5, 6, 9–11, 13–16, 18–21, 24–26, 28–30 – Новгород; *4* – Владимир; *7* – Минск; *8, 23* – Гродно; *12* – Брест; *17* – С.-Петербургские курганы; *22* – Пинск; *27* – Полоцк. *1–19* – колты; *14–17* – бармы, *18–30* – браслеты

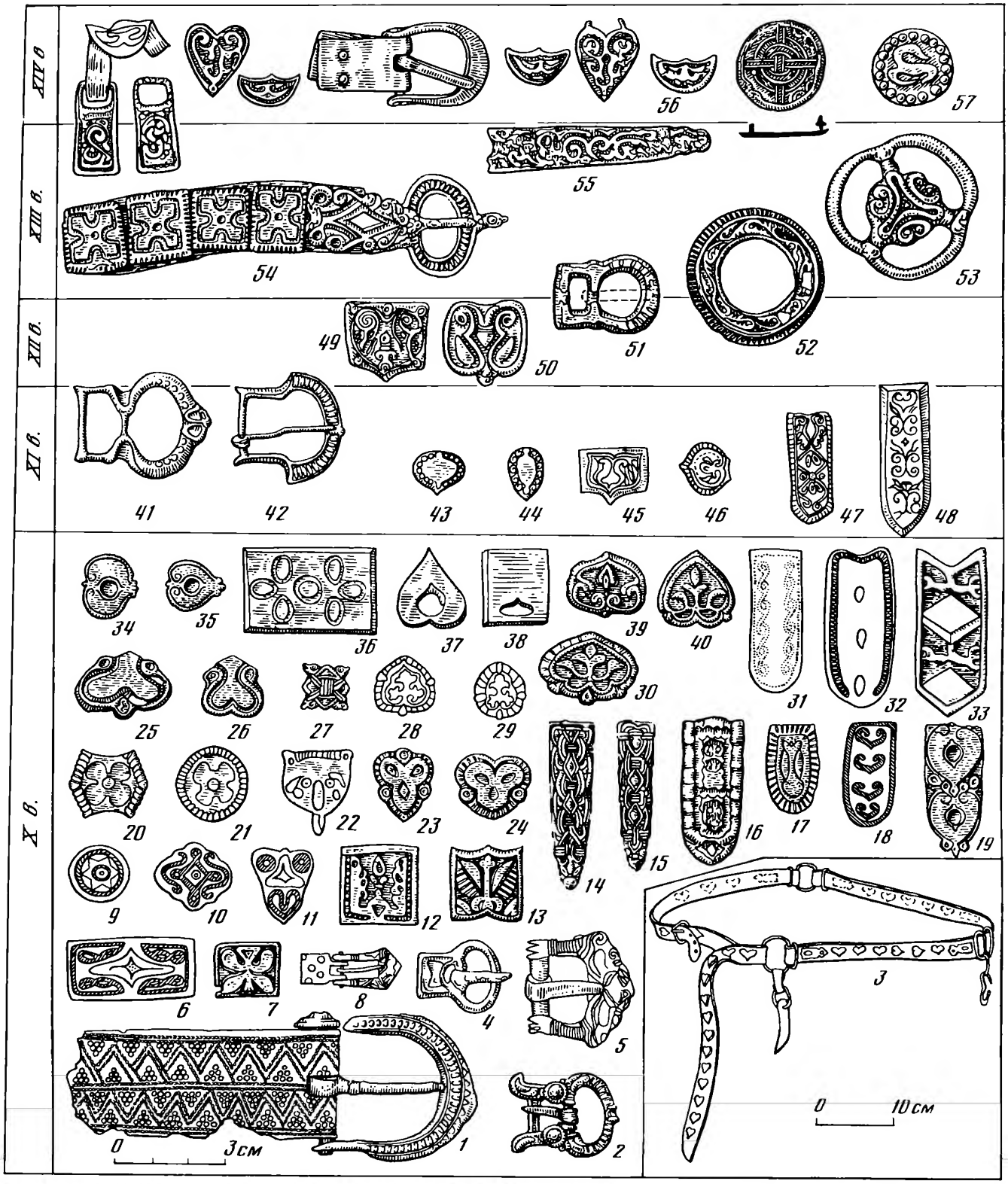


Табл. 61. Древнерусский поясной набор (составлена *В.В. Мурашовой*)

1-3, 5-8, 10, 11, 14, 17 – Новгород; *4* – Борницы; *9* – Гонголово; *12, 13* – Торопец; *15–16* – Малы; *18, 19, 21, 24–27, 30–32, 34–38, 43–47, 49, 51, 52, 54–57* – Гнездово; *20–22* – Тимерево; *23, 33, 42* – Юго-Восточное Приладожье; *28, 29, 48, 50, 53* – Шестовицы; *39* – Киев; *40–41* – Табаевка

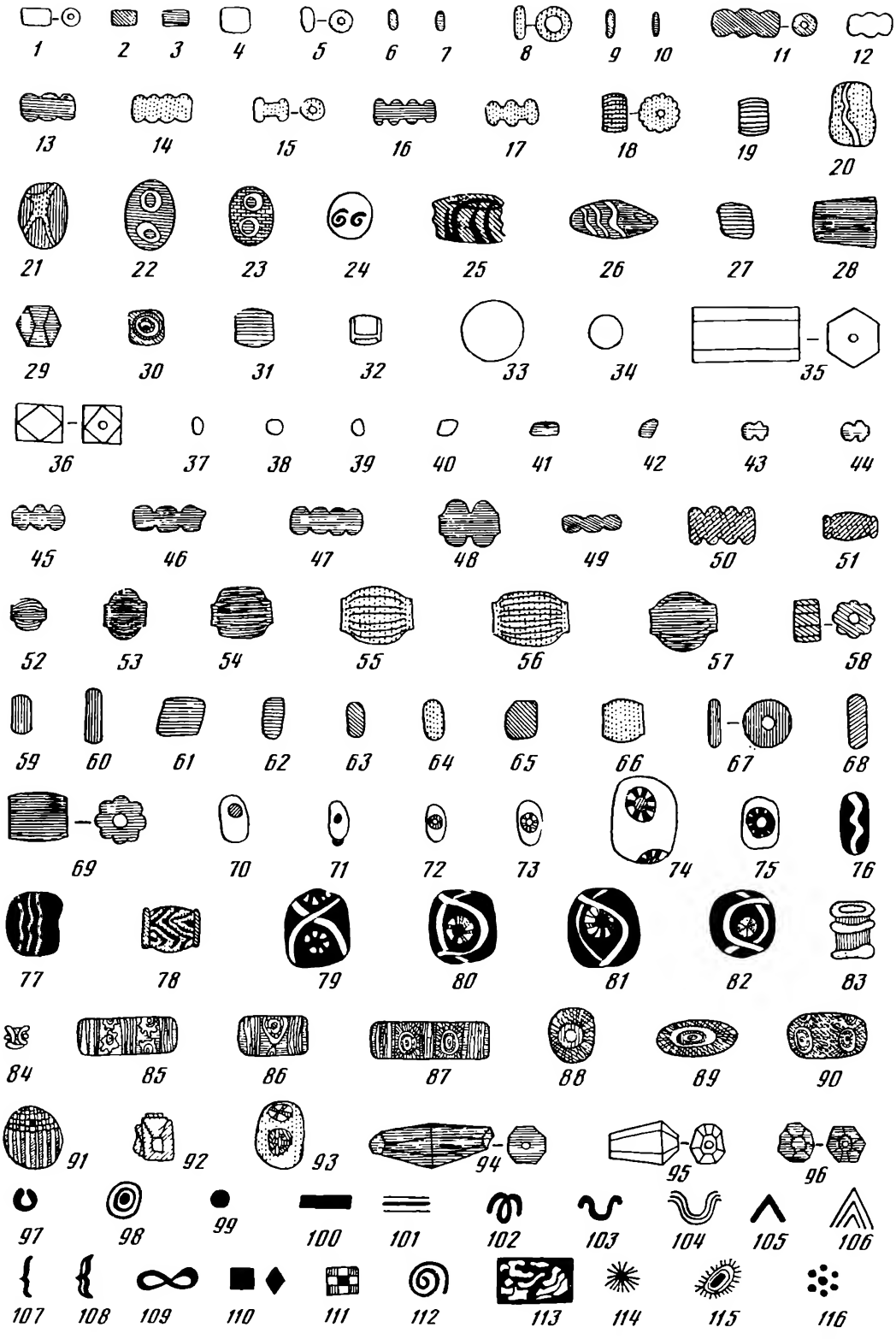


Табл. 62. Формы стеклянных бус (*1–69*) и декоративные элементы в украшении бус (составлена *Ю.Л. Щаповой*)

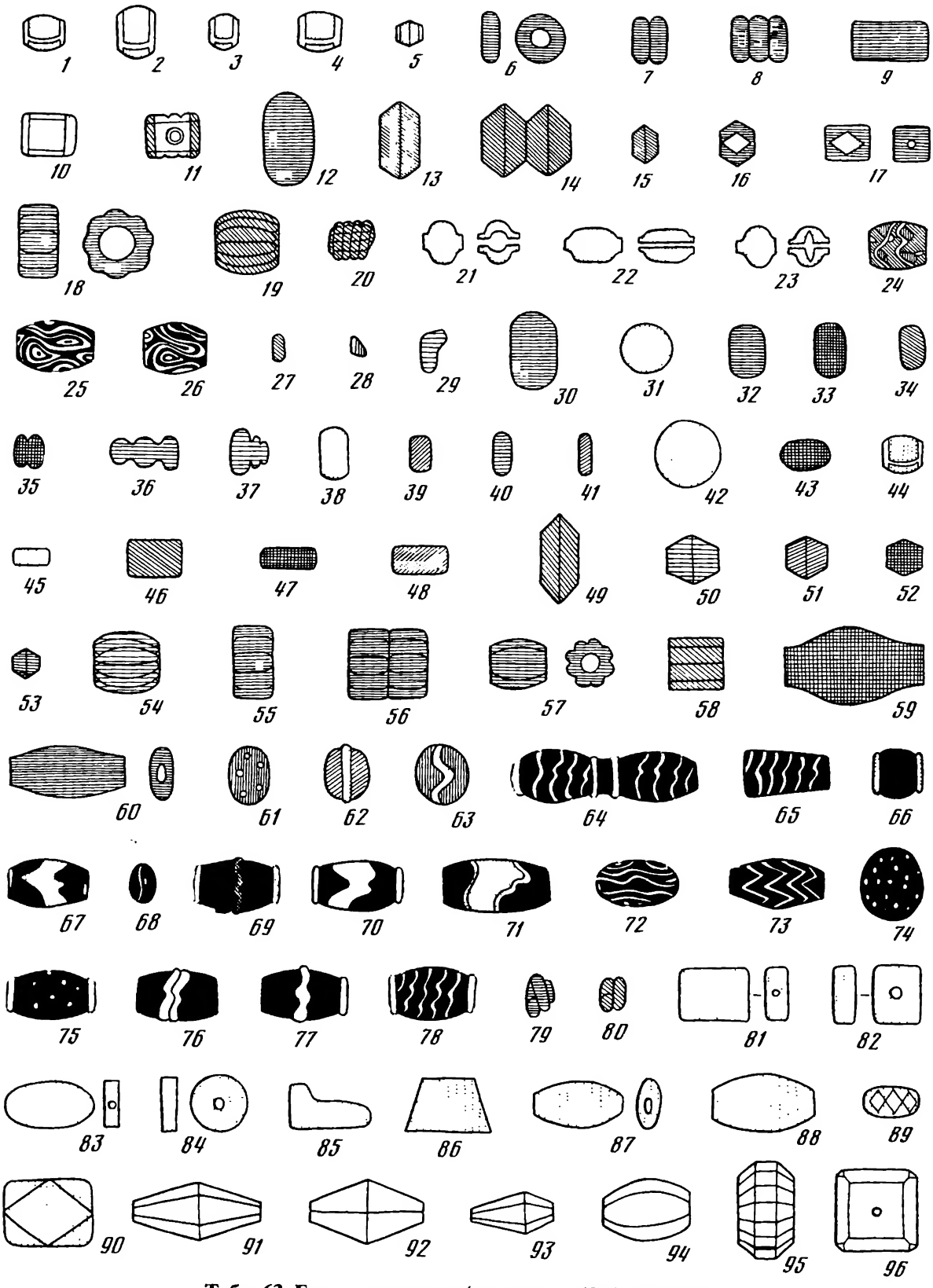


Табл. 63. Бусы стеклянные (составлена *Ю.Л. Щаповой*)

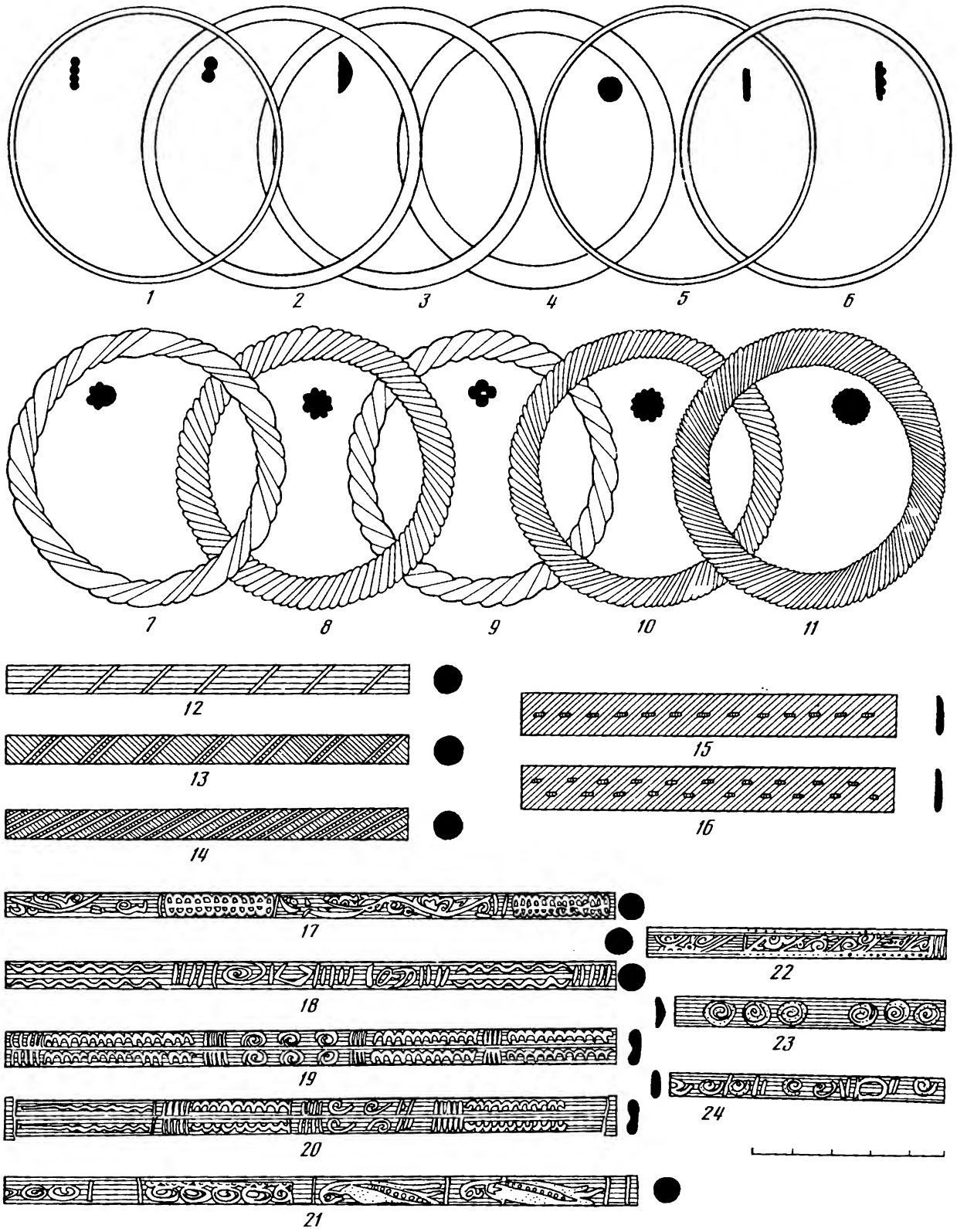


Табл. 64. Браслеты из стекла (составлена *Ю.Л. Щаповой*)

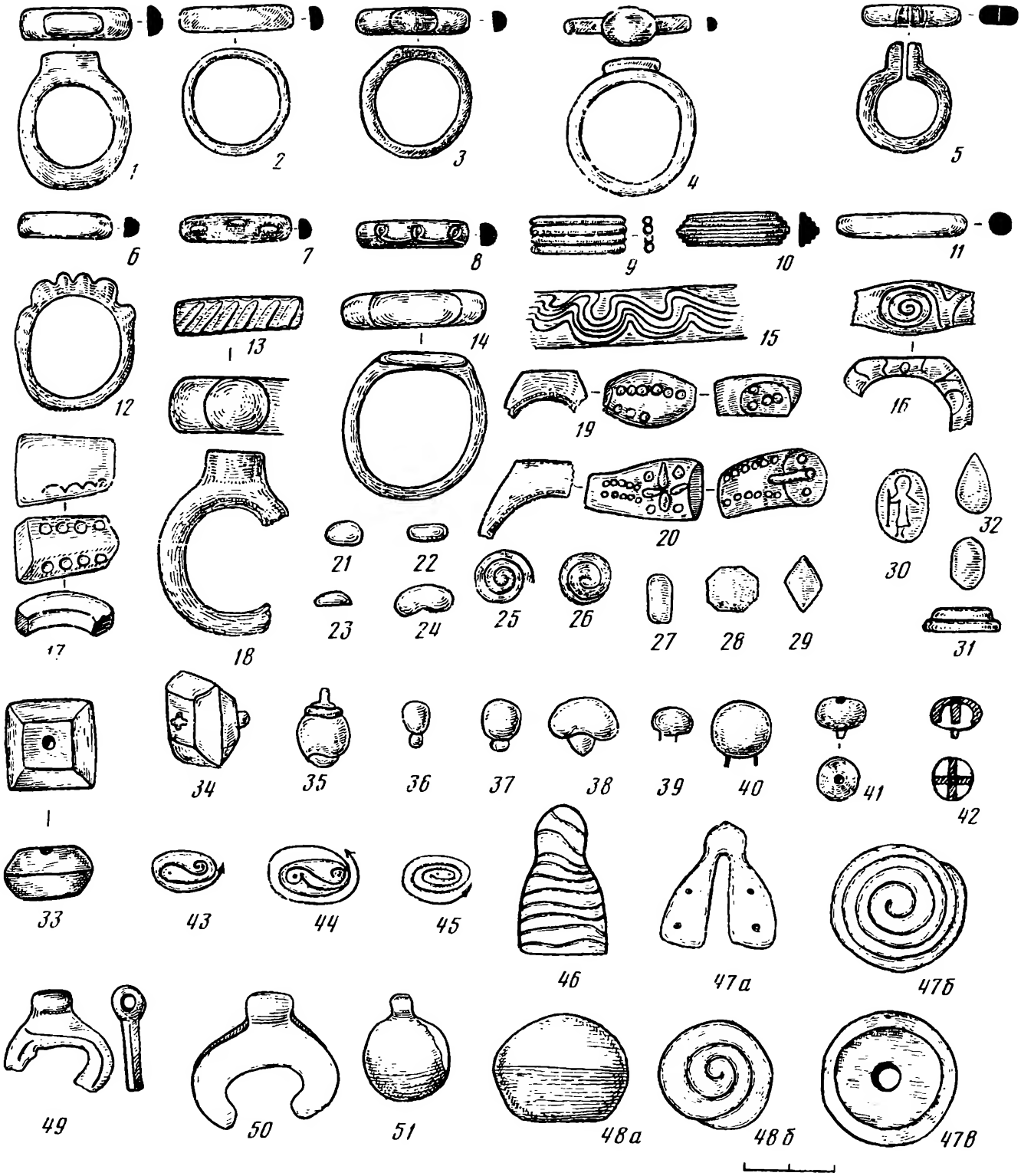


Табл. 65. Перстни и вставки из стекла (составлена *Ю.Л. Щаповой*)

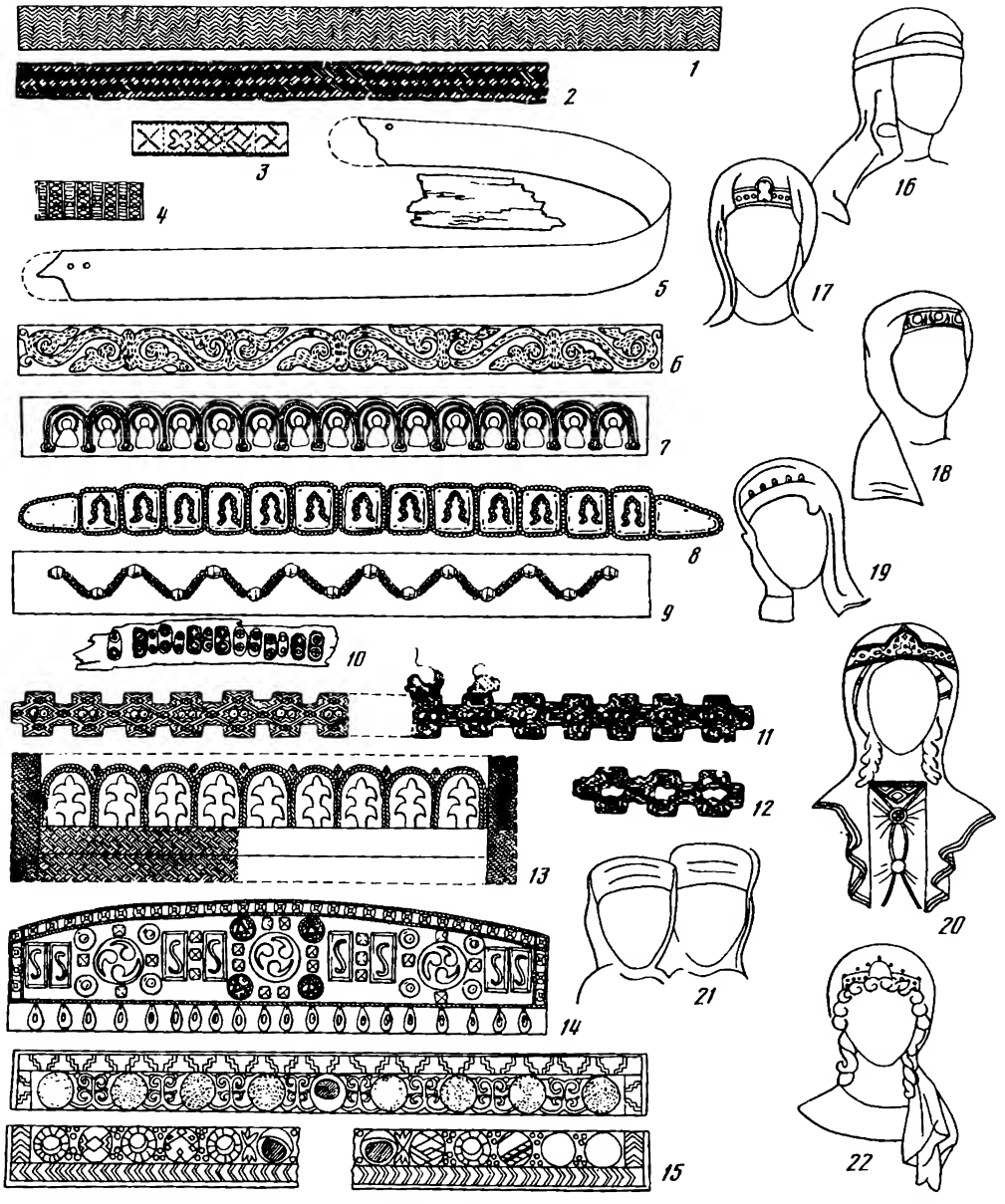


Табл. 66. Диадемы и очелья женских головных уборов X–XIII вв. (составлена *М.А. Сабуровой*)

1 – лента золототканная с орнаментом "в елочку" (очелье). Тимошевский могильник; *2* – лента золототканная с орнаментом в виде плетенки (очелье). Маклаково Рязанской обл.; *3* – лента шерстяная с геометрическим орнаментом. Никольское Московоской обл.; *4* – лента шерстяная с геометрическим орнаментом. Ислявское Московской обл.; *5* – лента металлическая серебряная с дырочками на концах, подложенная берестой (диадема). Березовский могильник, Калининская обл.; *6* – лента шелковая с шитьем золотной нитью, орнамент растительный (очелье). Старый Галич Львовской обл.; *7* – лента шелковая с шитьем золотной нитью и жемчугом, орнамент с лицевыми изображениями (очелье). Иворово I Калининской обл.; *8* – лента кожаная (?) с нашитыми тисненными бляшками обнизанными жемчугом (реконструкция). Киев. Десятинная церковь; *9* – полоса луба с остатками войлока (?), расшита бусами (очелье, рконструкция). Новинки II Вологодской обл.; *10* – полоса бересты, расшитая дробницами с эмалью (очелье). Пустошь Алабуга Костромской губ.; *11* – лента золототканная, орнаментированная ромбами. Пришита к фрагменту тончайшего шелка (очелье фаты). Смоленск, погребение в ц. Иоанна Богослова; *12* – лента золототканная, орнаментированная ромбами, вырезана в виде трех соединенных крестов с отверстиями в центре (очелье). Д. Низина Псковской губ.; *13* – деталь шелкового головного убора на берестяной основе, обшитая золототканными лентами. Шитье золотной нитью по ткани. Орнамент – древо в арочках, "плетенка", "косые линии" (очелье). Звездочка Московской обл.; *14* – деталь головного убора, украшенная бляшками, тиснеными и скаными (очелье, реконструкция). Новгород, Борисоглебский собор; *15* – деталь головного убора из лент с шитьем. Орнамент в виде кругов, лунниц, древ и городков (очелье со средником, реконструкция). Московский кремль; *16* – Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Лист 33. Княгиня Ольга (диадема поверх плата); *17* – деталь фрески XII в. из церкви Спаса в Нередицах близ Новгорода (плат с очельем, на нем – средник); *18* – Богоматерь с иконы Спас на престоле с предстоящими. XIII в. Деталь. Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник; *19* – жены-мироносицы с иконы Гроб Господен. XIII в. (деталь). Ярославо-Ростовский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; *20* – Параскева с иконы XVI в. (деталь). Русский музей; *21* – жены-мироносицы с иконы Гроб Господен. Начало XVI в. (деталь). Рыбинский историко-художественный музей; *22* – Святая Варвара с иконы XIV в. (деталь). Третьяковская галерея.

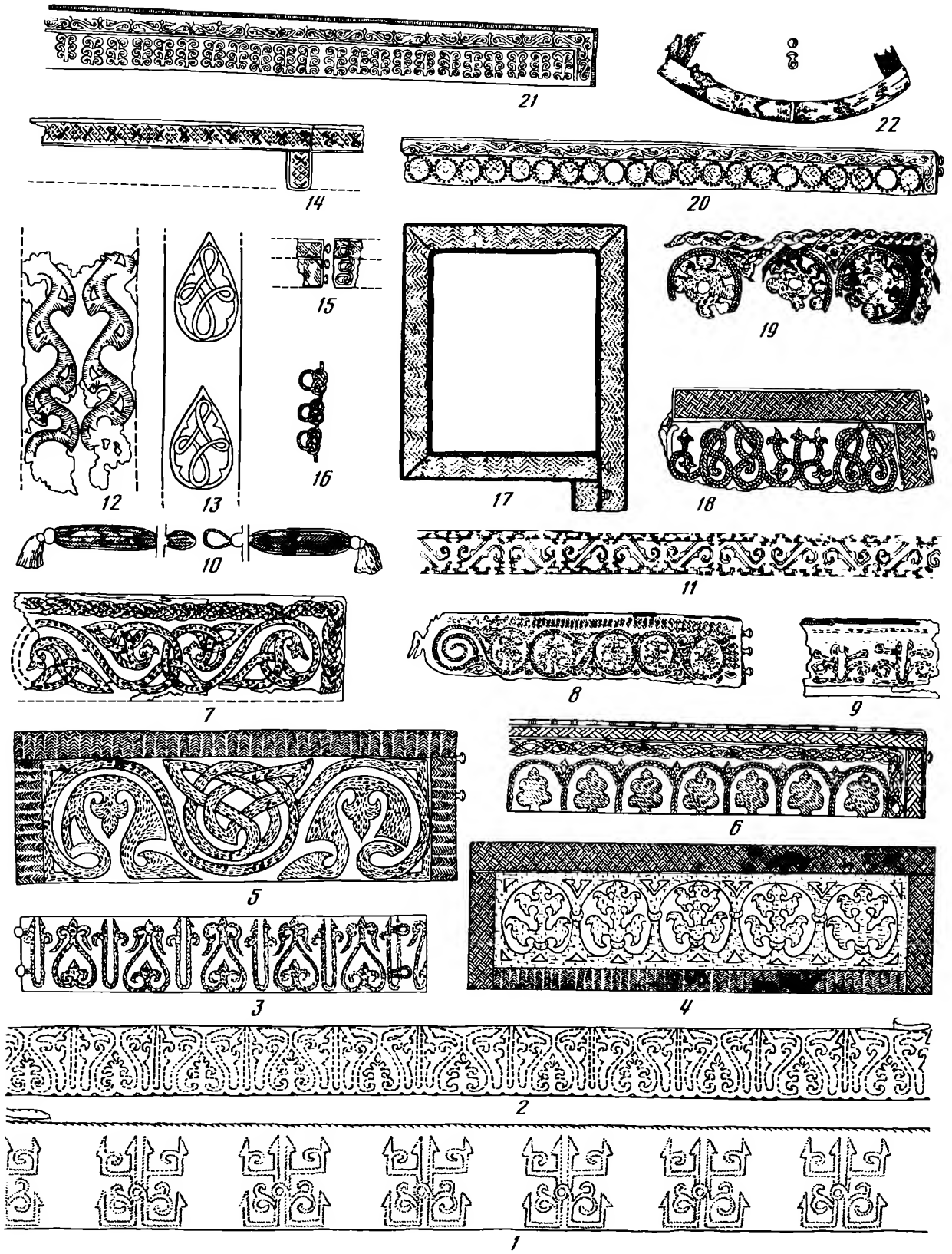


Табл. 67. Детали украшения одежды (составлена *М.А. Сабуровой*)

1 – подол. Шаргород; *2* – пояс. Новгород; *3* – опястье рукава. Новгород; *4* – нагрудник (реконструкция). Пушкино, Московской обл.; *5* – нагрудник (реконструкция). Яшкино I Ивановской обл.; *6* – стоячий воротник. Смоленск; *7* – украшение ворота. Караш, Ярославской губ.; *8–9* – воротник стоячий. Суздаль; *10* – петлицы от кафтана. Рязань; *11* – кайма. Гродно; *12* – кайма-"дорога". Владимир; *13* – кайма-"дорога". Шаргород; *14–15* – воротник стоячий. Суздаль; *16* – застежка с петельками. Суздаль; *17* – воротник-карэ. Суздаль; *18* – воротник стоячий. Балахна, Нижегородской губ.; *19* – воротник стоячий. Набутово, Киевской губ.; *20* – детали украшения одежды. Суздаль; *21* – воротник стоячий. Суздаль; *22* – детали воротника трапециевидной формы. Суздаль.

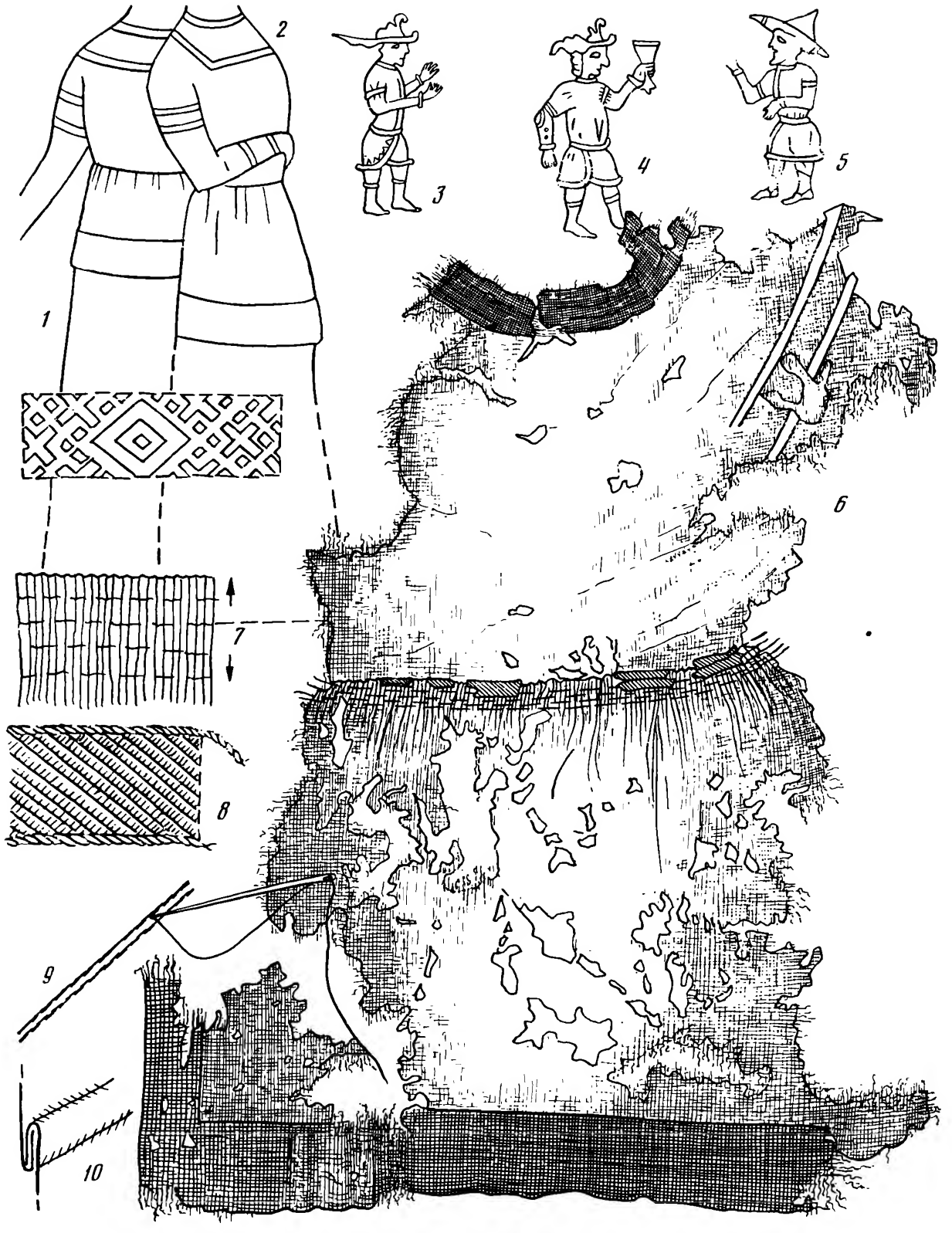


Табл. 68. Городское женское платье XI–XIII вв. (составлена *М.А. Сабуровой*)

1–2 – прорись одежд с иконы Рождества Богородицы XIV в. Третьяковская галерея; *3–5* – прориси буквиц лицевых рукописей XIV в.; *6* – платье из раскопок М.К. Каргера в Изяславле. Начало XIII в.; *7* – прошитая мелкая складка на платье из Изяславля; *8* – золототканная лента на талии платья из Изяславля; *9–10* – образцы швов древних платьев. XIII в.; *11* – "вошва" с браным орнаментом из Торопца. XIII в.

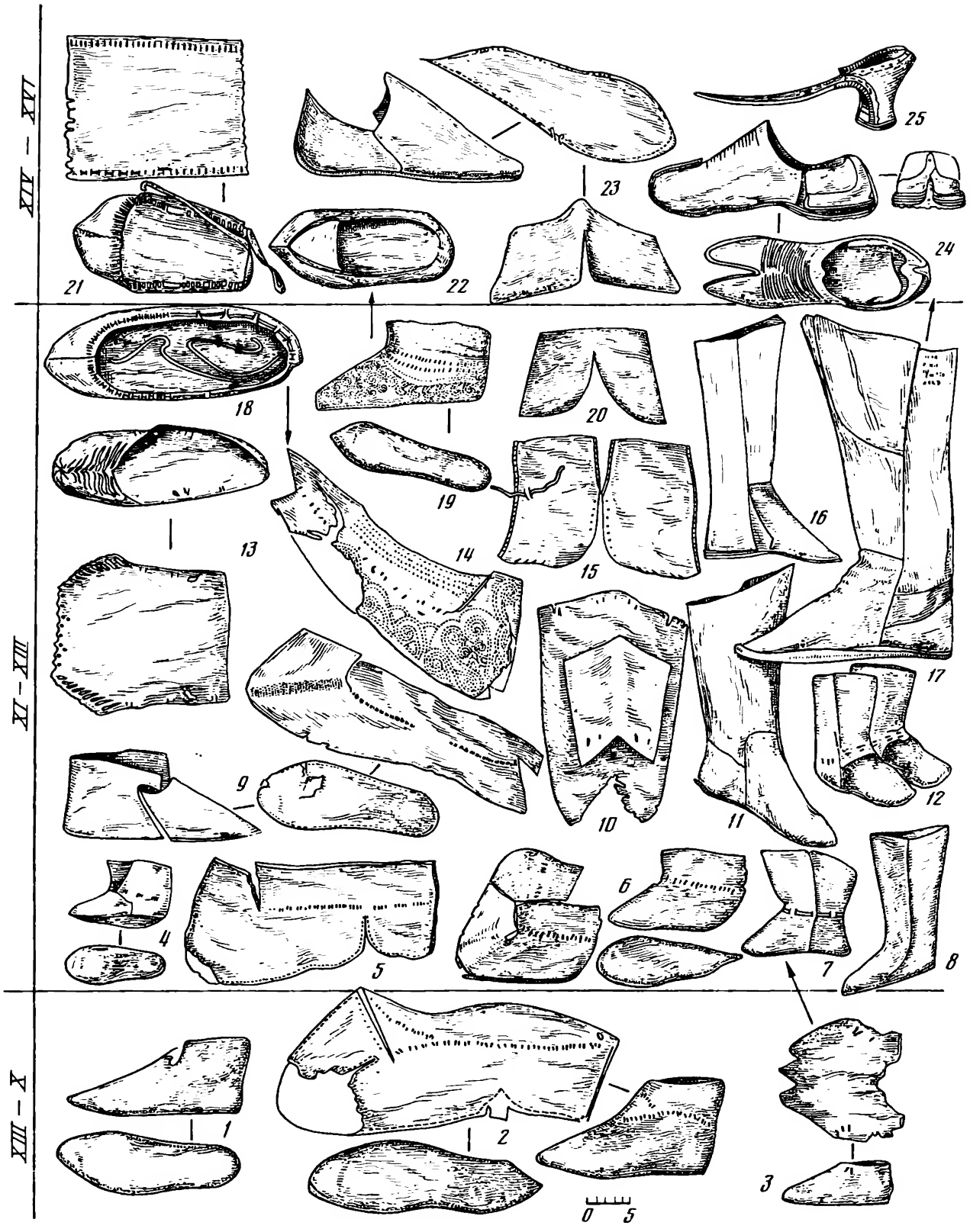


Табл. 69. Древнерусская обувь. Эволюционная таблица VIII–XVI вв. (составлена *М.А. Сабуровой*)

1–3 – мягкие туфли из Старой Ладоги; *4–21* – мягкие туфли, сапоги и поршни XI–XIII вв. Новгород, Псков; *22–25* – детали туфель и сапог XIV–XVI вв. Новгород, Псков

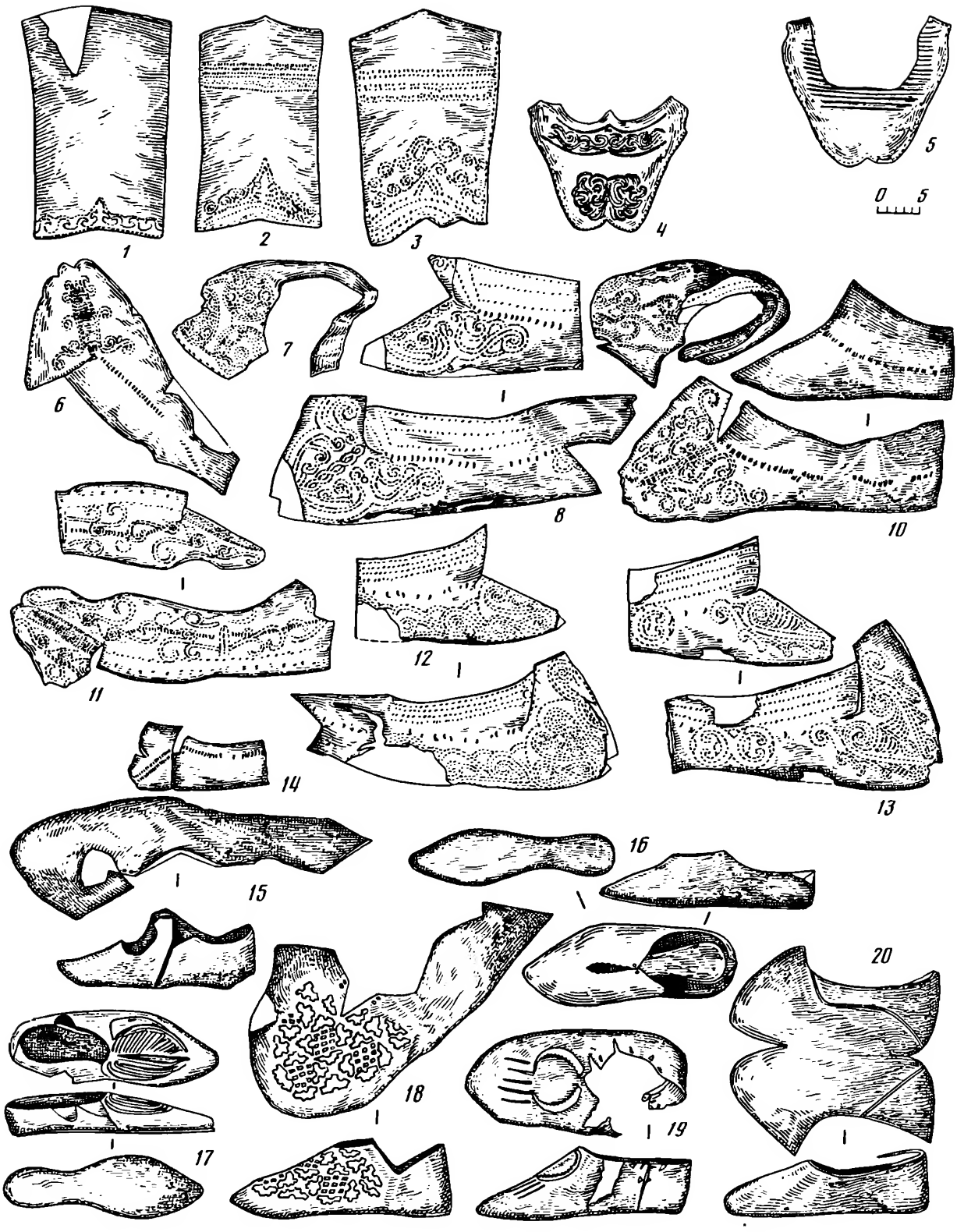


Табл. 70. Древнерусская орнаментированная обувь (составлена *М.А. Сабуровой*)

1–14 – туфли, сапоги с вышивкой, продержкой и тиснением XV в. Новгород, Псков, Москва; *15–20* – редкие формы обуви (привозные изделия)

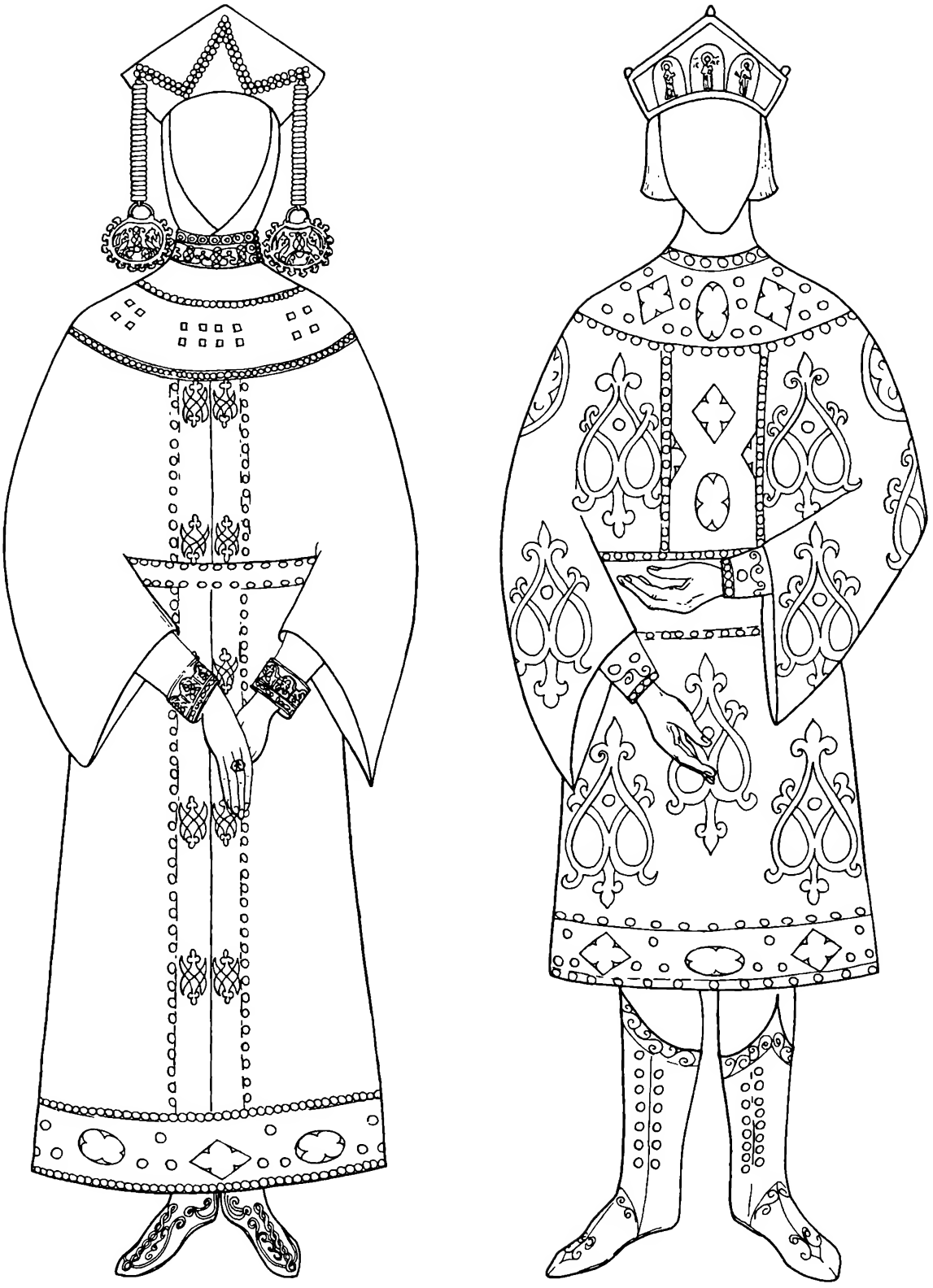


Табл. 71. Реконструкция княжеско-боярского костюма (составлена *М.А. Сабуровой*)

1 – одежда княгини; *2* – одежда князя

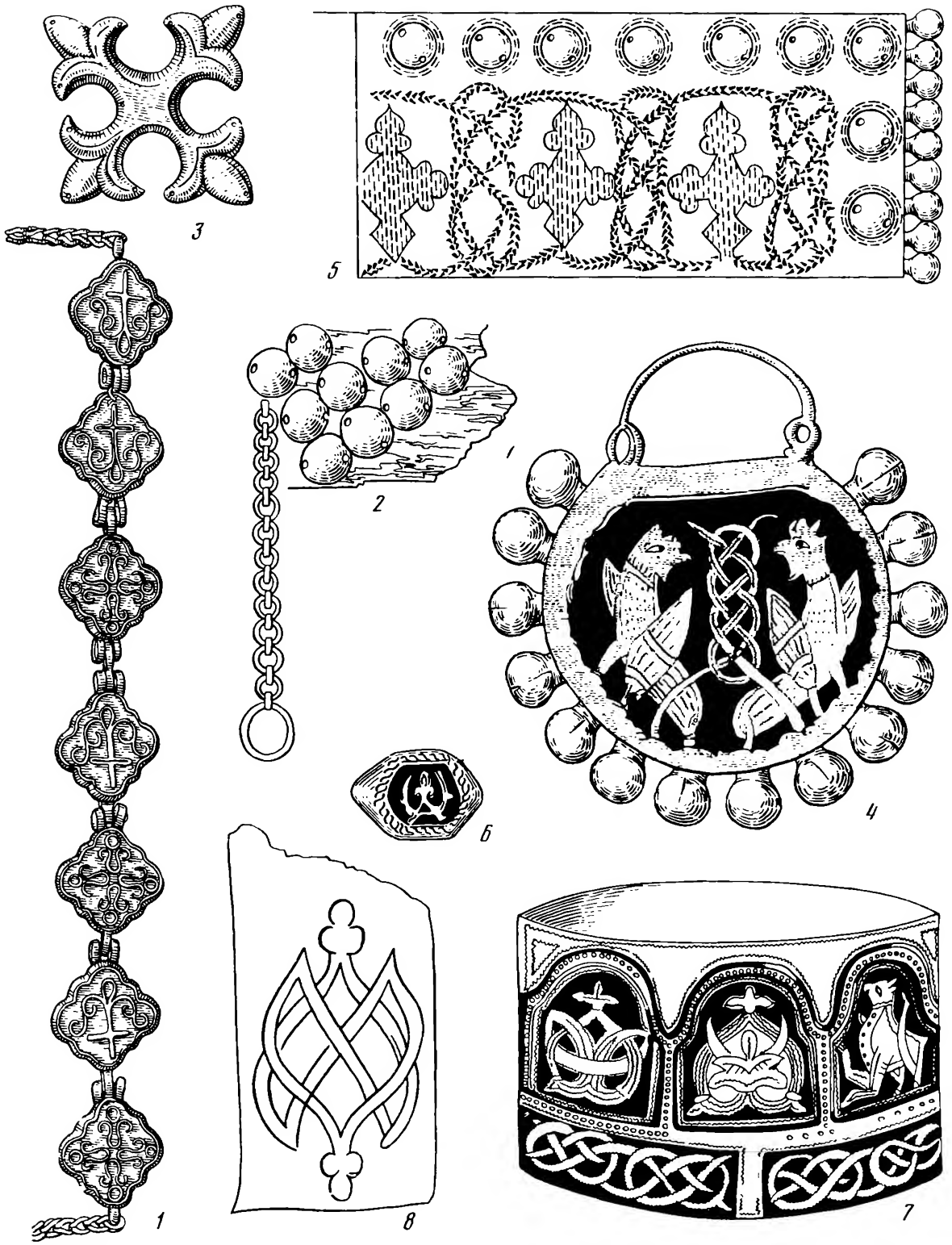


Табл. 72. Детали одежд и украшений княжеско-боярского костюма (составлена *М.А. Сабуровой*)

1 – цепочка и нашивная дробница. Старая Рязань. Клад 1868 г., *2* – цепочка и часть очелья на бересте с тисненными дробницами. Набутовский могильник. Киевская губ., *3* – дробницы тисненые из позолоченного серебра; *4* – колт серебряный. Гравировка, чернь. Святозерский клад 1908 г. Черниговская губ., *5* – фрагмент воротника шелкового на кожаной основе. Набутовский могильник. Киевская губ., *6* – перстень серебряный. Гравировка, чернь. Клад 1869 г. ок. Спасска Казанской губ.; *7* – обруч серебряный. Гравировка, чернь. Киев, клад 1939 г., *8* – лента шелковая с шитьем золотной нитью. Шарки, Киевской губ.

Табл. 73. Парадная одежда княгини и боярыни (составлена *М.А. Сабуровой*)

1 – церемониальный убор княгини с перегородчатой эмалью; *2* – одежда княгини с тиснеными дробницами; *3* – костюм незамужней боярыни

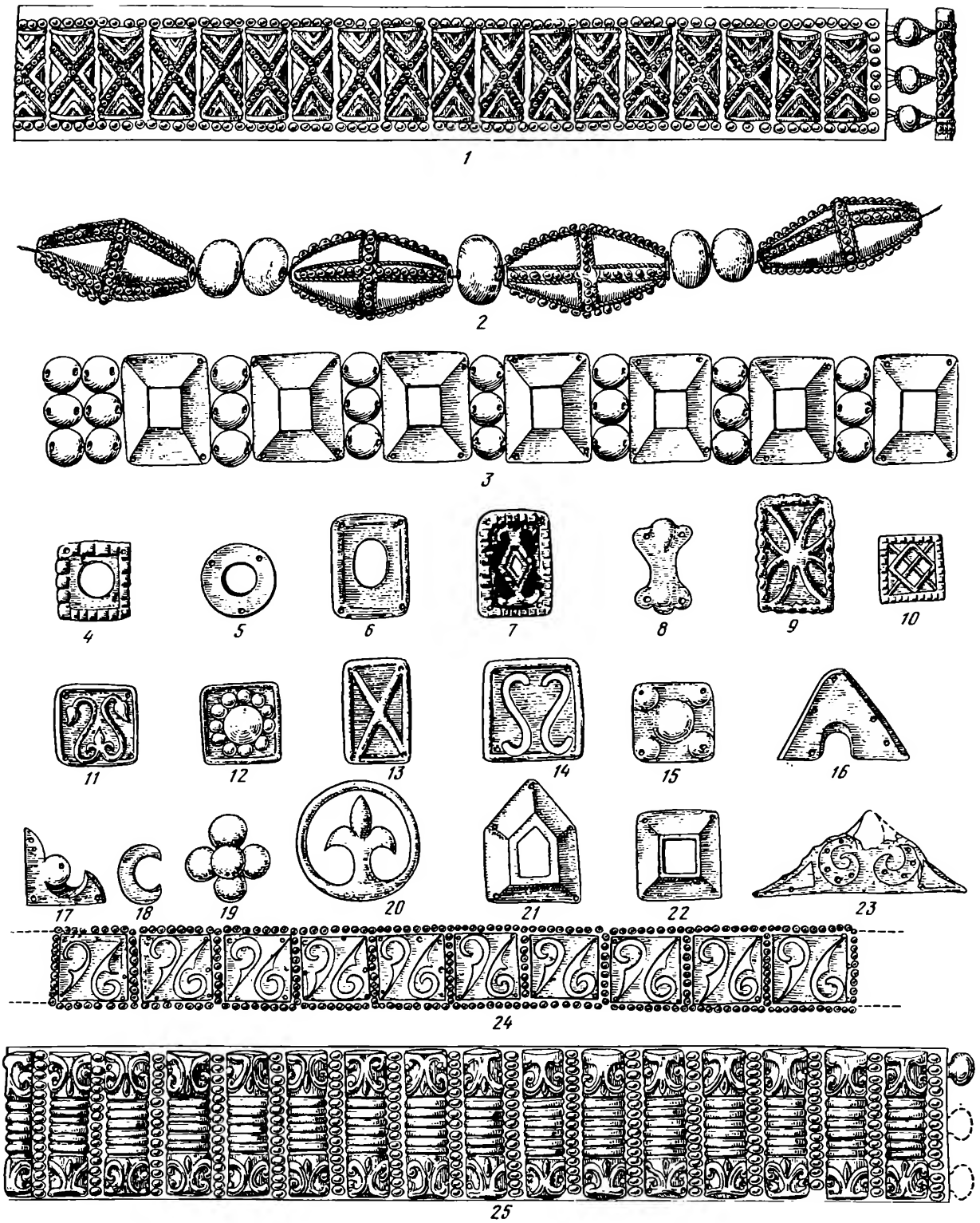


Табл. 74. Детали парадных одежд XI–XIII вв. (составлена *М.А. Сабуровой*)

1 – "ожерелок" княгини Анны (1054 г.). Гробница Софийского собора в Новгороде; *2* – ожерелье из бус сердоликовых и золотых, украшенных сканью и жемчугом. XII в. Клад 1900 г. с. Сахновка, Киевской губ.; *3* – "ожерелок" на коже из серебряных позолоченных дробниц. Новинки Вологодской обл.; *4–8* – дробницы нашивные серебряные от ожерелий, очелий, поясов. Курганные могильники Петербургской обл.; *9* – дробница нашивная тисненая из серебра от очелья. Могильник ок. г. Луги Псковской губ. Конец XII – начало XIII в.; *10–16* – дробницы нашивные серебряные, обнизанные бисером и жемчугом. Каменные могилы Виленской губ.; *17–23* – дробницы нашивные серебряные позолоченные. Клад 1903 г. в Киеве, Михайловский монастырь; *24* – шелковая ткань с нашитыми серебряными позолоченными дробницами, обнизанными бисером. Старая Рязань. Клад 1887 г.; *25* – "ожерелок" на ткани и коже из серебряных позолоченных колодочек, обнизанных бисером. Липинский могильник Курской обл.

Табл. 75. Комплексы городской и княжеской одежды по данным изобразительного искусства и археологии (составлена *М.А. Сабуровой*)

1–3 – одежда подростков; *4* – одежда мужчины ("платно"); *5, 10* – детская одежда; *9, 11* – одежда девушки и женщины; *12–13* – одежда горожанки

Табл. 76. Реконструкция комплекса одежды с украшениями древнерусской крестьянки (по материалам вятических погребений XII – начало XIII в.). Составлена *М.А. Сабуровой*

1 – праздничная одежда женщины средних лет; *2* – одежда молодухи;
3 – одежда девушки

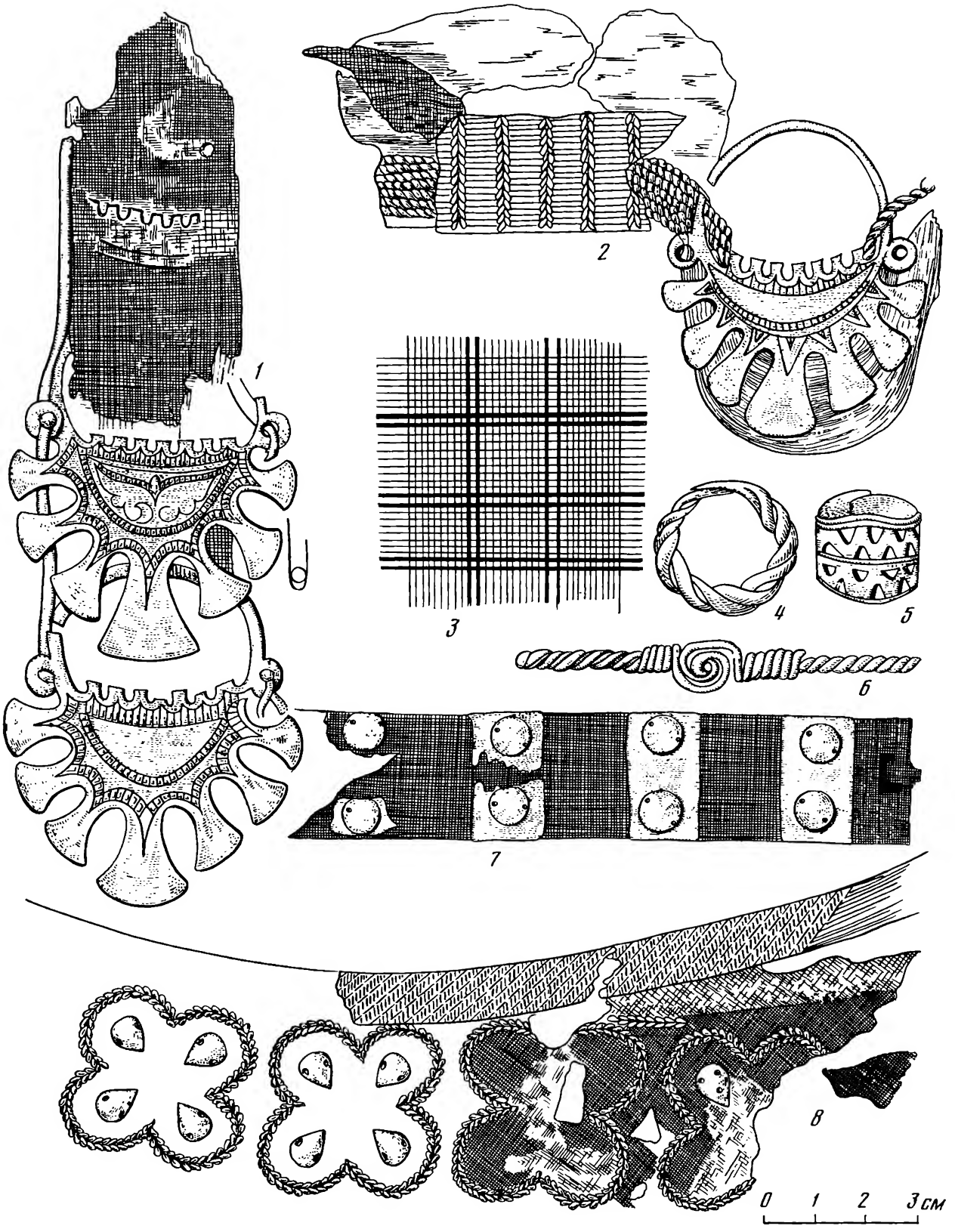


Табл. 77. Детали одежды и украшений древнерусской крестьянки (вятичи, начало XIII в.). Составлена *М.А. Сабуровой*

1 – лента из шерстяной ткани полотняного переплетения с продетыми в нее семилопастными височными кольцами. Марьино, Московской обл.; *2* – фрагмент головного убора на жесткой основе. Лента шерстяная узорная, нити крученые, височные кольца семилопастные; *3* – фрагмент полушерстяной клетчатой ткани. Беседы, Московской обл.; *4* – перстень витой серебряный; *5* – перстень решетчатый двузигзаговый из бронзы, *6* – браслет витой завязанный из бронзы; *7* – очелье на шерстяной ленте с украшениями. Конец XI – XII в. Покров, Московской обл.; *8* – фрагмент оплечья из шелковой ленты с шитьем золотной нитью, начало XII в. Новленское, Московской обл.

Табл. 78. Реконструкция комплекса одежды с украшениями древнерусской крестьянки XI – начало XIII в. (по материалам погребений). Составлена *М.А. Сабуровой*

1 – женская одежда XI в. по материалам Вологодских курганов. Новинки I, Вологодская обл.; *2* – девушка в свадебном наряде XII в. (по материалам вятичей); *3* – женская одежда XII в. по материалам кривичей

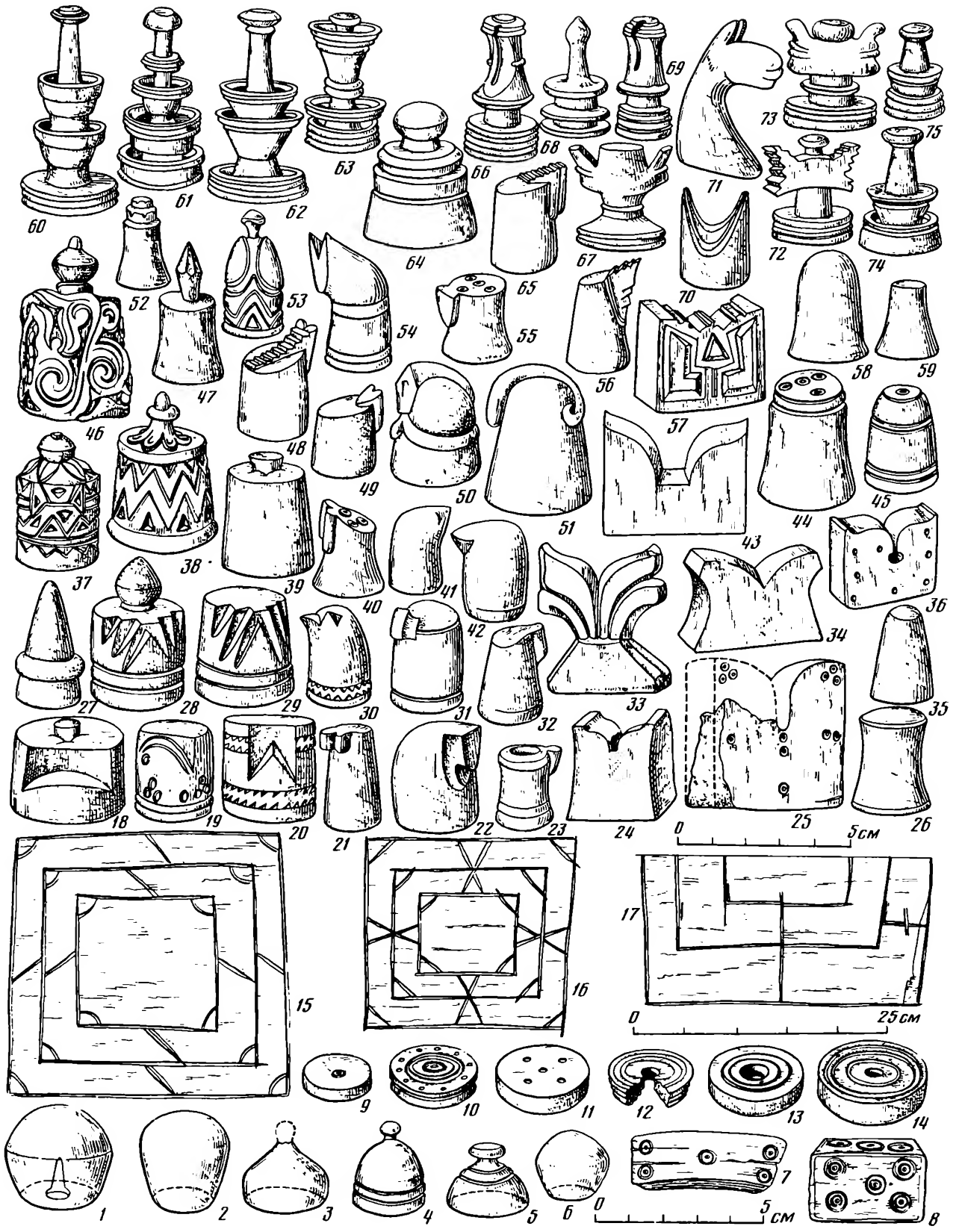


Табл. 79. Игры: шашки, шахматы, "мельница" (составлена *Е.А. Рыбиной*)

1–6 – шашки X в., *7–8* – игральные кости X в.; *9–14* – шашки XII–XIV вв.; *15–17* – "мельница"; *18–75* – шахматные фигуры XII–XV вв.; король, ферзь – *18–20, 27–29, 37–39, 46, 47, 52, 53, 60–64*; слон – *21, 30, 40, 48, 49, 54, 66, 68, 69*; конь – *22, 23, 31, 32, 41, 42, 50, 51, 55, 56, 65, 71*; ладья – *24, 25, 33, 34, 36, 43, 67, 70, 72, 73*; пешка – *26, 35, 44, 45, 58, 59, 74, 75*

1 – Ладога, *2* – гор. на р. Ловать, *3* – Гнездово; *4–5, 7* – Чернигов; *6* – Шестовицы; *8, 18, 19, 23, 25, 67* – Киев; *9–16, 20, 31, 33, 37–40, 43–59, 61, 63–66, 71, 72* – Новгород; *21, 26, 35, 62* – Друцк; *22, 28, 29, 34* – Смоленск; *24* – Волковыск; *27, 70* – Минск; *30, 41* – Туров; *32* – с. на р. Менка; *36* – Копысь; *42, 74* – Новогрудок; *60, 68* – Полоцк; *73* – Витебск; *75* – Торопец

1, 2, 4, 5, 9–14, 18, 19, 21–26, 28–32, 34–36, 40–42, 44, 60–69, 72–75 – кость; *3* – известняк; *6* – стекло; *15–17, 20, 27, 33, 37–39, 43, 45–59, 70, 71* – дерево

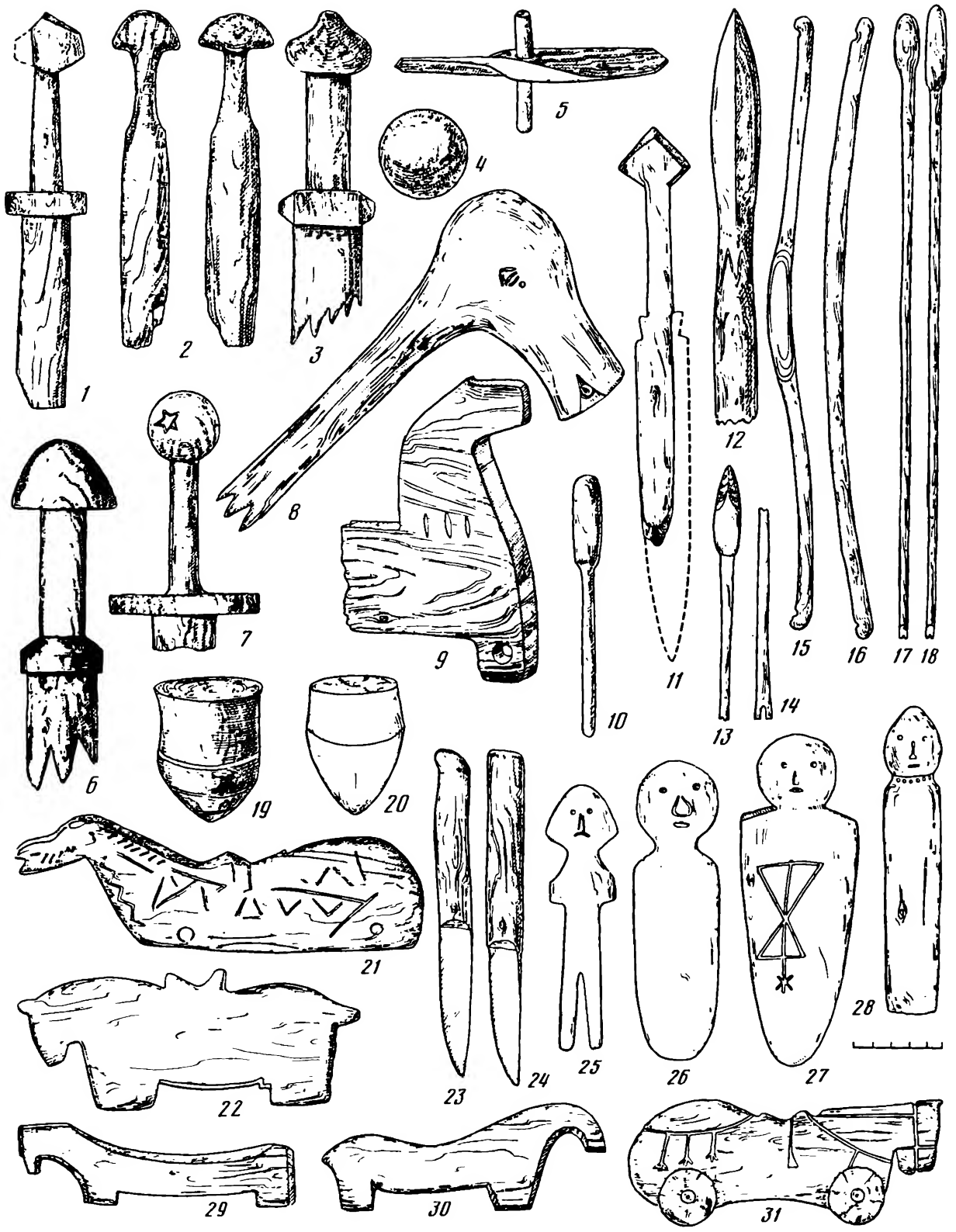


Табл. 80. Деревянные игрушки XI–XIII вв. (составлена *Р.Т. Розенфельдтом*)

1 – игрушечный меч. Старая Ладога; *2* – игрушечный меч. Псков, *3* – игрушечный меч. Новгород; *4* – деревянный шар. Старая Русса; *5* – вертушка. Новгород; *6* – деревянный меч. Новгород; *7* – деревянный меч. Новгород, *8* – игрушка-конник. Старая Ладога; *9* – игрушка-конник. Новгород; *10* – стрела. Новгород, *11* – кинжал. Старая Русса; *12* – копье. Старая Ладога; *13* – стрела. Старая Русса, *14* – стрела. Старая Русса; *15* – лук. Новгород; *16* – лук. Новгород; *17* – стрела. Новгород; *18* – стрела. Новгород; *19* – кубарь. Новгород; *20* – кубарь. Новгород; *21* – конник. Новгород; *22* – конник. Новгород; *23* – нож с рукоятью. Старая Русса; *24* – нож с рукоятью. Новгород; *25–28* – куклы. Новгород; *29, 31* – коники. Новгород

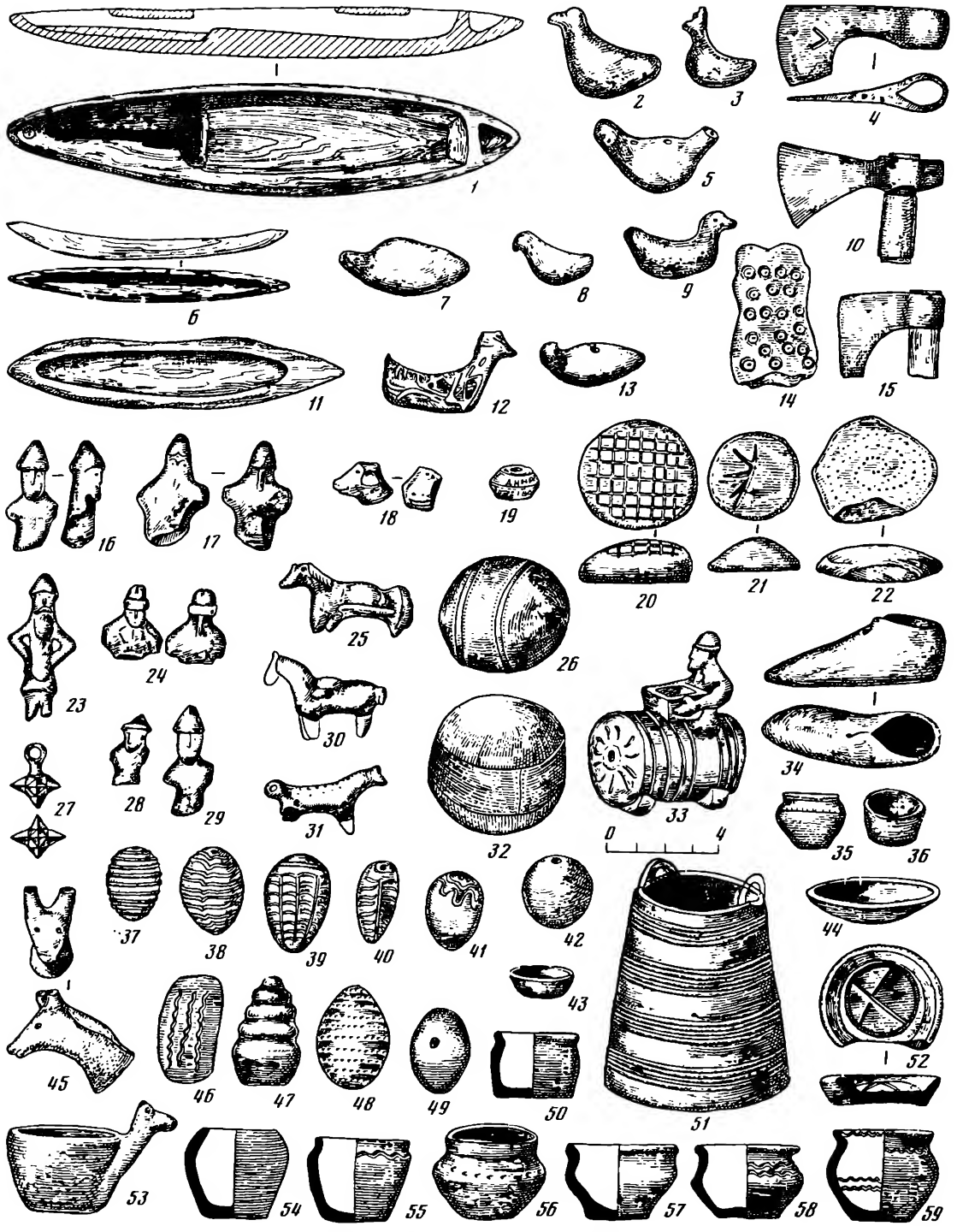


Табл. 81. Русская игрушка XI–XIV вв. (составлена *Р.Л. Розенфельдтом*)

1 – лодочка. Брест; *2* – птичка-погремушка. Новгород; *3* – птичка-погремушка. Москва; *4* – топорик. Новогрудок; *5* – птичка-свистулька. Зарайские курганы; *6* – лодочка. Новгород; *7* – птичка-погремушка. Беница; *8* – птичка-погремушка. Новгород; *9* – птичка. Полоцк; *10* – топорик. Новгород; *11* – лодочка. Переяславль Рязанский; *12* – птичка. Мстиславль; *13* – птичка-свистулька. Холмск; *14* – астрагал орнаментированный. Галич; *15* – топорик. Зимно; *16* – фигурка человека. Дрогичин; *17* – фигурка человека. Галич; *18* – головка овцы. Дешевка; *19* – пряслице-игрушка. Любеч; *20* – хлебец. Старая Рязань; *21* – хлебец. Новгород; *22* – хлебец. Старая Рязань; *23* – фигурка человека. Старая Ладога; *24* – фигурка человека. Киев; *25* – лошадка. Галич; *26* – мяч. Новгород; *27* – кистень. Орешек; *28* – фигурка человека. Старая Рязань; *29* – фигурка человека. Старая Рязань; *30* – лошадка. Пинск; *31* – лошадка. Екимауцы; *32* – мяч. Старая Русса; *33* – водовоз. Изяславль; *34* – туфель. Екимауцы; *35* – сосудик. Новгород; *36* – сосудик. Алчедар; *37* – писанка. Гочевская курганная группа; *38* – писанка. Влазовичинская курганная группа; *39* – писанка. Плисиеск; *40* – писанка. Новгород; *41* – писанка. Пировы городища; *42* – погремушка. Киев; *43* – сосудик. Новгород; *44* – мисочка. Новгород; *45* – олень. Новогрудок; *46* – погремушка. Волковыск; *47* – погремушка. Волковыск; *48* – погремушка. Гор. Донец; *49* – погремушка. Новгород; *50* – сосудик. Псков; *51* – ведерко. Витебская обл.; *52* – сковородка. Екимауцы; *53* – миска. Киев; *54* – горшок. Киев; *55* – горшок. Новгород; *56* – горшок. Старая Рязань; *57* – горшок. Новгород; *58* – горшок. Новгород; *59* – горшок. Псков.

1, 6, 11 – сосновая кора; *2, 3, 5, 7–9, 12, 13, 16–18, 20–25, 28–31, 33–59* – глина; *4, 10, 15* – железо; *14* – кость; *26, 32* – кожа; *19* – камень, *27* – бронза

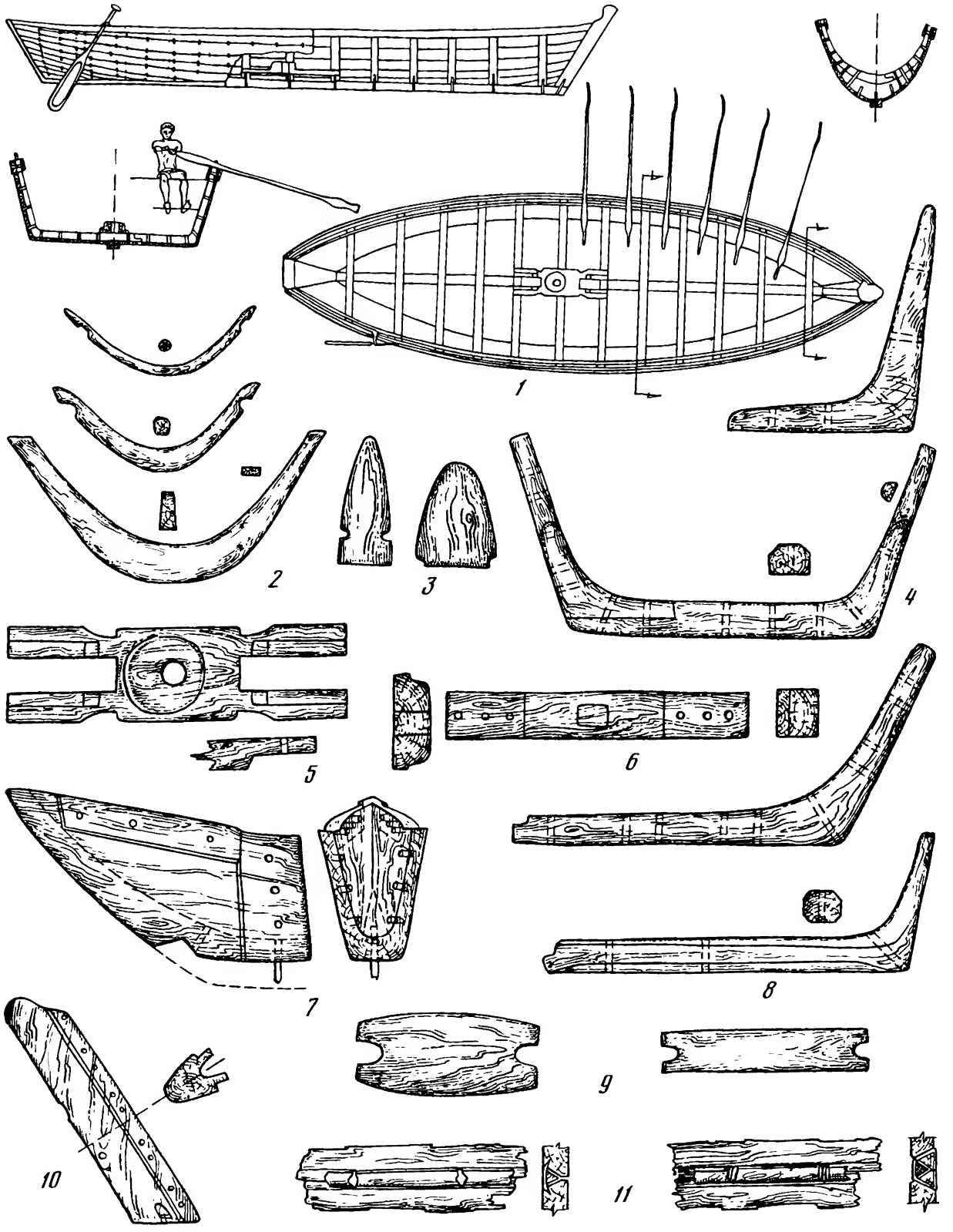


Табл. 82. Средства передвижения по воде (составлена *Б.А. Колчиным*)

1 – реконструкция корабля; *2* – шпангоуты лодочные; *3* – днища; *4. 8* – шпангоуты корабельные (кокоры); *5, 6* – степсы (мачтодержатели); *7* – форштевень; *9* – скамьи лодочные; *10* – архштевень; *11* – конструкция уплотнения стыкового шва обшивки

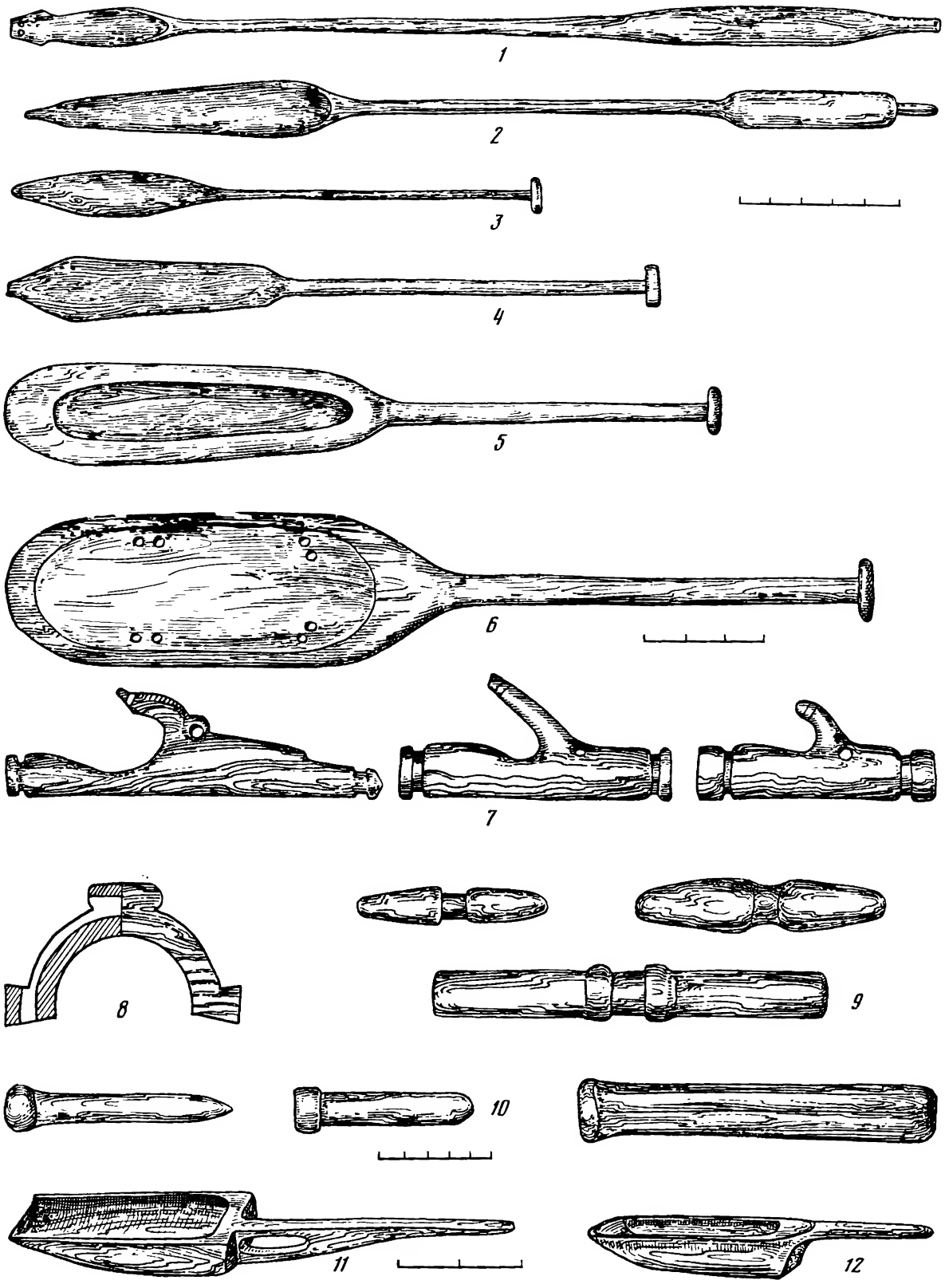


Табл. 83. Средства передвижения по воде (составлена *Б.А. Колчиным*)

1, 2 – весла-движители; *3, 4* – кормовые лодочные весла; *5, 6* – кормовые корабельные весла; *7* – уключины; *8* – коуш; *9* – кляпы; *10* – нагели; *11, 12* – черпаки

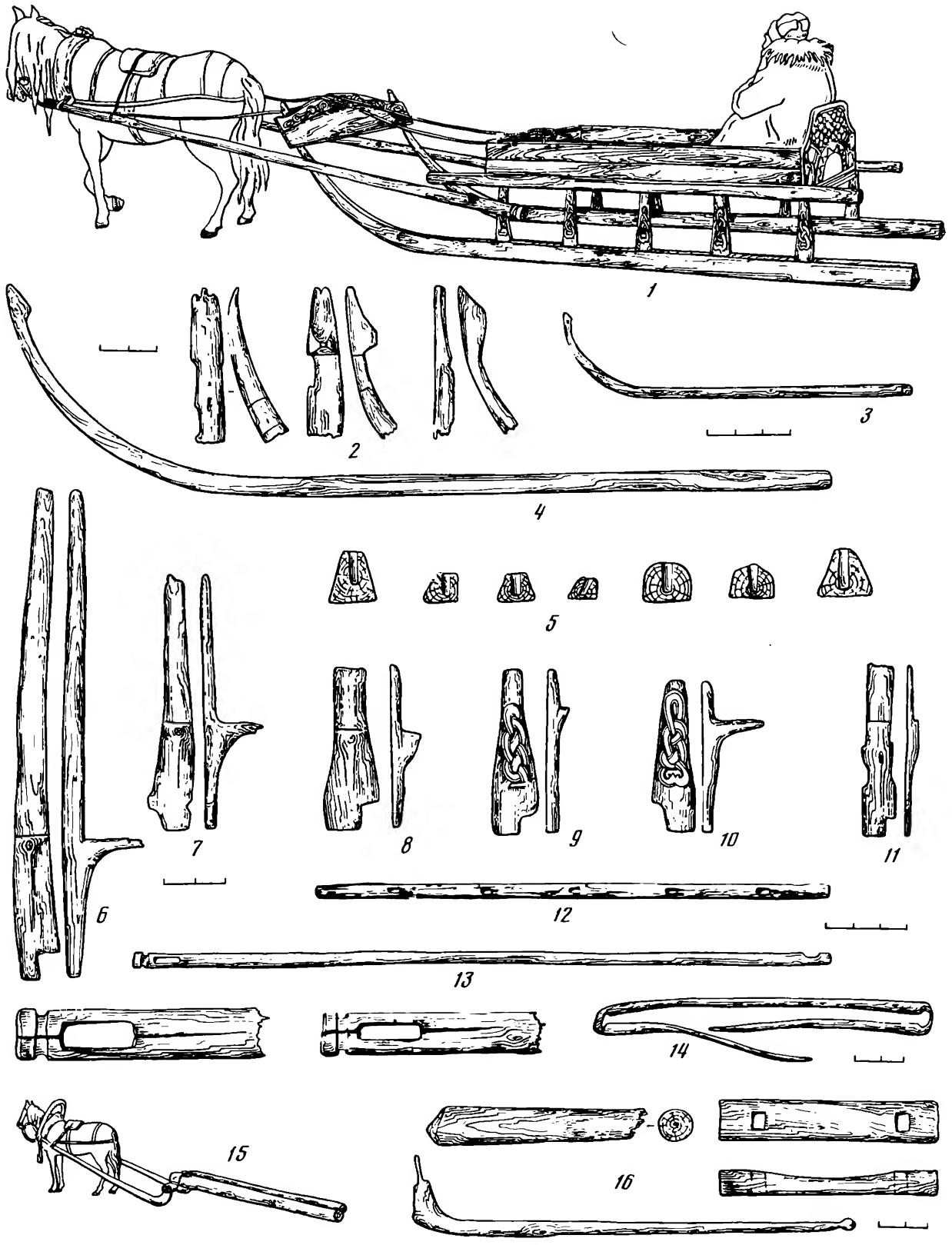


Табл. 84. Средства передвижения по суше (составлена *Б.А. Колчиным*)

1 – реконструкция саней; *2* – головки санных полозьев; *3, 4* – полозья; *5* – сечения санных полозьев; *6, 7, 10* – копылы с сучком-вязом; *8, 9, 11* – копылы без сучка; *12* – грядка; *13* – оглобля; *14* – вяз (вязовье); *15* – волокуша (реконструкция); *16* – деталь волокуши

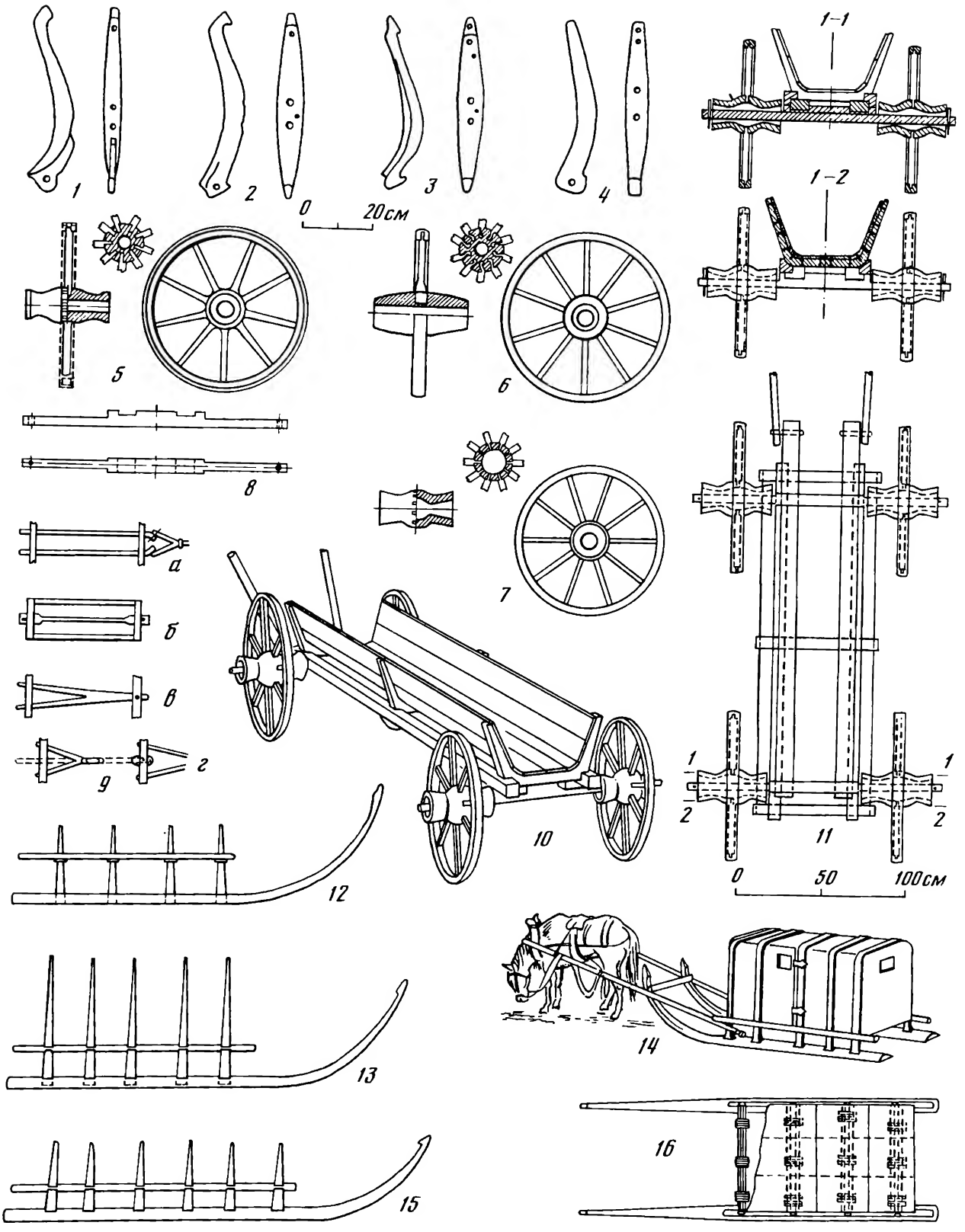


Табл. 85. Средства передвижения по суше, детали конструкций (составлена *Б.А. Колчиным*)

1–4 – клешни от хомутов; *5–7* – колеса тележные; *8* – ось тележная; *9* – варианты конструкций тележной платформы; *10* – реконструкция телеги; *11* – реконструкция телеги (в разрезе); *12, 13, 15* – типы саней (*12* – беговые, *13* – возок, *15* – грузовые); *14* – возок (реконструкция); *16* – крепление саней

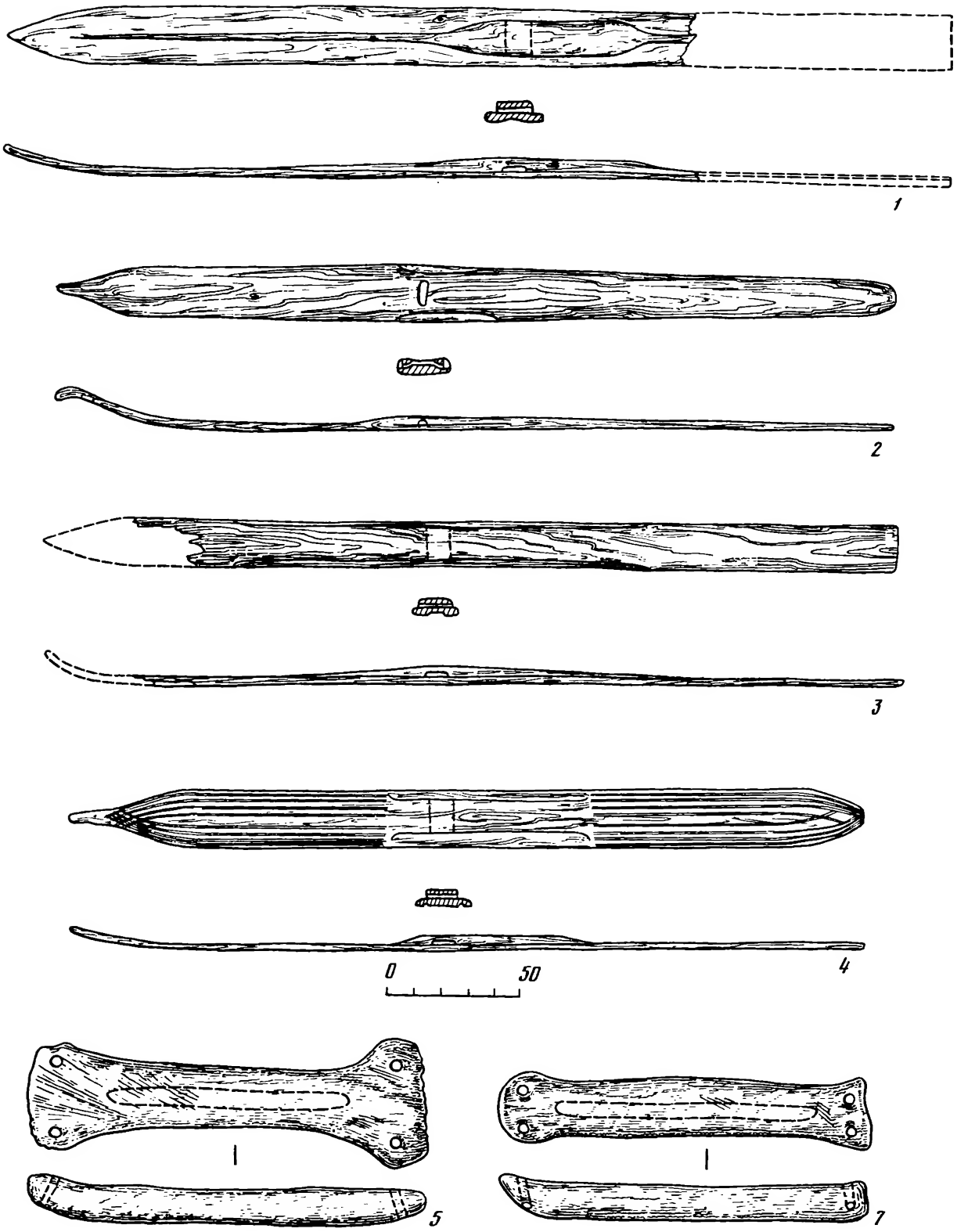


Табл. 86. Лыжи и коньки (составлена *Б.А. Колчиным*)

1–3 – лыжи беговые; *4* – лыжи охотничьи; *5, 6* – коньки (кость)

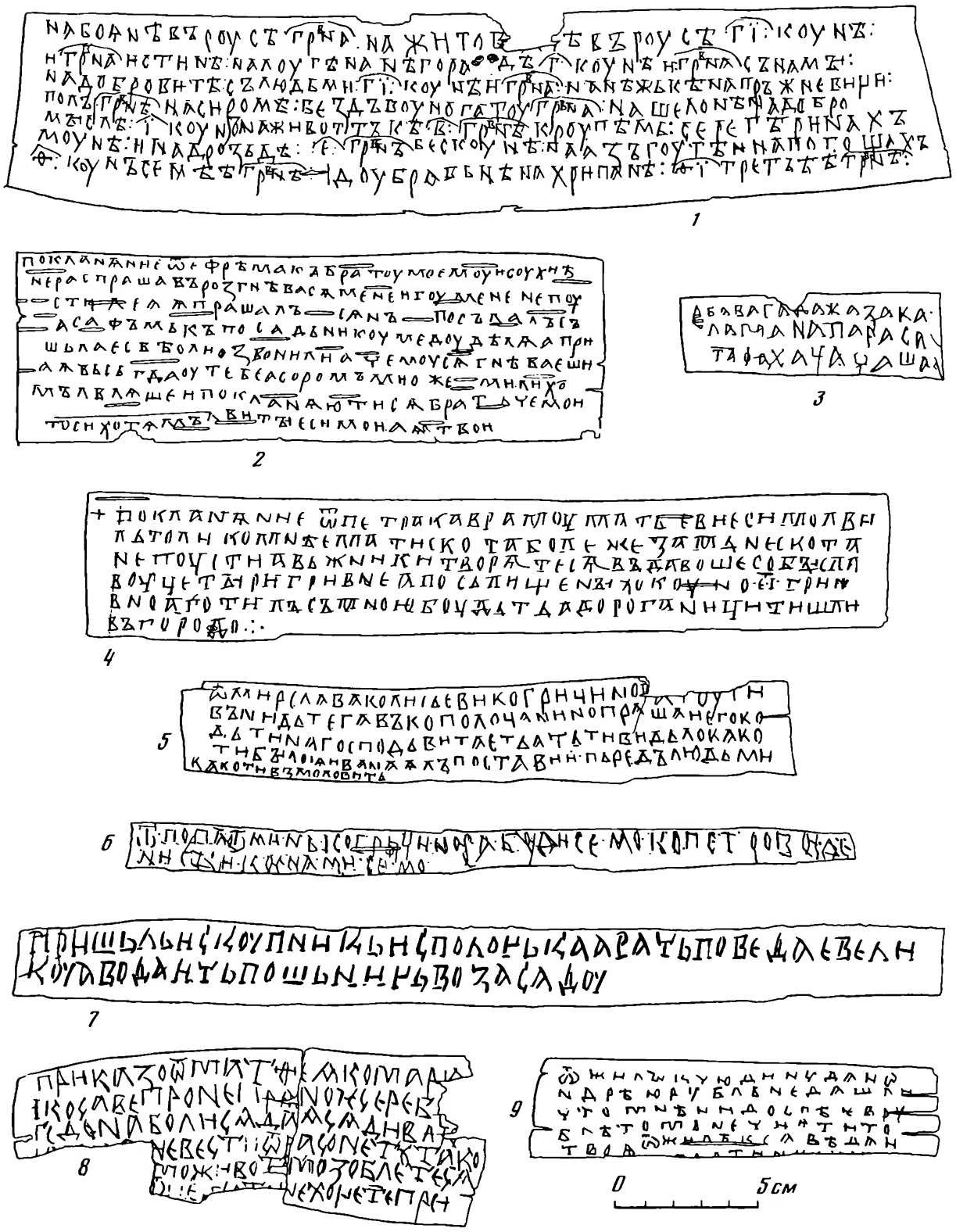


Табл. 87. Прориси новгородских грамот (составлена *П.Г. Гайдуковым*)

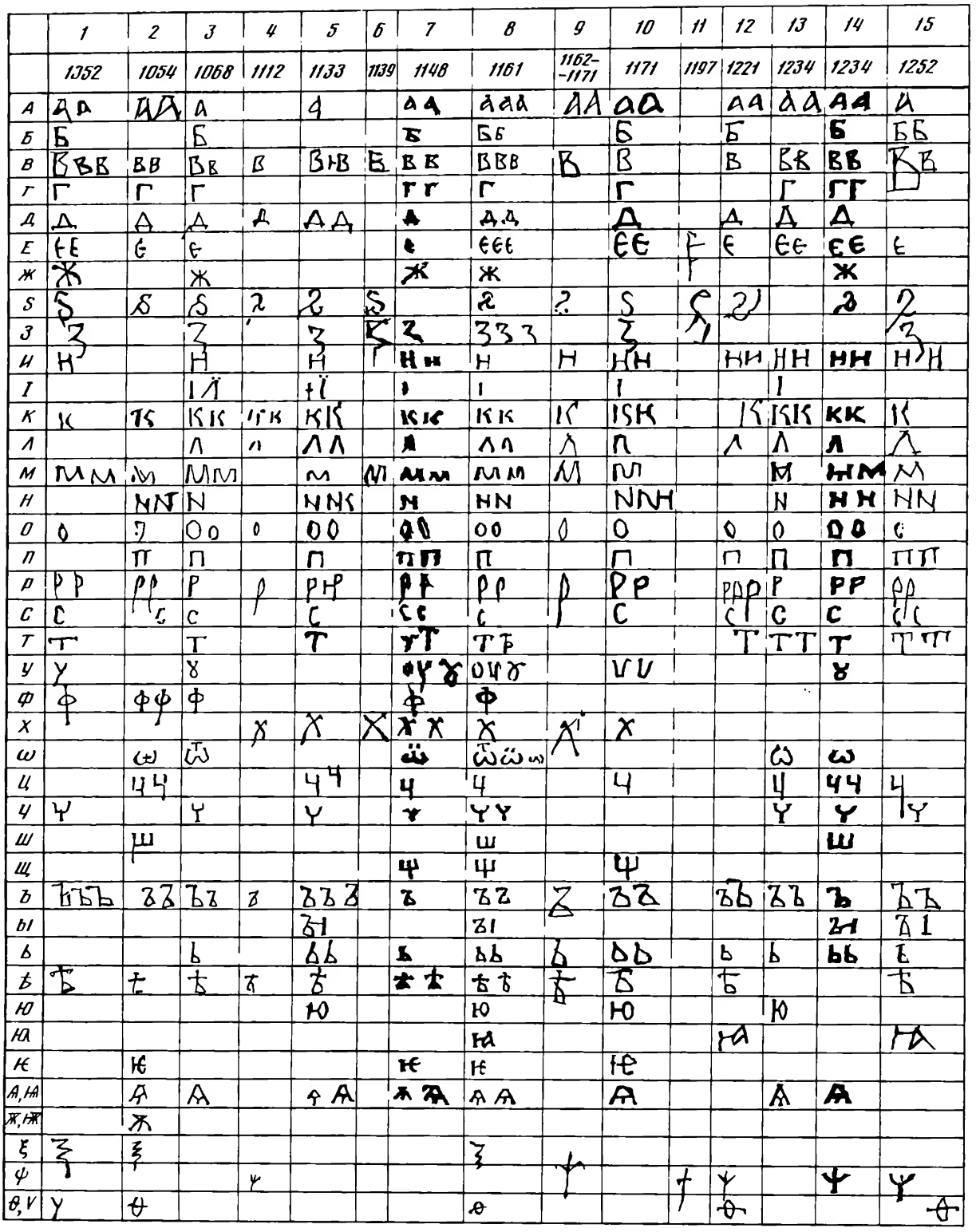


Табл. 88. Начертания букв датированных надписей (с 1052 по 1252 г.). Составлена *А.А. Медынцевой*

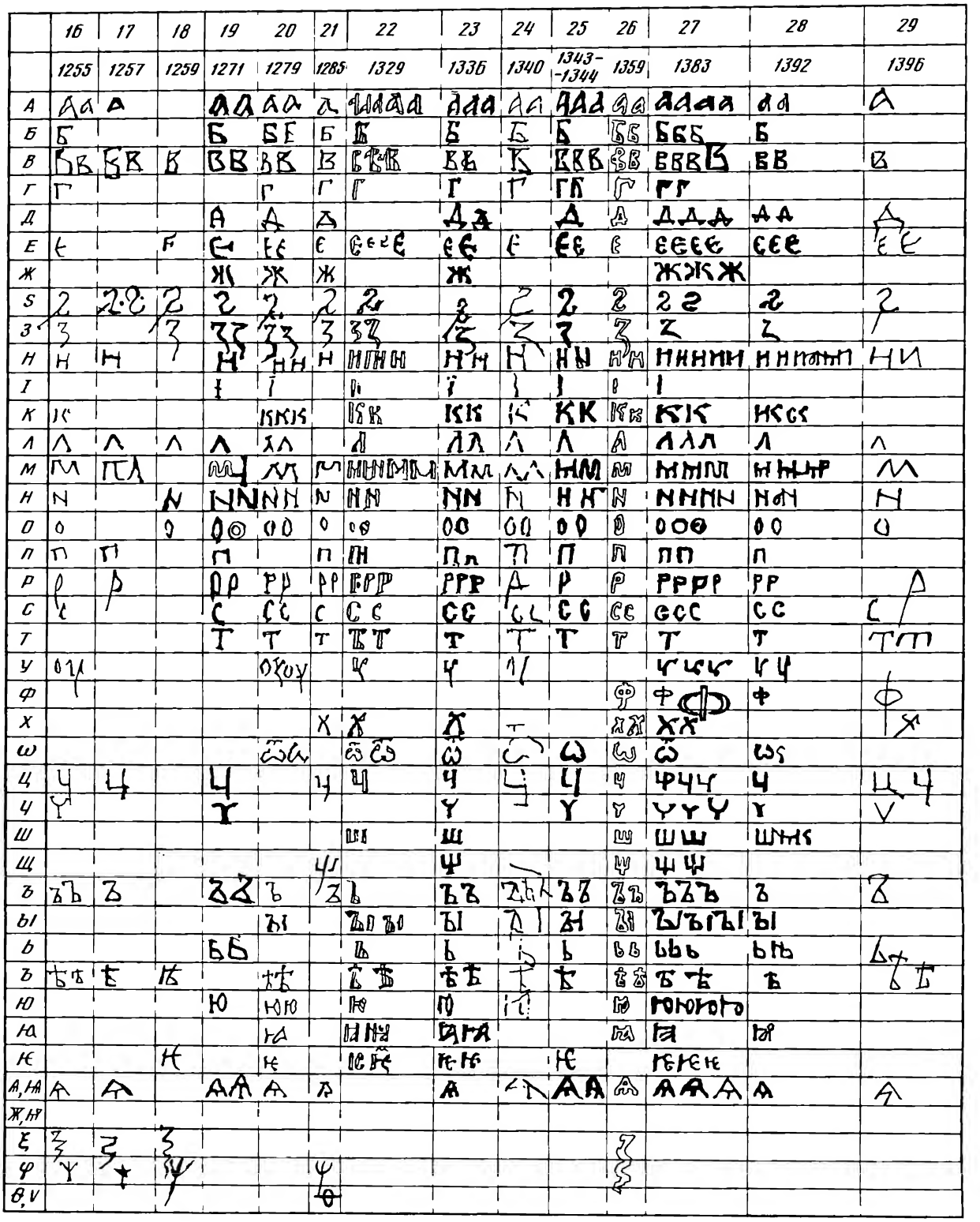


Табл. 89. Начертания букв датированных надписей (с 1255 по 1396 г.).
Составлена *А.А. Медынцевой*

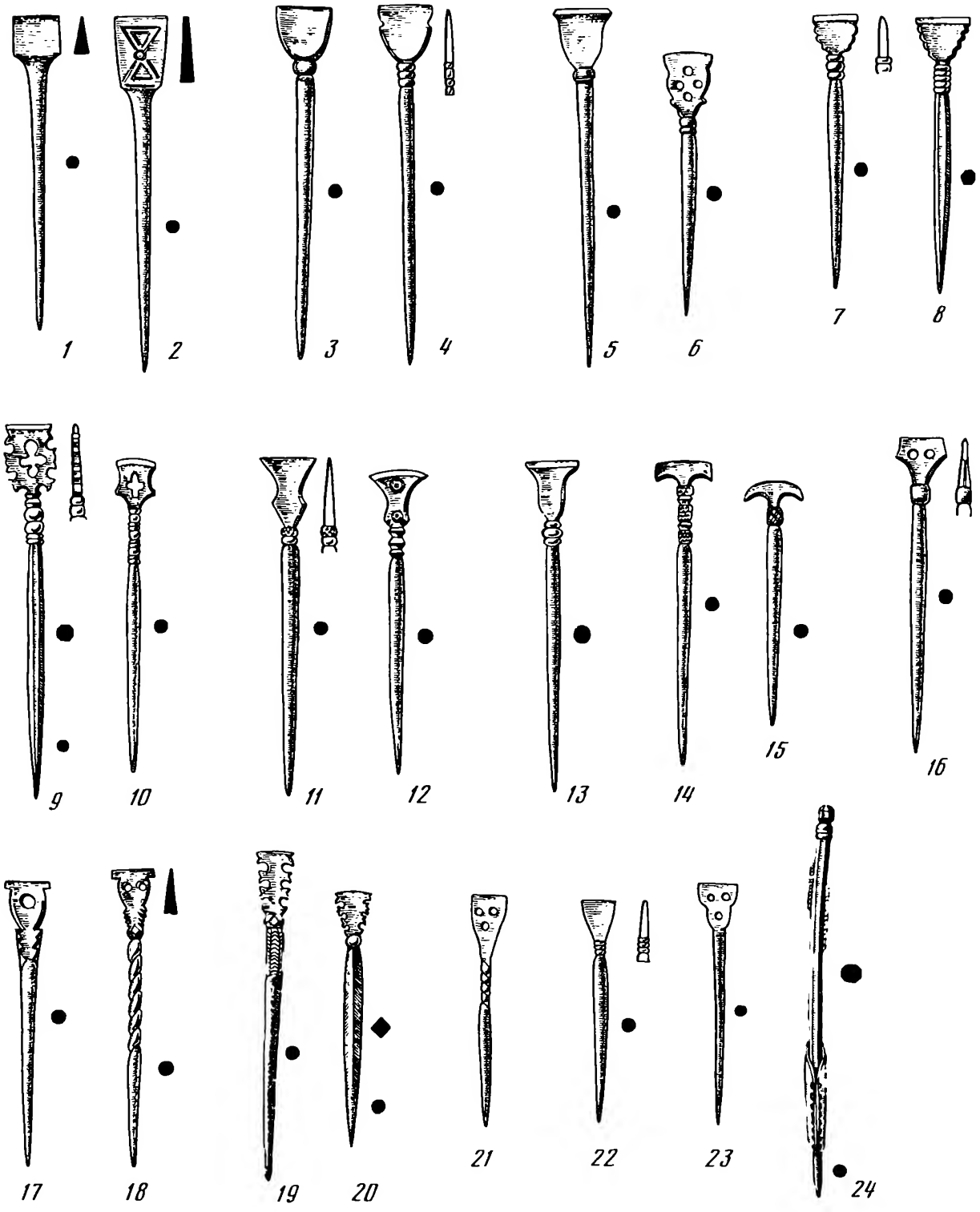


Табл. 90. Писала разных типов (составлена *А.А. Медынцевой*)

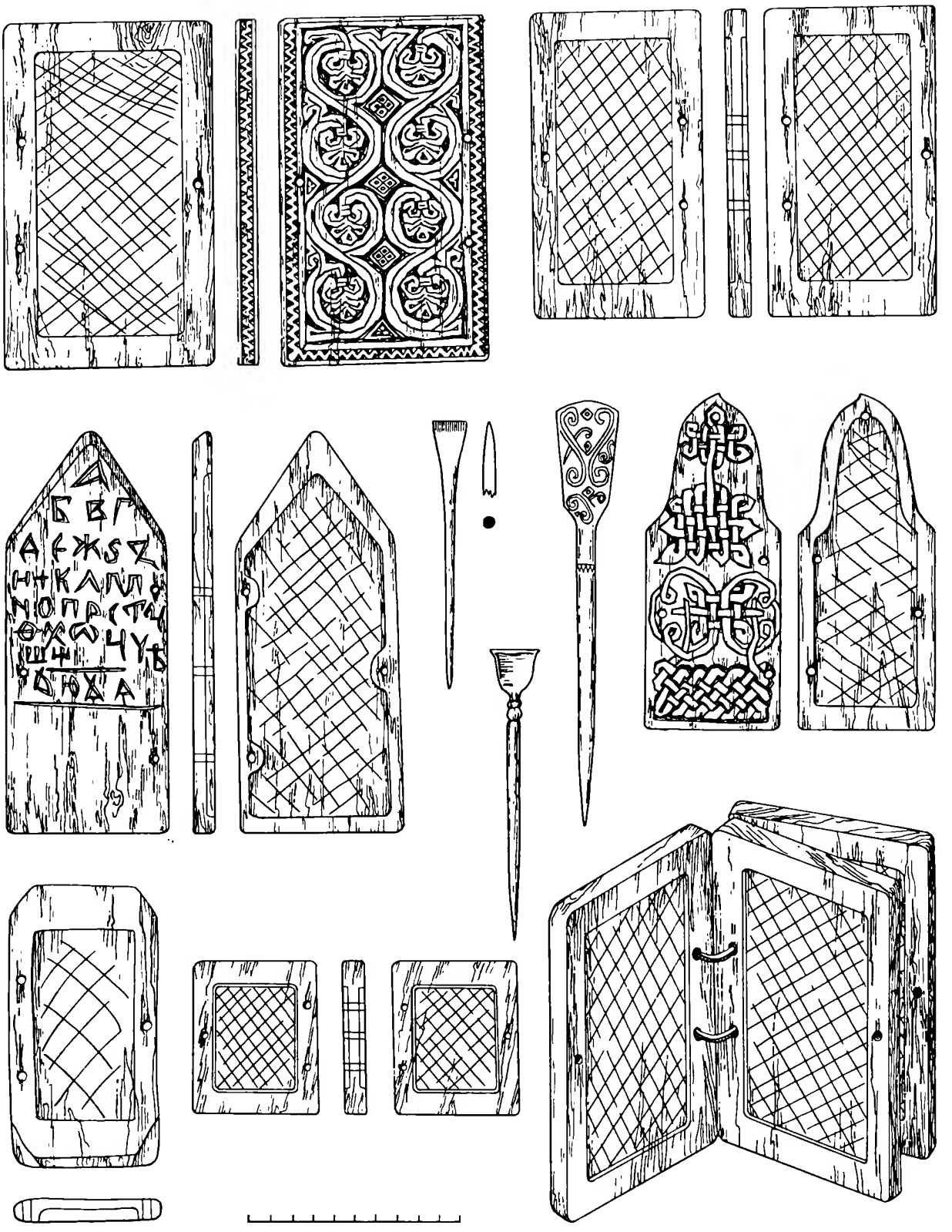


Табл. 91. Церы и писала (составлена *А.А. Медынцевой*)

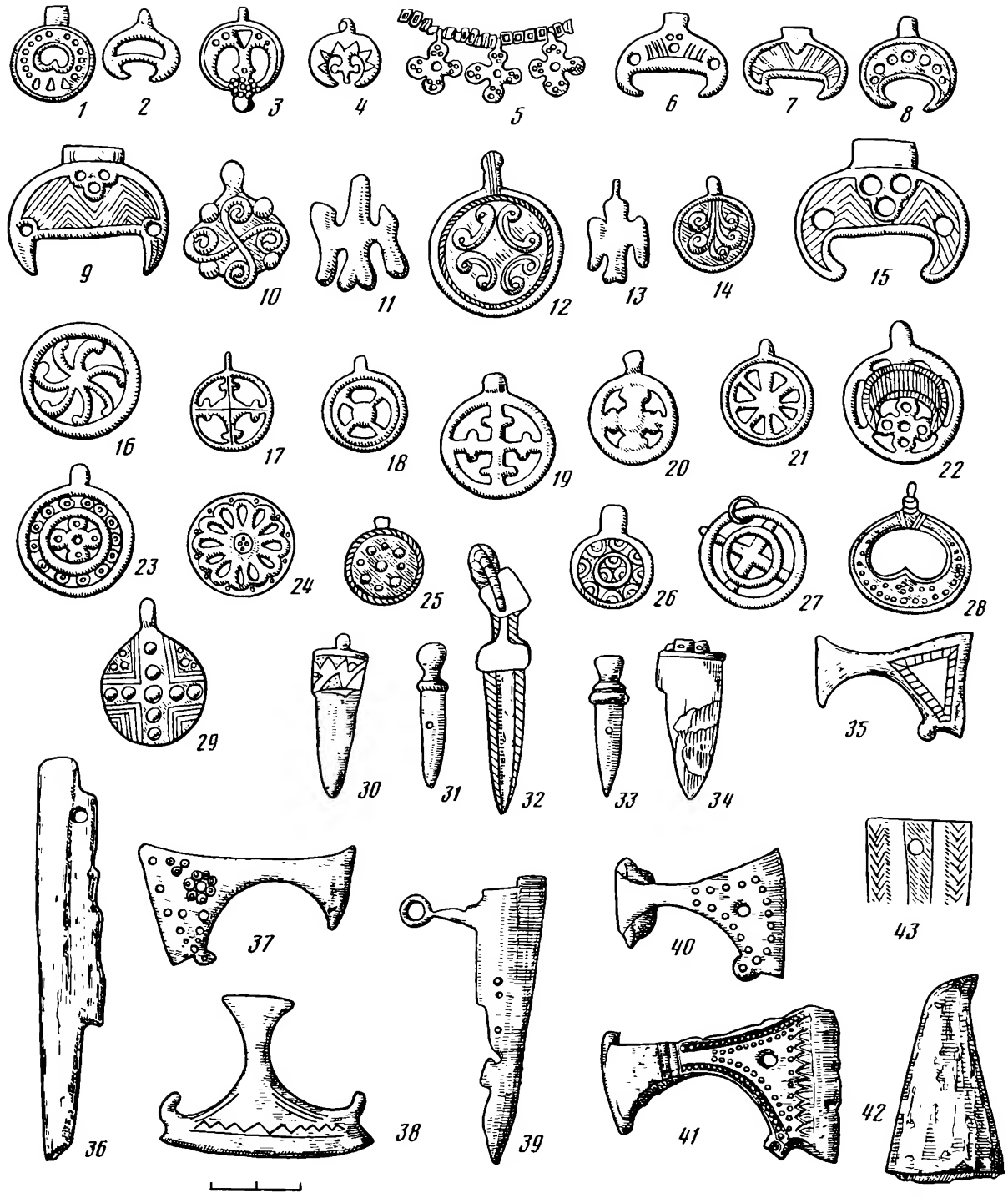


Табл. 92. Амулеты с символами, отражающими космогонические представления и заклинательную магию (составлена *Л.А. Голубевой*)

1–4, 6–10, 15, 20, 22, 28 – лунницы; *5, 10, 12, 14, 16–27, 29* – подвески с солярными символами; *11, 13* – подвески-птицы; *30, 34* – кремневые наконечники стрел в металлической оправе; *31–33* – мечи; *37, 38, 40–42* – топорики; *35, 36, 39* – игольники

1–8, 10–14, 16–29, 31, 33, 37–41 – бронза; *9, 15* – серебро; *30* – камень и серебро; *34* – камень и биллон; *32* – железо и серебро; *35, 36* – рог; *42* – железо

1, 5, 25 – Новозыбковский уезд; *24* – Влазовичи; *3, 8, 12, 16, 24–28* – Владимирские курганы; *6, 34* – Безоозеро; *7, 9* – Веськово; *10, 24, 37, 38* – Княжая гора; *11* – Вески; *13* – Кочергино; *14, 17–21* – Костромские курганы; *15* – Веськово; *19* – Низовка; *20* – Весь; *22* – Бочарово; *23* – Городище; *30* – Киевская губ.; *31, 33* – Сахновка; *32* – Гнездово, лесная группа; *35, 36* – Старая Русса; *39* – Колчино; *40* – Городище; *41* – р. Кема; *42* – Киев

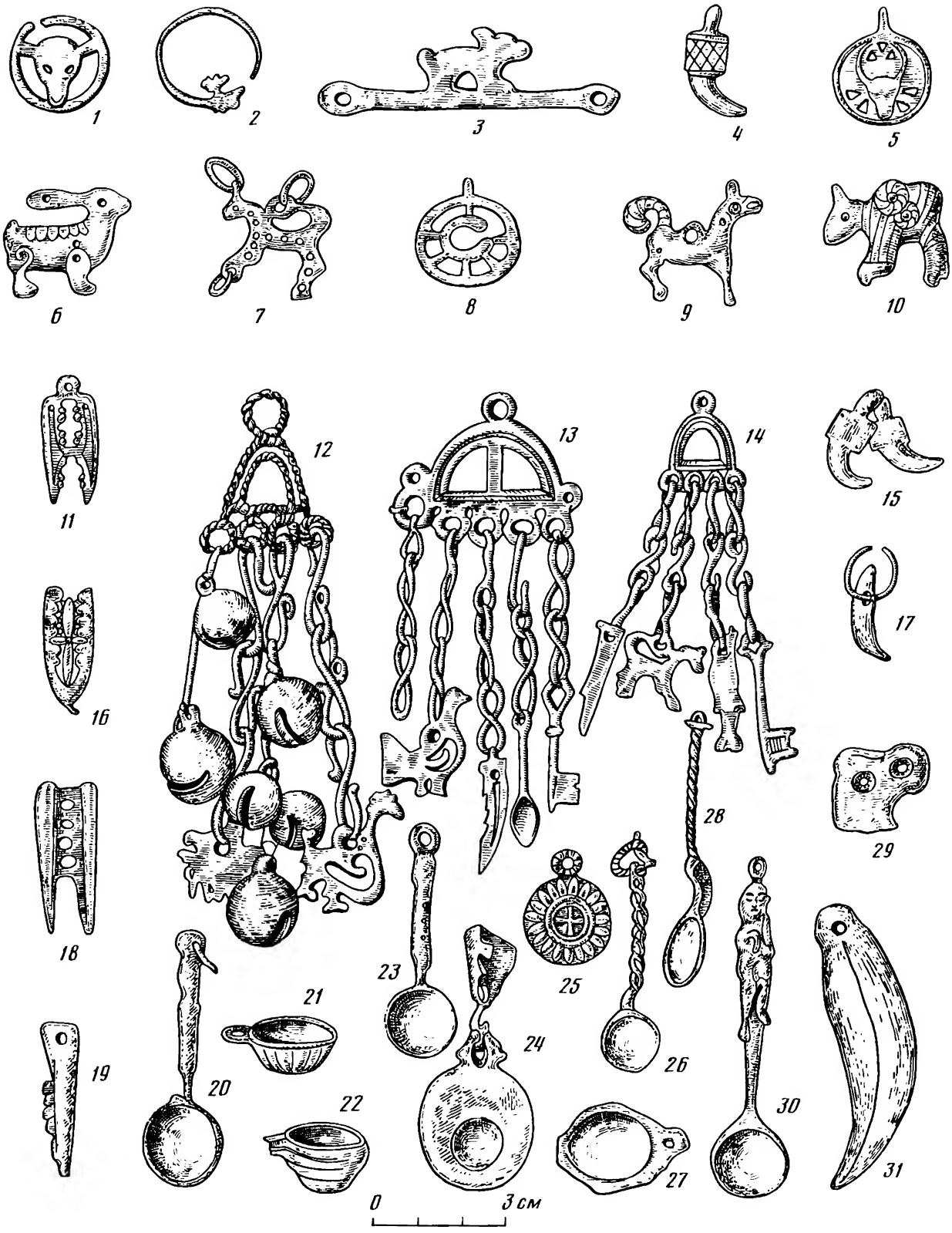


Табл. 93. Амулеты, связанные с заклинательной магией и культом животных (составлена *Л.А. Голубевой*)

1 – подвеска с головой теленка; *2* – височное кольцо с головой лося; *3* – изображение зайца; *4, 15* – подвески в виде когтей медведя; *5* – подвеска с головой быка; *6* – подвеска-зайчик; *7, 10* – подвески-коньки; *8* – подвеска с изображением змеи; *9* – подвеска-собачка; *11, 16, 18, 19* – подвески-челюсти; *12–14* – арочные подвески с набором амулетом; *17* – подвеска из клыка зверя; *20, 23, 26, 28, 30* – подвески-ложечки; *21–25, 27* – подвески-ковшички; *29* – подвеска из косточки бобра; *31* – клык медведя с просверлиной

1–4, 6–16, 18–28 – бронза; *17, 29, 31* – кость, рог

1, 7 – Владимирские курганы; *2, 4, 29* – Белоозеро; *3* – Алеховщина курган 1; *5* – Влазовичи; *6* – Калихновщина; *8* – Загорье, курган 9; *9* – Кожино; *10* – Терпилицы; *11* – Александровка; *12* – Бочарово; *13* – Коханы; *14* – Смялич; *15* – Ворогово; *16* – Дубна; *17* – Городище; *18, 28* – Колчино; *19* – Беседа; *20* – Городня; *21* – Бочарово; *22* – Сарагожа; *23 27* – Весьегонские курганы; *24, 26* – Сарагожские курганы; *25* – Хилово; *28* – Колчино; *30* – Кветунь; *31* – Крутик

Табл. 94. Изображения коня на женских украшениях и предметах быта (составлена *Л.А. Голубевой*)

1, 2, 10 – подвески-гребни; *3–4* – подвески-бобры; *5–7* – коньки; *8* – ключ; *9* – подвеска "конь на змее"; *11, 13* – незаконченные заготовки амулетов-гребней; *12* – треугольная подвеска; *14* – подвеска-лось (олень?); *15* – височное кольцо; *16, 22–24* – стилизованные коньковые подвески; *21* – игольник; *17, 18, 20* – стилизованные коньковые подвески с прорезями и шумящими украшениями; *19* – нагрудное украшение *1, 2, 8, 9, 10, 12, 14, 16–24* – бронза, *3–7, 11, 13* – рог; *15* – серебро.

1 – Бочарово; *2* – Бисерово; *3, 4* – Крутик; *5* – Боровиково; *6* – Кветунь; *7* – Колчино, *8* – Шангиничи-лес; *9* – Нефедьево; *10* – Залахтовье, *11, 13* – Крутик; *12* – Владимирские курганы; *14* – Любиничи; *15* – Белевский клад; *16* – Петрушино; *17* – Сидельница; *18* – Пировы городища; *19, 23* – Кочергино; *20* – Кувалдино; *21* – Терешина; *22* – Торово; *24* – Лешково

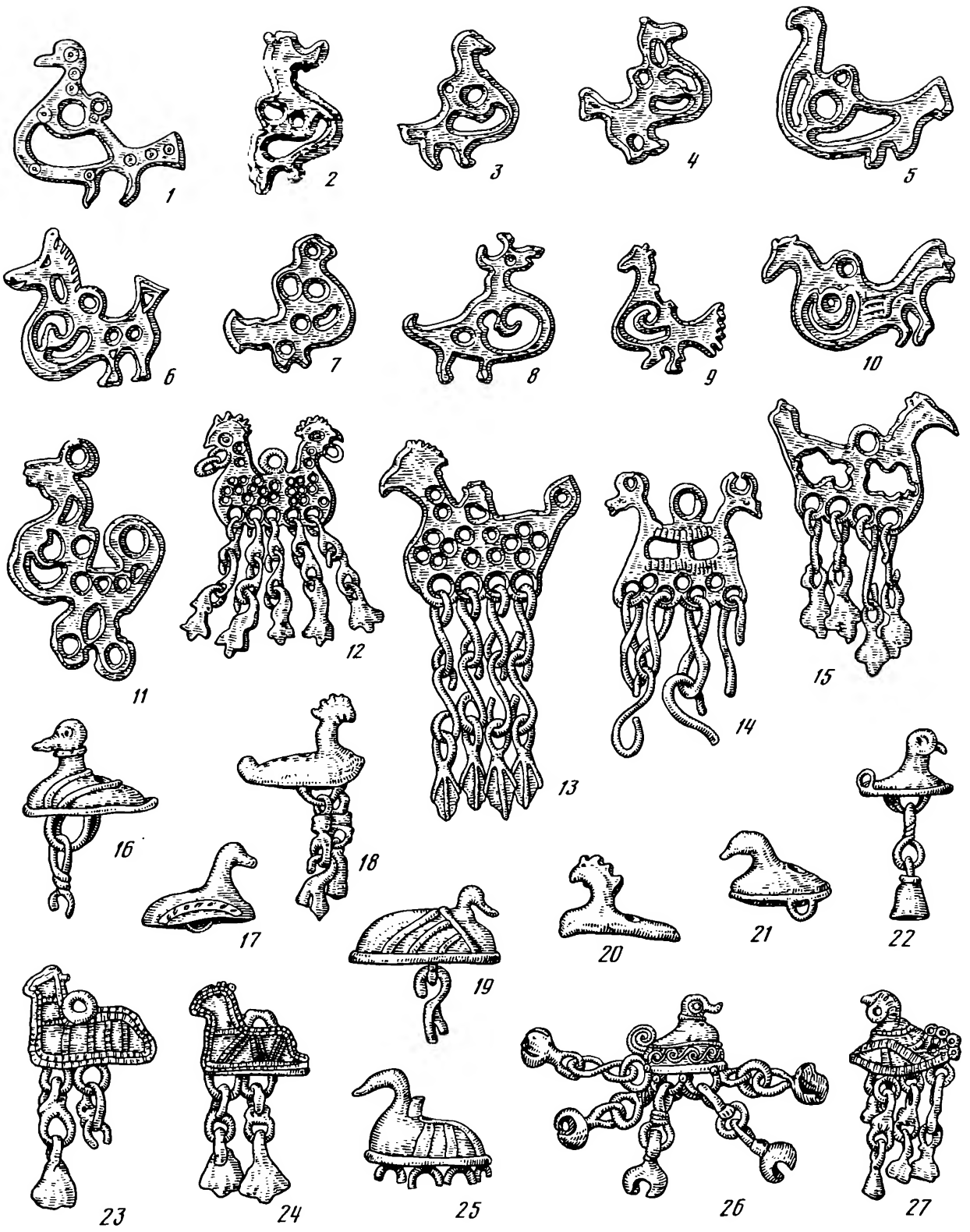


Табл. 95. Подвески-амулеты, изображающие птиц (составлена *Л.А. Голубевой*)

1, 17 – Карлуха; *2* – Большая Брембола; *3* – Алабуга; *4* – Белогуровская; *5* – Кожухово; – Кривец; *7* – Обабково; *8* – Боршево; *9* – Сторожево; *10* – Шангеничи лес; *11* – Ярополч; *12* – Васильевская; *13* – Низовская; *14* – Ягодина; *15* – Леващиха; *16* – пустошь Могильцы; *18* – Челмужки; *19* – Карлуха; *20* – Сторожево; *21* – Митино-Зворыкино; *22, 23* – Костромские курганы; *24* – Мальцево; *25* – Иорданиха; *26* – Погостище; *27* – Кубасово

1–27 – бронза

Табл. 96. Подвески-амулеты с изображениями коня (составлена *Л.А. Голубевой*)

1, 4 – Ивановская область; *2, 8* – Новгород; *3* – Озерово; *5* – Московская область; *6* – Любаново; *7* – Семухинские курганы; *9* – Дыжигаяльский могильник; *10* – Кудринский могильник; *11* – Кубасово; *12* – Бессониха; *13* – б. Тихвинский уезд; *14, 15, 16, 18* – Владимирские курганы; *17* – Сарское городище.
1–18 – бронза

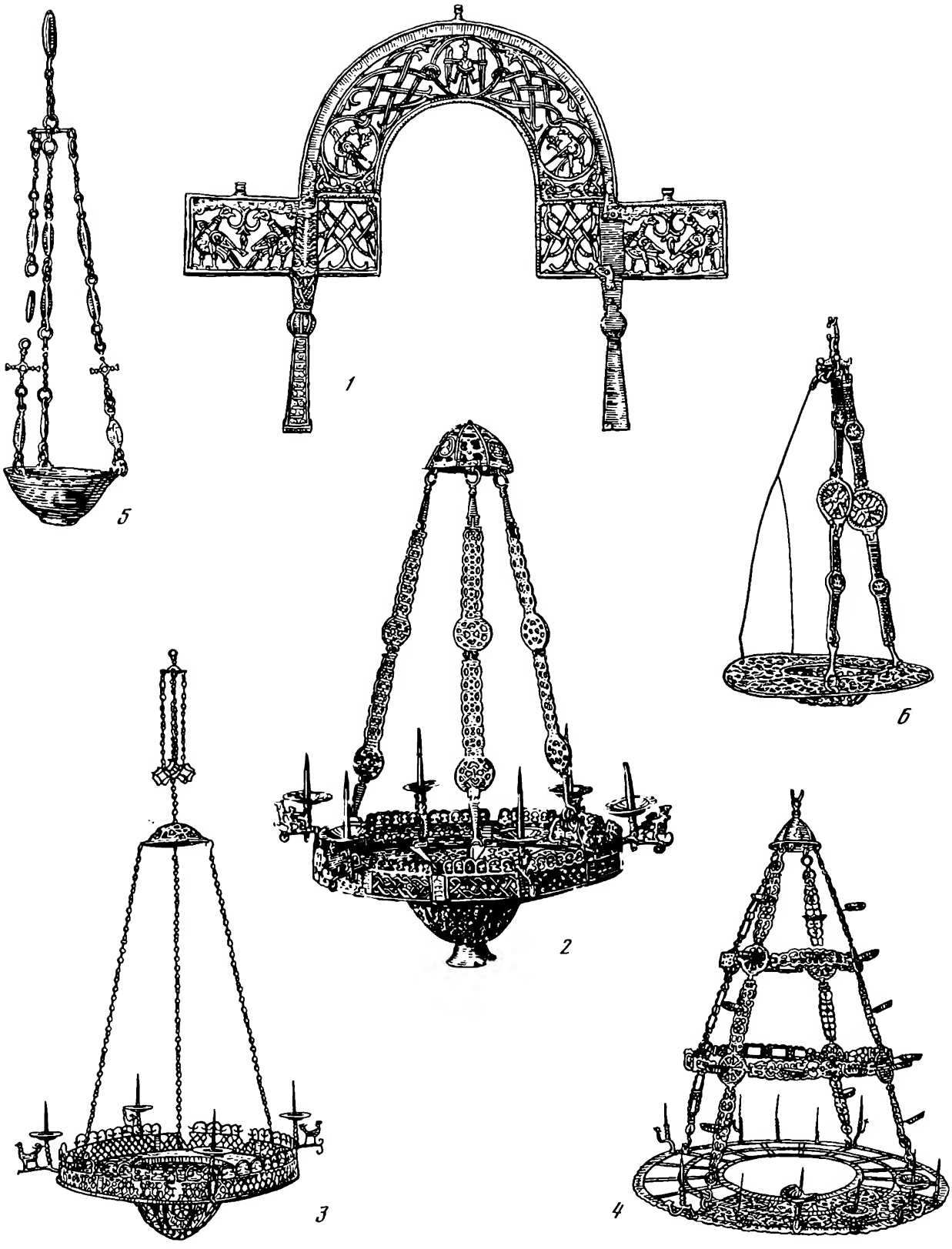
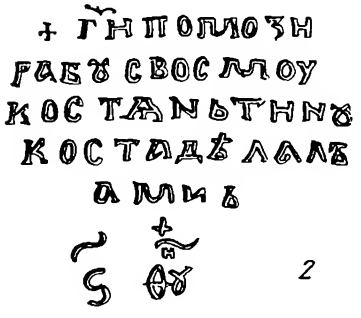


Табл. 97. Церковная утварь (составлена *Т.В. Николаевой*)

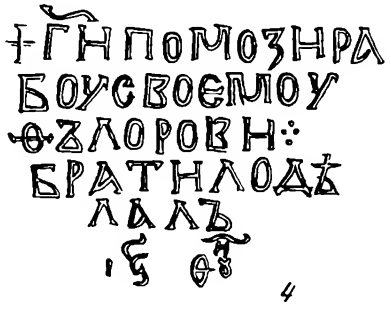
1 – арка от напрестольной сени мастера Константина (Вщиж); *2* – хорос XII – начала XIII в. из Киева; *3* – хорос XII в. из Киева; *4* – хорос из храма-усыпальницы XI в. в Переяславле-Хмельницком; *5* – лампада из Пирова городища (Ярополч Залесский); *6* – хорос первой трети XIII в (ГИМ)

1

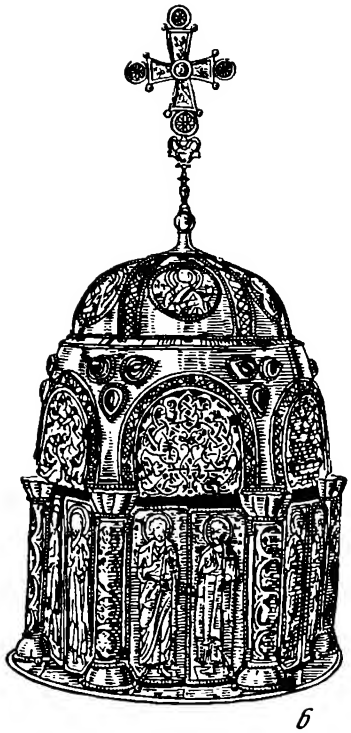


2

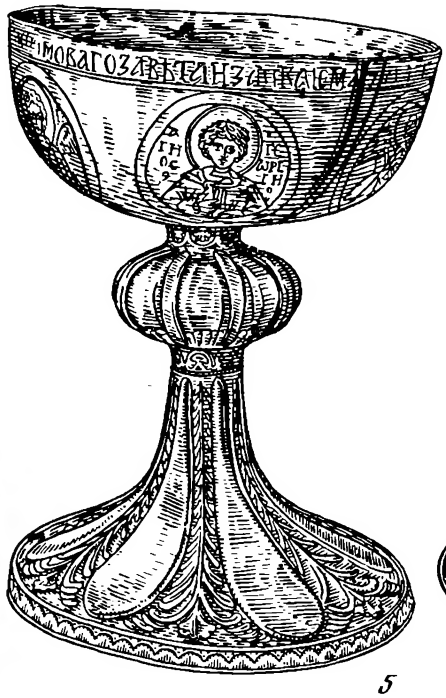
3



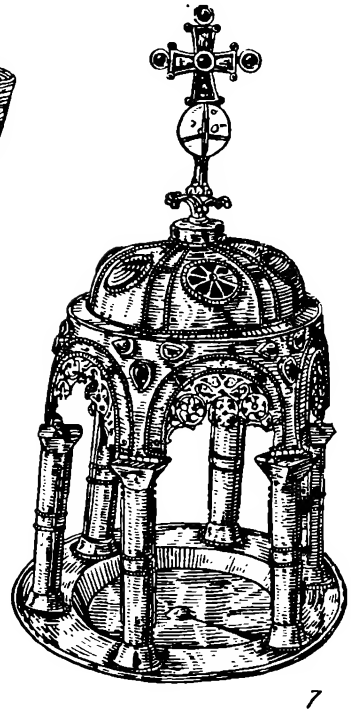
4



6



5



7

Табл. 98. Церковная утварь (составлена *Т.В. Николаевой*)

1 – кратир мастера Константина; *2* – надпись на донце кратира; *3* – кратир мастера Братилы; *4* – надпись на донце кратира; *5* – потир Юрия Долгорукого; *6* – большой сион Софийского собора; *7* – малый сион Софийского собора

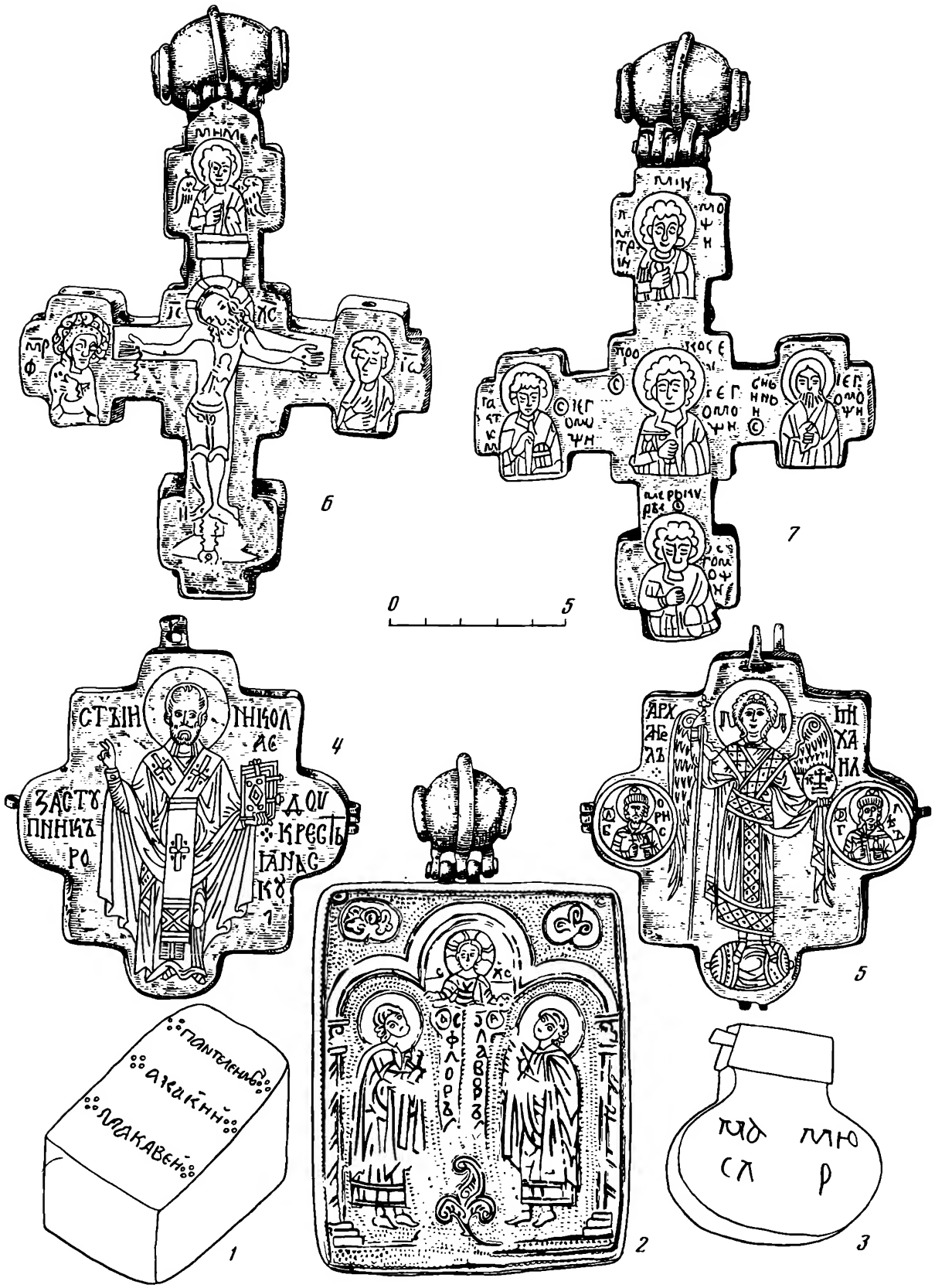


Табл. 99. Мощевики (составлена *Т.В. Николаевой*)

1 – мощевик, найденный в черниговском соборе Спаса-Преображения XI в.; *2* – новгородский мощевик из Благовещенского собора Московского Кремля, XII в.; *3* – сосуд для масла и мира из Новгорода, XIII в.; *4–5* – тверской мощевик середины XIV в. (Оружейная палата); *6, 7* – крест-мощевик из Оружейной палаты

Табл. 100. Панагии (составлена *Т.В. Николаевой*)

1–2 – вид наружной и внутренней створок серебряной панагии Антониева монастыря в Новгороде; *3* – панагия игумена Никона, первая четверть XV в.; *4* – панагия из ризницы Новодевичьего монастыря, вторая половина XV в.

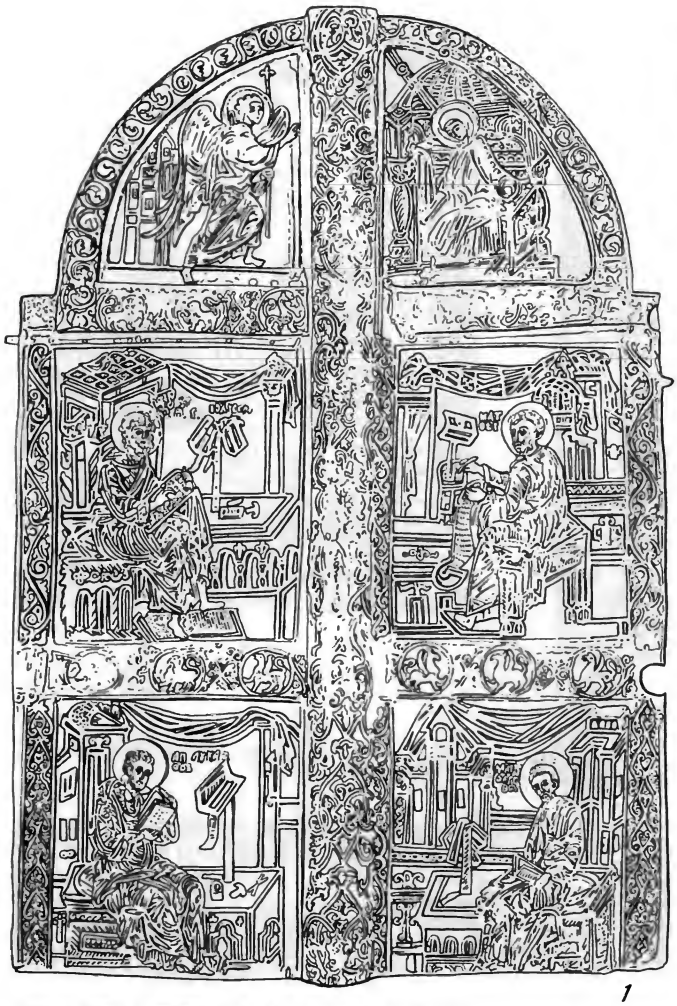


Табл. 101. Врата (составлена *Т.В. Николаевой*)

1 – царские врата из собр. Н.П. Лихачева, XII в.; 2 – Евангелист Марк. Деталь Лихачевских врат; *3–4* – детали нащельника с умбонами южных дверей Рождествеиского собора в Суздале; *5* – грифон. Южные двери Рождественского собора в Суздале

1

2

3

4

Табл. 102. Детали двереи Рождественского собора в Суздале (составлена *Т.В. Николаевой*)

1 – Покров Богоматери, первая треть XIII в.; *2–3* – детали дверей; *4* – львиная маска с ручкой-кольцом на западных дверях

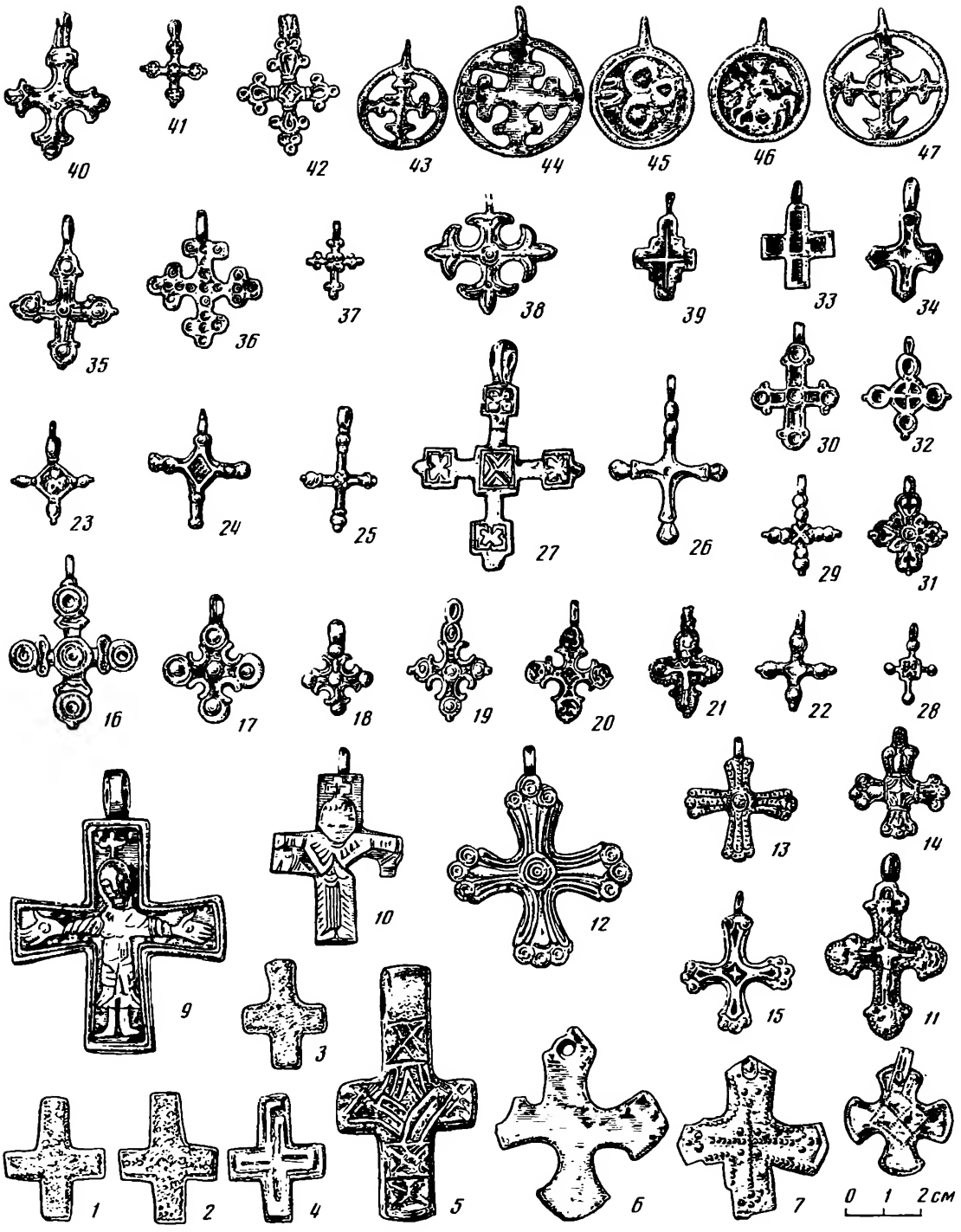


Табл. 103. Кресты и подвески (составлена *Н.Г. Недошивиной*)

1–5 – каменные кресты-"корсунчики"; *6–8* – крестовидные подвески из листового серебра (вторая половина X – начало XI в.); *9–10* – кресты с распятием "северного" типа (конец X – XI в.); *11* – кресты с распятием, трехлопастноконечные (XI начало XIII в.); *12* – кресты "скандинавского" типа, вариант I (XI в.); *13* – кресты "скандинавского" типа, вариант III (конец X – начало XI в.); *14–15* – кресты "скандинавского" типа, вариант II (XI в.); *16* – кресты круглоконечные (XI – начало XII в.); *17–18* – кресты с дугами в средокрестии, круглоконечные (XII в.); *19* – с дугами в средокрестии, круглоконечные, с "ушками" (XI - начало XII в.); *20* – с дугами в средокрестии, овальноконечные (XI – начало XII в.); *21* – с дугами в средокрестии, с распятием (XI – начало XII в.); *22–28* – кресты с утолщенными профилированными концами: *22* – с пухлыми концами (XI–XII в.), *23* – с изображением святого в средокрестии (XI–XII в.), *24* – с ромбическим средокрестием без изображения (XII–XIII в.), *25* – с косым крестом в средокрестии (конец XI – первая половина XIII в.), *26* – с прямыми концами (XI–XIII вв.), *27–28* – с квадратным средокрестием (XII–XIII вв.); *29* – с многочастными профилированными концами (XI–XII вв.); *30–34* – кресты с выемчатой эмалью (конец XI – XII в.): *30* – трехлопастноконечные, *31* – овальноконечные, *32* – круглоконечные, *33* – прямоугольноконечные, *34* – с концами подтреугольной формы; *35* – кресты трехлопастноконечные (конец XI – начало XII в.); *36* – кресты с перекладчатыми концами и кружковым орнаментом (XII–XIII вв.); *37* – кресты с ложной зернью (XII–XIII вв.); *38* – криноконечные крупноформатные; *39* – с прямоугольными концами и выступами в средокрестии (XII XIII вв.); *40* – криноконечные малоформатные (XII–XIV вв.); *41* – с круглыми уплощенными концами (XII–XIII вв.); *42* – ажурные; *43, 44, 47* – подвески круглые прорезные с крестами (XII–XIII вв.); *45* – подвеска с рельефным изображением Богоматери с младенцем (XII–XIII вв.); *46* – подвеска с рельефным изображением св. Георгия (XII–XIII вв.)

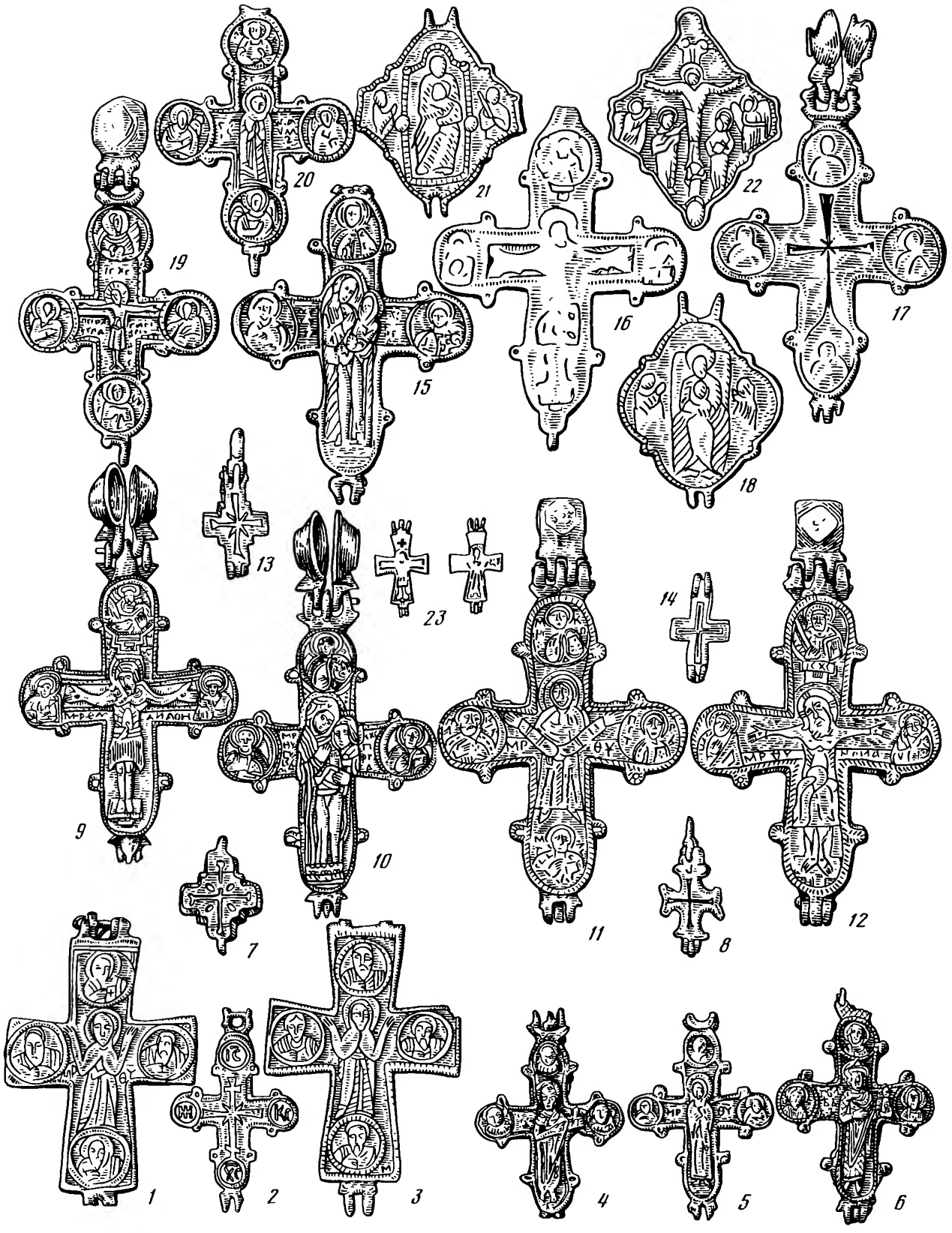


Табл. 104. Кресты-энколпионы (составлена *Т.В. Николаевой*)

1 – Княжая гора; *2* – место находки неизвестно; *3* – Сахновка; *4, 6* – место находки неизвестно; *5* – Канев; *7* – Каневский у.; *8* – Княжая гора; *9–10* – Пекари; *11–12* – Киев; *13–14* – место находки неизвестно; *15* – Херсонес; *16* – место находки неизвестно; *17* – Киев; *18* – Лебедин; *19–20* – Княжая гора; *21–22* – место находки неизвестно; *23* – Романово

Табл. 105. Нагрудные каменные иконки (составлена *Т.В. Николаевой*)

1, 3 – л.с.: Богоматерь Умиление, о.с.: архидиакон Стефан, или Лаврентий с надписью "Никола". Киев, конец XII – начало XIII в.; *2* – Распятие. Южнорусская группа. Княжая гора, начало XIII в.; *4* – Борис и Глеб. Севернорусская группа. Новгород, конец XII – начало XIII в.; *5* – архангел Михаил. Севернорусская группа. Новгород, XII в.; *6* – гроб Господен. Севернорусская группа. Новгород, XIII в.; *7* – св. Тимофей, XIII в.; *8, 9* – л.с.: Распятие, о.с.: св. Стефан, Никола, Стефан Исповедник (?). Москва, XIV в.

Табл. 106. Змеевики (составлена *Т.В. Николаевой*)

1–2 – ГИМ, л.с.: архангел Михаил, о.с.: голова медузы Горгоны со змеями и именами Евдокии и Андрея. XIV в. ГИМ № 378; *3–4* – л.с.: Богоматерь Умиление, о.с.: голова медузы Горгоны со змеями. XIV в. Бывшее собрание Д.И. Прозоровского; *5* – л.с.: Богоматерь Донская, о.с.: голова медузы Горгоны со змеями; *6–7* – Новгород, л.с.: Богоматерь Знамение, о.с., голова медузы Горгоны; *8* – Новгород, л.с.: архангел Михаил, о.с.: голова медузы Горгоны со змеями; *9–10* - Новгород, л.с. Распятие, о.с.: поясное изображение человеческой фигуры с воздетыми руками и двенадцатью змеями; *11–12* – бывшее собрание Д.И. Прозоровского, л.с.: Богоматерь с Христом, о.с.: голова медузы Горгоны со змеями; *13–14* – л.с.: Никита, избивающий беса, о.с.: голова медузы Горгоны со змеями

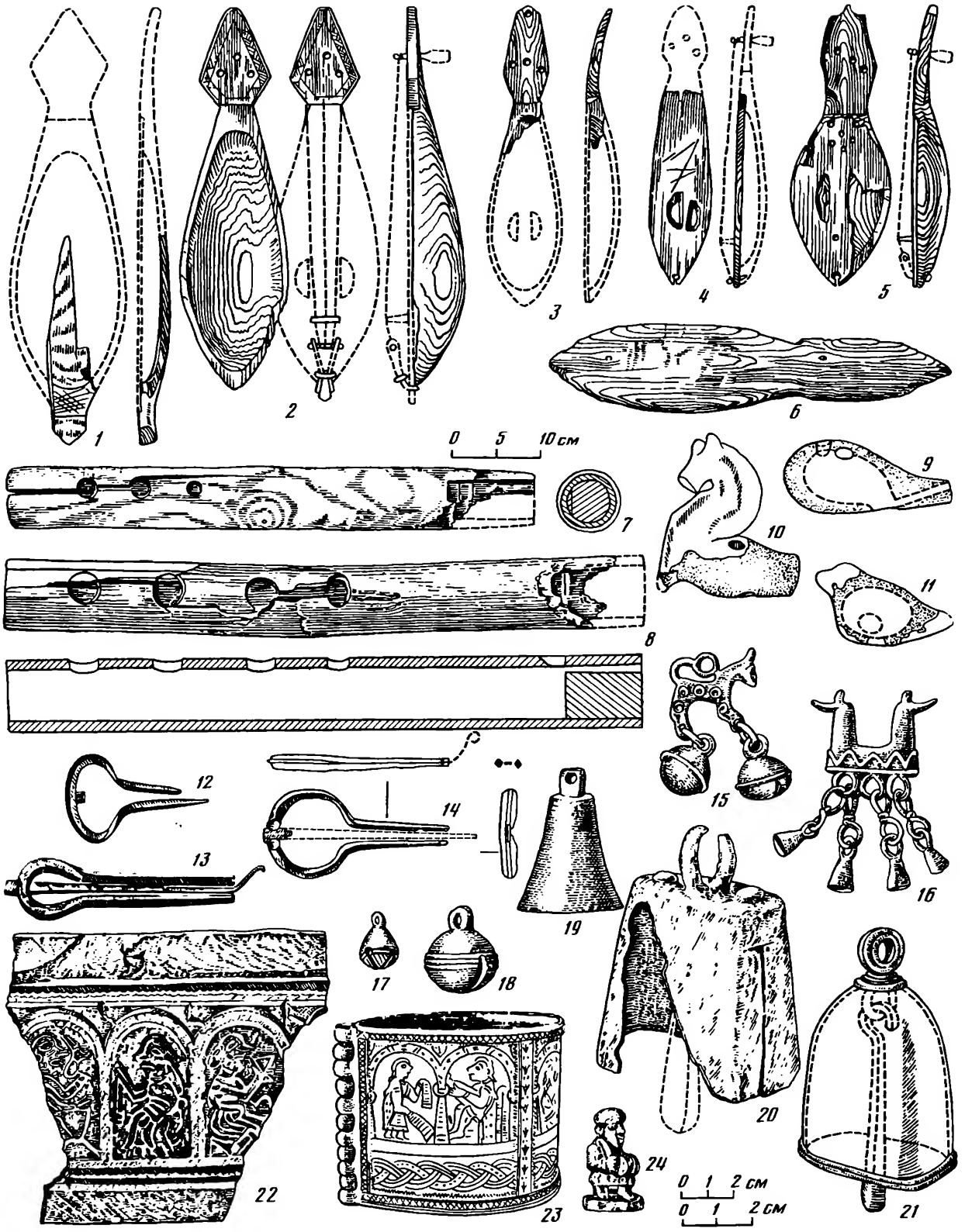


Табл. 107. Музыкальные инструменты и их изображения на предметах прикладного искусства. Струнные, смычковые, духовые, мембранные (ударные), самозвучащие (составлена *В.И. Поветкиным*)

1–11, 13–14, 16–21 – Новгород (*1–2, 5–7, 9–11, 14, 16–17* – Неревский раскоп, *13* – Кировский, *18–21* – Троицкий); *12* – Екимауцы; *15* – Савиновщина; *22* – Серенск; *23* – ГИМ, место находки неизвестно; *24* – Волковыск

1–8 – дерево, *9–11* – глина, *12–14, 20* – железо, *15–19, 21, 23* – цветной металл, *22* – камень, *24* – кость

1 – середина XI в., *2* – вторая половина XII в., *3* – рубеж XII–XIII вв., *4* – середина XIV в., *5* – первая половина XIV в., *6* – начало XIV в., *7* – рубеж XIV–XV вв., *8* – конец XI в., *9* – первая половина XIV в., *10* – середина XV в., *11* – середина XIV в., *12* – IX–X вв., *13* – вторая половина XIV в.; *14* – середина XV в., *15* – XIII в., *16* – первая половина XIII в., *17* – XI в., *18* – XII в., *19* – конец XI в., *20* – XV в., *21* – середина XII в., *22* – вторая половина XII в. – первая треть XIII в., *23–24* – XII в.

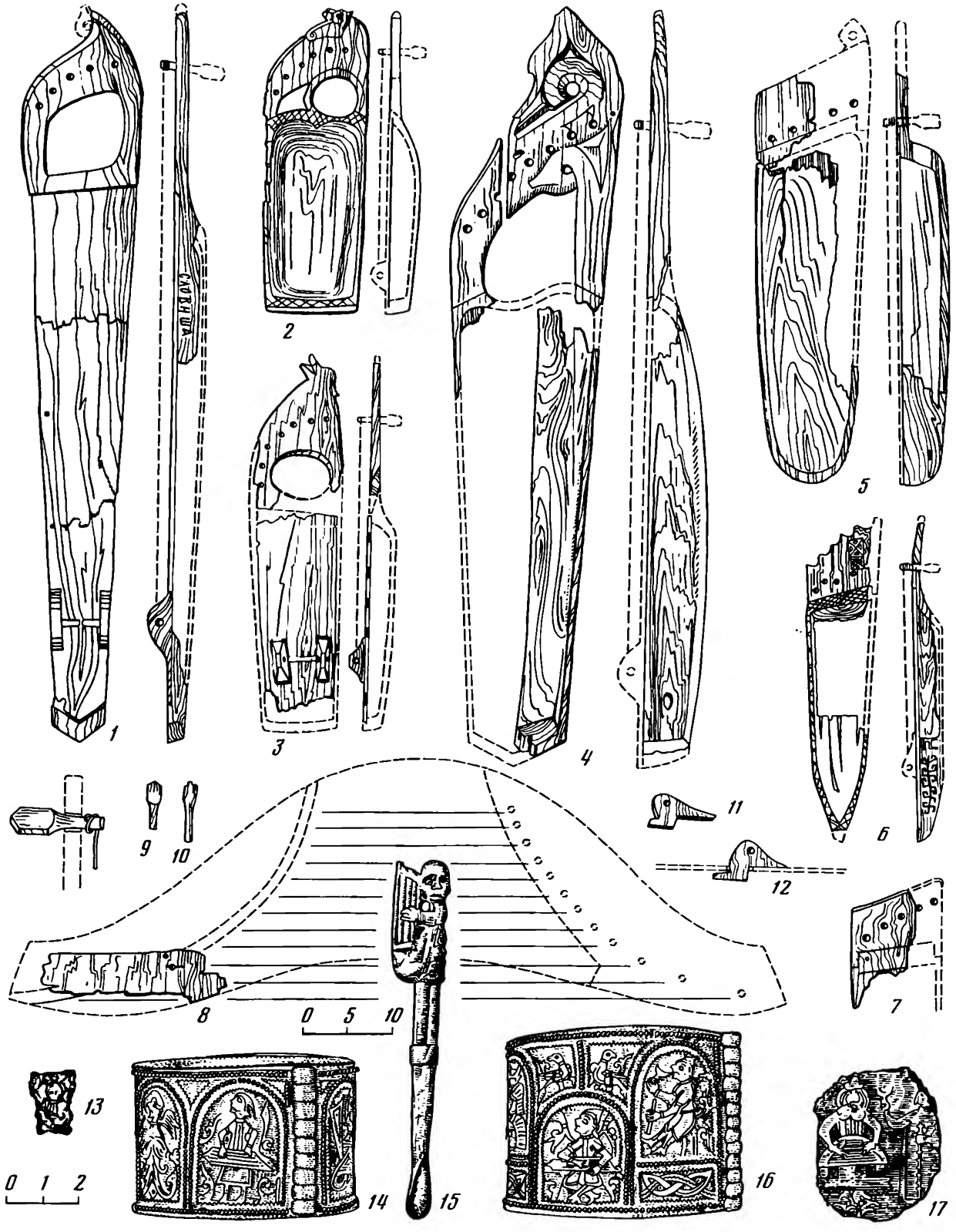


Табл. 108. Музыкальные инструменты и их изображение на предметах прикладного искусства. Струнные щипковые (составлена *В.И. Поветкиным*)

1–13, 17 – Новгород (*1, 3* – Троицкий раскоп, *2* – Тихвинский, *4–8, 11, 17* – Неревский, *9* – Нутный, *10* – Готский, *12* – Кировский, *13* – случайная находка; *14* – Киев; *15* – Новогрудок; *16* – Старая Рязань

1–12 – дерево, *13–14, 16* – цветной металл, *15* – кость, *17* – глина

1 – середина XI в.; *2* – первая половина XII в.; *3* – начало XIII в.; *4* – первая половина XIII в.; *5* – вторая половина XIV в.; *6–9* – конец XIV в.; *10* – первая половина XIV в.; *11* – рубеж XIV–XV вв.; *12* – середина XV вв.; *13* – XIV в. (?); *14* – XII в.; *15* – первая половина XII в.; *16* – конец XII в. – первая треть XIII в.; *17* – XV в.

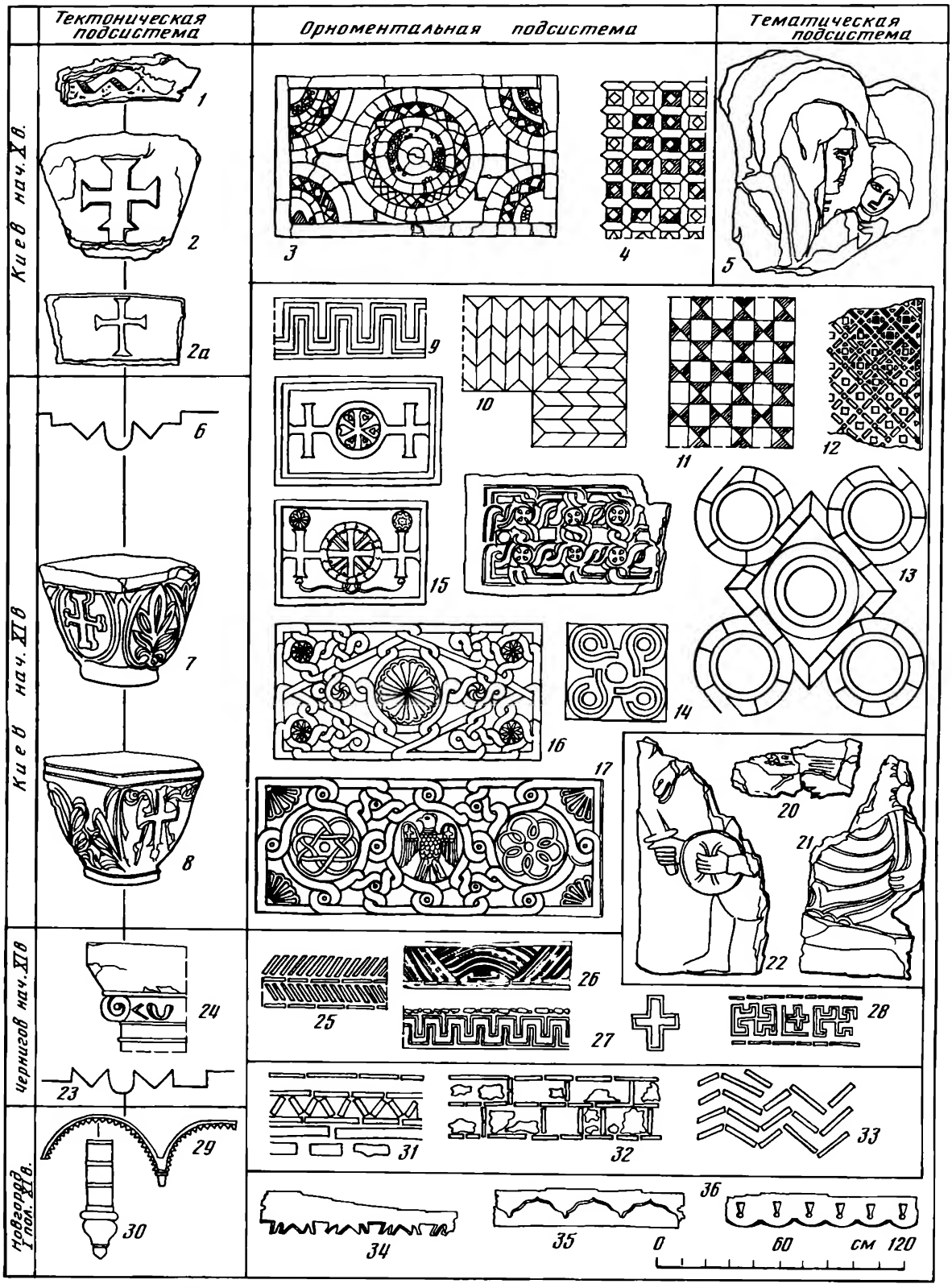


Табл. 109. Архитектурный декор X – первой половины XI в. (составлена *Г.К. Вагнером*)

Киев. Десятинная церковь: *1* – фрагмент закомарного карниза; *2* – капитель; *3* – мозаичный пол, центральная часть; *4* – мозаичный пол, бордюр; *5* – Богоматерь Одигитрия, фасадный рельеф

Киев. Софийский собор: *6* – пучковая пилястра, разрез; *7, 8* – капители; *9* – меандровый пояс центрального барабана; *10, 11* – мозаичный пол, бордюры центральной части; *12* – мозаичный пол, бордюр боковой части; *13* – графья под мозаичный пол боковой части; *14–18* – резные плиты парапетов хоров; *19* – мозаичная спинка епископского трона; *20* – птица, рельеф алтарной преграды

Церковь Ирины: *21, 22* – борьба человека со зверем, фрагменты фасадной резьбы

Чернигов. Спасо-Преображенский собор: *23* – пучковая пилястра, разрез; *24* – капитель интерьера; *25, 26* – орнаментальные выкладки фасадов; *27* – меандровый пояс центрального барабана; *28* – псевдоменандровый пояс башни

Новгород. Софийский собор: *29* – карниз закомары; *30* – полуколонка апсиды; *31, 33* – узорные выкладки фасадов; *32* – квадровая роспись штукатурки; *34–36* – причелины деревянных построек

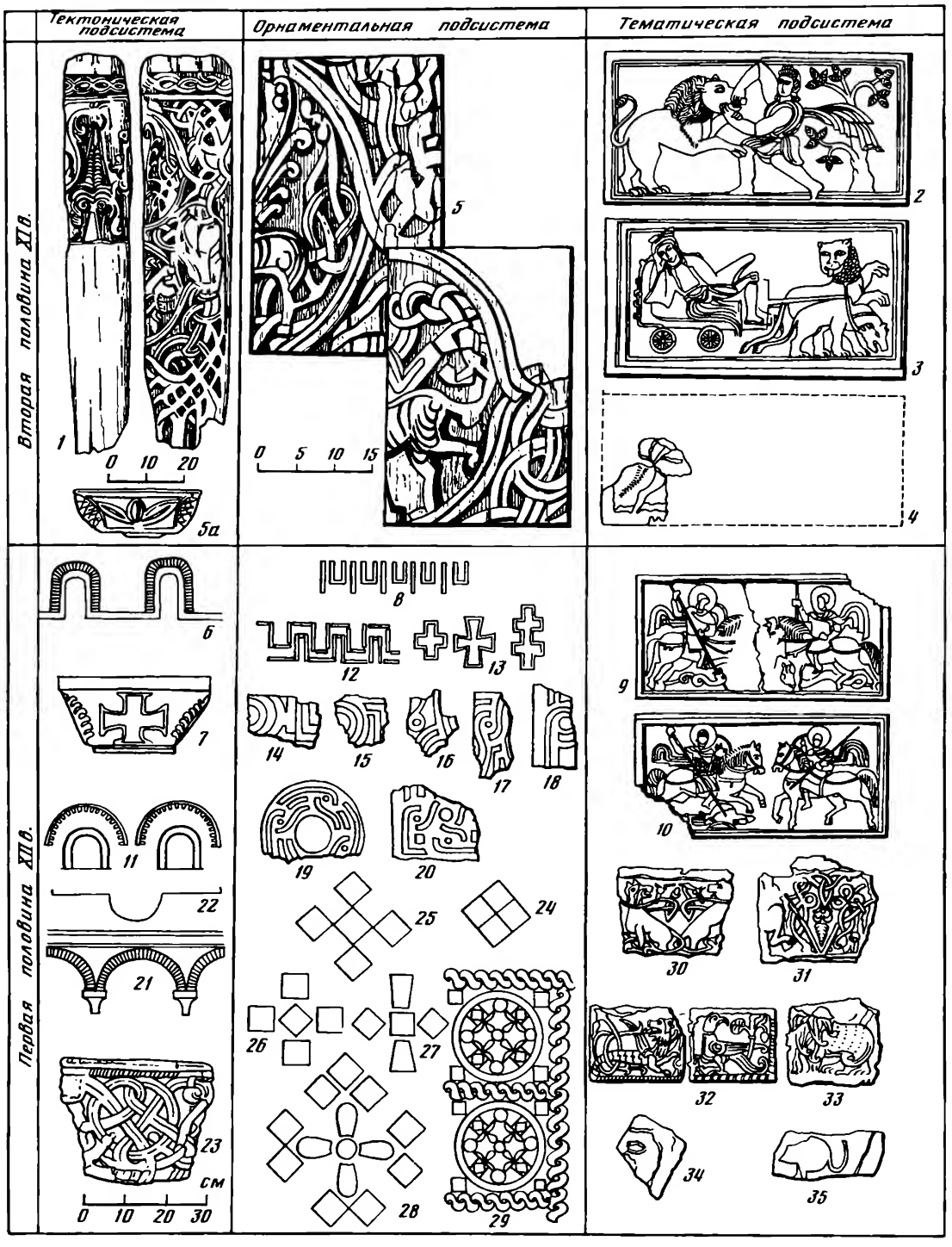


Табл. 110. Архитектурный декор второй половины XI – начала XII в. (составлена *Г.К. Вагнером*)

Новгород: *1*, *5* – фрагмент резной дубовой колонны

Киев. Успенский собор Киево-Печерской лавры: *2* – резная шиферная плита с изображением Геракла; *3* – резная шиферная плита с изображением Диониса; *4* – фрагмент резной плиты с изображением змееборца

Переяславль Южный: *5а* – мраморная капитель епископского дворца (?)

Киев. Собор Михайловского монастыря: *6* – фасадные ниши; *7* – мраморная капитель; *8* – меандровый пояс; *9* – резная шиферная плита с изображением Георгия и Федора Стратилата; *10* – резная шиферная плита с изображением Нестора и Дмитрия

Новгород. Георгиевский собор: *11* – аркатурный карниз и ниши центральной главы

Киев. Церковь Спаса на Берестове: *12*, *13* – меандровый карниз с крестами; шиферные плиты с мозаической инкрустацией; *14* – Успенский собор Киево-Печерской лавры

15, *17*, *18*, *20* – София Новгородская

16 – Спасский собор в Чернигове

19 – Храм в Переяславле Южном

Чернигов. Успенская церковь Елецкого монастыря: *21* – аркатурный пояс-карниз; *22* – фасадная лопатка с полуколонной, разрез: *23* – капитель

Гродно. Коложская церковь: *24–28* – фигурные выкладки из майоликовых плиток; *29* – майоликовый пол

Чернигов. Борисоглебский собор: *30–33* – капители

Киев. Церковь Федоровского монастыря: *34*, *35* – фрагменты резных шиферных плит с сюжетными изображениями

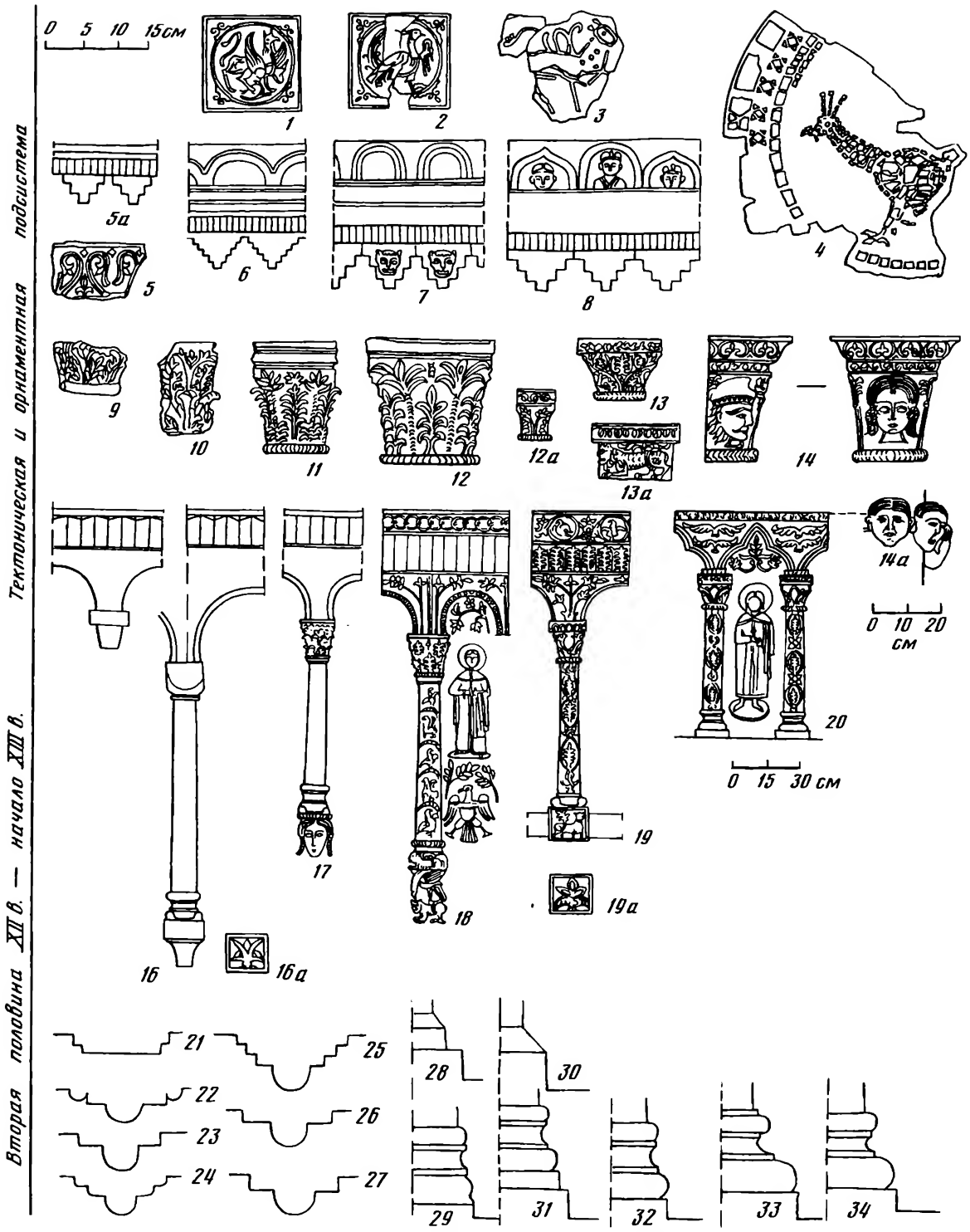


Табл. 111. Архитектурный декор второй половины XII – начала XIII в. Тектоническая и орнаментальная подсистемы (составлена *Г.К. Вагнером*)

Майоликовые и мозаические полы: *1, 2* – Галич. Церковь Спаса; *3* – Боголюбово. Церковь Рождества Богоматери; *4* – Чернигов. Церковь Благовещения

Карнизы: *5* – Старая Рязань; *5а* – Переяславль Залесский. Спасо-Преображенский собор; *6, 7* – Владимир. Успенский и Дмитриевский соборы; *8* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор

Капители: *9* – Боголюбово. Церковь Рождества Богоматери; *10* – Владимир. Успенский собор; *11* – Боголюбово. Церковь Покрова на Нерли; *12* – Владимир. Дмитриевский собор; *12а* – Нижний Новгород. Спасский собор; *13, 13а* – Суздаль. Собор Рождества Богоматери; *14, 14а* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор

Аркатурные фризы: *15* – Кидекша. Церковь Бориса и Глеба; *16* – Владимир. Успенский собор; *16а* – Старая Рязань. Борисоглебский собор; *17* – Боголюбово. Церковь Покрова на Нерли; *18* – Владимир. Дмитриевский собор; *19* – Суздаль. Собор Рождества Богоматери; *19а* – Нижний Новгород. Спасский собор; *20* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор

Фасадные лопатки (разрезы): *21* – Переславль Залесский. Спас-Преображенский собор; *22* – Боголюбово. Церковь Рождества Богоматери; *23* – Владимир. Успенский собор; *24* – Овруч. Васильевская церковь; *25* – Смоленск. Церковь на Рачевке; *26* – Суздаль. Собор Рождества Богоматери; *27* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор

Цоколи (разрезы): *28* – Владимир. Церковь Георгия; *29* – Боголюбово. Церковь Рождества Богоматери; *30* – Владимир. Успенский собор; *31* – Боголюбово. Церковь Покрова на Нерли; *32* – Владимир. Дмитриевский собор; *33* – Суздаль. Собор Рождества Богоматери; *34* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор

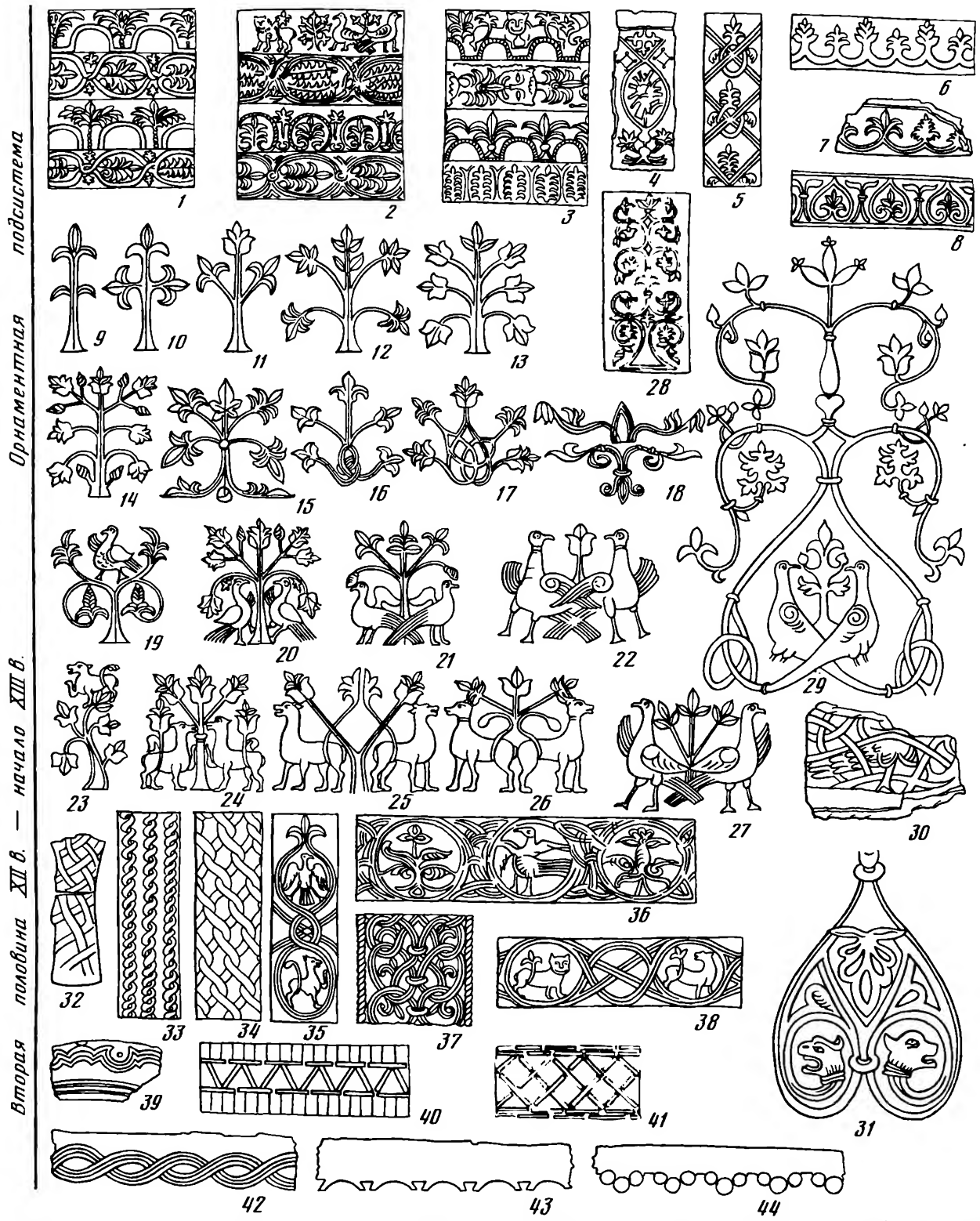


Табл. 112. Архитектурный декор второй половины XII – начала XIII в. Орнаментальная подсистема (продолжение). Составлена *Г.К. Вагнером*

Бордюрный растительный орнамент: *1* – Боголюбово. Церковь Покрова на Нерли. Архивольт портала; *2, 3* – Владимир. Дмитриевский собор

Архивольты порталов: *4* – Старая Рязань. Обрамление портала; *5* – Владимир. Собор Рождества Богоматери. Архивольт портала; *6* – Владимир. Собор Рождества Богоматери

Водосток: *7* – Владимир. Дмитриевский собор; *8* – Суздаль. Собор Рождества Богоматери

"Карниз" южного притвора. Древовидный орнамент: *9–17* – Владимир. Дмитриевский собор; *18, 28* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор; орнамент с орнитологическими мотивами: *19–22, 27* – Владимир. Дмитриевский собор; *29* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор; орнамент с зооморфными мотивами: *23–26* – Владимир. Дмитриевский собор

Ленточная плетенка: *32* – Чернигов. Церковь Благовещения; *33, 34* – Владимир. Дмитриевский собор; *37* – Ростов Ярославский. Успенский собор; плетенка с зооморфным мотивом: *30* – Чернигов. Церковь Благовещения; *31* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор; *35, 38* – Владимир. Дмитриевский собор; *36* – Суздаль. Собор Рождества Богоматери

Геометрический орнамент: *39* – Старая Рязань; *40, 41* – Чернигов. Пятницкая церковь

Деревянная резьба: *42–44* – Новгород

Табл. 113. Архитектурный декор второй половины XII – начала XIII в. Тематическая подсистема. Исторический уровень (составлена *Г.К. Вагнером*)

1 – Боголюбово. Церковь Покрова на Нерли. Давид; *2* – Владимир. Дмитриевский собор. Давид; *3* – Владимир. Дмитриевский собор. Соломон; *4* – Владимир. Дмитриевский собор. Давид; *5* – Владимир. Дмитриевский собор. Соломон; *6* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор. Давид; *7* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор. Соломон; *8* – Владимир. Дмитриевский собор. Вознесение Александра Македонского; *9, 12* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор. Георгий Каппадокийский; *10* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор. Федор Тирон; *11* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор. Дмитрий Солунский; *13* – Владимир. Дмитриевский собор. Георгий Каппадокийский; *14* – Владимир. Дмитриевский собор. Князь Борис; *15* – Владимир. Дмитриевский собор. Князь Глеб; *16* – Владимир. Дмитриевский собор. Князь Борис; *17* – Владимир. Дмитриевский собор. Князь Глеб; *18* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор. Князь Борис; *19* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор. Князь Глеб; *20* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор. Князь Борис; *21* – Владимир. Дмитриевский собор. Князь Всеволод III с сыном Владимиром; *22* – Владимир. Дмитриевский собор. Сыновья князя Всеволода III Ярослав и Святослав; *23* – Владимир. Дмитриевский собор. Сыновья князя Всеволода III Константин и Георгий; *24* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор.Князь Святослав Всеволодович; *25, 26* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор. Княжеские дружинники; *27* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор. Княжеские дружинники

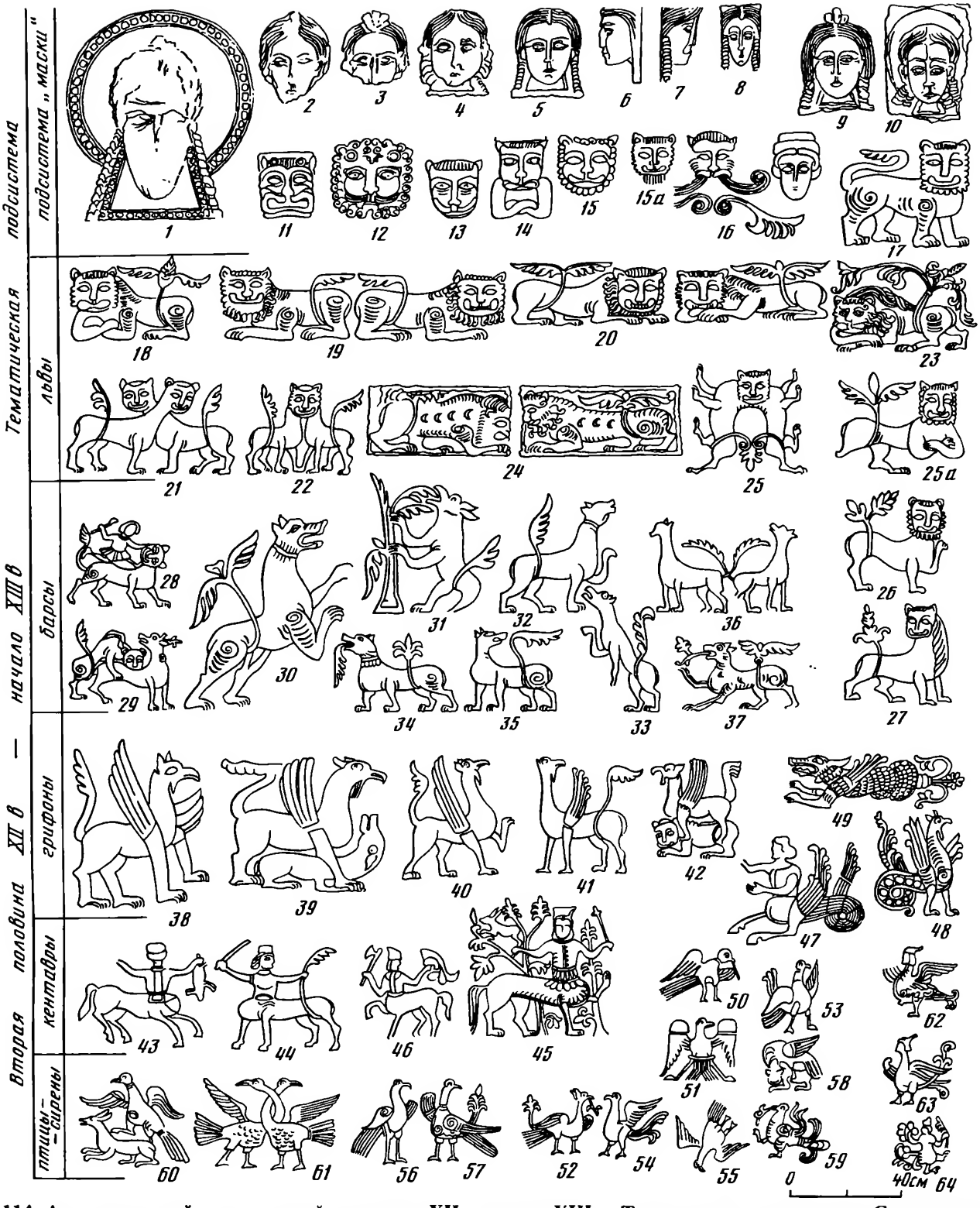


Табл. 114. Архитектурный декор второй половины XII – начала XIII в. Тематическая подсистема. Символический уровень (составлена *Г.К. Вагнером*)

Женские лики: *1* – Боголюбово. "Богородичный столп"; *2, 3* – Боголюбово. Церковь Рождества Богоматери; *4* – Владимир. Успенский собор; *8* – Владимир. Дмитриевский собор; *9* – Суздаль. Собор Рождества Богоматери; *10* – Юрьев-Польской Георгиевский собор

Львиные маски: *11* – Боголюбово. Церковь Рождества Богоматери; *12, 13* – Владимир. Успенский собор; *14, 15* – Владимир. Дмитриевский собор; *15а* – Ростов Ярославский. Успенский собор; *16* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор

Львы: *17–19* – Боголюбово. Церковь Покрова на Нерли; *20–23* – Владимир. Дмитриевский собор; *23* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор; *24* – Суздаль. Собор Рождества Богоматери; *25–30* – Владимир. Дмитриевский собор

Барсы: *31* – Боголюбово. Церковь Покрова на Нерли; *32–37* – Владимир. Дмитриевский собор; *38* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор

Грифоны: *39, 40* – Боголюбово. Церковь Покрова на Нерли; *41–43* – Владимир. Дмитриевский собор

Кентавры: *44, 45* – Владимир. Дмитриевский собор; *46, 47* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор

Коне-змей: *48* – Владимир. Дмитриевский собор

Драконы: *49, 50* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор

Птицы: *51* – Боголюбово. Церковь Покрова на Нерли; *52–62* – Владимир. Дмитриевский собор; *60* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор

Сирины: *63–65* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор

Табл. 115. Архитектурный декор второй половины XII – начала XIII в. Тематическая подсистема. Мистический уровень (составлена *Г.К. Вагнером*)

Христос: *1* – Владимир. Успенский собор; *2* – Владимир. Дмитриевский собор; *3–7, 9* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор; Спас-Нерукотворный; *8, 10* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор; Спас Эммануил; *11* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор; *12* – Владимир. Дмитриевский собор

Богоматерь: *13, 14* – Владимир. Дмитриевский собор; *15–20* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор

Ангелы: *21–28, 35* – Юрьев-Польской; *29, 30, 33, 34* – Владимир. Дмитриевский собор; *31, 32* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор

Херувимы: *36* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор

Серафимы: *37* – Юрьев-Польской. Георгиевский собор

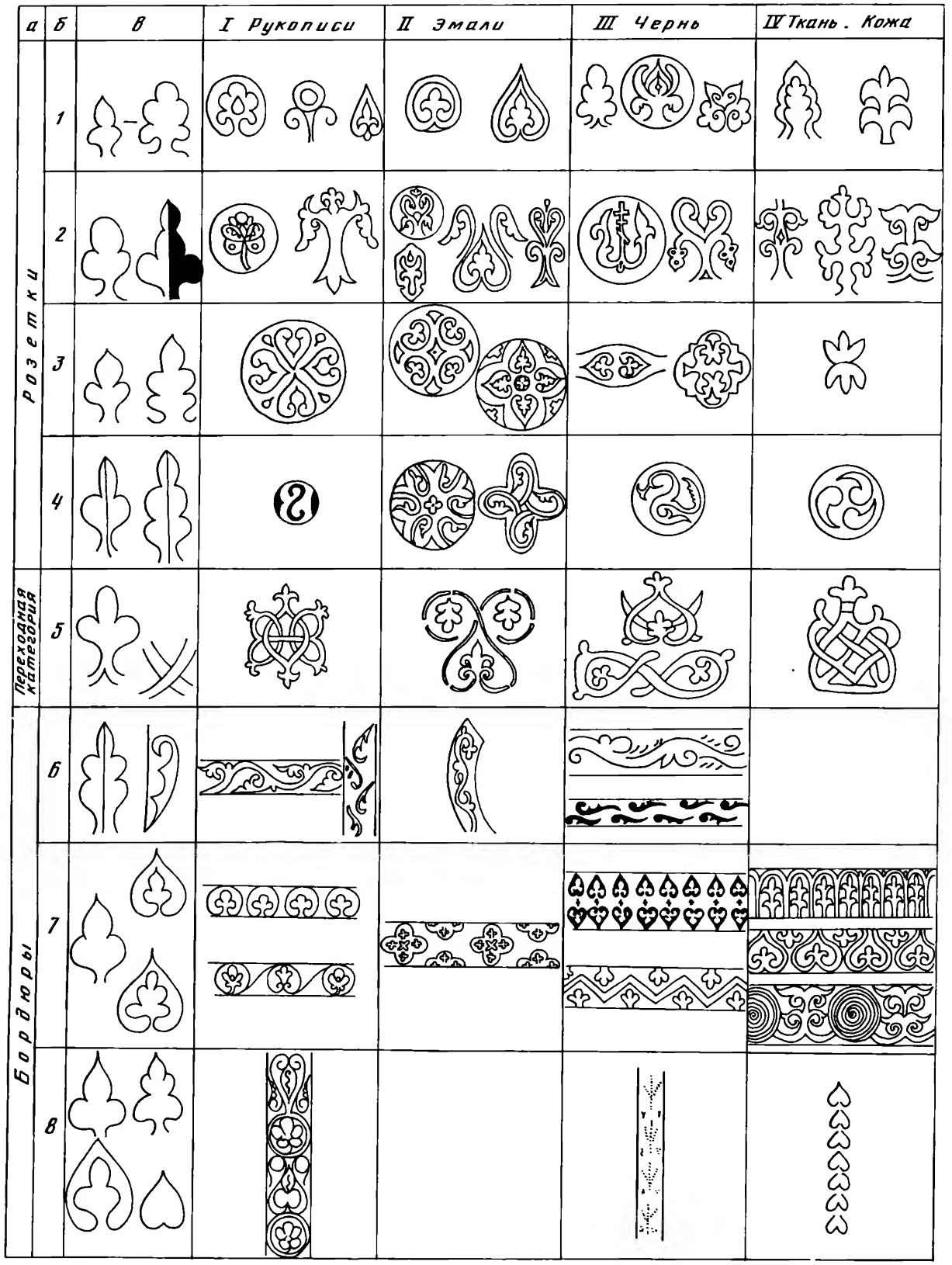


Табл. 116. Растительный орнамент Древней Руси в рукописях, на изделиях с перегородчатой эмалью, чернью, на тканях и коже (составлена *Т.И. Макаровой*)

а – категория орнамента; **б** – тип композиции; **в** – основной элемент, лежащий в основе композиций. *I–VIII* – примеры орнаментальных композиций в прикладном и монументальном искусстве: *I* – в рукописях; *II* – на ювелирных изделиях с перегородчатыми эмалями; *III* – на ювелирных изделиях с чернью; *IV* – на тканях; *V* – в дереве, *VI* – на фресках; *VII* – в мозаике; *VIII* – в резьбе по камню

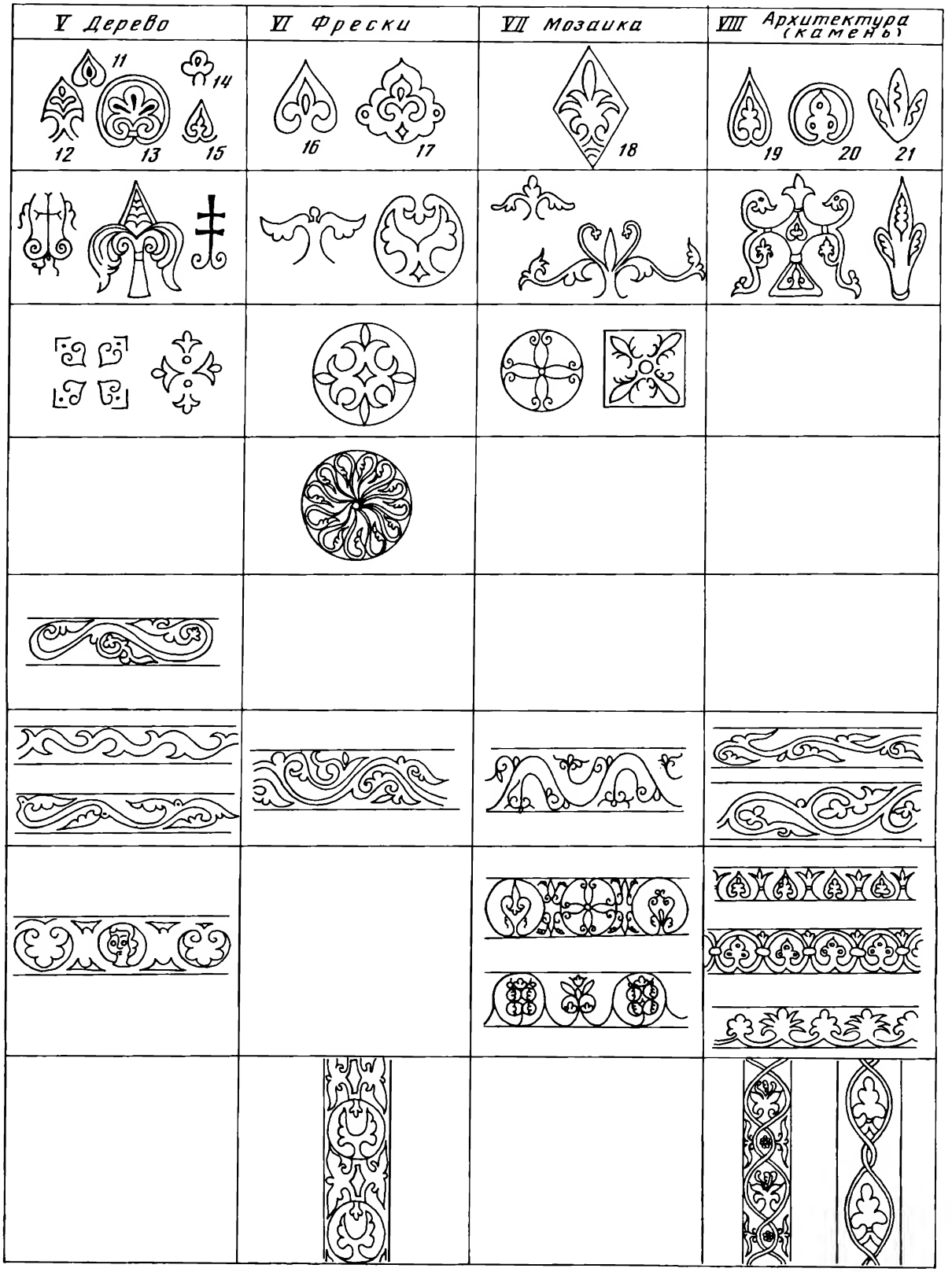


Табл. 117. Растительный орнамент Древней Руси в резьбе по дереву, на фресках, мозаиках и в архитектуре (продолжение). Составлена *Т.И. Макаровой*

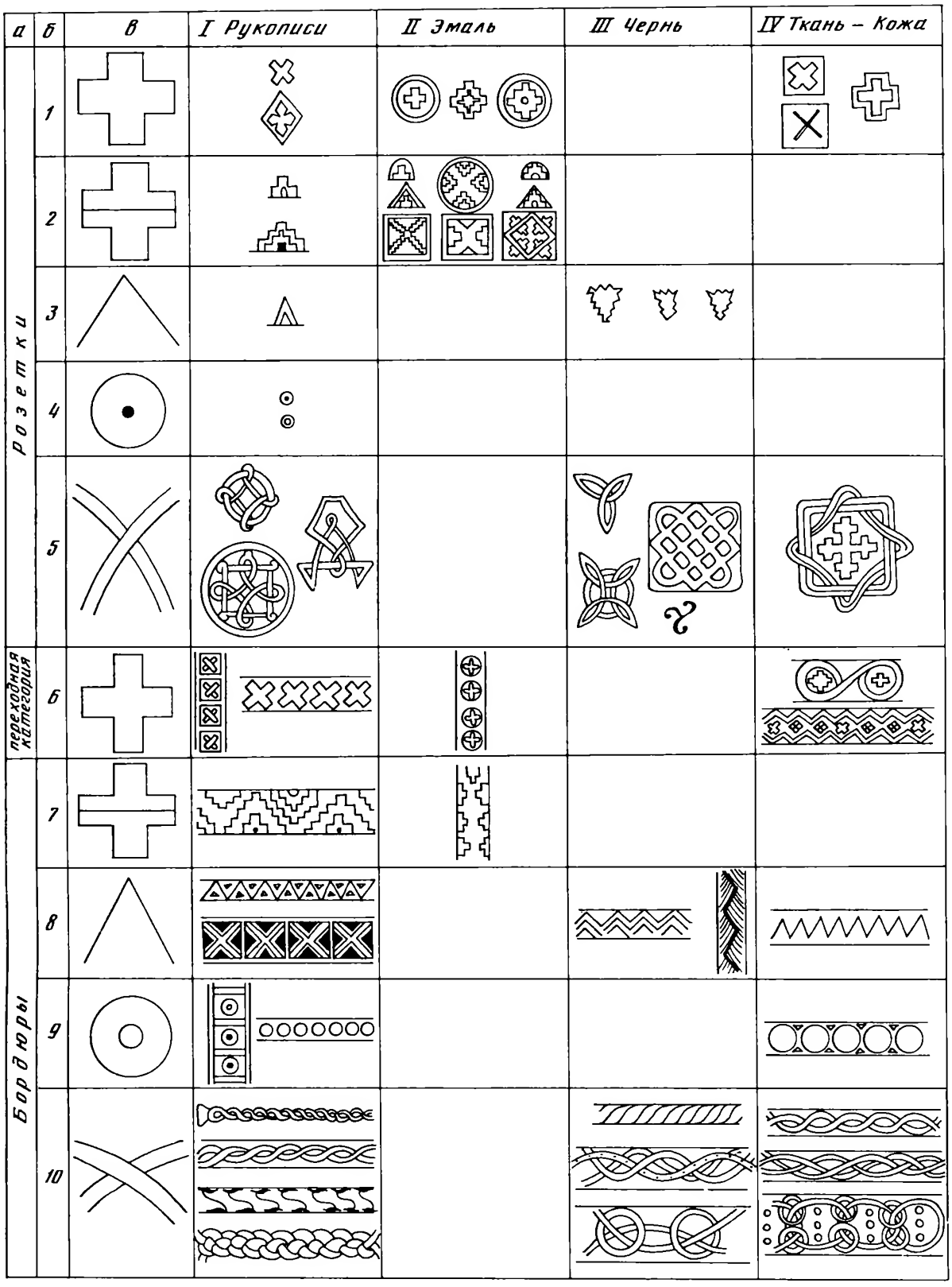


Табл. 118. Геометрический орнамент Древней Руси в рукописях, на изделиях с перегородчатой эмалью, чернью, на тканях и коже (составлена *Т.И. Макаровой*)

а – категория орнамента; **б** – тип композиции; **в** – основной элемент, лежащий в основе композиции. *I–IX* – примеры композиций геометрического орнамента в прикладном и монументальном искусстве: *I* – в рукописях; *II* – на ювелирных изделиях с перегородчатыми эмалями; *III* – на ювелирных изделиях с чернью; *IV* – на тканях и коже; *V* – на изделиях из кости; *VI* – на изделиях из дерева; *VII* – на фресках; *VIII* – в мозаике; *IX* – в резьбе по камню

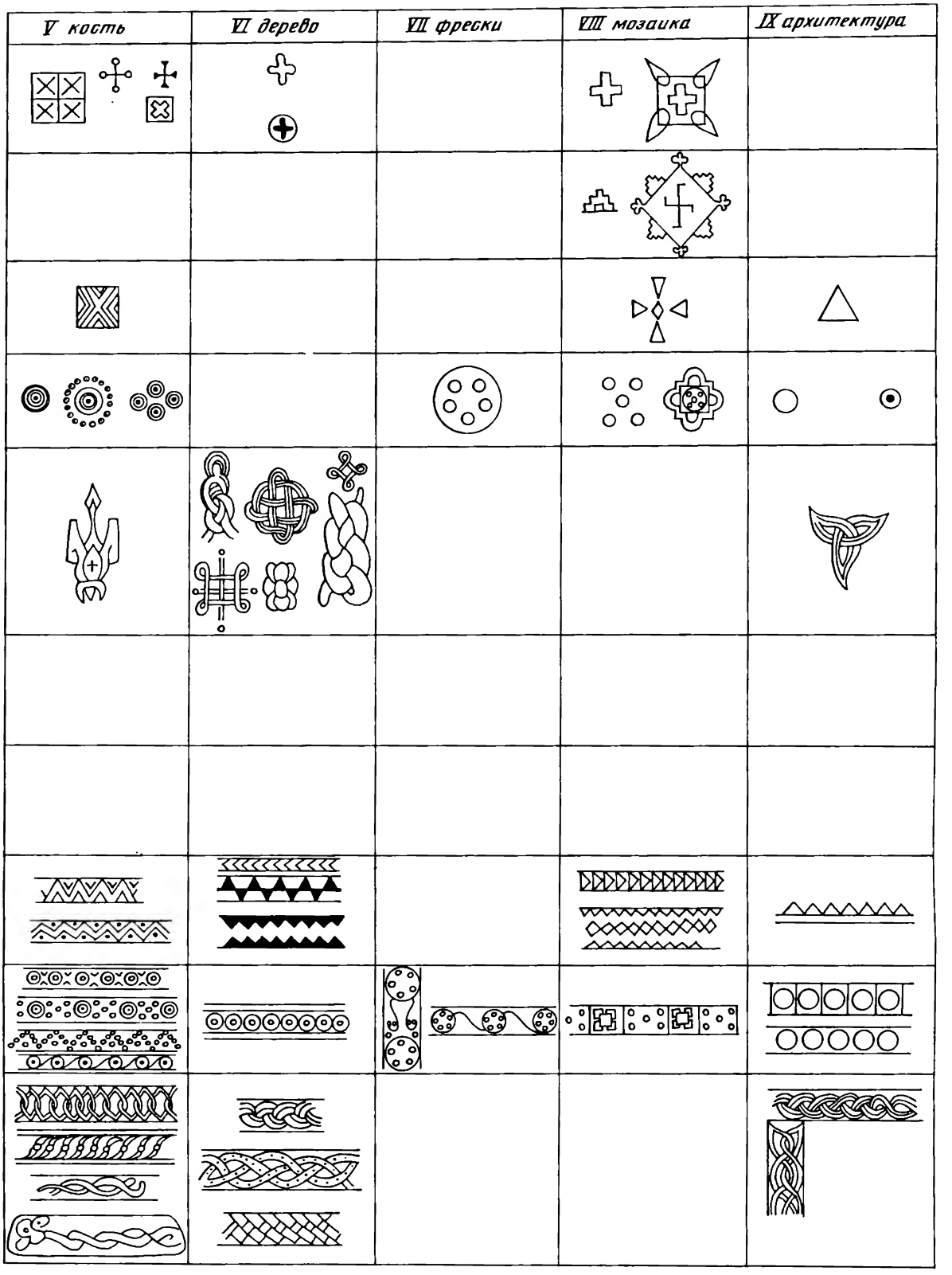


Табл. 119. Геометрический орнамент Древней Руси на изделиях из кости, дерева, на фресках, мозаике и в архитектуре (продолжение). Составлена *Т.И. Макаровой*

а – категория орнамента; б – тип орнамента; в – основной мотив орнамента

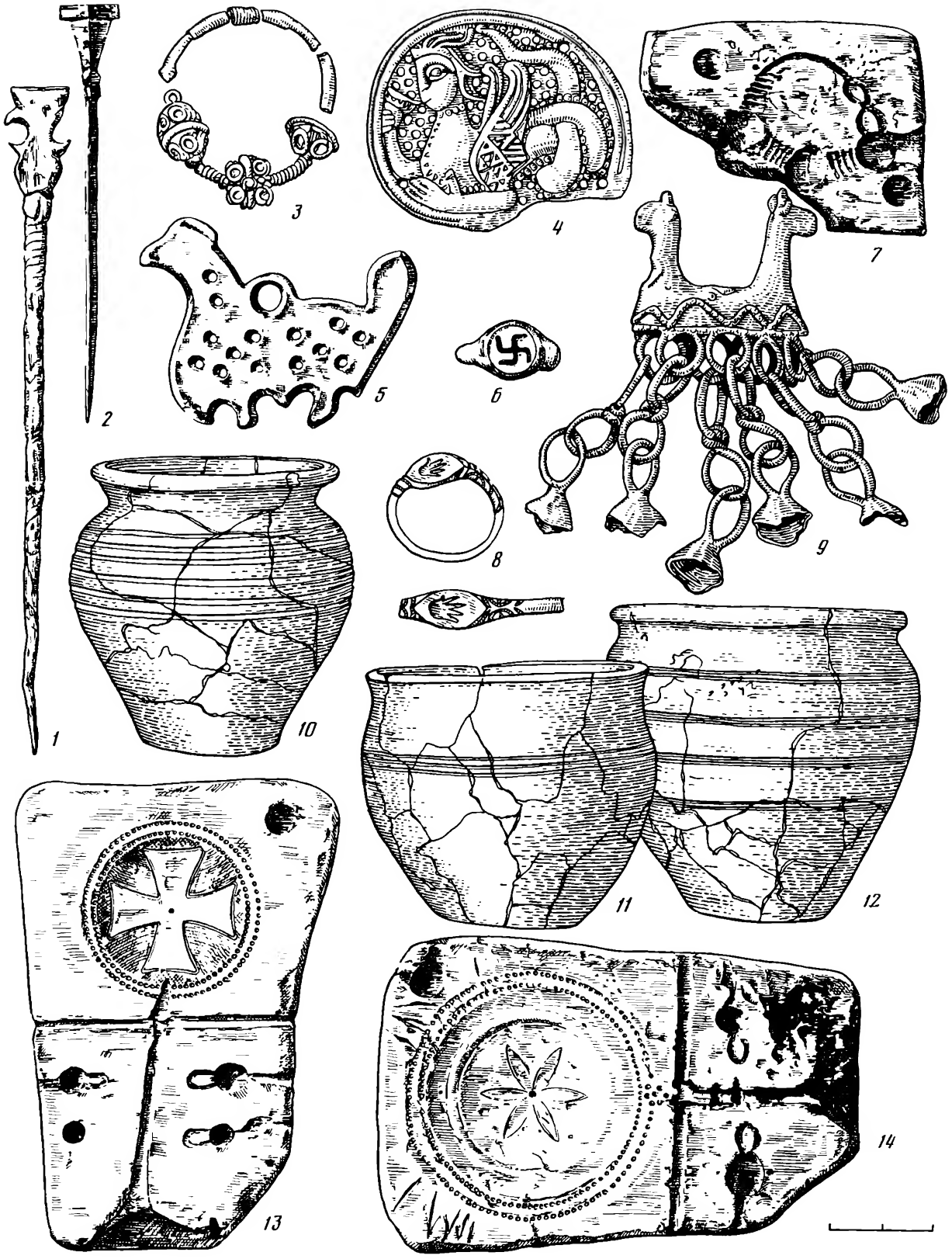


Табл. 120. Русские вещи, найденные на территории Золотой Орды (составлена *М.Д. Полубояриновой*)

1, 2 – железные писала; *3* – бронзовое височное кольцо; *4* – костяная накладка с изображением крылатой змееногой богини; *5* – бронзовая подвеска-петух; *6* – медный перстень с эмалью; *7* – каменная литейная форма для трехбусинной серьги; *8* – медный перстень; *9* – бронзовая коньковая шумящая привеска; *10, 12* – глиняные горшки; *13–14* – каменная литейная форма для подвесок

1 – Березовское поселение; *2, 13, 14* – Водянское городище; *2, 6, 7 8, 10–12* – Болгар; *4–9* – Азов; *5* – Биляр

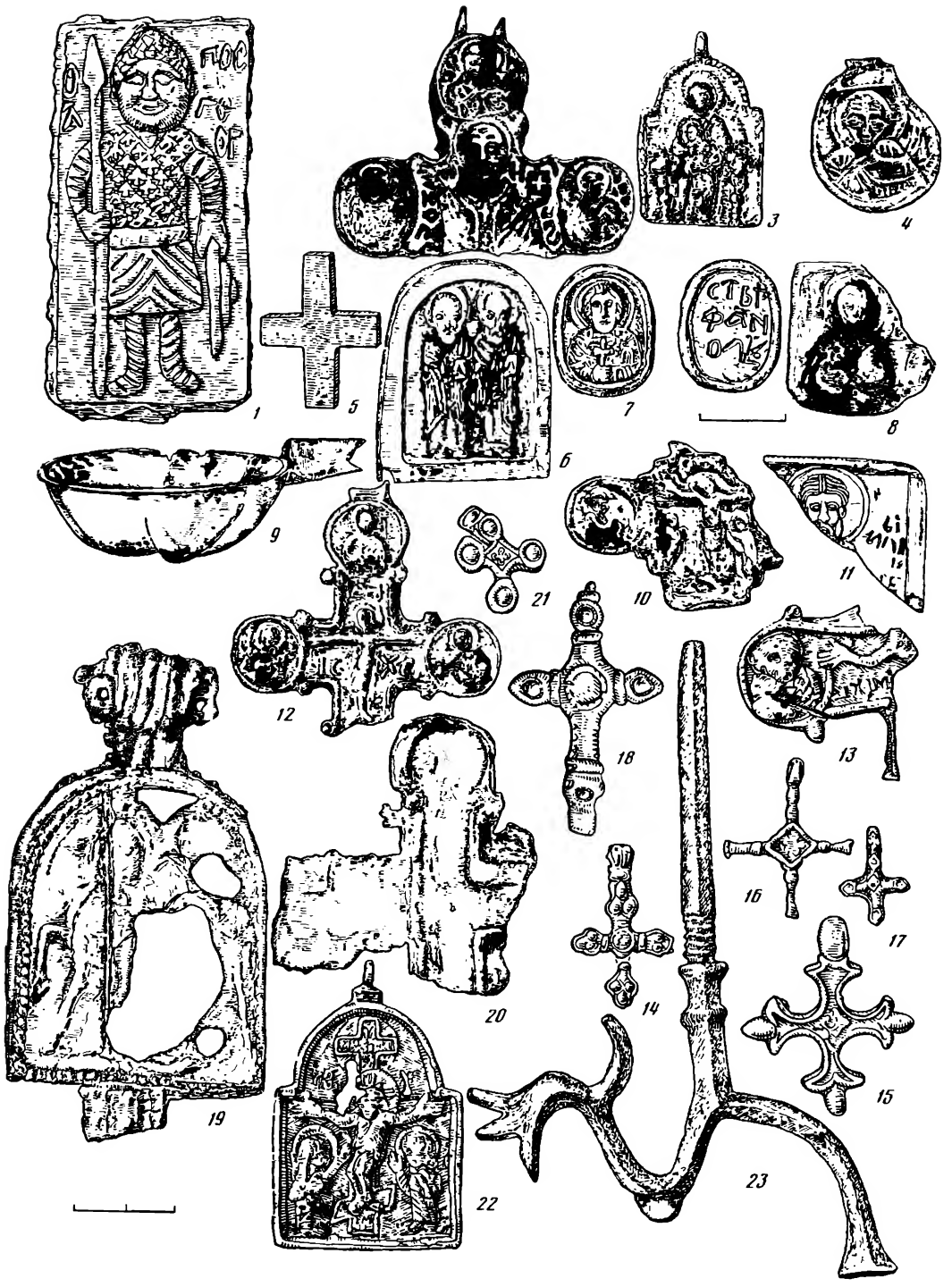


Табл. 121. Русские вещи, найденные на территории Золотой Орды (составлена М.Д. Полубояриной)

1 – бронзовая иконка со св. Георгием; *2* – медный крест с эмалями со св. Николаем; *3* – бронзовая иконка: Богоматерь и младенец на троне; *4* – костяная иконка со святым; *5* – каменный крест; *6* – каменная иконка с двумя святителями; *7* – каменный образок со св. Стефаном; *8* – стеклянный образок со св. Николаем; *9* – бронзовая кадильница; *10* – обломок креста квадрифолия с Распятием (брак); *11* – обломок каменного образка со святым; *12* – обломок лицевой створки бронзового креста-энколпиона с Распятием; *13* – обломок створки бронзового креста с Распятием (брак); *14–18, 21* – бронзовые кресты-тельники; *19* – бронзовая иконка с конным Георгием (брак); *20* – обломок лицевой створки бронзового энколпиона с Распятием (брак); *22* – бронзовая иконка с Распятием и предстоящими (брак); *23* – медный подсвечник от хороса

1 – Астрахань; *2,4, 5, 6, 9, 17, 18, 21, 23* – Болгар; *3* – Мурзиханское поселение; *11* – Ага-Базар; *8, 13–16, 22* – Водянское городище; *10* – пос. Ново-Мордово; *12* – поселение Алексеевское VI; *19, 20* – Увек

Оглавление

Введение (*Т.И. Макарова*) 5

Глава 1

Интерьер древнерусского жилища 8

Предметы жилого помещения (*А.С. Хорошев*) 8

Осветительные приборы (*Р.Л. Розенфельдт*) 10

Глава 2

Домашняя утварь 13

Предметы обихода, кухонная утварь (*А.С. Хорошев*) 13

Замки, ключи и замочные принадлежности (*А.С. Хорошев*) 14

Ножи, бритвы, ножницы (*А.С. Хорошев*) 17

Гребни, расчески (*Е.А. Рыбина, Р.Л. Розенфельдт*) 19

Керамика (*Р.Л. Розенфельдт*) 22

Поливная керамика (*Т.И. Макарова, Р.Л. Розенфельдт*) 28

Стеклянная посуда (*Ю.Л. Щапова*) 31

Привозная керамика. Амфоры и красноглиняные кувшины (*Р.Л. Розенфельдт*) 33

Керамика с поливой, люстром и другими способами орнаментации (*Р.Л. Розенфельдт*) 36

Металлическая посуда, кухонная и столовая (*Р.Л. Розенфельдт*) 38

Ложки (*Р.Л. Розенфельдт*) 41

Бытовые изделия: деревянная тара и посуда (*Р.Л. Розенфельдт*) 43

Изделия из кожи (*Е.А. Рыбина*) 46

Изделия из бересты (*Е.А. Рыбина*) 47

Глава 3

Украшения из драгоценных металлов, сплавов, стекла 49

Парадный женский убор (*Т.И. Макарова*) 49

Украшения с перегородчатой эмалью (*Т.И. Макарова*) 55

Украшения с чернью (*Т.И. Макарова*) 60

Украшения из меди и сплавов (*М.В. Седова*) 63

Поясной набор (*В.В. Мурашова*) 79

Украшения из стекла (*Ю.Л. Щапова*) 80

Глава 4

Древнерусский костюм 93

Одежда (*М.А. Сабурова*) 93

Обувь (*М.А. Сабурова*) 103

Реконструкция древнерусской одежды (*М.А. Сабурова*) 106

Глава 5

Игры взрослых и детей 110

Шашки, "мельница", шахматы (*Е.А. Рыбина*) 110

Игры детей (*Р.Л. Розенфельдт*) 114

Глава 6

Средства передвижения (*А.С. Хорошев*) 120

Глава 7

Новгородские берестяные грамоты (*В.Л. Янин*) 130

Глава 8

Эпиграфика, писала (стили) и церы (*А.А. Медынцева*) 140

Глава 9

Амулеты (*Л.А. Голубева*) 153

Глава 10

Предметы христианского культа (*Т.В. Николаева, Н.Г. Недошивина*) 166

Глава 11

Музыкальные инструменты (*В.И. Поветкин*) 179

Глава 12

Архитектурный декор Руси X–XIII веков (*Г.К. Вагнер, Е.В. Воробьева*) 186

Глава 13

Орнамент Древней Руси 205

Методика изучения орнамента (*Т.И. Макарова*) 205

Зооморфные мотивы в орнаменте (*А.В. Чернецов*) 209

Глава 14

Русские вещи и мастера в Золотой Орде (*М.Д. Полубояринова*) 216

Глава 15

Наследие домонгольской Руси в ремесле XIV–XV веков (*Д.А. Беленькая*) 221

Заключение (*Т.И. Макарова*) 226

Литература (*А.А. Атавин, И.Н. Мержанова*) 232

Список сокращений 246

АРХЕОЛОГИЯ

Древняя Русь. Быт и культура

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Заведующая редакцией "Наука – история" *Н.Л. Петрова*

Редактор *Л.А. Зуева*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *Н.Л. Голубцова, Г.В. Дубовицкая, Р.В. Молоканова*

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 26.09.97. Формат 60 × 90$^1/_8$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 46,0. Усл.кр.-отт. 47,0. Уч.-изд.л. 54.6
Тираж 1300 экз. Тип. зак. 3316

Издательство "Наука". 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография "Наука". 199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12